Р.818.263
образование

818.263

Ростовская ГОСУДАРСТВЕННАЯ им. К. Маркса
371
р. 818.263
БИБЛИОТЕКА

В. П. ВАХТЕРОВЪ.

Проверено 1937—38 г.
371 — 5I
В-22,7

ОСНОВЫ НОВОЙ ПЕДАГОГИКИ.

37

Р. С. Ф. С. Р.
РОСТОВСКИЙ н-Д.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Отдел № 806

Томъ I.

Главн. Упр. военно-учебныхъ заведеній допущена въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

КОЛЛЕКТОРЪ Р. С. Ф. С. Р.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Исправленное и дополненное.
Изданіе 2-е Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1916.

Проверено 1944 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Время ли теперь выпускать книгу по общимъ вопросамъ воспитанія и образованія? Когда я пишу эти строки*), лидеръ правыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ (въ 1912 году), возражая противъ увеличенія кредита на школы нарисовалъ довольно мрачную картину международнаго положенія Россіи. Его мысль сводилась къ тому, что теперь не время усиленно заботиться о школахъ, когда на очереди болѣе важные государственные вопросы. Другіе указываютъ на невзгоды внутренней жизни нашей родины и тоже находятъ, что съ вопросами воспитанія и образованія можно подождать.

Но что же, если не просвѣщеніе нужно въ странѣ, гдѣ то, что у другихъ народовъ считается ужасомъ и позоромъ — голодъ сталъ хроническимъ явленіемъ еще съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, гдѣ смертность дѣтей вдвое выше, чѣмъ у нашихъ сосѣдей на Скандинавскомъ полуостровѣ; но что же, если не просвѣщеніе, нужно тамъ, гдѣ мѣстности, нѣкогда бывшія житницею страны, переживаютъ судьбу Ирана, славившагося раньше изумительнымъ плодородіемъ, а теперь представляющаго безплодную пустыню. Безпощадно истребляются лѣса, уменьшается количество скота, увеличивается число безлошадныхъ земледѣльцевъ; возрастаетъ развратъ, едва ли не вырождается раса. Наступила какая-то оргія хищенія и казнокрадства, при чемъ большіе и малые хищники и казнокрады чувствуютъ себя хозяевами

*) 1-е изданіе этой книги вышло въ 1913 году, а настоящее введеніе написано въ концѣ 1912 года.

момента. Вспыхиваютъ погромы, появляются моральныя чудовища, какъ Азефъ. Сама жизнь человѣческая цѣнится ни во что, ужасъ перестаетъ быть ужасомъ, и то, что въ нормальное время вызвало бы взрывъ негодованія, теперь печатается въ газетахъ петитомъ. Что касается самаго многочисленнаго у насъ сословія—крестьянъ, то ихъ жизнь, какъ она изображена, напримѣръ, такими замѣчательными наблюдателями, какъ покойный Чеховъ и нынѣ здравствующій Бунинъ, ужасна. Безысходная нужда, непосильный трудъ, безпросвѣтность. Въ деревнѣ страшно жить. «Они живутъ хуже скотовъ», по словамъ знаменитаго писателя. Указываютъ на предстоящій кризисъ промышленности. Предсказываютъ неизбѣжное банкротство, новую Цусиму въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, внѣшней политикѣ, финансахъ.

Мы зашли въ какой-то тупикъ, изъ котораго не видно выхода. Среди людей, отъ которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было слышать восторженныя рѣчи, полныя вѣры и надежды на лучшее будущее, теперь встрѣчаемъ угнетенное настроеніе, разочарованіе, унынie, близкое къ отчаянію. Обманутые въ своихъ лучшихъ надеждахъ, наиболѣе впечатлительные люди заболѣваютъ психически, думаютъ о самоубійствѣ.

Въ такія времена мысль усиленно ищетъ выхода. Естественно, что разные люди указываютъ и разные пути. Религіозные люди укажутъ на молитву, какъ на самый лучшій исходъ. Другіе будутъ ждать спасенія отъ естественной эволюціи производственныхъ отношеній. Каждая изъ политическихъ партій будетъ указывать на свою программу, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ. Но есть люди, которые, нисколько не отрицая и нѣкоторыхъ другихъ путей, болѣе всего вѣрятъ въ силу воспитанія и образованія широкихъ народныхъ массъ. Мы знаемъ людей, бывшихъ близко къ отчаянію, которые нашли выходъ изъ этого безысходнаго мрака въ упорной работѣ надъ про-

свѣщеніемъ народныхъ массъ. И мы думаемъ, что они выбрали правильный путь.

Мы говорили о хроническомъ голодѣ; но есть еще другой голодъ — духовный, и онъ является причиной перваго. Было время, когда во Франціи десятина земли такъ же, какъ у насъ теперь, давала 45 пудовъ ржи; теперь она даетъ 170 пудовъ пшеницы. И это результатъ общаго и спеціально агрономическаго образованія французскаго сельскаго населенія. Почти то же надо сказать о Германіи и Швейцаріи; но въ послѣднихъ странахъ нѣтъ того чернозема, какой есть у насъ. Нѣтъ тамъ и такихъ богатствъ, какими изобилуютъ наши лѣса, нѣдра нашихъ горъ, наши моря и рѣки. И, однакоже, тамъ не знаютъ, что такое голодъ. Знаніе и планомѣрный трудъ — вотъ тотъ ключъ, посредствомъ котораго открываются сокровища, спрятанныя природой. А знаніе и трудоспособность — результатъ хорошаго воспитанія и образованія. И такъ во всемъ. Голодъ, такимъ образомъ, является самымъ тяжкимъ обвиненіемъ по адресу тѣхъ, кто задерживалъ умственное и нравственное развитіе народа. Нельзя презирать образованіе и въ то же время разсчитывать на производительность страны. А мы презираемъ и образованіе и книги. Лѣтъ 12 тому назадъ у насъ на одну книжную лавку приходилось болѣе 45 винныхъ лавокъ. Между этой статистикой и статистикой неурожаевъ существуетъ самая тѣсная связь. Сила страны не въ пространствѣ, даже не въ числѣ жителей, а тѣмъ менѣе въ количествѣ войскъ; сила страны въ числѣ просвѣщенныхъ, энергичныхъ, трудоспособныхъ, стойкихъ дѣятелей, а это дѣло воспитанія и образованія.

Послѣднее десятилѣтіе поставило предъ нами нѣсколько крупнѣйшихъ историческихъ задачъ, и мы не выдержали этого экзамена. У насъ не оказалось людей, стоящихъ на высотѣ предъявленныхъ къ нимъ требованій. Мы оказались умственными и нравственными банкротами. У насъ оказалось очень мало людей, соотвѣтствовавшихъ историческому моменту. Это не должно удивлять насъ, потому что при нашемъ воспитаніи

и условіяхъ жизни и не могло вырасти ничего лучшаго. Но это побуждаетъ насъ съ наибольшей серьезностью отнестись къ вопросамъ образованія и воспитанія поколѣній, идущихъ намъ на смѣну. Если мы сами не выдержали экзамена и оказались плохими и несчастливыми, то пусть же будутъ хорошими и счастливыми наши дѣти. Никто не придетъ на помощь народу, если онъ самъ не въ силахъ помочь себѣ, если онъ самъ не въ состояніи взять свою судьбу въ собственныя руки. Но чтобы стать хорошимъ хозяиномъ своей участи, недостаточно ходить на помочахъ званыхъ и незванныхъ вождей, надо самому имѣть просвѣщенный умъ, реальныя знанія, обладать творческими силами и общественными стремленіями и дѣйствовать самостоятельно. А для этого необходимо хорошее образованіе и воспитаніе.

Представьте себѣ, что наша страна въ настоящее время располагала бы милліонами просвѣщенныхъ крестьянъ и рабочихъ, ясно представляющихъ себѣ современное положеніе, знакомыхъ съ аналогичными событіями всемірной исторіи, и тогда исчезъ бы всякій страхъ за наше ближайшее будущее.

Правда, путь воспитанія и образованія очень медленный, и кто бы изъ насъ не предпочелъ болѣе быстраго. Но работа на поприщѣ просвѣщенія никакой другой прогрессивной работѣ помѣшать не можетъ. Напротивъ, если люди, предпочитающіе болѣе быстрые пути, встрѣтятся съ непреодолимыми препятствіями, у нихъ останется надежда на будущее, на молодежь, воспитанную нами и лучше насъ приспособленную къ жизненной борьбѣ. «Самыя тихія слова,—говоритъ Ницше,—суть именно тѣ, которыя приносятъ бурю. Мысли, приходящія, какъ голубь, управляютъ міромъ».

Наша вѣра въ то, что воспитаніе и образованіе въ состояніи вывести насъ на свѣтлую и прямую дорогу, подкрѣпляется еще талантливостью нашего народа. Несмотря на то, что условія для развитія таланта у насъ безпримѣрно тяжелыя, мы имѣли такого ученаго, какъ Ломоносовъ, на цѣлый вѣкъ

опередившаго тогдашнюю науку, а позже знаменитаго Менделѣева, мы имѣли такого государственнаго дѣятеля, какъ Сперанскій, такихъ публицистовъ, какъ Бѣлинскій, Чернышевскій и Добролюбовъ, такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Шевченко, такихъ писателей, какъ Толстой, Тургеневъ, Чеховъ, Горькій и т. д., такихъ художниковъ, какъ Рѣпинъ и Богдановъ-Бѣльскій, такихъ композиторовъ, какъ Глинка, Чайковскій, Мусоргскій, такихъ изобрѣтателей, какъ Яблочковъ и пр.

Но вѣдь при нашихъ условіяхъ могъ пробиться наружу, быть-можетъ, только одинъ промилль изъ всей народной массы. У насъ мало школъ, мало библіотекъ, мало музеевъ, аудиторій и вообще просвѣтительныхъ учрежденій. Наши школы и бѣдны и неудовлетворительны. А педагогическая ихъ часть переживаетъ кризисъ. Даже дѣти, имѣющія возможность окончить полный курсъ въ средней школѣ, получаютъ до отчаянія мало въ смыслѣ развитія и знаній, не говоря уже о воспитаніи. И на пріобрѣтеніе этихъ, иногда очень сомнительныхъ знаній, затрачивается огромное количество времени и труда. Наши дѣти учатся 11 лѣтъ до поступленія въ высшую школу (3 года въ подготовительныхъ школахъ и 8 лѣтъ въ гимназіи), работаютъ очень часто болѣе восьми часовъ въ сутки, если считать и время, употребляемое на подготовку къ урокамъ, лишены возможности тратить достаточное количество времени на свойственныя дѣтскому возрасту игры, прогулки, нерѣдко страдаютъ отъ переутомленія и къ ужасу и отчаянію родителей и во вредъ расѣ разстраиваютъ свое здоровье. Школа очень часто портитъ характеръ дѣтей. И эта страшно высокая цѣна платится за пріобрѣтеніе навыковъ и знаній, съ которыми молодой человѣкъ въ большинствѣ случаевъ годенъ лишь только для казенной службы, не требующей ничего кромѣ исполненія чужихъ приказаній. Полученная подготовка, по отзыву профессоровъ, оказывается очень часто недостаточной даже для того, чтобы съ успѣхомъ слушать очень элементарный въ сущности курсъ нашихъ университетовъ. Наши методы

и пріемы преподаванія нуждаются въ серьезныхъ улучшеніяхъ. Трещатъ подъ напоромъ критики школьные планы, программы, составъ учебнаго курса, экзамены и весь строй учебнаго дѣла. Сама теорія воспитанія нуждается въ коренномъ пересмотрѣ.

Главный недостатокъ современной педагогики— это отсутствіе руководящей общей точки зрѣнія. Такъ много предлагаютъ матеріаловъ, какіе надо использовать въ видахъ воспитанія, методовъ, которые надо употреблять, частныхъ цѣлей, какія надо ставить и преслѣдовать; все это такъ разнообразно и разбросано то въ исторіи педагогики, то въ различныхъ современныхъ теченіяхъ педагогической мысли. Это безконечное разнообразіе и хаотическая разбросанность ошеломляютъ. Современная педагогика представляетъ собою поле брани, гдѣ ведутъ борьбу самыя разнообразныя цѣли воспитанія и обученія, различные методы и системы, разныя программы. Въ современной педагогикѣ нѣтъ основы, которая выражала бы общую идею и духъ нашего времени. Въ ней все безсистемно, безсвязно, разбросано, противорѣчиво. Всѣ наши методы и пріемы обученія и воспитанія носятъ характеръ случайности. Это какіе-то клочки и отрывки, которые еще предстоитъ связать во что-то единое и цѣлое. Словно кто разорвалъ педагогику на отдѣльныя мелкія части. И чтобы внести какой-нибудь порядокъ въ эту область, всѣ отдѣльныя части, изъ которыхъ слагается теорія педагогики, должны быть объединены въ одномъ общемъ синтезѣ. Необходимъ широкій принципъ, объемлющій и связующій всѣ частныя цѣли, методы и матеріалъ; нужно начало, которое объединило бы и организовало бы и въ мысляхъ, и въ дѣйствительности, и въ теоріи, и въ практикѣ всю совокупность разнообразныхъ элементовъ педагогики. Конечно, въ этой области необходимо и расчлененіе, нуженъ и анализъ и притомъ самый кропотливый и тщательный; но столько же необходимъ и обобщающій синтезъ. Самое подробное изложеніе каждой изъ этихъ частей не будетъ имѣть полной цѣны до тѣхъ поръ, пока всѣ эти эле-

менты не будутъ приведены въ связь, которая одна въ состояніи дать надлежащее освѣщеніе цѣлому и поставить каждый элементъ на принадлежащее ему мѣсто. Только тогда педагогика перестанетъ быть хаотическою грудою, безпорядочнымъ смѣшеніемъ рецептовъ, отдѣльныхъ цѣлей и заданій, а получитъ характеръ стройнаго организованнаго цѣлаго. Только тогда мы будемъ знать, что къ чему. Только тогда всѣ элементы улягутся въ головѣ педагога въ одну организованную систему, въ стройномъ порядкѣ, по опредѣленному плану — каждая часть на своемъ мѣстѣ и въ зависимости отъ другихъ частей и отъ всего цѣлаго. Только тогда мы будемъ ограждены отъ вреднаго вліянія односторонніхъ и узкихъ воззрѣній на наши задачи и нашу дѣятельность. Только тогда мы въ состояніи будемъ отличать важное отъ неважнаго, существенное и основное отъ случайнаго, главное и коренное отъ мелкаго и частнаго.

Если бы можно было забыть о степени плодотворности того или иного принципа, то педагоги прежнихъ вѣковъ оказались бы счастливѣе насъ. И педагогику древняго Китая, и аеинянъ, и римлянъ, и воспитаніе среднихъ вѣковъ, и схоластическое направленіе, и рыцарское воспитаніе, и системы эпохъ гуманизма и раціонализма и т. д.—каждую изъ этихъ системъ въ отдѣльности—такъ легко и удобно характеризовать общими принципами, положенными въ основу воспитанія каждой эпохи и соотвѣтствующими духу своего времени. И принципъ, соотвѣтствующій данной эпохѣ, объединялъ и объяснялъ элементы, какъ теоріи, такъ и практики воспитанія. Теперь совсѣмъ не то. Въ современной педагогикѣ нѣтъ выдержаннаго стиля и слишкомъ много безпринципнаго эклектизма. Если ограничиться однѣми школьными программами, гдѣ легче всего согласовать всѣ элементы, то даже здѣсь мы встрѣтимъ непримиримыя противорѣчія. То, что утверждается на урокѣ естествовѣдѣнія, отрицается на урокѣ религіи и наоборотъ, и это даже въ высшихъ школахъ! А о цѣляхъ, методахъ и пріемахъ воспитанія нечего и говорить. Здѣсь уживаются бокъ о бокъ самыя

противоположныя требованія и совершенно несогласимыя направленія. У насъ очень большой запасъ фактовъ, наблюденій, рецептовъ, но нѣтъ общей объединяющей точки зрѣнія. Никогда еще педагогика не располагала такими богатѣйшими матеріалами, какъ теперь; но зато никогда она такъ не нуждалась въ одномъ общемъ синтезѣ всѣхъ этихъ матеріаловъ. Старые принципы потеряли свою силу и господствующее положеніе, а новые принципы еще не завоевали широкаго признанія.

Первобытный человѣкъ и современный дикарь ограничиваютъ роль воспитанія только заботами о томъ, чтобы дѣти были сыты, цѣлы и невредимы да переняли отъ родителей пріемы добыванія средствъ къ жизни и тѣ несложныя искусства (пѣніе и танцы), которыя диктовались обычаями народа. Отличительная черта этого воспитанія — консерватизмъ и застой. Жить такъ, какъ жили отцы и дѣды; воспитывать такъ, какъ воспитывались дѣды и прадѣды, — вотъ главная основа такого воспитанія. Этой системѣ воспитанія нельзя отказать въ цѣльности; но мы уже не можемъ ограничиться такою примитивною точкою зрѣнія. Мы считаемъ необходимымъ передать будущимъ поколѣніямъ и нашу цивилизацію и нашу довольно сложную культуру, сдѣлать ихъ наслѣдниками всего нашего культурнаго богатства. Темпъ развитія сталъ безконечно быстрѣе. Перемѣны, совершавшіяся въ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ, требовали тысячелѣтій. Современныя преобразованія, иногда гораздо болѣе важныя, чѣмъ все, что придумалъ первобытный человѣкъ, совершаются только годами. Даже на распространеніе уже сдѣланныхъ гдѣнибудь открытій въ древнія времена нужны были вѣка и тысячелѣтія, а сейчасъ это дѣлается съ быстротой телеграфа и печатнаго станка. Легко было поспѣвать за жизнью въ древнія времена и трудно поспѣвать за нею сейчасъ. Мы очень далеко ушли отъ первоначальной простоты и дикости. Для того, чтобы удержаться на той высотѣ матеріальной и духовной культуры, на какой мы теперь находимся, а еще болѣе

для того, чтобы идущія намъ на смѣну поколѣнія могли подняться на еще болѣе высокую ступень, мы должны передать въ цѣлости нашимъ дѣтямъ все лучшее изъ полученнаго нами культурнаго наслѣдства, присоединивъ сюда и пріобрѣтенія самаго послѣдняго времени, мы должны путемъ образованія и воспитанія сдѣлать внутреннимъ достояніемъ, претворить въ плоть и кровь, въ убѣжденія и вѣрованія, въ чувства и стремленія нашихъ дѣтей все наиболѣе цѣнное изъ того, что пріобрѣтено до настоящаго момента въ области искусства, науки, творчества, идеаловъ умственнаго и нравственнаго развитія.

Только поднявъ воспитанника на эту высоту, мы приспособимъ его къ современной жизни и дадимъ ему возможность дѣятельно участвовать въ современномъ ему обществѣ, вложить въ общую сокровищницу цивилизаціи и культуры и свою каплю меду. Если бы мы хоть одно поколѣніе оставили безъ образованія, то наша раса снова погрузилась бы въ безпросвѣтную тьму варварства и первобытной дикости. Исходя изъ этого принципа, мы, завершая воспитаніе юноши, должны дать ему, конечно, въ сокращенномъ и сгущенномъ видѣ послѣднее слово науки, искусства, литературы, этики, извлекая отсюда лишь наиболѣе цѣнное, существенное и жизненное, не останавливаясь на частностяхъ, а ограничиваясь лишь самымъ основнымъ; мы должны сдѣлать центромъ современную жизнь, а не жизнь древнихъ, ввести его въ храмъ современной науки, а не сообщать ему суевѣрій среднихъ вѣковъ, показать ему современную технику, а не технику натуральнаго хозяйства.

Что въ этомъ отношеніи современная школа грѣшитъ, доказательствомъ служатъ латинскій, греческій и славянскій языки въ средней школѣ, хотя ни тотъ, ни другой, ни третій не имѣютъ прямого отношенія къ современности; другое доказательство— отсутствіе серьезной постановки естествовѣдѣнія, хотя быстрое развитіе послѣдней отрасли знаній представляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ явле-

ній нашего вѣка. Къ числу недостатковъ того же рода относится слишкомъ подробное изученіе древней и средней исторіи въ ущербъ новой, а также старой литературы въ ущербъ новѣйшей. Даже въ области физики, географіи и т. п. предметовъ ученикамъ чаще всего сообщаютъ теоріи, уже отвергнутыя современной наукой, и замалчиваются тѣ, какія особенно характерны для современнаго состоянія знанія. И если бы не стремленія юношества къ самообразованію, то съ нашею общеобразовательною школою даже такъ называемые образованные люди внѣ своей спеціальности были бы значительно позади вѣка, въ которомъ намъ приходится жить и дѣйствовать.

Легко видѣть единый руководящій принципъ и въ солдатскомъ воспитаніи спартанцевъ. Стремленіе сдѣлать свое военное государство мощнымъ заставляло спартанцевъ подчинить всѣ интересы личности, семьи и рода государственнымъ интересамъ. Казарменное воспитаніе должно было привязать воспитанника къ отечеству, развить въ немъ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы отечество было прочно, сильно и страшно для враговъ. Для этого нужна была готовность жертвовать собою для блага государства, мужество, воинственный духъ, жажда воинскихъ подвиговъ, любовь къ славѣ и страхъ позора, физическая сила и ловкость, крѣпкое здоровье, привычка терпѣливо переносить, когда нужно, и голодъ и боль; нужны были хитрость и осторожность воина, простота жизни, простота и краткость рѣчи, знаніе боевыхъ пѣсенъ и побѣдныхъ напѣвовъ, искусство воевать, привычка повиноваться начальникамъ. Отсюда этотъ жестокій обычай бросать хворыхъ и слабыхъ дѣтей въ пропасть съ Тайгета, эти разнообразныя средства къ закаливанью дѣтскаго организма, отсутствіе всякой роскоши, пріученіе къ голоду и побоямъ, презрѣніе ко всему иноземному и всякимъ новшествамъ и на первомъ мѣстѣ гимнастическія упражненія, какъ самое главное образовательное средство: гимнастическія игры, фехтованіе, верховая ѣзда, борьба, ме-

танье диска и копья; а въ сферѣ нравственнаго воспитанія — военная музыка и пѣніе походныхъ и боевыхъ пѣсенъ, воспламеняющихъ любовь къ отечеству, стремленіе къ воинскимъ подвигамъ, мужество, любовь къ славѣ и презрѣніе къ трусости. Отсюда же пренебрежительное отношеніе къ наукѣ, къ витійству и даже къ чтенію и письму. Это было стройное, выдержанное, объединенное одною мыслью воспитаніе; но, конечно, оно не для насъ. Будущее принадлежитъ не военнымъ, а промышленнымъ обществамъ; права личности не должны быть поглощены государствомъ; умственное образованіе не должно быть игнорировано во имя казармы и солдатскихъ доблестей.

Древній народъ-эстетикъ—аѳиняне, возводившіе въ культъ музыку, пластику и вообще красоту, требовали отъ воспитанія, чтобы оно, предоставляя утилитарное и профессіональное образованіе рабамъ и ремесленникамъ, приготовило изъ свободнаго человѣка живое высоко-художественное произведеніе. «Музоугодное» воспитаніе господствующаго класса въ древней Греціи должно было служить къ наслажденію и украшенію человѣка, оно должно было всесторонне и гармонически развивать всѣ его душевныя и тѣлесныя силы (пиѳагорейцы, Платонъ и др.), при чемъ гармонія понималась по аналогіи съ гармоніею въ музыкѣ, т.-е. въ эстетическомъ смыслѣ. Несомнѣнно, и этому воспитанію нельзя отказать въ выдержанномъ стилѣ. Но, признавая всѣ высокія достоинства аѳинскаго воспитанія, современная педагогика не можетъ принять его цѣликомъ, безъ разбору, какъ оно есть. Начать съ того, что про утилитарныя цѣли можно было забыть лишь при существованіи рабства, когда всѣ житейскія, такъ называемыя, низкія заботы о кускѣ хлѣба можно было всецѣло возложить на рабовъ, а себѣ оставить только наслажденіе красотой. Даже такое, казалось бы, безспорное требованіе, какъ всестороннее и гармоническое развитіе, мы не можемъ теперь принять безъ всякихъ оговорокъ. Конечно, и сейчасъ нельзя найти человѣка, который бы защищалъ дисгармонію. Но современныя представленія о чело-

вѣческой природѣ не позволяютъ намъ мечтать о всестороннемъ и гармоническомъ развитіи всѣхъ задатковъ человѣка безъ единаго исключенія. О такой гармоніи можно было думать пиѳагорейцамъ, вѣрившимъ, что весь міръ и вся природа подчинены законамъ гармоніи и гармонически сложены; что само небо есть гармонія и сама музыкальная гармонія, служившая аналогіей для міровой, есть только частный случай всеобщей гармоніи, какъ бы ея звуковое выраженіе. Мы теперь знаемъ, что въ природѣ не все такъ гармонически стройно и созвучно, какъ фантазировали пиѳагорейцы. Мы знаемъ, что и въ человѣческой природѣ нѣтъ этого гармоническаго равновѣсія и соразмѣрности. Существуетъ атавизмъ, когда человѣкъ рождается съ задатками, полученными по наслѣдству отъ отдаленныхъ предковъ. Эти задатки, бывшіе когда-то, при иныхъ условіяхъ жизни, полезными и нужными, теперь оказываются не только излишними, но и вредными, и стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ другими свойствами современнаго человѣка и со всѣмъ строемъ современной жизни. Мы знаемъ, что развитіе нѣкоторыхъ необходимыхъ органовъ человѣка возможно только на почвѣ вырожденія другихъ тканей, которыя перестаютъ намъ служить и замѣщаются болѣе совершенными. Таково, напримѣръ, превращеніе непарнаго, такъ называемаго, теменного глаза позвоночныхъ въ такъ называемый надмозговой придатокъ. Біологи насчитываютъ въ животномъ царствѣ огромное множество такихъ рудиментарныхъ органовъ, бывшихъ когда-то необходимыми, но теперь ни для кого и ни для чего ненужныхъ, утерявшихъ свою первоначальную функцію. И было бы не только напрасно, но и вредно заботиться о развитіи такихъ органовъ. Кромѣ того, мы знаемъ теперь, что далеко не всякій обладаетъ всѣми талантами въ равной мѣрѣ, и въ случаѣ особенной одаренности какимъ-нибудь однимъ, но выдающимся талантомъ стремиться къ гармоническому равновѣсію всѣхъ талантовъ значило бы обезличивать односторонне одареннаго воспи-

танника. Мы знаемъ, что есть дѣти съ такими ничтожными задатками къ музыкѣ и пѣнію, что доводить эти способности до той степени развитія, какая требуется идеаломъ всесторонняго гармоническаго развитія, это значило бы въ данномъ случаѣ затратить столько времени и труда, такъ много отнять отъ другихъ способностей, что на это не пойдетъ никто изъ современныхъ педагоговъ. И потому современная педагогика, оставляя гармонію, какъ идеалъ, понимаетъ гармоническое развитіе далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали его пиѳагорейцы.

Кромѣ того, эстетика представляетъ только одну изъ цѣнностей жизни, признаваемыхъ современнымъ образованнымъ человѣкомъ. Кромѣ красоты, есть еще истина, есть добро; а требованія эстетики могутъ и не согласоваться съ требованіями добра и правды. Не даромъ въ той же самой древней Греціи моралисты нападали на художниковъ. Нѣтъ, эстетическое воспитаніе мы можемъ поставить теперь только, какъ часть цѣлаго, а отнюдь не на мѣсто цѣлаго.

Вполнѣ выдержанной и все проникающей системой образованія представляется намъ и аскетическое направленіе въ педагогіи, характеризующее средніе вѣка. Полагали, что надо воспитывать не во имя земного, мірского, дольняго и временнаго, а во имя горняго, небеснаго, во имя вѣчной будущей жизни. Потусторонній міръ — вотъ истинная родина. Заботились не объ образованіи, а о преобразованіи человѣка. Земная жизнь и природа признавались преступными, бездушными и безбожными. Умерщвлять плоть, хотя бы даже посредствомъ самоистязаній, ограничивать свою жизнь, обуздывать страсти, хотя бы даже посредствомъ голода и иныхъ мученій, приблизиться насколько возможно къ добровольной могилѣ, — вотъ требованія, предъявляемыя къ воспитаннику, вполнѣ согласно съ основнымъ принципомъ такой педагогіи. Откровеніе — единственный источникъ истины. Отсюда полная слѣпая покорность и безпрекословное подчиненіе безусловному авторитету безъ всякихъ разсужденій, безъ всякой критики, безъ всякой провѣрки. Отсюда же недовѣ-

ріе и даже презрѣніе ко всякой свѣтской наукѣ. А если наука и терпѣлась, то лишь постольку, поскольку она служила главному принципу. Астрономія допускалась для обоснованія пасхаліи, для вычисленія времени Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ, геометрія для измѣренія библейскихъ и священныхъ предметовъ, латынь для чтенія священнаго писанія, философія, какъ служанка богословія, для доказательствъ отъ разума—для обоснованія, уясненія и систематизаціи религіозныхъ догматовъ. Такая наука была лишена чувственно-наглядной основы: пустая игра понятіями и словами заступала мѣсто дѣйствительныхъ фактовъ. Она разсматривала весь Божій міръ, какъ грубый матеріалъ для книги. Какъ извѣстно, еще болѣе презрительный взглядъ на науку существовалъ у насъ, на Руси, даже въ то время, когда въ Западной Европѣ наука уже пользовалась правами гражданства. «Не высокоумствуйте, — говорили у насъ,—но въ смиреніи пребывайте... Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? и ты ему рцы: эллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ».

Совершенно ясно, что аскетической педагогикѣ нельзя отказать въ стильности. Одно начало проникало всю педагогику и объединяло всѣ ея элементы. Нечего и говорить, что въ наше время принципъ, положенный въ основу средневѣковой педагогіи, не можетъ быть объединяющимъ началомъ, какъ принципъ противоестественный.

Были системы воспитанія, основанныя на совершенно противоположныхъ началахъ. Такъ, Тюргo и Руссо пробовали основать воспитаніе на безусловномъ довѣріи къ природѣ человѣка. И такая система точно такъ же была бы не лишена цѣльности, стройности и стиля. Но, къ сожалѣнію, современная наука не позволяетъ принять такую систему въ ея цѣломъ. По стопамъ Руссо шелъ и нашъ Толстой, отрицавшій въ 60-е годы право учителей, родителей и старшихъ воспитывать младшихъ.

«Природа вложила въ сердце человѣка сѣмя всѣхъ добродѣтелей, стоитъ только дать имъ распуститься». Такъ говоритъ Тюрго; но мы знаемъ, что природа влагаетъ также въ сердце человѣка и сѣмена пороковъ, что есть пережитки, безполезные и даже вредные инстинкты, обыкновенно присущіе ребенку.

«Люди родятся свободными и добрыми, мнимая цивилизація ихъ портитъ», писалъ Руссо. «Все совершенно, что выходитъ изъ рукъ Творца; все искажается въ рукахъ человѣка». Но мы знаемъ, что, на ряду съ хорошими задатками, у дѣтей встрѣчается и болѣзненная дурная наслѣдственность и что всѣ они въ раннемъ возрастѣ по своимъ свойствамъ напоминаютъ дикаря или первобытнаго человѣка. Правда, Руссо представлялъ себѣ дикарей образцами, достойными подражанія; но позднѣйшія изслѣдованія показали, что дикарь совсѣмъ не таковъ, какимъ онъ рисовался въ воображеніи Руссо. Едва ли теперь можно сомнѣваться въ томъ, что каждый изъ инстинктовъ, которые мы наслѣдуемъ отъ нашихъ предковъ, когда-нибудь въ теченіе безчисленнаго ряда предшествовавшихъ намъ поколѣній и при какихъ-нибудь условіяхъ былъ полезенъ и нуженъ для расы. Нѣтъ ни одного животнаго вида, которому бы пришлось такъ часто мѣнять свои привычки, свои вкусы, свои умѣнья, какъ человѣку. Большая часть животныхъ, какъ, напримѣръ, улитка, почти неизмѣнны въ своихъ инстинктахъ на протяженіи цѣлыхъ геологическихъ періодовъ. Совсѣмъ другое представляетъ собою человѣческій родъ. Возьмемъ ли мы способы его передвиженія по сушѣ, мы знаемъ, что онъ перешелъ отъ пѣшаго хожденія къ верховой ѣздѣ, къ телѣгѣ, къ паровозу, къ электрическому трамваю, къ велосипеду и автомобилю; въ области плаванія—отъ плотовъ къ веселънымъ лодкамъ, къ парусамъ, къ пароходамъ и моторнымъ лодкамъ; а теперь рѣчь идетъ уже о завоеваніи воздуха. Въ области экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ отношеній мы знаемъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, отъ первобытнаго коммунизма къ праву соб-

Р. 818 263

ственности, отъ людоѣдства къ рабству, отъ деспотизма къ конституціи. Въ области брака отъ поліандріи и полигаміи къ одноженству. И многія изъ привычекъ, которыя считались въ свое время законными и нравственными, теперь считаются преступными и безнравственными.

Но если этого достаточно, чтобы объяснить происхожденіе всѣхъ инстинктовъ, то далеко недостаточно, чтобы оправдать и узаконить безпрепятственное удовлетвореніе и свободное развитіе каждаго инстинкта безъ единаго исключенія, будетъ ли это животный страхъ предъ темнотою, жестокость по отношенію къ домашнимъ животнымъ, вспышки безумнаго гнѣва при малѣйшемъ препятствіи на пути къ удовлетворенію своихъ эгоистическихъ желаній и т. п.

Важно, чтобы у воспитанника развивались не тѣ инстинкты и наклонности, которые были прилажены къ древнимъ условіямъ, въ какихъ жили его предки, а тѣ, какіе соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ жизни. А современная среда измѣняется быстро. Нетрудна была задача воспитателей въ старину, когда формы жизни были прочны, затвердѣлы. Домострой оставался единственнымъ регуляторомъ жизни въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Не надо было приспособлять свои мозги, свои мысли, свое поведеніе къ новымъ условіямъ. Не то теперь. Жизнь движется быстро, и тѣ привычки, которыя еще поколѣніе тому назадъ соотвѣтствовали духу времени, теперь устарѣли. И нѣкоторые изъ тѣхъ инстинктовъ и наклонностей, которые привѣтствовали бы въ дѣтяхъ наши отцы, мы будетъ разсматривать, какъ дефекты.

Хорошо извѣстно, что могутъ быть дѣти еще и съ умственными дефектами. Народъ давно уже подмѣтилъ возможность дурной наслѣдственности и выразилъ свои наблюденія въ цѣломъ рядѣ пословицъ: «Дураковъ не орутъ, не сѣютъ, а сами родятся», «дѣдъ жилъ свиньей, а внукъ-поросенкомъ», отъ свиньи родится не бобренокъ, а такой же поросенокъ», «яблоко отъ яблоньки недалеко падаетъ».

Очевидно, что современное воспитаніе не можетъ быть основано на безусловномъ довѣріи къ наслѣдственности каждаго ребенка. Преклоняясь предъ общими законами природы и ставя ихъ во главу угла, современное воспитаніе не можетъ забывать и о дефектахъ природы ребенка.

Исходя изъ того положенія, что врожденныя свойства человѣка не имѣютъ никакихъ дефектовъ, основывали воспитаніе на началахъ индивидуализма. Педагоги этого направленія требовали, чтобы естественнымъ природнымъ наклонностямъ ребенка была предоставлена полная свобода, утверждая, что не слѣдуетъ стѣснять воли ребенка, что ребенокъ долженъ быть изолированъ отъ общества, которое даетъ ложное направленіе, и, руководимый идеальнымъ педагогомъ, онъ долженъ воспитываться лишь подъ вліяніемъ природы, что надо воспитывать человѣка, а не гражданина, такъ какъ «одновременно воспитать того и другого невозможно». Если всѣ природные инстинкты и наклонности ребенка безусловно хороши, то дѣло воспитателя сводится лишь къ тому, чтобы слѣдить за вкусами, природными наклонностями и страстями ребенка и затѣмъ удовлетворять и развивать ихъ всѣ, безъ всякой критики, безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ законности; а чтобы люди и общество, назначеніе которыхъ сводится будто бы къ тому, чтобы искажать природу, не портили дѣтей, надо удалить ихъ отъ людей, обречь ихъ на затворничество. Вѣдь общежитія и города, по мнѣнію Руссо, это могилы для человѣческаго рода, а дыханіе человѣка фатально для его ближнихъ.

Но, несмотря на стройность такой системы, она не могла бы имѣть теперь успѣха, потому что человѣкъ живетъ въ обществѣ, и роль личности въ жизни, по современнымъ понятіямъ, не настолько громадна, чтобы можно было не сообразоваться съ интересами и требованіями общества. Человѣкъ—общественное животное, и какъ только онъ входитъ въ общество себѣ подобныхъ (а иначе въ наше время жить нельзя), онъ долженъ подчиняться извѣстнымъ правиламъ общежитія, опре-

дѣленному кодексу законовъ и морали, войти въ извѣстныя закономѣрныя отношенія съ другими людьми.

Нѣтъ, современный педагогъ не удалитъ ребенка отъ людей, хотя и будетъ всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не была подавлена личность воспитанника. И сейчасъ прогрессивная педагогика признаетъ, что ни въ природѣ, ни въ обществѣ нѣтъ и не должно быть такой цѣли, по отношенію къ которой ребенокъ былъ бы только средствомъ. Онъ самъ для себя служитъ цѣлью. Всѣ его нормальныя стремленія должны быть удовлетворены и развиваемы; но мы хорошо знаемъ, что человѣкъ будетъ не полнымъ существомъ, если онъ, воспитанный внѣ общества, будетъ лишенъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ его общественнымъ человѣкомъ. Современный педагогъ думаетъ совершенно обратно тому, какъ думалъ Руссо. Послѣдній полагалъ, что только первобытный человѣкъ былъ полною единицею, а человѣкъ, живущій въ обществѣ, есть дробь. А теперь думаютъ, что человѣкъ, воспитанный въ лѣсу, безъ людей (такіе случаи бывали и занесены въ исторію педагогики), есть дѣйствительно дробь, нуждающаяся въ развитіи общественности, чтобы стать полной единицей.

Психологія доказала, что внутри насъ есть инстинкты и стремленія, толкающіе насъ навстрѣчу себѣ подобнымъ. Сама нравственность сводится къ общественнымъ стремленіямъ и поступкамъ. Если бы люди были одиночками и не встрѣчались другъ съ другомъ, не было бы самаго понятія о морали. При мощномъ содѣйствіи этихъ стремленій мы объединяемся въ союзы и другія организаціи. Эти общественные инстинкты и стремленія и есть тотъ цементъ, который связываетъ людей въ цѣлыя общества. Еще на зарѣ человѣческой жизни соціальныя чувства объединяли первобытныхъ людей въ общества, и только благодаря общественнымъ союзамъ эти люди вышли побѣдителями въ борьбѣ съ звѣрями и природою, только благодаря имъ созданъ языкъ. Все значеніе человѣческаго слова сводится лишь къ тому, что это лучшее средство для сношеній

членовъ общества между собой. Общество—вотъ основа, на которой построено слово, а слѣдовательно, и вся литература, вся техника, все искусство, вся наука, вся культура.

Можно считать за фактъ, что у порабощенныхъ народовъ деспотическія правительства ни о чемъ такъ не заботились, какъ о томъ, чтобы превратить населеніе въ разсѣянную человѣческую пыль. Каждая попытка самой невинной организаціи среди ли обывателей, или учащихся, или какой-нибудь профессіи предусмотрительно разсматривалась, какъ актъ, враждебный существовавшему строю. Вѣка такой практики могли извратить здоровые общественные инстинкты; но у демократіи въ наше время, кажется, нѣтъ болѣе важной задачи, какъ съ дѣтства воспитывать въ людяхъ общественныя стремленія, съ малаго возраста пріучать подрастающее поколѣніе жить и дѣйствовать въ сотрудничествѣ съ другими и развивать такимъ образомъ общественность, способности къ общественной организаціи, единенію, солидарности.

Еще чаще дѣлались попытки построить воспитаніе на совершенно противоположныхъ началахъ, когда интересы личности всецѣло приносились въ жертву цѣлаго, когда общество и его интересы были единственной цѣлью, а личность разсматривалась какъ средство къ осуществленію общественнаго блага. Но, несмотря на стильность системы, эти попытки имѣли слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстныя печальныя послѣдствія.

Исторія педагогики полна примѣрами, какъ во имя то кастовыхъ, то партійныхъ интересовъ, то во имя процвѣтанія какихъ-либо признанныхъ священными учрежденій порабощалась человѣческая личность, и воспитаніе имѣло цѣлью полнѣйшее угнетеніе личности ребенка. Наиболѣе яркій примѣръ представляетъ Спарта, гдѣ дѣтей, не обѣщавшихъ быть годными для службы государству, бросали со скалы. Другими примѣрами служатъ Египетъ, Индія, дореформенный Китай, дореформенный мусульманскій міръ и средніе вѣка въ Европѣ. Здѣсь общимъ правиломъ было

приготовить посредствомъ воспитанія стадо послушныхъ слугъ для той касты или класса, чьи интересы отождествлялись съ интересами цѣлаго. На ребенка смотрѣли, какъ теперь смотрятъ только на бездушный матеріалъ, изъ котораго, по данному свыше заданію, полагалось вылѣпить строго опредѣленныя формы. Обученіе было дрессировкой, направленной не къ развитію ребенка, а къ изготовленію изъ него нужнаго или для трона, или для алтаря, или для арміи — слѣпого орудія. Вредные результаты такого воспитанія давно уже обратили вниманіе прогрессивныхъ педагоговъ, и исторія педагогики въ сущности представляетъ собою все усиливающійся изъ вѣка въ вѣкъ протестъ противъ такого насилія надъ личностью ребенка. И въ наше время, напротивъ, думаютъ, что само общество не совершенно, если оно мѣшаетъ нормальному развитію хотя бы одного изъ его членовъ. Само общество является, по этой версіи, не цѣлью, а средствомъ для развитія личности. И воспитывать въ дѣтяхъ общественныя стремленія немыслимо безъ изученія личныхъ дѣтскихъ наклонностей; а изучивъ ихъ, слѣдуетъ итти навстрѣчу постепенно просыпающимся нормальнымъ дѣтскимъ интересамъ и стремленіямъ, удовлетворять и содѣйствовать ихъ правильному развитію. Съ тѣхъ поръ, какъ педагоги начали изучать дѣтей, стало невозможно отрицать необходимость индивидуализировать воспитаніе.

Прошли тѣ времена, когда люди вмѣстѣ съ Гельвеціемъ думали, что «всѣ люди родятся одинаковыми, съ равными способностями и что единственно воспитаніе есть причина различій».

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка нѣкто Гауффе, считая всѣхъ дѣтей одинаково одаренными, чѣмъ-то въ родѣ чистаго листа бумаги, на которомъ можно написать что угодно, предлагалъ собранію педагоговъ поручить ему нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ онъ можетъ приготовить, кого укажетъ собраніе: философовъ, или математиковъ, или живописцевъ, или музыкантовъ. Разумѣется, изъ этой затѣи ничего не вышло, хотя этому господину и отдали трехъ дѣтей съ по-

ручеміемъ приготовить изъ нихъ музыкантовъ. Изъ ребенка, лишеннаго музыкальнаго слуха, не приготовить музыканта; изъ ребенка, неразличающаго цвѣтовъ, не приготовить живописца. И такъ во всемъ прочемъ. И теперь едва ли найдутся смѣльчаки, способные отрицать прирожденныя способности. Вспомнимъ математика Гаусса, который трехъ лѣтъ отроду удивилъ отца, указавъ ему на сдѣланную имъ ошибку въ вычисленіи платы рабочимъ. Вспомнимъ шестилѣтняго феномена-мальчика, который, не умѣя ни читать, ни писать, поражалъ всѣхъ окружающихъ быстротою своихъ вычисленій. Ему, напримѣръ, ничего не стоило сосчитать, сколько секундъ прожилъ 45-лѣтній человѣкъ. Вспомнимъ Моцарта, чей музыкальный геній проявился уже съ 3-лѣтняго возраста. Ничто не повторяется. Двѣ капли воды и тѣ по внимательномъ разсмотрѣніи окажутся различными и по формѣ, и по вѣсу, и по растворенымъ въ нихъ веществамъ, и по температурѣ и проч. Не повторяются и дѣти. И они отличаются другъ отъ друга и въ мышленіи, и въ чувствованіи, и въ желаніяхъ, и въ дѣйствіяхъ.

Одни изъ дѣтей обладаютъ повышенной чувствительностью, а другія—пониженной; и, очевидно, воспитательныя воздѣйствія учителя на тѣхъ и другихъ не могутъ быть одинаковыми. Вотъ почему учителю необходимо опредѣлить, кто изъ дѣтей принадлежитъ къ одному типу и кто къ другому.

У однихъ изъ дѣтей преобладаетъ зрительная память (они хорошо помнятъ лишь то, что видятъ), у другихъ слуховая память (помнятъ особенно хорошо то, что слышатъ), у третьихъ—моторная память рѣчи (помнятъ то, что говорятъ сами), моторная память письма (помнятъ то, что сами напишутъ) и т. д. Одни изъ учениковъ обладаютъ прочною (твердой) памятью (хорошо и долго помнятъ), а другіе—слабою (легко забываютъ). Одни изъ учениковъ обладаютъ обширною памятью (могутъ сразу много схватить и запомнить), а другіе—ограниченною. Одни изъ дѣтей хорошо запоминаютъ числа, другія—стихи, у однихъ преобладаетъ предметная память, а у другихъ—словесная. Одни обладаютъ об-

ширнымъ лексикономъ словъ, а другія—болѣе ограниченнымъ. Понятно, что учитель не можетъ успѣшно бороться съ недостатками того или другого ученика, если онъ не знаетъ свойствъ его памяти.

Не меньшую разницу представляютъ дѣти и въ дѣлѣ сообразительности. Одни изъ дѣтей соображаютъ быстро, а другія—медленно; у однихъ при данномъ словѣ или фразѣ возникаетъ много ассоціацій, а у другихъ—мало; у однихъ преобладаютъ ассоціаціи по сходству, у другихъ—по смежности, у третьихъ—связи по причинѣ и слѣдствію; у однихъ преобладаютъ ассоціаціи изъ области сказокъ, либо путешествій, либо разсказовъ о животныхъ, у другихъ—ассоціаціи изъ міра игръ и удовольствій, у третьихъ—религіозныя представленія и т. д.

Когда дѣтямъ даютъ какое-нибудь описаніе, то получается нѣсколько основныхъ типовъ описаній. Бинэ, предлагавшій дѣтямъ описать картину на тему басни «Садовникъ и его дѣти», насчитываетъ 4 типа

Типъ описательный, когда дѣти ограничиваются простою передачею того, что они видятъ, безъ всякихъ объясненій.

Типъ наблюдательный, когда дѣти старались дать свое толкованіе видѣнному, осмыслить и объяснить описываемые образы.

Типъ эмоціональный, когда ученики останавливаются на своихъ настроеніяхъ и чувствахъ, вызванныхъ описываемыми явленіями.

Типъ эрудистовъ, когда ученики описываютъ не то, что видятъ, а то, что помнятъ изъ прочитаннаго.

Это дѣленіе на типы до извѣстной степени облегчаетъ задачу воспитанія. Безъ него каждый ребенокъ представлялъ бы своего рода unicum и получилась бы необыкновенная раздробленность и безчисленное множество воспитательныхъ системъ. Когда получается столько системъ, сколько людей на свѣтѣ, то пришлось бы отказаться отъ возможности воспитывать. Въ дѣйствительности, однако, дѣти могутъ быть раздѣлены на извѣстное число типовъ. А потому и самая индивидуализація воспитанія можетъ быть пріурочена къ немногимъ типамъ дѣтей.

До Руссо, какъ извѣстно, очень популяренъ былъ раціонализмъ, всего ярче выраженный въ сочиненіяхъ Вольтера. Стильно и стройно было бы воспитаніе, построенное на этихъ началахъ раціонализма—на культурѣ одного разума. Считалось догмой, что и въ религіи, и въ наукѣ, и въ практической жизни, и въ политикѣ холодный и безстрастный разумъ имѣетъ рѣшающее, высшее, абсолютное значеніе. Воспитатели, стоявшіе на этой точкѣ зрѣнія, возлагали всѣ свои надежды на одинъ человѣческій разумъ, они вѣрили, что индивидуальный разумъ ихъ питомцевъ одинъ доставитъ имъ истинное счастье и дастъ надлежащую оцѣнку жизни. Они требовали, чтобы всѣ жизненные вопросы рѣшались холоднымъ и безстрастнымъ разсудкомъ. Имъ естественно было культивировать исключительно только одинъ интеллектуализмъ, забывая, напримѣръ, о волѣ и о чувствѣ. Мы могли бы возразить, что такой исключительный раціонализмъ въ такъ называемый вѣкъ просвѣщенія принялъ и не могъ не принять при данныхъ условіяхъ аристократическій характеръ. Благодаря ему, рядомъ съ родовой аристократіей ставилась еще другая—утонченно воспитанная аристократія ума, своего рода каста свѣтскихъ браминовъ, требовавшая для себя особыхъ привилегій, являвшихся новымъ способомъ угнетенія народныхъ массъ. Но и помимо этого возраженія, мы не можемъ забыть о другихъ не менѣе существенныхъ.

И мы не знаемъ никакой другой силы, которая бы въ наше время въ человѣческомъ обществѣ играла такую преобладающую роль, какъ разумъ. Скажемъ больше. Разумъ — все быстрѣе и быстрѣе возрастающая сила, и въ будущемъ онъ дѣйствительно станетъ владѣть всѣмъ міромъ.

Но, признавая, что и сейчасъ развитой разумъ разсѣиваетъ суевѣрія и предразсудки, помогаетъ критическому отношенію къ явленіямъ жизни, считая разумъ и теперь величайшей изъ всѣхъ способностей человѣка, мы не можемъ въ то же время не признавать значенія и за опытомъ, и за чувствомъ, и за волею, и даже за безсознательными силами человѣческой при-

роды, а потому мы не можемъ признать за разумомъ универсальнаго всепоглощающаго, исключительнаго значенія.

Хорошо извѣстны люди великаго ума и въ то же время самаго ничтожнаго характера, самой безсильной воли. Классическій примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи Кольриджъ. По отзыву Карпентера, никто не обладалъ въ такой степени, какъ Кольриджъ, философскимъ умомъ, воображеніемъ поэта и вдохновеніемъ пророка, никто не производилъ болѣе живого впечатлѣнія на умы. И въ то же время не было человѣка, который бы хуже использовалъ свои способности, чѣмъ Кольриджъ. Онъ имѣлъ въ головѣ множество гигантскихъ плановъ и никогда серьезно не пытался привести въ исполненіе хотя бы одинъ изъ нихъ. Паульсенъ указываетъ на Петрарка, какъ на человѣка, поступки котораго стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ его рѣчами. Онъ воспѣвалъ простую жизнь среди пастуховъ и крестьянъ, а жилъ во дворцахъ свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ, которымъ льстилъ, какъ всѣ царедворцы. Онъ восхвалялъ чистую любовь, а жилъ съ распутными женщинами. Онъ бичевалъ зависть и ненавидѣлъ Данте, какъ своего соперника. Подобныя же противорѣчія мы видимъ въ жизни Руссо, который подарилъ міру прекрасныя мысли о воспитаніи, а своихъ собственныхъ дѣтей отдавалъ въ воспитательный домъ. Можно было бы указать на примѣръ философа Шопенгауэра и т. п.

Опытъ показалъ, что разумъ великъ, какъ контролирующая сила; но въ дѣлѣ творчества онъ нуждается въ содѣйствіи другихъ силъ.

Быть-можетъ, никто не выразилъ такъ сильно противоположности между разумомъ и волею и безсилія перваго передъ второю, какъ Ницше. Предъ нами поэтъ и философъ съ самымъ высокимъ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ и, тѣмъ не менѣе, судя по его произведеніямъ, онъ чувствуетъ въ себѣ дикіе инстинкты звѣря, стремленія къ власти и къ буйнымъ дѣяніямъ тирана, при чемъ бурныя стремленія и страсти очень часто одерживаютъ верхъ надъ потребностью

къ спокойному наслажденію умственными и эстетическими благами.

Есть стильность и въ формальной системѣ образованія. Какъ извѣстно, эту систему отстаиваютъ болѣе всего сторонники классической гимназіи, такъ какъ изученіе древнихъ языковъ нельзя было бы оправдать въ наше время иначе, какъ только ставя во главу угла дисциплинирующее обученіе. По ихъ мнѣнію, совсѣмъ не важно, каково содержаніе тѣхъ предметовъ, какіе преподаются въ школѣ, а важенъ самый процессъ обученія. Именно процессъ обученія хотя бы только однимъ древнимъ языкамъ долженъ былъ развить упражненіемъ и память и разумъ и сдѣлать способности пригодными на всякій другой трудъ, на всякое другое дѣло. Сторонники этой системы полагаютъ, что какъ «однажды наточенный ножъ можетъ рѣзать все, что угодно», такъ и окрѣпшій мускулъ и всякій другой органъ способенъ къ самой разнообразной работѣ. И потому, по ихъ мнѣнію, языки, грамматика и математика вполнѣ достаточны для всесторонняго формальнаго развитія человѣка. Но мы не можемъ принять этой системы, потому что эта теорія не вѣрна въ самой основѣ. Не отрицая возможности формальнаго развитія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, никакъ нельзя признать это развитіе универсальнымъ. Нельзя, изучая только языки и математику, научиться наблюдать въ области минералогіи, геологіи и біологіи, дѣлать опыты въ области химіи и физики, классифицировать въ области ботаники, зоологіи и т. п.

Возвращаясь къ только что приведенному сравненію, можно было бы сказать, что, какъ бы мы ни оттачивали ножъ, онъ не былъ бы годенъ на тѣ работы, гдѣ нуженъ топоръ, коса или соха. У формальнаго развитія есть предѣлы и притомъ довольно узкіе.

И мы признаемъ огромное значеніе самаго процесса изученія. Одинъ и тотъ же предметъ можно преподать такъ, что онъ будетъ тренировать только память и внушать отвращеніе къ ученію, но можно преподать и такъ, что онъ будетъ развивать самодѣятельность, упражнять мыслительныя способности, давать навыки

къ строгому логическому мышленію, дѣйствовать на чувство, развивать любознательность, трудолюбіе и проч. Но это совсѣмъ не исключаетъ необходимости сообразоваться съ жизнью, и притомъ современной жизнью, а не съ жизнью древняго міра, при выборѣ предметовъ для обученія. Трудолюбивъ и тотъ ученый мужъ, который посвятилъ всю свою жизнь на рѣшеніе спорныхъ вопросовъ о времени царствованія Навуходоносора; но, по нашему мнѣнію, убить свою жизнь на такой трудъ, это значитъ зарыть свой талантъ въ землю. Если же и можно какъ-нибудь оправдать такой трудъ ученаго, то совершенно нельзя, безъ помощи софизмовъ, оправдать такой трудъ для ученика средней школы съ педагогической точки зрѣнія.

Не прошлое, а настоящее должно быть центромъ преподаванія въ нашихъ общеобразовательныхъ школахъ. Никто не отдастъ своего ребенка на воспитаніе къ дикарямъ, если ему предстоитъ жить въ культурномъ обществѣ. Надо готовить дѣтей къ жизни въ современномъ обществѣ (вѣрнѣе, въ обществѣ ближайшаго будущаго), а не въ обществѣ отдаленныхъ предковъ. Прошлое должно допускаться лишь постольку, поскольку оно необходимо для пониманія настоящаго и для предвидѣнія ближайшаго будущаго. А въ современной школѣ, какъ извѣстно, дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. На изученіе мертваго языка, на изученіе древней исторіи и быта чуждыхъ намъ народовъ тратится масса учебнаго времени, и почти ничего на изученіе современной родной литературы, на изученіе современнаго быта—даже роднаго народа. Ученики гимназіи прекрасно знаютъ государственное устройство древнихъ грековъ и римлянъ, и притомъ по отдѣльнымъ эпохамъ, права древнихъ и не знаютъ нашего государственнаго устройства и нашего права. Мы живемъ въ эпоху, совершенно не похожую на эпохи, когда жили древніе. Имъ была чужда и наша матеріальная культура, наши новѣйшіе способы сношеній, производства и т. п., какъ и наша духовная культура, наши соціальные идеалы и стремленія. Предположимъ, что слѣдующія поколѣнія, за исключеніемъ спеціалистовъ, совершенно не будутъ знать ни латыни,

ни греческаго языка; неужели можно серьезно говорить о томъ, чтобы наша культура хоть на іоту могла бы пострадать отъ этого пробѣла? Совершенно напротивъ: такъ какъ освободившееся такимъ образомъ время было бы посвящено изученію предметовъ, болѣе близкихъ современной культурѣ, то жизнь и культура будущихъ поколѣній весьма много отъ этого выиграли бы. Если бы вмѣсто того, чтобы изучать латынь, мы употребили это время на лучшее изученіе родного языка, научились бы лучше говорить и писать по-русски, затѣмъ на изученіе гигіены и тѣхъ наукъ, на которыя она опирается, на пріобрѣтеніе хотя бы элементарныхъ свѣдѣній по педагогіи, на изученіе естествознанія, далѣе—своей родины и своего народа въ его современномъ положеніи, а также наиболѣе поучительныхъ сторонъ изъ жизни современныхъ намъ сосѣднихъ народовъ, мы, несомнѣнно, очень много выиграли бы въ культурномъ отношеніи. Мы выиграли бы не только въ смыслѣ матеріальнаго (что очевидно), но и формальнаго развитія. Мы развили бы столь важную въ жизни наблюдательность, а языки этого не дадутъ. Мы выиграли бы и въ смыслѣ развитія логики. Логическое мышленіе — это привычка. Мы привыкаемъ къ логическому мышленію, когда чрезъ нашу голову проходятъ логически связанныя мысли; и наоборотъ: пропуская чрезъ свой мозгъ безсвязныя или неправильно связанныя мысли, мы привыкаемъ къ безтолковому, безпорядочному, неосновательному мышленію. Едва ли надо доказывать, что тѣ навыки къ логическому мышленію, которые даютъ точныя науки въ ихъ современномъ состояніи, несравненно цѣннѣе тѣхъ навыковъ, которые даетъ классицизмъ, потому что современныя точныя науки въ логическомъ отношеніи стоятъ выше древней науки, а современное міросозерцаніе заключаетъ въ себѣ меньше наивнаго, чѣмъ міровоззрѣнія, съ которыми приходится знакомиться, переводя латинскихъ авторовъ. Было время, когда латынь была необходима Западной Европѣ и была всѣмъ въ ея школахъ: она была языкомъ науки, литературы, правовѣдовъ и, наконецъ, церкви. Но и тамъ она потеряла уже большую

часть своего значенія, оставшись только языкомъ католической церкви. И тамъ она скоро уступитъ свое мѣсто реальнымъ знаніямъ, потому что никакая школа не можетъ долго противостоять духу времени. У насъ же для нея нѣтъ никакого оправданія. Мы бы сказали, что классицизмъ у насъ введенъ изъ-за неразумнаго подражанія и поддерживается ненужной традиціей, если бы не знали, что Толстой при проведеніи гимназической реформы руководился неумѣстными въ этомъ дѣлѣ политическими соображеніями. И чѣмъ скорѣе мы изгонимъ латынь изъ общеобразовательныхъ школъ, предоставивъ ее въ исключительное вѣдѣніе спеціалистовъ, тѣмъ лучше. Всякіе компромиссы въ этомъ дѣлѣ нежелательны.

Этотъ бѣглый обзоръ наиболѣе характерныхъ теченій въ области педагогики показываетъ, что въ прошломъ не было ни одной системы, которую мы, располагая болѣе солидными знаніями человѣческой природы и жизни, руководясь идеалами, неизвѣстными прежнимъ вѣкамъ, въ наше время могли бы принять безъ всякихъ оговорокъ. Не то теперь состояніе умовъ, не такова современная поразительно сложная жизнь; много новыхъ удивительныхъ завоеваній сдѣлалъ человѣческій разумъ... Но изъ того же обзора мы видимъ, что въ прошломъ педагогики при всѣхъ его недостаткахъ было одно достоинство, котораго намъ недостаетъ. Это—единство. Каждая изъ разсмотрѣнныхъ нами системъ представляла нѣчто цѣльное, гармоническое, единое, стильное, согласованное во всѣхъ своихъ частяхъ и въ связи съ цѣлымъ. Мы считаемъ это качество необыкновенно цѣннымъ. Если спартанцы, поставившіе предъ собою идеалъ, несогласный съ природой человѣка и потому, казалось бы, недостижимый, все же достигли этого идеала, то лишь потому, что ихъ система воспитанія отличалась цѣльностью и единствомъ. Еще болѣе поразительный примѣръ представляютъ іезуиты. Они задались еще болѣе противоестественной цѣлью; они сдѣлали воспитаніе средствомъ для религіозной пропаганды и политическаго вліянія, они объявили войну разуму и природнымъ стремленіямъ вос-

питанниковъ во имя безпрекословнаго послушанія и неземныхъ благъ; но такова сила единства и стильности воспитательной системы, — іезуиты достигали, за не очень частыми исключеніями, даже этой противной законамъ человѣческой природы, искусственной цѣли. Они успѣшно подавляли свободное сознаніе воспитанниковъ, подчиняли ихъ волю начальнику ордена и папѣ, они уничтожали всѣ естественныя и самыя близкія родственныя привязанности и превращали своихъ питомцевъ въ слѣпое орудіе ордена, существующее исключительно только для осуществленія орденскихъ цѣлей. И если про іезуитовъ Климентъ VIII могъ сказать, что они «знаютъ и смѣютъ все, все», то этимъ могуществомъ они обязаны своей воспитательной системѣ, ея единству и выдержанности. Но если единая, послѣдовательная, выдержанная и стильная система могла сдѣлать такія чудеса при противоестественныхъ цѣляхъ, поставленныхъ ей, то чего не можетъ достигнуть единство и гармонія воспитанія, дѣйствующаго согласно съ законами человѣческой природы?

Занимаясь много лѣтъ и практически и теоретически образованіемъ и воспитаніемъ, я сначала интересовался отдѣльными, частными вопросами по народному образованію, — главнымъ образомъ, тѣми, какіе выдвигала на очередь текущая жизнь. Но мнѣ всегда представлялось существенно важнымъ всѣ отдѣльные вопросы, всѣ части педагогики связать въ одно цѣлое. Попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи, не удовлетворяли меня, пока я не пришелъ къ убѣжденію, что всѣ отдѣльные элементы педагогики удобнѣе всего объединяются идеею развитія, понимая эту теорію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и какъ развитіе индивидуума, и какъ біологическое развитіе рода, и какъ историческій процессъ, при чемъ главное значеніе для педагога имѣетъ развитіе личности воспитанника. Я съ успѣхомъ пользовался этою связью для собственнаго обихода. Но мнѣ кажется, то, что было полезно для меня, можетъ оказаться не безполезнымъ и для другихъ. И вотъ почему я позволяю себѣ выпустить эту книгу. Эволюція въ мірѣ животныхъ и

растеній, прогрессъ въ жизни человѣчества, ростъ и развитіе человѣческой особи, — все это явленія одного порядка; между ними большая аналогія и тѣсная связь. Прогрессъ человѣчества является продолженіемъ эволюціи животнаго міра, а человѣческая особь въ своемъ развитіи повторяетъ вкратцѣ развитіе рода; и все вмѣстѣ можетъ быть объединено въ одной идеѣ развитія.

О параллелизмѣ между развитіемъ расы и развитіемъ ребенка писали Спенсеръ, Геккель, Романесъ и, наконецъ, Болдуинъ, пользующійся біогенетическимъ закономъ Геккеля. Намеки на эту идею мы встрѣчаемъ еще у Руссо, Гердера, Гете и Конта. На этомъ параллелизмѣ или на ученіи о культурныхъ эпохахъ основана педагогика послѣдователей Гербарта.

Строить на этомъ параллелизмѣ педагогику такъ, какъ, напримѣръ, предлагалъ проф. Гетчинсонъ, было бы очень смѣло. Современный ребенокъ въ томъ возрастѣ, когда онъ, по этой теоріи, повторяетъ, напримѣръ, охотничью стадію развитія человѣчества, едва ли ограничится только лукомъ, стрѣлами, палкою и т. п. и откажется отъ игръ въ трамвай, желѣзную дорогу, электрическое освѣщеніе, отъ кинематографа и т. п., хотя всѣ эти предметы относятся не къ охотничьему періоду, а къ нашему вѣку.

Но то, что есть здороваго въ этомъ теченіи — это идея развитія въ широкомъ смыслѣ слова, а такая идея можетъ служить связующимъ началомъ для самыхъ разнообразныхъ съ перваго взгляда педагогическихъ требованій, дидактическихъ пріемовъ, способовъ и т. п.

Лично я убѣдился, что эта идея достаточно широка, чтобы охватить собою и цѣли, и средства, и пріемы воспитанія и образованія.

Эволюціонная теорія бросила во всѣ отрасли знанія ослѣпительный потокъ свѣтлыхъ идей, поколебавшихъ всѣ прежніе устои, открывшихъ совершенно новыя перспективы. Но болѣе всего дала эта теорія для пониманія жизни; она показала, что во всей живой природѣ существуетъ одинъ всеобъемлющій законъ,— вѣчный и непрерывный, которому подчинено все въ мірѣ

безъ единаго исключенія, — это законъ послѣдовательнаго развитія. Все въ этомъ мірѣ является результатомъ постепеннаго развитія. Не было и теперь нѣтъ такого ученія, которое бы такъ всколыхнуло умственную жизнь вѣка, такъ радикально перестроило міровоззрѣніе, оказало такое огромное вліяніе на такой широкій кругъ идей, возбудило такъ много свѣтлыхъ надеждъ, дало такой мощный толчокъ во всѣ стороны, какъ эволюціонная теорія. И если можно чему удивляться, такъ это лишь тому, почему эта идея и до сихъ поръ все еще не заняла принадлежащаго ей по праву главнаго мѣста въ педагогикѣ.

Какъ извѣстно, были попытки построить педагогику на отдѣльныхъ элементахъ ученія о развитіи. Такова, напримѣръ, педагогика, построенная на теоріи эпохъ. Но критика легко открыла ошибки въ такихъ педагогическихъ теоріяхъ. Намъ кажется, однако, что этихъ ошибокъ легко было бы избѣжать, если бы педагогика пользовалась идеею развитія въ ея цѣломъ, не пренебрегая ни ученіемъ объ эволюціи животнаго міра, ни исторіею прогрессивнаго развитія человѣчества и особенно ученіемъ о развитіи отдѣльной человѣческой особи и дополняя все это указаніями практики, экспериментами и исторіею развитія самой педагогики.

Мы говоримъ здѣсь о научномъ изученіи развитія ребенка. Для этого ребенокъ долженъ быть изученъ и въ біологическомъ и въ психологическомъ отношеніяхъ и притомъ въ самомъ процессѣ его развитія. Это должно быть изученіе динамическое, а не только статическое. Къ счастію, мы живемъ въ такія времена, когда изученіе ребенка является дѣломъ не только педагоговъ, но и врачей, и біологовъ, и антропологовъ, и филологовъ, и даже археологовъ. Психологъ изучаетъ ребенка, чтобы на простѣйшихъ проявленіяхъ дѣтской психики легче понять и психику вообще; антропологъ, чтобы найти въ развитіи ребенка указанія и намеки на развитіе всего человѣчества; археологъ, чтобы въ издѣліяхъ и рисункахъ ребенка найти ана-

логіи съ археологическими находками; филологъ, чтобы въ развитіи дѣтской рѣчи уловить законы развитія языка и проч. А педагогъ, пользуясь своими наблюденіями, можетъ присоединить къ нимъ результаты работъ и психологовъ, и антропологовъ, и біологовъ и т. п. съ тѣмъ, чтобы сообразовать съ законами развитія ребенка его воспитаніе, смѣну методовъ и матеріаловъ для его образованія, по мѣрѣ возрастанія своего воспитанника.

Но новая педагогика, по нашему мнѣнію, должна дополнить идею развитія еще субъективнымъ элементомъ, котораго эволюціонной теоріи недостаетъ.

Современное ученіе о развитіи создано, главнымъ образомъ, біологами. Біологъ же изучаетъ процессъ развитія, какъ внѣшній объектъ для наблюденій и опытовъ, совершенно независимый отъ тѣхъ внутреннихъ, душевныхъ переживаній, какія испытываетъ самъ развивающійся субъектъ. Иначе не можетъ и не долженъ поступать біологъ, какъ и всѣ, имѣющіе дѣло съ природою и ея законами. Ему нѣтъ дѣла до того, какъ процессъ развитія какого-нибудь индивидуума отражается въ психикѣ самого субъекта. Біологъ имѣетъ дѣло только съ объективными признаками развитія, только съ тѣми, какіе могутъ быть наблюдаемы постороннимъ лицомъ. Ему нѣтъ дѣла до субъективныхъ признаковъ развитія,—тѣхъ, какіе чувствуются самою развивающейся личностью. Біологъ разсматриваетъ развитіе независимо отъ сознанія, чувства и воли развивающагося субъекта.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится педагогъ. Педагогъ имѣетъ дѣло съ развитіемъ человѣка не только въ физическомъ, но въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, а въ этой области, кромѣ физико-химическихъ методовъ, необходимо пользоваться еще психологическими наблюденіями и самонаблюденіями. Для педагога важно не только то, какъ идетъ развитіе ребенка съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, но для педагога важно еще и то, что именно соотвѣтствуетъ этому процессу въ душѣ ребенка, какими чувствами, усиліями воли

желаніями проявляется, а, быть-можетъ, и вызывается процессъ развитія внутри самого ребенка, въ области его сознанія и чувства, равно какъ и въ смутной области, стоящей на границѣ безотчетнаго, гдѣ только чуть-чуть брезжитъ сознаніе. Педагогъ зарегистровываетъ не только ростъ и развитіе дѣтей, но еще и смѣну ихъ интересовъ, чувствъ и т. д. Для педагога ребенокъ не только предметъ познанія, но еще и личность, чувствующая и переживающая процессы своего развитія. Педагогу нельзя ограничиться изученіемъ воспитанника только съ одной объективной внѣшней стороны, только путемъ констатированья внѣшнихъ фактовъ, какъ сдѣлалъ бы это біологъ; ему очень важно изучить воспитанника еще съ субъективной, внутренней стороны, ибо его прежде всего интересуетъ личность ребенка, его умъ и сердце. Педагогъ, ограничивающійся только одною біологической теоріею развитія, былъ бы похожъ на фотографа, снимающаго ежедневно однихъ и тѣхъ же дѣтей для того, чтобы изобразить въ кинематографѣ, какъ растетъ ребенокъ. Фотографу нѣтъ никакого дѣла до психики ребенка. Педагога же интересуетъ не только развитіе организма, но еще и душевныя силы ребенка.

Вотъ почему, когда мы пришли къ выводу, что идея развитія можетъ служить лучшимъ объединяющимъ началомъ для современной педагогики, предъ нами сейчасъ же предстала задача найти въ субъективной, внутренней, душевной жизни ребенка то, что именно соотвѣтствуетъ процессу развитія, который объективно, какъ внѣшнее явленіе природы, трактуется біологіею. Только при этомъ условіи идея развитія могла бы стать объединяющимъ и руководящимъ принципомъ въ педагогикѣ. Быть-можетъ, именно отсутствіемъ такого параллелизма объясняется то, что, несмотря на массу работъ, посвященныхъ изученію ребенка съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, у насъ и до сихъ поръ нѣтъ выдержанной и законченной эволюціонной педагогики.

Мы думаемъ, что эта искомая параллель есть стремленіе самого ребенка къ развитію. То, что для

біолога есть объективно наблюдаемый со стороны фактъ роста и развитія, то съ субъективной точки зрѣнія есть стремленіе къ развитію самого ребенка, какъ думающей, чувствующей и хотящей личности.

Много теорій было предложено для объясненія того, что такое интересъ ребенка. Съ нашей точки зрѣнія интересъ это прямое выраженіе стремленія къ развитію тѣхъ функцій, до которыхъ дошла очередь. Ребенка болѣе интересуетъ музыка—значитъ, проснулись его музыкальныя способности и властно требуютъ своего развитія. Ребенокъ приходитъ въ восторгъ, изображая въ лицахъ прослушанную имъ пьесу—значитъ, наступила очередь для развитія сценическихъ способностей. То же надо сказать объ увлеченіи рисованіемъ, сочиненіями сказокъ, разсказовъ, стиховъ, объ увлеченіи всѣми видами спорта.

Существуетъ цѣлая литература для объясненія того, что такое чувства удовольствія и страданія. Съ нашей точки зрѣнія — это будутъ простые показатели, отвѣчаетъ ли данное переживаніе стремленію ребенка къ развитію или не отвѣчаетъ и даже вредитъ ему. Если ребенку доставляетъ большое наслажденіе слушать разсказъ или самому сочинять сказочку, то это пріятное чувство служитъ сигналомъ, что данное занятіе вполнѣ удовлетворяетъ стремленію къ развитію пробудившагося воображенія ребенка. Если ребенокъ испытываетъ скуку и страданіе, когда его заставляютъ учить спряженія латинскихъ глаголовъ, это значитъ, что такой урокъ совсѣмъ неблагопріятенъ для упражненія тѣхъ функцій, къ развитію которыхъ ребенокъ стремится сейчасъ.

Можно различно трактовать, такъ называемыя, господствующія стремленія. Съ защищаемой же нами точки зрѣнія, господствующія стремленія — это тѣ этапы, чрезъ которые, на протяженіи человѣческой жизни, проходитъ стремленіе къ развитію. Всякому овощу свое время — эта пословица примѣняется какъ нельзя лучше къ данному случаю. Господствующимъ стремленіемъ ребенка можетъ быть спортъ, затѣмъ, быть-можетъ, музыка, далѣе, быть-можетъ, живопись,

быть-можетъ, сцена, стихи, ораторское искусство и, наконецъ, быть-можетъ, наука или общественная дѣятельность — все это отдѣльныя вѣхи на томъ пути, по которому ведетъ человѣка его стремленіе къ развитію.

Много объясненій предложено было тому явленію, которое называютъ подражаніемъ. Но вѣдь ребенокъ подражаетъ не всему, что онъ видитъ. Чѣмъ руководится онъ, выбирая для подражанія одно и игнорируя другое? По нашему мнѣнію, и въ данномъ случаѣ играетъ руководящую роль то же самое стремленіе къ развитію. Ребенокъ выбираетъ для подражанія лишь то, что находится въ благопріятномъ отношеніи къ упражненію тѣхъ функцій, развитіе которыхъ стоитъ на очереди въ данный моментъ.

Безъ этого стремленія ни одинъ инстинктъ, ни одна наклонность не упражнялись бы и не развивались, не приспособлялись бы къ современной средѣ. Безъ него всѣ врожденные инстинкты и наклонности не пошли бы дальше автоматическихъ механизмовъ и остались бы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они явились на свѣтъ Божій вмѣстѣ съ ребенкомъ. Благодаря же стремленію къ развитію, они путемъ упражненій развиваются въ томъ направленіи, въ какомъ подсказываетъ окружающая ихъ среда. И благо человѣку, у котораго это стремленіе остается въ полной силѣ до самой глубокой старости.

Что въ самой основѣ человѣческой природы лежитъ стремленіе къ развитію и притомъ, въ нормальныхъ случаяхъ, къ прогрессивному развитію — обоснованію этого положенія посвящена большая часть нашей книги; и потому мы не останавливаемся здѣсь на этомъ пунктѣ. Скажемъ только, что мы видимъ проявленіе этого стремленія и въ сознательныхъ усиліяхъ юноши обогатить себя знаніями, увеличить свои умственныя силы, стать нравственнѣе, и въ стремленіи дѣтей къ дружбѣ и къ обществу себѣ подобныхъ, въ ихъ желаніяхъ дѣлать самимъ, безъ посторонней помощи, что они могутъ, въ ихъ любви къ подражанію, къ выраженію образовъ либо рисункомъ, либо словомъ, либо дѣйствіемъ. То же стремленіе къ

развитію проявляется въ болтовнѣ дѣтей, въ ихъ играхъ и забавахъ, служащихъ для развитія самыхъ разнообразныхъ физическихъ и душевныхъ способностей. Оно проявляется въ смутно сознаваемыхъ, но энергичныхъ порывахъ маленькаго ребенка къ физической дѣятельности, въ ползаньѣ, бѣготнѣ, прыганьѣ, лазаньѣ, въ его склонности бросать, бить, ломать, что попадется подъ руку, въ его стремленіи все видѣть, слышать, ощупать, понюхать, взять, что можно, въ ротъ и вообще наблюдать и экспериментировать. То же стремленіе къ развитію мы видимъ въ тѣхъ нерѣдко темныхъ и смутныхъ импульсахъ, которые проявляются въ дѣйствіи мускуловъ, железъ, тканей и клѣтокъ нашего тѣла. Какъ мы стараемся доказать въ своей книгѣ, то, что обыкновенно называется чувствами и инстинктами самосохраненія, въ сущности есть то же самое стремленіе къ развитію индивидуума, а то, что обыкновенно именуется инстинктомъ сохраненія вида, есть въ сущности инстинктъ родового развитія Такъ называемая борьба за существованіе—есть борьба за развитіе и съ субъективной точки зрѣнія есть только частный случай того же самаго стремленія къ развитію. Эта замѣна чувства самосохраненія и борьбы за существованіе стремленіемъ къ развитію, по отношенію къ которому первые два процесса являются лишь средствомъ, имѣетъ не только теоретическій, но и практическій интересъ. На чувствѣ самосохраненія и на борьбѣ за существованіе можно съ удобствомъ построить консервативную систему воспитанія въ родѣ Домостроевской; прогрессивную же систему можно построить только на стремленіи къ развитію.

Теорія развитія объединяетъ и связываетъ всѣ органическія существа, когда-либо существовавшія, теперь существующія и въ будущемъ имѣющія существовать, начиная съ самыхъ низшихъ одноклѣточныхъ и до самыхъ высшихъ, въ одну непрерывную цѣпь послѣдовательнаго, постепеннаго и медленнаго развитія, путемъ накопленія мелкихъ измѣненій въ ихъ организаціи; и та же теорія объединяетъ всѣ

фазы развитія отдѣльной особи, начиная съ зародышевой клѣтки и оканчивая взрослою формою. Такъ стоитъ дѣло съ объективной точки зрѣнія. Что же касается до субъективной стороны, то здѣсь объединяющимъ началомъ служитъ то же стремленіе къ развитію.

Такимъ образомъ, наша точка зрѣнія объединяетъ и связываетъ посредствомъ одной идеи всѣ вопросы, связанные съ воспитаніемъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ. Здѣсь найдетъ мѣсто развитіе каждаго органа, каждой функціи, идетъ ли рѣчь о движеніи мускуловъ, о дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ, объ усиліяхъ вниманія и воли, о дѣятельности воображенія, о развитіи ума и чувства, говоримъ ли мы о подражаніи, объ интересѣ, о любознательности, о господствующихъ стремленіяхъ и т. д.

Я думаю даже, что это стремленіе играетъ главную роль въ томъ, что принято называть единствомъ личности, единствомъ нашего *Я*.

Именно благодаря этому стремленію наша жизнь и въ частности наше сознаніе развиваются безъ перерывовъ, при чемъ послѣдующее непосредственно и преемственно развивается изъ предыдущаго и въ связи съ нимъ, безъ всякихъ скачковъ, постепенно и послѣдовательно. Именно благодаря этому всеобъединяющему стремленію къ развитію всѣ наши переживанія въ теченіе всей нашей жизни чувствуются нами, какъ одно объединенное и непрерывающееся цѣлое, несмотря на то, что въ теченіе нашей жизни это цѣлое постоянно видоизмѣняется, растетъ, развивается, то усложняясь и прогрессируя, то падая и снова поднимаясь, но не теряя въ то же время своей связности и преемственности. Все измѣняется — тѣло и его органы, чувства, настроенія, желанія, разумъ, привычки и проч.; но одно остается неизмѣннымъ—это стремленіе къ развитію. И вотъ почему мы въ нормальномъ состояніи не перестаемъ чувствовать себя самими собою, начиная съ первыхъ лѣтъ нашей сознательной жизни и до конца дней.

Естественно, что при такомъ взглядѣ на стремленіе къ развитію мы считаемъ его основой, на которой вмѣстѣ съ эволюціоннымъ ученіемъ должна быть построена вся педагогика и методика. Вотъ почему наиболѣе важной частью настоящей работы я считаю ту, которая посвящена стремленію воспитанника къ развитію. Именно этому вопросу посвящена большая часть настоящей книги. Именно эта часть потребовала отъ меня большаго времени. О стремленіи къ развитію въ томъ смыслѣ, въ какомъ я понимаю это слово, я въ литературѣ нашелъ, можно сказать, лишь разбросанныя крохи, лишь отдѣльные клочки, несвязанные въ одно цѣлое. Мнѣ казалось, что людямъ, интересующимся воспитаніемъ, не лишне выслушать мнѣніе педагога, старавшагося обосновать свои практическіе пріемы обученія и воспитанія на данныхъ психологіи и біологіи. Быть-можетъ, естественные недостатки такой работы въ теоретическомъ отношеніи выкупаются тѣмъ, что въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ авторъ постоянно помнилъ о своей и чужой практикѣ, о своихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ дѣтьми и о наблюденіяхъ тѣхъ учителей, съ которыми ему приходилось бесѣдовать.

Практическое значеніе идеи развитія и стремленія къ развитію самого ребенка понятно, если даже не говорить о тѣхъ крупныхъ преобразованіяхъ, какія благодаря этой идеѣ вносятся въ теоретическую разработку педагогики.

Что же касается до ученія о самомъ развитіи, то, какъ извѣстно, по этому вопросу существуетъ богатѣйшая литература. И если я, не будучи спеціалистомъ, все-таки позволилъ себѣ изложить въ самыхъ краткихъ чертахъ это ученіе, то сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы выдѣлить изъ этого ученія лишь то, что, по моему мнѣнію, имѣетъ близкое отношеніе къ педагогикѣ. Матеріалъ, касающійся эволюціонной теоріи, колоссаленъ; но то, что отсюда необходимо знать педагогу, не представляетъ слишкомъ большого багажа. Затрудненіе заключается лишь въ томъ, что этотъ багажъ разбросанъ въ очень большомъ количествѣ разныхъ

книгъ. И я-думалъ, что, собравъ относящійся къ данной темѣ матеріалъ воедино, я окажу нѣкоторую услугу учителямъ, воспитателямъ и родителямъ.

Если въ ребенкѣ существуетъ стремленіе къ развитію, то, слѣдя за его проявленіями, мы можемъ пользоваться ими, какъ указаніями, въ какомъ направленіи намъ дѣйствовать, какая функція стоитъ въ данный моментъ на очереди и нуждается въ упражненіи, какая еще не обнаружилась и приступать къ ея развитію рано. Признавая, однако, стремленіе къ развитію самымъ основнымъ фактомъ въ субъективной сферѣ, мы, конечно, не приписываемъ ему безусловной непогрѣшимости. Если въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ еще можно говорить о разумномъ выборѣ въ области стремленій, то въ раннемъ дѣтствѣ эти стремленія носятъ полусознательный и смутный характеръ. Стремленіе къ развитію здѣсь совсѣмъ не ограничивается только инстинктами и наклонностями, полезными и нужными въ современной жизни. Каждый врожденный инстинктъ и каждая наслѣдственно переданная наклонность одинаково требуютъ своего развитія и, когда настала ихъ очередь, ждутъ только благопріятнаго момента для своего упражненія. Это касается одинаково и тѣхъ благодѣтельныхъ наклонностей, которыя играютъ главную роль въ современной жизни, и тѣхъ безполезныхъ и даже вредныхъ инстинктовъ, которые пришли изъ далекой старины, когда они были, можетъ-быть, нужны и полезны, а теперь потеряли всякій смыслъ и всякое значеніе.

Такъ какъ поэтому врожденное стремленіе къ развитію не всегда нормально, такъ какъ оно не лишено дефектовъ, то нуженъ еще критерій, съ помощью котораго можно было бы отличать, что въ стремленіяхъ ребенка нормально, и что нѣтъ. И этотъ критерій намъ можетъ дать та же идея развитія, разсматриваемая съ объективной точки зрѣнія. Статистики знаютъ, что по кривой, изображающей движеніе народонаселенія за нѣсколько лѣтъ, можно съ приблизительной достовѣрностью опредѣлить, какъ велико будетъ на-

родонаселеніе чрезъ извѣстный періодъ времени, если не произойдетъ какихъ-нибудь случайностей, нарушающихъ естественный ростъ населенія. То же можно сказать относительно роста бюджета, возрастанія производительности страны, числа и рода преступленій, распространенія книгъ и газетъ, количества почтовыхъ отправленій и т. п. Астрономъ, наблюдающій появившуюся новую комету, по пройденному ею пути можетъ съ большою точностью опредѣлить, гдѣ она будетъ чрезъ столько-то дней. Такъ точно и въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія народа мы, на основаніи прошлаго, можемъ заключить съ приблизительной достовѣрностью о ближайшемъ будущемъ той культурной среды, въ которой будетъ жить ребенокъ, когда онъ станетъ взрослымъ. А такъ какъ воспитателю приходится считаться съ тою соціальной средою, гдѣ будетъ жить ребенокъ, то значеніе возможности такого предвидѣнія громадно. Болѣе того. Изъ прошлаго, если оно достаточно велико, чтобы всѣ случайныя уклоненія въ одну сторону компенсировались уклоненіями въ другую, противоположную, можно извлечь идею о томъ направленіи, въ какомъ происходитъ развитіе. А эта идея можетъ быть критеріемъ въ оцѣнкѣ стремленій ребенка, и мы можемъ пользоваться ею, когда дѣло идетъ о томъ, нормально ли данное стремленіе или инстинктъ, или оно представляетъ собою пережитокъ отдаленнаго прошлаго. То же эволюціонное ученіе можетъ дать идею о происхожденіи даннаго инстинкта, показать, при какихъ условіяхъ онъ былъ полезенъ. Практическое значеніе такой идеи совершенно ясно, потому что, если, напримѣръ, въ наше время такія условія, при какихъ данный инстинктъ былъ нуженъ, не существуютъ, то надо заботиться не о развитіи, а объ атрофированіи его.

Конечно, и такой критерій не претендуетъ на непогрѣшимость. Совершенства на землѣ нѣтъ, хотя родъ людской уже сознательно стремится къ совершенству. Ошибки могутъ быть и въ примѣненіи новой педагогики; но другого, болѣе вѣрнаго

пути нѣтъ, и пока еще неизвѣстно, можно ли искать его въ какой-нибудь другой области.

Связывая въ одно стройное цѣлое все, что есть цѣннаго и раціональнаго въ современной педагогикѣ, идея о развитіи вмѣстѣ съ ученіемъ о стремленіи ребенка къ развитію служитъ въ то же время и хорошей рабочей гипотезой. Касающіеся педагогіи дедуктивные выводы изъ этой теоріи отличаются такою большою достовѣрностью, что провѣрка ихъ путемъ эксперимента или наблюденія почти всегда обѣщаетъ плодотворные результаты. Она, такимъ образомъ, поощряетъ интересъ къ разработкѣ путемъ эксперимента и наблюденій вопросовъ воспитанія, преподаванія и дѣтской психологіи, а такой разработкѣ предстоитъ блестящее будущее. Настоящая работа навела меня на открытіе нѣсколькихъ ошибокъ, сдѣланныхъ мною въ болѣе раннихъ моихъ работахъ, и заставила воздержаться отъ ихъ опубликованія. Эта теорія съ большою пользою можетъ служить критеріемъ, когда разсматриваются два противоположныхъ мнѣнія. Возьмемъ, напримѣръ, самый старый вопросъ объ отношеніи воспитанія къ природѣ ребенка. Объ этомъ писали почти всѣ мыслители, занимавшіеся педагогическими вопросами, начиная съ Пиѳагора, продолжая средневѣковыми педагогами, а затѣмъ Монтенемъ, Тюрго, Рабле, Руссо, Песталоцци, Фребелемъ, Толстымъ и его послѣдователями. Съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи мы, конечно, относимся безусловно отрицательно къ средневѣковому аскетическому взгляду на воспитаніе; но въ то же время мы не можемъ признать безусловно совершенными всѣ врожденные задатки, инстинкты и наклонности ребенка. По эволюціонной теоріи, природа человѣка совершенствуется, и, стало-быть, еще не вполнѣ совершенна и не лишена нѣкоторыхъ дефектовъ. Съ этой точки зрѣнія и гармонію Пиѳагора надо понимать, какъ процессъ постепеннаго приспособленія частей другъ къ другу и къ цѣлому и къ эволюціонирующей средѣ.

Согласно этому ученію, педагогъ, содѣйствуя развитію природныхъ силъ ребенка, въ то же время приготовляетъ его къ дѣятельному участію въ современной общественной средѣ. И педагогъ долженъ знать эту среду, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, и знать, въ какомъ направленіи она развивается, потому что отъ характера этой среды будетъ зависѣть очень многое, и прежде всего программы обученія. Объяснимъ это примѣромъ. Въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ война была главнымъ дѣломъ народа, естественно, что и воспитаніе должно было носить военный характеръ. И этого одинаково требовали, какъ личные мотивы, потому что военная карьера считалась тогда и самою выгодною въ матеріальномъ отношеніи и самою почетною, такъ равно и государственныя соображенія, потому что цѣлость и мощь государства, по общему тогдашнему мнѣнію, обусловливались состояніемъ войска. Сейчасъ въ передовыхъ странахъ дѣло стоитъ совершенно иначе. Мощь государства теперь обусловливается прежде всего экономическими условіями. Сами войны ведутся теперь изъ-за новыхъ рынковъ для сбыта товаровъ, изъ-за таможенныхъ пошлинъ и тому подобныхъ причинъ, чисто экономическаго характера. По той же причинѣ личные мотивы большею частью дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Талантливые люди передовыхъ странъ теперь не идутъ добровольно на военную службу, а чаще всего ищутъ примѣненія своихъ силъ на промышленномъ поприщѣ. Не даромъ величайшимъ человѣкомъ нашихъ дней большинство признаетъ изобрѣтателя Эдисона. На службу промышленности идутъ и хорошо оплачиваются техники, химики, біологи, художники и т. п.; интересы промышленныхъ классовъ защищаютъ въ судахъ юристы, въ рукахъ промышленнаго класса находятся большею частью парламенты и правительства съ ихъ арміями. Многіе вѣрятъ, что на смѣну капиталиста въ будущемъ придетъ пролетаріатъ; но и онъ будетъ стоять также на почвѣ промышленности. Перемѣнится, говорятъ, хо-

зяинъ, но промышленность останется. Во всякомъ случаѣ педагогъ не можетъ отрицать, что въ ближайшемъ будущемъ во главѣ угла будетъ стоять не военное дѣло, а промышленность. И этого онъ не можетъ упускать изъ виду при выборѣ предметовъ обученія. Не даромъ древніе языки, несмотря на твердыя традиціи, на мощную поддержку консерваторовъ и реакціонеровъ, мало-по-малу уже уступаютъ свои позиціи реальнымъ знаніямъ: физикѣ, химіи, естественной исторіи, математикѣ и т. п. Не даромъ въ послѣднее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ получили такое широкое распространеніе сельско-хозяйственныя, техническія, коммерческія и тому подобныя спеціальныя высшія и среднія школы, а также курсы для крестьянъ и рабочихъ

Но, конечно, отсюда никакъ не слѣдуетъ, что новая педагогика можетъ дать перевѣсъ профессіональному характеру обученія надъ общеобразовательнымъ. Совершенно напротивъ. Мы увидимъ, что никакая другая теорія не даетъ такихъ убѣдительныхъ доводовъ за общеобразовательную школу, какъ идея развитія. Все дѣло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, установить равновѣсіе между гуманитарными знаніями и наукою о природѣ; а съ другой—создать всеобщее профессіональное образованіе, согласованное съ потребностями настоящаго и ближайшаго будущаго времени, но, однако, на прочномъ базисѣ общеобразовательной школы.

Если развитіе должно итти въ смыслѣ приспособленія къ современной жизни, то, очевидно, лучшимъ средствомъ для этого была бы сама современная жизнь, если бы она при своей громадной сложности не заключала въ себѣ дефектовъ. И вотъ почему одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ педагогики заключается въ томъ, чтобы сообщить воспитанію жизненный характеръ, удаливъ изъ него все искусственное и условное, но въ то же время оградить ребенка отъ деморализующаго вліянія современной среды. И если мы разсмотримъ эволюцію методовъ и пріемы воспитанія,

то видимъ, что именно въ этомъ направленіи движется развитіе самой педагогики.

Та же идея развитія даетъ указанія и насчетъ того, какъ долженъ относиться педагогъ къ данному содержанію преподаванія. Извѣстны школы, гдѣ воспитанникамъ сообщаются напередъ данныя истины, своего рода догмы. Дѣло воспитателя передать эти истины въ готовомъ видѣ; дѣло воспитанника усвоить ихъ, хорошо выразить, а на высшей ступени и хорошо защитить въ случаѣ спора. Но, какъ вполнѣ справедливо замѣтилъ извѣстный Аміэль, надо больше всего бояться всякихъ незыблемыхъ догмъ, ибо всѣ онѣ съ теченіемъ времени оказываются предразсудками. По эволюціонной теоріи, и истина, и этика, и эстетика развиваются. Добро и красота теперь представляются намъ иными, чѣмъ представлялись человѣку каменнаго вѣка, и въ будущемъ станутъ представляться другими, чѣмъ теперь. Руководясь ученіемъ о развитіи, педагогика не можетъ остановиться на какой-нибудь догмѣ, какъ это было раньше. Зная, что все развивается— и самъ человѣкъ, и общество, въ которомъ онъ живетъ, и человѣчество, и сама природа, педагогъ не можетъ быть сторонникомъ застоя или реакціи. Его лозунгомъ можетъ быть только одно: впередъ, все впередъ по пути безконечнаго прогрессивнаго развитія. И съ нашей точки зрѣнія надо учить ученика не только тому, что нынѣ признается истиною, но, главнымъ образомъ, тому, какъ открываютъ истину. Ученикъ по этой теоріи не пассивно и не механически воспринимаетъ матеріалъ обученія, а активно дѣлаетъ переоткрытія. Учитель ставитъ задачи, даетъ матеріалы, а ученикъ самъ собственными усиліями снова отыскиваетъ, открываетъ или изобрѣтаетъ то, что было открыто и изобрѣтено до него. Онъ учится при этомъ не только знаніямъ, а какъ ихъ пріобрѣсти, какъ самому наблюдать, самому экспериментировать, самому открывать, изобрѣтать, обобщать, сравнивать, классифицировать, отыскивать и выражать найденное въ устномъ и письменномъ словѣ, въ рисункѣ. Онъ учится методу. Въ то время, какъ догматическая педагогія, дрессируя дѣтей

заставляя ихъ заучивать готовое, задерживала развитіе, новая школа будетъ развивать, пріучая къ самодѣятельности и творчеству.

Того же самаго метода держится новая педагогика не только въ дѣлѣ обученія, но и въ дѣлѣ воспитанія. Воспитатель не навязываетъ дѣтямъ этическихъ догмъ, а старается создать подходящую соціальную среду, кружокъ товарищей съ тѣмъ, чтобы дѣти сами въ своихъ общихъ играхъ, затѣяхъ, работахъ, увлеченіяхъ, въ обсужденіи общихъ дѣлъ, въ столкновеніяхъ интересовъ, самолюбій учились жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, устанавливать элементарныя правила общежитія. При такихъ условіяхъ дѣти сами вынуждены будутъ подчинять свои личные капризы и интересы общимъ интересамъ товарищества. На этой почвѣ сношеній съ товарищеской средой зарождаются чувства дружбы, солидарности и справедливости. Дѣти сами приходятъ къ мысли создать опредѣленныя правила (письменныя или нѣтъ — все равно) для игръ, для занятій. Роль воспитателя сводится къ тому, чтобы создать подходящую атмосферу и настроеніе, дать необходимыя игрушки, инструменты, познакомить съ подходящими играми и занятіями, предоставляя дѣтямъ самимъ выбирать изъ допустимыхъ игръ, что имъ нравится, предоставляя имъ критиковать, принимать или отвергать предложенія воспитателя.

Догматическая школа смотритъ назадъ, въ прошлое; эволюціонная стремится впередъ, къ будущему. Догматическая школа приглашаетъ ученика принимать на вѣру догмы, воспитываетъ безусловное подчиненіе безусловному авторитету; эволюціонная пріучаетъ ученика къ критическому мышленію.

Новая педагогика, какъ увидимъ ниже, беретъ все, что есть цѣннаго и въ греческомъ воспитаніи, и въ гуманизмѣ, и въ реализмѣ, и въ свободномъ воспитаніи, и въ практическомъ, и въ утилитарномъ, но отбрасываетъ изъ каждой системы то, что въ ней есть фантастическаго и ложнаго.

Чтобы еще разъ показать, какъ защищаемая нами система осуществляется на практикѣ, возьмемъ вопросъ объ индивидуалистическомъ воспитаніи. Воспитаніе, основанное на изложенныхъ началахъ, не будетъ исключительно индивидуалистическимъ, потому что теорія развитія признаетъ приспособленіе индивидуума къ средѣ, а въ человѣческомъ обществѣ прежде всего къ средѣ соціальной. Но оно не будетъ стремиться и къ тому, чтобы поглотить личность во имя общества, какъ это было до эпохи возрожденія во всей Европѣ, а во многихъ странахъ существуетъ и сейчасъ. Новая педагогика, признавая въ основѣ человѣческой природы стремленіе къ прогрессивному развитію, требуетъ самаго бережнаго отношенія къ природнымъ наклонностямъ и стремленіямъ ребенка. Какъ бы малъ ни былъ ребенокъ, но это будетъ драгоцѣнная человѣческая жизнь съ опредѣленными стремленіями къ прогрессивному развитію и наша обязанность удовлетворять и содѣйствовать развитію всего, что есть въ этихъ стремленіяхъ человѣческаго и нормальнаго. Мы должны полагаться на это естественное стремленіе ребенка и слѣдовать за нимъ, если нѣтъ твердыхъ показаній о дефектахъ его стремленій. Каковы бы ни были запросы общества, воспитатель будетъ считаться съ силами ребенка, въ мѣру его способностей. Кромѣ того, мы должны сообразоваться съ индивидуальными стремленіями дѣтей, итти навстрѣчу ихъ просыпающимся интересамъ, способностямъ и наклонностямъ и развивать ихъ въ моментъ ихъ проявленія. Не раньше, но и не позже этого момента давать матеріалы для развитія данной способности: не позже, потому что всякая способность безъ упражненій атрофируется и въ случаѣ слишкомъ большого запозданія ее часто невозможно бываетъ возстановить; не раньше, потому что упражненіе, если оно начато раньше, нежели проснулась способность и потребность, можетъ вызвать отвращеніе у ученика. Что хорошо для взрослаго, то очень часто бываетъ плохо для ребенка.

Идея развитія требуетъ примиренія между интересами личности и общества. Не выбирать между под-

готовкою къ современной соціальной средѣ и удовлетвореніемъ личнаго стремленія къ развитію будетъ воспитатель, а согласовать оба эти требованія. Общество не должно поглощать личность, а должно помочь ея развитію. Перефразируя Гюйо, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что и въ природѣ цѣлое не поглощаетъ своихъ частей. Такъ, напримѣръ, всѣ планеты движутся вокругъ солнца, но это не мѣшаетъ каждой изъ нихъ вращаться вокругъ собственной оси и не мѣшаетъ вращаться вокругъ планетъ ихъ спутникамъ.

Что между обществомъ и личностью можетъ быть установлена гармонія, безъ нарушенія интересовъ того и другого — это для насъ внѣ сомнѣнія. Изъ рабовъ, воспитанныхъ въ рабскихъ чувствахъ, нельзя составить совершеннаго общества. Но въ то же время и общество, основанное на деспотизмѣ, т.-е. на рабствѣ, воспитываетъ рабовъ. Выходомъ изъ этой мертвой петли, изъ этого порочнаго круга служитъ одновременное освобожденіе и раскрѣпощеніе и общества и личности: общественная реформа, съ одной стороны, и реформа воспитанія—съ другой. Одностороннее рѣшеніе этого вопроса было бы обречено на неизбѣжный провалъ. Одна общественная реформа не имѣла бы успѣха, потому что изъ рабскихъ чувствъ и привычекъ народа вслѣдъ за реформою снова, какъ бы изъ пепла, возродится деспотизмъ, отличающійся отъ прежняго по формѣ, но тождественный съ нимъ по существу, какъ это и подтверждаетъ исторія. Одна реформа въ воспитаніи не имѣла бы успѣха, потому что ея осуществленія, если только она была раціональной, не допустилъ бы деспотизмъ. Съ другой стороны, чѣмъ развитѣе, разнообразнѣе по своимъ талантамъ, самобытнѣе и сильнѣе личности, тѣмъ выше и общество, изъ нихъ составленное. И чѣмъ выше общественный строй, чѣмъ больше общественныхъ связей между отдѣльными личностями, чѣмъ разнообразнѣе и гуманнѣе эти связи, тѣмъ лучше обезпечено развитіе каждой личности въ отдѣльности. Условія, въ какія былъ поставленъ Робинзонъ, со-

всѣмъ неблагопріятны ни для умственнаго, ни для нравственнаго развитія личности.

Психика дѣтей измѣняется изъ поколѣнія въ поколѣніе вмѣстѣ съ окружающею средою и въ зависимости отъ вліяній, одновременно воздѣйствующихъ и на саму общественную среду. Это одно изъ основаній, почему не надо бояться слишкомъ крупныхъ конфликтовъ между соціальной средою и индивидуальными качествами нормальнаго человѣка.

Развитіе личности и развитіе общества идутъ совмѣстно и параллельно другъ съ другомъ, потому что они связаны между собою безчисленнымъ множествомъ нитей. Конечно, эти связи бываютъ разныя. Общество можетъ существовать лишь въ интересахъ привилегированныхъ, правящихъ классовъ, а не въ интересахъ всѣхъ. Для остальной массы оно можетъ быть не матерью, а мачехой. Обезпечивая благосостояніе немногихъ, оно можетъ требовать отъ всѣхъ другихъ лишь однѣхъ жертвъ на алтарь того отечества, которое для большинства было либо тюрьмою, либо завоеванной страной, либо государствомъ голодающихъ рабовъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ согласованіе и примиреніе интересовъ личности съ интересами общества не легко, и педагогика въ данномъ случаѣ безсильна. Но въ нормальныхъ условіяхъ оно вполнѣ естественно.

Страданія, какія испытываютъ люди, когда въ нихъ происходятъ непримиримыя коллизіи между интересами личными и общественными — быть-можетъ, представляютъ собою послѣдствія ошибокъ въ воспитаніи. Согласить личныя и общественныя стремленія — вотъ благороднѣйшая задача воспитанія. Воспитатель въ заботахъ о всестороннемъ развитіи личности не долженъ забывать, что человѣкъ всегда былъ и теперь есть соціальное существо, что одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ способностей личности — это общественные инстинкты, и они наравнѣ съ другими требуютъ своего развитія.

Но если подъ общественнымъ воспитаніемъ разумѣть подготовку агентовъ для опредѣленнаго государствен-

наго строя, то, исходя изъ природнаго стремленія ребенка къ развитію, мы должны протестовать противъ такого воспитанія. Никакой строй, даже самый наилучшій, не имѣетъ права дѣлать изъ *школы* орудіе для достиженія политическихъ цѣлей. Для такихъ воздѣйствій служатъ особыя учрежденія: митинги, клубы, кружки, газеты и проч., а не школы, у которыхъ есть свое дѣло, не менѣе важное, чѣмъ политика.

Всякое постороннее вмѣшательство въ педагогическое дѣло извращаетъ его даже тогда, когда оно исходитъ хотя бы изъ самыхъ лучшихъ, но чуждыхъ общеобразовательнымъ задачамъ стремленій.

И если до сихъ поръ школьное дѣло не только у насъ, но и въ болѣе культурныхъ странахъ далеко не достигло такого развитія, какъ, напримѣръ, медицина, психіатрія и пр., то это прежде всего потому, что школѣ мѣшали постороннія, чуждыя ей цѣли, навязываемыя ей то государствомъ, то церковью, то сословными и классовыми интересами, то практическими стремленіями отцовъ и матерей, выбирающихъ для своихъ дѣтей опредѣленную профессію чуть ли не съ младенчества. Въ сущности школа никогда не была общеобразовательной; она была или казенной бюрократической, либо церковной, либо сословной, либо профессіональной. И разумѣется, всякія воспитательныя попытки такой школы, кромѣ вреда нормальному развитію ребенка, ничего принести не могли.

Не трудно видѣть, какъ именно вліяли такія попытки на воспитаніе. Подъ сильными давленіями то государства, то церкви, то сословій, то профессіональныхъ требованій школа переставала быть сама собою, ставила себѣ совсѣмъ не педагогическія задачи и забывала объ ученикѣ. Воспитательныя воздѣйствія, выборъ и расположеніе учебнаго матеріала, пріемы преподаванія — все это должно было выводиться не изъ анализа естественнаго стремленія ученика къ развитію и не изъ анализа педагогическихъ идеаловъ, а изъ анализа тѣхъ требованій, которыя навязывались

школѣ чуждыми всякой педагогикѣ учрежденіями и лицами. И если школѣ удастся сбросить съ себя иго постороннихъ вліяній, откуда бы они ни исходили, если она сама будетъ ставить себѣ свои задачи, то она положитъ въ основу своей работы идею развитія личности и общества и естественное стремленіе къ развитію самого ребенка. И отъ этого выиграетъ не только личность, но и общество и государство, такъ какъ ничто такъ не портитъ нравственность, не ослабляетъ умъ, какъ государственный или клерикальный или партійный гнетъ; а отъ этого, конечно, терпитъ и государство.

Я считаю возможнымъ этимъ закончить свое предисловіе, потому что всѣ главныя практическія примѣненія системы будутъ изложены попутно въ самой книгѣ и въ слѣдующихъ за нею выпускахъ.

Укажемъ только, что предлагаемое объединеніе современныхъ педагогическихъ идей съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи и на почвѣ природнаго стремленія ребенка къ развитію, несомнѣнно, носитъ высокопрогрессивный характеръ.

Эта теорія, поддерживая вѣру въ прогрессивное развитіе, которое съ этой точки зрѣнія является естественной необходимостью и закономъ самой человѣческой природы, сообщаетъ намъ оптимистическое, бодрое настроеніе, вѣру въ лучшее будущее человѣческаго рода, несмотря на дефекты настоящаго. Идея развитія не дастъ намъ остановиться и застыть на какой-нибудь догмѣ, а будетъ толкать насъ и двигать впередъ по пути безконечнаго развитія. И для вѣры въ способность человѣческой расы къ безграничному совершенству съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакой надобности въ сверхъестественныхъ и потусторонніхъ силахъ. Для этого вполнѣ достаточно тѣхъ силъ, которыми располагаетъ сама природа. Никакой другой теоріи не удавалось заглянуть такъ далеко въ прошлое нашихъ самыхъ отдаленныхъ предковъ и связать такъ естественно и ясно простыми логическими связями прошлое съ настоящимъ, давая намъ тѣмъ самымъ возможность предвидѣть будущее.

Мы понимаемъ, что отъ каждаго педагога нельзя требовать, чтобы онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія изъ этой области. Но въ данномъ случаѣ совсѣмъ не надо быть спеціалистомъ, обладать огромной эрудиціей. Здѣсь рѣчь идетъ объ ознакомленіи съ общими принципами, установленными эволюціонной теоріей, и съ ихъ примѣненіемъ къ педагогикѣ, а такую работу нельзя считать непосильной для педагога. А о развитіи индивида и особенно о психологіи дѣтскаго возраста нечего и говорить. Послѣдній предметъ безусловно обязателенъ для каждаго педагога.

Не претендуя на сколько-нибудь полное и систематическое изложеніе теоріи эволюціи и отсылая читателей, желающихъ познакомиться съ нею, къ работамъ спеціалистовъ-біологовъ, я хотѣлъ бы только намѣтить тѣ пункты въ этомъ ученіи, которые представляются мнѣ особенно важными въ отношеніи воспитанія.

Конечно, теорія эволюціи и прогресса, равно какъ и этика должны быть разсмотрѣны съ чисто педагогической точки зрѣнія. Не все, что есть въ этихъ отрасляхъ знанія и мысли, одинаково важно для педагога. Далеко не все отсюда войдетъ какъ необходимая часть въ общую педагогику. И это даетъ мнѣ смѣлость начать мою книгу самымъ краткимъ обзоромъ теоріи эволюціи и прогресса со спеціально педагогической точки зрѣнія, потому что именно такая точка зрѣнія должна болѣе всего интересовать педагоговъ.

Элементы, которые мы заимствовали изъ отраслей знанія, касающихся развитія и прогресса, и перенесли въ границы педагогики, мы должны были переработать со спеціально педагогической точки зрѣнія.

Здѣсь важенъ не столько самый матеріалъ (онъ общеизвѣстенъ), сколько тотъ уголъ зрѣнія на эту теорію, подъ какимъ можетъ смотрѣть на нее педагогъ.

Но одного связующаго принципа, конечно, недостаточно. Нужно, чтобы было, что связывать; нужна разработка каждаго отдѣла педагогики и каждаго частнаго вопроса особо. Эволюціонная теорія не можетъ дать

подробныхъ указаній, какъ пользоваться въ томъ или другомъ частномъ случаѣ предметнымъ или эвристическимъ методомъ преподаванія, какъ овладѣть вниманіемъ класса, какими мѣрами исправить тѣ или другіе дефекты ребенка въ области воли, какъ поступать въ тѣхъ или другихъ затрудненіяхъ, то и дѣло встрѣчающихся въ педагогической практикѣ. На этомъ пути мы встрѣчаемся со слѣдующимъ затрудненіемъ. Источники, которыми приходится пользоваться, очень разнообразны и далеко неравноцѣнны. Когда мы обращаемся, напримѣръ, къ педагогикѣ XIX и предшествующихъ вѣковъ, то находимъ, что нѣкоторыя отрасли знанія, соприкасающіяся съ педагогикой, полны неопредѣленными переносными выраженіями въ родѣ «духъ», «воля къ жизни», мое «Я», всѣ метафизическія сущности со своими акциденціями и проч. Педагогика и дидактика представляли изъ себя то рядъ нерѣдко противорѣчивыхъ рецептовъ, диктуемыхъ догматически, безъ всякихъ доказательствъ, то рядъ выводовъ изъ общихъ малоопредѣленныхъ положеній, тоже не вполнѣ доказанныхъ и нерѣдко спорныхъ.

Это не значитъ, что намъ надо игнорировать всѣ указанія старой педагогики. Она все же вела насъ впередъ и представляла необходимый этапъ на пути къ развитію здравыхъ теорій воспитанія. Изъ нея и теперь еще можно черпать драгоцѣнныя указанія. Ея догмы позволяютъ намъ лучше разобраться въ тѣхъ новыхъ матеріалахъ, которые принесъ намъ конецъ XIX и начало XX вѣка. И теперь еще намъ, какъ до звѣзды небесной, далеко до осуществленія на практикѣ всѣхъ ея идеаловъ. Для насъ поучительны даже ея ошибки. Зная ихъ, намъ будетъ легче избѣжать ихъ въ будущемъ.

Но нельзя не признать, что у этой почтенной старушки — старинной педагогики было мало фактической обоснованности. Было много теорій, абстракцій, широкихъ лозунговъ, высокихъ завѣтовъ и идеаловъ, педагогическихъ заповѣдей, всеобъемлющихъ предписаній; но у всего этого не было прочнаго фундамента,

не было достаточно конкретнаго матеріала, не собирались и не регистрировались наблюденія, опыты и не обрабатывались научно факты. Мы не сомнѣваемся, что значительное число положеній старой педагогики было выведено ея творцами либо изъ личнаго опыта и личныхъ наблюденій и переживаній, либо изъ общихъ философскихъ положеній, въ основѣ которыхъ большею частію лежатъ тоже личныя переживанія ихъ творцовъ. Но этотъ опытъ, эти наблюденія очень часто, почти всегда оставались для всѣхъ секретомъ. Обнародывались только выводы и притомъ нерѣдко въ такой формѣ, словно они были божественнымъ откровеніемъ, не допускавшимъ ни сомнѣній, ни критики. Теорія педагогики давно уже взяла отъ этого интуитивнаго метода почти все, что можно было взять отъ него. Пользуясь имъ однимъ, она уже не можетъ двигаться дальше. Для дальнѣйшихъ шаговъ ея нуженъ болѣе соотвѣтствующій методъ. И новая педагогика, и дидактика держатся теперь обратнаго метода. Онѣ начинаютъ съ опыта, экспериментовъ, наблюденій и вообще фактовъ и стараются какъ можно искуснѣе и осторожнѣе систематизировать этотъ матеріалъ, чтобы сдѣлать изъ него необходимые выводы и обобщенія, открыть законы и общіе принципы. Это тотъ путь, которымъ въ древности шелъ Аристотель. Знаменитый Бэконъ прославился въ новой исторіи тѣмъ, что вновь открылъ этотъ забытый тогда методъ. Это—методъ, благодаря которому Дарвинъ сдѣлалъ величайшія открытія въ біологіи Въ области физики, химіи, естествовѣдѣнія каждый ученый съ крупнымъ именемъ является сторонникомъ этого метода. Это—методъ, которому слѣдовалъ Бокль въ исторіи, Тэнъ въ психологіи, исторіи и литературѣ. Это—методъ, блестящую защиту котораго мы находимъ у Милля. Правда, люди, склонные къ мистицизму и увлекающіеся теперь либо мистическимъ анархизмомъ, либо символизмомъ, либо неохристіанствомъ, либо декадентствомъ и проч., находятъ, что этотъ методъ даетъ немного и не объясняетъ всего. Но на аналогичныя обвиненія со стороны мистиковъ еще сто лѣтъ назадъ остроумно отвѣтилъ Дидро: «Я заблудился тем-

ной ночью въ громадномъ дремучемъ лѣсу, — говорилъ онъ. — Въ рукахъ у меня былъ только маленькій фонарь, съ помощью котораго я надѣялся когда-нибудь выбраться. Но вотъ предсталъ предо мною незнакомецъ и сказалъ: «Чтобы выбраться на дорогу, потуши свой фонарь». Маленькій фонарь для нашего времени— это путь опыта и наблюденій; незнакомецъ — это мистикъ. Свести къ фактамъ и къ ихъ системѣ всю жизнь и развитіе ребенка — вотъ задача защищаемаго нами метода новой педагогики. Изучать одно явленіе вслѣдъ за другимъ, собирать и изучать факты, связывать и сопоставлять ихъ другъ съ другомъ, классифицировать ихъ логическими связями, увеличивать списокъ этихъ изученныхъ и связанныхъ другъ съ другомъ явленій, стараться понять ихъ зависимость, отыскать общія черты въ самыхъ различныхъ фактахъ — вотъ характеристическая черта этого метода. Каждое общее понятіе, каждый законъ, каждый принципъ должны быть разложены на конкретныя явленія, на факты и на связи между этими фактами. Безъ этого всѣ понятія, всѣ принципы, всѣ законы явленій будутъ висѣть въ воздухѣ, будутъ безпочвенными, хотя, быть-можетъ, и очень стройными и красивыми созданіями человѣческаго ума. Исторія показываетъ, какъ гибли самыя знаменитыя теоріи, системы, религіи, но какъ при этомъ оставались хорошо изученные факты. При недостаткѣ точныхъ фактовъ въ нашей головѣ преобладаютъ иллюзіи, фантазіи и ложныя гипотезы. Педагогика полна традиціонныхъ предразсудковъ, иллюзій, безпочвенныхъ фантазій, и у насъ нѣтъ другихъ средствъ очистить ее отъ всего этого хламу, накопленнаго тысячелѣтіями, какъ изученіе и подборъ достовѣрныхъ фактовъ. И мы должны разъ навсегда отказаться въ своихъ выводахъ вступать въ противорѣчіе съ фактами. Выводъ изъ достовѣрныхъ фактовъ, касающихся жизни и развитія ребенка, долженъ быть священнымъ для насъ, и никакія теоріи и никакія традиціи не могутъ, не должны колебать такого вывода. Пусть сама теорія видоизмѣняется, приспособляясь къ фактамъ, а не наоборотъ.

Мы хотѣли бы видѣть въ педагогикѣ хранилище обобщенныхъ и достовѣрныхъ фактовъ, касающихся дѣтской природы и развитія. Когда достовѣрность фактовъ установлена твердо, когда никакія неблагопріятныя случайности не мѣшали постановкѣ эксперимента, когда выводы изъ этихъ фактовъ и экспериментовъ подтверждены всѣми повторными наблюденіями и опытами, тогда никакой авторитетъ, никакія привычки и никакія теоріи не должны колебать такихъ выводовъ.

Какими же способами мы станемъ добывать факты, необходимые для нашихъ педагогическихъ выводовъ? Мы не будемъ пренебрегать и самымъ древнимъ способомъ, методомъ Сократа—самонаблюденіемъ. Прежде чѣмъ узнать другихъ людей, надо познать самого себя. Что бы ни говорили объ этомъ способѣ, мы все же обязаны ему очень многимъ. Личныя переживанія играютъ господствующую роль во всѣхъ исповѣдуемыхъ нами вѣрованіяхъ, теоріяхъ, системахъ, въ нашихъ чувствахъ, въ нашемъ образѣ жизни и въ нашей дѣятельности. Отъ нихъ намъ во всякомъ случаѣ не уйти, если бы мы даже этого хотѣли.

Но, конечно, одного этого метода мало. Наблюдая только одного себя, я не буду знать, какія изъ моихъ качествъ принадлежатъ и всѣмъ другимъ людямъ, а какія принадлежатъ лично мнѣ, какія свойства общи всему человѣческому роду, данной расѣ, данному сословію или классу и какія составляютъ мои личныя, отличительныя, особенныя черты, свойственныя только мнѣ. Стало-быть, кромѣ самонаблюденія, нужно еще наблюденіе другихъ людей. Только эти наблюденія выясняютъ намъ, какія явленія, подлежащія изученію педагога, надо считать типичными и какія нѣтъ, какія общими и какія индивидуальными.

Необходимо изучать жизнь дѣтей во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Въ этихъ видахъ я воспользовался біографіями и автобіографіями, представляющими богатѣйшій матеріалъ для педагогическихъ выводовъ и обобщеній. Онѣ представляютъ еще ту вы-

году, что я могъ сопоставлять факты дѣтства и юношества съ фактами зрѣлаго возраста и такимъ образомъ точнѣе опредѣлить вліяніе дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній на умственное и нравственное развитіе человѣка.

Въ біографіяхъ мы находимъ не только дѣйствія, но очень часто и мотивы этихъ дѣйствій и внѣшнія условія, вызвавшія тѣ или иныя стремленія, чувства и представленія, опредѣляющія данное дѣйствіе или направленіе дѣятельности.

Мы беремъ біографіи знаменитыхъ людей не потому, что они прославились и въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою лучшіе типы людей, но еще и потому, что ихъ жизнь хорошо изучена.

Мы думаемъ, что психика выдающихся людей состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, какъ и психика средняго человѣка, — вся разница въ томъ, что у талантливыхъ и геніальныхъ людей нѣкоторыя свойства, общія всѣмъ людямъ, выражены ярче.

Но все же мы считали полезнымъ дополнить эти данныя еще свѣдѣніями, добытыми посредствомъ анкеты относительно жизни самыхъ обыкновенныхъ людей.

Кромѣ того, я ставилъ массовые опыты въ школахъ и подвергалъ ихъ обработкѣ статистическими методами. Я обращался къ разнымъ лицамъ, чтобы они сообщили мнѣ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ по опредѣленной данной мною программѣ.

Первое, что бросилось мнѣ при этой работѣ въ глаза и что всегда получается при такихъ опытахъ, это крайнее разнообразіе индивидуальностей. При массовыхъ опытахъ съ учениками (я имѣлъ дѣло съ нѣсколькими стами дѣтей) нельзя найти даже двухъ учениковъ съ совершенно одинаковой индивидуальностью. Каждый изъ нихъ представляетъ свое, ему одному свойственное сочетаніе особенностей. Каждый изъ нихъ вполнѣ самобытенъ. Они могутъ повторять другъ друга въ отдѣльныхъ случаяхъ, но они никогда не совпадаютъ въ цѣломъ. Работоспособность, вниманіе, память, воображеніе, на-

клонность къ подражанію и внушенію, чувства, интересы, наклонности, привычки, способъ воспріятія и проч.—каждая изъ способностей въ разныхъ индивидуумахъ даетъ цѣлую непрерывную гамму почти всѣхъ возможныхъ степеней развитія и направленія.

Выражаясь метафорически, жизнь не любитъ перерывовъ, пустотъ, она наполняетъ почти всѣ промежутки между максимумомъ и минимумомъ. Измѣрьте, напримѣръ, слуховую память на слова у нѣсколькихъ сотенъ дѣтей, и если максимальное число воспроизведенныхъ словъ будетъ 9, а минимальное 2, то вы будете имѣть почти всѣ девять степеней памяти: будутъ дѣти, запомнившія 8 словъ, 7, 6, и такъ вплоть до минимума. Тотъ же самый результатъ вы получите, если будете изучать вниманіе дѣтей, ихъ подражательность, податливость внушенію, быстроту того или другого процесса, работоспособность, успѣшность въ ученіи и т. д. Правда, число дѣтей на различныхъ степеняхъ той или другой способности будетъ различно. Всего больше будетъ дѣтей съ средней памятью, съ среднимъ вниманіемъ, съ средней работоспособностью и проч., и это число будетъ уменьшаться по мѣрѣ приближенія къ ма- муму или минимуму, гдѣ оно будетъ всего меньше. Геніи и идіоты рѣдки, а среднихъ людей много, и чѣмъ дальше отъ средняго ребенка къ генію или идіоту, тѣмъ меньше число дѣтей — таковъ выводъ, къ которому всегда приводитъ обработка массовыхъ наблюденій. Но гамма той или другой способности, при массовыхъ наблюденіяхъ, почти всегда будетъ полною: всѣ ступени лѣстницы будутъ заняты съ тою только разницею, что на самыхъ нижнихъ и самыхъ верхнихъ ступеняхъ дѣтей будетъ мало, а на среднихъ ступеняхъ— много.

Огромную массу фактовъ представляетъ богатѣйшая литература, посвященная изученію ребенка. И на первомъ мѣстѣ мы должны поставить экспериментальную психологію дѣтства и экспериментальную педагогику. Несмотря на то, что эти отрасли знаній принадлежатъ къ числу самыхъ молодыхъ, онѣ внесли очень много новаго въ педагогику; а главное

онѣ внесли точность и опредѣленность туда, гдѣ ея не было. Послѣ того, какъ выгоды предметнаго метода обученія были доказаны экспериментальнымъ путемъ, никакое мракобѣсіе не въ силахъ будетъ изгнать этотъ методъ изъ школы, не впадая въ противорѣчіе съ очевидными выводами изъ очевидныхъ фактовъ и опытовъ, которые каждымъ педагогомъ могутъ быть повторены и провѣрены. Послѣ того, какъ экспериментально изслѣдованъ процессъ чтенія, было бы преступно игнорировать полученные такимъ образомъ выводы при обученіи грамотѣ. Послѣ того, какъ появились работы въ этой области Стэнли Холла, Бинэ, Меймана, Лая, а у насъ А. П. Нечаева, Лазурскаго и друг., стало совершенно невозможно относиться къ нимъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ какимъ такъ недавно еще наши педагоги и особенно близкіе къ официальнымъ сферамъ смотрѣли на эти новизны. Но, признавая безспорныя заслуги экспериментальной педагогики, мы все же не можемъ признать за одной этой областью исключительнаго значенія. Ей далеко еще до окончательнаго установленія тѣхъ правилъ, пріемовъ и методовъ, которыхъ мы ждемъ отъ нея. Все, что она научно установитъ путемъ опытовъ и наблюденій, мы должны примѣнить къ школѣ. Но жизнь не ждетъ и какъ бы ни были велики пробѣлы въ выводахъ экспериментальной педагогики, мы не можемъ откладывать воспитанія и обученія нашихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока эти пробѣлы будутъ заполнены экспериментальной педагогикою путемъ строгихъ и массовыхъ опытныхъ изслѣдованій. Мы должны вносить улучшенія въ современную школу и устранить всѣ ея недостатки сейчасъ же.

Поэтому мы пользовались также и сочиненіями по педагогикѣ и дидактикѣ, не носящими характера экспериментальной педагогики; мы пользовались работами съѣздовъ по народному образованію. Кромѣ того, матеріаломъ служили мнѣ еще книги по психопатологіи. Нечего и говорить, что книги, посвященныя этикѣ, также дали матеріалъ для нашей работы. Я считалъ также возможнымъ пользоваться и личнымъ воспомина-

ніями, какъ о своемъ воспитаніи и обученіи, своими наблюденіями надъ воспитаніемъ и обученіемъ знакомыхъ дѣтей, а также обмѣномъ мнѣній съ учителями, а число учащихъ, съ которыми мнѣ приходилось вступать въ сношенія и бесѣды, громадно. Я дѣлалъ это уже потому, что не могъ бы отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній, наблюденій и бесѣдъ, если бы даже хотѣлъ этого.

Мы пользовались также и беллетристикой. Кому неизвѣстно, что въ вопросахъ жизни художники слова очень часто далеко опережаютъ науку, какимъ-то чутьемъ, путемъ интуиціи угадывая то, что наука откроетъ и докажетъ только спустя много лѣтъ. Такіе писатели, какъ Шекспиръ, какъ Гёте, какъ наши Достоевскій и Толстой, вполнѣ справедливо могутъ быть названы провидцами, заглядывавшими въ такія глубины человѣческой души, куда до нихъ не проникала никакая наука.

Согласенъ, что эти матеріалы довольно разнообразны и неравноцѣнны по своей достовѣрности; но когда они приведены во взаимную связь, когда одни изъ этихъ матеріаловъ помогаютъ намъ понять другіе матеріалы, когда мы пользуемся ими, чтобы провѣрять одинъ источникъ путемъ сопоставленія его съ другими источниками, когда мы подвергаемъ неустанной критикѣ каждый фактъ, прежде чѣмъ положить его въ основу вывода, тогда само разнообразіе источниковъ идетъ на пользу и помогаетъ установленію истины, какъ допросъ разнообразныхъ свидѣтелей и экспертовъ помогаетъ обнаруженію истины на судѣ.

Главное затрудненіе въ примѣненіи даннаго метода къ педагогикѣ состоитъ въ томъ, что количество фактовъ громадно. Фактовъ больше, чѣмъ капель въ океанѣ, число фактовъ безконечно. И съ этимъ затрудненіемъ встрѣчается всякій изслѣдователь. Перечислять всѣ факты невозможно, а если бы даже и было возможно, то это было бы громаднымъ, непосильнымъ бременемъ для самой феноменальной памяти, для всякаго ума и всякой науки. Нужно умѣть разбираться въ этихъ фактахъ, выбирать между ними.

Надо выбирать, во-первыхъ, по степени достовѣрности фактовъ и, во-вторыхъ, по степени важности ихъ. Есть факты достовѣрные, есть только вѣроятные и есть, наконецъ, воображаемые. Въ основу нашихъ выводовъ мы должны брать только факты первой категоріи. Факты второй категоріи, факты только вѣроятные, годятся иногда для иллюстрацій, когда выводъ уже обоснованъ на достовѣрныхъ данныхъ, но не годны для самаго вывода. О фактахъ фантастическихъ, объ анекдотахъ нечего и говорить: это значило бы подражать китайцамъ, которые устрашаютъ непріятеля нарисованными пушками и драконами.

Да и достовѣрные факты нельзя брать безъ всякаго разбора. Надо выбирать изъ нихъ лишь наиболѣе существенное, основное и характерное, безжалостно отбрасывая все случайное и маловажное. Можно было бы, напримѣръ, собрать данныя, сколько у каждаго ребенка дядей и тетокъ, въ какой день недѣли каждый изъ нихъ родился и т. п., но едва ли обработка этихъ свѣдѣній дастъ выводы, заслуживающіе въ педагогическомъ отношеніи потраченнаго на эту работу труда.

Но чтобы умѣть отличить основное отъ случайнаго, необходимы обобщенія и отвлеченія. Только тогда изъ массы фактовъ мы можемъ выбрать такіе, изъ коихъ можно вывести всѣ остальные. Для примѣра возьмемъ перпендикуляръ. О немъ можно написать цѣлую брошюрку. Но у перпендикуляра есть одно свойство, изъ котораго выводятся всѣ остальныя—это образуемые имъ прямые углы. Тѣмъ же самымъ путемъ отвлеченія мы находимъ, что самымъ основнымъ и существеннымъ свойствомъ человѣческаго рода является его разумъ и развитой мозгъ. Отсюда мы выведемъ не только всѣ его положительныя черты: науку, искусство, рѣчь, технику и проч., что ясно съ перваго взгляда, но и отрицательныя качества: менѣе, чѣмъ у животныхъ, развитые мускулы, зубы, ногти и волосяной покровъ, такъ какъ главныя силы и большая часть питанія должны были поглощаться мозгомъ.

Настоящій выпускъ является введеніемъ къ другимъ нашимъ выпускамъ, посвященнымъ болѣе частнымъ вопросамъ педагогики и дидактики; но методы нашей работы остаются одними и тѣми же для всѣхъ выпусковъ. Въ числѣ литературныхъ источниковъ я пользуюсь и своими уже опубликованными работами и особенно тѣми, которыя разбросаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ или въ книгахъ, давно уже разошедшихся. Чтобы не увеличивать объема книги, мы не дѣлаемъ подробныхъ ссылокъ на страницы и названія изданій, равно какъ и на наши личныя изслѣдованія и анкеты, къ подробному изложенію которыхъ все равно намъ придется вернуться позже въ другихъ нашихъ изданіяхъ.

Въ стремленіи сдѣлать возможно популярнѣе наше изложеніе мы очень часто отступаемъ отъ принятой въ спеціальной литературѣ терминологіи.

Приступая къ изданію перваго выпуска нашей работы, мы хорошо понимаемъ, что исчерпывающее изложеніе темы такой огромной важности не можетъ быть посильнымъ для одного человѣка [1]).

Все, что мы надѣемся дать, — это сообщить нѣсколько новыхъ данныхъ для рѣшенія занимающихъ насъ вопросовъ, а факты, извѣстные педагогамъ и приводимые нами, освѣтить съ точки зрѣнія эволюціоннаго ученія и стремленія къ развитію самого ребенка.

Всего болѣе мы боялись, что точка зрѣнія автора, спеціализовавшагося на педагогическихъ вопросахъ, не даетъ ручательства за безпристрастное отношеніе къ своему дѣлу. Мы опасаемся, что, несмотря на наше отвращеніе къ цеховой замкнутости всякаго рода, мы иной разъ невольно можемъ впасть въ преувеличенія и взглянуть на воспитаніе, какъ на дѣло, само себѣ довлѣющее, ни отъ чего другого независимое, но само все опредѣляющее; и потому мы, оставаясь вполнѣ искренними, употребимъ всѣ усилія къ тому, чтобы смотрѣть на свое дѣло не чрезъ призму узкаго спе-

---

[1]) Считаю долгомъ выразить здѣсь искреннюю признательность Э. О. Вахтеровой, И. С. Самохвалову и В. В. Симоновскому за ихъ помощь, оказанную мнѣ въ разработкѣ статистическихъ данныхъ, корректуръ и пр.

ціалиста, а съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Но мы убѣждены, что значеніе воспитанія кажется тѣмъ важнѣе, чѣмъ шире мы смотримъ на него.

Намъ кажется, именно съ такой широкой точки зрѣнія смотрѣлъ на дѣло знаменитый сатирикъ, когда онъ, доведенный до отчаянія ужасами русской жизни, нашелъ выходъ въ томъ, чтобы вложить въ сердце маленькаго русскаго ребенка всѣми отвергнутую на землѣ совѣсть и правильно воспитать его. «И будетъ,—писалъ Щедринъ,—маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама».

ГЛАВА I.

О теоріи развитія.

Послѣ Бэкона и Галилея въ теченіе трехъ столѣтій не появлялось умственнаго движенія болѣе широкаго и глубокаго, болѣе плодотворнаго и обѣщающаго, чѣмъ то, какое связано съ идеею развитія. Идея развитія является послѣднимъ словомъ современной науки и философіи. Она лежитъ въ основѣ современнаго міросозерцанія, съ нею связаны всѣ наши лучшія упованія и надежды на будущее. Она представляетъ собою самое цѣнное завоеваніе XIX вѣка и пользуется теперь почти всеобщимъ признаніемъ въ образованныхъ кругахъ всѣхъ странъ свѣта.

Я не могу, конечно, задаваться цѣлью дать сколько-нибудь полный очеркъ теоріи развитія; я остановлюсь лишь только на тѣхъ положеніяхъ, которыя, по моему мнѣнію, особенно интересны для педагога.

Если сравнить умственное состояніе Европы до XIX вѣка съ современнымъ состояніемъ, то наиболѣе отличительной чертою служитъ представленіе о неподвижности, замѣнившееся въ наше время противоположнымъ представленіемъ о развитіи жизни. Полагали, что и сейчасъ существуютъ какъ разъ только тѣ виды животнаго и растительнаго царства, какіе были созданы въ первые дни творенія, и при этомъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ предки вышли изъ рукъ Творца. Самъ величайшій естествоиспытатель XVIII вѣка, Линней провозгласилъ, что существуетъ столько же различныхъ видовъ, сколько различныхъ формъ было создано вначалѣ Безконечнымъ Существомъ.

Эта ошибка, ясно обнаруженная въ наше время, особенно благодаря Дарвину, клала печать на всю умственную жизнь человѣчества. Если нѣтъ вѣры въ развитіе, то нѣтъ вѣры и въ прогрессъ; нѣтъ вѣры въ прогрессъ,—нѣтъ и надежды на лучшее будущее, по крайней мѣрѣ, здѣсь, на землѣ. Чтобы сознательно двигаться впередъ, нужна вѣра въ возможность такого движенія; а убѣжденіе въ неподвижности всего живого указывало всякой попыткѣ къ поступательному движенію извѣстный предѣлъ, «его же не прейдеши».

Правда, позднѣе находки окаменѣлыхъ ископаемыхъ костей вымершихъ видовъ заставили Кювье предположить рядъ крупныхъ катастрофъ въ земной корѣ; но это было все же очень далеко отъ современнаго намъ представленія о медленномъ и постепенномъ измѣненіи организмовъ. До Ляйэлля не знали также о постепенномъ и естественномъ развитіи земного шара. И здѣсь существовало только представленіе о неподвижности, нарушаемой изрѣдка грандіозными катастрофами, въ родѣ потопа.

Къ счастью, такое убѣжденіе, кажется, никогда не было всеобщимъ и абсолютнымъ, и всегда были, правда, очень робкія попытки повѣрить въ движеніе. Еще древніе говорили: «все течетъ». Правда, что такая очень смутная и неопредѣленная вѣра въ измѣняемость всего сущаго могла имѣть и, дѣйствительно, имѣла двоякій смыслъ. Для однихъ она обозначала движеніе назадъ—регрессъ, а для другихъ—прогрессивное движеніе впередъ.

Было время, когда думали, что человѣчество идетъ не впередъ, а назадъ, не улучшается, а ухудшается. Мысль эту въ древности выражали въ классическомъ сказаніи о смѣнѣ вѣковъ золотого въ серебряный и затѣмъ въ мѣдный и желѣзный. Въ греческой литературѣ мы встрѣчаемъ эту легенду у Гезіода, въ римской — у Овидія. Но это представленіе обще и многимъ другимъ народамъ. Понятно, какъ отражалось такое воззрѣніе на педагогической практикѣ. «Все въ прошломъ»,— вотъ девизъ школы. Застывшія догмы, завѣщанныя прошлымъ,—вотъ программа для воспитанія.

Библія точно такъ же относила состояніе совершенства ко временамъ Адама, съ паденіемъ котораго связано и паденіе всего человѣчества. Позже считалось, что никогда и никѣмъ не превзойденный расцвѣтъ человѣчества относится къ древнему міру грековъ и римлянъ. И въ связи съ такими взглядами не оставалось ничего другого, какъ устроить школу съ программою древнихъ латинскихъ школъ, поставить во главу угла латинскій и греческій языкъ, римскую и греческую литературу. И такова устойчивость этого пережитка, что классицизмъ живъ еще и до сихъ поръ, отнимая время и силы учащихся отъ насущныхъ требованій нашего вѣка.

Идея развитія появилась сначала, какъ субъективное понятіе о совершенствованіи, прогрессѣ человѣческаго рода. Еще въ древнія времена высказывалась мысль о томъ, что человѣчество улучшается въ умственномъ отношеніи, увеличивая запасъ знаній, а чрезъ нихъ и власть надъ природою. Но мысль о всестороннемъ прогрессѣ человѣчества впервые появилась лишь въ срединѣ XVIII вѣка, когда Тюрго доказалъ, что человѣчество совершенствуется не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ эту идею поддерживаетъ и развиваетъ цѣлый

рядъ мыслителей. Изъ нихъ особенно интересенъ для педагога Кондорсэ, потому что, пламенно вѣруя въ прогрессъ, онъ видѣлъ именно въ воспитаніи ничѣмъ незамѣнимое средство къ достиженію непрерывнаго и безконечнаго совершенствованія человѣчества. Правда, что взгляды Кондорсэ для нашего времени покажутся слишкомъ оптимистическими. Кондорсэ смотрѣлъ на всю исторію, какъ на постоянный и непрерывный прогрессъ. Совершенствованіе человѣка, по его мнѣнію, безконечно, и ничто не можетъ его остановить. Прогрессъ, по его словамъ, можетъ совершаться болѣе или менѣе быстро, но никогда онъ не бываетъ ретроградным. Каждый послѣдующій моментъ представляетъ собою новый шагъ къ истинѣ и счастью. Кондорсэ сводитъ прогрессъ не только къ реальному совершенствованію человѣка, но и къ торжеству равенства.

Кондорсэ.

Обращаясь отъ французовъ къ нѣмцамъ, мы должны начать съ Канта, который смотрѣлъ на всемірную исторію, какъ на постепенное осуществленіе плана природы создать совершенное государство. Идею прогресса можно найти и у Лейбница. Отчетливое, хотя и одностороннее изложеніе теоріи прогресса мы встрѣчаемъ у Фихте, Шеллинга и, въ особенности, у Гегеля. По ихъ ученію, міръ — это лѣстница состояній и формъ, послѣдовательно, въ извѣстной очереди, смѣняющихъ одна другую. По этому ученію, нѣтъ ничего абсолютнаго, вѣчнаго, а все относительно и измѣнчиво. Все существующее теперь— только переходная ступень всеобщаго развитія; при этомъ каждая слѣдующая ступень выше, сложнѣе, значительнѣе, цѣннѣе и лучше предыдущей, либо въ количественномъ, либо въ качественномъ отношеніи, либо въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ. Каждая стадія развитія въ самой себѣ носитъ планъ и послѣдовательность, такъ сказать, свою очередь развитія. Въ примѣненіи къ исторіи человѣчества, всѣ идеи, вся литература, наука, философія, религія, — все объединяется, какъ опредѣленная стадія умственнаго состоянія, которое потомъ

перейдетъ въ другую высшую стадію, подобно тому, какъ одна метаморфоза животнаго смѣняется другою, какъ, напримѣръ, головастикъ становится потомъ лягушкою. Это ученіе не могло не отразиться на всѣхъ наукахъ о человѣческомъ духѣ. Если XVIII вѣкъ вѣрилъ во всемогущество разума и считалъ и законы, и религію, и государственный строй, и языкъ, и всю культуру продуктами преднамѣренной работы человѣческаго сознанія, то эволюціонная теорія привела къ мысли, что и общество, и государство, и языкъ, и вся культура растутъ «какъ трава», сами собою. Въ свое время и у насъ, въ Россіи, ученіе Гегеля нашло благодарную почву и создало цѣлое умственное теченіе. Наиболѣе яркій представитель этого движенія, Станкевичъ смотрѣлъ на исторію человѣчества какъ на непрерывное приближеніе къ высшей нравственной цѣли. Его главнымъ, задушевнымъ и «сладчайшимъ» вѣрованіемъ было убѣжденіе въ постепенномъ совершенствованіи и общества и личности. Поэтому ближайшей обязанностью каждаго человѣка онъ считалъ усовершенствованіе себя въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Но ученіе Гегеля было слишкомъ одностороннимъ и должно быть отнесено къ области метафизики.

Центральною идеею Гегеля была мысль объ абсолютномъ духѣ или міровомъ разумѣ, вмѣстилищемъ котораго было человѣчество. Міровой разумъ развивается, воплощаясь то въ одномъ, то въ другомъ народѣ. Въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ онъ воплощался въ Персіи, въ юности онъ былъ въ Греціи, мужемъ въ Римѣ, а въ старости жилъ въ Западной Европѣ во времена Гегеля. Здѣсь онъ нашелъ свое торжество и лучшее выраженіе. Здѣсь, повидимому, и должна была кончиться, по Гегелю, сама всемірная исторія. Необходимо отмѣтить еще ту ошибку, что Гегель игнорируетъ всѣ матеріальные и экономическіе факторы развитія общества. Такое отношеніе къ экономическимъ факторамъ заимствовали у Гегеля и русскіе славянофилы, и Аксаковъ выражаетъ это такъ: «матеріальные факторы не имѣютъ мѣста среди источниковъ прогресса. Страшная игра матеріальныхъ силъ поражаетъ съ перваго взгляда, но это одинъ призракъ: внимательный взоръ увидитъ одну только силу, движущую всѣмъ,—мысль, которая всюду присутствуетъ, но которая медленно совершаетъ ходъ свой». Между тѣмъ совсѣмъ не надо быть марксистомъ, чтобы въ наше время считать матеріальныя и экономическія отношенія факторомъ громаднаго значенія въ процессѣ развитія общественной жизни. Можно и не сводить всей исторіи къ одной экономической исторіи, какъ это дѣлаютъ марксисты, но при настоящемъ состояніи науки совершенно невозможно отрицать крупнаго вліянія хозяйственныхъ отношеній на историческій процессъ.

Гегель имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, духовную жизнь человѣчества, и вотъ почему его вліяніе ограничилось почти исключительно науками о человѣческомъ духѣ (исторіею, религіею, моралью и пр.). Не даромъ его послѣдователи говорили, что исторія дѣлается книгами. Исторію, по мнѣнію Гегеля, дѣлаютъ только идеи и ихъ носители — великія историческія личности, въ родѣ Александра Македонскаго, Цезаря, Наполеона. Народныя массы играютъ ничтожную роль и должны игнорироваться историками, а это совершенно непріемлемо съ точки зрѣнія современной науки. Цѣлью народной жизни является развитіе идей. Каждая эпоха представляетъ свою ступень въ развитіи духа. Отсюда крайне реакціонный, со всякимъ зломъ примиряющій гегеліанскій принципъ: «все существующее разумно, и все разумное существуетъ».

Огюстъ Контъ.

Кромѣ того, это ученіе грѣшило всѣми недостатками тогдашней метафизики: невниманіемъ къ опытному знанію, къ конкретнымъ фактамъ и взамѣнъ того преувеличеннымъ довѣріемъ къ абстракціямъ, догадкамъ, системамъ, гипотезамъ и къ діалектическому методу мышленія. Такъ, напримѣръ, основнымъ началомъ Гегель взялъ понятіе чистаго безсодержательнаго бытія, равнаго ничто, и изъ этого понятія выводилъ всю свою философію, отъ которой теперь осталось немногое. Но все же заслуга Гегеля громадна хотя бы потому, что онъ разрушилъ системы твердыхъ и неподвижныхъ понятій, рамокъ, готовыхъ, неизмѣнныхъ формъ мысли и на мѣсто ихъ поставилъ процессъ развитія, какъ общей связи частныхъ явленій, открылъ дорогу для сравнительныхъ и генетическихъ методовъ изслѣдованія.

Идею развитія человѣчества (но отнюдь не всего животнаго міра) мы встрѣчаемъ у Конта. Его ученіе выгодно отличается отъ гегелевскаго, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что онъ совѣтуетъ замѣнить субъективное понятіе прогресса объективнымъ понятіемъ эволюціи и, такимъ образомъ, сдѣлать попытку очистить это понятіе отъ мистическаго и ро-

мантическаго оттѣнковъ. Отецъ позитивной философіи даетъ дальнѣйшее развитіе идеямъ Тюрго и Кондорсэ. Онъ тоже утверждаетъ, что человѣчество безпрерывно развивается въ физическомъ, нравственномъ, умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, и это развитіе сопровождается улучшеніемъ и прогрессомъ,—улучшается положеніе человѣка, совершенствуются его способности. Контъ такъ же, какъ Кондорсэ, стоитъ на слишкомъ оптимистической точкѣ зрѣнія. Онъ считаетъ развитіе и совершенствованіе тождественными терминами, почему и находитъ возможнымъ изгнать изъ соціологіи послѣдній терминъ, оставивъ первый, какъ болѣе ясный.

Но, въ противоположность Кондорсэ, онъ отказывается въ своей соціологіи принимать въ соображеніе такія субъективныя понятія, какъ счастье, и сводитъ совершенствованіе человѣка къ гармоническому развитію его природы, соотвѣтственно закону эволюціи.

Онъ видитъ этотъ естественный законъ развитія общества въ томъ, что оно проходитъ обыкновенно три ступени развитія: сначала теологическую, когда люди объясняютъ всѣ явленія жизни и природы вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, похожихъ на человѣческія силы; затѣмъ метафизическую стадію, когда философы объясняютъ все въ мірѣ общими понятіями, выражающими субстанціи, или сущности, дѣйствующія позади явленій, и, наконецъ, позитивную ступень, когда положительная наука вступаетъ въ свои права и когда изъ наблюденій надъ фактами, изъ экспериментовъ выводятся законы, объясняющіе явленія природы. При этомъ всѣ три стадіи умственнаго процесса сопровождаются соотвѣтствующими общественными организаціями: теологической стадіи соотвѣтствуетъ жреческо-военное состояніе, метафизической стадіи—господство юристовъ и, наконецъ, позитивной стадіи — промышленное состояніе.

Цѣлью развитія служитъ здѣсь побѣда позитивизма и промышленнаго строя надъ предшествующими стадіями, когда позитивная мысль вступитъ въ союзъ съ великою силою—пролетаріатомъ.

Часто указывали на произвольность построеній Конта; но главный недостатокъ этой теоріи въ томъ, что она обнимаетъ только историческій періодъ человѣчества. (Контъ былъ противникомъ эволюціонной теоріи Ламарка). Между тѣмъ жизнь началась задолго до историческаго періода, и послѣдній является лишь только однимъ краткимъ мгновеніемъ по сравненію съ продолжительностью жизни на землѣ.

Другой недостатокъ этого ученія заключался въ томъ, что оно имѣло въ виду исключительно только развитіе идей и учрежденій, между тѣмъ современное естествознаніе показало, что развивается самая природа человѣчества, сами организмы.

Въ настоящее время идея эволюціи всего лучше выражена на языкѣ естествознанія. Дарвинъ собралъ подавляющее количество безспорныхъ фактовъ, доказывающихъ, что природа въ огромномъ масштабѣ дѣлаетъ со всѣми живыми существами то же самое, что дѣлаютъ скотоводы, чтобы усовершенствовать породы своего скота. Скотоводы съ этою цѣлью оставляютъ для размноженія наиболѣе совершенныхъ самцовъ и самокъ. То, что скотоводъ дѣлаетъ вполнѣ сознательно, въ природѣ дѣлается само собою, въ силу необходимости. Дѣло въ томъ, что на землѣ не хватаетъ средствъ существованія для всѣхъ появляющихся на свѣтъ животныхъ и растеній. Какая-нибудь селедка мечетъ около 5 милліоновъ икринокъ и въ нѣсколько лѣтъ ея потомство могло бы населить всѣ воды земли. Но есть существа, которыя населили бы всю землю не въ нѣсколько лѣтъ, а въ нѣсколько дней. Но такъ какъ всѣ другія существа тоже хотятъ жить и безмѣрно распложаются, то на землѣ имъ всѣмъ очень скоро не хватило бы не только пищи, но даже мѣста.

Памятникъ Дарвину въ Оксфордскомъ университетѣ.

«Если бъ вида размноженью жизнь
не ставила препонъ,
Въ морѣ, воздухѣ, на сушѣ не нашелъ бы мѣста онъ».

Отсюда вѣчная конкуренція, постоянныя столкновенія и борьба за пищу, питье, за свѣтъ, за тепло, за мѣсто подъ солнцемъ,—однимъ словомъ, за жизнь.

По К. Беру, какая-нибудь мелкая корюшка должна поглотить не менѣе милліона мелкихъ рачковъ раньше, чѣмъ достигнетъ роста въ $1^1/_2$ дюйма. Корюшками питаются щуки, и одна щука съѣдаетъ около 7 тысячъ корюшекъ въ годъ. И стало-быть, когда человѣкъ съѣдаетъ одну щуку, это блюдо обходится въ милліарды другихъ жизней.

Конечно, эта борьба за пищу, за питье, за мѣсто подъ солнцемъ далеко не всегда имѣетъ такой грубый характеръ взаимнаго пожиранія и битвы. Большею частью это—простая конкуренція, или соперничество безъ всякаго насилія и нападенія. Но результатъ и здѣсь тотъ же. Въ результатѣ получается то, что выживаютъ лучше одаренные, болѣе совершенные и оставляютъ послѣ себя потомство, передавая ему свои качества, а менѣе приспособленные гибнутъ, не оставляя дѣтей. Этотъ процессъ именуется, какъ извѣстно, естественнымъ отборомъ.

Такимъ образомъ, на низшихъ ступеняхъ животной лѣстницы каждый незначительный, иногда совершенно незамѣтный шагъ впередъ окупается гибелью цѣлыхъ милліоновъ неудачниковъ. Что можетъ быть расточительнѣе, чѣмъ нести милліоны яицъ, изъ которыхъ достигаетъ полнаго развитія только одно, какъ это дѣлаютъ многія рыбы; и что можетъ болѣе противорѣчить всѣмъ нашимъ понятіямъ объ экономіи силъ, какъ эти милліарды сѣмянъ, разсѣваемыхъ нѣкоторыми деревьями лишь для того, чтобы только одно изъ нихъ превратилось въ большое дерево? Природа похожа на того сѣятеля, о которомъ говорится въ извѣстной притчѣ. Но она безконечно расточительнѣе сѣятеля притчи: она довольствуется и тѣмъ, если одно сѣмя изъ милліардовъ попадетъ на тучную почву и принесетъ плодъ, а всѣ остальныя или погибнутъ на каменистой почвѣ, или будутъ съѣдены птицами и т. д.

Прогрессъ здѣсь ничтоженъ въ сравненіи съ громадной массой погибшихъ существъ; но только эти одни прогрессивные, выжившіе типы и имѣютъ значеніе, потому что все остальное, менѣе совершенное, безслѣдно исчезаетъ. Только эти одни передовые экземпляры животнаго міра даютъ тѣ незначительные плюсы, благодаря которымъ на протяженіи милліоновъ лѣтъ росъ и развивался животный міръ, постоянно преобразовываясь изъ низшихъ формъ все въ болѣе и болѣе высшія.

Для однихъ видовъ, менѣе сильныхъ или менѣе умныхъ, ловкихъ и вообще хуже приспособленныхъ, природа становилась жестокою мачехою, и эти виды вырождались, шли къ паденію и гибели, уступая свое мѣсто другимъ, болѣе совершеннымъ. Для этихъ послѣднихъ та же самая природа оказывалась доброю и щедрою матерью, и они прогрессировали. Такъ природа уничтожаетъ все непригодное для жизни и оставляетъ жить, развиваться, плодиться и множиться наиболѣе жизнеспособные экземпляры.

Но есть еще другой подборъ, именуемый половымъ. Самка отдается не всѣмъ самцамъ, выражающимъ желаніе обладать ею; и между самцами происходитъ точно такъ же своего рода конкуренція, при чемъ самка достается тому, кто обнаружилъ то или другое преимущество. Только эти самцы и будутъ имѣть потомство, которому передадутъ свои болѣе совершенныя свойства; менѣе же одаренные самцы имѣть дѣтей не будутъ.

Такимъ образомъ, каждое счастливое, полезное для вида или расы измѣненіе, всякое поступательное, хотя бы даже случайное, движеніе впередъ природа отмѣчаетъ, закрѣпляетъ и сохраняетъ въ потомствѣ; а всякое отступленіе назадъ, идущее во вредъ роду, она своевременно прекращаетъ, обусловливая, такимъ образомъ, постепенное и непрерывное развитіе вида.

Дарвинъ, пользуясь данными палеонтологіи, приходитъ къ выводу, что обитатели міра въ каждый послѣдовательный пе-

ріодъ его исторіи побѣждали своихъ предшественниковъ, въ этомъ смыслѣ они выше своихъ предшественниковъ въ своей организаціи, и въ этомъ заключается объясненіе того общаго мнѣнія, раздѣляемаго и палеонтологами, что организація въ ея цѣломъ развивалась прогрессивно.

Такимъ образомъ, наиболѣе сильныя, здоровыя и счастливыя существа переживаютъ остальныхъ и размножаются... «Изъ естественной войны, — говоритъ Дарвинъ, — голода и смерти непосредственно вытекаетъ самый желательный результатъ: медленное образованіе существъ высшаго порядка». Въ настоящее время идетъ споръ относительно того, каковы тѣ измѣненія къ лучшему, какія приходится удерживать естественному отбору: накопляются ли они въ теченіе поколѣній понемногу, незамѣтно и постепенно или совершаются внезапно. Какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ споръ (быть-можетъ, въ природѣ имѣютъ мѣсто оба эти способа), несомнѣнно одно: всякое полезное для организма измѣненіе естественный отборъ удерживаетъ, а всякое вредное уничтожаетъ. Такъ изъ низшихъ видовъ животныхъ и растеній произошли высшіе.

При этомъ подъ высшими видами изъ позвоночныхъ животныхъ Дарвинъ разумѣлъ тѣхъ, кто по развитію умственныхъ способностей и другимъ признакамъ приближается къ человѣку, и чѣмъ выше умъ животнаго и чѣмъ оно ближе къ человѣку, тѣмъ выше оно стоитъ на лѣстницѣ животной эволюціи.

Особое значеніе для педагога теорія Дарвина имѣетъ, между прочимъ, потому, что она механически объясняетъ цѣлесообразность въ органической жизни. Чѣмъ болѣе углублялись люди въ изученіе анатоміи и физіологіи животнаго міра (равно какъ и растительнаго), тѣмъ болѣе замѣчали, что, напримѣръ, органы тѣла и инстинкты и рефлексы животныхъ отличаются удивительной цѣлесообразностью въ смыслѣ нормальнаго развитія какъ самаго организма, такъ и цѣлой расы; но для объясненія такой цѣлесообразности не оставалось другого пути, какъ привлеченіе невидимыхъ сверхъестественныхъ силъ, стоящихъ внѣ научной области. Теорія даетъ вполнѣ достаточное объясненіе такой цѣлесообразности.

Хорошо извѣстно, что у Дарвина были предшественники. Намеки на идею развитія мы находимъ еще у древнихъ грековъ. Еще Гераклитъ писалъ, что изъ противоположностей образуется совершенная гармонія, что всё возникаетъ, благодаря враждѣ и борьбѣ. Идея развитія встрѣчается у Аристотеля, болѣе опредѣленно идея эволюціи развита была у Джордано Бруно, который полагалъ, что развитіе совершается путемъ едва замѣтныхъ измѣненій, ускользающихъ отъ наблюдателя. Идею трансформизма, т.-е. измѣненій въ царствѣ животныхъ и растеній, высказалъ Бэконъ [1]). Гете сводилъ всѣ

[1]) Конечно, труды и догадки предшественниковъ Дарвина нисколько не умаляютъ его заслуги.

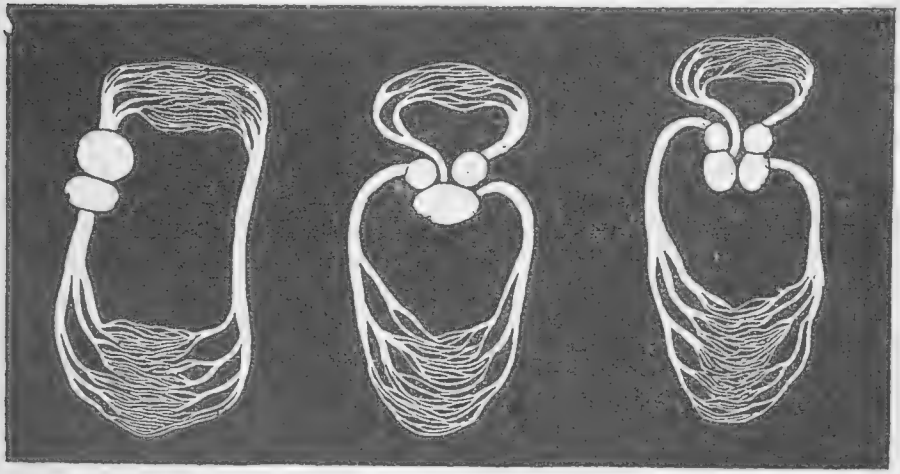
различныя формы растеній къ одному первоначальному растенію, а всѣ органы растеній къ одному органу—листу. Онъ показалъ, что скелетъ человѣка устроенъ по одному первоначальному типу, общему со всѣми другими позвоночными животными, и обладаетъ постояннымъ характеромъ, хотя постоянно развивается и преобразовывается, уклоняясь въ ту или другую сторону. Онъ указалъ и причину такого развитія и видѣлъ ее во взаимодѣйствіи двухъ силъ: 1) внутренней, центростремительной силы организма (по современной терминологіи—*наслѣдственности*) и 2) внѣшней, центробѣжной силы (по современному намъ термину—*приспособленія*).

«Уже тысячи лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Геккель,—отдѣльные ученые высказывали мысль о «*развитіи*» вещей; но что это понятіе царитъ во *вселенной*, что самъ міръ есть не что иное, какъ «вѣчное развитіе субстанціи»—эта грандіозная мысль есть дѣтище нашего XIX столѣтія. Она впервые получила конкретную форму и завоевала себѣ право гражданства во второй половинѣ нашего столѣтія. Великому англійскому естествоиспытателю *Чарльзу Дарвину* принадлежитъ безсмертная заслуга эмпирическаго обоснованія этого величайшаго философскаго понятія; онъ первый далъ ему всеобъемлющее примѣненіе и заложилъ прочный фундаментъ для той теоріи происхожденія видовъ, которую уже въ 1809 году набросалъ въ общихъ чертахъ геніальный французскій натурфилософъ, *Жанъ Ламаркъ*, уже въ 1799 году провидѣлъ нашъ величайшій нѣмецкій поэтъ и мыслитель, *Вольфгангъ Гёте*. Это дало въ наши руки ключъ къ «вопросу надъ вопросами», къ великой міровой загадкѣ о «положеніи человѣка въ природѣ» и его естественномъ происхожденіи. Этимъ тремъ геніальнымъ натурфилософамъ мы обязаны тѣмъ, что въ состояніи теперь прослѣдить господство *закона развитія* во всей природѣ и положить его въ основу единаго, цѣльнаго объясненія всѣхъ явленій природы».

За 50 лѣтъ до Дарвина знаменитый французъ Ламаркъ объяснялъ родство организмовъ происхожденіемъ отъ одного общаго простѣйшаго организма, а наблюдаемыя теперь различія между ними—вліяніемъ внѣшнихъ условій, т.-е. среды. Окружающая среда, измѣняясь сама, вліяла на измѣненіе потребностей; новыя потребности порождали новыя привычки и новый образъ жизни, а новыя привычки и образъ жизни отражались какъ на общей организаціи животнаго, такъ и на его отдѣльныхъ частяхъ, при чемъ упражненіе и неупотребленіе того или другого органа играло рѣшающую роль: первое—въ смыслѣ развитія, а второе—въ смыслѣ уменьшенія и даже исчезновенія органа. Что же касается того, что нѣкоторыя изъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ новыхъ свойствъ являются постоянными, то Ламаркъ объяснялъ еще дѣйствіемъ наслѣдственности. И вліяніемъ этихъ двухъ факторовъ (при-

способляемость къ внѣшней средѣ и наслѣдственность) Ламаркъ объяснялъ медленный, постепенный и послѣдовательный прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній, понимая подъ прогрессомъ усложненіе организаціи, переходъ отъ простого къ сложному.

Теперь этотъ законъ постепеннаго усложненія организаціи связываютъ съ именемъ Бэра. Подъ усложненіемъ организаціи онъ разумѣлъ раздѣленіе труда въ организмѣ. У низшихъ животныхъ одинъ и тотъ же органъ исполняетъ нѣсколько службъ, а у высшихъ животныхъ есть особые органы для



Сердце у рыбъ, земноводныхъ, млекопитающихъ.

Эта картинка показываетъ, какъ усложнялось строеніе сердца: у рыбъ оно состояло только изъ одного предсердія и одного желудочка, но затѣмъ, когда изъ рыбъ образовались земноводныя, у послѣднихъ сердце уже значительно усложнилось и состояло изъ двухъ предсердій и одного желудочка, и, наконецъ, у млекопитающихъ оно состоитъ изъ двухъ предсердій и двухъ желудочковъ.

каждой функціи. Въ этомъ-то переходѣ отъ простого къ сложному и состоитъ эволюція, родовое развитіе, обусловливающее происхожденіе высшихъ видовъ изъ низшихъ. Этотъ взглядъ заимствовалъ и самъ Дарвинъ, разумѣвшій подъ болѣе совершенной организаціей высшую степень дифференцированія частей того же организма во взрослomъ состояніи, большую спеціализацію этихъ частей и большую полноту физіологическаго раздѣленія труда.

Такимъ образомъ, развитіе идетъ отъ простого и однообразнаго устройства къ разнообразному и сложному. На низшихъ ступеняхъ организмъ однообразенъ и по своему внутреннему и по внѣшнему строенію. Выше мы наблюдаемъ уже болѣе рѣзкую разницу между частями организма; еще далѣе каждая

изъ этихъ частей, въ свою очередь, дѣлится на различающіяся другъ отъ друга еще болѣе мелкія части. Такъ, напримѣръ, кожица одноклѣточнаго животнаго представляетъ изъ себя однородное во всѣхъ своихъ частяхъ строеніе, хотя по своимъ отправленіямъ и замѣняетъ у животнаго не только нашъ ротъ и осязательные органы, но и наши глаза, и наши уши, и наши нервы, и проч., разумѣется, въ самой зачаточной формѣ. Между тѣмъ на высшихъ ступеняхъ вмѣсто этого однороднаго органа возникаетъ цѣлый рядъ другихъ: ротъ, осязательные, зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые органы, нервная система и проч. Но для развитія мало одного послѣдовательнаго раздѣленія цѣлаго на части и частей на болѣе мелкія части, мало этого все возрастающаго усложненія и раздѣленія между органами труда; нужно еще, чтобы эти дифференцированныя части тѣснѣе связывались другъ съ другомъ въ одно цѣлое и противорѣчія между ними сглаживались.

Спенсеръ удачно провелъ идею развитія не только въ области біологіи, но и распространилъ ее на всю природу, и, что особенно интересно для насъ, построилъ на томъ же принципѣ и соціологію. Онъ еще раньше Дарвина провозгласилъ принципъ развитія, какъ основу всей своей философской системы, и именно онъ далъ наиболѣе полное обоснованіе тѣхъ двухъ процессовъ, на которые, какъ мы только что сказали, можетъ быть разложенъ общій процессъ развитія. Первый процессъ— переходъ отъ однороднаго къ разнородному, расчлененному Спенсеръ назвалъ дифференціаціею (его можно было бы назвать также индивидуализаціей), а второй процессъ — объединеніе и сплоченіе въ одно связное прочное, органическое цѣлое всѣхъ этихъ обособленныхъ единичныхъ явленій онъ именуетъ интеграціей (концентраціей, сплоченностью . Дифференціація идетъ рядомъ съ интеграціей, и обѣ вмѣстѣ образуютъ тотъ процессъ, который мы называемъ развитіемъ. Переходъ отъ разсѣяннаго къ сплоченному, концентрацію или интеграцію и связность Спенсеръ видитъ и въ растительномъ мірѣ, когда растенія улавливаютъ, напримѣръ, изъ воздуха разсѣянныя тамъ частицы углекислаго газа, отщепляютъ ихъ углеродъ и концентрируютъ его въ себѣ; мы видимъ этотъ процессъ и въ животномъ мірѣ, когда животное ищетъ, напримѣръ, разсѣянную тамъ и здѣсь пищу и концентрируетъ внутри себя нужные ему питательные элементы. Тотъ же процессъ надо видѣть и въ исторіи, когда, напримѣръ, Москва собирала подъ свою власть отдѣльныя княжества, присоединяла къ себѣ путемъ завоеваній и Казань, и Сибирь, и Астрахань, и т. д. Точно такъ же гораздо больше связности дѣйствій мы видимъ въ самообладаніи нравственно развитого человѣка, чѣмъ въ распущенности человѣка безнравственнаго.

Особое положеніе занимаетъ въ этомъ вопросѣ Тардъ, который полагаетъ, что разнородность элементовъ и явленій появляется раньше, нежели столкновеніе и борьба за существованіе между ними. «Что находимъ мы въ основѣ умственной жизни въ умѣ новорожденнаго?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ:—*Простыя разнородныя ощущенія*, налагающіяся другъ на друга, еще *не сталкиваясь* и не противорѣча одно другому, такъ какъ они не вызываютъ еще никакого сужденія. Это—царство своеобразія, нераціональнаго и непревратимаго. Когда же элементы нарождающагося ума начинаютъ приходить въ столкновеніе, то это значитъ, что ощущенія уже *повторяются* въ образахъ и *сравниваются* между собою. Точно такъ же развѣ нельзя предположить, что первыя группы людей, самопроизвольно зародившіяся, безъ всякой связи, зависящей отъ родства или примѣра, раньше, чѣмъ начать бороться и поѣдать другъ друга, долго жили совершенно чуждыми между собою, не вредя и не оказывая другъ другу услугъ, и не вступили ли онѣ въ эти убійственныя столкновенія только послѣ того, какъ пріобрѣли сходныя потребности и вкусы, или послѣ того, какъ узнали о сходствѣ своихъ потребностей и вкусовъ? Навѣрное, различныя религіи раньше, чѣмъ начать борьбу, приведшую ихъ къ сліянію или къ большему или меньшему согласію, начали съ того, что мирно жили рядомъ, индиферентно относясь къ своей разнородной своеобразности. Точно такъ же слѣдуетъ заранѣе предположить, что борьба за существованіе не была первичнымъ отношеніемъ между различными организмами, въ средѣ которыхъ позже должна была установиться гармонія. Эта борьба, которую принимали за начало, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою—и никогда не была ничѣмъ инымъ—только необходимый, но мимолетный переходъ отъ періода жизненной разнородности, когда первыя самобытныя и не родственныя между собою по жизни созданія существовали рядомъ, не помогая и не мѣшая другъ другу, къ періоду естественной гармоніи, когда соединившіеся въ общества организмы оказываютъ или будутъ оказывать другъ другу односторонніе или взаимныя услуги».

Что здѣсь раздѣляется и большинствомъ другихъ мыслителей, такъ это то, что развитіе, дѣйствительно, идетъ въ направленіи къ большей связности и сплоченности, но едва ли можно было бы утверждать, что разнородныхъ ощущеній у новорожденнаго ребенка больше, чѣмъ у взрослаго человѣка.

Совершенно напротивъ. Развитіе именно характеризуется переходомъ отъ однороднаго къ разнородному. Переходъ отъ однороднаго къ разнородному (осложненіе и дифференціація) мы видимъ и въ развитіи животнаго и растительнаго міра и въ исторіи. Такой же переходъ видимъ и въ томъ фактѣ, что поэзія, музыка и танцы образовались отъ одного общаго корня. То же осложненіе (переходъ отъ однороднаго къ разнородному)

можно видѣть и въ томъ, что кругозоръ альтруиста богаче кругозора эгоиста. Но переходъ отъ разсѣяннаго къ сплоченному (концентрація) и отъ однороднаго къ разнородному (дифференціація) ведетъ къ увеличенію опредѣленности, а потому развитіе характеризуется еще переходомъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному.

У человѣка функціи каждаго органа тѣла гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ у инфузоріи.

Филологи показали, что развитіе языка у того или другого народа шло также отъ неопредѣленнаго и однороднаго къ опредѣленному и разнородному.

Точно такъ же идетъ развитіе языка и у ребенка. Когда знакомая мнѣ дѣвочка впервые произнесла кхе-кхе (кошка), то это слово означало цѣлую фразу, въ которой выражалось желаніе, чтобы кошка подошла къ ней. Впослѣдствіи ребенокъ станетъ говорить уже цѣлыми расчлененными фразами, при чемъ кошка будетъ обозначать только носителя извѣстныхъ дѣйствій, а для выраженія этихъ дѣйствій или свойствъ будутъ употребляться другія слова.

Современное научное знаніе гораздо опредѣленнѣе и точнѣе, чѣмъ знанія невѣжественныхъ людей; грубый идолъ дикаря менѣе опредѣленъ, чѣмъ статуя современнаго скульптора.

Нравственная личность отличается гораздо большей опредѣленностью, сдержанностью, чѣмъ безнравственная, безъ опредѣленныхъ, ясно очерченныхъ правилъ поведенія.

Въ послѣднее время этотъ законъ развитія получилъ подтвержденіе со стороны экспериментальной физіологіи. Нашъ извѣстный физіологъ Павловъ и его сотрудники показали экспериментами надъ собаками, что развитіе идетъ отъ общаго и грубаго къ постепенному дифференцированію, къ тончайшему и мельчайшему различенію. Говоря объ анализаторахъ животнаго, Павловъ пишетъ: «Если передъ животнымъ появляется свѣтлая фигура, то сначала, какъ раздражитель, дѣйствуетъ усиленное освѣщеніе и только потомъ можетъ быть выработанъ спеціальный раздражитель изъ самой фигуры и т. д... (Это) дифференцированіе достигается путемъ задерживающаго процесса, какъ бы заглушенія остальныхъ частей анализатора, кромѣ опредѣленной. Постепенное развитіе этого процесса и есть основаніе постепеннаго анализа... Если балансированіе между возбуждающимъ и задерживающимъ процессами нарушить въ сторону возбуждающаго введеніемъ въ животное возбуждающихъ средствъ, напримѣръ, кофеина, то сейчасъ же прочно выработанная дифференцировка рѣзко нарушается, во многихъ случаяхъ до полнаго исчезновенія—временнаго, конечно».

Что особенно важно для педагога, психологи устанавливаютъ тотъ же законъ дифференцированія и въ психическомъ

развитіи ребенка. Знаменитый Геффдингъ, исходя изъ того положенія, что неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному, полагаетъ, что три различныхъ рода элементовъ сознательной жизни (познаніе, чувство и воля) на низшихъ ступеняхъ развитія выступаютъ не такъ отчетливо, какъ на высшихъ, и явленія сознанія здѣсь еще очень мало дифференцированы.

По мнѣнію извѣстнаго психолога Іерузалема, начало душевной жизни образуетъ неясное *чувствованіе жизни*, проявляющееся въ видѣ противоположныхъ состояній удовольствія и неудовольствія. Онъ разсматриваетъ это чувствованіе, какъ первоначальную, еще совершенно *не дифференцированную реакцію* на раздраженія, дѣйствующія въ окружающей средѣ и въ самомъ тѣлѣ. Это чувствованіе, повидимому, не сопровождается никакими представленіями и носитъ еще совершенно смутный хаотическій характеръ. Но уже въ первые дни своей жизни ребенокъ испытываетъ разнообразныя чувствованія удовольствія и неудовольствія. Душевная жизнь уже начинаетъ дифференцироваться и становиться многообразной. *Чѣмъ многообразнѣе впечатлѣнія, вливающіяся въ душу ребенка, тѣмъ болѣе дифференцируется его чувствованіе удовольствія или неудовольствія.*

Спенсеръ подобно Конту разсматриваетъ эволюцію, какъ прогрессъ, отождествляя оба эти понятія; но онъ точно такъ же, какъ и Контъ, устраняетъ изъ понятія прогресса субъективный признакъ счастья и наслажденія, довольствуясь лишь тѣми объективными признаками, сущность которыхъ мы выразили выше. Въ то время, какъ дарвинисты объясняютъ историческій прогрессъ по аналогіи съ біологическимъ развитіемъ органическихъ формъ, Спенсеръ объяснялъ этотъ прогрессъ по аналогіи съ развитіемъ отдѣльной особи, отдѣльнаго организма, примѣняя въ то же время эту аналогію и выведенный изъ нея общій законъ развитія и къ явленіямъ, которыми занимается и біологія, и психологія, и соціологія, и этика, и эстетика, и филологія, и теорія познанія, и метафизика.

Въ настоящее время многіе изъ защитниковъ эволюціи распространяютъ свои взгляды и на неорганическій міръ, какъ это дѣлаетъ и Спенсеръ. Еще со времени появленія Кантовско-Лапласовской теоріи астрономы думаютъ, что всѣ небесныя тѣла—и звѣзды, и планеты, и кометы, по современнымъ воззрѣніямъ, сформировались путемъ продолжительной эволюціи изъ первоначальнаго космическаго вещества туманностей.

Еще Лайэлль разсматривалъ исторію земли съ эволюціонтой точки зрѣнія. Есть теорія о борьбѣ за существованіе между молекулами. Вся матерія, всѣ химическіе элементы, по мнѣнію эволюціонистовъ, произошли отъ одного или двухъ самыхъ простыхъ веществъ путемъ длинной эволюціи.

Уже изъ этого краткаго обзора видно, что, благодаря Спенсеру и другимъ эволюціонистамъ, теорія развитія является въ наше время принципомъ, который въ состояніи объединить наибольшее количество, казалось бы, самыхъ разнородныхъ научныхъ и философскихъ идей.

Однимъ изъ доводовъ за всеобщность закона развитія служитъ тотъ фактъ, что безъ этого закона такія науки, какъ эмбріологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, сравнительная этнографія и т. п., представляли бы собою хаотическій наборъ ничѣмъ не связанныхъ между собою фактовъ. Это ученіе пустило глубокіе корни даже въ отдаленныхъ отрасляхъ знанія—въ наукахъ филологическихъ, историческихъ, физическихъ и т. д. Теорія эволюціи беретъ свои аргументы и изъ астрономіи, и изъ геологіи, изъ біологическихъ наукъ, психологіи, филологіи, философіи и т. д. Законъ развитія безраздѣльно господствуетъ во всемъ мірѣ, и нѣтъ областей, которыя оставались бы внѣ его вліянія.

Но насъ особенно интересуютъ теоріи эволюціи и прогресса, касающіяся человѣка и его предковъ, появившіяся уже послѣ Дарвина. Начнемъ съ тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду прежде всего соціальную жизнь человѣка.

Своеобразное освѣщеніе эволюціи далъ въ новѣйшія времена Тардъ. Онъ также близокъ къ тому, чтобы отождествить эволюцію съ прогрессомъ. «Жизнь, по его словамъ, не простая игра силъ, а движеніе впередъ, и прогрессъ—не пустой звукъ». Онъ представляетъ себѣ это прогрессивное движеніе не цикличнымъ, какъ думаетъ Спенсеръ, а постояннымъ и не обратимымъ. Правда, онъ не отрицаетъ ритма въ этомъ движеніи впередъ, но этотъ ритмъ, по его словамъ, даетъ нѣкоторую точность въ тонѣ, а не въ маршрутѣ. И этотъ прогрессъ обусловливается, по его мнѣнію, тремя факторами: 1) повтореніемъ или подражаніемъ, 2) противоположеніемъ или столкновеніемъ и 3) приспособленіемъ. Первому фактору онъ отводитъ огромную роль. Въ соціальной области почти вся наша жизнь состоитъ изъ повторенія или подражанія тому, что дѣлаютъ другіе. Въ области біологической наслѣдственность повторяетъ въ дѣтяхъ свойства ихъ предковъ. Тотъ же законъ повторенія Тардъ распространяетъ и на неорганическій міръ. Волны звука, свѣта, электрическія и проч.—это повтореніе однихъ и тѣхъ же колебаній эѳира, воздуха и т. п. Но повтореніе, подражаніе обусловливаетъ только болѣе или менѣе широкое распространеніе какого-нибудь уже существующаго обычая или изобрѣтенія въ обществѣ людей, какого-нибудь уже живущаго вида въ животномъ царствѣ и т. п.: но этого одного еще недостаточно для движенія впередъ, для прогресса. И вотъ здѣсь-то и наступаетъ очередь второго фактора: столкновенія, соединенія, синтеза двухъ формъ. Такъ, изобрѣтеніе сводится къ новому соединенію въ одной головѣ

двухъ старыхъ идей. Напримѣръ, соединеніе паровой машины съ лодкою дало пароходъ, а той же машины съ колесами дало паровозъ.

Въ области біологіи отъ соединенія отпрысковъ двухъ династій путемъ брака можетъ получиться ребенокъ—новый человѣкъ. Въ неорганическомъ мірѣ отъ столкновенія двухъ волнъ можетъ получиться новая волна и т. д. А такъ какъ различные подражательные потоки не могутъ не сталкиваться другъ съ другомъ, то получаются все новыя и новыя формы, постоянное творчество природы. Таковъ ходъ прогресса, и онъ исходитъ, по Тарду, отъ безчисленнаго множества безконечномалыхъ возможностей. «Въ природѣ, по его словамъ, нѣтъ цѣли, по отношенію къ которой все остальное было бы средствомъ; но есть безчисленное множество цѣлей, стремящихся утилизировать одна другую». Каждый самый скромный человѣкъ въ обществѣ, каждая самая крошечная клѣтка въ организмѣ и даже каждый элементъ этой клѣтки заключаютъ въ самихъ себѣ и для самихъ себя свою цѣль и свое «провидѣніе», а изъ столкновенія этихъ цѣлей получается постоянное шествіе впередъ. Прогрессъ, по его мнѣнію, обусловливается путемъ множественныхъ и разнообразныхъ эволюцій, въ результатѣ которыхъ получается прочное и подвижное равновѣсіе.

Прогрессъ идетъ отъ ограниченнаго и мелкаго, но многочисленнаго къ широкому, крупному, грандіозному, но рѣдкому и единичному. Такъ, напримѣръ, первобытные люди жили маленькими группами, а теперь мы имѣемъ такія громадныя государства, какъ Англія. Въ старину существовали только мелкіе производители, теперь мы имѣемъ дѣло съ синдикатами и трестами. Отъ мелкихъ, но частыхъ войнъ человѣчество перешло къ рѣдкимъ, но грандіознымъ столкновеніямъ. Здѣсь Тардъ впадаетъ въ противорѣчіе со Спенсеромъ; но зато относительно науки и знанія Тардъ утверждаетъ (и это важно для педагога), что въ этой сферѣ прогрессъ шелъ и идетъ въ обратномъ направленіи: отъ грандіознаго, единичнаго, немногочисленнаго къ безконечно малому и многочисленному. Знаніе, по его словамъ, это негативный слѣпокъ дѣйствительности.

Чрезвычайно цѣнный вкладъ въ понятіе объ эволюціи и прогрессѣ сдѣлала русская, субъективистская, соціологическая школа съ Михайловскимъ во главѣ. Американца Уорда, выступившаго съ своимъ ученіемъ гораздо позже Михайловскаго и Лаврова, слѣдуетъ отнести къ тому же самому теченію. По ихъ ученію, эволюція и прогрессъ не всегда совпадаютъ. Не всякое измѣненіе прогрессивно. Надо различать типы развитія. Есть прогрессивные типы развитія; но есть и регрессивные. Отождествленіе прогресса и эволюціи повело бы къ фатализму; а онъ вреденъ даже тогда, если онъ оптимистиченъ. Если человѣкъ вѣритъ, что прогрессъ все равно неизбѣженъ,

зачѣмъ тогда работать, дѣлать усилія,—все равно лучшее придетъ само собой. Такого оптимиста Уордъ очень остроумно сравниваетъ съ безработнымъ юношей, живущимъ постоянной обманчивой надеждой на богатство своего родственника. По мнѣнію этой школы, у природы нѣтъ никакихъ цѣлей, въ ней царитъ законъ. Не можетъ быть поэтому рѣчи о цѣляхъ, когда дѣло идетъ объ эволюціи. У человѣка же есть опредѣленная цѣль: онъ стремится къ счастію, и поэтому въ понятіе прогресса вводится и цѣлесообразность. Цѣлью прогресса служитъ счастье человѣческой личности; а счастье, по Михайловскому, состоитъ «въ гармоничномъ развитіи всѣхъ силъ и способностей». «Прогрессъ, по словамъ Лаврова, есть развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости».

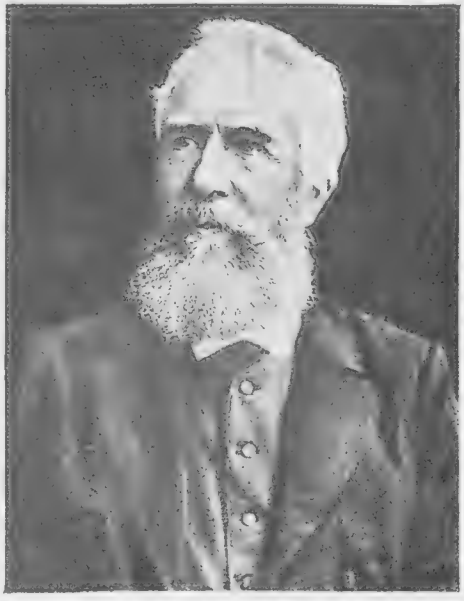
Человѣческая личность—вотъ «мѣра всѣхъ вещей», по словамъ Михайловскаго. И самымъ естественнымъ выводомъ изъ этого ученія является требованіе активныхъ и постоянныхъ усилій со стороны самого человѣка къ улучшенію его положенія. Если онъ не сдѣлаетъ этого самъ, никто за него этого не сдѣлаетъ и менѣе всего равнодушная къ людскимъ желаніямъ природа. Но если человѣкъ въ совершенствѣ овладѣетъ законами природы, онъ получитъ надъ нею безпредѣльную власть. Такимъ образомъ, какъ будто бы прогрессъ сводится, въ концѣ-концовъ, къ накопленію знаній.

Какъ извѣстно, эта мысль давно еще была доказана Боклемъ съ исторической точки зрѣнія. Теперь къ этой мысли подходитъ Де-Роберти. Изъ анализа всѣхъ формъ соціальности онъ приходитъ къ выводу, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ знаніе; а такъ какъ знаніе постоянно возрастаетъ, потому что возрастаетъ запасъ опыта, то вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно, по его мнѣнію, прогрессируютъ и всѣ остальныя формы соціальности.

Мы видѣли, что разные мыслители расходятся въ пониманіи эволюціи. Одни изъ нихъ отождествляютъ эволюцію съ прогрессомъ, другіе думаютъ, что не всякая эволюція есть прогрессъ. Одни полагаютъ, что въ понятіе прогресса необходимо ввести субъективное понятіе счастья, а другіе ограничиваются лишь одними объективными признаками. Одни изъ нихъ противополагаютъ прогрессивное развитіе личности прогрессу общества, а другіе видятъ въ прогрессивномъ развитіи общества и личности либо одинъ, либо два параллельныхъ, не исключающихъ другъ друга процесса.

Только что разсмотрѣнныя теоріи соціологовъ оперируютъ, главнымъ образомъ, съ данными, взятыми изъ сравнительно краткаго періода жизни — изъ такъ называемой всемірной

исторіи. Между тѣмъ, чтобы яснѣе представить себѣ ходъ эволюціи, весьма важно охватить насколько возможно болѣе длинный періодъ времени. Чтобы узнать, какъ растетъ ребенокъ, совсѣмъ нѣтъ надобности взвѣшивать и измѣрять его нѣсколько разъ въ теченіе одного дня, а нужно прослѣдить за его ростомъ отъ перваго дня его появленія на свѣтъ Божій до возможно болѣе зрѣлаго возраста. Только тогда мы можемъ получить кривую, которая даетъ понятіе о законосообразности изучаемаго процесса. Такъ стоитъ дѣло и съ эволюціей живой природы. Чѣмъ длиннѣе будетъ изслѣдованный періодъ развитія, тѣмъ вѣрнѣе, яснѣе и полнѣе будетъ наше представленіе о ходѣ развитія.



Геккель.

Къ счастію, въ наше время, благодаря цѣлому ряду работъ біологовъ, стали возможны попытки, разумѣется, лишь приблизительно намѣтить этапы, пройденные развитіемъ жизни, за сотню милліоновъ, а можетъ быть и за цѣлый милліардъ лѣтъ.

Многіе изъ послѣдователей Дарвина приходятъ къ мысли, что всѣ животныя, не исключая и человѣка, произошли отъ одной или нѣсколькихъ группъ простѣйшихъ одноклѣточныхъ существъ путемъ долгаго — многіе милліоны лѣтъ продолжавшагося — естественнаго отбора болѣе совершенныхъ особей.

Знаменитый Геккель на основаніи многочисленныхъ данныхъ палеонтологіи, онтогеніи и морфологіи пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. [1]) Напоминая, что у человѣка, точно такъ же, какъ у другихъ животныхъ, зародышъ развивается первоначально изъ простой клѣтки, онъ утверждаетъ, что эта клѣтка-родоначальница, «оплодотворенная яйцевая клѣтка»,— несомнѣнно, указываетъ на соотвѣтственную одноклѣточную первоначальную форму, на древнѣйшее protozoon лаврентьевскаго періода. Но въ этомъ отношеніи можно желать болѣе

[1]) Теорія Геккеля, встрѣтившая сначала восторженный пріемъ, потомъ подверглась жесточайшимъ нападкамъ; но основная мысль его ученія едва ли можетъ быть опровергнута; а подробности, внушающія сомнѣнія, существеннаго значенія для насъ не имѣютъ.

основательныхъ доводовъ. Зато гораздо болѣе обоснованной является намѣченная біологами цѣпь нашихъ позвоночныхъ предковъ, которая одинаково подтверждается свидѣтельствами, какъ морфологіи, такъ, равнымъ образомъ, и сравнительной анатоміи и онтогеніи. По словамъ того же Геккеля, *историческій порядокъ окаменѣлостей позвоночныхъ* совершенно соотвѣтствуетъ морфологическому ряду развитія, открываемому сравнительной анатоміей и онтогеніей: за силурійскими рыбами слѣдуютъ девонскія полуземноводныя, каменноугольныя земноводныя, пресмыкающіяся пермскаго періода и, наконецъ, млекопитающія мезозойскаго періода; послѣднія, въ свою очередь, являются въ тріасовый періодъ въ своихъ низшихъ представителяхъ, однопроходныхъ въ юрскій періодъ въ формѣ сумчатыхъ и затѣмъ въ мѣловой періодъ въ видѣ древнѣйшихъ живородящихъ, обладающихъ послѣдомъ (дѣтскимъ мѣстомъ). Изъ послѣднихъ опять-таки въ древнѣйшемъ третичномъ періодѣ выступаютъ низшіе предки-приматы, полуобезьяны, затѣмъ въ міоценовомъ періодѣ настоящія обезьяны, а именно, сначала собакообразныя обезьяны, позднѣе — человѣкообразныя: изъ отпрыска послѣднихъ возникаетъ въ пліоценовый періодъ *человѣкъ-обезьяна*, еще лишенный языка, а вслѣдъ за нимъ, наконецъ, говорящій человѣкъ.

Медленная эволюція и преобразованіе безчисленныхъ органическихъ формъ продолжалось, по его словамъ, 1) много милліоновъ лѣтъ (гораздо болѣе ста милліоновъ!) 2) Между различными родами животныхъ, развившихся въ дальнѣйшемъ ходѣ этого процесса, позвоночныя оставили далеко позади себя всѣ остальныя. 3) Какъ самая важная отрасль позвоночныхъ, возникъ въ сравнительно позднее время (въ третичный періодъ) изъ низшихъ пресмыкающихся и амфибій классъ млекопитающихъ. 4) Самымъ совершеннымъ и развитымъ отпрыскомъ этого класса являются приматы, возникшіе лишь въ началѣ третичнаго періода (по меньшей мѣрѣ три милліона лѣтъ тому назадъ) изъ низшихъ плацентныхъ. 5) Самымъ юнымъ и совершеннымъ отпрыскомъ вѣтви приматовъ является человѣкъ, который развился лишь къ концу третичнаго періода изъ ряда человѣкоподобныхъ обезьянъ. Слѣдовательно, такъ называемая «всемірная исторія» — небольшой промежутокъ времени въ нѣсколько тысячелѣтій, въ продолженіе котораго разыгрывается культурная исторія человѣчества — является поразительно короткимъ эпизодомъ въ длинной эволюціи органической жизни на землѣ.

Генрихъ Шмидтъ, желая дать наглядное представленіе, какъ коротка такъ называемая «всемірная исторія», воспользовался слѣдующимъ пріемомъ. Онъ не беретъ максимальнаго исчисленія продолжительности жизни на землѣ — 1.400 милліоновъ лѣтъ; онъ останавливается на минимальной, по Геккелю, цифрѣ въ 100 милліоновъ, называетъ этотъ періодъ

однимъ днемъ творенія, какъ бы беретъ за масштабъ день, на него редуцируетъ цифру въ 100 милліоновъ лѣтъ. Распредѣляя затѣмъ этотъ гигантскій день творенія на геологическіе періоды, онъ даетъ слѣдующую таблицу:

I. *Архейскій періодъ* (52 милліона лѣтъ) . . . . . = 12 час. 30 мин.

II. *Палеозойскій періодъ* (34 милліона лѣтъ) . . . . . = 8 » 5 »

III. *Мезозойскій періодъ* (11 милліоновъ лѣтъ) . . . . . = 2 » 38 »

IV. *Кенозойскій періодъ* (3 милліона лѣтъ) . . . . . = 43 минуты.

V. *Антропозойскій періодъ* (0,1—0,2 милліона лѣтъ) . . . = 2 минуты.

VI. *Періодъ культуры,* такъ называемая «всемірная исторія» (6000 лѣтъ) . . . . . = 5 секундъ.

Итакъ, если остановиться на минимальной цифрѣ (100 милліоновъ лѣтъ) для продолжительности жизни на землѣ и приравнять ее къ 24 часамъ, то на нашу такъ называемую *«всемірную исторію»* придутся всего *5 секундъ*.

Матеріалъ, доставляемый біологіею и палеонтологіею, показываетъ, въ какомъ направленіи шло развитіе животнаго міра, и даетъ возможность предвидѣнія, конечно, лишь приблизительнаго, въ какомъ направленіи оно пойдетъ въ ближайшемъ будущемъ. Можно мечтать, какъ это дѣлали нѣкоторые, что въ будущемъ люди станутъ похожи на ангеловъ съ крыльями; но это не оправдывается матеріалами, какими располагаетъ біологія.

Прежде всего она покажетъ, что совсѣмъ не въ крыльяхъ—главное дѣло. Данныя біологіи позволяютъ говорить о первостепенной важности нервной системы въ животномъ мірѣ. Еще Кювье утверждалъ, что нервная система—это въ сущности все животное: всѣ другія системы существуютъ только для того, чтобы служить ей. Но это мнѣніе, быть-можетъ, нѣсколько грѣшитъ преувеличеніемъ. Къ этой системѣ пришлось бы прибавить еще органы чувствъ и мускулы, такъ какъ она служитъ посредникомъ между тѣми и другими. Гораздо полнѣе и точнѣе выражается Геккель. Онъ говоритъ, что душевная жизнь, которую онъ справедливо считаетъ самымъ важнымъ и самымъ существеннымъ признакомъ животнаго міра, функціонируетъ съ помощью сложнаго аппарата, который *всегда* состоитъ изъ слѣдующихъ *трехъ* частей: *органовъ* чувствъ, обусловливающихъ различныя ощущенія, *мускуловъ*, обусловливающихъ движенія, и *нервовъ*, служащихъ передаточнымъ

механизмомъ между ними (для этого развивается особый центральный органъ: *мозгъ* или ганглій, нервный узелъ). Устройство и функціонированіе этого аппарата сравниваютъ обыкновенно съ электрическимъ телеграфомъ; нервы являются проводами, мозгъ — центральной станціей, мускулы и органы чувствъ—второстепенными станціями-отдѣленіями. Двигательныя нервныя волокна передаютъ приказы воли отъ нервнаго центра къ мускуламъ и заставляютъ ихъ сокращаться, что вызываетъ различныя движенія организма; чувствительныя нервныя волокна передаютъ ощущенія отъ органовъ чувствъ въ мозгъ и докладываютъ ему о полученныхъ впечатлѣніяхъ внѣшняго міра. Центральный органъ нервной системы у человѣка (головной мозгъ) является наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ этихъ частей организма: онъ не только служитъ передаточнымъ звеномъ между мускулами и органами чувствъ, но обусловливаетъ также высшія душевныя функціи животнаго, образованіе представленій и мыслей, съ сознаніемъ во главѣ.

Такимъ образомъ, надо говорить не о нервной только, а о чувствительно-двигательной системѣ, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ и головной, и спинной мозгъ, и внѣшнія чувства, и нервы, и мускулы. Эта система, дѣйствительно, является владыкою въ животномъ организмѣ. Ей, дѣйствительно, служитъ весь организмъ. По словамъ Бергсона, все исходитъ отъ нея и все въ ней сосредоточивается. Бергсонъ по этому поводу вспоминаетъ о томъ, что происходитъ при продолжительномъ голоданіи. Замѣчательно, что у животныхъ, умершихъ отъ голода, мозгъ остается почти не тронутъ, тогда какъ другіе органы теряютъ болѣе или менѣе значительную часть своего вѣса, и въ ихъ клѣточкахъ происходятъ глубокія измѣненія. «Повидимому,—заключаетъ Бергсонъ,—нервная система поддерживается остальнымъ тѣломъ до послѣдней крайности и является, такимъ образомъ, цѣлью для тѣла, которое служитъ простымъ средствомъ». Чувствительно-двигательная система, по его словамъ, является дѣйствительнымъ господиномъ. Она выполняетъ работу, а другія ткани, насколько въ ихъ силахъ, доставляютъ ей потенціальную энергію.

Въ мозгу, какъ извѣстно, въ наибольшей степени развита раздражимость, а это именно то свойство, благодаря которому есть возможность получать воздѣйствія отъ внѣшняго міра и реагировать на нихъ въ видахъ приспособленія къ окружающей средѣ. Мозгъ—органъ ощущеній, представленій, мышленія, воли. Неудивительно, что онъ занимаетъ господствующее положеніе и отъ степени его развитія зависитъ, какое мѣсто въ природѣ занимаетъ организмъ.

Но если бы даже относительно другихъ животныхъ и возникли какія-либо сомнѣнія, то относительно человѣка такихъ сомнѣній быть не можетъ. Не даромъ главное отличіе

человѣка отъ другихъ животныхъ — это величина, вѣсъ и строеніе его мозга.

А еще Дарвинъ сказалъ: «Когда мы видимъ, что какой-нибудь органъ или часть растенія развиты у извѣстнаго вида исключительнымъ образомъ или въ необычайной степени, естественно предположить, что они представляютъ важное значеніе для вида».

И біологія показываетъ, что именно въ этомъ направленіи шло развитіе той генеалогической линіи, которая ведетъ отъ низшихъ животныхъ къ человѣку.

Большинство органовъ нашего тѣла уступаютъ по своему развитію соотвѣтствующимъ органамъ другихъ животныхъ. Крѣпость нашего тѣла, поддерживаемая скелетомъ, не можетъ итти ни въ какое сравненіе, напримѣръ, съ крѣпостью насѣкомыхъ. На муравья клали грузъ, превышающій въ 10 тысячъ разъ вѣсъ насѣкомаго, и муравей оставался живъ. Такая броня была бы для насъ чѣмъ-то изъ волшебнаго міра. Точно такъ же ударъ нашего кулака нельзя и сравнивать съ ударомъ лошадинаго копыта или бычачьихъ роговъ.

Біологи утверждаютъ, что по строенію своего тѣла человѣкъ вообще очень мало отличается отъ человѣкообразныхъ обезьянъ; но зато одна часть его тѣла значительно превышаетъ тотъ же органъ у обезьянъ—это головной мозгъ. Можно сказать, что человѣкъ весь ушелъ въ ростъ одного мозга.

Далѣе, если сравнить, какъ это дѣлаютъ біологи, низшія животныя формы съ высшими и особенно съ человѣкомъ, то мы увидимъ, что чисто-животныя и растительныя функціи (ѣда, питье, половыя отправленія) у низшихъ формъ играютъ гораздо большую роль, чѣмъ у высшихъ; что же касается до ощущеній, воспріятій, чувствъ, сознанія и произвольныхъ движеній, то здѣсь дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: роль этихъ отправленій тѣмъ выше, чѣмъ выше типъ животнаго, и является преобладающей у современнаго развитого человѣка.

Человѣческій мозгъ, несомнѣнно, самый совершенный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ мыслительныхъ и чувствующихъ аппаратовъ

Уоллесъ и Дарвинъ находили, что, какъ только человѣкъ поднялся выше животныхъ, развился въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, дальнѣйшее дѣйствіе отбора шло уже въ этомъ отношеніи, потому что тѣлесныя приспособленія уже не имѣли значенія: благодаря уму, человѣкъ могъ, не измѣняя тѣла, приспособляться къ измѣняющимся условіямъ среды

И совершенно правъ геологъ Шалеръ, когда онъ говоритъ, что, переходя отъ высшихъ млекопитающихъ къ человѣку, мы видимъ здѣсь освобожденіе духа отъ прежняго рабства тѣлу, мы видимъ, что интеллектуальные элементы развиваются чрезвычайно быстро, въ то время какъ строеніе тѣла въ существенномъ не измѣняется.

Если послѣдовательно, какъ это дѣлаетъ сравнительная анатомія, сравнить мозгъ червей, рыбъ, амфибій, пресмыкающихся, низшихъ млекопитающихъ и, наконецъ, человѣка, то мы увидимъ, какъ поступательно и неуклонно на протяженіи всей животной эволюціи росъ мозгъ. Мозгъ же представляетъ самую важную часть въ той чувствительно-двигательной системѣ, о которой мы говорили выше.

Геккель дѣлитъ чувствительно-двигательное развитіе органическаго міра на 5 слѣдующихъ стадій.

I. *Одноклѣточныя простѣйшія.* Здѣсь вся плазма клѣтки обладаетъ чувствительностью и отвѣчаетъ на внѣшнія раздраженія: на свѣтъ, теплоту, электричество, механическіе и химическіе процессы.

II. *Клѣточные союзы.* У такихъ организмовъ на поверхности появляются уже плазматическіе волоски или пигментныя пятна, какъ предшественники осязанія и глазъ. Это зачаточныя простѣйшія орудія внѣшнихъ чувствъ.

III. *Самыя низшія безпозвоночныя животныя* (полипы, губки). Нервной системы нѣтъ еще и на этой ступени, но зато изъ вышеупомянутыхъ зачаточныхъ формъ предыдущей ступени здѣсь развиваются уже спеціальные органы чувствъ: химическіе органы вкуса и обонянія, физическіе органы осязанія и тепловыхъ ощущеній, а также слуха и зрѣнія.

IV. Сюда относятся, между прочимъ, *низшія позвоночныя животныя.* У нихъ есть нервная система съ простымъ центральнымъ органомъ. Ощущенія, которыя на предыдущей ступени были изолированными, разъединенными, теперь связываются другъ съ другомъ, ассоціируются.

V. *Высшія позвоночныя и человѣкъ.* Самая характерная черта этой ступени: чрезвычайно развитой центральный органъ нервной системы.

Въ другомъ мѣстѣ, описывая детально исторію развитія позвоночныхъ животныхъ (двѣ послѣднія ступени), Геккель говоритъ, что длинная исторія «души позвоночныхъ» начинается съ образованія элементарной медулярной трубки у древнѣйшихъ, неимѣющихъ черепа животныхъ; въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ изъ этой трубки мало-по-малу развивается сложное и удивительное строеніе человѣческаго мозга, который создаетъ человѣку совершенно исключительное положеніе въ природѣ. Исторію развитія мозга у позвоночныхъ онъ подраздѣляетъ на 8 ступеней, при чемъ послѣднія 4 ступени у него занимаютъ млекопитающія, имѣющія общее происхожденіе отъ одной формы-родоначальницы изъ тріасова періода.

Между строеніемъ мозга, а стало-быть, и психической жизнью у *высшихъ и низшихъ млекопитающихъ,* по словамъ Геккеля, *лежитъ цѣлая пропасть, но эта пропасть всецѣло заполняется длиннымъ рядомъ промежуточныхъ, переходныхъ*

ступеней. Отъ начала третичнаго періода прошло, по крайней мѣрѣ, *четырнадцать* (по другимъ вычисленіямъ — болѣе ста) *милліоновъ лѣтъ;* этого вполнѣ достаточно даже для самой поразительной физіологической эволюціи.

И главу, посвященную этому изслѣдованію, Геккель заканчиваетъ слѣдующимъ выводомъ:

«Итакъ, постепенное историческое развитіе души человѣка изъ длинной психической цѣпи высшихъ и низшихъ млекопитающихъ — научно установленный фактъ; онъ доказанъ сравнительной анатоміей и онтогеніей на почвѣ общихъ филетическихъ законовъ теоріи происхожденія видовъ».

Параллельно съ развитіемъ чувствительно-двигательной системы и въ связи съ ней идетъ и развитіе рефлексовъ или рефлективныхъ актовъ, когда движеніе является непосредственнымъ результатомъ раздраженія. На самой низшей ступени, у простѣйшихъ, по Геккелю, внѣшнія раздраженія (свѣтъ, теплота, электричество) вызываютъ только движеніе роста и обмѣна веществъ. На слѣдующей ступени у простѣйшихъ, въ родѣ амебы, внѣшнія раздраженія вызываютъ уже внѣшнія движенія, проявляющіяся либо въ измѣненіи формы, либо въ перемѣнѣ мѣста: таковы, наприм., вытягиванье и втягиванье ложныхъ ножекъ, которыя еще не являются постоянными органами. Но есть простѣйшіе одноклѣточные организмы, которые выдѣляютъ уже простѣйшіе органы осязанія и органы движенія. Раздраженіе, падающее на чувствительный органъ (напримѣръ, на мерцательный волосокъ), находящійся на одномъ концѣ этого одноклѣточнаго организма, вызываетъ немедленно сокращеніе двигательнаго органа (нитеобразнаго стволика) на другомъ концѣ того же организма.

Таковъ этотъ одноклѣточный рефлективный органъ, который можно встрѣтить въ видѣ нервно-мускульной клѣтки и въ многоклѣточномъ организмѣ, напримѣръ, у полиповъ.

На слѣдующей ступени развитія мы встрѣчаемъ уже двухклѣточный рефлекторный органъ, при чемъ первая клѣтка служитъ элементарнымъ органомъ ощущенія, а другая—органомъ движенія. Обѣ клѣтки соединены другъ съ другомъ волоскомъ (нитью изъ протоплазмы), который передаетъ раздраженіе отъ первой клѣтки къ послѣдней. Но самымъ крупнымъ шагомъ впередъ является тотъ, когда рефлекторный механизмъ становится трехклѣточнымъ, когда вмѣсто вышеупомянутаго волоска или нити появляется самостоятельная третья клѣтка, называемая узловой клѣткой или гангліемъ. Теперь раздраженіе изъ чувствительной клѣтки переходитъ уже не прямо въ двигательную, а проходитъ сначала чрезъ среднюю промежуточную, узловую клѣтку, гдѣ, по мнѣнію Геккеля, появляется новая психическая функція — безсознательное представленіе, т. е. безсознательные внутренніе образы внѣшнихъ предметовъ, получаемые посредствомъ чувственныхъ

воспріятій. На дальнѣйшей ступени развитія (у позвоночныхъ) вмѣсто одной узловой промежуточной или, по выраженію Геккеля, «душевной» клѣтки возникаетъ уже двѣ: одна чувствительная узловая «душевная» (въ отличіе отъ чувствительной внѣшней), а другая волевая, двигательная «душевная» клѣтка. Такимъ образомъ, здѣсь рефлекторная дуга состоитъ уже изъ 4 клѣтокъ: раздраженіе поступаетъ въ наружную чувствующую клѣтку, соотвѣтствующую органамъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, отсюда это раздраженіе передается чувствительной узловой «душевной» клѣткѣ, а отсюда переносится въ волевую, «душевную» двигательную клѣтку и только затѣмъ уже переходитъ на сокращающуюся мускульную клѣтку.

И вотъ, благодаря соединенію многихъ такихъ рефлекторныхъ органовъ и образованію новыхъ промежуточныхъ душевныхъ клѣтокъ, возникаетъ, по словамъ Геккеля, сложный рефлекторный механизмъ у высшихъ позвоночныхъ и у человѣка.

Путемъ такой же долгой и постепенной эволюціи развились и наши чувства, эмоціи, настроенія, страсти. Ромэнсъ доказалъ, что человѣческія страсти имѣются и у животныхъ. А Геккель говоритъ, что уже на самой низшей ступени органической жизни, у всѣхъ простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ, мы находимъ элементарныя чувства пріятнаго и непріятнаго, проявляющіяся въ ихъ такъ называемыхъ *тропизмахъ*, въ *стремленіи* къ свѣту или темнотѣ, къ теплу или холоду, въ различномъ отношеніи ихъ къ положительному и отрицательному электричеству. На высшей стадіи душевной жизни, у современнаго человѣка, мы встрѣчаемъ тонкіе оттѣнки восторга и презрѣнія, любви и ненависти; они служатъ *основными пружинами въ исторіи нашей культуры и неистощимымъ кладомъ для поэзіи.* Между примитивными душевными движеніями одноклѣточныхъ простѣйшихъ организмовъ и крайнимъ развитіемъ аффектовъ и страстей у человѣка, разыгрывающихся въ гангліяхъ мозговой коры, существуетъ, однако, утверждаетъ Геккель, *рядъ всевозможныхъ переходныхъ ступеней.*

Такой же длинный путь развитія совершила и способность представленій. Геккель дѣлитъ этотъ путь развитія на 4 стадіи. На первой ступени это будетъ безсознательное, конечно, представленіе одноклѣточныхъ организмовъ. Способность представленій, а также безсознательной памяти на этой ступени Геккель доказываетъ тѣмъ, что каждый видъ Radiolaria (а онъ описалъ болѣе 4 тысячъ такихъ видовъ) сохраняетъ наслѣдственную форму свою скелета. «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Геккель,—крайне простая клѣтка въ состояніи строить изъ себя этотъ специфическій, часто очень сложный скелетъ?» И отвѣчаетъ: «Это можно объяснить только тѣмъ, что твор-

ческая плазма обладаетъ способностью представленій». Совершенно ясно, что слѣдуетъ добавить... и безсознательной памяти. Самъ Геккель въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что наслѣдственность есть память клѣточной плаституды.

Ко второй ступени онъ относитъ такія же безсознательныя представленія и, конечно, памяти клѣточныхъ союзовъ, а также тканей животныхъ, неимѣющихъ нервовъ (губокъ, полипняковъ).

Къ третьей стадіи относятся также безсознательныя представленія клѣтокъ ганглій, о которыхъ мы только что говорили. Ганглій—это средняя клѣтка въ трехклѣточномъ рефлективномъ механизмѣ, лежащая между чувствительной и двигательной клѣткой; и вотъ ее-то и считаетъ Геккель мѣстомъ или органомъ безсознательныхъ представленій (можно добавить и памяти) третьей ступени.

Къ высшей и послѣдней ступени онъ относитъ хорошо намъ извѣстныя по личнымъ переживаніямъ сознательныя представленія (и память) мозговыхъ клѣтокъ. Ассоціаціи этихъ сознательныхъ представленій дѣлаютъ возможными высшія способности: мышленіе, разсудокъ и разумъ.

Но и ассоціаціи или сочетанія представленій точно такъ же являются результатомъ длиннаго ряда развитія. Эти ассоціаціи, по словамъ Геккеля, вначалѣ тоже носятъ преимущественно *безсознательный* характеръ («инстинктъ»); только у высшихъ животныхъ классовъ оно постепенно становится *сознательнымъ* («разумъ»). Психическія проявленія этой «ассоціаціи идей» чрезвычайно разнообразны; тѣмъ не менѣе, отъ простѣйшей безсознательной формы ея у низшихъ протистовъ до самыхъ совершенныхъ сознательныхъ сочетаній идей у культурнаго человѣка тянется одинъ безпрерывный и постепенный ходъ развитія.

Инстинкты животныхъ, по мнѣнію Дарвина и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Д. Ромэнса, не носятъ неизмѣннаго характера, какъ думали раньше, а измѣняются путемъ приспособленій. Эти измѣненія, по словамъ Геккеля, представляющія большею частію результатъ измѣнившихся привычекъ, переходятъ отчасти и на потомство путемъ наслѣдственной передачи, накопляются и крѣпнутъ въ длинномъ рядѣ поколѣній, при чемъ путемъ искусственнаго и естественнаго отбора сохраняются наиболѣе цѣлесообразныя и устраняются менѣе годныя варіаціи инстинктовъ. Геккель различаетъ два рода инстинктовъ: во-первыхъ, первичные инстинкты («голодъ и любовь», «инстинкты самосохраненія и продолженія рода»), которые первоначально носятъ всюду безсознательный характеръ и только у высшихъ животныхъ и у человѣка становятся сознательными. Во-вторыхъ, вторичные инстинкты, которые, наоборотъ, возникаютъ путемъ сознательнаго приспособленія, постепенно входятъ въ привычку и, такимъ образомъ, становятся автома-

тическими, безсознательными. Переданные по наслѣдству, такіе инстинкты кажутся безсознательными. Таковы, напримѣръ, эстетическіе вкусы, которые кажутся теперь намъ прирожденными.

Отъ простѣйшихъ рефлекторныхъ механизмовъ и ихъ соединеній, отъ безсознательныхъ представленій и ассоціацій (инстинктовъ) путемъ длиннаго и постепеннаго развитія животный міръ поднимается до чрезвычайно сложныхъ по своему строенію органовъ мышленія человѣка. Наиболѣе важнымъ изъ новѣйшихъ открытій въ этой области является открытіе Флексигомъ четырехъ ассоціаціонныхъ центровъ въ сѣромъ веществѣ коры большого мозга. Эти четыре центра служатъ органами нашего мышленія, нашего сознанія, нашей духовной жизни. Изъ этихъ четырехъ центровъ впереди лежитъ лобный мозгъ, сзади наверху теменной мозгъ, сзади внизу главный мозгъ или большой затылочный височный центръ и, наконецъ, глубоко внизу островной ассоціаціонный центръ. Флексигъ нашелъ въ этихъ центрахъ такое сложное строеніе, какое совершенно отсутствуетъ у другихъ хотя бы самыхъ высшихъ животныхъ. Естественно думать, что именно этимъ особымъ строеніемъ и объясняется превосходство человѣческаго мышленія надъ мышленіемъ животныхъ. Открытая теперь роль большого мозга подтверждается и патологіей. Если болѣзнь разрушитъ какую-нибудь часть мозговой коры, то вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно прекращается и та часть мышленія, которая связана съ поврежденнымъ мѣстомъ въ мозгу.

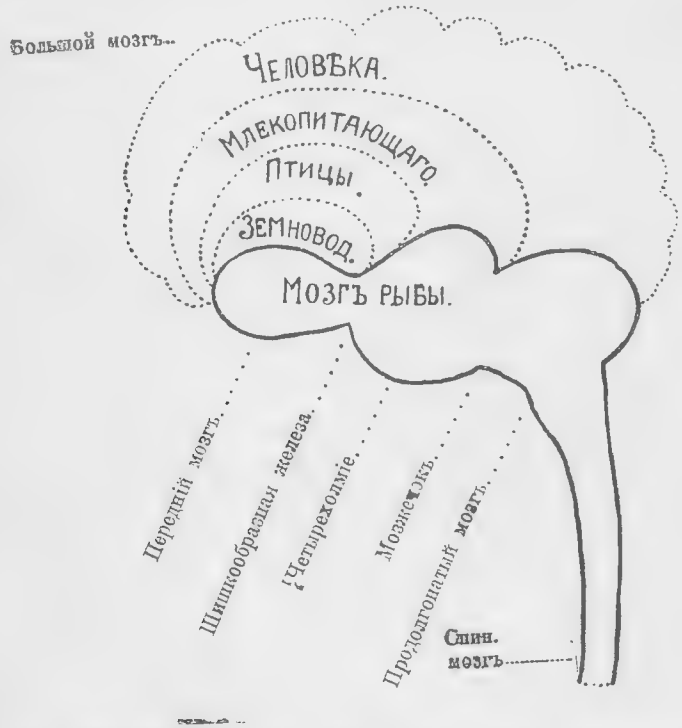
Имѣющая такую огромную важность сѣрая кора нашего большого мозга, по Геккелю, развилась въ третичный періодъ изъ болѣе простой мозговой коры нашихъ предковъ—приматовъ. Но гораздо раньше Уоллесъ утверждалъ, что дикари обладаютъ бо̀льшимъ количествомъ мозга, чѣмъ имъ нужно. Извѣстный петроградскій біологъ Шимкевичъ говоритъ, что потому-то человѣкъ и могъ, создавъ цивилизацію, оказаться побѣдителемъ въ жизненной борьбѣ, что онъ представлялъ собою видъ съ гипертрофированнымъ головнымъ мозгомъ. По его же словамъ, самымъ рѣзкимъ отличіемъ человѣка отъ антропоморфныхъ является большая вмѣстимость черепа и значительный вѣсъ мозга.

Но мозгъ человѣка еще болѣе отличается отъ мозговъ самыхъ высшихъ животныхъ своими функціями.

Развитой мозгъ является органомъ универсальнымъ для приспособленія къ окружающей средѣ. Всякое другое животное, попавъ въ новую среду, должно измѣнить и шкуру, чтобы приспособиться къ новой температурѣ, и оконечности для охоты за новою дичью, и зубы, и желудокъ, и т. д. У человѣка же всѣ заботы о приспособленіи къ новой средѣ беретъ на себя головной мозгъ.

Для приспособленія къ необычной температурѣ онъ придумаетъ новое платье, для охоты за новой дичью—новыя орудія, для приспособленія новой пищи къ своимъ пищеварительнымъ органамъ онъ изобрѣтетъ новую кухню.

Тамъ, гдѣ другому животному потребовался бы усовершенствованный глазъ, человѣку достаточно изобрѣсти микроскопъ или подзорную трубку. Тамъ, гдѣ животному потребовались бы плавники или крылья, человѣкъ можетъ ограничиться изобрѣтеніемъ лодки, парохода или аэроплана.



Какъ развивались различныя части головного мозга отъ рыбы до человѣка.

Благодаря своему интеллекту, человѣкъ акклиматизируется во всѣхъ широтахъ земного шара и становится космополитомъ.

Благодаря дѣятельности головного мозга, человѣкъ не только пассивно приспособляется къ внѣшней средѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ животномъ мірѣ, но онъ и самую внѣшнюю среду активно приспособляетъ къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ. И чѣмъ дальше, чѣмъ выше умственное развитіе человѣка, тѣмъ больше это приспособленіе внѣшняго къ внутреннему, тѣмъ активнѣе становится самъ человѣкъ,

тѣмъ послушнѣе его повелѣніямъ дѣлаются внѣшнія условія и вся природа.

Координируя нашу дѣятельность, мозгъ управляетъ раздѣленіемъ труда между различными органами тѣла и въ то же время объединяетъ дѣятельность отдѣльныхъ органовъ. Ростъ мозга и интеллекта можетъ служить надежнымъ мѣриломъ развитія.

Сама наша жизнь—это жизнь мозга, потому что наша жизнь—это психика, а органъ психики—мозгъ.

Бергсонъ обратилъ вниманіе на то, что человѣкъ способенъ научиться какимъ угодно дѣйствіямъ, производить какіе угодно предметы, наконецъ, онъ можетъ пріобрѣтать какія угодно двигательныя привычки, въ то время какъ способность комбинировать новыя движенія крайне ограничена у самыхъ одаренныхъ животныхъ, въ томъ числѣ и у обезьяны. Это можетъ служить лучшей характеристикой человѣческаго мозга. Какъ и всякій другой, человѣческій мозгъ созданъ для того, чтобы приводить въ дѣйствіе двигательные механизмы, предоставляя намъ выборъ между ними, такъ что мы въ любой моментъ можемъ привести ихъ въ движеніе. Но человѣческій мозгъ отличается отъ другихъ мозговъ тѣмъ, что количество приводимыхъ имъ въ движеніе механизмовъ и, слѣдовательно, число разрядовъ, между которыми онъ можетъ выбирать, не имѣетъ предѣловъ, а такъ какъ между ограниченнымъ и безграничнымъ—такая же разница, какъ между замкнутымъ и разомкнутымъ, то человѣческій мозгъ отличается отъ другихъ мозговъ не только по степени, но и по природѣ.

По справедливому замѣчанію Бергсона, у животныхъ изобрѣтеніе всегда является простою варіаціей на привычную тему. Животное ограничено привычками своего вида; несомнѣнно, ему иногда удается расширить ихъ при помощи своей индивидуальной иниціативы, но оно освобождается отъ автоматизма только на одно мгновеніе и только для того, чтобъ создать себѣ новый автоматизмъ; двери его тюрьмы раскрываются только для того, чтобы снова закрыться, когда оно хочетъ разорвать свою цѣпь, оно успѣваетъ самое большее удлиннить ее. Только у человѣка сознаніе разрываетъ эту цѣпь, только у него оно получаетъ свободу.

Уже изъ этого бѣглаго обзора длинной эволюціи животнаго міра ясно видно, что развитіе въ той генеалогической линіи, которая вела отъ низшихъ животныхъ къ человѣку, характеризуется ростомъ и усовершенствованіемъ аппаратовъ и механизмовъ, служащихъ для рефлексовъ, представленій, инстинктовъ, ума, чувства и воли, а у человѣка прежде всего главной части этихъ аппаратовъ—головного мозга. Мы видѣли также, что развитіе шло отъ безсознательнаго къ сознательному существованію, которое сейчасъ является послѣднимъ словомъ эволюціи. Силы природы при этомъ не увеличиваются,

но зато они преобразуются въ сознаніе. Когда-то вся матерія, существующая на землѣ, была неорганической, какъ камни, металлы и воздухъ, а теперь часть этой матеріи превращена въ органическую и, что особенно важно, въ живую нервную матерію, носительницу психики. И этотъ процессъ превращенія мертвой матеріи въ живую, безсознательнаго въ сознательное, безчувственнаго въ чувствующее съ каждымъ вѣкомъ ускоряется.

Но этотъ все возрастающій переходъ отъ безсознательнаго къ сознательному не мѣшаетъ превращенію нашихъ сознательныхъ актовъ путемъ повтореній въ автоматическіе безсознательные какъ будто для того, чтобы освободить сознаніе для дальнѣйшей работы надъ новыми задачами. Когда ребенокъ начинаетъ учиться читать, писать, играть на рояли и т. п., онъ вначалѣ употребляетъ большія усилія сознанія, чтобы овладѣть механизмомъ чтенія, письма, игры и т. п.; но затѣмъ, благодаря навыку, онъ можетъ читать уже почти автоматически, безсознательно, а освобожденное, такимъ образомъ, вниманіе можетъ все цѣликомъ употребить на усвоеніе смысла того, что онъ читаетъ, пишетъ и проч.

Мы видѣли также, что развитіе органовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а стало-быть, и ихъ функцій шло отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному, отъ разъединеннаго къ сплоченному и отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Что особенно бросается въ глаза, это строгая постепенность развитія. Что эти выводы имѣютъ большое значеніе для педагога, видно уже и теперь. Почти въ тѣхъ же самыхъ терминахъ можно формулировать требованія, предъявляемыя къ развитію путемъ воспитанія и обученія.

Значеніе умственнаго развитія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Но если бы кто-нибудь изъ преобладающаго значенія для насъ мозга вывелъ заключеніе, что слѣдуетъ пренебречь физическимъ воспитаніемъ и направить все вниманіе исключительно на одно умственное развитіе, онъ сдѣлалъ бы большую ошибку. Физическое воспитаніе необходимо хотя бы уже для того, чтобы безпрепятственно могъ развиваться нашъ мозгъ. Органъ нашей психики черпаетъ свою энергію изъ общаго источника нашего организма. И забвеніе послѣдняго напоминало бы басню «Свинья подъ дубомъ».

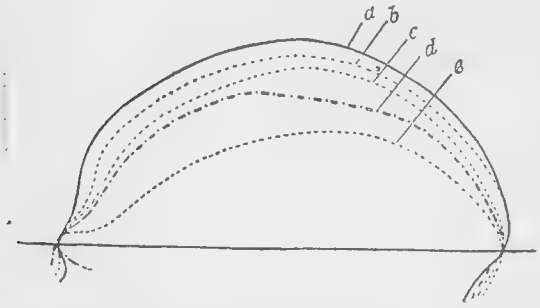
Переходъ отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и болѣе точному, строгая постепенность въ развитіи—все это обычныя требованія педагогіи, и эволюціонная теорія только подчеркиваетъ и подтверждаетъ ихъ.

Теорія эволюціи, утверждая поступательное движеніе человѣчества впередъ, имѣетъ огромное нравственное значеніе. Она вселяетъ въ насъ бодрость и оптимизмъ, она зоветъ насъ къ жизни, къ дѣятельности, къ содѣйствію прогрессу.

Естественно, что теорія эволюціи должна отражаться и на идеалахъ педагоговъ, которые болѣе, чѣмъ кто-либо другой, могли бы внести свою каплю меда въ это всемірное движеніе впередъ, къ свѣту, къ могуществу, къ счастью, свободѣ.

Но естественно возникаетъ вопросъ, продолжалась ли въ новѣйшія времена (обзоръ бралъ слишкомъ большіе масштабы—геологическіе), продолжается ли теперь, станетъ ли продолжаться въ будущемъ та самая эволюція и если да, то въ тѣхъ ли же самыхъ формахъ, въ томъ же ли самомъ темпѣ развитія, какъ и въ прежнія времена?

Что человѣческій мозгъ быстро развился въ послѣднюю геологическую эпоху,—этотъ фактъ внѣ сомнѣнія.



Контуры черепныхъ крышекъ: a (современной ирландки съ маленькимъ черепомъ, b) одного изъ череповъ Спи, c) неандертальскаго черепа, d) pithecanthropus, e) черепа гориллы, — для сравненія. По Кеннигему.

Многочисленныя находки въ видѣ человѣческихъ череповъ, скелетовъ, орудій и проч., относимыхъ къ ледниковому періоду, приводятъ антропологовъ къ выводу, что со времени дилювіальнаго періода человѣкъ настолько измѣнился, различія между нимъ и нами настолько велики, что современнаго человѣка надо отнести къ другому виду, чѣмъ первобытный человѣкъ.

Что человѣческій мозгъ развивался и въ новую историческую эпоху—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, работа Брока. На вырытыхъ имъ изъ старыхъ кладбищъ черепахъ послѣднихъ шести вѣковъ онъ установилъ правильно идущее изъ вѣка въ вѣкъ увеличеніе емкости черепа. И нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы развитіе мозга остановилось на современномъ намъ уровнѣ.

Мы не знаемъ, навѣрное, будутъ ли развиваться и въ какомъ направленіи наши мускулы, кости, зубы, волосяной покровъ, желудокъ и проч., но мы увѣрены, что мозгу предстоитъ развиваться и совершенствоваться все больше и больше. Онъ развивался непрестанно и неуклонно въ теченіе всѣхъ геологическихъ эпохъ, начиная съ целлюра и до нашихъ дней; онъ развивался и въ нашу историческую эпоху; развивался въ то время, какъ множество другихъ органовъ возникали и затѣмъ вырождались и исчезали; онъ росъ все быстрѣе и быстрѣе съ каждою новою эпохою. И несомнѣнно, что это теперь нашъ господствующій органъ, что онъ не остановится

на пути своего развитія и что ему принадлежитъ блестящее будущее. И никто не укажетъ предѣловъ, гдѣ этотъ ростъ долженъ прекратиться.

Вмѣстѣ съ этимъ преобразованіемъ неорганизованной природы въ человѣческій мозгъ, очевидно, возвышается и цѣнность жизни. Вѣдь до появленія развитого человѣческаго мозга не могло возникнуть даже вопроса о цѣнности жизни, о счастіи, о радостяхъ и горестяхъ, объ интересѣ и цѣляхъ существованія. Временныя уклоненія, наблюдаемыя во времена переходныя, являются только исключеніями, лишь подтверждающими общее правило.

Вмѣстѣ съ развитіемъ мозга, возрастаетъ власть человѣка, его предвидѣніе, его знанія, его могущество не только по отношенію къ мертвой, но и по отношенію къ живой природѣ.

Возрастаетъ количество выводовъ изъ опыта и наблюденій касательно условій существованія и жизни и растительныхъ, и животныхъ организмовъ. До появленія разумнаго человѣка эволюція дѣлалась сама собою, съ появленіемъ же человѣка, онъ самъ своимъ разумомъ и волею принимаетъ участіе въ исторіи, онъ дѣлаетъ ее. Человѣкъ не только приспособляется къ природѣ, но онъ и самую природу приспособляетъ къ своимъ потребностямъ, къ своимъ планамъ, цѣлямъ и идеаламъ.

Случилось то, что бываетъ нерѣдко: позднѣйшіе продукты развитія, которые мы считаемъ слѣдствіями, вліяютъ, въ свою очередь, на первичные факторы, которые мы считаемъ причинами. Человѣкъ — произведеніе земли — теперь самъ могущественно воздѣйствуетъ на земную поверхность. Онъ осушаетъ болота, проводитъ каналы, туннели въ горахъ, онъ овладѣлъ почвою, вспахивая ее, подпочвою и нѣдрами земли, добывая оттуда нужные ему минералы. Многія мѣстности, бывшія раньше очагами маляріи, теперь, благодаря культурѣ вообще и осушенію болотъ въ частности, стали вполнѣ удобными для жизни; и можно надѣяться, что человѣку удастся со временемъ сдѣлать здоровыми и тѣ мѣста, которыя сейчасъ считаются гибельными, какъ, напр., нѣкоторыя мѣстности центральной Африки. Люди овладѣли растительнымъ покровомъ своей планеты и въ области полеводства, огородничества и проч. достигли неслыханныхъ раньше результатовъ, увеличивъ плодородіе почвы въ десятки и даже въ сотни разъ. Люди овладѣли животнымъ міромъ, и мы можемъ разводить любыя породы скота и въ то же время съ большимъ успѣхомъ истреблять вредныхъ животныхъ. Человѣкъ изучилъ свойства микроскопическихъ организмовъ и съ успѣхомъ пользуется этими свойствами, чтобы облегчить страданія людей и домашнихъ животныхъ путемъ прививокъ и антисептики.

Тѣ работы, которыя въ былыя времена производились исключительно мускульною человѣческою силою, теперь производятся животными, вѣтромъ, водою, паромъ, электриче-

ствомъ, химическимъ сродствомъ, механическими, физическими и т. п. силами.

Овладѣвъ электричествомъ и земнымъ магнетизмомъ, люди сократили и даже, можно сказать, уничтожили границы пространства и времени, передавая вѣсти съ одного края земли до другого даже безо всякой проволоки. Въ послѣднее время они овладѣли даже воздухомъ, летая, какъ птицы, и превращая его въ жидкость и въ твердое тѣло. Фотографія позволяетъ съ помощью свѣта получить изображеніе любого предмета. Спектральный анализъ разлагаетъ на химическіе элементы солнце и звѣзды, а химія анализируетъ безконечно малые молекулы и атомы живой клѣтки. Иксъ-лучи непрозрачное тѣло дѣлаютъ прозрачнымъ. Нѣтъ, кажется, ни одной силы природы, которую бы люди не заставили служить себѣ.

Для измѣренія пройденнаго прогресса нужна какая-нибудь мѣра, своего рода аршинъ или верста, посредствомъ которой можно было бы каждый разъ сказать, на какой ступени мы въ данное время находимся. И такая мѣра есть. Она давно уже предложена Литтре. Она является очень чувствительной и точной для послѣдняго времени, хотя и не годится для отдаленныхъ отъ насъ временъ—это успѣхи позитивныхъ наукъ.

Положительная наука молода. Она неизмѣримо моложе религіи и искусства. Въ пещерахъ первобытнаго человѣка находятъ рисунки мамонта, оленя и т. п. Если это считать первыми шагами искусства, то возрастъ послѣдняго измѣряется сотнями тысячъ лѣтъ. Изслѣдованія могилъ нашихъ отдаленныхъ предковъ показали, что первобытный человѣкъ имѣлъ религіозныя представленія. Между тѣмъ возрастъ современной науки считается только столѣтіями.

Эпоха Возрожденія характеризуется еще только заимствованіями и подражаніемъ древнему міру, его литературѣ, поэзіи, философіи, міровоззрѣнію, искусствамъ и проч.

Начало новой культуры, основанной на научныхъ идеяхъ, надо отнести лишь ко второй половинѣ XVII вѣка. При такомъ исчисленіи возрастъ науки окажется равнымъ 260 годамъ, что составляетъ микроскопическую величину въ развитіи человѣческаго рода, не говоря уже о животной эволюціи.

А если изъ трехъ установленныхъ Контомъ состояній науки исключить первые два (теологическій и метафизическій), если считать началомъ научной эры тотъ моментъ, когда ея развитіе пошло усиленнымъ темпомъ, то современная позитивная фаза окажется немного старше одной человѣческой жизни.

Хотя XVI вѣкъ — вѣкъ возрожденія наукъ — прославленъ очень многими цѣнными открытіями и изобрѣтеніями, наука и техника лишь въ послѣднія сто лѣтъ сдѣлали почти всѣ тѣ завоеванія, какими сейчасъ можетъ гордиться человѣчество.

Отнимите у современнаго человѣка силу и примѣненіе пара, электричества, моторы, аэропланы, радій, спектральный анализъ, фотографію, открытія Пастера и его послѣдователей, открытія Дарвина, Мейера, Фарадея и другія замѣчательныя открытія минувшихъ 100 лѣтъ, и какимъ безпомощнымъ показалось бы намъ человѣчество безъ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, безъ современныхъ фабрикъ и заводовъ, безъ телеграфовъ и телефоновъ, электрическихъ трамваевъ, безъ противодифтеритныхъ прививокъ, безъ современной антисептики и проч.

Что особенно важно, наука уже и теперь дѣлаетъ предсказанія. Астрономы по дугѣ, описанной на ихъ глазахъ вновь появившейся кометой, предскажутъ путь, по которому она пойдетъ дальше. Метеорологъ, на основаніи показаній метеорологической обсерваторіи, можетъ за 2—3 дня предсказать погоду.

Самое слабое мѣсто современной науки — это соціологія. Она не располагаетъ пока такими методами, какъ наука о природѣ. Но все же и въ этой отрасли знаній есть кое-какой активъ.

Какъ ни разнообразны и сложны явленія современной жизни, какъ ни мало разработаны историческія и соціальныя науки, но уже и теперь съ значительною вѣроятностью соціологи берутся за предсказанія нѣкоторыхъ явленій: статистики могутъ съ извѣстной вѣроятностью опредѣлить, напр., сколько жителей будетъ въ странѣ чрезъ столько-то лѣтъ, какая получится густота населенія, какъ оно распредѣлится по городамъ и селеніямъ и т. п. А такое знаніе безусловно необходимо для правильной практической общественной дѣятельности, если работники не хотятъ итти ощупью и наугадъ, а хотятъ оставаться на реальной почвѣ.

Современные химики считаютъ лишь вопросомъ времени добываніе пищевыхъ средствъ фабричнымъ путемъ, производя искусственно то, что теперь дѣлаютъ зеленыя части растеній, расщепляющія углекислый газъ и приготовляющія крахмалъ, бѣлокъ и проч. Какъ просто тогда разрѣшатся такіе больные вопросы, какъ вопросъ о безубойномъ питаніи вегетаріанцевъ, аграрный вопросъ и проч.

Наука за это время такъ развилась и такъ усложнилась, успѣхи, достигнутые ею, такъ громадны, что даже дать простой перечень всѣхъ ея завоеваній во всѣхъ областяхъ, куда она проникла, нѣтъ возможности; наука не только изслѣдуетъ, но стремится улучшить человѣческую жизнь. Она далека отъ квіетизма, она учитъ дѣйствовать, бороться и улучшать жизнь. Наука играетъ теперь громадную, никѣмъ еще не подсчитанную роль въ нашей жизни, какъ въ важныхъ ея событіяхъ, такъ и въ повседневныхъ мелочахъ, и ежеминутно заявляетъ о своемъ могуществѣ.

И что всего замѣчательнѣе, область науки и техники расширяется съ каждымъ днемъ и притомъ со все возрастающей быстротою. Опытъ и знанія растутъ, какъ снѣжный комъ, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе. Сколько появляется новыхъ отраслей знаній. Какіе только матеріалы не становятся предметомъ научнаго изслѣдованія.

Исторія науки знаетъ много примѣровъ, какъ въ далекомъ прошломъ какая-нибудь великая мысль, высказанная геніальнымъ человѣкомъ, оставалась незамѣченной цѣлыя столѣтія. Теперь этого уже не можетъ быть, и всякое сколько-нибудь существенно важное открытіе немедленно на лету подхватывается спеціалистами всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. А если бы, по какимъ-либо исключительно неблагопріятнымъ условіямъ, данное открытіе осталось подъ спудомъ, оно очень скоро сдѣлано было бы во второй разъ, потому что на каждое открытіе ученые наталкиваются всѣмъ ходомъ науки, ибо въ развитіи науки есть своя логика и своя послѣдовательность. Исторія науки знаетъ много примѣровъ, когда одно какое-нибудь открытіе или изобрѣтеніе, основательно забытое или совсѣмъ неизвѣстное въ данной странѣ, создавалось однимъ и тѣмъ же образомъ, какъ и предшествующее такое же открытіе или изобрѣтеніе, сдѣланное за сотни лѣтъ раньше и притомъ въ другой средѣ.

Каждое новое фундаментальное открытіе прокладываетъ дорогу для другихъ открытій, а эти, въ свою очередь, наводятъ талантливыхъ людей на новыя открытія и т. д. до безконечности.

На такія крупныя и важныя открытія, на которыя въ былыя времена потребовались бы столѣтія, теперь нужны только годы, а въ ближайшемъ будущемъ на это потребуются, быть-можетъ, только мѣсяцы.

До каждаго открытія можно доходить самыми разнообразными путями; но изъ всѣхъ путей есть одинъ кратчайшій, прямой путь, въ отличіе отъ котораго всѣ остальные пути должны быть признаны окольными. Повидимому, теперь наука ближе подходитъ къ этому прямому и кратчайшему пути, чѣмъ и объясняется безмѣрно ускоренный темпъ ея развитія. А насколько прямой путь въ наукѣ короче окольныхъ, показываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что теорія, стоившая нѣсколькимъ геніальнымъ людямъ преемственной работы, продолжавшейся цѣлое столѣтіе, усваивается нами въ теченіе одного дня.

Несомнѣнно, что въ наше время отъ научныхъ изслѣдованій требуется несравненно больше точности, чѣмъ въ былыя времена. Необычайное для прошлыхъ вѣковъ развитіе экспериментальнаго метода изслѣдованія, совершенно неизвѣстныя раньше средства для наблюденій, высокое разви-

тіе математики и логики,—все это до неузнаваемости преобразовало самый духъ научнаго изслѣдованія, изгнавъ изъ этой области цѣлый рой предразсудковъ, тормозившихъ развитіе науки. Научный духъ проникъ даже въ беллетристику и поэзію. И въ этой сферѣ теперь мы находимъ гораздо больше содержанія, мысли, реализма, критики, чѣмъ въ былыя времена.

И педагогъ поступитъ вполнѣ согласно съ общею тенденціею въ развитіи человѣчества, если разовьетъ въ своихъ питомцахъ особое уваженіе и довѣріе къ самой наукѣ и къ пріемамъ научнаго изслѣдованія.

Конечно, и теперь еще много въ наукѣ заблужденій, много пристрастнаго, вызваннаго національными, религіозными, классовыми, сословными и личными интересами. Но всѣ эти заблужденія, въ концѣ-концовъ, гибнутъ, уступая мѣсто очевиднымъ истинамъ, которыя остаются и увеличиваютъ все возрастающій умственный багажъ человѣчества въ то время, какъ кругъ возможностей для заблужденія, глупости и пристрастія все суживается.

Сейчасъ наука подходитъ къ самому человѣку съ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія. Она детально изучаетъ мозгъ человѣческій,—органъ нашего сознанія, нашего чувства и воли. Въ то же время она, исходя изъ положенія, что человѣкъ въ своемъ развитіи въ чрезвычайно краткой формѣ повторяетъ исторію эволюціи всего рода, пользуясь теоріею наслѣдственности, изслѣдованіями о первобытномъ человѣкѣ, стремится освѣтить родовую память, которая не доходитъ до нашего сознанія. Я имѣю въ виду инстинкты, прирожденныя наклонности и стремленія, полученныя нами отъ предковъ при рожденіи и лежащія внѣ нашего сознанія, такъ какъ мы сознаемъ и помнимъ лишь то, что произошло въ нашей индивидуальной жизни (да и то далеко не все), но совершенно не сознаемъ и не помнимъ того, что произошло въ жизни нашего рода, предшествующей нашему рожденію.

Въ этомъ отношеніи представляютъ особенно большую цѣнность работы Дарвина и позже его Ромэнса, разсматривающихъ въ біологической связи поступательное, непрерывное и постепенное развитіе психики животнаго міра, начиная съ простого раздраженія у самыхъ низшихъ животныхъ и оканчивая вполнѣ развитымъ сознаніемъ и разумомъ у высшихъ животныхъ и у человѣка. Такимъ образомъ и въ этой области теорія развитія бросаетъ яркій свѣтъ на тѣ стороны психической жизни, какія безъ помощи сравнительной психологіи животныхъ оставались бы для насъ совершенно темными.

На помощь этому движенію приходитъ экспериментальная психологія, освѣтившая уже многія темныя до сихъ поръ явленія нашего духа. Въ результатѣ этого многообѣщающаго

теченія, навѣрное, будутъ освѣщены такія глубины нашей психики, какія никогда еще не достигали нашего сознанія.

Наконецъ, современное широкое движеніе къ изученію простыхъ, несложныхъ явленій дѣтской души педагогами, психологами, антропологами, археологами и другими изслѣдователями съ различныхъ точекъ зрѣнія, вноситъ богатѣйшій запасъ данныхъ, неизвѣстныхъ той психологіи, которая ограничивалась только субъективнымъ самонаблюденіемъ сложной души философа, строившаго на этихъ самонаблюденіяхъ всю свою психологію.

Какія чудесныя перспективы открываются, благодаря этому движенію, предъ педагогами. Вѣдь до сихъ поръ педагоги шли впередъ въ сущности ощупью; точная наука рѣдко проникала въ педагогику.

Еще больше выиграютъ отъ этого движенія соціологи и политики, потому что они тогда впервые получатъ такую научную основу, какой теперь почти не имѣютъ.

Необычайный ростъ точнаго и положительнаго знанія далъ возможность еще Дю-Буа-Реймону выразить слѣдующую гордую мысль: «Можно представить себѣ познаніе природы достигшимъ такого предѣла, когда міровой процессъ былъ бы представленъ одной математической формулой, одной огромной системой одновременныхъ дифференціальныхъ уравненій, которыми опредѣлялось бы въ каждый моментъ положеніе, направленіе и скорость каждаго атома вселенной».

Та же самая мысль еще подробнѣе и точнѣе выражена Лапласомъ и конкретнѣе Гекели, который сказалъ, что достаточно обширный умъ, зная особенности газа, изъ котораго состояла первоначальная міровая туманность, могъ бы предсказать, наприм., состояніе великобританской фауны въ 1868 году съ такою же точностью, какъ мы предсказываемъ, что станется съ паромъ дыханія въ холодный зимній день.

Но поразительна не только та быстрота, съ какою одно открытіе слѣдуетъ за другимъ; быть-можетъ, еще болѣе удивительна быстрота распространенія сдѣланныхъ открытій.

Въ наше время пріобрѣтенныя знанія распространяются несравненно быстрѣе, чѣмъ въ былыя времена. И прежде одинъ народъ заимствовалъ у другого культурныя открытія. Культуру грековъ восприняли римляне, культуру тѣхъ и другихъ— европейцы эпохи Возрожденія.

Но въ давнія времена на передачу какого-нибудь открытія изъ одной страны въ другую требовались столѣтія, а теперь каждое изобрѣтеніе, сдѣланное въ одной странѣ, переходитъ во всѣ другія съ быстротою пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ и даже телеграфа, уничтожившихъ разстоянія.

Объ открытіи иксъ-лучей, радія, противодифтеритной сыворотки, препарата 606 и проч. весь грамотный міръ на всемъ земномъ шарѣ узналъ, буквально, на другой день. Я хорошо

помню, какъ московскій профессоръ покойный Лебедевъ читалъ въ Москвѣ публичную лекцію объ иксъ-лучахъ чуть ли не чрезъ недѣлю послѣ того, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе объ открытіи иксъ-лучей, при чемъ онъ сопровождалъ свою лекцію всѣми необходимыми демонстраціями.

Въ былыя времена очаговъ культуры было мало: они считаются единицами. Гдѣ-то въ Вавилонѣ, позже въ Аѳинахъ или въ Римѣ свѣтилъ факелъ культуры, а кругомъ на всемъ пространствѣ земного шара царила безпросвѣтная тьма. Теперь мы видимъ культурные центры вездѣ: во всѣхъ странахъ Европы, въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи.

И отовсюду во всѣ страны свѣта, какъ волны, идутъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Каждая страна, помимо своего собственнаго опыта и открытій, наводняется еще знаніями, идущими со всѣхъ сторонъ, чужимъ опытомъ и идеями. А идеи, какъ правильно выразился французскій философъ,—суть силы и, овладѣвая умами людей, чрезъ нихъ, чрезъ человѣческія усилія и работу, при благопріятныхъ условіяхъ, осуществляются въ жизни. При такихъ условіяхъ гораздо легче пробить себѣ дорогу индивидуально одареннымъ людямъ, талантамъ и генію. И вотъ причина, почему въ позднѣйшія времена мы повсюду въ культурныхъ странахъ встрѣчаемъ гораздо больше одаренныхъ людей. Въ былыя времена геній большею частію задыхался и погибалъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Теперь онъ рѣже гибнетъ; онъ можетъ жить, и, что особенно важно, его открытія и творенія чуть не на другой же день становятся достояніемъ не одной его родины, а, какъ мы только что видѣли, всего культурнаго человѣчества. Больше того. Педагогика съ успѣхомъ отыскиваетъ новые методы для наилучшаго обученія, т.-е. для передачи культуры тѣмъ, кто къ ней еще не пріобщенъ.

Всѣ выдающіяся книги переводятся на всѣ языки, и потому становятся повсюду болѣе доступными, чѣмъ въ средніе вѣка, не смотря на то, что тогда у ученыхъ былъ всеобщій языкъ—латинскій. Приблизительно то же самое можно сказать объ искусствѣ, о литературѣ и проч.

Количество просвѣщенныхъ людей возрастаетъ въ геометрической прогрессіи съ очень крупнымъ знаменателемъ. Теперь едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что начальное образованіе не сегодня, такъ завтра сдѣлается всеобщимъ достояніемъ во всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ странахъ, и, кажется, недалеко время, когда все человѣчество, безъ исключенія, пріобщится къ благамъ культуры.

А такое движеніе является необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія науки и техники. И это не потому только, что при этомъ условіи изъ нѣдръ народа будетъ выходить во сто разъ больше талантовъ и геніевъ, чѣмъ было раньше, но и потому еще, что для прогресса въ наукѣ необходима благо-

пріятная среда. Мы видѣли уже, что Ламаркъ на 50 лѣтъ опередилъ Дарвина, но его мысли были забыты. Мэйо за 120 лѣтъ до Лавуазье открылъ кислородъ, но этого открытія въ свое время никто не понялъ, и оно не оказало никакого вліянія на движеніе науки. Можно указать еще на примѣры Стенина, Ломоносова, Майера, Лобачевскаго и другихъ, и всѣ эти примѣры показываютъ, что всякое открытіе для своего признанія нуждается въ хорошо подготовленной соціальной средѣ и въ сотрудничествѣ всѣхъ цивилизованныхъ странъ на поприщѣ знаній и мысли.

И это сотрудничество разныхъ странъ и разныхъ народностей въ наукѣ, техникѣ, искусствѣ, литературѣ и проч., и взаимное пониманіе объединяютъ людей, сближаютъ между собою разныя расы, народности, государства. Быть-можетъ, объединяющая роль науки еще больше въ другомъ отношеніи. Очень часто людей раздѣляютъ національные, религіозные, классовые, сословные и предразсудки. Они мѣшаютъ людямъ, такъ сказать, спѣться. Наука не знаетъ дѣленія знаній по національностямъ, сословіямъ, классамъ. Нѣтъ ни русской, ни французской, ни еврейской геометріи, агрономіи, физіологіи. Люди не спорятъ о томъ, что $2 \times 2 = 4$. Люди науки, открывая истину, не заботятся о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть она для того или другого класса, національности, религіи. Дѣлать истину служанкой той или иной политической или соціальной группы недостойно науки. Однажды открытая истина будетъ распространяться, хотя бы она была и непріятна для какой-нибудь партіи или класса. И по мѣрѣ развитія науки и распространенія ея въ широкихъ народныхъ массахъ, будетъ все больше безспорныхъ истинъ, объединяющихъ въ одно цѣлое все человѣчество. На эту роль науки обратилъ вниманіе еще Герценъ. Обращаясь къ Грановскому, онъ замѣтилъ, «что развитіе науки, что современное состояніе ея *обязываетъ* насъ къ принятію кой-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы этого или нѣтъ; что, однажды узнанныя, онѣ перестаютъ быть историческими загадками, а дѣлаются просто неопровержимыми фактами сознанія, какъ Эвклидовы теоремы, какъ Кеплеровы законы». Конечно, и въ будущемъ люди будутъ спорить о томъ, что и тогда останется сомнительнымъ и неочевиднымъ. Но эти споры необходимы для дальнѣйшаго поступательнаго движенія впередъ, и въ этихъ спорахъ людей можетъ объединять общее стремленіе и любовь къ истинѣ. А главное, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ число безспорныхъ истинъ будетъ все возрастать, реальныя знанія будутъ вытѣснять разъединяющіе людей предразсудки, суевѣрія и иллюзіи, истина будетъ побѣждать ложь, раздѣляющую людей.

Несомнѣнно, что къ числу объединяющихъ факторовъ принадлежитъ и религія. Люди, принадлежащіе къ одной церкви, представляютъ изъ себя нѣчто единое. Но исповѣданій, цер-

квей много. И если религіи въ состояніи объединить нѣсколько небольшихъ государствъ или областей одного большого государства, то по отношенію ко всему человѣчеству онѣ будутъ служить къ разъединенію до тѣхъ поръ, пока не будетъ и одной всемірной религіи. Что же касается положительной науки, то она едина, и потому служитъ связующимъ звеномъ для всѣхъ языковъ, и всѣхъ націй, всѣхъ религій, всѣхъ государствъ и т. п.

Крупную объединяющую роль играетъ и языкъ, которымъ говоритъ населеніе. Люди, говорящіе на одномъ языкѣ, не считаютъ чужими другъ друга. Ребенокъ, воспринимая общепринятыя слова, воспринимаетъ вмѣстѣ съ ними и общепринятыя понятія. По справедливому замѣчанію Тарда, люди въ силу того, что они говорятъ одинаково, начинаютъ и думать почти одинаково. Ребенокъ вступаетъ въ общественную жизнь лишь съ того момента, когда онъ начинаетъ говорить. Единство греческаго языка имѣло значеніе для гармоничности греческой мысли. Метафизика греческихъ философовъ въ значительной мѣрѣ внушена имъ вліяніемъ языка.

Но если языкъ объединяетъ людей, говорящихъ на немъ, зато онъ разъединяетъ людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ.

Можно надѣяться, что когда-нибудь будетъ созданъ всемірный языкъ, при чемъ знаки будутъ обозначать не буквы, а цѣлыя понятія, какъ объ этомъ давно уже мечтали философы.

Уже и теперь книга, богатая рисунками, картинами, цыфрами, діаграммами, картограммами, научными терминами, имѣющими международный характеръ, формулами математическими, химическими,—больше чѣмъ наполовину понимается спеціалистами, хотя бы они и не знали языка, на которомъ она написана. А это показываетъ, что международное идеографическое письмо безъ буквъ и безъ слоговъ станетъ возможно. Это будетъ напоминать то письмо, какое существовало на зарѣ цивилизаціи, которое существуетъ и теперь у китайцевъ, но оно будетъ отличаться, при сравнительной легкости и простотѣ, несравненно большею точностью, опредѣленностью и ясностью. При этомъ, повидимому, главная работа будетъ заключаться въ томъ, чтобы найти естественную, простую и всеобъемлющую систему, въ которую уложились бы всѣ понятія, какъ теперь укладывается въ системы міръ растительный и животный.

Вотъ почему въ настоящее время такъ широко распространена мысль о единомъ всемірномъ языкѣ, какъ средствѣ къ объединенію національностей,—объединенію естественному и добровольному—и къ ускоренію распространенія культуры. Очень часто у насъ нѣтъ другого способа опредѣлить національность, кромѣ языка. И если когда-нибудь люди станутъ

говорить на одномъ языкѣ, для многихъ народовъ исчезнетъ очень важный поводъ къ національной враждѣ и розни. Но самая существенная выгода заключается въ томъ, что при существованіи всемірнаго языка каждая новая мысль, каждое новое открытіе, самое незначительное изобрѣтеніе съ быстротою почты и телеграфа станетъ распространяться по всей землѣ. Произойдетъ отборъ лучшихъ идей, изобрѣтеній на всемъ земномъ шарѣ. И самыя лучшія изъ всѣхъ открытій станутъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Сейчасъ трудно и представить себѣ, какія глубокія измѣненія одно это лингвистическое единство внесетъ и въ мышленіе, и въ нравы, и въ обычаи населенія, и какъ могущественно оно можетъ содѣйствовать объединенію всѣхъ націй, избирающихъ одинъ и тѣ же, и притомъ лучшія изъ всѣхъ, идеи, открытія, обычаи, предметы обихода и т. п.

Къ тому же этотъ языкъ можетъ быть признанъ всѣми народами лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ значительно разумнѣе, логичнѣе и вообще совершеннѣе всѣхъ существующихъ теперь языковъ.

До сихъ поръ людей всего легче объединяла территорія: это она объединила ихъ въ отдѣльныя государства, а государство представляетъ до сихъ поръ самую сильную изъ организацій. Но объединивъ маленькія области въ большія государства, территоріи по отношенію ко всему человѣчеству теперь уже играютъ разъединяющую роль. Такъ ли будетъ потомъ? Пути сообщенія сокращаютъ разстоянія между народами. И этотъ процессъ можетъ оказать со временемъ огромное вліяніе на перемѣщеніе центра тяжести съ государства на другія организаціи. Что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи воздухоплаваніе? Не уничтожитъ ли оно таможенныхъ учрежденій, границъ? И какъ это отразится на экономическихъ отношеніяхъ между народами и на распространеніи идей, считающихся запретными? Какое значеніе станетъ тогда имѣть территорія государствъ? А между тѣмъ до сихъ поръ стремленіе къ обладанію одною и тою же территоріею вело къ разъединенію, враждѣ и войнамъ между народами. Такъ, напримѣръ, желаніе извѣстной компаніи обладать рѣкою Ялу повело къ войнѣ между Россіей и Японіей. Но очевидно, что тѣ стремленія, которыя выступаютъ теперь въ качествѣ соединителей народовъ, не могутъ служить къ разъединенію націй. Стремленія къ истинѣ, красотѣ и добру, стремленія къ умственному, эстетическому и нравственному развитію не раздѣляютъ, а объединяютъ и націи, и расы, и государства.

Тому же всемірному сближенію между разными народами могущественно содѣйствуютъ еще мирныя международныя сношенія на экономической почвѣ: торговыя и промышленныя.

Въ настоящее время нельзя найти ни одного государства, которое бы оставалось независимымъ отъ другихъ въ эконо-

мическомъ отношеніи. Каждая страна что-нибудь вывозитъ и что-нибудь ввозитъ изъ другихъ странъ. Благодаря обмѣну продуктовъ и раздѣленію труда, каждая страна матеріально связана съ самыми отдаленными государствами. Получается всемірная экономическая организація, международное общество, по отношенію къ которому отдѣльныя государства являются чѣмъ-то въ родѣ губерній или уѣздовъ. Вмѣстѣ съ продуктами, благодаря небывалой дешевизнѣ и быстротѣ сообщеній, переселяются или просто путешествуютъ изъ страны въ страну и люди въ такомъ количествѣ, что записанное въ исторію великое переселеніе народовъ является дѣтскою игрою въ сравненіи съ нынѣшнимъ переселеніемъ. А при такихъ условіяхъ люди несравненно больше видятъ, слышатъ, узнаютъ, чѣмъ знали бы они, оставаясь всю жизнь на одномъ мѣстѣ и ни разу не выѣзжая за предѣлы своей губерніи и даже уѣзда, что было обычнымъ явленіемъ въ былыя времена.

Л. Мечниковъ доказалъ, что цивилизація сначала была прирѣчною, затѣмъ стала средиземной и, наконецъ, океанической или, вѣрнѣе, планетной: сначала людей объединялъ бассейнъ рѣки, въ родѣ Нила, затѣмъ ихъ объединялъ бассейнъ моря, а теперь связи между людьми ограничиваются только предѣлами нашей планеты.

Филологи показали, что у низшихъ народовъ слово «человѣкъ» значило «соплеменникъ». Такъ, у гольдовъ и орочей это слово буквально значитъ «изъ нашей земли»; у гиляковъ— «изъ моей деревни».

Но когда всѣ отсталыя народности объединятся хотя бы на экономической или политической почвѣ, слово «человѣкъ» и у нихъ, несомнѣнно, получитъ космополитическое значеніе. Понятіе космополитизма создали стоики и циники послѣ всемірной организаціи Римской имперіи. Теперь, когда не за горами, если не политическая, то экономическая всемірная организація, когда всякія «китайскія стѣны» не служатъ болѣе неприступными оградами и крѣпостями, можетъ выжить только тотъ народъ, который станетъ на общекультурный путь развитія, а такимъ путемъ въ настоящее время является промышленно-трудовой строй. Сѣверо-Американскіе Штаты, Англія и другія страны, вступившія на путь промышленно-трудового развитія, несомнѣнно, обладаютъ гораздо большимъ могуществомъ, чѣмъ страны, еще и до сихъ поръ считающія полицейско-военный строй наилучшимъ.

Поэтому нетрудно предвидѣть, что въ будущемъ изъ существующихъ теперь типовъ общества (пока не явится новый неизвѣстный намъ лучшій типъ) промышленно-трудовой типъ станетъ всемірнымъ и станетъ мощнымъ факторомъ для космополитическихъ стремленій. Но этотъ типъ предполагаетъ и особую психику обывателей. Въ то время, какъ къ военному строю оказывались наиболѣе приспособленными тѣ, кто, любя

вообще праздность и не мирясь съ ежедневнымъ, регулярнымъ и планомѣрнымъ трудомъ, въ минуту опасности могли развить наивысшую, недостижимую для противника энергію, человѣкъ промышленно-трудового типа долженъ отличаться трудоспособностью, выдержкою, уравновѣшенностью, сообразительностью, изобрѣтательностью, привычкой работать планомѣрно и ежедневно. Человѣкъ воинственнаго типа долженъ отличаться жестокостью по отношенію къ противнику, человѣкъ промышленно-трудового типа — гуманностью. Промышленно-трудовой типъ предполагаетъ еще развитіе любознательности, любовь къ техникѣ, наукѣ, искусству. И педагогъ, зная, что будущее принадлежитъ людямъ промышленнаго типа, будетъ развивать въ своихъ питомцахъ качества, отличающія людей этого типа.

Здѣсь нужно упомянуть и о политическихъ союзахъ между государствами въ цѣляхъ политическаго равновѣсія. Мысль о вѣчномъ мирѣ и отвращеніе къ войнѣ распространяются все шире и пріобрѣтаютъ все больше сторонниковъ. То, что прежде разрѣшалось только путемъ войнъ, теперь нерѣдко улаживается мирнымъ путемъ.

Стремленіе къ вѣчному миру, сознаніе необходимости навсегда покончить съ военнымъ строемъ встрѣчалось и раньше. Еще въ древности мечтали о всемірномъ государствѣ, чтобы возможно было расковать мечи на орала. Объ объединеніи всѣхъ странъ мечтали во время французской республики и при Наполеонѣ. Но никогда это движеніе не было такъ широко, никогда не подходили къ нему со столь различныхъ точекъ зрѣнія, какъ въ наше время. За эту великую реформу говорятъ неисчислимыя экономическія выгоды. За нее громко вопіетъ тяжесть военнаго бюджета и еще болѣе налога крови, отбирающаго наиболѣе сильную и здоровую часть населенія. Къ осуществленію этой реформы нѣтъ тѣхъ препятствій, какія стоятъ, напримѣръ, на пути соціализма. Эта реформа не угрожаетъ институту собственности. Такая реформа выгодна для всѣхъ классовъ (и собственниковъ, и пролетаріата), и для всѣхъ народовъ. И какое-нибудь случайное обстоятельство, въ родѣ желтой опасности, можетъ подать поводъ къ образованію европейскихъ соединенныхъ штатовъ. Тотъ же результатъ можетъ явиться слѣдствіемъ какого-нибудь широкаго общенароднаго движенія. Кто знаетъ, даже честолюбіе какого-нибудь новаго Наполеона можетъ имѣть тѣ же послѣдствія.

Въ результатѣ всѣхъ подобныхъ вліяній получается идея объединенія всего человѣчества, стремленіе къ объединенію всѣхъ націй въ одномъ коллективѣ-человѣчествѣ, когда исчезнутъ границы между націями, сословіями и классами, а это стремленіе даетъ новое, неизвѣстное въ древности, гуманное направленіе нашимъ мыслямъ, нашимъ чувствамъ, нашей дѣятельности. Но чѣмъ обширнѣе будетъ объединенный колле-

ктивъ людей, тѣмъ благопріятнѣе условія для развитія каждой личности, тѣмъ больше помощи въ этомъ отношеніи окажетъ каждый всѣмъ и всѣ каждому, тѣмъ меньше для этого препятствій.

Важно отмѣтить, что чрезвычайно выгоднымъ для поступательнаго развитія оказывается и самый характеръ связей между людьми. Это связи не физіологическія, какъ въ колоніи полипняка, а психическія, допускающія полную свободу всевозможныхъ передвиженій, всевозможныхъ сочетаній и взаимодѣйствій, предоставляющихъ безграничный просторъ и свободу для развитія.

Знать этотъ путь, по которому движется развитіе человѣчества отъ узкаго національнаго къ широкой терпимости, педагогу безусловно необходимо. Зная его, онъ не можетъ не помочь зависящими отъ него мѣрами тому, чтобы его воспитанники восприняли тѣ истины и пережили тѣ чувства, какія сближаютъ людей другъ съ другомъ. Зная, напримѣръ, что однимъ изъ средствъ къ развитію національной терпимости служитъ знакомство съ психикою людей другой національности, онъ постарается ознакомить своихъ питомцевъ съ другими народностями, хотя бы съ помощію художественной литературы, исторіи и этнографіи, такъ какъ эти области вводятъ воспитанника въ духовный міръ другихъ народовъ, знакомятъ съ общечеловѣческими горестями и радостями другихъ людей, съ ихъ идеалами и стремленіями, съ ихъ трудомъ, съ ихъ геніальными представителями.

Благодаря совокупному дѣйствію всѣхъ перечисленныхъ и имъ подобныхъ вліяній, въ наше время между образованнымъ русскимъ, французомъ, англичаниномъ и японцемъ гораздо больше взаимнаго пониманія, связей и единенія, чѣмъ было во время междоусобія между москвичомъ, тверякомъ или смолянином. Конечно, и теперь есть опоздавшіе родиться люди съ инстинктами пещернаго человѣка, и теперь для многихъ идеаломъ могли бы служить пауки, поѣдающіе другъ друга, если ихъ заключить въ стеклянную банку. Но носителей такихъ инстинктовъ ожидаетъ такая же судьба пауковъ: они истребятъ другъ друга.

Стоитъ сравнить современное состояніе культурнаго человѣка съ тѣмъ, отъ котораго оно отправлялось въ своемъ развитіи. Въ первобытныя времена человѣкъ состоялъ членомъ только одной какой-нибудь общественной группы,— напримѣръ, рода, откуда происходила необыкновенная узость его интересовъ. Теперь каждый изъ насъ не только членъ семьи, членъ городской или сельской общины, избиратель, гражданинъ своего государства, но еще членъ своего сословія или класса, членъ политической партіи, своей профессіональной корпораціи, членъ какихъ-нибудь ученыхъ, художественныхъ благотворительныхъ обществъ. Каждая такая организація на-

лагаетъ на насъ свой опредѣленный отпечатокъ, заражаетъ насъ своими интересами, стремленіями, обогащаетъ насъ новымъ кругомъ идей, новыми связями и симпатіями, а всѣ вмѣстѣ сообщаютъ намъ такую широту интересовъ, взглядовъ, стремленій, такъ мощно и многосторонне содѣйствуютъ развитію и нашего интеллекта и нашего характера, что объ этомъ первобытные люди, заключенные въ узкомъ кругу своего рода, не могли и мечтать. И педагогу очень важно памятовать, что развитіе идетъ по пути къ увеличенію ассоціацій, сообществъ, кружковъ. Тогда и онъ будетъ больше обращать вниманія на развитіе общественности въ своихъ питомцахъ.

Въ первобытныя времена людямъ не были извѣстны виды соревнованія, кромѣ звѣрскихъ, практикуемыхъ въ животномъ мірѣ. Тогдашнія средства борьбы были ужасны: это были эпидеміи убійствъ, насилій, похищеній, кровавой мести. Эти виды борьбы практиковались не только между племенами, но и между отдѣльными лицами за пищу, за логовище, за женщину и т. п. Величайшимъ благомъ была замѣна звѣрскихъ способовъ борьбы между отдѣльными лицами мировой сдѣлкой—своего рода штрафомъ. Не менѣе дикости было и въ войнахъ между племенами. Достаточно сказать, что побѣжденные иногда пожирались побѣдителями и еще чаще убивались, не исключая женщинъ и дѣтей. Даже рабство, замѣнившее пожираніе или убійство побѣжденныхъ, было прогрессивнымъ явленіемъ для своего времени. Какъ ни далеки мы еще отъ вѣчнаго мира, но все же теперь значительно рѣже становятся войны между народами, меньше ненужной жестокости, нервная система современнаго человѣка стала тоньше, чувствительнѣе. Насъ коробитъ отъ тѣхъ жестокостей, какимъ въ былыя времена подвергались плѣнные, отъ тѣхъ грубыхъ забавъ, какія происходили, напримѣръ, при Неронѣ.

Мало-по-малу исчезаетъ типъ стараго воина: рѣже встрѣчается та жестокость и безсердечіе, та быстрая воспламеняемость, неуравновѣшенность, импульсивность, азартъ и слѣпая отвага, какіе отличали воина былыхъ временъ. Чаще и чаще встрѣчаются люди съ качествами мирнаго человѣка и гражданина: самообладаніемъ, уравновѣшенностью, разсудительностью, спокойствіемъ, гуманностью, состраданіемъ, развитіемъ совѣсти.

И вполнѣ согласно съ законами развитія поступаютъ педагоги, когда развиваютъ въ своихъ питомцахъ спокойствіе, разсудительность и самообладаніе вмѣсто импульсивности, азарта и неуравновѣшенности, гуманность, совѣсть и состраданіе—вмѣсто жестокости и безсердечія.

До какой степени велика разница между совѣстью въ прошломъ и настоящемъ не надо даже спускаться до первобытнаго человѣка. Достаточно взять величайшихъ философовъ Греціи во время ея расцвѣта. Они мирились съ рабствомъ. До-

статочно вспомнить, что лучшій представитель побѣжденной націи, еврейскій пророкъ, называлъ блаженнымъ того, кто возьметъ младенцевъ побѣдителей и разобьетъ ихъ о камень.

Несомнѣнно, также растетъ въ людяхъ стремленіе къ свободѣ. Фаустъ во 2 части произведенія Гете говоритъ о томъ, что, когда онъ увидитъ свободнаго человѣка на свободной землѣ, онъ скажетъ: «остановись, мгновенье, ты прекрасно». Въ этихъ словахъ Гете выразилъ всю возрастающую жажду свободы. Это—тотъ кличъ, который не разъ поднималъ цѣлыя массы съ тѣхъ поръ, какъ написанъ былъ Фаустъ. И въ этомъ направленіи уже сдѣланы значительныя завоеванія. Во многихъ странахъ исчезло рабство, пытки, мрачный деспотизмъ, а новыя политическія формы лучше обезпечиваютъ личную свободу. Государство рабовъ не могло бы просуществовать долго въ наше время: оно въ самомъ себѣ нашло бы причину разложенія и очень скоро либо перешло къ другимъ формамъ, либо исчезло съ лица земли.

Конечно, идею прогресса нельзя принимать безъ всякихъ оговорокъ. Звѣрскіе инстинкты еще сильны въ человѣкѣ. Есть еще тюрьмы, казни, погромы, карательныя экспедиціи, братоубійственныя войны и т. п. Грубые инстинкты переданы намъ звѣроподобными предками, и проявленію этого звѣря способствуютъ и современныя условія: пресыщеніе и развратъ богатыхъ, голодъ и переутомленіе бѣдныхъ и, какъ слѣдствіе этихъ ненормальностей жизни, болѣзни тѣхъ и другихъ: неврастенія, истерія и проч. То же неравенство состояній вызываетъ среди обездоленныхъ ненависть и зависть.

Существующій теперь Дарвиновъ отборъ между людьми дѣйствуетъ далеко несовершенно: не всегда побѣдителемъ въ жизненной борьбѣ является достойнѣйшій. Очень часто рѣшающимъ моментомъ является хитрость, подхалимство, грубая сила, случай, удача, а иногда и прямо подлость.

Талантливый и даже геніальный ребенокъ, родившійся въ какой-нибудь бѣдной русской деревушкѣ, затерянной въ лѣсахъ и болотахъ, безъ учителей, безъ книгъ, не только не пробьется наружу, но и никогда не узнаетъ о томъ, какими способностями одарила его природа и сколько пользы онъ могъ принести родному краю, если бы родился въ другихъ условіяхъ. Съ другой стороны, ребенокъ, родившійся въ богатой средѣ, безъ особыхъ способностей легко выберется на поверхность и займетъ положеніе, несоотвѣтствующее его способностямъ.

Все это правда; но это показываетъ только, что мы еще не такъ далеко и быстро прогрессируемъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ бы это было желательно. Кто-то справедливо сказалъ, что исторія человѣчества—это два шага впередъ и одинъ назадъ.

То, что считается теперь зломъ, очень часто есть только атавизмъ, или пережитокъ прошлаго, когда это самое зло счи-

талось благомъ. Напримѣръ, многоженство и поліандрія теперь признаются зломъ, но когда-то это было обычаемъ. Иногда зло—это просто болѣзнь или вырожденіе, напримѣръ, въ случаѣ болѣзненно упорной лѣни ребенка или всякаго отсутствія сдержанности. Иногда это просто глупость. Многія изъ порочныхъ склонностей и интеллектуальныхъ дефектовъ поддаются педагогическому воздѣйствію и исправленію. Кромѣ того, большая часть золъ, порождаемыхъ неравенствомъ, нищетою однихъ и развратомъ другихъ, деспотизмомъ и т. п., происходитъ отъ политическаго и соціальнаго устройства. А въ этомъ отношеніи мы, дѣйствительно, остаемся пока на низшихъ ступеняхъ развитія. И правъ былъ Уоллесъ, когда сказалъ, что, по сравненію съ удивительнымъ прогрессомъ физическихъ наукъ и ихъ практическаго примѣненія, наша правительственная система, наша административная юстиція, наше національное воспитаніе и весь нашъ общественный и моральный строй находятся въ *варварскомъ состояніи.*

Едва ли не правъ и Геккель, когда онъ говоритъ, что въ нашихъ высшихъ школахъ совсѣмъ не пользуются, или въ слишкомъ ничтожной степени пользуются результатами новѣйшей космологіи и антропологіи, современной біологіи и теоріи развитія; зато память учащагося отягчаютъ множествомъ всякихъ филологическихъ и историческихъ деталей, которыя нисколько не нужны намъ ни въ смыслѣ теоретическаго образованія, ни въ практической жизни.

Главная причина этого зла заключается въ томъ, что прогрессъ знаній идетъ очень неравномѣрно. Въ то время, какъ математика, физика, химія, біологія и проч. науки, пользующіяся экспериментальнымъ и математическимъ методами, развиваются быстро, циклъ юридическихъ и соціальныхъ наукъ отстаетъ отъ этого движенія на недосягаемую дистанцію, и, по терминологіи Конта, не перешагнулъ еще метафизической фазы развитія. Но есть признаки, что и науки объ обществѣ наканунѣ своего быстраго расцвѣта.

Одно изъ самыхъ существенныхъ условій успѣха—это интересъ и количество энергіи, затрачиваемой на дѣло, а общественныя науки страстно интересуютъ интеллигенцію всего міра; работъ по этимъ отраслямъ знанія много; и, быть-можетъ, недалеко то время, когда и въ этихъ областяхъ явятся свои Ньютоны и Дарвины.

Съ другой стороны, въ наше время нѣтъ недостатка въ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію дефектовъ современной культуры. Язвы теперешняго строя тщательно изучены. И со стороны обездоленныхъ, а также со стороны литературы, публицистики и идеологовъ демократіи—отовсюду раздаются вопли объ устраненіи этихъ язвъ. А при такихъ условіяхъ можно надѣяться, что общими и энергичными усиліями демократіи можно добиться исправленія указанныхъ дефектовъ. Когда

люди опыта, мысли и знанія упорно ищутъ истины, они способны побѣдить всѣ препятствія и рано или поздно находятъ истину; а когда будутъ найдены средства устранить зло, оно при дружныхъ усиліяхъ можетъ быть искоренено; ибо, какъ показала исторія, то, чего сильно жаждетъ и настоятельно требуетъ большинство, рано или поздно должно осуществиться.

Эволюціонная теорія тоже даетъ почву для гаданій насчетъ будущаго: «зная направленіе, въ какомъ шло прошлое и настоящее, можно съ извѣстной вѣроятностью судить и о будущемъ»; въ эволюціонной теоріи есть много данныхъ, ограничивающихъ въ значительной степени произвольность построеній. Поэтому она могла бы служить своего рода критеріемъ для оцѣнки пророчествъ, сдѣланныхъ поэтами и утопистами.

Природа стремится, говорятъ, къ тому, чтобы образовать болѣе сильную, здоровую и геніальную, въ смыслѣ творчества, наблюденія и сужденія, породу людей. И мы будемъ дѣйствовать вполнѣ согласно съ законами природы, если будемъ стремиться къ тому, чтобы воспитать, по выраженію геніальнаго эволюціониста, наибольшее число людей сильныхъ, здоровыхъ и одаренныхъ наиболѣе совершенными способностями. Отсюда такъ легко перейти къ мечтѣ о цѣлой расѣ существъ, одаренныхъ могущественными силами, необыкновенной геніальностью.

Иногда эта мечта переходитъ границы возможнаго, какъ, напримѣръ, у Ренана. Его Теоктистъ говоритъ о томъ, что широкое примѣненіе физіологическихъ открытій и принципа подбора могло бы повести къ созданію существъ, въ десять разъ превосходящихъ насъ. Подобно тому, какъ человѣческому существованію предшествовало животное, такъ, по его мнѣнію, божество можетъ имѣть источникомъ человѣчество. Его мечты идутъ даже въ такую превыспреннюю даль, что, по его мнѣнію, когда развившееся изъ человѣчества всемогущее, справедливое и доброе божество станетъ обладать всемогуществомъ знанія, тогда оно будто бы захочетъ воскресить прошедшее, чтобы исправить безконечное число прошлыхъ несправедливостей.

О «сверхчеловѣкѣ» будущаго писалъ Ницше. Возможно, по его словамъ, путемъ счастливой изобрѣтательности получить типы великихъ людей, гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ тѣ, какіе были формированы до сихъ поръ волею случая.

Онъ хотѣлъ бы собрать воедино все, что есть въ человѣкѣ отрывочнаго, загадочнаго и случайнаго.

«Раціональная культура великаго человѣка—вотъ перспектива, полная обѣщаній...

«Человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть; человѣкъ есть мостъ, а не цѣль...

«Жизнь строится ввысь при помощи столбовъ и ступеней...

«Дальніе горизонты хочетъ извѣдать она...

«Она стремится туда, въ далекое будущее, которое не видѣла еще ни одна мечта... въ далекое будущее, въ болѣе южныя страны, о которыхъ не мечтаетъ еще ни одинъ художникъ». И Ницше приглашаетъ своихъ современниковъ стать созидателями, воспитателями и сѣятелями будущаго. Но пророчества Ренана и Ницше не выдерживаютъ критики. Теоктистъ Ренана мечтаетъ о томъ, что силы человѣчества будутъ сконцентрированы въ рукахъ небольшого числа людей, способныхъ располагать даже существованіемъ планеты, чтобы внушить ужасъ цѣлому міру. Эти привилегированныя существа, пользуясь страхомъ, были бы абсолютными властителями и богами и каждое отрицаніе ихъ власти и силы наказывали бы смертью. Ихъ могущество, направленное будто бы только къ одному благу, было бы чѣмъ-то въ родѣ католическаго папства, истинно непогрѣшимаго. Онъ думаетъ, что въ будущемъ могутъ воскреснуть боги и духовная власть, абсолютная монархія и дворянство.

Не лучше трактуетъ этотъ вопросъ и Ницше. Онъ говоритъ: «Пусть будутъ рабы, а на ихъ спинахъ небольшое число людей-олимпійцевъ создадутъ міръ прекраснаго».

Ницше здѣсь говоритъ о сверхчеловѣкѣ, для котораго вся остальная масса людей служитъ только подножіемъ, а мы можемъ говорить только о сверхчеловѣчествѣ, о цѣломъ сверхчеловѣческомъ родѣ.

Ницше — это идеологъ современнаго нѣмецкаго юнкерства и аристократіи и буржуазіи вообще. Онъ не признаетъ равенства. Проповѣдники равенства, по его словамъ, это «тарантулы, сантиментальные, тупые, лжефилософы всеобщаго братства, проповѣдующіе владычество автономнаго стада». Не признавая равенства вообще, онъ не признаетъ и равенства женщинъ. «Идешь къ женщинѣ? Не забудь взять хлыстъ». Мужчину надо воспитывать для войны, женщину же для того, чтобы доставляла воину покой. Онъ презираетъ толпу, народныя массы. Онъ дѣлитъ людей на рабовъ и господъ. Для господъ же онъ возводитъ въ культъ стремленіе къ власти. Сама жизнь, по его мнѣнію, есть воля къ власти. Онъ считаетъ рабство необходимымъ. Самую мораль онъ дѣлитъ на господскую и рабскую, признавая общепринятую теперь этику моралью рабовъ. Для рабовъ онъ признаетъ нужной религію, которая мирила бы ихъ съ тяжелою долею и учила подчиненію. Что же касается господъ, онъ освобождаетъ ихъ отъ всякой морали. Имъ все позволено, по мнѣнію Ницше, который въ данномъ случаѣ повторяетъ Раскольникова у Достоевскаго. «Есть старое безуміе; оно называется добромъ и зломъ», говоритъ Ницше. Зло онъ считаетъ благомъ и зоветъ соединиться воедино всѣхъ злыхъ. Ставъ по ту сторону добра и зла, Ницше вмѣсто религіи состраданія рабовъ проповѣдуетъ жестокость и безжалостность господъ. «Видѣть

страданія отрадно, причинять страданія еще отраднѣе», говоритъ онъ. Надо ли доказывать, что эти идеалы Ницше крайне реакціонны, а не прогрессивны, что они зовутъ насъ назадъ къ звѣрскимъ инстинктамъ и образу жизни?

Идеалы Ницше—новый видъ рабства, быть-можетъ, еще болѣе ужаснаго, чѣмъ все, что когда-либо видѣли люди. А эволюціонная теорія позволяетъ мечтать объ обществѣ будущаго, гдѣ нѣтъ ни рабовъ, ни господъ, гдѣ всѣ равноцѣнны. Ницше мечтаетъ объ Олимпѣ, гдѣ будетъ жить нѣсколько сверхъ-Ньютоновъ и сверхъ-Шекспировъ,—объ Олимпѣ, построенномъ на угнетеніи милліардовъ рабовъ. Демократія же, опираясь на теорію развитія, мечтаетъ лишь объ Олимпѣ, гдѣ помѣстился бы весь человѣческій родъ и гдѣ были бы геніальные между геніальными, великіе между великими, свободные между свободными, счастливые межъ счастливыми.

Демократія можетъ мечтать только о расѣ талантовъ и геніевъ и вѣрить, что развитіе природы ведетъ къ тому, чтобы не отдѣльныя лица, а все человѣчество поднялось въ умственномъ и нравственномъ и въ физическомъ отношеніи на такую невообразимую теперь высоту, съ которой нынѣшніе геніи покажутся пигмеями. Если отъ какого-нибудь одного или нѣсколькихъ одноклѣточныхъ животныхъ произошли всѣ виды животнаго царства до млекопитающихъ включительно, если отъ высшихъ млекопитающихъ произошелъ самъ человѣкъ, то трудно допустить, чтобы эволюція, развитіе животнаго царства остановилось на этой ступени и не пошло дальше. Если она непрерывно продолжалась десятки милліоновъ лѣтъ, то нѣтъ основаній думать, что она остановится на насъ

Только невѣжественные люди могутъ утверждать теперь, что человѣчество и его природа не измѣняются. Если человѣкъ справедливо признается теперь царемъ земли, то несомнѣнно, что его престолъ въ былыя времена послѣдовательно занимали другіе: рыбы, амфибіи, пресмыкающіяся, низшія млекопитающія и т. д. Самъ человѣкъ теперь далеко не тотъ, какимъ онъ былъ раньше, въ будущемъ онъ станетъ не таковъ, каковъ онъ теперь. Человѣчество развивается и идетъ къ болѣе и болѣе совершенному типу. Постепенно совершенствуясь, оно могло бы, говорятъ современные утописты, стать со временемъ и сверхчеловѣческимъ родомъ.

Быть-можетъ, эволюціи предстоитъ пройти, начиная отъ человѣка до какого-нибудь полубога, такой же лучезарный, великій и чудесный путь, какой она прошла отъ одноклѣточнаго животнаго до человѣка. Но этотъ путь ведетъ не къ отдѣльному «сверхчеловѣку», а къ цѣлой расѣ «сверхчеловѣковъ»—полубоговъ, какъ и развитіе въ прошломъ вело не къ появленію одного человѣка, а къ появленію цѣлаго человѣческаго рода.

И для этого совсѣмъ не надо превращать милліарды людей въ рабовъ, чтобы на ихъ угнетеніи вырастить полубога, а надо только всѣми мѣрами помогать процессу природы, ведущему насъ все выше и выше, потому что «изъ самаго низкаго, по словамъ Ницше, должно вознестись самое высокое до вершины своей».

Современная наука доказала, что природа стремится къ развитію видовъ, а не только отдѣльныхъ особей; и біологическіе факты какъ будто подтверждаютъ гипотезу, что мы идемъ не къ выдѣленію изъ расы отдѣльныхъ геніальныхъ особей, а къ усовершенствованію вида въ его цѣломъ. Этотъ будущій видъ станетъ понимать наше назначеніе, какъ непосредственно предшествующую ему ступень, изощрившую для него свои физическія и душевныя способности, приготовившую матеріальныя условія, необходимыя для его высшаго назначенія. Такъ вѣдь и мы могли бы смотрѣть на нашихъ доисторическихъ предковъ. И когда мы узнаемъ путь, по которому природа ведетъ человѣческій родъ къ безпредѣльному совершенству, то въ насъ не можетъ не зародиться мысли помочь природѣ всѣми своими знаніями, опытностью, умомъ и энергіею. И мы поэтому должны помогать развитію не нѣкоторыхъ только, какъ думаетъ Ницше, а всѣхъ людей. Мы должны приготовить, улучшить и устроить землю, какъ жилище не для нѣкоторыхъ сверхчеловѣковъ, какъ хотѣлъ бы Ницше, а для всѣхъ. Мы должны работать надъ созданіемъ такого общественнаго строя, который сдѣлалъ бы возможнымъ въ будущемъ нарожденіе не отдѣльныхъ геніевъ, а цѣлой геніальной расы. Мы должны сдѣлать всю черновую работу въ педагогикѣ, искусствѣ, техникѣ, психологіи, соціологіи для того, чтобы, опираясь на нашу работу, раса будущаго могла сдѣлать гигантскіе шаги въ никѣмъ неизвѣданныя еще области знанія и искусства,—въ такія сферы, о которыхъ мы не смѣемъ и мечтать въ самыхъ фантастическихъ утопіяхъ.

Эволюціонная теорія дала возможность и педагогамъ строить идеалы, болѣе обоснованные, чѣмъ раньше, которые могли бы служить для нихъ путеводною звѣздою. Какъ у соціолога есть представленіе о совершенномъ общественномъ строѣ въ будущемъ, такъ и у педагога есть представленіе о совершенномъ человѣкѣ и есть вѣра въ то, что будущее воспитаніе, гораздо болѣе могущественное и совершенное, чѣмъ теперь, поможетъ сформировать такихъ идеальныхъ людей. И пока существующая дѣйствительность не удовлетворяетъ людей, они всегда будутъ рисовать для будущаго тѣ или другія идеальныя перспективы. Безъ такихъ идеаловъ можно быть превосходнымъ практическимъ дѣльцомъ, умѣть наживать деньги, пользоваться успѣхомъ въ жизни, но едва ли можно быть общественнымъ дѣятелемъ, вполнѣ достойнымъ этого имени. Впрочемъ, еще гораздо раньше Дарвина и даже Ламарка,

педагоги издавна говорили, хотя и не такъ опредѣленно, о томъ, что воспитаніе должно стремиться къ безпредѣльному совершенству человѣческаго рода. Эта мысль въ разныя времена выражалась въ разныхъ формахъ. Еще въ то время, когда религія была всѣмъ, прогрессивные педагоги цитировали евангельскій текстъ: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный». И такимъ образомъ поддерживали въ себѣ вѣру въ безконечное совершенствованіе человѣка.

Другимъ источникомъ для построенія идеаловъ будущаго служили наши единственные современные пророки—это поэты, утописты и поэтическія народныя сказанія. Поэты и художники, дѣйствительно, иногда являются провидцами будущаго. Путемъ какой-то, не всѣмъ доступной интуиціи, имъ нерѣдко удается предвосхитить дальнѣйшіе шаги, по которымъ пойдетъ человѣчество. Какъ на недавній примѣръ, можно указать на «Пѣсню Сокола», явившуюся провозвѣстникомъ грядущаго движенія 1905 года. То же движеніе было предсказано задолго до Горькаго Лермонтовымъ, а затѣмъ Некрасовымъ и другими. Поэтъ Мицкевичъ въ 1846 году предсказывалъ приближающуюся бурю событій (1848 годъ), паденіе Луи-Филиппа, движеніе въ Швейцаріи и Сѣверной Италіи, близкій конецъ австрійскаго владычества въ Италіи. Поэтъ Сигизмундъ Красинскій еще въ 1834 году силою поэтическаго вдохновенія предсказалъ и съ поразительною яркостью описалъ событія Парижской коммуны 1870 года. Предсказаній насчетъ отдаленнаго будущаго было немало.

Не даромъ мысль о превращеніи «самаго низкаго въ самое высшее» является однимъ изъ любимыхъ мотивовъ самыхъ древнихъ народныхъ сказаній. Не такъ давно въ египетскихъ гробницахъ найдена сказка, написанная іероглифами тысячи лѣтъ тому назадъ, на ту же тему, которая съ такимъ успѣхомъ разработана въ сказкахъ объ Иванушкѣ дуракѣ, о Золушкѣ, Сандрильонѣ и проч. Во всѣхъ этихъ сказкахъ мы видимъ, какъ изъ ничтожнаго, презираемаго всѣми существа впослѣдствіи выходитъ самый могущественный, самый красивый и самый мудрый человѣкъ. Обратимся ли мы къ религіи и тамъ увидимъ, что рожденный въ бѣдной семьѣ, въ ясляхъ, оказывается затѣмъ Спасителемъ міра, Богочеловѣкомъ.

И какъ все это похоже на само человѣчество, вышедшее изъ животнаго міра жалкимъ, безпомощнымъ, какъ только можетъ быть безпомощнымъ среди мамонтовъ, львовъ и медвѣдей существо съ слабыми сравнительно мускулами, безъ роговъ, безъ копытъ, безъ острыхъ когтей и мощныхъ челюстей, ставшее теперь властелиномъ природы и совершившее этотъ путь въ періодъ, который представляется лишь однимъ мгновеніемъ въ эволюціи всего животнаго міра. А между тѣмъ современный человѣкъ станетъ пращуромъ будущаго человѣка, который уже теперь вызываетъ нашъ восторгъ своимъ могу-

ществомъ, своею мудростью, своею красотою и будетъ прекраснѣе всѣхъ сказокъ и всего того, что можетъ нарисовать самое пылкое воображеніе современнаго человѣка. Это будущее станетъ лучше всѣхъ нашихъ надеждъ уже потому, что оно будетъ болѣе согласовано съ природою и ближе къ истинѣ и правдѣ, чѣмъ наши теперешнія, очень несовершенныя и неполныя представленія о немъ. О людяхъ будущаго, одаренныхъ необычайными способностями и могуществомъ, мечталъ еще Кампанелла. Въ безконечное совершенствованіе человѣка путемъ воспитанія вѣрилъ одинъ изъ дѣятелей великой революціи. Въ то время, какъ его современники считали счастье мѣриломъ нравственности и цѣлью жизни, онъ ставилъ на мѣсто счастія развитіе. «Лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей». И во имя прогресса и развитія можно иногда забыть и о личномъ счастьѣ. О воспитаніи высшей и лучшей породы людей мечтали русскіе дѣятели просвѣщенія конца 18 вѣка

Всего очевиднѣе идея развитія, когда она примѣняется къ отдѣльному индивиду. Въ этомъ отношеніи весь животный міръ раздѣляется на двѣ главныхъ группы. Къ одной біологи относятъ одноклѣточныхъ (инфузоріи, корненожекъ), которыя всю жизнь, отъ рожденія до смерти, остаются одною простою клѣткою. Къ другой группѣ, самую высшую ступень которой представляетъ человѣкъ, относятся многоклѣточныя животныя, которыя только въ самомъ началѣ, лишь при зачатіи, состоятъ изъ одной клѣтки, а затѣмъ число клѣтокъ все увеличивается. Разницу между тѣми и другими, по Геккелю, можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Одноклѣточныя размножаются не половымъ путемъ, а посредствомъ дѣленія, почкованія или споръ; они не имѣютъ ни настоящихъ женскихъ яицъ, ни мужского сѣмени. Многоклѣточныя же дѣлятся на самцовъ и самокъ и размножаются преимущественно половымъ путемъ, посредствомъ настоящихъ яицъ, оплодотворяемыхъ сѣменемъ самца. У многоклѣточныхъ образуются зародышевые листы, а изъ нихъ ткани, у одноклѣточныхъ же ихъ нѣтъ. У многоклѣточныхъ возникаютъ сначала только два зародышевыхъ листа: изъ одного (кожнаго, внѣшняго) образуется кожа и нервная система, а изъ другого (внутренняго, кишечнаго)—кишечный каналъ и всѣ остальные органы.

Какъ у всѣхъ животныхъ, организмъ которыхъ состоитъ изъ тканей, и у человѣка яйцо является простой клѣткой; эта маленькая шарообразная яйцевая клѣтка (въ 0,2 mm. въ діаметрѣ) имѣетъ точно такія же характерныя свойства, какъ и яйцо всѣхъ другихъ млекопитающихъ, рождающихъ живыхъ дѣтенышей. Небольшой шарикъ изъ протоплазмы окруженъ толстой прозрачной оболочкой, крохотный, шарообразный за-

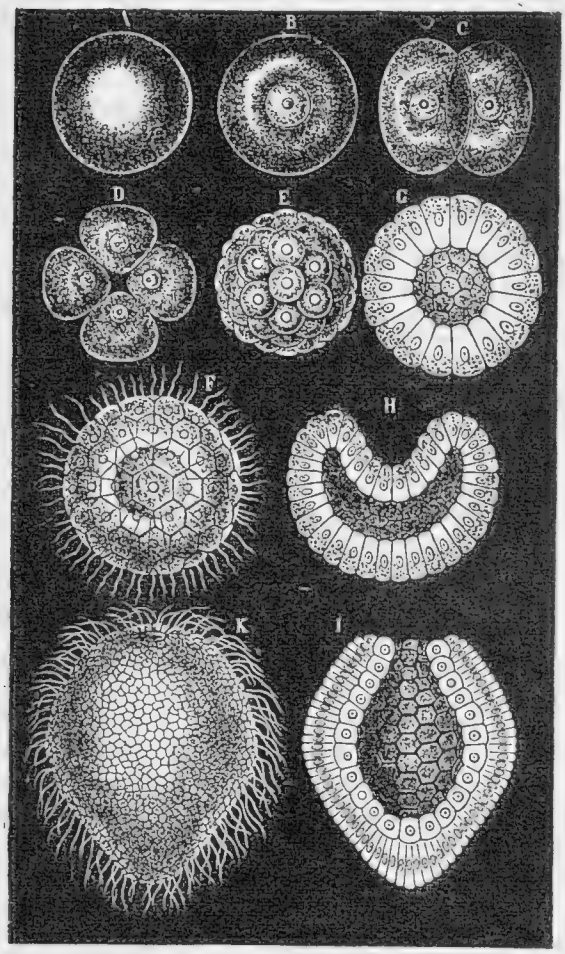
родышевый пузырекъ (ядро клѣтки) имѣетъ такіе же размѣры и свойства, какъ и у остальныхъ млекопитающихъ. То же слѣдуетъ сказать о подвижныхъ сѣменныхъ нитяхъ мужчины, миніатюрныхъ, нитевидныхъ жгутиковыхъ клѣткахъ, которыя цѣлыми милліонами обрѣтаются въ каждой капелькѣ слизистаго мужского сѣмени; благодаря производимыхъ ими оживленнымъ движеніямъ, ихъ считали прежде особенными «сѣменными звѣрьками». Важнѣйшій моментъ въ жизни каждаго человѣка, какъ и всякаго другого животнаго, — моментъ, въ который начинается его индивидуальное существованіе,—это моментъ, когда половыя клѣтки обоихъ родителей встрѣчаются другъ съ другомъ и сливаются для образованія одной цѣльной клѣтки. Новая клѣтка, *оплодотворенная яйцевая клѣтка*, является *клѣткой-родоначальницей* индивидуума (Cytula), путемъ многократнаго дѣленія ея образуются клѣтки зародышевыхъ листовъ и Gastrula. *Жизнь личности*, самостоятельной особи, начинается лишь съ образованіемъ этой *Cytula*, стало-быть, съ самого процесса оплодотворенія. Этотъ фактъ имѣетъ *чрезвычайно важное значеніе*, такъ какъ изъ него слѣдуетъ, что человѣкъ получаетъ всѣ свои личныя свойства, тѣлесныя и духовныя, отъ обоихъ родителей, путемъ *наслѣдственности*.

Теперь хорошо изученъ процессъ, какой переживаетъ человѣческій зародышъ во время утробной жизни, какъ изъ зародышевыхъ листковъ, путемъ послѣдовательныхъ превращеній, развиваются всѣ ткани и органы. Этотъ процессъ, по словамъ Вольфа, заключается не въ развертываніи имѣющихся уже въ зачаткахъ органовъ, а въ рядѣ новообразованій. Одна часть возникаетъ вслѣдъ за другой и первоначальная простая форма рѣзко отличается отъ развитой позднѣйшей формы. Дѣло происходитъ совсѣмъ не такъ, какъ думалъ когда-то знаменитый Галлеръ, восклицавшій: «Развитія нѣтъ! Ни одна часть животнаго организма не создана раньше другой; всѣ созданы одновременно».

Экспериментальная психологія показала, какъ вмѣстѣ съ возрастомъ улучшается память ребенка, увеличивается точность его воспріятій, быстрота психическихъ процессовъ, развивается способность къ комбинированію, вниманіе и проч. Умственныя и физическія способности человѣка въ моментъ зачатія находятся, можно сказать, на уровнѣ безконечно малой величины и затѣмъ постепенно и послѣдовательно развиваются до уровня, который далъ основаніе называть человѣка царемъ природы. Зародышъ, стало-быть, содержитъ въ себѣ въ скрытой и таинственной пока для насъ формѣ ту энергію, изъ которой путемъ послѣдовательныхъ превращеній разовьется въ опредѣленный періодъ времени зрѣлый человѣкъ.

При этомъ въ случаѣ пораненій и поврежденій организмъ самъ заживляетъ свои раны и возстановляетъ нормальную форму въ случаѣ поврежденій. (Особенно на низшихъ ступе-

няхъ животной лѣстницы: отрубленный хвостъ ящерицы, клешня рака и проч.). Развитіе организма можно сравнить съ вихремъ, который бы гармонически измѣнялся и росъ по извѣстному плану, словно въ немъ находится какой-нибудь разумный архитекторъ, который направляетъ его къ напередъ поставленной цѣли, по опредѣленному пути.



Развитіе изъ яйца коралла Краснаго моря, по Геккелю. Оплодотворенное яйцо, первоначально состоящее лишь изъ одной клѣтки (AB), дѣлится на двѣ клѣтки (C), затѣмъ на четыре (D), пока, наконецъ (E), не возникаетъ цѣлый комъ или груда клѣтокъ.

Удивительна эта таинственная тонкость строенія зародыша. Никакой анализъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей разницы въ строеніи зародышей воробьинаго и соловьинаго, а между тѣмъ изъ перваго всегда и неизмѣнно развивается воробей, а изъ второго—соловей. Этимъ сравненіемъ мы, конечно, не хотимъ сказать, что процессъ развитія стоитъ въ противорѣчіи съ физико-химическими законами природы; совершенно напротивъ, все, что извѣстно объ этомъ процессѣ, не противорѣчитъ естественнымъ физико-химическимъ законамъ природы.

Одна изъ самыхъ любопытныхъ особенностей развитія человѣческой особи заключается въ томъ, что человѣкъ по пути своего развитія повторяетъ въ общемъ видѣ и въ самыхъ краткихъ чертахъ исторію своего рода. Этотъ законъ доказывается данными эмбріологіи и сравненіемъ психики дѣтей съ психикою дикаря и первобытнаго человѣка. И это одинъ изъ

тѣхъ фактовъ, которые имѣютъ огромное значеніе для педагоговъ, о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже.

Конечно, здѣсь можно говорить лишь о сходствѣ, а не о тождествѣ онтогеніи (исторіи развитія индивида) съ филогеніей (исторіей развитія всего вида). Фрицъ Мюллеръ и еще болѣе Э. Геккель указали и причины, затемняющія этотъ законъ отъ наблюдателя. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, развитіе индивида съ теченіемъ времени можетъ совершаться все болѣе прямымъ путемъ отъ зародыша до зрѣлой формы и при этомъ отдѣльныя звенья развитія вида могутъ сглаживаться и выпадать, а, во-вторыхъ, въ развитіи индивида, кромѣ стадій, представляющихъ повтореніе исторіи вида, кромѣ явленій наслѣдственныхъ, свойственныхъ предкамъ, встрѣчаются еще явленія, такъ сказать, благопріобрѣтенныя самимъ индивидомъ въ качествѣ приспособленій къ средѣ.

Какую огромную роль играетъ въ эволюціонной теоріи развитіе индивида, показываетъ уже то одно, что Спенсеръ, сдѣлавшій такъ много для разработки вопроса объ эволюціи, построилъ свое ученіе о развитіи вообще и о развитіи общества въ частности по аналогіи съ развитіемъ особи.

Но ученіе о развитіи человѣческаго индивида, и особенно ребенка и юноши, такъ важно для педагога, что мы вынуждены выдѣлить отсюда этотъ предметъ и посвятить ему особую главу, гдѣ разсмотримъ этотъ процессъ и въ связи съ стремленіемъ къ развитію.

Мы разсмотрѣли законъ развитія съ двухъ сторонъ: со стороны эволюціи рода и развитія личности. И вотъ что при этомъ невольно бросается въ глаза.

Измѣняются сами частные законы, если они касаются явленій только одной какой-нибудь эпохи. Каждый этапъ развитія солнечной системы характеризовался особыми астрономическими явленіями: жизнь туманности не похожа на современную. Физическіе и химическіе процессы не похожи другъ на друга на различныхъ небесныхъ свѣтилахъ. То же самое можно сказать и про разныя геологическія эпохи. Не составляетъ исключенія и живой міръ. Анатомія моллюсковъ не такова, какова анатомія рыбъ, пресмыкающихся и т. д. Политика и соціальный строй дикарей отличается отъ политики и соціальнаго строя варваровъ, а соціальный и политическій строй цивилизованныхъ народовъ отличается отъ варварскаго. Жизнь ребенка не такова, какъ жизнь взрослаго. Все измѣняется. Одинъ только законъ остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ—это законъ эволюціи, законъ развитія.

Развитіе—это всеобщій основной законъ. Все течетъ, говорили древніе. Все развивается, говорятъ въ наше время. Развивается каждая бактерія, каждая былинка и весь растительный міръ; развивается каждая амёба, каждый червь, рыба-

млекопитающее, развивается все живое; развивается каждый отдѣльный человѣкъ и цѣлые народы, развиваются отдѣльныя учрежденія и весь общественный строй. И каждый изъ насъ обязанъ, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать правильному, естественному, свободному, согласованному съ законами природы и законами прогресса развитію всѣхъ и каждаго. И если есть что-нибудь безспорнаго въ наукѣ, такъ это то, что все измѣняется и эволюціонируетъ. Правительство, игнорирующее этотъ законъ, потерпитъ фіаско, какъ это случилось въ наши дни съ шахомъ персидскимъ, султаномъ турецкимъ, королемъ португальскимъ, богдыханомъ китайскимъ.

Когда все кругомъ развивается и все съ большею быстротою движется впередъ, народы съ замедленнымъ ходомъ развитія являются отсталыми и рано или поздно сходятъ съ исторической сцены, уступая свое мѣсто другимъ народамъ, опередившимъ ихъ въ развитіи. Такъ, народы, обладавшіе желѣзомъ, вытѣснили людей каменнаго вѣка; государства, располагавшія огнестрѣльнымъ оружіемъ, вытѣснили людей, знавшихъ только луки да стрѣлы, какъ это сдѣлала, напримѣръ, казацкая станица Ермака Тимоѳеевича. Такъ, бѣлые вытѣсняютъ индѣйцевъ въ Америкѣ, негровъ въ Африкѣ и т. д. Такъ, англичане владычествуютъ въ Индіи. Такъ, Сѣверо-Американскіе Штаты стали господствовать на Кубѣ и Филиппинахъ, вмѣсто испанцевъ, болѣе отсталыхъ и по своему политическому устройству, и по своей техникѣ, и по своимъ міровоззрѣніямъ (гнетъ католицизма).

Если отсталые въ развитіи народы обречены на потерю своей политической самостоятельности, то они еще болѣе вынуждены уступать на экономическомъ поприщѣ. Такъ, Персія, а отчасти и Россія въ экономическомъ отношеніи эксплуатируются Западною Европою. Европейскіе капиталисты, вкладывая свои деньги въ предпріятія на русской землѣ, берутъ себѣ значительную часть прибыли, которая, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, была бы въ нашихъ рукахъ.

А конецъ этой эксплуатаціи настанетъ лишь тогда, когда отсталые народы сравняются съ передовыми и по своему умственному развитію, и по своей предпріимчивости, и по своей техникѣ, и по своей наукѣ, и по своему политическому и соціальному устройству, и по своему міровоззрѣнію и отсутствію предразсудковъ. И никакого другого пути освободиться отъ эксплуатаціи пока не существуетъ. Народъ, не желающій уступить свое мѣсто подъ солнцемъ другимъ народамъ, не долженъ отставать, и разные «истинно-русскіе люди» оказываютъ намъ плохую услугу, рекомендуя тихій ходъ или даже остановку на пути развитія. Исторія полна примѣрами, какъ гибли народы, поддававшіеся такимъ внушеніямъ. Горе педагогамъ, которые послѣдовали бы такому призыву.

Исторія педагогики полна примѣрами, какъ убійственно отзывалось игнорированіе закона развитія на воспитаніи. Она знаетъ, какъ опасны тѣ, кто якобы во имя горняго и небеснаго проповѣдуетъ пренебреженіе къ земному и житейскому, кто якобы во имя духовнаго зоветъ на борьбу съ тѣломъ, съ естественными человѣческими стремленіями, внушаетъ ненависть къ человѣческой природѣ и ея развитію, совѣтуетъ заглушить всѣ голоса человѣческой природы и не довѣрять ни опыту, ни разуму.

Только тогда, когда воспитаніе народныхъ массъ и въ школѣ и въ жизни будетъ поставлено на основахъ ученія о развитіи, согласовано съ здоровыми стремленіями къ развитію, съ законами природы, только тогда можно разсчитывать на то, что страна проявитъ всю мощь своихъ творческихъ силъ и всю свою инціативу и энергію на справедливую организацію общественной жизни, промышленности, науки, искусства и культуры вообще.

ГЛАВА II.

Стремленіе къ развитію.

I. Теорія эволюціи — и это очень важно для педагога — бросаетъ свѣтъ на то стремленіе къ развитію, какое каждый изъ насъ можетъ наблюдать внутри самого себя. Жить — это не значитъ только пить, ѣсть, дышать и пр.; жизнь — это развитіе и инстинктъ къ жизни,—это стремленіе къ развитію, которое составляетъ альфу и омегу всего живого. Развитіе—это всеобщій законъ жизни и природы, и стремленіе къ развитію [хотя бы въ безсознательной формѣ] присуще всему живому.

Если допустить, какъ дѣлаетъ Геккель, что жизнь началась съ одноклѣточныхъ организмовъ, то необходимо также допустить, что этимъ организмамъ присуще было неразрывно связанное съ самою жизнью стремленіе къ развитію. Это еще совершенно безсознательное стремленіе, въ зависимости отъ различій въ окружающей средѣ, сначала повело къ раздѣленію жизни на два потока: растительный и животный. Затѣмъ животный потокъ, опять-таки въ зависимости отъ вліяній среды, долженъ былъ раздѣлиться на нѣсколько руслъ, изъ коихъ одно мы должны признать наиболѣе прогрессивнымъ, это—то русло, которое вело развитіе животнаго міра по направленію къ современному человѣку.

И на основаніи пройденнаго нами пути мы заключаемъ, что въ томъ же прогрессивномъ направленіи этотъ потокъ пойдетъ и въ ближайшемъ будущемъ къ дальнѣйшему совершенствованію человѣчества. И сомнѣваться, что человѣкъ стремится къ развитію, и при томъ прогрессивному, значило бы допускать, что человѣкъ ни съ того, ни съ сего круто перемѣнитъ то направленіе, по которому шло развитіе основного потока, приведшаго отъ одноклѣточнаго животнаго къ современному властелину земли.

И дѣйствительно, мы всѣ въ нормальномъ состояніи при внимательномъ самонаблюденіи находимъ въ себѣ стремленіе больше видѣть, слышать, знать, имѣть больше умственныхъ навыковъ, лучше думать и дѣйствовать, быть здоровѣе, сильнѣе, красивѣе, добрѣе, культурнѣе и т. п. Это стремленіе къ развитію и не только въ его сознательной, но и

въ безсознательной формѣ и освѣщаетъ намъ теорія эволюціи подобно тому, какъ физіологія объяснила намъ, зачѣмъ намъ нуженъ аппетитъ, вкусъ, половые инстинкты и проч.

Животные инстинкты, которые связаны съ добываніемъ пищи, питья, жилища, обыкновенно называютъ инстинктами самосохраненія. Инстинкты половые именуются инстинктами сохраненія вида. И до сихъ поръ многіе психологи силятся вывести всѣ явленія душевной жизни изъ принципа сохраненія или индивида или рода. Стоитъ пересмотрѣть нѣкоторыя руководства по психологіи, и мы увидимъ стремленіе подогнать всѣ чувства, инстинкты, потребности и стремленія къ двумъ цѣлямъ: самосохраненія личнаго и сохраненія рода. Судя по этой терминологіи, можно подумать, что каждый организмъ стремится лишь къ тому, чтобы навсегда остаться такимъ, какъ онъ есть сейчасъ, упорно отстаиваетъ каждую самую малѣйшую деталь своей формы, своихъ свойствъ, своихъ способностей; можно подумать, что ничего другого не желаетъ онъ ни для себя, ни для своего потомства, кромѣ того, что онъ въ данный моментъ изъ себя представляетъ. Можно подумать, что эта косность есть универсальный и единственный законъ всего живого, начиная съ одноклѣточнаго животнаго и оканчивая человѣкомъ. Между тѣмъ эта теорія служитъ своего рода внушеніемъ, безусловно выгоднымъ для консерваторовъ и вреднымъ для прогрессистовъ.

Эта теорія въ состояніи убить надежды на лучшее, такъ какъ ея лозунгъ отличается безплодіемъ: такъ было, такъ будетъ. Но если такъ будетъ всегда, какъ было раньше, то трудно найти какую-нибудь опору для стремленія къ болѣе совершенному, трудно сохранить бодрость духа и совершенно невозможной становится вѣра въ прогрессъ.

Если бы инстинкты, о которыхъ идетъ рѣчь, служили только къ сохраненію индивида и рода, а кромѣ нихъ не существовало бы стремленія къ развитію, то міръ представлялъ бы изъ себя неподвижное цѣлое, какую-то навсегда застывшую форму, что-то ультра-консервативное, какой-то вѣковѣчный застой, что-то до нельзя безнадежное, внушающее безысходный пессимизмъ и отчаяніе.

Къ инстинктамъ сохраненія индивида и рода можно было сводить жизнь въ тѣ времена, когда объ эволюціи организмовъ не было и рѣчи, когда признавалось, что всѣ виды животныхъ и растеній вышли изъ рукъ Творца въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они и теперь пребываютъ на земномъ шарѣ. Но въ наше время, послѣ Ламарка, Спенсера, Дарвина, Геккеля и пр., когда понятія эволюціи, развитія, прогресса стали трюизмомъ, эти старыя названія звучатъ какимъ-то анахронизмомъ. И это тѣмъ страннѣе, что эти, отжившіе, казалось бы, свой вѣкъ, термины являются и по сей день общепринятыми.

Давно сказано, что міръ управляется «голодомъ и любовью», но голодъ и любовь ведутъ не къ сохраненію, а къ развитію. Если бы дѣло здѣсь шло только о самосохраненіи и о сохраненіи рода, то животный міръ остановился бы на какомъ-нибудь низшемъ животномъ и не шелъ дальше; но онъ постоянно развивался и доразвился до человѣка.

Если бы дѣло шло только объ охранѣ существующаго, то зачѣмъ нужна была бы смерть; достаточно было бы одного безсмертія; не надо было бы и новыхъ рожденій. Одного безсмертія достаточно было бы для того, чтобы всѣ личности и всѣ виды сохранялись изъ вѣка въ вѣкъ. Вѣковѣчный застой, о которомъ мечтаютъ наши реакціонеры, былъ бы навсегда обезпеченъ. Ни шагу впередъ; никакого прогресса, никакого развитія; зато вполнѣ осуществлена идеальная неподвижность и косность. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Нѣтъ безсмертія, а есть смерть, уносящая все устарѣвшее, все отсталое, все неудачное; есть рождаемость, дающая все новое и новое: новыхъ личностей, съ новыми идеями, новыми стремленіями, новымъ творчествомъ въ жизни. Жизнь развивается, прогрессируетъ, идетъ впередъ.

Многіе виды животнаго и растительнаго міра давно уже исчезли съ лица земли, какъ это доказываютъ безчисленныя окаменѣлости, найденныя въ нѣдрахъ земли на различной глубинѣ, въ разныхъ геологическихъ наслоеніяхъ. Изъ однихъ видовъ путемъ эволюціи образовались высшіе, другіе исчезли. И вообще виды животныхъ и растеній либо исчезаютъ, либо служатъ переходной ступенью къ позднѣйшему типу. Слѣдовательно, инстинкты, о которыхъ идетъ рѣчь, не достигаютъ ни сохраненія особи, ни сохраненія вида. Зато они, несомнѣнно, содѣйствуютъ и развитію особи, и точно такъ же эти инстинкты содѣйствуютъ животному развитію, той эволюціи, которая обусловливаетъ прогрессивный переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, а этотъ прогрессъ несомнѣненъ относительно болѣе всего интересующей насъ генеалогической линіи, ведущей отъ низшихъ формъ къ человѣку.

Если судить по результатамъ [а другого критерія у насъ пока нѣтъ], то можно всѣ эти инстинкты обобщить подъ однимъ общимъ понятіемъ *стремленія къ развитію*, а въ примѣненіи къ той генеалогической линіи животнаго міра, которая вела къ человѣку, это будетъ стремленіе къ *прогрессивному развитію*. Это не значитъ, конечно, что у человѣка нѣтъ стремленія къ самосохраненію. Оно необходимо и въ интересахъ самого развитія. Чтобы развиваться, необходимо прежде всего существовать; но это существованіе не должно быть застоемъ, а должно быть развитіемъ. Человѣкъ сохраняетъ себя не для самосохраненія, а для чего-то высшаго, лучшаго, т.-е. для прогрессивнаго развитія, какъ личнаго, такъ и общественнаго, и это одно, что оправдываетъ и возвышаетъ наши за-

боты о самосохраненіи. И если есть какой-нибудь смыслъ въ конкуренціи всего живого изъ-за пищи, питья и т. п., то онъ заключается въ томъ, что эта конкуренція ведетъ къ развитію расы. Если есть смыслъ въ смерти, какъ въ устраненіи больныхъ, слабѣйшихъ или устарѣвшихъ особей, то этотъ смыслъ въ томъ же развитіи. «Великія, далекія и высшія силы совершаютъ свою работу,—скажемъ словами Ницше,—и что же въ томъ удивительнаго, если разбивается тотъ хрупкій сосудъ, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ».

Если какой-нибудь типъ сильно уклоняется отъ правильнаго пути, тогда приходитъ смерть въ качествѣ истребителя всего негоднаго для дальнѣйшаго развитія и очищаетъ мѣсто для другихъ типовъ, болѣе отвѣчающихъ законамъ развитія.

Если есть смыслъ въ половомъ и материнскомъ инстинктахъ, то ихъ смыслъ въ томъ же развитіи. Ниже мы посвятимъ особую главу, гдѣ разсмотримъ, какъ проявляется стремленіе къ развитію въ жизни ребенка. Мы увидимъ, между прочимъ, что стремленіе къ развитію у ребенка проявляется въ стремленіи къ движеніямъ и вообще функціонированію каждаго органа и къ питанію каждаго истощеннаго работою органа.

Пусть ребенокъ не сознаетъ, зачѣмъ ему нужно двигаться, упражнять свои мускулы, свое воображеніе, свою сообразительность и т. д.; но мы-то знаемъ, что все это онъ дѣлаетъ въ интересахъ своего развитія.

Въ предыдущей главѣ мы упомянули объ удивительномъ на первый взглядъ явленіи въ народныхъ сказаніяхъ. Въ то самое время, когда религіозныя и даже научныя представленія о неподвижности животныхъ типовъ, ученіе о золотомъ вѣкѣ позади насъ, о древнемъ мірѣ, какъ образцѣ для насъ, и т. п. казалось бы, должны были всѣмъ внушить идею вѣковѣчнаго застоя, народная поэзія создала яркіе, полные оптимизма образы, въ которыхъ можно видѣть выраженіе, быть-можетъ, безотчетнаго стремленія къ развитію отъ низкаго и безпомощнаго къ высокому и могущественному.

Человѣкъ и всякое животное и даже растеніе стремится не къ самосохраненію, а къ развитію, потому что ни одинъ организмъ не остается однимъ и тѣмъ же, а измѣняется: сегодня не таковъ, какъ вчера, а завтра будетъ не таковъ, какъ сегодня.

Мы всѣ хотимъ не только сохранить себя и своихъ дѣтей, но мы хотимъ, чтобы и мы сами, и наши дѣти, и вся окружающая насъ среда стала лучше, совершеннѣе, выше. Мы всѣ стремимся увеличить, т.-е. развить свои силы, свои способности, свою власть и надъ самимъ собою и надъ окружающей насъ средою, расширить кругъ своей дѣятельности и своего вліянія. Мы всѣ хотѣли бы имѣть условія, благопріятныя для нашего развитія. Того же самаго мы хотимъ и для нашихъ дѣтей и для всего народа. Кто не знаетъ случаевъ

самоубійства, вызваннаго сознаніемъ, что вслѣдствіе неизлѣчимой болѣзни періодъ развитія кончился и наступаетъ разложеніе и дегенерація.

Вполнѣ понятно, что это стремленіе къ усовершенствованію, какъ самого себя, такъ и окружающихъ людей, всего яснѣе и опредѣленнѣе выступаетъ въ современныхъ интеллигентскихъ кругахъ, гдѣ оно является вполнѣ сознательнымъ. Современный интеллигентъ чувствуетъ непреодолимую потребность искать и познать истину, откуда такое неудержимое въ нашъ вѣкъ стремленіе къ наукѣ; онъ хочетъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, что добро и что справедливо, а составивъ это представленіе лучшаго, этотъ идеалъ, онъ стремится его осуществить, какъ онъ можетъ: выразить его въ искусствѣ, если онъ художникъ, въ литературѣ, если онъ писатель, и всегда въ жизни, въ дѣятельности, насколько это въ его силахъ. У современнаго интеллигента рѣдко встрѣтишь потребность застыть въ окостенѣлыхъ формахъ жизни; онъ въ мѣру своихъ силъ и способностей всегда борется съ застоемъ и косностью окружающей его среды во имя прогрессивнаго развитія. И на этомъ пути онъ иногда не останавливается даже предъ очевидными опасностями, онъ готовъ иногда принести въ жертву не только свое время, свой трудъ, но и свое здоровье, а иногда и самую жизнь. А если такъ, то мы снова приходимъ къ выводу, что въ основѣ жизни лежитъ не стремленіе къ самосохраненію, а стремленіе къ развитію.

Самая характерная черта жизни—это развитіе. Еще Клодъ Бернаръ говорилъ: «Развитіе есть, можетъ-быть, самая замѣчательная черта живыхъ существъ, а слѣдовательно, и жизни». «Живое существо рождается, растетъ, склоняется къ упадку и умираетъ. Оно находится въ состояніи постояннаго измѣненія; оно подвержено смерти. Оно выходитъ изъ зародыша, изъ яйца или изъ сѣмени, пріобрѣтаетъ, вслѣдствіе послѣдовательныхъ дифференціацій, извѣстную степень развитія, образуетъ органы, одни временные и переходные, а другіе имѣющіе такую же продолжительность, какъ оно само, и потомъ оно разрушается». «Вещество же безжизненное минеральное остается неизмѣннымъ и невредимымъ во все время, пока остаются неизмѣнными внѣшнія условія». «Этотъ признакъ опредѣленнаго развитія, начала и конца, непрерывнаго хода въ направленіи, которое имѣетъ опредѣленный конечный пунктъ, принадлежитъ, какъ особенность, только живымъ существамъ».

Стремиться къ жизни значитъ стремиться къ развитію.

Стремленіе къ развитію—это основное свойство всего живого, не только человѣка, у котораго оно можетъ проявляться въ сознательной формѣ, не только животныхъ, но и растеній, гдѣ мы не находимъ сознанія. Развитіе и въ смыслѣ роста и въ смыслѣ организаціи увеличивающагося числа клѣтокъ, коли-

чества силъ и возрастающей массы вещества, усложненіе и гармонія, увеличеніе частей и связей между ними, вотъ главный универсальный, всеобщій, всемірный законъ жизни. Развитіе сначала личное, а затѣмъ и въ связи съ первымъ развитіе расы, вида и рода.

Итакъ, исчезаютъ особи животныхъ и людей, исчезаютъ цѣлыя расы, исчезаютъ виды животныхъ, неизмѣнно существуетъ только одно: эволюція, развитіе, а на пути человѣка прогрессъ. Если бы мы имѣли право приписывать природѣ какія-нибудь цѣли, мы не могли бы сказать, что природа стремится къ сохраненію индивидуума, потому что каждый индивидуумъ рано или поздно умираетъ. Мы не должны были бы утверждать и того, что природа стремится къ сохраненію вида, потому что въ теченіе ряда геологическихъ эпохъ исчезло множество видовъ, которымъ нѣкогда принадлежалъ земной шаръ. Но мы имѣли бы полное право сказать: природа стремится лишь только къ развитію; потому что всякая новая геологическая эпоха характеризуется высшими представителями животнаго міра, чѣмъ предыдущая. Мы бы тогда имѣли право сказать, что природа не дорожитъ ни отдѣльными особями, ни цѣлыми расами и видами, а дорожитъ только однимъ развитіемъ и во имя его безжалостно губитъ, когда это нужно, и индивиды и даже цѣлыя расы, если только послѣднія не содѣйствуютъ, а мѣшаютъ развитію, губитъ, какъ что-то мелочное, ничтожное, несовершенное.

Природа поступаетъ въ данномъ случаѣ совершенно такъ, какъ если бы она слѣдовала морали, выраженной въ притчѣ о безплодной смоковницѣ, по смыслу которой все, что не даетъ цѣнныхъ плодовъ, подлежитъ гибели. И вотъ почему самое стремленіе къ прогрессивному развитію, подъ вліяніемъ естественнаго отбора, дѣлается все интенсивнѣе и сознательнѣе. На типахъ съ слабымъ стремленіемъ къ развитію природа кладетъ печать вырожденія и уничтоженія, смерти, а на типахъ съ болѣе сильнымъ и сознательнымъ стремленіемъ она ставитъ знакъ жизни и безпрепятственнаго размноженія. И это потому, что нѣтъ ничего болѣе полезнаго для жизни, какъ стремленіе къ развитію, ибо развитіе, быть-можетъ, и есть самая сущность жизни.

Если бы мы имѣли основаніе приписывать природѣ опредѣленныя цѣли, то мы имѣли бы тогда право сказать, что наше личное стремленіе къ развитію, къ физическому, нравственному и умственному совершенству, есть отраженіе основного стремленія природы, ея единственной [понятной намъ] и всепоглощающей цѣли, во имя которой она приноситъ неисчислимое количество самыхъ разнообразныхъ жертвъ, во имя которой она не боится никакой расточительности. Къ этой цѣли она идетъ, если можетъ, прямыми путями, а если не можетъ, то не пренебрегаетъ и окольными дорогами, часто ощупью, хватаясь

то за одинъ типъ, то за другой, чтобы вслѣдъ за тѣмъ замѣнить его третьимъ, совершенно такъ, какъ идетъ развитіе и отдѣльнаго человѣка, переживающаго цѣлый рядъ фазисовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ.

Еще Шопенгауэръ съ удивительной для своего времени проницательностью указалъ, что въ половой любви, если она не извращена, мы преслѣдуемъ не свое личное счастье, не свои эгоистическіе цѣли и интересы, а интересы вида; и во имя развитія вида люди борятся между собою за женщину, а чтобы содержать семью и воспитывать дѣтей, приносятъ въ жертву свое имущество, свое время, свой трудъ. Личность оказывается такимъ образомъ орудіемъ высшей цѣли. Теперь біологія доказала, что результатомъ половой любви является прогрессивное развитіе вида. Такой выдающійся біологъ, какъ Бовери, прямо заявляетъ, что однимъ изъ двигателей *органическаго прогресса* является смѣшеніе индивидовъ путемъ половой любви. То же мнѣніе высказываетъ знаменитый біологъ Вейсманъ, Клебсъ и другіе.

Родительская любовь къ дѣтямъ, вполнѣ сознательная у людей, наше стремленіе дать дѣтямъ возможно лучшее воспитаніе развились изъ безсознательныхъ инстинктовъ у нашихъ животныхъ предковъ. И въ животномъ мірѣ наблюдается, что самка, а иногда и самецъ приносятъ пищу и кормятъ своихъ дѣтенышей и уносятъ ихъ пометъ. Извѣстны случаи, какъ, напримѣръ, въ обществѣ пчелъ, шмелей и термитовъ, когда существуютъ особые индивиды, занятые исключительно заботами о потомствѣ. Пусть всѣ эти проявленія безсознательны; допустимъ даже, что животное, продѣлывая все, что ему велитъ материнскій инстинктъ, не понимаетъ ни цѣли, ни смысла своей работы, а совершаетъ ее совершенно механически, какъ машина. Тѣмъ не менѣе, по существу, тѣ побужденія, которыя заставляютъ животное кормить своихъ дѣтей и ухаживать за ними, это тѣ же самыя стремленія, какія вполнѣ сознательно переживаемъ мы, когда заботимся о воспитаніи своего потомства, но, конечно, въ болѣе развитой, болѣе сложной и сознательной формѣ. У животныхъ материнскихъ инстинктовъ и у нашихъ воспитательскихъ стремленій одно общее происхожденіе, тѣ и другіе преслѣдуютъ одинаковыя цѣли; вся разница только, быть-можетъ, въ сознательности да въ степени сложности развитія. Но эти инстинкты по результатамъ, какихъ они достигаютъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ назвать инстинктами развитія, а не одного только поддержанія расы.

Нѣтъ, мы беремъ смѣлость утверждать, что всѣ наши инстинкты подчинены тому широкому и глубокому стихійному стремленію, которое въ сознательной формѣ мы ощущаемъ, какъ стремленіе, какъ потуги къ развитію личному и затѣмъ къ развитію родовому.

Это стремленіе къ развитію, дѣйствовавшее въ цѣломъ рядѣ преемственныхъ животныхъ формъ [мы имѣемъ въ виду лишь тѣхъ животныхъ, которыя составили одну опредѣленную генеалогическую линію], привело къ современному человѣку. Послѣдній какъ будто заключался въ скрытой формѣ въ каждомъ изъ тѣхъ видовъ, которые были его предками. А мы, въ свою очередь, вѣроятно, будемъ предками и заключаемъ въ себѣ въ скрытой формѣ то высшее существо, которое, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, придетъ намъ на смѣну, какъ олицетвореніе необыкновеннаго разума, могущества, совѣсти,—счастья и красоты.

II. Мы отмѣтили два противоположныхъ воззрѣнія на природу человѣка. Одно изъ нихъ, консервативное, все сводитъ къ самосохраненію личному и поддержанію расы, другое, прогрессивное, кладетъ во главу угла стремленіе къ развитію. Одно изъ нихъ знаменуетъ неподвижность и косность; другое ведетъ къ прогрессу. Одно изъ нихъ смотритъ назадъ, въ прошлое, другое стремится впередъ, къ лучезарному будущему.

Въ наше время трудно было бы защищать положеніе, что эти два противоположныхъ взгляда на природу человѣка образовались случайно, безъ всякаго отношенія къ жизни и практической дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что на каждомъ изъ этихъ воззрѣній отразилась позиція, какую занимаютъ ихъ защитники въ жизни. Если еще можно говорить о безпристрастіи и объективности людей науки (многіе изъ нихъ стоятъ въ этомъ отношеніи внѣ сомнѣнія), то очень трудно было бы утверждать то же самое относительно тѣхъ лицъ, которыя пользуются выводами науки для практическихъ цѣлей въ политической или соціальной борьбѣ и т. п. Соціальное положеніе, экономическіе интересы, жизненный опытъ, сословные и классовые предразсудки, то или другое пониманіе цѣнностей жизни и т. п.,—все это находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, на какую изъ двухъ названныхъ нами противоположныхъ точекъ зрѣнія становятся люди.

Какъ въ мірѣ животныхъ мы найдемъ представителей всѣхъ степеней эволюціи животнаго міра, такъ и среди людей найдутся представители самыхъ разнообразныхъ ступеней развитія человѣчества. Среди животныхъ найдутся и теперь формы, аналогичныя съ тѣми, какія господствовали во времена силурійскаго періода, такъ и среди людей найдутся субъекты, напоминающіе по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ жителей древняго каменнаго періода. А такъ какъ міровоззрѣнія людей зависятъ отъ историческаго мѣста, занимаемаго послѣдними, то естественно, что воззрѣнія на человѣческую природу у людей, опоздавшихъ родиться на

цѣлую геологическую эпоху, не могутъ совпадать со взглядами, соотвѣтствующими XX вѣку, какъ не совпадаетъ и ихъ позиція въ жизни съ позиціею, занимаемою прогрессивными людьми.

Но эти воззрѣнія, обусловливаемыя позиціею, занимаемою ихъ защитниками въ жизни, въ то же время и сами оказываютъ глубокое вліяніе на жизнь и до извѣстной степени властвуютъ надъ нею.

Каждое изъ этихъ воззрѣній отражается и на педагогической практикѣ своихъ послѣдователей. Старая консервативная педагогика видитъ въ первой изъ названныхъ теорій оправданіе неподвижности и незыблемости существующей школьной системы. Когда я пишу эти строки, самый талантливый и умный изъ нашихъ бюрократовъ графъ Витте, отстаивая въ Государственномъ Совѣтѣ существующія у насъ церковно-приходскія школы, не нашелъ другого аргумента въ ихъ защиту, какъ устойчивость ихъ программъ и системы. Если даже Витте, котораго считаютъ наиболѣе передовымъ и просвѣщеннымъ изъ современныхъ русскихъ бюрократовъ, признаетъ неподвижность школы главнымъ ея достоинствомъ, то что же говорить объ остальныхъ членахъ представляемой имъ группы.

Въ каждомъ обществѣ на ряду съ прогрессивными людьми есть и защитники застоя. Таковы многіе изъ тѣхъ, кто хорошо приспособился къ старымъ затвердѣлымъ традиціямъ, привыкъ къ рутиннымъ, однажды установленнымъ путямъ, какъ бы плохи они ни были. Косность и рутина усыпили его критическую мысль; боязнь потерять привычный покой, насиженное мѣсто, пріобрѣтенныя права и выгоды, сознаніе, что его свойства, хорошо прилаженныя къ прежнему косному существованію, не годятся для новаго, прогрессивнаго,—вооружаютъ его противъ будущаго во имя прошлаго.

Неудивительно поэтому, что до сихъ поръ педагогика строилась исключительно на стремленіи человѣка къ сохраненію личности, т.-е. на чувствѣ самосохраненія и на стремленіи къ сохраненію, а не развитію расы. Неудивительно поэтому, что изъ всѣхъ отраслей общественной дѣятельности педагогика и до сихъ поръ отличается едва ли не наибольшимъ консерватизмомъ.

Казенная педагогика громко зоветъ насъ назадъ. Вопросы астрономіи и геологіи и до сихъ поръ въ началѣ школьнаго курса трактуются, какъ они трактовались еще во времена древняго Вавилона, Египта, Моисея и Аарона. Изъ русской литературы гимназистамъ не полагается знать современныхъ писателей, но за то очень много времени отводится на изученіе старой литературы и церковно-славянскаго языка. Гимназистъ не долженъ знать ни Короленко, ни Чехова; но зато долженъ хорошо знать Голубиную книгу, Карамзина и цер-

ковно-славянскіе аористы, какъ будто бы нашимъ дѣтямъ придется жить не въ XX вѣкѣ, а въ давно прошедшія времена. Преклоненіе передъ прошлымъ и полное пренебреженіе къ настоящему—вотъ характерная черта современной официальной педагогики. Объ этомъ намъ еще придется говорить и мы ограничиваемся здѣсь лишь одною иллюстраціею. Хорошо извѣстно, что въ старое время образованіе было удѣломъ только высшихъ классовъ, существовавшихъ за счетъ рабовъ, передавшихъ послѣднимъ всю практическую работу, презиравшихъ такой трудъ и оставившихъ себѣ лишь чистую науку, чистое искусство и знанія, требуемыя модою и высокимъ общественнымъ положеніемъ. При такихъ условіяхъ и можно и должно было знать бывшіе тогда въ модѣ древніе миѳы, умѣть кстати вспомнить Юпитера, Юнону, Фелицу, Венеру и т. п., умѣть при случаѣ упомянуть о законахъ Солона и Ликурга, о Кирѣ, царѣ персидскомъ, и пр. Можно было тогда годами изучать образцы ораторскаго краснорѣчія на латинскомъ языкѣ—всемірномъ языкѣ науки и католической церкви,—можно было подолгу вырабатывать стиль и гордиться тѣмъ, что ничего не понимаешь ни въ техникѣ, ни въ механикѣ, ни въ промышленности, ни въ торговлѣ—этихъ низкихъ и презрѣнныхъ рабскихъ занятіяхъ.

И старинная школа была приведена въ полное соотвѣтствіе съ запросами тѣхъ классовъ, которымъ она служила. Но съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Теперь нѣтъ уже рабства, теперь, казалось бы, ни для кого невозможно презрительное отношеніе къ труду, который всѣмъ даетъ и хлѣбъ, и жилище, и комфортъ... Сама школа теперь обслуживаетъ уже не одни высшіе классы; образованіе дѣлается всеобщимъ, всенароднымъ и обязательнымъ. Тамъ, гдѣ прежде учились привилегированныя единицы, теперь учатся милліоны народа изъ всѣхъ сословій, классовъ, состояній. А произошло ли въ соотвѣтствіи съ этими великими перемѣнами въ жизни измѣненіе системы и программъ преподаванія въ нашей средней школѣ? Конечно, нѣтъ. Та же латынь, та же древняя исторія и всеобщая, и русская, и священная, тѣ же образцы ораторскаго искусства, какъ будто бы намъ и теперь нужно столько ораторовъ и писателей, сколько учениковъ учится въ современныхъ школахъ. И тотъ же презрительный взглядъ на предметы, имѣющіе отношеніе къ производительному труду, хотя именно этимъ трудомъ придется заниматься огромному большинству учащихся, если они не захотятъ поступать въ ряды интеллигентныхъ безработныхъ.

И это несмотря на то, что мы, русскіе, плетемся позади всѣхъ народовъ въ техникѣ, промышленности и торговлѣ, что насъ страшно эксплоатируютъ другіе народы.

И сейчасъ въ нашей всесословной школѣ милліоны учениковъ должны заучивать тѣ же самыя догмы, какія заучива-

лись въ старое время немногими дѣтьми привилегированныхъ сословій. Эти устарѣлыя, застывшія догмы служатъ символомъ застоя и косности. Древнія абстрактныя схемы воспитанія и обученія, сотни разъ воспроизведенныя въ канцеляріяхъ учебнаго вѣдомства, связываютъ педагогическій персоналъ, дѣлаютъ его своими рабами, давятъ на него хуже всякой другой тираніи, и путемъ долгаго и непрерывнаго воздѣйствія нерѣдко достигаютъ такого результата, что эти рабы начинаютъ благословлять сковывающія ихъ цѣпи и лобызать связывающія ихъ руки и сами превращаются въ горячихъ сторонниковъ и защитниковъ застоя и неподвижности въ школьномъ дѣлѣ. Предположите, что во всѣхъ школахъ введенъ санскритскій языкъ. И если онъ долго удержится въ программахъ, если созданъ будетъ большой штатъ преподавателей этого предмета, ревизоровъ и контролеровъ за ними, педагоги-спеціалисты станутъ защищать его всѣми зависящими отъ нихъ средствами, какъ ради сохраненія своего положенія изъ страха предъ безработицею, такъ равно и по убѣжденію въ его пользѣ. Среди правительства найдутся люди, которые въ нападеніяхъ на санскритскую программу усмотрятъ покушеніе на одну изъ сторонъ существующаго строя. И, быть-можетъ, понадобится широкое всенародное умственное движеніе для того, чтобы упразднить этотъ совершенно излишній въ общеобразовательной школѣ предметъ преподаванія, какъ, вѣроятно, потребуется оно и для того, чтобы устранить всѣ традиціонные, вѣками накопленные дефекты современной школы.

Если незыблемыя, затвердѣлыя догмы и формы такъ калѣчатъ учителей, то зло, приносимое ими дѣтямъ, неисчислимо. Эти традиціонныя, безжизненныя требованія сковываютъ и ставятъ цѣлый рядъ препятствій свободному развитію ребенка, предписываютъ ему опредѣленный до мелочей образъ жизни, строго очерченное поведеніе, направленіе мышленія, извѣстныя давнымъ-давно устарѣлыя вѣрованія, детальнѣйшій перечень большею частью вышедшихъ изъ употребленія въ современной жизни знаній, какія онъ долженъ имѣть, и перечень другихъ знаній [болѣе новаго происхожденія], какихъ онъ не долженъ пріобрѣтать подъ страхомъ наказанія.

И мы понимаемъ кличъ философа и поэта, который писалъ: «Не позволяйте бремени прошлаго слишкомъ сильно давить васъ, чтобы подъ тяжестью его не пострадали инстинктъ, личность, искусство и мышленіе».

Офиціальная педагогика всѣ свои программы, методы преподаванія и пріемы воспитанія выводитъ изъ тѣхъ или другихъ традиціонныхъ иногда возвышенныхъ и широкихъ, а еще чаще узкихъ религіозныхъ или философскихъ положеній, и ея требованія должны служить обязательными нормами для всѣхъ дѣтей, къ какому бы типу по своему темпераменту и наклонностямъ послѣднія ни принадлежали. Большею частію

предметы и программы преподаванія съ объяснительными къ нимъ записками, съ распредѣленіемъ занятій по годамъ обученія и съ указаніемъ числа уроковъ на каждый предметъ даются Министерствомъ Просвѣщенія, а педагоги должны, не мудрствуя лукаво, исполнять требованія начальства, подъ страхомъ контроля и наказаній за уклоненія. Говорятъ, что одинъ министръ, сидя въ своемъ кабинетѣ съ часами въ рукахъ, могъ сказать, какой отдѣлъ того или другого предмета проходится въ данный часъ въ любомъ учебномъ заведеніи, по какимъ руководствамъ и пособіямъ. Въ этомъ фактѣ ярко выражается презрѣніе къ дѣйствительной жизни, къ дѣтской природѣ, къ реальнымъ интересамъ дѣтей и ихъ семей, къ дѣтскимъ силамъ, къ ихъ горю и радости.

Большое зло здѣсь уже въ этомъ однообразіи заранѣе данныхъ требованій по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ. Это какое-то Прокрустово ложе, гдѣ убивается почти всякая оригинальность, почти всякій талантъ, почти всякая своеобразная индивидуальность.

У дѣтей, какъ извѣстно, далеко не одинаковы способности и наклонности. Къ тому же даже однѣ и тѣ же наклонности у разныхъ дѣтей появляются въ различные возрасты и въ различномъ порядкѣ. Если бы слѣдовать этому естественному порядку и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ставить подходящія требованія, мы могли бы разсчитывать на то, что дѣти съ интересомъ учились бы всему, что имъ даютъ въ соотвѣтствіи съ ихъ наклонностями. Но какое дѣло до этого тѣмъ, кто знаетъ только однѣ застывшія, неподвижныя догмы и формы, однажды навсегда установленныя для всѣхъ дѣтей даннаго возраста. Для каждаго ясно, что нельзя шить сапоговъ или шапокъ на одну мѣрку для всѣхъ людей безъ исключенія; но для многихъ, повидимому, совсѣмъ не ясно, что нельзя предъявлять одинаковыхъ требованій при обученіи всѣмъ дѣтямъ. И это прежде всего относится къ официальной педагогіи. Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ дѣти очень часто не хотятъ учиться тому, чему ихъ учатъ; нерѣдко выражаютъ непреодолимое отвращеніе къ знаніямъ, которыми ихъ начиняютъ. Удивительно ли, что любознательныя, полныя жизни дѣти становятся тупыми, скучающими, апатичными, вялыми, когда имъ преподносятъ то, что согласуется съ неподвижными педагогическими формами, но совершенно не соотвѣтствуетъ въ данный моментъ интересамъ самихъ дѣтей.

Давно замѣчено, что люди, пролагавшіе новые пути въ литературѣ, искусствѣ, техникѣ, промышленности и т. п., не ладили съ требованіями официальной педагогіи въ школѣ, и въ наше время Ломоносовъ не могъ бы даже поступить въ гимназію, не говоря уже объ университетѣ. Либихъ, не поладившій съ гимназической латынью и вынужденный оставить гимна-

зію, въ наше время не могъ бы уже поступить въ университетъ, какъ не окончившій гимназическаго курса. Выигрываетъ ли что-нибудь страна отъ такихъ школьныхъ порядковъ, — это очень сомнительно; но какъ много она проигрываетъ, бросая на произволъ судьбы самыя лучшія дарованія народа, — это ясно для каждаго.

Только одни будущіе бюрократы, да и то не всѣ, обыкновенно лучше другихъ прилаживаются къ школьнымъ требованіямъ, потому что обыкновенно обладаютъ хорошею памятью и умѣньемъ приспособляться ко всѣмъ требованіямъ свыше. Удивительно ли, что такъ много людей, окончившихъ не только среднюю, но и высшую школу, не обнаруживаютъ почти никакого интереса къ наукѣ и литературѣ и не занимаются самообразованіемъ. Удивительно ли, что чрезъ нѣсколько недѣль послѣ выпускныхъ экзаменовъ многіе молодые люди забываютъ почти всё, чему они учились, кромѣ такихъ навыковъ, какъ чтеніе и письмо, чего не позволяютъ забыть требованія жизни.

Но если школьное обученіе не считается, а при современныхъ учебныхъ порядкахъ и не можетъ считаться съ естественными стремленіями самихъ учащихся къ развитію, съ ихъ интересами и наклонностями, то остается только базировать всё обученіе на одномъ послушаніи. И послушаніе и неразлучное съ нимъ терпѣніе, дѣйствительно, возведено въ современной школѣ въ какой-то культъ, словно школа готовитъ рабовъ, а не свободныхъ гражданъ. Всё основано на приказаніяхъ и повиновеніи. Отъ ученика требуется безпрекословная покорность,— всё равно, считаетъ ли онъ предъявленное ему требованіе умнымъ или глупымъ, справедливымъ или нѣтъ, соотвѣтствующимъ его силамъ или превышающимъ ихъ. Всякій протестъ съ его стороны, всякое возраженіе считается преступленіемъ.

Такая система атрофируетъ и извращаетъ способности дѣтей. Они отвыкаютъ дѣйствовать самостоятельно, безъ чужого руководительства. Ихъ критическія способности и ихъ активныя силы засыпаютъ; войдя въ жизнь, по окончаніи школьной муштры, они естественно будутъ искать наставника и начальника, который бы могъ руководить ими въ жизни и безъ котораго они чувствуютъ себя безпомощными. Изъ нихъ могутъ выйти люди 20-го числа, исполнительные чиновники, офицеры, монахи, готовые безпрекословно исполнять распоряженія своего начальства, но совершенно не годные для самостоятельной жизни.

Это воспитаніе, можетъ-быть, годилось бы для рабовъ, но современная жизнь требуетъ не послушанія и терпѣливой покорности, а самодѣятельности и способности къ иниціативѣ.

Удивительно ли, что почти вездѣ, гдѣ не требуется диплома, но требуется талантъ, энергія, умѣнье самостоятельно

мыслить, наблюдать и дѣйствовать, идутъ впереди тѣ, кто меньше испыталъ на себѣ школьной муштры, кто болѣе обязанъ своимъ развитіемъ самообразованію.

Сколько такихъ примѣровъ мы знаемъ среди выдающихся художниковъ, артистовъ, журналистовъ, писателей, изобрѣтателей, путешественниковъ, издателей, завѣдующихъ типографіями, фабриками, заводами, пароходствами и другими промышленными и торговыми предпріятіями.

И подумать только, что такіе жалкіе и наполовину отрицательные результаты школьной учобы покупаются такою дорогою цѣною: вѣдь всѣмъ извѣстно, сколько физически слабыхъ, близорукихъ, малокровныхъ, узкогрудыхъ, съ искривленіемъ позвоночника юношей и дѣвицъ выпускаютъ наши современныя среднія школы. У насъ существуютъ общества покровительства животныхъ, и любой извозчикъ, истязующій свою лошадь, любой пастухъ, жестоко бьющій скотину, рискуютъ быть, по иниціативѣ члена такого общества, привлечены къ судебной отвѣтственности. Казалось бы, что гораздо болѣе необходимы сотни и тысячи обществъ защиты дѣтей отъ умственныхъ, нравственныхъ, а иногда и физическихъ калѣчествъ, причиняемыхъ имъ то родителями, то педагогами, а чаще всего тѣми официальными требованіями, которыя исходятъ отъ разныхъ канцелярій, въ своемъ безумномъ самомнѣніи рѣшающихся руководить такимъ сложнымъ и необъятнымъ дѣломъ, какъ дѣло народнаго воспитанія и образованія. Мнѣ справедливо возразятъ, что у такихъ обществъ должны быть права. И я не стану спорить, если кто скажетъ, что въ данномъ случаѣ необходимы не палліативы, а цѣлый переворотъ и при томъ настолько радикальный, какого еще никогда не знала исторія педагогики.

Всѣ такъ называемыя нынѣшнія «новыя школы», попытки «свободнаго», «творческаго» и т. д. обученія представляютъ собою только палліативы. Устроенныя среди природы, вдали отъ душнаго города, онѣ, конечно, представляютъ лучшія условія для здоровья дѣтей. Вводя въ свой обиходъ лучшіе изъ современныхъ методовъ обученія, онѣ немного облегчаютъ учащихся. Но онѣ всё же безсильны выбросить изъ своихъ программъ тотъ ненужный балластъ, который требуется аттестатомъ зрѣлости, а послѣдній необходимъ, чтобы можно было поступить въ университетъ. Но этотъ балластъ представляетъ непреодолимое препятствіе для того, чтобы внести сколько-нибудь существенныя улучшенія въ школу. Такимъ образомъ, новаго въ этихъ школахъ лишь одно названіе; по существу же онѣ такія же старыя школы, какъ и всѣ прочія.

Чтобы внести въ школьное дѣло не частичныя, а коренныя улучшенія, не палліативы, годные лишь для самообмана, необходимо цѣлое всенародное умственное движеніе противъ затвердѣлыхъ, отсталыхъ догмъ и формъ, которыя официаль-

ная педагогика хотѣла бы сдѣлать навѣки нерушимыми. Это движеніе умовъ должно быть направлено противъ застоя во имя прогресса, противъ власти прошлыхъ пережитковъ во имя лучшаго будущаго.

Одной изъ главныхъ причинъ, почему такъ трудно сдвинуть современную школу съ мертвой точки, служитъ то, что сюда примѣшалась политика. На школу смотрятъ какъ на средство упроченія существующаго строя. Если бы этого не было, главное затрудненіе исчезло бы совершенно. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ выше требованій выражены были еще давно. Еще Гетё писалъ: «Если бъ старики понимали педагогику, какъ надо, то имъ бы слѣдовало не только не препятствовать молодымъ людямъ заниматься въ ученіи тѣмъ, къ чему они чувствуютъ склонность, но, напротивъ, ободрять ихъ въ этомъ и наставить»...

Еще нашъ Лобачевскій ставилъ вопросы: «Чему должны мы учиться, чтобы достигнуть своего назначенія? Какія способности должны быть раскрыты и усовершенствованы? Какія должно произвесть въ нихъ перемѣны, что надобно придать, что отсѣчь какъ излишнее, вредное?» И отвѣчалъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ отвѣтила бы теперь офиціальная педагогика. Онъ сказалъ: «Все должно остаться при воспитанникѣ: иначе исказимъ его природу, будемъ ее насиловать и повредимъ его благополучію».

Но онъ сказалъ это уже послѣ Магницкаго, помощникомъ котораго состоялъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Его, знаменитый своимъ мракобѣсіемъ, начальникъ думалъ какъ разъ наоборотъ. Магницкій былъ прототипомъ нынѣшнихъ реакціонеровъ, считающимъ школу орудіемъ консервативной политики.

Онъ требовалъ, чтобы студентамъ университета читали политическую экономію только по ветхозавѣтному Спраху, чтобы, изучая треугольникъ, говорили о тріединствѣ Божіемъ, объясняя кругъ, говорили о безконечности Божіей и т. д. Съ помощью школы онъ хотѣлъ повернуть назадъ колесо исторіи.

Какъ Магницкій, его нынѣшнія духовныя дѣти хотятъ съ помощью школы задержать бѣгъ развитія, пріостановить движеніе мысли, закупорить мозги, замедлить распространеніе идей въ народныхъ массахъ. Къ счастію, будущее принадлежитъ не имъ. Прогрессивная педагогика будетъ построена не только на чувствѣ самосохраненія, а прежде всего на стремленіи къ развитію. Это стремленіе будетъ положено въ основу всего воспитанія и обученія, станетъ краеугольнымъ камнемъ всей педагогики, ея главнымъ и основнымъ принципомъ. Этотъ принципъ станетъ руководить каждымъ нашимъ шагомъ въ практической педагогической дѣятельности, онъ объединитъ всѣ отдѣльныя воспитательныя мѣры и станетъ воодушевлять всѣхъ работниковъ на поприщѣ воспитанія и обученія Педагоги будутъ смотрѣть на стремле-

ніе къ развитію, какъ на одну изъ характернѣйшихъ основныхъ особенностей, какъ на самую высшую цѣнность жизни, быть-можетъ, даже какъ на самую сущность жизни.

Истинное воспитаніе человѣка должно быть направлено на его стремленіе къ развитію. Тотъ, кто нахваталъ тьму свѣдѣній, перечиталъ массу книгъ, выучилъ весь энциклопедическій словарь, совершенно необразованъ, если онъ исказилъ стремленіе къ развитію и потерялъ интересъ къ научному знанію. И, наоборотъ, тотъ, кто не можетъ похвалиться особенно большими знаніями, но зато страстно и вполнѣ сознательно стремится развить свой умъ и свою волю, долженъ быть признанъ образованнымъ человѣкомъ. Всякое знаніе, всякое новое впечатлѣніе получаетъ цѣну лишь тогда, когда оно содѣйствуетъ правильному развитію.

Будущее, несомнѣнно, принадлежитъ людямъ, которые вполнѣ сознательно поставятъ во главу угла не всѣми сознанное теперь, хотя и присущее всѣмъ въ безсознательной формѣ стремленіе къ развитію, какъ своей личности, такъ и всего человѣческаго рода.

Педагоги будутъ смотрѣть на ребенка, какъ на носителя драгоцѣннаго стремленія къ развитію, которому они должны помогать. Цѣль педагога будетъ состоять не въ томъ, чтобы преобразовать ребенка во взрослаго человѣка, сообразно съ заранѣе данными нормами, а въ томъ, чтобы изучить ребенка, опредѣлить направленіе его стремленія къ развитію, узнать его наслѣдственныя и пріобрѣтенныя свойства и силы и помочь ихъ развитію, удаляя отъ ребенка всё то, что мѣшаетъ его правильному развитію, и создать благопріятную обстановку для развитія всѣхъ его здоровыхъ стремленій.

У Диккенса маленькій Павелъ Домби на вопросъ: не сдѣлать ли изъ него человѣка? отвѣтилъ: «Нѣтъ, я предпочитаю быть ребенкомъ». И нельзя яснѣе и конкретнѣе выразить требованія новой педагогики, какъ это безсознательно сдѣлалъ маленькій Домби. Ребенокъ долженъ быть ребенкомъ. Мы должны признать за нимъ такое же право на нормальные интересы своего возраста, какое мы признаемъ за взрослыми на ихъ законные интересы [1]).

Новая педагогика требуетъ, чтобы просвѣщенный педагогъ руководился не программами и объяснительными записками, составленными въ министерскихъ кабинетахъ, а наблюдалъ жизнь дѣтей, ихъ развитіе, ихъ интересы, наклонности и стремленія, и съ своими наблюденіями соображалъ и матеріалъ, и пріемы преподаванія и воспитанія, не отрѣшаясь, конечно,

---

[1]) Это требованіе находитъ свое оправданіе даже въ біологіи. Взрослой лягушкѣ совсѣмъ не нуженъ хвостъ, которымъ обладаетъ головастикъ; но если отрѣзать у головастика хвостъ, то это вредно отразится не только на здоровьѣ самого головастика, но и на развитіи его взрослой формы.

отъ современныхъ общественныхъ идеаловъ и отъ выводовъ изъ тѣхъ отраслей знаній, какіе имѣютъ прямое отношеніе къ педагогикѣ.

Въ видахъ наилучшаго наблюденія надъ дѣтьми, новый учитель не будетъ свысока смотрѣть на игры и развлеченія дѣтей, на ихъ дѣтскіе интересы; напротивъ, онъ войдетъ въ самую гущу ихъ жизни и не какъ повелитель или распорядитель, а какъ участникъ и совѣтникъ, способный внести живую струю въ дѣтскую жизнь

Не субстанціи, не абсолютъ, не вещь въ себѣ, не ноумены, не потусторонній міръ, не трансцендентная метафизика и никакія другія неподвижныя догмы должны лежать въ основѣ педагогики; она должна быть основана на реальной дѣйствительности, на наблюденіяхъ и опытѣ и прежде всего на наблюденіяхъ надъ дѣтьми, надъ тѣмъ, какъ проявляется ихъ естественное стремленіе къ развитію, какъ оно измѣняется подъ вліяніемъ возраста, пола, тѣхъ или другихъ явленій во внѣшней средѣ и т. п.

Новая педагогика не станетъ требовать одного шаблона и одной программы для всѣхъ дѣтей. Она будетъ исходить изъ того положенія, что способности дѣтей различны, и что стремленія ихъ къ развитію также не тождественны. Теперь нельзя уже утверждать, какъ это дѣлалъ Локкъ, будто всѣ люди родятся съ одинаковыми способностями и всё зависитъ только отъ одного воспитанія. Ни одинъ ребенокъ не тождественъ съ другимъ. Каждый изъ нихъ unicum въ своемъ родѣ. Каждый изъ нихъ не копія, а оригиналъ. Каждый одаренъ различными способностями, въ различныхъ сочетаніяхъ и въ различныхъ степеняхъ. Притомъ даже одна и та же способность у одного проявляется въ одномъ возрастѣ, а у другого—въ другомъ. Не одинаково дѣйствуетъ на нихъ даже совершенно одинаковая обстановка. На одного ребенка производятъ впечатлѣнія одни явленія, а на другого—другія. Одного болѣе интересуютъ зрѣлища, а другого—звуки. Даже родные братья, даже близнецы иногда очень рѣзко отличаются одинъ отъ другого во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя найти хотя бы двухъ дѣтей, у которыхъ была бы совершенно одинаковая исторія ихъ души: всегда найдется разница въ наслѣдственности, разница въ условіяхъ развитія и въ личныхъ переживаніяхъ. У каждаго свое стремленіе къ развитію, на которомъ отразились и исторія его предковъ и его личныя переживанія.

Стремленіе къ развитію не есть нѣчто, однажды навсегда данное ребенку. Оно опредѣляется не только наслѣдственностью, оно направлено не только къ повторенію нѣкоего стереотипа расовыхъ признаковъ, не только фамильныхъ, наслѣдственныхъ свойствъ; но оно вноситъ въ жизнь свою долю новаго, оригинальнаго, личнаго, того, чего еще не было ни у одного предка, ни въ семьѣ, ни даже въ цѣлой расѣ. Задатки

этого новаго и оригинальнаго ребенокъ приноситъ въ жизнь еще при рожденіи; но онъ развиваетъ прирожденныя оригинальныя черты уже подъ вліяніемъ внѣшней среды, включая сюда и общество, и школу, и воспитаніе, подъ вліяніемъ опыта и всѣхъ личныхъ переживаній. Подъ воздѣйствіемъ внѣшней среды въ ребенкѣ точно такъ же возникаютъ стремленія не только къ шаблонному развитію, типичному для всѣхъ людей его расы и его класса; но еще и къ развитію индивидуальныхъ, ему одному принадлежащихъ свойствъ въ ихъ своеобразныхъ сочетаніяхъ, ни у кого другого не повторяющихся вполнѣ точно. И всё это вмѣстѣ объединено въ одно нераздѣльное живое цѣлое, индивидуальное, не скопированное, а оригинальное. И какъ бы смутно ни было въ ребенкѣ стремленіе къ развитію, оно вполнѣ индивидуально. Каждый стремится къ развитію по-своему.

Отсюда неисчерпаемая способность расы ко всевозможнымъ измѣненіямъ и въ томъ числѣ къ прогрессивному развитію. И, стало-быть, кто пренебрегаетъ индивидуальными стремленіями къ развитію, тотъ задерживаетъ прогрессивное развитіе расы.

Въ виду этого, новая педагогика требуетъ, чтобы школьное образованіе было достаточно эластично, чтобы оно давало просторъ здоровымъ, ясно выраженнымъ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго ученика. Всё положительное, цѣнное изъ личныхъ дарованій и наклонностей, какъ бы оригинально оно ни было, должно быть развито. Идеальнымъ воспитаніемъ было бы, если бы дѣти воспитывались въ идеальной средѣ, которая будила бы только одни хорошіе (но зато *всѣ* хорошія) стремленія и задатки, и не возбуждала бы дурныхъ пережитковъ, атавистическихъ наклонностей и задатковъ, бывшихъ полезными для нашихъ отдаленныхъ предковъ, но ставшихъ вредными въ нашъ вѣкъ.

При этомъ существенно важно имѣть въ виду не столько отдѣльныя временныя, нерѣдко очень быстро, какъ въ калейдоскопѣ, мѣняющіяся стремленія ребенка, а уловить самое основное, наиболѣе устойчивое его стремленіе, ту красную нить, которая проходитъ чрезъ всѣ его временныя увлеченія, то оригинальное, что обусловливаетъ индивидуальность ребенка, что станетъ центромъ, объединяющимъ всѣ его интересы и наклонности. При этомъ придется брать въ расчетъ и тѣ стремленія, какія проявились раньше, и тѣ, какія проявились теперь, и на основаніи предыдущаго предвидѣть, по возможности, то, что пока еще ждетъ своего проявленія въ будущемъ. Это сдѣлать нелегко. Воспитаніе — это самое трудное изъ искусствъ, и притомъ требующее беззавѣтной любви къ ребенку. И сейчасъ на этомъ пути стоятъ непреодолимыя преграды въ видѣ шаблонныхъ программъ, экзаменовъ, всевозможныхъ формальностей, господствующихъ въ

школѣ и идущихъ въ школу извнѣ, а школьныя требованія не могутъ не отразиться и на семейномъ воспитаніи. Но когда-нибудь эти преграды будутъ снесены и тогда педагогъ будетъ художникомъ своего дѣла, и, какъ художникъ, проникнетъ въ основное господствующее индивидуальное стремленіе ребенка и положитъ его въ основу своей работы.

Дѣйствуя такимъ образомъ, школа будущаго станетъ служить ко благу и самого ученика и общества, въ которомъ ему придется жить, когда онъ вырастетъ. Большое благо сознавать, что мы не являемся шаблонными стереотипными копіями, а представляемъ изъ себя и нѣчто своеобразное. Большое благо работать тамъ, куда влекутъ насъ и наши преобладающія стремленія и наши индивидуальныя способности. Хорошо и тому обществу, гдѣ на каждомъ общественномъ и трудовомъ посту стоятъ люди, любящіе свое дѣло, считающіе его своимъ призваніемъ. Тамъ не пропадаютъ самыя цѣнныя богатства, какія только есть въ мірѣ—людскія дарованія. Тамъ наилучшія условія для поступательнаго движенія впередъ.

Старая педагогика, разсматривающая ребенка лишь какъ матеріалъ для развитія, заботилась только объ одномъ: *научить*; новая педагогика должна заботиться о томъ, чтобы ребенокъ *хотѣлъ научиться*. Старые педагоги учили дѣтей языкамъ, наукамъ, искусствамъ, правильному мышленію, правильной рѣчи, хорошему вкусу. Ребенокъ былъ для нихъ матеріаломъ для обработки, а сами они мастерами; въ лучшемъ случаѣ ребенокъ былъ существомъ, предназначеннымъ для дрессировки, а учитель чѣмъ-то въ родѣ Анатолія Дурова, воспитывающаго для сцены своихъ свиней, собакъ и мышей. Новые педагоги, зная, что главное дѣло въ стремленіи самого ребенка къ развитію, прежде всего будутъ заботиться, чтобы ребенокъ самъ захотѣлъ изучить языки, науки и искусства, самъ стремился выработать правильное мышленіе, правильную рѣчь и хорошіе вкусы.

Если старая школьная педагогика отвѣчала только на одинъ вопросъ: что долженъ знать и умѣть ученикъ такого-то возраста и такого-то класса, то новая педагогика постарается отвѣтить на другой вопросъ: что въ данный моментъ лучше всего отвѣчаетъ естественному и нормальному стремленію ребенка къ развитію. Если оффиціальная школьная педагогика основывала все обученіе на послушаніи, то новая педагогика оснуетъ все обученіе и воспитаніе на естественномъ стремленіи ребенка къ прогрессивному развитію и на его интересахъ, какъ выразителяхъ этого стремленія.

Старая педагогика изобрѣла только одно чисто-внѣшнее побужденіе къ послушанію и къ занятіямъ—экзамены и дипломы. Удовлетворительно выдержанный экзаменъ и дипломъ даютъ желанное право не заниматься больше науками и язы-

ками, обозначенными въ дипломѣ, и обыкновенно знаменуютъ прекращеніе дальнѣйшей научной работы. Новая педагогика не будетъ нуждаться ни въ экзаменахъ, ни въ дипломахъ, ни въ наградахъ, ни въ наказаніяхъ и ни въ какихъ внѣшнихъ искусственныхъ стимулахъ; она станетъ культивировать только внутренніе стимулы, вытекающіе изъ естественнаго стремленія къ развитію, и основываться только на нихъ.

То, что въ области нравственности было провозглашено еще Вольфомъ, поставившимъ на мѣсто незыблемыхъ догмъ человѣческое совершенствованіе, новая педагогика должна поставить въ основу воспитанія. Сюда можно было бы примѣнить слова, сказанныя когда-то Лессингомъ о томъ, что если бы передъ нимъ въ одной рукѣ держали поиски за истиной, а въ другой—самую истину и предложили бы ему то или другое на выборъ, то онъ предпочелъ бы путь къ истинѣ самой истинѣ.

Новая педагогика сброситъ съ плечъ ученика весь ненужный багажъ устарѣлыхъ требованій, весь балластъ знаній, потерявшихъ въ нашъ вѣкъ всякій педагогическій интересъ и всякое значеніе; она пойдетъ за современной жизнью и естественными здоровыми стремленіями самого ученика, будетъ развивать въ немъ жажду все новыхъ и новыхъ знаній, соотвѣтствующихъ потребностямъ и идеаламъ вѣка. Она не дастъ ему полныхъ исчерпывающихъ современную науку знаній, но она пріоткроетъ завѣсу, скрывающую знанія, укажетъ путь, а главное—возбудитъ умственный голодъ въ ребенкѣ. Ея лозунгомъ будетъ: Все—для гармоническаго развитія нормальныхъ природныхъ задатковъ ребенка, соотвѣтственно со стремленіями ребенка къ прогрессивному развитію, все—добровольными усиліями самого ребенка и ничего насиліемъ.

Изъ всѣхъ современныхъ идей я не знаю ни одной, которая бы возбуждала такое страстное и все возрастающее желаніе изслѣдовать дѣтскую природу до самыхъ глубокихъ ея корней и кореннымъ образомъ перерѣшить педагогическія проблемы, какъ эта увѣренность въ присущее ребенку стремленіе къ развитію.

Этой идеѣ принадлежитъ будущее, потому что она толкаетъ людской родъ все впередъ и впередъ по пути прогрессивнаго развитія, а современная жизнь показала, что народы, выступившіе на дорогу прогресса, богаче, умнѣе, просвѣщеннѣе, здоровѣе, нежели отсталые народы. Идеи же, служащія на пользу людямъ, выживаютъ, развиваются и распространяются, а идеи вредныя и безполезныя исчезаютъ.

Стремленіе къ развитію отличается отъ многихъ другихъ стремленій тѣмъ, что оно совпадаетъ съ тѣмъ направленіемъ, въ какомъ дѣйствуетъ сама природа. Есть стремленія химе-

рическія, противорѣчащія законамъ природы и жизни. Таковы были, напримѣръ, стремленія аскетовъ, скопцовъ и проч. Люди, одержимые фантастическими стремленіями, хотятъ уйти изъ реальнаго міра въ область мечты, призраковъ разнузданнаго воображенія. Таковы, напримѣръ, крайности романтизма и современнаго символизма. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно ставятся совершенно неосуществимыя, фантастическія цѣли. Послѣдствія такихъ стремленій извѣстны. Химерическія стремленія, грезы и утопіи направляютъ людскія силы въ одну сторону въ то время, какъ вся жизнь идетъ въ противоположную. И, конечно, жизнь оказывается сильнѣе и остается побѣдительницей, а носители противоестественныхъ стремленій путемъ нелѣпыхъ противорѣчій, неудачъ, раздвоеній мысли и слова съ дѣломъ приходятъ къ разочарованію и пессимизму, когда убѣждаются, что то, во что они вѣрили и къ чему стремились (быть-можетъ, горячо и страстно) нигдѣ не могло быть и никогда не можетъ быть осуществлено въ дѣйствительности. Допустимъ даже, что нѣкоторыя изъ этихъ химеръ возвышенны и благородны, но если онѣ не естественны и недостижимы, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, то педагогъ, писатель или проповѣдникъ, внушающіе такія иллюзорныя стремленія, приносятъ большой вредъ, какъ потому, что отвлекаютъ человѣческія силы отъ реальной жизни и дѣятельности, такъ еще и потому, что обрекаютъ своихъ послѣдователей на разочарованіе, отчаяніе и пессимизмъ.

Намъ скажутъ, что такія химеры не могутъ остановить прогресса потому, что естественный отборъ, безжалостное колесо исторіи все равно—рано или поздно, но уничтожитъ всѣ фантастическія стремленія, всѣ грезы, безпочвенныя мечтанія, несогласованныя съ законами природы. Это правда, но чего это будетъ стоить. Протрезвленіе съ такого похмелья обходится очень дорого. Если бы счесть, сколько труповъ (не говоря уже о трагедіяхъ всякаго другого рода) стоили такія химеры, то передъ этими жертвами поблѣднѣли бы всѣ ужасы инквизиціи.

Совсѣмъ не таковы истинныя, нормальныя стремленія къ развитію. Мы видѣли выше, что нѣтъ ничего болѣе естественнаго, болѣе согласнаго съ законами природы и жизни, какъ эти стремленія. Если мы будемъ тщательно избѣгать того, что не можетъ быть осуществимо по законамъ природы, то какъ бы высоко мы ни поднимались въ нашихъ идеалахъ развитія, они могутъ оказаться иногда отдаленными, иногда неполными, иногда ошибочными въ частностяхъ, но, несомнѣнно, что жизнь осуществитъ когда-нибудь столько же высокіе идеалы развитія, хотя, быть-можетъ, и не тѣ самые, какіе лелѣемъ мы теперь. А отъ этого сознанія очень далеко и до того разочарованія и пессимизма, до котораго всегда доводятъ химерическіе идеалы, взятые изъ области иллюзіи

и мечты, изъ царства сказокъ и фантастическихъ тѣней. Общимъ правиломъ для педагога должно быть слѣдующее: чѣмъ ближе наше стремленіе къ развитію подходитъ къ законамъ эволюціи самой жизни, чѣмъ больше точекъ совпаденія у нашихъ идеаловъ съ тѣмъ направленіемъ, въ какомъ прогрессируетъ сама жизнь, тѣмъ прямѣе и короче нашъ путь къ самымъ возвышеннымъ идеаламъ, тѣмъ меньше окольныхъ обходовъ намъ предстоитъ сдѣлать, тѣмъ быстрѣе пойдетъ наше развитіе, тѣмъ вѣрнѣе компасъ, указывающій намъ дорогу, тѣмъ меньше риска на нашемъ пути.

Я знаю, что иногда въ погонѣ за легкой осуществимостью можно слишкомъ сузить свои стремленія, страха ради передъ препятствіями. И хотя здѣсь несомнѣнная выгода въ томъ, что при скромныхъ заданіяхъ мы почти никогда не рискуемъ пережить разочарованій, но зато на этомъ слишкомъ скромномъ пути насъ ожидаютъ другія опасности. Реальность стремленій далеко не тождественна съ ихъ узостью и боязливымъ къ нимъ отношеніемъ. Нельзя не вѣрить въ прогрессъ всего человѣчества, но это совсѣмъ не значитъ, что все идетъ прекрасно «въ этомъ лучшемъ изъ міровъ», и что можно положиться на непреложные законы развитія и сидѣть сложа руки. Во-первыхъ, развитіе, даже въ средѣ людей, бываетъ различныхъ типовъ и въ томъ числѣ регрессивныхъ, а во-вторыхъ, нельзя смѣшивать стремленія къ развитію съ правильнымъ его осуществленіемъ, потому что для реализаціи его необходимы благопріятныя условія. Законъ прогрессивнаго развитія обусловливается тѣмъ, что въ силу естественнаго отбора выживаютъ лучшіе, наиболѣе активные, разумные, передовые народы, а отсталые, пассивные, недовольно умные гибнутъ.

Больше этого. Быть-можетъ, вышеупомянутый законъ Дарвина представляетъ только одинъ изъ факторовъ прогресса даже въ животномъ мірѣ. Ламаркисты, напримѣръ, признаютъ факты прямого приспособленія, установленнаго наблюденіемъ даже среди животныхъ. А о человѣкѣ нечего и говорить. На этой ступени естественный отборъ является, несомнѣнно, только однимъ изъ факторовъ развитія. Естественный отборъ оставляетъ организму скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль: уступать свое мѣсто болѣе приспособленнымъ; но человѣкъ развивается не только пассивно, но, главнымъ образомъ, активно. Интеллигентный человѣкъ дѣлаетъ сознательныя усилія, чтобы поднять себя на слѣдующую ступень развитія. Онъ дѣлаетъ попытки, какъ объ этомъ будетъ рѣчь ниже, овладѣть самимъ закономъ наслѣдственности и отбора, чтобы улучшить расу. А если такъ, то, значитъ, человѣкъ поднялся выше этого закона и съ полнымъ сознаніемъ дѣлаетъ его средствомъ для удовлетворенія своего естественнаго стремленія къ развитію.

А если такъ, то тѣмъ болѣе мы должны высоко-сознательно и активно, а отнюдь не пассивно, стремиться къ развитію. Объ этомъ особенно надо памятовать въ такой странѣ, какъ наша. Дѣло въ томъ, что стремленіе къ развитію у насъ вполнѣ сознается только горсткою интеллигентныхъ людей, а вся остальная масса, и притомъ сильная не только большинствомъ, но иногда и своею властью и своимъ богатствомъ, а иногда беззастѣнчивостью и неразборчивостью въ средствахъ, движимая либо вѣковыми предразсудками, либо узкими эгоистическими или классовыми интересами, сознательно или безсознательно принадлежитъ къ регрессивному типу развитія, стремится назадъ, а не впередъ и ставитъ всякіе тормозы на пути къ прогрессивному развитію. А если столько людей и съ такою силою тянутъ возъ назадъ, то надо, чтобы были другіе люди, которые бы тянули этотъ же возъ впередъ какъ можно стремительнѣе. И правъ поэтъ, когда онъ говоритъ: «Кто хочетъ сдѣлать шагъ, готовься къ ста шагамъ».

Исторія показываетъ, что цѣли, считавшіяся коснымъ большинствомъ страшно опасными и революціонными, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ самымъ мирнымъ образомъ осуществлялись на дѣлѣ и тогда само большинство охотно мирилось съ ними. Что сдѣлало бы русское правительство съ человѣкомъ, который до Крымской кампаніи, при Николаѣ I громко сталъ бы агитировать за отмѣну крѣпостного права? Говорятъ, что рабство было прогрессивнымъ шагомъ въ тотъ моментъ (вѣроятно, не менѣе 1000 лѣтъ тому назадъ), когда оно замѣнило пожираніе и убійство военно-плѣнныхъ. Стало-быть, крѣпостники половины XIX вѣка, защищавшіе крѣпостное право, отставали отъ своего времени, по крайней мѣрѣ, на тысячелѣтіе, если не больше. Что сдѣлало бы правительство въ концѣ XIX вѣка съ тѣми, кто сталъ бы агитировать за русскую конституцію, хотя бы въ скромныхъ предѣлахъ манифеста 17 октября. Говорятъ, что абсолютизмъ былъ въ свое время (сотни лѣтъ тому назадъ) тоже прогрессивнымъ явленіемъ; и, стало-быть, люди, защищавшіе тогда и защищающіе теперь абсолютизмъ, отстаютъ отъ вѣка на цѣлыя столѣтія. Если сосчитать людей, живущихъ предразсудками среднихъ вѣковъ, то такихъ и сейчасъ окажется очень много. Съ другой стороны, и сейчасъ, навѣрное, много есть идей, которыя господствующимъ большинствомъ считаются крайне преступными и разрушительными, но въ ближайшемъ будущемъ, быть-можетъ, станутъ признаны всѣми, какъ справедливыя и осуществимыя. Но если косное большинство отстаетъ отъ вѣка на такую ужасающую дистанцію, то насколько же впереди долженъ быть сознательный авангардъ человѣчества, чтобы уравновѣсить косность большинства. Чѣмъ сильнѣе тормозъ, тѣмъ энергичнѣе долженъ быть напоръ.

Благодаря этой косности массы, еще недостаточно сознавшей стремленіе къ развитію, наша страна хотя и двигается впередъ, но двигается слишкомъ медленно. Ея остановки слишкомъ велики; ея попятныя движенія слишкомъ часты. Для прогресса потеряны цѣлые вѣка, между тѣмъ окружающая жизнь осложняется; ее необходимо догонять, и всякія запаздыванія могутъ кончиться страшной катастрофой. А чтобы наверстать эти опаздыванія, потерянные вѣка, необходимо ускорить бѣгъ развитія.

Конечно, мы не должны ставить себѣ противныхъ природѣ, фантастическихъ, никогда и ни при какихъ условіяхъ недостижимыхъ цѣлей; но это не обязываетъ насъ суживать эти цѣли. Напротивъ, мы должны на своемъ знамени писать возможно высокія изъ всѣхъ достижимыхъ цѣлей.

И педагогъ, ставящій въ основу воспитанія стремленіе ребенка къ развитію, будетъ носить въ своей душѣ идеалы достижимые, но достаточно высокіе для своего вѣка. Онъ будетъ строго держаться требованій постепенности, онъ не будетъ предлагать ребенку ничего непосильнаго; онъ будетъ избѣгать всякихъ скачковъ; и, тѣмъ не менѣе, онъ будетъ имѣть своею путеводною звѣздою, своимъ маякомъ цѣль, хотя и реальную, но возвышенную и, во всякомъ случаѣ, прогрессивную, а не ретроградную..

Мы знаемъ, что насъ могутъ обвинить въ субъективизмѣ, и не боимся этого обвиненія. Такія понятія, какъ стремленіе, потребность и проч., конечно, понятія субъективныя. Мы знаемъ о нихъ путемъ самосознанія, самонаблюденія и лишь затѣмъ только по аналогіи переносимъ свои стремленія и потребности и на другихъ людей, приписывая и имъ приблизительно тѣ же стремленія, потребности и внутренніе стимулы, какіе находимъ въ самихъ себѣ.

Но для насъ очень важно въ данномъ случаѣ то, что о стремленіи человѣческой природы къ развитію говорятъ и данныя біологіи и исторіи. Конечно, они говорятъ о стремленіи не въ смыслѣ субъективнаго переживанія, а въ смыслѣ объективнаго направленія ряда явленій, объединяемыхъ въ одно понятіе развитія. Объективно мы говоримъ о тенденціи и стремленіи къ развитію въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорится, что зеленыя части растенія стремятся къ свѣту, а корни растенія стремятся внизъ.

Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ только о безстрастномъ обобщеніи холодныхъ наблюденій безъ всякаго участія чувства, о выводахъ, далекихъ отъ нашихъ личныхъ переживаній и отъ аналогій съ послѣдними.

Но когда мы смотримъ на это стремленіе съ субъективной точки зрѣнія, оно окрашивается всѣмъ тѣмъ, что можетъ

вложить въ него чувство, воля и сознаніе, и дѣлается несравненно богаче и цѣннѣе для насъ, становится близкимъ, роднымъ для нашего сердца. А такъ какъ педагогическая дѣятельность требуетъ отъ насъ столько же ума, сколько и сердца, то педагогу не должна быть чужда и эта субъективная точка зрѣнія.

Мы далѣе заключаемъ, что субъективное и объективное представленіе о стремленіи къ развитію—это лишь двѣ разныя точки зрѣнія на одно и то же явленіе. Это похоже на то, какъ незнакомый намъ плодъ представляется намъ по-разному, смотримъ ли мы на него глазами, или ѣдимъ и узнаемъ его вкусъ и т. д.

Намъ скажутъ, что стремленіе къ развитію—это обобщеніе фактовъ. Да, стремленіе къ развитію—это—какъ увидимъ ниже—обратное заключеніе изъ опыта и многочисленныхъ наблюденій; это общій выводъ изъ огромной массы фактовъ. Но вѣдь и чувство самосохраненія—тоже обобщеніе, и половые инстинкты—тоже обобщеніе, и еще большее обобщеніе—эгоизмъ и общественныя чувства...

Кромѣ наблюденій и опытовъ въ жизни и въ наукѣ, необходимы еще и обобщенія и отвлеченія. Мы должны искать въ извѣстныхъ намъ разнообразныхъ, измѣнчивыхъ и пестрыхъ фактахъ данной категоріи заключающіеся въ нихъ и общіе имъ всѣмъ, повторяющіеся, сходные элементы, а найдя, извлечь ихъ оттуда, отдѣлить общее, сходное и повторяющееся отъ частнаго и индивидуальнаго, вынести это общее, такъ сказать, за скобки, какъ математикъ выноситъ за скобки общій множитель, изолировать это общее, выразить его, какъ одну общую идею, законъ или принципъ для даннаго порядка явленій.

Общее же есть только то, что повторяется во всѣхъ данныхъ индивидуальныхъ случаяхъ безъ исключенія. Пастеръ, найдя во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ сибирской язвы опредѣленную бактерію, сдѣлалъ геніальное обобщеніе. И такое обобщеніе очень часто становится не только самою типическою для данныхъ фактовъ чертою, но нерѣдко и самою основною, изъ которой мы выводимъ всѣ остальныя свойства данной группы явленій.

Такъ, напримѣръ, беллетристъ, выдѣливъ изъ характера знакомыхъ ему скупцовъ одну общую черту—жажду накопленія, выводитъ изъ этого качества всѣ остальныя. Такъ поступаетъ математикъ, выводя всѣ свойства пропорціи изъ одного основного закона. Такъ поступаетъ зоологъ, выводя всѣ свойства хищнаго животнаго и строенія его тѣла изъ устройства органовъ, служащихъ для добыванія пищи.

Наука почти всегда интересуется только тѣмъ, что въ изслѣдуемыхъ ею фактахъ какого-нибудь одного порядка есть общаго и повторяемаго, а не тѣмъ, что въ нихъ случайно и

не повторяется. Она имѣетъ дѣло съ законами природы, а что такое законъ, какъ не обобщеніе правильно повторяющихся явленій. Только то, что повторяется, что можно обобщить, только то и цѣнно, существенно и важно въ научномъ отношеніи и можетъ имѣть широкое практическое примѣненіе; все случайное, не повторяющееся научнаго значенія не имѣетъ.

Самая высокая степень общности и будетъ наиболѣе цѣнной для науки. Что можетъ быть болѣе общимъ, какъ законы вѣчности матеріи и сохраненія энергіи или принципъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, законъ наименьшаго сопротивленія, и въ то же время, что можетъ быть болѣе существенно въ наукѣ о природѣ, какъ эти законы и принципы. Такіе принципы даютъ направленіе наукѣ, прокладываютъ широкія дороги для новыхъ изслѣдованій. Такія обобщенія въ точныхъ наукахъ позволяютъ дѣлать предсказанія, какъ, напримѣръ, въ астрономіи и отчасти въ метеорологіи.

III. Очевидно, что всего яснѣе стремленіе къ развитію проявляется въ его сознательной формѣ.

Ниже мы приведемъ примѣры изъ біографій выдающихся людей, откуда ясно будетъ видно, что въ извѣстномъ возрастѣ появляется уже вполнѣ сознательное стремленіе къ развитію. Но каждому изъ насъ и изъ личныхъ переживаній извѣстно, что это стремленіе на извѣстной ступени развитія начинаетъ освѣщаться сознаніемъ.

Ребенокъ нерѣдко сознательно стремится развить въ себѣ тѣ или другія способности, съ успѣхомъ изучить какой-нибудь иностранный языкъ, какой-нибудь предметъ въ родѣ математики, ботаники, географіи, исторіи, научиться хорошо писать, говорить, играть на скрипкѣ и т. п. То же стремленіе къ развитію только въ болѣе сознательной формѣ мы встрѣчаемъ у юноши, когда онъ сочиняетъ стихи, со страстью занимается какой-нибудь отраслью искусства или знанія, когда онъ работаетъ съ микроскопомъ или телескопомъ, или съ циркулемъ, скальпелемъ и т. п., когда онъ споритъ, участвуя въ товарищескихъ собраніяхъ, когда онъ читаетъ, когда онъ путешествуетъ. Конечно, здѣсь играютъ роль и многія другія соображенія (иногда карьеризмъ, иногда желаніе быть полезнымъ народу, иногда честолюбіе и т. п.); но главнымъ и основнымъ двигателемъ и здѣсь является на этотъ разъ болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ развитію тѣхъ или другихъ заложенныхъ въ насъ природою задатковъ. Вѣроятно, юноша увлекался бы даннымъ предметомъ даже тогда, если бы зналъ, что эти занятія не принесутъ никакой пользы ни ему самому, ни другимъ людямъ, не дадутъ ему ни славы, ни почестей. Когда настаетъ время для пробужденія какой-нибудь преобладающей способности, она властно требуетъ отъ насъ простора

и всѣхъ необходимыхъ условій для своего развитія и направляетъ наше вниманіе туда, куда влечетъ его проявившаяся потребность. Когда, напримѣръ, въ подросткѣ или юношѣ начинаетъ первенствовать способность къ дедуктивному мышленію, онъ можетъ со страстью отдаться изученію геометріи. Еще чаще тѣ же причины направляютъ молодежь къ изученію общественныхъ вопросовъ. Это стремленіе заставляетъ нашихъ юношей и дѣвушекъ не довольствоваться гимназической учебой и искать въ книгахъ и кружкахъ самообразованія тѣхъ свѣдѣній о современной жизни и ея теченіяхъ, съ какими не знакомитъ ихъ школа.

Особенно ярко проявляются и требуютъ своего развитія въ этомъ возрастѣ двѣ способности: во-первыхъ, критическая жилка: юноша не хочетъ ничего принимать на вѣру, онъ хочетъ провѣрить основы всѣхъ общепринятыхъ мнѣній; съ необычайной дерзостью онъ разрушаетъ всѣ установленные авторитеты; это возрастъ нигилистовъ по отношенію къ традиціямъ. Въ этомъ возрастѣ люди моего поколѣнія зачитывались «Отцами и дѣтьми» Тургенева и Писаревымъ, возводили на пьедесталъ Базарова и подражали ему. Но, какъ и самъ Базаровъ и Писаревъ, они ниспровергали «Монбланы и Казбеки» не для разрушенія, а для того, чтобы расчистить мѣсто для своихъ идеаловъ. И потому юность—это время не только разрушенія старыхъ, но и время построенія новыхъ идеаловъ. Юноша страстно ищетъ смысла жизни, цѣли, достаточно высокой для того, чтобы стоило для нея жить и работать. Вотъ почему юность характеризуется такимъ страстнымъ стремленіемъ къ наукѣ, либо къ техникѣ, либо къ искусству, либо къ общественной дѣятельности.

Не даромъ стало почти трюизмомъ, что жизнь выдающагося человѣка—это осуществленіе стремленій юноши. Стэнли Холлъ собралъ большой матеріалъ, подтверждающій это положеніе. Не даромъ мы такъ часто встрѣчаемъ случаи, когда юноши играютъ видную роль въ общественныхъ, умственныхъ и религіозныхъ движеніяхъ. Изъ учениковъ Христа—юноши Іоаннъ и Іаковъ занимали выдающееся мѣсто. Сократъ былъ окруженъ молодежью, съ которою любилъ бесѣдовать. Въ нѣкоторыхъ общественныхъ движеніяхъ въ Европѣ и особенно у насъ, въ Россіи, юношество едва ли не занимаетъ перваго по численности мѣста.

И благо юношѣ, если его руководители сумѣютъ предоставить ему доброкачественный матеріалъ для удовлетворенія его естественныхъ стремленій.

Стремленіе къ развитію и на этой ступени точно такъ же, какъ и на всѣхъ предыдущихъ, нерѣдко вступаетъ въ конфликтъ съ внѣшними условіями и правилами. Какъ много талантовъ погибло въ зародышѣ, вслѣдствіе того, что семья, школа и окружающая среда подавляютъ оригинальные запросы

дѣтей, выдвигая на первый планъ свои строго опредѣленныя шаблонныя требованія, не считаясь съ особенностями ребенка, его вкусами, интересами, пробудившимися въ данный моментъ стремленіями къ развитію тѣхъ или другихъ способностей. Все, что не подходитъ подъ школьный шаблонъ, все, что не отвѣчаетъ заранѣе намѣченной цѣли, къ которой семья рѣшаетъ вести ребенка, строго запрещается и преслѣдуется. Происходитъ неравная борьба, съ одной стороны, между стремленіями (нерѣдко вполнѣ законными) беззащитнаго и слабаго ребенка, а съ другой—со стороны взрослыхъ, вооруженныхъ всею полнотою власти. Въ этой борьбѣ нерѣдко до крайняго предѣла напрягаются нервы ребенка, его задергиваютъ своимъ постояннымъ и излишнимъ вмѣшательствомъ въ каждый его самостоятельный шагъ. Изъ этой борьбы выходятъ побѣдителями, да и то очень рѣдко и притомъ страшно дорогою цѣною, только наиболѣе энергичныя и одаренныя дѣти. Въ этихъ случаяхъ педагоги, быть-можетъ, встрѣчаясь съ непривычнымъ сопротивленіемъ, въ своемъ раздраженіи нерѣдко теряютъ безпристрастіе и даютъ несправедливо рѣзкіе отзывы о своихъ даровитыхъ ученикахъ. Какъ часто педагоги аттестовали тупицами, идіотами и бездарностями тѣхъ дѣтей и юношей, которые затѣмъ стали гордостью и славою своей родины. Эта участь постигла и Ньютона, и Шеридана, Пастера, Либиха, Майера и нашего Гоголя, Бѣлинскаго и проч. Всего естественнѣе объяснить это явленіе тѣмъ, что великіе люди, будучи школьниками, обыкновенно проявляютъ рѣзкую оппозицію по отношенію къ шаблоннымъ программамъ и требованіямъ нашей школы.

И дѣйствительно, выдающіеся люди въ дѣтствѣ, представляясь либо тупицами, либо лѣнтяями по отношенію къ предметамъ, ихъ *неинтересующимъ*, нерѣдко въ то же самое время обнаруживаютъ *необыкновенную работоспособность* въ предметѣ, особо ихъ *интересующемъ*.

Чтеніе біографій такихъ людей показываетъ намъ, какъ много энергіи употребляли эти люди въ дѣтствѣ, чтобы ознакомиться съ интересующею ихъ отраслью знаній. Знаменитый Ньютонъ съ дѣтства со страстью увлекался механическими сооруженіями, въ родѣ мельницъ, водяныхъ часовъ и самоката. Фарадей перечитываетъ книги, отданныя ему для переплета. Самуилъ Морзе въ дѣтствѣ очень много читалъ, но не разбрасывался въ чтеніи, а подолгу сосредоточивался на какомъ-нибудь одномъ предметѣ, изучая его основательно. Либихъ, бывшій отчаяніемъ для своихъ гимназическихъ учителей, перешелъ изъ гимназіи въ аптеку, чтобы безпрепятственно производить опыты; и, получивъ доступъ въ библіотеку, онъ прочитываетъ всѣ безъ единаго исключенія книги по химіи, безъ всякаго разбора. Знаменитый сатирикъ и юмористъ Теккерей въ дѣтствѣ перечиталъ множество беллетристическихъ книгъ,

чутьемъ выбирая хорошія книги и нерѣдко проливая слезы при чтеніи трогательныхъ мѣстъ; онъ любилъ рисовать карикатуры и сочинять пародіи, но всею душою ненавидѣлъ греческій языкъ, геометрію и алгебру и относился крайне отрицательно къ школѣ, въ которой учился. Нашъ Державинъ, будучи гимназистомъ, имѣлъ пристрастіе къ рисованію и, по отзыву педагоговъ, отличался успѣхами только въ предметахъ, касающихся воображенія, и писалъ стихи. Никитенко еще въ дѣтствѣ со страстью читалъ все, что попадало ему подъ руку, и дѣлалъ выписки. В. Г. Короленко разсказываетъ, что въ дѣтствѣ онъ началъ разбирать книгу «Ѳомка изъ Сандоміра» почти по складамъ, но постепенно такъ заинтересовался ею, что къ концу книги читалъ уже довольно бѣгло. За этою повѣстью онъ просиживалъ цѣлые дни, а иногда и вечера, разбирая страницу за страницей.

Многіе изъ выдающихся людей выносили изъ школы, по ихъ собственному признанію, ненависть къ насилію и деспотизму и любовь къ свободѣ.

Самую жажду свободы, любовь къ ней и ненависть къ деспотизму можно вывести изъ стремленія къ развитію.

Всеобщее стремленіе и любовь къ свободѣ, за которую такъ страстно борются люди и во имя которой принесено столько жертвъ, является ничѣмъ инымъ, какъ необходимымъ средствомъ для осуществленія стремленія къ развитію. Каждый человѣкъ страстно хочетъ свободнаго проявленія своего стремленія къ развитію. Каждое препятствіе на этомъ пути возбуждаетъ гнѣвъ или печаль. То, что было достигнуто юношею вчера, то, что вчера вполнѣ соотвѣтствовало его развитію, — уже не удовлетворяетъ юношу сегодня. Онъ растетъ, развивается и требуетъ для своего развитія все большаго простора. И нѣтъ конца этому стремленію, нѣтъ предѣловъ для требованія свободы. Жажда развитія обусловливаетъ стремленіе къ безпрепятственному упражненію всѣхъ органовъ и силъ и въ то же время ненависть ко всѣмъ препонамъ, стоящимъ на пути къ этому развитію.

«Я никогда не могъ ужиться въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ все основано на стѣсненіяхъ и обязанностяхъ, — писалъ Ж.-Ж. Руссо про себя самого.—Моя независимая натура дѣлала меня неспособнымъ къ такому подчиненію, которое необходимо для всякаго, желающаго жить съ людьми».

А его біографія не только подтверждаетъ это заявленіе, но показываетъ, что свобода была нужна ему для безпрепятственнаго удовлетворенія его стремленія къ развитію.

Я знаю, что при словѣ «свобода развитія» у многихъ Передоновыхъ, этихъ «людей въ футлярѣ», возникнутъ всевозможные страхи. По этому поводу, быть-можетъ, припомнятъ Раскольникова, Санина и лигу любви. Но всѣ эти ужасы и опасенія не болѣе основательны, чѣмъ ужасъ купчихи Остров-

скаго предъ словами: металлъ и жупелъ. Свобода развитія совсѣмъ не мирится съ распущенностью. Быть послушнымъ исполнителемъ своихъ страстей и низшихъ инстинктовъ, слѣпо переходить отъ одного низменнаго увлеченія къ другому, не умѣть сдерживать себя и владѣть собою, бросаться изъ одной крайности въ другую, плыть, такъ сказать, «безъ руля и безъ вѣтрилъ» — это не свобода развитія, а одна изъ формъ самаго унизительнаго рабства. Быть слѣпымъ рабомъ своихъ низменныхъ страстей такъ же постыдно, какъ быть рабомъ другого человѣка.

Развиваться—значитъ учиться подчинять низшія побужденія высшимъ, сдѣлавъ ихъ центромъ, вокругъ котораго располагаются всѣ остальныя,—это значитъ держать себя въ рукахъ, не позволять себѣ переходить границъ, указываемыхъ совѣстью, освобождать себя не только отъ внѣшняго деспотизма, но еще отъ внутренняго—отъ деспотизма своихъ низшихъ страстей и прихотей.

Въ этомъ случаѣ свобода будетъ истинною основою и необходимымъ условіемъ развитія. Безъ свободы нѣтъ развитія. Стѣсненія и принужденія со стороны являются большею частію тормозомъ для развитія, цѣпями для него.

И вотъ откуда ненависть всякаго сознательнаго человѣка къ деспотизму, къ Малютамъ Скуратовымъ, Торквемадѣ и т. п. Торквемада можетъ думать и вѣрить самъ, какъ ему угодно. Это его право. И за свои вѣрованія онъ не заслуживалъ бы ненависти. Но когда онъ требовалъ, чтобы и другіе [хотятъ они этого или не хотятъ] вѣрили такъ же, какъ и онъ, здѣсь начинается то безнравственное властолюбіе и эгоизмъ, противъ котораго не можетъ не протестовать мыслящій человѣкъ. Людямъ естественно думать, что ничто на свѣтѣ не тормозитъ такъ сильно развитія личности, какъ цѣпи Торквемадъ, и ничто такъ не помогаетъ развитію, какъ свобода.

И вотъ откуда вѣра въ то, что, достигнувъ свободы, человѣкъ почувствуетъ себя безмѣрно счастливымъ.

И жажда свободы, какъ необходимаго условія для развитія, дѣлаетъ чудеса. Рано или поздно она опрокидываетъ на своемъ пути всѣ преграды, чего бы это ни стоило, какихъ бы жертвъ при этомъ ни требовалось. Чего только ни дѣлалось у насъ, чтобы ограничить свободу печатнаго и устнаго слова, свободу школы, чтобы оградить русскихъ людей отъ наплыва западныхъ идей. Какихъ только цѣпей и каръ ни выдумывала жестокая фантазія мракобѣсовъ въ прошломъ. Не говоря уже о предварительной цензурѣ, превратившейся въ какой-то скорбный листъ нашей литературы, сколько всевозможныхъ каръ, начиная съ штрафовъ и продолжая тюрьмами, крѣпостью, арестантскими ротами, ссылкою, каторгою, было пущено въ ходъ.

Но мы хорошо знаемъ, какъ насмѣялась дѣйствительность надъ всѣми этими преградами. Дошло до того, что молодежь

какъ разъ именно тѣмъ и интересовалась, что было запрещено. Никакая другая книга не читалась такъ жадно, какъ запрещенная; никакой другой ореолъ не дѣйствовалъ такъ на юношей, какъ титулъ пострадавшаго за убѣжденія.

Человѣческая мысль опрокинетъ всѣ поставленныя предъ нею преграды, разорветъ всѣ наложенныя на нее цѣпи, растворитъ темницы и невредимою выйдетъ изъ оковъ, и тѣмъ шире распространится въ массахъ, чѣмъ болѣе человѣческихъ жертвъ принесено было на ея алтарь. Нѣтъ, «вольной мысли неугодны насиліе и гнетъ», скажемъ словами поэта.

Но свобода нужна для развитія не только одной мысли, а и другихъ способностей. И къ ней стремятся не только взрослые но и дѣти. Это стремленіе къ свободѣ существуетъ и у маленькаго ребенка, хотя, конечно, въ безсознательной и безотчетной формѣ. «Вотъ мои первыя воспоминанія, — писалъ Л. Толстой:—я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ; но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ, нагнувшись, кто-то, я не помню кто. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Я не знаю и никогда не узнаю, что это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня уже, когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи; собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ то бываетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданія, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны». А изъ анализа біографическихъ данныхъ мы увидимъ, что ничто такъ не характерно для жизни Толстого, какъ его неустанное стремленіе къ развитію.

Стремленіе къ развитію, вначалѣ безотчетное, съ возрастомъ дѣлается все болѣе и болѣе сознательнымъ. Ребенокъ ѣстъ потому только, что ему хочется ѣсть; взрослый и развитой человѣкъ смотритъ на ѣду, какъ на необходимое условіе для жизни и развитія.

Безотчетное, безсознательное стремленіе ребенка къ развитію подъ вліяніемъ дальнѣйшей работы сознанія, окружающей среды и воспринятыхъ идеаловъ со временемъ можетъ превратиться въ сознательное стремленіе къ развитію Гете, Руссо, Толстого, Ницше, Ренана и т. п., при чемъ сознаніе въ данномъ случаѣ является чѣмъ-то въ родѣ полезнаго придатка.

Само стремленіе существовало и безъ него и раньше его. Да и въ развитой и зрѣлой формѣ охватываетъ ли наше сознаніе всѣ грани нашего стремленія къ развитію? Мы думаемъ, что при настоящемъ состояніи знанія оно охватываетъ не все. Какъ часто мы лишь post factum понимаемъ, какое значеніе

для нашего развитія имѣло то или другое изъ нашихъ стремленій.

Въ исторіи вида сознательное стремленіе къ развитію явилось очень поздно. Не требуетъ доказательствъ, что вся эволюція животнаго міра вплоть до человѣка не сопровождалась сознательнымъ стремленіемъ къ развитію; да и въ человѣческій періодъ она явилась очень поздно. Въ первобытной борьбѣ за существованіе гораздо болѣе важную роль играло внѣшнее наблюденіе, изученіе звѣрей, рыбъ, птицъ и ихъ привычекъ, изученіе растеній, а не самонаблюденіе; внѣшній опытъ, приготовленіе орудій и умѣнье владѣть ими и проч., а не внутренній опытъ, не анализъ личныхъ душевныхъ переживаній, не заглядываніе внутрь себя, на свои стремленія.

Требованіе, чтобы человѣкъ позналъ самого себя, было впервые произнесено только въ Греціи и притомъ въ эпоху ея наибольшаго культурнаго подъема—въ вѣкъ Сократа. До тѣхъ поръ стремленіе къ развитію, конечно, существовало, но оно могло существовать лишь въ смутной формѣ.

Сознаніе явилось только, какъ придатокъ; но этотъ придатокъ имѣетъ огромное значеніе для поступательнаго развитія. Онъ указываетъ прямые пути для развитія, онъ ускоряетъ и облегчаетъ прогрессивное движеніе въ сотни и тысячи разъ.

Если наши инстинкты развитія нерѣдко дѣйствуютъ въ очень грубой формѣ и ведутъ къ развитію индивида и рода слишкомъ медленно, неувѣренно, часто окольными путями, съ отклоненіями и даже попятными движеніями назадъ, такъ это, между прочимъ, потому, что это стихійное стремленіе къ развитію, которому должны быть подчинены всѣ наши инстинкты, лишь недавно и притомъ далеко не въ широкихъ кругахъ стало предметомъ яснаго людского сознанія. Каждый безграмотный человѣкъ знаетъ, что если онъ не будетъ ѣсть, онъ умретъ съ голоду; что если какое-нибудь племя путемъ скопчества или воздержанія сведетъ число рождаемыхъ дѣтей къ незначительной величинѣ, то племя вымретъ. И за рѣдкими исключеніями всякое племя заботится о томъ, чтобы не было голода и чтобы народъ не вымиралъ. Но далеко не всѣ еще и теперь ясно сознаютъ, что если народъ обреченъ на неподвижность въ дѣлѣ развитія, какъ этого требуютъ, между прочимъ, и наши реакціонеры, то онъ также рано или поздно сходитъ съ исторической сцены. И соотвѣтственно съ недостаточнымъ сознаніемъ стремленія къ развитію встрѣчается еще много странъ (а раньше ихъ было еще больше), гдѣ прогрессъ не только не поощряется правящими классами, но еще задерживается всѣми доступными мѣрами.

И если эти препоны не останавливаютъ его, то лишь потому, что законы развитія и безсознательныя стремленія къ развитію все же пересиливаютъ это сознательное противодѣйст-

віе: къ счастью, само стремленіе къ развитію отъ поколѣнія въ поколѣніе совершенствуется.

Разъ стремленіе къ развитію стало сознательнымъ хотя бы только у меньшинства, это сознаніе не исчезнетъ: полезное для вида, оно не только будетъ сохранено, но станетъ развиваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

И въ этомъ отношеніи естественный отборъ не можетъ не играть высоко прогрессивной роли. Особи и общества съ болѣе сознательнымъ стремленіемъ къ развитію, несомнѣнно, имѣютъ лишніе шансы на развитіе и выживаніе, чѣмъ менѣе счастливыя въ этомъ отношеніи личности и цѣлыя общества.

А такъ какъ въ человѣческомъ обществѣ, кромѣ естественнаго отбора, дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и другіе могущественные факторы, то дальнѣйшее развитіе сознанія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Когда же стремленіе къ развитію, стихійно дѣйствующее пока большею частью во мракѣ безсознательнаго, станетъ сознано всѣми, какъ неизмѣнный законъ природы, когда всѣ поймутъ, что жить—значитъ развиваться, что всѣ отсталые заранѣе осуждены на то, чтобы уступить мѣсто другимъ, болѣе развитымъ, когда всѣ будутъ вполнѣ сознательно внимать внутреннему голосу, который изъ глубины нашего существа зоветъ насъ къ развитію, все впередъ и впередъ, все выше и выше,—тогда люди съ полною вѣрою въ осуществимость своихъ стремленій будутъ сознательно работать для ихъ осуществленія и къ дѣйствующей теперь внутри насъ инстинктивной, безсознательной энергіи присоединится масса сознательной силы и большой запасъ знаній, которымъ располагаетъ человѣчество. Силы же эти громадны, а, главное, все возрастаютъ и—надо надѣяться—въ будущемъ станутъ возрастать съ головокружительной быстротой, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Разумъ до сихъ поръ до такой степени мало принималъ участія въ этой безсознательной работѣ, что, какъ мы видѣли выше, психологія и до сихъ поръ тому, что по существу глубоко прогрессивно, даетъ имя консервативное («самосохраненіе»). Мы знаемъ, что сдѣлалъ разумъ, какіе невѣроятные успѣхи оказалъ тамъ, гдѣ онъ началъ принимать участіе: въ техникѣ, въ химіи, физикѣ, біологіи и т. п.

Въ сущности это почти единственное, чѣмъ въ настоящее время можетъ гордиться человѣкъ. Было время, когда нашимъ предкамъ казалось, что земля—центръ міра, а человѣкъ—господинъ земли и для него одного свѣтитъ и грѣетъ солнце, живутъ звѣри и птицы и растетъ трава. Но теперь мы хорошо знаемъ свое скромное мѣсто въ природѣ; мы знаемъ, что земля—это простая пылинка въ хаосѣ міровъ и мы представлялись бы себѣ совершеннымъ ничтожествомъ, вызваннымъ изъ небытія на одно мгновеніе, если бы мы не знали о завоеваніяхъ сво-

его разума, о постигнутыхъ нами законахъ природы, открывающихъ предъ нами необозримыя перспективы будущаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разумъ, сдѣлавшій изумительныя завоеванія всюду, куда онъ проникалъ, окажетъ чудесные успѣхи и въ области нашего стремленія къ развитію, когда онъ сдѣлаетъ эту мало освѣщенную область сознательной. То, что до сихъ поръ дѣлалось въ мракѣ, будетъ происходить при свѣтѣ разума, то, до чего доходили бы ощупью и окольными путями, будетъ сдѣлано планомѣрно и по прямой линіи.

Больше того, сознаніе стремленія къ развитію облагородитъ всѣ остальные наши стремленія и инстинкты, покрываемые въ сущности единымъ стремленіемъ къ развитію. Тотъ самый эгоизмъ, грубостью котораго мы иногда справедливо возмущаемся, будучи подчиненъ высшему стремленію къ развитію, станетъ лишь средствомъ къ достиженію индивидуальнаго и родового развитія и тогда его цѣнность станетъ совсѣмъ другою. Тогда люди станутъ заботиться о своихъ матеріальныхъ удобствахъ не ради доставляемаго ими наслажденія, а потому, что здоровыя удобства являются необходимою предпосылкою для физическаго здоровья, хорошаго настроенія, а это условія, благопріятствующія и умственному, и нравственному развитію, и работѣ на пользу общественную.

Кто обвинитъ талантливаго художника, писателя, ученаго, изобрѣтателя и даже рядового работника за комфортъ, которымъ они себя окружаютъ, если этотъ комфортъ создаетъ благопріятную для ихъ трудовъ атмосферу, если аскетизмъ, матеріальныя лишенія помѣшали бы имъ сдѣлать работу, признанную важной и нужной.

Какого комфорта не окупили творенія Гёте, открытія Дарвина, Пастера, изобрѣтенія Эдисона и т. п.?

Но зачѣмъ ограничиваться только великими именами? Всякій самый скромный, но полезный для народа трудъ оправдываетъ комфортъ, полезный для поддержанія необходимыхъ для работы бодрости и силъ, и потому вполнѣ законны съ этой точки зрѣнія домогательства рабочихъ на лучшія матеріальныя условія существованія. Только безполезные прожигатели жизни, ни для чего и ни для кого не нужные паразиты, а также тѣ, кто работаетъ противъ прогресса, не имѣютъ нравственнаго права на комфортъ и наслажденія.

Но въ области сознанія нѣтъ ничего абсолютнаго. И сознаніе, задача котораго освѣтить стремленіе къ развитію, не всегда бываетъ плюсомъ, но бываетъ иногда и минусомъ. Мы уже говорили о людяхъ, которые ставили дѣломъ своей жизни задержать прогрессъ. И такіе люди встрѣчались не только въ числѣ тѣхъ, кто заботится лишь о томъ, чтобы сохранить личное привилегированное положеніе; реакціонеры встрѣчаются и въ числѣ такихъ писателей, искренность которыхъ едва ли

можетъ быть заподозрѣна. Достаточно назвать Леонтьева, умершаго схимникомъ и всю свою жизнь боровшагося съ прогрессивными теченіями. Онъ ясно видѣлъ, что ихъ дѣло проиграно. Онъ признавался, что все, что они (реакціонеры) ни затѣвали, какая-то «невѣдомая» сила обращаетъ противъ нихъ самихъ; но все же онъ призывалъ къ борьбѣ съ этою силою, которую онъ проклиналъ. Для насъ несомнѣнно, что «невѣдомая» сила—присущее людямъ стремленіе къ прогрессивному развитію; и противъ этого стремленія выступаетъ разумъ реакціонеровъ. Происходятъ конфликты между реакціоннымъ сознаніемъ и прогрессивными стремленіями. Иногда эти конфликты происходятъ въ душѣ одного и того же человѣка. Безсознательное стремленіе къ прогрессивному развитію встрѣчается съ запоздалыми традиціонными убѣжденіями, и происходитъ любопытная борьба, гдѣ «полемъ битвы» является душа человѣка.

Примѣчанія.

1. Съ физіологической точки зрѣнія, развитіе организма обусловливается его ростомъ. Еще 80 лѣтъ тому назадъ Карлъ фонъ Бэръ писалъ, что исторія развитія индивидуума есть исторія возрастанія его индивидуальности во всѣхъ отношеніяхъ. М. Ферворнъ говоритъ, что ростъ есть причина всякаго развитія какъ отдѣльныхъ клѣтокъ, такъ и всего клѣточнаго государства; и въ качествѣ основной причины всѣхъ измѣненій, называемыхъ развитіемъ, по его мнѣнію, нѣтъ никакой надобности принимать какой-либо иной факторъ, кромѣ роста. Чтобы дать понятіе объ этой зависимости развитія отъ роста, обратимся къ геометріи. Извѣстно, что если вы увеличите радіусъ шара, положимъ, вдвое, то поверхность шара увеличится вчетверо, а объемъ или масса—въ восемь разъ. Стало-быть, масса растетъ гораздо быстрѣе поверхности; и если взять растущую шарообразную клѣтку, то чрезъ нѣкоторое время масса настолько сильно возрастетъ сравнительно съ поверхностью, что будетъ затруднено питаніе клѣтки, такъ какъ питаніе клѣтки происходитъ чрезъ ея поверхность, и когда поверхность слишкомъ мала по отношенію къ массѣ, то питаніе будетъ происходить „медленно и скудно“. И дѣйствительно, мы не знаемъ массивныхъ животныхъ клѣтокъ, напримѣръ, „величиною съ человѣка“. Выходъ изъ этихъ затрудненій имѣется въ дѣленіи материнской клѣтки на двѣ дочернія. Итакъ, размноженіе клѣтокъ есть результатъ ихъ роста. Если клѣтки размножаясь не расходятся, а остаются вмѣстѣ и образуютъ одинъ организмъ, напримѣръ, человѣка, то здѣсь происходитъ развитіе особи, которое такимъ образомъ обусловливается тѣмъ же самымъ ростомъ. А этому процессу соотвѣтствуетъ стремленіе къ развитію, какъ волевой и сознательный актъ. Но ростъ организма сводится къ обмѣну веществъ и обмѣну энергіи. По этому поводу М. Ферворнъ обращаетъ особое вниманіе на „постоянное превращеніе потенціальной химической энергіи въ другія формы

энергіи; источникъ химической энергіи есть пища и кислородъ, составляющіе оборотный капиталъ, и химическая энергія, унаслѣдованная каждой мельчайшей капелькой живого вещества отъ своихъ предковъ; наиболѣе же существеннымъ моментомъ является то, что какъ *построеніе, такъ и распаденіе біогеновъ является постояннымъ источникомъ для отправленій живого вещества*". Жизнь наша сводится къ питанію и работѣ. Только при этихъ условіяхъ организмъ можетъ расти и развиваться.

---

2. Въ наше время, съ легкой руки Оствальда [изъ русскихъ философовъ та же идея была высказана Гротомъ], большимъ успѣхомъ пользуется мысль распространить на психику понятіе энергіи. Принимая это ученіе, мы должны признать, что и жизнь организма, какъ и все сущее, подчинена закону сохраненія энергіи и вѣчности матеріи, но тотъ видъ энергіи, какимъ обладаетъ живой организмъ, отличается отъ извѣстныхъ намъ формъ энергіи, проявляющихся въ мертвой природѣ, хотя, конечно, подчиняется общему закону превращенія энергіи. Ту форму энергіи, какою обладаемъ мы, въ моменты, когда ея разряды сопровождаются сознаніемъ, мы принимаемъ какъ волевой актъ, какъ сознательное стремленіе, чего, конечно, мы не имѣемъ основаній сказать про тѣ виды энергіи, какими обладаетъ мертвая природа. То, что съ объективной точки зрѣнія будетъ нашей энергіей, особымъ ея видомъ, присущимъ человѣку, въ субъективномъ смыслѣ будетъ стремленіемъ и прежде всего стремленіемъ къ развитію, включая сюда и стремленіе къ саморегулированію и самосохраненію. А. Я. Данилевскій обратилъ вниманіе на то, что живой организмъ обладаетъ способностью противодѣйствовать разрушительному дѣйствію воды, солей, тепла, ферментовъ и кислорода, стремящихся привести его въ мертвое состояніе. Эти силы, враждебныя живому организму, послѣдній дѣлаетъ полезными для себя.

Итакъ, на энергію живого организма можно смотрѣть, съ субъективной точки зрѣнія, какъ на стремленіе къ развитію и саморегулированію. Но обмѣнъ энергіи въ организмѣ всегда бываетъ неразрывно связанъ съ обмѣномъ веществъ, а то и другое съ обмѣномъ формы, т.-е. съ ростомъ, развитіемъ и размноженіемъ. А къ этимъ тремъ обмѣнамъ [обмѣну энергіи, обмѣну формы (ростъ и размноженіе) и обмѣну веществъ] сводится вся жизнь.

В. Ру насчитываетъ 10 качествъ, характеризующихъ жизнь: 1) самостоятельный пріемъ пищи, 2) ассимиляція, 3) диссимиляція, выдѣленіе, 5) возстановленіе, 6) ростъ, 7) движеніе, 8) дѣленіе и размноженіе, 9) наслѣдственность и 10) саморегулированіе, — при чемъ послѣдняя является господствующей, которой подчинены всѣ другія. Но другіе біологи, обобщая эти качества, сводятъ ихъ какъ разъ именно къ тѣмъ тремъ обмѣнамъ (энергіи, формы и вещества), о которыхъ мы только что сказали. При такомъ обобщеніи ростъ, дѣленіе и размноженіе соединяются вмѣстѣ, потому что „каждое

размноженіе предполагаетъ ростъ, ибо иначе размноженіе привело бы къ уменьшенію величины особей".

Обмѣнъ энергіи не прекращается въ теченіе всей жизни. Каждая клѣтка непрерывно тратитъ энергію; и органомъ, лучше всего приспособленнымъ къ тому, чтобы быстро освобождать накопленную энергію, служитъ нервная система,—органъ нашей воли и нашего сознанія. Большинство другихъ органовъ служитъ для того, чтобы снабдить насъ силами, которыя тратитъ нервная система. При этомъ организмъ самъ заботится, находитъ и беретъ необходимые для этого матеріалы. Если сравнить живой организмъ съ печью, какъ это иногда дѣлается, то надо добавить, что эта печь сама пищетъ и достаетъ для себя топливо.

Токъ этой волеподобной энергіи, быть-можетъ, и есть самая существенная черта жизни. Въ результатѣ этого тока является развитіе, включая сюда и ростъ и размноженіе; а на обмѣнъ веществъ можно смотрѣть лишь какъ на явленіе, сопровождающее токъ энергіи; потому что процессъ питанія сводится тоже къ работѣ пищеварительныхъ органовъ.

ГЛАВА III.

Въ поискахъ призванія.

I. Быть-можетъ, ни въ чемъ такъ ярко не выражается стремленіе къ развитію, какъ въ нашихъ поискахъ своего призванія, того пути, той дѣятельности, которая лучше всего отвѣчаетъ нашимъ наклонностямъ и способностямъ и гармонируетъ съ ними. Истинное призваніе можно предугадать, только хорошо зная сильныя стороны своей природы, тѣ органы и функціи ихъ, которые по своему развитію превосходятъ всѣ другіе, подчиняя ихъ себѣ и отличая насъ отъ другихъ людей съ другими сочетаніями способностей и наклонностей,— а стало-быть, и съ другимъ призваніемъ. Найти мѣсто, соотвѣтствующее своимъ способностямъ, это значитъ опредѣлить свою жизненную задачу. И, быть-можетъ, въ жизни нѣтъ болѣе важнаго момента, какъ тотъ, когда человѣкъ намѣчаетъ цѣль жизни, соотвѣтствующую его способностямъ и наклонностямъ. Такая цѣль становится господствующей и посредствомъ связей объединяетъ другія второстепенныя цѣли, приводитъ ихъ въ гармонію, устанавливаетъ между ними единство.

Такіе умы, гдѣ нѣтъ взаимной связи между образами и идеями, и такія сердца, гдѣ нѣтъ согласія и гармоніи между различными желаніями, гдѣ нѣтъ никакого единства въ стремленіяхъ и цѣляхъ, гдѣ вѣчно царитъ хаотическій безпорядокъ, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются капризы и влеченія, противорѣча другъ другу, очень плохо приспособлены къ практической дѣятельности и ни на какомъ поприщѣ жизни они не будутъ имѣть успѣха. Таковы всѣ неудачники: они за все берутся, перемѣняютъ одну за другою профессіи, вездѣ дѣлаютъ массу ошибокъ и всякую затѣю оканчиваютъ разочарованіемъ.

Найти свое призваніе, — это значитъ найти свое настоящее мѣсто въ мірѣ людей, найти свой любимый трудъ, обезпечить себѣ наиболѣе успѣшную и плодотворную работу, найти русло, являющееся самымъ естественнымъ и удобнымъ для проявленія нашей творческой энергіи.

Самое слово «призваніе» даетъ мысль о томъ, что насъ зовутъ на опредѣленное дѣло. Но зовутъ насъ голоса, исходящіе изнутри насъ самихъ. Насъ зовутъ наши преобладающія способности и господствующія стремленія, какъ врожденныя, такъ и пріобрѣтенныя путемъ жизненнаго опыта, воспитанія, переживаній. Насъ зовутъ наиболѣе сильные изъ нашихъ органовъ, требующихъ для себя упражненія и развитія.

Отсюда вѣра въ призваніе. О призваніи говорятъ и поэты, и драматурги, и философы. Гёте писалъ: «Внутри насъ есть творческая сила, способная создать то, чему должно быть, и не дающая намъ ни покоя, ни отдыха, пока мы внѣ себя или на себѣ не осуществимъ это должное тѣмъ или другимъ путемъ»...

Ницше на тему о призваніи говоритъ: «То, что случилось со мною, должно случиться и со всякимъ человѣкомъ, котораго тревожитъ какая-нибудь задача, долженствующая, благодаря ему, «родиться на свѣтъ»... «Скрытая сила этой задачи и ея стремленіе вырваться на свѣтъ будутъ управлять его индивидуальною судьбою, подобно несознаваемой беременности задолго до того времени, когда онъ самъ ясно увидитъ эту задачу и формулируетъ ее. Наше назначеніе распоряжается нами даже и тогда, когда мы его не сознаемъ; наше будущее даетъ предписанія нашему настоящему».

Золя пишетъ: «Все сводится къ писаной мысли; все остальное—тщетная суета, минутныя видѣнія, уносимыя вѣтромъ». Въ этой фразѣ мы находимъ удачно выраженную господствующую идею писателя, и эта идея объясняетъ намъ, почему Золя не пропускаетъ ни одного дня безъ того, чтобы не написать положенную порцію въ три печатныхъ страницы; здѣсь господствующая идея, продиктованная преобладающими способностями и наклонностями, опредѣляетъ призваніе писателя, его любимый трудъ, куда онъ вкладываетъ свою душу, свое «я», — трудъ — страсть, захватывающая всего человѣка.

Ибсенъ вѣритъ, что у каждаго человѣка должно быть свое призваніе, и каждый обязанъ найти это призваніе и выполнить его, хотя бы для этого пришлось отказаться даже отъ личнаго счастья. Онъ выше всего ставитъ право личности на свободное развитіе своихъ силъ, на свободное преслѣдованіе своихъ цѣлей, диктуемыхъ личнымъ призваніемъ каждаго человѣка. По его мнѣнію, есть въ людяхъ только одно могучее чувство—это ничѣмъ непреодолимое желаніе быть самимъ собою, отстоять свою личную свободу, свое призваніе, свое самоопредѣленіе, свою неприкосновенность,—словомъ, свою индивидуальность.

Но многимъ людямъ свойственно думать, что голосъ, исходящій изъ глубины ихъ души, выходитъ откуда-то извнѣ: съ неба, отъ духовъ — злыхъ или добрыхъ и т. п.

Когда Перъ Гюнтъ Ибсена понялъ, что онъ въ своей жизни шелъ не туда, куда влекло его призваніе, что онъ не тотъ, «кѣмъ созданъ быть», что онъ потерялъ самого себя, — то онъ услышалъ странные голоса. — Это вся окружающая природа оплакивала его измѣну своему призванію. Даже клубки, катящіеся по землѣ, говорятъ: «Мы — идеи, которыя должны быть продуманы; даже засохшіе листья шепчутъ: мы — лозунги, которые ты долженъ былъ провозгласить; даже вѣтеръ шелеститъ: я — пѣсни, которыя ты долженъ былъ пропѣть; даже сломанныя соломинки упрекаютъ: мы — дѣла, которыя ты долженъ былъ совершить». Въ той же пьесѣ Ибсенъ словами Пуговочника говоритъ: «Самимъ собой быть — значитъ всегда выражать собою лишь то, что выразить тобой хотѣлъ Хозяинъ». Про самого себя Ибсенъ писалъ королю: «Я непоколебимо вѣрю и знаю, что эту жизненную задачу Богъ возложилъ на меня».

Въ Брандѣ Агнесъ говоритъ: «Я ощущаю въ себѣ великія силы... Сердце, подобно міру, расширяется во всѣ стороны, и я слышу, какъ звучитъ голосъ, говорящій: эту землю ты должна населить. Всѣ мысли, которыя должны возникнуть, всѣ дѣла, которыя должны быть совершены, пробуждаются во мнѣ, шепчутся, одухотворяются, двигаются, точно часъ зарожденія уже пробилъ»

Весь смыслъ Бранда заключается въ силѣ характера, въ самоотверженіи, съ какимъ герой отстаиваетъ свое призваніе. Брандъ говоритъ: «Есть одна вещь, которую ты не имѣешь права никому дарить: это твое собственное внутреннее «я». Ты не имѣешь права связывать, сковывать, останавливать потока своего призванія; онъ долженъ пробить себѣ путь къ морю... Будь чѣмъ хочешь, но будь цѣльнымъ, неполовинчатымъ, нераздробленнымъ».

Для призванія необходимо два условія: мочь и хотѣть, и если одно изъ этихъ условій отсутствуетъ, призванія не будетъ. Мочь — значитъ имѣть опредѣленныя способности; но если это будутъ преобладающія надъ другими способности, то онѣ обыкновенно требуютъ своего развитія. Вотъ почему «мочь» и «хотѣть» такъ часто идутъ вмѣстѣ. Конечно, нужны еще благопріятныя внѣшнія условія. Но когда послѣднія налицо, то преобладающія способности и наклонности находятъ исходъ въ призваніи.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна жизнь замѣчательныхъ людей. Когда читаешь біографіи замѣчательныхъ людей, то невольно приходишь къ слѣдующему выводу: несмотря на то, что всѣ они различаются другъ отъ друга талантами, запасомъ энергіи, нравственными качествами, поведеніемъ, характеромъ, міровоззрѣніями и жизнью, у всѣхъ у нихъ есть одно общее качество. У каждаго изъ нихъ было свое призваніе, согласованное съ ихъ личными способностями и стремленіями. Призваніе — это наиболѣе глубокое и жизненное стремленіе. Всѣ

они преклоняются передъ своимъ призваніемъ, сосредоточиваютъ на немъ всѣ свои силы: мысли, образы, чувства, стремленія, поступки. Они не разбрасываются по сторонамъ, не мѣняютъ свои таланты на мелкую монету. Призваніе — это ихъ архимедова точка опоры, это — ось, вокругъ которой движется ихъ жизнь. Они вѣрятъ въ свое призваніе, любятъ его. Они знаютъ, чего они хотятъ, и увѣрены, что могутъ и сумѣютъ достигнуть того, къ чему стремятся. И призваніе направляетъ по одному руслу всю жизнь такого человѣка. Стремленіе къ развитію преобладающихъ способностей и наклонностей подъ вліяніемъ требованій вѣка и среды толкало Колумба къ морскимъ путешествіямъ и къ изученію географіи, и обезсмертившее его предпріятіе было лишь естественнымъ слѣдствіемъ его влеченій. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Герценъ о Маццини, котораго онъ зналъ близко: «Осыпаемый проклятіями всѣхъ партій: обманутымъ плебеемъ, дикимъ попомъ, трусомъ буржуа, оклеветанный всѣми органами всѣхъ реакцій, онъ остался не только неспоколебимымъ предъ общимъ заблужденіемъ, но благословляющимъ съ радостью и восторгомъ враговъ и друзей, исполнявшихъ *его* мысль, *его* планъ... Для Маццини люди не существуютъ, для него существуетъ *дѣло* и притомъ *одно дѣло*, онъ самъ живетъ и движется только въ немъ. День и ночь, ловя рыбу и ходя на охоту, ложась спать и вставая, Гарибальди и его сподвижники видятъ худую руку Маццини, указывающую на Римъ, и они пойдутъ туда!» Тотъ же Герценъ пишетъ о Гарибальди: «Онъ такъ антично великъ въ своемъ хуторѣ, такъ антично, такъ чисто великъ, какъ описаніе Гомера, какъ греческая статуя. Нигдѣ ни риторики, ни декорацій, ни дипломатій, — въ эпопеѣ онѣ не нужны. Когда она кончилась, король отпустилъ его, какъ отпускаютъ довезшаго извозчика и, сконфуженный, что ему ничего нельзя дать на водку, перещеголялъ Австрію колоссальной неблагодарностью, а Гарибальди и не разсердился, онъ, улыбаясь, съ 50 скудами въ карманѣ, вышелъ изъ дворцовъ странъ, покоренныхъ имъ, предоставляя придворнымъ усчитывать его расходы. Пускай себѣ тѣшатся, половина великаго дѣла сдѣлана; лишь бы Италію сколотить въ одно и прогнать бѣдныхъ кретиновъ». Вспомнимъ Роберта Оуэна, который всѣ силы своей мощной души, весь свой умъ, всю свою любовь, всю свою долгую жизнь и все свое состояніе отдалъ на служеніе рабочему классу и созданной имъ прекрасной мечтѣ о новомъ лучшемъ общественномъ строѣ. Его жизнь была полна неудачъ и разочарованій. Надъ нимъ злобно насмѣхались, его бранили, но ничто не могло отвлечь его отъ его дѣла и его идеи, и онъ остался ей вѣренъ до конца своихъ дней. И вполнѣ справедливо говоритъ о немъ англійскій біографъ: «Всю свою жизнь онъ работалъ для народа, умеръ за этою работой, и послѣдняя мысль его была — о счастіи народномъ».

Если мы отъ общественныхъ дѣятелей перейдемъ къ мыслителямъ и философамъ, мы и здѣсь встрѣтимся съ тѣмъ же характернымъ свойствомъ. Вотъ, напримѣръ, хорошо изученная жизнь Канта. Когда онъ созналъ свое призваніе быть ученымъ и философомъ, при чемъ имъ руководило, конечно, открытіе въ себѣ соотвѣтствующихъ талантовъ, онъ подчинилъ этому призванію всю свою жизнь. Онъ любилъ путешествія, и его тянуло къ нимъ всю жизнь, но онъ отказался отъ нихъ, чтобы безпрепятственно предаваться занятіямъ, составляющимъ главную цѣль его жизни. Въ тѣхъ же видахъ онъ отказался отъ семьи и остался весь вѣкъ одинокимъ. Онъ былъ слабаго здоровья, былъ такъ худъ, что портные постоянно ошибались въ покроѣ его платья, и онъ самъ нерѣдко подтруниваль надъ собою, говоря, что онъ отличается отъ другихъ людей отсутствіемъ икръ. Но, понимая, что здоровье и долгая жизнь необходимы ему для благополучнаго окончанія его работъ, онъ велъ правильный образъ жизни и прожилъ до 80 лѣтъ, сохранивъ почти до конца и физическія силы и свѣжесть разума. Въ тѣхъ же видахъ онъ довелъ свою аккуратность до того, что ей изумлялись даже сами нѣмцы, чья точность и аккуратность вошла въ пословицу. Нравственное ученіе, къ которому онъ пришелъ, онъ осуществлялъ въ своей собственной жизни, и рѣдко про кого-нибудь можно сказать съ такимъ же правомъ, какъ про Канта, что его слово всегда согласовалось съ дѣломъ и его жизнь—съ его принципами. Обратимся ли мы къ жизни Давида Юма, мы и здѣсь увидимъ, какъ философъ, нашедшій свое призваніе въ служеніи наукѣ, отдалъ ему всѣ свои силы и всю свою жизнь. Всю жизнь онъ стремился къ истинѣ и ни разу не склонился съ намѣченной дороги. Онъ самъ признавался, что свѣтъ истины неотразимо привлекаетъ его и освѣщаетъ всю его какъ научную, такъ и общественную дѣятельность. И когда онъ пишетъ свою автобіографію, онъ оставляетъ въ тѣни себя самого и, главнымъ образомъ, говоритъ только о своихъ открытіяхъ въ наукѣ, куда влекли его наиболѣе сильныя стороны его природы. А вотъ выдающійся мыслитель Франціи — Ипполитъ Тэнъ, который весь вылился въ своей фразѣ: «На свѣтѣ существуетъ лишь одно дѣло, достойное человѣка, — это раскрытіе какой-нибудь истины, которой отдаешься и въ которую вѣришь». Его любовь къ разуму и логикѣ, находившаяся, конечно, въ полномъ соотвѣтствіи съ его преобладающими способностями и наклонностями, была такъ велика, что, когда онъ хотѣлъ похвалить какое-то музыкальное произведеніе, онъ сказалъ, что оно прекрасно, какъ силлогизмъ.

Ту же характерную черту мы встрѣчаемъ и у такихъ спеціалистовъ, какъ математики. Когда умеръ напъ знаменитый математикъ Эйлеръ, во французской академіи Кондорсе произнесъ рѣчь въ память покойнаго и закончилъ ее слѣдующими

словами: «Итакъ, Эйлеръ пересталъ жить и вычислять». Дѣйствительно, для Эйлера жить — значило вычислять. Онъ питалъ непреодолимую страсть къ вычисленіямъ, его производительность въ этомъ отношеніи была поистинѣ изумительна. Біографъ вполнѣ справедливо говоритъ о немъ: «для Эйлера математика представляла рѣшительно все», и цѣль жизни,— предметъ самаго серьезнаго труда, и средство приносить людямъ непосредственную пользу, и развлеченіе. Когда онъ нѣсколько уставалъ отъ трудныхъ вычисленій, то занимался легкими (но тоже математическими) работами. Кажется, будто тѣ части мозга, которыя служили органами преобладающихъ способностей Эйлера, кричали ему, что онѣ хотятъ дальнѣйшаго развитія, не давали ему отдыха и покоя и требовали только одного: упражненій, расположенныхъ по степенямъ все возрастающей сложности и трудности. И съ такими властными требованіями обыкновенно выступаютъ преобладающія способности и ихъ органы у всякаго выдающагося человѣка. Какъ характерна для математика по призванію фраза, сказанная извѣстнымъ Пауссономъ: «Жить стоитъ лишь для того, чтобы заниматься математикой».

Возьмемъ ли знаменитаго біолога Пастёра, и въ его жизни мы встрѣтимся съ тѣмъ же отличительнымъ качествомъ. Когда онъ созналъ свои силы и склонности, онъ сталъ энтузіастомъ науки, отдавшимъ ей не только свои способности, но и свое здоровье. Когда онъ работалъ надъ уничтоженіемъ микробовъ, причиняющихъ заразную болѣзнь шелковичныхъ червей, ему приходилось цѣлые годы проводить за упорной работой въ жаркой червоводнѣ, гдѣ изверженія и испаренія червей портили воздухъ и дѣлали его крайне вреднымъ. Пастёръ сталъ болѣть, исхудалъ и пожелтѣлъ. Доктора предписывали ему бросить работу, грозили близкимъ параличомъ. «Я знаю это,— говорилъ Пастёръ, — но не могу бросить начатой работы». Онъ кончилъ эту работу и избавилъ отъ болѣзни шелковичныхъ червей, но предсказанія врачей сбылись, и Пастёра постигъ параличъ. Когда близкіе ему люди плакали, Пастёръ сказалъ: «И мнѣ жалко умирать, я могъ бы еще оказать услуги родинѣ». Надъ нимъ грубо смѣялись, ему бросали несправедливыя обвиненія, а онъ былъ такъ наивенъ, что предполагалъ любовь къ наукѣ тамъ, гдѣ не было мѣста никакимъ идейнымъ стремленіямъ. Императрицѣ Евгеніи онъ сказалъ однажды съ наивностью человѣка не отъ міра сего: «Самое важное въ настоящее время — это обезпечить научное превосходство Франціи». Даже во снѣ онъ бредилъ о наукѣ: онъ бормоталъ ученые термины и формулы. Пастёръ непреклонно вѣрилъ, что наука восторжествуетъ надъ невѣжествомъ, а миръ—надъ войной, и націи соединятся не для разрушенія, а для созиданія.

Тою же характерною особенностью отличаются беллетристы и поэты. Преобладаніе писательскихъ способностей заставило

Джорджъ Элліотъ мечтать о беллетристикѣ, хотя неувѣренность въ своихъ силахъ приводила ее въ отчаяніе. «Бисова муза», по выраженію малорусскаго поэта Шевченко, довела его до невольной солдатчины, до цѣлой массы горькихъ испытаній и страданій, а поэтъ не только не бросаетъ и не забываетъ музы, къ которой влечетъ его талантъ, а благословляетъ ее, называетъ «святой и пречистой» своей покровительницей. «Мнѣ ты повсюду помогала,—пишетъ онъ,—за мной ты повсюду присматривала. Въ степи, безлюдной степи, въ далекой неволѣ ты сіяла, красовалась, какъ цвѣточекъ въ полѣ. Изъ грязной казармы ты выпорхнула чистой, святой пташечкой и полетѣла надо мною, золотокрылая, запѣла и словно живою водою окропила мою душу. И я ожилъ, и горишь ты надо мною во всей своей Божьей красотѣ... Не оставляй же меня ни днемъ, ни ночью и учи говорить чистыми устами правду». Не о несчастіяхъ, причиненныхъ ему музою, не о гоненіяхъ, которыя снова можетъ она навлечь на него, думаетъ онъ, а о правдѣ, которую онъ долженъ выразить своими стихами. «Не писать—для меня значитъ не жить», писалъ Гоголь въ своей авторской исповѣди. А вотъ композиторъ Сѣровъ, котораго всего лучше характеризуютъ его же собственныя слова: «Какое высокое назначеніе быть жрецомъ такой музы (музыки), бросить значительную горсть фиміама на ея жертвенникъ и этимъ заставить человѣчество подвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ. Я увѣренъ, что успѣхъ музыки никакъ не менѣе подвигаетъ человѣчество впередъ, чѣмъ паровая машина и желѣзныя дороги».

У всѣхъ этихъ лицъ мы, конечно, находимъ общіе всѣмъ людямъ инстинкты и стремленія, хотя и въ различныхъ степеняхъ развитія. У всѣхъ есть и честолюбіе, и потребность въ умственной и физической дѣятельности, и половыя стремленія и проч. У всѣхъ ихъ мы находимъ и индивидуальныя черты, рѣзко отличающія ихъ другъ отъ друга. У одного мышленіе, смѣна образовъ и вообще психическія переживанія идутъ быстрѣе, а у другого медленнѣе. Одинъ живетъ больше чувствомъ, а другой больше разумомъ; у одного преобладаютъ зрительные, а у другого либо слуховые, либо моторные образы; у одного преобладаетъ конкретное, а у другого абстрактное мышленіе; одинъ предпочитаетъ дедукцію, а другой индукцію. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ не общія человѣческія свойства и не индивидуальныя черты, отличающія поименованныхъ нами лицъ и лицъ, имъ подобныхъ. Насъ интересуетъ сейчасъ только одно свойство, общее имъ всѣмъ, но отличающее ихъ всѣхъ отъ средняго человѣка. У каждаго изъ нихъ есть опредѣленное господствующее стремленіе, соотвѣтствующее ихъ преобладающимъ способностямъ и наклонностямъ и ставшее ихъ призваніемъ и цѣлью жизни. У одного изъ нихъ это будетъ свобода родины, у другого — наука, у третьяго — искус-

ство и т. д. Нельзя въ одно и то же время одинаково преуспѣвать на всѣхъ поприщахъ: и въ политикѣ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ литературѣ и т. д. Каждый хорошъ на своемъ мѣстѣ, и нельзя сидѣть сразу въ семи каретахъ, какъ думалъ одинъ изъ персонажей Островскаго. Нельзя быть въ одно и то же время и Львомъ Толстымъ и Наполеономъ I; нельзя Ротшильду стать Филаретомъ Милостивымъ и наоборотъ; невозможно было бы Бисмарку стать апостоломъ, а Канту—Донъ-Жуаномъ. Городничій Сквозникъ-Дмухановскій очень желаетъ быть генераломъ и, конечно, дослужится до генеральскихъ эполетъ; но, навѣрное, никогда не захочетъ быть писателемъ; а самъ знаменитый авторъ «Ревизора» едва ли особенно горевалъ о томъ, что по службѣ не пошелъ дальше коллежскаго асессора. Забота о чинахъ, имѣвшихъ для него ничтожное значеніе, была бы помѣхой развитію его писательскаго таланта, а не писать,—для него значило не жить. Шахматистъ Чигоринъ очень былъ бы огорченъ, еслибъ первенство въ шахматной игрѣ перешло къ другому; но онъ, вѣроятно, въ высокой степени былъ равнодушенъ къ тому, что никто не считаетъ его авторитетомъ въ политикѣ или въ литературѣ. Такой знатокъ человѣческой души, какъ Гёте, думалъ, что нельзя совмѣстить даже такихъ двухъ стремленій, какъ стремленія къ власти и наслажденіямъ. Его Мефистофель говоритъ про императора:

«На тронъ онъ слишкомъ рано
Вступилъ и началъ глупости творить:
Придумалъ онъ, что можно совмѣстить
И власть царя и жизнью наслажденье».

Какъ въ лѣсу какая-нибудь преобладающая порода деревьевъ заглушаетъ молодые побѣги другихъ породъ, такъ и преобладающіе въ нашей душѣ стремленія и таланты не даютъ простора другимъ стремленіямъ, несоотвѣтствующимъ главному, нашему стремленію. Для средняго человѣка можно завоевать, сохранить и упрочить какое-нибудь одно опредѣленное положеніе. Стремленія и способности ограничиваютъ другъ друга. Вотъ почему въ наше время универсальныхъ талантовъ не существуетъ. Вотъ почему великій освободитель Гарибальди не могъ быть въ то же время и великимъ ученымъ и великимъ художникомъ. И наоборотъ, великій математикъ Эйлеръ не могъ быть великимъ общественнымъ дѣятелемъ. Но какъ бы различны ни были ихъ таланты и направленіе ихъ дѣятельности, мы всѣхъ ихъ можемъ поставить въ однѣ скобки и вынести за скобку одно великое качество, отличающее ихъ отъ людей другого типа, — постоянство и настойчивость, съ какими они сначала ищутъ, а найдя, преслѣдуютъ каждый свою жизненную задачу.

Позже мы встрѣтимся со многими подобными же примѣрами, но и приведенныхъ достаточно, чтобы сказать, что сильная страсть къ какой-нибудь наукѣ или искусству, излюбленная идея можетъ составить цѣль жизни, стать жизненнымъ призваніемъ, служить какъ бы маякомъ. Такое господствующее стремленіе, какъ мы увидимъ ниже, обусловливаетъ незаурядную, а иногда прямо изумительную настойчивость въ преслѣдованіи добровольно поставленной себѣ цѣли. Мы увидимъ ниже, что, благодаря этому стремленію, такіе люди проявляютъ часто необычайную энергію въ борьбѣ со всевозможными препятствіями, что оно возбуждаетъ въ нихъ энтузіазмъ, составляетъ счастье ихъ жизни, даетъ имъ силы переносить разочарованія и неудачи, позволяетъ имъ не падать духомъ при всевозможныхъ бѣдахъ, выпадающихъ на ихъ долю, не придавать большого значенія лишеніямъ, бѣдности, недоѣданію и другимъ несчастіямъ жизни. Это же стремленіе дѣлаетъ ихъ цѣльными, охраняетъ отъ разбрасыванія по сторонамъ, отъ размѣны своего таланта на мелкую монету.

Но что такое господствующее стремленіе? Мы употребляемъ это выраженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Это не только руководящая мысль, но въ то же время и господствующее желаніе и преобладающее чувство и при томъ все вмѣстѣ, потому что въ насъ все это обыкновенно тѣсно связано. Такая мысль всегда окрашена тѣмъ или другимъ чувствомъ и соединяется съ желаніемъ и стремленіемъ дѣйствовать. Мы видѣли уже въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, съ какимъ напряженіемъ воли связаны были господствующія стремленія Гарибальди, Маццини, Канта и пр. Но значительную роль въ этихъ стремленіяхъ играетъ и чувство. Знаменитый французскій беллетристъ Мопассанъ писалъ Башкирцевой: «Я держусь того мнѣнія, что, если у человѣка есть какая-нибудь хорошая страсть, крупная страсть, ей нужно предоставить все мѣсто, пожертвовать для нея всѣми другими. Это я и дѣлаю». Припомнимъ, напримѣръ, Бѣлинскаго. «Упорствуя, волнуясь и спѣша, онъ честно шелъ къ одной великой цѣли». «Бывало, какъ только я приду къ нему,—разсказываетъ о немъ Тургеневъ,—онъ исхудалый, больной (у него сдѣлалось тогда воспаленіе легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ вставалъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ, мнѣ хотѣлось отдохнуть часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа и меня хоть немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписанія врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. — Мы не рѣшили еще во-

проса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,— а вы ѣсть хотите... Сознаюсь,— продолжалъ Тургеневъ, — что, написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и, если при воспоминаніи объ этой небоязни смѣшного, улыбка можетъ прійти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія». «Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти,— пишетъ о немъ же Достоевскій,— иногда, впрочемъ, очень грустилъ, но грусть эта была особаго рода, — не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ! — а вотъ почему не сегодня, почему не завтра наступитъ царство соціализма».

Гарибальди, разсказывая о своей встрѣчѣ съ Маццини, доказывавшимъ, что возмущеніе представляетъ единственное средство къ спасенію родины, пишетъ: «Христофоръ Колумбъ — я объявляю это публично — не былъ счастливѣе, когда, заблудившись въ Атлантическомъ океанѣ, не зная, куда направить путь, осыпаемый угрозами своихъ спутниковъ, у которыхъ онъ просилъ еще три дня имѣть терпѣніе, услышалъ въ концѣ третьихъ сутокъ столь радостное для него восклицаніе: «земля!» Онъ не былъ, говорю я, счастливѣе меня, когда я услышалъ крикъ: «отечество!» Слѣдовательно, были люди, которые думали объ освобожденіи Италіи». И Гарибальди тогда же поклялся умереть за спасеніе родины.

«Когда Пастёръ, — разсказываетъ его біографъ, — открылъ свои «правую» и «лѣвую» кислоты, онъ пришелъ въ такое волненіе, что не могъ продолжать работу, выскочилъ словно шальной изъ лабораторіи и накинулся на своего пріятеля, Бертрана: «Милый Бертранъ, я сдѣлалъ великое открытіе. Не могу больше работать, идемъ въ Люксембургъ, я вамъ разскажу, въ чемъ дѣло».

«То, что есть лучшаго въ идеѣ, которая намъ кажется очень высокой, очень чистой или глубоко сомнительной, — говоритъ Метерлинкъ, — это то, что она даетъ намъ случай полюбить что-нибудь безъ ограниченія. Отдаюсь ли я человѣку, Богу, родинѣ, вселенной, заблужденію — драгоцѣнный металлъ, который найдутъ когда-нибудь подъ пепломъ любви, произойдетъ не отъ того, на что направлена любовь, но отъ самой любви. То, что составляетъ неизгладимый слѣдъ — это простота, горячность и стойкость искренней привязанности». Безъ любви, безъ состраданія, безъ ненависти и вообще безъ страстей наше существованіе носило бы слишкомъ блѣдный, однообразный характеръ, казалось бы опустошеннымъ, мертвеннымъ.

Въ настоящее время, говоря о господствующихъ стремленіяхъ, можно спорить лишь о томъ, что здѣсь важнѣе: разумъ, воля

или чувство. Начиная съ эпохи Возрожденія наукъ и искусствъ и вплоть до нашихъ дней, большинство въ вопросахъ человѣческой жизни отдаетъ предпочтеніе разуму. Сдѣланныя имъ за это время завоеванія въ области знанія, техники, промышленности и пр. такъ громадны, что было бы несправедливо отрицать его крупное значеніе. До начала XIX вѣка, пока романтизмъ повернулъ вниманіе образованныхъ классовъ отъ разума и науки къ чувству и воображенію, отъ полезнаго и яснаго къ туманному и мистическому, отъ земли къ небу, отъ безусловной вѣры въ разумъ къ наивному простонародному міровоззрѣнію, былъ вѣкъ просвѣщенія [философія XVIII в.], когда сознаніе и разумъ были единственнымъ кумиромъ мыслящихъ людей. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и въ наше время большимъ успѣхомъ пользуются волюнтаристы, противополагающіе себя интеллектуалистамъ. Но и сейчасъ многіе во главу всего ставятъ разумъ, и сейчасъ извѣстный текстъ, надъ которымъ задумывался Фаустъ, они переводятъ: «Въ началѣ всего разумъ», и интеллектуалисты безъ всякихъ колебаній въ основу господствующихъ стремленій ставятъ идею. Они скажутъ, что безъ опредѣленной идеи не бываетъ опредѣленныхъ господствующихъ стремленій.

Волюнтаристы же — тѣ, кто тотъ же самый текстъ Евангелія переведутъ словами: «Вначалѣ было дѣло», скажутъ, что въ основѣ стремленія лежитъ не идея, а воля. Волюнтаристы укажутъ, что стремленія возникаютъ иногда раньше, нежели мы ихъ сознаемъ. Они сошлются на примѣры загипнотизированныхъ. Сомнамбулѣ можетъ быть внушено какое-нибудь дѣйствіе. Проснувшись отъ гипнотическаго сна, сомнамбула будетъ стремиться исполнить это дѣйствіе, даже не подозрѣвая дѣйствительной причины, и станетъ придумывать свои собственные мотивы, почему ей необходимо совершить предписанный поступокъ. Они выдвинутъ въ защиту своего мнѣнія крупную роль въ нашей жизни безсознательныхъ и смутныхъ стремленій. Еще Гёте писалъ: «Наши желанія суть предчувствія имѣющихся у насъ способностей и предтечи тѣхъ вещей, которыя мы въ состояніи выполнить. То, что мы можемъ и чего желаемъ, представляется нашему воображенію находящимся внѣ насъ и въ будущемъ, такъ что мы ощущаемъ влеченіе къ предмету, которымъ уже обладаемъ втайнѣ». А Гефдингъ идетъ еще далѣе: «Безсознательность или непроизвольность принимаютъ то или другое участіе при всякомъ сознательномъ и произвольномъ хотѣніи и по временамъ даютъ открытый отпоръ. Таковы, напримѣръ, смутныя побужденія, — ихъ, конечно, знаетъ каждый, — разбить тотъ или другой предметъ, прервать серьезную рѣчь или вообще ни съ того, ни съ сего сдѣлать что-нибудь безсмысленное. Противъ разумной воли поднимается непонятное намъ самимъ влеченіе, съ которымъ обыкновенно удается сладить, но иногда съ большимъ трудомъ. По-

добныя явленія доказываютъ ту истину, что мы узнаемъ свой характеръ только по своимъ дѣйствіямъ». «Само чувство, по его словамъ, вызывается побужденіемъ, а не наоборотъ». «Влеченіе къ познанію, напримѣръ, направлено не на усладу отъ познанія, а на познаніе само по себѣ». «А наши влеченія обусловлены потребностями нашей природы». Ниже намъ придется подробно говорить о роли безсознательныхъ актовъ въ развитіи и потому здѣсь мы ограничиваемся лишь указаніемъ, что господствующія стремленія не исчерпываются только одними сознательными побужденіями.

Итакъ, всѣ роды элементовъ (и умственные, и эмоціональные, и волевые) входятъ въ составъ господствующихъ стремленій. И стремленіе, оказавшееся сильнѣе другихъ, становится центромъ, вокругъ котораго и въ связи съ нимъ мало-по-малу располагаются не только другія наши стремленія, но также и наши мысли, чувства, до того времени, быть-можетъ, какъ попало, разсѣянныя, мимолетныя, безсознательныя. Какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ гвозди и желѣзныя опилки, такъ и господствующее стремленіе стягиваетъ вокругъ себя другія стремленія. Еще Аристотель сравнивалъ наши идеи съ солдатами. Если армія разбита и обращена въ бѣгство, находится иногда храбрый солдатъ, который останавливается. Вокругъ него собираются другіе и вотъ уже образуется отрядъ, способный къ защитѣ и отпору, и храбрецъ становится естественнымъ вождемъ отряда. Но это сравненіе примѣнимо не столько къ идеямъ, сколько къ стремленіямъ. Господствующее стремленіе группируетъ и объединяетъ вокругъ себя другія стремленія съ ихъ идеями, чувствами, желаніями, какъ солнце силою притяженія объединяетъ планеты въ одну солнечную систему. И когда это единство достигается, господствующее стремленіе управляетъ человѣкомъ и ведетъ его. Тогда оно становится похоже на маховое колесо, сообщающее опредѣленное движеніе каждому станку и каждому блоку во всѣхъ залахъ фабрики. Пока у насъ нѣтъ такого объединяющаго центра, пока наши стремленія разобщены и не связаны другъ съ другомъ, мы напоминаемъ тотъ возъ, который, по словамъ баснописца, везли Щука, Ракъ да Лебедь. Возъ стоитъ неподвижно, потому что всѣ три силы тянутъ его въ разныя стороны. Усилія одного уничтожаются усиліями другого, дѣйствующаго въ противоположномъ направленіи. Но стоитъ только дать всѣмъ тремъ силамъ одно направленіе, и возъ двинется съ мѣста. Или вотъ еще другое сравненіе. Физика говоритъ, что всякій кусокъ стали состоитъ изъ безконечно малыхъ магнитиковъ. Но эти магниты въ обыкновенномъ стальномъ кускѣ обращены своими одноименными полюсами въ разныя стороны, и поэтому сила однихъ уничтожается силою другихъ. А стоитъ только намагнитить какой-нибудь кусокъ стали, и тогда эти крошечные магнитики оборачиваются своими сѣверными полюсами въ одну сторону,

сила одного присоединяется къ силѣ другого, сталь дѣлается сильнымъ магнитомъ и поднимаетъ желѣзо.

Нѣчто подобное дѣлаетъ господствующее стремленіе съ другими стремленіями, мыслями и вообще съ нашими силами. Оно собираетъ и направляетъ къ одной цѣли разрозненныя безсвязныя силы, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ вразбродъ, безпорядочно и независимо другъ отъ друга. До сихъ поръ напряженіе одной силы уничтожала какая-нибудь другая сила, дѣйствовавшая въ противоположномъ направленіи, а теперь, соединенныя и направленныя къ одной цѣли, онѣ поддерживаютъ и усиливаютъ другъ друга.

Тамъ, гдѣ раньше одна сила вычиталась изъ другой, теперь онѣ складываются вмѣстѣ. Получается сумма силъ, дѣйствующихъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, и эта сумма тѣмъ больше, чѣмъ больше стремленій сгруппировано, объединено вокругъ одного господствующаго стремленія. Какъ въ фокусѣ сходятся всѣ преломленные лучи, такъ и въ господствующемъ стремленіи сходятся силы многихъ другихъ стремленій.

О роли связей въ нашей душевной дѣятельности мы скажемъ ниже. Здѣсь же мы хотѣли бы только отмѣтить, что господствующее стремленіе организуетъ, концентрируетъ, объединяетъ и приводитъ въ гармонію нашу энергію, наши разрозненныя, изолированныя до того момента силы. Оно заставитъ насъ воздерживаться отъ поступковъ, мѣшающихъ достиженію нашей цѣли, и охраняетъ насъ отъ колебаній и противорѣчій. Оно объединитъ наши желанія и направитъ ихъ къ опредѣленной цѣли. Оно сгруппируетъ и упорядочитъ наши мысли вокругъ этой цѣли, оно приведетъ наши идеи въ устойчивую стройную систему, оно примиритъ возникающія въ насъ самихъ противорѣчія и, быть-можетъ, мы увидимъ, что мы сумѣемъ осуществить поставленную передъ собою задачу, и мы тогда сосредоточимъ наши мысли на этой задачѣ и станемъ гнать отъ себя все постороннее, служащее помѣхой. Оно возбудитъ въ насъ вѣру въ осуществимость нашихъ цѣлей, заставитъ насъ полюбить эти цѣли, возбудитъ въ насъ энтузіазмъ и рвеніе, уничтожитъ апатію. Оно соединитъ нашу разрозненную энергію, наши разбросанныя силы, и мы почувствуемъ, что мы можемъ достигнуть этой цѣли и станемъ стойко бороться за эту цѣль.

Всѣ религіи утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ любви, безъ надежды и вѣры; но для того, другого и третьяго нуженъ центръ, своего рода стержень, около котораго они могли бы развиваться. И, въ переносномъ смыслѣ, не однимъ только монахамъ, но и всякому другому нужна нить, на которую бы можно было нанизывать свои четки. Какъ хмель, дикій виноградъ или плющъ нуждается въ опорѣ, въ растеніи болѣе сильномъ и устойчивомъ, такъ и всѣ психиче-

скія силы стремятся расположиться вокругъ одного общаго стержня — одного или нѣсколькихъ наиболѣе сильныхъ господствующихъ стремленій.

Если бы насъ спросили, какъ на практикѣ легче всего отличить господствующее стремленіе отъ подчиненныхъ, мы сказали бы, что господствующее или преобладающее стремленіе — это то, которое связано съ наибольшимъ количествомъ другихъ стремленій, желаній, цѣлей, мыслей, чувствъ и поступковъ. Отсюда вытекаетъ громадная роль связей въ психической жизни.

Господствующія стремленія, какъ центръ цѣлой системы стремленій, равнодѣйствующая этой системы, какъ опредѣленная цѣль жизни, включающая въ себя много второстепенныхъ, подчиненныхъ цѣлей,—вотъ чѣмъ въ послѣднемъ счетѣ опредѣляются наши поступки, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важные и сознательные изъ нихъ. И мы по себѣ знаемъ, что люди сознаютъ необходимость господствующихъ стремленій, которыя бы объединили и привели въ гармонію наши желанія, чувства, идеи; они страдаютъ, если въ ихъ душѣ существуютъ диссонансы и дисгармонія между различными необъединенными стремленіями, они сознаютъ необходимость опредѣленнаго призванія, цѣли, для которой стоило бы жить. Біографическіе матеріалы подтверждаютъ тотъ выводъ, что господствующія стремленія и группирующаяся около нихъ господствующая система стремленій вносятъ въ жизнь и дѣятельность человѣка единство, постоянство и гармонію. Читаешь біографіи Цезаря, Микель-Анджело, Коперника, Ньютона и воочію убѣждаешься, что ихъ дѣятельность носитъ характеръ поразительнаго единства и постоянства по отношенію къ главной цѣли, къ осуществленію которой они стремятся. Они всегда вѣрны самимъ себѣ и избранной ими цѣли. У каждаго изъ нихъ есть своя, ему одному свойственная дорога, съ которой онъ не сойдетъ. Ихъ поступки, ихъ дѣятельность съ необыкновенной точностью согласованы съ ихъ жизненными задачами и потому представляютъ часто поразительное единство. Они хорошо знаютъ, чего хотятъ. Съ удивительнымъ постоянствомъ они поднимаются все выше и выше въ одномъ направленіи въ избранной ими области и потому имъ удается иногда достигать такой высоты, которая до нихъ никому и никогда не была доступна. Они не страдаютъ, по крайней мѣрѣ, не часто страдаютъ отъ двойственности, отъ дробности своихъ стремленій. Это монолиты, нѣчто цѣльное, единое, хорошо организованное, недѣлимое. Изъ наиболѣе извѣстныхъ писателей мы могли бы указать, какъ на примѣръ такого человѣка, на Ибсена. По словамъ Брандеса, Ибсенъ похожъ на тѣхъ художниковъ, «которые постоянно употребляютъ одну и ту же модель: сидя, они изображаютъ Брута, стоя — Христіана IV, въ хитонѣ—они Ахиллесъ, въ обнаженномъ видѣ—Самсонъ. Обык-

новенно Ибсенъ рисуетъ могучаго, сильнаго, даровитаго мужчину, какъ, напримѣръ, Брандъ, Гоконъ, Сигурдъ и т. д., и двухъ противоположныхъ по характеру женщинъ: одну мужественную, страстную, необузданную, какъ Іордисъ и другую кроткую, нѣжную, женственную, любящую, какъ Данги. Его идеалъ — это желѣзная воля, страстность, энергія, гордые, непреклонные люди.

Изъ ученыхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ хорошо извѣстныхъ именъ, служащихъ примѣрами единства и постоянства. Ньютонъ, на основаніи своего личнаго опыта, могъ утверждать, что геній есть терпѣнье, съ которымъ сосредоточиваютъ мысли въ одномъ и томъ же направленіи. Когда его спросили, какъ онъ дошелъ до такого величайшаго открытія, какъ законъ тяготѣнія, онъ отвѣчалъ: «Я постоянно думалъ о немъ, вотъ и все». Если бы даже можно было забыть о томъ, какую роль играетъ въ открытіяхъ сосредоточеніе вниманія, уже одно только время, затраченное ученымъ, могло бы объяснить тайну многихъ успѣшныхъ открытій. И дѣйствительно, между тѣмъ моментомъ, когда Ньютонъ началъ свои вычисленія, и тѣмъ днемъ, когда онъ ввелъ въ свои выкладки новыя данныя, касающіяся длины меридіана, и получилъ полное подтвержденіе своей теоріи, прошло ровно шестнадцать лѣтъ. Укажемъ на Коперника, который въ теченіе почти сорока лѣтъ работалъ надъ вычисленіями и наблюденіями, чтобы доказать достовѣрность построеннаго имъ совершенно новаго плана вселенной. Въ теченіе этого огромнаго періода времени онъ постоянно передѣлывалъ, исправлялъ и дополнялъ свою книгу. Читая о такихъ великихъ результатахъ великаго постоянства, невольно вспоминаешь слова Рабле: «Не отчаивайтесь, если тайны природы будутъ открываться вамъ медленно, постепенно, вѣрьте въ могучую силу времени, которое все тайное выведетъ наружу и дастъ въ концѣ концовъ истинѣ побѣду надъ ложью»... «Время открыло и еще откроетъ много скрытыхъ тайнъ. Не даромъ древніе называли Сатурна — Время, отцомъ истины, а истину — дочерью Времени».

Примѣромъ единства и постоянства въ своей работѣ служитъ также Пастёръ. Сдѣлавъ свое первое открытіе въ области химіи съ правой и лѣвой кислотами, онъ перешелъ затѣмъ къ броженію и бактеріологіи и, наконецъ, произвелъ, по выраженію его біографа, величайшую революцію въ самыхъ основахъ врачебной науки за 30 вѣковъ ея существованія. Его труды произвели переворотъ въ хирургіи, санитаріи, дезинфекціи, гигіенѣ, пивовареніи, винодѣліи, въ агрономіи, и я не знаю—еще въ какихъ отрасляхъ знанія и производства. Казалось бы, это была самая разнообразная дѣятельность, какую только можно себѣ представить. А, между тѣмъ, лица, хорошо изучившія всѣ работы Пастёра, утверждаютъ, что «260 мему-

аровъ, сообщеній, замѣтокъ, книгъ и статей Пастера представляютъ одно связное цѣлое, одно твореніе. Это—разработка одной основной идеи, но охватывающей и разъясняющей самыя разнообразныя группы явленій». Пастёръ хорошо зналъ, что такое постоянство и терпѣнье. Не даромъ онъ говорилъ своимъ ученикамъ: «Думать, что открылъ важный научный фактъ, томиться лихорадочной жаждой возвѣстить о немъ—и сдерживать себя днями, недѣлями, годами, бороться съ самимъ собою, стараться разрушить собственные опыты и не объявлять о своемъ открытіи, пока не исчерпалъ всѣхъ противоположныхъ гипотезъ,—да, это тяжкая задача! Но когда, послѣ столькихъ усилій, достигнешь увѣренности, то испытываешь величайшую радость, какая только доступна душѣ человѣческой».

Или вотъ, напримѣръ, Лапласъ, тоже проявляющій постоянство и настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Руководимый страстью къ наукѣ, обладающій огромными умственными силами, требующими примѣненія, онъ, чтобы добиться рѣшенія занимающей его задачи, пробуетъ одно средство, а когда первыя его попытки не имѣютъ успѣха, онъ, по выраженію секретаря математической секціи Академіи Наукъ, Фурье, «избираетъ другое, испытываетъ все новыя и новыя средства до тѣхъ поръ, пока не побѣждаетъ трудностей». Очень рано онъ составляетъ смѣлый и широкій планъ своей будущей ученой дѣятельности и затѣмъ неуклонно идетъ по избранной имъ дорогѣ. Никакія неудачи, никакія препятствія и затрудненія,—ничто не останавливаетъ его, и онъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ и методичностью, шагъ за шагомъ, не сворачивая въ сторону, постепенно и настойчиво осуществляетъ намѣченный имъ планъ. Чтобы сохранить силы и жизнь для науки, Лапласъ велъ правильный и умѣренный образъ жизни и дожилъ до 78 лѣтъ. Онъ обладалъ очень слабымъ зрѣніемъ; но, благодаря особымъ предосторожностямъ, сохранилъ его до глубокой старости. Умирая, онъ и въ бреду говорилъ о движеніи небесныхъ свѣтилъ и объ опытахъ по физикѣ.

Такое же постоянство въ своей дѣятельности проявлялъ и Фарадей, котораго его геній властно толкалъ на новыя и новыя научныя изслѣдованія. По словамъ біографа, «онъ весь отдавался научнымъ занятіямъ, и внѣ ихъ у него не было жизни. Онъ отправлялся рано утромъ въ свою лабораторію и возвращался въ лоно семьи лишь поздно вечеромъ, проводя все время среди своихъ приборовъ. И такъ онъ провелъ всю дѣятельную часть своей жизни, рѣшительно ничѣмъ не отвлекаясь отъ своихъ научныхъ занятій. Это была жизнь настоящаго анахорета науки, и въ этомъ, быть-можетъ, кроется секретъ чрезвычайной многочисленности сдѣланныхъ Фарадеемъ открытій».

Для иллюстраціи того же самаго свойства господствующаго стремленія мы могли бы указать на Давида Юма. Онъ десятки лѣтъ оставался вѣренъ стремленію, установившемуся въ юно-

сти; и это, несмотря на то, что его I-й томъ Исторіи Великобританіи, по его собственному свидѣтельству, былъ встрѣченъ «криками порицанія, гнѣва и даже ненависти... а когда остылъ первый пылъ ихъ гнѣва, то произошло нѣчто еще болѣе убійственное: книга была предана забвенію».

Преобладающія, но разнообразныя способности, властно требуя своего развитія, влекли Гумбольдта къ изученію естественныхъ наукъ, составившихъ дѣло его жизни, его призваніе, хотя, какъ извѣстно, въ юности его учили филологіи и юриспруденціи. Гумбольдтъ цѣлью своей жизни ставитъ дать картину міра и неуклонно идетъ по избранному пути, работая въ этомъ направленіи около 70 лѣтъ. Съ этой цѣлью онъ предпринимаетъ обширныя изслѣдованія по географіи, исторіи, археологіи, этнографіи, сравнительной анатоміи, физіологіи, зоологіи, ботаникѣ, геологіи, метеорологіи, климатологіи, химіи и физикѣ. Если даже забыть тѣ новыя, впервые созданныя имъ отрасли знаній, какъ, напримѣръ, климатологію, если забыть тѣ геніальныя мысли, которыя онъ бросилъ въ старыя области знаній, то уже одно подведеніе итоговъ современнаго ему міровѣдѣнія создало бы ему вполнѣ заслуженную всемірную славу. Но онъ не ограничился кабинетными занятіями. Съ тою же цѣлью онъ совершаетъ путешествія въ тропическія страны Америки и Азіи. Та же самая цѣль заставляетъ его предпринять цѣлый рядъ художественныхъ изображеній міра «отъ звѣздныхъ туманностей до мховъ на гранитныхъ скалахъ». Трудно представить себѣ жизнь болѣе разнообразную въ своихъ проявленіяхъ и въ то же время болѣе единую по своей цѣли.

Еще бо́льшимъ разнообразіемъ обладалъ знаменитый французъ Денисъ Дидро. И, сообразно съ своими силами и наклонностями, онъ поставилъ главной задачей своей жизни посредствомъ изданія Энциклопедіи объяснить все, насъ окружающее, опредѣлить мѣсто человѣка въ природѣ, обществѣ, государствѣ, указать смыслъ человѣческой жизни. И онъ отдастъ этому дѣлу 30 лѣтъ своей жизни. Въ теченіе 15 лѣтъ онъ готовится къ осуществленію этой задачи. Онъ изучаетъ чуть не всѣ отрасли знаній, и его не безъ основаній называли всезнающимъ. Техника, математика, естествовѣдѣніе, древній міръ, философія,— во всѣхъ этихъ дисциплинахъ онъ былъ своимъ человѣкомъ. Но однихъ знаній было мало; чтобы провести свое любимое дѣло чрезъ всѣ Сциллы и Харибды, ему нужно было поддерживать добрыя сношенія со всѣми свѣтилами тогдашней Франціи,— сотрудниками его Энциклопедіи. Еще труднѣе было поддерживать хорошія отношенія съ издателями. Редакція Энциклопедіи требовала отъ него особой аккуратности и методичности, а этотъ геніальный французъ отличался экспансивной порывистой натурой и нѣмецкая пунктуальность была для него самой трудной задачей. И все же онъ доводитъ до конца свое

любимое, прославившее его дѣтище, на которомъ сосредоточивались всѣ его лучшія мысли и желанія.

Французскій историкъ Альбертъ Сорель говорилъ про себя, что самая торжественная дата въ его жизни — это, когда онъ написалъ послѣднюю строку своей «Европы и Революціи». И дѣйствительно онъ отдалъ этой книгѣ почти 30 лѣтъ своей жизни. Начиная съ 33-лѣтняго возраста, онъ работаетъ для этой книги въ архивахъ. Спустя десять лѣтъ появляется въ печати первая часть этого обширнаго труда, который продолжается еще въ теченіе двухъ десятилѣтій.

Аналогичный примѣръ представляетъ и русскій историкъ С. М. Соловьевъ. 30-ти лѣтъ отроду онъ задумываетъ написать подробную исторію Россіи и работаетъ надъ этой книгой въ теченіе 30 лѣтъ, выпустивъ за это время 29 томовъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Чтобы выполнить такой трудъ, ему надо было жить, какъ отшельнику, въ своемъ кабинетѣ, куда онъ не пускалъ даже своихъ дѣтей. Какъ-то разъ знакомые спросили дочь историка, сколько разъ она была въ кабинетѣ отца? — Ни разу, — отвѣчала дѣвочка. Съ тою же цѣлью Соловьевъ ограничивалъ себя въ развлеченіяхъ, не любилъ посѣщать знакомыхъ, велъ такую аккуратную жизнь, что ей позавидовалъ бы самый типичный нѣмецъ.

Когда мы говоримъ, что поступки наши опредѣляются господствующими стремленіями, то мы не отрицаемъ того факта, что и второстепенныя стремленія тоже оказываютъ извѣстное вліяніе на наши рѣшенія. Это похоже на то, что говорятъ астрономы о движеніи планетъ вокругъ солнца. Они знаютъ, что вся солнечная система, со всѣми планетами и самимъ солнцемъ вращается вокругъ точки, выражающей центръ тяготѣнія всей системы; но это не мѣшаетъ намъ говорить, что планеты вращаются вокругъ солнца; потому что эта форма, хотя и не такъ точно, но достаточно приближенно, для рѣшенія практическихъ вопросовъ, изображаетъ дѣйствительное движеніе планетъ. И если бы солнце исчезло, то, несомнѣнно, группировка планетъ была бы совсѣмъ другою, и нашъ земной шаръ кружился бы вокругъ Юпитера, имѣлъ бы другой годъ и другую орбиту. Или вотъ еще другое сравненіе. Земля имѣетъ болѣе 60 движеній; но для насъ всего важнѣе 2 изъ нихъ: то, которое обусловливаетъ смѣну временъ года, и то, которое обусловливаетъ смѣну дня и ночи; потому что именно эти движенія играютъ главную роль въ жизни человѣка, животныхъ, растеній и всей земли. Такъ и въ человѣкѣ: изъ цѣлой массы инстинктовъ, предрасположеній, возможностей, благодаря наслѣдственности и воспитанію, выдѣляется одно или нѣсколько преобладающихъ стремленій, которыя кладутъ печать на всю жизнь человѣка, опредѣляютъ его образъ жизни, направленіе и характеръ его дѣятельности, его поступки, доставляютъ ему счастье или горе, вліяютъ на развитіе или атрофію другихъ

инстинктовъ и стремленій и связываютъ ихъ въ гармоническое цѣлое. Это-то цѣлое, эта система и представляетъ въ сущности господствующее стремленіе. Широкое господствующее стремленіе включаетъ въ себѣ множество связанныхъ съ нимъ частныхъ и узкихъ стремленій, объединенныхъ въ одну систему. Господствующія стремленія представляютъ собою результатъ сложныхъ и многочисленныхъ вліяній: тутъ и наслѣдственные инстинкты, наклонности и предрасположенія, тутъ и здоровье человѣка во время дѣтства и даже утробной жизни, тутъ и среда, и воспитаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Однимъ словомъ, система господствующаго стремленія — это весь человѣкъ.

Конечно, запасъ энергіи, доставляемый питаніемъ, представляетъ для даннаго человѣка въ данный моментъ опредѣленную величину, и общее количество энергіи не зависитъ отъ господствующихъ стремленій. Но каждое наше стремленіе можетъ служить шлюзомъ для потока энергіи, и господствующее стремленіе — это то, куда больше всего идетъ энергіи. Оно связано разными связями со многими другими стремленіями и, благодаря этимъ связямъ, направляетъ многіе потоки въ одну опредѣленную сторону, къ одной общей цѣли, и останавливаетъ другіе потоки, закрывая для нихъ шлюзы, если они идутъ въ противоположномъ направленіи.

Читая біографіи выдающихся людей, легко прійти къ выводу, что когда преобладающія стремленія связаны съ какимъ-нибудь древнимъ и сильнымъ инстинктомъ, то господствующія стремленія получаютъ наибольшую энергію. У однихъ это будетъ честолюбіе, какъ это было у Башкирцевой, у другихъ — половая любовь, у третьихъ — страстное желаніе пріобрѣтать, у четвертыхъ — общественные инстинкты и т. д.

Какъ у животнаго есть существенные признаки, опредѣляющіе способъ питанія и добыванія пищи, а затѣмъ и весь образъ жизни, привычки и проч., такъ и у отдѣльнаго человѣка есть господствующія стремленія, опредѣляющія его думы, его желанія, его поступки, направленіе его дѣятельности, образъ его жизни и проч.

II. То, что такъ рѣзко и ярко выражено въ жизни выдающихся людей, можно въ болѣе слабой степени встрѣтить и въ жизни самыхъ заурядныхъ людей. У каждаго человѣка найдутся какія-нибудь способности и склонности, преобладающія надъ остальными. А потому и въ жизни самыхъ обыкновенныхъ людей мы встрѣчаемся съ вопросомъ о призваніи. И средній человѣкъ хочетъ найти наиболѣе подходящее для его способностей и склонностей мѣсто въ жизни. И онъ не хочетъ зарывать въ землю своихъ талантовъ, какъ бы малы они ни были. И самый обыкновенный человѣкъ очень часто и особенно въ юношескомъ возрастѣ задается вопросомъ, — какая роль въ той необыкновенно сложной пьесѣ, какую играетъ все его общество,

всего лучше подходитъ къ его талантамъ и стремленіямъ, и какъ лучше всего онъ могъ бы выполнить эту роль. И онъ тоже пытаетъ свои юныя силы на томъ или иномъ поприщѣ, всматривается внутрь самого себя, въ свои господствующія стремленія и преобладающія склонности и способности. И самыя обыкновенныя дѣти относятся съ особеннымъ интересомъ къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ влечетъ ихъ потребность въ моментъ ея пробужденія,—особенно, если она подкрѣплена еще привычкою; и въ такихъ предметахъ дѣти обыкновенно достигаютъ очень большихъ успѣховъ, нерѣдко оставаясь позади во всѣхъ прочихъ предметахъ, не имѣющихъ близкой связи съ ихъ господствующими въ данный моментъ наклонностями. И въ жи-

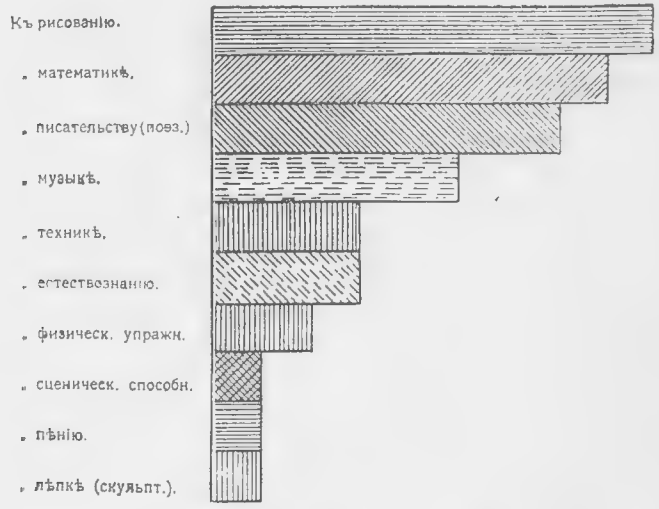


Рис. 1. Какія способности и какъ часто проявляются въ дѣтствѣ.

зни самыхъ обыкновенныхъ людей встрѣчаются не менѣе трагическіе конфликты между ихъ стремленіями къ развитію, съ одной стороны, и внѣшними условіями — съ другой.

Въ анкетѣ, подробную разработку которой я отложилъ до слѣдующаго выпуска, мною были поставлены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) Какія способности преобладали у васъ въ дѣтствѣ? 2) Въ какомъ возрастѣ проявилась каждая изъ способностей? 3) Были ли эти способности развиты или заглохли? 4) Соотвѣтствуетъ ли ваша настоящая профессія преобладающей склонности или она избрана случайно. Такъ какъ анкета эта производилась между слушателями моихъ публичныхъ лекцій въ провинціальныхъ городахъ, то полученные отвѣты относятся къ лицамъ самой разнообразной образовательной подготовки, начиная съ начитанныхъ рабочихъ и

оканчивая высшею провинціальною интеллигенціею. Ниже мы изображаемъ графически полученные результаты при разработкѣ отвѣтовъ на 1 и 3-й вопросы.

Мы видимъ изъ графиковъ, что наиболѣе распространенной изъ преобладающихъ въ дѣтствѣ способностей является способность къ рисованію (живописи). (См. рис. 1.) Къ такому же выводу пришло и Курское справочно-педагогическое бюро при разработкѣ учительскихъ отвѣтовъ на вопросы о талантливости дѣтей. Затѣмъ идутъ, по нашей анкетѣ, математика, писательство (поэзія), музыка, техника и естествовѣдѣніе (остальныя увлеченія дѣтства дали, по подсчету, незначительное число случаевъ). Но намъ кажется, что относительно техники и естество-

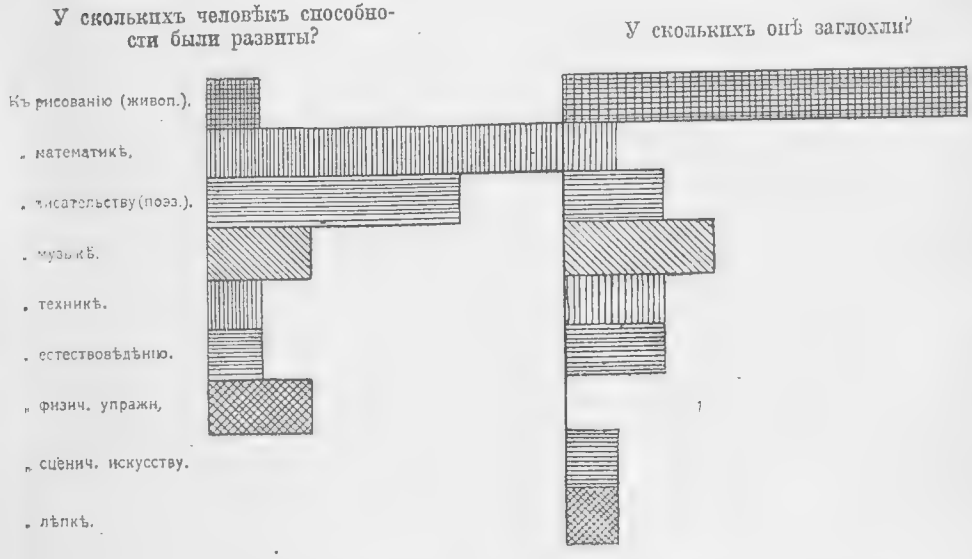


Рис. 2. У сколькихъ лицъ преобладающія способност и бнуылразвиты и сколькихъ заглохли?

вѣдѣнія результаты были бы другіе, если бы русская жизнь и школа давали больше средствъ для развитія этихъ наклонностей. Что это такъ и есть, доказываетъ, между прочимъ, второй графикъ, изъ котораго видно, какъ рѣдко получаютъ развитіе способности къ этимъ двумъ предметамъ и какъ часто онѣ глохнутъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій. А между тѣмъ, важность этихъ двухъ отраслей знанія не можетъ подлежать сомнѣнію уже потому, что современная культура такъ безконечно много обязана этимъ двумъ областямъ человѣческаго генія, и еще потому, что мы до отчаянія далеки отъ того, чтобы догнать въ этомъ отношеніи нашихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей. Изъ нашихъ графиковъ (см. рис. 2) явствуетъ, что нѣсколько лучше обставлено у насъ развитіе лишь двухъ склонно-

стей: къ математикѣ и писательству. Но какъ ни важны для человѣчества математики и писатели, ограничиваться ими одними нельзя. Математика—одно изъ превосходнѣйшихъ орудій для добыванія научныхъ истинъ, но она служитъ открытію истинъ лишь тогда, когда примѣняется къ другой какой-нибудь наукѣ съ реальнымъ содержаніемъ: физикѣ, астрономіи, статистикѣ и т. п. Писательство — одно изъ лучшихъ средствъ для распространенія знаній, идей и истинъ; но нужны еще люди, занятые непосредственно добываніемъ истинъ, реальныхъ и техническихъ знаній; а какъ показываютъ наши графики, современныя условія представляютъ для этого до отчаянія неблагопріятную почву. Цѣлыхъ двѣ трети техническихъ и естественныхъ дарованій, уже проявившихся, ярко выраженныхъ и сознанныхъ, заглохли, не успѣвъ расцвѣсть.

Когда мы говоримъ о лучшихъ условіяхъ для развитія математическихъ и писательскихъ способностей, то, конечно, мы имѣемъ въ виду лишь сравненіе съ условіями для развитія остальныхъ способностей; но на самомъ дѣлѣ нельзя признать удовлетворительными условія, при которыхъ глохнетъ $^1/_8$ ясно сознанныхъ математическихъ дарованій и цѣлыхъ $^2/_7$ писательскихъ. Этотъ результатъ покажется намъ еще печальнѣе, если мы припомнимъ, что въ основу современной средней школы положено изученіе математики, родного, иностранныхъ и латинскаго языковъ, какъ разъ тѣхъ предметовъ, какіе служатъ для развитія математическихъ и литературныхъ дарованій [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что для наилучшаго развитія преобладающихъ способностей въ болѣе зрѣломъ возрастѣ служитъ сама профессія, если она соотвѣтствуетъ господствующимъ способностямъ и склонностямъ. Любопытно, что, когда призваніе найдено, мы имѣемъ склонность преувеличивать значеніе нашей профессіи, украшать ее всѣми цвѣтами радуги. Священникъ по призванію считаетъ духовенство первымъ сословіемъ, потому что оно является ходатаемъ и молитвенникомъ предъ Богомъ и какъ бы располагаетъ Его всемогуществомъ; писатели и журналисты утверждаютъ свое первенство на томъ, что они владѣютъ умами; художники и артисты также считаютъ за собою первенство, потому что они — властители настроеній; учителя, потому что ихъ трудомъ поддерживается и двигается впередъ культура страны; чиновники, потому что они управляютъ страной; судьи, потому что они охраняютъ права обывателей; войско, потому что оно защищаетъ страну отъ враговъ; дипломаты, потому что они обезпечиваютъ тѣ же интересы, но только безъ крово-

[1]) Считаю долгомъ оговориться, что, критикуя современную школу, я немогу обвинить учителей. Я самъ былъ учителемъ, большинство моихъ друзей—учителя, я знаю ихъ прогрессивныя стремленія; но я знаю также, что они безсильны что-нибудь сдѣлать. Традиція и поддерживающія ее могущественныя силы держатъ въ тискахъ современную школу и не даютъ возможности провести въ жизнь лучшія изъ современныхъ педагогическихъ идей.

пролитія; политическіе дѣятели, потому что они работаютъ надъ созданіемъ болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ; врачи, потому что они оберегаютъ величайшее изъ благъ — здоровье населенія; ученые, потому что они двигаютъ впередъ науку, а наука преобразовываетъ міръ; изобрѣтатель, потому что прогрессъ, и особенно матеріальный, обусловливается развитіемъ техники; земледѣлецъ, потому что онъ всѣхъ кормитъ; фабрикантъ, потому что двигаетъ промышленность; рабочіе, потому что они истинные производители богатства и т. д.

И профессія по призванію кладетъ свою печать на физіономію человѣка. Есть физіономіи, выдающія религіознаго фанатика, ученаго по призванію, артиста, писателя, изобрѣтателя, учителя, политическаго дѣятеля и т. д. Къ сожалѣнію, по даннымъ анкеты, современныя условія русской жизни крайне неблагопріятны для выбора профессіи по душѣ, въ согласіи съ господствующими стремленіями. 73% отвѣтовъ говорятъ о случайномъ выборѣ профессіи и только 27%, да и то съ оговорками, указываютъ на соотвѣтствіе профессіи съ преобладающими наклонностями и способностями. Если бы принять въ расчетъ всѣ оговорки, то число лицъ съ профессіями, соотвѣтствующими ихъ преобладающимъ склонностямъ, упало бы ниже 20% общаго числа. Нечего и говорить о томъ, какое это несчастье для самого субъекта дѣлать всю жизнь нелюбимую работу и не имѣть возможности посвятить себя любимой профессіи, къ которой влекутъ и преобладающія способности и господствующіе стремленія и идеалы. Совершенно ясно также, какъ много теряетъ отъ такого порядка вещей страна. И не оттого ли такъ нелѣпо подчасъ ведутся у насъ и промышленныя, и государственныя, и всякія иныя дѣла, что часто пирожникъ извѣстной басни вынужденъ тачать сапоги, сапожникъ — печь пироги, а государственные сановники готовы «итти хоть въ акушеры», если выйдетъ на то приказаніе.

Но и помимо только что указаннаго фактора очень много другихъ условій, въ силу которыхъ такъ много гибнетъ талантовъ, которые могли бы обогатить нашу страну и прославить ее.

Наша анкета даетъ отвѣтъ и на вопросъ, почему именно заглохли тѣ или иныя способности. Наибольшее число отвѣтовъ (39%) видитъ причину въ томъ, что эти способности не были развиваемы, либо по неимѣнію средствъ, либо по отсутствію въ данной мѣстности соотвѣтствующихъ школъ и учителей. Далѣе идутъ указанія на дурное преподаваніе (17%), на противодѣйствіе окружающихъ (17%), остальные отвѣты распредѣляются между слѣдующими категоріями: пробужденіе интереса къ другимъ предметамъ, недостатокъ усидчивости и настойчивости, болѣзнь и т. п. Мы видимъ изъ этого перечня, что 73% общаго числа отвѣтовъ указываютъ на то, что причины остановки развитія господствующихъ способно-

стей и склонностей лежатъ не внутри, а внѣ самого субъекта, въ окружающей его средѣ, во внѣшнихъ условіяхъ. Особенно часты и обычны эти конфликты господствующихъ стремленій съ окружающей средой и условіями въ рабочей и крестьянской массѣ. Какъ часто встрѣчаются рабочіе съ жаждой знаній, съ ненасытнымъ умственнымъ голодомъ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ библіотекахъ, гдѣ они жадно бросаются на книги по интересующимъ ихъ въ данный моментъ вопросамъ. Мы видимъ ихъ и въ аудиторіяхъ народныхъ университетовъ, вечернихъ и воскресныхъ классовъ и школъ, то съ напряженнымъ вниманіемъ слушающихъ лекціи, то забрасывающихъ лектора интересующими ихъ вопросами. Мы узнаемъ ихъ не только по костюму, но и по утомленному виду, такъ какъ они приходятъ въ библіотеку или въ аудиторіи послѣ продолжительнаго и тяжелаго физическаго труда, такъ какъ простая борьба за кусокъ хлѣба требуетъ отъ нихъ огромнаго напряженія, такъ какъ тотъ небольшой расходъ, какого требуетъ отъ нихъ пребываніе въ школѣ или аудиторіи, стоитъ имъ всевозможныхъ урѣзываній въ ихъ нищенскомъ бюджетѣ.

Стоитъ припомнить разсказы изъ тѣхъ временъ, когда школа, грамотность и книга были рѣдкостью въ нашихъ деревняхъ, и нерѣдко встрѣчали оппозицію со стороны взрослаго населенія. Тогда наши крестьянскія дѣти и подростки, и мальчики, и дѣвочки бѣгали въ школу или въ библіотеку за книгою за нѣсколько верстъ и въ морозъ, и вьюгу, и во время половодья, несмотря на различныя препятствія, иногда противъ желанія своихъ родныхъ, подъ насмѣшки сосѣдей. Особенно тяжело доставалась борьба за школу крестьянскимъ дѣвочкамъ, относительно которыхъ еще и теперь мѣстами встрѣчается предразсудокъ, что «дѣвкамъ не слѣдъ учиться».

Конечно, далеко не всѣ дѣти и юноши увлекаются ученьемъ и книгами; у многихъ являются преобладающими другія стремленія, напримѣръ, спортъ, но и это послѣднее надо считать тоже стремленіемъ къ развитію, но только не умственному, а физическому.

Какой-то стимулъ, обусловленный физіологическими и психологическими предрасположеніями, толкаетъ каждаго изъ насъ къ опредѣленнымъ занятіямъ, являющимся средствомъ для развитія преобладающихъ въ насъ въ данное время наклонностей. Ничто такъ не удивительно въ ребенкѣ, какъ то упорство, съ которымъ онъ отстаиваетъ свое естественное право на развитіе этихъ наклонностей, и крайне неразумно то воспитаніе, которое не хочетъ считаться съ этими стимулами и потребностями.

III. Нельзя смѣшивать господствующихъ стремленій и идей съ такъ называемыми навязчивыми идеями. Послѣднія не подчиняются разуму: человѣкъ, одержимый навязчивой идеей, можетъ сознавать ея вздорность и все-таки не можетъ отъ нея

отдѣлаться. Есть, напримѣръ, форма навязчивыхъ идей, когда человѣкъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе повторять неприличныя слова; ему стыдно, онъ хорошо понимаетъ, какое ужасное впечатлѣніе производятъ эти слова на присутствующихъ, и все-таки не можетъ воздержаться и произноситъ ихъ противъ своего желанія. Одна дама чувствовала иногда непреодолимое влеченіе къ убійству и въ такія минуты просила надѣвать на нее горячечную рубашку. Извѣстны такія же непреодолимыя, неподчиняющіяся велѣнію разума влеченія къ самоубійству, къ истязанію своихъ горячо любимыхъ дѣтей и проч. Больной хорошо сознаетъ преступность и нелѣпость подобныхъ влеченій, они приводятъ его въ ужасъ; но онъ не въ силахъ бороться съ ними. Такой человѣкъ невмѣняемъ, и современный судъ не налагаетъ наказанія за преступленія, совершенныя подъ вліяніемъ такихъ непреодолимыхъ влеченій. Навязчивая идея — это дисгармонія между нашими непреодолимыми влеченіями, съ одной стороны, и нашимъ разумомъ, чувствомъ и волею — съ другой. Господствующее же стремленіе согласовано и съ нашимъ разумомъ и съ нашею волею, оно устанавливаетъ гармонію между нашими мыслями, чувствами и желаніями, и нигдѣ никогда не возникало вопроса о вмѣняемости поступковъ, вызванныхъ такимъ стремленіемъ.

Очень часто мы встрѣчаемъ людей, въ которыхъ съ перемѣннымъ счастьемъ борятся за преобладаніе два, три и болѣе стремленій. Каждое изъ нихъ, повидимому, представляется равноправнымъ, ни одно не подчиняется надолго другому, а каждое дѣйствуетъ въ продолженіе извѣстнаго времени, чтобы затѣмъ уступить свое мѣсто слѣдующему. И вокругъ каждаго изъ нихъ располагается свой кругъ подчиненныхъ имъ идей, образовъ, чувствъ и стремленій. Нерѣдко при изученіи какой-нибудь біографіи не удается сразу открыть общаго центра, которому бы подчинялись всѣ другія стремленія даннаго лица. Значитъ ли это, что такого центра нѣтъ, или онъ существуетъ, да только не удается его открыть? Вѣроятно, есть случаи, когда справедливо послѣднее предположеніе; но есть и такіе люди, у которыхъ не одно, а два или даже болѣе господствующихъ стремленій, дѣйствующихъ въ разное время.

Чтобы лучше понять значеніе господствующихъ стремленій, будетъ полезно напомнить о людяхъ, у которыхъ господствующія стремленія выражены такъ слабо, что ихъ считаютъ иногда отсутствующими. Нерѣдко встрѣчаемъ людей, которымъ самимъ трудно было бы сказать, какое стремленіе въ нихъ преобладаетъ, — людей, у которыхъ всѣ дѣйствія, мысли и стремленія кажутся совсѣмъ не связанными другъ съ другомъ, независимыми и неправильными. Здѣсь мы уже входимъ въ область патологіи. Кажется, что въ психикѣ такихъ людей царитъ полная анархія въ желаніяхъ, идеяхъ и поступкахъ. Ихъ мысли, ихъ влеченія случайны, ихъ желанія мѣняются съ ка-

ждымъ новымъ впечатлѣніемъ, ихъ дѣйствія представляются простыми причудами. И никогда нельзя предвидѣть, какъ они поступятъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но и среди здоровыхъ сплошь и рядомъ встрѣчаются люди съ неустановившимися стремленіями. Характернымъ примѣромъ отсутствія ясно-опредѣленныхъ господствующихъ стремленій является, между прочимъ, Павелъ I. Мы не касаемся здѣсь ни ума, ни талантовъ, ни доброты, ни благородства императора. Насъ интересуетъ сейчасъ только одна степень стойкости его господствующихъ стремленій. По словамъ проф. Чижа, изучавшаго жизнь Павла, онъ не могъ ничѣмъ заняться систематически, усидчиво и настойчиво. Учитель Павла, Порошинъ, говоритъ, что Павелъ еще съ дѣтства проявлялъ крайнюю первность, впечатлительность и непомѣрную вспыльчивость. До конца жизни у него не было широкихъ, опредѣленныхъ, разъ навсегда установившихся взглядовъ. Ему, повидимому, неизвѣстна была работа во имя отдаленнаго будущаго, неизвѣстна сдержанность во имя такихъ мотивовъ. Только интересы даннаго момента, только злоба настоящаго дня руководила его поступками. Чуть не каждое сколько-нибудь сильное впечатлѣніе и чувство (будетъ ли это страхъ, радость, ревность, любовь) сейчасъ же, безъ долгихъ думъ и размышленій, у него переходило въ дѣйствіе. Это былъ человѣкъ порыва, и его случайные порывы почти никогда не встрѣчали противовѣса, потому что противовѣсъ имъ могъ быть данъ только со стороны широкаго и устойчиваго господствующаго стремленія, у него отсутствовавшаго. Онъ постоянно мѣнялъ друзей. Онъ часто мѣнялъ и высшихъ государственныхъ чиновниковъ. За 4 года своего царствованія онъ перемѣнилъ 4 генералъ-прокуроровъ. Безъ ясно намѣченныхъ цѣлей, онъ всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ послѣдняго впечатлѣнія, настроенія или чувства. Его желанія внезапно смѣняютъ другъ друга; его страсти поочередно господствуютъ надъ его умомъ. Поэтому его дѣятельность кажется безсвязной, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться энергичной. Порывистыя и противорѣчивыя дѣйствія, отсутствіе ясной системы и рѣзкія колебанія — вотъ самая характерная черта въ жизни Павла. Его импульсивность, непредусмотрительность характеризуются множествомъ разсказовъ, похожихъ на анекдоты. Проѣзжая по Новгородской губерніи, Павелъ, разсердившись на ямского голову, старика-сектанта, приказалъ зажечь съ четырехъ концовъ село, гдѣ жилъ старикъ, а всѣхъ крестьянъ сослать въ Сибирь. Хорошо извѣстно, какъ часто раздавалъ онъ чины, ордена и «души крестьянъ» за понравившійся ему отвѣтъ, за точное исполненіе иногда совсѣмъ неважнаго порученія. Не менѣе извѣстно, что онъ удалилъ со службы 7 фельдмаршаловъ, 300 генераловъ и болѣе 2.000 офицеровъ. Подъ вліяніемъ отрицательнаго отношенія къ покойной матери, онъ производилъ ломку всѣхъ екатерининскихъ порядковъ, но дѣлалъ это безъ

опредѣленнаго плана. При этомъ онъ не всегда разбиралъ, что хорошо и что дурно, лишь бы дѣйствовать наперекоръ матери. Онъ самъ сознавалъ свои недостатки и совѣтовалъ своей невѣстѣ «вооружиться терпѣньемъ, чтобы сносить (его) горячность, измѣнчивое расположеніе духа и нетерпѣливость». Если и можно уловить въ его поступкахъ какую-нибудь связь, то это были связи по противоположности. Вообще изъ ассоціацій, по которымъ связывались его представленія, преобладали не логическія, а ассоціаціи по контрасту. Благодаря этому обстоятельству, онъ былъ иногда очень остроуменъ, но почти никогда не было въ его мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ единства, постоянства и устойчивости. То онъ, изъ нелюбви къ покойной матери, дружитъ съ Пруссіей, то приказываетъ посланнику прекратить съ ея правительствомъ всякія сношенія. То онъ воюетъ съ Франціей, то благоволитъ къ ней и, къ удовольствію Наполеона, объявляетъ войну Англіи. То онъ подчиняется своей женѣ и Нелидовой, то становится къ нимъ во враждебныя отношенія. Онъ издаетъ указъ, запрещающій продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли, но самъ раздаетъ болѣе полумилліона душъ въ частное владѣніе. Онъ разрѣшаетъ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ, уволеннымъ не по суду, снова поступить на службу и приказываетъ имъ прибыть въ Петербургъ и представиться ему лично. Сначала эти представленія ему нравились, но скоро это ему надоѣло, и онъ прогонялъ ихъ, обрекая ихъ на большую нужду. До восшествія на престолъ онъ велъ очень скромную жизнь, а по восшествіи на престолъ окружилъ себя роскошью и тратилъ на отдѣлку своихъ дворцовъ безумныя деньги.

Есть люди, у которыхъ чуть не каждая мысль или чувство переходитъ затѣмъ въ свою противоположность. Привязанность къ человѣку смѣняется отчужденіемъ и даже ненавистью; любовь къ наслажденію — стремленіями къ аскетизму и наоборотъ, какъ это было у нѣкоторыхъ аскетовъ; переходъ отъ деспотизма къ раскаянію, какъ это наблюдалось у нашихъ кающихся дворянъ. То же самое было и съ Павломъ. Были случаи, когда онъ просилъ извиненія у обиженнаго. По отношенію къ другимъ людямъ эта черта ярче всего выражается въ спорахъ. Одинъ рабочій характеризовалъ мнѣ своего знакомаго, очевидно, принадлежащаго къ этому типу людей, такими словами: «Скажите ему «да», онъ скажетъ «нѣтъ»; скажите «нѣтъ», онъ скажетъ «да». Къ такому типу людей принадлежатъ Марья Антоновна и Анна Андреевна въ «Ревизорѣ» Гоголя. Когда одна изъ нихъ говоритъ, что кто-то идетъ по улицѣ, другая, непремѣнно, начнетъ съ рѣзкаго отрицанія этого факта. Когда одна скажетъ, что это — Добчинскій, другая будетъ отрицать и это. Зайдетъ ли у нихъ рѣчь о томъ, какое платье идетъ къ одной изъ нихъ, опять тѣ же горячіе бездоказательные споры.

Ассоціаціи по противоположности вполнѣ умѣстны и даже необходимы, когда человѣкъ обдумываетъ какое-нибудь рѣшеніе. Здѣсь иногда необходимо бываетъ взвѣсить доводы «за» и «противъ». Но когда эта ассоціація безъ всякой нужды проявляется въ дѣйствіи или даже въ спорѣ, — эта привычка знаменуетъ собою отсутствіе постоянства и единства въ стремленіяхъ человѣка. Именно таковъ былъ и Павелъ. Его любовь къ контрастамъ въ поступкахъ, чувствахъ и представленіяхъ еще разъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи устойчивыхъ господствующихъ стремленій. Безъ устойчивыхъ широкихъ интересовъ онъ, естественно, нуждался во все новыхъ и новыхъ развлеченіяхъ. Когда его переставали занимать мелкія дѣла, онъ скучалъ и искалъ забавъ, какъ ихъ ищетъ ребенокъ. Онъ не могъ жить безъ общества. Онъ любилъ играть въ жмурки. Для развлеченія же онъ придумывалъ иногда такія шутки. Вмѣстѣ съ Нелидовой онъ устроилъ для графа Головкина кровать такимъ образомъ, что Головкинъ долженъ былъ свалиться въ ванну съ водою. И Павелъ очень сердился, когда эта шутка не удалась. Вообще говоря, въ дѣйствіяхъ Павла мы найдемъ очень мало устоичивости и постоянства, но очень много импульсивности и безхарактерности.

А на самомъ низу лѣстницы, на самой нижней ея ступени мы встрѣчаемъ людей, напоминающихъ Нерона, природа котораго, по опредѣленію Ренана, представляла «ужасающій кошачій концертъ, полный лязга и скрипа всѣхъ психическихъ пружинъ, зрѣлище какой-то циничесной эпилепсіи, гдѣ сасабанда обезьянъ въ Конго перемѣшалась съ кровавою оргіей дагомейскаго короля».

Но легко можно представить себѣ безъ устойчивой господствующей идеи не кроваваго деспота Нерона, а самаго обыкновеннаго, иногда даже симпатичнаго, хотя и жалкаго человѣка. Сколько мы знаемъ такихъ людей, которые являются рабами либо мимолетнаго чужого внушенія — друзей, близкихъ, окружающихъ людей, либо случайныхъ впечатлѣній. Въ лучшемъ случаѣ они могутъ быть даже рыцарями на часъ, про которыхъ поэтъ говоритъ: «Что ему книга послѣдняя скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ... Самъ на душѣ ничего не имѣетъ, что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ; нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ».

Н. К. Михайловскій считаетъ такой типъ настолько распространеннымъ, что называетъ его толпою. Пользуясь книгою Рибо, онъ характеризуетъ этихъ людей слѣдующимъ образомъ: «Аморфныхъ индивидовъ легіонъ. Я разумѣю здѣсь всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ собственной, специфически присущей имъ физіономіи. Природа сдѣлала ихъ пластическими до крайности; у нихъ нѣтъ ничего внутренняго, только имъ однимъ присущаго. Кто-либо другой или, за отсутствіемъ его, общественная среда желаетъ за нихъ и дѣйствуетъ за нихъ. Они—не голосъ,

а эхо; они являются тѣми или иными отъ произвола обстоятельствъ. Случай рѣшаетъ и опредѣляетъ ихъ ремесло, ихъ бракъ и все остальное. Задѣтые разъ колесомъ, они кружатся и вертятся точь въ точь, какъ и всѣ остальные... Они представляютъ собою совершенную противоположность самоопредѣляемости, не имѣя ни единства, ни постоянства въ настроеніи. Капризные, каждый моментъ измѣнчивые, то инертные, то вспыльчивые, неувѣренные и несоразмѣрные въ своихъ реакціяхъ, поступающіе одинаково при разныхъ обстоятельствахъ и различно при обстоятельствахъ одинаковыхъ, они являются абсолютной неопредѣленностью. Болѣзненные въ большей или меньшей степени характеры, выражающіе невозможность или неспособность желаній и стремленій достигнуть связности, концентраціи, единства».

Ибсенъ противопоставляетъ своего Бранда — эту цѣльную, самобытную, самодовлѣющую, вѣрную себѣ личность, которая не хочетъ быть «понемногу всѣмъ—и тѣмъ и сѣмъ, жить, какъ всѣ, и не искать путей особыхъ»—толпѣ его прихожанъ—безличныхъ, половинчатыхъ, ничтожныхъ, дряблыхъ людей, которые «раздробили на части ту душу, что цѣльной создана была».

Ницше относитъ къ этому же типу цѣлыя поколѣнія. «Эти поколѣнія, — говоритъ онъ, — не знаютъ мужественныхъ порывовъ и рѣшеній и даже во снѣ сомнѣваются въ свободѣ своихъ дѣйствій».

Сологубъ вѣрно выразилъ состояніе человѣка безъ призванія, но тоскующаго объ этомъ призваніи въ слѣдующихъ словахъ: «Грустно грежу, скорбь лелѣю, паутину жизни рву и дознаться не умѣю, для чего и чѣмъ живу».

Быть-можетъ, значеніе господствующихъ стремленій станетъ для насъ яснѣе, когда мы разсмотримъ примѣры, когда уже существовавшее господствующее стремленіе почему-либо разрушается. Такой кризисъ произошелъ, напримѣръ, съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ въ юности подъ вліяніемъ ненормальныхъ условій существованія, и вотъ какъ онъ его описываетъ: «Подъ вліяніемъ такого (тяжелаго) настроенія я задалъ себѣ вопросъ: предположимъ, что всѣ мои желанія осуществятся, что всѣ измѣненія въ области правовыхъ институтовъ и человѣческихъ мнѣній, о которыхъ я мечтаю, дѣйствительно, произойдутъ въ настоящій моментъ — будетъ ли это для меня истиннымъ счастьемъ и радостью? и внутренній голосъ тотчасъ же, безъ малѣйшихъ колебаній, отвѣтилъ мнѣ: нѣтъ. Сердце мое упало. Все основаніе моей жизни разрушилось: все мое счастье заключалось въ преслѣдованіи одной цѣли. Цѣль эта перестала меня привлекать; какой же интересъ могли представлять для меня средства? Мнѣ казалось, что у меня ничего не осталось въ жизни... На другой день я проснулся съ тяжелымъ сознаніемъ моего несчастія. Оно преслѣдовало меня повсюду — въ обществѣ и во время моихъ

одинокихъ занятій. Врядъ ли что-нибудь въ моей повседневной жизни могло доставить мнѣ хотя бы нѣсколько минутъ забвенія. Въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ туча все болѣе и болѣе сгущалась. Напрасно искалъ я облегченія въ моихъ любимыхъ книгахъ, этихъ памятникахъ прошедшей доблести и величія, которые раньше такъ воодушевляли меня. Я ихъ читалъ теперь безъ всякаго чувства и убѣдился, что моя любовь къ человѣчеству прошла сама собой... Я часто спрашивалъ себя, долженъ ли я продолжать жить, если моя жизнь всегда будетъ проходить такимъ образомъ. И я всегда отвѣчалъ себѣ, что не вынесу такой жизни даже въ теченіе одного года».

Другой, болѣе обыденный, аналогичный примѣръ — это потеря пожилою матерью любимаго взрослаго сына, составлявшаго цѣль ея жизни. «Всѣ душевныя движенія этой женщины, — говоритъ Ушинскій, — всѣ вереницы ея мыслей, желаній, надеждъ, предпріятій слились съ идеей объ этомъ утраченномъ человѣкѣ. Она начала жить имъ еще съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала его жизнь подъ сердцемъ, и съ тѣхъ поръ, каждую минуту и десятки лѣтъ, вплетала его образъ во всякое душевное движеніе. Въ душѣ ея не осталось ни одного уголка, куда бы она не внесла этого дорогого, всеосвящающаго образа, и чѣмъ больше мысль о сынѣ вплеталась во всѣ самыя затаенныя тропы ея души, тѣмъ становился онъ ей дороже. На одной изъ картинъ въ Ватиканѣ Святая Дѣва изображена старухою, лобзающею зіяющую рану на рукѣ своего Сына, только что снятаго со креста... Вглядитесь въ лицо этой женщины, изображенное съ необыкновенной силой, и вы поймете сразу, что весь міръ—и земля, и небо, всѣ жизненныя отношенія, вся праздничная и будничная обстановка жизни, всѣ желанія и надежды, «все, что создавала душа этой женщины въ продолженіе ея долгой жизни, — изорвано, измято, уничтожено, и что теперь для нея весь міръ въ одной этой помертвѣлой рукѣ, лежащей у нея на колѣняхъ, въ одной этой потемнѣлой, запекшейся язвѣ».

Часто говорятъ объ уравновѣшенныхъ людяхъ, какъ о такихъ, у которыхъ ни одно стремленіе не господствуетъ надъ другими, а всѣ они развиты гармонически и уравновѣшиваютъ одно другое, и всѣ вмѣстѣ сдерживаютъ наиболѣе сильные порывы, если послѣдніе возникаютъ, благодаря какой-нибудь случайности. Но признавать такую уравновѣшенность во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія, за идеалъ, за высшую ступень развитія едва ли возможно. Все зависитъ отъ того, что же именно создаетъ эту гармонію или, вѣрнѣе, во имя чего она создается. Все зависитъ отъ качества тѣхъ преобладающихъ стремленій, между которыми установилась эта гармонія. Съ одной стороны, мы можемъ причислить къ этому типу уравновѣшенныхъ безучастнаго Бюффона, сдержаннаго Монтескье, всесторонняго Леонардо-да-Винчи, бывшаго и живописцемъ, и

скульпторомъ, и поэтомъ, и музыкантомъ, и архитекторомъ, и ученымъ, свѣдущаго и въ рыцарскихъ искусствахъ, верховой ѣздѣ, танцованіи, фехтованіи, олимпійца Гете, универсальный геній котораго охватывалъ и поэзію, и науку, и философію, и народничество, и космополитизмъ, и практическую дѣятельность, и міровыя задачи, и психологію личности, и всѣ человѣческіе идеалы и проч. Съ другой стороны, къ этому же типу уравновѣшенныхъ мы должны отнести многочисленную группу ничѣмъ невыдающихся посредственныхъ людей, любящихъ повторять пословицу: «моя хата съ краю, ничего не знаю». Что бы ни происходило кругомъ нихъ, имъ, повидимому, все равно, лишь бы ничто не угрожало ихъ эгоистическому благосостоянію. Какое имъ дѣло до всего происходящаго вокругъ. Они могли бы сказать про себя словами Горьковскаго героя: «ничего я не хочу, ничего не желаю» внѣ личнаго спокойствія. Они никогда не вступятъ въ борьбу съ окружающей средой, во имя какихъ бы то ни было идеаловъ. Они больше всего боятся столкновеній съ обществомъ и его мнѣніями, съ властями, они страшатся всякихъ поступковъ, которые могли бы повести къ конфликтамъ, угрожать личной безопасности. Ихъ девизъ—наилучшее приспособленіе къ средѣ, къ условіямъ существованія, у нихъ одно господствующее стремленіе—самосохраненіе во имя самосохраненія. Распространенность этого типа понятна. Онъ является прямымъ результатомъ дѣйствующаго во всемъ животномъ мірѣ естественнаго отбора. Типы, не приспособляющіеся къ существующей средѣ, могутъ стать неудачниками, могутъ даже погибнуть, не успѣвъ передать своихъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ свойствъ потомству. Напротивъ, приспособляющіеся типы благополучно проходятъ свой жизненный путь, плодятся, населяютъ землю и передаютъ свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя черты многочисленному потомству. Но, скажутъ, въ такомъ случаѣ животныя, строго подчиняющіяся естественному отбору, должны быть болѣе уравновѣшенными, чѣмъ человѣкъ. И, повидимому, это предположеніе будетъ имѣть за собою нѣкоторыя основанія.

У животныхъ стремленія къ развитію выражены слабо. Несложныя потребности животнаго почти всѣ сводятся къ сохраненію его самого и къ продолженію его рода. Къ этому сводятся всѣ его дѣйствія, привычки и вся жизнь, чѣмъ и обусловливается его уравновѣшенность.

О классификаціи стремленій мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, а теперь отмѣтимъ лишь, что господствующія стремленія и цѣли могутъ быть эгоистичны и узки или же широки и человѣчны, господствующія цѣли могутъ быть призрачны и ложны или же реальны. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ узкихъ стремленій.

Иногда такія стремленія, какъ бы узки они ни были, будучи сознаны въ юности, остаются на всю жизнь. Читая біографію такого человѣка, совершенно ясно представляешь себѣ одно постоянное, устойчивое, господствующее стремленіе, дѣйствующее въ продолженіе всей жизни. Онъ неуклонно идетъ по разъ избранному пути, не позволяя себѣ увлечься чѣмъ-либо постороннимъ. Мы видимъ тутъ, что почти всѣ значительныя мысли человѣка, его желанія, его чувства, его поступки на протяженіи цѣлой жизни связаны съ этимъ стремленіемъ. Получается гармоническая, стройная жизнь, гдѣ почти все составляетъ одну связную, хорошо скомпанованную картину. Если при этомъ господствующее стремленіе благородно, широко и возвышенно, то мы будемъ въ правѣ сказать про такую жизнь словами Альфреда да Винчи: «Что такое великая жизнь? — это юношеская мысль, осуществленная въ зрѣломъ возрастѣ». Но, конечно, можно представить себѣ также выдержанную жизнь съ низкимъ и узкимъ стремленіемъ, напримѣръ, Плюшкина. Не говоря пока о достоинствахъ господствующаго стремленія, мы не можемъ не признать, что въ данномъ случаѣ господствующее стремленіе обусловливаетъ единство и цѣльность жизни (хорошей или дурной — это другой вопросъ), составляетъ суть и главное свойство личности. Когда говорятъ о комъ-нибудь: «онъ — скряга, какъ Плюшкинъ», или «онъ обжора, какъ Гоголевскій Пѣтухъ», или «онъ — филантропъ, какъ Гаазъ», то намъ становится понятной вся психика даннаго лица. Можно заранѣе предсказать, какъ поступитъ этотъ человѣкъ въ томъ или въ другомъ случаѣ. Большею частью такіе люди проявляютъ необыкновенную настойчивость и упорство въ достиженіи своей главной цѣли. Кажется, что этотъ субъектъ поддерживаетъ свою жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку это надо для осуществленія его господствующаго стремленія. Кажется, что здѣсь само чувство самосохраненія и то подчинено господствующему стремленію.

На самой низшей ступени мы должны поставить растительныя потребности, если онѣ становятся господствующими. Петръ Петровичъ Пѣтухъ Гоголя цѣлью своей жизни сдѣлалъ ѣду. Когда его спрашиваютъ, скучалъ ли онъ когда-нибудь, онъ отвѣчаетъ: «Никогда! Да и времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься — тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть — опять поваръ, нужно заказывать ужинъ... Когда же скучать». Людямъ, жалующимся на скуку, онъ совѣтуетъ: «Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать».

«Когда мы говоримъ о человѣкѣ,— пишетъ Поланъ, — что онъ — лакомка, то тутъ имѣется въ виду не ассоціація элементовъ, а одинъ изъ этихъ элементовъ»... Нѣтъ, это цѣлая ассоціація элементовъ, группирующихся около центральнаго изъ

нихъ. У Пѣтуха все время занято мыслями и хлопотами о ѣдѣ. Здѣсь цѣлые ряды представленій, желаньицъ, чувствицъ, связанныхъ съ одной господствующей страстью. Здѣсь постоянство и упорство въ удовлетвореніи своего главнаго стремленія. Во имя его сдерживаются и атрофируются другія стремленія, если они не гармонируютъ съ главнымъ. Не далеко отсюда и господствующее стремленіе Плюшкина. Здѣсь узенькая, бѣдная страсть и небольшой запасъ мелкихъ мыслишекъ, воспоминаньицъ, желаньицъ и чувствъ, объединенныхъ этою страстью во что-то отвратительное и вмѣстѣ жалкое.

Чуть ли не на одномъ уровнѣ съ Пѣтухомъ и Плюшкинымъ, созданными крѣпостничествомъ, стоятъ и многіе герои Бальзака, созданные буржуазнымъ строемъ Франціи временъ Іюльской монархіи. Всѣ эти возбуждающіе презрѣніе ростовщики, игроки, шпіоны, полицейскіе, сводники, кокотки и мошенники руководятся только грубымъ корыстолюбіемъ и низкими страстями, маскируемыми лицемѣріемъ. Ихъ богъ — золото; ихъ страсть — завоевать положеніе. Средствами здѣсь служитъ сила, руководимая хитростью; этика отсутствуетъ, лишь бы законы и приличія не нарушались откровенно. Всѣ они въ этомъ отношеніи слѣдуютъ правилу бальзаковскаго персонажа Вотрена: «Нѣтъ ни принциповъ, ни законовъ, а есть только обстоятельства, къ которымъ умный человѣкъ приноравливается». Тотъ же Вотренъ справедливо сравниваетъ ихъ съ пауками, поѣдающими другъ друга.

Типичнымъ представителемъ людей этой категоріи является Натанъ Ротшильдъ, жизнь котораго хорошо изучена его біографами. Его религіей были деньги. Его жизнь — это нажива. Всѣ его способности, всѣ его труды направлены были на то, чтобы увеличить свои капиталы. Что не вело къ этой цѣли, то его не интересовало. Книги, наука, искусство, поэзія, философія, какъ предметы, не отвѣчающіе его господствующему стремленію, для него не существовали. Вся его энергія была направлена только на одни денежныя дѣла, и онъ вытравилъ въ себѣ все, что не способствовало успѣху въ этихъ дѣлахъ: состраданіе, совѣсть, раскаяніе, идеализмъ, мораль, личныя привязанности къ людямъ, въ которыхъ его дѣло не нуждалось. Любовь къ семьѣ едва ли можно считать исключеніемъ изъ этого правила, потому что такіе люди смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на своихъ преемниковъ въ томъ же самомъ дѣлѣ. Но зато онъ развивалъ въ себѣ всѣ способности, нужныя для дѣла, которое составляло его сущность: выдержку, наблюдательность, проницательность, находчивость, умѣнье во-время рисковать, безсердечіе по отношенію къ своимъ жертвамъ, работоспособность, настойчивость и проч.

Едва ли не больше вреда принесли люди, подобные Торквемадѣ, угрюмые фанатики, одержимые какимъ-то горячечнымъ кровавымъ бредомъ, связаннымъ съ ихъ господствующей не-

отвязной идеей. Чудовищная жестокость этихъ палачей, пылающихъ ненавистью къ человѣческому роду, стоила тысячъ жертвъ, сожженныхъ на кострахъ, сотенъ тысячъ изгнанниковъ, конфискаціи множества имуществъ. Но еще больше вреда принесли они народу тѣмъ страхомъ, какой они своею дѣятельностью и произволомъ внушали народнымъ массамъ, задерживая, такимъ образомъ, всякое движеніе впередъ.

Что весь этотъ кровавый кошмаръ былъ результатомъ не природной жестокости, а объяснялся исключительно узостью и призрачностью руководящей этими изувѣрами цѣли, это ясно изъ того, что нѣкоторые изъ инквизиторовъ, какъ, напримѣръ, Конрадъ Марбургскій, на долю котораго пришлось наибольшее число жертвъ, былъ по своей природѣ добродушнымъ, но такова сила господствующихъ стремленій, что они побѣждаютъ даже природныя качества. Роковая ошибка инквизиторовъ состояла въ томъ, что они съ ревностію, достойной лучшей доли, преслѣдовали фантастическія цѣли вмѣсто того, чтобы служить дѣйствительнымъ интересамъ народа. Здѣсь не трудно было бы привести всѣмъ извѣстные примѣры государственныхъ дѣятелей, руководимыхъ другими цѣлями, но также призрачными, и принесшихъ въ жертву своему господствующему стремленію еще больше жизней, чѣмъ всѣ инквизиторы вмѣстѣ взятые. Узость и призрачность господствующаго стремленія можетъ неблагопріятно отразиться даже въ такихъ областяхъ, какъ наука или искусство.

Бинэ хорошо изучилъ психику многихъ великихъ счетчиковъ и пришелъ къ выводу, что большинство изъ нихъ оказывались очень посредственными по своему умственному развитію. Про многихъ изъ нихъ можно было бы безъ особаго преувеличенія сказать, что это были простыя счетныя машины. Объясненіе подобныхъ явленій заключается въ томъ, что всякая господствующая способность, благодаря увлеченію предметомъ, стремится поглотить всю энергію мозга, все свободное время и силы. Въ этомъ большая опасность, если дѣло идетъ о какой-нибудь узкой спеціальности.

Покойный Сѣченовъ въ своихъ запискахъ изображаетъ такимъ узкимъ спеціалистомъ извѣстнаго анатома Грубера. Онъ зналъ только одну анатомію, считалъ ее однимъ изъ китовъ, на которыхъ стоитъ вселенная, и съ утра до ночи занимался аномаліями въ строеніи тѣла, собирая матеріалы самъ и черезъ ассистентовъ и черезъ фельдшера. Всѣ эти аномаліи онъ заносилъ въ особую книгу, достигшую колоссальныхъ размѣровъ, и поручалъ ея храненіе лишь главному или наиболѣе любимому изъ ассистентовъ. «Вѣчно занятый своей анатоміей и аномаліями, онъ на все остальное смотрѣлъ словно вскользь». По этому поводу Сѣченовъ вспоминаетъ другого профессора Тидемана. У того была записная книжка, куда онъ заносилъ всѣ свои впечатлѣнія и приходившія въ голову мысли. Его дочь

и одинъ изъ ассистентовъ полюбили другъ друга. Но когда ассистентъ вздумалъ просить у Тидемана руки его дочери, то былъ прогнанъ со срамомъ. Чтобы помочь бѣдѣ, молодые люди похитили записную книгу профессора. «Онъ метался нѣсколько дней, какъ угорѣлый, и, прозрѣвъ, наконецъ, истину, сказалъ ассистенту: «Ну, бери дочь и отдай мнѣ книжку».

Возьмемъ примѣръ изъ жизни историческаго живописца Александра Иванова. Мы знаемъ, что онъ отдалъ болѣе 20 лѣтъ своей жизни своей знаменитой картинѣ. Но эта работа отвлекла его отъ всѣхъ остальныхъ интересовъ, отъ общества, отъ новыхъ вѣяній вѣка. За этой работой онъ и не замѣтилъ, что въ идейномъ содержаніи вѣка и въ частности въ области искусства народились и развились новыя теченія, и отсталъ отъ нихъ. А когда онъ затѣмъ вникъ въ сущность народившагося движенія и понялъ его, было уже поздно. Проработавъ всю жизнь въ одномъ направленіи, онъ уже не въ силахъ былъ успѣшно работать въ новомъ, несмотря на свои рѣдкія способности и необыкновенный талантъ. Отсюда глубокая внутренняя драма талантливѣйшаго художника, разочарованнаго въ своихъ силахъ, отсюда его угнетенное настроеніе, ипохондрія, подозрительность къ людямъ. Не суживай онъ такъ свою задачу, быть-можетъ, онъ не умеръ бы такъ рано (52 лѣтъ) и, навѣрно, подарилъ бы русское искусство новыми шедеврами, болѣе отвѣчающими современнымъ требованіямъ.

А вотъ другой примѣръ еще болѣе узкаго господствующаго стремленія. Шеврейль, одинъ изъ творцовъ научнаго метода въ органической химіи, былъ до того увлеченъ своей спеціальностью; что оставался равнодушнымъ къ политикѣ въ самые страшные моменты для Франціи. Когда она была разгромлена въ 70-мъ году нѣмецкими войсками, когда самый Парижъ былъ въ осадѣ, Шеврейль весь ушелъ въ свои лабораторныя работы. Только однажды онъ былъ выведенъ изъ состоянія политическаго безразличія, это когда шальная нѣмецкая бомба попала въ его лабораторію и разбила нѣсколько колбъ. Тогда онъ взялъ перо и написалъ императору Вильгельму письмо, начинающееся словами: «Если бы Вы были варваромъ, и тогда Вы не могли бы сдѣлать ничего болѣе преступнаго»...

Но есть широкія стремленія, есть идеальныя цѣли, которыя еще никого не заставляли суживать развитіе своихъ способностей. Таково, напримѣръ, стремленіе къ свободѣ.

Во второй части «Фауста» Мефистофель старается угадать господствующее въ этотъ моментъ стремленіе Фауста. Сначала онъ предполагаетъ эротическія стремленія:

«Всего милѣй, конечно, на землѣ
Жена, но не въ единственномъ числѣ».

Потомъ переходитъ къ славѣ:

«Гремѣть ты хочешь славой по вселенной».

Но догадки Мефистофеля оказались невѣрными, и стремленія Фауста неизмѣримо выше. Онъ говоритъ: «Власть собственно нужна мнѣ съ этихъ поръ: мнѣ подвигъ все, а слава вздоръ». А его подвигъ состоитъ въ томъ, что онъ устраиваетъ край для свободной жизни. Предъ смертью онъ говоритъ:

«Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
Кто ежедневно съ бою ихъ беретъ.
И я увижу въ блескѣ силы дивной
Свободный край, свободный мой народъ.
Тогда-то я скажу: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья,
Слѣда, оставленнаго мной».

Господствующія стремленія можно найти у цѣлаго поколѣнія, у цѣлаго соціальнаго класса данной эпохи. Были эпохи, которыя характеризовались то преобладаніемъ эстетическихъ стремленій, какъ, напримѣръ, въ древнихъ Аѳинахъ, то преобладаніемъ религіозныхъ стремленій, какъ у древнихъ евреевъ, то торгово-промышленныхъ, какъ въ современныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Если бы я былъ историкомъ, я попытался бы изобразить исторію, какъ смѣну господствующихъ стремленій. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ въ данномъ случаѣ можетъ служить русская интеллигенція послѣдняго полустолѣтія. Она состояла изъ людей съ преобладающими общественными инстинктами, соединенными съ тѣми или другими самыми разнообразными способностями. Тутъ были и поэты, и беллетристы, и изобрѣтатели, и научные дѣятели, и организаторы и проч. Но при всемъ разнообразіи способностей у всѣхъ у нихъ было одно общее — это высокоразвитыя общественныя стремленія. Господствующимъ стремленіемъ — было благо народа. Интеллигенція служитъ трудящемуся народу и только одному народу. Она любитъ только одинъ народъ и ненавидитъ только однихъ враговъ народа. Осуществленіе этой цѣли она преслѣдуетъ всѣми возможными для нея средствами. Она популяризируетъ науку, издаетъ народныя книги, устраиваетъ воскресныя школы, народныя библіотеки, народныя чтенія, народные университеты, музеи, народные театры. Той же цѣли она служила въ области науки, когда искала, напримѣръ, въ политической экономіи средствъ къ наиболѣе справедливому распредѣленію богатства. Въ беллетристикѣ и поэзіи она либо изображаетъ страданія и жизнь народа (Некрасовъ, Гл. Успенскій, Златовратскій, Короленко и многіе другіе), либо зоветъ къ борьбѣ за лучшую долю народа («Пѣсня Сокола» Горькаго и проч.). Въ журналистикѣ она, начиная съ Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова и оканчивая современными литераторами, не переставала говорить о нуждахъ народа и объ ихъ

удовлетвореніи, и когда внѣшнія условія позволяли, она рисовала тотъ будущій строй, который долженъ улучшить жизнь народа. Чтобы лучше служить народу, она шла къ опрощенію, къ сліянію съ народными массами. Сначала въ духѣ Никитушки Ломова (Рахметова изъ романа Чернышевскаго «Что дѣлать»), затѣмъ въ духѣ учительницы Абрикосовой («Неизлѣчимый» Гл. Успенскаго), потомъ въ формѣ, предложенной Л. Толстымъ, и, наконецъ, въ движеніи недавняго прошлаго. Во имя тѣхъ же идеаловъ, того же стремленія къ народному благу интеллигенція подготовила и вынесла на своихъ плечахъ все освободительное движеніе, начиная съ декабристовъ. Она не останавливалась на этомъ пути ни предъ какими жертвами: она обрекала себя на всевозможныя матеріальныя лишенія, шла за свои идеалы въ тюрьму, въ ссылку, на каторгу. Число ея жертвъ надо считать сотнями тысячъ.

Мы видѣли, что господствующее стремленіе можетъ быть мелочнымъ, узкимъ и бѣднымъ, какъ, напримѣръ, у эротомана, у Плюшкина, у картежниковъ, у пьяницъ, у Акакія Акакіевича, у выдающихся счетчиковъ, или же оно можетъ быть богатымъ и широкимъ, какъ у Леонардо-да-Винчи, когда оно объединяетъ сложную систему широкихъ идей, разнообразныхъ образовъ, великодушныхъ чувствъ, желаній и славныхъ безсмертныхъ трудовъ. Оно можетъ быть призрачнымъ, фантастическимъ, ложнымъ и вреднымъ, какъ у Торквемады, и можетъ быть реальнымъ и полезнымъ, какъ у Гарибальди. Оно можетъ быть устойчивымъ и руководить человѣкомъ до самой смерти, когда вся жизнь представляетъ собою осуществленіе одной (большой или малой) цѣли; оно можетъ быть временнымъ, чтобы затѣмъ уступить свое мѣсто другому. Оно можетъ быть построено то по типу абсолютной монархіи, какъ у мономановъ, то по типу республики, и тогда представляетъ сложную систему связанныхъ другъ съ другомъ стремленій. Но во всѣхъ случаяхъ оно будетъ центромъ (постояннымъ или временнымъ), около котораго группируются другія (многочисленныя или малочисленныя) стремленія. Оно всегда будетъ тѣмъ побѣдителемъ, который одерживаетъ верхъ надъ другими, борющимися за преобладаніе стремленіями. Оно всегда будетъ собирать и направлять силы въ свою сторону, связывать ихъ съ собою, сдерживать противоположныя стремленія; оно всегда будетъ опредѣлять направленіе думъ, чувствъ, желаній и поступковъ, сосредоточивая ихъ на какой-нибудь опредѣленной цѣли. Всѣ такіе люди ищутъ свою Синюю Птицу, какъ Тиль-Тиль и Митиль въ знаменитой сказкѣ Метерлинка. Для однихъ это будетъ истина, какъ для Ньютона, Коперника, Пастёра, Лапласа, Юма и проч., для другихъ это будетъ власть, какъ для Цезаря, Наполеона и проч., для третьихъ это будетъ терпѣнье, какъ для стоиковъ, для четвертыхъ это будетъ святость, какъ для св. Викентія, для пятыхъ это будетъ благо

трудящихся, какъ для русской интеллигенціи и т. п. И каждый, ищущій свою Синюю Птицу, предпринимаетъ для это длинное путешествіе, то въ прямомъ, то въ переносномъ смыслѣ этого слова. Одни ищутъ ее въ прошломъ, въ Странѣ Воспоминаній, какъ историки, другіе—въ будущемъ, въ Странѣ неродившихся душъ; третьи—въ тайнахъ природы и такъ далѣе, и такъ далѣе. И на этихъ поискахъ они сосредоточиваютъ и свою изобрѣтательность, и находчивость, и свои стремленья, и свое упорство, и свои душевныя и физическія силы, тренируя, развивая и совершенствуя ихъ (не всѣ, конечно, а лишь тѣ преобладающія способности и наклонности, которыя находятся въ соотвѣтствіи съ господствующимъ стремленіемъ).

IV. Посмотримъ теперь, какъ долго могутъ дѣйствовать одни и тѣ же господствующія стремленія. Мы видѣли выше на нѣсколькихъ примѣрахъ изъ жизни выдающихся людей, что иногда одно господствующее стремленіе, сознанное въ юности, остается руководящимъ на всю жизнь. Мы не говоримъ здѣсь о талантахъ тѣхъ лицъ, біографіями которыхъ мы пользуемся. Какъ люди большею частію выдающіеся, они принадлежатъ къ числу талантливѣйшихъ, а иногда и геніальнѣйшихъ людей міра. Мы не касаемся ихъ политическихъ воззрѣній, ихъ нравственныхъ качествъ. Мы не говоримъ и объ ихъ энергіи. Насъ здѣсь интересуетъ лишь то свойство этихъ людей, что они, поставивъ предъ собою какую-нибудь опредѣленную цѣль, въ теченіе долгаго времени согласуютъ съ этою цѣлью свою дѣятельность, свое поведеніе, свой образъ жизни, а иногда, можно сказать, и самую жизнь, внося, такимъ образомъ, въ эту жизнь поразительное единство и постоянство.

Но очень часто встрѣчаются люди, у которыхъ въ теченіе ихъ жизни одно стремленіе смѣняется другимъ. Но и здѣсь на этотъ разъ временное господствующее стремленіе оказываетъ то же объединяющее дѣйствіе, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ. Лойола былъ воиномъ прежде, чѣмъ стать монахомъ, но это не помѣшало ему и въ томъ и въ другомъ случаѣ вложить всю свою страсть въ то и другое дѣло. Песталоцци былъ сначала юристомъ, а потомъ агрономомъ и, наконецъ, педагогомъ; и каждую изъ этихъ профессій онъ выбиралъ добровольно и вполнѣ сознательно, вкладывая въ дѣло всю свою душу. Такой же примѣръ представляетъ Нансенъ, то мирно увлекавшійся біологіей, то прославившій себя путешествіями, полными опасностей и тревогъ. Шевченко былъ не только поэтомъ, но и художникомъ. Андреевъ началъ съ живописи и затѣмъ перешелъ къ писательству. Н. А. Морозовъ сначала страстно увлекался естественными науками, а потомъ сталъ революціонеромъ. Въ только что приведенныхъ примѣрахъ нѣтъ ничего удивительнаго. Большею частію въ этихъ смѣнахъ есть даже нѣчто родственное. Такъ, напримѣръ,

Песталоцци, мѣняя одну профессію на другую, все время руководился стремленіемъ ко благу народа. Но есть другіе перевороты, гдѣ человѣкъ бросается отъ одной крайности въ другую, «сжигаетъ все, чему поклонялся, и поклоняется всему, что сжигалъ».

Мы знаемъ, что Савлы иногда становятся Павлами. Анатоль Франсъ былъ сначала аристократомъ, а затѣмъ сталъ демократомъ. Извѣстенъ переворотъ, совершившійся съ Бѣлинскимъ. И въ этихъ случаяхъ прозрѣвшіе люди вносятъ въ свое новое дѣло весь энтузіазмъ, на какой они только способны. Но бываютъ и обратныя превращенія изъ Павла въ Савла. Такъ было съ Катковымъ, превратившимся изъ конституціоналиста въ яраго защитника абсолютизма. Таковъ Левъ Тихомировъ, который началъ свою жизнь революціонеромъ, а теперь состоитъ редакторомъ субсидируемой правительствомъ реакціонной газеты «Московскія Вѣдомости».

Къ сожалѣнію, факты такого регрессивнаго превращенія мало изслѣдованы и, въ виду огромныхъ личныхъ выгодъ, соединенныхъ съ такими метаморфозами, трудно было бы говорить объ искренности и безкорыстіи такихъ обращеній.

Во всякомъ случаѣ надо отмѣтить, что господство можетъ принадлежать и хорошимъ и дурнымъ стремленіямъ. Вопросъ о призваніи, кажется, такъ же старъ, какъ старо человѣчество. Во всѣ времена ставился знаменитый вопросъ: «что дѣлать?» Отвѣта на этотъ вопросъ люди ищутъ то въ Библіи, въ Коранѣ, у Будды, то въ романахъ, то въ политикѣ, то въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ, то въ классовой борьбѣ. Но есть, конечно, и люди, видящіе цѣль жизни въ удовлетвореніи честолюбія, въ наживѣ и въ удовлетвореніи другихъ узко-эгоистическихъ стремленій. Такою цѣлью можетъ быть: вино, развратъ и картежная игра. Статистика проституціи, проданнаго вина и картъ показываетъ, что увлеченія этого рода занимаютъ въ современномъ обществѣ очень значительное мѣсто. Я зналъ одного учителя гимназіи, очень умнаго человѣка, который на урокѣ, во время отвѣта ученика, громко вскричалъ: «пасъ». Здѣсь страсть къ картамъ была такъ сильна, что не покидала своей жертвы даже въ классѣ, во время урока.

Мы говорили до сихъ поръ о господствующихъ стремленіяхъ взрослыхъ; но, конечно, такія стремленія есть и у дѣтей, и подростковъ. Послѣдніе такъ же, какъ и взрослые, ищутъ своего призванія. Знаменитому князю Кропоткину, когда онъ былъ еще подросткомъ, его старшій братъ Александръ писалъ: «Человѣкъ долженъ имѣть опредѣленную цѣль въ жизни, — безъ цѣли жизнь не въ жизнь». «И онъ совѣтовалъ мнѣ,—говоритъ самъ Кропоткинъ,—намѣтить такую цѣль, ради которой стоило бы жить». Нѣчто подобное, хотя еще въ зачаточной и наивной формѣ, есть и въ ребенкѣ. Онъ тоже намѣчаетъ себѣ какую-нибудь цѣль жизни. Школьники, на вопросъ:

чѣмъ они хотятъ быть?—даютъ очень разнообразные отвѣты. Я близко зналъ ребенка 6 лѣтъ, мечтающаго быть путешественникомъ и открыть сѣверный полюсъ. Я знаю дѣвочку, которая въ 10 лѣтъ мечтала о томъ, чтобы быть учительницей въ деревнѣ и учить крестьянскихъ дѣтей. Не доказываетъ ли эта опредѣленность дѣтскихъ стремленій, конечно, преходящихъ, что у нихъ уже есть потребность установить извѣстное единство и равновѣсіе въ своихъ желаніяхъ, хотя бы временное. Сталобыть, пользуясь господствующими стремленіями ребенка и помогая ему связывать мысли и стремленія, объединять ихъ, мы пойдемъ навстрѣчу его природнымъ потребностямъ.

Но когда мы говоримъ о дѣтяхъ, мы должны помнить, что ребенокъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ взрослые люди. Сейчасъ онъ не таковъ, какимъ былъ мѣсяцъ тому назадъ; чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ онъ будетъ не таковъ, каковъ онъ сегодня. Біографическій матеріалъ показываетъ, что какого бы монолита ни готовила изъ ребенка судьба, но прежде, нежели онъ достигнетъ своего истиннаго призванія, онъ долженъ будетъ пройти нѣсколько, а иногда и очень много временныхъ увлеченій. И каждое изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, на время, то господствуя одно, то чередуясь съ другими, становится преобладающимъ, властно требуя развитія соотвѣтствующихъ ему способностей и наклонностей, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ уступить (въ большинствѣ случаевъ) свой тронъ другому, очередному стремленію, идущему ему на смѣну.

Такимъ образомъ, если мы прослѣдимъ всѣ смѣнявшіяся въ теченіе дѣтской и юношеской жизни стремленія, то мы можемъ встрѣтить между ними, во-первыхъ, одно или два такихъ, которыя могутъ остаться преобладающими на всю жизнь. Обыкновенно эти стремленія находятся въ соотвѣтствіи съ наиболѣе устойчивыми способностями и наклонностями, а равно и съ идеалами молодого человѣка. У нѣкоторыхъ людей такія стремленія пробуждаются очень рано (у Моцарта въ 3-лѣтнемъ возрастѣ), у нѣкоторыхъ очень поздно. [Сервантесъ, напримѣръ, выступилъ на литературное поприще 37 лѣтъ, а Лафонтенъ—40 лѣтъ]. Во-вторыхъ, мы, навѣрное, встрѣтимъ въ теченіе всего періода развитія нѣсколько или даже очень много временныхъ стремленій. Но эти послѣднія, какъ бы они ни были интенсивны, рано или поздно уступятъ свое господство стремленіямъ первой категоріи. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ качествѣ второстепенныхъ могутъ остаться на всю жизнь. Но будутъ и такія стремленія, которыя, вспыхнувъ, какъ метеоръ, заглохнутъ почти совершенно. Словно въ каждомъ изъ насъ находились зачатки нѣсколькихъ личностей, и каждая изъ нихъ ждала благопріятнаго момента для своего проявленія, своей фазы, чтобы вслѣдъ за тѣмъ уступить первенство другой личности, ждущей своей очереди. Отсюда тѣ скачки въ развитіи ребенка, которые такъ часто поражали наблюдателей дѣтской жизни.

V. До 1903 года я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководилъ фабричными школами въ г. Твери, куда я пріѣзжалъ изъ Москвы два раза въ мѣсяцъ и гдѣ обучалось около тысячи дѣтей разнаго возраста и нѣсколько сотъ взрослыхъ. Мое положеніе дало мнѣ возможность произвести довольно подробное обслѣдованіе 346 учащихся. Я предлагалъ каждому изъ нихъ 44 вопроса, содержаніе которыхъ выяснится изъ нижеслѣдующаго. Вопросы эти имѣли въ виду выдвинуть на первый планъ и ярче освѣтить то одну, то другую особенность каждаго ученика. Отвѣты дѣтей давались то устно, то письменно, смотря по характеру вопросовъ. Кромѣ этого метода опроса, я пользовался еще репродуктивнымъ методомъ, при чемъ въ качествѣ раздражителя служили слова. Наконецъ дѣтямъ предлагались одинаковыя работы съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать ихъ способности: память и вниманіе. Полученныя данныя были сопоставлены съ отзывами учащихъ объ успѣхахъ каждаго ученика по каждому предмету преподаванія. Это изслѣдованіе я предпринялъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью опредѣлить, какія наклонности и способности имѣютъ тенденцію сочетаться другъ съ другомъ, существуютъ, большею частію, одновременно, помогая одна другой, какія въ большинствѣ случаевъ исключаютъ другъ друга, и, наконецъ, какія безразлично уживаются рядомъ съ другими. Отлагая опубликованіе общихъ результатовъ этого изслѣдованія до слѣдующихъ выпусковъ, я остановлюсь здѣсь лишь только на матеріалахъ, характеризующихъ господствующія въ данный моментъ стремленія дѣтей. На идею господствующихъ стремленій навели меня книги Тэна. Если не ошибаюсь, Тэнъ первый выдвинулъ мысль о господствующихъ свойствахъ и примѣнилъ ее къ изученію литературы.

Самая цѣнная заслуга этого знаменитаго французскаго мыслителя — это идея, что можно открыть въ произведеніяхъ каждаго писателя его господствующую, преобладающую способность и съ ея помощью нарисовать портретъ автора и уяснить его произведеніе. Въ своихъ знаменитыхъ критическихъ очеркахъ онъ поступаетъ такъ же, какъ тотъ поэтъ, о которомъ Тэнъ пишетъ слѣдующее: «Онъ старается уловить отличительныя черты, потому что онѣ однѣ живо рисуютъ лицо и занимаютъ читателя; затѣмъ онъ приводитъ ихъ во взаимное согласіе и подчиняетъ ихъ одной *господствующей склонности*, потому что гармонія есть красота и доставляетъ наслажденіе».

Исходной точкой для Тэна въ данномъ случаѣ, повидимому, служило понятіе о типѣ животнаго, заимствованное имъ изъ зоологіи. Тэнъ сводитъ типъ животнаго къ какой-нибудь одной господствующей чертѣ. Въ типѣ льва, напримѣръ, господствующей чертой будетъ то, что онъ прыжкомъ хватаетъ свою живую жертву. И этою особенностію опредѣляется все устройство его тѣла и вся его фигура. Къ подоб-

нымъ же типическимъ чертамъ, къ господствующимъ свойствамъ, Тэнъ сводитъ и творчество поэта, художника и музыканта, литературную дѣятельность историка и мыслителя. Говоря, напримѣръ, о Мильтонѣ, Тэнъ его цитируетъ и прибавляетъ, что этихъ цитатъ «достаточно для того, чтобы показать, къ какому выходу идутъ различныя стремленія этого великаго ума, въ какую сторону онъ склоняется, какимъ образомъ практическій умъ, знаніе, историческій талантъ, безпрерывное присутствіе нравственныхъ и религіозныхъ идей, любовь къ отечеству и справедливости, соединились, чтобы сдѣлать изъ него историка свободы». Говоря о Титѣ Ливіи, Тэнъ сводитъ всѣ особенности историка къ одной господствующей способности — къ ораторской. Эта способность была широко распространена среди расы, къ какой принадлежалъ Титъ Ливій, и онъ получилъ ее по наслѣдству. То былъ вѣкъ ораторовъ, и этотъ вѣкъ развилъ въ высокой мѣрѣ наслѣдственную черту Тита Ливія. Обстоятельства сдѣлали его историкомъ, но и въ исторіи онъ остался ораторомъ. И это положеніе Тэнъ доказываетъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ и цитатъ. Господствующая способность объясняетъ и всѣ достоинства и всѣ недостатки историка. Титъ Ливій, напримѣръ, не особенно интересуется историческими документами; и Тэнъ показываетъ намъ, что этотъ существенный для историка пробѣлъ легко объясняется господствующею способностью. «Какъ вообразить себѣ,—спрашиваетъ Тэнъ,—нашего благороднаго оратора закопавшимся на цѣлый день среди покрытыхъ плѣсенью памятниковъ, съ лампочкой въ рукѣ, въ углу какого-нибудь древняго храма?»

Другія, сдѣланныя Тэномъ, характеристики писателей еще болѣе убѣждаютъ, насколько плодотворна была его мысль примѣнить идею господствующей способности къ характеристикѣ писателя — его чувствъ, стремленій, способностей, его души, его жизни и его произведеній.

Изъ послѣдователей Тэна должно указать на Полана, который примѣнилъ идею господствующихъ стремленій къ психологіи характера. Правда, Поланъ часто говоритъ о сущности характера. Но совершенно ясно, что подъ словами «сущность характера» Поланъ разумѣетъ то же самое, что Тэнъ имѣетъ въ виду, говоря о господствующихъ стремленіяхъ. Впрочемъ, Поланъ не разъ повторяетъ съ буквальной точностью терминъ Тэна. Такъ, напримѣръ, говоря объ изслѣдованіи характера, онъ пишетъ: «Изученіе разныхъ характеровъ сводится къ изслѣдованію главныхъ психическихъ элементовъ, создающихъ личность. Намъ надо разсмотрѣть преобладающія стремленія, господствующія мысли, основныя желанія, ихъ соотношеніе, т.-е. уяснить себѣ, насколько они содѣйствуютъ или препятствуютъ другъ другу».

Мнѣ казалось, что идея, имѣющая такой успѣхъ при изученіи литературы, а также психологіи характера, должна

дать плодотворные результаты и въ примѣненіи къ педагогическимъ изслѣдованіямъ. Позже я встрѣтилъ ту же мысль въ одной изъ книгъ Лазурскаго, и мнѣ пріятно было встрѣтить въ немъ единомышленника. Когда я при изученіи каждаго изъ учениковъ сталъ отыскивать его преобладающія способности, то оказалось, что во многихъ случаяхъ (но, конечно, далеко не во всѣхъ) многіе факты изъ жизни ребенка можно было подвести подъ одно логическое опредѣленіе и они получали ясное и опредѣленное объясненіе, а изучаемый субъектъ представлялся, какъ нѣчто цѣльное и связное.

Анализируя отвѣты дѣтей и сопоставляя другъ съ другомъ отвѣты одного и того же ученика на разные вопросы, можно было во многихъ случаяхъ опредѣлить, къ какому типу отнести того или другого изъ учениковъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о наиболѣе понравившейся книгѣ. Одинъ ищетъ въ ней знаній, а другой легкаго чтенія; одинъ хвалитъ ее за то, что она описываетъ военные подвиги, а другой за то, что она изображаетъ жизнь святыхъ, и т. д. Сопоставляя подобные отзывы о книгахъ съ отвѣтами учениковъ о картинахъ, о стихахъ, пѣсняхъ, пьесахъ, играхъ, игрушкахъ, интересныхъ предметахъ обученія и самыхъ интересныхъ урокахъ, о наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ людяхъ, о самомъ великомъ человѣкѣ, о самомъ счастливомъ человѣкѣ, о дурныхъ людяхъ, о самомъ хорошемъ и самомъ дурномъ поступкахъ, о томъ, чѣмъ они хотятъ быть, когда вырастутъ, о томъ, что они сдѣлали бы, если бы разбогатѣли, о томъ, что больше всего они хотѣли бы знать, объ ихъ желаніяхъ, о томъ, какія вещи они любятъ, какихъ животныхъ боятся и какихъ любятъ, объ ихъ суевѣріяхъ и т. п., намъ нерѣдко удавалось опредѣлить ту или другую основную черту, господствующую наклонность ученика, которая выражалась часто помимо воли самого ученика, помимо его сознанія. Спрашивая по поводу каждаго такого вопроса о томъ, такъ ли ребенокъ относился къ вышеупомянутымъ предметамъ раньше, мы могли иногда опредѣлить, насколько продолжительно данное состояніе: представляетъ ли оно скоропреходящее увлеченіе, или же здѣсь можно разсчитывать на большую устойчивость и болѣе долгій срокъ. При этомъ особенно рѣзко выдѣлялись типы: охотничій, воинственный, научно-любознательный, нравственно-общественный, религіозный, литературный, артистическій, практическій и типъ физической силы. Всѣхъ остальныхъ можно было бы причислить развѣ только къ смѣшанному типу: они увлекаются очень многимъ, но понемногу; ихъ интересы довольно разнообразны, но, повидимому, слабы; и трудно найти у нихъ такой центръ, вокругъ котораго группировались бы какіе-нибудь другіе интересы и стремленія.

Здѣсь мы попробуемъ дать на основаніи нашихъ матеріаловъ характеристику первыхъ четырехъ типовъ, такъ какъ въ

мѣнѣ этихъ типовъ, въ зависимости отъ возраста, нами уловлена наибольшая законосообразность. Въ этихъ характеристикахъ мы даемъ, такъ сказать, собирательный типъ, коллективный образъ, соединяя вмѣстѣ сродныя черты, принадлежащія, однако, разнымъ учащимся. При этомъ получается характеристика, которая въ своемъ цѣломъ не примѣнима во всей полнотѣ ни къ одному отдѣльному ученику этого типа; но каждый изъ нихъ внесъ въ нее свое содержаніе, составляющее часть даннаго образа.

Охотничій типъ. Дѣти этого типа мечтаютъ о томъ, чтобы, когда вырастутъ, стать охотниками, а нѣкоторыя вмѣстѣ съ тѣмъ и рыболовами. Они мечтаютъ о томъ, чтобы убить либо медвѣдя, либо волка, а шкуру дорого продать. А одинъ изъ нихъ идетъ еще дальше: онъ надѣется поймать медвѣдя «живьемъ» и продать за очень дорогую плату. Они хотятъ научиться стрѣлять изъ настоящаго ружья, бѣгать зимою на лыжахъ, какъ настоящіе охотники, знать всѣ привычки дичи.

Когда имъ предлагаютъ на выборъ посѣтить театръ, картинную галлерею, музей или циркъ, они предпочитаютъ циркъ или зоологическій садъ.

Они мечтаютъ о томъ, что, когда у нихъ будутъ деньги, они купятъ: одни — хорошее ружье, другіе — хорошую собаку. За неимѣніемъ настоящаго одни изъ нихъ съ особенной любовью относятся къ игрушечному ружью, а другіе — къ самострѣлу, луку, удочкѣ и проч. Изъ домашнихъ животныхъ всѣмъ другимъ они предпочитаютъ охотничью собаку.

Самымъ интереснымъ дѣломъ они считаютъ: одни «наловить рыбы», «когда рыбу изъ воды тащишь», другіе — настрѣлять дичи, (одинъ прибавляетъ) перья ощипать на продажу, а двое другихъ предлагаютъ рыбу и дичь сжарить на кострѣ и съѣсть: «аппетитъ тогда хорошъ». Одинъ изъ нихъ любитъ ходить къ рѣкѣ на зарѣ, когда рыба охотно идетъ на червяковъ и майскихъ жуковъ. Другой съ тою же цѣлью любитъ быть на плотахъ.

Изъ людей они любятъ чаще всего тѣхъ родственниковъ (отца, дядю, дѣда) или знакомыхъ, которые занимаются охотою или рыбною ловлею. Самымъ счастливымъ человѣкомъ одни считаютъ удачливаго охотника, а другіе — «рыболова». Ихъ самыми любимыми книгами служатъ: «Записки охотника», «Въ глуши», «Дѣти лѣсовъ», «Архангельскіе китоловы», «На дальнемъ сѣверѣ», «Рыбаки», «Эзе», «Лаача», «Капитанъ Нэмо». Но они не прочь и отъ военныхъ и разбойничьихъ разсказовъ («Татарскій наѣздникъ», «Стенька Разинъ», «Капитанъ Мусграфъ», «Война съ Турціей»), какъ будто бы показывая, такимъ образомъ, что охотничій и военственный типы сродны другъ другу.

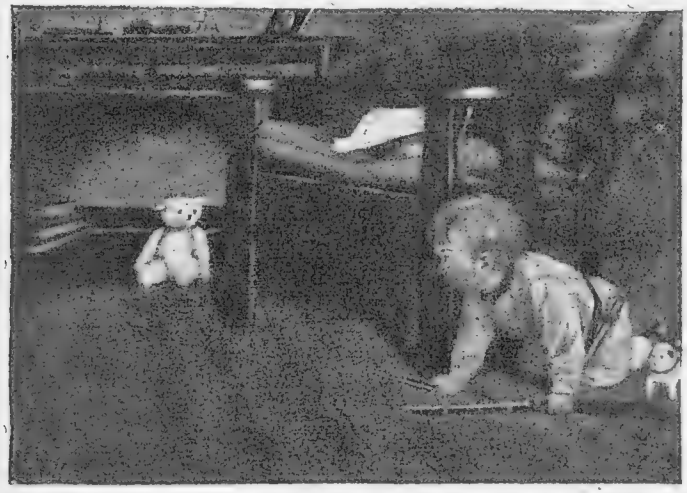
Изъ игръ они любятъ лазить по деревьямъ, игры въ мячъ.

Изъ картинъ они предпочитаютъ тѣ, гдѣ изображены охотничьи сцены: охота на львовъ, на тигра, оленя, ловля дикихъ

лошадей, привалъ охотниковъ. Одинъ изъ нихъ подробно описываетъ картину охоты на медвѣдя и какъ «собаки прыгаютъ ему прямо къ мордѣ».

Изъ пѣсенъ и стиховъ они предпочитаютъ военные, разбойничьи, про природу.

Какія формы стремленія къ развитію проявляются въ господствующихъ наклонностяхъ этой группы дѣтей, отвѣтить нетрудно. Такова, напримѣръ, потребность развитія мышечной системы, физическихъ силъ, а также внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха и проч.), наблюдательности и тѣхъ способностей, которыя проявляются въ хитрости. Но факты заставляютъ предполагать, что одновременно съ тѣмъ просыпаются въ ребенкѣ и нѣкоторыя другія наклонности, характерныя для охотничьей



культурной эпохи, и требуютъ своего развитія. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, дѣти этого типа очень любятъ природу, что такъ естественно для охотника и рыболова. Они любятъ гулять въ лѣсу и по берегу рѣки, и не потому только, что тамъ «летаютъ дикія утки, а другія плаваютъ и тутъ же ихъ охотники убиваютъ, а потому, что тамъ «можно наблюдать птицъ», еще и потому, что «тамъ хорошъ воздухъ», «тамъ весело», «поютъ птички».

Изъ временъ года одинъ изъ нихъ предпочитаетъ весну, «когда деревья распустятъ свои листочки и зазеленѣютъ, а птички щебечутъ. Какъ хорошо тогда сидѣть около кустовъ и деревьевъ сосновыхъ и еловыхъ, напримѣръ, за чугункой, гдѣ сосновыя деревья, а черезъ два аршина стоятъ еловыя, потому что вольный воздухъ и тѣнь и тутъ поле, которое

блеститъ своими необсохшими росинками». «Какъ хорошо,—говоритъ другой,—бывать въ лѣсу, когда еще не обсохнетъ роса на деревьяхъ и когда солнце только выходитъ». Одинъ изъ нихъ считаетъ самымъ счастливымъ временемъ своей жизни лѣто 1902 года, потому что «тогда погода стояла прекрасная». Эта любовь къ природѣ составляетъ, повидимому, одну изъ преобладающихъ наклонностей дѣтей этого типа.

Особенно интересенъ одинъ изъ дѣтей этой группы. У него охотничьи инстинкты выражены были всего рѣзче и, повидимому, представляютъ болѣе устойчивую форму. Онъ болѣе всѣхъ другихъ внушалъ и мнѣ и учащимъ его класса опасеній за его нравственное развитіе. Въ его поведеніи легко было подозрѣвать признаки моральнаго атавизма. Условія его воспитанія были ужасны. Отца своего онъ не знаетъ, а мать его, сама раздражительная и озлобленная женщина, дѣлала все для того, чтобы приготовить изъ ребенка раздражительнаго, вспыльчиваго, необузданнаго любителя сильныхъ ощущеній. Въ тѣхъ классахъ, къ какимъ принадлежитъ семья ребенка, не очень разборчивы въ выборѣ воспитательныхъ мѣръ. Изъ отвѣтовъ учащихся видно, что розги, прутъ, утиральникъ и т. п.—это самыя обычныя формы наказаній. Но даже и въ этой средѣ воспитаніе ребенка, о которомъ идетъ рѣчь, представляло что-то изъ ряду вонъ выходящее. Онъ самъ описываетъ, напримѣръ, слѣдующій видъ наказанія: «Меня наказывали крапивою. Она такая жгучая... такъ на спинѣ пупырья бѣлые и вздуются...» Грубыя, безсмысленныя по своей жестокости преслѣдованія, какимъ подвергался этотъ ребенокъ, быть-можетъ, въ соединеніи съ наслѣдственными наклонностями, сдѣлали изъ него мученье для учительницы. Его шалости могли вывести изъ себя самого ангела. Ни одинъ изъ 60-ти учениковъ класса не доставилъ учащему персоналу столькихъ хлопотъ, какъ этотъ мальчикъ. Не проходило ни одного урока, больше того: не проходило и пяти минутъ безъ того, чтобы онъ не ущипнулъ или не толкнулъ товарища, чтобы онъ не прервалъ урока кривляньемъ, прыганьемъ, дракою, возгласомъ, нейдущимъ къ дѣлу, и вообще какою-нибудь изъ ряду выходящею шалостью. Можно подумать, что онъ ставитъ дѣломъ чести оскорбить, унизить учащихъ, насмѣяться надъ ними, сдѣлать что-нибудь непріятное. Блеснуть передъ классомъ своею отвагою, похвалиться своею изобрѣтательностью по части шалостей, во что бы то ни стало, несмотря ни на что, обратить на себя вниманіе класса, учителя, начальства, случайнаго посѣтителя. На мой вопросъ, какой поступокъ онъ считаетъ самымъ хорошимъ, ребенокъ отвѣчаетъ: «Мучить разныхъ животныхъ, ощипывать ихъ, рѣзать имъ жилы; а они будутъ кричать». На вопросъ, какое животное онъ считаетъ самымъ дурнымъ, ребенокъ отвѣчаетъ: «Я считаю самымъ дурнымъ животнымъ змѣю, потому что ее нельзя поймать, нельзя рѣзать и

мучить, — она ужалитъ». Какъ и подобаетъ охотнику, у него бросается въ глаза необыкновенное уваженіе — родъ культа къ физической силѣ, что, впрочемъ, вообще характерно для дѣтей этой группы. На вопросъ, какого человѣка онъ считаетъ самымъ счастливымъ, мальчикъ говоритъ: «Самый счастливый человѣкъ, у котораго есть силы мучить животныхъ». На вопросъ: кто самый несчастный человѣкъ? — «Самый несчастный человѣкъ, тотъ, у котораго нѣтъ силы надъ людьми и надъ животными; потому что его будутъ всѣ забижать». На вопросъ о томъ, какой самый несчастный день въ его жизни, будущій охотникъ отвѣчаетъ: «Самый несчастный день, когда я сталъ рѣзать грача; когда я перерѣзалъ жилку, то у меня его отняли, и мнѣ было большое горе, потому что грачей очень трудно поймать». И все это не фразы, а правда. Этотъ любитель сильныхъ ощущеній, какъ и подобаетъ охотнику-хищнику, дѣйствительно, любитъ кровь, страданія; ему мало того, чтобы оторвать у жука крылья, изувѣчить муху и любоваться, какъ она станетъ биться; ему нужно мучить птичку, кошку, крысу и т. д. Невольно думаешь, что эта его жестокость представляетъ собою остатокъ первобытной культуры, переживаніе, заимствованное отъ отдаленныхъ предковъ какого-нибудь охотничьяго племени. И онъ безпощаденъ не только по отношенію къ животнымъ, но и къ дѣтямъ, которыхъ онъ считаетъ своими врагами. Ни на кого не было столько жалобъ, какъ на этого мальчика. Когда думаешь объ этомъ, невольно приходятъ въ голову сопоставленія съ призывами древнихъ вождей о безпощадномъ избіеніи женщинъ и дѣтей враждебнаго племени.

Наклонность его къ аффектамъ поражаетъ наблюдателя съ перваго взгляда. Онъ вспыльчивъ, раздражителенъ, онъ чрезвычайно подвиженъ, всѣ его поступки порывисты, рѣшенія внезапны, и въ то же время онъ страшно упрямъ. Никакая сила не заставитъ его сказать или сдѣлать то, чего онъ не хочетъ. На поверхностный взглядъ онъ можетъ показаться въ концѣ озлобленнымъ. На вашу ласку, на привѣтливое слово онъ можетъ отвѣтить неудержимымъ, обиднымъ смѣхомъ, полнымъ недовѣрія къ вашей искренности. Подумаешь, что это воплощенное человѣконенавистничество, что изъ него можетъ выйти только заплечныхъ дѣлъ мастеръ, что его высшимъ наслажденіемъ было бы травить и мучить несимпатичныхъ ему людей, по всякому поводу и всякими средствами. Можно подумать, что это уже на школьной скамьѣ совершенно погибшее существо въ нравственномъ отношеніи. А между тѣмъ, внимательно всматриваясь въ жизнь этого ребенка, мы придемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что, несмотря на всѣ ошибки семейнаго воспитанія, на днѣ души этого мальчика еще сохранилось и чувство симпатіи къ людямъ, и совѣсть, а о стремленіи отстаивать то, во что онъ вѣритъ, нечего и говорить. Однажды онъ увидалъ, что подростки бьютъ маленькаго мальчика на улицѣ,

и онъ, какъ настоящій герой, не долго думая, бросается въ рукопашный бой съ обидчиками, хотя они были гораздо сильнѣе его и хотя ихъ было двое. Очень естественно, что въ такой дракѣ пострадавшимъ и очень сильно оказался нашъ будущій охотникъ. Когда я спрашивалъ его, что заставило его заступиться, онъ просто отвѣтилъ: «Мнѣ было жаль мальчика, потому что онъ былъ маленькій». Впрочемъ, нельзя не видѣть здѣсь связи съ его культомъ мускульной силы. Потребность проявлять, а значитъ и развивать физическую силу выражается у него одинаково часто, какъ въ насиліи и захватѣ чужой игрушки, лакомства, такъ равно и въ великодушной защитѣ слабаго. Естественно также, что онъ не хочетъ и считаетъ низостью прибѣгать къ защитѣ своихъ правъ путемъ жалобъ и т. п., а полагается прежде всего на свои кулаки.

На вопросъ, что онъ считаетъ самымъ дурнымъ поступкомъ, онъ пишетъ: «Самымъ дурнымъ дѣломъ я считаю кляузничать». И дѣйствительно, никто не скажетъ, чтобы этотъ ребенокъ пожаловался на кого-нибудь учительницѣ, выдалъ товарища. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ мать наказывала его за то, что онъ не хотѣлъ назвать соучастника одного изъ своихъ безчисленныхъ проступковъ. Его безыскусственный разсказъ былъ наивенъ, но мнѣ казалось, что мальчикъ переживалъ то же самое, что пережилъ герой Короленко въ потрясающей сценѣ, описанной въ разсказѣ «Въ дурномъ обществѣ». Тамъ отецъ требуетъ отъ сына признанія, куда онъ дѣвалъ куклу своей сестры — подарокъ матери. Сынъ не хочетъ сказать, потому что эту куклу онъ подарилъ своему новому другу изъ дурного общества —умирающей Марусѣ; потому что онъ не хочетъ измѣнить своимъ новымъ друзьямъ, не хочетъ нарушить даннаго имъ слова. «Я чувствовалъ,—говоритъ онъ,—какъ дрожали руки отца, и, казалось, слышалъ даже клокотавшее въ груди его бѣшенство. И я все ниже опускалъ голову, и слезы—одна за другой капали изъ моихъ глазъ на полъ, но я все повторялъ едва слышно: «Нѣтъ, не скажу... никогда, никогда не скажу»... Отецъ не добился бы отъ меня иного отвѣта самыми страшными муками. Въ моей груди навстрѣчу его угрозамъ подымалась... какая-то жгучая любовь къ тѣмъ, чьей выдачи онъ у меня требовалъ. Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съежился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ. Изобразить чувство, которое я испытывалъ въ то время, очень трудно. Я зналъ, что въ его груди кипитъ бѣшенство, что, быть-можетъ, черезъ секунду мое тѣло забьется безпомощно въ его сильныхъ и изступленныхъ рукахъ. Что онъ со мною сдѣлаетъ? швырнетъ... изломаетъ... Но мнѣ теперь кажется, что я боялся не этого. Даже въ эту страшную минуту я любилъ этого человѣка...»

Замѣчательно, какъ стойко держится въ дѣтяхъ это чувство сыновней любви, живущее въ ихъ душѣ, несмотря ни на истя-

занія, которымъ подвергаютъ ихъ неразумные родители, ни на холодность и т. д. Казалось бы, что нашъ будущій медвѣжій охотникъ, получающій дома столько брани, угрозъ, тумаковъ, розогъ и порки при помощи крапивы, давно долженъ былъ охладѣть къ своей матери. На вопросъ, кого онъ больше всего боится, онъ отвѣчаетъ: «когда я былъ маленькій, я больше всего боялся дѣдушку, а теперь — мать». Казалось бы, чувство страха къ матери давно должно было заглушить чувство сыновней любви, а между тѣмъ на вопросъ, кого онъ любитъ больше всего на свѣтѣ, мальчикъ, ни минуты не раздумывая, отвѣчаетъ: «мать». Повидимому, правъ Тургеневъ, когда онъ въ своемъ разсказѣ «Воробей» говоритъ, что чувство любви сильнѣе даже чувства страха. Должно-быть, за всѣми этими наказаніями матерью своего ребенка все же тлѣла въ ней любовь къ сыну, и эта искра любви въ сердцѣ матери, несмотря ни на что, сохранила и въ душѣ ребенка сыновнюю любовь. Быть-можетъ, ничто такъ не подчеркиваетъ могущества, стойкости и прочности сыновней любви въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ эта любовь къ своей матери загнаннаго, истерзаннаго, забитаго самою этою матерью существа. Любовь къ матери — это преобладающее, первенствующее чувство у дѣтей въ возрастѣ начальной школы. На нашъ вопросъ, кого изъ людей дѣти любятъ больше всего на свѣтѣ, и рѣшительно во всѣхъ классахъ и отдѣленіяхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ мать. Припоминается при этомъ, какъ Л. Толстой описывалъ свою любовь къ матери, какъ онъ цѣловалъ ея колѣни, какъ изъ его глазъ при этомъ лились ручьями слезы любви и восторга.

Одною изъ иллюстрацій къ тому, какъ дѣти школьнаго возраста относятся къ матери, представляется, между прочимъ, тотъ фактъ, что значительное число дѣтей на вопросъ: кого они считаютъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ? — отвѣчаютъ: «сироту».

Повидимому, они ясно представляютъ себѣ состояніе человѣка, который говоритъ про себя:

«Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ: отецъ и мать».

Эти чувства дѣтей давно уже подмѣчены художниками слова. Напомнимъ, какъ одинъ изъ героевъ Короленко, рано потерявшій свою мать, разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ: «И теперь, часто, въ глухую полночь, я просыпался полный любви, которая тѣснилась въ груди, переполняя дѣтское сердце, — просыпался съ улыбкой счастья, въ блаженномъ невѣдѣніи, навѣянномъ розовыми снами дѣтства. И опять, какъ прежде, мнѣ казалось, что она со мною, что я сейчасъ встрѣчу ея любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались въ пустую тьму, и въ душу проникало сознаніе горькаго одиночества.

Тогда я сжималъ руками свое такъ больно стучавшее сердце, и слезы прожигали горячими струями мои щеки».

Значеніе этихъ сыновнихъ привязанностей могло бы быть громаднымъ въ воспитательномъ отношеніи, если бы мы какъ слѣдуетъ сумѣли ими воспользоваться. И для мальчика, о которомъ идетъ рѣчь, далеко еще не все безнадежно пропало, пока въ немъ теплится любовь къ матери. Если бы мать измѣнила систему воспитанія, если бы наказанія смѣнились спокойнымъ, простымъ отношеніемъ къ мальчику, если бы вмѣсто того, чтобы доставлять ему сильныя ощущенія при посредствѣ крапивы, мать сумѣла пріучить его спокойно размышлять о своемъ поведеніи, то не оставалось бы ни малѣйшихъ сомнѣній, что изъ этого ребенка вышелъ бы способный работникъ, а быть-можетъ, честный и энергичный общественный дѣятель. Еще Спиноза подмѣтилъ, что лучшее средство противъ аффектовъ это размышленіе. А что мальчикъ, о которомъ мы говоримъ, не лишенъ способностей, — въ этомъ мы безусловно увѣрены. Я измѣрялъ память всѣхъ учениковъ класса, и память будущаго охотника оказалась выше средняго. Я изслѣдовалъ его способность къ ассоціаціямъ. Онѣ довольно обильны и быстро слѣдуютъ одна за другой. Онъ много читаетъ, онъ хорошо разсказываетъ. Онъ быстро все схватываетъ и долго помнитъ. Правда, что онъ не любитъ усидчиваго труда. Онъ любитъ только то, что можно схватить сразу. У него недостаточно развито внутреннее вниманіе. Онъ плохъ по ариѳметикѣ. Онъ злѣйшій врагъ всего скучнаго. Ничто, кромѣ интереса, не можетъ заставить его слушать учителя. Но его любятъ товарищи. Онъ не любитъ одиночества и предпочитаетъ игру компаніей. Онъ любитъ читать книги вслухъ и радъ, когда его слушаютъ мать и бабушка. Онъ легко увлекается красотою подвига, стойкости, великодушія. Разъ какъ-то предъ аудиторіею до 200 дѣтей я разсказывалъ о жизни Джорджано Бруно. У мальчика блестѣли глаза; онъ былъ заинтересованъ. Когда рѣчь зашла о судѣ надъ Бруно и о томъ, что Бруно отказался подписать отреченіе отъ своего ученія, вниманіе всей аудиторіи было особенно напряжено; но вдругъ среди всеобщей тишины я услыхалъ возгласъ: «Ахъ, зачѣмъ онъ не обманулъ ихъ! Онъ бы нарочно (притворно) отрекся, а самъ думалъ бы по-старому». Этотъ возгласъ принадлежалъ тому же охотнику. Если его слова свидѣтельствовали объ оппортунизмѣ по отношенію къ судьямъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, по его собственному признанію, отъ всей души, то нельзя было не видѣть въ немъ и искренней симпатіи и восторга предъ подвигомъ мученика науки. Впрочемъ, изъ другихъ его отвѣтовъ и поступковъ ясно слѣдовало, что онъ принесъ въ школу большую любовь къ хитрости и ловкому обману. Ему, напримѣръ, понравился и Хлестаковъ за то, что ему удалось обмануть весь городъ.

На первыхъ порахъ онъ восхищался хитростью и обманомъ, какъ восхищался имъ древній египтянинъ, гордившійся своимъ искусствомъ лгать и обманывать, какъ у насъ гордятся краснорѣчіемъ.

Я имѣлъ возможность наблюдать за обученіемъ этого ребенка въ теченіе трехъ лѣтъ съ половиною, считая со времени поступленія его въ школу. И я видѣлъ, какъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія наслѣдственности, нервозности и семейнаго воспитанія, этотъ мальчикъ, благодаря спокойному, ровному и сердечному отношенію къ нему учащихъ, все же годъ отъ году дѣлался сноснѣе. Сначала можно было думать, что изъ этого шалуна ровно ничего не выйдетъ. Много разъ заходила рѣчь о томъ, что, кромѣ вреда классу, отъ этого ребенка рѣшительно ничего нельзя ожидать, что онъ никогда не выучится ни читать, ни писать, что онъ не въ состояніи воспринять ни одного звука, ни одной буквы. Я увѣренъ, что въ 99 училищахъ изъ 100 онъ былъ бы исключенъ въ первый же годъ обученія. Онъ ушелъ бы изъ школы съ клеймомъ неисправимаго шалуна, отчаяннаго лѣнтяя и тупицы. Та или другая изъ этихъ оскорбительныхъ кличекъ преслѣдовала бы его и дома и на улицѣ. Мать стала бы обращаться съ нимъ еще грубѣе; придумывала бы наказанія одно ожесточеннѣе другого; но мѣрѣ того, какъ онъ привыкалъ бы къ розгѣ и къ кропивѣ, мать переходила бы къ кнуту и плети; и я не знаю, до чего дошло бы озлобленіе и ненависть этого ребенка ко всему окружающему. Но его, несмотря ни на что, оставили въ школѣ; талантливая и преданная своему дѣлу учительница вліяла на его мать, чтобы та обращалась съ ребенкомъ помягче, его научили читать, разсуждать и разсказывать; его пріучили къ книгѣ; онъ много и съ увлеченіемъ читалъ. Постепенно въ немъ развивали вкусъ къ чтенію. И если на четвертый годъ пребыванія въ школѣ этотъ мальчикъ послѣ книгъ, доставляющихъ ему сильныя впечатлѣнія необыкновенными событіями войны, путешествій и охоты, на свои немногіе гроши (мать его зарабатываетъ на фабрикѣ очень немного, и другихъ источниковъ къ содержанію эта семья не имѣетъ) покупалъ книжки: «О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы», «Гончаръ-Самоучка», «Бѣдность не порокъ» и другія, то этими новыми нарождающимися въ немъ вкусами онъ всецѣло и исключительно обязанъ одной школѣ. Школѣ же онъ обязанъ и тѣмъ, что сталъ размышлять о своихъ поступкахъ, что иной разъ онъ дѣлаетъ попытки воздержаться отъ какого-нибудь безумнаго поступка, обаятельнаго по своему безразсудству. Школа же стремилась возбуждать въ немъ умственную и волевую работу, а это единственное средство для борьбы съ аффектами. И это достигнуто было въ современной школѣ, правда, поставленной въ исключительныя условія. Она была въ вѣдѣніи министерства финансовъ въ то время, когда это вѣдомство смотрѣло ши-

роко и либерально на проявленія частнаго почина въ дѣлѣ образованія и допускало такія начинанія въ этой области, о какихъ ни раньше, ни теперь нельзя и думать. И если этотъ мальчикъ станетъ впослѣдствіи честнымъ человѣкомъ, хорошимъ работникомъ и семьяниномъ, то и этотъ результатъ надо будетъ поставить, какъ огромный плюсъ его школѣ... И, быть-можетъ, ни на какихъ другихъ дѣтяхъ не оправдывается въ такой степени изреченіе поэта: «Кто открываетъ школу, тотъ закрываетъ тюрьму». И если когда-нибудь суждено сбыться великодушной мечтѣ утопистовъ объ обществѣ безъ преступленій, безъ полиціи, безъ тюремъ, безъ ружей и пушекъ, то этого можно достичь только путемъ разумнаго, настойчиваго и идеальнаго по своимъ задачамъ воспитанія.

Воинственный типъ. У дѣтей этого типа очень много точекъ соприкосновенія съ предыдущимъ типомъ. Очень многимъ изъ нихъ нравится охота, разсказы про охотниковъ, книги охотничьяго содержанія, ихъ тоже восхищаетъ физическая сила, хитрость. Ихъ родство съ охотничьимъ типомъ проявляется, между прочимъ, въ инстинктахъ насилія, жестокости, разрушенія и мести, идущихъ иногда рядомъ съ какимъ-нибудь великодушнымъ порывомъ. Кажется, и тотъ и другой типъ носитъ въ глубинѣ своего существа атавистическія черты, идущія изъ глубины вѣковъ отъ первобытнаго воина-охотника. Но ихъ приходится отнести къ особой группѣ, потому что у нихъ все же преобладаютъ военные интересы надъ охотничьими. Они хотятъ быть воинами, солдатами, а нѣкоторые желаютъ быть офицерами, полковниками, военными министрами и полководцами. Одинъ изъ нихъ «хотѣлъ бы быть главнокомандующимъ, если бы воевали въ рукопашную». Мотивируютъ они это свое желаніе различно. Одни хотятъ прославиться и вспоминаютъ о томъ, что храбрымъ солдатамъ ставятъ памятники, другіе говорятъ о томъ, что павшіе за родину пойдутъ въ царство небесное, третьи говорятъ о пользѣ войска. На вопросъ, кого они считаютъ великимъ человѣкомъ, они чаще всего называютъ Суворова, вспоминая его походы и блестящія побѣды, затѣмъ Наполеона, Петра Великаго, Святогора богатыря, Роланда, Кутузова, Стеньку Разина, Ермака, Чернаго капитана, Скобелева, Дмитрія Донского, Александра Невскаго, Давида, Голіафа, Илью Муромца.

Самымъ счастливымъ человѣкомъ они считаютъ прежде всего Суворова, потому что «онъ воевалъ съ сосѣдними народами, всѣхъ побѣждалъ и завоевалъ много земель», по выраженію одного ученика, затѣмъ Олега, Минина, Пожарскаго, Чернаго капитана, Петра Великаго, Александра Невскаго, Скобелева, «того, кто защищаетъ отъ враговъ отечество».

Самымъ дурнымъ человѣкомъ одни изъ нихъ считаютъ труса, другіе измѣнника, Мазепу, Гришку Отрепьева.

Изъ любимыхъ ими книгъ характерны для нихъ слѣдующія: «Полтава» Пушкина, «Тарасъ Бульба» Гоголя, «Наши богатыри», «Илья Муромецъ», «Крестоносцы», «Мечеиосцы», «Синее знамя», «Оборона Севастополя», «Грозная туча», «Генералъ Гурко», «Снѣжный король», «За Дунаемъ», «Князь Серебряный», «Атаманъ Бѣлякъ».

Такъ какъ въ школьной библіотекѣ оказалось для нихъ недостаточно военныхъ разсказовъ, то они покупали на свои деньги понравившіяся имъ книги: «Бова Королевичъ», «Александръ Македонскій», «Китайскіе пираты», «Генералъ Черняевъ», «Жизнь Суворова», «Разбойникъ Ѳедька», «Аника воинъ», «Спартакъ», «Портупей прапорщикъ».

На вопросы о томъ, какая изъ пѣсенъ и какое изъ стихотвореній нравится имъ больше, они указывали на слѣдующія: «Бородино», «Полтавскій бой», «Роландъ-оруженосецъ», «Стенька Разинъ», «Ермакъ», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Бойцы», «Конь», «Казачья колыбельная пѣсня», «Война русскихъ съ турками», «Чуркинъ», «Было дѣло подъ Полтавой», «Казакъ», «Воздушный корабль», «Шипкинская битва», «Про казака Платова», «Королевскій маршъ», «Про Петра Великаго», «Боже, царя храни», «Ну, что же призадумался, скажи, нашъ атаманъ»! «О сверженіи татарскаго ига», «Нападеніе черкеса», «Пишетъ намъ султанъ Турецкій».

Въ театрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ особенно понравилась пьеса «Запорожцы за Дунаемъ» и «Князь Серебряный». Какъ на особенно любимый предметъ, они указываютъ на исторію, потому что въ ней много говорится о военныхъ дѣлахъ.

На вопросъ, какой самый интересный урокъ, дѣти этой группы вспоминали чаще всего урокъ про нашествіе французовъ, затѣмъ про Суворова, Полтавскую битву, Куликовскую битву, войну со Шведами, о жизни казаковъ, о Вильгельмѣ Телѣ.

Ихъ любимыя картины: Взятіе крѣпости, Осада Севастополя, «Про войну», Гибель Ермака, Роландъ, Казнь Стеньки Разина, Какъ солдатъ спасъ Петра I-го, Походъ горцевъ на русскихъ, Война съ турками, Емелька Пугачевъ, Война казаковъ съ поляками, Бурская война, Война съ французами, Орлеанская дѣва, Война съ Китаемъ, Взятіе Пекина, Взятіе Измаила, Взятіе Плевны, Александръ Невскій, Война со Шведами, Куликовская битва, Взятіе Казани, Взятіе Очакова, Покореніе Сибири, Портретъ Суворова, Бой купца Калашникова, Бородинскій бой, Походъ Наполеона, Какъ Петръ I-й учитъ военному дѣлу своихъ потѣшныхъ.

Ихъ любимыя игрушки: оловянные солдатики, ружье, сабля, пушка, крѣпость, пистолетъ, лукъ, самострѣлъ, конь, ножикъ, каска, эполеты.

Ихъ обычныя игры: въ солдаты, въ пожарные, въ снѣжки, въ лапту, въ кошки-мышки, стрѣлять изъ ружья (игрушечнаго).

Они съ живымъ интересомъ бесѣдуютъ либо съ Николаевскимъ солдатомъ о Севастопольской войнѣ, либо съ солдатами, возвратившимися изъ Китая, либо съ одною древнею старухою, разсказывавшею имъ про французовъ 1812 г.

Нѣкоторые изъ нихъ пріучаютъ себя къ безстрашію и хотятъ укрѣпить свое тѣло физическими упражненіями. Имъ не чуждо стремленіе заступиться за слабаго товарища, и когда они видятъ, какъ «забижаютъ маленькаго», они бросаются въ бой.

У нихъ, повидимому, много смѣлости, но это относится, главнымъ образомъ, къ физической храбрости. На вопросъ: кого они больше всего боятся, они часто отвѣчаютъ: никого не боюсь. Но при этомъ очень часто дѣлаютъ оговорки: «кромѣ полицейскаго», «сторожа», «урядника», «начальства», «ремня», «прута», «наказанія», «экзамена», «злыхъ духовъ», «лѣшихъ», «мертвецовъ», «русалокъ» и т. п.

Научно-любознательный типъ. Есть дѣти, у которыхъ преобладающей наклонностью является жажда знанія, любовь, и нерѣдко восторженная — къ наукѣ, книгѣ, опытамъ, изобрѣтеніямъ. Господствующія у нихъ умственныя способности властно требуютъ своего развитія.

Они любятъ читать книги: «научныя», о «природѣ», «популярную астрономію», «географію», «исторію», «Среди льда и ночи», «Въ лѣсахъ Флориды», «Приключенія 2-хъ кораблей», «Приключенія капитана Гаттераса», «Среди животныхъ», «О борьбѣ человѣка съ природой», «Мой акваріумъ», «Объ устройствѣ человѣческаго тѣла», «Михаилъ Фарадей», «Веніаминъ Франклинъ» и вообще «про ученыхъ людей», «Мученики науки», «По физикѣ», «О химическихъ соединеніяхъ», «Изъ чего состоятъ небесныя свѣтила», «О томъ, какъ люди жили въ прежнія времена и какъ живутъ теперь въ разныхъ странахъ свѣта», «О земныхъ и морскихъ растеніяхъ», «Зоологію», «Метеорологію», «О землѣ и ея спутникѣ» и т. п.

Имъ мало тѣхъ книгъ, которыя можно было достать въ библіотекѣ: они покупаютъ книги научнаго содержанія на свои скудныя средства. «Я самъ купилъ всѣ книги,—пишетъ одинъ,— какія есть въ нашемъ домѣ, какъ, напримѣръ, «Исторія земли», «Географія Россіи», «Систематическій курсъ ариѳметики», «Сельско-хозяйственныя» и т. п.

Нѣкоторые изъ нихъ читаютъ со страстью, съ увлеченіемъ, читаютъ и днемъ и ночью. Для нихъ не существуетъ такой интересной книги, которую бы они не одолѣли, не поняли, не усвоили. Если книга трудна для пониманія, онъ прочтетъ ее нѣсколько разъ, лишь бы усвоить ея содержаніе. Они поразятъ васъ массою свѣдѣній.

Они покупаютъ на свои средства дешевыя лупы, 40-копеечные микроскопы, тратятъ свои гроши на опыты по физикѣ и химіи. Они хотятъ слушать публичныя лекціи, платя за

входъ свои деньги; нерѣдко имъ приходится вести борьбу съ своей семьей, считающей такіе расходы ненужными.

Одинъ изъ нихъ любитъ уходить въ лѣтнее время въ уединенное мѣсто съ научной книгою въ рукахъ, чтобы никто не мѣшалъ ему «думать о серьезныхъ вопросахъ».

Самыми интересными уроками въ школѣ они считаютъ: «О небесныхъ свѣтилахъ», «Объ устройствѣ человѣческаго тѣла», «Опыты по физикѣ и химіи», «О гейзерѣ», «О Галилеѣ», «Джорджано Бруно», «Ньютонѣ», «Лавуазье», «О бактеріяхъ», «О добываніи золота», «О Сибири», «Финляндіи».

Изъ предметовъ преподаванія они предпочитаютъ другимъ природовѣдѣніе («съ опытами»), географію, исторію, ариѳметику.

Изъ картинъ имъ болѣе другихъ нравятся: докторъ Исаакъ, Екатерина въ гостяхъ у Ломоносова, портретъ Ломоносова, жаркія страны, виды Швейцаріи, Цюриха, Неаполя, Москвы, Уральскихъ горъ, Лондона, Голландіи, карта земли, собираніе чая и т. п.

Даже въ отвѣтахъ объ ихъ любимыхъ игрушкахъ замѣтно ихъ тяготѣніе къ знанію. «Мнѣ нравился мячъ и раньше, а теперь онъ нравится еще больше, потому что напоминаетъ по своей формѣ земной шаръ и другія планеты». По той же причинѣ другой ученикъ любитъ волчокъ. Третій къ любимымъ игрушкамъ относитъ компасъ.

Они хотѣли бы посѣщать хорошую большую библіотеку, музеи, какъ тѣ, гдѣ много разныхъ машинъ, такъ и тѣ, гдѣ много старинныхъ вещей, каменныхъ орудій и проч., такъ и тѣ, гдѣ много чучелъ, скелетовъ, они хотѣли бы ходить въ зоологическій садъ и т. п.

Они предпочитали бы жить въ Москвѣ, Петроградѣ или за границей, гдѣ «много музеевъ», «богатыя библіотеки», «много учебныхъ заведеній», «много образованныхъ людей», «можно многому научиться»... «много науки»...

Они хотѣли бы знать о свѣтилахъ небесныхъ и ихъ движеніи, о тайнахъ небеснаго міра, о растеніяхъ, о томъ, что находится въ нѣдрахъ земли, о разныхъ странахъ и о томъ, какъ тамъ живутъ, «о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ всѣхъ жителей Россіи», о крестьянскомъ дѣлѣ, хотѣли бы изучать исторію и Россіи и другихъ народовъ, «политику разныхъ государствъ», желали бы производить физическіе и химическіе опыты, знать анатомію, агрономію, механику и «вообще науку о природѣ». Одинъ изъ нихъ желалъ бы «изучить всѣ науки, потому что, чѣмъ больше ученыхъ, тѣмъ образованнѣе страна, а чѣмъ образованнѣе страна, тѣмъ богаче народъ и меньше преступленій».

Нѣкоторыхъ особенно интересуютъ какіе-нибудь частные вопросы изъ той или другой отрасли знаній. Одного, напримѣръ, особенно интересуетъ открытіе полюсовъ; другого—«заведутъ ли когда-нибудь сношенія съ планетою Марсомъ», третьяго—«чей сынъ былъ Григорій Отрепьевъ» и т. д.

Дѣти этой группы не суевѣрны. Прежде они вѣрили либо въ домовыхъ, либо въ лѣшихъ, лѣсовиковъ, русалокъ, водяныхъ, дюдюкъ, вѣдьмъ, бабу-ягу, заговоры, а теперь не вѣрятъ; прежде боялись колдуновъ, волшебниковъ, покойниковъ, темноты, грома и молніи, а теперь не боятся.

Больше всего на свѣтѣ они желали бы «быть образованнымъ», «ума себѣ и всѣмъ людямъ», «чтобы было больше просвѣщенныхъ людей», «чтобы весь народъ былъ образованъ»... На вопросъ — кѣмъ они желали бы быть?—они отвѣчаютъ: «Я желалъ бы походить на Ломоносова»... «Я хочу быть ученымъ»... «Когда я вырасту, то хочу быть ученымъ, какъ Ньютонъ»... «Хочу быть астрономомъ, чтобы наблюдать свѣтила небесныя»... «Мореплавателемъ»... «Путешественникомъ, чтобы все видѣть»... «Докторомъ, потому что доктора хорошо знаютъ устройство человѣческаго тѣла»... «Обучиться разнымъ наукамъ»... «Учиться въ университетѣ».

Мнѣ неизвѣстно, поступилъ ли кто-нибудь изъ этихъ дѣтей рабочихъ въ университетъ; но нѣсколько лѣтъ спустя я встрѣтилъ двоихъ изъ нихъ на публичной лекціи въ Москвѣ, гдѣ они служатъ на какой-то фабрикѣ въ низшихъ должностяхъ. И я узналъ, что они посѣщаютъ народный университетъ, публичную библіотеку, много читаютъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ профессіональныхъ союзахъ и устраиваютъ тамъ лекціи для своихъ товарищей-рабочихъ.

На вопросъ — кто самый счастливый человѣкъ?—они отвѣчаютъ: «Счастливый человѣкъ Колумбъ: онъ много объѣхалъ и много открылъ земель». «Ломоносовъ»... «Ньютонъ»... «Ученый»... «Галилей»... «Кто много учился и кто много знаетъ»... «Изобрѣтатель»...

Самымъ несчастнымъ человѣкомъ они считаютъ того, кто по семейнымъ или экономическимъ условіямъ «не можетъ продолжать образованія», хотя и «хочетъ этого» и «имѣетъ способности».

Если бы они разбогатѣли, они хотѣли бы устроить школу, библіотеку, обучаться дальше, поѣхать для продолженія образованія въ Москву, за границу, накупить книгъ, отправиться въ путешествіе, изучить жизнь разныхъ народовъ, устроить лабораторію, чтобы производить опыты, пріобрѣсти телескопъ, микроскопъ, одинъ изъ нихъ устроилъ бы университетъ въ родномъ городѣ.

Великими людьми они считаютъ чаще всего Ломоносова, затѣмъ Ньютона, Бруно, доктора Исаака, Христофора Колумба, капитана Кука, Лавуазье, Нестора лѣтописца, Песталоцци и вообще «ученыхъ», «химиковъ», «астрономовъ», «воздухоплавателей», «изобрѣтателей».

Своимъ хорошимъ поступкомъ они считаютъ рѣшить трудную задачу, прочесть книгу научнаго содержанія, самому вы-

учиться читать или писать, объяснить товарищу, чего онъ не понимаетъ.

А самымъ хорошимъ дѣломъ вообще они считаютъ «новое изобрѣтеніе»... «открытія въ наукѣ»... «ученье»...

Самыми дурными людьми они считаютъ «тѣхъ, кто убилъ Джорджано Бруно»... «необразованнаго человѣка, который споритъ съ образованнымъ»...

Самымъ дурнымъ дѣломъ одинъ изъ нихъ считаетъ убійство, «потому что убійца можетъ убить человѣка, который могъ бы сдѣлать какое-нибудь великое открытіе или изобрѣтеніе». А другой самымъ дурнымъ дѣломъ считаетъ, когда люди мѣ-

шаютъ способному человѣку продолжать образованіе. Конечно, очень трудно ручаться, что это стремленіе къ знанію и умственному развитію совершенно безкорыстно. Навѣрное, очень часто къ нему примѣшиваются и утилитарныя соображенія, и честолюбіе и проч. Еще труднѣе было бы утверждать, что тамъ, гдѣ это стремленіе безкорыстно, оно останется такимъ на всю жизнь. Рибо, напримѣръ, прямо утверждаетъ, что чистая любознательность, какъ страсть, безъ примѣси другихъ стремленій, встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Несомнѣнно, однако, юношескій возрастъ богатъ безкорыстными стремленіями, и совсѣмъ нетрудно встрѣтить юношей и дѣвицъ, мечтающихъ о томъ, чтобы для прокормленія себя взять какую-нибудь механическую работу, нетребующую вниманія, а весь досугъ отда-

вать одной наукѣ не для дипломовъ, медалей, экзаменовъ и карьеры, а единственно ради наслажденія, какое имъ доставляетъ умственный трудъ.

Типъ общественно-нравственный. Выдѣляя дѣтей этого типа, мы хорошо знаемъ, что есть люди, не признающіе альтруизма, какъ основы общественныхъ чувствъ. Они говорятъ, будто личный интересъ является единственною пружиною, управляющею нашими поступками, будто ни одинъ человѣкъ не пошевелитъ и пальцемъ для другого человѣка, если въ данномъ случаѣ не будетъ замѣшанъ его личный интересъ, будто самое гнусное преступленіе мошенника, лжедоносчика или убійцы было бы вполнѣ хорошо, если бы за нимъ не слѣдовало наказаніе по закону. Но мы пріемлемъ ученіе объ альтруизмѣ со всѣми его послѣдствіями. Не такъ давно Фулье пытался разрѣшить этотъ вопросъ по отношенію даже къ животному міру. Онъ началъ съ клѣтки и нашелъ, что основнымъ свойствомъ клѣтки является ея дѣятельность, а работа клѣтки влечетъ трату ея энергіи и необходимость возстановлять эту трату принятіемъ пищи. Такимъ образомъ клѣтка живетъ не для того, чтобы ѣсть, а ѣстъ для того, чтобы дѣйствовать. Голодъ здѣсь является слѣдствіемъ, а работа основною причиною; и тѣ (какъ, напримѣръ, Ницше), кто все сводитъ къ одному голоду, къ одной ненасытности, къ одному эгоизму ставятъ слѣдствіе на мѣсто причины и причину на мѣсто слѣдствія.

Разсматривая далѣе питаніе, Фулье находитъ, что оно приводитъ къ раздѣленію работы между частями тѣла, къ гармоніи и соглашенію. Переходя къ обществамъ животныхъ, Фулье показываетъ, какъ тождество потребностей вызываетъ общность дѣйствія, солидарность, симпатію, какъ это чувство мало-помалу растетъ и становится преобладающимъ. Еще сильнѣе проявляется альтруизмъ въ воспроизведеніи потомства. Родители хотя и смутно чувствуютъ себя производителями дѣтей, узнаютъ себя въ нихъ, находятъ у нихъ тѣ же самыя потребности, а все это не можетъ не развивать чувствъ.

Воспроизведеніе и кормленіе потомства на всѣхъ ступеняхъ животной лѣстницы представляетъ ту или другую долю и форму самопожертвованія. Есть животныя, у которыхъ оплодотвореніе и воспроизведеніе влечетъ за собою смерть самца или самки.

Фулье приводитъ хорошо извѣстные факты, какъ животныя заботятся не только о потомствѣ, но и о постороннихъ, какъ вороны, напримѣръ, въ теченіе долгаго времени кормили слѣпую старую ворону, какъ та же исторія повторялась и у другихъ птицъ. И Фулье приходитъ къ выводу, что у животныхъ есть гуманность и чувства симпатіи, есть солидарность, мораль, что они не читали Ницше.

Такъ стоитъ дѣло въ животномъ мірѣ. А о людяхъ нечего и говорить. Не такъ давно начала симпатіи и любви въ Индіи уничтожили касты, въ Америкѣ—рабство, въ Европѣ—крѣпост-

ное право. И мы не можемъ не вѣрить, что въ будущемъ, когда развитое чувство симпатіи будетъ всеобщимъ свойствомъ, оно сдѣлаетъ ненужнымъ каторгу, тюрьмы, наказанія, полицію; оно одно будетъ доступнымъ регуляторомъ взаимныхъ отношеній между людьми. Но для нашего грѣшнаго времени истина, повидимому, должна быть посреди̇нѣ, между двумя противоположными ученіями. Людскія стремленія и инстинкты не всѣ равноцѣнны. На ряду съ вполнѣ законными эгоистическими стремленіями обезпечить себя здоровымъ жилищемъ, платьемъ, пищею, въ людяхъ есть вредные хищническіе инстинкты, пережитки дикарей и варваровъ, потерявшихъ въ наше время всякій смыслъ и всякое значеніе. Въ то же время мы не можемъ отрицать и того, что люди одарены благородными общественными, альтруистическими инстинктами и стремленіями. И эти послѣднія особенно ярко проявляются въ лучшую пору нашей жизни — во время юности.

Матеріалы, которыми мы пользовались, выдѣляя дѣтей этого типа, показываютъ, что природа дала имъ задатки къ состраданію и дѣятельной любви. И при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ въ извѣстномъ возрастѣ эти природныя наклонности властно заявляютъ требованія на свое развитіе. Это стремленіе у нѣкоторыхъ дѣтей даннаго типа выражается вполнѣ опредѣленно. Дѣти этой группы говорятъ, что, когда они вырастутъ, они хотѣли бы «просвѣщать темныхъ людей», «быть доброй феей», «быть, какъ докторъ Гаазъ», «трудиться для другихъ», «помогать крестьянамъ», «открыть библіотеку и раздавать книги», «хотѣли бы быть врачемъ»... «учителемъ народа».

На вопросъ, для чего они учатся, они отвѣчаютъ: «Учусь, чтобы читать и говорить въ деревнѣ, какъ нехорошо сѣчь другъ друга розгами»... «Хочу читать и разсказывать въ своей деревнѣ о томъ, чтобы не били дѣтей»... «Я учусь для того, чтобы поѣхать къ самоѣдамъ и вогуламъ и говорить имъ, что такъ жить нехорошо, и научить ихъ грамотѣ»... «Хочу читать и разсказывать другимъ о бѣдствіяхъ войны»... «Буду читать и говорить, чтобы закрыли кабаки».

Если бы они разбогатѣли, они построили бы пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, богадѣльню для бѣдныхъ стариковъ и старухъ, безплатную больницу, дешевую столовую, безплатную библіотеку-читальню, половину богатства роздали бы бѣднымъ и нищимъ, устроили бы пріютъ для слѣпыхъ, пристанище для нищихъ, а одинъ «устроилъ бы фабрику съ хорошей заработной платой, а при фабрикѣ школу, пріютъ, больницу, богадѣльню и безплатную баню».

Выражая свои желанія, они пишутъ, между прочимъ, и о томъ, что хотѣли бы видѣть Россію образованнѣе всѣхъ другихъ государствъ, желали бы, чтобы было больше правды на землѣ, чтобы весь народъ былъ образованъ и т. д., они желали бы, «чтобы не было нищихъ, а всѣ были бы пристроены»...

«Чтобы было больше добра, чѣмъ зла»... «Чтобы были наука, правда и миръ по всей землѣ»... «Чтобы всѣ люди были образованы»... «Чтобы на землѣ было больше счастья»... «Чтобы всѣ жили по справедливости, безъ обиды, безъ свары»... Какъ будто они понимаютъ, что люди могутъ жить безбѣдно, могутъ успѣшно бороться съ природою за свое существованіе только тогда, когда они станутъ помогать другъ другу, когда каждый будетъ думать о всѣхъ, а всѣ о каждомъ; когда всѣ люди въ мѣру своихъ силъ и способностей станутъ заботиться и объ уничтоженіи народнаго невѣжества и объ облегченіи больныхъ, о воспитаніи безпріютныхъ сиротъ, о призрѣніи безпомощныхъ стариковъ.

Самымъ лучшимъ изъ своихъ поступковъ они считаютъ то, что спасли утопающихъ, помогли родителямъ въ работѣ, помогали бѣднымъ, подали нищему, заступились за обиженнаго товарища, спасли кошку или собаку отъ мальчишекъ, выпустили на волю птичекъ, выкормили птенцовъ, положили птенцовъ въ гнѣздо, помогли переносить вещи, тушили пожаръ, помогали въ работѣ сосѣдямъ, помогали носить воду, мыть полы, чистить самовары, зарыли мертвую собаку, помогали товарищамъ въ приготовленіи уроковъ, нянчили сосѣдскихъ дѣтей, исполняли порученія знакомыхъ, нашли пропавшія сосѣдскія деньги или вещи, навѣщали больныхъ, помогали одѣться маленькимъ дѣтямъ, пожертвовали на голодающихъ, спасли старуху, ребенка отъ ѣдущаго поѣзда, помогли пастуху найти пропавшую овцу, переночевали съ товарищемъ, который боялся оставаться одинъ, вывели изъ лѣсу заблудившихся, простили враговъ, спасли скотину при переправѣ на паромѣ. Нерѣдко они говорятъ и о мотивѣ, которымъ они руководились въ своихъ добрыхъ поступкахъ: это большею частію жалость, состраданіе. «Мнѣ было его жаль» — вотъ ихъ стереотипная фраза.

Самымъ дурнымъ поступкомъ они считаютъ «обидѣть маленькихъ», убійство, кражу, обманъ; но особенно доносъ. Относительно доноса одинъ изъ нихъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Доносчикомъ нехорошо быть потому, что ты — на него, а онъ — на тебя; отъ этого происходятъ ссоры, драки, вредъ себѣ и другимъ»... «Доносчикъ унижаетъ свое человѣческое достоинство; съ нимъ нельзя жить въ одномъ обществѣ».

Самыми счастливыми людьми они считаютъ тѣхъ, «кто помогаетъ бѣднымъ и сиротамъ», «праведнаго человѣка», доктора Гааза, Льва Толстого, «кто работаетъ на пользу другихъ», Александра II, потому что онъ освободилъ народъ, «кто открываетъ школы и богадѣльни», «кто живетъ по правдѣ»... «дѣлаетъ добро и не дѣлаетъ зла»...

Великими людьми они считаютъ филантроповъ въ родѣ доктора Гааза, пастора Оберлейна, Александра II, освободителя крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, ласковаго князя Влади-

мира, друга и отца сиротъ Песталоцци, героя разсказа «Сигналъ» — сторожа Семена, Джорджано Бруно, потому что онъ «крѣпко стоялъ за правду».

Самымъ дурнымъ человѣкомъ они считаютъ ложнаго доносчика, шпіона, лжеца, лѣнтяя, «того, кто не приноситъ другимъ пользы», «кто приноситъ вредъ», Ивана Грознаго за то, «что онъ казнилъ народъ», Іуду предателя и Аггея правителя, жестокаго человѣка. Пороки и преступленія ихъ ужасаютъ. Они не могутъ говорить о нихъ безъ волненія. Вопросы совѣсти занимаютъ у нихъ главное мѣсто.

Ихъ любимыми книгами служатъ: «Хижина дяди Тома», «Принцъ и нищій», «Подкидышъ», «Жидъ» Мачтета, «Докторъ Гаазъ», «Хорошіе люди», «Чѣмъ люди живы», «Безпріютная», «Спартакъ», «Отчаянный», «На зарѣ», «Сиротка Лиза», «Задушевные разсказы», «Маленькій оборвышъ», «Безъ семьи», «Богъ правду видитъ», «Дѣлатели золота», «Сочиненія Никитина», «Фабіола», и т. п. книги, возбуждающія состраданіе къ горю ближняго, либо изображающія людей, помогавшихъ другимъ. Изъ купленныхъ ими самими книгъ они отмѣчаютъ, какъ особенно интересныя: «Фабіолу», «Спартака», «Принца и нищаго».

Самыя любимыя ихъ стихотворенія: «Христосъ-младенецъ» (легенда Плещеева), «Жена ямщика» Никитина, «Пророкъ», «Сиротка», «Власъ» Некрасова, «Нищіе» Никитина, «Странникъ», «Въ тюрьмѣ», «Материнская любовь», «Несжатая полоса» Некрасова, «О крестьянскомъ горѣ и радостяхъ».

Изъ пьесъ имъ больше всего понравились «Хижина дяди Тома» и «Бѣдность не порокъ».

Изъ пѣсенъ они признаютъ лучшими «Узникъ» («Сижу за рѣшеткой»), «Бродяга».

Изъ картинъ имъ особенно нравится «Сигналъ» [про желѣзно-дорожнаго сторожа Семена], «Старый звонарь» [къ разсказу Короленко), «Страданія Іисуса Христа», «Какъ Александръ II объявляетъ волю крестьянамъ».

Наиболѣе интересными уроками они признаютъ уроки объ освобожденіи крестьянъ и о Вильгельмѣ Телѣ.

Изъ игръ они предпочитаютъ общественныя одиночнымъ. Они являются членами, а чаще всего вожаками дѣтскихъ кружковъ, внося въ нихъ облагораживающія задачи и правила.

Изъ дѣтей этой группы особенно интересенъ одинъ подростокъ 14 лѣтъ. Мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу хорошо одаренныхъ отъ природы. Правда, въ началѣ всякой работы онъ медленно раскачивается, но зато раскачавшись, онъ можетъ долго и упорно работать. Онъ обладаетъ богатымъ воображеніемъ. Чтобы измѣрить творческое воображеніе дѣтей, я, въ видѣ канвы, такъ сказать, кратко передалъ имъ разсказъ про одного итальянскаго разбойника, предоставивъ дѣтямъ въ классной работѣ прибавить къ этому разсказу все, что они только пожелаютъ. Затѣмъ я сосчиталъ

число добавленій у каждаго изъ дѣтей, считая за одно добавленіе каждый новый образъ, новое сравненіе, новое сужденіе, новое предположеніе, новое объясненіе факта. Многіе не прибавили ничего; а одинъ сдѣлалъ 18 добавленій. Наибольшее число новыхъ образовъ пришлось на долю подростка-альтруиста. Изслѣдуя характеръ ассоціацій этого мальчика, мы нашли, что онѣ обильны, а главное, что нѣкоторыя изъ его сопоставленій оригинальны и въ то же время удачны. Достаточно присмотрѣться къ нему, когда онъ занятъ работой, чтобы убѣдиться, какъ сильно развита въ немъ вдумчивость, внутреннее вниманіе. Онъ весь какъ бы замираетъ при этомъ въ неподвижной позѣ. Въ связи съ развитіемъ внутренняго вниманія мы ставимъ его увлеченіе ариѳметическими задачами. «Я люблю, — пишетъ онъ, — научныя книги и задачники. Задачники я полюбилъ съ перваго года ученья. Я очень люблю дѣлать задачи».

Всѣ мечты нашего подростка, несмотря на все свое разнообразіе, тяготѣютъ къ одному центру: люди должны думать другъ о другѣ; жить по совѣсти, по правдѣ, безъ обиды, безъ свары; поступать по справедливости.

Заходитъ ли рѣчь о счастливыхъ людяхъ, онъ пишетъ: «Самымъ счастливымъ я считаю такого, который никому никогда не дѣлалъ зла», какъ бы вторя словамъ Гомера: «Никому не нанесъ ты ни словомъ ни дѣломъ обиды». Естественно, что самымъ дурнымъ человѣкомъ онъ считаетъ того, «кто выдаетъ своихъ товарищей». Заходитъ ли рѣчь о самомъ дурномъ поступкѣ, онъ пишетъ: «Самымъ дурнымъ поступкомъ я считаю притѣснять малосильныхъ, потому что всякій человѣкъ имѣетъ такое же сердце, какъ и всѣ, и поэтому онъ и права долженъ имѣть какъ и всѣ». Ту же этику онъ распространяетъ и на звѣрей. «Самымъ дурнымъ звѣремъ, — пишетъ онъ, — я считаю такого, который обижаетъ другихъ звѣрей». Когда заходитъ рѣчь о страхѣ, онъ пишетъ: «Маленькимъ я боялся домовыхъ, лѣсовыхъ, водяныхъ, а теперь я боюсь только однихъ худыхъ дѣлъ».

Очевидно, онъ не помирился съ тою теоріею, которая утверждаетъ, что право это сила. Повидимому, онъ не умомъ, конечно, а чутьемъ и сердцемъ будетъ на сторонѣ той теоріи, которая гласитъ, что насиліе — не аргументъ, а если оно что-нибудь и доказываетъ, то лишь только слабость идеи, защищаемой насиліемъ. Ему нравится мысль, что изъ двухъ изобрѣтеній одной и той же эпохи — изобрѣтеніе пороха и печати, послѣднее въ близкомъ будущемъ одержитъ верхъ надъ первымъ; мысль человѣческая окажется сильнѣе пороха и пушекъ.

Величіе въ его глазахъ — не въ славѣ, не въ соціальномъ положеніи, не въ богатствѣ, а въ самопожертвованіи. На вопросъ, кого онъ считаетъ великимъ человѣкомъ, онъ называетъ не Наполеона, не Александра Македонскаго, а желѣзнодорожнаго сторожа Семена (изъ разсказа «Сигналъ»). Онъ пи-

шетъ: «Я считаю великимъ человѣкомъ такого, который пожертвовалъ жизнью за другихъ. Напримѣръ, желѣзно-дорожный сторожъ Семенъ. У него не было флага и онъ ранилъ ножомъ руку и намочилъ кровью платокъ и поставилъ палку, а на ней повѣсилъ платокъ. Машинистъ увидалъ этотъ флагъ и остановилъ поѣздъ, а Семенъ отъ истеченія крови померъ».

Изъ беллетристики ему особенно нравится разсказъ «На зарѣ», потому что въ немъ говорится о томъ, «какъ болгары боролись за свою свободу съ турками». По сходнымъ мотивамъ онъ въ восторгѣ отъ книжки «Спартакъ», которую онъ купилъ на свои деньги; ему понравилась книжка «Отчаянный», потому что въ ней разсказано, «какъ одинъ матросъ за правду стоялъ и говорилъ товарищамъ, чтобы они не позволяли себя обижать старшему боцману». Онъ съ благоговѣніемъ относится къ Джорджано Бруно, «потому что тотъ любилъ правду и смѣло стоялъ за нее».

Для того, чтобы думы объ общемъ благѣ стали преобладающимъ мотивомъ, нужно, кромѣ наслѣдственности и способностей, рѣдкое сочетаніе благопріятныхъ вліяній: среды, учащихъ, книгъ и, наконецъ, событій личной жизни. Въ данномъ случаѣ на ученика сильно повліяла смерть горячо имъ любимаго младшаго брата. На вопросъ, кого изъ людей онъ любилъ больше всѣхъ, когда былъ маленькій, онъ отвѣчаетъ: «брата»; на вопросъ, кого любитъ теперь, онъ отвѣчаетъ: «тоже покойнаго брата». На вопросъ, какой день онъ считаетъ самымъ несчастнымъ въ своей жизни, онъ отвѣчаетъ: «тотъ день, когда померъ мой братъ». На вопросъ, какой день онъ считаетъ самымъ счастливымъ въ своей жизни, онъ отвѣчалъ: «тотъ, когда я однажды гулялъ съ покойнымъ братомъ въ лѣсу». На вопросъ, какую изъ своихъ вещей онъ любитъ больше всѣхъ другихъ, отвѣчаетъ: «портретъ моего покойнаго брата». Когда онъ говоритъ о своей дружбѣ съ братомъ, невольно вспоминается, какъ Л. Толстой описывалъ дружбу Иртеньева къ Сережѣ и Ивану. «Я почувствовалъ къ нему,—говоритъ Иртеньевъ,—непреодолимое влеченье. Видѣть его было достаточно для моего счастья, и одно время всѣ силы моей души были сосредоточены на этомъ желаньи... Всѣ мечты мои во снѣ и наяву были о немъ... Закрывая глаза, я видѣлъ его предъ собою и лелѣялъ этотъ призракъ, какъ лучшее наслажденіе». У нашего подростка привязанность къ его покойному брату могла быть не менѣе сильной, чѣмъ описанная Толстымъ. Кто изъ насъ не переживалъ въ этомъ возрастѣ такихъ глубокихъ привязанностей, которыя служатъ лучшими воспоминаніями въ зрѣломъ возрастѣ. Кто изъ насъ встрѣчаясь съ другомъ дѣтства не испытываетъ особаго волненія при вопросахъ: а помнишь ли ты такой-то день, такое-то мѣсто, такой-то случай? У нашего мальчика эта дружба переплеталась еще съ родственнымъ чувствомъ къ брату. Повидимому, эта потеря дорогого человѣка,

наложивъ на мальчика печать грусти и задумчивости, въ то же время была причиною, почему онъ часть этой горячей привязанности перенесъ на другихъ и особенно на маленькихъ, на беззащитныхъ, на обиженныхъ.

Сколько мы знаемъ людей, ставшихъ общественными дѣятелями лишь съ тѣхъ поръ, какъ они потеряли любимое существо: сына, дочь и т. д. Сколько пожертвованій, сколько школъ, больницъ и пріютовъ устроено людьми въ память потерянныхъ ими любимыхъ существъ: дѣтей, родителей, супруговъ. Каждое изъ этихъ пожертвованій свидѣтельствуетъ о распространеніи чувства любви и жалости къ близкому, но умершему человѣку, на чужихъ, но живыхъ. Нѣчто подобное произошло и съ мальчикомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что послѣ смерти брата онъ сталъ сильнѣе «жалѣть маленькихъ дѣтокъ». Иногда онъ вступалъ въ бесѣду съ матерями и отцами, чтобы урезонить ихъ, чтобы сказать имъ, какъ нехорошо мучить маленькихъ. Самымъ лучшимъ поступкомъ въ своей жизни онъ считаетъ слѣдующій. «Однажды, — разсказываетъ онъ, — я увидалъ, какъ большой мальчикъ бьетъ маленькаго. Я заступился за него и отогналъ большого. Я это сдѣлалъ потому, что очень люблю маленькихъ, и мнѣ этого мальчика стало жалко».

Быть-можетъ, не осталось безъ вліянія на этого мальчика и то обстоятельство, что первыя одиннадцать лѣтъ онъ прожилъ въ деревнѣ, да и послѣдніе три года онъ проводилъ въ деревнѣ и зимніе праздники и лѣтнія каникулы. Онъ воочію видѣлъ деревенское безысходное горе, видѣлъ много слезъ и страданій. Что чужое горе и слезы могутъ довести чувства симпатіи и состраданія до крайняго напряженія — это фактъ общеизвѣстный, не разъ описанный въ литературѣ. Короленко художественно воспроизводитъ его въ своемъ разсказѣ «Слѣпой музыкантъ». Когда воспитатель слѣпца старый Максимъ замѣтилъ, что изъ его питомца выходитъ черствый эгоистъ, думающій только объ одномъ себѣ, старикъ рѣшился показать ему такое горе, въ сравненіи съ которымъ его личная жизнь могла быть названа блаженствомъ. Въ одинъ холодный день старикъ привелъ юношу къ нищимъ слѣпцамъ. «Они сидѣли съ деревянными чашками въ рукахъ и по временамъ кто-нибудь затягивалъ жалобную пѣсню:

— Под-дайте сліпенькимъ... ра-а-ади Христа...

Въ ихъ голосахъ слышалась безотчетная жалоба физическаго страданія и полной безпомощности. Первыя ноты слышались еще довольно отчетливо, но затѣмъ изъ сдавленныхъ грудей вырывался только какой-то жалобный ропотъ, замиравшій тихою дрожью озноба. Звуки пѣсни поражали всякаго громадностью заключеннаго въ нихъ непосредственнаго страданія.

Впечатлѣніе получилось громадное, потрясающее. Юноша заболѣлъ нервною горячкою. Но зато достаточно было только

одного этого урока, чтобы вчерашній чистопробный эгоистъ переродился въ благороднаго альтруиста. Результатъ такого воспитательнаго пріема очень скоро обнаружился воочію. Въ Кіевѣ слѣпецъ игралъ предъ большимъ собраніемъ публики.

«Въ залѣ, — разсказываетъ Короленко, — стояла теперь тихая, но властная, плачущая и за сердце хватающая нота. Максимъ узналъ ее, горькую пѣсню слѣпыхъ:

— Подайте сліпенькимъ... рра-ди Хрри-и-ста-а...

Будто ударъ разразился надъ толпою, и каждое сердце дрогнуло отъ звуковъ этого тихаго замиравшаго вопля. Онъ давно уже смолкъ, но толпа, пораженная ужасомъ жизненной правды, хранила гробовое молчаніе.

Мечты Максима сбылись. Принимаясь за воспитаніе слѣпца, онъ мечталъ именно о томъ, что «несправедливо обиженный судьбою подыметъ со временемъ доступное ему оружіе въ защиту другихъ, обездоленныхъ жизнью». «Обездоленный за обиженныхъ — вотъ девизъ, который онъ выставилъ заранѣе на боевомъ знамени своего питомца».

То, что у Короленко слѣпой воспитанникъ узналъ, благодаря искусственному воспитательному пріему Максима, то самое нашъ мальчикъ-альтруистъ узналъ самъ, вполнѣ естественно, и не могъ не узнать. Предъ его глазами прошло все подлинное, ужасное, настоящее, неприкрашенное деревенское горе; онъ видѣлъ и голодъ и безпросвѣтную нужду. И благодаря особенностямъ его нервной организаціи, это горе произвело на него болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на другихъ его сверстниковъ. Онъ видѣлъ, какъ много современная деревня терпитъ отъ невѣжества, забитости обывателей и отъ произвола мѣстныхъ сильныхъ людей, и его мысль невольно начала работать въ этомъ направленіи. «Волю надо дать народу, потому что безъ нея нѣту счастья — пишетъ онъ — безъ нея невозможно образованіе». «Когда я стану взрослый, я хочу быть полезнымъ для крестьянъ, — пишетъ онъ въ отвѣтъ на мой вопросъ. — Я часто читаю книги вслухъ и меня слушаютъ родные, знакомые и незнакомые мужики». «Намъ всего нужнѣе образованіе, — говорилъ онъ мнѣ въ частной бесѣдѣ. — Когда я выросту, я буду стараться, чтобы у насъ было больше образованія. Но одинъ ничего не сдѣлаешь; надо будетъ общество такое устроить, товарищей пригласить. Устроить такое общество легко, потому что всѣмъ хочется какъ можно лучше жить на свѣтѣ. Никто отъ этого не откажется... Конечно, для этого нужна свобода, — прибавлялъ онъ, — безъ воли нѣту счастья и невозможно образованіе». И это говорилось спокойно, увѣренно, какъ что-то давнымъ-давно хорошо обдуманное и окончательно рѣшенное. Въ каждомъ звукѣ этого голоса слышалась вѣра въ то, что все это сбудется. Хорошо извѣстно, впрочемъ, что подростки и юноши такъ твердо вѣрятъ въ свой успѣхъ, въ осуществленіе своихъ мечтаній. Въ этомъ возрастѣ, когда

еще нѣтъ горькаго жизненнаго опыта, когда еще не пережиты неизбѣжныя въ будущемъ разочарованія, когда всѣ планы и программы дѣятельности находятся еще только въ области воображенія, все представляется такимъ простымъ, такимъ легкимъ, такимъ возможнымъ. Уничтожить все зло міра, всѣ несчастія, всю нужду, всѣ пороки; сдѣлать всѣхъ образованными, счастливыми — это представляется юношѣ вполнѣ осуществимымъ: стоитъ только твердо захотѣть, сильно пожелать, энергично поработать. Люди этого возраста вмѣстѣ съ юношею-поэтомъ твердо вѣрятъ, что

... «Настанетъ пора — и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ».

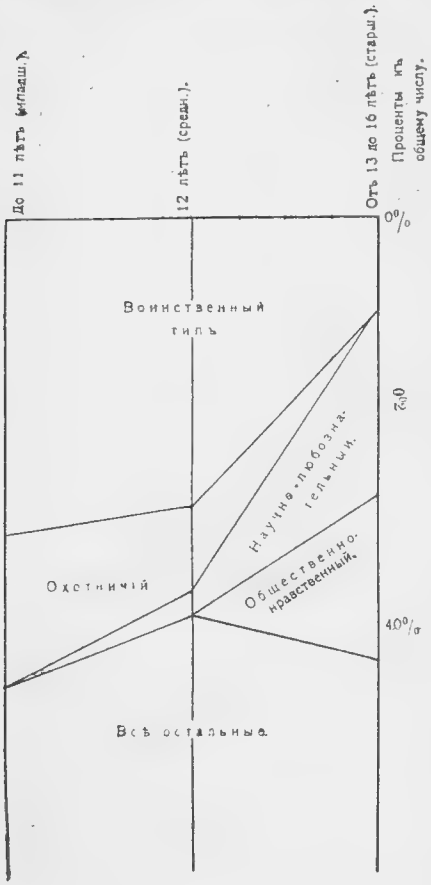
И нашъ подростокъ не хочетъ мириться на какихъ-нибудь грошевыхъ завоеваніяхъ. Онъ желаетъ ни больше ни меньше, какъ «счастья всѣмъ людямъ» — всѣмъ, безъ единаго исключенія, безъ единаго ограниченія. Онъ прямо пишетъ: «Больше всего на свѣтѣ я желаю счастья всѣмъ людямъ». Его идеалы, еще не омраченные ужасами жизни, препятствіями, разочарованіями, возвышенны, безкорыстны и чисты. Ему были бы понятны огненныя строки Бѣлинскаго: «вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое корыстное я, дыши для счастія другихъ, и блага... Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо, не для награды, но для истины кажется тебѣ не по силамъ?.. Ну такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу... Тебѣ вездѣ будетъ тепло. Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе или оскорбленіе; все будетъ трепетать предъ тобою, вездѣ покорность и услужливость, отвсюду честь и хваленіе... журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя. Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная, кровавая драма, что ты будешь въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, что въ душѣ твоей будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что

вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру, и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними, предсмертными страданіями»... Нашъ альтруистъ подписался бы подъ этими словами геніальнаго критика. Онъ не знаетъ еще, что кромѣ двухъ намѣченныхъ здѣсь дорогъ есть третья дорога, гдѣ нѣтъ ни угнетателей, ни угнетенныхъ, ни молота, ни наковальни, а есть свободные, независимые, любящіе другъ друга люди, не допускающіе произвола ни въ себѣ самихъ, ни въ окружающей средѣ. Но, можетъ-быть, даже и узнавъ объ этой третьей дорогѣ, онъ предпочелъ бы первую за красоту самоотверженія и любви. Быть-можетъ, еще подсказала бы такое рѣшеніе совѣсть; а совѣсть для него не «бредъ», не «слабыхъ душъ одни лишь предразсудки». Такова эта счастливая пора безкорыстной мечты и дѣтской вѣры въ ея осуществимость. Грезы воображенія — это волшебный замокъ дѣтства и юношества, это — чистый родникъ самаго яркаго наслажденія и свѣтлыхъ радостей и счастья. По словамъ Аксакова, за одну возможность помечтать такъ сладко, какъ это бываетъ въ дѣтствѣ, когда грезы воображенія бываютъ такъ живы, волшебны, чудны, свѣтлы, красивы, очаровательны, иной старикъ, безъ сожалѣнія, отдалъ бы весь остатокъ своей угасающей жизни.

Опрошенныя дѣти раздѣлены нами по времени пребыванія въ школѣ и по возрасту на три группы: къ младшей отнесены дѣти, проучившіяся 2 или 3 года до 11-лѣтняго возраста включительно; къ слѣдующей группѣ — дѣти 12 лѣтъ и къ старшей — дѣти отъ 13 лѣтъ и до 16-ти. Отвѣты ихъ я изображаю на графикѣ 10-мъ. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на графикъ, рѣзко бросается въ глаза, что дѣти младшаго возраста отличаются большою воинственностью [1]). 31% мальчиковъ этого возраста обуреваемы воинственными стремленіями; но уже къ 13-лѣтнему возрасту эти стремленія падаютъ и уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе мирнымъ стремленіямъ. Въ старшей изъ названныхъ группъ воинственный пылъ удержался только у $8^3/_5\%$ мальчиковъ. Еще большія перемѣны произошли со стремленіями охотниковъ и рыболововъ. Эти стремленія, ясно выраженныя у $12^1/_2\%$ младшей группы, совсѣмъ исчезли къ 13-лѣтнему возрасту. Въ этихъ фактахъ можно, пожалуй, видѣть подтвержденіе теоріи, что ребенокъ въ своемъ развитіи повторяетъ вкратцѣ исторію своей расы. Интересы воина, охотника и рыболова были господствующими на разныхъ ступеняхъ развитія человѣческаго рода, но затѣмъ постепенно уступали свое мѣсто другимъ стремленіямъ, и вотъ то же

[1]) Изслѣдованія производились задолго до того времени, когда появились у насъ «потѣшные».

самое мы видимъ и у дѣтей. Для насъ же въ данную минуту важно то, что стремленія дѣтей очень быстро мѣняются въ зависимости отъ ихъ возраста. Тотъ же рисунокъ показываетъ, какое большое мѣсто въ старшемъ изъ трехъ данныхъ возрастовъ занимаютъ ясно сознанныя стремленія къ умственному развитію. (24% дѣтей этого возраста отнесены къ научно-любознательному типу.) Дѣти научно-любознательнаго типа встрѣчаются еще въ среднемъ возрастѣ (12 лѣтъ), хотя въ крайне незначительномъ количествѣ; но въ этомъ возрастѣ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ дѣтей общественно-нравственнаго типа. И когда поэтъ говоритъ:



«Насъ едва не съ дѣтства тяготитъ вопросъ:
Отчего такъ много въ этомъ мірѣ слезъ...»

то, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду возрастъ не моложе 13 лѣтъ. Зато, начиная съ этого возраста, мы, дѣйствительно, встрѣчаемся съ дѣтьми, болѣющими чужою болью и горемъ. Изъ дѣтей 13—16 лѣтъ, какъ это видно изъ нашихъ графиковъ уже 17,3% относятся къ общественно-нравственному типу. И чѣмъ ближе къ юношескому возрасту, тѣмъ рѣзче выраженъ этотъ типъ.

Несомнѣнно, что здѣсь многое приходится отнести на долю школы. И это доказывается тѣмъ, что въ одномъ отдѣленіи подъ вліяніемъ развитой и идейной учительницы альтруистическіе отвѣты составляютъ 47% общаго числа, а въ другомъ отдѣленіи при другомъ учителѣ число этихъ отвѣтовъ падаетъ до 3%. Но вѣрно также и то, что никакая школа и никакая учительница не разбудила бы въ дѣтяхъ общественныхъ чувствъ, если бы ихъ задатки не лежали въ природныхъ инстинктахъ, накопленныхъ нашими предками подъ вліяніемъ нашей природы и нашей исторіи и переданныхъ нашимъ дѣтямъ по наслѣдству.

Любопытно, что юношескія произведенія поэтовъ очень часто заключаютъ въ себѣ призывъ къ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, къ работѣ на пользу народа, родины, человѣчества. Надсонъ, когда ему было 19 лѣтъ, писалъ:

«А вопросъ такъ простъ: отдайся всей душою
На служенье братьямъ, позабудь себя
И иди впередъ, свѣтя передъ толпою,
Поднимая павшихъ, вѣря и любя».

Плещеевъ тоже въ юношескомъ возрастѣ писалъ:

«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ...»

Все это показываетъ, что дѣти и юноши болѣютъ вопросами общественной жизни. Приходитъ ли имъ современная школа на помощь? Когда-то Г. И. Успенскій, который самъ былъ уѣзднымъ учителемъ, задавался тѣмъ же самымъ вопросомъ. Онъ находилъ, что старинная школа стремилась дать учащимся отвѣты на всѣ волнующіе ихъ вопросы морали и жизни, что безъ нея въ жизни народа оставалась бы только зоологическая правда, — правда дремучаго лѣса, гдѣ слышится крикъ и пискъ, происходитъ вѣчная борьба, постоянное пожираніе слабаго сильнымъ. Когда-то школа вела борьбу съ этою зоологическою моралью, когда-то въ основѣ школьнаго ученія лежала проповѣдь нравственныхъ отношеній человѣка къ человѣку, когда-то учителя не боялись прямо, смѣло, широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ интересовъ, когда-то они не страшились провозглашать въ школахъ самое послѣднее слово, самое лучшее изъ того, до чего доросло человѣчество, что оно выстрадало тысячелѣтіями мукъ, борьбы и усилій. Успенскій напоминаетъ, что и при Екатеринѣ II точно также не боялись говорить въ школахъ о «должностяхъ человѣка и гражданина». Талантливый и вдумчивый писатель указываетъ, что не боятся ставить и разрѣшать эти вопросы въ своихъ школахъ и наши сектанты. И только мы одни стараемся воспитать нашихъ дѣтей «въ отдаленіи отъ малѣйшаго знакомства съ обязанностями человѣка къ ближнему»... Только у насъ можно говорить объ аэронавтахъ, о табакеркѣ, брошенной съ воздушнаго шара, но нельзя говорить именно о томъ, что нужно и о чемъ спрашиваютъ».

«На чемъ основано невозможно — жестокое гоненіе всякой малѣйшей попытки показать народу рядъ огромныхъ общественныхъ задачъ, которыя, къ тому же, рѣшать такъ или иначе будетъ этотъ же самый народъ? Отчего «жгучіе вопросы» должны быть недоступны этому крестьянскому юношѣ, который по выходѣ изъ школы будетъ и семьянинъ, и общественный дѣятель, гласный, судья, присяжный, или — нищій, воръ, грабитель, убійца и т. д.?»

Оба послѣднія стремленія — къ умственному развитію (научно-любознательный типъ) и къ моральному (общественно-нравственный типъ)—совсѣмъ не были выражены въ отвѣтахъ учениковъ младшей группы, а у дѣтей старшей группы они, наоборотъ, занимаютъ господствующее положеніе (оба вмѣстѣ составляютъ $41^{3}/_{10}\%$ отвѣтовъ всѣхъ учащихся). Замѣчательно, что приблизительно тотъ же процентъ ($43^{1}/_{2}$) представляетъ сумма преобладающихъ стремленій младшаго возраста (воинственный, охотничій типы). Итакъ, охотничьи и воинственныя стремленія, преобладающія въ дѣтствѣ, по мѣрѣ приближенія къ юношескому возрасту, падаютъ, а стремленія къ умственному и нравственному развитію растутъ.

До 13-лѣтняго возраста преобладаютъ несложныя, можно даже сказать, низшія стремленія: влечетъ все, гдѣ нужна физическая сила, которой уже достаточно и которая требуетъ для себя выхода и упражненій, гдѣ нужна физическая ловкость, находчивость въ простыхъ несложныхъ задачахъ игры или жизни, гдѣ требуется точность воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній и быстрая реакція на нихъ въ формѣ элементарныхъ дѣйствій. Но дѣтямъ этого возраста еще мало доступны вопросы внутренняго міра, нравственнаго и умственнаго развитія; они не знаютъ удовольствія, получаемаго отъ изобрѣтеній, открытій въ области знанія, отъ строгихъ логическихъ построеній и т. п. Отсюда ихъ страсть къ разрушенію, ихъ видимая жестокость, увлеченіе войной, охотой, спортомъ и т. п., ихъ узкій эгоизмъ, драчливость и т. д.

Съ 13-ти же лѣтняго возраста уже начинаютъ понемногу и постепенно нарождаться новыя, болѣе сложныя стремленія и потребности. И вотъ мы видимъ признаки нарождающагося альтруизма, энтузіазмъ по отношенію къ самоотверженію и къ дѣламъ любви, дѣятельное чувство состраданія, стремленіе къ нравственному и умственному совершенствованію, потребность въ дружбѣ, интересъ къ вопросамъ внутренняго міра, ненависть и презрѣніе къ преступленію и пороку, особенное тяготѣніе къ кружкамъ, къ обществу себѣ подобныхъ.

Проявленія этихъ свойствъ у нашихъ дѣтей и подростковъ не особенно часты, какъ это показываютъ графики. Быть-можетъ, это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что извѣстныя историческія условія насъ только распыляли, разъединяли и раздѣляли, что въ нашей исторіи было много противоестественныхъ

вліяній, много и до сихъ поръ еще стоитъ преградъ на пути къ развитію соціальныхъ стремленій и быть-можетъ эти тормазы наложили печать трогательной заунывности и грусти и на нашу народную пѣсню, и на самый характеръ нашего народа.

Эти же враждебныя условія дѣлаютъ то, что хотя общественныя стремленія живутъ почти въ душѣ каждаго человѣка, что у каждаго изъ насъ бываютъ моменты въ жизни, когда эти стремленія подъ вліяніемъ какого-нибудь изъ ряда выходящаго впечатлѣнія, поднимаются на поверхность, становятся на день, на недѣлю, на мѣсяцъ преобладающимъ мотивомъ въ нашей духовной жизни; но у насъ очень рѣдки люди, про которыхъ бы можно было сказать словами поэта:

«Какъ женщину, ты родину любилъ,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдалъ ей...»

Если преобладаніе общественныхъ стремленій не на часъ, а на всю жизнь встрѣчается только, какъ рѣдкое исключеніе, даже въ интеллигентныхъ и взрослыхъ людяхъ, это должно быть не частымъ явленіемъ и среди подростковъ изъ народа.

Матеріалы, часть которыхъ была только что разсмотрѣна нами, показываютъ, что ребенокъ, развиваясь, постоянно мѣняется. Если физически ребенокъ 8-ми лѣтъ не похожъ на 2-лѣтняго, а 13-лѣтній на 9-лѣтняго, то разница между психикою того и другого еще больше. Во время развитія появляются все новыя и новыя формы, вытѣсняя старыя, мѣняясь словно цвѣты на лугу, гдѣ майскіе первоцвѣты, и мать и мачеха замѣняются сначала шалфеемъ, вероникой и гвоздикою, а еще позже — іюньскимъ стальникомъ, подмаренникомъ, донникомъ, татарникомъ и т. д. Словно въ ребенкѣ заключено въ потенціональной формѣ нѣсколько совершенно различныхъ «я», которыя будутъ выходить на сцену одно за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, будутъ тѣснить и ограничивать другъ друга, а иногда и совсѣмъ уничтожать. Одинъ и тотъ же ребенокъ можетъ быть сначала охотникомъ, потомъ воиномъ, спортсменомъ, затѣмъ религіознымъ фанатикомъ, позже маленькимъ моралистомъ или ученымъ, литераторомъ или артистомъ, художникомъ или практикомъ, карьеристомъ и т. п.

Словно природа хочетъ, чтобы ребенокъ перепробовалъ всѣ свои силы, всѣ свои возможности раньше, нежели онъ найдетъ свое истинное призваніе. Эта смѣна формъ происходитъ подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, самого организма, а во-вторыхъ, внѣшней среды. Какъ рояль можетъ издать звукъ лишь тогда, когда кто-нибудь ударитъ по клавишамъ, такъ и ребенокъ можетъ реагировать только на получаемыя имъ впечатлѣнія; но какъ рояль можетъ быть настроенъ хорошо или дурно, такъ и ребенокъ можетъ реагировать лишь на то и лишь такъ, какъ это позволяютъ суще-

ствующія въ немъ въ данный моментъ способности и стремленія къ ихъ развитію. Вчера онъ могъ интересоваться однимъ, а черезъ мѣсяцъ его интересы будутъ другими, потому что интересъ — это показатель стремленія къ развитію, а ребенокъ стремится развивать лишь тѣ способности, которыя не спятъ, а уже пробудились; пробуждаются же способности постепенно, одна за другой, переходя иногда одна въ другую, взаимно метаморфизируясь, при чемъ случается, что отъ прежней способности не остается ничего.

VI. Выводъ, къ которому мы только что пришли, подтверждается и при изученіи біографіи выдающихся личностей.

Въ послѣднее время появилось очень много цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи Льва Толстого. Пользуясь ими, можно составить довольно полное и опредѣленное представленіе о жизни великаго писателя. Здѣсь насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, ходъ развитія Толстого. Мы видимъ, что еще въ дѣтствѣ онъ страдалъ отъ того, что считалъ себя некрасивымъ, и просилъ Бога сдѣлать чудо — превратить его въ красавца, и все, что у него было въ настоящемъ, все, что могъ получить въ будущемъ, онъ отдалъ бы за красивое лицо. Но стремленіе къ физической красотѣ, пожалуй, только и могло проявиться въ молитвахъ къ Богу. Правда, Толстой попробовалъ однажды остричь себѣ брови, но, конечно, этотъ экспериментъ не могъ прибавить ему красоты, а, напротивъ, настолько обезобразилъ его лицо, что причинилъ ему еще новыя страданія. Другое дѣло физическая сила, ловкость, спортъ. Здѣсь человѣкъ многое можетъ... И мы видимъ, что Толстой и въ дѣтствѣ и въ юности много вниманія удѣляетъ своему физическому развитію. Маленькій Толстой хочетъ достигнуть такого быстраго бѣга, чтобы не отстать отъ тройки лошадей; и однажды онъ слѣзъ съ экипажа и бѣжалъ за тройкою на разстояніи трехъ верстъ, пока совсѣмъ не обезсилѣлъ. Онъ учится ѣздить вертхомъ. Однажды онъ хотѣлъ удивить своихъ братьевъ быстротою верховой ѣзды; а когда старая лошадь не слушалась его, онъ злился и изо всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами. 8-ми лѣтъ онъ возымѣлъ желаніе летать по воздуху. Думая, что для этого стоитъ сѣсть на корточки и какъ можно крѣпче обнять руками свои колѣни, онъ сдѣлалъ это, прыгнулъ со второго этажа и шлепнулся на землю съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Онъ любилъ играть въ солдаты. Это стремленіе къ физическому развитію, ставъ сознательнымъ, сохранилось у него до вполнѣ зрѣлаго возраста. Уже взрослымъ человѣкомъ, онъ не забываетъ ни верховой ѣзды, ни физическихъ упражненій. Когда онъ велъ свое хозяйство въ Ясной Поляпѣ, то староста разсказывалъ про него: «Придешь къ барину за приказаніемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головою внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось,

не то приказанія слушать, не то на него дивиться». Онъ еще въ юности намѣтилъ себѣ цѣлую систему постепеннаго физическаго развитія. Онъ обѣщаетъ дѣлать гимнастику каждый день. «Первый день, — пишетъ онъ, — буду держать полпуда «вытянутой рукой» пять минутъ, на другой день — двадцать одинъ фунтъ, на третій день — двадцать два фунта и т. д., такъ что, наконецъ, по четыре пуда въ каждой рукѣ, и такъ, что буду сильнѣе всѣхъ въ дворнѣ».

Во всемъ этомъ проявляется стремленіе къ развитію, въ данныхъ примѣрахъ, физическому. Но, конечно, рядомъ съ физическимъ развитіемъ у такого человѣка, какъ геніальный писатель, идетъ и умственное и нравственное развитіе. На него производятъ большое впечатлѣніе прочитанныя имъ литературныя произведенія. Онъ самъ отмѣчаетъ, что на его духовное развитіе въ періодъ дѣтства и отрочества, до 14 лѣтъ, оказали огромное вліяніе исторія Іосифа изъ библіи, народныя былины (Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ), народныя сказки и затѣмъ очень большое «Черная курица» Погорѣльскаго и, наконецъ, просто большое вліяніе стихи Пушкина «Наполеонъ» и двѣ сказки изъ 1001 ночи: 40 разбойниковъ и принцъ Камаральзаманъ.

Изъ подражанія брату Сергѣю онъ страстно увлекается музыкой и однажды привезъ съ собою изъ Петербурга въ Ясную Поляну алкоголика, талантливаго нѣмца—музыканта. Онъ хотѣлъ быть корректнымъ, приличнымъ, свѣтскимъ, коммильфотнымъ, ненавидѣлъ людей безъ перчатокъ и французскаго языка, вращался въ аристократическихъ кругахъ, тщательно изучалъ всѣ обязанности и привычки свѣтскаго человѣка; научился вызывающимъ позамъ и движеніямъ, презрительному выраженію лица, глазъ и во всемъ подражалъ золотой молодежи и дѣлилъ всѣхъ людей на два разряда—свѣтскихъ и несвѣтскихъ. Первыхъ онъ уважалъ и имъ подражалъ, а вторыхъ ненавидѣлъ.

Онъ обучался въ университетѣ и хотя, въ общемъ, университетъ его не удовлетворялъ и онъ его бросилъ, но и тамъ онъ увлекся работой, предложенной ему однимъ профессоромъ, состоявшей въ томъ, чтобы сравнить «Наказъ» Екатерины II и «Духъ законовъ» Монтескьё. Тамъ же онъ увлекся Руссо, оказавшимъ огромное вліяніе на его развитіе. Онъ увлекается военной карьерой и готовится поступить на военную службу. Онъ хочетъ быть юристомъ, чиновникомъ и начинаетъ сдавать экзаменъ. Онъ увлекается хозяйствомъ и хочетъ посвятить себя этой «благородной, блестящей» дѣятельности, для которой «не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ». «Я выхожу изъ университета, — пишетъ Толстой, — чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея».

Конечно, эта попытка Толстого окончилась неудачей; но несомнѣнно, что она не прошла даромъ для его развитія. Близкія сношенія съ народомъ не могли не оказать вліянія на

будущаго народолюбца и это тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ простой народъ, по собственному признанію Толстого, не существовалъ для него. То онъ становится страстнымъ охотникомъ, участвуетъ въ облавахъ на медвѣдей; то до страсти увлекается картежной игрой, проигрываетъ большія деньги и дѣлаетъ долги, отъ которыхъ ему приходится ѣхать на Кавказъ. Тамъ его поражаетъ природа, горы, простая жизнь первобытныхъ обитателей Кавказа, и онъ отдается всей душой новымъ впечатлѣніямъ. То онъ предается чувственнымъ удовольствіямъ, всѣ ночи проводитъ съ цыганками и возвращается на свою квартиру, только для того, чтобы выспаться и снова отправиться къ цыганкамъ. То на него находятъ приступы покаяннаго настроенія. Въ своемъ дневникѣ онъ приписываетъ себѣ три главныя страсти, мѣшающія его развитію: игра — эта корыстная страсть, переходящая въ привычку къ сильнымъ ощущеніямъ, затѣмъ сладострастіе, — это физическая страсть, разжигаемая воображеніемъ, и, наконецъ, тщеславіе. «Пропадаетъ день, другой, третій,— разсказываетъ про него Назарьевъ,— наконецъ, возвращается... ну точь въ точь блудный сынъ, мрачный, исхудалый, недовольный собой... Отведетъ меня въ сторону, подальше, и начнетъ покаяніе»... Это раскаяніе естественно связывалось у него съ желаніемъ исправиться и стать какъ можно лучше. И чѣмъ чернѣе представлялись ему его прегрѣшенія въ прошломъ, тѣмъ свѣтлѣе рисовалось будущее, когда онъ станетъ жить по-новому. Стремленіе къ нравственному усовершенствованію диктуетъ ему слѣдующія, записанныя имъ правила жизни»: «Будь прямъ, хотя и рѣзокъ, но откровененъ со всѣми, но не дѣтски откровененъ безъ необходимости». «Воздерживайся отъ вина и женщинъ».

«Наслажденіе такъ мало, не ясно, а раскаяніе такъ велико».

«Каждому дѣлу, которое дѣлаешь, предавайся вполнѣ. При каждомъ сильномъ ощущеніи воздерживайся отъ движенія, а обдумавъ разъ, хотя бы и ошибочно, дѣйствуй рѣшительно». Находили на него и періоды религіознаго настроенія, и тогда онъ усердно посѣщалъ церковь, говѣлъ и однажды сочинилъ даже проповѣдь. Были случаи, когда онъ обращался къ Богу съ импровизированной молитвой, полной трогательнаго смиренія.

Какъ извѣстно, нѣкоторыя мѣста въ произведеніяхъ Толстого носятъ автобіографическій характеръ и въ одномъ изъ такихъ произведеній мы читаемъ, что онъ, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ тяжелые лексиконы или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глаза. Все это онъ дѣлалъ потому, что, по его тогдашнему убѣжденію, счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ и что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ. Въ другой разъ, наоборотъ, онъ

бросилъ всѣ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ и чтеніемъ какого-нибудь занятнаго романа. Къ такому образу жизни, напоминающему поведеніе послѣдователей извѣстной секты Малевановцевъ, Толстой пришелъ подъ вліяніемъ мысли, что смерть подстерегаетъ насъ каждую минуту, и что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь только настоящимъ и не думая о будущемъ. Отъ грубѣйшаго эгоизма Толстой переходитъ къ альтруизму и любви къ ближнему. Отъ крайняго скептицизма и соллипсизма, граничащаго съ сумасшествіемъ и напоминающаго семинариста въ драмѣ Андреева «Савва», Толстой переходитъ къ твердой вѣрѣ въ Бога.

Ту же многогранность мы видимъ и въ его поискахъ своего призванія. Эти попытки быть свѣтскимъ человѣкомъ, чиновникомъ, офицеромъ, сельскимъ хозяиномъ, мировымъ посредникомъ, педагогомъ, музыкантомъ, беллетристомъ, философомъ и проч., — все это были пробы своихъ силъ и способностей, все это было этапами, чрезъ которые прошло его развитіе. Словно онъ состоялъ изъ многихъ человѣческихъ существъ, которыя развивались послѣдовательно, сначала одно, а затѣмъ другое. Оккультисты представляютъ себѣ человѣка чѣмъ-то въ родѣ того игрушечнаго пасхальнаго деревяннаго яйца, гдѣ одно яйцо вложено въ другое. По ихъ мнѣнію, человѣкъ состоитъ, кажется, изъ 7 такихъ оболочекъ, при чемъ наружная — это наше тѣло, слѣдующая за ней — это наша душа, а самая послѣдняя, внутренняя — это, если не ошибаюсь, астральный духъ. Отбрасывая изъ этого образа все мистическое, мы могли бы воспользоваться этою аналогіею, чтобы вложить въ нее совсѣмъ другое, не фантастическое и таинственное, а реальное и простое содержаніе. Если бы представить себѣ человѣка въ видѣ вложенныхъ одна въ другую сферическихъ поверхностей, то прежде всего выступила бы та, которая находится снаружи — въ данномъ случаѣ это была бы физическая сила. Сначала просыпается въ Толстомъ гимнастъ и властно требуетъ физическаго развитія. Затѣмъ идутъ въ той или другой послѣдовательности: свѣтскій молодой человѣкъ, картежный игрокъ, честолюбецъ, чувственный типъ, псовый охотникъ, юристъ, чиновникъ, воинъ, сельскій хозяинъ, беллетристъ, семьянинъ, педагогъ и, наконецъ, философъ. Каждый изъ нихъ стремится какъ можно полнѣе развить себя, поглотить собою всего человѣка, взять всѣ его силы, все его время, овладѣть всѣмъ его вниманіемъ. Когда оканчивался одинъ этапъ развитія, появлялось недовольство прошлымъ, разочарованіе, и Толстой переходилъ къ другой фазѣ съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за тѣмъ перейти къ новой. Можно было бы провести аналогію между тою эволюціею, какую проходитъ каждый человѣкъ, и тою, какую прошелъ весь животный міръ, начиная съ одноклѣточнаго животнаго и оканчивая современнымъ ци-

вилизованнымъ человѣкомъ. Какъ въ развитіи животнаго міра одинъ видъ всегда смѣнялся другимъ, такъ и въ развитіи каждаго отдѣльнаго человѣка одно изъ составляющихъ его или вложенныхъ въ него существъ смѣняется другимъ. Мы еще вернемся къ этой аналогіи и тогда увидимъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ предыдущія формы не исчезаютъ безслѣдно для послѣдующихъ, что прошлое живетъ въ будущемъ, что его не вычеркнешь и съ нимъ приходится считаться

Одинъ изъ методовъ добыванія истины состоитъ въ томъ, что мы разсматриваемъ поочередно одну за другой всѣ возможности и по внимательномъ обсужденіи отвергаемъ тѣ, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, въ геометріи очень многія доказательства начинаютъ словами: «Здѣсь можетъ быть два, три или болѣе случаевъ», и затѣмъ переходятъ къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ развитіи Толстого и въ его поискахъ своего развитія. Какой-то импульсъ толкалъ его перепробовать поочередно всѣ возможности, всѣ свои способности, всѣ мыслимыя положенія, впечатлѣнія, переживанія, всѣ роды дѣятельности, всѣ виды наслажденій.

Любопытно, что съ тѣхъ поръ, какъ Толстой напалъ на свое прирожденное призваніе писателя, его ничто не могло отвлечь отъ этого пути. Не могли отвлечь даже его религіозно-философскія убѣжденія, съ высоты которыхъ Толстой смотрѣлъ на писательство, какъ на великій грѣхъ. На эту черту въ біографіи Толстого еще въ 1875 году обратилъ вниманіе Н. К. Михайловскій. «Когда сознаніе и потребности, — пишетъ нашъ знаменитый критикъ, — находятся тѣмъ или другимъ способомъ въ равновѣсіи, жить легко. Графъ Толстой, напротивъ, ясно сознаетъ, что литература есть одинъ изъ видовъ эксплоатаціи народа, и, тѣмъ не менѣе, участвуетъ въ ней, потому что, какъ вѣчному жиду таинственный голосъ не уставалъ говорить: иди, иди, иди, такъ и графу Толстому внутренній голосъ, голосъ его богатоодаренной природы не устаетъ говорить: пиши, пиши, пиши». Эта внутренняя потребность, не только независимая отъ сознанія и самыхъ искреннихъ и глубокихъ убѣжденій, но прямо противоположная имъ и обусловливаемая, вѣроятно, чисто органическими причинами, а именно — скопленіемъ и избыткомъ творческихъ силъ, неудержимо рвущихся наружу, оказывается совершенно непобѣдимой.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное мѣсто въ жизни Толстого занимаетъ его стремленіе къ совершенству. И это стремленіе, къ большому сожалѣнію, въ данномъ случаѣ разошлось съ прирожденными способностями Толстого и послѣднія все же не были побѣждены. Но если стремленіе къ совершенству съ 50-лѣтняго возраста стало въ противорѣчіе съ потребностью писательства, зато оно дало намъ въ лицѣ Толстого оригинальнаго мыслителя.

Сначала, быть-можетъ, безсознательное стремленіе къ совершенству оформилось и стало сознательнымъ въ юности, когда Толстой поставилъ, какъ главную цѣль жизни, личное усовершенствованіе и съ наивностью юноши считалъ это дѣло «легкимъ, возможнымъ и вѣчнымъ». Отсюда это недовольство собой и постоянная работа надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ.

Но Толстой вспоенъ, вскормленъ, выхоленъ и воспитанъ въ барской обстановкѣ, крѣпостнымъ трудомъ тѣхъ

«Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться страстямъ и мечтамъ».

Можно подумать, что если бы Толстой былъ лишенъ въ юности даровыхъ хлѣбовъ, дарового труда сотенъ порабощенныхъ крестьянъ, если бы онъ терпѣлъ нищету, холодъ и голодъ, если бы ему въ дѣтствѣ пришлось зарабатывать тяжелымъ трудомъ каждый кусокъ хлѣба, то стремленіе къ самосовершенствованію едва ли проявилось бы, не говоря уже о томъ, что, быть-можетъ, у насъ не было бы великаго писателя Толстого. Если бы это было даже и такъ, то и тогда мы не имѣли бы права сказать, что стремленіе къ саморазвитію отсутствуетъ. Все, что отсюда слѣдовало бы, это то, что такое стремленіе подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій можетъ быть подавлено. Но стремленіе къ развитію, какъ сейчасъ увидимъ, существуетъ и иногда очень ярко проявляется при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Возьмемъ для примѣра другого, еще болѣе геніальнаго человѣка, чье вліяніе на Толстого было громаднымъ. Мы говоримъ о Руссо, чьими произведеніями Толстой зачитывался еще въ юности. Именно этому женевскому отшельнику Толстой болѣе всего обязанъ тѣмъ, что изъ свѣтскаго человѣка, презирающаго мужика, онъ превратился въ народника, преклоняющагося предъ мужицкими вѣрованіями и идеалами.

Совершенно обратно Толстому, Руссо испыталъ много горя, массу оскорбленій, нищету, побои. Несчастія преслѣдовали его до самой старости, которую онъ долженъ былъ провести въ изгнаніи. Онъ былъ ремесленнымъ ученикомъ, и его нещадно билъ хозяинъ, онъ былъ бродягой, лакеемъ, нищимъ, живописцемъ, фокусникомъ, переписчикомъ, приказчикомъ, часовщикомъ, граверомъ, учителемъ музыки, вѣроотступникомъ изъ-за куска хлѣба, жилъ въ пріютѣ... Кажется, нѣтъ на свѣтѣ лишеній, которыхъ не извѣдалъ бы этотъ геніальный человѣкъ; и однако, же всѣ эти несчастія не заглушили въ немъ стремленія къ развитію, хотя, несомнѣнно, оказали огромное и далеко не всегда благотворное вліяніе на направленіе генія и были причиною многихъ болѣзненныхъ свойствъ въ характерѣ Руссо.

Любознательность будущаго философа проявилась еще въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. 6-лѣтнимъ мальчикомъ онъ увлекался романами, которые читалъ ему отецъ иногда цѣлыя ночи напролетъ, пока утромъ щебетаніе ласточекъ не напоминало имъ о времени. При этомъ ребенокъ нерѣдко плакалъ горячими слезами надъ трогательными положеніями героевъ. Эта любовь къ чтенію проявилась съ особою силою и позже, когда Руссо сталъ ремесленнымъ ученикомъ, и его подневольное положеніе, а равно все окружающее внушало ему отвращеніе. И онъ сталъ читать вмѣсто того, чтобы работать. Наказанія такъ и сыпались на него, и любовь къ чтенію, раздраженная препятствіями, превратилась въ пламенную страсть. Торговка книгами, дававшая ихъ на прочтеніе, доставляла Руссо всевозможныя книги, и дурныя, и хорошія; онъ читалъ все, безъ разбору, съ одинаковой жадностью. Онъ читалъ за стаканомъ, читалъ, идя съ порученіемъ, читалъ въ клозетѣ, оставаясь тамъ цѣлые часы; у него голова кружилась отъ чтенія, онъ только и дѣлалъ, что читалъ. Хозяинъ подсматривалъ за нимъ, ловилъ его за чтеніемъ, билъ его, отнималъ отъ него книги. Сколько томовъ было разорвано, сожжено, выброшено за окошко. Когда, бывало, нечѣмъ платить торговкѣ за книги, Руссо отдавалъ ей свои рубашки, галстухи, все свое тряпье; каждую недѣлю относилъ ей три су, которыя получалъ по воскресеньямъ.

Другимъ развлеченіемъ для него въ это время были праздничныя прогулки по окрестностямъ города. Однажды, возвращаясь съ такой прогулки, онъ нашелъ ворота города, за поздниимъ временемъ, запертыми и, боясь наказанія, отправился странствовать по свѣту въ надеждѣ, что путешествіе откроетъ ему тотъ чудный міръ, который рисовался въ его воображеніи. И если онъ не нашелъ того, чего искалъ, зато путешествіе обогатило его другими, чрезвычайно цѣнными для развитія, переживаніями. Не даромъ его страстью стало бродяжничество. Не даромъ онъ сталъ пророкомъ природы и пѣшеходныхъ экскурсій. «Никогда я столько не думалъ, — писалъ онъ, — не жилъ такъ полно, если можно такъ выразиться, не бывалъ до такой степени самимъ собою, какъ во время моихъ одинокихъ и пѣшеходныхъ странствій. Движеніе оживляетъ, бодритъ мой умъ; на одномъ мѣстѣ я почти не могу думать, моему тѣлу необходимо прійти въ движеніе, чтобы заставить двигаться мой умъ. Видъ полей, смѣняющихся прелестныхъ мѣстностей, свѣжій воздухъ, сильный аппетитъ, здоровье, которое я пріобрѣтаю во время ходьбы, непринужденность кабачковъ, удаленіе отъ того, что напоминаетъ мнѣ о зависимости, о моемъ положеніи, все это даетъ свободу моей душѣ, смѣлость мысли, окружаетъ меня, такъ сказать, громаднымъ количествомъ живыхъ существъ; я комбинирую ихъ, дѣлаю выборъ, овладѣваю ими безъ стѣсненія и страха, я, какъ господинъ, распоряжаюсь всей

природой; мое сердце, переходя отъ одного предмета къ другому, соединяется, отожествляется съ тѣми изъ нихъ, которые особенно нравятся ему: оно окружаетъ себя прекрасными образами, упивается восхитительными чувствами. Когда, желая сдѣлать ихъ прочнѣе, я мысленно рисую ихъ себѣ — какая сила кисти! Какая свѣжесть колорита! Какую энергію выраженія придаю я имъ! Говорятъ, что читатели находятъ все это въ моихъ произведеніяхъ, хотя я написалъ ихъ на склонѣ лѣтъ. О, если бы кто-нибудь видѣлъ произведенія моей юности, родившіяся во времена моихъ путешествій, — произведенія, созданныя мною, но никогда не написанныя! Останавливаясь, я заботился только о томъ, какъ бы мнѣ хорошенько пообѣдать; отправляясь въ путь — о томъ, чтобы итти. Я чувствовалъ, что за дверями меня ожидалъ новый рай, и стремился поскорѣе очутиться въ немъ».

Какой-то инстинктъ увлекалъ его къ странствованію, къ свободѣ и новымъ горизонтамъ, приключеніямъ и переживаніямъ. Сколько разъ потомъ въ художественной литературѣ воспроизводили странниковъ, которые ищутъ новыхъ, неизвѣданныхъ, обновляющихъ и окрыляющихъ впечатлѣній. Но первымъ образцомъ такихъ типовъ надо признать самого Руссо.

Не были ему чужды и воинственныя мечтанія (онъ воображалъ себя маршаломъ, среди дыма и пламени спокойно отдающимъ приказанія), продолжавшіяся, правда, недолго и вытѣсненныя другими, болѣе мирными увлеченіями. Одно время онъ увлекался поэзіею и писалъ посредственные стихи.

Однажды Руссо растушевывалъ землемѣрные планы и это занятіе пробудило въ немъ любовь къ рисованію. Онъ купилъ краски и принялся рисовать. И хотя, по его словамъ, у него было мало способностей къ этому искусству, но онъ горячо полюбилъ его и могъ бы по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходить изъ дому, проводя все время за рисованіемъ. Другой случай натолкнулъ его на занятіе музыкою, и любовь къ этому искусству стала расти и скоро превратилась въ такую страсть, что Руссо долгое время не видѣлъ ничего болѣе достойнаго, какъ музыка, рѣшительно ни о чемъ другомъ не могъ больше думать, перечитывалъ музыкальныя произведенія, самъ составлялъ громадныя компиляціи и просиживалъ за ними цѣлыя ночи.

Другой разъ нѣкто Багере предложилъ Руссо выучить его игрѣ въ шахматы. Руссо началъ нехотя, но очень скоро сталъ страстнымъ игрокомъ, запирался въ своей комнатѣ и проводилъ дни и ночи, играя самъ съ собою безъ перерыва, безъ отдыха

Знакомство съ профессоромъ физики, производившимъ предъ Руссо опыты, заставило послѣдняго увлечься экспериментальной физикой. Но одинъ изъ опытовъ, произведенныхъ Руссо, окончился очень неудачно: склянка съ мышьякомъ разорва-

лась, какъ бомба, Руссо чутъ было не умеръ и болѣе 6 недѣль оставался слѣпымъ.

Новый случай наталкиваетъ его на математику, онъ покупаетъ массу математическихъ книгъ, самостоятельно, безъ учителя занимается этою наукою, дѣлаетъ большіе успѣхи и любитъ ее.

Одно изъ сочиненій Вольтера внушаетъ ему особенное влеченіе къ занятіямъ науками и зародившаяся, такимъ образомъ, любовь къ знанію уже не угасаетъ въ немъ никогда.

Письма Вольтера объ Англіи зажгли въ Руссо любовь къ философіи и онъ изучаетъ Декарта, Локка, Мальбранша, Фенелона, Лейбница, Ньютона, Паскаля. Геніальный самоучка усвоилъ сущность обоихъ міровоззрѣній, боровшихся за господство надъ умами въ его время, и самостоятельно выработалъ совершенно опредѣленное отношеніе къ тому и другому, сравнивая между собою идеи изученныхъ авторовъ и взвѣшивая на вѣсахъ своего разума. По его собственному признанію, онъ одно время чувствовалъ непреодолимое стремленіе къ знанію, на каждый день смотрѣлъ, какъ на послѣдній въ его жизни, и отдавался наукѣ съ необыкновеннымъ жаромъ. Страстное желаніе учиться превратилось у него въ манію, которая придавала ему странный видъ: онъ все время что-то бормоталъ про себя.

Однажды во время пѣшеходной прогулки онъ прочелъ въ газетѣ о преміи, предложенной Дижонскою Академіею на тему о томъ, «какъ отразился прогрессъ въ наукахъ и искусствахъ на нравахъ», и Руссо пришелъ въ сильнѣйшее волненіе. Его чувства съ невообразимой быстротой настроились подъ стать съ его мыслями; всѣ мелкія страсти заглохли подъ восторженнымъ порывомъ къ истинѣ и свободѣ. Начавъ писать статью на эту тему, онъ посвящаетъ ей безсонныя ночи.

Было время, когда онъ увлекался астрономіей; и однажды ночью въ саду, со свѣчкой въ одной рукѣ для того, чтобы разсматривать звѣздную карту, и съ трубкой въ другой рукѣ, чтобы смотрѣть на небо, онъ былъ принятъ мѣстными жителями за колдуна, а его дѣйствія—за приговоленія къ шабашу вѣдьмъ и колдуновъ.

Будучи уже старикомъ, онъ увлекается ботаникою съ такою страстью, съ какою могутъ увлекаться только юноши.

Мы долго не кончили бы, если бы задались цѣлью изобразить всѣ увлеченія, какія испыталъ Руссо въ теченіе своей жизни. Еще въ дѣтствѣ онъ съ увлеченіемъ сажалъ на террасѣ иву и тайно отъ взрослыхъ проводилъ къ ней водопроводъ. Въ томъ же возрастѣ сочинялъ проповѣди и мечталъ быть пасторомъ, сочинялъ комедіи для театра маріонетокъ, дѣлалъ куклы для этихъ представленій, строилъ клѣтки, домики, дѣлалъ флейты, воланы, барабаны, пушечки и проч., кулаками защищалъ своего друга отъ уличныхъ мальчишекъ и былъ при этомъ самъ не-

щадно битъ послѣднимн; 11 лѣтъ онъ влюбился сразу въ двухъ: въ двадцатидвухлѣтнюю дѣвушку и въ дѣвочку-ребенка и испыталъ муки ревности и горечь разлуки.

Такъ возникали, росли, превращались въ страсть и въ манію увлеченія этого великаго человѣка, а затѣмъ временно или навсегда исчезали, вытѣсняемыя другими вновь возникающими или же возвращающимися прежними стремленіями. Среди его увлеченій были сомнительныя въ нравственномъ отношеніи и мы умалчиваемъ о нихъ. Но многія изъ нихъ развивали тѣ или иныя способности Руссо, и онъ всегда стремился усовершенствовать себя и заразилъ этимъ стремленіемъ не одно поколѣніе своихъ послѣдователей и почитателей.

Этотъ великій лозунгъ — стремленіе къ самоусовершенствованію — нерѣдко властно вмѣшивался въ борьбу пробужденныхъ инстинктовъ и влеченій и не всегда безуспѣшно. И если Руссо, находясь въ самыхъ неблагопріятныхъ для своего развитія условіяхъ (нищета, сиротство, нерѣдко порочная среда и пр.), несмотря на то, что весь свой вѣкъ, такъ сказать, танцовалъ на вулканѣ, путешествовалъ по краямъ пропастей, все же сохранилъ душу живу и сыгралъ высоко благотворную роль въ развитіи человѣчества, то его спасло это высокое стремленіе стать лучше. Для самоусовершенствованія нужна свобода, и Руссо ничего не любилъ такъ, какъ свободу, и ничего не ненавидѣлъ такъ сильно, какъ стѣсненіе и подчиненіе.

Воспользуемся еще одною хорошо извѣстною біографіею человѣка — Гёте, «чья жизнь стремленіемъ была». По его собственному признанію, онъ заимствовалъ отъ своего отца здравый смыслъ и практичность, а отъ матери—любовь къ пѣснямъ и сказкамъ. Гёте съ большою охотою изучалъ древніе и новые языки и съ особенною страстью—древній міръ. Въ домикѣ Гёте и до сихъ поръ сохранилась масса гравюръ Рима, привезенныхъ поэтомъ изъ Италіи. Онъ страстно увлекался чтеніемъ, пользуясь богатой отцовской библіотекой. Еще въ дѣтствѣ онъ со страстью занимался живописью и если затѣмъ бросилъ это занятіе, то лишь потому, что убѣдился въ отсутствіи дарованія къ этому искусству и пришелъ къ убѣжденію, что его главное призваніе — поэзія; 15 лѣтъ началъ писать стихи; но стремился къ ученой карьерѣ. Въ университетѣ изучалъ юридическія и философскія науки, но очень интересовался и естествовѣдѣніемъ и медициной. Еще въ дѣтствѣ увлекался сценическимъ искусствомъ, и теперь въ домикѣ Гёте показываютъ комнату съ кукольнымъ театромъ. Страсть къ театру, какъ извѣстно, сохранилась у него до конца жизни. Онъ заводилъ разнообразныя знакомства, любилъ вино и женщинъ.

Неудовлетворенный карьерой адвоката, онъ становится писателемъ и пользуется большимъ успѣхомъ, которому онъ придаетъ большое значеніе. «Счастье всегда рисовалось мнѣ, — го-

ворить онъ, — въ видѣ лавроваго вѣнка, украшавшаго чело поэта». При этомъ онъ съ громаднымъ интересомъ занимается наукой, при чемъ дѣлаетъ въ ней замѣчательныя открытія — и въ морфологіи растеній, и въ теоріи свѣта, и въ вопросѣ о развитіи человѣческихъ костей. Опытныя науки развили въ немъ пытливый духъ, любовь къ опыту и наблюденію. Онъ любитъ театръ, общество, но любитъ и уединеніе среди природы; интересуется даже алхиміей и чернокнижіемъ; учится танцамъ. Отдавая дань вѣку и возрасту, онъ переживаетъ тяжелое пессимистическое настроеніе, выраженное въ его «Страданіяхъ молодого Вертера». И если это произведеніе и теперь еще съ интересомъ читается молодежью, а въ свое время потрясало сердца, то значитъ, Гёте были хорошо знакомы (иначе онъ бы не могъ такъ художественно ихъ изобразить) всѣ переживанія тогдашней молодежи. У него есть произведенія, съ захватывающимъ интересомъ читаемыя дѣтьми («Лѣсной царь»), простымъ народомъ («Рейнеке-Лисъ»), философами («Фаустъ» — особенно же его вторая часть). Но это свидѣтельствуетъ о богатствѣ и разнообразіи его личныхъ переживаній, размышленій и начитанности. Онъ испыталъ и паденіе, и торжество, и горе, и радость, онъ узналъ жизнь со всѣхъ сторонъ и сумѣлъ отнестись къ ней, какъ философъ, съ олимпійскимъ спокойствіемъ.

Онъ много заботился о своемъ развитіи; и, сходясь съ людьми въ молодости, старался отъ каждаго чему-нибудь научиться. Онъ заботился и объ исправленіи своего характера и своихъ недостатковъ. Такъ, напримѣръ, чтобы преодолѣть свою чувствительность къ рѣзкимъ звукамъ, онъ становился возлѣ барабанщика; чтобы пріучить себя къ тяжелымъ зрѣлищамъ, посѣщалъ анатомическій театръ; чтобы излѣчиться отъ головокруженія, поднимался на самую высокую въ городѣ башню. Онъ и поэтъ, и драматургъ, и ученый естествоиспытатель, онъ и общественный дѣятель, въ качествѣ министра и директора театра. Но когда онъ понялъ, что «рожденъ для поэзіи», онъ оставилъ нѣкоторыя изъ своихъ увлеченій, напримѣръ, рисованіе. 80-лѣтнимъ старикомъ онъ еще продолжаетъ интересоваться и литературой, и наукой, и общественной жизнью, и хочетъ учиться и итти впередъ дальше и дальше. Его жажда знаній безпредѣльна. И всѣ эти отдѣльныя стремленія покрываетъ одно общее — къ «наивысшему существованію». Самая характерная черта Гёте это гармонія, цѣльность, полнота и разносторонность его развитія. Если искать біографическихъ чертъ въ его главномъ произведеніи—въ «Фаустѣ», то нельзя не обратить вниманія на то, что сначала Фаустъ живетъ личною жизнью для себя самого, для своего развитія и счастія, онъ ищетъ наслажденій, новыхъ впечатлѣній и знаній, чего бы это ни стоило, но затѣмъ отдаетъ свою жизнь на осуществленіе своихъ общественныхъ идеаловъ и говоритъ, что, когда онъ увидитъ на свободной землѣ свободнаго чело-

вѣка, только тогда онъ скажетъ: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно».

Любопытны также фазы развитія, пережитыя Ницше. Выросшій въ пасторской семьѣ, подъ сильнымъ церковнымъ вліяніемъ, онъ затѣмъ съ жаромъ въ гимназіи и университетѣ отдается изученію классицизма. Знакомство съ жизнью древней Греціи и особенно съ тѣми двумя направленіями, которыя онъ олицетворяетъ въ Аполлонѣ и Діонисѣ, оказываетъ рѣшающее вліяніе на его литературную дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страстно увлекается философіею и изучаетъ Шопенгауэра, Дюринга и Ланге. Съ такимъ же, если не съ большимъ жаромъ, онъ увлекается Вагнеромъ, съ которымъ поддерживаетъ самыя искреннія отношенія. Затѣмъ этотъ, сначала религіозный человѣкъ, объявляетъ себя врагомъ христіанства; бывшій поклонникъ Вагнера обрушивается на послѣдняго со всею силою своего огромнаго таланта. Вышедшій изъ скромной семьи, Ницше приписываетъ себѣ аристократическое происхожденіе и является защитникомъ аристократіи.

Вмѣсто христіанской любви къ ближнему, въ которой былъ воспитанъ, онъ проповѣдуетъ теперь любовь къ дальнему, эгоизмъ и даже жестокость, обрушивается на мораль во имя преклоненія предъ жизнью, предъ будущимъ сверхчеловѣкомъ.

Но въ основѣ всѣхъ этихъ увлеченій лежитъ необыкновенная жажда познанія, стихійная жажда жизни и инстинктивное стремленіе художника слова выразить какъ можно ярче свои не всегда постоянныя, а нерѣдко преходящія мысли и переживанія. Кажется, что къ нему можно съ полнымъ правомъ примѣнить слова Мальбранша: «Если бы истина была у меня въ рукахъ, я нарочно выпустилъ бы ее для того только, чтобы имѣть возможность снова искать ее».

Мы взяли до сихъ поръ біографіи великихъ людей съ необыкновенно богатымъ содержаніемъ. Ихъ жизнь полна, интенсивна, многогранна. Жизнь этихъ людей представляетъ крайнее разнообразіе, но разнообразіе въ единствѣ: всю жизнь они стремятся все къ новымъ и новымъ возможностямъ, открываютъ все новые горизонты, испытываютъ все новыя впечатлѣнія, развиваютъ одну за другою все новыя способности своей души, но все это претворяютъ въ одно великое гармоническое цѣлое. Они стремились развить до совершенства всѣ, необыкновенно щедрые, дары природы. И по ихъ собственному признанію, надо всѣмъ или, вѣрнѣе, подо всѣмъ этимъ многограннымъ процессомъ лежитъ что-то часто безсознательное, инстинктивное, стихійное — это стремленіе къ совершенству.

Знаменитый Эрнестъ Ренанъ началъ свое образованіе въ духовной семинаріи; но природная любознательность толкала его къ наукѣ и онъ, заинтересовавшись исторической критикой, пришелъ къ убѣжденію, что католичество далеко отъ истины, и потому онъ долженъ былъ бросить семинарію и отречься отъ

католической вѣры. Историческая критика обнаружила въ католичествѣ такія непримиримыя противорѣчія, что Ренанъ, по его собственному признанію, готовъ былъ, не колеблясь ни минуты, поставить на карту свою жизнь и вѣчное спасеніе души. Рѣшающую роль при этомъ переломѣ сыграли логическія противорѣчія, а не нравственное чувство. «Я не люблю ни Филиппа II, ни Пія V,—говоритъ Ренанъ,—но если бы я имѣлъ положительныя основанія вѣрить въ католическое ученіе, меня не могли бы остановить ни жестокости Филиппа II, ни костры Пія V». И такова иронія судьбы: именно духовная семинарія развила въ Ренанѣ логику и довѣріе къ логическому мышленію.

Замѣчательно, что Ренанъ считалъ себя нѣкоторое время католикомъ даже тогда, когда его философія была уже въ явномъ противорѣчіи съ догматами католичества. Происходило это оттого, что Ренанъ не сразу дѣлалъ изъ нея логическіе выводы. (Этого не позволилъ сдѣлать поглощавшій его исполинскій трудъ.) Первый, кто открылъ Ренану его неправовѣрное міровоззрѣніе, былъ профессоръ семинаріи, чуткій аскетъ Готтофрэ. Слушая Ренана, онъ сталъ однажды упрекать его за его склонность къ научнымъ занятіямъ, которыя совсѣмъ ненужны, потому что все нужное уже найдено. И приходя все въ бо̀льшее и бо̀льшее возбужденіе, онъ воскликнулъ съ неподдѣльно глубокимъ чувствомъ: «ты — не христіанинъ».

На мѣсто католической вѣры у Ренана очень скоро становится горячая вѣра въ науку и въ ея великое значеніе для общества и народа, что очень ярко выражено въ его сочиненіи «Будущее науки». Переворотъ Наполеона III и наступившая вслѣдъ за тѣмъ реакція дѣлаетъ его отчаяннымъ пессимистомъ, и онъ теряетъ свою послѣднюю вѣру, — вѣру въ науку и знаніе.

Ренанъ знаменитъ, какъ писатель—особенно по исторіи языка и религіи,— и о писательствѣ онъ началъ мечтать еще 6-лѣтнимъ мальчикомъ. По его словамъ, онъ родился въ такой средѣ и съ такими задатками, что изъ него никогда не могъ бы выйти сколько-нибудь выдающійся практическій дѣятель. Изъ него могъ выйти священникъ, литераторъ, профессоръ, но не коммерсантъ. Семинарія еще болѣе развила въ немъ презрѣніе ко всему мірскому и благородное стремленіе къ идеальному, презрѣніе къ буржуазіи и любовь къ бѣднякамъ. Отрекшись отъ католичества, онъ все же остался священникомъ по духу, по привычкѣ. Что въ жизни и развитіи Ренана играли большую роль его инстинкты и его прирожденныя наклонности — объ этомъ можно судить по тому, что онъ самъ пишетъ объ инстинктахъ: «Каждый инстинктъ преслѣдуетъ свою цѣль. Если въ человѣческой природѣ можно замѣтить тысячу дѣйствій, которыя не объясняются въ достаточной степени стремленіемъ къ удовольствію, то можно, однако, безъ колебаній прійти къ заключенію, что они представляютъ механизмъ, устроенный природой, хотя цѣль его и не поддается

объясненію». Правда, онъ говоритъ такъ по поводу материнскаго инстинкта и безкорыстнаго стремленія ко всеобщему благу; но онъ могъ бы сказать то же самое и о стремленіи къ личному развитію.

Перейдемъ теперь къ біографіи не столь многосторонней личности. Знаменитая романистка Джорджъ Элліотъ въ своей ранней молодости отличалась необыкновенной религіозностью. Потомъ она со страстью увлекается ученіемъ Спинозы, у котораго она искала устоевъ взамѣнъ потерянныхъ вмѣстѣ съ вѣрою. Но это ученіе, неумолимо подчиняющее всякое человѣческое дѣйствіе желѣзному закону причинности и необходимости, скоро оттолкнуло ее, потому что не представляло, по ея мнѣнію, рѣшительно никакого простора человѣческой волѣ и любви. Въ самомъ зенитѣ своего увлеченія философіей Спинозы она не переставала вѣрить въ великое значеніе любви и симпатіи къ людямъ. Понятно поэтому, съ какимъ жаромъ она затѣмъ увлекается ученіемъ Конта, какъ только Льюисъ натолкнулъ ее на позитивную философію. По ея собственному признанію, ни одна книга не оказала на ея развитіе такого рѣшающаго вліянія, какъ «Курсъ положительной философіи» Конта. Его религія человѣчества стала ея вѣрой. Здѣсь она нашла обоснованіе для своихъ самыхъ завѣтныхъ мыслей и стремленій. Любопытно, что въ смѣнѣ ея міровоззрѣній мы находимъ ту же самую послѣдовательность трехъ фазисовъ, какую нашелъ Контъ въ развитіи человѣчества: теологическій, метафизическій и позитивный. Такую послѣдовательность мы наблюдаемъ довольно часто и въ развитіи другихъ людей. Въ послѣднемъ фазисѣ развитія Элліотъ, бывшая когда-то мистикомъ, писала: «Человѣкъ долженъ быть честенъ и справедливъ не потому, что онъ разсчитываетъ продолжать жить въ другомъ мірѣ, а потому, что онъ на себѣ испыталъ тягостныя послѣдствія нечестности и несправедливости, и имѣетъ сочувствіе къ ближнему». Что касается ея призванія—писательницы-беллетристки, то оно обнаружилось довольно поздно—37 лѣтъ отроду. До этихъ поръ Элліотъ постоянно работала надъ своимъ образованіемъ, изучала нѣмецкій и итальянскій языки и философію, писала ученыя статьи, занималась съ крестьянскими дѣтьми въ воскресной школѣ, ухаживала за больной матерью, вела домашнее хозяйство, а о томъ, чтобы писать романы, только мечтала. Въ ранней молодости она начала писать большой романъ, но дальше одной главы не пошла: ей помѣшали сомнѣнія въ своихъ способностяхъ. И въ пожилыхъ годахъ, когда ее убѣждали описать свою жизнь, она отвѣчала: «Единственное, что могло бы быть интересно въ моей автобіографіи — это то полнѣйшее отчаяніе, въ которое я приходила отъ моей абсолютной неспособности написать что-либо беллетристическое. Это, можетъ-быть, пріободрило бы какого-нибудь начинающаго писателя».

Необходимо было, чтобы кто-нибудь другой открылъ въ ней ея призваніе, и это сдѣлалъ ея мужъ — Льюисъ, внушившій ей вѣру въ ея талантъ, чего ей недоставало. А первый успѣхъ сдѣлалъ остальное: она стала писать такъ много, словно хотѣла вознаградить себя за долгое молчаніе. Кто читалъ ея произведенія, тотъ знаетъ, какое большое мѣсто отводитъ она любви и симпатіи къ людямъ. И эту черту, равно какъ неутолимую жажду развитія и знаній, надо считать отличительными и наиболѣе яркими изъ ея особенностей. Отмѣтимъ въ ея біографіи также и то, что, живя въ деревнѣ, она крайне тяготилась однообразной обстановкой, неблагопріятной для ея самообразованія, въ чемъ также сказывается ея стремленіе къ развитію.

Условія развитія знаменитаго Александра Гумбольдта были, казалось, чрезвычайно благопріятны. Въ семьѣ его родителей собиралось разнообразное общество,— профессора, литераторы, дипломаты, военные,—его воспитатель увлекался идеями Руссо, Базедова, Рохова. Но они долго не понимали Александра Гумбольдта, который развивался туго и тяготѣлъ къ естественнымъ наукамъ, тогда какъ его ученіе носило филологическій и юридическій характеръ. Въ университетѣ онъ началъ съ камеральныхъ наукъ и перешелъ къ технологіи, естествознанію, физикѣ, греческому языку, затѣмъ геологіи и минералогіи. Во время путешествія онъ производитъ самостоятельныя изслѣдованія земного магнетизма, морскихъ теченій, температуры морей, собираетъ этнографическій матеріалъ. Кромѣ того, онъ изслѣдуетъ химическій составъ воздуха и подземныхъ газовъ, вліяніе хлора на произрастаніе сѣмянъ, вліяніе электричества на животныя ткани и проч. Сорока лѣтъ отроду изучаетъ восточные языки, занимается географіей, метеорологіей, астрономіей, поэзіей; а 75-ти лѣтъ отроду издаетъ свой знаменитый «Космосъ»—можно сказать—трудъ и цѣль всей его жизни. По его собственнымъ словамъ, его біографію надо искать только въ его работахъ. Онъ весь въ наукѣ. Остальной міръ можетъ его интересовать, какъ зрителя; но активнаго участія онъ въ немъ почти не принималъ. Всѣ же его научныя работы связаны между собою однимъ стремленіемъ написать «физику міра». Для этой работы онъ изучаетъ, какъ мы видѣли выше, самыя разнородныя отрасли знаній, собираетъ безчисленное множество фактовъ. Но роль безсознательныхъ импульсовъ нельзя отрицать въ этой продолжительной дѣятельности. Вѣдь онъ работалъ и раньше, чѣмъ рѣшилъ написать физику міра. Онъ не меньше работалъ бы и послѣ того, какъ издалъ ее, если бы былъ молодъ. Нѣтъ — его природа требовала, чтобы онъ наблюдалъ, производилъ опыты, ставилъ себѣ все новыя и новыя, хотя и связанныя другъ съ другомъ, задачи и разрѣшалъ ихъ. Къ нему можно примѣнить слова Паскаля: «Люди думаютъ, будто они ищутъ покоя,

тогда какъ на самомъ дѣлѣ они стремятся къ безпокойству, имъ нравится борьба, а не побѣда, они всегда стремятся не къ самымъ вещамъ, а только къ изслѣдованію ихъ». Такихъ людей влечетъ не практическій результатъ работы, по крайней мѣрѣ, не онъ одинъ, а самый процессъ работы, упражненіе и развитіе ихъ выдающихся дарованій.

И что стало бы съ наукой, искусствомъ, техникой, общественной и политической дѣятельностью, если бы самый процессъ работы ученаго, художника, изобрѣтателя, общественнаго или политическаго дѣятеля, независимо отъ практическихъ результатовъ, переставалъ быть для нихъ источникомъ радостей и не притягивалъ ихъ къ себѣ. И это стремленіе къ работѣ, къ упражненію и развитію силъ и способностей, несомнѣнно, носитъ въ себѣ, кромѣ сознательныхъ, еще и безсознательные элементы.

Колумбъ уже съ 14 лѣтъ сталъ морякомъ, впослѣдствіи чертилъ географическія карты, очень много занимался географіею, изучилъ все, что можно было найти по этому предмету въ литературѣ, и поражалъ своими знаніями всѣхъ, съ кѣмъ заговаривалъ объ этомъ предметѣ. Результатомъ этого-то изученія и была его геніальная мысль, поведшая къ открытію Америки. И эта мысль была связана сначала съ идеею, носившеюся въ то время въ воздухѣ,—объ освобожденіи гроба Господня отъ турокъ. Осуществленіе предпріятія обѣщало большія матеріальныя средства, а на эти средства Колумбъ думалъ организовать ополченіе изъ добровольцевъ. Когда мысль о шарообразности земли и о томъ, что можно проѣхать въ восточныя страны, отправившись на западъ, зародилась въ головѣ Колумба, онъ не переставалъ собирать матеріалы для наилучшаго обоснованія своей теоріи и изыскивать практическія средства для осуществленія своего предпріятія. Такъ въ одномъ пунктѣ соединились и любовь Колумба къ морю и путешествію, и результатъ его страстной любознательности и упорнаго труда, и его увлеченіе религіозными идеями вѣка.

Знаменитый астрономъ Вильямъ Гершель сначала былъ музыкантомъ, но теорія музыки привела его къ математикѣ, математика—къ оптикѣ, а оптика—къ астрономіи. Для него жить значило изучать и открывать новое.

Примѣръ Гершеля, равно какъ и предыдущіе примѣры Колумба, Гумбольдта и другіе показываютъ, что никакое открытіе не падаетъ съ неба, а является результатомъ работы, иногда направляемой одною великою сознательною цѣлью, а иногда смутными предчувствіями и стремленіями, при чемъ въ основѣ этихъ стремленій лежитъ любознательность. Это стремленіе въ соединеніи съ испытаннымъ много разъ удовольствіемъ отъ самаго процесса работы и привычкою къ ней, не говоря уже о сознаніи великихъ цѣлей и славы, создаетъ часто непреодолимую потребность, иногда доходящую до страсти, къ опре-

дѣленной научной или другой подобной работѣ. Именно эта сила, или вѣрнѣе, равнодѣйствующая этихъ силъ — толкала Гершеля сначала къ музыкѣ, затѣмъ къ математикѣ, оптикѣ и телескопу, вела Колумба въ его долгомъ пути къ великому открытію и Гумбольдта къ работѣ надъ его знаменитымъ «Космосомъ», она же приковывала къ письменному столу Толстого, Руссо, Гёте, Ницше и т. п.

Русскимъ людямъ хорошо извѣстна біографія перваго русскаго ученаго, Ломоносова. Что другое могло заставить даровитаго юношу бросить семью своего отца, вполнѣ достаточное для его потребностей матеріальное обезпеченіе и итти на нужду и лишенія, рисковать остаться безъ пріюта, безъ пищи, переносить насмѣшки своихъ малолѣтнихъ товарищей надъ взрослымъ «болваномъ» — ученикомъ, исполнять обязанности пономаря и получать за это по 3 копейки въ день, изъ коихъ одну тратить на хлѣбъ и квасъ, а остальныя на бумагу и другія нужды. Извѣстно, что отецъ не разъ приглашалъ Ломоносова возвратиться домой и жениться на любой изъ мѣстныхъ деревенскихъ дѣвушекъ; но любознательность толкала будущаго знаменитаго ученаго на нужду, недоѣданье и холодъ. Богатыя умственныя способности властно требовали для себя работы, и онъ въ какіе-нибудь три года усвоилъ все, что ему могла дать Москва съ ея Заиконоспасской академіей и библіотеками, и просилъ послать его въ Кіевъ, а оттуда въ Петербургъ въ Академію и затѣмъ въ Германію къ знаменитому Христіану Вольфу. Онъ занимается здѣсь математикой, физикой, химіей и философіей съ такимъ успѣхомъ, что заслуживаетъ самый лестный отзывъ Вольфа. По отзыву послѣдняго, у Ломоносова самая свѣтлая голова, и онъ можетъ принести большую пользу государству. Но философіи и естествовѣдѣнія для Ломоносова мало, и онъ, кромѣ того, пишетъ русскіе стихи, переводитъ оды Фенелона и настолько усовершенствуетъ русскій языкъ, что заслуги Ломоносова въ этомъ отношеніи стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ показалъ такую красоту, звучность и силу нашего языка, какія до него не были извѣстны.

Та же страстная любознательность толкала извѣстнаго Соломона Маймона бросить почетное и хорошо обезпеченное положеніе ученаго талмудиста и итти на нужду и голодъ, влачить нищенское существованіе, стать отщепенцемъ и еретикомъ, терпѣть за это гоненія со стороны единоплеменниковъ, и все это лишь для того, чтобы со страстною жадностью читать новыя книги, найти новыя знанія, открыть новыя истины.

На Горькаго очень большое вліяніе оказалъ присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ, Лапинъ, у котораго Горькій былъ писцомъ. Талантливый писатель отзывается о Лапинѣ съ большою благодарностью, признаетъ, что ему обязанъ больше всѣхъ и, однакоже, онъ ушелъ отъ него странствовать по бѣлу свѣту, работая въ качествѣ простого рабочаго то на Каспій-

скихъ рыбныхъ промыслахъ, то на постройкѣ мола и проч. Зачѣмъ дѣлалъ онъ это? Замѣчательныя рѣдкія наблюдательныя способности, необыкновенная любовь къ природѣ властно требовали пищи для своего развитія и тянули его то на Каспійское море, то въ Крымъ, то на Кавказъ, то въ Бессарабію и т. д. Коноваловъ, въ разсказѣ Горькаго, бродяжничаетъ, чтобы видѣть новое и всякую красоту. «Максимъ, давай въ небо смотрѣть», говоритъ автору бродяга и оба, лежа на спинѣ, цѣлыми часами созерцаютъ «голубую, бездонную бездну».

Къ той же категоріи фактовъ относятся и всѣмъ извѣстные разсказы объ Архимедѣ, доказывающіе, что онъ выше всѣхъ благъ и даже жизни цѣнилъ свои научныя работы.

Эм. Кантъ, исполняя завѣтъ матери, поступилъ на богословскій факультетъ, усердно занимался теологіей и добросовѣстно готовился къ священническому званію. Но врожденныя способности и любознательность заставили его, кромѣ богословія, заниматься и физико-математическими науками, и языкознаніемъ, и философіею, и проч. Въ области астрономіи, какъ извѣстно, ему первому принадлежитъ знаменитая, и до сихъ поръ не устарѣвшая, гипотеза о происхожденіи солнечной системы. Въ области философіи онъ пережилъ три періода: натуръ-философскій раціоналистическій, потомъ подъ вліяніемъ Юма эмпирическій и, наконецъ, выступилъ на самостоятельный путь — критическій періодъ, составившій цѣлую эру въ исторіи философіи. Самымъ мощнымъ изъ его инстинктовъ и стремленій была, несомнѣнно, любознательность. Хорошо извѣстно, что внѣ научной работы у Канта не было жизни. Его тянуло къ путешествіямъ, а онъ просидѣлъ безвыѣздно весь вѣкъ въ маленькомъ городкѣ, ему хотѣлось семьи, а онъ умеръ холостякомъ. Чтобы сохранить силы для науки, онъ превзошелъ всѣхъ нѣмцевъ своею аккуратностію и умѣренностію. И все это онъ дѣлалъ для того, чтобы подниматься выше и выше, прежде всего, въ умственномъ отношеніи, а затѣмъ для того, чтобы согласовать свою жизнь со своими идеалами.

Знаменитый англійскій сатирикъ Теккерей очень рано проявилъ особенности, по которымъ внимательный наблюдатель могъ бы предсказать его призваніе. Любознательность очень рано проявилась у него въ томъ, что онъ читалъ страшно много, посвящая чтенію все внѣклассное время. Любопытно при этомъ, что онъ, по удостовѣренію біографовъ, какимъ-то чутьемъ выбиралъ хорошія книги, а плохія бросалъ. Читалъ онъ почти исключительно беллетристику. Способности къ наблюдательности проявились точно такъ же очень рано и выразились въ томъ, что еще въ школѣ ничто въ характерѣ его товарищей не ускользало отъ его пытливости, и онъ постоянно подсмѣивался надъ ихъ слабостями, правда, всегда въ самой безобидной формѣ. И въ дошкольный и въ школьный періодъ онъ любилъ выражать всѣ свои впечатлѣнія въ юмористическихъ

карикатурахъ. Любилъ онъ также сочинять пародіи. Ставъ студентомъ, онъ принимаетъ участіе въ студенческомъ журналѣ, при чемъ его статьи узнаютъ по рѣзко сатирическому тону. Между тѣмъ Теккерей очень не скоро попадаетъ на ту дорогу, куда толкали его прирожденныя способности и наклонности. То онъ убиваетъ время, веселясь въ такъ называемомъ высшемъ свѣтѣ, то готовится въ адвокаты, то рѣшаетъ стать художникомъ, ѣдетъ въ Римъ, потомъ въ Парижъ, и проводитъ цѣлые дни въ Луврѣ за копированіемъ картинъ; затѣмъ онъ становится издателемъ газеты и терпитъ большіе убытки. Потомъ онъ дѣлается редакторомъ другой газеты и на этомъ поприщѣ тоже терпитъ полнѣйшее фіаско. Переходя отъ одной неудачи къ другой, онъ, наконецъ, находитъ свое истинное призваніе — сатирика, и на 36 году жизни выпускаетъ прославившее его крупное произведеніе «Ярмарка тщеславія». Значеніе неудачъ въ своей жизни лучше всего оцѣнилъ самъ Теккерей. По поводу своей неудачи съ редакторствомъ онъ обращается къ читателямъ съ слѣдующими словами: «Если вы никогда не ошибались, будьте увѣрены, что вы не совершите никогда и ничего умнаго». Здѣсь мы видимъ то же самое, что можно видѣть въ біографіяхъ Руссо, Гёте, Л. Толстого и проч., какъ иногда геніальныя талантливыя личности находятъ свою дорогу отрицательнымъ путемъ, пробуя одну за другою всѣ представлявшіяся имъ возможности, пока какой-нибудь случай не помогалъ имъ обнаружить и предъ собою и предъ обществомъ свои прирожденныя дарованія.

Извѣстно, что стремленіе къ развитію преобладающихъ способностей проявляется также въ противодѣйствіи тѣмъ школьнымъ требованіямъ, которыя не соотвѣтствуютъ будущему призванію. Такой компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, какъ Оствальдъ, на основаніи матеріаловъ, какіе дало ему изученіе біографій великихъ людей, а также и его преподавательская дѣятельность, прямо утверждаетъ, что всѣ великіе натуралисты всегда противились школьнымъ требованіямъ, касающимся изученія языковъ. И онъ энергично требуетъ, чтобы обученіе языкамъ было значительно ограничено, такъ какъ оно, по его мнѣнію, прямо пагубно для развитія самостоятельнаго духа. Будущіе великіе люди, призванные къ самостоятельной духовной дѣятельности, не могутъ, по мнѣнію Оствальда, мириться съ механическимъ примѣненіемъ правилъ и изученіемъ вокабулъ. А именно эта способность и стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію и пониманію и является главной характеристическою чертою, по которой можно еще въ юности узнать великаго человѣка.

То обстоятельство, что великіе люди, переименованные Оствальдомъ, несмотря на отчаянную борьбу со школьными филологами и съ другими неблагопріятными условіями, все же нашли свою дорогу, конечно, далеко еще не подтверждаетъ мнѣ-

нія Гёте, что каждый человѣкъ, какъ бы онъ ни бросался изъ стороны въ сторону, въ концѣ-концовъ, непремѣнно вернется на тотъ путь, который предназначенъ ему самой природой. Нѣтъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ таланты нерѣдко гибнутъ, не только не проявленными, но даже не сознанными самими носителями ихъ. Да и тѣ, кому удается пробиться, какъ часто доходятъ до своего призванія уже искалѣченными и разбитыми въ борьбѣ за свои господствующія стремленія.

VII. Разсказываютъ, что въ какой-то Веронской церкви на мраморныхъ плитахъ пола написаны отдѣльныя изреченія. Сначала они кажутся не имѣющими смысла, но когда читаешь ихъ одно за другимъ, то каждое новое изреченіе дополняетъ и разъясняетъ предыдущія и вступаетъ съ ними въ связь, а подъ конецъ смыслъ всѣхъ этихъ изреченій вмѣстѣ взятыхъ и каждаго въ отдѣльности становится совершенно яснымъ. Такое же впечатлѣніе производитъ и чтеніе біографій, упомянутыхъ нами выше. Сначала не совсѣмъ понимаешь, какое значеніе имѣло то или другое увлеченіе человѣка, но, по мѣрѣ чтенія, описанія отдѣльныхъ этаповъ развитія дополняютъ и разъясняютъ предыдущія и, связываясь другъ съ другомъ въ одно цѣлое, бросаютъ свѣтъ на всю жизнь человѣка, на его призваніе и осуществленіе этого призванія и на подготовительныя предварительныя ступени развитія.

Изъ біографій выдающихся людей мы видѣли, что отдѣльныя способности выступаютъ и требуютъ своего развитія не всѣ сразу, а поочереди. Позже мы встрѣтимся съ фактами, которые показываютъ, что когда одна какая-нибудь способность усиленно развивается, это можетъ отразиться на замедленіи въ развитіи другихъ способностей. Но когда отдѣльныя способности разовьются, то требуется извѣстный синтезъ ихъ, соединеніе преобладающихъ способностей въ одно цѣлое, и наши поиски призванія, поскольку они опредѣляются нашими способностями [мы знаемъ, что въ данномъ случаѣ играетъ видную роль и внѣшняя среда], являются поисками наиболѣе удачнаго сочетанія развитыхъ способностей, требующихъ для себя опредѣленнаго дѣла. Быть-можетъ, лучше уяснитъ эту мысль аналогія. Для того, чтобы пустить въ ходъ фабрику, нужны и рабочіе—и при томъ разныхъ спеціальностей—и техники по различнымъ отраслямъ даннаго дѣла, и директора, и конторщики, и проч., нужны и отдѣльныя машины, и отдѣльныя зданія, и склады и проч. Безъ всего этого фабрики не будетъ. Но, чтобы фабрика пошла въ ходъ, недостаточно только того, чтобы были налицо всѣ необходимыя живыя силы и мертвыя части; необходимо еще съютить всѣ эти части воедино; надо ихъ сорганизовать такъ, чтобы работа ихъ, какъ бы она ни была разнообразна, слилась въ одно гармоническое цѣлое и была подчинена одной опредѣленной цѣли. Необходимо, чтобы дѣятельность всѣхъ частей шла по опредѣленному плану, при чемъ

одна часть продолжала бы и дополняла бы работу другой и всѣ были неразрывно связаны другъ съ другомъ. Такимъ образомъ фабрикантъ используетъ всѣ выгоды спеціализаціи труда и въ то же время не теряетъ изъ виду единства своей цѣли и своего плана. Нѣчто подобное мы видимъ и въ томъ, какъ профессія по призванію объединяетъ преобладающія отдѣльныя способности, умѣнья и знанія человѣка, даетъ имъ опредѣленную цѣль и смыслъ, намѣчаетъ согласованный во всѣхъ частяхъ планъ дѣятельности. Вернемся, напримѣръ, къ Л. Толстому. Въ молодости у него была развита мускулатура, но не менѣе того и мыслительныя способности, было много передумано о вопросахъ морали, было много того задору, который толкалъ его то къ карточной игрѣ, то къ охотѣ, много честолюбія, и вотъ мы видимъ, что онъ ищетъ сочетанія всѣхъ этихъ данныхъ въ военной профессіи, а потомъ, когда онъ въ ней разочаровался, онъ ищетъ синтеза тѣхъ же влеченій въ занятіяхъ помѣщика, гдѣ находитъ также и удовлетвореніе другихъ проснувшихся въ немъ стремленій къ семейной жизни, общественной дѣятельности и педагогіи. То же объединеніе всѣхъ его переживаній можно найти также и въ его литературной дѣятельности, когда онъ изображалъ всѣ эти переживанія въ художественныхъ образахъ. Возьмемъ еще примѣръ. Любознательность толкала Руссо къ чтенію книгъ, къ экспериментамъ, къ наблюденіямъ и размышленіямъ во время путешествій, къ математикѣ и другимъ наукамъ. Все это подготовило его къ пониманію Ньютона, Декарта, Лейбница, Паскаля и всей современной ему философіи. Условія жизни сдѣлали его горячимъ демократомъ и страстнымъ поборникомъ свободы и противникомъ деспотизма; а всѣ эти качества и знанія нашли яркое выраженіе въ его литературной дѣятельности.

Страстная любовь Гёте къ чтенію, къ поэзіи, къ философіи, театру и къ древнему міру нашли свое выраженіе въ его литературныхъ произведеніяхъ и особенно въ «Фаустѣ».

Не ясно ли, что въ поискахъ своего призванія люди ищутъ наилучшихъ условій для развитія, примѣненія и выраженія своихъ преобладающихъ способностей и стремленій.

Мы привели только небольшую часть примѣровъ, которые могли бы указать, какъ иллюстрацію того, что внутри каждаго человѣка лежитъ стремленіе къ развитію. Это всеобщее стремленіе. Нѣтъ человѣка, который не желалъ бы быть здоровѣе, красивѣе, сильнѣе, умнѣе, который не желалъ бы быть болѣе ловкимъ, находчивымъ, остроумнымъ, знающимъ, обладать болѣе твердымъ характеромъ. Я думаю, что даже отчаянные реакціонеры и консерваторы и тѣ не пожелаютъ для себя лично, если не для другихъ, итти назадъ въ смыслѣ физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Это стремленіе можетъ быть сознательнымъ, какимъ оно было, хотя далеко не всегда, у Толстого, у Гёте, у Руссо, у Ницше и пр., оно могло быть и очень смутнымъ и

даже безсознательнымъ, какъ это бываетъ чаще всего у дѣтей. Оно могло вести къ развитію лучшихъ и высшихъ свойствъ, отвѣчающихъ нашимъ современнымъ общественнымъ идеаламъ, но могло вести и къ развитію низшихъ свойствъ, характерныхъ для какой-нибудь давно прошедшей эпохи и осуждаемыхъ съ точки зрѣнія современныхъ общественныхъ идеаловъ. Но оно существуетъ всегда. Стремленіе къ развитію обнимаетъ всю нашу жизнь. И если вы дадите себѣ трудъ прослѣдить съ точки зрѣнія этого стремленія свою жизнь, вы найдете въ ней несравненно болѣе содержанія, трогательнаго драматизма, а главное — логичности, осмысленности, связности и согласованности, чѣмъ при всякой другой точкѣ зрѣнія. Многія событія, казавшіяся до тѣхъ поръ случайными, получатъ свое естественное объясненіе. Всѣ отдѣльные факты вашей жизни — ваши встрѣчи, полученныя впечатлѣнія, успѣхи и неудачи, примитивная хитрость и тонкій умъ, любовь къ истинѣ и ложь, ваши исканія, увлеченія и разочарованія, добро и зло, эгоизмъ и великодушіе, любовь и ненависть, ссоры и дружба, надежды и опасенія, преступленія и героизмъ,— все это предстанетъ предъ вами, какъ непрерывный процессъ развитія съ его временными (для нормальнаго человѣка) паденіями и преобладающимъ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Иногда вы будете чрезвычайно изумлены, какъ изумленъ былъ знаменитый философъ, передумывая сцены изъ своего прошлаго и убѣдившись, что въ нихъ все такъ искусно подтасовано и согласовано, какъ будто въ хорошо написанномъ по заранѣе обдуманному плану романѣ.

Признавъ господствующее значеніе въ нашей жизни не только сознательнаго, но и безсознательнаго стремленія къ развитію, мы поймемъ, почему (конечно, безсознательно) дѣти такъ любятъ вспоминать пройденные уже ими этапы своего развитія, обращаться назадъ, къ тому времени, когда они были еще меньше [1]), и констатировать сдѣланные ими съ тѣхъ поръ успѣхи въ развитіи. Стало-быть, планомѣрность развитія, несмотря на дефекты и постоянныя уклоненія, все же такъ ясна, что бросается въ глаза даже ребенку. Эта планомѣрность развитія, иногда совершенно независимая отъ нашего разума, не могла не обратить на себя особаго вниманія мыслителей. Еще раньше, чѣмъ эмбріологія и другія біологическія науки дали сравнительно полную картину развитія зародыша, психологія дѣтства — картину развитія психики ребенка, гораздо раньше, чѣмъ развилась индивидуальная психологія, многіе мыслители говорили о планомѣрности не только въ развитіи ребенка, но и въ жизни взрослаго человѣка.

---

[1]) Мой восьмилѣтній сынъ часто говоритъ: „А когда я былъ маленькимъ, я дѣлалъ то-то“. При этомъ у него всегда слышится оттѣнокъ сни схожденія болѣе развитого къ менѣе развитому.

Древніе, поражаясь цѣлесообразностью и планомѣрностью въ жизни каждаго человѣка, объясняли это тѣмъ, что каждому человѣку дается геній, который руководитъ событіями въ жизни охраняемаго имъ субъекта. Это похоже на современнаго романиста, направляющаго жизнь созданныхъ имъ героевъ романа. Позже думали объяснить этотъ поразительный фактъ участіемъ ангела-хранителя, властвующаго надъ каждымъ изъ насъ и незримо руководящаго нашею жизнью. Хорошо извѣстна, идущая изъ глубины вѣковъ, вѣра въ судьбу, въ рокъ. Римляне выше всѣхъ боговъ своихъ ставили Фатумъ. Эта вѣра не чужда была, повидимому, и Шекспиру и Гёте.

Шекспиръ говорилъ: «Предъ силой рока мы не властны надъ собой; пусть будетъ то, что суждено судьбой».

Гёте писалъ: «Человѣкъ полагаетъ, что онъ самъ направляетъ свою жизнь и руководитъ собою; но его внутреннее существо неудержимо направляется его судьбою». Извѣстно также, что древніе астрологи вѣрили, что судьбою людей правятъ небесныя свѣтила.

Мы не знаемъ, существуютъ ли внѣ насъ режиссеры нашей жизни въ родѣ руководящей судьбы, генія и т. п. Всѣ попытки найти такого режиссера не выдерживаютъ критики. Онѣ осмѣяны еще Вольтеромъ; онѣ опровергнуты еще Контомъ. Но нельзя опровергать того, что большинство нашихъ собственныхъ дѣйствій цѣлесообразно. И мы хорошо знаемъ, что внутри насъ самихъ есть такой режиссеръ и это—мы сами, стремящіеся къ развитію своихъ силъ и способностей, а также и къ улучшенію окружающей насъ среды. А что мы склонны болѣе, чѣмъ нужно, объектировать, переносить изнутри во внѣшній міръ двигающія насъ пружины, это хорошо доказываютъ наши сновидѣнія. Вѣдь несомнѣнно, что во снѣ причины всѣхъ нашихъ грезъ и переживаній лежатъ въ насъ самихъ [какой-нибудь дефектъ въ пищевареніи или кровообращеніи служитъ дѣйствительной причиной испытываемаго во снѣ страха], а между тѣмъ этотъ страхъ мы относимъ къ бѣгущему на насъ тигру, готовому насъ разорвать, испытываемую нами во снѣ радость, являющуюся слѣдствіемъ здороваго состоянія всего организма, мы относимъ въ своемъ снѣ къ возвращающемуся къ намъ любимому сыну, переживаемое горе — къ смерти отца и т. п.

Нерѣдко бываетъ, что разрѣшеніе занимающей насъ во снѣ задачи мы получаемъ отъ другого человѣка, иногда даже несуществующаго въ дѣйствительности. Между прочимъ, объ этомъ писалъ и знаменитый Шопенгауэръ. Говоря о планообразности въ жизни каждаго человѣка, философъ отводитъ нѣкоторое мѣсто и сознанію, но все же главную роль приписываетъ области инстинктивной, рефлективной, безсознательной, врожденной. Человѣкъ, по его словамъ, не отдавая еще себѣ отчета, «предпринимаетъ какъ разъ то дѣйствіе, какое ему лично

подобаетъ, подобно тому, какъ вылупившаяся изъ яйца черепаха, и не видя воды, тотчасъ избираетъ надлежащее къ ней направленіе. Слѣдовательно, это есть внутренній компасъ, таинственное влеченіе, приводящее каждаго на надлежащій путь, который единственно ему подобаетъ, но истинное направленіе котораго человѣкъ видитъ только тогда, когда уже его прошелъ». Какъ на аналогію, онъ указываетъ на извѣстныя изображенія, которыя простому глазу представляются безсвязными фигурами, а когда ихъ разсматриваешь въ коническое зеркало, то они представляютъ правильныя человѣческія изображенія. По его словамъ, кто сталъ бы разсматривать свое жизненное поприще только тогда, когда оно вполнѣ завершено, тотъ долженъ былъ бы остановиться предъ нимъ въ изумленіи, какъ предъ дѣломъ самой обдуманной предусмотрительности, мудрости и настойчивости, какъ предъ округленнымъ, законченнымъ произведеніемъ искусства. «Какая-то таинственная и необъяснимая сила, — говоритъ онъ, — направляетъ всѣ изгибы и повороты нашей жизни, хотя и вопреки нашимъ временнымъ намѣреніямъ, но, однакоже, такимъ образомъ, который соотвѣтствуетъ ея объективной цѣльности и субъективной цѣлесообразности, т.-е. необходимъ для нашего истиннаго блага; такъ что мы впослѣдствіи часто убѣждаемся въ несообразности своихъ желаній, направлявшихся въ противоположную сторону».

Что касается взрослаго человѣка, то относительно вѣры въ полную планомѣрность событій его жизни можно сдѣлать много возраженій. Здѣсь можетъ иногда происходить самообманъ, подобный тому, какой, по словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы былъ допущенъ ихъ собратьями по профессіи на счетъ каналовъ Марса. Говорятъ, будто бы это совсѣмъ не каналы, такъ правильно расположенные, какъ ихъ рисуютъ на картѣ, а рядъ пятенъ, изъ коихъ воображеніе ученыхъ создало изумившіе міръ каналы, дѣлающіе большую честь инженерамъ Марса. Или вотъ другая аналогія. Въ стукѣ колесъ вагона намъ чудятся иногда осмысленныя слова и даже фразы. Одни слышатъ: «поѣхали, поѣхали», другіе—«слава Богу», третьи—«боюсь, боюсь» и т. д. Всѣ подобныя возраженія могутъ имѣть огромное значеніе, когда рѣчь идетъ о планомѣрности внѣшнихъ событій и окружающей насъ среды. Очень нелегко было бы доказать, что внѣшняя среда и такъ называемыя случайныя событія располагаются планомѣрно въ цѣляхъ человѣческаго развитія. Это было бы похоже на того анекдотическаго преподавателя, который видѣлъ цѣлесообразность внѣшняго міра въ томъ, что большія рѣки протекаютъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположены большіе города и селенія. Но, конечно, не было бы ничего смѣшного въ томъ, чтобы видѣть планомѣрность и цѣлесообразность въ поступкахъ людей, селящихся близъ большихъ рѣкъ; и это потому, что вполнѣ естественно предполагать цѣлесообразность въ нашихъ мысляхъ, намѣреніяхъ,

дѣйствіяхъ и т. п. Поэтому всѣ подобныя возраженія не касаются цѣлыхъ областей нашей внутренней жизни, какъ, напримѣръ, индивидуальнаго характера даннаго субъекта. Какъ часто мы, хорошо зная характеръ близкаго намъ человѣка, безошибочно можемъ судить о томъ, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Скажемъ больше: можно съ полнымъ основаніемъ искать цѣлесообразность въ устройствѣ и въ развитіи каждаго организма. Недаромъ еще Шопенгауэръ писалъ: «Изъ разсмотрѣнія ясно выраженныхъ свойствъ органическихъ существъ слѣдуетъ, что телеологія, предполагающая цѣлесообразность каждой данной части, оказывается вполнѣ надежнымъ руководителемъ при изученіи органической природы въ ея совокупности. Поэтому въ животномъ все должно быть цѣлесообразно. Этимъ-то и объясняется, почему, когда мы не понимаемъ въ анатоміи и зоологіи назначенія данной части, нашъ умъ передъ этимъ останавливается, какъ остановился бы онъ и въ физикѣ передъ дѣйствіемъ, причина котораго ему неизвѣстна: и какъ въ послѣднемъ случаѣ причина, такъ въ первомъ случаѣ назначеніе кажутся намъ совершенно необходимыми, и мы продолжаемъ искать, хотя бы такіе поиски и не увѣнчивались успѣхомъ. Таковъ, напримѣръ, случай съ селезенкой...»

Сама теорія Дарвина является не опроверженіемъ цѣлесообразности въ устройствѣ организма, а ея объясненіемъ, но, конечно, отнюдь не въ мистическомъ смыслѣ. Цѣлесообразны, хотя и не всегда, въ этомъ смыслѣ и сознательныя наши дѣйствія; цѣлесообразны, но тоже только до извѣстной степени, и наши безсознательные акты. Исключенія изъ общаго правила, уклоненія отъ цѣлесообразности и уродства не мѣняютъ дѣла, потому что развитіе и прогрессъ предполагаютъ и несовершенство человѣческой природы. Если бы человѣкъ былъ совершеннымъ существомъ, то остановилось бы его прогрессивное развитіе. Если съ объективной точки зрѣнія мы можемъ удовлетвориться теоріею Дарвина, какъ объясненіемъ цѣлесообразности въ организмѣ, то съ субъективной точки зрѣнія самое простое объясненіе этой загадочной цѣлесообразности мы находимъ въ стремленіи къ развитію. И если не сходить съ почвы строго установленныхъ фактовъ, если не углубляться въ дебри мистики, то нельзя, при настоящемъ уровнѣ знаній, найти лучшаго объясненія и этой удивительной цѣлесообразности, и этой чудной планомѣрности нашихъ переживаній, какъ присущее всѣмъ намъ, скрытое внутри насъ стремленіе къ развитію, обезпечивающее все возрастающій прогрессъ и безпредѣльное, все ускоряющееся совершенствованіе человѣчества.

Это стремленіе направляетъ наше умственное, нравственное и физическое развитіе, оно даетъ планъ, красота и гармонія котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ изумительны и безъ этого

стремленія были бы непонятны. Тотъ фактъ, что наше развитіе (въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда и понятныя движенія) непрерывно, лучше всего показываетъ, что объясненія этой непрерывности надо искать не только внѣ насъ, а прежде всего внутри, т.-е. въ нашемъ внутреннемъ стремленіи къ развитію. Именно эта ненасытная жажда развитія непреодолимо влечетъ насъ упражнять тѣ или другія изъ нашихъ способностей, при чемъ внѣшняя среда лишь обусловливаетъ, что возможно изъ диктуемыхъ этимъ стремленіемъ актовъ и что неосуществимо.

Этотъ взглядъ далекъ отъ пессимизма, который приводитъ къ тому, что всякая эпоха считаетъ себя хуже, чѣмъ всѣ предыдущія, отчего такъ часто въ жизни опускаютъ въ отчаяніи руки, а въ теоріи появляются ученія, призывающія ко всеобщему самоубійству. Но, допуская разныя типы развитія, не исключая и регрессивныхъ, такой взглядъ на человѣческую природу далекъ отъ того оптимизма, по которому существующая жизнь есть наилучшая изъ возможныхъ. Этотъ взглядъ далекъ и отъ фатализма потому, что совсѣмъ не предполагаетъ неизбѣжности и неотвратимости прогрессивнаго развитія для всѣхъ людей, всѣхъ странъ, расъ и эпохъ, а допускаетъ и уклоненія и попятныя движенія. Перенося пружины, двигающія нашимъ развитіемъ внутрь насъ самихъ, такое ученіе приводитъ къ самодѣятельности, активности, къ личнымъ усиліямъ въ направленіи прогресса. Поддерживая въ насъ бодрость, внушая намъ правила не падать въ несчастіи духомъ, это ученіе въ то же время побуждаетъ насъ къ энергическому вмѣшательству въ жизнь и къ активному сопротивленію и противодѣйствію внѣшнимъ вліяніямъ, задерживающимъ прогрессивное развитіе. Оно говоритъ: развивай себя самъ и содѣйствуй прогрессивному развитію ближнихъ.

IV.

Роль безсознательнаго въ стремленіи къ развитію.

Не лишне замѣтить, что, употребляя здѣсь по отношенію къ маленькому ребенку то же самое выраженіе «стремленіе къ развитію», какое мы употребляли и въ примѣненіи къ взрослымъ, мы, конечно, не хотимъ сказать, что оба эти явленія совершенно тождественны. Но на этотъ пріемъ даетъ намъ право ученіе о развитіи. Называемъ же мы и только что родившагося безсловеснаго ребенка и развитого взрослаго однимъ именемъ «человѣкъ», хотя между психикою того и другого—«дистанція огромнаго размѣра». На это общее названіе даетъ намъ право тотъ фактъ, что изъ безсловеснаго ребенка разовьется потомъ взрослый человѣкъ. Съ этой точки зрѣнія не безъ основаній поступаютъ тѣ, кто всѣ фазы развитія какой-нибудь способности, не исключая и самой низшей, называютъ именемъ, какое установилось для высшей фазы развитія той же способности. Такъ, мы можемъ говорить о языкѣ ребенка, о логикѣ ребенка, о его сознаніи и проч., хотя несомнѣнно, что языкъ дѣтей, ихъ логика и сознаніе не тождественны съ тѣми же способностями взрослаго человѣка. И подобно тому, какъ въ развитіи дѣтскаго языка есть фаза, гдѣ мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ предполагать осмысленность и даже сознаніе, такъ и въ стремленіи къ развитію есть такая же фаза, гдѣ это стремленіе можно разсматривать, какъ безсознательное и безотчетное [1]).

Къ тому же чрезвычайно трудно опредѣлить, гдѣ начинается сознательное стремленіе и гдѣ оканчивается безсознательное. Съ одной стороны, не возникаетъ ли сознаніе хотя бы въ самой минимальной степени и въ самой смутной формѣ уже послѣ самаго перваго опыта, послѣ первой реакціи на раздраженіе? Быть-можетъ, въ инстинктѣ, который обыкно-

[1]) Считаемъ необходимымъ оговориться, что мы не желаемъ вносить въ понятіе безсознательнаго ничего мистическаго и метафизическаго и употребляемъ это выраженіе лишь для обозначенія тѣхъ процессовъ, которые и освѣщены сознаніемъ.

венно относятъ къ области безсознательнаго, заключены всѣ три элемента: и умъ, и чувство, и воля, соединенные вмѣстѣ и организованные въ одно цѣлое, въ одинъ приборъ, хорошо слаженный, дѣйствующій удивительно точно. Возьмемъ, напримѣръ, инстинктъ сосанія. Ребенокъ умѣетъ, *знаетъ*, какъ сосать (элементъ *ума*), онъ *любитъ* сосать (элементъ *чувства*), онъ *хочетъ* сосать, когда голоденъ (элементъ *воли*). Это своего рода трехъ-элементный механизмъ, выработанный въ теченіе тысячъ и милліоновъ лѣтъ нашими предками, переданный намъ по наслѣдству, какъ драгоцѣнное приспособленіе къ жизни, принимающее мало подвижную форму.

А съ другой стороны, кто бы могъ сказать про себя, что его стремленіе къ развитію вполнѣ сознательно во всѣхъ его проявленіяхъ и въ немъ нѣтъ ничего безотчетнаго? И, быть-можетъ, правъ Романесъ, когда онъ, по другому поводу, говоритъ, что лучше всего совсѣмъ не проводить границы между жизнью безъ сознанія и жизнью съ сознаніемъ, а представлять себѣ, что по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся внизъ по лѣстницѣ развитія живыхъ существъ, такіе термины, какъ сознаніе, постепенно утрачиваютъ свой смыслъ. А Бергсонъ прямо говоритъ, что ко всякому конкретному инстинкту примѣшана сознательность, а всякій интеллектъ проникнутъ инстинктомъ. Ни умъ, ни инстинктъ не поддаются строгимъ опредѣленіямъ. Это не законченныя вещи, а лишь тенденціи.

Можно думать, что младенецъ не имѣетъ никакого понятія о своемъ стремленіи къ развитію, не думаетъ о его роли, о его значеніи, о его смыслѣ, и, тѣмъ не менѣе, подъ этимъ стремленіемъ скрыты творческія силы его живой природы. Это стремленіе является властнымъ повелителемъ всего органическаго міра, предъ которымъ, быть-можетъ, смолкаютъ и съ которымъ согласуются другіе законы жизни. Стремленіе къ развитію — вотъ законъ всего живого. Это стремленіе неукротимо, непоколебимо и неизмѣнно. Когда умираетъ одинъ субъектъ, это стремленіе живетъ въ его потомствѣ. Быть-можетъ, оно составляетъ отправную точку жизни.

Жизнь — не состояніе, потому что состояніе предполагаетъ что-то неподвижное; жизнь — стремленіе и прежде всего стремленіе къ развитію, творчеству, къ новымъ формамъ бытія, къ изобрѣтенію все новаго и новаго. Жизнь растетъ, прибываетъ, развивается. Кусокъ золота и черезъ годъ и черезъ столѣтіе останется тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ; а живая клѣтка уже на другой день, при благопріятныхъ условіяхъ, превратится въ 2, въ 4, 8, 16, 32 и т. д. такихъ же клѣтокъ, а простая, крошечная зародышевая клѣтка, напоминающая самый низшій организмъ, можетъ превратиться въ необыкновенно сложный и высшій человѣческій организмъ.

Наслѣдственное вещество клѣтки ассимилируетъ окружающую среду и все же сохраняетъ свои основныя свойства.

Въ самой клѣткѣ, стало-быть, заключается извѣстная своеобразная форма энергіи, ассимилирующая окружающую среду.

Правда, вещество клѣтокъ постоянно подвергается разрушенію; кромѣ постоянно образующейся и удаляемой углекислоты и другихъ отбросовъ, существуетъ возрастающее накопленіе въ человѣческомъ организмѣ, по терминологіи Мечникова, неблагородныхъ клѣтокъ, существуетъ склерозъ, накопленіе остаточныхъ веществъ и т. п.; и несмотря на то, все-таки организмъ развивается, въ силу заключеннаго въ немъ самомъ внутренняго стремленія. Это развитіе отличается непрерывностію. Оно состоитъ изъ безконечнаго числа безконечно малыхъ, но постоянныхъ, непрерывающихся измѣненій въ живомъ организмѣ, и вчерашній организмъ уже отличается отъ сегодняшняго, а сегодняшній — отъ завтрашняго. Эти измѣненія, обыкновенно не чувствительныя и незамѣтныя, иногда кажутся внезапными и рѣзкими, какъ, напримѣръ, появленіе первыхъ зубовъ, первыхъ признаковъ половой зрѣлости, первыхъ признаковъ климактерическаго періода; но ихъ внезапность только кажущаяся, потому что обыкновенно такія перемѣны подготовляются постепенно и незамѣтно заранѣе, и въ сущности онѣ даны уже въ потенціи въ строеніи зародышевой клѣтки. Жизнь, такимъ образомъ, представляетъ собою непрерывное творчество, созданіе все новыхъ и новыхъ формъ и новаго содержанія. А стремленіе къ этому непрерывному творчеству и есть постоянное стремленіе къ развитію. Это стремленіе является тѣмъ объединяющимъ началомъ, которое связываетъ воедино безконечное число безконечно малыхъ измѣненій, на которыя можно было бы мысленно раздробить человѣческую жизнь.

Въ первые дни жизни ребенка стремленіе къ развитію проявляется въ совершенно безотчетныхъ, стихійныхъ, темныхъ влеченіяхъ, безъ всякой преднамѣренности, безъ всякаго представленія о цѣляхъ, о связи между совершаемымъ дѣйствіемъ и ожидаемыми результатами, и, тѣмъ не менѣе, такія проявленія этого стремленія въ нормальномъ ребенкѣ поразительно цѣлесообразны въ томъ смыслѣ, что они направлены къ физическому и душевному развитію ребенка и къ достиженію того, что необходимо для этого развитія. Если бы все то, что ребенокъ продѣлываетъ безсознательно, надо было исполнить подъ руководствомъ разума и знанія, то мы сомнѣваемся, нашелся ли бы на землѣ разумъ, который былъ бы въ состояніи предусмотрѣть и выполнить все это съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ дѣйствуетъ неразумный младенецъ. Маленькій ребенокъ, совершенно не понимая цѣли своихъ актовъ, все время дѣйствуетъ такъ цѣлесообразно и съ такою планомѣрностью, какъ будто бы онъ былъ мудрецомъ, давно постигшимъ всѣ тайны физическаго и духовнаго развитія, и съ такою энергіею и постоянствомъ, какъ будто бы онъ былъ самымъ преданнымъ и

фанатичнымъ паладиномъ идеи развитія. Скажемъ больше: каждый органъ его тѣла, каждая ткань, каждая изъ милліоновъ клѣточекъ дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы программа развитія была разработана въ самыхъ изумительныхъ деталяхъ какимъ-то сонмомъ небывало мудрыхъ и знающихъ педагоговъ, физіологовъ и психологовъ, разучена до тонкостей арміей исполнителей и проведена на практикѣ съ необычайной точностью. Единственное разумное объясненіе этого факта заключается въ томъ, что ребенокъ по наслѣдству отъ своихъ родителей и предковъ получаетъ опредѣленныя стремленія, своего рода цѣлесообразный планъ и направленіе развитія.

Что прирожденные инстинкты поражаютъ наблюдателя изумительною цѣлесообразностью — это хорошо извѣстно всѣмъ, кто изучалъ инстинкты животнаго міра. Такъ, напримѣръ, оса (sphex) безъ всякаго обученія прекрасно знаетъ, въ какомъ именно мѣстѣ ей нужно проколоть собираемыя для будущаго своего поколѣнія гусеницы. Ребенокъ родится съ умѣньемъ сосать, хотя его никто не училъ этому.

Относительно происхожденія наслѣдственныхъ безсознательныхъ инстинктовъ, рефлексовъ, наклонностей въ настоящее время борятся два взгляда. По одной версіи, это случайные признаки, полезные для жизни, и потому закрѣпленные естественнымъ отборомъ. По другой версіи, защищаемой, напримѣръ, Перье, наши инстинкты, безсознательныя фатальныя силы нашей природы—умѣнья, созданныя нашими предками при посредствѣ разума. Эти сознательныя вначалѣ умѣнья укрѣплены упражненіемъ, превращены въ автоматическія привычки путемъ повторенія и стали наслѣдственными и безсознательными послѣ повторенія и воспитанія въ длинномъ ряду поколѣній.

Вундтъ утверждаетъ, что всѣ наши рефлексы были когда-то сознательными движеніями. Этотъ процессъ намъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Каждый изъ нашихъ инстинктовъ, въ моментъ его образованія у отдаленныхъ нашихъ предковъ, требовалъ большого усилія сознанія. Вѣдь наше сознаніе пробуждается именно тогда, когда какой-нибудь процессъ встрѣчается съ затрудненіями, а образованіе новаго инстинкта, конечно, представляетъ много трудностей. Но когда инстинктъ уже образованъ и закрѣпленъ въ рядѣ поколѣній привычкой, онъ дѣйствуетъ легко и не требуетъ отъ насъ никакого напряженія сознанія. Тогда сознаніе въ соотвѣтствующихъ участкахъ мозга погасаетъ съ тѣмъ, чтобы перейти въ новые участки мозга для выработки новыхъ рефлексовъ, новыхъ инстинктовъ и привычекъ.

Этой послѣдней теоріи не колеблютъ и явленія, наблюдаемыя въ различныхъ гипнотическихъ состояніяхъ, какъ, напримѣръ, наблюденія надъ безсознательными движеніями лунатиковъ, [сомнамбулъ], поразительными по ихъ ловкости. Извѣстно,

что у лунатиковъ осязаніе изумительно по своей тонкости. Правда, лунатика никто не обучалъ продѣлывать тѣ изумительныя сальто-мортале, отъ какихъ онъ въ здоровомъ состояніи, навѣрное, сломилъ бы себѣ голову. У сомнамбулы никто не развивалъ тѣхъ органовъ, съ помощью которыхъ она осязаетъ такъ, какъ не могутъ осязать здоровые люди и она сама въ здоровомъ состояніи. Но, быть-можетъ, что автоматически дѣлаютъ теперь лунатики, то самое, но вполнѣ сознательно, дѣлали ихъ отдаленные предки. Эти свойства, какъ ненужныя, наши современники давно утратили, но нѣкоторымъ изъ насъ, по законамъ наслѣдственности, передаются задатки этихъ способностей въ болѣе значительной степени, чѣмъ обыкновенно, и вотъ предъ нами сомнамбулы, которыхъ, такимъ образомъ, можно разсматривать, какъ примѣры атавизма.

Несомнѣнно, что на ряду съ инстинктами и унаслѣдованными движеніями, необходимыми для жизни и потому постоянно употребляемыми въ дѣло, у каждаго изъ насъ есть слѣды кое-какихъ инстинктовъ, привычекъ и умѣній, переданныхъ намъ по наслѣдству отъ отдаленныхъ предковъ, но не употребляющихся въ дѣло теперь. Въ обычныхъ условіяхъ они спятъ гдѣ-нибудь въ заброшенныхъ, рѣдко возбуждаемыхъ, плохо питаемыхъ клѣткахъ нашей нервной системы. Обыкновенно мы обходимся безъ нихъ, потому что въ обычныхъ условіяхъ намъ достаточно нашего разума, приспособленнаго къ современнымъ условіямъ. Но эти позабытые безсознательные инстинкты и умѣнья могутъ проснуться при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ. Какъ мы видѣли выше, они просыпаются и дѣйствуютъ иногда во время болѣзни и проявляются въ бреду. Но они могутъ воскреснуть и при другихъ условіяхъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ ужаса, когда нѣмѣетъ разумъ. Говорятъ, что самое вѣрное, хотя, несомнѣнно, вредное для здоровья средство быстро выучить подростка плавать — это бросить его въ воду въ глубокомъ мѣстѣ и оставить безъ всякой помощи. Тогда, подъ вліяніемъ опасности и страха, въ немъ пробуждается унаслѣдованный безсознательный инстинктъ, и утопающій начинаетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ его предки. Онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ безъ всякихъ размышленій, расчетовъ, колебаній, большею частью безошибочно, съ большою точностью, какъ всегда, когда мы руководимся инстинктомъ. Говорятъ, что подобное наблюдается и во многихъ другихъ случаяхъ, когда внезапная опасность и испугъ атрофируютъ разумъ и пробуждаютъ спящіе древніе инстинкты. Охотники и солдаты, бывшіе на войнѣ, могли бы разсказать много интереснаго въ этомъ отношеніи. Конечно, мы далеко не всѣ въ равной степени унаслѣдовали эти древніе, нынѣ забытые инстинкты. И вотъ почему то, что благополучно сходитъ одному, является гибелью для другого.

Быть-можетъ, эти позабытые инстинкты пробуждаются иногда во снѣ, когда высшія, позже пріобрѣтенныя способности спятъ. Тогда сны могутъ иногда предупреждать насъ о начинающейся, но еще не сознанной болѣзни. Я видѣлъ однажды во снѣ, что у меня вырывали зубы, а чрезъ нѣсколько дней у меня, дѣйствительно, заболѣли зубы. Одинъ субъектъ видѣлъ во снѣ, что его укусила собака за ногу; а чрезъ нѣсколько дней у него появился на этомъ мѣстѣ нарывъ. Быть-можетъ, сюда же надо отнести такъ называемыя предчувствія. Если бы эти предположенія оказались вѣрными, то намъ надо было бы вывести отсюда, что наши отдаленные предки, отъ которыхъ мы наслѣдуемъ такіе пережитки, мыслили образами (укусила собака... рвали зубъ...), что они обладали замѣчательно развитыми внѣшними чувствами, а, можетъ-быть, и еще какимъ-нибудь чувствомъ, нами утерянным (примѣромъ служатъ сомнамбулы), необыкновенной ловкостью при лазаніи (это доказываютъ лунатики), необыкновенной механической памятью (припомнимъ прислугу, произносившую цѣлыя тирады на древнихъ языкахъ [1]); что они отличались большою внушаемостью и подражательностью (проявляемыми теперь въ гипнозѣ). И этотъ выводъ будетъ вполнѣ согласенъ съ данными, добытыми современною наукою относительно первобытнаго человѣка. Быть-можетъ, своеобразныя состоянія сознанія тѣхъ или другихъ изъ нашихъ предковъ мы переживаемъ и въ слабой степени опьянѣнія и при вдыханіи веселящаго газа и т. п., — словомъ, всегда, когда ослаблены наши высшіе центры, — тѣ, которые пріобрѣтены человѣчествомъ въ позднѣйшія времена и являются вѣнцомъ развитія животнаго міра.

Эта послѣдняя теорія можетъ быть примѣнена и къ безотчетному стремленію дѣтей развивать отдѣльные врожденные инстинкты. По этой версіи, безсознательное стремленіе, напримѣръ, къ лазанью по деревьямъ у нашихъ предковъ было когда-то сознательнымъ, но подъ вліяніемъ помянутыхъ факторовъ преобразилось въ темное безотчетное стремленіе играющаго ребенка. Развѣнчанное, низложенное съ трона сознанія и низверженное въ область безсознательнаго, это стремленіе не перестаетъ служить физическому развитію ребенка; и само низложеніе и паденіе его съ верхняго мозга въ нижній клонится къ безконечной выгодѣ организма, такъ какъ очищаетъ область сознательнаго для дальнѣйшихъ прогрессивныхъ завоеваній.

Такимъ образомъ, корни стремленія къ развитію лежатъ въ прошломъ, настолько отдаленномъ отъ насъ, что этой дали

---

[1]) Хорошо извѣстно, какъ одна безграмотная служанка въ болѣзненномъ состояніи стала произносить въ бреду длинныя тирады на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Оказалось, что раньше она жила у пастора, часто читавшаго вслухъ книги на этихъ языкахъ. И дѣвушка, сама того не подозрѣвая, сохранила въ области безсознательнаго то, что читалъ пасторъ.

не можетъ представить себѣ никакое воображеніе, и, однакоже, оно смотритъ въ будущее и направляетъ насъ къ грядущему, быть-можетъ, еще болѣе далекому и лучезарному, чѣмъ все, что было, что есть и что когда-либо грезилось людямъ въ ихъ самыхъ лучшихъ мечтахъ и сновидѣніяхъ.

Хорошо извѣстно, что роль безсознательнаго далеко не ограничивается одними унаслѣдованными инстинктами, рефлексами и проч.; кромѣ автоматизма прирожденнаго, есть еще благопріобрѣтенный автоматизмъ привычки.

Если можно еще, какъ это и дѣлается, оспаривать вышеизложенную послѣднюю теорію о происхожденіи инстинкта, то едва ли подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что привычка можетъ вполнѣ сознательные акты превратить въ автоматическіе. То, что сегодня я дѣлаю сознательно и съ напряженіемъ вниманія и воли, чрезъ нѣкоторое время я, быть-можетъ, стану дѣлать безсознательно, машинально и автоматично, безъ малѣйшихъ усилій воли, въ силу только одной пріобрѣтенной мною привычки.

Извѣстно, что прозрѣвшіе слѣпые сначала видятъ всѣ предметы такъ, какъ будто они касаются ихъ глазъ. И только затѣмъ, путемъ сопоставленій съ показаніями другихъ чувствъ (осязанія, слуха и проч.), они начинаютъ сначала вполнѣ сознательно опредѣлять разстояніе видимыхъ предметовъ. Но очень скоро то самое, что сначала требовало работы сознанія, превращается у нихъ въ безсознательный навыкъ. И эта привычка становится у нихъ настолько же механической, какъ и у насъ. Мы всѣ способны, благодаря этой безсознательной привычкѣ, принимать за внѣшній предметъ тѣ пятна, которыя иногда появляются въ глазу и именуются летающими мухами. Еще Тургеневъ разсказываетъ, какъ онъ однажды цѣлился изъ ружья въ такое пятно, принявъ его за дичь. Когда мы смотримъ въ зеркало, мы уже автоматически, безъ всякихъ усилій мысли, видимъ въ немъ наше собственное изображеніе; но, какъ это показываютъ наблюденія надъ дѣтьми, былъ моментъ въ нашей жизни, когда такое видѣніе было результатомъ нашихъ теперь забытыхъ экспериментовъ и умозаключеній: мы заглядывали за зеркало и поворачивали его, чтобы увидать за нимъ ребенка, смотрящаго на насъ съ зеркала. Мы безсознательно, автоматически различаемъ большія разстоянія отъ малыхъ; но было время, когда мы дѣлали опыты въ этомъ отношеніи и, быть-можетъ, пытались схватить луну за ея свѣтлый рогъ. Всѣмъ извѣстно, что актъ ходьбы у начинающаго ребенка требуетъ большихъ усилій воли и сознанія, а затѣмъ становится настолько машинальнымъ, что усталые солдаты иногда спятъ во время переходовъ. Учителя хорошо знаютъ, сколько сознанія и усилій требуется отъ ребенка вначалѣ, чтобы научить его читать. Но затѣмъ, когда мы начинаемъ читать бѣгло, мы можемъ читать, думая о чемъ-нибудь другомъ.

Платеръ еще въ XVI вѣкѣ разсказывалъ о случаѣ, когда очень утомленный длинной дорогой профессоръ Опоринъ прочелъ вслухъ, но совершенно безсознательно, повидимому, даже во снѣ, длинную рукопись и ровно ничего не помнилъ изъ прочитаннаго. Какъ много сознательнаго труда требуется для того, чтобы научиться переводить съ иностраннаго языка; но нѣкоторые переводчики до того набили руку въ этомъ отношеніи, что могутъ переводить совершенно автоматически, не думая о переводѣ. Бывали случаи, что, окончивъ работу, они не помнили ни одного переведеннаго слова, а между тѣмъ переводъ оказывался вѣрнымъ. Начальные учителя хорошо знаютъ, сколько вниманія требуется отъ учениковъ, чтобы научиться писать слова съ буквою *ъ* въ корнѣ, усвоить таблицу умноженія, молитвы и пр. Но затѣмъ, когда навыкъ сдѣлаетъ свое дѣло, тотъ же самый ребенокъ можетъ найти механически, безъ участія сознанія, результатъ 6×7, прочесть наизусть знакомую молитву, нисколько о ней не думая, написать безъ ошибки хорошо знакомое слово съ буквою *ъ*, машинально, безъ всякой работы сознанія. Болѣе того, участіе сознанія можетъ даже повредить дѣлу. Если станешь думать, какъ написать корень знакомаго слова, то ошибешься иногда скорѣе, чѣмъ, предоставляя рукѣ и глазу дѣйствовать, какъ они хотятъ. Учителя пѣнія хорошо знаютъ, сколько сознательныхъ усилій требуется отъ ученика, чтобы усвоить мотивъ какой-нибудь пѣсни; но когда мотивъ сталъ привычнымъ, мы можемъ воспроизводить его безсознательно, механически, занимаясь въ это время какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Гувернантки хорошо знаютъ, какъ трудно научить дѣтей приличнымъ манерамъ вначалѣ; но зато хорошо привыкшія дѣти исполняютъ затѣмъ всѣ требованія машинально, часто безъ всякаго участія сознанія. Я часто бывалъ на фабрикѣ, и вначалѣ меня очень безпокоилъ стукъ машинъ, но когда я привыкалъ, я не замѣчалъ этого стука; зато сейчасъ же замѣчалъ, если фабрика остановится и стукъ прекратится. Такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно и всѣ они показываютъ, что акты, требовавшіе сначала напряженія сознанія, по мѣрѣ навыка, переходятъ въ разрядъ безсознательныхъ.

Еще больше можно найти примѣровъ того, что въ область безсознательнаго переходитъ не весь актъ, а отдѣльныя звенья этого акта. Когда мы учимся писать, мы обращаемъ много вниманія и на то, какъ надо держать перо, подъ какимъ угломъ къ краю стола класть бумагу, какъ писать каждую букву и т. д.; но когда я сейчасъ пишу эти строки, я думаю лишь о томъ, какими словами выразить мою мысль, а все остальное дѣлается механически. Область безсознательнаго во всѣхъ подобныхъ случаяхъ играетъ роль складочнаго мѣста,—роль хранилища нашихъ, прежде сознательныхъ пріобрѣтеній; это темныя подземелья, гдѣ хранятся несмѣтныя сокровища нашей души. Можно сказать

даже, что сознательные акты стремятся перейти въ безсознательные навыки и привычки. И это надо сказать не только о движеніяхъ, но и о понятіяхъ, умозаключеніяхъ, сочетаніяхъ представленій и проч. Насколько это выгодно для насъ, объ этомъ нечего особенно распространяться. Сознательныхъ усилій, на какія мы способны, не хватило бы и на одну сотую долю работы, производимой нами теперь механически, по привычкѣ; и слѣдовательно, безъ помощи склада безсознательныхъ навыковъ, должно было бы сразу пріостановиться всякое поступательное движеніе въ развитіи человѣчества. Больше того. Самая работа, когда она дѣлается автоматически, происходитъ несравненно быстрѣе, точнѣе и съ меньшею затратою силъ, чѣмъ работа, требующая участія сознанія, участія корковаго вещества большого мозга. И чѣмъ больше необходимыхъ актовъ, благодаря образовавшимся привычкамъ, выключено изъ области сознанія, тѣмъ свободнѣе мы можемъ располагать своимъ сознаніемъ и вниманіемъ, освободившимися, такимъ образомъ, для новыхъ и новыхъ завоеваній въ области знанія и дѣятельности. Это напоминаетъ роль машинъ и орудій въ области человѣческаго труда. Облегчая работу человѣка, машина предоставляетъ ему больше досуга для умственной дѣятельности. И если Паскаль правъ, что человѣкъ настолько же духовное существо, насколько и машина, то въ этомъ положеніи есть огромныя выгоды. Не даромъ одна изъ главныхъ работъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать привычными и безсознательными тѣ необходимые для жизни и самообразованія акты, какіе возможно превратить въ безсознательныя привычки. Безъ привычекъ, диктуемыхъ гигіеною, мы, навѣрное, не прожили бы и десятой доли нашей жизни. Безъ навыковъ, даваемыхъ обученіемъ, мы всѣ давно вернулись бы къ варварству, если еще не дальше въ глубь временъ.

Ту же воспитательную роль играютъ въ каждомъ изъ насъ и наши господствующія стремленія. Побуждая насъ къ опредѣленнымъ актамъ, вытекающимъ изъ даннаго стремленія, заставляя насъ повторять многіе изъ нихъ, они превращаютъ эти акты въ безсознательные навыки. Такъ, напримѣръ, господствующее стремленіе любителя-піаниста очень скоро сдѣлаетъ автоматичными движенія его пальцевъ, переводъ лежащихъ предъ нимъ нотъ — въ звуки піанино и проч. Пріобрѣтя такіе навыки, артистъ и ораторъ безсознательно совершаютъ большую часть своихъ тѣлодвиженій, жестовъ и интонацій, художникъ въ значительной степени безсознательно воспроизводитъ красоту пейзажа, и они дѣлаютъ это безъ того утомленія и безъ тѣхъ ошибокъ, какія иногда могла бы вызвать въ нѣкоторыхъ техническихъ пріемахъ сознательная дѣятельность.

Складъ безсознательныхъ навыковъ, о которомъ мы говорили, и память—два тѣсно соприкасающіяся понятія. Еще Цицеронъ называлъ память хранилищемъ для всѣхъ вещей. И въ

самомъ дѣлѣ. Къ чему сводится роль памяти, какъ не къ тому, чтобы сохранять въ темныхъ глубинахъ безсознательной области то, что прошло черезъ сознаніе, и затѣмъ воспроизводить это время отъ времени. Неудивительно поэтому, что нигдѣ мы не встрѣчаемся такъ часто съ ролью безсознательной работы, какъ въ нашихъ воспоминаніяхъ. Существуетъ правило, что если намъ не удается вспомнить что-нибудь, то надо заняться другимъ дѣломъ, и очень часто случается, что при этомъ мы вспомнимъ желаемое какъ разъ тогда, когда менѣе всего объ этомъ думаемъ. Въ области воспоминаній мы встрѣчаемся иногда съ поразительными фактами. По словамъ Тэна, какъ-то разъ камердинеръ испанскаго посла заболѣлъ острой мозговой формой и въ бреду чрезвычайно ясно излагалъ длинныя разсужденія о различныхъ вопросахъ внѣшней политики. Пораженный посланникъ рѣшилъ сдѣлать его своимъ секретаремъ, но когда больной выздоровѣлъ, стало совершенно ясно, что въ здоровомъ состояніи онъ ничего не знаетъ и не помнитъ въ области политики. Разсказываютъ также про одного врача, который въ бреду декламировалъ длинные отрывки изъ Гомера, а въ здоровомъ состояніи не могъ совсѣмъ ничего вспомнить изъ этой греческой книги. Глухонѣмая и слѣпая Келлеръ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, какъ она запомнила слова и цѣлыя фразы изъ разсказа Кенби, какъ забыла объ этомъ, воспроизвела, сама того не подозрѣвая, съ буквальной точностью въ своихъ разсказахъ и, конечно, вполнѣ искренно выдала за свои.

Если же теорія Перье относительно происхожденія инстинктовъ справедлива, то наши поступки вліяютъ и на прирожденныя наклонности нашихъ потомковъ, а стало-быть, и на ихъ стремленія къ развитію.

По мѣрѣ развитія ребенка, къ безсознательному стремленію присоединяется сознаніе и безконечно ускоряетъ и облегчаетъ дальнѣйшее развитіе. И съ момента появленія сознанія, развитіе наше обусловливается со стороны организма уже взаимодѣйствіемъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, слѣпого стремленія, переданнаго намъ по наслѣдству, и, во-вторыхъ, разума. Съ этого момента стремленіе къ развитію станетъ дѣйствовать уже подъ аккомпанементъ сознанія. Гранью между сознательнымъ и безсознательнымъ стремленіями служитъ личный опытъ. Нашъ опытъ доступенъ сознанію и можетъ храниться въ нашей памяти; тогда какъ наслѣдственныя прирожденныя стремленія — эти привычки нашихъ предковъ, пріобрѣтенныя въ теченіе жизни рода, хранятся исключительно въ темной области безсознательнаго. Нѣтъ человѣка, который бы могъ сказать про себя, будто онъ помнитъ, что переживали и къ чему стремились его отдаленные предки, не оставившіе никакихъ письменныхъ документовъ или устныхъ преданій. Только тогда, когда мы можемъ пользоваться своимъ личнымъ опытомъ, своими переживаніями, сохраненными памятью, на-

ступаетъ возможность для разума руководить нашими поступками, видоизмѣнять и развивать наслѣдственныя безотчетныя стремленія и движенія. Руководство и контроль разума основываются только на предыдущемъ опытѣ. Воспитаніе, самовоспитаніе, обученіе, навыки, привычки становятся возможными только благодаря личному опыту. На первыхъ порахъ, когда стремленіе къ развитію того или другого органа еще не успѣло связать себя съ опытомъ, такое стремленіе бываетъ слѣпымъ, безотчетнымъ, безсознательнымъ. Безъ инстинктовъ человѣчество не только не могло бы развиваться въ прогрессивномъ направленіи, но даже не просуществовало бы и одного дня. Люди питаются, оберегаютъ себя отъ гнилого мяса, отъ грязной вонючей воды, отъ холода, отъ жару, отъ ушибовъ, отъ испорченнаго воздуха и проч. гораздо раньше, чѣмъ поймутъ, какъ это важно для сохраненія жизни и для правильнаго развитія. Инстинктивныя половыя влеченія существуютъ и на низшихъ ступеняхъ животной лѣстницы, гдѣ нѣтъ такого сознанія, какъ у людей, а безъ этихъ инстинктовъ всякій видъ не только пересталъ бы развиваться, но очень скоро и совсѣмъ прекратилъ бы свое существованіе. Но даже тогда, когда сознаніе и разумъ начинаютъ вступать въ свои права, сознаніе большею частью только отражаетъ стремленіе къ развитію, заложенное въ темной глубинѣ нашей природы, и отражаетъ далеко не всегда правильно, а нерѣдко такъ, какъ, напримѣръ, сновидѣніе отражаетъ дѣйствительность. Сознаніе въ данномъ случаѣ похоже на зеркало, отражающее совершающіеся процессы, и притомъ лишь тѣ, которые хорошо освѣщены. Процессы, погруженные въ тѣнь, отражаются далеко не всегда вѣрно. Сознаніе въ данномъ случаѣ—это журналистъ и свидѣтель совершающихся событій, и какъ журналисту нужна большая опытность, чтобы правильно отражать въ прессѣ то, что есть въ дѣйствительности, такъ и сознанію нуженъ большой запасъ опыта, чтобы правильно отразить совершающіеся въ тайникахъ души процессы, и нужно еще больше опыта и практики, чтобы цѣлесообразно руководить этими процессами.

Мы думаемъ, что маленькая дѣвочка любитъ куклу; она и сама думаетъ и говоритъ то же самое; и ея сознаніе, имѣющее дѣло только съ ея предыдущимъ опытомъ, ничего другого подсказать ей не можетъ. Но въ сущности здѣсь дѣло не въ куклѣ: кукла только средство для развитія материнскаго инстинкта. Природа въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, обманываетъ ребенка, а нерѣдко и его воспитателей. Итакъ, стремленіе къ развитію, несмотря на свое постоянство, глубоко скрыто подъ покровомъ то и дѣло мѣняющихся конкретныхъ желаній.

Только постепенно, путемъ опыта и размышленій, мы можемъ осмыслить наше основное стремленіе и до извѣстной степени вліять на него; и однакоже, никогда въ жизни вліяніе сознанія не

бываетъ полнымъ; всегда остаются смутные, полусознательные и совсѣмъ безсознательные импульсы, дѣйствующіе на ряду съ сознательными стремленіями. Въ виду двойственности, какую мы нашли въ стремленіи къ развитію, и задача воспитателя должна быть двойная: во-первыхъ, понять направленіе, въ какомъ дѣйствуетъ безсознательное стремленіе, а во-вторыхъ, оберегая его, въ то же время привести въ согласіе съ современными прогрессивными воспитательными идеалами.

Всякому извѣстно, что такія чувства, какъ дружба, любовь матери къ дѣтямъ, любовь къ женщинѣ и т. п., принадлежатъ къ числу тѣхъ, гдѣ безсознательное очень часто преобладаетъ и даже предваряетъ рѣшенія разума. Въ этихъ случаяхъ мы очень часто сначала дѣйствуемъ, а затѣмъ уже размышляемъ, хорошо ли мы дѣйствуемъ.

Какъ часто намъ приходилось испытывать, что нашъ разумъ стоялъ въ противорѣчіи съ безотчетными симпатіями или антипатіями къ какой-нибудь личности, учрежденію, дѣлу; и нашъ личный опытъ таковъ, что мы не можемъ отдать предпочтенія ни разуму предъ безсознательными побужденіями, ни этимъ послѣднимъ. Каждому извѣстны факты, показывающіе, что безсознательные, автоматическіе мотивы (будутъ ли это прирожденные инстинкты и наклонности или даже пріобрѣтенныя привычки) оказываются сильнѣе нашего разума. Какъ часто мы встрѣчаемъ курильщиковъ или пьяницъ, хорошо сознающихъ вредъ своихъ привычекъ. Какъ часто мы видимъ свой разумъ на службѣ безсознательныхъ инстинктовъ и побужденій. Какъ часто разумъ отыскиваетъ небывалыя достоинства то въ самой обыкновенной женщинѣ, которую мы полюбили, то въ нашемъ ничѣмъ не выдающемся ребенкѣ. И какъ незначительно число вполнѣ сознательныхъ поступковъ по сравненію съ безсознательными актами. Мы хорошо знаемъ, что изъ ощущеній, предметныхъ воспріятій и воспоминаній строятся и наши представленія, и наши понятія, и весь нашъ умственный багажъ, но это строительство происходитъ въ такихъ темныхъ глубинахъ нашей души, которыя для нашего сознанія совершенно недоступны.

Геніальные люди нерѣдко проникаютъ въ тайны человѣческой психики гораздо глубже средняго человѣка, а потому выслушать отъ нихъ самихъ выводы, къ какимъ они пришли на основаніи личныхъ переживаній, въ высокой степени поучительно. И одинъ изъ выводовъ, къ которому приходишь, читая отзывы великихъ людей, состоитъ въ томъ, что стремленіе къ развитію большею частью лежитъ въ области малосознательной и даже безсознательной. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, къ числу людей съ наиболѣе развитымъ сознаніемъ надо отнести Гёте и Руссо, а между тѣмъ вотъ какія мысли находимъ мы у нихъ о существѣ стремленія къ развитію. Такой компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, какъ Гёте, пишетъ: «Всякая способность дѣйствовать и, слѣдовательно, вся-

кій талантъ предполагаетъ инстинктивную силу, дѣйствующую внѣ сознанія и въ невѣдѣніи тѣхъ правилъ, принциповъ которыхъ, однако, въ нихъ самихъ. Чѣмъ раньше человѣкъ развивается, тѣмъ ранѣе онъ узнаетъ, что существуетъ ремесло или искусство, которое можетъ служить средствомъ къ правильному развитію его природныхъ способностей. Истинный геній тотъ, кто усвоиваетъ все, кто умѣетъ приспособить къ себѣ все безъ вреда для своего природнаго характера. Здѣсь представляются различныя отношенія между безсознательнымъ и сознательнымъ. Органы человѣка путемъ упражненія, изученія амальгамируютъ, безсознательно сочетаютъ то, что инстинктивно, съ тѣмъ, что пріобрѣтено, и изъ этой амальгамы, изъ этой химіи, вмѣстѣ безсознательной и сознательной, въ итогѣ происходитъ гармоническій ансамбль, которому изумляется міръ». И въ другомъ мѣстѣ: «Все, что геній создаетъ геніальнаго, онъ создаетъ безсознательно».

Руссо въ своихъ работахъ руководился, по его собственному признанію, какимъ-то безсознательнымъ импульсомъ. «Идеи осѣняютъ меня, — писалъ онъ, — когда имъ вздумается, а не когда захочу этого я. Или ихъ совсѣмъ нѣтъ, или же онѣ цѣлой толпой наводняютъ мой умъ, подавляютъ меня своей численностью и силой». Разсказывая объ одной своей композиторской работѣ, Руссо писалъ: «Прежде всего я попыталъ свои силы на первомъ актѣ и отдавался работѣ съ такимъ жаромъ, что впервые наслаждался силой творчества. Разъ вечеромъ я собрался было войти въ зданіе оперы, но мои идеи такъ мучительно овладѣли мною, что я спряталъ деньги обратно въ карманъ, поспѣшилъ домой, заперся въ своей комнатѣ, легъ въ постель и спустилъ всѣ занавѣси, чтобы свѣтъ не могъ проникнуть ко мнѣ. Отдавшись всецѣло музыкальному и поэтическому порыву, я быстро, въ теченіе семи-восьми часовъ, создалъ лучшую часть моего перваго акта».

Въ соотвѣтствіи съ своими воззрѣніями на значеніе прирожденныхъ инстинктивныхъ влеченій, Руссо пришелъ къ крайнему и одностороннему выводу, что воспитаніе дается самой природою путемъ непосредственнаго развитія врожденныхъ влеченій и способностей. «Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все портится въ рукахъ человѣка», говорилъ онъ. Поэтому «осторожный воспитатель долженъ долго наблюдать природу ребенка, хорошенько слѣдить за нимъ прежде, чѣмъ скажетъ ему первое слово»... «Не нужно принуждать ребенка сидѣть, когда ему хочется ходить, или ходить, когда ему хочется сидѣть. Дѣти не хотятъ ничего безполезнаго. Пусть ихъ прыгаютъ, бѣгаютъ, кричатъ, когда имъ хочется. Всѣ движенія ихъ вызваны потребностями организма, который стремится окрѣпнуть». И Руссо твердо вѣритъ, что сама природа ребенка укажетъ послѣднему правильный путь развитія. «По поводу всего, что ребенокъ увидитъ, что онъ сдѣлаетъ, онъ захочетъ все

узнать, захочетъ узнать причину всего; переходя отъ орудія къ орудію, онъ захочетъ непремѣнно дойти до перваго изъ всѣхъ. Онъ ничего не допуститъ по предположенію». Та же природа ребенка укажетъ и порядокъ развитія и фазы, чрезъ которыя долженъ послѣдовательно пройти ребенокъ. «Природа требуетъ, чтобы дѣти были дѣтьми, прежде нежели сдѣлаться взрослыми».

Художникамъ слова нерѣдко удается чрезвычайно глубоко заглянуть въ тайники человѣческой природы, и между тѣмъ произведенія Стендаля, Бальзака, Золя, «Война и Миръ» Толстого и другія ярко изображаютъ господство безсознательнаго въ человѣческой жизни.

Такіе глубокомысленные философы, какъ Шопенгауэръ, Гартманъ и Вундтъ являются защитниками волюнтаризма, приписывающаго главную роль области безсознательнаго. А такіе авторитеты, какъ Маудсли и Гёксли, заходятъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто съ устраненіемъ сознанія все въ человѣческой жизни продолжало бы итти попрежнему.

Стремленіе къ развитію выражается прежде всего въ упражненіи, въ работѣ, а біографіи выдающихся людей полны примѣрами того, что въ ихъ работахъ играетъ видную роль область безсознательнаго. Какъ часто эта область подготовляетъ, напримѣръ, рѣшенія трудныхъ задачъ, съ которыми не могло справиться сознаніе. Венгэмъ долго придумывалъ одно улучшеніе въ микроскопѣ и, отчаявшись въ успѣхѣ, занялся другимъ дѣломъ; какъ вдругъ, при чтеніи глупѣйшаго романа, у него появилось совершенно ясное и отчетливое представленіе объ искомомъ усовершенствованіи. Очевидно, здѣсь безсознательная работа уладила тѣ затрудненія, какія оказались не подъ силу во время сознательнаго рѣшенія вопроса. Мнѣ разсказывали, какъ группа литераторовъ цѣлый вечеръ придумывала названіе для затѣваемаго журнала. За позднимъ временемъ всѣ остались ночевать и заснули въ томъ же домѣ, гдѣ происходило засѣданіе. И вдругъ среди ночи раздается крикъ, разбудившій всѣхъ товарищей. Такъ найдено было очень остроумное названіе одного знаменитаго, но рано погибшаго журнала.

О самопроизвольномъ и безсознательномъ зарожденіи новыхъ идей говоритъ и Жанъ Поль Рихтеръ: «Какъ жизненные пути, такъ и новыя идеи даруются намъ случаемъ, и самое могучее въ сочиненіяхъ писателя-поэта появляется у него безсознательно». Шиллеръ прямо говоритъ: «Счастливыя мысли и дары фортуны одинаковы въ томъ отношеніи, что и тѣ и другіе падаютъ намъ съ неба». Карлейль, говоря о Шекспирѣ и его творчествѣ, совершенно опредѣленно заявляетъ: «Творенія геніальнаго человѣка появляются безсознательно, изъ невѣдомой глубины въ немъ самомъ, подобно тому какъ дубъ вырастаетъ изъ лона земли».

О томъ же самомъ говорятъ и выдающіеся музыканты и художники. Моцартъ говоритъ о своихъ музыкальныхъ идеяхъ: «Откуда онѣ берутся и какъ, я не знаю, и я не имѣю надъ ними никакой власти». Рафаэль говоритъ объ одной изъ своихъ лучшихъ картинъ, что ея идея явилась у него сама собой, какъ бы во снѣ. Теккерей самъ говоритъ о безсознательномъ элементѣ въ своемъ творчествѣ: «Я былъ пораженъ тѣми замѣчаніями, которыя дѣлали нѣкоторые изъ моихъ героевъ. Казалось, какая-то таинная сила двигала моимъ перомъ. Лицо дѣлаетъ или говоритъ что-нибудь, а я спрашиваю, какъ оно дошло до этого?» Нѣчто подобное происходитъ съ каждымъ изъ насъ, когда намъ дадутъ слово, а мы ждемъ, какіе образы оно въ насъ вызоветъ. Мы, конечно, сознаемъ появленіе этихъ образовъ, но они появляются сами, по ассоціаціи съ даннымъ словомъ. Шопенгауэръ писалъ, повинуясь какому-то безсознательному инстинкту. Онъ самъ говорилъ, что не онъ создалъ свою философію, а она сама себя создала: «Мои философскія положенія возникли во мнѣ, — писалъ онъ, — безъ всякаго моего содѣйствія... Я просто въ качествѣ зрителя и очевидца записалъ то, что въ подобные моменты представлялось мнѣ пониманіемъ, чуждымъ всякаго участія воли». Знаменитый Эйлеръ открылъ одну изъ важнѣйшихъ теоремъ высшей математики словно по наитію свыше. Съ Ньютономъ то же самое случалось нерѣдко. По его собственному признанію, онъ обыкновенно только сосредоточивалъ свое вниманіе на поставленной предъ собою задачѣ и ждалъ, когда его мысли прояснятся, другими словами, когда безсознательная или подсознательная работа выброситъ въ сознаніе уже готовый, ожидаемый результатъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сознаніе лишь свидѣтельствуетъ и удостовѣряетъ предъ нами то, что уже совершилось безсознательно, безъ участія нашего разума и воли. Вотъ почему такъ часто во время размышленія намъ кажется, что это не мы думаемъ, а кто-то другой думаетъ внутри насъ или, по выраженію извѣстнаго психолога, «внутри насъ идетъ мысль».

По словамъ Ренана, «люди, не обладающіе научнымъ духомъ мышленія, почти не могутъ понять, что наши взгляды вырабатываются внѣ нашей воли и личности, срастаясь между собою подобно частицамъ минераловъ, и что мы все время остаемся какъ бы въ роли посторонихъ зрителей». Бине, чьи остроумно поставленныя экспериментальныя изслѣдованія о возможности мыслить безъ образовъ обратили на себя особое вниманіе психологовъ, прямо говоритъ, что «мышленіе есть безсознательный актъ духа. Для того, чтобы сдѣлаться сознаваемымъ, этотъ актъ нуждается въ словахъ и образахъ. Но какъ бы ни было трудно представить себѣ мысль безъ словъ и безъ образовъ, почему я ее и называю безсознательной, она, тѣмъ не менѣе, существуетъ; она имѣетъ, если мы хотимъ опредѣлить ея функцію, силу направляющую, организующую».

Кто занимался литературной работой, тотъ хорошо знаетъ, что, какъ при подборѣ матеріала, такъ и при выборѣ представляющихся нашему уму идей и взглядовъ, а равно и при составленіи плана работы, мы далеко не всегда руководимся только однимъ разумомъ: нерѣдко многое подсказываетъ намъ область подсознательнаго. Разумъ же мы употребляемъ, главнымъ образомъ, на критику результатовъ той работы, которая произошла за порогомъ сознанія. Знаменитый композиторъ Вагнеръ писалъ: «Я только теперь начинаю ясно понимать свои собственныя произведенія и это благодаря помощи мыслителя, который открылъ мнѣ умственныя построенія, точно соотвѣтствующія моимъ поэтическимъ образамъ». На вопросъ Бэнтона болѣе 100 писателей отвѣчали, что они пріобрѣли художественность слога безсознательно. Такъ, напримѣръ, Тиндаль писалъ, что способъ выраженія мыслей и расположенія предложеній у него рождается самъ собой, настолько безсознательно, что онъ даже не отдаетъ себѣ отчета, какъ это происходитъ. Конечно, никто не отрицаетъ и вліянія въ этомъ случаѣ другихъ факторовъ: упражненія слуха, чувства и проч.; но все же на первомъ планѣ стоитъ область безсознательнаго. Караджичъ — знаменитый преобразователь сербскаго литературнаго языка, до выступленія на литературное поприще, будучи судьею, всякое незнакомое простонародное слово немедленно отмѣчалъ на бумагѣ, такъ, для себя, безъ всякой литературной цѣли, о которой ему тогда и не грезилось, по его собственнымъ словамъ. А, между тѣмъ, именно этотъ матеріалъ помогъ ему совершить свое великое дѣло. Бокль, по его собственному признанію, подбирая факты для своей работы, руководился какимъ-то безсознательнымъ инстинктомъ. Ницше не разъ возвращался къ мысли о роли безсознательнаго въ нашемъ развитіи. По его словамъ, человѣкъ, не зная еще, что ему придется говорить, вырабатываетъ себѣ жесты, осанку, звукъ голоса, стиль: «эстетическія потребности и наклонности юности являются предвѣстниками чего-то такого, что болѣе чѣмъ эстетично». По словамъ Виндельбанда, весь фундаментъ нашей психической жизни, постоянно измѣняющіяся вершины которой озарены свѣтомъ сознанія, состоитъ изъ безсознательныхъ процессовъ, отъ взаимныхъ отношеній которыхъ всецѣло зависитъ содержаніе нашего сознанія въ каждый данный моментъ». «Мы переживаемъ ежедневно, — говоритъ Л. І. Петражицкій, — многія тысячи эмоцій, управляющихъ нашимъ тѣломъ и нашею психикою, вызывающихъ тѣ тѣлодвиженія, которыя мы совершаемъ, тѣ представленія и мысли, которыя появляются въ нашемъ сознаніи, и, вообще, заставляющихъ психо-физическій аппаратъ измѣняться и дѣйствовать такъ, какъ это соотвѣтствуетъ ихъ (эмоцій) командѣ, но сами эти хозяева и управители остаются нормально незамѣченными».

Быть-можетъ, къ этому же разряду психическихъ явленій мы должны отнести тѣ поразительные факты изъ исторіи разныхъ религій, гдѣ обращеніе въ новую вѣру происходило не постепенно и медленно, путемъ сознательной борьбы старыхъ вѣрованій съ новыми, а путемъ быстраго и внезапнаго внутренняго переворота, когда Савлъ сразу превращается въ Павла. Естественно, что такое неожиданное превращеніе поражаетъ воображеніе и чувства и самого субъекта и его окружающихъ, и кажется имъ чудомъ, а подъ вліяніемъ сильнаго волненія сопровождается иногда галлюцинаціями: то зрительными (появленіемъ огненныхъ языковъ, ангеловъ, апостоловъ, святыхъ и проч.), то слуховыми (священными голосами и проч.) Между тѣмъ, объясненіемъ здѣсь служитъ подготовительная, иногда очень продолжительная работа. Но она происходитъ внѣ области сознанія и потому не извѣстна ни самому внезапно обращенному, ни окружающимъ его лицамъ. Идетъ споръ о томъ, относить ли эту безсознательную работу къ области физіологіи или психологіи. По мотивамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію. По этой версіи, психическая дѣятельность можетъ происходить не только въ области сознательнаго, но и безсознательнаго. А такъ какъ безсознательная психическая дѣятельность часто приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ привелъ бы насъ и разумъ, то, надо думать, что область безсознательнаго подчинена тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и сознательная работа. Умаляется ли, такимъ образомъ, роль сознанія? По словамъ Гюйо, сознаніе является только маленькой свѣтящейся точкой въ огромной темной сферѣ жизни. Левъ Толстой въ романѣ «Война и Миръ» писалъ: «Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ попытается понять его, онъ поражается безплодностью». Быть-можетъ, относительно историческихъ событій въ этомъ крайнемъ утвержденіи Толстого и есть доля истины. Дѣйствительно, такъ часто случается въ исторіи, что разумныя и справедливыя требованія народа, бывшія такими близкими, казалось, къ своему осуществленію, исторія безжалостно разбиваетъ; лучшія чаянія и предсказанія историковъ и политиковъ терпятъ крушенія, а несправедливыя формы торжествуютъ подъ вліяніемъ неразумныхъ и имморальныхъ силъ. Но если мы такъ мало понимаемъ въ исторіи теперь, то это не значитъ, что и всегда мы будемъ такъ же невѣжественны въ этой области. Вся исторія науки убѣждаетъ насъ въ совершенно противномъ. А въ тѣхъ областяхъ, гдѣ современное состояніе науки позволяетъ намъ разобраться лучше, мы находимъ, что этотъ крайній взглядъ Толстого не соотвѣтствуетъ хорошо изученнымъ фактамъ. Если мы проанализируемъ тѣ вышеприведенные факты, въ которыхъ роль безсознательнаго

выступаетъ настолько ярко, то увидимъ, что, какова бы ни была работа безсознательнаго, она становится нашимъ достояніемъ лишь съ того момента, когда ея результатъ будетъ освѣщенъ и признанъ цѣннымъ со стороны нашего сознанія.

Сколько бы теоремъ ни открылъ мозгъ Ньютона или Эйлера въ темныхъ тайникахъ своихъ творческихъ силъ, но пока эти открытія не дошли до сознанія творцовъ, они не имѣютъ никакого значенія, потому что о нихъ не узнаетъ никто. Мало этого. Ньютонъ сознательно ставилъ себѣ опредѣленныя задачи и только тогда уже ждалъ проясненія своихъ мыслей. Пусть сознаніе «только маленькая свѣтящаяся точка», но она альфа и омега каждой работы, ея начало и конецъ. Правда, въ срединѣ между постановкой вопроса и его рѣшеніемъ существенную роль играетъ безсознательная работа. Однако есть факты, показывающіе, что наше сознаніе играетъ нѣкоторую роль даже въ безсознательныхъ процессахъ. Военнымъ врачамъ, какъ извѣстно, часто приходится имѣть дѣло съ симуляціей разныхъ болѣзней, освобождающихъ отъ отбыванія воинской повинности. Однимъ изъ средствъ къ обнаруженію притворства служитъ хлороформированіе мнимаго больного. И вотъ оказывается, что иногда притворство продолжается и во время глубокаго наркоза. Итакъ, импульсы сознательной воли симулянта дѣйствуютъ и во время безсознательнаго состоянія. Я зналъ одного субъекта, который могъ просыпаться въ любой часъ ночи, минута въ минуту. Стало-быть, велѣнія его сознательной воли дѣйствовали и во снѣ. А главное, откуда берутся тѣ матеріалы, надъ которыми работаетъ безсознательная сфера въ случаѣ рѣшенія поставленныхъ сознаніемъ вопросовъ, и проч.? Мы не знаемъ случая, чтобы филологъ, никогда не занимавшійся астрономіей, сразу сдѣлалъ открытіе въ этой послѣдней области и наоборотъ. Сама безсознательная сфера мозга оперируетъ лишь съ матеріалами, когда-то прошедшими чрезъ сознаніе, но теперь позабытыми.

Все вышеизложенное показываетъ намъ, какъ тѣсно связаны и переплетены сознательная и безсознательная дѣятельность. Быть-можетъ, это проявленія одного и того же процесса. Не даромъ сознаніе сравниваютъ съ пламенемъ во время быстраго горѣнія. Пламя — не есть сущность горѣнія, а только показатель наибольшей интенсивности процесса, который можетъ происходить и безъ пламени. Такъ и сознаніе, повидимому, является на сцену, когда психическіе процессы встрѣчаютъ большія затрудненія и препятствія и потому требуется особенное напряженіе мозга. Дѣйствуемъ ли мы сознательно или безсознательно, наша дѣятельность подчиняется однимъ и тѣмъ же психическимъ законамъ; но сознаніе всегда знаменуетъ самую высшую степень психической работы, наибольшее напряженіе присущей намъ энергіи.

Переходя затѣмъ къ спору между интеллектуалистами, умаляющими значеніе безсознательныхъ процессовъ, и волюнтаристами, умаляющими роль сознанія, мы теперь съ полнымъ основаніемъ можемъ сказать, что, на какую бы сторону мы ни стали, мы будемъ спорить только о первенствѣ: отрицать же значеніе разума или чувства, или воли нельзя. И сами волюнтаристы не отрицаютъ крупной роли мысли. Тотъ же самый Гефдингъ признаетъ, что «развитіе произвольнаго хотѣнія совершается подъ вліяніемъ сознанія и чувствованія». А другой волюнтаристъ Фулье, утверждающій, что «наша воля есть мы сами», въ то же время признаетъ, что «идея есть сила». И въ самомъ дѣлѣ, можно ли отрицать значеніе нашихъ идей? Вѣдь если идеи—силы, то эти силы накоплены милліонами предшествующихъ поколѣній, переданы намъ и хранятся въ складкахъ нашего мозга. Это огромное богатство, надъ собираніемъ котораго работало столько поколѣній, не можетъ не представить извѣстной, довольно значительной силы, а эта сила, въ свою очередь, не можетъ не оказывать могучаго вліянія на окружающую среду. Было время утопій, когда идеалы считались всемогущимъ факторомъ: идея, разумъ — было все. Теперь мы должны немного сузить значеніе разума въ пользу чувства и воли. Но все же мы не можемъ отрицать и огромнаго значенія мышленія и идей, потому что это значило бы почти то же, что отрицать значеніе науки, изобрѣтеній и культуры. Не будемъ умалять роли безсознательной области; но не слѣдуетъ умалять и роли сознанія. Каждой области принадлежитъ свое важное мѣсто.

Стремленіе къ развитію является раньше сознанія. Это стремленіе проявляется въ ростѣ, развитіи и размноженіи клѣтокъ, составляющихъ человѣческій организмъ еще въ его зародышевой формѣ. Оно проявляется тотчасъ послѣ рожденія, прежде всякаго индивидуальнаго опыта, раньше всякаго размышленія и сознательнаго намѣренія и потому должно быть признано врожденнымъ. Оно проявляется въ голодѣ, аппетитѣ, жаждѣ, потребностяхъ въ пищѣ, питьѣ, во снѣ, отдыхѣ, упражненіяхъ мускуловъ, железъ, пищеварительныхъ, дыхательныхъ и т. п. органовъ,—словомъ, во всемъ томъ, что необходимо для правильнаго развитія новорожденнаго. А если это стремленіе является прежде сознанія, прежде воли, прежде вниманія, прежде даже личнаго опыта и ученья, то, стало-быть, оно составляетъ основное явленіе жизни. Это стремленіе къ развитію мы видимъ и на низшихъ ступеняхъ животной лѣстницы, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о такомъ сознаніи, какое свойственно человѣку. Но въ этомъ отношеніи есть разница между одноклѣточными и многоклѣточными организмами и притомъ въ пользу высшихъ многоклѣточныхъ животныхъ. Когда одноклѣточное животное, мать, окончивъ циклъ собственнаго развитія, дѣлится на двѣ дочернія клѣтки, этотъ актъ служитъ размноженію рода,

а не развитію самой особи, такъ какъ клѣтки-дочери расходятся въ разныя стороны. Въ многоклѣточномъ же животномъ этотъ-то самый актъ дѣленія клѣтки служитъ росту и развитію самого организма, такъ какъ клѣтки-дочери остаются частями того же самого организма, которому принадлежала и клѣтка-мать.

На первыхъ ступеняхъ жизни ребенка—это стремленіе къ развитію безсознательно и слѣпо, но, тѣмъ не менѣе, неудержимо и властно проявляется въ самыхъ разнообразныхъ импульсахъ, потребностяхъ, вожделѣніяхъ. Однѣ изъ этихъ потребностей говорятъ намъ о перерасходахъ и недостаткахъ, мѣшающихъ развитію,—таковы голодъ, жажда, потребность въ чистомъ воздухѣ и проч.; другія говорятъ объ избыткахъ и перенакопленіи, требующемъ упражненій, необходимыхъ для развитія таковой потребности въ дѣятельности, играѣ, зрѣлищахъ, музыкѣ и проч.

Начинаясь съ рожденія, стремленіе къ развитію не покидаетъ человѣка до самой смерти. Говорятъ, что человѣкъ, обновляя ежедневно вещество своихъ органовъ, получаетъ черезъ семь лѣтъ совершенно новое тѣло. Было время, когда думали, что ростъ мозга и черепа пріостанавливается къ 30 годамъ. Одинъ старый профессоръ медицинскаго факультета говорилъ мнѣ, что въ связи съ этимъ ученіемъ у него и его нѣкоторыхъ товарищей, когда они были студентами, была мысль покончить съ собою, когда жизнь перевалитъ на четвертый десятокъ. Но теперь, благодаря изслѣдованіямъ Бельца и другихъ, хорошо извѣстно, что черепъ растетъ до 50 и болѣе лѣтъ. Окружность головы самого Бельца увеличилась въ періодѣ отъ 20 до 30 лѣтъ на одинъ сантиметръ и почти настолько же въ періодъ отъ 30 до 50 лѣтъ. Голова Гладстона, по увѣренію поставщика его шляпъ, постоянно увеличивалась и послѣ 50 лѣтъ. Пфицнеръ нашелъ, что черепъ растетъ до глубокой старости, хотя послѣ 40 лѣтъ очень незначительно. Но если растетъ черепъ, значитъ растетъ и мозгъ, а, стало-быть, возрастаютъ и умственныя способности. По словамъ Макса Ферворна, «развитіе никогда не прекращается. Мы наблюдаемъ измѣненія достаточно ясно, сравнивая состояніе взрослаго человѣка черезъ довольно продолжительные промежутки времени. Если никакихъ новыхъ органовъ и не образуется болѣе, то во всякомъ случаѣ тридцатилѣтній человѣкъ не то, что сорокалѣтній, сорокалѣтній не то, что пятидесяти- и шестидесятилѣтній и т. д. Неизмѣннаго состоянія не бываетъ, и дѣленіе клѣтокъ, начинающееся дѣленіемъ яйцеклѣтки, можетъ быть прослѣжено черезъ всѣ стадіи развитія, и происходитъ также у взрослыхъ и даже старыхъ особей, только все медленнѣе и медленнѣе».

Очевидно, что подъ старость стремленіе къ развитію дѣлается слабѣе и потому не можетъ осилить противоположнаго дѣйствія всѣхъ разрушительныхъ агентовъ, подтачивающихъ

наши силы. Но все же оно есть и у стариковъ. А у выдающихся стариковъ оно чрезвычайно интенсивно. Другъ Гёте въ своемъ дневникѣ писалъ о великомъ старцѣ: «Ему на-дняхъ будетъ 80; но ему не наскучиваютъ изслѣдованія и опыты. Ни въ чемъ онъ не чувствуетъ себя готовымъ и законченнымъ; онъ стремится все впередъ и впередъ». То же самое можно было бы сказать и о многихъ другихъ знаменитыхъ людяхъ. Таковъ же былъ, напримѣръ, и нашъ Толстой.

Особенно ярко стремленіе къ развитію проявляется въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ. Оно проявляется въ нашихъ господствующихъ наклонностяхъ, въ нашихъ интересахъ, въ направленіи нашего вниманія, въ нашихъ влеченіяхъ, нашихъ чувствахъ, въ направленіи нашихъ мыслей, въ выборѣ чтенія, друзей, знакомыхъ, въ нашихъ любимыхъ занятіяхъ, въ нашихъ играхъ и развлеченіяхъ и т. п. И во всемъ этомъ отражается глубоко заложенное въ человѣческой природѣ основное стремленіе къ развитію.

Развитіе не есть нѣчто, приходящее къ намъ извнѣ, навязанное намъ церковью, государствомъ, педагогами; развитіе не есть слѣдствіе внѣшнихъ только воздѣйствій; оно первично; оно сама жизнь въ ея дѣйствіи; главная пружина его лежитъ въ насъ самихъ — въ нашихъ стремленіяхъ и потребностяхъ — она дана намъ отъ рожденія цѣлымъ рядомъ нашихъ безчисленныхъ предковъ. Родникъ и основы развитія лежатъ въ природномъ стремленіи къ нему; стремленіе къ развитію—это первичное свойство не только человѣческой природы, но и всего животнаго міра. Источникъ прогресса въ насъ самихъ—въ нашихъ внутреннихъ стремленіяхъ. Стремленіе къ развитію — то сознательное, то безсознательное, лежитъ въ самой глубинѣ, составляетъ основу и самую суть всей животной, а, стало-быть, и человѣческой жизни. Изучая стремленіе къ развитію, мы заглядываемъ въ самыя нѣдра жизни, на дно ея. Къ этому стремленію, въ концѣ-концовъ, сводятся всѣ цѣнности жизни. У взрослаго человѣка оно при свѣтѣ сознанія опредѣляетъ, что намъ нравится и что нѣтъ, что хорошо и что дурно, чего надо желать и чего избѣгать, что мы любимъ и что ненавидимъ.

Стремленіе къ развитію лежитъ въ основѣ религій, существовавшихъ въ разныя времена на землѣ; въ основѣ этики; въ основѣ человѣческихъ идеаловъ, когда-либо одушевлявшихъ человѣчество. Мы имѣемъ право сказать такъ, во-первыхъ, потому, что каждая религія, пользовавшаяся долгое время большимъ распространеніемъ, каждая этика, каждый идеалъ почти навѣрное въ свое время были полезными для развитія расы, такъ какъ иначе естественный отборъ не позволилъ бы имъ сохраниться на долгіе годы. Если многіе изъ этихъ идеаловъ и религій въ наше время служатъ регрессу, то это большею частью происходитъ лишь оттого, что они пережили свое время и не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ существованія. А во-вторыхъ,

если бы даже и оказалось, что стремленіе къ развитію породило когда-нибудь и вредный идеалъ, то это нисколько не противорѣчило бы нашей теоріи, потому что никто не выдаетъ этому стремленію аттестата на непогрѣшимость. Оно само совершенствуется; а если такъ, значитъ, оно еще не вполнѣ совершенно. Кромѣ того, какъ уже сказано раньше и какъ объ этомъ подробно будетъ написано во второмъ томѣ настоящей книги, типы развитія бываютъ разные — и прогрессивные, и регрессивные,— какъ въ біологическомъ и анатомическомъ, такъ и въ психическомъ смыслѣ. И хотя человѣчество въ его цѣломъ несомнѣнно принадлежитъ къ прогрессивному типу во всѣхъ смыслахъ, но часто встрѣчаются люди и регрессивнаго типа. Въ послѣднемъ случаѣ стремленіе къ развитію направляетъ человѣка назадъ—къ психикѣ первобытнаго дикаря или варвара; оно — это стремленіе — все же существуетъ и въ данномъ случаѣ, хотя и въ уродливомъ и въ нежелательномъ видѣ.

Быть-можетъ, въ каждой клѣткѣ нашего тѣла существуютъ смутные импульсы, властно требующіе развитія каждаго изъ органовъ нашего тѣла, каждой ткани, каждаго мускула, каждой железы, каждой частички. Эти смутныя влеченія, эти темные импульсы, исходящіе изъ крошечныхъ существъ—клѣтокъ, составляющихъ наши ткани и органы, то поперемѣнно, то всѣ вмѣстѣ сливаются въ хоръ — то въ стройный и мелодичный, то въ безобразный и полный диссонансовъ, но смыслъ этихъ голосовъ сводится къ одному: мы хотимъ развиваться, итти впередъ, мы требуемъ условій, благопріятныхъ для нашего развитія. Требованія этихъ маленькихъ существъ слагаются другъ съ другомъ и создаютъ то, что мы называемъ потребностями организма. Такимъ образомъ, наше стремленіе къ развитію выражаетъ синтезъ, обобщеніе всѣхъ частныхъ стремленій, всѣхъ отдѣльныхъ органовъ нашего тѣла, всякой ткани, всякой клѣтки. Всякая самая крошечная часть нашего тѣла стремится къ развитію. Живая клѣтка нашего тѣла растетъ, упражняется, развивается и, если не встрѣтитъ непреодолимыхъ помѣхъ, имѣетъ тенденцію размножаться. И всѣ эти частичныя потребности нашихъ отдѣльныхъ клѣтокъ слагаются въ стремленія и потребности нашихъ тканей, нашихъ органовъ и, наконецъ, сводятся къ одному центру—нашему Я. Отъ того, какъ удовлетворяются эти потребности, (нормально или нѣтъ) зависятъ наши настроенія, наше самочувствіе. Требованіе простора и необходимыхъ условій для своего развитія начинаются еще съ того момента, когда у взрослыхъ мужчинъ, благодаря дѣятельности сѣмянныхъ железъ, появляются сперматозоиды. Каждый изъ нихъ имѣетъ смутное влеченіе къ развитію, стремится соединиться съ женскою зародышевою яйцеклѣткою, и всѣ они вмѣстѣ многочисленнымъ хоромъ предъявляютъ намъ настойчивыя требованія, которыя мы называемъ потребностью любви.

Эти стремленія очень древняго происхожденія; они существовали у самыхъ отдаленныхъ изъ нашихъ предковъ, задолго до того, когда наши предки приняли человѣческій образъ. Тогда не существовало еще никакихъ законовъ о бракѣ и ничего похожаго на современную этику половыхъ отношеній. Приспособленныя къ тому отдаленному времени безъ брачнаго законодательства, безъ нашей морали, эти безотчетныя стремленія, вышедшія изъ другой и очень древней эпохи, естественно не могутъ быть въ полномъ согласіи съ современнымъ укладомъ чуждой имъ жизни. И понятно, что ихъ требованія очень часто рѣзко расходятся съ нашими правилами морали, съ нашими законами о бракѣ, съ нашимъ имущественнымъ положеніемъ, съ нашими требованіями приличій. Они не читали статей брачнаго законодательства, не знаютъ ни заповѣдей, ни главъ этики, посвященныхъ семьѣ и половой жизни, они стремятся только къ одному: развиваться, во что бы то ни стало, несмотря ни на что. На этой почвѣ, какъ извѣстно, происходятъ цѣлыя битвы между ними и нашимъ сознаніемъ и разумною волею. Эти битвы не всегда оканчиваются благополучно и согласно съ нашимъ разумомъ, а нерѣдко имѣютъ трагическій конецъ, являющійся въ результатѣ столкновенія съ закономъ, моралью, приличіями, честью и совѣстью. И когда стремленіе этихъ крошечныхъ существъ осуществлено, когда соединеніе мужскаго и женскаго элементовъ дало оплодотвореніе зародышевой яйцеклѣтки, изъ нея одной путемъ повторныхъ дѣленій развиваются всѣ ткани, каждая со своими особыми свойствами. Въ этой крошечной клѣткѣ заложенъ будущій человѣкъ съ его органами, тканями, инстинктами, характерными наклонностями, задатками, способностями. И въ ней же заложены позывы, заставляющіе ее развиваться по опредѣленному плану, послѣдовательно переходя отъ одной стадіи къ строго опредѣленной другой ступени.

Далѣе, это стремленіе къ развитію проявляется и тогда, когда зародышъ, окончивши свое утробное развитіе, дѣлаетъ безсознательныя усилія самъ и побуждаетъ дѣлать еще большія усилія мать, чтобы освободиться изъ чрева своей матери на просторъ для дальнѣйшаго, болѣе полнаго и многосторонняго развитія. То же стремленіе мы наблюдаемъ и тогда, когда ребенокъ хватаетъ грудь матери, чтобы сосать, схватываетъ ручонками протянутый палецъ, слѣдитъ глазами за блестящимъ предметомъ, продѣлываетъ своими оконечностями всевозможныя манипуляціи и проч. Ребенокъ приводитъ въ движеніе свои оконечности даже тогда, когда ему нечего хватать и нечего отталкивать, когда избытокъ силъ требуетъ выхода, а органы требуютъ упражненія и, слѣдовательно, развитія. Если бы такая, повидимому, безцѣльная дѣятельность ребенка была, дѣйствительно, безцѣльна и безполезна для человѣка, то естественный отборъ давнымъ давно бы ее уничтожилъ, какъ

нѣчто совершенно излишнее и ни для чего ненужное. Но эта дѣятельность, несомнѣнно, полезна для развитія, какъ упражненіе необходимыхъ для жизни органовъ, и потому она сохранена естественнымъ отборомъ у всѣхъ безъ исключенія здоровыхъ дѣтей. Вся эта дѣятельность происходитъ подъ вліяніемъ стимуловъ, изсходящихъ изнутри организма, хотя и при участіи внѣшнихъ раздраженій, и направлена къ развитію тѣхъ или другихъ способностей.

Если бы можно было сравнить организмъ ребенка съ машиной, то надо было бы добавить, что пружина, приводящая эту машину въ движеніе, лежитъ внутри организма, и имя ей *стремленіе къ развитію;* но сравненіе организма съ машиной надо признать очень неудачнымъ, хотя это и часто дѣлается. Организмъ именно тѣмъ и отличается отъ машины, что онъ развивается, растетъ, самъ себя строитъ, а никакая машина на это не способна. Ни въ какой машинѣ нельзя было бы предполагать стремленія къ развитію, а въ организмѣ мы вынуждены допустить такое стремленіе. Прирожденные приборы организма, именуемые инстинктами, какъ и всякіе другіе приборы, нуждаются въ развитіи. Теперь собрано много фактовъ, показывающихъ, что инстинкты не неизмѣнны, какъ думали раньше. Естественно допустить, что они измѣняются подъ вліяніемъ потребностей, диктуемыхъ стремленіемъ къ развитію, соотвѣтственно съ измѣнившимися внѣшними условіями. То же стремленіе къ развитію проявляется и тогда, когда ребенокъ хочетъ все видѣть, все слышать, все пощупать, взять въ ротъ, когда онъ хочетъ наблюдать и производить опыты и изслѣдованія, когда онъ идетъ на разныя жертвы, ради возможности пережить новыя впечатлѣнія, произвести новые эксперименты и изслѣдованія. Эти влеченія не хотятъ считаться съ разными условностями нашего существованія. Появившіяся у нашихъ отдаленныхъ предковъ еще въ тотъ періодъ, когда не существовало собственности, эти влеченія не рѣдко вступаютъ въ столкновенія съ нашими понятіями о собственности, и мы часто видимъ ребенка либо въ чужомъ саду, либо съ чужою игрушкою. Тѣ же влеченія и по той же причинѣ не хотятъ знать нашей бережливости и нашихъ экономическихъ соображеній, и мы не рѣдко застаемъ ребенка за разрушеніемъ какой-нибудь дорогой вещи, которую мы намѣрены были бы сохранить. Эти влеченія сосредоточились на одномъ требованіи: побольше матеріаловъ, побольше простору и побольше благопріятныхъ условій для развитія.

Можно увеличить число примѣровъ указаніемъ на игры дѣтей, на ихъ лѣпку, на то, какъ они учатся говорить, на ихъ любовь слушать сказки и самимъ сочинять ихъ, на ихъ любовь къ барабану и другимъ нехитрымъ музыкальнымъ инструментамъ, на ихъ постройки изъ песку, изъ глины, изъ бумаги, изъ картъ, изъ деревянныхъ кубиковъ и проч. Стоитъ обратить вниманіе на то, какъ дѣти играючи приступаютъ

хотя бы къ рисованію, какъ они напрягаютъ всѣ свои мышцы и высовываютъ языкъ, чтобы его кончикомъ описывать тотъ же контуръ, какой чертитъ карандашъ, и какъ затѣмъ постепенно они отвыкаютъ отъ ненужныхъ движеній. Вся эта работа обыкновенно производится играючи и радостно, подъ вліяніемъ внутреннихъ, часто безсознательныхъ стимуловъ, идущихъ изнутри, и девизъ этихъ стимуловъ: *развитіе*.

И такова творческая сила стремленія къ развитію, что обыкновенно въ до-школьный періодъ, когда ребенокъ развивается самостоятельно, почти безъ всякаго вмѣшательства педагоговъ, онъ пріобрѣтаетъ столько, сколько ему не удастся пріобрѣсти во всю свою остальную жизнь. Мы не будемъ уже говорить о физическомъ ростѣ и силѣ; восьмилѣтнему ребенку останется подняться вверхъ меньше, чѣмъ онъ выросъ въ истекшій періодъ времени. Тотъ же процессъ мы видимъ и въ животномъ мірѣ. Но возьмемъ человѣческія свойства ребенка. Начать съ того, что изъ хаоса всевозможныхъ ощущеній ребенокъ ко времени поступленія въ школу успѣваетъ построить довольно стройный для своего обихода міръ представленій, а это такая громадная работа, предъ которою вся исторія философіи является ничтожнымъ придаткомъ. Онъ научился владѣть категоріями пространства, времени, причинности, а о значеніи этихъ категорій философы, какъ извѣстно, чрезвычайно высокаго мнѣнія. Онъ имѣетъ представленіе о числѣ. Далѣе онъ играючи научился родному языку, а это умѣнье и по своему значенію, и по всей сложности и трудности стоитъ гораздо дороже, чѣмъ все послѣдующее филологическое образованіе, если онъ его получитъ; ибо послѣднее будетъ лишь небольшою надстройкою на прочномъ фундаментѣ, построенномъ дитятею изъ двухъ параллельныхъ міровъ—міра мыслей и выражающаго его міра словъ. Наконецъ, ребенокъ успѣваетъ за это время научиться логически мыслить, не читая логики, различать красивое отъ безобразнаго, успѣваетъ развить до извѣстной степени свою волю и т. д. За это время ребенокъ сдѣлалъ путь, который отдѣляетъ современнаго человѣка отъ безсознательнаго животнаго, какимъ онъ былъ при рожденіи.

Посмотрите на ребенка, какъ онъ дѣятеленъ, переходя отъ игры къ игрѣ, отъ наблюденія къ наблюденію, отъ опыта къ опыту, и какъ онъ скучаетъ, если при неблагопріятныхъ условіяхъ онъ не можетъ найти дѣятельности, соотвѣтствующей его стремленіямъ. Можно ли отрицать, что вся эта дѣятельность ведетъ къ развитію, столько же умственному, сколько и физическому? Всѣ мы знаемъ, что отъ упражненій крѣпнутъ и зрѣютъ наши силы, что единственное средство развить свои природныя способности и извлечь изъ нихъ все, что онѣ въ состояніи дать, заключается въ тренированіи, т.-е.

въ упражненіи. Экспериментальнымъ путемъ доказано, что перерывъ въ работѣ на нѣсколько дней и даже только на одинъ день ведетъ къ нѣкоторой отвычкѣ отъ труда и не только къ остановкѣ въ развитіи данной способности, но и къ понятному движенію. Однакоже ребенокъ не читалъ ни физіологіи, ни психологіи, ни педагогики, а, между тѣмъ, онъ дѣйствуетъ именно такъ, какъ нужно для развитія его органовъ и наклонностей, существующихъ въ данный моментъ. Онъ упражняетъ ихъ, но безъ форсировки, а лишь въ той мѣрѣ, какая необходима для ихъ наилучшаго развитія.

Какъ же назвать эти импульсы, эти позывы, которые толкаютъ ребенка на дѣятельность, ведущую къ развитію его способностей? Мы не можемъ найти лучшаго названія для этихъ импульсовъ, какъ стремленіе къ развитію именно тѣхъ наклонностей, которыя зарождаются и преобладаютъ въ данное время и въ данномъ ребенкѣ или юношѣ. Всѣ учащіеся въ Москвѣ юноши видятъ, слышатъ и читаютъ въ газетахъ приблизительно объ однихъ и тѣхъ же фактахъ общественной жизни, но одни изъ нихъ принимаютъ непосредственное участіе въ какомъ-нибудь уголкѣ общественныхъ движеній, — это будущіе общественные дѣятели, другіе стараются понять ихъ смыслъ, ихъ причины и ихъ послѣдствія — это будущіе ученые, а третьи выразятъ свои переживанія въ стихахъ, въ карикатурѣ и проч. — это будущіе поэты и художники. Между ними найдутся также будущіе изобрѣтатели, особенно интересующіеся машинами, орудіями, новыми изобрѣтеніями въ области техники, а въ наше время по преимуществу въ области воздухоплаванія, найдутся будущіе путешественники, зачитывающіеся теперь Нансеномъ, Пржевальскимъ. Найдутся юноши, способные къ математикѣ и неспособные къ языкамъ и потому ненавидящіе уроки иностранныхъ языковъ; и, наоборотъ, найдутся юноши, одаренные большими способностями къ изученію языковъ, но малоспособные къ математикѣ и не любящіе ея. Хорошо извѣстны удивительные счетчики, принадлежавшіе во всемъ остальномъ къ категоріи людей, стоящихъ ниже посредственности. Найдутся юноши, страстно стремящіеся къ нравственному совершенству, уже отъ рожденія одаренные задатками въ области морали, и найдутся нравственные дегенераты.

Когда настанетъ время для пробужденія какой-нибудь опредѣленной наклонности, то юноша можетъ на опытѣ убѣдиться, что въ немъ самомъ появилось какое-то органическое приспособленіе для опредѣленной дѣятельности, своего рода рельсы, по которымъ не трудно и въ то же время пріятно будетъ двигать данное дѣло, своего рода русло, по которому легко и въ то же время интересно провести свою рабочую ладью; и онъ будетъ желать такой работы, онъ съ радостью станетъ упражнять, а стало-быть, и развивать вновь пробудившіяся въ немъ силы. Такой приливъ силъ такія стремленія къ работѣ и та-

кое удовольствіе, доставляемое любимымъ трудомъ, переживаетъ и музыкантъ, и художникъ, и поэтъ, и ученый, и изобрѣтатель, и общественный дѣятель, впервые почувствовавшіе, что они нашли въ данной работѣ свое истинное призваніе.

Словно какой-то таинственный кормчій, живущій внутри человѣка, въ глубинѣ его существа, направляетъ нашу энергію то въ одно, то въ другое русло, руководитъ нашею работою, нашими играми и развлеченіями, нашими вкусами, желаніями, интересами и господствующими стремленіями, согласно какому-то загадочному общему плану, и ведетъ насъ къ какой-то цѣли, которой мы сами можемъ и не знать. Можно подумать, что онъ часто скрытно отъ нашего сознанія вмѣшивается во всѣ наши намѣренія и поступки, нерѣдко предостерегаетъ насъ отъ опасностей, диктуетъ намъ свои рѣшенія, которымъ мы очень часто подчиняемся безпрекословно. При этомъ онъ самъ руководится какими-то своими правилами, которыхъ мы въ большинствѣ случаевъ и не подозрѣваемъ.

Словно именно отъ него, — отъ этого кормчаго, — идутъ всѣ наши способности и свойства, постепенно раскрываясь въ процессѣ развитія, протекающаго черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ стадій, имъ самимъ опредѣленныхъ. Всего поразительнѣе и загадочнѣе то, что этотъ таинственный, организующій, творческій центръ появляется еще вмѣстѣ съ зародышевой клѣткой. Именно отъ свойствъ этого невѣдомаго «кормчаго», — свойствъ, передаваемыхъ по наслѣдству отъ предковъ, зависитъ, выйдетъ ли изъ зародыша негръ, краснокожій или представитель бѣлой расы, вырастетъ ли, при благопріятныхъ условіяхъ, талантливый музыкантъ, поэтъ и т. п., или выйдетъ посредственность, либо даже душевно-больной человѣкъ. Въ зародышѣ заключенъ принципъ всего будущаго развитія, творческія силы организма. Нѣкоторые называютъ его «таинственнымъ строителемъ», который придаетъ зародышу въ его дальнѣйшемъ развитіи опредѣленныя формы, очень рѣдко при этомъ ошибается самъ и также рѣдко допускаетъ существенныя уклоненія отъ общаго плана со стороны послушной ему зародышевой ткани. Можно подумать, что этотъ «таинственный архитекторъ» владѣетъ и рычагомъ, чтобы приводить въ движеніе всѣ органы тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ рулемъ, чтобы давать опредѣленное направленіе нашему развитію.

Однакоже эти аналогіи только попытки нашего ума сблизить жизненный процессъ съ болѣе извѣстными явленіями нашей повседневной работы. Но какъ ни заманчивы перспективы понять жизнь посредствомъ аналогій съ нашими работами, такія сравненія не могутъ быть удачными. На самомъ дѣлѣ ни въ зародышевой клѣткѣ, ни въ цѣломъ организмѣ нѣтъ ни кормчаго, ни капитана, ни архитектора, ни строителя; потому что жизненный процессъ не похожъ ни на строительство подъ

руководствомъ архитектора, ни на плаваніе подъ командой капитана. Это явленія совершенно особаго, другого порядка. Поэтому нельзя найти удачныхъ аналогій между живымъ и мертвымъ, между автоматомъ, съ одной стороны, и хотящимъ и сознающимъ себя существомъ — съ другой.

Ни въ какомъ кирпичѣ и ни въ какомъ другомъ строительномъ матеріалѣ нѣтъ этой скрытой энергіи, которая бы передавалась по наслѣдству отъ кирпича къ кирпичу; а въ живой клѣткѣ такая энергія есть и въ скрытой формѣ наслѣдственно передается потомству въ зародышевыхъ клѣткахъ, которыя стремятся къ развитію, растутъ и развиваются уже независимо отъ родительской жизни.

Живое существо само стремится къ развитію и развивается изъ самого себя, ассимилируя только окружающую среду, чего совсѣмъ нельзя сказать ни про строительство, ни про какую другую человѣческую работу.

Кажется, что во всей природѣ нѣтъ ничего чудеснѣе и удивительнѣе этого человѣческаго стремленія къ самосозиданію, которое мы зовемъ развитіемъ. Несомнѣнно, что всѣ эти направляющія и творческія силы съ самаго начала находятся въ человѣческомъ зародышѣ, и онѣ проявляются въ избираемомъ ими пути и порядкѣ развитія, а между тѣмъ никакая химія и никакой микроскопъ не могутъ открыть ни малѣйшей разницы между зародышами чернаго и бѣлаго человѣка, между зародышами воробья и соловья и т. д.

Наше удивленіе возрастетъ еще больше, если мы припомнимъ, что въ ничтожной по величинѣ зародышевой клѣткѣ заключены всѣ творческія силы, направляющія послѣдовательность развитія. Сѣмянное тѣльце (сперматозоидъ, образующее вмѣстѣ съ яйцеклѣткою зародышевую клѣтку, такъ мало, что полмилліарда ихъ помѣщается въ одной куб. линіи, и, однакоже, каждое такое тѣльце заключаетъ въ себѣ въ потенціи жизнь и психику, умъ, чувство и дѣятельность человѣческаго существа, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, изъ него разовьется; оно носитъ въ себѣ будущія черты лица, ростъ, душевныя и тѣлесныя особенности будущаго человѣка и, какъ доказываетъ теорія наслѣдственности, даже особенности его внуковъ и правнуковъ. Такое микроскопически-малое тѣльце, по крайней мѣрѣ, наполовину обусловливаетъ всѣ тѣлесныя и душевныя врожденныя качества человѣка, предполагая, что другая половина свойствъ передается матерью.

Итакъ, мы можемъ сказать, что развитіе человѣка, какъ и другого животнаго, начинается съ величины, настолько ничтожной, что ее можно сравнить съ математической точкою. И, однакоже, въ этомъ безконечно маломъ центрѣ есть чему раскрыться и развиться. Въ этой почти безконечно ничтожной величинѣ лежатъ тайны жизни не только даннаго организма, но и его потомства, которое можетъ быть безчисленнымъ. Из-

вѣстно, напримѣръ, что селедка бросаетъ 5 милліоновъ икринокъ; стало-быть, въ одной ея зародышевой клѣткѣ, которую можно хорошо разсмотрѣть только въ микроскопъ, проэктированъ уже планъ развитія ея многомилліонной семьи, не говоря уже о билліонахъ внуковъ и т. д. до безконечности. Можно разсчитать также, чрезъ сколько поколѣній одна человѣческая пара при благопріятныхъ условіяхъ могла бы заселить весь земной шаръ. Первый толчокъ къ развитію и организующая сила заложены въ зародышевой яйцеклѣткѣ, этотъ толчокъ вызвалъ къ жизни слѣдующую вторую ступень развитія, эта послѣдняя воздѣйствовала на третью ступень развитія и т. д. до тѣхъ поръ, пока не выросло взрослое животное, которое затѣмъ можетъ стать предкомъ милліоновъ существъ.

Отводя такую большую роль стремленію къ развитію, мы, естественно, признаемъ одной изъ существенныхъ чертъ жизни активность организма. И дѣйствительно, тайны жизни скрыты въ ея активности. Активность—существенная и въ то же время отличительная черта жизни. Внѣ жизни мы нигдѣ не находимъ активности. Вся мертвая природа пассивна. Активность есть только въ живомъ организмѣ и особенно въ его психикѣ. Всякій организмъ активенъ. Творчество, самодѣятельность, активность и прежде всего въ смыслѣ развитія индивида и рода—вотъ наиболѣе характерная черта жизни. По словамъ Клода Бернара, если бы нужно было дать опредѣленіе жизни, то онъ бы сказалъ, что жизнь есть творчество. «Живую машину,—продолжаетъ знаменитый ученый,—характеризуетъ не природа ея физико-химическихъ свойствъ, но созданіе, длящееся твореніе самой этой машины по опредѣленному плану... Эта группировка происходитъ по законамъ, управляющимъ физико-химическими свойствами вещества; но самое существенное въ области жизни не принадлежитъ ни физикѣ, ни химіи и состоитъ въ идеѣ, управляющей этимъ жизненнымъ развитіемъ». По словамъ извѣстнаго Коржинскаго, «сущность жизни заключается въ активности, т.-е. въ способности отвѣчать на внѣшнія раздраженія организма. Это свойство, это начало присуще плазмѣ. Его нельзя отнести къ химическимъ или физическимъ свойствамъ, такъ какъ оно творитъ явленія, не имѣющія аналогіи среди міра неорганическаго. Оно не разложимо на составные элементы и ускользаетъ пока отъ точнаго разслѣдованія». «Черпая свои силы изъ окружающей природы,—говоритъ извѣстный Бехтеревъ,—переработывая ихъ для самого себя, организмъ вездѣ и всюду является активнымъ существомъ, обнаруживающимъ самостоятельность въ своихъ движеніяхъ, основанную на внутренней переработкѣ внѣшнихъ воздѣйствій».

Понятіе активности, ровно какъ и стремленія къ развитію—субъективное. Мы выводимъ его изъ самонаблюденій, и лишь по аналогіи переносимъ на весь органическій міръ; но эта

аналогія оказывается настолько удачной, что примѣнима вездѣ, гдѣ есть жизнь: въ органахъ и клѣткахъ человѣческаго тѣла и особенно въ нервныхъ клѣткахъ въ мірѣ животныхъ. Каждая амеба, каждая инфузорія обладаетъ способностью выбирать свою пищу питательное и нужное принимаетъ, а негодное выбрасываетъ. На болѣе высокихъ ступеняхъ животнаго царства мы встрѣчаемся съ правильно организованною охотою. Точно такъ же животныя сами выбираютъ для себя подходящую среду, умѣютъ защищаться отъ холода, отъ жара, умѣютъ, когда нужно, погрѣться на солнцѣ, когда нужно, спрятаться въ тѣнь, въ нору, погрузиться въ воду, построить гнѣздо, запастись кормомъ на зиму и т. п. А что касается человѣка, то онъ радикально преобразовываетъ саму окружающую среду, сообразно своимъ потребностямъ. Самодѣятельность организма особенно рѣзко бросается въ глаза въ случаяхъ пораненія, когда организмъ самъ возстановляетъ утраченныя части. У ящерицы можно отрубить хвостъ, и онъ выростетъ снова, при чемъ эту операцію можно повторять много разъ. Еще поразительнѣе проявляется эта способность у нѣкоторыхъ растеній и низшихъ представителей животнаго царства. Иву, бегонію и другія растенія можно разводить черенками, частями корней и даже частями листьевъ, при чемъ каждая часть воспроизводитъ цѣлый организмъ. Если часть полипа, отдѣленную отъ головки и корня, воткнуть въ почву головнымъ концомъ, то она сама образуетъ головку, но тамъ, гдѣ былъ корень, и корень тамъ, гдѣ была голова. Если отрѣзать отъ морской звѣзды одинъ лучъ, то онъ можетъ воспроизвести цѣлый организмъ. При этомъ рѣшающую роль играетъ нервная система. Если отрѣзанный лучъ морской звѣзды оставить безъ нервнаго узла, то вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и воспроизводительная способность.

Бехтеревъ, по поводу изслѣдованій д-ра Пржиходскаго надъ подвижностью клѣтокъ, пишетъ: «Очевидно, что питаніе нервной клѣтки не есть актъ пассивный, а несомнѣнно активный, зависящій въ извѣстной мѣрѣ отъ внутренней энергіи клѣтки». Мозгъ служитъ органомъ сознанія, а нельзя оспаривать активность нашего сознанія, какъ тогда, когда оно соединяетъ отдѣльные элементы въ одно цѣлое, такъ равно и тогда, когда оно анализируетъ, разлагаетъ цѣлое на составляющіе его элементы. Стало-быть, активность животнаго организма заложена въ его нервной системѣ и чѣмъ развитѣе послѣдняя, тѣмъ болѣе самодѣятельности представляетъ организмъ. Конечно, и въ только что упомянутыхъ случаяхъ не обошлось безъ вліянія внѣшней среды. Таковы, напримѣръ, всѣ пораненія. Эти пораненія вызывали раздраженіе нервной системы, изъ которой шли импульсы къ воспроизведенію утраченныхъ частей. Но чѣмъ развитѣе мозгъ животнаго, тѣмъ сильнѣе преобладаніе внутреннихъ факторовъ надъ внѣшними. Вліяніе мозга на дѣятельность произвольныхъ мышцъ общеизвѣстно. Но это влія-

ніе распространяется и на многіе другіе органы. Хорошо извѣстно, что какое-нибудь радостное сообщеніе можетъ заставить усиленно биться сердце, вызвать красноту лица, блескъ глазъ; а печальное извѣстіе, наоборотъ, можетъ замедлить сердцебіеніе, вызвать блѣдность лица. Тѣ или другія представленія и мысли, соединенныя съ извѣстными чувствами, могутъ сузить или расширить селезеночные сосуды (Боткинъ), а часто повторяющееся печальное настроеніе понизить питаніе организма (Вундтъ). По словамъ Клода Бернара, ходячія выраженія, говорящія о сердцѣ, разбитомъ горемъ, или о сердцѣ, трепещущемъ отъ радости, представляютъ собою не только поэтическую форму, но и выражаютъ физіологическую дѣйствительность. Извѣстны случаи, когда одного приближенія пузыря съ холодной водой безъ прикасанія къ тѣлу достаточно для того, чтобы вызвать суженіе кожныхъ сосудовъ, суживающихся въ данномъ случаѣ, очевидно, только отъ одного представленія. Хорошо извѣстно, что одна мысль о вкусномъ блюдѣ можетъ вызвать выдѣленіе слюны. Извѣстныя представленія могутъ вызвать ощущеніе мороза, пробѣгающаго по кожѣ. Извѣстно, что во время войны заживленіе ранъ у побѣдителей протекаетъ быстрѣе, чѣмъ у побѣжденныхъ. Извѣстно, какъ благотворно вліяетъ на выздоровленіе больного его вѣра въ искусство врача и бодрое настроеніе духа. Извѣстно, какъ вредно отражается на составѣ молока гнѣвъ кормилицы. Извѣстно, какую роль играетъ возбуждающая музыка или пѣсня при тяжеломъ физическомъ трудѣ; и не даромъ русскій мужикъ сочинилъ на эти случаи «дубинушку».

Всего ярче выразилъ власть внутреннихъ факторовъ надъ внѣшними Шекспиръ, когда сказалъ, что «человѣкъ можетъ держать въ рукѣ горящій уголь и воображать, что это ледъ, если онъ будетъ думать о ледникахъ Кавказа». Какъ извѣстно, гипнотическіе опыты подтвердили сказанное Шекспиромъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ. В. Я. Данилевскій въ своей работѣ «Основной физіологическій законъ развитія ума и воли» ссылками на цѣлый рядъ экспериментовъ и наблюденій доказалъ, что по мѣрѣ развитія мозга совершается постепенный переходъ отъ автомата къ самостоятельной личности. Роль мозга въ активности организма громадна даже у низшихъ позвоночныхъ животныхъ. Лягушка, у которой вырѣзанъ головной мозгъ, похожа на машину, на автоматъ и всецѣло подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ; а у лягушки нормальной всегда наблюдается личный починъ для удаленія препятствія естественнымъ функціямъ организма. Большой мозгъ пользуется слѣдами прежняго опыта, личнаго и унаслѣдованнаго. Онъ производитъ оцѣнку и предвидитъ послѣдствія, даетъ директивы для дѣятельности. У человѣка рефлексы замѣняются волей, инстинктъ — разумомъ. Этажъ за этажемъ производятся надстройки, ведущія къ усиленію

личной инициативы. Въ развитомъ интеллектѣ воля становится менѣе подчиненной чувственнымъ вліяніямъ и направляется внутренними стимулами. Происходитъ закономѣрное замѣщеніе внѣшнихъ стимуловъ внутренними, развивается индивидуальность и личная инициатива. Животное маломозговое для урегулированія своей жизни требуетъ постоянныхъ директивъ извнѣ, отъ природы. Наоборотъ, животное съ большимъ мозгомъ руководится внутренними побужденіями. Конечно, послѣднія тоже сводятся къ внѣшнимъ стимуламъ; но не непосредственнымъ, а къ слѣдамъ отъ нихъ, накопленнымъ и путемъ личнаго и наслѣдственнаго опыта. Освобождаясь, такимъ образомъ, отъ прямыхъ директивъ внѣшняго міра, мы становимся самостоятельнѣе, свободнѣе. Отсюда стремленіе къ свободѣ, хотя бы въ области мечты.

При заболѣваніяхъ, въ старости, въ опьянѣніи, въ гипнозѣ, намъ снова нужно внѣшнее руководство. Мы теряемъ самообладаніе, активность, волю, становимся импульсивными. Внутренніе импульсы замѣняются внѣшними.

Итакъ, развитіе идетъ отъ пассивности автомата къ сознанію, къ активности, инициативѣ, личному почину, творчеству, волѣ, къ самостоятельнымъ интересамъ и побужденіямъ. На высшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ становится свободнымъ отъ внѣшнихъ вліяній и начинаетъ властно руководить жизнью, ищетъ красоты и создаетъ искусство, стремится къ истинѣ и создаетъ науку, желаетъ добра, создаетъ идеалы и страстно стремится къ ихъ осуществленію.

Объ этомъ знали еще стоики. Еще Маркъ Аврелій писалъ о томъ, что человѣкъ самъ можетъ быть властелиномъ своей души, своего «я». «Въ твоемъ собственномъ существѣ, въ основѣ бытія твоей души, никто другой не властенъ. Ни огонь, ни мечъ, ни тиранъ, ни позоръ, ни что другое не могутъ до него дотронуться, пока оно само представляетъ изъ себя цѣльный, закрытый со всѣхъ сторонъ кругъ». Каждый по себѣ знаетъ, что образованіе и ученье всего успѣшнѣе идутъ, когда соотвѣтствуютъ внутреннимъ стремленіямъ самого учащагося. «Все, что я узналъ, я узналъ самъ, — писалъ Руссо. — Мой умъ, возмущавшійся противъ всевозможныхъ стѣсненій, не могъ подчиняться законамъ минуты; самый страхъ, что я не научусь, какъ слѣдуетъ, тому или другому, дѣлалъ меня невнимательнымъ; боясь разсердить преподавателя, я дѣлалъ видъ, будто понялъ его объясненіе; онъ шелъ дальше, а я ровно ничего не понималъ. Мой умъ желаетъ работать по-своему и не хочетъ подчиняться». По мнѣнію Гёте, «человѣкъ можетъ искать какихъ угодно занятій, можетъ бросаться сколько хочетъ изъ стороны въ сторону, но, въ концѣ-концовъ, непремѣнно вернется на тотъ путь, который предназначенъ ему самой его природой». По его словамъ, «внутри насъ есть творческая сила, способная создать то, чему должно быть. и не дающая намъ

ни покоя, ни отдыха, пока мы внѣ себя или на себѣ не осуществимъ это тѣмъ или другимъ путемъ».

Это не значитъ, конечно, что мы можемъ успокоиться и положиться на эту силу. Нѣтъ. Намъ, по мнѣнію поэта, врождена только способность; но мы должны усердно учиться и упражняться. И эти самонаблюденія знаменитыхъ людей опять приводятъ насъ къ тому же выводу, что въ глубинѣ человѣческаго существа лежитъ стремленіе къ развитію.

Но то, что съ необыкновенной ясностью видятъ въ глубинахъ своей души великіе люди, въ извѣстной мѣрѣ присуще и самому обыкновенному человѣку. О той же самобытности человѣка говорятъ и народныя пословицы: «Шуба на сынѣ отцовская, а умъ у него свой». «Дѣти наши, а воля у нихъ своя».

Въ нашемъ мозгу заключена скрытая энергія, которая поддерживаетъ наше стремленіе къ развитію и нашу жизнь.

Человѣкъ не матеріалъ только для нравственнаго совершенствованія, какъ писалъ, напримѣръ, Августинъ; самъ человѣкъ является и источникомъ этого самоусовершенствованія.

Люди творятъ не только произведенія искусства, поэзіи и проч., но, что важнѣе всего, развиваясь, они творятъ самихъ себя. Люди стремятся быть строителями не только машинъ, домовъ и храмовъ, но еще и строителями самихъ себя. Даже тогда, когда мы строимъ машину, мы дополняемъ самихъ себя; мы создаемъ новое орудіе для своихъ работъ, мы расширяемъ сферу своей дѣятельности. Стремленіе къ развитію — это стремленіе къ творчеству и притомъ къ творчеству самого себя.

Въ самомъ человѣкѣ существуютъ импульсы къ развитію, какъ нравственному, такъ умственному и физическому. Объ этомъ стремленіи къ развитію можно было бы сказать словами поэта, что это

«Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отъ вѣка,
Онъ въ насъ самихъ, онъ заключенъ
Незримо въ сердцѣ человѣка».

Человѣкъ—активно саморазвивающаяся личность, онъ творецъ самого себя, и дѣло воспитанія сдѣлать это самотворчество прогрессивнымъ. Какъ прежніе психологи различали инстинкты самосохраненія отъ инстинктовъ сохраненія рода, такъ и мы должны различать стремленія къ саморазвитію отъ стремленій къ развитію рода. Чрезвычайно интенсивно и ярко выражено бываетъ это стремленіе, когда оно направлено къ размноженію рода. Это стремленіе къ развитію рода въ смыслѣ размноженія, какъ всѣмъ извѣстно, наблюдается во всемъ животномъ мірѣ, не исключая и низшихъ ступеней его. Перелетныя птицы летятъ за тысячи верстъ изъ теплыхъ странъ въ холодныя, чтобы тамъ положить свои яйца и вывести дѣтены-

шей. Длинное путешествіе совершаютъ и сельди, и лососи, проплывая сотни верстъ и болѣе, чтобы метать свою икру. У людей это стремленіе проявляется, конечно, въ болѣе сложныхъ и утонченныхъ формахъ. Хорошо описываетъ это стремленіе Мечниковъ. По его словамъ, молодая дѣвушка чувствуетъ себя несчастной, но не въ состояніи отдать себѣ отчета въ причинѣ этого чувства. Она становится нервной, неровной, груститъ, чувствуетъ себя не по себѣ. Она часто вздыхаетъ и плачетъ безъ всякой видимой причины. Иногда у нея развивается наклонность къ одиночеству и религіознымъ мечтаніямъ или къ преувеличеннымъ выраженіямъ любви и дружбы. Общая картина этихъ чувствъ, поразительно изображенная нѣкоторыми писателями, есть не что иное, какъ предвѣстникъ половой зрѣлости.

Періодъ этотъ иногда очень продолжителенъ и бываетъ сопряженъ со многими невзгодами. У животныхъ онъ далеко не такъ длиненъ и серьезенъ. Къ счастью, у человѣка, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, онъ проходитъ и ведетъ къ правильному супружеству и материнству. Тогда женщина чувствуетъ себя уравновѣшенной и даетъ себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно заключается цѣль ея жизни.

Когда Анна Каренина Толстого, несчастная въ супружествѣ, думала о своемъ сынѣ, то она успокаивалась мыслью, что у нея есть цѣль жизни.

Къ несчастью, много женщинъ не достигаютъ этой цѣли; тогда онѣ часто становятся несчастными, мрачными и считаютъ свою жизнь разбитой.

Давъ жизнь дѣтямъ, люди заботятся и о возможно лучшемъ обученіи и воспитаніи своихъ дѣтей и внуковъ, о развитіи ихъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; борятся съ дурными задатками дѣтей и развиваютъ хорошіе. Но мы знаемъ, что у многихъ людей заботы о другихъ не ограничиваются только предѣлами своего потомства. На извѣстной ступени люди, интересовавшіеся прежде только вопросами личнаго самосовершенствованія да

воспитанія дѣтей, приходятъ къ сознательному стремленію содѣйствовать и развитію общества. Такъ бываетъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, и въ исторіи интеллигенціи. У насъ, напримѣръ, изъ людей 40-хъ годовъ Станкевичъ всю свою, правда, короткую жизнь отдалъ на разрѣшеніе вопросовъ, связанныхъ только съ личнымъ развитіемъ, а пережившіе его Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Огаревъ и другіе отъ вопросовъ личнаго самоусовершенствованія перешли къ рѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ сознательными стремленіями къ общественному развитію. Тѣ же стремленія (и въ сознательной формѣ) проявляются и въ томъ, что мы, по мѣрѣ силъ, готовы содѣйствовать развитію какихъ-нибудь общественныхъ учрежденій и т. п., и еще въ той, напримѣръ, оцѣнкѣ, какую мы даемъ историческимъ дѣятелямъ. Почему мы даемъ высокую оцѣнку Моисею, Архимеду, Ньютону, Бэкону, Коменскому, Ломоносову, Песталоцци, Фарадею, Пастеру, дѣятелямъ французскаго конвента и проч.? Единственно потому, что они стремились и много сдѣлали для развитія человѣчества. Вотъ какъ, напримѣръ, Викторъ Гюго характеризуетъ конвентъ. «Конвентъ — это своего рода Гималай. Въ конвентѣ толпились и сражались истинные бойцы, отошедшіе теперь въ область тѣней. Въ то время онъ представлялъ грандіозное зрѣлище. Артисты, ораторы, люди-колоссы, какъ Дантонъ, люди-младенцы, какъ Клоцъ, гладіаторы и философы — *всѣ стремились къ одной цѣли — прогрессу*». По той же причинѣ мы цѣнимъ высоко и древнюю Грецію, и древній Римъ, и другіе народы, содѣйствовавшіе развитію человѣчества, и цѣнимъ ихъ ровно настолько, насколько было велико ихъ стремленіе и ихъ роль въ общемъ развитіи человѣчества.

Почему, наконецъ, такой ужасной, вселяющей полнѣйшее отчаяніе, кажется каждому изъ насъ мысль о томъ, что въ будущемъ возможна пріостановка развитія и вырожденіе всего живого. Мы миримся съ гибелью одного индивида, одной какой-нибудь расы; но мысль о гибели всего прогресса, безъ всякаго слѣда, безъ всякаго воспоминанія о его результатахъ, для насъ была бы невыносима.

И если что миритъ насъ съ неизбѣжностью смерти на землѣ, то это вѣра въ то, что наша жизнь, какъ бы скромна она ни была, не останется безслѣдной для развитія человѣчества, что въ развитіи рода будетъ и наша капля меду. И кто изъ насъ не подписался бы подъ словами Фихте: «Нѣтъ, не оставляй насъ, утѣшительная мысль, что каждая изъ нашихъ работъ и каждое изъ нашихъ страданій доставитъ человѣчеству новое совершенство и новое наслажденіе, что мы для него работаемъ и не напрасно работаемъ»... Самыя скромныя способности, самый скромный трудъ не мѣшаетъ намъ утѣшать себя вмѣстѣ съ Фихте этою вѣрою, и, сознавая свое собственное несовершенство, связывать съ нею всѣ свои стремленія и на-

дежды. Когда-то, какой-то дьячокъ заинтересовалъ Ломоносова ученьемъ, и изъ его ученика вышелъ первый геніальный русскій ученый, положившій начало русской наукѣ. Какая-то популярная книжка по физикѣ мало извѣстной дѣтской писательницы заинтересовала Фарадея, заставила его учиться и дѣлать опыты, и онъ затѣмъ создалъ цѣлую эру въ области электричества и промышленности. Дарвинъ пользовался матеріалами и идеями, которые доставили ему тысячи другихъ, нерѣдко совсѣмъ неизвѣстныхъ людей, жившихъ одновременно съ нимъ или раньше его. Ту огромную прогрессивную роль, какую сыграли Грецiя, Римъ, эпоха Возрожденія, Великая французская революція и т. п., выполнили не единицы, а тысячи и милліоны людей и великихъ, и малыхъ, работавшихъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности.

И если, какъ мы сказали выше, человѣкъ является строителемъ самого себя, если мы, развиваясь, творимъ себя, то также вѣрно и то, что мы творимъ будущее, какъ въ лицѣ поколѣній, идущихъ намъ на смѣну, такъ и въ смыслѣ развитія культуры. Если стремленіе къ личному развитію есть стремленіе къ творчеству самого себя, то стремленіе къ развитію расы есть стремленіе къ творчеству будущаго.

Изъ сказаннаго въ этой главѣ явствуетъ, что мы получили по наслѣдству отъ предковъ не только опредѣленные инстинкты, рефлексы, наклонности и т. п., но еще гораздо болѣе общее — проникающее весь организмъ стремленіе къ развитію, присущее каждому инстинкту, каждому органу, каждой клѣткѣ и т. п.

Стремленіе къ развитію, проявляющееся раньше сознанія и личнаго опыта, само по себѣ безсознательно и дано намъ съ перваго же момента нашей жизни еще въ зародышевой клѣткѣ. Но явленія развитія могутъ доходить до нашего сознанія, представленія объ этихъ актахъ развитія могутъ сочетаться другъ съ другомъ посредствомъ ассоціацій. Личный нашъ опытъ въ этомъ направленіи, а также опытъ другихъ людей, когда онъ становится намъ извѣстенъ, можетъ довести насъ до вполнѣ сознательнаго стремленія къ развитію, и мы тогда способны сознательно вмѣшиваться въ свое развитіе, выбирать одни изъ его путей и отвергать другіе и вообще руководить имъ при помощи своего разума. И мы знаемъ, что развитой юноша и взрослый человѣкъ могутъ до извѣстной степени руководить своими стремленіями къ развитію. Они пользуются для этого своимъ жизненнымъ опытомъ, опытомъ другихъ людей, своимъ разумомъ и своими идеалами. Но мы знаемъ также и то, что даже на этой высокой ступени развитія власть нашего сознанія далеко не безгранична. Какъ часто взрослый и развитой человѣкъ ловитъ себя на такихъ дѣйствіяхъ, которыя совершаются слѣпо, безъ выбора и безъ контроля разума, какъ вполнѣ безсознательные акты. Тѣмъ болѣе ничтожна власть разума на низшихъ ступеняхъ развитія, у маленькаго

ребенка, гдѣ не можетъ быть и рѣчи ни о возвышенныхъ идеалахъ, ни о большомъ накопленномъ опытѣ, ни объ изощренномъ разумѣ.

Естественно возникаетъ вопросъ: что служитъ руководителемъ стремленія къ развитію въ этомъ случаѣ? Мы думаемъ, что путеводителемъ здѣсь являются чувства удовольствія и страданія. Представленія о фактахъ нашего личнаго развитія окрашиваются либо пріятными чувствами, если развитіе идетъ безъ помѣхъ, или непріятными чувствами, если на этомъ пути встрѣчаются препятствія. Назначеніе этихъ чувствъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы показать, что нужно и полезно для нашего развитія и что вредно для него. Эти чувства руководятъ и крошечнымъ ребенкомъ, когда еще онъ не можетъ положиться на свой разумъ (извѣстно, что первыя слова ребенка выражаютъ не понятія, а чувства и желанія). Тѣ же чувства помогаютъ и взрослому человѣку въ его стремленіи къ развитію. Удовольствіе или наслажденіе и страданіе или боль— это компасъ (правда, какъ и все въ природѣ современнаго человѣка, далеко еще несовершенный), указывающій намъ путь къ развитію физическому, моральному и умственному. Если какой-нибудь изъ нашихъ поступковъ или состояній сопровождается пріятными чувствами, то при нормальномъ порядкѣ вещей эти чувства являются свидѣтельствомъ того, что этотъ поступокъ или это состояніе правильно ведутъ къ поступательному развитію. Чувства же непріятныя являются для насъ предостереженіемъ. Они говорятъ намъ: остановись: это мѣшаетъ прогрессивному развитію.

Мы испытываемъ удовольствіе, когда дышимъ чистымъ воздухомъ, ѣдимъ вкусную, питательную и удобоваримую пищу, предоставляемъ своимъ мускуламъ необходимое для ихъ развитія движеніе, а для ума—новыя впечатлѣнія, когда дѣлаемъ дѣло, согласное съ нашею совѣстью, когда отдаемся семейнымъ радостямъ, но все это необходимыя условія для развитія либо индивида, либо рода. И, наоборотъ, мы испытываемъ страданія, когда дышимъ воздухомъ, наполненнымъ пылью, окисью углерода или углекислотой, когда мы голодны или вынуждены ѣсть невкусную, непитательную и неудобоваримую пищу, когда наши мышцы лишены необходимыхъ движеній или же, наоборотъ, переутомлены, когда мозгъ совсѣмъ не получаетъ новыхъ впечатлѣній, или, наоборотъ, слишкомъ переутомленъ или когда всѣ наши дѣла возмущаютъ нашу совѣсть, когда мы лишаемся семьи и т. д.; но все это условія, мѣшающія развитію либо насъ самихъ, либо нашего рода.

Если, напримѣръ, удовольствіе связано съ дѣятельностью (не слишкомъ утомительной) каждой нашей способности въ моментъ ея пробужденія и каждаго органа, то это потому, что такая дѣятельность содѣйствуетъ развитію этихъ способностей и этихъ органовъ. Хорошо извѣстно, что мускулы, ли-

шенные движенія, болѣютъ и атрофируются. У животныхъ, попадающихъ въ абсолютную темноту и принужденныхъ тамъ жить долгое время, слабѣетъ зрѣніе. То же самое можно сказать и о всякомъ другомъ органѣ. Разсказываютъ про одного слѣпого, который очень любилъ сидѣть въ темной комнатѣ въ такомъ положеніи, чтобы солнечные лучи, входя въ какое-нибудь маленькое отверстіе, прямо падали на его слѣпые глаза. Очевидно, что сохранившаяся способность различать рѣзкій свѣтъ отъ тѣни требовала упражненія, благодаря чему, быть-можетъ, развивалась. Понятно, почему намъ доставляетъ удовольствіе слушать музыку, которая развиваетъ нашъ слухъ и эстетическія чувства, почему мы наслаждаемся красивыми видами природы, скульптурою и картинами, которыя развиваютъ наше зрѣніе, художественный вкусъ и эмоціи, почему многіе такъ любятъ игры въ крокетъ, лапту, а также охоту, что развиваетъ ихъ мышцы, вѣрность глаза и т. п. Я не говорю уже о томъ, что все это вмѣстѣ развиваетъ вниманіе, сообразительность, память и проч.

Достаточно назвать имена Архимеда, Ньютона, Эдисона, изъ русскихъ—Ломоносова, чтобы судить о томъ, какъ велико можетъ быть счастье, доставляемое умственнымъ трудомъ. Но и каждый изъ насъ испытываетъ наслажденіе, иногда очень большое, погружаясь въ умственную работу, когда состояніе мозга этого требуетъ, и это опять-таки потому, что такая работа необходима для умственнаго развитія. Педагоги часто говорятъ объ интересѣ ученія; но интересъ — это и есть то чувство удовольствія, которое испытываетъ ребенокъ, если данный предметъ находится въ соотвѣтствіи съ его стремленіемъ къ развитію. Отсюда слѣдуетъ, что всякій предметъ можетъ быть и интереснымъ и скучнымъ. То, что привлекаетъ одного ребенка, совсѣмъ не интересуетъ другого. То, что интересуетъ его сегодня, можетъ показаться ему скучнымъ черезъ недѣлю, и наоборотъ. Предметъ, не соотвѣтствующій данному стремленію ребенка къ развитію, не интересенъ. Приведите его въ соотвѣтствіе съ этимъ стремленіемъ, и онъ станетъ привлекательнымъ.

Понятно, почему при благопріятныхъ условіяхъ доставляетъ юношѣ большое удовольствіе чтеніе, бесѣда, споръ, общество и проч. Намъ скажутъ, что есть люди, которымъ доставляетъ большое удовольствіе сидѣть, сложа руки. Но не нужно много наблюдательности, чтобы видѣть, какъ одни изъ такихъ людей предоставляютъ при этомъ волю своему воображенію, мечтаютъ, строятъ воздушные замки и, стало-быть, тоже развиваютъ одну изъ своихъ душевныхъ способностей, какъ другіе погружены въ воспоминанія, производятъ оцѣнку своимъ поступкамъ, ищутъ сдѣланныхъ ошибокъ и проч., какъ третьи погружены въ созерцаніе красоты неба, моря, горъ и проч., и какъ все это содѣйствуетъ развитію тѣхъ или другихъ способностей. Съ

другой стороны, хорошо извѣстно, что люди, лишенные движенія, испытываютъ большія страданія, равно какъ и тѣ, кто лишенъ новыхъ впечатлѣній. Когда политическихъ арестантовъ лишаютъ чтенія, они испытываютъ одно изъ мучительныхъ состояній. Вообще лишеніе всего, что необходимо для развитія всѣхъ нашихъ способностей, всѣхъ нашихъ органовъ и нашихъ тканей, всякая остановка въ развитіи причиняетъ страданія. И чѣмъ сильнѣе тормозы, встрѣчающіеся намъ на пути къ нашему развитію, чѣмъ больше остановокъ на этой дорогѣ, тѣмъ сильнѣе наши страданія; и наоборотъ: чѣмъ успѣшнѣе и глаже, безъ помѣхъ и препонъ, идетъ наше развитіе, чѣмъ оно болѣе разносторонне, тѣмъ больше счастья испытываемъ мы.

Удовольствіе, радость, наслажденіе и вообще пріятныя чувства сопровождаютъ наше развитіе и имѣютъ цѣлью удержать и сохранить тѣ состоянія, которыя содѣйствуютъ развитію.

Страданіе, горе и вообще непріятныя чувства угнетенія, подавленности и т. п. заставляютъ насъ избѣгать, удалять отъ себя, защищать себя отъ состояній, мѣшающихъ развитію. «Страданіе (скажемъ словами философа и поэта) говоритъ: пройди! а радость хочетъ вѣчности»...

Радость и удовольствіе — это приманка, которая зоветъ насъ къ дѣйствіямъ, способствующимъ развитію; а непріятныя чувства заставляютъ насъ воздерживаться отъ дѣйствій, вредныхъ для развитія.

Удовольствіе — это знакъ и выраженіе развитія; боль — это символъ и выраженіе регресса.

Выходитъ, что удовольствіе и страданіе — это баллы, которые ставитъ намъ природа за каждое изъ нашихъ движеній. Баллы эти, какъ и въ школахъ, двухъ родовъ: одни выражаютъ похвалу, а другіе—порицаніе. Правда, что несовершенная, хотя и совершенствующаяся человѣческая природа нерѣдко ошибается, какъ еще чаще ошибаются и экзаминаторы. Природа ставитъ хорошій баллъ и даритъ иногда наслажденіемъ за выкуренную сигару, выпитый стаканъ водки, украденныя деньги, за половой развратъ; эти ошибки прискорбны, надо ихъ исправлять путемъ сознательныхъ усилій при полномъ освѣщеніи со стороны разума и науки; но все же это исключенія, лишь подтверждающія общее правило. А общее правило въ томъ, что наслажденіе и страданіе, быть-можетъ, недостаточно быстро, недостаточно прямо, съ большимъ количествомъ уклоненій влѣво и вправо, и назадъ, но все же вели сначала животный міръ до человѣка, а затѣмъ самого человѣка впередъ, по пути прогресса. И правъ былъ Ницше, когда утверждалъ, что счастливые бываютъ лучшими людьми, чѣмъ несчастные, что счастливые не знаютъ ни зависти, ни ненависти, ни отвращенія.

Чувства наши не только являются показателями того, что нужно и что вредно для нашего развитія, но они сами непосредственно либо помогаютъ развитію, либо вредятъ ему.

Я писалъ уже въ другомъ мѣстѣ о томъ, что мы привыкли называть одни настроенія и чувства пріятными, бодрящими, веселящими, жизнерадостными, оживляющими, а другія — мертвящими, разслабляющими, угнетающими, ледянящими. И дѣйствительно, одни изъ нашихъ чувствъ, какъ, напримѣръ, восторгъ, радость, надежда, повышаютъ жизнедѣятельность нашего организма, энергію его, усиливаютъ работоспособность, возбуждаютъ волю. Не даромъ Кольцовъ говоритъ: «Съ радости, веселья хмелемъ кудри вьются... Ихъ не гребень чешетъ— золотая доля... Во время да впору медомъ рѣки льются и съ утра до ночи пѣсенки поются». Пушкинъ называетъ радость «солнцемъ жизни».

Моссо и Лейманъ экспериментально показали, что подъ вліяніемъ радости является разслабленіе лежащихъ на поверхности сосудовъ, вслѣдствіе чего появляется здоровый румянецъ на лицѣ, увеличивается объемъ мышцъ вслѣдствіе наполненія ихъ кровью, умѣренно возбуждается дѣятельность сердца [1]), дыханіе, энергія мышцъ, усиливается обмѣнъ веществъ и впечатлительность на внутреннія побужденія, напримѣръ, усиливается аппетитъ и т. п. Паре говоритъ, что веселые люди всегда выздоравливаютъ. Если бы вмѣсто слова «всегда» онъ поставилъ «чаще», онъ былъ бы безусловно правъ. Не даромъ врачи всегда стараются поднять настроеніе больного, отвлечь его вниманіе отъ болѣзненныхъ признаковъ, ободрить его, успокоить.

Если мы отъ физіологіи перейдемъ къ самой жизни, то здѣсь громадное значеніе чувствъ удовольствія и радости давно уже стало общепризнаннымъ явленіемъ. Если какой-нибудь поступокъ вызываетъ въ ребенкѣ радость, то въ 90 случаяхъ изъ 100 можно утвердительно сказать, что это дѣло служитъ прогрессивному развитію самого ребенка. Если рѣчь идетъ о взрослomъ, то здѣсь кромѣ личнаго развитія можетъ играть роль еще развитіе рода, благо общества, великодушныя идеи и т. п.

И, быть-можетъ, правъ г. Викторовъ, когда онъ говоритъ, что «никогда мы не отдаемъ и физіологически не можемъ отдать предпочтенія непріятно окрашенному самочувствію. Вотъ почему и самое наше служеніе и самая наша гибель во имя идеи не можетъ совершиться иначе какъ посредствомъ пріятной апноэтической волны, хотя бы эта волна и грозила поглотить нашу тѣлесную индивидуальность». Еще апостолъ Павелъ говорилъ, что отъ насъ зависитъ либо самимъ сдѣлаться рабами тѣла, либо, напротивъ того, превратить тѣло въ своего послушнаго раба и сотрудника. Но надо прибавить, что глав-

---

1) Не даромъ такъ часто говорятъ: „сердце прыгаетъ отъ радости“.

нымъ рычагомъ въ этой власти надъ тѣломъ является бодрое настроеніе. И когда бодрое настроеніе охватываетъ всю страну, послѣдняя даетъ великихъ писателей, общественныхъ дѣятелей, художниковъ, въ ней совершаются великія прогрессивныя реформы, какъ это было во время Перикла и Сократа въ Греціи, какъ это было у насъ въ періодъ отъ 50 до 70-хъ годовъ. И правъ былъ Ницше, говоря: «Когда сердце ваше бьется широко и полно, какъ бурный потокъ, зарождается добродѣтель ваша». Непріятныя чувства, какъ, напримѣръ, страхъ, недовольство, горе, скорбь, отчаяніе, уныніе и проч. угнетаютъ насъ, разслабляютъ умъ, память, парализуютъ волю, ослабляютъ жизнедѣятельность нашего организма, понижаютъ нашу работоспособность, дѣйствуютъ на кровообращеніе и дыханіе и при сильномъ развитіи могутъ оказать крайне вредное вліяніе на наше здоровье. Хорошо извѣстны выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Страхъ, какъ желѣзными тисками, сжалъ сердце». «Сердце замираетъ отъ тоски; дрожитъ отъ страха», или: «Твои рѣчи будто острый ножъ: отъ нихъ сердце разрывается» (Лермонтовъ) или: «Глубокій вздохъ — это молчаливый стонъ нравственнаго страданія». Пророкъ говоритъ, что отъ нравственнаго страданія его «сила изсохла» и онъ «превратился въ трость, колеблемую вѣтромъ». Всѣ эти выраженія нельзя разсматривать, какъ простыя сравненія; въ нихъ заключается реальная истина: можно замучить человѣка, не трогая его тѣла, а дѣйствуя исключительно на его душу.

Мерчисонъ утверждаетъ, что угнетающее настроеніе нарушаетъ процессъ кровотворенія. Иммерманъ говоритъ, что угнетающія и сильныя душевныя потрясенія развиваютъ малокровіе. Извѣстно также, что подавленное настроеніе вредно отзывается на дыханіи, вслѣдствіе чего быстро наступаетъ недостатокъ кислорода въ крови, кислородный голодъ и частые вздохи. Если же угнетенное настроеніе продолжается долго, то ослабѣваетъ самъ дыхательный аппаратъ и могутъ легче развиться болѣзни въ родѣ чахотки (Леннекъ). Манасеинъ разсказываетъ объ одномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ подъ вліяніемъ мрачнаго режима царило угнетенное настроеніе и гдѣ у всѣхъ монахинь по прошествіи одного или двухъ мѣсяцевъ жизни въ монастырѣ исчезали регулы, а затѣмъ развивалась чахотка. Извѣстно, что подъ вліяніемъ угнетающаго настроенія пропадаетъ аппетитъ, уменьшается выдѣленіе желудочнаго сока, движеніе желудка и кишекъ замедляется и т. д. Чертонъ приводитъ случай, когда подъ вліяніемъ горя и безпокойства развивалась полнѣйшая лысина, которая уменьшалась, когда дѣла принимали благопріятный оборотъ. Психопатологія полна примѣрами, какъ огорченія, испугъ, горе, несчастье вызывали афазію, неврастенію, истерію, падучую, Базедову болѣзнь и т. п. По мнѣнію Штерринга, навязчивыя представленія въ нормальной жизни точно такъ же, какъ и патологиче-

скія навязчивыя идеи, зависятъ отъ эмоціональныхъ факторовъ. Бредовыя сужденія, а именно, идей преслѣдованія, обусловливаются точно такъ же извѣстнымъ настроеніемъ (подозрительности). Психіатръ Гризингеръ, на основаніи многочисленныхъ данныхъ, пришелъ къ выводу, что психическія причины составляютъ самые частые и обильные источники умопомѣшательства. Многочисленныя наблюденія доказали, что подавленное настроеніе является самымъ опаснымъ во время эпидемій: страхъ и горе, ослабляя организмъ, лишаютъ его силъ для самозащиты. Особенно вредно вліяніе страха. А такъ какъ русская школа и русская семья — послѣдняя особенно, въ некультурной средѣ — грѣшатъ въ этомъ отношеніи, быть-можетъ, больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ, то на этомъ вопросѣ стоитъ остановиться подробнѣе. Страхъ, — писалъ я въ другомъ мѣстѣ, — это чувство крайняго угнетенія и страданія; это — анемія мозга. Страхъ подавляетъ всякую душевную и физическую дѣятельность. Страхъ истощаетъ силы и приводитъ къ физическому изнеможенію и изнуренію. Отъ страха человѣкъ теряетъ и сообразительность и память. Въ крайнихъ своихъ формахъ онъ можетъ повести къ серьезнымъ разстройствамъ.

Достаточно присмотрѣться къ внѣшнимъ выраженіямъ страха, чтобы понять, какъ разрушительно дѣйствуетъ это чувство. Страхъ производитъ блѣдность лица, спазмодическое суженіе сосудовъ, ознобъ; сильный страхъ можетъ даже парализовать дѣятельность сердца и вызвать внезапную смерть. Подъ вліяніемъ этого чувства выступаетъ холодный потъ, по тѣлу бѣгаютъ мурашки, дыханіе спирается, чувствуется стѣсненіе въ груди, сжатіе въ горлѣ, во рту ощущается сухость, языкъ прилипаетъ къ нёбу, голосъ дѣлается хриплымъ, надтреснутымъ или же совсѣмъ пропадаетъ, движенія ослабляются, появляется конвульсивная дрожь, дрожатъ руки, ноги, можетъ явиться полный параличъ членовъ. Человѣкъ, бѣгущій отъ преслѣдованія, опускаетъ голову, какъ бы прячется, а въ случаѣ особенно сильнаго страха можетъ упасть на землю, какъ парализованный. Не даромъ и въ простомъ разговорѣ мы привыкли употреблять выраженія въ родѣ слѣдующихъ: каменѣетъ отъ ужаса, парализованъ страхомъ, прикованъ къ полу, онѣмѣлъ отъ ужаса. Извѣстно, что страхъ парализуетъ и движенія животныхъ. По словамъ Моссо, лошади при встрѣчѣ съ тигромъ неспособны къ бѣгству; сильно испуганныя обезьяны не могутъ держаться на ногахъ. Морской левъ, застигнутый на берегу, теряется и не въ силахъ защищаться.

Врачи утверждаютъ, что страхъ является одною изъ причинъ дѣтской истеріи. Даже самыя легкія тѣлесныя наказанія, связанныя либо съ испугомъ, либо съ ожиданіемъ наказанія, нерѣдко настолько потрясаютъ нервную систему, что въ результатѣ получаются истерическіе припадки. Въ тѣхъ шко-

лахъ, гдѣ часто прибѣгаютъ къ мѣрамъ, разсчитаннымъ на чувство страха, господствуетъ подавленное, угнетенное настроеніе, отсутствіе жизнерадостности, а это нерѣдко влечетъ за собою тяжелыя нервныя страданія, напримѣръ, ту же истерію.

Хэкъ Тьюкъ находитъ, что страхъ порождаетъ слѣдующія болѣзни: судороги родильницъ, истерію, дрожательный параличъ, хорею, икоту, судорожный смѣхъ, каталепсію, общій параличъ, афазію, параличъ лицевого нерва, разрывъ сосудовъ головного мозга и легочныхъ сосудовъ, кровавый потъ, нервный кашель, пораженіе пищевода, желудка, кишекъ. По словамъ Моссо, «существуютъ люди, которые подъ вліяніемъ страха лишались зрѣнія или дара слова; другіе, болѣе чувствительные, остаются долгое время парализованными; третьи, лишившись на долгое время сна, впадаютъ въ состояніе экзальтаціи, близкой къ помѣшательству, теряютъ аппетитъ; нѣкоторые поражались страданіями сочлененій или сильной лихорадкой, появляющейся послѣ рѣзкаго потрясенія нервной системы. По мнѣнію Ланге, изъ всѣхъ эмоцій страхъ есть именно та, которая чаще всего вызываетъ особыя явленія или болѣзненныя состоянія, которыя бываютъ или вовсе неизлѣчимы или требуютъ очень продолжительнаго лѣченія.

А сколько глупыхъ, нецѣлесообразныхъ поступковъ вызываетъ страхъ. Извѣстно, что во время пожара театра большая часть людей погибаетъ отъ безсмысленнаго паническаго бѣгства, нерѣдко сопровождаемаго самыми нелѣпыми выходками.

Въ сферѣ нравственности страхъ производитъ, можно сказать, полное опустошеніе. Еще поэтъ А. Толстой въ своемъ стихотвореніи «Сонъ Попова» сказалъ: «Какъ въ страхѣ люди гадки: начнетъ, какъ Богъ, а кончитъ, какъ свинья»...

Римляне, хорошо знавшіе человѣческое сердце, устроили храмъ въ честь страха, гдѣ страхъ былъ богомъ, а священники приносили ему жертвы. И одному писателю греческій тиранъ казался богомъ страха, дворецъ — храмомъ, придворные — священниками, а въ жертву приносились свобода, чистота нравовъ, справедливость и честь.

Итакъ, умѣренныя чувства удовольствія и радости являются въ огромномъ большинствѣ случаевъ показателями прогрессивнаго развитія нормальнаго ребенка, и сами, въ свою очередь, содѣйствуютъ этому развитію, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, а чувства страданія, боли, страха и т. п. служатъ показателями вреднаго для развитія ребенка и сами при продолжительномъ или слишкомъ интенсивномъ дѣйствіи вредятъ развитію, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ силъ ребенка. Но если чувство удовольствія и радости сопровождаетъ то, что содѣйствуетъ развитію ребенка, а чувство страданія и угнетенія то, что мѣшаетъ развитію, значитъ воспитатель долженъ стремиться къ тому, чтобы ученіе и воспитаніе

было для ребенка радостью и удовольствіемъ, а не скукою и страданіемъ.

Учителя школъ не должны были бы игнорировать этого правила и въ видахъ успѣшности обученія и еще болѣе въ видахъ воспитанія. Если дѣти были чѣмъ-нибудь огорчены и плакали, они на цѣлый день становятся разсѣянны, невнимательны, неспособны къ серьезнымъ учебнымъ занятіямъ. Замѣчено также, что плаксивыя дѣти хуже развиваются въ умственномъ отношеніи, чѣмъ дѣти спокойныя. Веселое расположеніе духа—одно изъ самыхъ существенныхъ условій хорошаго обученія. Вотъ почему въ школахъ, гдѣ учитель поддерживаетъ бодрое настроеніе духа, почти всегда дѣти оказываютъ прекрасные успѣхи; и, наоборотъ, тамъ, гдѣ царятъ фельдфебельскіе порядки, гдѣ господствуетъ гнетущее настроеніе, мертвящая дисциплина, успѣхи оказываются плохими и умственное развитіе дѣтей замедляется. Таково значеніе настроенія въ дѣлѣ успѣшности обученія. Но мы не должны быть настолько близоруки, чтобы всѣ задачи школы и учителя ограничивать одними успѣхами въ обученіи. Школа не только учитъ, она по мѣрѣ своихъ силъ еще и воспитываетъ. А задача воспитанія — это выпустить въ жизнь бодрыхъ, работоспособныхъ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, съ вѣрою въ свои силы, съ желаніемъ работать, съ надеждою на лучшее будущее.

Мы знаемъ, что такой взглядъ на природу и воспитаніе ребенка стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ пережитками, идущими отъ тѣхъ временъ, когда человѣческая природа трактовалась, какъ что-то безусловно грѣховное, а всѣ радости жизни предавались проклятію [1]). Извѣстно также, что школа и воспитаніе широкихъ народныхъ массъ и до сихъ поръ еще сохранили въ значительной степени тотъ духъ, какой внесли туда когда-то пессимистическія воззрѣнія на человѣческую природу. Школа и теперь еще не радость и счастье дѣтской жизни, какою она должна быть, а угнетеніе, скука, и нерѣдко страхъ наказанія, и горе, и слезы дѣтей. И теперь еще въ ней гораздо больше труда подневольнаго, чѣмъ добровольнаго; и теперь еще она кормитъ тою или другою духовною пищею не тогда, когда у дѣтей пробуждается аппетитъ, а тогда, когда это предписывается откуда-то извнѣ. И теперь еще она пользуется не внутреннимъ интересомъ ребенка, вытекающимъ изъ его стремленія къ развитію, а страхомъ экзамена, дурного балла, на-

---

[1]) Новая педагогика, какъ мы старались показать выше, стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Вмѣсто аскетизма она провозглашаетъ довѣріе къ нормальнымъ стремленіямъ ребенка и вмѣсто воздержанія—удовлетвореніе этихъ стремленій. Эту мысль выразилъ англійскій поэтъ въ слѣдующихъ словахъ: „Воздержаніе превращаетъ все въ пустыню—крѣпкіе члены и блестящіе волосы; но удовлетворенное желаніе взращиваетъ плоды жизни и вызываетъ красоту“.

казанія, оставленія въ томъ же классѣ, исключенія и тому подобными чисто внѣшними побужденіями. И сейчасъ еще былъ бы понятенъ тотъ талантливый критикъ, который когда-то сравнивалъ нашу школу съ «Мертвымъ домомъ» Достоевскаго.

Хорошо извѣстно, въ какой ужасающей прогрессіи увеличивается число больныхъ въ нашей средней школѣ, по мѣрѣ восхожденія отъ младшихъ къ старшимъ классамъ. И вполнѣ справедливо многіе объясняютъ это явленіе, главнымъ образомъ, тѣмъ состояніемъ угнетенія, какое стало обычнымъ для учениковъ средней школы. Непосильность предъявляемыхъ имъ требованій, переутомленіе, баллы, экзамены, наказанія и другія непріятныя послѣдствія недостаточно хорошо приготовленныхъ уроковъ, бездушный формализмъ, отсутствіе заботъ о томъ, чтобы заинтересовать дѣтей самымъ предметомъ обученія, — вотъ что создаетъ ту нездоровую, угнетающую атмосферу нашихъ среднихъ школъ, которая составляетъ едва ли не самое главное зло нашей современной педагогической практики. И во время урока и наканунѣ его, т.-е. во всѣ дни, кромѣ каникулъ и кануна праздниковъ, ребенокъ боится получить двойку. Предъ экзаменами и во время ихъ онъ боится, что его оставятъ на второй годъ. Онъ боится, что огорчитъ своими баллами родителей. Ему внушаетъ страхъ цѣлая лѣстница наказаній, которыя могутъ быть наложены на него и за несоблюденіе формы, за какую-нибудь нечаянно вырвавшуюся шалость, за забывчивость, за появленіе на улицѣ въ непоказанный часъ, за непонятый вопросъ учителя и т. д. И эта тревога, это безпокойство продолжается въ теченіе 8 и болѣе лѣтъ.

Наша офиціальная педагогія утвердила все обученіе и воспитаніе на балловой системѣ и лѣстницѣ наказаній до исключенія изъ учебнаго заведенія включительно, но и балловая система и система взысканій покоятся на томъ же чувствѣ страха. Какъ будто бы страхъ — это единственное нужное намъ чувство, и его культура составляетъ главную заботу учебныхъ заведеній. Мы не хотимъ обвинять учителей. Мы знаемъ, что не въ ихъ власти отмѣнить ту или другую изъ этихъ системъ. Они смягчаютъ насколько возможно послѣдствія; но они подчиненные люди, и не на ихъ совѣсти лежитъ грѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній. А этотъ грѣхъ очень великъ. Въ страдную пору экзаменовъ какъ часто газеты сообщаютъ о самоубійствахъ учащихся. Выстрѣлы, проглоченныя головки фосфорныхъ спичекъ, погибшія молодыя жизни, слезы матерей... вотъ какъ откликается жизнь на убогое творчество офиціальной педагогіи.

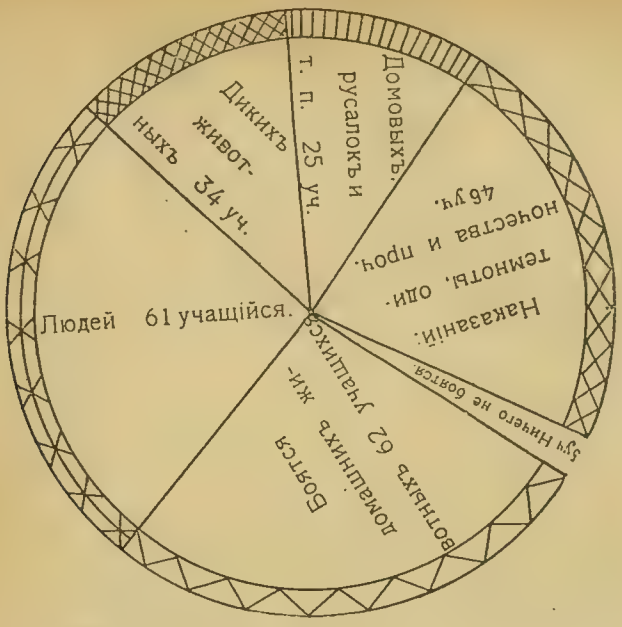
Пусть это исключительные случаи. Но какова та масса, какую выпускаютъ изъ школы? Естественно, что изъ нихъ выходятъ боязливые, робкіе люди, трепещущіе за свое существованіе, съ ослабленной энергіей, съ задержаннымъ разви-

тіемъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, съ равнодушіемъ, если не отвращеніемъ къ ученью и гимназическимъ предметамъ преподаванія. Откуда имъ взять любовь къ добру, къ правдѣ, когда все ихъ дѣтство и юность были наполнены страхомъ и ненавистью къ угнетателямъ. Откуда имъ взять бодрости, когда они привыкли только дрожать за завтрашній день, за переходный экзаменъ, за благополучное окончаніе курса. Едва вступая въ жизнь, большинство юношей уже чувствуютъ себя переутомленными. Объ этомъ школьномъ переутомленіи и его послѣдствіяхъ существуетъ богатѣйшая литература. Объ этомъ писали Генфильдъ Джонсъ, Джонсонъ, Жуффруа, Пуръ, Севеджъ, Гекъ Тюкъ, Самуэль Уйлксъ и мн. друг. И это переутомленіе не есть слѣдствіе количества занятій и напряженія мысли, а слѣдствіе, главнымъ образомъ, угнетеннаго настроенія, свойственнаго ученикамъ современной школы. Если школа, построенная на страхѣ, забиваетъ слабыхъ, то сильныхъ она калѣчитъ инымъ образомъ: болѣе сообразительные прибѣгаютъ къ хитрости и лицемѣрію, притворяясь послушными на глазахъ, но вознаграждая себя за спиною начальства; правдивыхъ же и искреннихъ эта система ожесточаетъ. Жестокость этой системы воспитанія еще рельефнѣе выступитъ передъ нами, если мы припомнимъ, что страхъ и безъ того едва ли не преобладающее чувство въ дѣтскомъ возрастѣ. Маленькій ребенокъ боится всего. Онъ плачетъ въ темной комнатѣ, онъ пугается сильныхъ звуковъ, напримѣръ, стука желѣзнодорожнаго поѣзда, лая собаки, онъ испытываетъ страхъ, появляясь въ незнакомой обстановкѣ, онъ боится людей, которыхъ встрѣчаетъ первый разъ. У Короленко есть дивное описаніе дѣтскаго страха предъ темнотою. У Пьера Лотти живописно обрисовано чувство ужаса, испытанное имъ самимъ, когда онъ ребенкомъ впервые увидалъ море. «Кто думаетъ о томъ, — говоритъ Мопассанъ, — что для нѣкоторыхъ школьниковъ несправедливое наказаніе, въ родѣ лишняго заданнаго урока, можетъ вызвать такое же болѣзненное страданіе, какъ у взрослаго смерть друга; кто предполагаетъ, что нѣкоторыя юныя существа испытываютъ изъ-за пустяковъ ужасныя волненія и остаются на всю жизнь людьми съ больной душой, не поддающейся лѣченью».

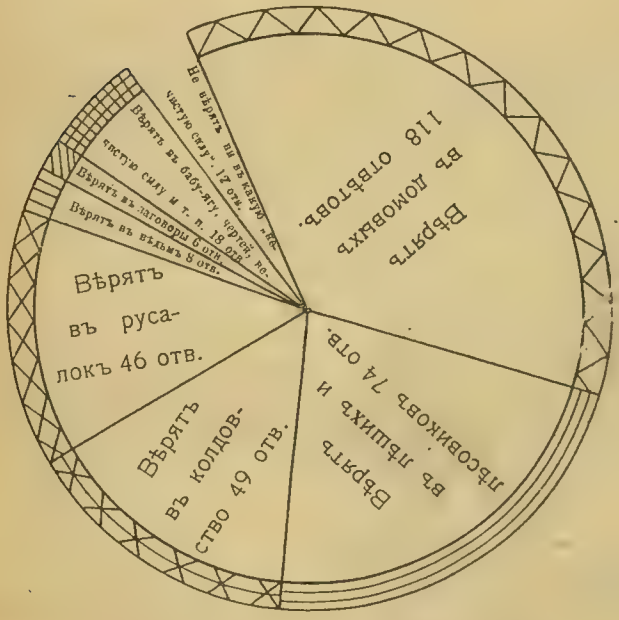
Если такъ говоритъ французскій писатель, то, что сказать о Россіи, гдѣ благодаря некультурности вся среда и сама семья являются источникомъ неизбывнаго страха. Изъ дѣтей некультурной среды самый незначительный процентъ вырастаетъ безъ тяжелыхъ наказаній. Тѣлесныя наказанія, изгнанныя изъ судебной практики, нашли прочное гнѣздо и упорно держатся въ необразованной средѣ. Нельзя болѣе наказывать тѣлесно преступника, но сколько угодно можно наказывать ребенка. При этомъ поражаетъ изобрѣтательность родителей въ дѣлѣ наказаній, разнообразіе орудій и способовъ тѣлеснаго воздѣйствія. Ремень,

Какимъ наказаніямъ подвергались дома ученики фабричной и сельской школъ. (См. выноску на 306 стр.).

Какимъ наказаніямъ подвергались дома ученицы фабричной школы.



Источники дѣтскаго страха. (См. выноску на 307 стр.).



Суевѣрія учащихся фабричной школы.

плетка, прутъ, розга, веревка, поясъ, крапива, кулакъ, кнутъ, дранье за уши и за волосы, битье по затылку, — все пускается въ ходъ, не говоря уже о наказаніи голодомъ, лишеніемъ свободы и проч. Очевидно, фантазія и мысль народная очень много и съ большимъ интересомъ работала надъ созданіемъ разныхъ видовъ наказаній, очевидно, считая ихъ лучшимъ, если не единственнымъ воспитательнымъ средствомъ. Но страхъ дѣтей далеко не исчерпывается этимъ перечнемъ наказаній. Дѣти изъ фабричной и деревенской среды боятся животныхъ и особенно собакъ и волковъ, которыми ихъ пугаютъ съ воспитательными цѣлями, когда хотятъ сломить ихъ волю. Впрочемъ, медвѣди, кошки, коровы, лошади, свиньи, левъ, змѣя и другія животныя также нерѣдко внушаютъ сильный страхъ дѣтямъ некультурныхъ семей, гдѣ грозятъ расшалившемуся ребенку, что его укуситъ тотъ или другой звѣрь. Дѣти боятся людей, начиная съ отца, особенно, если онъ пьянъ. Сильный страхъ испытываютъ дѣти при упоминаніи цыгана, урядника, татарина, негра и проч., которыхъ они, можетъ-быть, и никогда не видали, но боятся, потому что ихъ такимъ образомъ пугаютъ въ семьѣ. Они нерѣдко боятся темноты и одиночества, воды и лѣсу; и еще сильнѣе боятся созданныхъ народною фантазіею существъ и особенно домовыхъ, дюдюки, русалокъ, лѣшихъ и т. п.[1]). Глѣбъ Успенскій разсказываетъ о томъ, какъ интеллигентныя дѣти заимствовали у дѣтей деревни представленія объ адѣ и чортѣ

---

[1]) Въ тверскихъ фабричныхъ школахъ между другими вопросами мною былъ предложенъ дѣтямъ и вопросъ объ обычныхъ наказаніяхъ, которымъ они подвергались дома. Изъ *158* отвѣтовъ *147* мальчиковъ (*11* мальчиковъ назвали по 2 вида наказаній, а каждый такой отвѣтъ мы считали за *2*) только *7* отвѣтили, что ихъ не наказывали, *одинъ* отвѣтилъ, что вмѣсто наказаній получалъ только выговоры, и *одинъ* сказалъ, что его наказывали рѣдко; всѣ же остальные подвергались различнаго рода наказаніямъ: *31* мальчикъ отвѣчаютъ, что ихъ наказывали ремнемъ, *25*—бранили, *17*—били плеткой, *16*—прутомъ, *15*—розгами, *13*—веревкой, *7*—ставили въ уголъ, *5*—ставили на колѣни, *5*—драли за уши, *5*—не давали ѣсть, *2*—били поясомъ, *2*—не пускали гулять, *2*—запирали въ чуланъ, *1*—били фартукомъ, *1*—кулакомъ, *1*—крапивой по спинѣ, *1*—привязывали къ столу.

Изъ *63* дѣвочекъ не наказывали только *3*, а *13*—бранили, *11*—били прутомъ, *6*—плеткой, *4*—полотенцемъ, *4*—не давали ѣсть, *4*—драли за уши, *4*—били веревкой, *3*—ремнемъ, *3*—розгами, *2*—ставили въ уголъ, *2*—запирали въ чуланъ, *1*—ставили на колѣни, *1*—драли за волосы, *1*—били поясомъ, *1*—платкомъ по спинѣ.

Такой же опросъ по моей просьбѣ былъ произведенъ учащими Кузнечиковской сельской школы, при чемъ получились сходные результаты. Изъ *19* отвѣтовъ только *одинъ* свидѣтельствуетъ объ отсутствіи наказаній; а изъ остальныхъ *6* говорятъ о наказаніи прутомъ, *4*—веревкой, *3*—вѣникомъ, *2*—чѣмъ попадетъ, *1*—розгами, *1*—кнутомъ, *1*—о битьѣ по затылку.

О бранн, лишеніи свободы, колѣностояніи и проч. сельскія дѣти и не говорятъ, не считая такихъ пустяковъ за наказанія.

Какъ видимъ изъ предыдущаго, избавлено отъ наказаній менѣе 5% общаго числа дѣтей обоего пола; да и эти счастливцы въ большинствѣ случаевъ приходятся на болѣе культурныя семьи учителей, духовенства, медицинскаго персонала и т. п.

во всѣхъ подробностяхъ. «Деревенскій чортъ, — по словамъ Успенскаго, — былъ такое же дѣйствительно существующее лицо, какъ вотъ этотъ лавочникъ, или кузнецъ, или становой. Всѣ видѣли его собственными глазами: одного онъ схватилъ въ водѣ за ногу; другой наткнулся на него въ банѣ; третьяго онъ водилъ цѣлую ночь вокругъ болота и чуть не утопилъ; четвертый своими глазами видѣлъ, какъ чортъ ходилъ у него по крышѣ, и ростомъ былъ болѣе четырехъ саженъ. Разсказы обо всемъ этомъ отличались необыкновенною реальностью, а слѣдовательно неотразимо дѣйствовали на воображеніе. Чувство страха, почти паническаго передъ невѣдомымъ, таинственнымъ зломъ, было также однимъ изъ пріобрѣтеній, «позаимствованныхъ» у деревни».

Казалось бы, при такихъ условіяхъ нашей среды учителя должны были играть для запуганныхъ дѣтей ту благородную роль, какую въ пьесѣ Гауптмана «Ганнеле» игралъ учитель той школы, гдѣ училась эта забитая, измученная пьяницей Маттерномъ, дѣвочка Ганнеле. Наши учителя должны были бы ободрять и поддерживать во всѣ тяжелыя минуты своихъ учениковъ. Они должны были бы дѣлать все, чтобы дѣти считали жизнь источникомъ радости, а не страха и отвращенія; они должны были бы наполнить боязливый запуганный мозгъ дѣтей бодрыми, свѣтлыми образами, вѣрою въ свои силы и въ свое умѣнье; они должны были бы охранять ихъ отъ переутомленія и усталости, упадка духа, отъ отчаянія, отъ гнету-

---

Въ тѣхъ же фабричныхъ школахъ мною произведены были опросы учащихся о томъ, кого они больше всего боялись прежде и кого боятся теперь. Изъ 159 мальчиковъ только 5 показали, что они никого и ничего не боялись [не испытывали сильнаго страха] раньше и не боятся теперь. Всѣ же остальные отвѣтили, что они раньше боялись собакъ (*32* отв.), волковъ (*17* отв.), отца (*7*), цыганъ (*6*), домовыхъ (*6*), пожара (*6*), матери (*5*), татаръ (*5*), медвѣдя (*5*), темноты (*4*), грозы (*4*), покойниковъ (*4*), кошки (*4*), нищихъ (*4*), коровъ (*3*), доктора (*2*), дѣдушки (*2*), лошадей (*2*), разбойниковъ (*2*), дюдюки (*2*), русалокъ (*2*), лѣшихъ (*2*), разныхъ духовъ (*2*), по одному отвѣту: урядника, одиночества, ремня, вора, мужиковъ, няньки, плетки, вывороченной шубы, большихъ ребятъ, свиней, сторожа, трубочиста, пьяныхъ, негра, царя, больницы, войны, колдуновъ, козла, кабановъ, таракана, солдатъ, барана, горячей воды, лѣсу, „когда пугали“.

На вопросъ, кого или чего боятся они теперь, многіе мальчики поспѣшили заявить о своей смѣлости. Они говорили, что они ничего и никого теперь не боятся, „никого кромѣ Бога“... Такихъ отвѣтовъ было 41; но остальные все-таки признавались въ томъ, что они очень боятся отца (16 отв.), собакъ (14), матери (11), разбойниковъ (10), пожара (9), волка (9), худого (злого) человѣка (8), драки (5), вора (4), хищныхъ животныхъ, дикихъ звѣрей (4), медвѣдя (3), темноты (3), худыхъ дѣлъ (2), пьяныхъ (2), змѣи (2), купаться (2), и по одному отвѣту: льва, лѣшаго, „чтобъ не выгнали изъ школы“, экзамена, бѣшеныхъ животныхъ, грозы, ножа, розогъ, пьянаго отца, ѣздить по рѣкѣ, большихъ мальчиковъ, полицейскихъ, покойниковъ, мертвецовъ“.

Сопоставляя эти послѣдніе отвѣты съ данными о томъ, чего они боялись раньше, мы видимъ, что вліяніе школы и возраста благотворно отразились на уменьшеніи страха: число ничего не боявшихся увеличилось болѣе, нежели въ 8 разъ. Если допустить, что здѣсь играло нѣкоторую роль желаніе пори-

щаго настроенія, отъ всякой печали и всякаго горя; они должны помнить, что наши дѣти и безъ того видятъ такъ мало радости, что они и безъ того мало смѣются и много льютъ слезъ; они должны были бы походить на того мудреца, который на вопросъ, — далеко ли до города? — говорилъ: иди! И тогда дѣти будутъ дѣйствительно развиваться физически, умственно и нравственно въ силу того счастья и той радости, которыя доставляютъ ребенку его нормальное развитіе.

Какъ извѣстно, теперь даже дрессировщики собакъ считаютъ лучшимъ средствомъ ласку и утверждаютъ, что битая собака хуже поддается дрессировкѣ. Правда, дрессировщики не стѣснены ни программами, ни циркулярами, у нихъ нѣтъ ни выпускныхъ экзаменовъ, ни балловъ; они сами сочиняютъ и программы и методы дрессировки.

Если стремленіе къ наслажденію не только не противорѣчитъ, но при нормальныхъ условіяхъ является необходимой предпосылкой для осуществленія стремленія къ развитію, то и обратно: стремленіе къ развитію не только не противорѣчитъ стремленію къ наслажденію и счастью, но помогаетъ ему. Помощь эта, во-первыхъ, можетъ происходить и въ области безсознательнаго, когда каждый нашъ актъ, полезный въ смыслѣ развитія, природа отмѣчаетъ и награждаетъ наслажденіемъ и удовольствіемъ, а во-вторыхъ, эта помощь совершается и въ сознательной сферѣ: намъ пріятно сознавать успѣхи, сдѣланные нами въ нашемъ личномъ развитіи, и точно такъ же большое удовольствіе испытываемъ мы тогда, когда можемъ съ увѣрен-

---

соваться своей смѣлостью, то все же нельзя отрицать достовѣрности большинства отвѣтовъ. Затѣмъ уменьшилось число источниковъ страха (вмѣсто 49 категорій стало только 30). Далѣе: въ 12½ разъ уменьшилось число боящихся разнаго рода нечистой силы. (Вмѣсто 25 мальчиковъ, боявшихся ея раньше, теперь мы имѣемъ только 2). Источники страха стали болѣе реальными, соотвѣтствующими дѣйствительности. Теперь мы почти совсѣмъ не встрѣчаемъ, чтобы дѣти боялись цыганъ, татаръ, трубочиста, негра и т. п., а людей, которыми взрослые обыкновенно пугаютъ дѣтей. Зато увеличилось число боящихся отца, матери, пьяныхъ, бѣшеныхъ животныхъ, экзамена и т. п.

Изъ 61 опрошенныхъ дѣвочки нѣтъ ни одной которая бы чего-нибудь или кого-нибудь не боялась прежде. Дѣвочки, такимъ образомъ, оказались трусливѣе мальчиковъ. *10* дѣвочекъ боялись собакъ. Замѣчательно, что городскія собаки занимаютъ первое мѣсто въ числѣ источниковъ дѣтскаго страха, какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ; а въ деревняхъ (небольшихъ по числу дворовъ) дѣти боятся только бѣшеныхъ собакъ. Б.-м., это объясняется тѣмъ, что деревенскія собаки хорошо знаютъ дѣтей своей деревни и не бросаются на нихъ. Интересно было бы произвести подобное изслѣдованіе не въ Твери, а, напримѣръ, въ Москвѣ, гдѣ противъ бродячихъ собакъ принимаются серьезныя мѣры. Второе мѣсто (7 отв.) занимаютъ волки, но, повидимому, лишь потому, что волкомъ взрослые большею частью пугаютъ дѣтей. *6*—кошки, *4*—„когда били“, *3*—„когда пугали“, *3*—прута, *2*—медвѣдей, *2*—воровъ, *2*—домового, *2*—доктора, *2*—нищихъ, *2*—темноты“, по одному отвѣту: пожара, жука, ряженыхъ, цыгана, городовыхъ, мертвецовъ, болгарина, мальчиковъ, тараканова, татарина, мышей, „пьяницу Маная“, нечистыхъ духовъ, колдуновъ, льва, лошадей. Правда, и среди дѣвочекъ, на вопросъ о настоящемъ времени нашлись такія, которыя отвѣчали, что теперь онѣ никого... ничего не боятся... кромѣ Бога (прибав-

ностью сказать, что воспитаніемъ дѣтей, общественною дѣятельностью и своею жизнью содѣйствуемъ осуществленію своихъ общественныхъ идеаловъ. Больше того: самый процессъ работы надъ своимъ личнымъ и родовымъ развитіемъ доставляетъ столько всѣмъ доступныхъ, высокихъ и чистыхъ радостей и счастья, сколько не можетъ дать никакой другой источникъ наслажденій, ни богатство, ни слава, ни почести. Счастіе, такимъ образомъ, является слѣдствіемъ дѣятельнаго стремленія къ развитію; но въ то же время и побужденіемъ къ работѣ надъ своимъ и родовымъ развитіемъ и оцѣнкою каждаго нашего акта съ точки зрѣнія развитія, своего рода «пробою», положенною на каждомъ нашемъ дѣйствіи.

Несмотря, однако, на взаимную зависимость и поддержку стремленій къ развитію и счастью, естественно спросить, какое изъ этихъ стремленій выше. Эта область, какъ извѣстно, субъективная и потому спорная. Существуютъ рѣшенія прямо противоположныя. Лично мы убѣждены, что выше всего надо поставить стремленіе къ развитію, и когда между обоими стремленіями (къ счастью и прогрессивному развитію) происходитъ конфликтъ, его надо рѣшать въ пользу послѣдняго. Иначе у насъ не было бы надежнаго критерія, когда дѣло идетъ о наслажденіяхъ отъ алкоголя, табаку, полового разврата и т. п. Если бы

вляютъ нѣкоторыя). Такихъ отвѣтовъ всего 10; а изъ остальныхъ дѣвочекъ и теперь 8—боятся собакъ, 6—матерей, 5—отцовъ, 3—драки, 3—темноты, 3—плохихъ людей, 3—волка, 3—пожара, 2—доктора, 2—прута, 2—медвѣдя, и по одному отвѣту: солдатъ, экзамена, лошадей, плетки, воровъ, сердитыхъ людей, разбойника, одиночества, больницы.

Тотъ же вопросъ былъ предложенъ и въ Кузнечиковской сельской школѣ, Московской губерніи. Здѣсь же изъ 13 опрошенныхъ учащихся нѣтъ ни одного, который бы прежде или теперь не боялся кого-нибудь или чего-нибудь. 2—боятся нищихъ. 2—ходить въ лѣсъ, и по одному отвѣту: мертвецовъ, цыганъ, грозы, волковъ, учителя, бѣшеныхъ собакъ, одиночества, темноты, жуликовъ. Правда, 6 изъ нихъ сказали, что они теперь уже ничего не боятся, но изъ остальныхъ одинъ боится бѣшеныхъ собакъ, другой ходить одинъ ночью", третій „быстрой ѣзды на лошадяхъ", слѣдующіе—учителя, „ѣздить на пароходѣ", лягушекъ, грозы.

Что касается до распространенія суевѣрій, то изъ 222 опрошенныхъ мальчиковъ тверской фабричной школы 90 прежде вѣрили въ домовыхъ, 33 въ лѣшихъ, 29 въ чудесную силу колдуновъ, 20 въ лѣсовиковъ, 19 въ русалокъ, 5 въ заговоры, 4 „во всю нечистую силу", 3 въ вѣдьмъ, 3 въ людоѣдовъ, 2 въ бабу-ягу, 2 въ водяныхъ и по 1 въ дюдюку, 1 въ чертей, 1 въ разныхъ духовъ, и только 9 мальчиковъ не вѣрили въ „нечистую силу". Правда, на вопросъ о томъ, продолжаютъ ли они и теперь (въ моментъ опроса) вѣрить „въ нечистую силу", 167 учениковъ отвѣтили отрицательно, но остальные 46 сознались въ томъ, что вѣрятъ попрежнему.

Изъ 109 дѣвочекъ 28 прежде вѣрили въ домовыхъ, 27 въ русалокъ, 20 въ колдуновъ, 15 въ лѣшихъ, 6 въ лѣсовиковъ, 5 въ вѣдьмъ и по одному отвѣту: въ водяныхъ, въ волшебниковъ, въ заговоры, „во всю нечисть", въ смертей (считая смерть за живое существо, какъ ее изображаютъ на картинкахъ). И только 3 дѣвочки не вѣрили и прежде „въ нечистую силу". Конечно, когда рѣчь зашла о томъ, сохранилась ли эта вѣра до момента опроса, то невѣрящихъ въ нечистую силу нашлось уже 85 дѣвочекъ; остальныя же остались при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ.

наслажденіе являлось послѣднею нашею цѣлью, то было бы совершенно безразлично, какъ его получить: путемъ ли дѣйствій, служащихъ прогрессивному развитію, или путемъ актовъ, ведущихъ къ вырожденію. Но въ томъ-то и дѣло, что послѣднею и высшею цѣлью является прогрессивное развитіе, а не наслажденіе. Еще Кантъ обратилъ вниманіе на то, какъ люди, по мѣрѣ освобожденія отъ житейской нужды, преуспѣваютъ въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ и философіи и становятся свободными. Образованіе такого культурнаго и свободнаго человѣка, не зависящаго отъ природы, и есть, по мнѣнію великаго философа, цѣль природы. Счастье, по мнѣнію, Канта, не можетъ быть послѣднею цѣлью самого человѣка. Человѣкъ, какъ свободное существо, ставящее само себѣ свои цѣли, не можетъ имѣть въ виду одного счастія. Его конечною цѣлью не можетъ быть и желаніе, чтобы ему благодѣтельствовали.

Конечной цѣлью человѣка можетъ быть только его развитіе, какъ разумнаго и дѣятельнаго существа, пользующагося силами природы, какъ средствами для достиженія своихъ цѣлей. Такая дѣятельность именуется культурою. И это стремленіе выше счастія, хотя не исключаетъ и стремленія къ нему.

Такимъ образомъ про развитіе можно сказать, что хотя оно большею частью преслѣдуется нами для счастья, но представляетъ собою совершенно самостоятельную и притомъ самую высшую цѣль и потому иногда покупается цѣною какого угодно несчастія. Но эти случаи, когда за развитіе приходится расплачиваться цѣною горя, не типичны.

Повторяемъ, что общимъ правиломъ служитъ соотвѣтствіе между нормальнымъ развитіемъ и удовольствіемъ. Уже одно только стремленіе къ развитію и вѣра въ прогрессъ утѣшаетъ въ горѣ и несчастіи и миритъ людей съ мыслью о неизбѣжности смерти. Этотъ мотивъ часто встрѣчается и въ священныхъ книгахъ и въ исторіи. Моисей умеръ, не войдя въ обѣтованную землю, но онъ видѣлъ ее, и это его утѣшило. Симеонъ богопріимецъ готовъ былъ умереть, когда увидалъ обѣщаннаго Спасителя. Когда Кондорсэ сидѣлъ въ тюрьмѣ и ожидалъ гильотины, онъ употребилъ остатокъ дней своихъ не на оправданіе себя отъ взводимыхъ на него обвиненій, а на то, чтобы написать свое знаменитое сочиненіе «Картина успѣховъ человѣческаго разума», гдѣ выразилъ свою непоколебимую вѣру въ непрерывный прогрессъ человѣчества. Въ своемъ письмѣ къ женѣ, изображая свое тяжелое состояніе въ тюрьмѣ, онъ говоритъ о человѣкѣ, ожидающемъ смертной казни: «Хорошо, если онъ можетъ забыться и предаться золотымъ снамъ о будущемъ человѣчествѣ».

Когда читаешь романы мадамъ де-Сталь, то убѣждаешься въ томъ, что она переживала одно изъ самыхъ грустныхъ и тяжелыхъ настроеній, вслѣдствіе жизненныхъ перипетій, преслѣдующихъ иногда талантливыхъ людей въ ихъ поискахъ

славы и счастья. Но когда знакомишься съ ея теоріями, то видишь, что она нашла утѣшеніе въ своей вѣрѣ въ прогрессъ, въ великое будущее человѣчества. Каждый изъ насъ на себѣ испыталъ, какъ стремленіе къ развитію и вѣра въ него удаляетъ насъ отъ пошлости и грязи жизни, отъ ея дрязгъ, стряхиваетъ съ насъ апатію и скуку, удесятеряетъ наши усилія и скрашиваетъ нашу жизнь, поднимая ея цѣнность и интересъ къ ней. Хорошо извѣстно, что поэтъ Полонскій нашелъ выходъ изъ пошлости жизни въ вѣрѣ въ прогрессъ: «вѣрь знаменованью — нѣтъ конца стремленью, есть конецъ страданью». Или: «Царство науки не знаетъ предѣла, всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ, — разума слово и дѣло — сила и свѣтъ».

«Мы—земные люди», Говоритъ Рита у Ибсена. «Но мы сродни также и небу и морю», отвѣчаетъ ей Альмерсъ, желая поднять ее и ободрить.

По словамъ Гюйо, «предвкушеніе прогресса доходитъ до совпаденія съ чувствомъ дѣйствительнаго присутствія божества: вѣрится, что идеалъ началъ жить и что возлѣ себя ощущаешь его присутствіе и трепетъ. Такъ художникъ внутренно созерцаетъ произведеніе, за осуществленіе котораго онъ только еще предполагаетъ приняться, онъ созерцаетъ его внутренними очами съ такой любовью, съ такимъ могуществомъ взора, что его мечта встаетъ передъ его глазами. На полотнѣ, еще не покрытомъ красками, возникаетъ желанная форма».

Быть-можетъ, никто не нуждается въ этомъ ободреніи, въ этой вѣрѣ въ будущее и въ прогрессъ до такой степени, какъ мы, русскіе люди. Нигдѣ нѣтъ такихъ грустныхъ пѣсенъ, какъ въ Россіи; нигдѣ нѣтъ такихъ сектъ, какъ, напримѣръ, скопчество, которое могло быть внушено лишь полнымъ отчаяніемъ. Нигдѣ не было такъ много такихъ правителей, какъ тѣ, которыхъ Щедринъ изобразилъ въ «Исторіи города Глупова». Лермонтовъ написалъ на клочкѣ бумаги: «*Россія вся въ будущемъ*», и какъ бы желая подчеркнуть эту мысль, обвелъ ее кругомъ какъ бы рамкою. (Въ такомъ видѣ этотъ клочекъ найденъ былъ послѣ его смерти). И дѣйствительно, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ мы не имѣемъ почти ничего отраднаго, кромѣ только одного стремленія къ развитію, — стремленія, которому приходится пробиваться чрезъ такія препоны, какихъ не знала всемірная исторія. И если мы еще не «изошли слезами», не впали въ полное отчаяніе, такъ это потому, что насъ спасаетъ и утѣшаетъ это неудержимое, хотя и сдавленное, стремленіе въ манящее насъ великое будущее, въ эту чудную прекрасную даль, которая одна миритъ насъ съ нашею безотрадною исторіей и тяжелымъ настоящимъ.

Говоритъ, что это стремленіе къ прогрессивному развитію вида съ теченіемъ вѣковъ становилось все сознательнѣе, все шире, что прежде заботы о другихъ не шли дальше своего племени, а теперь заботы передовыхъ людей распространяются

на весь людской родъ; что раньше узаконялось рабство и пытки, а теперь то и другое отходитъ въ область преданій и т. п. — говорить такъ, значитъ повторять уже сказанное раньше.

Не менѣе быстро прогрессируютъ и другіе виды стремленія къ развитію. Когда читаешь біографіи даже выдающихся людей древности, то поражаешься количествомъ внѣшнихъ приключеній и событій и бѣдностью чисто внутреннихъ переживаній. Владиміръ Мономахъ, напримѣръ, участвовалъ въ 83 большихъ походахъ, а сколько было меньшихъ — онъ и самъ не помнитъ. Число умерщвленныхъ имъ половецкихъ князей онъ считалъ сотнями. Туровъ онъ угонялъ по 100 за одно лѣто. Дикихъ коней вязалъ по 20 за разъ своими руками. Туры метали его на рогахъ; олени и лоси бодали; медвѣди кусали. Древніе кулачные бои на Москвѣ-рѣкѣ воспѣты Лермонтовымъ. Теперь не то. Времена борьбы съ хищными звѣрями очень скоро станутъ достояніемъ прошлаго. Проходятъ и времена кулачныхъ боевъ. Понемногу рѣдѣютъ войны. Внѣшнихъ событій и приключеній становится меньше въ жизни выдающихся людей. Меньше кровавыхъ драмъ. Меньше простору для проявленія физической силы и ловкости. Только цирковые борцы да спортсмены могутъ ставить на первый планъ физическую силу. Дешевле стоитъ и физическая храбрость. Мѣсто внѣшнихъ приключеній занимаютъ тихія событія въ мозгу человѣка. Вотъ гдѣ происходятъ современныя великія трагедіи и драмы. Жизнь современныхъ выдающихся людей почти лишена крупныхъ внѣшнихъ событій, если не считать административныхъ воздѣйствій разнаго рода. Она почти вся въ ихъ внутренней жизни, въ ихъ умственной работѣ писателя, художника, ученаго, артиста, учителя, общественнаго дѣятеля. Вмѣсто физической храбрости теперь нужна гражданская. Вмѣсто физической силы теперь властно требуютъ своего развитія умственныя силы. Человѣческій мозгъ громче, чѣмъ когда-либо раньше, заявляетъ о своихъ верховныхъ правахъ. Въ наше время особенно рельефно выразилось, между прочимъ, вполнѣ сознательное стремленіе къ развитію въ направленіи любознательности. На эту тему написанъ «Анатема» Андреева. Сравните его съ «Демономъ» Лермонтова и другими аналогичными произведеніями и вы наглядно представите себѣ, какъ далеко ушла нынѣшняя любознательность въ сравненіи съ не такъ давно минувшими временами. Главнымъ стремленіемъ Анатемы является страстное желаніе проникнуть въ тайну, охраняемую хранителемъ завѣтовъ. Анатема унижается, пресмыкается, льститъ, чтобы вывѣдать эту тайну. Для этого одного онъ поднимаетъ всю землю, обрекаетъ людей на ненужныя разочарованія въ Лейзерѣ, учиняетъ бунтъ, чтобы бросить къ небу человѣческіе стоны и вопли и заставить хранителя завѣтовъ открыть свою тайну. Вмѣстѣ съ интенсивностью стремленія къ познанію истины мы видимъ необыкновенное, совершенно неизвѣстное прежъ-

нимъ вѣкамъ сознательное стремленіе къ умственному развитію въ широкихъ народныхъ массахъ. Книгами, лабораторіями, музеями въ былыя времена интересовались только единицы, а теперь ими пользуются милліоны людей. Такъ велики шаги, уже сдѣланные стремленіемъ къ развитію. Сознаніе же достигнутыхъ успѣховъ производитъ бодрящее дѣйствіе на людей. Когда пахарь послѣ долгой и усердной работы пріостанавливается, чтобы отдохнуть, онъ окидываетъ своимъ взоромъ уже вспаханное пространство, и сознаніе, что сдѣлано уже много и хорошо, вливаетъ въ него новыя силы, и онъ, несмотря на усталость, снова бодро и весело берется за свой плугъ.

Тотъ фактъ, что стремленіе къ развитію существуетъ, что изъ безсознательнаго оно становится сознательнымъ (а сознательное стремленіе дѣйствуетъ въ тысячу разъ успѣшнѣе въ прогрессивномъ смыслѣ, чѣмъ безсознательное), — этотъ фактъ и его признаніе имѣетъ огромное значеніе, особенно для нашего времени. Когда всѣ внѣшніе авторитеты колеблются, когда всѣ руководящія догмы, данныя извнѣ, находятся наканунѣ своего полнаго крушенія, для человѣка нужна какая-нибудь твердая точка опоры, нужна вѣра, нужно убѣжденіе въ томъ, что гдѣ-то есть двигатель и руководитель, который ведетъ насъ впередъ по пути умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія. Безъ этой вѣры опускаются руки, пропадаетъ надежда, исчезаютъ силы блекнутъ всѣ цѣнности жизни. Но когда мы знаемъ, что этотъ двигатель находится внутри насъ самихъ, что онъ всегда съ нами, что онъ и до сихъ поръ часто невидимо велъ насъ самихъ и нашихъ предковъ впередъ — это не можетъ не мирить насъ съ жизнью, не можетъ не внушать намъ надеждъ на лучшее будущее. Пусть его руководительство въ прошломъ было не безъ ошибокъ, не безъ колебаній въ стороны, не безъ попятныхъ движеній, но все же въ итогѣ это было движеніе прогрессивное, оно само исправляло свои ошибки, заживляло раны и наверстывало уклоненія и остановки; а главное, это движеніе дѣлается все болѣе и болѣе быстрымъ, все болѣе приближается къ прямолинейному поступательному развитію, и его интенсивность все возрастаетъ.

ГЛАВА V.

Упражненіе, какъ средство развитія.

I. Скажутъ, что если подростокъ и юноша могутъ сознательно стремиться къ развитію, то маленькій ребенокъ не думаетъ объ этомъ. Скажутъ, что даже смутно ребенокъ стремится не къ развитію, а лишь только къ упражненію своихъ органовъ и способностей. Но громадная роль упражненія въ развитіи и нашихъ органовъ и нашихъ способностей не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. И путемъ опытовъ и путемъ наблюденій теперь доказано, что цѣлесообразное упражненіе или, иначе говоря, функціонированіе развиваетъ органъ. Еще Ламаркъ на основаніи большого количества собраннаго имъ матеріала нашелъ, что отсутствіе употребленія органа, сдѣлавшееся постояннымъ вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ привычекъ, постепенно уменьшаетъ органъ и заставляетъ его, въ концѣ-концовъ, совершенно исчезнуть. Онъ утверждалъ, что способности усиливаются и укрѣпляются упражненіемъ, становятся у разныхъ особей различными, благодаря новымъ, долгое время сохранившимся привычкамъ; возникшія, такимъ образомъ, измѣненія передаются по наслѣдству потомкамъ. На основаніи этихъ фактовъ онъ пришелъ къ выводу, что не органы и, слѣдовательно, не природа и не форма частей тѣла животнаго обусловливаютъ его привычки и способности, но, напротивъ, эти привычки, его образъ жизни и внѣшнія условія, въ которыхъ находились особи, отъ коихъ данное животное произошло, обусловили съ теченіемъ времени форму его тѣла, число и состояніе его органовъ и, наконецъ, присущія ему способности. Для иллюстраціи этой мысли онъ приводитъ въ примѣръ, между прочимъ, домашнихъ утокъ, которыя не въ состояніи летать, какъ летали ихъ предки — дикія утки.

Дарвинъ, открывшій новый біологическій законъ громадной важности, — естественный отборъ, казалось бы, достаточно объясняющій всѣ измѣненія въ органическомъ мірѣ, тѣмъ не менѣе, не отрицаетъ и роли упражненія. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что наши домашнія животныя путемъ упражненія увеличили размѣры нѣкоторыхъ органовъ, а посредствомъ неупражненія, наоборотъ, уменьшили другіе органы. И эти измѣненія, по его мнѣнію, наслѣдственны [1]).

Единственное, что пытаются теперь оспаривать изъ этихъ положеній, это то, передаются ли результаты упражненій по наслѣдству, какъ это думали, кромѣ Ламарка и Дарвина, и другіе, какъ, напримѣръ, Спенсеръ, или не передаются, какъ

[1]) Кто-то изъ энтомологовъ сказалъ, что насѣкомыя „наползали“ себѣ ноги. Но можно было бы сказать вообще о животныхъ, что они сами себѣ наработали мускулы, нажевали зубы, надышали легкія, насмотрѣли глаза, наслушали уши, нанюхали носъ и надумали мозгъ.

думаетъ Вейсманъ и его послѣдователи. Но насъ въ данномъ случаѣ больше всего интересуетъ роль упражненія въ развитіи индивидуума, а относительно этой роли нѣтъ двухъ мнѣній. Физіологія объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ. Какъ доказали эксперименты Ранке, кровь усиленно притекаетъ къ тому органу, который работаетъ. Естественно, что если какой-нибудь органъ работаетъ часто, размѣры его кровеносныхъ сосудовъ увеличиваются, крови сюда поступаетъ больше, органъ питается лучше. А что при такихъ условіяхъ органъ лучше развивается, — это тоже экспериментально доказанный фактъ. Вставляли шпору пѣтуха въ гребень, какъ извѣстно, хорошо снабженный кровеносными сосудами, и шпора выросла длиною въ 6 дюймовъ.

Понятно также, почему неупотребленіе органа ведетъ къ его атрофіи. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что къ бездѣятельному органу притекаетъ меньше крови, онъ хуже питается и, такимъ образомъ, постепенно хирѣетъ. И извѣстный нашъ біологъ Шимкевичъ выражаетъ безспорное въ біологіи мнѣніе, когда говоритъ, что упражненіе влечетъ за собою усиленіе питанія и роста органа, какъ реакцію на испытываемое имъ раздраженіе. Въ доказательство этого закона приводятъ непосредственныя наблюденія и опыты. Если, напримѣръ, путемъ электрическаго раздраженія или же волевого усилія сократить мышцу, то расширятся ея кровеносные сосуды и усилится движеніе лимфы; а постоянная работа мышцы ведетъ къ утолщенію послѣдней. И, наоборотъ: когда въ случаѣ вывиха ноги больной долго остается безъ движенія, то бездѣйствующія мышцы начинаютъ хирѣть, ослабѣвать, атрофироваться.

Этотъ законъ примѣняется и къ развитію отдѣльныхъ клѣтокъ. Бехтеревъ приводитъ наблюденія, доказывающія амебоизмъ [1]) клѣтокъ, выражающійся въ большомъ развитіи отростковъ подъ вліяніемъ упражненія.

Давно стало трюизмомъ, что упражненіе развиваетъ мускулы. А о примѣрахъ, какіе представляетъ въ этомъ отношеніи повседневная жизнь, нечего и говорить. Каждый знаетъ о замѣчательномъ развитіи соотвѣтствующихъ мышцъ у крючниковъ, цирковыхъ борцовъ, танцоровъ, кузнецовъ, гимнастовъ и т. п. Извѣстно, что у піанистовъ отличаются особенною силою пальцы и ладони, что скрипача можно узнать по затвердѣвшимъ оконечностямъ пальцевъ. Но развиваются не однѣ мышцы. Прямыми наблюденіями доказано, что тамъ, гдѣ работающій мускулъ соприкасается съ костью, вызывается усиленный ростъ кости и образованіе гребня. Цѣлесообразное строеніе кости легко объясняется дѣйствіемъ того же закона. Тѣ части костей, ко-

[1]) Амебоизмъ — движеніе клѣтки, состоящее въ образованіи отростковъ [или ложноножекъ], въ которые переливается либо вся протоплазма клѣтки, либо часть ея.

торыя больше всего подвергаются раздраженіямъ, лучше питаются и развиваются. Дарвинъ говоритъ, что длина верхнихъ оконечностей одна у носильщиковъ, которые пододвигаютъ грузы, и совсѣмъ другая у носильщиковъ, которые тащутъ ихъ. У первыхъ оконечности короче и толще, а у вторыхъ длиннѣе и тоньше. Въ числѣ примѣровъ онъ указываетъ также на кости крыльевъ у домашней утки по сравненію съ дикой. Вы можете узнать рабочаго человѣка по мозолистымъ рукамъ. Стало-быть, отъ усиленнаго давленія утолщается даже кожа. Раскачиваніе ствола у дерева усиливаетъ ростъ древесины. Если протея, обладающаго и легкими и жабрами, заставить жить въ глубокой водѣ, то жабры его увеличиваются втрое, а легкія отчасти атрофируются. Стало-быть, тотъ же законъ распространяется и на дыхательные органы. Дарвинъ указываетъ на значительное развитіе вымени у коровъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ доятъ. Онъ указываетъ также на пару слѣпыхъ пещерныхъ крысъ, пойманныхъ въ одной пещерѣ. Ихъ глаза были большіе и блестящіе, но крысы были совершенно слѣпы; когда же этихъ животныхъ подвергли въ теченіе мѣсяца дѣйствію постоянно усиливаемаго свѣта, то они начали смутно различать предметы. Этотъ фактъ показываетъ, что тотъ же законъ распространяется и на органы внѣшнихъ чувствъ.

Масса собранныхъ фактовъ показываетъ, что подъ вліяніемъ упражненій развиваются самыя разнообразныя психическія свойства. Хорошо извѣстно, какъ измѣняются тѣлесныя и умственныя привычки у прирученныхъ животныхъ. Собака дѣлается умнѣе отъ общенія съ человѣкомъ; ее учатъ дѣлать стойку, доставать и приносить дичь и проч. Дарвинъ пишетъ, что, благодаря долгому навыку, лапландецъ узнаетъ и называетъ по имени каждаго сѣвернаго оленя, а между тѣмъ Линней замѣчаетъ: «Умѣнье различать этихъ животныхъ среди такого множества было выше моего пониманія, ибо они кишѣли, какъ муравьи въ муравейникѣ». Еще болѣе удивительныя вещи разсказываютъ про садовода, который умѣлъ отличать свыше 1.200 разновидностей гіацинта, распознавая каждый сортъ лишь только по луковицамъ, которыя неопытному человѣку обыкновенно кажутся совершенно тождественными.

Бинэ въ своей книгѣ о великихъ счетчикахъ, указывая на преобладаніе у нихъ памяти на цифры, констатируетъ, что всѣ они увлекаются вычисленіями. Движимые этимъ интересомъ, они очень много упражняются въ счисленіи и когда, по какимъ-нибудь причинамъ, они перестаютъ упражняться, они быстро теряютъ эту способность.

Статистики, кассиры и бухгалтеры поразятъ васъ своею памятью на цифры, скульпторы—памятью на формы, живописцы—на формы и цвѣта и т. д. Есть общество, поставившее своею задачею снимать портреты съ супружескихъ паръ во время свадьбы и черезъ 25 лѣтъ послѣ нея. При сравненіи этихъ

портретовъ оказалось, что непохожіе въ молодости мужъ и жена начинаютъ походить другъ на друга черезъ 25 лѣтъ общей жизни. Если допустить даже, что сходство это является только результатомъ сходныхъ упражненій въ мимикѣ, а сходство въ мимикѣ есть слѣдствіе сходныхъ вмѣстѣ пережитыхъ эмоцій, то все же роль упражненій въ данномъ случаѣ является поразительной.

Нуждаются и стремятся къ развитію даже инстинкты и достигаютъ этого точно такъ же путемъ упражненія. Конечно, и человѣкъ и животныя получаютъ инстинкты по наслѣдству, и потому инстинктъ надо разсматривать, какъ результатъ не личнаго, а родового опыта, но чтобы инстинктъ дѣйствовалъ правильно, нужно и личное упражненіе, нужно личное развитіе. Есть такъ называемые совершенные инстинкты, повидимому, не нуждающіеся въ выучкѣ, но такихъ немного. Только что вылупившійся изъ яйца цыпленокъ умѣетъ клевать; но если онъ не упражнялся, если онъ не имѣетъ личнаго опыта, онъ будетъ клевать все, что попало. Только путемъ личнаго опыта, путемъ упражненія, индивидуальнаго развитія цыпленокъ узнаетъ, что можно клюнуть и чего нельзя.

И чѣмъ выше по эволюціонной лѣстницѣ стоитъ животное, тѣмъ большую роль въ его жизни играетъ личное развитіе, индивидуальный опытъ и упражненіе. Вотъ почему воспитаніе какой-нибудь птицы продолжается лишь нѣсколько недѣль послѣ рожденія, а воспитаніе и самовоспитаніе человѣка до 25 и болѣе лѣтъ.

Собрано много наблюденій и экспериментовъ, доказывающихъ, что подъ вліяніемъ упражненій развивается нервная система вообще и мозгъ въ частности. Извѣстно, что при разрушеніи глаза зрительный нервъ очень быстро атрофируется.

Особенно интересны въ этомъ отношеніи изслѣдованія Бергера и Флексига. Они закрывали новорожденному щенку одинъ глазъ, оставляя открытымъ другой. И когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изслѣдовали его зрительный центръ, то находили, что мозговыя клѣтки, связанныя съ открытымъ глазомъ, дали множество отростковъ, тогда какъ остальныя клѣтки, связанныя съ закрытымъ глазомъ, остались въ такомъ же неразвитомъ состояніи, въ какомъ онѣ обыкновенно бываютъ тотчасъ послѣ рожденія.

Дѣлались и другого рода опыты: удалялись у животнаго органы зрѣнія и слуха и это вело къ атрофіи въ первомъ случаѣ затылочныхъ долей, куда относятъ зрительные центры, а во второмъ случаѣ височныхъ долей, куда относятъ слуховые центры.

Одинъ извѣстный физіологъ пишетъ, что молекулярная перемѣна, производимая въ нервѣ всякимъ раздраженіемъ, которое онъ проводитъ, оставляетъ его въ такомъ состояніи при которомъ онъ оказывается способнымъ къ проведенію слѣдующаго такаго же раздраженія съ меньшимъ сопротивленіемъ.

Чтобы впервые проложить путь отъ одного нейрона къ другому, нужно, чтобы внѣшнее впечатлѣніе одновременно или послѣдовательно дѣйствовало на оба нейрона; но когда путь уже проложенъ, достаточно, чтобы ожилъ только одинъ нейронъ, и его волна уже сама вызоветъ къ жизни другой, хотя и въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ первый разъ.

Вышеизложенный законъ распространяется и на самые высшіе нервные центры. Работающій мозгъ лучше питается и развивается. Прямыми наблюденіями надъ людьми, лишенными черепной крышки, установлено, что сосредоточеніе вниманія, напримѣръ, на музыкѣ, вызывало усиленный приливъ къ мозгу крови. Очень любопытны въ этомъ отношеніи эксперименты, производимые въ лабораторіи И. П. Павлова съ рефлексами слюнной железы собаки. Выводы, къ которымъ привели И. П. Павлова эти эксперименты, состоятъ въ слѣдующемъ. Въ низшемъ отдѣлѣ центральной нервной системы—спинномъ мозгу—заложенъ механизмъ безусловныхъ постоянныхъ рефлексовъ. Если дать собакѣ въ ротъ мясного порошка или соляной кислоты,—то и другое всегда и безусловно вызываетъ отдѣленіе слюны. Вотъ примѣръ безусловнаго рефлекса. Что же касается верхняго отдѣла нервной системы — головного мозга, то тамъ заложенъ механизмъ не постоянныхъ, а временныхъ связей, не абсолютныхъ, а условныхъ рефлексовъ. Въ этомъ механизмѣ временныхъ и условныхъ связей явленія внѣшняго міра могутъ превратиться въ дѣйствіе, но могутъ и не превратиться. Какое-нибудь раздраженіе можетъ вызвать реакцію, но можетъ и не вызвать ея. Если животное выдѣляетъ слюну при видѣ мясного порошка, которымъ его кормили раньше, это будетъ временная связь, а не постоянная, это будетъ условный рефлексъ, а не абсолютный; потому что не всегда при видѣ мясного порошка животное будетъ реагировать выдѣленіемъ слюны. Если, напримѣръ, перестать кормить собаку мяснымъ порошкомъ, а только дразнить ее, показывая порошокъ, то рефлексъ съ теченіемъ времени можетъ угаснуть. И вотъ такими-то временными и условными связями и завѣдуетъ высшій мозгъ. Такія связи на языкѣ психологіи обыкновенно называются ассоціаціями.

Изъ опытовъ Павлова совершенно ясно, что рѣшительно все изъ внѣшняго міра могло быть приведено во временную связь съ слюнной железой, — всѣ звуки, всѣ картины, всѣ запахи, чесанье кожи и другія осязательныя ощущенія и т. д., все могло заставить собаку выдѣлять слюну. Для этого надо было только одно, чтобы ощущенія отъ избраннаго звука, картины или запаха совпали по времени съ моментомъ, когда собака выдѣляетъ слюну вслѣдствіе попавшей въ ея ротъ пищи. Другими словами, нужно связать этотъ временный и условный рефлексъ съ безусловнымъ и постояннымъ рефлексомъ (выдѣленіе слюны во время пріема пищи). Простой, безусловный рефлексъ идетъ, какъ уже сказано, черезъ нижній мозгъ. При условномъ

рефлексѣ раздраженіе появляется въ центрахъ верхняго мозга; но этотъ временный рефлексъ направляется къ тому центру въ нижнемъ мозгу, который въ данное время наиболѣе раздраженъ. Стало-быть, постоянный, *безусловный рефлексъ составляетъ необходимую основу условнаго рефлекса*, временной связи [1]).

Дальнѣйшія работы показали, что можно образовать условный рефлексъ, примѣняя безусловный раздражитель не одновременно, а, напримѣръ, черезъ 2 минуты, когда дѣйствуетъ не самый условный раздражитель, а только слѣды его. Временная связь, образующаяся при однократномъ опытѣ, очень рыхла, и *чтобы укрѣпить ее, нужны повторенія*. Число повтореній очень значительно. Правда, одна собака стала выдѣлять слюну на условный рефлексъ уже послѣ 12 вливаній соляной кислоты (одновременно съ условнымъ раздраженіемъ), но и въ данномъ случаѣ прочный условный рефлексъ образовался лишь послѣ 55 вливаній. Въ другомъ случаѣ стойкій условный рефлексъ (на звукъ метронома) появился лишь послѣ 150 повтореній.

Павловъ очень удачно сравниваетъ высшій головной мозгъ съ телефонною центральною станціей. Если бы ея не было, оставалось бы одно: соединять постоянными проволоками одинъ домъ съ другимъ. Такъ можно было бы соединиться развѣ нѣсколькимъ домамъ между собою; но, конечно, невозможно было бы соединить каждаго абонента со всѣми другими абонентами хотя бы одной только Москвы. Такая связь соотвѣтствовала бы постояннымъ связямъ, которыми завѣдуетъ спин-

---

[1]) Образованіе такой временной связи основано на слѣдующемъ фактѣ. Когда собака держитъ во рту кусокъ пищи и выдѣляетъ слюну, то всѣ раздраженія, получаемыя въ это время внѣшними чувствами собаки (и звуки, и картины, и ослзательныя, и термическія и проч.), прокладываютъ себѣ дорогу къ раздражаемому центру слюнной железы. Отъ высшаго центра идетъ масса путей къ разнымъ центрамъ низшаго мозга, и раздраженіе обыкновенно идетъ по пути къ наиболѣе раздраженному въ данный моментъ центру: если, какъ это бываетъ во время ѣды, раздраженъ центръ, завѣдующій слюнной железой, то всякое другое одновременное раздраженіе, будетъ ли это звукъ или картина, пойдетъ къ наиболѣе раздраженному центру низшаго мозга, въ данномъ случаѣ къ центру, завѣдующему слюнной железой; но если будетъ раздраженъ другой центръ, напримѣръ, двигательный, то раздраженіе пойдетъ къ нему, а не къ центру слюнной железы, и условный рефлексъ на слюноотдѣленіе прекратится. Если, напримѣръ, собаку во время дразненія хлѣбомъ напугать граммофономъ, то слюноотдѣленіе прекратится. «Если новое, ранѣе индиферентное раздраженіе, — говоритъ Павловъ, — попавши въ большія полушарія, находитъ въ этотъ моментъ въ нервной системѣ очагъ сильнаго возбужденія, то оно начинаетъ сконцентрировываться, какъ бы прокладывать себѣ путь къ этому очагу и дальше отъ него въ соотвѣтствующій органъ, становясь, такимъ образомъ, раздражителемъ этого органа. Въ противномъ случаѣ, если нѣтъ такого очага, оно разсѣивается, безъ замѣтнаго эффекта, по массѣ большихъ полушарій. Въ этомъ формулируется основной законъ высшаго отдѣла нервной системы».

ной мозгъ. Другое дѣло—центральная телефонная станція. Благодаря ей, каждый абонентъ можетъ вступить, правда, только во временную, а не постоянную связь, но зато со всѣми другими абонентами, и притомъ не только Москвы, но и Петрограда, и Нижняго, и Твери, и т. д. Подобную же роль играетъ и головной мозгъ; и роль эта имѣетъ громадное значеніе для жизни.

Правда, по справедливому мнѣнію Павлова, на низшихъ ступеняхъ животнаго міра только непосредственное прикосновеніе пищи къ животному организму или, наоборотъ, организма къ пищѣ, главнѣйшимъ образомъ, ведетъ къ пищевому обмѣну, и потому здѣсь животное можетъ обойтись однѣми постоянными связями, одними безусловными рефлексами. Но зато на болѣе высшихъ ступеняхъ эти отношенія становятся многочисленнѣй и отдаленнѣй. Теперь запахи, звуки и картины направляютъ животныхъ, уже въ широкихъ районахъ окружающаго міра, на пищевое вещество. А на высочайшей ступени звуки рѣчи, и значки письма и печати разсыпаютъ человѣческую массу по всей поверхности земного шара въ поискахъ за насущнымъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, безчисленные, разнообразные и отдаленные внѣшніе агенты являются какъ бы сигналами пищевого вещества, направляютъ высшихъ животныхъ на захватываніе его, двигаютъ ихъ на осуществленіе пищевой связи съ внѣшнимъ міромъ. Рука объ руку съ этимъ разнообразіемъ и этой отдаленностью идетъ смѣна постоянной связи внѣшнихъ агентовъ съ организмомъ на временную, такъ какъ, во-первыхъ, отдаленныя связи есть по существу временныя и мѣняющіяся связи, а во-вторыхъ, по своей многочисленности и не могли бы умѣститься въ видѣ постоянныхъ связей ни въ какихъ самыхъ объемистыхъ аппаратахъ. Данный пищевой объектъ можетъ находиться то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, сопровождаться, слѣдовательно, то одними, то другими явленіями, входить элементомъ то въ одну, то въ другую систему внѣшняго міра. А потому раздражающими вліяніями, вызывающими въ организмѣ положительную двигательную, въ широкомъ смыслѣ слова, реакцію къ этому объекту, должны временно быть то одни, то другія явленія природы. И потому высшія животныя всего болѣе нуждаются въ такомъ мозгу, гдѣ былъ бы механизмъ временныхъ связей, условныхъ рефлексовъ.

Такъ какъ условныхъ временныхъ рефлексовъ очень много, то между ними идетъ постоянная борьба за преобладаніе, своего рода естественный отборъ. Отсюда постоянные случаи торможенія этихъ рефлексовъ. Установлено 3 рода тормозовъ: 1) простыхъ, 2) гаснущихъ и 3) условныхъ.

Если даже очень старый условный рефлексъ повторяется нѣсколько разъ, не сопровождаясь тѣмъ безусловнымъ и постояннымъ рефлексомъ, при помощи котораго онъ былъ сдѣланъ,

онъ сейчасъ же начинаетъ терять свою силу и постепенно сходитъ на-нѣтъ. Если, напримѣръ, собаку будутъ только издали дразнить мясомъ, но не давать его въ ротъ, то съ теченіемъ времени это дразненіе уже не будетъ вызывать слюноотдѣленія. Условный рефлексъ даетъ сигналы, и если онъ начинаетъ давать невѣрные сигналы, онъ постепенно теряетъ свое раздражающее дѣйствіе. Животное перестаетъ реагировать на него. Но, спустя нѣкоторое время, этотъ какъ бы исчезнувшій условный сигналъ возстановляется самъ собою. Отсюда слѣдуетъ, что онъ не исчезалъ, а только тормозился.

И. П. Павловъ утверждаетъ, что, кромѣ простого торможенія, есть еще торможеніе торможенія, такъ сказать, *растормаживаніе*. Итакъ, вся высшая мозговая дѣятельность условныхъ рефлексовъ сводится къ законамъ: возбужденіе, торможеніе и растормаживаніе.

Но въ томъ же верхнемъ мозгу, по словамъ Павлова, заложенъ еще механизмъ анализаторовъ. Путемъ условныхъ временныхъ связей животное отвѣчаетъ на сложныя мѣняющіяся явленія внѣшняго міра; но для этого необходимо, чтобы животное могло разлагать внѣшній міръ на отдѣльности, а это достигается путемъ анализаторовъ.

Анализаторъ — это нервный механизмъ, начинающійся наружнымъ воспринимающимъ аппаратомъ, напримѣръ, глазомъ или ухомъ, и кончающійся въ мозгу. Основнымъ фактомъ физіологіи анализаторовъ является то, что каждый периферическій аппаратъ есть спеціальный трансформаторъ данной внѣшней энергіи въ нервный процессъ. По словамъ Павлова, вводя во временную связь съ организмомъ то или другое явленіе природы, легко опредѣлить, до какой степени дробленія внѣшняго міра доходитъ данный анализаторъ животнаго. Напримѣръ у собаки безъ труда, точнѣйшимъ образомъ, устанавливается фактъ, что ея ушной анализаторъ различаетъ тончайшіе тембры, мелкія части тоновъ, и не только различаетъ, но и прочно удерживаетъ это различеніе (то, что у людей называется абсолютнымъ слухомъ) и идетъ гораздо дальше въ раздражаемости высокими тонами, доходя до 80—90 тысячъ колебаній въ секунду, когда предѣлъ человѣческаго слуха есть только 40—50 тысячъ въ секунду.

Помимо этого, при объективномъ изслѣдованіи выступаютъ общія правила, по которымъ совершается анализъ. Важнѣйшее правило — это постепенность анализа. Въ условный рефлексъ, во временную связь данный анализаторъ сперва вступаетъ болѣе общею, болѣе грубою его дѣятельностью, и только затѣмъ, путемъ постепеннаго диференцированія, условнымъ раздражителемъ становится работа его тончайшей или мельчайшей части. Напримѣръ, если передъ животнымъ появляется свѣтлая фи-

гура, то сначала, какъ раздражитель, дѣйствуетъ усиленное освѣщеніе, и только потомъ можетъ быть выработанъ спеціальный раздражитель изъ самой фигуры и т. д.

Далѣе, изъ такихъ опытовъ съ условными рефлексами на животныхъ отчетливо выступаетъ общій фактъ, что дифференцированіе достигается путемъ задерживающаго процесса, какъ бы заглушенія остальныхъ частей анализатора, кромѣ опредѣленной. Постепенное развитіе этого процесса и есть основаніе постепеннаго анализа.

Одинъ изъ сотрудниковъ проф. Павлова В. М. Архангельскій въ своемъ письмѣ ко мнѣ сообщилъ очень интересное наблюденіе, показывающее, какъ медленно образуется рефлексъ, впервые вырабатываемый, и какъ быстро слѣдующіе за нимъ. Въ первый разъ онъ затратилъ 4 мѣсяца труда надъ своей очень способной собакой и сдѣлалъ больше 400 сочетаній прежде, чѣмъ рефлексъ сдѣлалъ прочнымъ и постояннымъ. Слѣдующій рефлексъ образовался и сталъ прочнымъ послѣ 200 сочетаній; а послѣдній—10-й послѣ 3 сочетаній. И онъ на пари берется теперь получить рефлексъ послѣ одного или самое большее трехъ сочетаній. Съ меньшей рѣзкостью такое явленіе повторяется рѣшительно у всѣхъ собакъ безъ исключенія. И тотъ же самый законъ наблюдается и относительно дифференцировокъ. Ясно, что продуктивность работы мозга возрастаетъ до извѣстнаго maximum'а по мѣрѣ упражненія.

Конечно, психику собаки никто не отожествляетъ съ психикою человѣка; и самъ Павловъ признаетъ, что въ то время, какъ животное можетъ отличать лишь только отдѣльныхъ раздражителей, человѣкъ отличаетъ уже цѣлыя комбинаціи таковыхъ.

Но что является общимъ и для человѣка и для животныхъ, и что особенно интересуетъ сейчасъ насъ, такъ это то, что образованіе всякой временной связи, всякаго торможенія и растормаживанія, а равно всякій анализъ, напримѣръ, выдѣленіе изъ какой-нибудь общей картины отдѣльныхъ признаковъ, происходитъ лишь постепенно и лишь только путемъ цѣлесообразныхъ упражненій. А такъ какъ всѣ эти акты происходятъ въ высшихъ мозговыхъ центрахъ, то, стало-быть, и на послѣдніе распространяется общій законъ развитія путемъ упражненія.

А законъ этотъ состоитъ въ томъ, что всякая работающая ткань развивается и дѣлается все болѣе способной къ работѣ, хотя это развитіе не безконечно, а для каждой особи имѣетъ свои предѣлы. Всякая неработающая и нераздражаемая клѣтка и ткань плохо питается, хирѣетъ и можетъ быть со временемъ атрофирована или вытѣснена другими, болѣе дѣятельными тканями и клѣтками. И здѣсь идетъ борьба и отборъ, при чемъ выживаютъ наиболѣе дѣятельныя и чаще раздражаемыя клѣтки

и ткани. Но если упражненіе развиваетъ органы, то оно же развиваетъ и способности.

Этотъ законъ точно и кратко формулированъ Спенсеромъ въ слѣдующихъ словахъ: «Существенный принципъ жизни состоитъ въ томъ, что способность, которая по обстоятельствамъ не имѣетъ полнаго круга дѣятельности, ослабляется; а способность, отъ которой условіями существованія требуется усиленная дѣятельность, возрастаетъ». Классическимъ всѣмъ извѣстнымъ примѣромъ чудодѣйственности упражненія служитъ занка Демосѳенъ, ставшій впослѣдствіи первокласснымъ ораторомъ.

Какъ далеко можетъ вести навыкъ и упражненіе, видно изъ того факта, что сросшіеся между собою сіамскіе близнецы въ такой степени согласовали свои движенія, что, смотря по надобности, не сговариваясь, ходили, бѣгали, прыгали совершенно такъ, какъ бы они составляли одинъ организмъ (Гефдингъ).

Экспериментальная педагогика полна примѣрами того, какъ сильно вліяетъ упражненіе на пріобрѣтеніе новыхъ умѣній, ассоціацій, знаній и т. п. и насколько оно ускоряетъ тѣ или другіе процессы. Однажды я заставилъ свою дочь въ возрастѣ 9 лѣтъ повторить таблицу умноженія. Она сдѣлала это въ 2 минуты и 2 секунды. Черезъ полчаса я заставилъ ее сдѣлать то же самое, и она повторила таблицу на 7 секундъ скорѣе (въ 1 мин. 55 сек.). На другой день она сдѣлала ту же работу въ первый разъ въ 1 мин. 50 сек., а во второй разъ въ 1 мин. 30 секундъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ данномъ случаѣ упражненіе, состоящее въ троекратномъ повтореніи таблицы, ускорило процессъ, уменьшило время повторенія на 26%. Результатъ поразительный!

Своему сыну я въ теченіе четырехъ дней давалъ изъ ариѳметическаго задачника упражненіе, состоящее въ вычисленіи такъ называемыхъ столбиковъ. Работа состояла изъ сложенія и вычитанія чиселъ въ предѣлахъ первыхъ двухъ десятковъ. Каждый день онъ занимался этими вычисленіями только 10 минутъ и притомъ въ одно и то же время дня. Оказалось, что въ первый день онъ дѣлалъ въ среднемъ выводѣ по 8 дѣйствій въ минуту, на другой по 11-ти, въ третій по 12½ и въ четвертый по 15 дѣйствій въ минуту. (См. рис. 1-й). Но, конечно, быстрота счета имѣетъ свои предѣлы, колеблющіеся въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей, и чѣмъ ребенокъ ближе къ своему предѣлу, тѣмъ медленнѣе идетъ нарастаніе быстроты. Фохтъ заставлялъ одного ученика ежедневно въ теченіе трехъ учебныхъ недѣль складывать числа. Оказалось, что въ первую недѣлю число сложеній ежедневно увеличивалось на 90% первоначальнаго числа, въ теченіе слѣдующей недѣли ежедневный приростъ оказался равнымъ только 25%, а на третьей недѣлѣ и того меньше (5%).

Всякому извѣстно, что путемъ упражненія можно не только ускорить какой-нибудь отдѣльный опредѣленный процессъ; но можно ускорить и такой общій процессъ, какъ бѣглость чтенія вообще, бѣглость письма, счета, игры на роялѣ и проч. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я съ часами въ рукахъ прослушалъ

Рис. 1. Какъ въ зависимости отъ упражненій ускоряется процессъ вычисленій. Сколько дѣйствій въ 1 минуту.

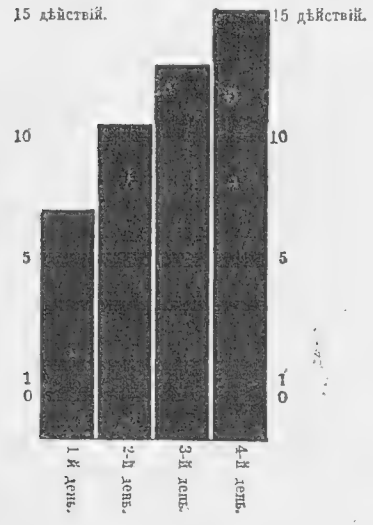


Рис. 2. Какъ возрастаетъ бѣглость чтенія въ зависимости отъ числа лѣтъ обученія.

чтеніе 191 ученика, обучавшихся въ школѣ одинъ годъ, и 110, обучавшихся въ той же школѣ четыре года. Чтеніе велось по незнакомой ученикамъ книгѣ; но печатный шрифтъ этой книги былъ по своимъ размѣрамъ тотъ самый, къ которому привыкли дѣти. Результаты обслѣдованія выражаются на рисункѣ 2-мъ. Изъ этого графика мы видимъ, что дѣти, проучившіяся четыре года, прочитываютъ 522 буквы въ минуту; а дѣти, проучившіяся одинъ годъ, прочитываютъ, среднимъ числомъ, 178 буквъ въ минуту.

Мы видимъ, что бѣглость чтенія пріобрѣтается постепенно путемъ упражненій, и притомъ въ первый годъ обученія она прогрессируетъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ въ послѣдующіе 3 года. Конечно, здѣсь играютъ видную роль и индивидуальныя условія. Таковъ, напримѣръ, возрастъ учениковъ. Такъ ока-

залось, что дѣти, поступившія въ школу въ возрастѣ 8 лѣтъ, въ концѣ перваго года обученія читали только съ быстротою 150 буквъ въ минуту, а дѣти, поступившія въ школу въ возрастѣ 9 лѣтъ, съ быстротою 182 буквъ. Еще большее вліяніе имѣла индивидуальность учащихъ. У одного учителя дѣти послѣ 4 лѣтъ обученія читали съ быстротою 490 буквъ, а у другого съ быстротою 562 буквъ въ минуту. Но самое большое вліяніе оказала индивидуальность самихъ учащихся. Изъ первогодковъ были ученики, читавшіе съ быстротою 16 буквъ, но были и такіе, которые читали съ быстротою 350 буквъ въ минуту. Для проучившихся 4 года эти колебанія простирались отъ 290 буквъ (такъ что лучшіе ученики 1 года обученія оказали лучшіе успѣхи въ бѣглости чтенія, чѣмъ худшіе изъ учениковъ 4 года) и до 972 буквъ[1]) въ минуту. Послѣдняя цифра значительно превышаетъ обычную бѣглость взрослаго человѣка[2]). Но никакія индивидуальныя колебанія не могутъ заслонить собою того факта, что главное здѣсь въ количествѣ и цѣлесообразности упражненій. При дальнѣйшемъ упражненіи бѣглость чтенія увеличивается еще больше; и чтеніе взрослаго образованнаго человѣка даетъ въ среднемъ около 700 буквъ въ минуту, почти на 180 буквъ больше, чѣмъ чтеніе учениковъ 4-го года.

Изъ графиковъ (см. рис. 3), составленныхъ мною по Бергеру, видно, что, подъ вліяніемъ упражненія, бѣглость чтенія возрастаетъ въ теченіе всего семилѣтняго курса нѣмецкой школы, при чемъ въ первые три года

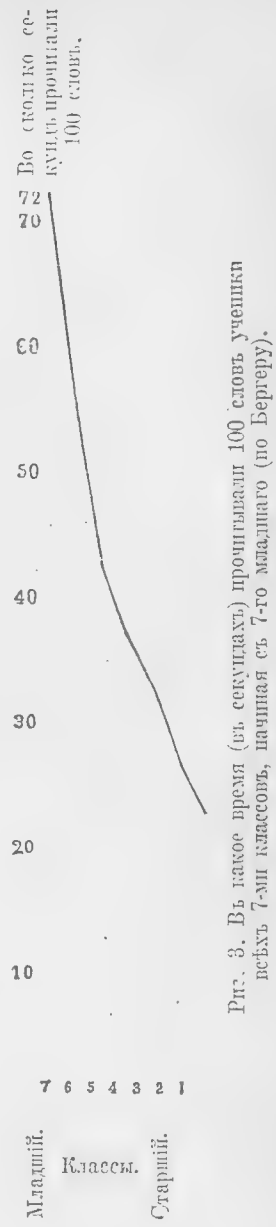


Рис. 3. Въ какое время (въ секундахъ) прочитали 100 словъ ученики всѣхъ 7-ми классовъ, начиная съ 7-го младшаго (по Бергеру).

[1]) Такая быстрота чтенія совсѣмъ излишня. Она въ то же время нисколько не говоритъ и объ одаренности. Ромэнсъ изслѣдовалъ бѣглость чтенія у нѣсколькихъ людей, извѣстныхъ въ литературѣ и наукѣ, и нашелъ, что они читаютъ сравнительно медленно.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о чтеніи вслухъ; чтеніе же про себя можетъ достигать чрезвычайной быстроты.

она растетъ особенно быстро, а въ слѣдующіе годы значительно медленнѣе.

Извѣстный Мейманъ утверждаетъ, что путемъ упражненій можетъ быть значительно увеличена быстрота, съ какою дѣти воспроизводятъ представленія, хотя онъ совершенно правильно предостерегаетъ учителей отъ того, чтобы они торопили въ этомъ случаѣ дѣтей, а, напротивъ, требовали отвѣтовъ лишь послѣ того, какъ дѣти вполнѣ усвоятъ значеніе даннаго слова. Только при этомъ послѣднемъ условіи, какъ показываетъ опытъ, дѣти могутъ давать вполнѣ содержательные и цѣнные отвѣты.

Радосавлевичъ путемъ экспериментальныхъ изслѣдованій установилъ, что дѣти въ возрастѣ начальной школы помнятъ заученное гораздо дольше, нежели взрослые; но зато ребенку необходимо гораздо больше упражненій, чтобы запомнить заучиваемое.

Экспериментальныя изслѣдованія Весселя надъ учениками средней нѣмецкой школы показали, что прочность запоминанія растетъ до шестого класса включительно, а затѣмъ наступаетъ поворотный пунктъ, и запоминанія дѣлаются менѣе прочными; но, съ другой стороны, и здѣсь наблюдается, какъ, по мѣрѣ уменьшенія прочности, увеличивается легкость запоминаній.

Опыты Меймана показали, что способность къ заучиванію до 14 лѣтъ гораздо меньше, чѣмъ у взрослыхъ, что наибольшая способность къ заучиванію падаетъ на студенческій возрастъ отъ 20 до 25 лѣтъ, а затѣмъ и легкость, а также и прочность запоминаній уменьшается, — но путемъ упражненія эти способности можно сохранить до очень поздняго возраста. Вообще ослабленіе памяти идетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ болѣе мы упражняемъ эту способность. Другія изслѣдованія показали, что упражненіе же является могущественнымъ средствомъ поддержать и мускульную работоспособность, когда она съ возрастомъ начинаетъ падать.

Тотъ же самый Мейманъ приходитъ къ выводу, что упражненіе гораздо успѣшнѣе развиваетъ способность къ заучиванію, чѣмъ прочность запоминанія. Послѣдняя, по его мнѣнію, зависитъ отъ постепеннаго развитія общихъ предрасположеній, а первая опредѣляется навыкомъ, пріобрѣтаемымъ, благодаря данному упражненію.

Мейманъ подвергъ формальному упражненію такія способности, какъ интенсивность и раздѣленіе вниманія, способности къ зрительнымъ и моторно-слуховымъ представленіямъ и т. д. Оказалось, что «развитіе этихъ, повидимому, исключающихъ и ограничивающихъ другъ друга способностей, ведетъ къ временному ослабленію тѣхъ функцій, которыя формальному упражненію не подвергались. Одновременное же развитіе всѣхъ способностей при формальномъ упражненіи ихъ можетъ идти безпрепятственно».

Очень важенъ въ практическомъ отношеніи выводъ Меймана, что современная школа даетъ крайне малое формальное развитіе памяти, хотя ученики постоянно работаютъ памятью. Въ этомъ случаѣ могли бы оказать помощь нѣкоторыя изъ прочно установленныхъ экспериментальнымъ путемъ правилъ, какъ, напримѣръ: 1) сообразоваться при составленіи программъ съ постепеннымъ развитіемъ памяти; 2) повторять сравнительно длинные отрывки, но распредѣлять ихъ на нѣсколько дней, и такъ какъ забвеніе идетъ сначала быстро, а потомъ медленно, то первое повтореніе лучше дѣлать черезъ $^3/_4$ часа, второе—на другой день, а слѣдующее можно и отложить на шестой или седьмой день; максимумъ запоминанія даютъ 5—8 повтореній; 3) для большинства учениковъ легче заучивать посредствомъ чтенія, нежели путемъ простого слушанія; 4) но самое главное правило для хорошаго заучиванія—это связывать логическими связями всѣ свѣдѣнія, которыя запоминаетъ ребенокъ, что стоитъ въ связи съ правиломъ о заучиваніи цѣльнаго длиннаго отрывка.

Еще важнѣе для педагога выводы Меймана и Эберта, состоящіе въ томъ, что всякое упражненіе опредѣленной психической способности ведетъ за собою одновременное упражненіе и другихъ родственныхъ ей психическихъ функцій. Кромѣ того, всякое спеціальное упражненіе частичныхъ функцій всегда въ то же время является общимъ упражненіемъ соотвѣтствующей общей способности. Напримѣръ, тотъ, кто во время рисованія съ натуры упражняется въ наблюденіи только формъ и цвѣтовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ и свою общую способность къ наблюденіямъ. Это не значитъ, конечно, что наблюденія оптическія могутъ замѣнить акустическія или осязательныя наблюденія; нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Но они создаютъ нѣкоторое душевное предрасположеніе и къ другимъ наблюденіямъ. Вниманіе въ одномъ направленіи помогаетъ развить сосредоточенность и въ другихъ отношеніяхъ. Точность, аккуратность, тщательность, добросовѣстность, пріобрѣтенная во время ручной работы, поможетъ ученику быть точнымъ, аккуратнымъ и добросовѣстнымъ и въ другихъ отношеніяхъ. Настойчивость, мужество, увѣренность въ себѣ и присутствіе духа, пріобрѣтенное въ играхъ, можетъ облегчить пріобрѣтеніе тѣхъ же качествъ и въ жизни. И такъ какъ въ раннемъ дѣтствѣ ребенокъ легче пріобрѣтаетъ эти качества въ ручномъ трудѣ и въ физическихъ упражненіяхъ и играхъ, то не слѣдуетъ пренебрегать имъ, не ставя его, однако, цѣлью, а лишь однимъ изъ средствъ для развитія. На этомъ принципѣ, между прочимъ, была основана система Фребеля. По тѣмъ же соображеніямъ, тѣлеснымъ упражненіямъ отводится видное мѣсто въ Англіи. Ручной трудъ и гимнастическія игры являются однимъ изъ главныхъ воспитательныхъ средствъ въ школахъ для не вполнѣ нормальныхъ дѣтей. Какъ извѣстно, у Песталоцци воспитаніе было практическое. Лѣтомъ дѣти занимались полевыми работами, а зимою—ремеслами.

Новая педагогика считаетъ полезнымъ, отнюдь, впрочемъ, не жертвуя интересами общаго развитія, давать преподаванію, по возможности, практическій характеръ. На это же правило указываетъ и исторія развитія человѣчества.

Всѣ мудрецы, создатели религій, философы, оставившіе наиболѣе глубокіе слѣды въ исторіи человѣчества, отличались не тѣмъ, что они давали теоріи, догмы, системы (все это осталось бы только на книжныхъ полкахъ историковъ, философовъ, богослововъ), а тѣмъ, что они давали практическіе совѣты, какъ жить и какъ дѣйствовать. Моисей далъ десять заповѣдей и массу другихъ практическихъ указаній моральныхъ, гигіеническихъ, аграрныхъ, экономическихъ, политическихъ и проч. То же дѣлалъ Магометъ, Будда, Робертъ Оуэнъ, Фурье, Марксъ, а въ наше время Ницше, Толстой и другіе.

Исключительный интеллектуализмъ привелъ насъ въ тупикъ, — къ выводу, что человѣкъ — лишь благородный свидѣтель совершающихся въ жизни событій (не только въ жизни вселенной, въ области астрономіи, геологіи, біологіи, но и въ жизни людской, въ своей собственной жизни).

Коррективомъ здѣсь было бы практическое воспитаніе, имѣющее въ виду не только развитіе ума, но и воспитаніе чувства и особенно воли, а для этого надо учить не только думать, но и чувствовать, а главное—дѣлать. Аристократія, состоящая изъ потомковъ рабовладѣльцевъ, естественно, презираетъ всякую практическую дѣятельность, кромѣ развѣ филантропіи. Люди профессій, пользующихся нынѣ особеннымъ почетомъ—литераторы, ученые, философы, иногда также довольно пренебрежительно относятся къ практической дѣятельности въ частности и къ дѣйствію вообще. Исключеніе представляютъ только развѣ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ, по словамъ Оствальда, не такъ давно, чуть не каждый отецъ, узнавъ, что его сынъ хочетъ стать ученымъ, отправилъ бы его въ психіатрическое заведеніе. Правильное воспитаніе лежитъ, повидимому, посрединѣ между этими крайностями. Общее развитіе—цѣль; но къ этой цѣли, и особенно на первыхъ порахъ, прямѣе всего ведутъ практическія занятія, освѣщенныя, однако, идеями, самостоятельныя упражненія, играющія, однако, лишь только роль метода.

У Ибсена въ его «Росмерсхольмѣ» въ лицѣ учителя Бренделя выведенъ типъ умственнаго сибарита, живущаго интенсивной духовной жизнью, но питающаго отвращеніе къ практической дѣятельности, къ какой бы то ни было работѣ и литературной въ томъ числѣ.

«Я немножко сибаритъ, — говоритъ онъ своему бывшему ученику,—я—лакомка. Былъ имъ всю свою жизнь. Я люблю наслаждаться въ одиночествѣ. Ибо тогда я наслаждаюсь вдвое больше. Въ двадцать разъ больше. Видишь ли ты,—когда на меня спускались золотыя грезы,—когда онѣ заволакивали меня своей дымкой,—когда новыя, головокружительныя, могучія мы-

сли рождались во мнѣ, обвѣвали меня вдохновляющими крыльями, — тогда я отливалъ это въ форму поэмъ, видѣній, картинъ. Такъ, понимаешь ты, въ крупныхъ штрихахъ... О, какъ я наслаждался этими днями, другъ мой, какъ я ими упивался! Непостижимое блаженство выполненія, — такъ, въ крупныхъ штрихахъ, какъ я сказалъ... я заполучилъ полными, трепещущими отъ радости руками. Насытился въ своихъ сокровенныхъ представленіяхъ ликованіемъ,—о, столь головокружительно великимъ! Но не записалъ ни одного слова. Это пошлое ремесло бумагомаранія всегда претило мнѣ до тошноты. Да и къ чему мнѣ было профанировать мои собственные идеалы, когда я могъ наслаждаться ими въ чистотѣ и наединѣ съ самимъ собой?»

Прошло 25 лѣтъ, и онъ хочетъ «вмѣшаться въ жизнь дѣятельною рукою», хочетъ выступить, проявить себя, рѣшается подѣлиться съ народомъ своими духовными сокровищами. Но — увы!—его сибаритство и отвращеніе къ бумагомаранію принесло свои плоды. На первой же публичной лекціи онъ провалился. Онъ называетъ теперь себя «низложеннымъ королемъ на пепелищѣ своего сожженнаго замка», нищимъ, банкротомъ. «Въ ту самую минуту, — говоритъ онъ, — какъ я готовился опорожнить рогъ изобилія, я дѣлаю меланхолическое открытіе, что я банкротъ. Двадцать пять лѣтъ просидѣлъ я, какъ сидитъ скупецъ на своемъ запертомъ сундукѣ. И вотъ вчера,— когда я его открылъ и хотѣлъ достать свою казну, — тамъ ся не оказалось. Разрушительная сила времени превратила ее въ прахъ. Отъ всего великолѣпія не осталось ровно ничего».

Итакъ, самыя лучшія созданія человѣческаго духа даже для своего сохраненія нуждаются въ томъ, чтобы ихъ проявляли внѣшнимъ образомъ, письменно на бумагѣ, или устно на лекціяхъ и т. п. Безъ этого они «превращаются въ прахъ».

Но очень ошибаются тѣ, кто смотритъ на физическія упражненія и ручной трудъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ, какъ на единственное воспитательное средство. Во-первыхъ, такія упражненія и до сихъ поръ ставятся въ большинствѣ случаевъ неправильно: они основаны только на подражаніи.

Неудачи, постигшія большинство изъ Фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ, объясняются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ нихъ забыли главный принципъ Фребеля,—творчество ребенка. Ребенокъ, по Фребелю, долженъ быть творцомъ и изобрѣтателемъ. Ребенку надо дать только необходимые матеріалы и научить, какъ ими пользоваться; а строить, лѣпить, складывать и вообще дѣлать онъ будетъ самъ, творя и изобрѣтая. Не копированіе, не рабское подражаніе образцу имѣлъ въ виду Фребель, а индивидуальное развитіе, сообразованное съ наклонностями и вкусами самого ребенка. Между тѣмъ и въ садахъ Фребеля, и въ такъ называемомъ ручномъ трудѣ, и въ физическихъ упражненіяхъ большею частію господствуетъ рабское

подражаніе образцамъ, убивается всякій свободный починъ, а вмѣстѣ съ нимъ и энергія ребенка. Дѣти обезличиваются, всѣ безъ исключенія подводятся подъ одинъ общій для всѣхъ шаблонъ, имъ прививаются общія всѣмъ стадныя привычки, поглощающія личныя особенности, потребности и самопроизвольныя усилія самого ребенка.

Но даже въ реформированномъ видѣ одинъ ручной трудъ нельзя разсматривать, какъ единое средство для развитія. Онъ не можетъ замѣнить другихъ воспитательныхъ средствъ даже тогда, когда въ основу его будетъ положено творчество ребенка, когда ребенокъ не только будетъ работать по даннымъ образцамъ, но когда онъ будетъ воплощать въ игрѣ и въ работѣ свои собственные образы.

Пріучать претворять образы въ движенія необходимо, но между этими двумя актами должна быть еще работа мысли, критика предстоящаго дѣла, оцѣнка его цѣли и лучшихъ средствъ; безъ этого человѣкъ былъ бы автоматомъ, походилъ бы на импульсивнаго дикаря, идіота или обезьяну. Надо не угнетать и не автоматизировать ребенка, а развивать его сознаніе, его воображеніе, его чувства и волю.

Опытъ показываетъ, что можно содѣйствовать правильному развитію фантазіи ребенка путемъ цѣлесообразныхъ упражненій и въ особенности пользуясь предметнымъ методомъ обученія, пріучающимъ къ точному объективному воспріятію и созерцанію. Кромѣ того, путемъ упражненій можно сдѣлать работу воображенія болѣе легкой, быстрой и разнообразной; и можно направить ее въ ту или другую сторону (въ область религіи, или же практики, въ сферу этики или же эстетики); но можно развивать его и сразу въ нѣсколькихъ направленіяхъ.

II. Много собрано фактовъ, показывающихъ, какъ можно путемъ упражненій вліять и на развитіе другихъ способностей. Но для воспитателя всего интереснѣе то, какъ проявляется вліяніе упражненій на развитіи *воли*. Однако слово это употребляется въ столь различныхъ значеніяхъ, что необходима оговорка, въ какомъ смыслѣ употребляемъ его мы.

По словамъ Рибо, начало воли заключается въ способности живой матеріи реагировать, а конецъ ея—въ способности привыкать... Конечно, можно было бы распространить способность реагировать не только на живую, но и на мертвую матерію. Сюртукъ, надѣтый на человѣка, уже не тотъ, какимъ онъ вышелъ изъ мастерской. Рельсы, положенные на полотно дороги, измѣняются послѣ того, какъ по нимъ пройдетъ нѣсколько поѣздовъ. Но для нашей цѣли вполнѣ достаточно опредѣленіе Рибо. Замѣтимъ только, что эта способность къ реакціи изъ всѣхъ тканей организма въ самой высокой степени принадлежитъ нервной системѣ. Отъ рожденія каждый человѣкъ получаетъ массу возможностей къ развитію; но въ какомъ направле-

ніи пойдетъ это развитіе, это зависитъ отъ его первыхъ дѣйствій и ихъ слѣдовъ, и образуемыхъ, такимъ образомъ, привычекъ. Однако не въ однихъ только привычкахъ здѣсь дѣло. Человѣкъ тогда сталъ бы автоматомъ. Дѣло даже не въ массѣ привычекъ, а въ развитіи общихъ способностей и предрасположеній. Рибо справедливо говоритъ, что у высшихъ животныхъ наслѣдственность, случайности рожденія, постоянныя приспособленія къ вѣчно измѣняющимся условіямъ не даютъ возможности личной реакціи установиться и принять одинаковую форму у всѣхъ особей. Сложность ихъ среды служитъ имъ предохраненіемъ отъ автоматизма.

Воля не есть какая-либо особая способность. Она—явленіе сложное. Анализируя волевой актъ и располагая его элементы въ естественной послѣдовательности, мы найдемъ, что въ основѣ каждаго такого акта лежитъ какая-нибудь потребность организма, а всѣ такія потребности въ нормальномъ организмѣ могутъ быть обобщены подъ именемъ стремленія къ развитію личному или видовому (потребность въ питаніи, въ упражненіи, въ отдыхѣ, въ семейной жизни, въ удаленіи отъ вредныхъ для развитія вліяній и т. п.). Съ этимъ стремленіемъ въ волевомъ актѣ сочетается, во-1-хъ, цѣль, т.-е. идея о тѣхъ предметахъ, которыми удовлетворяется данное влеченіе, во-2-хъ, идея о средствахъ, т.-е. представленіе о тѣхъ дѣйствіяхъ, какія мы должны совершать, чтобы достигнуть данной цѣли, и, наконецъ, какъ послѣдній завершительный элементъ — исполненіе этихъ дѣйствій. Но потребности и стремленія, лежащія въ основѣ волевого акта, а стало-быть, и связанныя съ ними идеи, сопровождаются чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Представленія цѣлей и средствъ могутъ быть многочисленны и противорѣчивы; а потому человѣкъ сильной воли долженъ обладать яснымъ сознаніемъ, чтобы изъ всѣхъ мотивовъ, борющихся въ немъ, онъ могъ, какъ благородный свидѣтель, одобрить и предпочесть тѣ, которые вполнѣ согласны съ его разумомъ, онъ долженъ путемъ своеобразнаго волевого усилія, которое ближе всего опредѣляется, какъ вниманіе, сообщить особую энергію принятому рѣшенію, для того, чтобы эта идея, посредствомъ сосредоточенія на ней вниманія, заняла господствующее положеніе въ сознаніи и благодаря этому перешла въ дѣйствіе. Что воля неразрывно связана съ сознаніемъ, это общеизвѣстно. Безсознательный рефлексъ никто не назоветъ актомъ воли. Когда прекращается сознаніе, какъ это бываетъ, напримѣръ, во время обморока, наркоза, сна, то перестаетъ дѣйствовать и воля.

Современная психологія установила общій законъ, обнимающій массу явленій и пользующійся всеобщимъ признаніемъ, это то, что всякій образъ и всякая мысль заключаютъ въ себѣ стремленіе къ своему проявленію въ формѣ какого-нибудь дѣйствія, слова, жеста или же торможенія дѣйствія; всякая идея — начало дѣйствія. «Влеченіе, — говоритъ Гефдингъ, —

опредѣляется, главнымъ образомъ, представленіемъ. Это — порывъ къ содержанію представленія».

Еще Сѣченовъ писалъ, что мысль есть дѣйствіе въ зачаточномъ состояніи, что она начало всякой дѣятельности. Фулье доказалъ, что идея есть сила. Бернгеймъ говоритъ, что каждая идея стремится воплотиться въ дѣйствіе, при чемъ подъ дѣйствіемъ разумѣется и противодѣйствіе. Всякая идея,—говоритъ Леви, — заключаетъ въ себѣ начало ея осуществленія. Примѣрами для иллюстраціи этого явленія полны психологія, медицина, педагогика, повседневная жизнь. Кто не знаетъ, что яркое описаніе самоубійства, въ родѣ Вертера Гёте, вызывало цѣлыя эпидеміи самоубійствъ, совершаемыхъ совершенно такъ же, какъ то, какое послужило для подражателей образцомъ. Каждый работникъ — будетъ ли это ученый или земледѣлецъ — руководится въ своемъ трудѣ тѣми идеями, правилами, какія онъ усвоилъ изъ книгъ, отъ учителей, какія пришли въ голову ему самому: учитель руководится принятыми имъ методами и пріемами; политическій дѣятель — программою своей партіи и т. д. Кто не знаетъ, что яркое описаніе какого-нибудь чувства можетъ заразить читателя или слушателя тѣмъ же настроеніемъ. Хорошо извѣстно, что вѣра въ доктора и его лѣкарства, или, вѣрнѣе, вѣра въ выздоровленіе, мысль объ излѣченіи излѣчиваетъ нѣкоторыя болѣзни—и особенно нервныя — даже тогда, когда прописывается лѣкарство, не имѣющее ровно никакого цѣлебнаго свойства.

На этомъ основаны заговоры, лѣченіе талисманами, а у католиковъ — святою водою. Когда больной жалуется на усталость и безсонницу, докторъ Леви, по его собственному признанію, увѣряетъ больного, что усталость сейчасъ пройдетъ, что вотъ она уже проходитъ, что больной чувствуетъ себя бодрѣе, что онъ отлично заснетъ. Точно такъ же онъ поступаетъ въ случаяхъ головной боли, въ случаѣ боли желудка, и даже тогда, когда у больного отнимается рука, разумѣется, если нѣтъ органическаго непреодолимаго поврежденія. И такова сила идеи или вѣры, что если врачу при его настойчивости и умѣньи удастся внушить больному вѣру въ выздоровленіе, нервныя страданія исчезаютъ.

Но чтобы данное стремленіе вызвало опредѣленныя идеи, какъ цѣль, и другія идеи, какъ средства къ достиженію этой цѣли, необходимъ предварительный опытъ. Только одинъ опытъ можетъ научить насъ, что извѣстное стремленіе удовлетворяется тѣмъ-то, и эта цѣль достигается такими-то средствами. Только опытъ даетъ опредѣленныя представленія о цѣляхъ и средствахъ, стало-быть, и здѣсь мы встрѣчаемся съ необходимостью упражненій для развитія воли.

Но очевидно, что одного присутствія въ сознаніи образовъ и идей о цѣляхъ и средствахъ еще недостаточно. Образовъ можетъ быть много. Если каждый изъ нихъ стремится

проявить себя въ какомъ-нибудь дѣйствіи или противодѣйствіи, то между ними произойдетъ борьба за преобладаніе. Эта борьба между мотивами необходима, чтобы мы имѣли возможность вынести правильное рѣшеніе: какъ часто намъ приходится сожалѣть, что мы мало обдумали то или другое изъ своихъ принятыхъ рѣшеній. «Если бы мы лучше взвѣсили всѣ доводы за и противъ, — говоримъ мы иногда себѣ, — мы бы не сдѣлали этого поступка, имѣвшаго такія печальныя послѣдствія». Гипнотизмъ особенно ярко иллюстрируетъ то положеніе, что всякій образъ стремится выразиться въ какомъ-нибудь движеніи, дѣйствіи и, дѣйствительно, переходитъ въ дѣйствіе, если этому не помѣшаютъ высшіе центры сознанія. Гипнозъ ослабляетъ роль сознанія, и потому у сомнамбулы всякій образъ почти непремѣнно переходитъ въ дѣйствіе. У вполнѣ развитого человѣка дѣло стоитъ не такъ: образъ переходитъ въ дѣйствіе большею частью тогда, когда это дѣло одобряется его разумомъ. Отсюда правило: необходимо учить дѣйствовать, но учить и думать и при этомъ думать раньше, чѣмъ дѣйствовать. У насъ это особенно важно. Мы такъ падки на все модное, мы такъ легко подражаемъ, безъ разсужденій, безъ критики; стоитъ вспомнить стадныя увлеченія такъ называемыхъ высшихъ классовъ французскимъ языкомъ, модами, декадентствомъ, спиритизмомъ и т. п; а изъ увлеченій простого народа — малеванковщину, скопчество, бѣгуновъ, самосожигателей и т. п.

Необходимо пріучать дѣтей сопоставлять различные мотивы, наталкивать ихъ на борьбу другъ съ другомъ. Но одной борьбы и даже одного правильнаго рѣшенія мало. Въ этой борьбѣ одни образы могутъ быть заторможены другими, вся энергія можетъ уйти безъ остатка на эту борьбу. Вспомните типъ Гамлета. Вспомните Перъ Гюнта, когда онъ говоритъ: «Придумать это, желать этого, хотѣть... но сдѣлать?.. Нѣтъ, не понимаю». Хорошо извѣстенъ латинскій афоризмъ: «Я вижу и лучшее, и болѣе выгодное, а дѣлаю худшее». Какъ много мы знаемъ людей, которые съ полнымъ правомъ могли бы сказать про себя это. У насъ, въ Россіи, былъ цѣлый типъ Обломовыхъ, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ, безволіе и паразитизмъ которыхъ стали ходячими словами. Необходима сила, которая бы дала преобладаніе одной группѣ образовъ передъ другими. И эта сила — вниманіе, которое, по мнѣнію Рише, представляетъ собою аппаратъ, увеличивающій силу образовъ. Волевое усиліе — это внезапное напряженіе вниманія.

Вниманіе, смотря по тому, на что оно направлено и насколько оно напряжено, можетъ усилить одинъ образъ, одну идею, и ослабить, и даже совсѣмъ погасить другую. Это похоже на то, какъ, смотря въ микроскопъ на какой-нибудь препаратъ, мы можемъ ясно увидѣть одну подробность и не увидѣть другой, въ зависимости отъ того, на что именно въ данный моментъ направлено наше вниманіе.

Но вниманіе укрѣпляется, направляется, дисциплинируется посредствомъ упражненій. Все обученіе направлено къ тому, чтобы развить вниманіе ребенка. Учителя вполнѣ справедливо приписываютъ главную роль въ успѣхахъ дѣтей ихъ вниманію.

Вниманіе содѣйствуетъ запоминанію. Память — это наша лѣтопись, и чѣмъ внимательнѣе мы относимся къ тому, что заносимъ въ эту лѣтопись, тѣмъ ярче и прочнѣе будутъ наши замѣтки. Вниманіе оказываетъ огромное вліяніе и на наши ассоціаціи и наши сужденія и проч.

Само размышленіе, по словамъ Тэна, это концентрированное вниманіе, а послѣднее увеличиваетъ во сто разъ силу и продолжительность эмоцій. Тотъ, кто углубился въ созерцаніе порока, чувствуетъ ненависть къ пороку, и интенсивность его ненависти соразмѣряется съ интенсивностью его созерцанія. Съ развитіемъ вниманія развивается и умъ.

Извѣстный Эскироль прямо заявляетъ, что всякія разстройства разсудка у помѣшанныхъ сводятся ни къ чему иному, какъ къ болѣзнямъ вниманія.

По словамъ Маудсли, «кровообращеніе происходитъ съ бо́льшей скоростью въ мозгу въ то время, когда онъ работаетъ, чѣмъ во время его бездѣйствія. Поэтому мы имѣемъ право сказать, что вниманіе, направленное на совокупность извѣстныхъ мыслей, ведетъ за собой ускореніе кровообращенія въ нервномъ субстратѣ этихъ мыслей. Это происходитъ на самомъ дѣлѣ, когда какая-нибудь мысль сильно овладѣваетъ умомъ человѣка: мысль эта поддерживаетъ въ мозгу усиленное кровообращеніе и не даетъ ни сна, ни покоя». Экспериментальная психологія доказала, что въ зависимости отъ возраста измѣняется время различенія краснаго и синяго цвѣта, память на слова, на цифры, на предметы, точность воспріятій и т. п.; но все это могло бы быть сведено къ развитію вниманія въ зависимости отъ возраста.

Учителя хорошо знаютъ, что безъ вниманія ученикъ не усвоитъ ни разсказа учителя, ни прочитанной книги, что вниманіе необходимо и для того, чтобы получить ясное представленіе о предметѣ, и для того, чтобы образовать общее понятіе изъ отдѣльныхъ представленій, и для сравненій, и для правильныхъ сужденій, и для выводовъ изъ опытовъ и наблюденій.

По мнѣнію Вундта, все воспитаніе сводится, главнымъ образомъ, на управленіе вниманіемъ, потому что послѣднее даетъ человѣку власть надъ своими ощущеніями и ассоціаціями идей. По мнѣнію Рибо, призваніе человѣка — это его вниманіе, направленное извѣстнымъ образомъ въ теченіе всей его жизни. Скажемъ больше: отъ силы вниманія и отъ того, куда оно направлено, зависитъ почти все счастье или несчастье нашей жизни.

Ни въ чемъ такъ не выражается индивидуальность дѣтей, какъ въ направленіи, сосредоточенности, продолжительности и

объемѣ вниманія. Нѣтъ ничего, о чемъ бы такъ часто говорилось въ педагогическихъ бесѣдахъ, журналахъ, книгахъ, какъ о вниманіи; и въ то же время едва ли есть предметъ, относительно котораго велось бы и сейчасъ столько споровъ, сколько вызываетъ ихъ эта способность.

Впрочемъ, всѣ споры касаются, главнымъ образомъ, объясненій вниманія. Что же касается его описанія (а это насъ болѣе всего сейчасъ интересуетъ), то въ этомъ отношеніи мало разнорѣчій и много единодушія.

Вниманіе не есть простая способность, а представляетъ собою сложное явленіе. Вундтъ, по аналогіи съ полемъ зрѣнія, удачно называетъ представленія, ставшія особенно яснымн благодаря вниманію, находящимися въ точкѣ наиболѣе яснаго видѣнія, а всѣ остальныя, одновременно сознаваемыя представленія, онъ опредѣляетъ, какъ находящіяся въ полѣ зрѣнія сознанія. Мейманъ отмѣчаетъ два существенные признака вниманія, когда говоритъ о томъ, что, по мѣрѣ того, какъ извѣстные виды работы сознанія сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе, эти виды дѣятельности сознанія становятся центромъ всей нашей душевной дѣятельности, опредѣляютъ ходъ господствующихъ представленій, являются исходной точкой для всѣхъ чувствъ и волевыхъ движеній,— однимъ словомъ, вокругъ нихъ группируется вся душевная жизнь, тогда какъ все остальное содержаніе сознанія становится болѣе тусклымъ, менѣе сознаваемымъ и утрачиваетъ свое вліяніе на ходъ нашей душевной жизни.

Эта роль вниманія, подавляющаго все, что не относится къ центральному пункту сознанія, прослѣжена даже въ животномъ мірѣ. Проф. Тархановъ вызывалъ напряженное вниманіе щенятъ тѣмъ, что показывалъ имъ куски мяса. Если при этомъ щенки бывали еще голодны, то видъ и запахъ мяса до того сильно приковывалъ къ себѣ ихъ вниманіе, что даже раздраженіе психомоторныхъ центровъ болѣе сильнымъ, чѣмъ обыкновенно, гальваническимъ токомъ не въ состояніи было вызвать соотвѣтственныхъ движеній.

Тотъ образъ, на который направлено наше вниманіе, мы легко связываемъ съ другими представленіями; а образы болѣе тусклые ассоціируются съ другими слабо. Писатель или художникъ, увлеченный своей работой, плохо видитъ и плохо слышитъ то, что дѣлается около него, хотя бы въ той же комнатѣ шелъ разговоръ другихъ лицъ; но если окружающіе сообщатъ какую-нибудь интересующую художника новость, онъ можетъ обратить на ихъ разговоръ особое вниманіе, и онъ отлично все услышитъ и все пойметъ.

О подобныхъ случаяхъ очень многое могли бы разсказать учителя. Не даромъ они особенно стараются о томъ, чтобы ничто не развлекало учащихся во время урока. Правда, въ прежнія времена одинъ изъ способовъ, которымъ пользовались педагоги, былъ очень неудаченъ съ этой точки зрѣнія. Это—страхъ,

который самъ является сильнымъ отвлекающимъ свойствомъ и понижаетъ вниманіе, какъ это не разъ доказывалось опытами. Тормозящее вліяніе страха можно вывести и изъ опытовъ Павлова, о коихъ мы уже говорили. Къ тому же самому выводу пришелъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ душевно-больными одинъ извѣстный психіатръ, который пишетъ, что съ усиленіемъ страха поле сознанія суживается, и въ немъ уже нѣтъ мѣста для процессовъ мышленія. «Если припадки страха у больныхъ были средней интенсивности, то извѣстныя мысли фиксировались не въ центральныхъ, а въ периферическихъ частяхъ поля сознанія. При дальнѣйшемъ же усиленіи чувства страха фиксированныя представленія исчезаютъ даже и изъ периферическихъ частей поля сознанія, чувство страха фиксируетъ, въ такомъ случаѣ, только само себя». Смущеніе, застѣнчивость и гнѣвъ точно такъ же являются вредными тормозами въ дѣлѣ обученія. По словамъ Сикорскаго, ясное мышленіе и аффекты неминуемо исключаютъ другъ друга. Что касается чувствованій, будящихъ наше вниманіе, напримѣръ, любопытства, то, по наблюденіямъ психіатровъ, для нормальнаго воспроизведенія и мышленія самою благопріятною оказывается средняя интенсивность чувствованій, обусловливающихъ фиксацію вниманія. Вниманіе можетъ быть обращено и на наши представленія, и на наши мысли, и на чувства, и на волевыя движенія, и во всѣхъ случаяхъ оно дѣйствуетъ усиливающимъ образомъ. По словамъ Фехнера, всякое сосредоточеніе вниманія на какомъ-нибудь чувствѣ или ощущеніи почти равнозначуще ихъ пробужденію, а отвлеченіе вниманія—ихъ засыпанію. Вниманіе оказываетъ вліяніе даже на сердце и кровеносные сосуды нашего тѣла, чѣмъ объясняется, между прочимъ, то, что нѣкоторые люди дѣйствительно краснѣютъ, если имъ скажутъ, что они покраснѣли.

При этомъ вниманіе обладаетъ, во-первыхъ, извѣстной интенсивностью, или степенью и высотой и, во-вторыхъ, извѣстнымъ объемомъ, т.-е. количествомъ переживаній, на какія направлено наше вниманіе. Кюльпе удачно указалъ на то, что чѣмъ выше интенсивность вниманія, тѣмъ меньше его объемъ, и наоборотъ. Если мы сосредоточимся на чемъ-нибудь одномъ, то, сузивъ, такимъ образомъ, поле сознанія, мы будемъ видѣть это одно яснѣе; если мы обратимъ вниманіе сразу на многое, мы потеряемъ въ степени вниманія. Есть люди съ интенсивнымъ, высокимъ вниманіемъ, но малымъ объемомъ вниманія; и наоборотъ, есть люди съ большимъ объемомъ, но низкою степенью интенсивности вниманія. И къ этой послѣдней категоріи относятся дѣти, благодаря чему наблюденія дѣтей не отличаются большою точностью, и показанія ихъ относительно видѣннаго и слышаннаго полны невольныхъ ошибокъ. Очень важно для педагога знать, что объемъ воспринимаемыхъ впечатлѣній можетъ быть значительно увеличенъ, благодаря свя-

зямъ между отдѣльными впечатлѣніями. Каттель очень быстро передвигалъ передъ глазами рядъ буквъ; оказалось, что когда передвигаемыя буквы образовывали слова, то ихъ можно было замѣтить втрое больше, чѣмъ тогда, когда ихъ сочетанія были безсмысленны. Когда слова составляли цѣлую связную фразу, то количество запоминаемыхъ словъ увеличивалось еще вдвое. При этомъ осмысленная фраза схватывалась цѣликомъ. Кромѣ того, различаютъ *стойкое* вниманіе, если мы можемъ подолгу сосредоточивать свое вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ; если же мы этого не можемъ, если мы при этомъ легко утомляемся и быстро переходимъ съ предмета на предметъ, это будетъ не стойкое вниманіе, какимъ оно обыкновенно бываетъ во время дѣтства. Кромѣ того, ребенокъ менѣе, чѣмъ взрослый, въ состояніи сопротивляться развлекающимъ его впечатлѣніямъ и потому легко отклонить его вниманіе въ сторону.

Одни могутъ приспособляться къ данной работѣ быстро, а другіе медленно. Одни могутъ, принявъ какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, руководиться имъ долгое время; а другіе, какъ, напримѣръ, почти всѣ дѣти, нуждаются все въ новыхъ и новыхъ побужденіяхъ, снова и снова подкрѣпляющихъ однажды принятое рѣшеніе.

Различаютъ вниманіе *внѣшнее,* направленное наружу, на предметы окружающей насъ среды, и вниманіе внутреннее, направленное внутрь, на то, что происходитъ въ нашей душѣ. Первое имѣетъ дѣло съ тѣмъ матеріаломъ, какой доставляютъ намъ внѣшнія чувства, а второе — съ явленіями внутренней душевной жизни.

Иногда внутреннее вниманіе бываетъ настолько сильно и напряженно, что мы не видимъ и не слышимъ того, что дѣлается кругомъ. Такъ, мать, думающая о любимомъ, отсутствующемъ сынѣ, не слышитъ обращенныхъ къ ней вопросовъ. Хорошо извѣстно, что Кантъ, погружаясь въ свои размышленія, забывалъ самыя мучительныя свои боли. Аналогичные факты сообщаются и изъ жизни знаменитаго филолога Скалигера. Архимедъ, подъ вліяніемъ сдѣланнаго имъ открытія, побѣжалъ по улицамъ города, забывъ одѣться, забывъ, что онъ совершенно нагъ. Можно напомнить о христіанскихъ мученикахъ, пѣвшихъ священныя пѣсни на кострѣ и не чувствовавшихъ боли.

Крайнее развитіе внутренняго вниманія представляютъ стоики: вотъ почему они были такъ равнодушны къ внѣшнимъ условіямъ жизни и находили спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ внутри себя. Вотъ почему они могли сохранять надъ собою, надъ своими страстями и похотями почти безпредѣльную власть разума. Но еще чаще бываетъ, что внѣшнія впечатлѣнія мѣшаютъ намъ сосредоточиться на какомъ-нибудь даже важномъ дѣлѣ. Какая-нибудь крупная шалость одного ученика можетъ пріостановить работу цѣлаго класса.

Но дѣленіе вниманія не ограшичивается только двумя областями (внутренней и внѣшней). Мейманъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что, оставаясь послѣдовательными, мы должны были бы говорить также о вниманіи эмоціональномъ, волевомъ, сенсорномъ и моторномъ, смотря по тому, на какія изъ нашихъ переживаній вниманіе направлено: на наши чувства или на волевые акты, на наши ощущенія или на наши движенія.

Эволюціонная теорія объясняетъ происхожденіе вниманія біологически. Вниманіе было полезно и необходимо для жизни даже животныхъ и составляло важное преимущество въ борьбѣ за жизнь и дальнѣйшее развитіе. Вниманіе необходимо было и тѣмъ животнымъ, которыя занимались охотою, а также и тѣмъ, кто питался растительной пищей. Оно было необходимо и для добыванія пищи и для того, чтобы быть насторожѣ отъ враговъ и сохранить себя отъ всевозможныхъ опасностей и т. п. Вотъ почему естественный отборъ сохранялъ виды, обладавшіе развитымъ вниманіемъ, и истреблялъ виды, лишенные этой способности.

Хорошо извѣстно, что напряженіе вниманія сопровождается мускульными явленіями: извѣстнымъ выраженіемъ физіономіи, поворотомъ головы, туловища, наморщиваніемъ лба, сближеніемъ бровей. По мнѣнію Рибо и другихъ, мы при этомъ приспособляемся къ предстоящей работѣ, между прочимъ, задержкою дыханія. Что частое дыханіе мѣшаетъ вниманію, показываетъ слѣдующій фактъ. Бонвиль доказалъ, что посредствомъ усиленно частаго дыханія можно сдѣлать себя совершенно нечувствительнымъ къ боли; а нѣкоторые врачи примѣняли этотъ способъ анестезированья при операціяхъ.

Осборнъ доказалъ, что при напряженіи вниманія замедляется не только дыханіе, но и миганіе. Изъ разныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, можно вывести, что въ среднемъ выводѣ число миганій уменьшается въ такихъ случаяхъ приблизительно вчетверо. Гальтонъ, какъ извѣстно, нашелъ уменьшеніе вдвое. Извѣстно также, что сосредоточеніе вниманія сопровождается расширеніемъ зрачковъ. Экснеръ сравниваетъ всѣ подобныя приспособленія съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, открывая для поѣзда только одинъ путь и закрывая всѣ остальные. Дѣлались также сравненія съ телескопомъ или микроскопомъ, устанавливаемыми такъ, чтобы предметъ, на который мы смотримъ, пришелся въ фокусѣ (Гамильтонъ). Педагоги хорошо знаютъ, что для наилучшаго разсмотрѣнія какого-нибудь изучаемаго предмета, наглядиаго пособія и проч. ученики должны установить соотвѣтственнымъ образомъ свое тѣло, дать надлежащее положеніе головѣ, рукамъ, туловищу, задержать излишнія ненужныя движенія. Если дѣти не сдѣлаютъ необходимыхъ приспособленій, они ничего не увидятъ.

Педагогамъ извѣстно, что это приспособленіе къ работѣ у дѣтей происходитъ медленнѣе, а у взрослыхъ быстрѣе, что, впрочемъ, надо сказать и о всѣхъ прочихъ душевныхъ явленіяхъ дѣтства. Дѣти медленно читаютъ, медленно говорятъ, медленно запоминаютъ и проч. Въ дѣлѣ же приспособленія къ работѣ ребенокъ совершаетъ это приспособленіе не только медленно, но еще неумѣло. Онъ расходуетъ, безусловно напрасно и очень много энергіи на совершенно излишнія и ни для чего не нужныя движенія. Совсѣмъ не нужно для приспособленія, напримѣръ, къ письму высовывать языкъ, двигать всею рукою и всѣмъ туловищемъ, а неумѣлый ребенокъ дѣлаетъ это сплошь и рядомъ. Есть антагонизмъ между сосредоточеннымъ вниманіемъ и усиленными движеніями, и на это обратилъ вниманіе еще Дарвинъ. При большомъ сосредоточеніи вниманія мы неподвижны. Не этой ли противоположностью между вниманіемъ и движеніями мускуловъ объясняется тотъ фактъ, что силачи цирковъ обыкновенно не поражаютъ насъ своими умственными дарованіями. По словамъ Бэна, думать — значитъ воздерживаться отъ словъ и движеній.

Эти внѣшнія выраженія вниманія бываютъ различны, смотря по тому, на что именно направлено наше вниманіе—на внѣшній міръ или внутрь насъ самихъ. Стоитъ сравнить картину Перова «У желѣзной дороги» съ картиною «Мечты Вагнера», и это различіе сразу бросится въ глаза. Хорошо извѣстно, что у дѣтей преобладаетъ внѣшнее вниманіе надъ внутреннимъ, на чемъ, между прочимъ, основано требованіе предметнаго обученія, и чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ больше должна преобладать наглядность.

Внутреннее вниманіе называютъ еще умственнымъ, а внѣшнее — чувственнымъ, потому что первое направляется на какія-нибудь идеи, отвлеченныя понятія и т. п., а послѣднее направляется на какое-нибудь чувственное впечатлѣніе: звукъ, форму, цвѣтъ, запахъ. Когда рѣчь идетъ о приспособленіи туловища, шеи, рукъ, лица, глазъ, языка, носа и проч., то имѣется въ виду, главнымъ образомъ, болѣе удобное приспособленіе для того, чтобы что-нибудь разсмотрѣть, услыхать, ощупать, понюхать, попробовать на вкусъ и т. д. Безъ такого приспособленія мы не увидимъ, не услышимъ и вообще не воспримемъ того, что нужно. Безъ такого приспособленія мы услышимъ и увидимъ не то, что важно и существенно, а лишь то, что очень громко или очень ярко, — однимъ словомъ, мы воспримемъ наиболѣе сильныя, а не наиболѣе нужныя раздраженія, идущія изъ внѣшняго міра. Мы вообще улавливаемъ очень незначительную часть звуковъ, формъ, красокъ и вообще впечатлѣній, которыя прутъ на насъ со всѣхъ сторонъ каждую секунду. Но кромѣ этого приспособленія внѣшнихъ чувствъ, нужно еще внутреннее приспособленіе нашего верхняго мозга. Это похоже на то, какъ для исправнаго доставленія телеграммы

Съ карт. Перова. (Примѣръ внѣшняго вниманія.)

Мечты Вагнера. (Примѣръ внутренняго вниманія).

необходимо, чтобы правильно работали аппараты не только на той станціи, откуда депеша посылается, но и тамъ, гдѣ она получается. По мнѣнію Джемса, усиліе при направленіи внутренняго вниманія на какую-нибудь неясную картину заключается въ стремленіи образовать возможно болѣе ясную идею того, что тамъ изображено. Гельмгольцъ, рѣшавшій этотъ вопросъ путемъ многочисленныхъ опытовъ, пришелъ къ выводу, что въ затруднительныхъ случаяхъ наблюденій мы должны образовать въ умѣ ясное представленіе того, что мы надѣемся увидѣть. Тогда ожидаемый образъ дѣйствительно появится. Эксперименты надъ продолжительностью реакціи показали, что въ то время, какъ время реакціи въ случаѣ разсѣянности поднимается до 500 σ., при выжидательномъ вниманіи, при полной опредѣленности того, чего долженъ ожидать испытуемый, и при условномъ знакѣ, предупреждающемъ о наступленіи впечатлѣнія, это время можетъ быть сокращено до 76 σ. По мнѣнію Миллера, здѣсь сливаются вмѣстѣ два первныхъ тока: во-первыхъ, впечатлѣніе, а во-вторыхъ, предварительное представленіе. И при этомъ второй токъ усиливаетъ дѣйствіе перваго.

Изъ повседневной жизни мы знаемъ, что ожиданіе значительно облегчаетъ усвоеніе ожидаемаго. Стоитъ какому-нибудь знакомому вамъ комику появиться на подмосткахъ, какъ у васъ уже появилась улыбка, и вы, опережая событія, уже смѣетесь, какъ будто бы онъ успѣлъ сказать что-нибудь дѣйствительно смѣшное. Стоитъ мнительному человѣку услыхать, что въ городѣ, гдѣ онъ живетъ, свирѣпствуетъ холера, и онъ уже почувствуетъ въ своемъ организмѣ признаки холеры. Суевѣрный крестьянинъ въ ожиданіи, что прославленный знахарь вылѣчитъ его, съ глубокой вѣрой исполнитъ всѣ его совѣты, затѣмъ вообразитъ себя выздоровѣвшимъ и, наконецъ, можетъ дѣйствительно выздоровѣть, если болѣзнь его обусловливалась какими-нибудь нервными страданіями. Большая часть чудесъ, совершаемыхъ знахарями, шарлатанами, а также на прославленныхъ могилахъ, источникахъ и т. д., объясняется именно такимъ образомъ.

Ожиданіе вкуснаго блюда вызываетъ усиленное отдѣленіе слюны. Ожиданіе, что, стоя на высокой колокольнѣ, можно упасть, заставляетъ фиксировать вниманіе на возможности упасть, и случается, что нервные люди при этомъ дѣйствительно падали. Ожиданіе птицы, что ее можетъ проглотить змѣя, бросаетъ птичку въ змѣиную пасть.

Итакъ, ожиданіе представляетъ наилучшее средство для возбужденія вниманія. Но это можно сказать только объ ожиданіи чего-нибудь опредѣленнаго, а не о безпредметномъ ожиданіи. Одно дѣло сказать, какой именно вопросъ будетъ разсмотрѣнъ нами, какая задача будетъ разрѣшена, на какіе признаки мы должны обратить особое вниманіе на урокѣ, и совсѣмъ

другое дѣло сказать: «Будьте внимательны, я что-то вамъ разскажу или покажу». Въ первомъ случаѣ ученики удержатъ свое вниманіе на опредѣленномъ пунктѣ и подготовятъ не только внѣшнія чувства, но и свой мозгъ къ опредѣленному воспріятію; во второмъ случаѣ никакой такой подготовки не произойдетъ. Ожидая чего-нибудь опредѣленнаго, ученикъ вызоветъ въ своей памяти соотвѣтствующія этому опредѣленному представленію бывшія съ нимъ раньше переживанія. Зная, напримѣръ, что урокъ пойдетъ объ обезьянѣ, ученикъ припомнитъ то, что онъ читалъ объ обезьянахъ, слышалъ о нихъ, какое впечатлѣніе произвели онѣ на него при посѣщеніи зоологическаго сада, какими онѣ представлялись ему на картинкахъ; а въ этомъ-то припоминаніи и состоитъ дѣйствительная подготовка къ воспріятію новыхъ свѣдѣній объ обезьянахъ. И конечно, чѣмъ больше этихъ припоминаній, тѣмъ богаче будетъ и воспріятіе. Вотъ почему во время прогулки ботаникъ увидитъ гораздо больше растеній, а въ каждомъ растеніи гораздо больше особенностей и деталей, чѣмъ неспеціалисты. То же можно сказать и объ энтомологѣ по отношенію къ насѣкомымъ, о палеонтологѣ по отношенію къ окаменѣлостямъ и т. д.

Если, входя впервые въ лѣсъ верховья Оки, мы прочли предварительно Тургенева, мы легче воспримемъ красоты окскаго пейзажа. Ребенокъ видитъ въ растеніи, въ животномъ, въ камнѣ, въ наглядномъ пособіи большею частью лишь то, на что кто-нибудь и когда-нибудь ему указалъ. Не даромъ учителя такъ любятъ пользоваться катихизическимъ пріемомъ преподаванія. Вопросъ — это одно изъ средствъ подготовить мозгъ къ воспріятію того, что нужно по ходу урока. Прежде чѣмъ показать какой-нибудь предметъ или пособіе, учитель путемъ вопросовъ или инымъ какимъ-нибудь способомъ возбуждаетъ въ дѣтяхъ ожиданіе того, что имъ предстоитъ увидѣть; они подбираютъ въ своей памяти образы, которые помогутъ имъ составить должное предварительное представленіе о данномъ предметѣ. Задача учителя состоитъ въ томъ, чтобы подготовить такіе образы. Прежде чѣмъ перейти къ какой-нибудь неясной картинѣ, очень важно, чтобы въ головѣ учениковъ было что-нибудь аналогичное, но ясное и яркое. Вотъ почему дѣти любятъ въ разсказахъ, образы ясные и опредѣленные: добро — такъ добро, очевидное, съ самоотверженіемъ, щедростью, великодушіемъ; зло — такъ зло несомнѣнное, ужасное, съ коварствомъ, съ жестокостью, безъ жалости и безъ пощады; зима — такъ зима, съ трескучими морозами, съ замерзающими на лету птицами и т. п.; лѣто — такъ лѣто настоящее, жаркое, съ цвѣтами, бабочками, сѣнокосомъ и проч. Запасшись такими образами, они легче потомъ разберутся и въ болѣе сложныхъ явленіяхъ, со множествомъ тонкихъ оттѣнковъ и переходныхъ моментовъ.

Правда, это ожиданіе, о которомъ мы говоримъ, можетъ иногда повести къ ошибкамъ. Ищущій грибовъ въ лѣсу можетъ

принять издали за грибъ сухой листъ, валяющійся на землѣ; рыболовъ можетъ принять упавшій въ рѣку камень за плескъ рыбы, но такія ошибки сейчасъ же большею частью и исправляются. Неисправимыми окажутся ошибки развѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не будетъ средства точно изслѣдовать данное явленіе. Къ числу подобныхъ случайностей можно отнести фактъ, переданный еще Гельвеціемъ. Однажды веселая дама и католическій патеръ смотрѣли въ телескопъ (должно-быть, не особенно хорошій) на луну. И дама была убѣждена, что она видитъ двѣ тѣни — мужчины и женщины, нѣжно наклонившіяся другъ къ другу, а патеръ увѣрялъ, что онъ видитъ только соборъ съ двумя главами

Изъ вышеизложеннаго ясно, что, если мы свяжемъ сообщаемое ученикамъ съ ихъ господствующими мыслями, чувствами и стремленіями, отражающими обыкновенно стремленіе къ развитію, — это будетъ самымъ лучшимъ приспособленіемъ вниманія къ нашему уроку. Въ такомъ приспособленіи мы нуждаемся и тогда, когда вниманіе направлено на какой-нибудь внѣшній предметъ, и тогда, когда оно направлено внутрь, на наши образы, мысли и чувства.

Различаютъ еще непроизвольное, пассивное вниманіе, когда, напримѣръ, мы дѣлаемъ интересную для насъ работу, привлекающую насъ къ себѣ помимо нашей воли, какъ привлекаетъ насъ иногда чтеніе интересной книги, какая-нибудь игра и т. п., отъ произвольнаго, активнаго вниманія, когда мы заставляемъ себя дѣлать неинтересную работу, по чувству долга или какимъ-либо инымъ соображеніямъ, когда, напримѣръ, учитель просматриваетъ тетради учениковъ, профессоръ экзаменуетъ студентовъ и т. п. Наиболѣе характернымъ признакомъ активнаго вниманія считается чувство нашего усилія, котораго въ пассивномъ вниманіи не бываетъ. У дѣтей, какъ извѣстно, преобладаетъ пассивное, непроизвольное вниманіе, и вотъ почему многіе педагоги вслѣдъ за Гербартомъ и сейчасъ требуютъ, чтобы все обученіе основывалось на интересахъ дѣтей, при чемъ привлекалось бы ихъ пассивное вниманіе. Но другіе педагоги, какъ, напримѣръ, Ушинскій, исходя изъ той мысли, что въ жизни намъ часто приходится дѣлать и неинтересную работу, требуютъ, чтобы на ряду съ непроизвольнымъ вниманіемъ развивалось и произвольное.

Необходимо, однако, считаться съ тѣмъ фактомъ, что во всякомъ возрастѣ, но особенно въ дѣтскомъ, сила пассивнаго вниманія во много разъ превосходитъ силу активнаго вниманія. Ребенокъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, напоминаетъ намъ дикаря. Дикарь съ увлеченіемъ предается игрѣ, охотѣ, войнѣ, онъ ищетъ неожиданностей, приключеній; но онъ ненавидитъ усидчивый и планомѣрный трудъ, требующій произвольнаго вниманія. Когда Дарвинъ спросилъ у гаучей, преданныхъ воровству, игрѣ и пьянству, почему они не

работаютъ, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: «Дни слишкомъ длинны». Точно такъ же и ребенку, который играетъ и бѣгаетъ безъ-устали цѣлый день, руководясь только интересомъ, принимаясь только за то, что само приковываетъ его вниманіе, дни показались бы нестерпимо скучными и длинными, если бы его заставили дѣлать неинтересующую его работу.

Въ настоящее время въ психологіи борятся два взгляда на произвольное вниманіе. Но если даже мы согласимся со школою Вундта, который признаетъ произвольное вниманіе, какъ нѣчто отличающееся отъ вниманія пассивнаго (другая школа между обоими видами вниманія не признаетъ никакой разницы по существу), даже тогда мы все же въ дѣтскомъ возрастѣ должны будемъ отдать всѣ преимущества вниманію пассивному. Произвольное вниманіе приходитъ поздно: это уже высшая ступень развитія. Но мало и этого. Произвольное вниманіе не можетъ образоваться изъ ничего. Оно представляетъ собою преобразованное непроизвольное вниманіе. Обыкновенно мы искусственно дѣлаемъ интереснымъ то, что само по себѣ неинтересно. Ребенокъ любитъ сказки. Мы читаемъ ему ихъ и говоримъ, что когда онъ выучится читать, онъ найдетъ въ книгахъ много занимательныхъ сказокъ. Рибо приводитъ слѣдующую очень удачную иллюстрацію такого заимствованнаго интереса. Ребенокъ съ интересомъ разсматриваетъ въ книжкѣ картинки; но онъ не знаетъ, что изображаютъ онѣ. И мы говоримъ ему, что когда онъ выучится читать, онъ самъ прочтетъ въ книжкѣ, что именно тутъ нарисовано. Перецъ приводитъ въ примѣръ семилѣтняго ребенка, который на вопросъ няни о томъ, что онъ дѣлаетъ, отвѣчалъ: «Я пишу по-нѣмецки; правда, это не весело, но я хочу сдѣлать пріятный сюрпризъ мамѣ». Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искусственно переносится уже существующій у ребенка интересъ къ сказкамъ и картинкамъ — на процессъ чтенія, желаніе угодить матери—на нѣмецкое письмо. Мы ищемъ въ душѣ ребенка двигатель, т.-е. интересъ, и опираемся на него. Если этого двигателя нѣтъ или мы не умѣли его найти, наше дѣло проиграно. Только сдѣлавъ непривлекательную работу привлекательной, мы можемъ заставить ребенка быть внимательнымъ. Затѣмъ ребенокъ мало-помалу втянется въ работу. Она станетъ для него привычнымъ дѣломъ. Мы, взрослые люди, дѣлаемъ скучную работу въ родѣ веденія бухгалтерскихъ книгъ тоже по привычкѣ, которая стала нашею второю природою. Но и мы достигли этой привычки, облегчающей процессъ вниманія, не вдругъ и не безъ усилій. Пройдутъ года, и ребенокъ, какъ и мы, по привычкѣ будетъ внимательно исполнять работу, которая теперь кажется ему скучной. Но первые шаги можно сдѣлать, лишь опираясь на интересъ непосредственный, когда самъ предметъ изученія приковываетъ къ себѣ вниманіе ребенка, или посредственный, заимствованный интересъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ выписри-

веденныхъ нами примѣрахъ, и во множествѣ другихъ, какъ напримѣръ, когда ребенокъ работаетъ, чтобы заслужить одобреніе учителя. Точкой опоры и точкой отправленія для активнаго вниманія служитъ вниманіе пассивное, основанное на привлекательности и интересѣ, какой представляетъ само обученіе.

Мы уже говорили о томъ, что интересъ для ребенка—это естественный показатель того, что нужно въ данный моментъ для его развитія, а скука — знакъ того, что безполезно или даже вредно.

Чтобы сдѣлать ребенка тупицей, по справедливому замѣчанію Джорджъ Элліотъ, нѣтъ ничего лучшаго, какъ вбивать въ голову ребенка изрядный запасъ знаній о такихъ предметахъ, которыми онъ нисколько не интересуется. «Воспитаніе, — говоритъ Друммондъ,—это наука о заинтересовываніи». Мы не хотимъ, конечно, сказать, что въ жертву какому-нибудь спеціальному интересу должны быть принесены и знанія и общее развитіе; мы хотѣли бы только, чтобы учитель, достигая общаго образованія, не жертвовалъ и интересомъ, какъ природнымъ показателемъ естественнаго стремленія къ развитію. Даже тѣ учителя, которые заставляютъ ученика учиться изъ страха наказаній или изъ желанія получить награду, даже они пользуются интересами ребенка, связывая съ ними обученіе; но это связь искусственная и внѣшняя по отношенію къ ребенку и потому не можетъ съ такимъ успѣхомъ развить непосредственной любви къ самому ученью, какъ это достигается путемъ пассивнаго вниманія. Вниманіе непроизвольное есть выраженіе и показатель естественнаго органическаго, часто безсознательнаго стремленія ребенка къ развитію; тогда какъ вниманіе произвольное, по справедливому мнѣнію Рибо, есть продуктъ искусства воспитанія, дрессировки. Оно привито къ естественному вниманію и питается на его счетъ, какъ привитая вѣтвь питается на счетъ ствола растенія. Естественное вниманіе не требуетъ со стороны ребенка никакихъ усилій: оно появляется легко и самопроизвольно; вниманіе же активное, произвольное, какъ сказано выше, всегда сопровождается чувствомъ усилія.

Можно было бы привести множество примѣровъ изъ біографій знаменитыхъ людей въ доказательство того, что интересъ къ предмету ихъ дѣятельности былъ и отправною точкою и постояннымъ двигателемъ всей ихъ жизни. Фурье до 13 лѣтъ отличался необузданно-рѣзвымъ характеромъ и лѣнью, но сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда познакомился съ началами математики, которая его заинтересовала. Мальбранша случайное знакомство съ однимъ изъ сочиненій Декарта превратило въ ревностнаго картезіанца. Чувства любознательности и удовольствія, пробужденныя начатками математики въ первомъ случаѣ и мыслями Декарта во второмъ, — вотъ что составляло причину возбужденнаго страстнаго вниманія въ обо-

ихъ случаяхъ. Представьте, что эти чувства не были бы возбуждены, и все осталось бы попрежнему.

Начало вниманія лежитъ въ возбужденномъ предметами изученія интересѣ. Памятуя, что у ребенка слабо вниманіе активное и сильно вниманіе пассивное, непроизвольное, педагогъ, чтобы использовать эту особенность дѣтскаго возраста, долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы внести больше интереса въ свои уроки, чтобы сообщить имъ привлекательность, связывая ихъ съ чѣмъ-нибудь интересующимъ ребенка.

Хорошо выразилъ эту мысль Джемсъ, говоря, что произвольное вниманіе является только скачками, оно — дѣло мгновенія. Весь процессъ, въ чемъ бы ни состояла его сущность, сводится къ одному единственному акту, и если послѣ этого акта предметъ не удерживается въ силу какого-нибудь, хотя бы малѣйшаго, но присущаго ему самому интереса, то намъ совершенно не удается заняться имъ.

Учитель можетъ возбудить произвольное вниманіе на одинъ моментъ; но чтобы удержать дѣтскую мысль на томъ предметѣ, къ которому онъ привлекалъ, онъ долженъ сдѣлать самый предметъ настолько интереснымъ, чтобы вниманіе уже не стремилось отклониться отъ него. Неослабѣвающее вниманіе, съ которымъ геніальные люди по цѣлымъ часамъ занимаются своимъ предметомъ, по большей части есть вниманіе пассивное.

По мнѣнію Элленъ Кей, «свобода заключается въ томъ, чтобы рабски слѣдовать собственной природѣ. Лишь то, что радуетъ художника, именно то и рисовать; лишь то, что даетъ ему интенсивное чувство счастья; лишь то, къ чему его понуждаетъ его собственная природа; лишь то, въ чемъ онъ находитъ свое собственное удовольствіе, — это и будетъ искусство!»

Чтобы возбудить вниманіе дѣтей, употребляются разныя средства. Различаютъ посредственные и непосредственные возбудители вниманія. Къ числу непосредственныхъ возбудителей можно отнести неожиданность впечатлѣнія, величину предмета, если онъ необычно великъ или необычайно малъ. Вотъ почему при изученіи зоологіи нѣкоторые учителя начинаютъ съ самыхъ большихъ животныхъ (кита, слона и т. д.), а затѣмъ переходятъ къ самымъ маленькимъ (инфузоріямъ и т. д.). Сюда же надо отнести и интенсивность впечатлѣнія. Вотъ почему учителю выгодно обладать громкимъ голосомъ. Сюда же относится и контрастъ. Учителя знаютъ, что когда предъ глазами ученика находятся два предмета съ противоположными качествами, то онъ быстрѣе схватываетъ сущность того и другого. Свѣтъ лампы представляется намъ ярче, если лампа внесена въ темную комнату. То же самое съ впечатлѣніями, получаемыми чрезъ органы слуха: выстрѣлъ громче, если онъ раздается въ тишинѣ; такъ же отдыхъ сознается лучше послѣ трудной работы, большое — послѣ малаго, красное — послѣ зеленаго, сладкое — послѣ горькаго. Мы чувствуемъ холодъ сильнѣе, если

выходимъ изъ теплой комнаты или обливаемся холодною водою въ жаркой банѣ. Съ другой стороны, безъ новыхъ впечатлѣній, безъ перемѣнъ и безъ контрастовъ трудно было бы пробудить даже слабую степень вниманія. Опытъ показываетъ, что можно убить лягушку, настолько медленно усиливая тепло или электричество, что лягушка не почувствуетъ этого и даже не двинетъ ни однимъ членомъ. Непрерывный шумъ мостовой, мельницы, чугунки или лѣса не замѣчается нами, если мы слышимъ этотъ шумъ постоянно, но зато мы сейчасъ же замѣтимъ переходъ къ тишинѣ. На это дѣйствіе контраста разсчитываютъ учителя, когда, описывая жаркія страны, заставляютъ дѣтей сравнивать ихъ съ холодными странами, когда обращаютъ вниманіе учениковъ на контрасты между двумя царствованіями, между земледѣльческимъ и фабричнымъ бытомъ, между степью и лѣсомъ, между жизнью растеній и жизнью животныхъ, между мертвою и живою природою и проч. Одинъ писатель приводитъ очень удачный примѣръ дѣйствія контраста. Онъ разсказываетъ, какъ прочно запечатлѣлось въ его памяти имя автора серьезнаго юридическаго трактата, когда онъ узналъ, что этотъ трактатъ былъ написанъ творцомъ мирныхъ пастушескихъ стихотвореній. Но нигдѣ вліяніе контрастовъ не проявляется такъ сильно, какъ въ области чувства. Вся наша жизнь въ этой области состоитъ изъ контрастовъ между удовольствіемъ и страданіемъ. Это хорошо знаютъ художники. Посмотрите на картину Рѣпина «Софья въ заключеніи». Сама воплощенная энергія—Софья,—и кроткіе глазки младенца; искаженное гнѣвомъ лицо, и лампада передъ ликомъ распятаго Христа на иконѣ.

Эти контрасты прекрасно оттѣняютъ мысль, вложенную художникомъ въ картину, особенно усиливаютъ впечатлѣніе.

Это хорошо знаютъ поэты.

«Чѣмъ ночь темнѣй,
Тѣмъ звѣзды ярче»,

говоритъ поэтъ.

И когда другой поэтъ пишетъ.

«Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ»,

то онъ разсчитываетъ, что дѣйствіе контраста значительно усилитъ впечатлѣніе.

Сама природа, по вѣрному замѣчанію Виктора Гюго, дѣйствуетъ контрастами. «Съ помощью противоположностей заставляетъ она выступать предметы. Съ помощью противорѣчій заставляетъ чувствовать окружающее: свѣтъ посредствомъ мрака, жаръ посредствомъ холода и т. д. Всякій свѣтъ производитъ тѣнь. Отсюда выпуклость, контуръ, пропорція, отношеніе, реальность. Поэтъ — этотъ философъ конкретнаго и

живописецъ отвлеченнаго — долженъ подражать природѣ — дѣйствовать контрастами. Рисуетъ ли онъ человѣческую душу, рисуетъ ли внѣшній міръ, онъ долженъ вездѣ противополагать тѣнь — свѣту, духъ — матеріи, матерію — духу... Это вѣчное сопоставленіе вещей съ ихъ противоположностями для поэзіи, какъ и для вещественнаго міра и есть сама жизнь».

Наблюденія показываютъ, что дѣти очень любятъ подчеркивать утвержденіе, противопоставляя ему отрицаніе, подчеркивать хорошее, противопоставляя ему дурное. Знакомая мнѣ дѣвочка въ возрастѣ 4-хъ лѣтъ очень любила противопоставлять добрые поступки (вымышленные) дурнымъ, приписывая первые знакомой ей Красненькой Олѣ, а вторые — Синенькой Олѣ. Знакомый мнѣ мальчикъ въ томъ же возрастѣ приписывалъ всѣ дурные поступки Чужому Тику, а всѣ хорошіе—Родному Тику, постоянно противопоставляя дурное хорошему. Одинъ глухонѣмой мальчикъ вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ долженъ любить и почитать своего учителя, выразилъ эту мысль такъ: «Учитель я бить, обманывать, бранить—нѣтъ. Я любить, почитать — да». Такимъ образомъ, учитель, пользуясь контрастами, идетъ навстрѣчу безсознательнымъ попыткамъ самихъ дѣтей противопоставлять добро злу, утвержденіе — отрицанію и т. п.

Къ числу возбудителей, особенно важныхъ въ педагогическомъ отношеніи, принадлежатъ тѣ, которые дѣйствуютъ, благодаря своей связи съ нашими интересами. Генле по этому поводу вспоминаетъ мать, спящую у колыбели ребенка. Она можетъ не проснуться во время пожарной тревоги и въ то же время пробуждается отъ малѣйшаго шороха ребенка.

Иногда можно заинтересовать ребенка, казалось бы, даже скучными вещами. Одного извѣстнаго мнѣ мальчика заинтересовала таблица умноженія, когда ему указали, что въ произведеніяхъ на 9 ($1\times9=9$, 2×9 и т. д.) сумма цифръ произведенія вездѣ равна 9; и что цифры произведенія постоянно понижаются въ единицахъ (9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1) и повышаются въ десяткахъ (0, 1, 2, 3, 4 и т. д.). Очевидно, на его любознательность подѣйствовало открытіе законосообразности тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ ее встрѣтить.

Можно заинтересовать иногда путемъ аналогій, сравненій съ одушевленными предметами и по преимуществу съ человѣкомъ. Это знаютъ поэты, и когда они описываютъ даже мертвую природу, они одухотворяютъ ее, сравнивая съ человѣческими переживаніями.

Можно заинтересовать иногда, иллюстрируя общія положенія примѣрами, взятыми изъ области, близкой ученикамъ.

Можно заинтересовать, связывая новое со старымъ и не повторяя стараго въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ оно пройдено.

Еще легче заинтересовать, разсматривая изучаемый предметъ съ разныхъ и все новыхъ и новыхъ сторонъ, дѣйствуя на дѣтскую любознательность. Такимъ образомъ, мы удовлетворяемъ педагогическому правилу, которое требуетъ «разнообразія въ единствѣ». Если одного воздѣйствія на любознательность ребенка недостаточно, можно опираться и на другіе стимулы. Можно, напримѣръ, указать на извѣстныхъ людей, въ чьей жизни знаніе такого-то предмета сыграло крупную роль. Если возможно индивидуализировать обученіе, то одинъ изъ самыхъ лучшихъ способовъ возбужденія интереса заключается въ томъ, чтобы связывать изучаемый предметъ съ тѣмъ, что въ данный моментъ интересуетъ ученика. Другимъ условіемъ интереснаго преподаванія служитъ, чтобы самъ учитель интересовался урокомъ, какой онъ даетъ. Скука же и вялость учителя отразится и на его ученикахъ; ибо «сердце, — по словамъ поэта, — тѣмъ не убѣдится, что не отъ сердца говорится».

Я зналъ мальчика, ненавидящаго рисованіе и признаннаго учительницею совершенно неспособнымъ къ рисованію; но при другой учительницѣ, любящей искусство и заражающей тою же любовью дѣтей, этотъ ребенокъ не только полюбилъ рисованіе, но очень скоро обогналъ своихъ болѣе взрослыхъ и долго учившихся товарищей. Находчивый учитель можетъ иногда и самыя сухія свѣдѣнія сообщить въ формѣ разсказа, полнаго движенія и драматизма.

Есть мнѣніе, будто для ученика можетъ быть интересенъ только урокъ, не требующій отъ него серьезнаго, усиленнаго труда, будто только легкія упражненія могутъ доставить удовольствіе ребенку. Это совершенно не вѣрно. Очень часто мы видимъ ребенка, заинтересованнаго мудреною задачею, требующею отъ него устойчивой, напряженной работы мысли; и еще чаще мы видимъ разсѣяннаго, скучающаго ребенка, занятаго самымъ легкимъ, но безцѣльнымъ и безсодержательнымъ упражненіемъ. Нужно избѣгать непосильныхъ задачъ,—это правда; но нечего бояться серьезной работы, въ мѣру силъ ученика.

Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, П. Леви, отождествляютъ вниманіе съ самовнушеніемъ. «Внушить себѣ какую-нибудь идею и сосредоточить на ней свое вниманіе въ такой мѣрѣ, чтобы она тотчасъ же перешла въ дѣйствіе»,—вотъ къ чему, по этой версіи, сводится самовнушеніе, а слѣдовательно, и вниманіе. Извѣстный изслѣдователь гипнотизма Брайдъ сводитъ гипнозъ ни къ чему иному, какъ къ сосредоточенію вниманія. Бирдъ уподобляетъ корковое вещество мозга газовой люстрѣ со множествомъ рожковъ. Когда они всѣ горятъ—это нормальное состояніе, когда они погашены, но не совсѣмъ—это сонъ; когда же погашены всѣ, за исключеніемъ одного, горящаго необыкновенно ярко—это гипнозъ. Эта теорія оспаривается, но нельзя, кажется, оспаривать того, что внушеніемъ можно подготовить субъекта къ сосредоточенному вниманію.

Какъ извѣстно, гипнотизеръ можетъ внушить сомнамбулѣ какой-нибудь образъ и сообщить этому образу такую же силу, и яркость, какую имѣютъ только галлюцинаціи. Но гипнозъ признается вреднымъ для здоровья. Однако, и простое педагогическое внушеніе можетъ сдѣлать чудеса въ этомъ отношеніи.

Извѣстно, какъ много значитъ въ лѣченіи болѣзней вѣра больного въ лѣкарство и ожиданіе, что онъ выздоровѣетъ, принимая его. Извѣстны случаи успѣшнаго лѣченія лѣкарствами, не имѣющими ровно никакого значенія въ медицинѣ, при чемъ выздоровленіе можно было отнести только къ внушенію, вѣрѣ и ожиданію. Такимъ образомъ удавалось излѣчивать даже такія болѣзни, какъ бородавки, золотуху, цынгу. Не даромъ знаменитый Шарко одну изъ своихъ брошюръ озаглавилъ фразою «Вѣра исцѣляетъ» и привелъ въ ней цѣлый рядъ примѣровъ чудесныхъ исцѣленій посредствомъ внушенія и вѣры.

Извѣстно также, что малѣйшее сомнѣніе въ удачѣ можетъ испортить дѣло. По мнѣнію Маудсли, если у воина во время битвы явится мысль о пораженіи, этого одного достаточно, чтобы его мышечная сила ослабла: онъ уже наполовину побѣжденъ. Если у ученика колеблется вѣра въ свои способности и исчезаетъ любовь къ ученью, то талантливый учитель можетъ внушить ребенку то прямымъ, а большею частью косвеннымъ путемъ и вѣру въ свои силы, и охоту къ ученью, и отсталый ребенокъ будетъ вѣрить, что онъ въ состояніи догнать и даже перегнать своихъ сверстниковъ, что онъ хочетъ учиться, и дѣйствительно станетъ внимательнымъ и прилежнымъ ученикомъ. Если такъ легко внушить ребенку, что пустая рюмка пахнетъ духами или лимонадомъ, какъ это дѣлаетъ Бине, то почему нельзя сдѣлать и болѣе важнаго и болѣе нужнаго, съ педагогической точки зрѣнія, внушенія, почему нельзя внушить интереса къ занятію, считавшемуся до сихъ поръ скучнымъ. Все дѣло въ талантѣ учителя.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ внушить отсталому ребенку вѣру въ свои силы — это давать ему только посильную работу и притомъ безъ переутомленія. Успѣхъ въ такой работѣ убѣдитъ его въ возможности учиться, подниметъ его духъ, уничтожитъ недовольство собою, недовольство учителемъ и школою. И тогда станетъ возможно еще болѣе заинтересовать ребенка уже самымъ предметомъ обученія. Еще Квинтиліанъ совѣтовалъ хвалить ребенка и поставить дѣло такъ, чтобы ученикъ всегда чувствовалъ удовольствіе отъ своихъ занятій. Напротивъ, непосильная работа дастъ какъ разъ обратный результатъ: поколеблетъ вѣру въ свои силы, вызоветъ тяжелое чувство неисполненнаго долга, быть-можетъ, недовольство къ самому себѣ и отвращеніе къ школѣ и учителю. Бойтесь хотя бы только разъ вызвать такое тяжелое настроеніе. Экспериментально доказано, что угнетающее душевное волненіе замедляетъ ско-

рость мысли на 15—25%, и такое состояніе продолжается въ теченіе 2 дней (Сикорскій).

Одинъ хорошо извѣстный мнѣ ребенокъ отличается большою возбудимостью. Между прочимъ, это проявляется въ сильной возбудимости его сердца и въ его крайней застѣнчивости въ присутствіи незнакомыхъ людей. Такая особенность темперамента обходится ему дорого. Умный и способный мальчикъ, онъ можетъ вполнѣ продуктивно работать только до первой ошибки, если учитель не найдется какъ-нибудь предотвратить или успокоить обыкновенно вызываемое, такимъ образомъ, душевное волненіе. Ребенокъ начинаетъ путаться, говоритъ вздоръ и совершенно падаетъ духомъ.

Какъ ни индивидуальны интересы дѣтей, но у нихъ есть много общаго. Не даромъ экспериментальная педагогика посвящаетъ такъ много трудовъ изученію средняго ребенка.

Здѣсь не мѣсто подробно говорить о томъ, какъ можно пользоваться на практикѣ выводами экспериментальной педагогики объ интересахъ дѣтей. Тѣмъ болѣе, что и теперь многіе педагоги сообразаются съ интересами средняго ученика, напримѣръ, въ подборѣ матеріала для класснаго чтенія, а также въ подборѣ книгъ для дѣтской библіотеки и т. п. Желательно, однако, чтобы попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлано было больше и чтобы онѣ были разнообразнѣе.

Область дѣтскихъ интересовъ приводитъ насъ къ вопросу о дѣтскихъ чувствахъ вообще въ связи съ ихъ волею и вниманіемъ. И дѣйствительно, въ волевыхъ актахъ играетъ большую роль еще третій элементъ — чувство. Идея, не окрашенная чувствомъ, безплодна.

Рибо утверждаетъ, что причина непроизвольнаго вниманія лежитъ въ аффектахъ, въ чувствахъ. Онъ основываетъ это мнѣніе на томъ, что существуютъ незамѣтные переходы отъ непроизвольнаго вниманія или интереса къ чувству неожиданности, изумленію, оцѣпенѣнію, испугу и ужасу, а эти послѣднія представляютъ очень интенсивныя чувства. У идіотовъ потому и слабо вниманіе, что слабо развиты ихъ чувства. И, наоборотъ, люди съ сильными и устойчивыми чувствами обыкновенно обладаютъ интенсивнымъ и стойкимъ вниманіемъ. Психіатры сообщили массу фактовъ изъ наблюденій надъ душевнобольными, доказывающихъ, что именно чувства обусловливаютъ фиксацію представленій. Но причина чувствъ, по мнѣнію Рибо, лежитъ въ стремленіяхъ, потребностяхъ, вожделѣніяхъ. По мнѣнію Гефдинга, при выборѣ между возможными представленіями играютъ огромную роль безсознательныя вліянія — интересы, влеченія, инстинкты, о которыхъ мы часто узнаемъ только по ихъ дѣйствіямъ. Связь между чувствомъ и стремленіемъ, съ одной стороны, и познаніемъ, съ другой—сильнѣе и глубже связи представленій между собою. Нормальныя же стремленія и потреб-

ности человѣка обобщаются въ безсознательномъ или сознательномъ стремленіи къ развитію, какъ личному, такъ и родовому. Всѣ наши впечатлѣнія мы воспринимаемъ подъ верховнымъ вліяніемъ этого основного стремленія. Тѣ впечатлѣнія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ этому стремленію, становятся для насъ интересными, важными и существенными и выступаютъ въ нашемъ сознаніи на первый планъ; а тѣ впечатлѣнія, которыя имѣютъ мало или совсѣмъ не имѣютъ значенія для нашего развитія, становятся для насъ не важными, не интересными и оттѣсняются на задній планъ. И это понятно. Существа съ противоположною психикою не могли бы правильно развиваться и рано или поздно должны были бы уступить свое мѣсто на жизненномъ пиру другимъ, лучше одареннымъ особямъ. «Вожделѣнія, — говорилъ Спиноза, — есть сущность человѣка»; но сущность человѣка ни въ чемъ не выражается такъ ярко, какъ въ его стремленіи къ развитію. Если эти стремленія удовлетворяются, мы испытываемъ удовольствіе, если нѣтъ, — страданіе.

Выше мы сравнивали эти показатели съ компасомъ. Какъ компасъ, они указываютъ намъ путь къ развитію. Какъ компасъ, они направляютъ наши интересы, наше пассивное вниманіе къ дѣятельности, которая ведетъ насъ къ развитію; но, конечно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ вполнѣ нормальнымъ. Нормальнымъ же мы признаемъ такого человѣка, который принадлежитъ къ прогрессивному типу развитія, такъ какъ именно къ этому типу принадлежитъ человѣчество въ его цѣломъ. У дегенеративныхъ дѣтей, напримѣръ, стремленія иногда настолько извращены, что имъ доставляетъ удовольствіе, какъ разъ то, что вредно для нормальнаго развитія. Стремленіе къ удовлетворенію нашихъ органическихъ потребностей можетъ вести къ развитію не только тѣхъ органовъ, съ какими связаны эти потребности, но и къ развитію многихъ другихъ, иногда къ развитію почти всего организма. Возьмемъ самый простой примѣръ. Дѣти нуждаются въ сладкомъ и любятъ его; и эта потребность заставляетъ ребенка лѣтомъ собирать въ лѣсу ягоды, напрягать при этомъ всю силу своего зрѣнія, нагибаться и раздвигать вѣтки и траву, остерегаться раздавить ягоду, замѣчать мѣста, гдѣ растутъ ягоды, и, стало-быть, упражнять зрѣніе, мускулатуру, наблюдательность и, конечно, вниманіе.

Собственно говоря, нѣтъ такого чувства, стремленія и потребности, которое бы не направляло нашего вниманія въ опредѣленную сторону, смотря по характеру стремленія и чувства. Голодъ направитъ наше вниманіе на пищевые продукты и на средства ихъ добыванія, боязнь — на тотъ объектъ, откуда грозитъ намъ опасность, и на тѣ пути, какими можно избѣжать опасности; боль направитъ наше вниманіе на больной органъ и на средство къ излѣченію и т. д. Но педагога болѣе всего

должно интересовать чувство любознательности и потребность къ дѣятельности, лишеніе которой выражается скукою.

Итакъ, вниманіе въ конечномъ счетѣ есть результатъ и показатель глубоко заложеннаго въ человѣческой природѣ стремленія къ развитію. И въ то же время вниманіе само является могущественнымъ дѣятелемъ въ смыслѣ развитія всего организма, потому что оно при нормальныхъ условіяхъ указываетъ, куда надо направить нашу энергію. Но являясь само результатомъ стремленія развитія и помогая развитію, оно вслѣдствіе упражненія развивается и само. Изъ теоріи вниманія заслуживаетъ особаго интереса теорія Эббингауза. По его мнѣнію, здѣсь всё дѣло въ упражненіяхъ. Именно подъ вліяніемъ упражненія въ мозгу образуются точно опредѣленные пути для проведенія нервныхъ токовъ, благодаря чему эти токи не разсѣиваются въ пространствѣ, а сосредоточиваются въ проложенныхъ путяхъ и вызываютъ ясныя и опредѣленныя психическія возбужденія. Эта теорія превосходно объясняетъ явленія даже непроизвольнаго вниманія, а о произвольномъ вниманіи нечего и говорить. Рибо находитъ въ развитіи произвольнаго вниманія три фазиса. Вначалѣ воспитатели дѣйствуютъ на самыя простыя чувства дѣтей, чтобы заставить ихъ внимательно относиться къ своимъ урокамъ, своему поведенію и проч. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые, къ сожалѣнію, пользуются боязнью наказаній, выговора, лишенія родительской ласки или же привлекательностью наградъ; но едва ли кто изъ воспитателей откажется опереться въ частности и на естественную любознательность, на тотъ умственный голодъ, который свойственъ каждому здоровому ребенку, вообще на ту потребность къ развитію, которая составляетъ основную черту человѣческой природы.

Въ слѣдующемъ періодѣ произвольное вниманіе поддерживается чувствами вторичнаго образованія: соревнованіемъ, честолюбіемъ, самолюбіемъ, практическими соображеніями, чувствомъ долга.

И, наконецъ, въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ вниманіе поддерживается привычкою. «Выработавшееся вниманіе становится второю натурою».

Что вниманіе развивается, это ясно уже изъ того факта, что есть существенная разница между вниманіемъ ребенка и взрослаго. И здѣсь, какъ и вообще въ индивидуальномъ развитіи, приходится отмѣтить, что рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ играетъ упражненіе.

Это хорошо извѣстно педагогамъ. И когда они требуютъ, напримѣръ, введенія лѣпки, рисованія и т. п. въ школьный курсъ, а также въ дѣтскіе сады, то это не для того, чтобы приготовить художниковъ и ваятелей (даровитые художники рѣдки), а для того, чтобы развить вниманіе и нѣкоторыя дру-

гія способности ребенка, напримѣръ, наблюдательность, ловкость руки и т. п.

И такъ какъ вниманіе можетъ быть направлено или на внѣшній предметъ, находящійся предъ глазами дѣтей, или на образъ предмета, хранящійся въ памяти ребенка, то учителя рисованія занимаютъ дѣтей попеременно то рисованіемъ съ натуры, то рисованіемъ на память.

Въ другомъ мѣстѣ мы покажемъ, какъ развивается вниманіе дѣтей во время ихъ игръ. Едва ли могутъ быть сомнѣнія и въ томъ, что вниманіе и особенно внѣшнее развивается при изученіи естественныхъ наукъ, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ употребляется предметный методъ обученія, если дѣти сами производятъ необходимыя наблюденія въ лѣсу, на лугу, въ полѣ и т. п., собирая насѣкомыхъ, растенія, камни и т. п., если они сами работаютъ въ саду и огородѣ, если сами производятъ необходимые опыты по физикѣ, химіи и т. п., если они пользуются рисунками, препаратами и вообще наглядными пособіями, если они наибольшее количество свѣдѣній получаютъ не только изъ чтенія и объясненій учителя, а путемъ самостоятельныхъ выводовъ изъ тѣхъ впечатлѣній, какія доставятъ имъ ихъ собственные глаза, уши, обоняніе, вкусъ, осязаніе, мышечное чувство и вообще всѣ органы ощущеній.

Такой методъ обученія, какъ я доказываю это въ своей книгѣ «Предметный методъ обученія», увеличивая успѣшность обученія, имѣетъ огромныя преимущества и въ смыслѣ воспитанія, и въ то же время наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ дѣтства, а потому долженъ быть распространенъ, насколько возможно, и на другіе предметы преподаванія.

Для развитія внутренняго вниманія прекраснымъ средствомъ служитъ преподаваніе математики. Что особенно важно, такъ это то, что занятія математикой содѣйствуютъ развитію длительнаго вниманія, вообще дѣйствующаго у дѣтей только скачками и съ перерывами. Всякая разсѣянность ученика при рѣшеніи какой-нибудь ариѳметической задачи можетъ повести къ ошибкамъ, а это является стимуломъ къ тому, чтобы ученики старались безъ перерывовъ сосредоточивать свое вниманіе на опредѣленной задачѣ. Но и въ математикѣ крайне желательно тамъ, гдѣ возможно, прибѣгать къ предметному методу, чтобы облегчать дѣтямъ усвоеніе отвлеченныхъ математическихъ истинъ; и тѣмъ больше, чѣмъ моложе ребенокъ. Чѣмъ чаще мы будемъ наглядно посредствомъ надлежащихъ пособій представлять изучаемыя отношенія, тѣмъ яснѣе станутъ эти отношенія для ребенка.

Мы бы сдѣлали непростительную ошибку, если бы ничего не сказали о чтеніи и устныхъ объясненіяхъ учителя, являющихся также превосходнымъ средствомъ для развитія вниманія. Читая или слушая, мы напрягаемъ наше вниманіе и на

то, чтобы не опустить изъ вида какой-нибудь фразы, чтобы понять смыслъ каждаго слова и каждаго предложенія, чтобы иногда воспроизвести въ нашемъ умѣ или воображеніи ряды непривычныхъ образовъ, сдѣлать изъ нихъ необычные для насъ выводы, чтобы, наконецъ, удалять изъ сознанія всѣ постороннія, не идущія къ дѣлу воспоминанія и мысли. Такимъ образомъ въ словесномъ обученіи мы тоже имѣемъ могущественное средство для развитія вниманія, главнымъ образомъ, внутренняго, не говоря уже о томъ, что путемъ слова мы передаемъ ученикамъ массу свѣдѣній, образовъ и идей, коихъ передать инымъ путемъ не было бы никакой возможности. Путемъ чтенія можно развить вниманіе, направленное на чувства и настроенія (беллетристика), а также вниманіе, направленное на пріобрѣтеніе научныхъ знаній (учебники, популярно-научныя книги). Но, разумѣется, существенно-важнымъ при этомъ условіемъ является то, чтобы дѣти имѣли ясное и точное представленіе о значеніи каждаго изъ употребляемыхъ словъ и могли понять общее содержаніе читаемаго или слушаемаго. Необходима еще и другая оговорка. Чтобы пріобрѣтенныя такимъ образомъ знанія стали жизненнымъ достояніемъ ребенка, надо, чтобы они нашли точку опоры еще въ его личныхъ переживаніяхъ; а стало-быть, и такой крупный рычагъ для развитія, какъ устное и печатное слово, нуждается въ поддержкѣ со стороны все того же самаго предметнаго метода обученія.

Пренебреженіе предметнымъ методомъ обученія ведетъ къ тому, что, по наблюденію такого знатока студенчества, какъ Рудольфъ Вирховъ, наблюдательность рѣзко падаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе среди университетской молодежи. А гдѣ нѣтъ наблюдательности, тамъ люди живутъ въ мірѣ фикцій, въ мечтахъ, вдали отъ дѣйствительной жизни.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для нормальнаго развитія ребенка необходимы игры, рисованіе и лѣпка, и далѣе изученіе естественныхъ наукъ, родного языка и математики. Такъ какъ никто никогда не возражалъ противъ двухъ послѣднихъ предметовъ преподаванія, то можно говорить только о естествознаніи; но исключить этотъ предметъ было бы преступленіемъ противъ самыхъ очевидныхъ требованій природы ребенка, нуждающагося прежде всего въ развитіи внѣшняго вниманія. Ни языкъ, ни математика не могутъ обезпечить правильнаго развитія внѣшняго вниманія, безусловно необходимаго въ жизни; только одно естествознаніе можетъ выполнить эту роль при условіи предметнаго метода обученія.

Мы говорили выше о роли чувства въ дѣлѣ вниманія, но эта роль шире, и, между прочимъ, охватываетъ волю человѣка. Человѣкъ хочетъ того, что онъ любитъ. Можно направить волю, воспитывая любовь и интересы ребенка и юноши. Надо, чтобы воспитанникъ полюбилъ знаніе и особенно тѣ отрасли, къ ка-

кимъ онъ болѣе всего способенъ; надо, чтобы у каждаго взрослаго былъ свой любимый трудъ, свое призваніе, отвѣчающее современнымъ общественнымъ идеаламъ.

Зависимость воли отъ чувствъ, равно какъ и отъ ума, находитъ блестящее подтвержденіе и въ психопатологіи. Психіатры прямо утверждаютъ, что всѣ, безъ единаго исключенія, болѣзни воли связаны съ разстройствомъ въ жизни чувствъ и представленій (Штеррингъ). Уже этого одного факта было бы достаточно для утвержденія, что воля не есть какая-либо особая способность, и что она въ конечномъ счетѣ сводится къ чувствамъ, представленіямъ и движеніямъ.

Мы знаемъ, что представленія и движенія совершенствуются подъ вліяніемъ упражненій. Но мы знаемъ также, что упражненія играютъ роль и въ развитіи чувства. Правда, мы не имѣемъ прямого вліянія на чувства, но мы можемъ вызвать и развить ихъ косвеннымъ образомъ. Во-первыхъ, здѣсь могла бы сыграть роль мимика. Примѣры артистовъ показываютъ, какъ путемъ упражненій развивается мимика; но мимика тѣсно связана съ чувствомъ. Бёркъ, писавшій объ этой связи, разсказываетъ, что однажды онъ нарочно сталъ подражать мимикѣ сердящагося человѣка и тотчасъ же замѣтилъ, что онъ при этомъ самъ начиналъ чувствовать гнѣвъ. Хорошо извѣстна теорія Джемса и Ланге, которая даетъ объясненіе подобнымъ фактамъ. Вотъ какъ формулируетъ свою теорію самъ Джемсъ: «Мы привыкли думать, — говоритъ онъ, — что душевное воспріятіе извѣстныхъ фактовъ возбуждаетъ эмоцію, и что это послѣднее душевное состояніе вызываетъ тѣлесное выраженіе. Моя же теорія, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что *тѣлесныя измѣненія непосредственно слѣдуютъ за воспріятіемъ возбуждающаго факта, и что наше чувствованіе тѣхъ же самыхъ тѣлесныхъ измѣненій въ то время, какъ они происходятъ, есть эмоція*. Принято думать, что мы, потерявъ состояніе, огорчаемся и плачемъ; встрѣчая медвѣдя, пугаемся и убѣгаемъ; насъ оскорбляетъ соперникъ, мы выходимъ изъ себя и ударяемъ его. Гипотеза же, защищаемая мною, гласитъ, что подобная послѣдовательность неправильна, что одно душевное состояніе не вызывается непосредственно другимъ, что посредствующимъ звеномъ между этими состояніями служатъ тѣлесныя проявленія, и что болѣе раціонально утверждать, что мы чувствуемъ огорченіе потому, что плачемъ; — гнѣвъ потому, что ударяемъ соперника; — страхъ потому, что дрожимъ, а не потому плачемъ, ударяемъ или дрожимъ, что испытываемъ горе, гнѣвъ и страхъ».

Эта теорія, по которой чувство вызывается «обратнымъ ударомъ, идущимъ отъ органовъ движенія и внутренностей», вызвала много возраженій.

Но какъ бы мы ни отнеслись къ самой теоріи, факты, которые она объясняетъ, отрицать нельзя. Улыбаясь, хотя бы мы

это дѣлали и безъ внѣшняго повода, а лишь съ цѣлью измѣнить свое настроеніе, мы, дѣйствительно, становимся веселѣе. Это одинъ изъ способовъ самовнушенія. Онъ именуется методомъ самовнушенія дѣйствіемъ. Проф. Бернгеймъ приводитъ рядъ поразительныхъ примѣровъ, показывающихъ практическое значеніе этого метода. Такъ, напримѣръ, онъ, пользуясь этимъ методомъ, вылѣчилъ женщину, страдавшую нервнымъ разстройствомъ и общимъ недомоганіемъ и притомъ измученную чрезмѣрно угнетающимъ режимомъ. Больная разучилась ходить, читать, писать и работать. Бернгеймъ заставилъ ее сначала встать, затѣмъ понемногу ходить. Этотъ успѣхъ прогналъ ея мрачныя мысли, внушилъ ей вѣру въ свои силы, и теперь ее уже легче было научить читать, писать, работать, и вскорѣ она совершенно излѣчилась отъ упорной неврастеніи. Самовнушеніе дѣйствіемъ угадывалъ еще Паскаль, когда рекомендовалъ внѣшнія проявленія вѣры, чтобы вызвать въ себѣ религіозное настроеніе. Не даромъ духовенство всѣхъ странъ придаетъ такое большое значеніе обрядамъ, дѣйствующимъ даже на маловѣрныхъ. Объ этомъ знаютъ гипнотизеры. Они для внушенія нерѣдко пользуются мимикою и вообще тѣлодвиженіями и, придавая сомнамбулѣ опредѣленное положеніе, вызываютъ соотвѣтствующую данному тѣлодвиженію страсть. Но этотъ способъ не единственный. Мы можемъ намѣренно вызвать въ своей памяти какой-нибудь образъ, который возбудитъ въ насъ опредѣленное настроеніе. Мы не можемъ вызвать въ себѣ непосредственно какого-нибудь чувства, но мы можемъ вызвать образы, связанные съ опредѣленными чувствами. Мы можемъ путемъ живыхъ примѣровъ, напоминаній, разсказовъ, наконецъ, книгъ вызвать и въ душѣ ученика образы, возбуждающіе добрыя чувства. Біографія Франклина, Уатта возбудитъ въ нихъ чувства любви къ труду, мужеству, настойчивости, пробудитъ любознательность. Подобныя книги напомнятъ дѣтямъ о радостяхъ труда и знанія, скрашивающихъ жизнь, о пользѣ и удовольствіи, какія доставляетъ трудъ и самому работнику, и его роднымъ, и его знакомымъ, а иногда и всему народу, и всему человѣчеству. Не о тенденціозности здѣсь идетъ рѣчь. Когда мораль разсказа слишкомъ рѣжетъ глазъ, — это не нравится дѣтямъ. Мораль должна быть скрыта. Важны самые образы, и пробуждаемыя ими чувства и умственное возбужденіе. Я часто самъ испытывалъ, какъ въ минуты упадка духа, равнодушія и неохоты къ работѣ какая-нибудь интересная книга быстро разгоняла лѣнивое настроеніе, и я съ обновленными силами и интересомъ принимался за работу.

Путемъ упражненія можно достигнуть еще другого. Хорошо извѣстно, что работа, которая намъ сначала не нравилась, дѣйствіе, внушающее намъ впервые отвращеніе, напримѣръ, куреніе табаку, подъ вліяніемъ повторенія и упражненій, дѣ-

лаются пріятными, привлекательными. Еще Аристотель сказалъ, что надо только избрать себѣ опредѣленный образъ жизни, а привычка сдѣлаетъ все остальное.

По справедливому мнѣнію Прейера, болѣе опредѣленныя и совершенныя произвольныя движенія, лучше воспринятыя ощущенія, хорошо сложившіяся представленія, какъ двигательные возбудители,—вотъ необходимыя условія для упражненія воли. И всѣ они развиваются путемъ попытокъ, упражненій съ затратою усилій и сознательности. Правда, воля ребенка, его рѣшенія, его правила, его убѣжденія, стремленія, — все это въ высшей степени хрупко и неустойчиво. Неустойчивость воли, какъ это выяснено психопатологіей, обусловливается либо слабостью побужденій, либо непродолжительностью ихъ дѣйствія. Обѣ эти причины имѣютъ мѣсто и въ психикѣ ребенка, но въ большинствѣ случаевъ съ преобладаніемъ послѣдней. Сейчасъ ребенокъ вполнѣ искренно и горячо высказываетъ свое опредѣленное рѣшеніе, а черезъ нѣкоторое время отъ этого рѣшенія, повидимому, не остается и слѣда. Онъ легко возбуждается, но также легко и охладѣваетъ. Но все же путемъ постепенныхъ и послѣдовательныхъ упражненій его воля и всѣ ея элементы растутъ и крѣпнутъ.

И роль воспитателей сводится къ тому, чтобы обогатить ребенка такими навыками; а главное, образами, идеями, чувствами, возбужденіе которыхъ направляло бы ребенка къ хорошимъ поступкамъ, а съ другой—удалять отъ него образы, «кидающіе, по древнему индусскому сказанію, темную тѣнь на душу» ребенка. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно единодушіе между всѣми учителями, родителями, близкими ребенку. Если же отецъ внушаетъ одно, а мать другое, а учителя третье, то, конечно, въ умѣ, а, стало-быть, и въ волѣ ребенка произойдетъ такой сумбуръ, что мы получимъ безвольное, нерѣшительное, колеблющееся существо.

Конечно, здѣсь огромную роль играетъ индивидуальность дѣтей. Одинъ знакомый мнѣ ребенокъ, въ возрастѣ 10-ти лѣтъ, оказывая большіе успѣхи въ любимыхъ предметахъ, не хочетъ заниматься другими предметами; и когда его удастся усадить за такую работу, онъ обнаруживаетъ крайнее невниманіе, разсѣянность, вялость. Но мнѣ удалось вызвать у него очень большое напряженіе вниманія какъ разъ въ нелюбимой работѣ, когда я указалъ на его отсталость, на то, какъ она огорчаетъ меня, какія тяжелыя послѣдствія она можетъ имѣть въ будущемъ, а затѣмъ внушилъ ему вѣру въ свои силы, напомнивъ, какіе большіе успѣхи сдѣлалъ онъ въ такихъ-то и такихъ-то предметахъ, лишь только захотѣлъ этого, и, наконецъ, когда я сдѣлалъ выводъ, что онъ догонитъ своихъ сверстниковъ, во всѣхъ предметахъ, если только твердо этого захочетъ.

Такъ какъ этотъ урокъ прошелъ съ успѣхомъ, то на слѣдующій день я могъ напомнить о его вчерашнемъ успѣхѣ и этого напоминанія было достаточно, чтобы онъ безъ обычныхъ отговорокъ сѣлъ за нелюбимыя раньше занятія. Они тоже прошли удачно, и ребенокъ самъ просилъ меня, чего раньше никогда не бывало, заняться съ нимъ тѣмъ же предметомъ на слѣдующій день. (Обыкновенно съ нимъ занимаются другіе).

А другого извѣстнаго мнѣ ребенка, напротивъ, приходится удерживать отъ слишкомъ большого усердія въ работѣ.

Для дѣтей живыхъ и впечатлительныхъ въ большинствѣ случаевъ достаточно бываетъ даже слабаго воздѣйствія на ихъ чувства удовольствія посредствомъ выраженія сочувствія, похвалы, одобренія и т. п. Здѣсь важнѣе всего сосредоточить вниманіе ребенка на данной точно опредѣленной работѣ и средствахъ къ ея исполненію, памятуя, что ясное представленіе о работѣ — уже начало работы.

У дѣтей вялыхъ, инертныхъ и лѣнивыхъ не хватаетъ обыкновенно эмоціональныхъ стимуловъ, и чтобы побудить ихъ къ работѣ, надо дѣйствовать на ихъ чувства, надо сильнѣе возбуждать тѣ изъ ихъ чувствъ, вкусовъ и наклонностей, которые могутъ служить рычагомъ для желаемой работы.

Природа ребенка не такъ совершенна, какъ думалъ Руссо и его послѣдователи, какъ, напримѣръ, Левъ Толстой и сторонники такъ называемаго свободнаго воспитанія. Ребенокъ, какъ объ этомъ мы подробнѣе говоримъ въ другомъ мѣстѣ, носитъ въ себѣ много первобытнаго и варварскаго, заимствованнаго имъ отъ отдаленныхъ звѣроподобныхъ предковъ. Онъ любитъ иногда мучить животныхъ, онъ можетъ отнять понравившуюся ему игрушку отъ болѣе слабаго товарища, онъ подверженъ вспышкамъ гнѣва и т. п. Пріучая дѣтей къ мысли, что всякій ихъ капризъ будетъ исполненъ и пройдетъ безъ непріятныхъ послѣдствій, мы устраняемъ поводы упражнять задерживающіе, тормозящіе механизмы, мы ослабляемъ, такимъ образомъ, и разумъ и волю ребенка.

Говоря о развитіи воли, мы должны были остановиться на развитіи и способностей воспріятія, и воображенія, и ума, и вниманія, и чувства, и двигательныхъ центровъ, и т. п., какъ необходимыхъ факторовъ воли,— словомъ, на всѣхъ тѣхъ свойствахъ, какія объединяются въ трехъ психологическихъ терминахъ: ума, чувства и воли. Такъ тѣсно все связано въ человѣческой психикѣ. Единство — вотъ одна изъ характернѣйшихъ чертъ душевной жизни. Такое же единство мы находимъ и въ нашемъ стремленіи къ развитію и упражненію. Мы хотимъ посредствомъ упражненій развивать и разумъ, и чувство, и волю... Все это необходимо въ жизни, все дополняетъ одно другое, немыслимо одно безъ другого и требуетъ гармоническаго развитія. И при забвеніи хотя бы одного изъ членовъ

этой трехзвенной цѣпи начинаетъ хромать вся наша психика и вся наша жизнь. Чтобы держаться на достойной высотѣ, необходимо постоянно и неуклонно упражнять всѣ наши силы.

Если есть въ современной физіологіи и психологіи фактъ, существованіе котораго для всѣхъ очевидно и ни въ комъ не вызываетъ ни сомнѣній, ни возраженій, такъ это тотъ фактъ, который выраженъ въ извѣстной притчѣ о талантахъ. Это основной біологическій законъ, по которому всякій органъ живого организма развивается отъ посильныхъ упражненій и атрофируется при отсутствіи упражненій. Но этотъ законъ рѣзче всего проявляется именно на нервной системѣ и на дѣятельности мозга. Замѣчено, что увлеченіе умственною работою исчезаетъ послѣ двухъ-трехъ сутокъ бездѣлья, и тогда нужны новыя усилія, чтобы наладить себя на привычный путь умственнаго труда. Не даромъ въ народѣ понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ; не даромъ даже лучшіе учителя въ первые дни послѣ каникулярнаго перерыва ни въ себѣ самихъ, ни въ ученикахъ не находятъ достаточнаго увлеченія уроками, хотя въ обычное время не жалуются на это; не даромъ лучшимъ средствомъ противъ лѣни рекомендуютъ привычку работать хотя немного, но непремѣнно каждый день. Если даже вы достигли значительной умственной и нравственной высоты, если вы развили ваши высшіе центры мысли и чувства, то вы не должны засыпать и покоиться на лаврахъ, не должны зарывать свои таланты въ землю, потому что, какъ только вы это сдѣлаете, вы будете спускаться подъ гору, ваши способности ослабѣютъ, ваши таланты отнимутся у васъ.

III. Развивающими упражненіями принято называть тѣ, гдѣ каждый новый урокъ, каждое занятіе, каждая игра даютъ что-нибудь новое. Но есть упражненія, представляющія собою повтореніе однихъ и тѣхъ же старыхъ дѣйствій. Когда посредствомъ повторенія какихъ-нибудь дѣйствій эти послѣднія становятся автоматическими, безсознательно возвращающимися, если данъ соотвѣтствующій сигналъ, то мы называемъ такія дѣйствія привычками, будутъ ли это простыя движенія, какъ, напримѣръ, наша походка, или это будутъ душевные акты, въ родѣ ассоціаціи представленій по смежности. И это акты, не требующіе отъ насъ усилій вниманія, чѣмъ отличаются наши привычки и навыки отъ вполнѣ сознательныхъ непривычныхъ актовъ. Если бы мы стали съ особымъ вниманіемъ относиться къ каждому шагу въ нашей ходьбѣ, то это лишь затруднило бы насъ и сдѣлало бы нашу походку невѣрной. Если бы мы стали раздумывать, надо ли поставить «ѣ» въ привычномъ намъ корнѣ какого-нибудь слова, то мы скорѣе сдѣлали бы ошибку, чѣмъ тогда, когда предоставляемъ нашей рукѣ писать, какъ она привыкла. Если бы мы стали соображать, дѣйствительно ли $8 \times 9 = 72$, то употребили бы на это гораздо

больше времени, чѣмъ тогда, когда слѣпо ввѣряемся привычной уже намъ словесной ассоціаціи.

Такъ же слѣпо, и часто почти безсознательно, мы отдаемъ себя во власть привычныхъ дѣйствій, совершаемыхъ въ заученномъ порядкѣ, когда одѣваемся, раздѣваемся, умываемся, наливаемъ чай, пользуемся за столомъ ножомъ, ложкой и вилкою, находимъ домъ, лѣстницу и двери, ведущія въ нашу квартиру, въ нашъ кабинетъ и спальню, когда мы чинимъ карандашъ, рѣжемъ хлѣбъ, рубимъ дрова, зажигаемъ спичку. Эти примѣры показываютъ, что привычные заученные акты носятъ механическій и рефлекторный, безсознательный характеръ и имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ все дѣлается по извѣстному шаблону, гдѣ нѣтъ для насъ никакихъ сомнѣній и колебаній. На то, чтобы изучить и осмыслить этотъ шаблонъ, требовалось много вниманія и сознанія, но когда онъ хорошо заученъ путемъ многочисленныхъ повтореній, мы можемъ смѣло ему ввѣриться безъ думъ и размышленій, а вниманіе и сознаніе предоставить на службу другимъ непривычнымъ актамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы легко отличаемъ крестьянина отъ мѣщанина, военнаго отъ студента, купца отъ свѣтскаго льва, народнаго учителя отъ полицейскаго чиновника и т. д. Мы отличили бы ихъ даже тогда, если они будутъ одѣты въ одинаковые костюмы, — отличили бы по ихъ привычкѣ держать себя, стоять, сидѣть, говорить, по ихъ привычной мимикѣ, привычнымъ манерамъ и т. п. По одной походкѣ — привычной, характерной — можно узнать духовныхъ, которые волочатъ ноги, военныхъ, которые высоко поднимаютъ ихъ.

Существуютъ привычки, характерныя для цѣлыхъ сословій, классовъ и народностей. Такія привычки нерѣдко именуются обычаями, модами, бытовыми особенностями и выражаются въ деталяхъ повседневнаго быта, питанія, костюма, жилища и т. п. Мы отличимъ татарина отъ христіанина уже по одному способу сидѣнья. Австраліецъ рѣзко отличается отъ европейца по способу лазанья.

Порядокъ, въ какомъ мы держимъ свою квартиру, свои книги, свое платье — есть дѣло привычки. Порядокъ нашей ежедневной жизни, время, когда мы встаемъ, завтракаемъ, обѣдаемъ, работаемъ, отдыхаемъ, засыпаемъ — опять-таки дѣло привычки. Наши вкусы въ питьѣ и ѣдѣ измѣняются, благодаря привычкѣ. Живя въ Малороссіи, привыкаешь къ однимъ кушаньямъ, а на Кавказѣ къ другимъ. Весь нашъ обычный образъ жизни обыкновенно закрѣпляется и поддерживается привычкою.

Нѣкоторые психологи доказываютъ, что весь процессъ нашего воспріятія не что иное, какъ пріобрѣтенныя нами въ дѣтствѣ привычки. Съ другой стороны, Цельнеръ и Гельмгольцъ доказали, что въ основѣ нашихъ иллюзій, обмановъ, чувствъ лежатъ заученныя въ дѣтствѣ и безсознательныя теперь заклю-

ченія. Такова, напримѣръ, иллюзія, благодаря которой, луна и солнце на горизонтѣ кажутся намъ крупнѣе, чѣмъ въ зенитѣ. Насъ не должно смущать при этомъ то обстоятельство, что мы не помнимъ, какъ мы впервые пришли къ этимъ заключеніямъ. Вѣдь мы точно такъ же не помнимъ, какъ мы начали говорить, ходить и т. п. Къ привычкѣ же можетъ быть сведена наша память, образованіе ассоціацій, представленій, методы мышленія и т. п. Умственные навыки къ быстрому и вѣрному выводу изъ данныхъ посылокъ, къ правильному пользованію индуктивнымъ и дедуктивнымъ методами мышленія, къ умѣнью находить сходство въ различіи и различіе въ сходствѣ, къ ясному и точному выраженію своихъ мыслей на бумагѣ и въ устной рѣчи, къ правильному наблюденію — есть дѣло привычки. Но можно привыкнуть и къ безпорядочному мышленію, къ неправильной рѣчи, къ поверхностному наблюденію. Можно привыкнуть къ ссорамъ, къ проявленію гнѣва, мести, но можно привыкнуть и сдерживать вспышки своего гнѣва, можно привыкнуть сдерживать низменныя страсти, можно привыкнуть благожелательно и вѣжливо относиться къ окружающимъ, избѣгать ссоръ, улаживать недоразумѣнія. Можно сдѣлать привычнымъ веселое и бодрое настроеніе; но привычка же можетъ создать и меланхолика, и несноснаго брюзгу.

Еще Лейбницъ сказалъ, что три четверти того, что мы ежедневно дѣлаемъ, говоримъ и даже думаемъ, обусловливается привычками. Еще Бэконъ писалъ, что человѣкъ въ силу привычки дѣлаетъ то же, что дѣлалъ и прежде, будто онъ автоматъ или машина, которую заводитъ привычка. Даже формальныя обязательства не освобождаютъ его отъ власти привычки. По мнѣнію Гюйо, привычка есть основное правило жизни, ея канонъ и воспитательное начало, форма, обязательная для существа, имманентный законъ. Безъ привычки, по его мнѣнію, невозможна была бы и самая жизнь. Не сводятся ли всѣ законы, въ томъ числѣ и законы природы, къ простой привычкѣ.

По мнѣнію Джемса, привычка играетъ въ общественныхъ отношеніяхъ роль огромнаго махового колеса. Она одна удерживаетъ насъ всѣхъ въ границахъ законности. Она принуждаетъ вести житейскую борьбу при помощи того рода дѣятельности, который былъ предопредѣленъ нашими воспитателями или нами самими въ раннюю пору жизни. Поскольку наша жизнь имѣетъ опредѣленную форму, она вся слагается изъ извѣстнаго числа привычекъ практическихъ, эмоціональныхъ и умственныхъ, которыя приведены въ систему и влекутъ насъ навстрѣчу нашей судьбѣ. «Съ той минуты, когда мы встаемъ, — говоритъ знаменитый психологъ, — и до той минуты, когда мы вечеромъ ложимся въ постель, 99 изъ 100, а можетъ-быть даже 999 изъ 1.000 нашихъ поступковъ выполняются чисто-автоматически или по привычкѣ».

Особенность привычныхъ, заученныхъ дѣйствій заключается въ томъ, что они совершаются, какъ всѣ рефлексы, очень быстро, тогда какъ дѣйствія сознательныя, произвольныя требуютъ для своего завершенія сравнительно бо́льшаго времени. Стоитъ сравнить быстроту работы начинающей учиться шитью маленькой дѣвочки съ быстротою опытной швеи. Эта изумительная быстрота заученныхъ движеній соединяется еще съ изумительною точностью ихъ. Если бы пляшущій на канатѣ цирковый гимнастъ не довелъ путемъ упражненія и повтореній своихъ движеній до степени автоматизма, — быстраго и точнаго, какъ рефлексъ, если бы ему приходилось пользоваться только сознательными, разсчитанными движеніями, то катастрофа съ перваго же его шага на канатѣ стала бы неизбѣжной.

Но, быть-можетъ, самая важная въ педагогическомъ отношеніи особенность привычныхъ дѣйствій заключается въ томъ, что они далеко не такъ утомительны, какъ дѣйствія, требующія работы сознанія. Если бы ребенокъ, рѣшающій сложныя ариѳметическія задачи, не зналъ наизусть таблицы умноженія и долженъ былъ напрягать все свое вниманіе при умноженіи каждой однозначной цифры на однозначную, онъ утомился бы до изнеможенія гораздо раньше конца своей работы. Если бы люди не обладали этой способностью пріобрѣтать навыки и привычки, ихъ развитіе не пошло бы дальше младенческой стадіи. Мы только потому и можемъ въ пріобрѣтеніи знаній и умѣній итти все впередъ и впередъ, что пріобрѣтенное раньше и закрѣпленное привычкой дѣлаемъ достояніемъ области безсознательнаго автоматизма, а вниманіе и сознаніе освобождаемъ для пріобрѣтенія новыхъ знаній и новыхъ умѣній.

Задача всякаго заучиванія сводится къ тому, чтобы, создавая и осмысливая въ головѣ ученика сознательные ассоціаціи и акты, превращать ихъ затѣмъ путемъ повторенія въ безсознательные, механическіе, правильные, быстрые и неутомительные.

Сила привычки,—говоритъ Дарвинъ,—настолько могущественна, что съ теченіемъ времени можно производить самыя сложныя и трудныя движенія безъ малѣйшаго усилія и сознательности.

Велосипедисты разскажутъ, какую массу усилій и вниманія употребляли они для того, чтобы научиться ѣздить на велосипедѣ и проч., какъ много лишнихъ, ненужныхъ и неловкихъ движеній дѣлали они на первыхъ порахъ, какъ быстро утомлялись при этомъ, а теперь, благодаря пріобрѣтенной привычкѣ, они ѣздятъ легко, свободно, безъ особаго утомленія, не чувствуя усилій, не напрягая вниманія.

Портной и сапожникъ могутъ шить и въ то же время вести разговоръ съ окружающими: такъ мало вниманія отнимаетъ привычная работа. Но какъ напряженно работало у нихъ

вниманіе, когда они только начинали учиться тому, что теперь стало почти безсознательнымъ механическимъ навыкомъ, благодаря привычкѣ.

«Если бы дѣйствія не становились легче при повтореніи, — думаетъ Мауделн, — если бы при каждомъ повтореніи того же дѣйствія нужно было снова и снова тщательное руководство сознанія, то, очевидно, никакой прогрессъ въ развитіи не былъ бы возможенъ, и вся наша житейская дѣятельность ограничивалась бы однимъ-двумя актами. «При такихъ условіяхъ человѣкъ могъ бы по цѣлымъ днямъ одѣваться и раздѣваться, сосредоточивать на своемъ туалетѣ все вниманіе и всю энергію; вымыть руки или застегнуть пуговицу ему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы такъ же трудно, какъ ребенку бываетъ трудно сдѣлать это въ первый разъ. Въ концѣ-концовъ, онъ былъ бы измученъ рядомъ безсильныхъ попытокъ».

Больше того. Работа, которая сначала требовала такъ много усилія сознанія, что казалась тяжелой и подчасъ непріятной, позже, благодаря ея легкости и пріобрѣтенной привычкѣ, становится любимымъ трудомъ, безъ котораго нельзя представить себѣ сноснаго существованія.

Наблюденія показываютъ, что въ жизни встрѣчается и обратная послѣдовательность — сначала механизмъ, а потомъ сознательность: ребенокъ механически усвоиваетъ произношеніе нѣкоторыхъ словъ, въ которыя уже потомъ сознательно вкладываетъ опредѣленное понятіе; онъ механически учится креститься, а затѣмъ мало-по-малу осмысливаетъ этотъ обрядъ.

Разсказываютъ про американскаго инженера Эмерсона, примѣняющаго особую систему воспитанія рабочихъ. Присматриваясь къ работамъ, Эмерсонъ нашелъ большую разницу въ движеніяхъ между лучшими и малоуспѣвающими рабочими. И онъ сталъ требовать, чтобы плохіе рабочіе перенимали манеру движеній у своихъ болѣе успѣвающихъ товарищей. И что удивительно, вмѣстѣ съ лучшею манерою движеній явились и лучшіе успѣхи въ работѣ. Худшіе изъ рабочихъ сравнялись съ лучшими. Секретъ успѣха былъ найденъ, и онъ заключался въ томъ, чтобы пріучить малоуспѣвающихъ рабочихъ къ артистическимъ манерамъ работы. Съ этой цѣлью Эмерсонъ пользовался какъ непосредственнымъ обученіемъ, такъ съ еще большимъ успѣхомъ кинематографомъ. Передъ рабочими проходили картины кинематографа, показывавшія наилучшіе пріемы работы, и это повторялось до тѣхъ поръ, пока манеры движенія путемъ подражанія и повтореній не заучивались рабочими до полнаго усвоенія. Эта система дала поразительные успѣхи, увеличивъ производительность труда въ 4 и болѣе разъ. Примѣненіе такой системы въ промышленности имѣетъ свою оборотную сторону и едва ли можетъ быть одобрено. Выгодная въ интересахъ хозяевъ, она сокращаетъ число рабочихъ и увеличиваетъ число безработныхъ. Она можетъ игнорировать нормаль-

ное развитіе рабочаго, и тогда ея примѣненіе сдѣлаетъ работу чисто механической, не требующей отъ рабочаго ни ума, ни иниціативы, она превратитъ рабочихъ въ автоматы, она сотретъ ихъ индивидуальныя качества. Но всѣ эти возраженія не имѣли бы смысла, если бы дѣло шло не о промышленности, а о воспитаніи. Для насъ данный фактъ служитъ только иллюстраціей того, какъ важно выбирать для образованія привычекъ не плохіе, а самые лучшіе движенія и образцы.

Обыкновенно сравниваютъ привычку съ рефлексомъ и инстинктомъ. Привычки, по словамъ одного извѣстнаго психолога,—это искусственные рефлексы, совершающіеся по какимъ-нибудь наѣзженнымъ путямъ. Вся разница между привычками, съ одной стороны, и рефлексами и инстинктами—съ другой, состоитъ въ томъ, что привычки мы пріобрѣтаемъ путемъ упражненій сами, а рефлексы и инстинкты пріобрѣтены такимъ же путемъ нашими предками и переданы намъ по наслѣдству; но и тѣ и другіе зависятъ отъ тѣхъ же проложенныхъ и наѣзженныхъ «путей для разряда нервной энергіи».

Можно сравнить привычку съ подражаніемъ. Привычка — это повтореніе самого себя во времени; наслѣдственность предковъ — также повтореніе извѣстныхъ типовъ во времени, а подражаніе — повтореніе другого субъекта въ пространствѣ.

Образованіе привычекъ основано на пластичности органической матеріи вообще и нервнаго живого вещества въ особенности. Какъ на пластичной глинѣ или воскѣ давленіе нашего пальца и всякаго другого тѣла дѣлаетъ отпечатокъ и оставляетъ прочные слѣды, такъ и нашъ мозгъ легко воспринимаетъ впечатлѣнія, доставляемыя ему нервами, воспринимающими раздраженія своими окончаніями въ глазу, ухѣ, языкѣ, кожѣ и т. д., и затѣмъ, переработавъ ихъ въ высшихъ своихъ центрахъ, переводитъ эти впечатлѣнія въ движенія рукъ или ногъ и проч., въ дѣятельность слюнныхъ или другихъ железъ и т. п. Но что особенно интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ — каждый такой процессъ оставляетъ слѣды, рыхлые вначалѣ, но дѣлающіеся прочными при дальнѣйшихъ повтореніяхъ. Ребенку говорятъ, что послѣ точки надо писать большую букву. Послѣ перваго упражненія онъ еще можетъ ошибаться, но послѣ значительнаго числа повтореній, если при этомъ учитель предупреждаетъ возможныя ошибки, ребенокъ привыкаетъ и неукоснительно соблюдаетъ данное правило.

Извѣстно, что существуетъ еще отвычка. И народная пословица говоритъ: «На всякую привычку есть отвычка»; но это нисколько не противорѣчитъ выше-сказанному.

Изъ механики извѣстно, что всякая сила производитъ два дѣйствія: она измѣняетъ скорость или направленіе. Если сила дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, то она измѣняетъ только одну скорость; если сила дѣйствуетъ въ перпендикулярномъ

направленіи, она измѣняетъ только направленіе. Такъ и новыя упражненія. Они усиливаютъ привычку, если дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, либо измѣняютъ привычку, если дѣйствуютъ въ другомъ направленіи. Въ послѣднемъ случаѣ получается отвычка.

Человѣческій организмъ не есть tabula rasa, на немъ нельзя писать что угодно и когда угодно: въ немъ самомъ заложены опредѣленныя стремленія къ развитію. Эти стремленія имѣютъ мѣсто и въ образованіи привычекъ. Благодаря имъ ребенокъ отдаетъ предпочтеніе ощущеніямъ и движеніямъ, такъ или иначе содѣйствующимъ развитію, и именно такія полезныя движенія онъ и расположенъ повторять. И здѣсь играетъ роль тотъ же компасъ, съ которымъ мы встрѣчались и раньше— чувства удовольствія и страданія, которыя въ нормальномъ ребенкѣ служатъ показателемъ, что нужно для его развитія и что вредно: эти чувства, такимъ образомъ, являются показателями основныхъ нашихъ стремленій къ развитію. Что доставляетъ удовольствіе — ребенокъ повторяетъ охотно и скоро образуетъ соотвѣтствующую привычку; что доставляетъ страданіе — ребенокъ повторять не будетъ; но зато будетъ повторять тѣ дѣйствія, которыя либо устраняютъ опасность страданія, либо облегчаютъ самое страданіе.

Новая игра легко можетъ доставить удовольствіе ребенку, и онъ охотно станетъ снова и снова къ ней возвращаться. Употребленіе остраго ножа можетъ повести къ порѣзамъ руки, и чувство боли, испытываемое при этомъ, заставитъ ребенка быть осторожнымъ съ ножомъ. Въ первомъ случаѣ при достаточномъ числѣ повтореній образуется привычка къ опредѣленной игрѣ, а во второмъ привычка къ осторожности при употребленіи рѣжущихъ орудій. И такихъ примѣровъ можно привести сколько угодно; по аналогіи съ первымъ случаемъ: привычки купаться, гулять, ѣздить верхомъ, на велосипедѣ, ловить рыбу, собирать ягоды, грибы, читать интересныя книги, производить опыты по физикѣ или химіи, собирать коллекціи насѣкомыхъ, яицъ и т. п.; а по аналогіи со вторымъ случаемъ: остерегаться глотать слишкомъ горячій чай или кушанье, ходить босикомъ тамъ, гдѣ могутъ быть осколки стекла или гвозди, укрываться отъ дождя, остерегаться собакъ, бодливыхъ коровъ, вредныхъ ягодъ и т. п.

Образованіе хорошихъ привычекъ — это результатъ стремленія нормальнаго организма къ тому, чтобы все легче и легче повторять такіе акты, которые содѣйствуютъ правильному развитію. Привычка въ нормальныхъ случаяхъ удерживаетъ то, что нужно для развитія. Если условія измѣнились, то же стремленіе къ развитію побудитъ здороваго ребенка къ новымъ актамъ и къ измѣненію старыхъ привычекъ, въ смыслѣ приспособленія ихъ къ новымъ условіямъ развитія.

И правъ Болдуинъ, когда говоритъ, что далеко не всѣ движенія равны предъ закономъ привычки, что привычка выражаетъ тенденцію организма къ тому, чтобы при помощи движеній оставаться въ соприкосновеніи съ источниками благотворныхъ раздраженій, что жизненный процессъ заключаетъ въ себѣ именно то стремленіе, которое привычка укрѣпляетъ и расширяетъ. И если мы въ чемъ-нибудь расходимся съ извѣстнымъ психологомъ, такъ это въ томъ, что объектомъ такихъ охотно повторяемыхъ движеній служитъ не только «сохраненіе жизни», но еще — и это самое важное — «развитіе ея». По нашей версіи, нормальный ребенокъ, воспитываемый въ нормальной средѣ, въ силу присущаго ему стремленія къ развитію будетъ отбирать дѣйствія, ведущія къ прогрессивному развитію, будетъ повторять ихъ и обращать, такимъ образомъ, въ привычки, а дѣйствія вредныя будетъ отбрасывать и забывать. Конечно, и въ этомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду всѣ тѣ ограниченія, вытекающія изъ несовершенства человѣческой природы, о какихъ мы упоминали раньше.

Только что сказанное имѣетъ и большое практическое значеніе. Если для успѣшнаго образованія привычекъ такъ важно, чтобы первыя дѣйствія, являющіяся началомъ привычки, были соединены съ чувствомъ удовольствія, или являлись актами, направленными къ удаленію страданія, то, заботясь объ образованіи привычекъ, полезныхъ для развитія ребенка, воспитатель постарается связать желанныя дѣйствія ребенка съ интересами, преобладающими въ данный моментъ у ребенка, сдѣлать ихъ привлекательными, дать ребенку достаточный стимулъ къ этимъ дѣйствіямъ и затѣмъ повторять ихъ. Иногда можно заинтересовать ребенка даннымъ дѣйствіемъ путемъ словеснаго убѣжденія, иногда путемъ живого примѣра и т. п.

Что же касается того, чтобы помѣшать образованію вредныхъ привычекъ, то здѣсь полезно, когда это возможно, поставить ребенка въ положеніе пострадавшаго отъ естественныхъ послѣдствій поступка, какъ этого требуетъ, напримѣръ, Спенсеръ; но, разумѣется, это допустимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, если эти послѣдствія, сохраняя свой непріятный характеръ, не грозятъ ребенку ничѣмъ существенно вреднымъ и опаснымъ. Такой опытъ можетъ удержать ребенка отъ повторенія проступка страхомъ грядущихъ непріятныхъ естественныхъ послѣдствій.

Когда идетъ рѣчь объ образованіи привычекъ, то здѣсь примѣнимо также и все то, что мы знаемъ о взаимодѣйствіи организма и среды. Человѣкъ, благодаря своему высокоразвитому мозгу, отличается отъ всѣхъ животныхъ, не исключая и самыхъ высшихъ, необыкновенной пластичностью. Никакое животное не въ состояніи такъ быстро приспособляться къ новымъ необычнымъ условіямъ жизни, какъ это можетъ дѣ-

лать человѣкъ. Человѣкъ родится со множествомъ возможностей къ развитію различныхъ инстинктовъ и наклонностей; но изъ нихъ могутъ превратиться въ привычки далеко не всѣ, а лишь тѣ, какія вызоветъ къ жизни окружающая его среда и жизнь. Послѣдняя доставляетъ организму извѣстныя раздраженія. Какъ при ударѣ огнива изъ кремня появляются искры, такъ и при воздѣйствіи среды на организмъ появляются дѣйствія, реакціи, изъ которыхъ при достаточномъ числѣ повтореній могутъ образоваться новыя привычки. Вотъ почему при долговременномъ пребываніи человѣка въ какой-нибудь новой средѣ онъ приспособляется къ ней. Привычка къ средѣ устанавливаетъ извѣстное приспособленіе, гармонію между средою и организмомъ. Можно привыкнуть и къ холодному, и къ жаркому климату, и къ современному быту, къ утонченной культурной средѣ, и къ патріархальнымъ отношеніямъ, къ примитивному быту и т. п.

И потому самымъ важнымъ дѣломъ въ воспитательномъ отношеніи — это создать для ребенка здоровую среду, окружить его благопріятными для его развитія условіями, обстановкою, друзьями и знакомыми. Не даромъ еще псалмопѣвецъ сказалъ: со спасеннымъ спасенъ будешь, а со строптивымъ развратишься.

У насъ есть только одно средство борьбы съ вредными наклонностями ребенка — отвлекать его въ хорошую сторону. Организмъ напоминаетъ запруженную рѣку. Когда въ ней скопляется много воды, надо открыть шлюзы. Въ организмѣ ребенка скопляется энергія, для которой тоже надо открывать шлюзы. И отъ того, какіе шлюзы откроемъ мы, пользуясь внѣшнею средою, какъ раздражителемъ, зависитъ все: либо изъ нашихъ дѣтей выйдутъ полезные работники, либо хулиганы и т. п.

Отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать и привычками хорошаго произношенія, пѣнія и т. п. Давайте дѣтямъ образцы хорошей рѣчи, водя ихъ въ хорошій театръ, на публичныя лекціи, постарайтесь сдѣлать это и на своихъ урокахъ; продолжайте дѣлать это до тѣхъ поръ, пока дѣти не переймутъ и не сдѣлаютъ для себя привычными хорошую дикцію, хорошую манеру говорить, правильное произношеніе и проч.

Предоставьте дѣтямъ хорошіе образцы пѣнія въ театрѣ, концертѣ, школѣ, а за неимѣніемъ лучшаго — на граммофонѣ. Постарайтесь сдѣлать то же относительно манеры сидѣть въ классѣ и слушать учителя, манеры отвѣчать, писать, рисовать, читать, играть, обходиться съ товарищами. Давайте все это въ живыхъ образцахъ, если можно, въ картинахъ кинематографа, въ описаніяхъ, если нельзя найти заслуживающихъ подражанія живыхъ образцовъ. Доводите артистическія манеры всего этого до полнаго усвоенія и вы увидите, какъ заинтересуются дѣломъ дѣти, какіе быстрые успѣхи обнаружатъ они.

Но, конечно, все это требуетъ демократизаціи и широкаго распространенія театровъ, концертовъ, публичныхъ лекцій и т. п.

Противъ образованія привычекъ дѣлались возраженія. Говорили, что развивающую роль играютъ только упражненія новыя. Повтореніе же стараго, ведущее къ образованію привычекъ, дѣло консервативной наклонности и противоположно «развитію, какъ процессу все бо̀льшаго и бо̀льшаго приспособливанія» къ новымъ условіямъ. Въ этомъ взглядѣ вполнѣ вѣрно то, что неподвижныя, разъ навсегда установившіяся привычки были бы, дѣйствительно, противоположны прогрессу. Если бы среди людей царили только однѣ лишь привычки — даже полезныя въ жизни, — то давнымъ-давно исчезло бы всякое поступательное движеніе впередъ, всякое прогрессивное развитіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ и всего человѣчества. Міръ застылъ бы въ вѣковѣчномъ застоѣ. Вмѣсто развитія мы имѣли бы абсолютную неподвижность.

Но эта консервативная роль привычекъ становится неопасной, если въ насъ дѣйствуетъ нормально стремленіе къ развитію, къ образованію все новыхъ и новыхъ измѣненій подъ вліяніемъ все новыхъ и новыхъ переживаній. Больше того, хорошія привычки при прогрессивномъ направленіи развитія не только полезны, но и необходимы, потому что достигнутыя полезныя пріобрѣтенія должны быть закрѣплены, чтобы на ихъ основѣ было возможно дальнѣйшее поступательное движеніе впередъ; а закрѣпляются новыя завоеванія путемъ повторенія и, стало-быть, привычекъ. Безъ закрѣпленія стараго и низведенія его въ область подсознательнаго было бы невозможно пріобрѣтеніе новаго, было бы невозможно творчество, прогрессивное движеніе впередъ; потому что, не сдѣлавъ перваго шага, нельзя сдѣлать второго, а незакрѣпленный шагъ нельзя считать сдѣланнымъ. Безъ закрѣпляющихъ старое привычекъ мы напоминали бы путника, карабкающагося въ гору по скользящей дорогѣ, при чемъ при каждомъ новомъ шагѣ онъ снова и снова соскользалъ бы къ подошвѣ горы.

По словамъ Гефдинга, сознательно пріобрѣтенное укореняется лишь тогда, когда оно дѣйствуетъ безсознательно, или, какъ говорятъ, переходитъ въ плоть и кровь. Сознательная работа только прокладываетъ путь, а затѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы пустить въ ходъ безсознательныя приспособленія. Человѣкъ, по образному выраженію Паскаля, и автоматъ и духъ въ одно и то же время.

По мнѣнію Руссо, привычки вредны, и единственная привычка, какую надо развить въ ребенкѣ, это отсутствіе всякихъ привычекъ. Есть дурныя привычки, и по отношенію къ нимъ совершенно понятно желаніе Руссо. О такихъ привычкахъ говорятъ и пословицы: «Кто привыкъ лгать, тому трудно отстать», «За худую привычку и умнаго дуракомъ называютъ».

Но та же народная мудрость признаетъ за привычками и огромное не только отрицательное, но и положительное значеніе. «Привычка—вторая природа», говоритъ пословица. «Привычка въ десять разъ сильнѣе природы», сказалъ герцогъ Велингтонъ [1]). «Посѣйте поступокъ, — говоритъ англійская поговорка, — пожнете привычку, посѣйте привычку — пожнете характеръ, посѣйте характеръ — пожнете судьбу».

Привычка можетъ составить и счастье и несчастье нашей жизни. Объ этомъ писалъ еще Шекспиръ.

Привычка —
Она чудовище, она, какъ дьяволъ,
Сознанье зла въ душѣ уничтожаетъ,
Но здѣсь она есть ангелъ благодатный;
Свершенью добрыхъ, благородныхъ дѣлъ
Она даетъ и ловкую одежду,
Носить ее легко!
Привычка можетъ измѣнить природу;
Чудесной силою она смиритъ
Иль истребитъ врага.

Руссо ошибался, когда думалъ, будто мы могли бы обойтись совсѣмъ безъ привычекъ. Привычка — результатъ повторенія, а повторенія неизбѣжны и въ жизни и въ обученіи. Въ каждомъ новомъ непремѣнно встрѣтится очень много стараго. Всякій новый урокъ связывается съ прежними уроками. Въ каждой новой игрѣ найдутся дѣйствія уже знакомыя раньше. Въ каждомъ новомъ занятіи найдутся элементы, хорошо извѣстные по предыдущимъ занятіямъ. Каждое новое впечатлѣніе вызываетъ прежнія представленія и соединяется съ ними. Хотимъ мы этого или нѣтъ, привычки у насъ будутъ; но если мы не образуемъ полезныхъ привычекъ, то сами собою могутъ образоваться и вредныя привычки. И не о томъ мы должны заботиться, чтобы не было привычекъ, а о томъ, чтобы наши привычки были нашими союзниками, а не врагами. Мы не можемъ не дѣйствовать, а каждое дѣйствіе оставляетъ послѣ себя слѣды, а изъ накладываемыхъ другъ на друга однородныхъ слѣдовъ образуются, быть-можетъ, незамѣтно для насъ самихъ упорныя, трудно одолимыя привычки. Каждое изъ нашихъ дѣйствій, вызвавшихъ почему-либо наше удовольствіе, становится образцомъ для повторенія и, стало-быть, началомъ привычки.

Привычка можетъ превратить въ потребность и сдѣлать предметомъ любви и куренье, и пьянство, и развратъ и т. п.

---

[1]) И наблюденія подтверждаютъ этотъ афоризмъ. Извѣстно, что природный инстинктъ заставляетъ цыпленка бояться собакъ и кошекъ; но наблюденія показываютъ, что подъ вліяніемъ привычки цыплята утрачиваютъ страхъ къ этимъ животнымъ.

качества; но она же можетъ образовать влеченіе, привязанность и любовь къ наукѣ, или искусству, къ родинѣ, или къ тѣсному кружку друзей и т. п. Я знаю, что есть болѣе умные, талантливые, симпатичные люди, чѣмъ мои друзья, но я предпочитаю послѣднихъ, потому что я привыкъ къ нимъ, сжился съ ними. Я знаю, что есть страны гораздо болѣе свободныя и культурныя, чѣмъ моя родина, но я привыкъ къ ней, она стала безконечно дорога мнѣ и ни на какую самую чудесную и счастливую страну я не промѣняю ея, хотя ясно вижу всѣ ея недостатки, служащіе для меня источникомъ горя и страданій. Говорятъ, что можно привыкнуть и къ каторгѣ настолько, что станетъ жаль разставаться съ нею. Джемсъ разсказываетъ очень любопытный случай съ тигромъ изъ звѣринца. Во время желѣзнодорожнаго крушенія сломана была клѣтка. Тигръ выскочилъ было изъ клѣтки, но тотчасъ же вернулся назадъ, по привычкѣ, и хозяину не стоило никакого труда запереть его снова.

Само воспитаніе, по словамъ Рибо, — это сумма навыковъ. Не забвеніемъ ли этой истины объясняется безуспѣшность воспитанія въ современныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Думаютъ воспитывать путемъ поученій, наставленій или, какъ во Франціи, преподаваніемъ морали. Но однѣми проповѣдями въ этомъ случаѣ сдѣлаешь мало. Тысячи лѣтъ пытались поднять нравственность путемъ проповѣдей, и, однако, результаты этихъ гигантскихъ усилій едва ли не равны нулю. Мы уже не говоримъ объ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ нравственныхъ понятій, о пустыхъ и напыщенныхъ словахъ, перечнѣ обязанностей, шаблонныхъ принципахъ, ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу учащихся. Но даже яркіе образы героевъ долга, любви къ родинѣ, человѣчеству, художественные образы, волнующіе не только умъ, но и чувство, имѣютъ практическое значеніе лишь тогда, когда они побудятъ къ какому-нибудь, хотя бы маленькому дѣлу. Нравственность есть дѣло навыковъ и привычекъ, и если слово проповѣди не вызоветъ соотвѣтствующихъ поступковъ, которые путемъ повторенія обратятся въ привычки, такое слово безплодно.

Мы всѣ знаемъ, еще изъ прописей, что трудъ полезенъ, а лѣнь вредна; что необходимъ плапомѣрный, упорный энергичный трудъ; а между тѣмъ, какъ мало мы знаемъ людей, безупречныхъ въ этомъ отношеніи.

А вотъ другой примѣръ.

Мы всѣ хорошо знаемъ высшія требованія христіанской морали, мы усвоили ихъ смыслъ, мы привыкли слышать ихъ отъ проповѣдниковъ, читать въ прописяхъ и книгахъ о любви къ врагамъ, о непротивленіи злу и такъ далѣе; но такъ какъ мы не привыкли воплощать эти правила въ жизни, связывать ихъ съ своими поступками, то даже у людей, не допускающихъ сомнѣній въ справедливости подобныхъ требованій, эти ученія

остаются мертвою буквою. Мало знать какое-нибудь правило жизни; необходима привычка жить по этому правилу.

Самыя скромныя моральныя требованія (сдерживать свой гнѣвъ, быть вѣжливымъ, любить трудъ, не поддаваться лѣни и т. п.), если они опираются не на заученныя слова только, а на созданную путемъ многочисленныхъ упражненій и повторенія привычку, безконечно цѣннѣе самыхъ превыспреннихъ моральныхъ требованій, если послѣднія не закрѣплены привычкою, а остаются только въ области ума и красивой фразы.

Народная мудрость давно отмѣтила, что привычка легче всего образуется въ молодые годы. «Старую собаку пріучить трудно», гласитъ пословица. Въ духовныхъ книгахъ говорится, что спасти стараго, посѣдѣвшаго во грѣхахъ грѣшника несравненно труднѣе, чѣмъ удержать и направить ребенка. И дѣйствительно, никогда человѣческій организмъ не обладаетъ такою пластичностью, какъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ; никогда опасность дурного примѣра и внушенія не бываетъ такъ велика, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Не даромъ говорится: смолоду прорѣха, подъ старость дыра.

Другое важное требованіе состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ не дѣлалъ уклоненій въ сторону. Сюда примѣнимо извѣстное правило: «Никогда не проигрывать сраженія». Если вы хотите, чтобы ребенокъ писалъ орѳографически правильно, предупреждайте всѣ возможныя ошибки; если вы хотите, чтобы онъ вставалъ рано, не допускайте исключеній отъ общаго правила. Когда поэта Вордсворта, отправившагося въ горы, стали при началѣ сильной грозы убѣждать вернуться, онъ отказался, сославшись на то, что такой поступокъ былъ бы опасенъ для характера.

Разъ пріобрѣтенная хорошая привычка должна поддерживаться постояннымъ упражненіемъ. Извѣстны случаи, когда музыканты, наѣздники, пѣвцы, танцоры разучивались, если долго не упражнялись. Какая масса матеріаловъ, усвоенныхъ въ средней и даже высшей школѣ, выпадаетъ изъ головы вслѣдствіе отсутствія повторенія, когда этого не требуетъ ни профессія, ни любознательность.

Изъ привычекъ, которыя необходимо образовать съ дѣтства, мы поставили бы въ первомъ ряду привычку къ дѣятельности вообще, а позже къ регулярному труду. Въ раннемъ дѣтствѣ вся дѣятельность ребенка проходитъ въ играхъ, и здѣсь все дѣло въ томъ, чтобы, когда ребенокъ, кончивъ одну игру, не знаетъ, что дѣлать, предложить ему новую цѣлесообразную игру, отвѣчающую его запросамъ. Привычки къ регулярному труду начинаютъ образовываться позже и особенно въ школьномъ возрастѣ. Важность этихъ привычекъ громадна. Школьные учителя знаютъ, что у русскихъ дѣтей талантливость распространена чрезвычайно. Она такъ и брызжетъ чуть не въ каждомъ отвѣтѣ чуть не каждаго ученика; но чего намъ не до-

стаетъ — это привычки къ упорному, неустанному, планомѣрному, регулярному изо дня въ день любимому труду, составляющему наше призваніе. А это значитъ, что мы не довольно заботились о развитіи этой привычки въ нашихъ школахъ и въ семьяхъ. Правда, есть классъ людей съ очень тяжелой наслѣдственностью въ этомъ отношеніи — это Обломовы. Праздность и весь укладъ жизни ихъ предковъ, этихъ героевъ «Мертвыхъ душъ», — создали типъ людей, нелегко поддающихся трудовому воспитанію даже въ ихъ потомствѣ.

Конечно, этотъ упрекъ не можетъ относиться къ трудовому народу; но и здѣсь мы нерѣдко встрѣчаемся съ традиціонными недостатками. Нашъ трудъ нерѣдко отличается скорѣе импульсивностью, чѣмъ постоянствомъ. Говоря о привычкѣ къ труду, мнѣ придется въ дальнѣйшемъ отчасти повторить то, что я писалъ болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ въ книгѣ, давно уже не существующей въ продажѣ.

Говоря о трудѣ, нельзя обойти молчаніемъ одну особенность русскаго человѣка. Мы способны на чрезвычайныя усилія, бурныя проявленія энергіи, но временныя, а не постоянныя, подъ давленіемъ случайнаго импульса. Эти вспышки напряженной энергіи и вдохновенія, эти порывы на часъ, истощающіе организмъ, обыкновенно смѣняются продолжительнымъ бездѣйствіемъ, праднымъ препровожденіемъ времени, жизнью увальня и байбака до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь новый импульсъ,— будетъ ли это возродившееся вдохновеніе или матеріальная необходимость, — снова не разбудитъ въ насъ силъ, спавшихъ непробуднымъ сномъ до того времени.

Мнѣ приходилось наблюдать жизнь нѣсколькихъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ эта черта русскаго обывателя особенно рѣзко бросается въ глаза. Тамъ всевозможныя засѣданія и присутствія обыкновенно пріурочиваются къ какому-нибудь опредѣленному числу каждаго мѣсяца. Наступаетъ это число — и зазвенѣли колокольчики ямщиковъ, переполнились всѣ помѣщенія постоялыхъ дворовъ и гостиницъ, засуетились дѣлопроизводители и дворянской опеки, и крестьянскихъ учрежденій, и училищнаго совѣта, и тюремнаго комитета, и воинскаго присутствія, и десятка другихъ мѣстныхъ учрежденій, заскрипѣли перья, открылись засѣданія, продолжающіяся часто до 3 часовъ ночи. Рѣшаются тысячи дѣлъ, выслушиваются тысячи просителей, отвѣтчиковъ, свидѣтелей, составляется неимовѣрная масса постановленій, ходатайствъ, представленій и предписаній. Удивляешься, бывало, какъ можетъ человѣческій организмъ выдержать такую напряженную, безъ перерыва и отдыха, дѣятельность. Но прошла эта страдная пора, эта горячка работы — и разъѣдутся по своимъ имѣніямъ мѣстные общественные дѣятели, заснетъ городъ, разойдутся по домамъ секретари и писцы и будутъ коротать время, спать, ѣсть, ухаживать за барышнями или играть въ карты.

Въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній есть тоже своего рода страдная пора — это экзамены, требующіе отъ учащихся огромнаго напряженія силъ, изнуряющіе учениковъ и рѣзко нарушающіе обычный порядокъ учебныхъ заведеній.

Даже исторія русская представляетъ, повидимому, полную аналогію съ такой лихорадочною работою въ отдѣльные моменты, смѣняемою затѣмъ продолжительною спячкою. Чудеса самоотверженія и подвиговъ, кипучая, поражающая воображеніе дѣятельность, небывалый подъемъ духа въ годы опасностей или въ эпохи преобразованій и смѣняющій ихъ затѣмъ полный и до отчаянія продолжительный застой.

Люди благихъ порывовъ, рыцари на часъ—это наши родные типы. Есть сказка о спящемъ богатырѣ. На него возлагаютъ огромныя надежды и ждутъ, когда онъ проснется. И онъ проснулся. Онъ обнаружилъ колоссальныя силы, но кончилъ тѣмъ, что нашелъ дупло по своему росту, взлѣзъ туда и снова заснулъ. И здѣсь мы видимъ хорошо знакомыя намъ черты. Можно различно объяснять происхожденіе этихъ свойствъ русскаго народа. Можно, напримѣръ, видѣть причину этой особенности русскаго народа въ условіяхъ земледѣльческаго труда. Въ короткое лѣто приходится выносить нашему земледѣльцу изумительный по напряженности трудъ, тогда какъ долгая зима нерѣдко обрекаетъ нашего крестьянина почти на полное бездѣйствіе. Но чѣмъ бы мы ни объясняли свойства нашего характера, если они оставляютъ желать лучшаго, съ ними можно и должно бороться. А что этотъ горячечный трудъ, эти періоды крайняго напряженія, вспышки вдохновенія и порывы неестественно-бурной энергіи, смѣняющіеся продолжительною спячкою, дѣйствуютъ разрушительно на организмъ, непроизводительно поглощаютъ массу энергіи и даютъ жалкіе результаты, — едва ли это надо доказывать. Едва ли кто будетъ оспаривать, что самый умѣренный, но регулярный изо дня въ день трудъ, съ достаточными промежутками для отдыха, дастъ несравненно лучшіе результаты и будетъ вдесятеро успѣшнѣе дѣйствовать укрѣпленію и развитію всѣхъ способностей человѣка. Если мы обратимся къ біографіямъ замѣчательныхъ людей, мы увидимъ, какъ много обязаны эти люди своему регулярному труду.

«Я сажусь писать, — говоритъ Золя,—спокойно, методично, съ часами въ рукахъ. Я пишу каждый день, но немного, три печатныхъ страницы, ни строчкой больше и только по утрамъ; пишу почти безъ помарокъ, потому что нѣсколько мѣсяцевъ обдумываю предстоящее мнѣ дѣло. Я могу безошибочно опредѣлить день, когда окончу романъ». Обращаясь въ своей рѣчи къ учащейся молодежи, Золя рекомендуетъ ей трудъ и только трудъ, какъ залогъ личнаго счастья или, по крайней мѣрѣ, спокойствія.

Аккуратность Канта вошла въ пословицу. Каждый день онъ распредѣлялъ совершенно одинаково. Ложился спать ровно въ 10 часовъ и спалъ 7 часовъ. Отъ 5 до 7-ми утра онъ работалъ въ кабинетѣ; затѣмъ отправлялся на лекціи; отсюда возвращался опять въ кабинетъ, гдѣ работалъ до $^3/_4$ перваго—никогда болѣе и никогда менѣе. Затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ, гуляньe—все въ строго и разъ навсегда опредѣленные часы дня. Шопенгауэръ тоже строго придерживался однажды установленнаго порядка дня. Нашъ историкъ С. М. Соловьевъ отличался аккуратностью до педантизма.

То же самое надо сказать о Линнеѣ и о Бюффонѣ. Послѣдній, чтобы пріучить себя вставать въ 6 часовъ утра, поручилъ лакею будить его въ это время во что бы то ни стало, несмотря ни на что; и лакей хорошо исполнялъ свою обязанность, несмотря на то, что баринъ на первыхъ порахъ сердился и бранился. Біографіи выдающихся людей полны примѣрами регулярнаго труда, которому они обязаны количествомъ оставленнаго ими человѣчеству литературнаго или научнаго наслѣдства. Даже среди поэтовъ и художниковъ и то все больше и больше въ наше время встрѣчается стремленіе къ регулярному труду. Такимъ, напримѣръ, былъ художникъ Ѳедотовъ, чья жизнь шла ровно, какъ заведенные часы. Таковъ же Ивановъ—авторъ знаменитой картины «Явленіе Христа народу». Дарвинъ работалъ съ 8 до 9 час. утра, затѣмъ отдыхалъ среди своей семьи до $10^1/_2$ час., когда онъ снова возвращался въ свою лабораторію и работалъ до 12 час. Болѣе продолжительной работы онъ не могъ вынести, по слабости своего здоровья. И, однакоже, несмотря на то, что его рабочій день равнялся лишь $2^1/_2$ час., кого другого могли бы мы поставить съ нимъ рядомъ по колоссальности сдѣланной работы? Мы можемъ забыть о геніальности этихъ людей, но уже одно количество сдѣланной ими работы, безъ всякаго отношенія къ ея качеству, должно бы показать намъ, что значитъ регулярный, ежедневный трудъ по часамъ. Эта привычка начинать и оканчивать дневную работу въ опредѣленный часъ обусловливаетъ и свѣжесть мозга и продуктивность труда. Она же освобождаетъ насъ отъ излишнихъ усилій, чтобы заставить себя приняться за работу. Когда я ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ берусь за перо, это дѣлается самопроизвольно, почти инстинктивно, по привычкѣ, безъ всякихъ усилій надъ собою, безъ всякой борьбы съ противодѣйствующими стремленіями. Но когда меня выбиваетъ что-нибудь изъ колеи, когда надолго нарушается заведенный порядокъ и привычка уже не приходитъ мнѣ на помощь, я вынужденъ дѣлать надъ собою каждый разъ значительныя усилія, чтобы взяться за работу. У органовъ нашего тѣла есть у каждаго свой кругъ дѣятельности и покоя. Продолжительность этихъ періодовъ различна: она очень мала для сердца, длиннѣе для легкихъ, еще длиннѣе для желудка.

Для мозга кругъ дѣятельности — суточный, съ своими приливами и отливами силъ, съ періодами работы и отдыха. И надо, чтобъ эта смѣна покоя и дѣятельности, эти приливы и отливы совершались правильно въ одни и тѣ же часы дня и ночи.

Подобно тому, какъ пищеварительные органы, привыкшіе въ опредѣленный часъ получать порцію пищи, съ наступленіемъ привычнаго времени требуютъ пищи, усиленно выдѣляютъ слюну, желудочный и кишечный соки, сокъ панкреатической железы и т. д., такъ точно и нервные центры, привыкшіе въ опредѣленный часъ начинать усиленную работу, властно требуютъ отъ насъ привычнаго труда, усиливаютъ приливъ крови въ области мозга, возбуждаются и какъ бы говорятъ намъ: мы готовы, начинай!

Что ритмъ въ жизни человѣка играетъ большую роль, намъ нечего ходить далеко за примѣрами. Большинство людей встаетъ и ложится спать, пьетъ чай, обѣдаетъ въ опредѣленные часы дня; въ опредѣленные часы дня рабочій идетъ на фабрику, школьникъ въ училище, чиновникъ и офицеръ на службу, приказчикъ въ магазинъ; даже для развлеченій въ театрѣ, концертѣ, за картами и т. п. существуютъ опредѣленные часы дня. И каждый знаетъ, что именно въ привычный часъ наступаетъ аппетитъ къ пищѣ, охота ко сну, силы для работы, жажда развлеченій и т. д. Само вдохновеніе у поэтовъ и художниковъ, привыкшихъ регулярно работать, приходитъ именно въ привычный часъ. Если смотрѣть на вдохновеніе не снизу вверхъ, не съ земли на небо, а съ физіологической точки зрѣнія, то оно, быть-можетъ, окажется простымъ приливомъ крови къ мозгу, а этотъ приливъ подчиняется привычному ритму.

Ритмъ играетъ очень большую роль во всей природѣ. Кромѣ ритма въ пульсѣ, дыханіи, однимъ словомъ, въ физіологическихъ процессахъ, есть ритмъ въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, въ качаніи маятника, въ волнообразныхъ колебаніяхъ свѣта, электричества, воздуха при звукѣ, капель воды во время волнъ и т. д. И нѣтъ ничего удивительнаго, если тому же ритму привычка можетъ подчинить и само вдохновеніе художника и артиста.

Школьныя занятія располагались бы вполнѣ сообразно съ этимъ принципомъ, если бы здѣсь болѣе вниманія обращалось на соразмѣрность классныхъ и домашнихъ работъ съ силами учениковъ и если бы уничтожены были тѣ нарушенія обычнаго порядка, какія вносятся въ нашу школьную жизнь экзаменами.

Но и за всѣмъ тѣмъ хорошо извѣстно, что привычки къ регулярнымъ занятіямъ, пріобрѣтенныя въ школѣ, чрезвычайно быстро разрушаются по выходѣ ученика изъ школы въ жизнь. Необходимо, стало-быть, чтобъ эти привычки не были только

безсознательными, нужно, чтобъ ученикъ выносилъ изъ школы твердое убѣжденіе въ томъ, что только регулярный трудъ обезпечиваетъ и успѣхъ, и здоровье, и даетъ человѣку нравственное удовлетвореніе.

Любопытны въ этомъ отношеніи опыты лѣченія лѣни, развивающейся на почвѣ вырожденія, неврастеніи и вообще нервныхъ болѣзней. Докторъ Морисъ Флёри, которому приходилось, и часто съ успѣхомъ, лѣчить невропатовъ-лѣнтяевъ, принадлежавшихъ къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ положеніямъ—отъ писателей и композиторовъ до школьниковъ, отъ праздныхъ богачей до жалкихъ голяковъ, пользовался слѣдующимъ методомъ. Флёри, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ, старался опредѣлить призваніе больного и помогалъ ему выбрать занятія. Когда выборъ былъ сдѣланъ, онъ развивалъ предъ больнымъ всю житейскую важность предстоящаго дѣла, заинтересовывалъ его надеждой на пріобрѣтеніе славы и благополучія впослѣдствіи, объяснялъ ему всю прелесть довольства собой. Онъ говорилъ объ этомъ настойчиво, безпрестанно. Когда онъ видѣлъ, что данная идея стала для больного дорогой и близкой, что его мозгъ завоеванъ, Флёри старался сдѣлать и самую идею, и подчиненную ей работу привычной. Онъ объяснялъ больному, въ какой изъ утреннихъ часовъ надо приниматься за работу, какъ надо приниматься за нее, сколько времени нужно работать. И это не были простыя докторскія приказанія. Онъ убѣждалъ больного, доказывалъ цѣлесообразность опредѣленнаго режима. За исполненіемъ этихъ требованій Флёри слѣдилъ самъ и поручалъ слѣдить родственникамъ больного. Разумѣется, что больному предписывался трудъ умѣренный и только посильный, постепенно увеличиваемый. И больные очень часто выздоравливали: упорные лѣнтяи становились трудолюбивыми людьми.

Есть педагоги, которые ставятъ альфой и омегой воспитаніе привычки къ повиновенію, послушанію. Мы не изъ ихъ числа. Конечно, и мы признаемъ, что долженъ существовать авторитетъ у родителей и учителей, но онъ долженъ быть основанъ на любви и довѣріи. Мы думаемъ, что у послушанія должны быть извѣстныя границы, а у ребенка должна быть свобода, ограниченная только опасностями, которыя представляетъ для развитія дѣтство. Воспитатели, основывающіе свою систему только на повиновеніи, должны бы вспомнить того государственнаго дѣятеля, который сказалъ: «Всякій дуракъ можетъ управлять съ помощію военнаго положенія, но я не хочу этого». И еще другое изреченіе слѣдовало бы помнить: «Бойтесь, чтобы изъ благородныхъ коней не образовать терпѣливыхъ ословъ».

Излишнимъ требованіемъ послушанія можно надорвать силы ребенка. Послушаніе всего чаще требуетъ отъ него очень большихъ усилій воли, чтобы подавить свои желанія данной

минуты, вытѣснить образы и чувства, которые онъ только что переживалъ, и дѣлать чужое дѣло, стремиться къ исполненію чужихъ требованій. Это хорошая тренировка воли, когда предлагается въ умѣренной дозѣ, но очень опасная, когда ребенку ставится слишкомъ много требованій и слишкомъ часто напрягаютъ его еще слабые задерживающіе, тормозящіе механизмы.

Едва ли какой-нибудь ребенокъ въ возрастѣ одного года въ состояніи бороться съ своими личными желаніями, тормозить ихъ, по требованію родителей, болѣе 3 минутъ кряду, а восьмилѣтній ребенокъ болѣе 40 минутъ. Вотъ почему и каждый урокъ въ этомъ возрастѣ долженъ продолжаться никакъ не болѣе этого срока. Здѣсь, конечно, не идетъ рѣчи о дѣйствіяхъ, ставшихъ привычками, въ родѣ умѣнья держать ложку, вставать во-время съ постели, правильно выговаривать знакомыя слова и т. п., такъ какъ заученныя движенія, ставши механическими, никакихъ усилій воли уже не требуютъ отъ насъ.

Очень важно пріучать ребенка сообразовать свои дѣйствія не только съ своими личными желаніями, но и съ интересами другихъ, начиная съ близкихъ. Лучше всего это достигается, если мы будемъ поощрять услуги, оказываемыя дѣтьми и другъ другу и близкимъ людямъ. Безъ этого ребенокъ рискуетъ вырасти отчаяннымъ эгоистомъ, ибо привыкнетъ только получать и ничего не давать другимъ. А получаетъ онъ много, и не можетъ не получать въ виду своей полной безпомощности.

Далеко не лишне закрѣпить привычкою заботы дѣтей о животныхъ. Знакомыя мнѣ дѣти съ большою радостью кормили собаку, куръ, лошадку, ухаживали за птичками въ клѣткѣ зимою съ тѣмъ, чтобы выпустить ихъ весною на волю.

Но, конечно, въ тысячу разъ важнѣе согласовать свое поведеніе съ интересами общества людей.

Выходитъ какъ-то такъ, что школа готовитъ только къ экзамену, а самое важное въ жизни, какъ жить съ людьми, дѣти узнаютъ на улицѣ при случайныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ и т. п., то и дѣло рискуя научиться дурному.

Въ этомъ отношеніи одна изъ благороднѣйшихъ задачъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать привычнымъ для ученика деликатное, вѣжливое отношеніе къ окружающимъ людямъ, безъ ссоръ, безъ дракъ.

Можно поставить своею задачею образовать у дѣтей и юношей привычку заступаться за несправедливо обиженнаго, слабаго товарища.

Очень многаго можно достигнуть путемъ примѣненія на практикѣ взаимопомощи между дѣтьми: одолжить интересную книгу для чтенія, игрушку, помочь въ какой-нибудь работѣ, устроить сообща живыя картины, литературно-музыкальные вечера, хоръ, оркестръ, организовать кружки общаго чтенія и самообразованія, экскурсіи и общія прогулки.

Знакомыя мнѣ дѣти съ большимъ интересомъ участвовали вмѣстѣ съ другими въ составленіи коллекцій насѣкомыхъ, птичьихъ яицъ, растеній и минераловъ, совмѣстно съ другими сверстниками вели дѣтскій журналъ, редактировали для него статьи, составляли ихъ сами, писали разсказы, выдумывали шарады и загадки, рисовали иллюстраціи сами и пріискивали открытки для художественныхъ иллюстрацій, вели переписку съ учениками одной незнакомой и одной знакомой сельскихъ школъ, снабжая ихъ вышепомянутыми коллекціями, сообща устраивали дѣтскій спектакль въ пользу голодающихъ, приготовляли разныя вещицы для лотереи, устраиваемой ими съ тою же цѣлью, и распространяли билеты, устраивали общія игры и сочиняли для нихъ правила.

Песталоцци далъ намъ никѣмъ не превзойденный примѣръ нравственнаго воспитанія въ школѣ.

Песталоцци работалъ въ пріютѣ въ Станцѣ въ то время, когда во всей странѣ то и дѣло происходили стычки между французами и австрійцами. Послѣ одной такой битвы при селеніи Альтдорфъ французы заподозрили мѣстныхъ жителей въ тайныхъ сношеніяхъ съ австрійцами и въ наказаніе сожгли селеніе. Песталоцци, конечно, не могъ отнестись равнодушно къ положенію пострадавшихъ, оставшихся безъ крова, и особенно къ положенію несчастныхъ дѣтей; но что могъ сдѣлать онъ, самъ бѣдный человѣкъ, когда у него не хватало средствъ и на содержаніе пріюта, гдѣ онъ служилъ? И, однакоже, любящее сердце подсказало геніальному педагогу средство, удивительное и по своей простотѣ и по его крупному воспитательному значенію. Песталоцци обратился за помощью къ воспитанникамъ пріюта. Онъ собралъ ихъ и сказалъ: «Альтдорфъ сгорѣлъ; можетъ-быть, въ эту минуту бродитъ по пожарищу до ста дѣтей безъ крова, безъ пищи. Желаете ли вы попросить наше начальство, чтобы оно дало пріютъ имъ въ нашемъ домѣ?» Всѣ дѣти въ одинъ голосъ отвѣчали: «Желаемъ, желаемъ!» — «Но у насъ мало средствъ, — продолжалъ великій педагогъ, — вы принуждены будете больше работать для этихъ бѣдняковъ, меньше получать пищи и должны будете подѣлиться съ ними даже своимъ платьемъ, — желаете ли вы все-таки помочь имъ въ ихъ несчастьѣ?» И дѣти единодушно отвѣчали: «Пусть всѣ они придутъ сюда! Мы согласны и больше работать и меньше ѣсть». И когда затѣмъ прибыли въ пріютъ дѣти погорѣльцевъ, воспитанники пріюта приняли ихъ, какъ своихъ братьевъ, подѣлились съ ними своими постелями, своимъ платьемъ и заботились о нихъ съ нѣжностью хорошихъ нянекъ.

Когда дѣти искренно и шумно выражали Песталоцци свою признательность за все, что онъ дѣлаетъ для нихъ, ихъ знаменитый воспитатель говорилъ имъ, что для него лучшимъ выраженіемъ ихъ благодарности будетъ, если они сами, когда вырастутъ, посвятятъ себя бѣднымъ, покинутымъ дѣтямъ, ста-

нутъ жить среди нихъ, учить ихъ и воспитывать. «Великодушный мечтатель», какъ его называли многіе современники, думалъ, что если онъ самъ могъ посвятить всѣ свои думы и заботы воспитанію несчастныхъ и бѣдныхъ дѣтей, то на это хватитъ силъ и у его учениковъ. Было ли это ошибкой? Мы думаемъ, что Песталоцци въ извѣстной степени былъ правъ и, если не всѣ изъ его учениковъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ должны были своею жизнью оправдать его ожиданія. Если бы это было не такъ, Песталоцци не могъ бы создать такого широкаго движенія въ пользу всеобщаго, всенароднаго обученія, въ пользу призрѣнія покинутыхъ и бѣдныхъ дѣтей.

Въ одномъ изъ разсказовъ г. Засодимскаго выведенъ учитель, который вмѣстѣ съ дѣтьми принимаетъ мѣры противъ распространенія чумы рогатаго скота. Когда взрослые крестьяне не захотѣли внять доводамъ о необходимости зарыть трупы павшихъ животныхъ, онъ обращается къ дѣтямъ и вмѣстѣ съ ними продѣлываетъ эту работу. Мы лично знаемъ случай, когда учитель вмѣстѣ съ учениками своей деревенской школы сдѣлалъ нѣчто подобное. Колодецъ, изъ котораго брали воду жители деревни, былъ вырытъ въ низинѣ, куда весною и осенью стекали нечистоты съ крестьянскихъ дворовъ. И вотъ школьники, по слову учителя и вмѣстѣ съ нимъ, впрочемъ, съ согласія схода, дѣлаютъ насыпь около колодца, проводятъ канавки для стока нечистотъ и улучшаютъ воду для питья.

Достоевскій, посѣтившій колонію малолѣтнихъ преступниковъ подъ Петербургомъ, вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ о порядкахъ колоніи: «Тамъ дѣти принимаются къ участію въ общей работѣ по уборкѣ своихъ помѣщеній, при чемъ и самъ воспитатель работаетъ съ ними заодно. Тамъ въ каждой семьѣ, находящейся подъ наблюденіемъ воспитателя, царятъ простыя дружныя отношенія, при чемъ воспитатель—не начальникъ, а только какъ бы старшій товарищъ. Тамъ существовалъ «самосудъ» воспитанниковъ. Всякій провинившійся поступалъ на судъ всей семьи, къ которой принадлежалъ, и мальчики или оправдываютъ его, или присуждаютъ къ наказанію, при чемъ единственнымъ наказаніемъ служило отлученіе отъ игръ».

Аналогичныя воспитательныя мѣры употребляетъ учитель Хорольскаго уѣзда, Полтавской губ., г. Симоновскій. Вотъ что сообщилъ онъ мнѣ въ замѣткахъ о своей школѣ:

«Имѣя въ виду повысить нравственный уровень своихъ учениковъ и подготовить изъ нихъ будущихъ деревенскихъ общественныхъ дѣятелей, сознательно относящихся къ своей общественной жизни, я задумалъ учредить «школьное товарищество». Преобладающее число изъ моихъ учениковъ составляютъ мальчики отъ 13 до 15 лѣтъ, хорошо знакомые съ деревенскою жизнью, съ ея темными сторонами. Всѣмъ имъ очень

понравилась идея «товарищества», и всѣ они сами дали слово помогать своимъ меньшимъ товарищамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ, ласково обходиться съ маленькими дѣтьми, вести себя хорошо дома и на улицѣ, быть вѣжливыми съ прохожими и проѣзжими, предостерегать другъ друга отъ дурныхъ дѣлъ».

Далѣе г. Симоновскій разсказываетъ, какъ дѣти, не желая огорчать учителя, избѣгали сообщать ему о шалостяхъ своихъ товарищей, а исправляли ихъ сами путемъ товарищескихъ увѣщаній. Однажды двое изъ дѣтей сдѣлали некрасивую шутку съ мѣстнымъ сидѣльцемъ. Тогда одинъ изъ учениковъ, выбранный дѣтьми старостою, сказалъ виновнымъ въ присутствіи всего класса: «Нехорошо вы, хлопцы, сдѣлали. Теперь уже всякому школьнику нельзя будетъ пройти по селу. Будутъ на него пальцами указывать. И намъ черезъ васъ нехорошо и учителю». Виноватые все время рыдали. «Что же съ ними дѣлать?» спросилъ выборный. «Пусть они пойдутъ съ кѣмънибудь изъ насъ къ сидѣльцу и попросятъ у него прощенья», былъ общій отвѣтъ. Дѣти извинились. «Вѣсть о поступкѣ учениковъ и о школьномъ судѣ надъ ними въ тотъ же день облетѣла всю деревню, — продолжаетъ г. Симоновскій. — Поздно вечеромъ ко мнѣ явились сидѣлецъ съ нѣсколькими крестьянами. Всѣ они были очень растроганы и со слезами на глазахъ говорили: спасибо вамъ, что вы нашихъ дѣтей уму-разуму наставляете. Если бы и насъ такъ учили, легче бы намъ жилось теперь. Спасибо вамъ, дай вамъ Богъ здоровья».

Почему не пойти дальше? Почему бы не попробовать устроить всю школьную дисциплину и порядки на началахъ существующаго сельскаго самоуправленія? Почему бы не предоставить ученикамъ права выбирать своего школьнаго старосту и судей, разумѣется, безъ права оставлять безъ обѣда, ставить на колѣна и проч.? Подобные опыты были въ Америкѣ. Начальникъ одной школы, гдѣ обнаружена была особая распущенность дѣтей, передалъ самимъ ученикамъ всѣ обязанности по поддержанію классной дисциплины. Всѣ ученики изображали изъ себя избирателей. Разсказываютъ, что результаты получились удивительные: безпорядки прекратились, и школа стала вполнѣ благоустроеннымъ заведеніемъ. Въ другой школѣ въ основу самоуправленія положены были начала городового управленія. Дѣти были гражданами; они избирали мэра, полицію и другихъ должностныхъ лицъ. Любопытна одна подробность. Различія между полами не дѣлалось, и дѣвочки оказались превосходными исполнительницами полицейскихъ обязанностей.

Противъ подобныхъ мѣръ дѣлались разныя возраженія. Говорили, что онѣ отзываются чѣмъ-то книжнымъ, что есть много гордыхъ дѣтей, которыя будутъ оскорблены этою «вѣчевою властью» такихъ же, какъ они сами; что среда, которая рѣшаетъ дѣло, почти всегда середина, и ея приговоръ уязвитъ

самолюбіе иного, болѣе другихъ умнаго и талантливаго изъ учащихся. Но это пренебреженіе къ «вѣчевой власти» средины едва ли выдерживаетъ критику вообще. Наша литература, нашъ театръ, наше искусство не сдѣлались хуже оттого, что стали служить интересамъ широкихъ слоевъ срединной публики, а не отдѣльнымъ меценатамъ, какъ было въ прежнія времена; уровень талантовъ нисколько не понизился оттого, что писатели, артисты и художники принуждены теперь сообразоваться со вкусами и требованіями массы, а не маленькой горстки высокопоставленныхъ покровителей литературы и искусства. Но если бы даже противники «вѣчевой власти» и были правы, если бы судъ середины, дѣйствительно, грѣшилъ увлеченіями, у школы всегда найдется коррективъ, — это учитель, отъ котораго во многомъ будетъ зависѣть, какъ направить судъ школьниковъ. Онъ всегда можетъ прійти на помощь своему классу въ случаѣ, если замѣтитъ какія-либо нежелательныя уклоненія. У пишущаго эти строки есть личный опытъ относительно привлеченія самихъ учащихся къ исполненію функцій общественнаго характера въ начальныхъ школахъ. Въ 90-мъ году мнѣ пришлось принять на себя завѣдываніе учебною частью начальныхъ училищъ въ г. Москвѣ, и меня съ перваго же осмотра школъ поразило невнимательное отношеніе нѣкоторыхъ учащихъ къ внѣклассному чтенію дѣтей въ однѣхъ школахъ и даже полное отсутствіе ученическихъ библіотекъ въ другихъ. Напримѣръ, одно изъ старѣйшихъ казенныхъ училищъ, существующее 110 лѣтъ, — школа съ расширенною программою, разсчитанною на шестилѣтній курсъ, съ правами второго разряда по воинской повинности, — не имѣло ни единой книги въ ученической библіотекѣ, а инспекторъ этого училища прямо-таки считалъ и вреднымъ и излишнимъ подобное новшество. Пришлось позаботиться и о томъ, чтобы преподаватели обращали побольше вниманія на внѣклассное чтеніе учениковъ, но прежде всего о томъ, чтобы при всѣхъ начальныхъ школахъ были основаны ученическія библіотеки.

Сравнительно легко завести библіотеки въ общественныхъ и казенныхъ училищахъ; но частныя школки, содержимыя на плату за ученье, съ содержателями, не расположенными тратить деньги на школу, долго ставили неразрѣшимую, казалось, задачу: какъ устроить въ нихъ библіотечки? Эта задача разрѣшена была слѣдующимъ образомъ. Когда не помогло обращеніе къ содержателямъ, я обратился къ ученикамъ. Обходя школы, я предлагалъ самимъ дѣтямъ выбрать изъ своей среды библіотекаря, вмѣстѣ съ послѣднимъ я начиналъ подписку на библіотеку, къ ней добровольно примыкалъ содержатель и большинство учениковъ. Когда собиралась какая-нибудь сумма, — а она была иногда довольно значительной (въ одной школѣ было собрано 70 рублей), — избранный библіотекарь-

ученикъ вмѣстѣ съ учителемъ шелъ въ книжную лавку и покупалъ книги. Онъ же хранилъ книги, велъ каталогъ, выдавалъ книги на домъ выбравшимъ его товарищамъ, записывалъ каждую выдачу и каждое возвращеніе. Онъ обыкновенно дѣлалъ все это съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ большою аккуратностью, чувствуя надъ собою двойной контроль — и со стороны товарищей и со стороны учителя. Это было для него общественнымъ дѣломъ, его званіе библіотекаря — общественной, отвѣтственной должностью. Воспитательное значеніе этой мѣры очень велико. Школа готовитъ людей для жизни. Настанетъ время, когда теперешніе ученики станутъ общественными дѣятелями, будутъ на сельскомъ и волостномъ сходахъ выбирать должностныхъ лицъ, рѣшать вопросы о налогахъ, дорогахъ, продовольствіи и призрѣніи, о школахъ, о библіотекахъ, о народныхъ чтеніяхъ, въ земствѣ будутъ разсуждать о санитарномъ и школьномъ дѣлѣ, будутъ судить то въ качествѣ волостного судьи, то въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Мы справедливо жалуемся, что наши общественные дѣятели не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія, что наши общественныя учрежденія могли бы функціонировать лучше; но что мы дѣлаемъ для того, чтобы приготовить идущее намъ на смѣну поколѣніе къ его общественной дѣятельности? Ничего, или почти ничего. Мнѣ кажется, что на учениковъ въ интересахъ воспитанія необходимо возлагать извѣстныя обязанности съ общественнымъ, а не личнымъ значеніемъ, съ самаго ранняго возраста пріучать ихъ къ заботамъ, хлопотамъ, трудамъ не для себя самихъ только, но и для другихъ. До сихъ поръ школа очень рѣдко брала на себя эту роль; но мы вѣримъ, что настанетъ время, когда это будетъ считаться самой главной задачей школы, когда воспитаніе общественныхъ чувствъ и привычекъ къ общественной дѣятельности станетъ во главу угла всѣхъ школьныхъ порядковъ. И въ этомъ смыслѣ нельзя не признать хорошимъ воспитательнымъ средствомъ исполненіе учениками обязанностей по веденію библіотеки.

И въ то же время такой порядокъ значительно облегчитъ труды учителя по завѣдыванію библіотекой.

Можно было бы выбрать для этой цѣли нѣсколько учениковъ, распредѣливъ между ними занятія, напримѣръ, по отдѣламъ библіотеки: одному можно было бы поручить книги духовнаго содержанія, другому — беллетристику и т. д. Выбранные ученики могли бы выдавать книги, получать ихъ и вести записи о читаемости книгъ.

Если бы такихъ записей собрано было много, то это было бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, что читаютъ дѣти. За разработку такого цѣннаго матеріала были бы рады взяться нѣкоторые изъ дѣятелей нашихъ просвѣтительныхъ обществъ, нѣкоторые изъ публицистовъ. И ученики-библіотекари оказали бы услуги не только школѣ, не

только своимъ деревенскимъ читателямъ, но еще содѣйствовали бы, сами того не подозрѣвая, рѣшенію вопросовъ, которые давно уже волнуютъ русское общество. Пользуясь помощью учениковъ-библіотекарей, можно безъ особыхъ затрудненій для учителя организовать выдачу книгъ и утромъ до начала уроковъ, и въ перемѣну между уроками, и по окончаніи уроковъ; и по праздникамъ, и по буднямъ, и зимою, и лѣтомъ. Только двухъ функцій нельзя будетъ поручить библіотекарю изъ учениковъ: онъ не можетъ рекомендовать книги и не въ силахъ произвести провѣрку прочитаннаго. Объ эти функціи учителю надо взять на себя. Въ американскихъ школахъ изъ учениковъ составляются кружки для чтенія. Въ такомъ кружкѣ всегда есть выборныя лица, которыя завѣдуютъ выдачею книгъ. Говорятъ, что дѣти относятся къ книгамъ съ особенною внимательностью и аккуратностью. Мнѣ пришлось демонстрировать на учительскихъ курсахъ въ г. Курскѣ дѣтскую библіотеку, руководимую выбранными изъ учениковъ начальной школы дѣтьми. Эти библіотекари-дѣти исполняли свои обязанности съ усердіемъ и съ успѣхомъ. И мало ли такихъ функцій общественнаго характера можно найти для учениковъ начальной школы.

Сельская школа мало-по-малу дѣлается центромъ, куда тяготѣютъ всѣ учрежденія народообразовательнаго характера. При школѣ можетъ существовать книжный складъ и нѣкоторыя изъ его операцій смѣло могутъ быть возложены на учениковъ. Я хорошо помню, какъ учитель Б. училища въ Смоленской губ. съ огромнымъ успѣхомъ пользовался добровольцами изъ учениковъ, чтобы торговать книжками школьнаго склада на б—скомъ сельскомъ базарѣ. При школѣ устраиваются народныя чтенія. Почему бы ученикамъ не взять на себя и здѣсь нѣкоторыя изъ доступныхъ имъ ролей: приготовить помѣщеніе, разсадить публику по мѣстамъ, помочь лектору при демонстраціяхъ чтеній туманными картинами. При школѣ могутъ быть устроены воскресныя и вечернія занятія для взрослыхъ. Почему бы и въ этомъ случаѣ не обратиться къ помощи добровольцевъ-школьниковъ, хотя бы по раздачѣ учебныхъ принадлежностей и книгъ и т. д.

Даже въ чайной, устроенной обществомъ трезвости, школьники могли бы взять на себя нѣкоторыя изъ особенно суетливыхъ ролей, такъ свойственныхъ дѣтскому возрасту.

На Западѣ входятъ въ употребленіе школьныя кассы. Почему бы не попробовать устроить что-либо подобное и у насъ. Почему бы не привлечь самихъ учениковъ къ несложной организаціи и веденію такихъ кассъ. Это участіе практически ознакомило бы ихъ съ ролью кредитныхъ и сберегательныхъ учрежденій, съ ихъ операціями, упрощеннымъ счетоводствомъ и механизмомъ.

Недавно въ Москвѣ былъ съѣздъ дѣятелей по кооперации, и идея народнаго кредита, послѣ затишья восьмидесятыхъ годовъ, снова обратила на себя серьезное вниманіе русскаго общества. Но мы опасаемся, какъ бы благимъ начинаніямъ XX вѣка не угрожала та же участь, какая постигла аналогичныя попытки 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ то время ссудо-сберегательныя товарищества возбуждали еще больше надеждъ, чѣмъ они возбуждаютъ теперь. Съ легкой руки Лагунина, открывшаго въ 1866 г. рождественское (Костромской губ.) ссудо-сберегательное товарищество, эти учрежденія при помощи земствъ и подъ вліяніемъ ассоціаціоннаго движенія, охватившаго тогда Западъ, начали возникать одновременно съ различнаго рода промышленными товариществами: сыроваренными, организованными по иниціативѣ и плану Верещагина, тверскими кузнечными, сапожными, смолокуренными, складочными артелями, въ родѣ павловской, въ Нижегородской губ. и т. п. Но всѣ эти, такъ быстро возникавшія, учрежденія такъ же быстро и разлагались. И едва ли подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ причинъ, обусловившихъ это разложеніе, заключалась въ томъ, что они встрѣтились съ полнымъ непониманіемъ простого народа, ни того, какія цѣли преслѣдуютъ эти учрежденія, ни того, что необходимо для ихъ поддержанія. Немногія изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ того времени уцѣлѣли до нашихъ дней, да и тѣ, которыя уцѣлѣли, служатъ большею частью интересамъ кулаковъ да міроѣдовъ.

Гдѣ существуютъ общежитія и ночлежные пріюты, можно было бы съ несомнѣннымъ успѣхомъ организовать продовольствіе на артельныхъ началахъ. Примѣры такого артельнаго хозяйства я наблюдалъ въ нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ Смоленской губерніи: тамъ ученики сами распредѣляли между собою обязанности по завѣдыванію артельнымъ хозяйствомъ, и мнѣ не приходилось слышать никакихъ жалобъ на небрежность или недобросовѣстность. Тамъ, гдѣ ученики на свои средства пріобрѣтаютъ учебныя принадлежности, можно было бы выписывать бумагу и карандаши оптомъ, въ складчину. Эти привычки къ артельнымъ предпріятіямъ, образующіяся въ такомъ раннемъ возрастѣ, не могутъ не отразиться на развитіи солидарности и, навѣрное, внесутъ свою долю добра и свѣта въ деревенскую жизнь.

Въ степныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ было бы въ высшей степени полезно привлекать дѣтей къ посадкѣ деревьевъ. Хорошо извѣстно, что въ Америкѣ школьниками посажены и выращены милліоны деревьевъ.

Въ г. Лубнахъ, на руководимыхъ мною учительскихъ курсахъ, былъ устроенъ праздникъ деревьевъ. Дѣтямъ временной школы послѣ урока о значеніи растительности одною изъ учительницъ было разсказано о томъ, какъ въ Америкѣ, благо-

даря, между прочимъ, школьникамъ, безлѣсный край былъ превращенъ въ лѣсистую мѣстность. Затѣмъ дѣти отправились въ пріютъ для бѣдныхъ, и на землѣ, окружающей пріютъ, вырыли нѣсколько ямокъ для посадки деревьевъ. Надо было видѣть оживленіе и радость дѣтей во время праздника, усердіе, съ которымъ они работали, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что идея праздника глубоко проникла въ душу дѣтей.

Въ Америкѣ въ день благодаренія, — національный американскій праздникъ, — въ школахъ дѣти устраиваютъ складчину на какое-нибудь доброе дѣло. Одинъ несетъ пару яицъ, другой — картошку, третій — деньги и т. п. Въ школахъ Сентъ-Поля на деньги, собираемыя такимъ образомъ, оказалось возможнымъ содержать въ теченіе цѣлаго года одну бѣдную семью.

Всѣ подобныя мѣры имѣютъ въ виду сдѣлать привычными такіе акты, которые съ точки зрѣнія современныхъ общественныхъ идеаловъ считаются желательными.

Вотъ единственно вѣрный путь сдѣлать людей благородными не по рожденію, не по чину, не по диплому, а по характеру и нравственнымъ привычкамъ.

Очень важно пріучать дѣтей обходиться, по возможности, безъ посторонней помощи, собственными личными усиліями. Не менѣе важно пріучать ихъ думать раньше, чѣмъ дѣйствовать, обсуждать каждый свой поступокъ прежде, чѣмъ совершить его, а обсудивъ и принявъ рѣшеніе, доводить начатое дѣло до конца.

Въ области ума существенно важно пріучать ребенка къ правильнымъ пріемамъ методическаго и безпристрастнаго наблюденія, сужденія, сравненія, анализа и т. п.

Наша средняя школа, а въ послѣднее время и начальная, загромождаются огромнымъ количествомъ учебнаго матеріала. Высчитали, что въ нашихъ гимназіяхъ надо было усвоить не менѣе 30 тысячъ словъ на разныхъ языкахъ.

Ставя задачею школы за разъ и воспитаніе, и образованіе, мы придаемъ значеніе реальнымъ знаніямъ, пріобрѣтаемымъ въ школѣ, но еще большее значеніе мы придаемъ пріемамъ, методамъ, способамъ преподаванія, принятымъ въ тѣхъ или иныхъ областяхъ человѣческаго знанія, тѣмъ навыкамъ и искусству въ работѣ, какіе мы пріобрѣтаемъ, изучая ту или другую отрасль знанія.

Люди науки выработали извѣстные методы и пріемы наблюденій, опытныхъ изслѣдованій, систематизаціи явленій, сравненій, отвлеченій и обобщеній, анализа и синтеза. И коечто изъ того, что добыто въ этомъ отношеніи наукою, можетъ быть въ упрощенной формѣ дано дѣтямъ, начиная съ самой первой ступени обученія. Ребенокъ и въ жизни, и въ школѣ, и въ играхъ, и въ экскурсіяхъ все равно наблюдаетъ, производитъ опыты, сравниваетъ, отвлекаетъ, систематизируетъ, ана-

лизируетъ и обобщаетъ. Но онъ дѣлаетъ это неумѣло, часто наивно, съ грубыми ошибками, пользуясь самыми примитивными пріемами, къ которымъ онъ все болѣе и болѣе привыкаетъ.

Внести въ эти процессы свою долю свѣта, заимствуя его изъ опыта науки, упрощая ея пріемы и методы до степени развитія учениковъ, сдѣлать эти пріемы привычными путемъ повтореній, — это задача не менѣе важная, чѣмъ сообщеніе самыхъ полезныхъ и важныхъ знаній. Знанія могутъ быть позабыты, а методы и пріемы изслѣдованія, усвоенные въ школѣ и ставшіе привычными, вошедшіе въ плоть и кровь, остаются, и ученикъ будетъ пользоваться ими при рѣшеніи тѣхъ тысячъ задачъ, какія поставитъ ему практика жизни.

Эта сторона образованія у насъ очень хромаетъ. Правда, лжепедагоги въ родѣ Каткова и его послѣдователей, гр. Д. Толстого и многочисленныхъ классиковъ, навязывая латинскій и греческій языки средней школѣ и грамматику низшей, мотивировали свои требованія интересами формальнаго развитія. Но намъ нѣтъ надобности доказывать, что дѣйствительныя цѣли Каткова и Толстого были другія. Толстой не скрывалъ отъ представителей бюрократіи, что онъ вводилъ въ школу классицизмъ съ тѣмъ, чтобы охладить головы молодежи, слишкомъ разгоряченныя реформами 60-хъ годовъ. Но, конечно, были и искренніе защитники формальнаго развитія ума посредствомъ древнихъ языковъ и грамматики. Предполагалось, что умъ, упражняемый на грамматикѣ и языкахъ, будетъ достаточно развитъ, гибокъ и остръ и для рѣшенія всякихъ иныхъ вопросовъ въ наукѣ и въ жизни. Предполагалось, что классическая гимназія развиваетъ всѣ умственныя способности, и развиваетъ ихъ всесторонне. Самый простой анализъ методовъ, употребляемыхъ въ предметахъ гимназическаго курса, показалъ бы, что тамъ не было мѣста тѣмъ пріемамъ наблюденій, какіе употребляются въ химіи, минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, біологіи, физіологіи, психологіи; а этихъ пріемовъ не могутъ замѣнить тѣ, какіе имѣютъ мѣсто при изученіи языковъ и грамматики. Казалось бы, этотъ пробѣлъ не могъ не обусловить односторонняго развитія способностей; и это тѣмъ болѣе, что пробѣлъ этотъ касался предметнаго мышленія, а оно лежитъ въ основѣ всего, и безъ него словесное обученіе не имѣло бы рѣшительно никакой цѣны. Такъ стояло дѣло въ теоріи; на практикѣ же творцы классической системы свели на-нѣтъ даже и ту долю развивающаго вліянія, какое могли оказывать предметы гимназическаго курса на умственныя способности молодежи.

Во всякомъ случаѣ, формальныя достоинства языковъ уже по тому одному ниже математики и естествознанія, что основы языковъ заложены были еще въ архаическія времена, когда люди не были привычны къ точному логическому мышленію,

когда они жили больше воображеніемъ, чѣмъ разумомъ. И кто же не знаетъ, какъ много дефектовъ этого рода сохранилось въ современныхъ языкахъ? А привычки къ дефектамъ мышленія, естественно образующіяся при изученіи языковъ, едва ли кто возьметъ подъ свою защиту. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ языки занимаютъ въ нашихъ гимназіяхъ центральное мѣсто; а опытнымъ наукамъ отводится лишь второстепенная роль. Правда, въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются голоса противъ такой постановки средняго образованія. Въ 1912 году, когда я пишу эти строки, происходило международное собраніе Лондонскаго королевскаго общества, старѣйшаго изъ обществъ, занимающихся изученіемъ природы. И наиболѣе распространенный въ Англіи органъ печати Times, привѣтствуя собраніе, сказалъ, что наука выступаетъ теперь главнымъ факторомъ въ человѣческихъ дѣлахъ, что именно она опредѣляетъ, за какой изъ націй окажется первенство; но что наука займетъ приличествующее ей мѣсто лишь тогда, когда въ школахъ перестанутъ обучать давно опровергнутымъ заблужденіямъ на давно вымершихъ языкахъ. Надо ли прибавлять, что сочувствіе самого собранія было на сторонѣ научной, а не классической школы; и только одинъ архіепископъ Кэнтерберійскій выступилъ на защиту классической школы.

Нельзя соглашаться также и съ тѣми педагогами, кто отрицаетъ значеніе формальнаго развитія, кто думаетъ, будто у ребенка такой же умъ и такая же логика, какъ у хорошо развитого взрослаго человѣка. Вся разница, по ихъ мнѣнію, сводится къ количеству знаній. Абиссинскій царь, повѣсившій ученаго за то, что тотъ утверждалъ существованіе льда (твердой воды) въ холодныхъ странахъ, могъ быть неглупымъ; этому деспоту не хватало только знанія, а не ума. На этихъ основаніяхъ защитники такого взгляда рекомендуютъ совсѣмъ не заботиться о формальномъ образованіи; они считаютъ это даже вреднымъ, затемняющимъ ясныя и простыя цѣли образованія. Только полезныя знанія, какъ можно больше существенно важныхъ научныхъ знаній и никакихъ заботъ на счетъ формальнаго развитія. Предѣломъ можетъ служить только вмѣстимость ученической головы и боязнь переутомленія. Это взглядъ безусловно односторонній и неправильный. Лучшимъ источникомъ знаній является опытъ и наблюденіе[1]), но у опыта и наблюденія есть особые пріемы и методы, есть, такъ сказать, своя логика; и очень важно, чтобы дѣти усвоили не только самыя знанія, а практически усвоили и сдѣлали для себя привычными еще методы опыта и наблюденій, что, естественно, относится къ формальному развитію. Кромѣ знаній, у каждаго изъ насъ есть еще

[1]) «Опытъ,—по словамъ Пуанкарэ, — единственный источникъ истины; онъ одинъ можетъ научить насъ чему-нибудь новому; онъ одинъ доставляетъ намъ достовѣрность. Вотъ два положенія, которыхъ никто не можетъ оспаривать».

способность связывать эти знанія другъ съ другомъ. Одни извѣстные намъ факты мы связываемъ, какъ причины и слѣдствія, другіе по аналогіи, третьи мы сравниваемъ, четвертые отвлекаемъ или обобщаемъ и т. д. И хорошая комбинація знаній иногда лучше самаго знанія. Лапласъ только однажды посмотрѣлъ въ телескопъ, да и то съ другого конца трубки, и, однакоже, это не помѣшало ему создать удивительно стройную теорію образованія солнечной системы. Но умѣнье комбинировать матеріалы не врождено, оно пріобрѣтается путемъ упражненій; оно, до извѣстной степени, есть дѣло привычки. У каждой науки есть свои методы и пріемы, своя логика, своя система; но въ этихъ методахъ есть много и общаго. Иначе не существовало бы и общей логики. Изучивъ нѣсколько наукъ, мы легче изучаемъ новую. Такъ, знаніе математики очень много облегчитъ и ускоритъ изученіе физики, механики, химіи, астрономіи, статистики и т. п. Такой человѣкъ скорѣе отличитъ существенное и важное отъ второстепеннаго и случайнаго, воздержится отъ ложнаго вывода, отъ увлеченій и субъективнаго отношенія. И это облегченіе обусловливается не только усвоенными математическими теоремами и формулами, но въ еще большей степени привычными для математики пріемами мышленія, математическою логикою и методами. Точно такъ же человѣкъ, изучившій зоологію, скорѣе, легче и съ меньшимъ числомъ ошибокъ усвоитъ ботанику, изучившій географію, успѣшнѣе, легче и быстрѣе справится съ геологіею, съ одной стороны, и съ исторіею— съ другой. Сравнивая такого человѣка съ новичкомъ въ дѣлѣ изученія, вы скажете, что первый способнѣе, талантливѣе, воспріимчивѣе другого, а между тѣмъ, здѣсь вся разница можетъ быть сведена только къ предыдущимъ занятіямъ и образуемымъ ими навыкамъ и привычкамъ. Контъ построилъ цѣлую систему, своего рода іерархію наукъ, изъ коихъ однѣ (предшествующія) служатъ основаніемъ для послѣдующихъ. И Контовская классификація построена такимъ образомъ, что, изучая какую-нибудь науку, ученый найдетъ въ предыдущихъ не только нужные ему матеріалы, но еще и привычные методы и пріемы изслѣдованія. Такъ точно какой-нибудь предпріимчивый человѣкъ, участвовавшій во многихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, легко справляется съ какимъ-нибудь совершенно новымъ для него промышленнымъ дѣломъ. Когда ребенокъ впервые измѣряетъ аршиномъ длину стола, комнатъ, двора, то онъ пріобрѣтаетъ не только то, что знаетъ длину этихъ предметовъ, онъ пріобрѣтаетъ еще привычку и умѣнье измѣрять и пользоваться аршиномъ. Итакъ, педагоги должны имѣть въ виду не одни знанія, но еще пріемы, методы, логику каждаго предмета преподаванія. Но если такъ, то существеннымъ дѣломъ является не только то, какія знанія пріобрѣлъ ученикъ, а еще и то, какъ онъ пріобрѣлъ ихъ, какова была личная работа, пережилъ ли онъ тотъ логическій и психологическій процессъ,

какой переживали изслѣдователи и изобрѣтатели данной науки, часто ли пользовался онъ наиболѣе важными пріемами и обратилось ли пользованіе ими въ привычку. Вѣдь можно твердо знать всѣ законы физики, усвоивъ ихъ путемъ чтенія учебника, получить полные баллы на всѣхъ экзаменахъ, и ни разу не пережить того процесса отыскиванія истины, тѣхъ догадокъ, гипотезъ, сомнѣній, провѣрокъ, разочарованій и новыхъ догадокъ прежде, нежели найдено искомое рѣшеніе, и восторга изобрѣтателя, когда это рѣшеніе найдено, а переживаніе этого процесса, несомнѣнно, дороже знанія самого физическаго закона.

Если этотъ законъ понадобится мнѣ въ практической жизни или въ самообразованіи, а я его забуду, я легко найду его въ любомъ учебникѣ физики; но чего я не найду ни въ какой справочной книгѣ, это того метода, тѣхъ логическихъ пріемовъ мышленія, которые нужны не только въ наукѣ, но и въ жизни.

Въ цѣляхъ наилучшаго изученія пріемовъ и методовъ разныхъ предметовъ обученія необходимо расположить матеріалы преподаванія сообразно съ психологіею дѣтства: на низшей ступени должны быть предметы, требующіе наблюденій, опытовъ и описаній: это природовѣдѣніе, т.-е. доступные дѣтямъ факты изъ физики, химіи, геологіи, астрономіи, физіологіи растеній и животныхъ (по преимуществу человѣка).

При прохожденіи этихъ предметовъ выработаны пріемы, отвлеченія и сравненія, замѣчательные по своей точности и въ то же время по простотѣ и доступности. И сдѣлать эти пріемы привычными для дѣтей — было бы большою заслугою школы. Что дѣти наблюдаютъ, то они и описываютъ, какъ устно, такъ и письменно. Привычка къ правильному описанію наблюдаемаго—вторая важная задача школы. И здѣсь мы видимъ связь письменныхъ работъ съ центромъ всего первоначальнаго курса—съ развитіемъ наблюдательности. Рисованіе съ натуры точно такъ же пріучаетъ къ наблюдательности и крайне важно при прохожденіи природовѣдѣнія, а потому и этотъ предметъ долженъ быть отнесенъ къ той же ступени.

Что дѣти наблюдаютъ, то они и систематизируютъ, поэтому въ концѣ этого же курса необходимы упражненія въ систематизаціи. Привычка правильно систематизировать, какъ извѣстно, играетъ большую роль и въ наукѣ и въ жизни.

Такіе методы, какъ дедукція, идеаломъ которой является геометрія Эвклида, а также анализъ и синтезъ сложныхъ явленій природы и жизни, относятся къ слѣдующей ступени, но это тоже имѣетъ огромное формальное значеніе.

Итакъ, при выборѣ той или другой работы необходимо руководствоваться двумя критеріями: во-первыхъ, цѣнность и важность получаемаго въ результатѣ свѣдѣнія и, во-вторыхъ, практическая привычка къ цѣннымъ и важнымъ методамъ либо наблюденій, либо опытовъ, либо систематизаціи, либо сравненія,

либо отвлеченія и т. п.,—словомъ, привычки къ необходимымъ, употребительнымъ и самымъ лучшимъ пріемамъ работы.

Заботы воспитателей объ образованіи такихъ привычекъ въ подрастающихъ поколѣніяхъ не менѣе важны, чѣмъ всякій другой трудъ; потому что истинное богатство народа измѣряется не государственнымъ бюджетомъ, который можетъ быть и несчастіемъ страны, если основанъ, напримѣръ, на пьянствѣ народа,—дѣйствительныя цѣнности заключаются въ привычкѣ народа къ труду, къ самодѣятельности, къ правильному наблюденію и правильнымъ пріемамъ мышленія. При этихъ послѣднихъ условіяхъ наша страна легко достигнетъ и большого матеріальнаго благосостоянія и огромнаго бюджета, совсѣмъ не спекулирующаго на алкогольномъ отравленіи народныхъ массъ.

При этихъ условіяхъ производительныя силы страны забьютъ ключемъ и поднимутся до такого расцвѣта, какого не видала еще никакая страна и никакая эпоха. Процвѣтетъ фабричная и кустарная промышленность, земледѣліе, наука, искусство, литература. Мы не только догонимъ, но обгонимъ нашихъ сосѣдей. И имя нашей родины будетъ не символомъ застоя и угнетенія, а символомъ прогресса и свободы.

ГЛАВА VI.

Изъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтей.

I. Развитіе мышечной ткани.

Чтобы яснѣе представить себѣ стремленіе къ развитію, всего лучше остановиться на примѣрахъ изъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтей. Любопытно прослѣдить, напримѣръ, какъ идетъ развитіе мышечной ткани у ребенка. Какъ извѣстно, мышечная ткань составляетъ почти половину всего тѣла по вѣсу. Мускульная дѣятельность играетъ въ жизни крупную роль. Она нужна не только для исполненія механическихъ работъ, но имѣетъ значеніе и въ области чувствъ, воли, вниманія и даже мышленія.

Такіе психологи, какъ Вундтъ, Джемсъ, Холлъ, Болдуинъ и другіе показали, что движенія сопровождаютъ каждую нашу мысль; что каждое состояніе сознанія стремится выразиться въ соотвѣтствующемъ движеніи; что размышленіе — это одна только часть трехчленной дуги, другую важную часть которой составляетъ движеніе. Впечатлѣніе, получаемое нами отъ внѣшняго міра, стремится перейти въ движеніе, но между ними стоитъ посредникъ — это умъ, дѣло котораго выбрать движеніе, лучше всего отвѣчающее условіямъ даннаго момента. Мысль не закончена, пока она не выражена въ какомъ-нибудь движеніи. На этомъ основано чтеніе чужихъ мыслей, при чемъ отгадчикъ пользуется слабыми, едва уловимыми движеніями. И ни въ какомъ другомъ возрастѣ этотъ законъ не проявляется такъ ярко, какъ въ раннемъ дѣтствѣ. Мы, взрослые люди, нерѣдко вынуждены и умѣемъ скрывать свои мысли, задерживать ихъ внѣшнее выраженіе. Ребенку это искусство почти незнакомо. Онъ такъ часто ставитъ насъ въ неловкое положеніе, высказывая вслухъ всё, что онъ думаетъ или когда-нибудь слышалъ о нашихъ гостяхъ. У него всякій яркій образъ, всякая преобладающая въ данный моментъ въ его сознаніи мысль съ непреодолимою силою, безъ размышленій и колебаній, стремится выразиться либо въ дѣйствіи, либо въ жестѣ, либо въ словѣ. Но если то, что происходитъ въ мозгу, сей-

часъ же отражается на дѣятельности мышцъ, то и обратно: мышечныя движенія ребенка служатъ раздражителями его мозга. Движенія руки, напримѣръ, вызовутъ возбужденіе того центра въ мозгу, который завѣдуетъ мышцами руки. А возбудить мозгъ при благопріятныхъ условіяхъ — значитъ помочь его развитію. И безъ развитія мышечныхъ движеній не можетъ быть правильнаго развитія мозга. Такъ тѣсно связанъ нашъ умъ съ нашими мускулами. Изслѣдовали экспериментальнымъ путемъ ловкость движеній нормальныхъ и слабоодаренныхъ дѣтей и при этомъ оказалось, что во все время школьнаго курса болѣе способныя къ ученью дѣти превосходятъ малоспособныхъ и ловкостью своихъ движеній. Хорошо извѣстно, какую роль играютъ приспособительныя движенія при нашемъ вниманіи. Не даромъ въ школахъ для отсталыхъ и ненормальныхъ дѣтей мускульныя упражненія и работы играютъ такую видную роль. Съ помощью такихъ занятій у обдѣленныхъ природою дѣтей образуются привычки къ порядку, аккуратности и отчетливости и замѣтно развиваются умственныя способности. Извѣстно также, что въ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ школахъ съ большимъ успѣхомъ пользуются движеніями для упроченія абстрактныхъ понятій, какъ, напримѣръ, для заучиванія хотя бы таблицы умноженія. Когда дѣти сознательно опытнымъ путемъ дошли то того, что $3 \times 3 = 9$, а $3 \times 4 = 12$, они говорятъ то же самое громко въ тактъ, всѣ за разъ и производятъ при этомъ движенія то лѣвой рукой, то правой, ударяя одною ладонью въ другую. Получающійся при этомъ ритмъ имѣетъ большое вліяніе на развитіе мозговыхъ центровъ. Ритмъ означаетъ согласованность движеній, а послѣднее есть слѣдствіе согласованности тѣхъ участковъ мозга, которые завѣдуютъ данными движеніями. Не даромъ ритмъ доставляетъ особенное удовольствіе дѣтямъ и вноситъ бодрость и оживленіе въ ихъ упражненія въ гимнастикѣ, въ играхъ, даже въ письмѣ подъ тактъ.

Извѣстно также, что люди съ хорошо развитыми мышцами обладаютъ большою силою, энергіею, не легко поддаются заразѣ и другимъ вреднымъ для здоровья вліяніямъ внѣшней среды. Въ соединеніи съ развитою нервною системою мышечная ткань является условіемъ и физическаго и нравственнаго благосостоянія. Такіе люди отличаются работоспособностью, свѣтлымъ и бодрымъ настроеніемъ, уравновѣшенностью. Среди людей съ развитымъ мозгомъ и развитыми мышцами чаще всего встрѣчаются стойкіе борцы за свои права, за свои убѣжденія и идеалы. Такимъ людямъ принадлежитъ будущее.

Мы уже говорили о томъ, что нормальное развитіе мышцъ обусловливается работой, что безъ постояннаго и напряженнаго упражненія мышцы не развиваются, а напротивъ, регрессируютъ, ослабѣваютъ, дѣлаются мягче и тоньше. И стоитъ обратить вниманіе, какъ ребенокъ, ничего не подозрѣвая ни о роли

мышечной ткани въ жизни, ни объ условіяхъ ея развитія, самопроизвольно поступаетъ совершенно такъ, какъ если бы онъ въ совершенствѣ изучилъ медицину и слѣдовалъ ей въ своемъ образѣ жизни съ цѣлью наилучшимъ образомъ развить свою мускулатуру. Онъ самъ является въ данномъ случаѣ своимъ воспитателемъ и, если не считать свойственныхъ возрасту увлеченій, не дурнымъ воспитателемъ.

Ребенка нѣтъ надобности учить ползать, ходить, кидать камни, брать предметы въ руки и поднимать ихъ. Такимъ простымъ и элементарнымъ дѣйствіямъ онъ учится самъ. Если онъ не сильно ушибется, немного обожжется, упадетъ, сдѣлаетъ неопасную ссадину на рукѣ или на ногѣ и проч., это тоже входитъ въ раціональную программу самовоспитанія, потому что снабжаетъ его опытомъ, необходимымъ для жизни.

Мой сынъ въ возрастѣ трехъ лѣтъ и немного старше постоянно требовалъ, чтобы въ его дѣлахъ никто не помогалъ ему. «Я самъ, я самъ», говорилъ онъ при первой попыткѣ прійти на помощь. Правда, когда то, что его сначала затрудняло, уже вполнѣ было усвоено, онъ уже безъ протеста допускалъ помощь другихъ; но пока дѣло казалось ему труднымъ, онъ хотѣлъ одолѣть его самъ. И что можетъ быть педагогичнѣе этого стремленія, при какихъ другихъ условіяхъ ребенокъ лучше научится терпѣнью и настойчивости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, выработаетъ свой характеръ, ознакомится съ затрудненіями и научится ихъ преодолѣвать и, наконецъ, разовьетъ завидную способность, которой такъ недостаетъ русскому человѣку,—способность къ личной иниціативѣ и независимости. Если изъ дѣтей богатыхъ родителей и особенно такъ называемыхъ «маменькиныхъ сынковъ» большею частью выходятъ неудачники, если не хуже, то это, главнымъ образомъ, потому, что материнская рука и богатство

устраняли съ ихъ пути всякія затрудненія, что ихъ все время держали на помочахъ и, такимъ образомъ, отучили самостоятельно побѣждать препятствія. Удивительно ли, что, ставъ взрослыми, вырвавшись на свободу, такіе молодые люди являются совершенно безпомощными и дѣлаютъ часто непоправимыя ошибки. Если нужно въ подобныхъ случаяхъ вмѣшательство воспитателя, такъ развѣ въ томъ, чтобы поощрять ребенка доводить начатое дѣло до конца, а не бросать его въ самомъ началѣ, а также въ томъ, чтобы наблюдалась осторожная постепенность [1]), незамѣтный переходъ отъ легкаго и простого къ

трудному и сложному, и, наконецъ, въ томъ, чтобы помочь ребенку побороть свою робость, которая иногда служитъ помѣхой развитію.

Сильно это стремленіе къ развитію мускулатуры и въ школьномъ возрастѣ. Учителя хорошо знаютъ, что какъ только дѣти выходятъ изъ класса, гдѣ ихъ сдерживала дисциплина, то сейчасъ же у нихъ прорывается наружу до тѣхъ поръ сдер-

---

[1]) Для того, чтобы натолкнуть ребенка на надлежащія упражненія, лучше всего пользоваться его склонностью къ подражанію. Если предъ нимъ будутъ образцы, отвѣчающіе его силамъ и его стремленію къ развитію, у него явится потребность копировать ихъ. Такимъ пріемомъ можно сократить число не нужныхъ ошибокъ въ попыткахъ ребенка, а этихъ ошибокъ и безъ того останется вполнѣ достаточно.

живаемое, но теперь непреодолимое стремленіе упражнять свои мышцы, и они безъ всякаго удержа шалятъ, возятся, шумятъ и т. п. Просидѣть неподвижно въ классѣ для ребенка 8-лѣтняго возраста какіе-нибудь полчаса представляется подвигомъ, превышающимъ его силы. И внимательно присматриваясь къ дѣтямъ во время урока, нетрудно замѣтить, что естественное стремленіе къ развитію побуждаетъ ребенка обмануть строгаго учителя, и онъ то и дѣло украдкой нарушаетъ дисциплину неподвижности и то болтаетъ подъ столомъ ногами, то дѣлаетъ незамѣтно для учителя движенія руками, а если учи-

тель отвернется, то приходятъ въ движеніе и голова, и туловище, и мускулы лица.

Какъ часто жалуемся мы на безпокойство, какое доставляютъ намъ дѣти своимъ вѣчнымъ движеніемъ. Они бѣгаютъ и дома, и на дворѣ, и въ саду, и на улицѣ, прыгаютъ, кувыркаются, лазятъ по скаламъ, на деревья, заборы, крыши, они бросаютъ камни и мячи, стрѣляютъ изъ лука, они борятся, дерутся, качаются на качеляхъ, бѣгаютъ на гигантскихъ шагахъ, плаваютъ въ водѣ и на лодкахъ, стучатъ, рубятъ, пилятъ, строгаютъ, строятъ, чтобы разрушать, и разрушаютъ, чтобы созидать. Они копаютъ ямы и насыпаютъ кучи песку. Они дѣлаютъ все это и тогда, когда это позволено, и тогда, когда это запрещено. И все это дѣлается съ необыкновеннымъ наслажде-

ніемъ, интересомъ и возбужденіемъ всѣхъ силъ и всей энергіи.

Глядя на ихъ безпрестанную мышечную дѣятельность, можно подумать, что постоянное движеніе всѣхъ мышцъ — это самая характерная черта дѣтскаго возраста. Ребенокъ—это мышечно-двигательное существо: когда онъ вырастетъ, онъ, быть-можетъ, станетъ интеллектуальнымъ существомъ; но сейчасъ онъ всецѣло долженъ быть отнесенъ къ моторному типу.

Это особенно ярко выражено у мальчиковъ. Послѣдніе совершенно не выносятъ неподвижности, и количества совершаемыхъ ими движеній еще никто не сосчиталъ. Удавалось сосчитать число словъ, сказанныхъ ребенкомъ въ теченіе одного дня. Мною сдѣлана была попытка сосчитать съ помощію шагомѣра, сколько шаговъ сдѣлалъ въ одинъ день мой шестилѣтній сынъ, и оказалось, что эта цифра равнялась 28.500, что превышало втрое число шаговъ, сдѣланныхъ мною въ тотъ же день во время продолжительныхъ прогулокъ. Но если можно сосчитать число сказанныхъ словъ и число сдѣланныхъ во время бѣготни шаговъ, то едва ли кто-нибудь въ состояніи сосчитать число движеній головы, шеи, рукъ, туловища, лицевыхъ мускуловъ и проч., дѣлаемыхъ дѣтьми во время кувырканья, борьбы, плаванья, качанья, лазанья, игръ разнаго рода и проч. Совершенно ясно, что во всѣхъ подобныхъ упражненіяхъ ребенокъ не только развиваетъ свою мышечную ткань, но развиваетъ еще и координацію между мускулами и нервами, извѣстную согласованность движеній, какъ между собою, такъ и съ впечатлѣніями, получаемыми отъ внѣшняго міра. Есть какой-то стимулъ, который побуждаетъ ребенка дѣйствовать, приводить въ движеніе и упражнять поочередно всѣ мускулы своего тѣла, словно онъ сознательно стремится къ развитію своей мышечной ткани, чего, конечно, на самомъ дѣлѣ у маленькаго ребенка нѣтъ и быть не можетъ. Наблюдателю кажется, что каждому мускулу принадлежитъ инициатива, каждый мускулъ требуетъ упражненія, необходимаго для его развитія. И вотъ что особенно замѣчательно. Овладѣвъ въ совершенствѣ какимъ-нибудь родомъ движеній, ребенокъ, раньше до страсти увлекавшійся имъ, теперь уже охладѣваетъ къ нему, и переходитъ къ другимъ интересамъ и увлеченіямъ. Можно подумать, что они только учились какому-нибудь дѣлу, и пока учились, это дѣло было ихъ господствующимъ стремленіемъ, они дѣлали это дѣло съ жаромъ и страстью, а когда одолѣли всѣ трудности и выучились, чему хотѣли, охладѣли къ нему и перенесли весь свой интересъ и увлеченіе на другія дѣла, ставшія теперь ихъ новыми господствующими стремленіями.

Въ жизни ребенка, какъ въ кинематографѣ, одно превращеніе слѣдуетъ за другимъ, одно состояніе смѣняетъ другое, происходитъ непрерывное развитіе, ни на минуту не останавливающійся процессъ. Ребенокъ въ этомъ отношеніи рѣзко отли-

чается отъ молодыхъ животныхъ. Послѣднія заучиваютъ очень ограниченное число движеній. Ребенокъ же исполняетъ поразительное множество самыхъ разнообразныхъ движеній.

Среди дѣтскихъ движеній найдутся и преслѣдующія какую-нибудь практическую цѣль. Въ этой ли цѣли, однако, здѣсь суть? Тѣ движенія, которыя преслѣдуютъ какую-нибудь практическую цѣль, нѣтъ никакихъ основаній исключать изъ области стремленія къ развитію. Скажутъ, что эти движенія являются простымъ приспособленіемъ къ средѣ; но между приспособленіемъ къ средѣ и развитіемъ нѣтъ противорѣчій. Такой авторитетъ въ біологіи, какъ Тимирязевъ, прямо говоритъ: «Путемъ наблюденія и опыта надъ настоящимъ она (біологія) раскрыла самый процессъ эволюціи, необходимымъ роковымъ послѣдствіемъ котораго является *прогрессъ* органическаго міра и его современное совершенство, придавая этому слову въ первый разъ опредѣленный смыслъ *приспособленія*, т.-е. гармоніи между живыми существами и театромъ ихъ дѣйствій, внѣшнимъ міромъ». Быть-можетъ, здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя оговорки, быть-можетъ, нельзя абсолютно утверждать, что приспособленіе всегда ведетъ къ прогрессу и современному совершенству, быть-можетъ, въ данномъ случаѣ необходимо вспомнить о типахъ развитія — прогрессивномъ и регрессивномъ, но когда рѣчь идетъ не объ эволюціи вообще, а о развитіи нормальнаго ребенка, то здѣсь въ большинствѣ случаевъ приспособленіе къ средѣ — не цѣль, а только средство. Цѣлью и здѣсь служитъ то же самое стремленіе къ развитію. Дѣло здѣсь не только въ практическихъ задачахъ, а прежде всего въ развитіи самыхъ органовъ и ихъ функцій. Если же эти движенія сопровождаются нерѣдко представленіями опредѣленныхъ цѣлей, то это вполнѣ согласуется съ современными воззрѣніями на психику, какъ на нѣчто цѣлое, связное и недѣлимое. Развивая свою мышечную ткань, ребенокъ развиваетъ въ то же время и свой мозгъ; развивая свою физическую силу, онъ развиваетъ въ то же время и свою способность къ представленіямъ. И это необходимо для его развитія и жизни и въ будущемъ, когда онъ будетъ ставить себѣ опредѣленныя практическія цѣли и достигать ихъ, потому что это лучшій способъ приспособленія къ средѣ, и въ то же время самой среды къ своимъ потребностямъ. А такъ какъ это было необходимо и для развитія и жизни его предковъ, то это свойство — сочетать свои движенія съ опредѣленною практическою цѣлью — естественный отборъ сохранилъ и развилъ, а наслѣдственность передала его ребенку.

Впрочемъ, въ жизни ребенка можно найти и движенія, не связанныя съ какою-нибудь опредѣленною задачею. Бываетъ, что ребенокъ стучитъ молоткомъ по полу, строгаетъ ножикомъ палку, совсѣмъ не думая о какой-нибудь практической цѣли, какъ дѣлаемъ мы, вбивая гвоздь или изготовляя какое-нибудь деревянное издѣліе. Ребенокъ дѣйствуетъ въ подобныхъ слу-

чаяхъ совершенно безцѣльно, съ нашей точки зрѣнія, и потому здѣсь остается допустить только одно, быть-можетъ, безсознательное стремленіе его къ развитію. Точно такъ же онъ нерѣдко безъ всякой практической цѣли рветъ свою шапку, свиститъ, кувыркается, бросаетъ камни, перебѣгаетъ дорогу быстро ѣдущей тройкѣ и т. п.

То обстоятельство, что многія изъ дѣтскихъ движеній вызываются внѣшними раздраженіями, не мѣняетъ дѣла. Что внѣшнія раздраженія — далеко не все, и что здѣсь важны еще внутреннія причины, легко обнаружить на примѣрѣ. Маленькій ребенокъ, когда онъ голоденъ, съ необычайной энергіей ищетъ материнскую грудь и, когда находитъ, начинаетъ сосать ее съ большою жадностью. Но вотъ онъ насытился, и тѣ раздраженія, какія продолжаютъ итти отъ прикосновенія съ тою же грудью, заставляютъ его отталкивать отъ себя грудь. Но многія изъ подобныхъ движеній не вызываются даже раздраженіями, идущими изъ внѣшняго міра, а являются самопроизвольными, импульсивными движеніями, берущими начало отъ внутренней волеподобной энергіи, безъ всякаго въ данный моментъ воздѣйствія внѣшней среды. Какое впечатлѣніе внѣшняго міра заставляетъ только что проснувшагося ребенка «потягиваться», вытягивать руки, расправлять мускулы спины и проч.? Причина этихъ движеній — чисто внутренняя. Послѣ продолжительнаго отдыха при хорошемъ питаніи обыкновенно появляется избытокъ силъ, большой запасъ волеподобной энергіи, которая рвется наружу независимо отъ того, что ребенокъ видитъ, слышитъ или осязаетъ. Не даромъ еще Фихте писалъ, что первѣе всего въ насъ позывъ къ дѣйствію и что онъ данъ ранѣе познанія внѣшняго міра. Ребенокъ производитъ цѣлую массу на первый взглядъ безцѣльныхъ движеній, дѣйствуя наугадъ, какъ попало; но эти движенія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ естественнымъ стремленіемъ ребенка къ развитію.

При разсмотрѣніи біографическихъ матеріаловъ мы видѣли, что люди, ищущіе своего призванія, обыкновенно дѣлаютъ цѣлую массу попытокъ прежде, чѣмъ нападутъ на истинное свое призваніе. Нѣкоторые изъ нихъ перепробовали всѣ возможности. Такъ стоитъ дѣло со взрослыми. Что же касается до маленькаго ребенка, то онъ безсознательно дѣлаетъ то же самое, но въ гораздо большей полнотѣ. Онъ, дѣйствительно, успѣваетъ перепробовать всѣ возможности въ смыслѣ движеній. Едва ли можно найти хоть одинъ невырождающійся мускулъ, котораго бы ребенокъ не привелъ въ движеніе. Онъ производитъ движеніе и тогда, когда получаетъ соотвѣтствующее раздраженіе отъ внѣшняго міра, и тогда, когда такого раздраженія нѣтъ. Въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ, хотя и безсознательно, но такъ, какъ поступалъ бы, если бы слѣдовалъ ученію о всестороннемъ развитіи всѣхъ нормальныхъ способностей и силъ. Всѣ такія движенія — непосредственный результатъ естествен-

наго стремленія ребенка къ развитію, при чемъ это развитіе совершается въ извѣстномъ порядкѣ и послѣдовательности. При этомъ общимъ правиломъ является то, что элементарное и общее является раньше спеціальнаго, тонкаго и частнаго. Такъ, напримѣръ, у маленькаго ребенка на первыхъ порахъ раздраженіе вызываетъ движеніе всей руки; ребенокъ еще не можетъ выдѣлить изъ общаго движеніе какой-нибудь отдѣльной мелкой мышечной группы; но мало-по-малу путемъ спеціальныхъ упражненій ребенокъ учится дѣлать и болѣе мелкія, тонкія движенія. Дѣло въ данномъ случаѣ сводится къ тому, что ребенокъ вначалѣ овладѣваетъ и можетъ сознательно контролировать лишь ближайшія къ туловищу мышцы (напримѣръ, мускулы плеча) и только затѣмъ уже болѣе отдаленные (напримѣръ, мускулы пальцевъ) [1]). И если этотъ порядокъ нарушенъ, то можетъ произойти значительная задержка въ развитіи. Извѣстно, что если дѣти во-время не пріобрѣли физической ловкости въ движеніяхъ ногъ, рукъ, туловища и проч., навыковъ въ почеркѣ, въ рукодѣльныхъ работахъ, въ граціи движеній, въ красивыхъ жестахъ, въ надлежащей мимикѣ лица и т. п., то впослѣдствіи бываетъ чрезвычайно трудно наверстать потерянное. И стремленіе къ мускульной дѣятельности является преобладающимъ у дѣтей. Взрослый можетъ жить внутренней жизнью и далеко не всякая наша мысль выразится въ видимомъ движеніи. Совсѣмъ не то представляетъ собою маленькій ребенокъ. У него не бываетъ почти ни одного яркаго воспріятія и образа, который бы не повелъ за собою движенія. Что бы ни происходило въ его душѣ, все просится наружу.

«До 15-ти лѣтъ,—по словамъ одного психолога,—время дѣйствовать; послѣ будетъ достаточно времени для размышленій». Говорятъ, что ребенокъ сначала дѣйствуетъ, а потомъ уже думаетъ. Мнѣ же кажется, что маленькій ребенокъ вообще не любитъ долго думать: ни до совершенія поступка, ни послѣ того. Пока ребенокъ малъ, почти всякій сильный порывъ является единственнымъ хозяиномъ его психики въ родѣ азіатскаго деспота. Но настанетъ время, когда онъ будетъ поступать наоборотъ: важные практическіе вопросы онъ станетъ рѣшать лишь послѣ долгаго и многосторонняго обсужденія. Онъ будетъ взвѣшивать всѣ послѣдствія того или другого поступка. Одинъ доводъ онъ будетъ противопоставлять другому. И отдастъ предпочтеніе одному изъ нихъ лишь послѣ серьезнаго размышленія. И это произойдетъ тогда, когда его неугомонная и неустанная дѣятельность доставитъ ему достаточный опытъ и матеріалъ для размышленій и выводовъ. Правда, въ началѣ своей внѣутробной жизни ребенокъ нѣкоторое время какъ бы продолжаетъ то

---

1) Конечно, это не относится къ безсознательнымъ рефлекторнымъ движеніямъ. Послѣднія прирождены, въ развитіи почти не нуждаются и являются въ готовомъ видѣ, хотя бы дѣло касалось и мускуловъ пальцевъ.

дремотное состояніе, какое было характерно для его утробной жизни; но уже самые первые дни отроду ребенокъ сосетъ палецъ, если вы положите его въ ротъ, раскрываетъ свой ротъ при прикладываніи къ груди матери и двигаетъ ножками и ручками, если голоденъ. Когда въ его ручонки случайно попадется что-нибудь, онъ сейчасъ инстинктивно тащитъ въ ротъ.

Первыми движеніями ребенка являются рефлекторныя и инстинктивныя. По словамъ Дарвина, его сынъ въ продолженіе первыхъ семи дней выполнялъ уже много рефлекторныхъ дѣйствій, какъ-то: чиханіе, икота, зѣвота, потягиванье, крикъ и сосаніе. На 7-й день Дарвинъ прикоснулся полоской бумаги къ подошвѣ ноги ребенка, и послѣдній моментально отдернулъ ногу и согнулъ пальцы совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ болѣе взрослый ребенокъ, когда ему щекочутъ ногу. Немного позже ребенокъ начинаетъ проявлять поразительную подвижность, приводя въ движеніе и ручки, и ножки, и туловище, и голову, и губы, и глаза. Стремленіе къ развитію на этой ступени проявляется, главнымъ образомъ, въ его движеніяхъ. Позже оно выразится довольно ярко и въ эмоціяхъ, и въ мышленіи, и въ волевыхъ актахъ; но сейчасъ оно почти сполна поглощено развитіемъ двигательной системы; и нормальный ходъ этого развитія служитъ признакомъ, что въ будущемъ также нормально пойдетъ и умственное развитіе.

У насъ нѣтъ твердыхъ данныхъ о сознаніи и степени сознательности въ движеніяхъ ребенка въ возрастѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ, если въ этомъ возрастѣ и брезжитъ свѣтъ сознанія, то онъ такъ тусклъ, такъ мало напоминаетъ наше сознаніе, что его намъ очень трудно замѣтить. По мнѣнію большинства наблюдателей дѣтской жизни, до 4-го мѣсяца отроду движенія ребенка почти исключительно носятъ автоматическій, рефлекторный, либо инстинктивный характеръ: его слезы, вздохи и крики совсѣмъ не выражаютъ того состоянія души, какъ у взрослаго человѣка. Его улыбка въ эту пору точно такъ же ничего не говоритъ о его чувствахъ. Но это не значитъ, конечно, что намъ не зачѣмъ обращать вниманія, напримѣръ, на крикъ и плачъ мѣсячнаго ребенка. Какъ ни смутно его сознаніе, оно все же существуетъ, хотя бы въ минимальной дозѣ. Да и безъ участія сознанія самое простое рефлективное или инстинктивное движеніе типа недовольства, напримѣръ, плачъ, можетъ указывать на то, что въ организмѣ что-то неладно: быть-можетъ, ребенокъ голоденъ, быть-можетъ, ему больно, быть-можетъ, что-нибудь мѣшаетъ его движеніямъ, быть-можетъ, онъ нездоровъ. Въ этихъ случаяхъ надо найти, что именно безпокоитъ ребенка, и устранить причину его недовольства. Если этого не дѣлать, ребенокъ можетъ привыкнуть къ недовольному состоянію, изъ него можетъ выйти раздражительное, капризное существо. На первыхъ порахъ многія дѣйствія ребенка оказываются случайными; но

позже наблюдается нѣкоторый выборъ. Движенія, доставляющія пріятное ощущеніе, повторяются чаще и чаще. Онъ стремится выполнить ихъ наилучшимъ образомъ; а движенія, доставляющія боль, онъ стремится задерживать.

Мы уже говорили о томъ, что удовольствіе и страданіе — естественные руководители ребенка и въ то же время—это показатели того, что нужно для развитія и что мѣшаетъ ему. Мышечное развитіе ребенка представляетъ много яркихъ примѣровъ этого положенія. Нетрудно замѣтить, напримѣръ, что ребенокъ испытываетъ большое страданіе, когда его лишаютъ возможности двигаться, пеленая его. Но такое состояніе, несомнѣнно, вредитъ физическому развитію ребенка. Не даромъ талантливѣйшій изъ нашихъ критиковъ Добролюбовъ написалъ на эту тему свое лучшее стихотвореніе. Съ другой стороны, хорошо извѣстно и легко наблюдать по улыбкамъ, жестамъ и щебетанью ребенка, сколько бурнаго веселья и радости вызываютъ въ немъ движенія его членовъ, его первые шаги, первые удачные опыты и т. п. Но такія упражненія необходимы для его развитія. Найдутся движенія, которыя вредны для его здоровья и развитія, и такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ будутъ отмѣчены знакомъ боли или неудовольствія, то ребенокъ станетъ отъ нихъ воздерживаться. Если, напримѣръ, его оцарапаютъ шипы терновника или укуситъ собака, онъ станетъ осторожнѣе при видѣ этихъ предметовъ. Когда у ребенка появляются впервые сознательныя усилія схватить игрушку, его первыя попытки рѣдко увѣнчиваются успѣхомъ, но если онъ случайно сдѣлалъ удачное движеніе, оно отмѣчается знакомъ удовольствія, и ребенокъ постарается повторить это движеніе. Такъ мало-по-малу, путемъ опытовъ и упражненій, ребенокъ достигаетъ того, что неправильныя движенія, сопровождающіяся чувствомъ неудовольствія, отпадаютъ, а цѣлесообразныя, нужныя, доставляющія ему веселье и радость, повторяются.

Мы сказали, что вопросъ о сознательности движеній до 4-го мѣсяца является темнымъ. Но въ возрастѣ 3—4 мѣсяцевъ большинство наблюдателей констатируетъ уже наличность сознанія. Сознательныя усилія Прейеръ наблюдалъ у ребенка на 17 недѣлѣ, когда тотъ старался схватить рукою резиновый мячъ. И что особенно замѣчательно,—это необыкновенно живое стремленіе ребенка ко всевозможнымъ движеніямъ и большое удовольствіе, которое они ему доставляютъ.

Моя дочь въ возрастѣ 7 мѣсяцевъ съ большимъ наслажденіемъ упражнялась въ томъ, чтобы подняться на ножки, взявшись за перила кроватки. Съ неменьшимъ усердіемъ и восторгомъ она въ томъ же возрастѣ ползала и взадъ и впередъ, несмотря на то, что ея руки были еще недостаточно сильны для этого. Она употребляла при этомъ огромныя усилія, пыхтѣла и кряхтѣла; но эти усилія только подзадоривали дѣвочку, при-

водили ее въ азартъ. Предлогомъ для ползанія служили самыя разнообразныя практическія цѣли: откатившійся мячикъ, игрушка и т. п.

Большую радость доставляютъ и дѣтямъ и ихъ родителямъ первыя попытки стоять на ножкахъ, а особенно первые шаги ребенка. 13 мѣсяцевъ моя дѣвочка могла ходить [1]), держась за стулья, пробовала сдѣлать шага два-три самостоятельно. Говорить о томъ жадномъ влеченіи, съ какимъ ребенокъ упраж-

няется въ такихъ движеніяхъ, о томъ изступленномъ восторгѣ, какой вызываетъ удачный опытъ, нѣтъ надобности. Этотъ моментъ много разъ описывался въ литературѣ, его не разъ рисовали художники, онъ служитъ темой для скульпторовъ. Опытъ показываетъ, что развитію мышечной дѣятельности помогаетъ

[1]) Самый рефлексъ ходьбы, т.-е. отчетливыя попеременныя движенія обѣими ногами, вызываемыя раздраженіемъ подошвъ, какъ доказалъ экспериментальнымъ путемъ Болдуинъ, появляется гораздо раньше — у его дѣвочки около 9 мѣсяцевъ отроду.

увѣренность въ успѣхѣ. На 15 мѣсяцѣ жизни дѣвочка могла пройти сама безъ всякой посторонней помощи отъ одной стѣны комнаты до другой, но лишь при томъ условіи, если была увѣрена, что за нею идутъ. Быть-можетъ, при этомъ образъ идущей за нею матери напоминалъ ей случаи, когда при опасности паденія мать ее поддерживала.

Съ карт. Каульбаха.

Возрастъ, когда дѣти начинаютъ ходить, для разныхъ дѣтей различенъ. Демме нашелъ, что изъ 50 дѣтей, которыхъ онъ наблюдалъ, на 9 мѣсяцѣ начали ходить только двое, отличавшихся особымъ избыткомъ силъ, да и то неувѣренно; большинство же могли ходить только на восемнадцатомъ мѣсяцѣ. И въ этомъ отношеніи наилучшимъ показателемъ является стремленіе къ развитію самого ребенка. Вообще, если не брать въ расчетъ рѣдкихъ исключеній, слѣдуетъ сказать, что здоровый ребенокъ начинаетъ ходить между 12 и 18 мѣсяцами. Вмѣшательство взрослыхъ въ цѣляхъ ускоренія этого процесса можетъ имѣть печальныя послѣдствія, напримѣръ, искривленіе ногъ, еще неокрѣпшихъ для ходьбы. Родители обыкновенно большое вниманіе оказываютъ дѣтской улыбкѣ; но мы уже говорили о томъ, что до четвертаго мѣсяца улыбка носитъ рефлекторный характеръ. У 5-недѣльнаго ребенка ее можно вызвать, если пощекотать кончикъ его носа или подбородокъ. Эта улыбка не психическаго происхожденія: высшіе мозговые центры здѣсь ни при чемъ. И только къ концу 4-го мѣсяца можно наблюдать у ребенка со-

знательную подражательную улыбку. Да и эта улыбка уродлива и представляетъ скорѣе гримасу. Только въ концѣ 7-го мѣсяца можно наблюдать настоящую нормальную улыбку, которой ребенокъ привѣтствуетъ появленіе матери, кормилицы или няни.

Еще позже мы встрѣчаемъ у ребенка довольно богатый запасъ разнообразныхъ выразительныхъ движеній. Моя дочь въ возрастѣ 11 мѣсяцевъ любила притворяться сердитой, дѣлала сердитое лицо, сжимала кулачонки, вытягивала руки впередъ; въ возрастѣ 12 мѣсяцевъ съ большимъ удовольствіемъ копировала гримасы знакомой ей дѣвушки; 15-ти мѣсяцевъ, видя на картинкѣ одну плачущую физіономію и другую смѣющуюся, сейчасъ же подражала то плачу, то смѣху. Съ помощью мимики, жестовъ и движеній дѣвочка могла, при самомъ незначительномъ запасѣ словъ, объяснить очень сложныя свои желанія. Такъ, напримѣръ, она беретъ свою мать за руку, ведетъ ее въ другую комнату, подводитъ къ медвѣжьей шкурѣ, хлопаетъ по стулу, показывая, что надо шкуру положить на стулъ; когда мать, исполнивъ ея желаніе, спрашиваетъ: такъ? дѣвочка удовлетворенно кричитъ *да-а!* Затѣмъ она показываетъ на себя, говоритъ *тата ам* и хлопаетъ по медвѣдю. Ее сажаютъ, она опять кричитъ *да-а* и затѣмъ дрыгаетъ ножками, какъ дѣлаетъ это, когда «ѣдетъ на лошадкѣ» (одна изъ ея игръ). Ее везутъ на стулѣ. Она въ восторгѣ; но вотъ стулъ остановился, она опять дрыгаетъ ножками и кричитъ: ете, ете! (еще, еще!). Такимъ же манеромъ она могла объяснить, чтобы ея стуликъ разложили въ коляску и покатили ее, а также и то, что она хочетъ рисовать и т. д.

Съ карт. В. Дозе.

Конечно, и въ развитіи мимики играетъ большую роль индивидуальность. Различенъ срокъ, когда развивается та или другая способность. Такъ, напримѣръ, ребенокъ Лая подражалъ выраженіямъ смѣха и плача, изображеннымъ на картинкахъ «Сенъ веселый и печальный», въ возрастѣ $1\frac{1}{2}$ года—на 3 мѣсяца позже моей дѣвочки. Различна и сила выраженій. Одни изъ дѣтей выражаютъ и слабую эмоцію бурно и ярко, а другія и сильную эмоцію выражаютъ слабо. Но что особенно замѣ-

чательно, такъ это то, что, несмотря на индивидуальныя различія, система натуральныхъ мимическихъ жестовъ у всѣхъ одна и та же (и у взрослаго, и у ребенка, и даже у животныхъ), почему мимику и считаютъ всеобщимъ языкомъ, понятнымъ всякому. Сходенъ и путь развитія мимики. Онъ идетъ отъ рефлекторной мимики къ психо-рефлекторной и вообще къ выразительнымъ тѣлодвиженіямъ и жестамъ. Обще всѣмъ дѣтямъ и неудержимое стремленіе къ развитію мимики и выраженіе восторга при каждой удачѣ. А какъ важно правильное развитіе мимики и вообще выразительныхъ движеній — объ этомъ распространяться не приходится. Благодаря работамъ Дарвина, Белля, Дюшена де-Булоня, Вундта, Мантегацца, Моссо, а у насъ Бехтерева и друг., хорошо извѣстно, какую великую и полезную роль играли въ развитіи расы мимическія движенія, берущія свое начало отъ «полезныхъ ассоціированныхъ привычекъ». Педагогическое же значеніе этихъ движеній громадно. Пользуясь мимикою, можно до нѣкоторой степени владѣть своимъ настроеніемъ. Желая, напримѣръ, перемѣнить грусть и уныніе на веселое настроеніе, мы заставляемъ себя улыбаться, а мимика улыбки можетъ измѣнить кровообращеніе въ мозгу, усилить ассимиляцію кислорода, создать веселое бодрое настроеніе, поднять работоспособность. Однимъ изъ способовъ наилучшаго развитія мимики рекомендуется воспроизводить мимику и жесты лицъ, изображенныхъ на хорошихъ картинахъ или въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ, а также упражнять дѣтей въ драматическомъ изображеніи въ дѣтскихъ спектакляхъ, въ выразительномъ чтеніи и въ играхъ.

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что преобладающая теперь «сидячая» система обученія и воспитанія должна сдѣлать значительныя уступки въ пользу движенія и особенно для дѣтей младшаго возраста. Старинныя требованія неподвижности, выраженныя еще Жуковскимъ («смирно сидѣть, рукавовъ не марать, къ горшку не соваться»), и сейчасъ являются господствующими во многихъ семьяхъ. И въ школахъ отъ ребенка нерѣдко требуютъ, чтобы онъ смирно сидѣлъ, не шевелился, не разговаривалъ, а сосредоточилъ свой взоръ либо на книгѣ, либо на учителѣ, запоминая сказанное или напечатанное. И сейчасъ самымъ важнымъ дѣломъ нерѣдко считается усвоеніе словъ, а не дѣйствій. И сейчасъ идеальнымъ ребенкомъ считается многими тотъ, кто ведетъ себя тихо и смирно, ни до чего не дотрогиваясь, кто больше всего боится побезпокоить взрослыхъ своимъ движеніемъ, возней, крикомъ, шумными играми.

Нѣтъ, не таковъ долженъ быть идеалъ ребенка, если мы станемъ руководиться его нормальнымъ стремленіемъ къ прогрессивному развитію. Мы должны будемъ итти навстрѣчу естественному стремленію ребенка къ развитію органовъ движенія, и наше вмѣшательство въ данномъ случаѣ можетъ выра-

зиться въ томъ, чтобы, во-1-хъ, ограждать дѣтей отъ вредныхъ для ихъ развитія уклоненій, а, во-2-хъ, въ томъ, чтобы создать благопріятную обстановку для физическихъ упражненій. Больше того: въ само обученіе младшихъ дѣтей мы должны внести больше движеній. Пусть дѣти не только слушаютъ, но еще больше сами говорятъ, пишутъ, рисуютъ, лѣпятъ, поютъ, сами производятъ опыты, пусть дѣти сами мастерятъ, что могутъ изъ приборовъ и учебныхъ пособій, для чего имъ придется то забивать и выдергивать гвозди, то завинчивать винты, то вырѣзать картинку, то аккуратно приготовить кон-

Съ карт. W. Zirges.

вертъ, коробочку или что другое изъ бумаги, то строгать, пилить и т. д. Пусть они сами наблюдаютъ, что происходитъ въ полѣ, въ лѣсу, въ огородѣ, среди птицъ, среди животныхъ и т. п. Пусть они изучаютъ предметъ не только по книгамъ и по словамъ учителя, но еще и на дѣлѣ. Пусть, вмѣсто исключительно словеснаго, наше обученіе будетъ столько же дѣловымъ, сколько и словеснымъ.

Данныя о срокахъ, когда проявляются различныя способности дѣтей, даютъ, мнѣ кажется, основаніе высказать еще слѣдующее соображеніе. Если бы всѣ дѣти были похожи одинъ на другого, и ихъ развитіе шло совершенно одинаково, если бы, напримѣръ, всѣ дѣти начинали ходить въ одномъ и томъ

же возрастѣ, если бы въ срокахъ, когда просыпается та или другая способность, не было никакихъ колебаній, то воспитатель, хорошо изучившій общій шаблонъ, могъ бы, пожалуй, руководиться въ своихъ воспитательныхъ пріемахъ общими рецептами, для всѣхъ обязательными, не сообразуясь съ личными стремленіями ребенка къ развитію, хотя даже въ этомъ случаѣ успѣхъ былъ бы ничтоженъ. Но такъ какъ развитіе всегда индивидуально, то воспитателю безусловно необходимо сообразоваться со стремленіемъ къ развитію самого ребенка и съ полнымъ уваженіемъ къ личности ребенка слѣдить за всѣми проявленіями этого стремленія въ забавахъ, играхъ и серьезныхъ занятіяхъ ребенка, въ его интересахъ, вкусахъ, увлеченіяхъ и господствующихъ стремленіяхъ.

II. Развитіе психическихъ способностей.

Извѣстно, что для развитія способности къ воспріятіямъ и для обогащенія своего ума наблюденіями нужны все новые и новые внѣшніе раздражители. И ребенокъ именно такъ и поступаетъ, руководясь какимъ-то безотчетнымъ стремленіемъ. Моя дочь въ возрастѣ семи мѣсяцевъ отдавала очевидное предпочтеніе новымъ вещамъ и игрушкамъ передъ старыми. Когда мать давала ей разные предметы, чередуя старыя игрушки съ новыми вещами (пуговица, щетка, гребенка, коробочка и проч.), то дѣвочка брала старую вещь равнодушно, холодно и спокойно, не обнаруживая никакого волненія; но зато всякая новая вещь приводила ее въ восторгъ, и она брала ее съ восхищеніемъ, увлеченіемъ и аханьемъ (ахъ-ахъ). Когда у ней въ рукахъ старая вещь, стоитъ ей предложить какую-нибудь новую, и старая моментально летитъ на полъ, а дѣвочка порывисто и жадно хватаетъ новую. Если же поступить наоборотъ и предложить дѣвочкѣ старую вещь, дѣвочка ни за что не выпуститъ изъ рукъ новой вещи.

Извѣстно, что однимъ изъ лучшихъ средствъ для развитія служитъ комбинація стараго съ новымъ, и любопытно, что именно такой методъ безотчетно и инстинктивно предпочитаютъ и дѣти. Чтобы привлечь вниманіе моей девятимѣсячной дочери къ надоѣвшей старой игрушкѣ, стоило какъ-нибудь измѣнить ея обычный видъ: нацѣпить на нее бумажку, тряпочку, всунуть ее въ другую игрушку, и эта новая комбинація вызываетъ въ дѣвочкѣ угасшій было интересъ и увлеченіе. Впрочемъ, за неимѣніемъ новыхъ, она съ радостью играетъ и въ старыя игрушки, если ихъ много; если же ихъ мало, то онѣ ей скоро надоѣдаютъ. Какъ будто бы она знаетъ то, чего не можетъ знать ребенокъ, что лучшимъ средствомъ для развитія способностей служитъ вполнѣ посильная работа: не слишкомъ большая, но и не слишкомъ малая. Небольшое число старыхъ

вещей слишкомъ быстро запоминается и даетъ незначительное число комбинацій; а эта работа, очевидно, меньше той, какая въ данный моментъ требуется для развитія. Такъ какъ въ основѣ дальнѣйшаго умственнаго развитія лежатъ воспріятія, то крайне интересны естественное стремленіе и самостоятельная попытка ребенка упражняться въ томъ, что превращаетъ чувственный матеріалъ въ ясныя воспріятія и даетъ умѣнье вѣрно узнавать окружающіе предметы.

Психологи знаютъ, что всѣ новыя переживанія сливаются съ воспроизведенными слѣдами прежнихъ переживаній. На этомъ основано ученіе о такъ называемой апперцепціи. Воспроизведенные образы помогаютъ намъ и въ узнаваніи. И если мы узнаемъ большое цѣлое слово даже тогда, когда нѣкоторыя изъ его буквъ не ясно написаны; если мы узнаемъ издали знакомаго человѣка по немногимъ признакамъ, не видя ясно его лица, то, несомнѣнно, здѣсь помогаютъ намъ слѣды прежнихъ впечатлѣній. Мы въ этихъ случаяхъ прибавляемъ изъ своего прежняго опыта то, чего сейчасъ не видимъ, къ тому, что видимъ, и все это сливается вмѣстѣ въ одно нераздѣльное связное цѣлое. Но у ребенка, даже вышедшаго изъ младенчества, очень малъ запасъ опыта, онъ не умѣетъ еще подчинять свои воспроизведенные образы впечатлѣніямъ, онъ не привыкъ провѣрять, вѣрно ли имъ усвоены интересующіе его предметы, онъ живетъ воображеніемъ и чувствомъ, и въ его представленіяхъ преобладаютъ фантастическіе образы.

Какое же упражненіе надо признать самымъ лучшимъ для того, чтобы пріучать ребенка узнавать вещи и представлять ихъ себѣ болѣе реально и менѣе фантастично? Очевидно, это будетъ сравненіе образовъ воспоминанія съ впечатлѣніемъ отъ самаго предмета, и любопытно наблюдать ту радость и увлеченіе, съ какимъ дѣти упражняются въ этомъ процессѣ. Моя дочь въ возрастѣ 8-ми мѣсяцевъ съ горячимъ восхищеніемъ забавлялась слѣдующею игрою: мать на ея глазахъ пряталась за перегородку и затѣмъ снова показывалась ей. Пока мать исчезала за перегородкой, дѣвочка выражала самое напряженное вниманіе: ни одинъ мускулъ не шевелился, взоръ былъ неподвижно устремленъ въ дверь, но какъ только мать показывалась изъ-за перегородки, дѣвочка приходила въ дикій изступленный восторгъ. Но и эта игра спустя нѣкоторое время надоѣла дѣвочкѣ. И конечно, этого и надо было желать: игра дала достаточное упражненіе важнымъ психическимъ способностямъ, и надо было итти дальше по пути развитія. Дѣвочка безотчетно рвется къ новымъ опытамъ и равнодушна къ старымъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ей не предложатъ ихъ въ какой-нибудь новой комбинаціи. И эту новую комбинацію она нашла сама, когда ей минуло 10 мѣсяцевъ. Она сама стала играть въ прятки, превративъ, такимъ образомъ, себя изъ пассивной свидѣтельницы событій въ

активное дѣйствующее лицо: спрячетъ игрушку въ уголъ кроватки, затѣмъ ищетъ ее, находитъ и весело смѣется. Но и этотъ опытъ скоро надоѣдаетъ ей. Онъ далъ все, что отъ него требуется для развитія. Пора переходить къ новому: стремленіе къ развитію не ждетъ. И новое, но аналогичное и такое же горячее увлеченіе она нашла въ томъ, чтобы прятать вещь, закрывая ее либо въ коробку, въ футляръ отъ очковъ, либо въ деревянное складное яйцо, и затѣмъ снова найти эту вещь, открывая коробку или футляръ. Конечно, и это увлеченіе продолжалось недолго, какъ и слѣдовало сдѣлать въ интересахъ нормальнаго развитія. Та же самая исторія и въ томъ же возрастѣ произошла и со шкурою медвѣдя. Послѣдняя въ высшей степени интересовала и привлекала дѣвочку. «Медвѣдь изсушилъ ее», говорила няня. Дѣвочка то и дѣло съ необыкновенной жадностью тянулась къ шкурѣ медвѣдя, но когда ее хотѣли посадить на шкуру, она откидывалась прочь, цѣплялась за что попало и изступленно визжала; а черезъ секунду она снова со страстью рвалась къ той же, «изсушившей» ее и полной обаянія, шкурѣ, а затѣмъ снова бросалась прочь отъ нея. Очевидно, что здѣсь, между прочимъ, происходило упражненіе и развитіе двухъ разнородныхъ эмоцій, сперва любопытства, а затѣмъ страха. Но чрезъ нѣсколько дней и эта такая заманчивая игра, поглощавшая дѣвочку до забвенія всего на свѣтѣ, потеряла прелесть новизны, и дѣвочка стала равнодушна къ медвѣжьей шкурѣ: послѣдняя сдѣлала свое дѣло, и теперь болѣе не была нужна.

И въ данномъ случаѣ, какъ и вообще при мысли о развитіи, мнѣ припоминаются слова, сказанныя еще Гераклитомъ:

«Все течетъ, все идетъ, и ничто не останавливается... Нельзя два раза погрузиться въ одну и ту же рѣку: во второй разъ вода будетъ уже другая».

Хорошо извѣстно, что жажда впечатлѣній не покидаетъ дѣтей и во время школьнаго курса. Въ той же Тверской школѣ, о которой я упоминалъ выше, дѣти на мой вопросъ, что сдѣлали бы они, если бы каждый изъ нихъ получилъ 1 рубль, дали самые разнообразные отвѣты. Были, конечно, отвѣты, что хотѣли бы купить конфетъ, очень много (90 голосовъ) пожеланій купить книгу на опредѣленную интересующую учащихся тему; но все же наибольшее число отвѣтовъ (145 изъ 277, т.-е. 52%) падаетъ на то, что доставляетъ какое-нибудь зрѣлище или слуховыя впечатлѣнія: побывать въ театрѣ (40), въ зоологическомъ саду (37), въ циркѣ (31), «въ залѣ, гдѣ много картинъ», или посмотрѣть ту или другую опредѣленную картину (12), послушать хоръ пѣвчихъ (6) и т. д.

Не желая повторяться, мы отсылаемъ желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ о стремленіи дѣтей къ наглядным воспріятіямъ къ нашей книгѣ «Предметный методъ обученія». Въ этой книгѣ мы старались показать, какъ важны

для дѣтскаго развитія наблюденія и опыты. Отъ количества и качества наблюденій и опытовъ зависитъ дальнѣйшее развитіе дѣтей. Но всѣ изслѣдованія, касающіяся круга дѣтскихъ представленій ко времени поступленія въ школу, показываютъ, что больше всего точныхъ воспріятій приходится на домашнюю жизнь. Дѣти лучше всего знаютъ то, что они наблюдали и экспериментировали въ своей домашней средѣ, начиная съ колыбели.

Ребенокъ безотчетно стремится къ развитію способностей къ наблюденію и эксперименту, и это инстинктивное стремленіе проявляется довольно рано. Удалось какъ-то моей дочери въ возрастѣ 8-ми мѣсяцевъ дунуть въ купленную ей игрушечную трубу и произвести звукъ. Это показалось ей настолько заманчивымъ, что она съ радостью продолжала эту забаву до тѣхъ поръ, пока не научилась трубить легко, увѣренно и свободно. Но съ этого момента начались эксперименты и съ другими предметами, почему-либо напоминающими трубу: она дула въ кегли, палочки и даже въ мячикъ. Повидимому, къ той же области развитія экспериментальныхъ способностей надо отнести и тотъ фактъ, что эта дѣвочка въ томъ же возрастѣ имѣла обыкновеніе съ большою горячностью сбрасывать на полъ одну за другой всѣ игрушки, лежащія на столѣ, до тѣхъ поръ, пока ничего на столѣ не оставалось. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ она въ томъ же возрастѣ ковыряла пальчикомъ и разсматривала какіе-нибудь крошечные предметы, напр., въ родѣ хлѣбной крошки на бѣлой скатерти, маленькаго едва замѣтнаго насѣкомаго на травѣ и проч. Однажды въ возрастѣ 9 мѣсяцевъ она очень долго и съ полнымъ вниманіемъ играла съ книжкой: открывала ее въ разныхъ мѣстахъ (книга была толстая) и пробовала, вездѣ ли отдѣляются листы. Нѣкоторое время она была такъ всецѣло поглощена этимъ занятіемъ, что не обращала никакого вниманія на обращенія къ ней; но когда экспериментъ былъ конченъ, она съ полнымъ равнодушіемъ оставила книгу. Въ томъ же возрастѣ она произвела еще слѣдующій опытъ. Предъ ней лежало много разныхъ предметовъ; она стучитъ по нимъ палкой и, очевидно, убѣдившись, что по мягкимъ стучать не стоитъ, обращаетъ вниманіе только на звучащіе, наконецъ, и изъ нихъ выбираетъ только одни металлическіе и стучитъ только въ нихъ; ей подкладываютъ мягкіе предметы и отодвигаютъ металлическіе, но она упорно отстраняетъ первые и порывисто тянется ко вторымъ. Вслѣдъ за тѣмъ во время завтрака дали ей ложку и ея первымъ движеніемъ было стучать ложкою. Но опытъ конченъ; достаточное число повтореній закрѣпило результаты опыта, и онъ уже надоѣлъ. Этотъ опытъ сдѣлалъ свое дѣло, онъ ничего не можетъ дать болѣе для развитія ребенка; надо уступить свое мѣсто другимъ еще неизвѣданнымъ и не использованнымъ опытамъ, необходимымъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія ребенка. И какъ не сказать, что здѣсь мы

имѣемъ дѣло съ безсознательнымъ и безотчетнымъ стремленіемъ къ развитію.

Въ 11-мѣсячномъ возрастѣ дѣвочка вноситъ въ одну изъ своихъ игръ новшество, свидѣтельствующее о зачаткахъ изобрѣтательности. Она любила выбрасывать свои игрушки въ дырочки сѣтки на кровати; но вотъ попались большія игрушки; а дырочки не велики и нѣкоторыя изъ игрушекъ не проходятъ сквозь сѣтку. И дѣвочка находитъ выходъ: встала на ножки и стала перекидывать игрушки черезъ бортъ.

Въ возрастѣ тѣхъ же 11 мѣсяцевъ она устроила себѣ погремушку, положивъ въ металлическую баночку грецкихъ орѣховъ. Когда при сотрясеніи баночки эта импровизованная игрушка загремѣла, восторгу дѣвочки не было предѣловъ, и эта игра на нѣкоторое время стала предметомъ ея горячаго увлеченія. Другая забава состояла въ томъ, чтобы подносить къ своему уху карманные часы и слушать ихъ тиканье. Если эти игры носятъ характеръ опыта, зато были моменты, когда упражнялась способность къ простому наблюденію. Когда она гуляетъ, сидя на рукахъ няни, то, встрѣтивъ кошку, собаку или ребенка, требуетъ знаками, чтобы няня остановилась. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ кошка играетъ съ бумажкой. Выраженіе лица при этомъ блаженно-счастливое. Въ томъ же возрастѣ дѣвочка подолгу любила внимательно смотрѣть на галокъ и голубей на улицѣ, съ живымъ интересомъ слѣдить, какъ для ея забавы переливаютъ воду изъ чайника въ стаканъ и обратно, съ увлеченіемъ смотрѣть въ зеркало и сравнивать все то, что отражается въ зеркалѣ, съ дѣйствительными предметами: нѣсколько разъ оглядывается поочередно то на самый предметъ, то на отраженіе его въ зеркалѣ. Къ этому наблюденію дѣвочка вернулась затѣмъ, когда ей исполнилось 13 мѣсяцевъ, но на этотъ разъ она внесла сюда нѣчто въ родѣ эксперимента: она стала поворачивать зеркало то въ одну, то въ другую сторону, чтобы открывать новыя перспективы: то одну часть комнаты, то другую. Когда видѣла въ зеркалѣ себя, то заглядывала и за зеркало, руководясь, повидимому, предположеніемъ, нѣтъ ли тамъ кого другого. Но скоро перестала это дѣлать, убѣдившись, повидимому, въ томъ, что это она сама. И тогда она нашла для себя другую забаву: смотрѣть въ зеркало и изображать то смѣющагося, то плачущаго, то гримасничающаго ребенка. Въ томъ же возрастѣ она пробовала однимъ разъ лизнуть мыло, но тотчасъ же сдѣлала гримасу и сказала съ отвращеніемъ *бя*; и съ тѣхъ поръ она уже не пробовала такого кушанья. Такъ же неудачно было ея знакомство съ самоваромъ и булавкою, когда ей шелъ 15 мѣсяцъ: въ результатѣ экспериментовъ дѣвочка боялась трогать самоваръ и брать булавку. Огромное впечатлѣніе произвелъ на нее въ возрастѣ 15 мѣсяцевъ «зайчикъ» — спектръ, брошенный на бѣлую стѣну посредствомъ призмы. Сначала она начала на него

дуть, какъ дуютъ на огонь; когда убѣдилась, что его нельзя погасить такимъ образомъ, она не стала повторять пробы, зато она подставила подъ спектръ свою ручку, затѣмъ куклу и другія игрушки. Такъ какъ этотъ опытъ оказался удачнымъ, то она много разъ его повторяла, радуясь получаемому эффекту. Въ томъ же возрастѣ большой фуроръ произвели на дѣвочку мыльные пузыри. Тянулась къ нимъ такъ, что невозможно было ее удержать на мѣстѣ, ловила ихъ, трогала и, когда они лопались отъ ея прикосновенія, удивленно кричала: *тю-тю* и съ недоумѣньемъ смотрѣла на свои ручки.

Чѣмъ старше, тѣмъ тоньше наблюдательность дѣтей. Манассеина разсказываетъ, что ея ребенокъ 2 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, приложивъ головку на руку матери, замѣтилъ мышечные тоны и прямо спросилъ мать: «Что это за звонъ, мама? Подниму голову—ничего не слышно, положу тебѣ на руку, слышу звонъ». Дѣтская наблюдательность и экспериментъ направляются не только на внѣшнія явленія, но съ возрастомъ даже на психику людей. Тотъ же авторъ разсказываетъ, какъ дѣвочка 2 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 3 недѣль отроду стала какъ-то усиленно ласкаться къ матери, говоря въ то же время: «Ты, мама, хорошая, ты милая, ты пай, я тебя люблю»; и вслѣдъ за тѣмъ она спросила: «Мама, тебѣ пріятно, когда я тебя ласкаю и хвалю?» Мать отвѣтила «да». На слѣдующій день снова начались усиленныя ласки и хвала матери, снова закончившіяся вопросомъ: «Мама, тебѣ пріятно, когда тебя хвалятъ и ласкаютъ?» и, получивъ опять отъ матери утвердительный отвѣтъ, дѣвочка вдумчиво замѣтила: «Я тоже люблю, когда меня хвалятъ и ласкаютъ. Няня то же любитъ, всѣ любятъ».

Наши школы, какъ извѣстно, очень мало заботятся о развитіи дѣтской наблюдательности и эксперимента. Наше обученіе носитъ по преимуществу словесный и книжный характеръ. А между тѣмъ факты показываютъ, что и въ школьномъ возрастѣ дѣти особенно тяготѣютъ къ урокамъ, на которыхъ имъ приходится имѣть дѣло съ опытами и туманными картинами. Въ Тверской фабричной школѣ я просилъ учениковъ назвать одинъ самый интересный урокъ, какой они слышали въ школѣ. И оказалось, что изъ 211 учениковъ 93 (44% общаго числа) признали самыми интересными уроками тѣ, которые сопровождались опытами (по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи въ томъ маленькомъ объемѣ, въ какомъ эти предметы входятъ въ курсъ міровѣдѣнія) или же туманными картинами (о свѣтилахъ небесныхъ и проч.). Учитель Логинъ Кравченко, о которомъ мы упоминали выше, спрашивалъ дѣтей и относительно уроковъ, сопровождаемыхъ опытами, при чемъ оказалось, что опыты любятъ 29 изъ 30 и не любитъ только одна дѣвочка, собирающаяся въ монастырь. Дѣти приводятъ и мотивы, почему имъ нравятся опыты: «хорошо смотрѣть», «никогда не видѣлъ», «дома мамѣ показывалъ, а она удивляется».

Если принять въ расчетъ, что львиная доля времени, по условіямъ нашей школы, идетъ на письмо, грамматику, Законъ Божій, ариѳметику и прочіе предметы, гдѣ нѣтъ мѣста ни опытамъ, ни туманнымъ картинамъ, и что на такіе уроки, какъ опыты изъ физики, химіи, ботаники и зоологіи, какъ разсказы о свѣтилахъ небесныхъ и проч. съ туманными картинами, употребляются только крупицы времени, то этотъ процентъ надо признать весьма значительнымъ.

III. Развитіе рѣчи.

Любопытно прослѣдить у маленькаго ребенка стремленіе, конечно, безсознательное, къ развитію своихъ центровъ рѣчи. Извѣстно, что крикъ новорожденнаго представляетъ собою простой рефлексъ на охлажденіе кожи и стоитъ только завернуть ребенка во что-нибудь теплое, какъ онъ перестаетъ кричать. «Спустя нѣкоторое время послѣ рожденія, — скажемъ словами Дарвина, — характеръ крика различенъ въ зависимости отъ того, вызывается ли онъ голодомъ или страданіемъ». И дѣйствительно, опытная и внимательная мать или кормилица по этимъ крикамъ очень часто безошибочно узнаетъ, въ какомъ состояніи находится ребенокъ. Но самъ ребенокъ не понимаетъ этихъ криковъ. Они носятъ рефлекторный, безсознательный, автоматическій характеръ, что бы они ни выражали: голодъ, боль или что другое. Но, кромѣ рефлекторнаго выраженія потребностей, крикъ ребенка бываетъ и самопроизвольнымъ, какъ проявленіе избыточныхъ силъ, какъ упражненіе, служащее для развитія органовъ произношенія. Не даромъ еще Дарвинъ, кромѣ звуковъ, выражающихъ потребности, находилъ у ребенка «излюбленные, привилегированные членораздѣльные звуки». Быть-можетъ, этотъ рефлекторный крикъ не сопровождается никакимъ, даже смутнымъ психическимъ переживаніемъ (ни мыслью, ни эмоціей) въ нашемъ смыслѣ слова и, однакоже, всѣмъ извѣстно, что со временемъ изъ этого крика разовьется членораздѣльная, осмысленная рѣчь, способная выражать наши вполнѣ сознательныя мысли, чувства и желанія; изъ этого крика развились всѣ самыя высшія формы языка. Справедливо говорятъ, что крикъ младенца — начало рѣчи; въ крикѣ скрывается зачатокъ рѣчи. Спустя восемь или десять недѣль ребенокъ обладаетъ уже нѣсколькими, отличающимися одинъ отъ другого звуками, напоминающими то писк и визгъ, то чмоканье, то щелканье языкомъ, то хрюканье и т. п., и съ необыкновеннымъ усердіемъ повторяетъ ихъ. Многіе изъ этихъ звуковъ нельзя изобразить буквами какого бы то ни было алфавита, многіе не употребляются въ языкѣ взрослыхъ людей и за непригодностью со временемъ будутъ ребенкомъ забыты; но здѣсь повторяется тотъ же законъ, съ которымъ мы встрѣчались и раньше. Ребенокъ стремится постепенно и послѣдовательно использовать всѣ возможности для развитія всѣхъ своихъ органовъ; внѣшнія усло-

вія существованія сдѣлаютъ остальное — произведутъ отборъ, оставивъ только полезные и нужные для дальнѣйшаго развитія звуки. Конечно, на этой ступени нѣтъ еще и намека на сознательную рѣчь. Это только автоматическое упражненіе гортани, губъ, языка, нёба и вообще органовъ рѣчи, аналогичное упражненію ногъ и рукъ, которыми крошечный ребенокъ то и дѣло двигаетъ, лежа въ своей кроваткѣ. Вмѣстѣ съ органами рѣчи природа и наслѣдственность вложила въ ребенка еще стремленіе, тенденцію пользоваться этими органами, упражнять ихъ, что очень важно въ смыслѣ развитія этихъ органовъ и подготовки къ предстоящему изученію рѣчи.

Хорошо извѣстно, какъ много труда употребляютъ учителя отсталыхъ дѣтей для того, чтобы пріучить не владѣющихъ рѣчью дѣтей правильно дышать, потому что только при этомъ условіи могутъ правильно вибрировать голосовыя связки; много хлопотъ доставляетъ имъ также сдѣлать болѣе гибкимъ малоподвижный языкъ такихъ дѣтей. Но то, что у отсталыхъ дѣтей достигается только при упорной настойчивости учителей, нормальный ребенокъ достигаетъ безъ всякой посторонней помощи, самопроизвольно, путемъ упражненій, которыя доставляютъ ему, повидимому, необыкновенное удовольствіе. Какъ будто онъ знаетъ, что ему надо сначала сообщить органамъ рѣчи необходимую силу и гибкость, а также извѣстные навыки, которыми затѣмъ онъ воспользуется для сознательной рѣчи, когда созрѣютъ и другіе органы, принимающіе участіе въ такомъ сложномъ актѣ, какъ разумная рѣчь. И насъ не можетъ удивлять это стремленіе. У ребенка было безчисленное множество поколѣній предковъ, которые говорили. И если существуетъ наслѣдственность, а въ этомъ сомнѣваться нельзя, то естественно, что вмѣстѣ съ органами рѣчи ребенокъ по наслѣдству получаетъ непроизвольное предрасположеніе, инстинктивное влеченіе и импульсъ къ произношенію звуковъ.

Еще позже можно наблюдать у ребенка лепетанье, посредствомъ котораго ребенокъ учится расчленять звуки. Онъ лепечетъ съ большимъ наслажденіемъ, и это лепетанье, хотя еще и безсвязное, представляетъ для него самую интересную игру, онъ дѣлаетъ это дѣло добровольно съ усердіемъ, далеко превышающимъ усердіе гимназистовъ и студентовъ къ своимъ обязательнымъ занятіямъ [1]).

Еще позже ребенокъ начинаетъ подражать слышанному, но безъ пониманія смысла, какъ это дѣлаютъ ученые скворцы и

[1]) Привычка лепетать остается у ребенка даже послѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать нѣкоторыя слова и самъ произносить осмысленно одно или два слова. Очевидно, развитіе мозга въ данномъ случаѣ обгоняетъ навыки органовъ произношенія. Ребенокъ знаетъ, что ему надо сказать; но рѣчевой механизмъ еще неразвитъ, не повинуется волѣ ребенка и нуждается въ особой развивающей гимнастикѣ.

Моя дочь на 9 мѣсяцѣ, когда она уже умѣла осмысленно произносить два слова, играя въ свои игрушки и перебирая ихъ, не переставая, произносила

попуган. Дѣти копируютъ не одни только слова, но и другіе звуки. Моя дочь подражала храпу спящаго: ляжетъ на постель и храпитъ. Подражаніе простирается и на животныхъ и на мертвую природу. Моя дочь подражала мяуканью кошки, тиканью часовъ. Всѣ такого рода упражненія доставляютъ ребенку очень большое удовольствіе. Въ этомъ стремленіи къ подражанію слышанному, кромѣ развитія органовъ произношенія, достигается еще и развитіе слуха. Чтобы подражать произношенію другихъ, надо слышать. Глухіе обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣмые; они не умѣютъ говорить не по тому, что у нихъ не развиты органы произношенія (ихъ можно развить, какъ показываетъ опытъ школъ для глухонѣмыхъ), а потому, что они не слышатъ, потому что имъ нечего перенимать въ области произношенія.

Нетрудно понять, что въ подражаніи чужимъ словамъ, даже безъ всякаго ихъ пониманія, кромѣ органовъ слуха и органовъ произношенія, участвуетъ, а стало-быть, и развивается еще и мозгъ, и его задача согласовать движенія органовъ рѣчи съ слуховыми впечатлѣніями. Что это составляетъ работу мозга, доказываютъ наблюденія психіатровъ. При поврежденіи опредѣленнаго участка въ мозгу нерѣдко больной лишается возможности произношенія, хотя у него сохранилась способность не только слушать, но и понимать сказанное.

Копированіе звуковъ является лишь частнымъ случаемъ господствующаго въ дѣтскомъ возрастѣ стремленія къ подражанію. Какой-то непреодолимый импульсъ толкаетъ ребенка перенимать все: и мимику, и движенія рукъ, ногъ, туловища, а также слышанные имъ звуки. И ребенокъ копируетъ звуки съ огромнымъ наслажденіемъ. Между тѣмъ есть правда въ утвержденіи, что «языкъ рождается изъ подражанія». Это вложенное въ ребенка стремленіе копировать звуки имѣетъ огромное подготовительное значеніе не только въ смыслѣ упражненія и развитія органовъ рѣчи, но и въ смыслѣ усвоенія членораздѣльныхъ звуковъ, которыми будетъ пользоваться ребенокъ, когда начнетъ осмысленно говорить. Сейчасъ онъ не влагаетъ никакого смысла въ слоги и слова, имъ произносимые, но очень скоро настанетъ время, когда эти самыя, механически заученныя теперь, слова станутъ выразителями его опредѣленныхъ представленій и идей. Къ знакомымъ звукамъ, не имѣющимъ теперь никакого значенія, онъ присоединитъ тогда опредѣленный смыслъ; и въ этихъ звукахъ онъ найдетъ средство передать другимъ то, что живетъ въ его душѣ. При этомъ

непонятные звуки, то и дѣло мѣняя интонаціи: то она говорила низкимъ голосомъ, подражая басу: ы-ы, то высокимъ и тоненькимъ: ка-ка-ка; и издали этотъ лепетъ казался діалогомъ между взрослымъ человѣкомъ и ребенкомъ. Повидимому, на этой ступени развитія лепетъ носитъ уже нѣсколько осмысленный характеръ: въ непонятные намъ звуки ребенокъ, быть-можетъ, иногда вкладываетъ извѣстное содержаніе.

дѣти перенимаютъ нерѣдко и ритмъ, и акцентъ, и тонъ, и ударенія. Мой сынъ, когда ему было 3 года, часто слушавшій стихотворную рѣчь, могъ подолгу настолько близко подражать ритму стихотвореній, что я самъ однажды подумалъ, не читаетъ ли онъ заученныхъ стиховъ, и лишь внимательно прислушавшись къ нему, убѣдился, что это былъ наборъ безсмысленныхъ сочетаній звуковъ. Въ семьѣ обыкновенно мало обращается вниманія на то, что слушаетъ ребенокъ. Намъ обыкновенно кажется, что ребенокъ очень быстро забываетъ копируемыя имъ слова. И обычныя наблюденія какъ будто подтверждаютъ это. Моя дочь, когда ей было уже около года, часто копировала, и притомъ очень точно, нѣкоторыя только что произнесенныя при ней слова, но затѣмъ скоро переставала повторять ихъ. То же самое происходило съ ней и въ возрастѣ около 6 мѣсяцевъ, когда не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь пониманіи произносимыхъ ею словъ. Во время моего отъѣзда шестимѣсячная дѣвочка часто слышала отъ матери слово *папа*. Дѣвочка переняла это слово и съ особеннымъ увлеченіемъ повторяла его, какъ попугай, очень часто въ теченіе нѣсколькихъ дней, чередуя съ другимъ словомъ: баба. Но скоро это надоѣло ей, и она къ этимъ словамъ стала возвращаться гораздо рѣже. Очевидно, здѣсь дѣло не въ забвеніи, а въ томъ общемъ фактѣ, что, когда ребенокъ одолѣетъ какія-нибудь затрудненія и пріобрѣтетъ навыкъ, онъ переходитъ къ новымъ такимъ же влеченіямъ, которымъ онъ отдастся съ такою же страстью и съ такимъ же восторгомъ, какъ и предшествующимъ. Мы не можемъ не видѣть и здѣсь того же безотчетнаго стремленія къ развитію, къ дальнѣйшимъ новымъ упражненіямъ заложенныхъ въ немъ способностей. Дидактика учитъ, что для развитія какихъ бы то ни было органовъ было бы не полезно повторять безъ конца одно и то же, а надо переходить къ новому. Ребенокъ не читалъ методики и никогда не думалъ надъ такими вопросами, но онъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ такъ, какъ если бы онъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ педагоговъ на свѣтѣ. Что здѣсь нѣтъ абсолютнаго забвенія, это явствуетъ изъ того, что иногда только слышанныя ребенкомъ слова, которыхъ онъ не повторялъ и не могъ повторять, оставляли прочные слѣды. Аментъ разсказываетъ, какъ одинъ мальчикъ, начавшій говорить, когда ему было 13 мѣсяцевъ, повторилъ дѣтскую пѣсенку «А, Бе, У — Котъ въ снѣгу», которую онъ слышалъ цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ назадъ, когда ему было только 4 мѣсяца. Очевидно, что ребенокъ можетъ повторять и копировать не только то, что онъ слышитъ сейчасъ, но и то, что онъ слышалъ гораздо раньше. Если бы мы помнили, какъ глубоко можетъ войти иное наше слово въ душу ребенка, мы, навѣрное, лучше бы слѣдили за собою и говорили при дѣтяхъ лишь то, что могло бы содѣйствовать ихъ умственному и нравственному развитію. Дѣти

заимствуютъ отъ насъ не только лексическій матеріалъ, но и манеру произношенія. Но, конечно, они подражаютъ далеко не всему, а лишь только тому, что отвѣчаетъ въ данный моментъ ихъ предрасположеніямъ и ихъ силамъ. Такъ, напримѣръ, изъ словъ многосложныхъ и даже 2-сложныхъ дѣти, какъ эхо, удерживаютъ очень часто только одинъ послѣдній слогъ. Если же дѣти въ этомъ періодѣ и говорятъ двусложныя слова, то это большею частію такія, которыя состоятъ изъ повторенія одного и того же слога: папа, мама, куку, няня, тютю и т. д. Слѣдующей ступенью будетъ пониманіе нѣкоторыхъ словъ, произносимыхъ другими. Что этотъ періодъ идетъ впереди того момента, когда ребенокъ самъ скажетъ вполнѣ сознательно первое слово, доказываетъ тотъ фактъ, что дѣти слушаются матери или кормилицы раньше того времени, когда начнутъ говорить. Моя дѣвочка поворачивала головку на зовъ матери: «Муся», отдавала игрушку, когда ей говорили «дай», брала игрушку, когда ей говорили «на», и т. п. Надо ли говорить, что такія занятія были для дѣвочки игрою и что такая игра была чрезвычайно занимательна для ребенка и въ высокой степени полезна для его развитія.

Изъ обзора вышеупомянутыхъ ступеней мы видимъ, что сначала развивается не самая рѣчь, а только отдѣльныя обособленныя функціи различныхъ обособленныхъ центровъ (начиная съ низшихъ), но этимъ функціямъ и ихъ центрамъ предстоитъ объединиться, чтобы изъ соединенія ихъ образовался такой сложный актъ, какъ рѣчь въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это объединеніе произойдетъ тогда, когда ребенокъ станетъ понимать не только слова, произносимыя другими, но и слова, произносимыя имъ самимъ. Это въ сущности и есть начало осмысленной рѣчи, когда «ребенокъ началъ говорить». И это самая важная въ смыслѣ развитія фаза, потому что она представляетъ самое изумительное сочетаніе дѣятельности высшихъ мозговыхъ центровъ съ мускульными движеніями органовъ рѣчи и съ слуховыми впечатлѣніями. До сихъ поръ ребенокъ упражнялъ только свои органы рѣчи безъ всякой связи со значеніемъ произносимыхъ имъ звуковъ, безъ всякихъ ассоціацій съ представленіями изъ внѣшняго или внутренняго міра; а теперь онъ станетъ упражняться въ ассоціаціяхъ словъ съ предметами, обозначаемыми этими словами. Здѣсь ребенокъ соединилъ вмѣстѣ все, что пріобрѣлъ раньше: и навыкъ произносить членораздѣльные звуки, пріобрѣтенный во время лепета, и умѣнье узнавать слова по слуху, и подражаніе чужому говору, и пониманіе чужихъ словъ. Теперь онъ самъ произноситъ и понимаетъ значеніе произнесеннаго. До сихъ поръ ребенокъ напоминалъ «безсловесное животное», а теперь онъ становится сознательно «говорящимъ человѣкомъ». Это тотъ моментъ, когда умъ начинаетъ вступать въ свои права, когда, по выраженію поэта, «въ мозгу начинается разсвѣтъ». Пониманіе произноси-

мыхъ уже словъ относятъ ко второму году, но иногда наблюдается пониманіе словъ и значительно раньше: моя дочь произнесла первое слово, когда ей было 7 мѣсяцевъ отроду: это было слово *кы* въ подражаніе слову *кис*, и дѣвочка опредѣленно связывала это слово съ представленіемъ кошки.

Но у большинства дѣтей осмысленное повтореніе словъ проявляется между 10 и 14 мѣсяцами. Пониманіе слышаннаго обыкновенно предшествуетъ осмысленному повторенію словъ. Моей дочери раньше, чѣмъ она начала осмысленно произносить слова, доставляло большое удовольствіе отвѣчать наклоненіемъ головы и другими мимическими движеніями на простые вопросы, подавать по моей просьбѣ свою ручку, игрушку, куклу и проч. На вопросъ: гдѣ папа? она всегда обращала свои взоры на меня. На приглашеніе: «поцѣлуй маму»—она протягивала губки. На вопросъ: какъ часы тикаютъ? — она дѣлала движенія ручкой въ родѣ качанія маятника и что-то лепетала. На вопросъ: какъ плачетъ Маруся? она говорила тоненькимъ голоскомъ: а-а-а. Но и тогда, когда ребенокъ начнетъ говорить, онъ понимаетъ гораздо больше словъ, чѣмъ можетъ произнести. Моя дочь, когда ей было 11 мѣсяцевъ, умѣла осмысленно произносить только 11 словъ, а понимала 27. Штернъ сдѣлалъ изъ своихъ наблюденій выводъ, что число первыхъ словъ относится къ числу вторыхъ, какъ 1 : 3. Правда, въ этомъ отношеніи ребенокъ на данной ступени недалеко ушелъ отъ умной собаки или слона, которые понимаютъ нѣкоторыя слова хозяина. Ребенокъ теперь тоже безсловесенъ, какъ и умное животное; но онъ проходитъ необходимый и важный этапъ по пути своего развитія.

Въ развитіи рѣчи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ закономъ, съ какимъ намъ приходится встрѣчаться, когда мы говоримъ о развитіи всякой другой способности и о развитіи ребенка вообще. Эволюція животнаго міра произвела раздѣленіе труда, выдѣливъ для различныхъ функцій различные органы. Это раздѣленіе труда идетъ такъ далеко, что, напримѣръ, въ занимающемъ насъ сейчасъ процессѣ рѣчи участвуетъ очень много отдѣльныхъ органовъ. Чтобы произнести, напримѣръ, звукъ *н* въ слогѣ *на*, надо, чтобы извѣстнымъ образомъ вибрировали голосовыя связки, чтобы была опущена мягкая нёбная занавѣска и такимъ образомъ раскрытъ носъ, чтобы конецъ языка былъ прижатъ къ верхнимъ деснамъ или къ передней части твердаго нёба для того, чтобъ закрыть полость рта краями языка, а затѣмъ произвести передне-язычный взрывъ. Понятно, что для произнесенія какого-нибудь другого звука нужна и другая работа. Но рѣчь состоитъ не только въ работѣ однихъ органовъ произношенія, но еще и въ работѣ моторныхъ центровъ, и въ работѣ слуха и, наконецъ, въ работѣ высшихъ центровъ, — въ пониманіи того, что говорятъ другіе и что говоришь самъ. Какъ далеко идетъ раздѣленіе труда въ этомъ послѣднемъ

смыслѣ, видно изъ того, напримѣръ, что при незначительномъ пораненіи мозга были случаи, когда забывалось только одно какое-нибудь слово (пять) и помнились всѣ остальныя. Очевидно, что число органовъ, принимающихъ участіе въ нашей рѣчи, очень велико. И между всѣми этими органами распредѣлена по ихъ спеціальности работа языка. Насколько выгодно для насъ это раздѣленіе труда, понятно для каждаго. Какъ доказываетъ политическая экономія, раздѣленіе труда въ фабричномъ производствѣ тѣснымъ образомъ связано съ громаднымъ развитіемъ промышленности. Беббэджа высчиталъ, что производство булавокъ безъ раздѣленія труда стоило бы вчетверо дороже противъ существующаго. Раздѣленіе труда — главный факторъ успѣха въ техникѣ, а послѣдняя создала машины, замѣняющія подневольный трудъ человѣка-раба, и служитъ теперь основой культурнаго развитія. Но въ области общественнаго раздѣленія труда нельзя было бы обойти существенно-важныхъ возраженій въ томъ смыслѣ, что всякая спеціализація ведетъ къ суженію развитія и узости умственныхъ горизонтовъ, къ униженію личности. Такія возраженія сдѣланы въ блестящей формѣ и нашимъ Н. К. Михайловскимъ. Но такихъ возраженій не можетъ быть противъ раздѣленія труда между органами человѣческаго организма. Напротивъ, тотъ же Михайловскій выдвинулъ свою извѣстную формулу: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ». Чтобы яснѣе представить себѣ значеніе раздѣленія труда между различными органами человѣка, стоитъ припомнить одноклѣточное животное. Оно плохо осязаетъ, еще хуже видитъ и слышитъ и т. д. именно потому, что у него не существуетъ детальнаго раздѣленія труда, а всю работу производитъ почти одинъ и тотъ же комокъ протоплазмы. И дѣйствительно, лишь благодаря детальному раздѣленію труда между различными органами, человѣческое ухо, напримѣръ, можетъ точно различать каждый звукъ членораздѣльной рѣчи, каждую ноту гаммы, а также тембръ, даже различать голосъ одного знакомаго человѣка отъ другого и т. п.

Что касается до различныхъ органовъ, участвующихъ въ человѣческой рѣчи, то функціи каждаго изъ нихъ развиваются у ребенка въ извѣстномъ порядкѣ, сначала одна, потомъ другая, и притомъ, быть-можетъ, приблизительно въ томъ же порядкѣ, хотя и сокращенномъ, и въ той же послѣдовательности, въ какой эти функціи развились у его предковъ на громадномъ протяженіи эволюціи животнаго міра.

Но мало того, чтобы развились отдѣльныя функціи, чтобы детальное раздѣленіе труда произошло до возможныхъ предѣловъ; необходимо еще, чтобы всѣ эти отдѣльныя функціи соединены были въ одно связное цѣлое. Это похоже на то, какъ осуществляется раздѣленіе труда въ производствѣ. Можно каждую часть часовъ, мебели или машины роздать для изготовленія отдѣльнымъ спеціализовавшимся рабочимъ, къ чему и сводится раздѣленіе труда; но когда эти разрозненныя части будутъ готовы, необходимо собрать ихъ вмѣстѣ въ одно связное цѣлое. Только тогда получится требуемая вещь. Точно такъ же дѣло стоитъ и съ развитіемъ рѣчи у ребенка. И здѣсь, кромѣ анализа, нуженъ и синтезъ. Рѣчь не есть только произнесеніе звуковъ и даже словъ. Слова и звуки произноситъ и скворецъ. Рѣчь не есть только подражаніе словамъ, произносимымъ другими. Такимъ подражаніемъ обладаетъ и попугай. Рѣчь не есть только пониманіе того, что говорятъ другіе. Такимъ пониманіемъ до извѣстной степени обладаетъ и дрессированная собака, точно понимающая и исполняющая нѣкоторыя приказанія своего хозяина. Человѣческая сознательная рѣчь — это синтезъ, это объединеніе въ одно связное цѣлое всѣхъ разрозненныхъ умѣній, изъ которыхъ состоитъ рѣчь: тутъ и тѣ умѣнія, изъ которыхъ состоитъ произнесеніе звуковъ, слоговъ и словъ, тутъ и умѣнье поймать ухомъ каждый звукъ и каждое слово другого, тутъ и память словъ, какъ моторная, такъ и слуховая, и т. д., тутъ и пониманіе того, что говорятъ другіе, и, наконецъ, пониманіе того, что ребенокъ говоритъ самъ.

Здѣсь каждое новое пріобрѣтеніе, сдѣланное ребенкомъ, присоединяется къ старому и послѣдняя фаза—когда ребенокъ начинаетъ понимать слова, произносимыя имъ самимъ—суммируетъ всѣ болѣе раннія пріобрѣтенія, подводитъ имъ всѣмъ вмѣстѣ одинъ общій итогъ, одно связное резюме, объединяетъ ихъ въ одно общее умѣнье—сознательно говорить — умѣнье, по отношенію къ которому всѣ предшествующія пріобрѣтенія являются лишь частями общаго объединяющаго ихъ всѣ цѣлаго. Послѣднее умѣнье вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее сочетаніе и единство. Оно является объединяющимъ посредникомъ между всѣми другими, раньше пріобрѣтенными, умѣньями.

Но если это послѣднее новѣйшее умѣнье является общимъ синтезомъ, объединяющею суммою и связнымъ резюме всего прошлаго въ развитіи, зато по отношенію къ будущему оно станетъ лишь частью еще болѣе сложнаго цѣлаго. Теперь ребенокъ говоритъ словами-предложеніями. Свои желанія, мысли и чувства онъ выражаетъ однимъ только словомъ. Но скоро то же самое слово станетъ лишь частью двухъ или трехчленнаго предложенія, либо подлежащимъ, либо сказуемымъ, либо дополненіемъ. Итакъ, и здѣсь, на частномъ примѣрѣ развитія дѣтской рѣчи, мы встрѣчаемся съ общимъ закономъ развитія,

о которомъ была рѣчь въ 1 главѣ нашей книги. И здѣсь мы видимъ анализъ и синтезъ вмѣстѣ, дифференціацію и интеграцію, детальное раздѣленіе труда между различными органами и объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ функцій въ одно общее цѣлое. Но такое же требованіе къ учителю предъявляетъ и разумная дидактика. И она требуетъ, чтобы и анализъ, и синтезъ шли рука объ руку, чтобы изучаемый предметъ разлагался на отдѣльныя части, но эти части сочетались въ одно связное, единое, общее цѣлое, чтобы всякое новое пріобрѣтеніе связывалось съ прежде сдѣланными завоеваніями. Такъ, напримѣръ, при обученіи письму—чтенію мы учимъ дѣтей, съ одной стороны, разлагать фразы на слова, слова на слоги и звуки, а, съ другой—сливать звуки, составлять изъ нихъ слоги, слова и фразы. Чтобы познакомить ребенка съ какимъ-нибудь предметомъ, напримѣръ, съ часами, нѣтъ лучшаго средства, какъ разобрать часы и затѣмъ снова собрать ихъ и т. д.

На первыхъ порахъ слова, осмысленно произносимыя моею дочерью, выражали либо ея чувства, либо желанія. Когда она говорила *кы* при видѣ кошки, это, повидимому, означало, что она рада видѣть кошку. Когда она говорила *моко*, это значило, что она хочетъ молока. Бѣдность дѣтскаго лексикона заставляетъ ребенка употреблять знакомыя слова и тамъ, куда они совсѣмъ не подходятъ. Одно и то же слово получаетъ у нихъ самое разнообразное значеніе. Оно исполняетъ у нихъ столько же службъ, сколько взялъ на себя работникъ Балда въ извѣстной Пушкинской сказкѣ. Моя дѣвочка очень часто по ассоціаціямъ, не всегда уловимымъ, однимъ и тѣмъ же словомъ называла самые разнородные предметы. Напримѣръ, то же самое слово *кы* она примѣняла и къ шкурѣ медвѣдя, съ которой очень любила играть; тѣмъ же словомъ она называла и мѣховую шапочку, и мѣховой воротникъ, шубу, мѣховыя туфли. Но если нетрудно понять ассоціаціи, связывающія эти предметы другъ съ другомъ, то нелегко понять, почему тѣмъ же самымъ словомъ она называла и нѣкоторыя кушанья. Нелегко понять, почему она не связала этого слова, напримѣръ, съ образомъ собаки — щенка, котораго очень любила. Сначала она говорила звукоподражаніями и междометіями (въ родѣ: ахъ!), пу (вмѣсто прру—лошадь), му (корова), амъ (собака), ку-ку (пѣтухъ), хр (спать) и т. п., и существительными, при чемъ изъ существительныхъ преобладали названія окружающихъ ее людей и животныхъ [1]). Потомъ появились глаголы, а позже и другія части рѣчи. Такъ какъ развитіе языка стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ интересовъ, являющихся показателями естественнаго стремленія ребенка къ развитію, то въ только

[1]) Замѣчательно, что, по наблюденіямъ психіатровъ, обозначеніе предметовъ происходитъ на болѣе низшей ступени развитія у идіотовъ, чѣмъ, напримѣръ, обозначеніе качествъ. Впрочемъ и у дѣтей, и у ненормальныхъ тѣ или другія слова имѣютъ другое значеніе, чѣмъ у взрослыхъ, и приписывать имъ наши категоріи (существительное, прилагательное и проч.) можно только условно.

что приведенныхъ фактахъ можно видѣть указаніе на то, что ребенка интересуютъ сначала окружающіе люди и животныя, и только затѣмъ уже дѣйствія и качества. Изъ 31 слова моей дѣвочки, въ возрастѣ 14 мѣсяцевъ, 22 (71%) пришлось на существительныя, 5 на глаголы (16%) и только 4 (13%) на все остальное: пай, бя и проч. Изъ существительныхъ на имена людей приходилось 7 словъ (32% общаго числа) и на животныхъ—9 словъ (41%). Изъ глаголовъ 3 (60%) употреблялось только въ смыслѣ приказанія или просьбы, напримѣръ, «*зять*» (т.-е. взять ее на руки). Сначала она употребляла только отдѣльныя слова, но каждое слово по своему значенію для нея было цѣлымъ осмысленнымъ предложеніемъ. Какъ извѣстно, многія наблюденія констатируютъ то же самое. Напримѣръ, ребенокъ Прейера тоже сначала употреблялъ только отдѣльныя слова предложенія. Такъ, напримѣръ, слово «стулъ» означало либо: «посадите меня на стулъ», либо «здѣсь есть стулъ», либо «мой стулъ сломанъ», либо «у меня нѣтъ стула». Когда моя дочь не употребляла прилагательныхъ именъ, она замѣняла ихъ существительными. При видѣ отцовскаго пиджака, плэда, стакана, она говорила: *папа*, вмѣсто «этотъ пиджакъ папинъ»; при видѣ платья матери она говорила: *мама*, что могло значить: «вотъ мамино платье». Особенно цѣннымъ въ воспитательномъ отношеніи оказалось слово *бя* въ смыслѣ плохо. Удивительно много внушенія въ этомъ маленькомъ словечкѣ *бя*. Съ помощію только этого одного слова мать научила дѣвочку не брать въ ротъ все, что попало. При словѣ *бя* рука, несущая въ ротъ что-нибудь грязное, мгновенно останавливается. У такихъ словъ-предложеній нѣтъ ни этимологіи, ни синтаксиса; но каждое такое слово-предложеніе выражаетъ извѣстное сужденіе, какъ и цѣлыя предложенія-фразы. Это похоже на наши восклицанія въ родѣ: Пожаръ! Караулъ! и т. п. На слѣдующей ступени дѣвочка стала составлять изъ знакомыхъ словъ цѣлыя предложенія, но сначала безъ грамматической связи изъ однихъ несклоняемыхъ и неспрягаемыхъ словъ, безъ всякаго грамматическаго сочетанія ихъ другъ съ другомъ. Вотъ нѣсколько фразъ изъ ея репертуара на этой ступени: *папа хр* (папа спитъ); *мама тютю* (мама спряталась), *взять тятя* (возьмите дитя), *дядя бя* (дядя нехорошій), *тятя амъ* (посадите дитя на медвѣжью шкуру). При этомъ слова, выражающія наиболѣе интересный образъ, она обыкновенно ставила впереди.

Пользованіе цѣлыми фразами часто идетъ рука объ руку съ чисто механическими комбинаціями звуковъ. На 17 мѣсяцѣ моя дочь одно время, ложась спать, пока возилась въ постелькѣ, очень любила заниматься изобрѣтенными ею самою звуковыми упражненіями такого рода: скажетъ *ама*, а потомъ начнетъ прибавлять къ *а* хорошо извѣстные ей слоги: *ня*, *ба*, *дя*, *па* и получаетъ: *аня*, *аба* и т. д.

Многіе звуки долго представляли для нея значительныя затрудненія. Таковъ, напримѣръ, былъ звукъ *р*. Но съ этими затрудненіями она воевала съ поразительнымъ упорствомъ. И я до сихъ поръ помню ту радость, которую проявила она, когда ей удалось правильное произношеніе звука р. И тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что, когда это нужно, дѣти въ пользованіи рѣчью идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Мой сынъ, напримѣръ, вначалѣ называлъ себя сокращеннымъ *Тикъ* вмѣсто Котикъ. Къ послѣднему имени онъ перешелъ лишь тогда, когда оно перестало быть для него труднымъ. Въ данномъ случаѣ форма приносится въ жертву въ пользу осмысленнаго развитія. Было бы хуже, если бы ребенокъ за невозможностью правильнаго произношенія совсѣмъ отказался отъ названія предмета.

Когда моей дочери было около 16 мѣсяцевъ, она стала спрашивать о названіи предметовъ. И это стало у ней какой-то маніей именъ, и это стремленіе знать названія продолжалось довольно долго. Значеніе этого момента въ смыслѣ развитія очень велико. До сихъ поръ ребенокъ въ дѣлѣ изученія словъ игралъ почти пассивную роль; онъ слушалъ только то, что при немъ говорили. Теперь же онъ самъ ищетъ и находитъ интересующія его названія; вопросъ о названіи даетъ ему возможность проявить свою активность, свои интересы, свою любознательность. И потому естественно, что такое занятіе увлекаетъ дѣтей. Воспитательница извѣстной Елены Келлеръ разсказываетъ о той необыкновенной радости, какую испытывала ея ученица, когда поняла, что каждый предметъ имѣетъ свое имя, и стала спрашивать о названіяхъ, водя свою учительницу отъ одного человѣка къ другому и отъ одной вещи къ другой, и все время сіяя при этомъ, какъ фея. Эта фаза развитія рѣчи имѣетъ большое значеніе и въ смыслѣ расширенія умственнаго багажа; хотя бы уже по тому одному, что названія помогаютъ намъ лучше запоминать предметы и легче ассоціировать ихъ другъ съ другомъ.

Почти всѣ дѣтскія игры сопровождаются словеснымп упражненіями. Когда моей дѣвочкѣ было 2 года и 8 мѣсяцевъ, ея игра съ куклою была, въ сущности, непрерывнымъ разговоромъ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ сдѣланной мною точной записи. (Дѣвочка несетъ куклу). «Ты будешь кушать?[1])—Нѣтъ, я пойду спать. (Уходитъ за дверь). — Я лягу. — Саша будетъ кушать. Мама, Саша съѣла гадость.—Я хочу, чтобы Саша кушала.— Я хочу, чтобы кормить Сашу (сейчасъ же поправляется). Я хочу кормить Сашу. Дайте мнѣ ложечку: я хочу кормить Сашу. (Береть ложечку). Дайте мнѣ сюда блюдечко. (Беретъ). Дайте еще молока. Это Сашина булка. Саша сладкая моя. Мама Сашу

[1]) Въ виду невозможности съ помощью русской азбуки точно передать дѣтское произношеніе, я передаю всѣ разговоры въ исправленномъ произношеніи.

катаетъ. Саша легла спать. Она маленькая еще. Саша, убѣжимъ скорѣе: у папы въ кабинетѣ волкъ сидитъ. Саша боится волка. Давай сядемъ на твою кроватку (кладетъ на кроватку). Это краешекъ? Она упадетъ. Сашу мою крести. А то она будетъ плакать. Лежи (укладываетъ). Пеленочку надо положить (покрываетъ тряпкой). Сашѣ сдѣлаю подушечку (дѣлаетъ изъ тряпки.) Вотъ тебѣ подушечка... и т. д. Я тебѣ принесу накидочку хорошенькую, красненькую. Я подлѣ тебя сяду. Принесу стуликъ и сяду. Ты смотри на меня, какъ я приду къ тебѣ. (Принесла стуликъ). Вотъ такъ. А баночка тутъ постоитъ. Позволь баночкѣ постоять. (Замѣчаетъ неправильность въ костюмѣ куклы). Няня, няня, одѣнь ее хорошенько... Мама, къ дочкѣ пришла Муся (беретъ другую куклу) и пошла съ ней гулять (передвигаетъ куклы). Саша проситъ маму взять на руки. Птички спятъ, а мама качаетъ свою дочку (укачиваетъ куклу). Саша еще маленькая. Она не можетъ ходить. (Нашла кусочекъ оторванной бахромы). Это у ней метелка. Она мететъ полъ и говоритъ: «Какая славная метелка».

Конечно, игра вдвоемъ точно такъ же сопровождается постоянными разговорами. Вотъ, напримѣръ, точная запись, сдѣланная моею женою въ ея дневникѣ, которымъ я пользуюсь, какъ матеріаломъ, — разговора между нашими двумя играющими дѣтьми: дѣвочкою 5 лѣтъ и мальчикомъ 3 лѣтъ.

Мальчикъ. Будто я кукла. Нѣтъ, будто ты кукла, а это палуба. Нѣтъ, будто это каюта.

Дѣвочка. Я буду на гармоніи играть, а ты будто слушаешь. (Вспоминаетъ стихи)...Я чувствую въ себѣ косточки.

Мальчикъ (тянетъ игрушечный пароходъ). Пріѣхали. Мостъ.

Дѣвочка. У меня двѣ палубы одинаковыхъ.

Мальчикъ. Кукла. Мостъ. Пріѣхали. Пароходъ такой маленькій.

Дѣвочка. Ты мальчикъ или дѣвочка?

Мальчикъ. Мы двѣ дѣвочки и будемъ грести.

Дѣвочка. Сиротки. Пароходъ отчаливаетъ. (Поетъ).

Мальчикъ. Не отчаливаетъ. (Дѣлаетъ движеніе, будто гребетъ).

Дѣвочка. Весь балконъ — это пароходъ, крыша — палуба. Я пойду на палубу. Я спущусь въ море. А лѣстница эта спускается въ море. Я хочу посмотрѣть на синее море. (Поетъ).

Мальчикъ. Пароходъ пріѣхалъ. (Уходятъ съ балкона. Потомъ бѣгутъ на палубу).

Дѣвочка. Мы двѣ сиротинки, у насъ только одинъ сарафанъ, а у Тика (такъ зовутъ мальчика) — панталончики — это будто юбочка.

Мальчикъ. Нѣтъ, будто няня ему сшила и умерла сейчасъ же... Пойду купаться. Здѣсь глубокое море. Раки большіе.

Дѣвочка. Будто ты раздѣлся.

Мальчикъ. (Бѣжитъ, изображаетъ купающагося.) Меня ракъ схватилъ; я поймалъ рака.

Дѣвочка. Будто у тебя есть мама, а я одна сиротинка.

Мальчикъ. Нѣтъ, будто я твой другъ, пріѣзжаю, тоже сиротка.

Дѣвочка. Нѣтъ, я одна сиротка.

Мальчикъ. Ну, я не буду играть. Пойдемъ рвать стулъ.

Дѣвочка. Нѣтъ, будто твоя мама жива

Мальчикъ. Нѣтъ, будто умерла.

Дѣвочка. Ну, я такъ не хочу.

Мальчикъ. Ну, я не буду играть. (Беретъ катушку и мотаетъ нитки). Это намъ надо.

Дѣвочка. Ну, хорошо. Ты будешь маминъ сынъ, а я одна сиротка. (Т.-е. предлагаетъ какъ разъ то, чего онъ не хочетъ, но облекаетъ свое предложеніе въ форму согласія).

Мальчикъ. (Не замѣчая обмана). Ну, хорошо. Давай отчаливать пароходъ.

Дѣвочка. (Сидитъ отдѣльно). А сиротинка сидитъ грустная.

Мальчикъ. Сиротинка, на тебѣ конфекты. (Оба ѣдятъ). Ты у насъ будешь жить. У насъ есть конфекты.

Дѣвочка. Нѣтъ, я сама буду жить. Я не хочу у васъ.

Мальчикъ. А мы будемъ пріѣзжать къ тебѣ.

Дѣвочка. Лучше я буду къ тебѣ пріѣзжать.

Не удивительно, что ребенокъ играетъ активную роль въ играхъ, какъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, такъ въ игрѣ съ куклами въ одиночку, но онъ хочетъ играть активную роль и тогда, когда разсматриваетъ картинки. И здѣсь онъ все примѣняетъ къ себѣ и выражаетъ это словами. Я показываю дѣвочкѣ картинки. (Когда она видитъ на картинкѣ воду, она говоритъ): «Здѣсь Муся будетъ купаться». (Когда видитъ гору, она говоритъ): «Муся побѣжитъ на гору». (Лѣсъ). «Здѣсь Муся будетъ гулять». (Домъ). «Здѣсь Муся будетъ спать». (Лошадку). «Я на ней покатаюсь». (Цвѣточки). «Муся будетъ ихъ рвать». (Левъ). «Онъ кусается?» (Ягодки). «А ѣдятъ ихъ?»...

Но потребность говорить проявляется и тогда, когда картинка не вызываетъ въ дѣвочкѣ представленій, относящихся къ ней самой. Смотря на изображеніе молящагося мальчика, она говоритъ: «Мама, гдѣ мальчикъ молится? Вотъ мальчикъ молится. Смотри, смотри, какъ. А вотъ тутъ, какъ мальчикъ молится. Его зовутъ Сережа. Нѣтъ, Петя. (Переходитъ къ другой картинкѣ). А это дѣдушка. Смотри. Онъ бросаетъ зернышки. Чтобы кушать курочкамъ. А тутъ, смотри, дерутся. (Переходитъ къ третьей картинкѣ). Это Анастасья Ивановна. (Медвѣдица). (Переходитъ къ новой картинкѣ). А это кто? Козочка. А что она кушаетъ? Она стукнется (о дерево, нарисованное на той же картинкѣ), тогда заплачетъ. А какъ она кричитъ-то? Бе-ээ...»

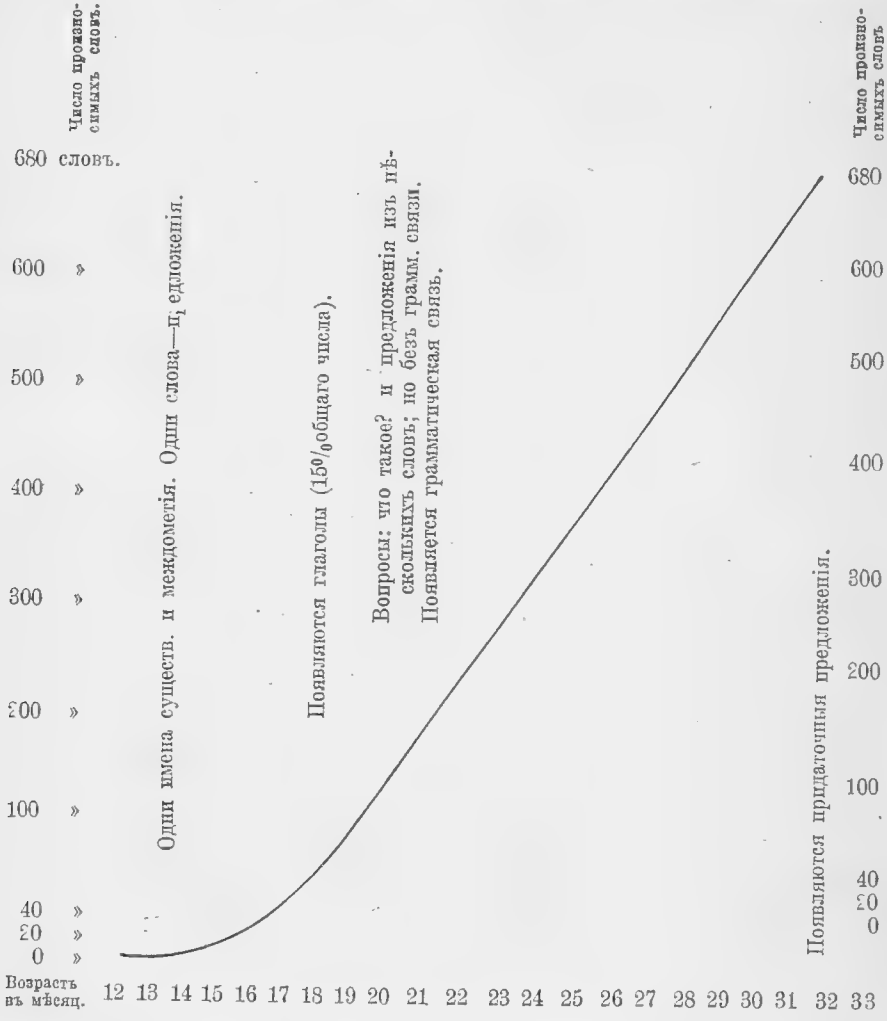
И эти разговоры во время игръ, будутъ ли они одиночные или въ обществѣ другихъ дѣтей, продолжаются цѣлые дни, лишь съ небольшими перерывами для отдыха, принятія пищи и т. п. И если бы сосчитать число произнесенныхъ при этомъ словъ и фразъ, получилось бы количество, далеко превышающее то, что произнесетъ взрослый ученикъ, приготовляя свои уроки. Бэллъ сосчиталъ число словъ, произнесенныхъ 5-лѣтнимъ ребенкомъ въ теченіе одного дня, и получилъ цифру, близкую къ 15 тысячамъ словъ. Позже онъ сдѣлалъ такое же наблюденіе надъ ребенкомъ младшаго возраста и получилъ 15.230 словъ. А важность этихъ словесныхъ упражненій въ смыслѣ развитія громадна. Здѣсь дѣло идетъ не только объ усовершенствованіи рѣчи, но, что гораздо важнѣе, о развитіи высшихъ мозговыхъ центровъ. По словамъ извѣстнаго физіолога, «наша рѣчь, какъ и всякая мускульная дѣятельность, дѣйствуетъ обратно на высшіе мозговые центры, и если бы мы пріучились лучше говорить, то, навѣрное, пріобрѣли бы болѣе опредѣленныя чувства и высшее умственное развитіе». Но не надо быть физіологомъ, чтобы понять эту важнѣйшую роль языка. Наша рѣчь такъ тѣсно связана съ мышленіемъ, что она, смотря по своему качеству, можетъ то затруднять и замедлять, то ускорять и облегчать наше мышленіе. Ту же роль она играетъ и въ области воображенія и даже въ области чувства.

Очень большое значеніе въ смыслѣ умственнаго развитія имѣетъ тотъ фактъ, что ребенокъ не только копируетъ то, что слышитъ, но и самъ придумываетъ новыя выраженія. Мой сынъ, когда ему было три года, назвалъ оврагъ, въ которомъ онъ игралъ на дачѣ, «Волчьей ямою» и, что замѣчательно, это названіе было усвоено и взрослыми мѣстными жителями. Самодѣятельность и творческая работа ребенка въ области языка отмѣчалась неоднократно и въ литературѣ. «Оригинальность, изобрѣтательность такъ велики у ребенка,—пишетъ Тэнъ,—что если онъ учится отъ насъ нашему языку, то, въ свою очередь, и мы учимся отъ него его языку». Компере разсказываетъ о двухъ близнецахъ, которые изобрѣли особенный языкъ, не имѣвшій ничего общаго съ языкомъ ихъ родителей. И напрасно было бы отрицать творческую дѣятельность ребенка, хотя бы уже въ виду того факта, что существуетъ дѣтскій языкъ, отличающійся отъ языка взрослыхъ, и этотъ языкъ дѣтей созданъ, конечно, ими самими, хотя вслѣдъ за тѣмъ и воспринятъ его хранительницами—нянюшками и матерями. Съ творчествомъ дѣтей въ области языка намъ приходится иногда даже бороться, и мы стараемся, чтобы ребенокъ замѣнилъ выдуманныя имъ слова общеупотребительными и для всѣхъ понятными; но несомнѣнно, что въ основѣ своей это стремленіе ведетъ къ развитію одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей человѣка. Давно замѣчено, что ребенокъ, широко пользуясь аналогіею, измѣняетъ обычныя слова, внося въ ихъ формы больше логики. Не даромъ Максъ

Мюллеръ писалъ, что дѣти очищаютъ языкъ и постепенно выбросили изъ него громадное число неправильныхъ формъ. Громада совершаемой ребенкомъ работы и еще болѣе размѣры достигаемыхъ имъ успѣховъ при этомъ добровольномъ постепенномъ и естественномъ, самопроизвольномъ изученіи языка, путемъ игры и забавы, стали бы яснѣе, если бы можно было точно изобразить достигаемые въ этомъ отношеніи дѣтьми результаты. Къ сожалѣнію, это изображеніе можно сдѣлать только съ приблизительной точностью. Еще недостаточно для этого собрано матеріаловъ и особенно у насъ, въ Россіи. Кромѣ того, здѣсь можно говорить только либо о среднемъ, либо объ отстающемъ, либо, наконецъ, о раннемъ развитіи рѣчи, потому что и въ этой области, какъ и въ мышечномъ развитіи, слишкомъ большую роль играютъ индивидуальныя особенности ребенка. Какъ сказано выше, моя дочь произнесла первое осмысленное слово, когда ей было 7 мѣсяцевъ, мой сынъ началъ говорить около 19 мѣсяцевъ, а Друммондъ указываетъ на очень умныхъ дѣтей, которыя не начинали говорить до 3 года жизни. Другіе наблюдатели даютъ для появленія первыхъ словъ слѣдующія цифры: 8 мѣсяцевъ, 9, 10, 11, 12, 14 мѣсяцевъ. Моя дочь произнесла первую фразу «мама, а-а дай (т.-е. мама, дай сладкой воды), когда ей было 11 мѣсяцевъ, а другіе относятъ эту фазу развитія то къ 13 мѣс., то къ 14, 17, 19 и даже 23 мѣсяцамъ. По однимъ наблюденіямъ, дѣти двухлѣтняго возраста обладаютъ 126 произносимыми словами, а по другимъ — 668 и т. д. Такъ велики въ данномъ случаѣ индивидуальныя колебанія. Чтобы яснѣе изобразить этотъ постепенный переходъ ребенка съ самыхъ низшихъ ступеней развитія рѣчи, отъ первоначальной однородной и неустойчивой фазы до того момента, когда онъ вполнѣ овладѣетъ обычной для ребенка рѣчью, мы нашли среднія величины изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ наблюденій надъ дѣтской рѣчью и изобразили найденныя нами величины въ видѣ графиковъ, при чемъ возрастъ дѣтей мы выражаемъ въ мѣсяцахъ, начиная съ 12 мѣсяца отъ рожденія (такъ какъ именно на этотъ возрастъ въ среднемъ выводѣ падаетъ, по нашимъ вычисленіямъ, первое осмысленно произнесенное ребенкомъ слово), возрастающее число произносимыхъ словъ мы изображаемъ въ видѣ кривой, которая въ первые три мѣсяца (до 15 мѣсяца) поднимается довольно медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, но безъ нарушенія постепенности; на тѣхъ же графикахъ мы изображаемъ, въ какомъ возрастѣ у ребенка появляются тѣ или другія части рѣчи, когда появляются вопросы о названіяхъ предметовъ, когда слово-предложеніе замѣняется предложеніемъ изъ нѣсколькихъ словъ и т. д.

Я пробовалъ изобразить графически развитіе языка моей дочери; но при этомъ получилась кривая, отличающаяся по своему характеру отъ нашего чертежа, изображающаго развитіе языка у средняго въ статистическомъ смыслѣ ребенка. Дѣло

въ томъ, что развитіе индивидуальности идетъ скачками, и въ графическомъ изображеніи при этомъ получается ломанная линія, такъ какъ за временнымъ усиленнымъ развитіемъ можетъ послѣдовать временная остановка и даже попятное движеніе.



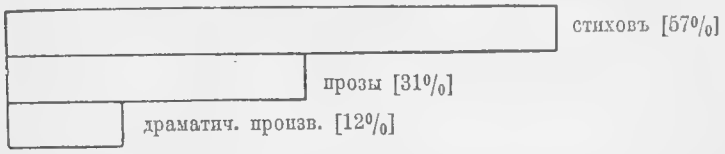
Черт. 1-й. Какъ въ зависимости отъ возраста развивается рѣчь ребенка.

Между тѣмъ въ среднихъ выводахъ эти скачки и остановки, а также и попятныя движенія, взаимно компенсируясь, сглаживаются и получается, какъ мы видимъ на нашемъ чертежѣ, правильная кривая, свидѣтельствующая о постепенно ускоряющемся развитіи языка. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что увели-

ченіе числа новыхъ словъ идетъ сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе вплоть до 33 мѣсяца. Но, конечно, это не значитъ, чтобы такое ускореніе развитія продолжалось всю жизнь. Совершенно напротивъ, ребенокъ въ первые годы своей жизни развивается болѣе быстрымъ и лучшимъ образомъ, чѣмъ станетъ развиваться позже. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ овладѣваетъ тѣмъ наслѣдствомъ, которое его предки копили въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Округляя цифры, мы вынуждены признать, что въ теченіе какихъ-нибудь 30 мѣсяцевъ ребенокъ играючи заучиваетъ около 700 словъ, не считая причастій и измѣненныхъ формъ, а по словамъ Макса Мюллера, большинство изъ насъ никогда не употребляетъ больше 3 или 4 тысячъ словъ, а есть крестьяне, ограничивающіеся 300 или 400 словъ. И этотъ крупный шагъ ребенокъ дѣлаетъ, какъ самоучка, безъ руководства, безъ программъ, безъ плановъ, безъ методовъ, настолько безыскусственно, что никто изъ насъ не знаетъ, какъ мы научились говорить.

Конечно, процессъ развитія рѣчи не оканчивается въ младенческомъ возрастѣ, а продолжается и въ отрочествѣ, и въ

Черт. 2. Сколько дѣтей увлекались сочиненіемъ.



юности; можно сказать, что онъ нерѣдко продолжается до старости, даже до могилы. Когда мнѣ случается сравнивать написанное мною теперь съ написаннымъ десять-двадцать лѣтъ тому назадъ, я нахожу разницу въ своемъ стилѣ. Но въ дошкольные годы процессъ развитія рѣчи происходитъ съ необыкновенною интенсивностью. Почти то же самое можно сказать и о школьномъ періодѣ, если школьное обученіе ведется хоть сколько-нибудь сносно. Въ школьные годы стремленіе дѣтей къ развитію рѣчи выражается въ чтеніи книгъ и еще болѣе активно въ сочиненіи стиховъ, составленіи прозы и драматическихъ произведеній, при чемъ стихотворная форма, повидимому, пользуется наибольшей любовью. По произведенной мною анкетѣ, какъ это видно изъ чертежа 2, стремленіе къ сочинительству въ дѣтствѣ выразилось больше всего въ сочиненіи стиховъ (57% общаго числа увлеченій сочинительствомъ), въ составленіи прозы, сказокъ и разсказовъ (31%) и драматическихъ произведеній (12%).

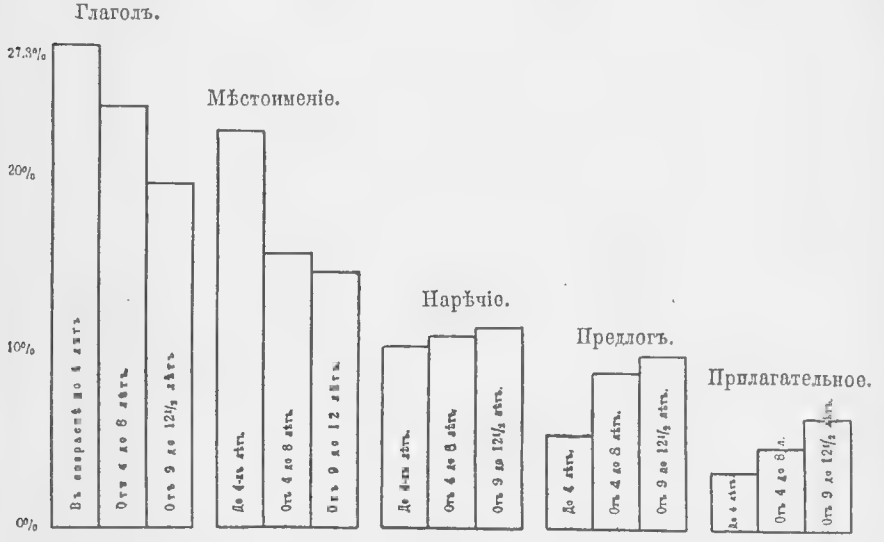
Упражненія въ сочиненіяхъ поставлены въ нашихъ школахъ далеко не блестяще. И все же, несмотря на всѣ дефекты, дѣти любятъ сочиненія. Учитель начальной школы, г. Логгинъ Кравченко, производилъ опросъ своихъ учениковъ относительно

каждаго предмета преподаванія. При этомъ оказалось, что Законъ Божій любятъ только 5 человѣкъ изъ 29, диктантъ только 10 человѣкъ изъ 30, славянское чтеніе и ариѳметику только 14 изъ 30, а что касается сочиненій, то ихъ любятъ 27 изъ 30, а не любятъ только 3, еще не умѣющихъ излагать свои мысли. На вопросъ: почему любятъ? — отвѣчаютъ: «больше всего люблю, потому что думать и мысли раздумывать», «потому что сидѣть и думать», «цѣлый урокъ сидѣть и думать», «пиши, что хочешь», «потому что умомъ работать», «только думать да писать»; «когда что дѣлалъ, сгадаешь», «потому что всегда думаю».

Моя дочь и до сихъ поръ (до 13 лѣтъ) въ свободное время, гуляя одна по саду, или уединившись въ дѣтской комнатѣ, любитъ сочинять и разсказывать самой себѣ сказки и разсказы. Иногда, но уже не съ такой охотой, она заноситъ ихъ на бумагу, при чемъ однажды получился разсказъ въ 30 слишкомъ страницъ. И что особенно важно, такъ это тотъ интересъ, съ которымъ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, упражняются въ развитіи такого сложнаго процесса, какъ рѣчь и стиль. Въ младенчествѣ ребенокъ съ огромнымъ интересомъ, но играючи, учится языку, слушаетъ, какъ говорятъ его окружающіе, ловитъ налету доступныя ему слова и самъ пытается говорить. Позже многія изъ дѣтей съ увлеченіемъ читаютъ, очень часто, какъ мы только что видѣли, и сами пробуютъ сочинять. Каждый самый маленькій успѣхъ на этомъ пути доставляетъ ребенку огромную радость. Если ему не удается какое-нибудь выраженіе, онъ дѣлаетъ новыя и новыя попытки, чтобы одолѣть затрудненія. Никакая дисциплина, никакія награды и наказанія и никакіе дипломы — ничто не въ состояніи вызвать къ дѣйствію столько силъ, сколько ребенокъ проявляетъ вполнѣ добровольно, играючи выучиваясь родному языку. Это увлеченіе носитъ характеръ какого-то страстнаго стремленія, настоятельной потребности, чего-то похожаго на голодъ или жажду. Какъ будто внутри ребенка есть какая-то пружина, какой-то импульсъ, который все время полновластно твердитъ ребенку: развивай какъ можно лучше свой языкъ, свою рѣчь, свои рѣчевые центры и органы.

Въ педагогической литературѣ и особенно русской очень мало матеріаловъ, касающихся развитія рѣчи въ возрастѣ старше 3 лѣтъ. Иностранную же литературу надо принимать въ данномъ случаѣ съ извѣстными ограниченіями, потому что она касается развитія другихъ языковъ и у другихъ народовъ. И я поэтому думаю, что не лишне здѣсь будетъ помѣстить выводы, къ какимъ я пришелъ, записывая сказочки, разсказы, просто разговоры во время игръ моей дочери Муси, начиная съ 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и до 8-лѣтняго возраста. Начиная же съ 9-ти лѣтъ и до 12½ года я пользовался ея письменными разсказами на ею самой избранныя темы. (Переложенія были исклю-

чены). При разработкѣ этого матеріала (въ чемъ мнѣ помогали В. В. Симоновскій и В. Е. Воскресенскій) моей задачею было не составленіе лексикона словъ, какими располагала въ каждомъ данномъ возрастѣ дѣвочка, а то, какъ часто въ томъ или другомъ возрастѣ она пользовалась тѣми или другими



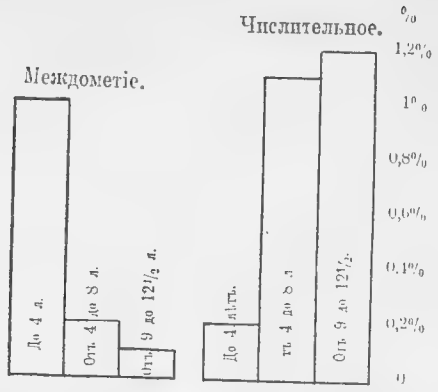
Чер. 3-й. Какъ измѣняется употребленіе частей рѣчи въ зависимости отъ возраста.

формами рѣчи (членами предложенія, частями рѣчи и проч.). Конечно, въ выводы изъ такихъ наблюденій надо бы внести поправки на индивидуальность. Но когда такихъ наблюденій будетъ много, тогда можно будетъ найти и статистическія средніе. Разработка моихъ матеріаловъ дала слѣдующіе результаты.

1. Какъ измѣняется употребленіе частей рѣчи въ зависимости отъ возраста (въ %).

	Существительное.	Глаголъ.	Нарѣчіе.	Междометіе.	Прилагательное.	Мѣстоименіе.	Предлогъ.	Союзъ.	Числительное.
Въ возрастѣ до 4-хъ лѣтъ	22,9%	27,3%	10,4%	1%	3,2%	22,5%	5,2%	7,3%	0,2%
Отъ 4-хъ и до 8 лѣтъ.	23%	23,8%	10,8%	0,2%	4,3%	15,5%	9%	12,3%	1,1%
Отъ 9 до 12½ лѣтъ. .	26,7%	19,4%	11,5%	0,1%	6,2%	14,3%	10,0%	10,5%	1,2%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что число употребляемыхъ существительныхъ и глаголовъ все время остается преоблада-



Черт. 4. Какъ измѣняется употребленіе междометій и числительныхъ въ зависимости отъ возраста.

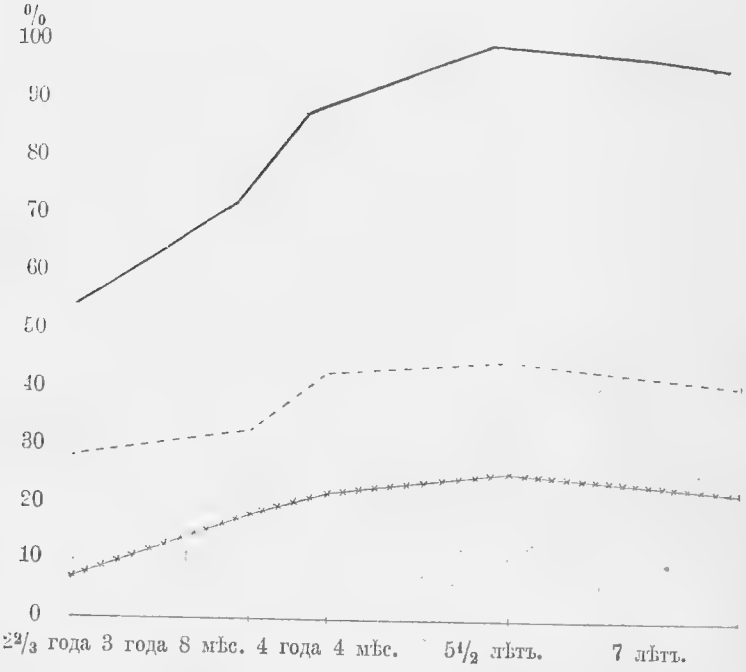
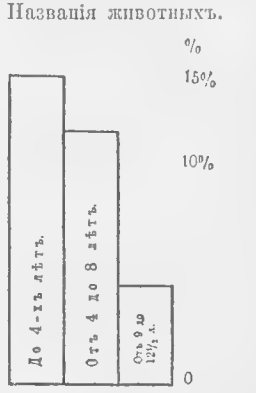


Рис. 5. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе.

1) Творительнаго и предложнаго падежа
2) Нарѣчій, прилагательныхъ, предлоговъ, союзовъ и числительныхъ вмѣстѣ.
3) Распространенныхъ предложеній, состоящихъ изъ 5 и болѣе словъ.

ющимъ надъ другими частями рѣчи; но съ возрастомъ усиленіе употребленія всего болѣе падаетъ на числительное (возросло въ 6 разъ), затѣмъ на предлогъ, прилагательное, союзъ и нарѣчіе. Число существительныхъ потерпѣло значительныя измѣненія. Мы видѣли выше, что первое слово дѣвочки было существительное *жы* (кошка), и въ возрастѣ 14 мѣсяцевъ отроду слова въ значеніи существительныхъ составляли 71% всего ея лексикона, но затѣмъ они вытѣснены были другими частями рѣчи и на 4-мъ году жизни составляли не болѣе 17%. Но, начиная съ 5-го года жизни, употребленіе существительныхъ снова начинаетъ возрастать и этотъ ростъ продолжается непрерывно вплоть до 13-го года жизни, когда % отношеніе существительныхъ къ общему числу употребляемыхъ словъ равно 29,4%. Очевидно, что это возрастающее употребленіе существительныхъ совершается уже подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ факторовъ, чѣмъ на второмъ году жизни. Тамъ это было замѣстительствомъ: тамъ одно какое-нибудь существительное часто было цѣлымъ предложеніемъ и замѣняло собою и глаголъ, и прилагательное, и проч. Здѣсь же ребенокъ, увеличивая употребленіе существительныхъ, стремится достичь нормы, свойственной языку взрослыхъ. И, быть-можетъ, этой нормы Муся не достигла еще и на 13-мъ году; быть-можетъ, эта норма выше 29%.



Черт. 6. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе названій животныхъ.

Что же касается междометій, глаголовъ и мѣстоименій, то по таблицѣ число ихъ во второмъ и третьемъ періодахъ значительно уменьшилось. Выше мы видѣли, что въ возрастѣ 14 мѣсяцевъ глаголы составляли 16% лексикона дѣвочки. Теперь мы видимъ, что они составляютъ 27% въ 1-мъ періодѣ и идутъ на убыль: 24% во 2-мъ и 19% въ 3-мъ періодахъ. Отсюда мы заключаемъ, что maximum ихъ падаетъ на промежуточный періодъ между 14 мѣсяцами и $2^3/_4$ года жизни дѣвочки. Такимъ образомъ, глаголу, по времени, на какое падаетъ его maximum, принадлежитъ не первое, а вѣроятно, третье мѣсто, такъ какъ два первыя мѣста мы должны, на основаніи данныхъ наблюденій, отдать междометіямъ и существительнымъ.

Если мы возьмемъ общее число предлоговъ, союзовъ, прилагательныхъ и нарѣчій и графически изобразимъ (см. рис. 5), какъ растетъ употребленіе этихъ частей рѣчи, то увидимъ, что этотъ ростъ почти непрерывенъ, если не считать семилѣтняго возраста, когда на развитіи дѣвочки могла отразиться ея болѣзнь, совпавшая съ этимъ возрастомъ.

2. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе названій людей, животныхъ, растеній, другихъ конкретныхъ предметовъ и отвлеченныхъ (въ %).

	Людей.	Живот.	Растеній.	Другихъ конкр. предм.	Отвлеченныхъ.
Въ возрастѣ отъ $2^2/_3$ до 4 лѣтъ и 4 мѣс. включит.	37%	15%	1,7%	40,3%	6
Отъ 4 лѣтъ и 4 мѣс. до 8-ми лѣтъ.	22%	12,8%	13,8%	37,4%	11
Отъ 9 до $12^1/_2$ лѣтъ. . . .	34,7%	4,9%	4,0%	35,4%	21%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что міръ людей и животныхъ всего болѣе интересуетъ ребенка до 4-лѣтняго возраста. Мы видѣли выше, что въ возрастѣ 14 мѣсяцевъ отроду относи-

Черт. 7. Какъ въ зависимости отъ возраста усиливается употребленіе:

1) Названій растеній.

2) Отвлеченныхъ предметовъ.

3) Обстоятельствъ времени.

4) Трехсложныхъ и многосложныхъ словъ.

5) Придаточныхъ предложеній (въ % отношеніи къ общему числу).

тельное число названій животныхъ было еще больше (41%), а названія людей тогда дали 32%; но тогда совсѣмъ не было словъ, обозначающихъ растенія, и ужъ, конечно, ни одного слова, обозначающаго отвлеченные предметы. Но мы видимъ изъ таблицы, какъ съ возрастомъ расширяются интересы ребенка. Подъ вліяніемъ этихъ расширяющихся интересовъ падаетъ употребленіе названій животныхъ, уступая свое мѣсто другимъ названіямъ.

Выразивъ графически (см. рис. 7), какъ измѣняется по годамъ число употребляемыхъ названій растеній, мы не можемъ не видѣть извѣстной закономѣрности въ этихъ измѣненіяхъ, а то, что на второй періодъ дѣтства и особенно на семилѣтній возрастъ приходится наибольшее употребленіе названій растеній, объясняется чисто случайнымъ обстоятельствомъ: дѣвочка въ этомъ возрастѣ жила въ Крыму, и богатая флора этого края произвела на нее сильное впечатлѣніе. Значительно учащается съ возрастомъ и употребленіе названій отвлеченныхъ предметовъ (см. рис. 7). Такимъ образомъ, анализъ рѣчи ребенка еще разъ приводитъ къ извѣстному уже выводу, что развитіе ребенка идетъ отъ конкретнаго къ отвлеченному.

3. Какъ измѣняется съ возрастомъ употребленіе различныхъ падежей (въ процентномъ отношеніи къ общему числу).

	Именительный и звательный.	Родительный.	Дательный.	Винительный.	Творительный.	Предложный.	Всего.
Въ возрастѣ до 4-хъ лѣтъ и 4 мѣс. включит. . . .	57,1%	7,1%	6,8%	23%	3,4%	2,6%	100%
Послѣ 4-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣс. до 8 лѣтъ.	53,4%	10,9%	5,8%	19%	6,9%	4%	100%
Отъ 9 до 12½ лѣтъ. . . .	40,9%	14,1%	6,1%	22,2%	10,2%	6,5%	100%

Изъ этой таблицы видно, что наибольшимъ употребленіемъ во все время дѣтства пользуются падежи: именительный и винительный; при этомъ употребленіе именительнаго падежа, болѣе понятнаго дѣтямъ, чѣмъ, напримѣръ, родительный, представляется болѣе частымъ до 4 лѣтъ и становится рѣже послѣ пятилѣтняго возраста и еще рѣже послѣ 9-ти лѣтъ. Употребленіе винительнаго падежа не представляетъ такой очевидной закономѣрности, но всё же въ первомъ періодѣ дѣтства оно очень близко къ своему maximum'у, чего нельзя сказать ни о родительномъ, ни о творительномъ, ни о предложномъ: ту же участь раздѣляетъ и дательный падежъ. Очевидно, что для маленькаго ребенка гораздо легче понять и назвать

предметъ, какъ центръ дѣйствія (именительный падежъ), либо выразить близость одного предмета къ другому (дательный падежъ), либо, наконецъ, понять и выразить, что дѣйствіе переходитъ на весь предметъ (винительный падежъ), а не на часть его (родительный падежъ). То обстоятельство, что винительный и дательный послѣ періода сравнительно частаго употребленія переживаютъ періодъ паденія, а затѣмъ снова періодъ подъема, показываетъ только то, что тотъ и другой падежъ употребляются не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ зна-

Черт. 8. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе падежей.

ченіяхъ [1]), и одни изъ этихъ значеній ребенокъ усвоиваетъ рано, а другія — болѣе трудныя — поздно. Если взять одинъ звательный падежъ, то мы увидѣли бы, что въ возрастѣ до 4 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ дѣвочка употребляла этотъ падежъ въ 14 разъ чаще, нежели въ возрастѣ послѣ 4 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ. Извѣстно, что звательный падежъ имѣетъ очень много общаго съ междометіями, а мы уже видѣли выше, что число употребляемыхъ дѣвочкою междометій съ возрастомъ значительно уменьшилось.

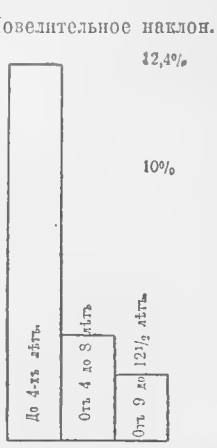
При первомъ взглядѣ на нашу таблицу бросается въ глаза и закономѣрность относительно употребленія творительнаго, пред-

---

[1]) Различаютъ, напримѣръ, винительный цѣли при глаголахъ движенія, вин.—содержанія, вин.—времени, вин.—пространства, вин. при предлогахъ, вин. въ значеніи нарѣчія и проч.

ложнаго и родительнаго падежей. Еще яснѣе видно это на графикахъ 5-мъ и 8-мъ.

Мы видимъ, что употребленіе этихъ падежей съ возрастомъ дѣлается все чаще и чаще. Исключеніемъ и при томъ же, повидимому, случайнымъ—является семилѣтній возрастъ, на который падаетъ болѣзнь дѣвочки, задержавшая ея развитіе. Если мы припомнимъ, что творительный падежъ имѣетъ соціативное значеніе и выражаетъ совмѣстность въ дѣйствіяхъ, что родительный (при глаголѣ) въ отличіе отъ винительнаго показываетъ частичное дѣйствіе глагола (не на весь предметъ, а только на часть его), то станетъ понятнымъ, что такіе тонкіе оттѣнки дѣйствія усвоиваются ребенкомъ не сразу и требуютъ времени для усвоенія. Что же касается до родительнаго падежа при существительномъ, то этотъ падежъ служитъ ближайшимъ опредѣленіемъ даннаго предмета, а употребленіе опредѣленій, какъ мы увидимъ дальше, съ возрастомъ учащается. Предложный падежъ употребляется съ предлогами, а % послѣднихъ, какъ мы уже видѣли, съ возрастомъ увеличивается.



Черт. 9. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе повелительнаго наклоненія.

4. Какъ измѣняется употребленіе наклоненій въ зависимости отъ возраста.

	Изъявительное наклоненіе.	Повелительное.	Неопредѣленное.	Сослагательное.	Всего.
Въ возрастѣ отъ $2^2/_3$ до 4-хъ лѣтъ	77,3%	12,4%	10,3%	0%	100%
Въ возрастѣ отъ 4-хъ до 8 лѣтъ	88,3%	3,6%	8%	0,1%	100%
Отъ 9 до $12^1/_2$ лѣтъ . .	81,3	2,2	15,9%	0,6%	100%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что позже всего появляется въ дѣтской рѣчи сослагательное наклоненіе. У дѣвочки Муси употребленіе этого наклоненія наблюдалось не раньше семилѣтняго возраста; да и то, какъ видно изъ таблицы, очень рѣдко (всего только 0,1%). И это понятно, такъ какъ такіе тонкіе оттѣнки дѣйствія, какіе обыкновенно выражаются этимъ на-

клоненіемъ, трудно уловимы для маленькаго ребенка. Изъ этой же таблицы мы видимъ, что употребленіе изъявительнаго наклоненія во 2 и 3-мъ періодахъ дѣлается чаще, чѣмъ въ 1-мъ. Такъ какъ главное свойство этого наклоненія — объективность выраженій, то эти цифры какъ будто показываютъ, что съ возрастомъ ребенокъ въ своихъ сужденіяхъ дѣлается болѣе объективнымъ и менѣе субъективнымъ, что по мѣрѣ роста онъ становится болѣе склоннымъ къ спокойному созерцанію дѣйствій. На это указываетъ также и то наблюденіе, что ребенокъ очень поздно начинаетъ пользоваться страдательнымъ залогомъ и гораздо раньше дѣйствительнымъ. Изъ той же таблицы мы видимъ далѣе, что повелительное наклоненіе въ старшемъ дѣтскомъ возрастѣ употребляется рѣже, чѣмъ въ младшемъ. Мы знаемъ, что въ первомъ періодѣ дѣтства даже неопредѣленное наклоненіе ребенокъ большею частью употребляетъ въ смыслѣ приказанія, требованія. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ чаще онъ повелѣваетъ, приказываетъ, требуетъ, либо желаетъ и проситъ,— вообще говоря, побуждаетъ другихъ къ исполненію того или другого желаемаго имъ дѣйствія. И если во второмъ періодѣ ребенокъ рѣже пользуется неопредѣленнымъ наклоненіемъ, то это явленіе объясняется тѣмъ, что онъ сталъ рѣже употреблять это наклоненіе въ смыслѣ приказанія. А когда мы видимъ, что въ третьемъ періодѣ ребенокъ сталъ очень часто пользоваться неопредѣленнымъ наклоненіемъ, мы знаемъ, что онъ употребляетъ его уже въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ первомъ періодѣ.

5. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе временъ.

	Настоящее время.	Прошедшее.	Будущее.	Всего.
Въ возрастѣ отъ $2^2/_3$ до 4 лѣтъ 4 мѣс. включительно	32,4%	47%	20,6%	100%
Въ возрастѣ старше 4 лѣтъ 4 мѣс. до 8 лѣтъ включительно	17,2%	81,1%	1,7%	100%
Отъ 9 до $12^1/_2$ лѣтъ.	24,7%	67,7%	7,6%	100%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что настоящее и особенно будущее время у дѣтей въ младшемъ возрастѣ употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ старшемъ. Употребленіе же прошедшаго времени съ возрастомъ увеличивается. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ больше, повидимому, онъ живетъ въ области ожидаемаго, предвидимаго и желаемаго, а также въ области болѣе живого и непосредственнаго настоящаго. Формы настоящаго и бу-

дущаго времени въ общей сложности на первой ступени преобладаютъ надъ болѣе блѣдными воспоминаніями о прошломъ (53% на 47%). Но чѣмъ больше живетъ ребенокъ, тѣмъ чаще и чаще онъ возвращается къ пережитому; и тогда мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ: на долю будущаго и настоящаго приходится меньше словесныхъ выраженій, чѣмъ на долю прошедшаго (18,9% на 81,1% въ среднемъ періодѣ и 32,3% на 67,7% въ старшемъ).

6. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе прилагательныхъ.

	Качества:							Другія качества.	Относительныя прилагательныя	Всего.
	По вкусу.	По цвѣту.	По величинѣ.	По обонянію.	По формѣ.	По вѣсу.	По твердости.			
Въ возрастѣ отъ $2^2/_3$ до 4 лѣтъ 4 мѣс. включ. . .	2,7%	26,3%	31,6%	—	—	—	—	21%	18,4%	100%
Въ возрастѣ старше 4 лѣтъ 4 мѣс. и до 8 лѣтъ включительно	0%	14,3%	17%	—	—	—	—	28,6%	40,1%	100%
Отъ 9 до $12^1/_2$ лѣтъ	1,5%	6,5%	17,5%	0,7%	3,6%	1,0%	1,0%	41,3%	26,9%	100%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что такіе признаки, какъ качества по вкусу, цвѣту и величинѣ, начинаютъ интересовать дѣтей и усвоиваются ими раньше и быстрѣе, а другіе признаки медленнѣе. Это слѣдуетъ изъ того, что коэффиціентъ употребленія первыхъ во второмъ періодѣ падаетъ, а вторыхъ растетъ. Особенно рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что качества по обонянію, по вѣсу и твердости совсѣмъ отсутствуютъ въ первыхъ двухъ періодахъ и появляются только въ третьемъ. При этомъ естественно приходитъ на мысль, что въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ огромную роль въ жизни и развитіи играетъ какъ разъ умѣнье различать качества окружающихъ предметовъ по вкусу, по цвѣту и по величинѣ. Можно думать, что такъ обстояло дѣло и на раннихъ ступеняхъ въ развитіи человѣчества, такъ какъ въ борьбѣ за жизнь и возможность развитія было особенно важно имѣть понятія именно объ этихъ качествахъ. Едва ли можно также сомнѣваться и въ томъ, что ясныя и точныя понятія о вѣсѣ, твердости и формѣ стали доступны первобытнымъ людямъ на сравнительно высокой ступени развитія.

Обращаясь къ употребленію дѣвочкою союзовъ, мы видимъ, что чаще всего употребляются союзы: *а* да *и*. Въ первыхъ двухъ періодахъ на долю союза *а* приходится 37,7% общаго

числа, а на долю *и* 37,2%. На оба эти союза въ общей сложности приходится около 75% и, такимъ образомъ, на всѣ остальные союзы вмѣстѣ (дѣвочка пользовалась всего на все 11-ю союзами) приходится только 25%. Но вотъ что замѣчательно. Въ то время какъ союзъ *и* распредѣляется приблизительно равно по всѣмъ годамъ первыхъ двухъ періодовъ (съ $2^2/_3$ до 8 лѣтъ), а въ 3-мъ періодѣ поднимается до 53%, союзъ *а* преобладаетъ болѣе въ раннемъ возрастѣ и употребленіе его съ возрастомъ постепенно падаетъ: въ 3-мъ періодѣ этотъ союзъ даетъ только 11% общаго числа. Такъ какъ союзъ *а* выражаетъ, между прочимъ, противоположность, то не указываетъ ли это на то, что дѣти въ раннемъ возрастѣ любятъ пользоваться контрастами. Но если мы припомнимъ, какую большую роль играетъ контрастъ въ ассоціаціяхъ представленій и въ дѣлѣ лучшаго усвоенія новаго, то для насъ станетъ ясно, что это стремленіе ребенка пользоваться контрастами очень выгодно въ смыслѣ его развитія. Не даромъ такіе художники слова, какъ В. Гюго и нашъ Достоевскій, съ такимъ успѣхомъ пользовались контрастами.

Къ концу третьяго года Муся пользовалась уже 5-ю союзами: *а, и, чтобы, то, какъ*, при чемъ раньше всего она овладѣла союзами *а, и*. Такимъ образомъ, самыя употребительныя слова являются и наиболѣе ранними пріобрѣтеніями, что, конечно, очень важно и въ жизни, и въ смыслѣ развитія. И здѣсь, такимъ образомъ, ребенокъ начинаетъ съ наиболѣе важнаго и существеннаго для своего развитія, оставляя менѣе важное на будущее время. Въ началѣ 4 года она стала пользоваться еще 4-мя новыми союзами: *да, что, но, когда* и только въ 5-лѣтнемъ возрастѣ она впервые употребила союзъ *же*. Въ 11-лѣтнемъ возрастѣ она пользуется союзами: *хотя, потому, неужели, неужто, зато, или, ли, впрочемъ, вѣдь, такъ*, въ $11^1/_2$ лѣтъ — *же, ни, также, тоже, итакъ*, въ 12 лѣтъ — *если, все же*. На 11-лѣтній возрастъ приходится и maximum употребленія союзовъ. Такъ какъ союзы служатъ для выраженія связей между предложеніями и ихъ частями, а умственное развитіе сводится, главнымъ образомъ, къ образованію разумныхъ связей между представленіями, то мы должны считать этотъ признакъ наиболѣе важнымъ показателемъ умственнаго развитія. Въ 3-мъ періодѣ наибольшимъ употребленіемъ пользовались союзы *и* (53%), *а* (11%), *но* (8%), *что* (7%), *если* (6%), *когда* (3%), *да, то, какъ* (по 2%); всѣ же остальные союзы употреблялись еще рѣже.

Что касается до предлоговъ, то изъ 13 предлоговъ, употреблявшихся дѣвочкой до 8-лѣтняго возраста, шестью (*на, въ, съ, у, къ, за*) она владѣла уже къ концу третьяго года жизни. И это были какъ разъ наиболѣе часто употребляемые во все время ея дѣтства предлоги. На долю этихъ шести предлоговъ падаетъ въ общей сложности въ первые два періода ея дѣт-

ства 88% употребленія по отношенію къ общему числу, тогда какъ на всѣ остальные 7 предлоговъ приходится всего только 12% употребленія, а въ 3-мъ періодѣ названные 6 предлоговъ даютъ 78% общаго числа. Такимъ образомъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, съ какимъ встрѣтились при изученіи употребленія союзовъ, а именно: наиболѣе употребительныя въ дѣтствѣ слова были пріобрѣтены дѣвочкою въ первые три года жизни. Причину этого факта можно видѣть въ томъ, что наиболѣе употребительныя слова дѣти чаще слышатъ и, такимъ образомъ, скорѣе запоминаютъ. Къ концу четвертаго года она стала пользоваться предлогомъ *про*, на пятомъ году она овладѣла еще 4-мя предлогами: *по*, *изъ*, *отъ* и *до* и въ семилѣтнемъ возрастѣ предлогомъ *о*. Въ $10\frac{1}{2}$ лѣтъ она впервые употребляетъ *между*, *для*, въ 11 лѣтъ *надъ*, *чрезъ*, *при*, *подъ*, *безъ*, *изъ-за*, и въ $12\frac{1}{2}$ лѣтъ — *предъ*.

Любопытно, что когда дѣвочкѣ удавалось овладѣть какимъ-нибудь новымъ словомъ, будетъ ли это союзъ, предлогъ или другая часть рѣчи, она нѣкоторое время очень часто возвращалась къ новому пріобрѣтенію, словно хотѣла тверже усвоить его. Но вѣдь этимъ же пріемомъ пользуются и учителя, когда они путемъ цѣлесообразнаго подбора примѣровъ для упражненій стараются упрочить въ головахъ дѣтей вновь пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія.

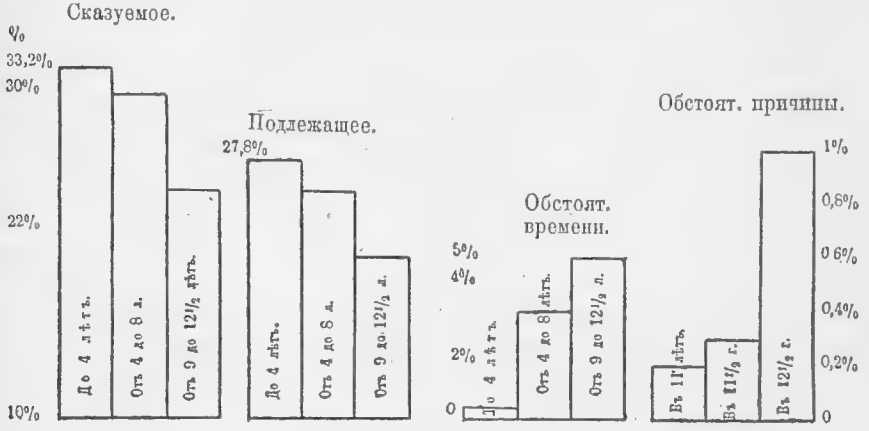
Число членовъ предложенія въ % къ общему числу словъ.

	Подлежащее.	Сказуемое.	Опредѣленіе.	Дополненіе прямое.	Дополненіе косвенн.	Обстоят. мѣста.	Обстоят. времени.	Обстоят. цѣли.	Обстоят. причины.	Итого.
Отъ $2\frac{2}{3}$ г. до 4-лѣтняго возраста. . . .	27,8%	33,2%	10,0%	9%	9,7%	7,3%	0,2%	1,9%	—	100%
Послѣ 4 лѣтъ и до 8-ми. . .	25,2%	32,3%	12%	7,6%	10,6%	8,2%	3,5%	0,6%	—	100%
Отъ 9 до $12\frac{1}{2}$ лѣтъ.	20,8%	25,2%	14,9%	25,0%		7,7%	5,0%	1,0%	0,4%	100%

Сказуемое и подлежащее, какъ и слѣдовало ожидать, являются наиболѣе употребительными членами предложеній. Въ возрастѣ до 4 лѣтъ обѣ эти части предложенія вмѣстѣ даютъ 61% употребленія по отношенію ко всему числу употребляемыхъ словъ. И ихъ употребленіе съ возрастомъ не только не усиливается, но даже, какъ показываетъ таблица, уменьшается (съ 61% въ младшемъ періодѣ до 57,5% въ среднемъ и до 46% въ старшемъ періодѣ), при чемъ онѣ уступаютъ часть своего мѣста другимъ частямъ предложенія. Отсюда мы заключаемъ, что дѣти раньше всего и скорѣе всего осваиваются съ употребленіемъ

этихъ двухъ членовъ предложенія, но это, какъ всѣмъ извѣстно, самые важные члены. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ подлежащее и сказуемое опредѣляютъ именно тѣ представленія, которыя прежде всего являются сознанію говорящаго и на которыя говорящій больше всего обращаетъ вниманіе слушающаго. И здѣсь, такимъ образомъ, ребенокъ начинаетъ съ того, что наиболѣе существенно въ жизни и развитіи.

Достойно вниманія и то, что слова, обозначающія обстоятельства цѣли, являются болѣе употребительными въ первомъ періодѣ (до 4 лѣтъ) и менѣе употребительными во 2-мъ и 3-мъ (позже 4 лѣтъ). Стоитъ припомнить по этому поводу, что та же самая участь постигаетъ и повелительное наклоненіе, и будущее время. И, быть-можетъ, всѣ эти факты стоятъ въ

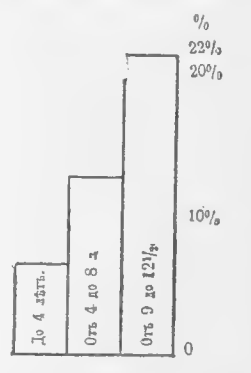


Черт. 10. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе частей предложенія.

связи и имѣютъ одно и то же объясненіе. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ больше субъективныхъ элементовъ вноситъ онъ въ свою рѣчь. Онъ самъ намѣчаетъ цѣли, онъ хочетъ, желаетъ, проситъ, приказываетъ, часто думаетъ о будущемъ; и то, что находитъ въ своей душѣ, недолго думая, переноситъ и на весь окружающій міръ. Муся въ возрастѣ 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ играла съ ложками и баранками, какъ съ живыми. И тѣ, и другія просились гулять и по доброй волѣ своей возвращались домой, къ своей мамѣ.

Въ таблицѣ бросается въ глаза, что коэффиціентъ употребленія опредѣленій, косвенныхъ дополненій, обстоятельства мѣста и особенно времени съ возрастомъ увеличивается, при чемъ употребленіе обстоятельства времени возросло по сравненію съ младшимъ періодомъ въ 17½ разъ въ среднемъ періодѣ и въ 25 разъ въ старшемъ. Это постепенное возрастаніе наглядно представлено въ графикахъ 7 и 10. Если мы припомнимъ, что время — это общее понятіе, отвлеченное отъ всякой смѣны

совершающихся явленій и во внѣ, и въ душѣ самого ребенка, что этотъ процессъ труденъ для ребенка, то мы поймемъ, что образованіе такого понятія, какъ время, можетъ совершаться лишь постепенно и очень медленно. Кажется, что коэффиціентъ употребленія словъ, выражающихъ это понятіе, является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ показателей развитія рѣчи. Наравнѣ съ нимъ въ этомъ отношеніи можно поставить развѣ только число употребляемыхъ придаточныхъ предложеній, а также многосложныхъ словъ. Дѣйствительно, употребленіе придаточныхъ предложеній, а также многосложныхъ словъ, какъ это видно изъ графиковъ 7 и 11, вмѣстѣ съ возрастомъ дѣвочки увеличивалось постепенно, начиная съ $2^2/_3$ года и до $12^1/_2$ лѣтъ. Вотъ еще лишній примѣръ, иллюстрирующій то, что развитіе — это усложненіе, это переходъ отъ простого къ сложному. Съ этими фактами интересно сопоставить и то, что, какъ это видно изъ діаграммы 5, вмѣстѣ съ возрастомъ увеличивается и употребленіе распространенныхъ предложеній. Исключеніемъ служитъ только 7-лѣтній возрастъ, совпадающій съ болѣзнью ребенка. Въ распространенномъ предложеніи мы имѣемъ дѣло уже не съ отдѣльными представленіями и ихъ группами (не съ частями рѣчи или предложенія), а съ соединеніями этихъ группъ въ одно связное цѣлое. И наши графики свидѣтельствуютъ о томъ, что по мѣрѣ роста ребенка растутъ и усложняются въ его душѣ и связи между отдѣльными представленіями. И это вмѣстѣ съ возрастающимъ употребленіемъ союзовъ снова подтверждаетъ тотъ фактъ, что умственное развитіе ребенка характеризуется не только количествомъ и качествомъ представленій, но еще болѣе количествомъ и качествомъ связей между этими представленіями. Чѣмъ развитѣе ребенокъ, тѣмъ больше представленій и идей онъ въ состояніи соединить въ одно связное цѣлое. Мнѣ кажется, очень важно знать, въ какой послѣдовательности идутъ maximum'ы употребленія той или другой формы. Мы видѣли, что Муся на второмъ году начала съ 16-мѣсячнаго возраста, на какой приходился у неѣ maximum употребленія существительныхъ, какъ маньякъ увлекаться названіями предметовъ, постоянно спрашивала о нихъ и силилась ихъ копировать. Такихъ наблюденій не одно, и потому можно думать, что и всегда maximum употребленія той или другой формы рѣчи служитъ показателемъ наступившаго увлеченія. И если извѣстна послѣдовательность такихъ maximum-овъ, то по нимъ можно



Черт. 11. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣняется употребленіе придаточныхъ предложеній.

судить и о послѣдовательности увлеченій и интересовъ, а мы уже знаемъ, какъ это важно знать для педагога. Вотъ почему мы прилагаемъ при этомъ графикъ (см. рис. 12), гдѣ изображаемъ, въ какой послѣдовательности идутъ maximum-ы употребленія Мусею тѣхъ или другихъ формъ рѣчи, начиная 2-мъ и оканчивая 13-мъ годомъ ея жизни.

Наблюденія показываютъ, что у нормальнаго ребенка интересъ является показателемъ того, что именно нужно для развитія рѣчи. И такъ какъ это развитіе проходитъ черезъ разные этапы, то его рѣчь въ каждый моментъ развитія представляетъ особую дѣтскую форму, начиная съ словъ-предложеній и оканчивая распространеннымъ предложеніемъ и связнымъ разсказомъ. Поэтому естественно, что дѣтская форма и манера рѣчи въ началѣ развитія совсѣмъ не похожа на форму рѣчи взрослаго и развитого человѣка, и совершенно неправильно поступаютъ тѣ педагоги, которые предъявляютъ къ дѣтямъ такія же требованія относительно формы рѣчи, какія обычно предъявляются къ взрослому и развитому человѣку.

Когда мы слѣдимъ за разговоромъ ребенка, мы видимъ, что онъ говоритъ всегда о томъ, что въ данный моментъ его интересуетъ, а нормальнаго ребенка интересуетъ большею частію то, что служитъ развитію его пробудившихся способностей. Эти интересы могутъ казаться намъ неважными, но они существенны для самого ребенка и его нормальнаго развитія. И потому большую ошибку дѣлаютъ тѣ педагоги, которые для устныхъ или письменныхъ самостоятельныхъ сочиненій даютъ темы, не сообразуясь ни съ дѣтскими интересами даннаго момента, ни съ личными переживаніями. Если дѣти въ дошкольный періодъ дѣлаютъ такіе поразительные успѣхи, такъ это прежде всего потому, что они вполнѣ свободно выбираютъ темы для своихъ разговоровъ, своихъ сказокъ, своихъ разсказовъ и вообще для своего творчества. Они выражаютъ въ словѣ лишь то, что свободно рождается въ ихъ душѣ, благодаря чувственному опыту, свободнымъ наблюденіямъ и экспериментамъ, а не навязано имъ другими, лишь то, что въ данную минуту переполняетъ ихъ умъ и ихъ сердце, что кажется имъ въ данный моментъ всего интереснѣе, что даетъ имъ душевный подъемъ. Это будутъ наиболѣе яркіе изъ ихъ образовъ, изъ ихъ переживаній, тѣ, которые въ большомъ избыткѣ тѣснятся въ мозгу и просятся наружу. И эти интересующіе ихъ воспоминанія и образы бѣгутъ въ мозгу ученика стремительнымъ потокомъ и властно возбуждаютъ къ дѣятельности ихъ мозговые центры рѣчи, и тогда свободно льются ихъ иногда очень мѣткія слова, выливаются въ цѣлыя картины, нерѣдко очень яркія, и выражаютъ ихъ настроенія иногда довольно удачно, и все это сопровождается радостнымъ блескомъ глазъ, горящими щеками и большимъ оживленіемъ, потому что ребенокъ участвуетъ въ этомъ процессѣ всѣми сторонами своего существа: и

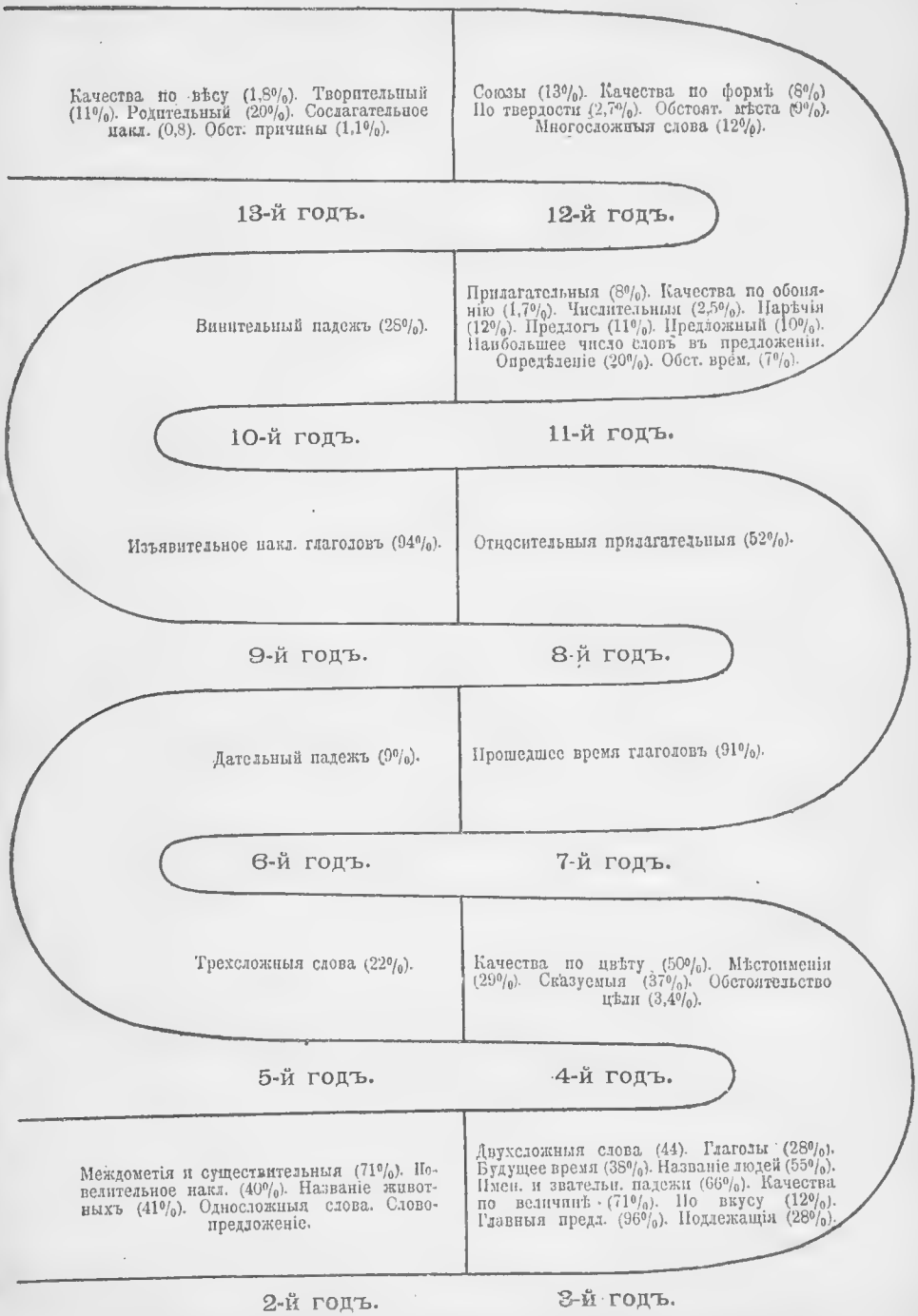


Рис. 12. Какъ располагаются по возрастамъ maximum'ы употребленія разныхъ формъ рѣчи.

мыслью, и чувствомъ, и волею. Окружающая жизнь, встрѣчаясь съ естественнымъ стремленіемъ къ развитію, возбуждаетъ въ ребенкѣ много новыхъ мыслей, но въ то же время и новыхъ чувствъ, и новыхъ желаній, и наиболѣе интенсивныя изъ нихъ бурно стремятся наружу и властно требуютъ своего воплощенія, между прочимъ, и въ словѣ.

Когда сравниваешь свободно льющуюся своеобразную и красивую рѣчь ребенка, предоставленнаго самому себѣ, со школьными отвѣтами и школьными сочиненіями того же самаго ребенка, когда онъ подрастетъ и поступитъ въ школу, то невольно приходитъ въ голову извѣстный афоризмъ: «Какъ это происходитъ, что люди такъ глупы, когда дѣти такъ умны?»

Главное дѣло здѣсь въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ свободнымъ творчествомъ и самодѣятельностью ребенка, а во второмъ онъ скованъ безчисленными школьными требованіями. Въ первомъ случаѣ дѣти сами выбираютъ и образы изъ личныхъ переживаній, и форму для ихъ выраженія, и планъ, и порядокъ, въ какомъ они располагаютъ матеріалъ, и проч. Пусть ребенокъ нарушаетъ при этомъ школьныя правила въ родѣ того, что надо составить сначала планъ сочиненія, а затѣмъ уже приступить къ его исполненію. У ребенка, какъ извѣстно всѣмъ наблюдавшимъ за его творчествомъ, идетъ все вмѣстѣ: едва ли онъ хорошо знаетъ, что послѣдуетъ за его первыми фразами; но когда онъ составляетъ ихъ, онъ въ одно и то же время рѣшаетъ вопросы и о планѣ, и о выборѣ матеріала, и о выборѣ словъ и формы выраженія; и при этомъ — что самое главное — онъ творитъ вполнѣ самостоятельно свою идею, свой планъ, изъ своего матеріала, своими словами и своею манерою.

Какъ разъ наоборотъ поступаютъ учителя, дающіе для письменныхъ упражненій переложеніе какого-нибудь прочитаннаго, извѣстнаго литературнаго произведенія. Здѣсь ученикъ долженъ заимствовать отъ автора: и идею разсказа, и образы, и планъ, и проч. Ему дано все и при томъ въ недосягаемой для него формѣ образцоваго художественнаго произведенія. Очевидно, что чѣмъ ближе къ подлиннику ученикъ напишетъ свое изложеніе, тѣмъ оно будетъ лучше. Мы согласны, что здѣсь много работы для памяти, подсказывающей заученныя мысли и формы выраженія, но тогда что же остается на долю самостоятельнаго дѣтскаго творчества? Конечно, и въ естественномъ порядкѣ вещей ребенокъ, слѣдуя своему стремленію къ развитію, тоже далеко не чуждъ подражанія. Онъ не выдумываетъ своего языка, онъ путемъ подражанія беретъ слова взрослыхъ, но онъ усвоиваетъ ихъ для выраженія своихъ собственныхъ переживаній и въ эту работу онъ вкладываетъ всю силу своего творчества и все своеобразіе своей индивидуальности. Нѣтъ, если учитель хочетъ

согласовать работу надъ сочиненіями съ естественнымъ стремленіемъ своихъ дѣтей къ развитію, онъ долженъ предоставить имъ извѣстный просторъ и въ выборѣ темы для своихъ сочиненій, и въ составленіи плана, и въ отысканіи способа и формы выраженія. Пусть дѣти пишутъ о томъ, что они сами наблюдали, узнали по личному опыту, сами открыли и пережили, а не то, что имъ навязано со стороны. Пусть дѣти изображаютъ наиболѣе интересныя съ ихъ личной точки зрѣнія переживанія, а не то, къ чему принуждаетъ ихъ учитель. Пусть педагоги сами заинтересуются тѣмъ, что интересуетъ ученика, и помогутъ ему въ затруднительныхъ случаяхъ не принужденіемъ, а совѣтомъ. Напрасно нѣкоторые педагоги думаютъ, что именно они должны дать тему для дѣтскихъ сочиненій. Взрослому не легко угадать интересы, которыми живетъ ребенокъ, а его сочиненіе будетъ имѣть наилучшіе результаты въ смыслѣ развитія лишь тогда, когда онъ станетъ писать о томъ, чѣмъ полна въ данную минуту его голова, что тѣснится въ его сердцѣ, чѣмъ онъ самъ всецѣло захваченъ въ данный моментъ. Для воплощенія образовъ, которыя горятъ въ его мозгу, онъ найдетъ такія мѣткія слова, такія красивыя формы, такія красочныя выраженія, которыя удивятъ учителя.

Боятся, что ребенокъ возьметъ ничтожную по своему значенію тему, но эта тема цѣнна для самаго ребенка, для его личнаго развитія. Да и что такое ничтожная тема? Чеховъ часто бралъ такія темы, которыя были бы признаны совершенно непріемлемыми для нашихъ гимназій; и, однакоже, его произведенія вошли уже въ гимназическія хрестоматіи.

Просторъ въ выборѣ темъ для сочиненій долженъ быть предоставленъ дѣтямъ еще и въ виду индивидуальныхъ различій. Хорошо извѣстно, что Бинэ, анализируя дѣтскія сочиненія о картинѣ, изображающей земледѣльца съ сыновьями по извѣстной баснѣ Лафонтена, пришелъ къ выводу, что дѣти по способу выраженія своихъ мыслей дѣлятся на слѣдующіе четыре типа: 1. Описательный, когда дѣти не мудрствуя описывали лишь то, что видѣли на картинѣ, безъ всякихъ дополненій и поясненій. 2. Наблюдательный, когда дѣти къ описанію картины прибавляли для иллюстраціи ея примѣры изъ своихъ наблюденій, дѣлали выводы и обобщенія. 3. Эмоціональный, когда чувства и настроенія играютъ преобладающую роль, и 4, такъ сказать, книжный типъ, къ которому Бинэ отнесъ дѣтей, припомнившихъ содержаніе названной басни и передавшихъ ее. Такія же изслѣдованія произведены были и другими, напримѣръ, Лекреромъ, и дали почти такіе же результаты. Но если мы примемъ въ расчетъ, что, кромѣ чистыхъ типовъ, есть еще смѣшанные, когда свойства одного соединяются со свойствами другого, то получимъ еще большее разнообразіе типовъ. И естественно, что тема, соотвѣтствующая интересамъ одного изъ дѣтей, можетъ оказаться не совсѣмъ интересной для другого.

IV. Игры.

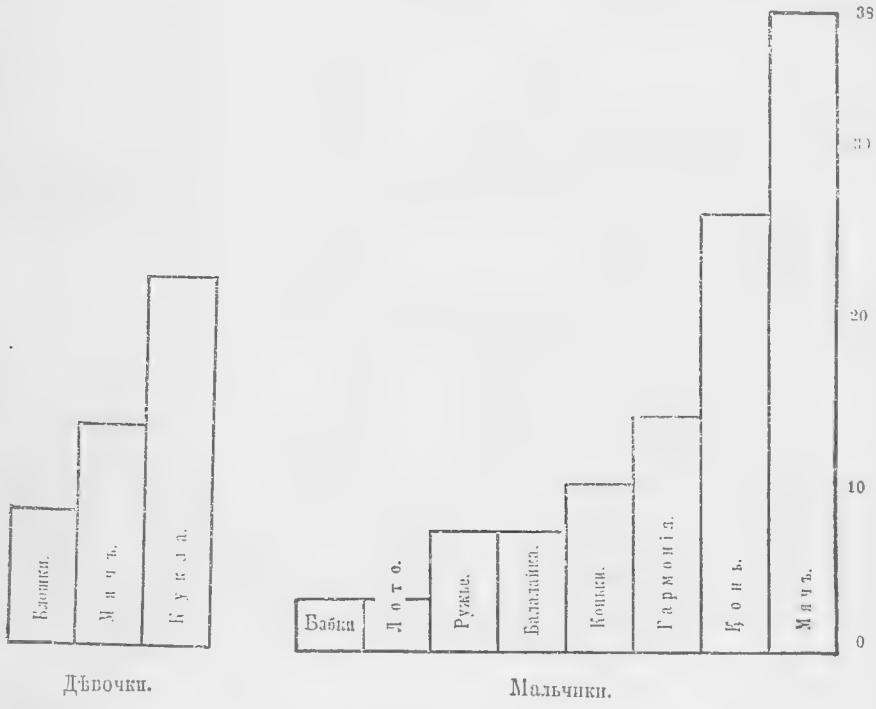
Игры издавна пользовались большою любовью не только дѣтей, но и взрослыхъ. Игрушки находятъ въ древнѣйшихъ могилахъ. Игры были и у египтянъ. У грековъ игры носили характеръ празднества. О важности игръ писали Платонъ и Аристотель. У римлянъ игры тоже были въ большомъ почетѣ. Правда, что въ первые вѣка по Рождествѣ Христовѣ подъ вліяніемъ аскетическихъ тенденцій духовные писатели и соборы требовали отреченія отъ игръ, но въ эпоху Возрожденія игры снова возстановляются въ своихъ правахъ, и цѣлый рядъ педагоговъ и писателей, начиная съ Витторино-де-Фельтре, продолжая Рабле, Монтенемъ, Локкомъ, Амосомъ Коменскимъ, Кантомъ, Фребелемъ, Спенсеромъ, Лангражемъ, Колоцца, Гроссомъ и проч., не перестаютъ ратовать за введеніе игръ для укрѣпленія тѣла, а также и для умственнаго и нравственнаго развитія.

Для объясненія игры предлагалось нѣсколько теорій; но ни одна изъ нихъ не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго освѣщенія такого явленія, какъ дѣтскія игры. Хорошо извѣстная теорія, разсматривающая игры, какъ дѣятельный отдыхъ отъ работы, не выдерживаетъ критики уже по тому одному, что если ребенку и приходится отдыхать, такъ это отъ самой игры, потому что, кромѣ игры, онъ не знаетъ никакой другой работы. Отдыхомъ для такого ребенка служитъ только полный покой и сонъ, а не игра. Мало этого. Ребенокъ начинаетъ играть, какъ только встаетъ съ постели, а въ такомъ случаѣ теорія отдыха не примѣнима уже потому, что здѣсь нѣтъ усталости и нѣтъ, значитъ, нужды въ отдыхѣ.

Есть теорія, объясняющая влеченіе къ игрѣ естественнымъ для нея чувствомъ удовольствія и сближающая игру съ наслажденіемъ, доставляемымъ красотою, усматривая и въ той, и въ другой дѣятельности элементъ безкорыстія и безполезности. Но если игра, подобно искусству, безполезна въ смыслѣ удовлетворенія необходимыхъ для жизни потребностей, то, значитъ, на нее идетъ избытокъ силъ, остающихся отъ борьбы за жизнь, и, такимъ образомъ, эта гипотеза сводится къ теоріи избыточной энергіи, которая за неимѣніемъ настоящей полезной дѣятельности идетъ на подражательное воспроизведеніе ребенкомъ дѣйствій взрослаго человѣка, правильно подчеркивая одну очень важную сторону даннаго явленія, тоже не даетъ ему полнаго объясненія. Совершенно вѣрно отмѣчаетъ эта теорія, что у высшихъ животныхъ и особенно у человѣка, благодаря усовершенствованнымъ пріемамъ добыванія пищи, не вся энергія поглощается добываніемъ всего необходимаго для жизни, что полученный отъ такой экономіи

остатокъ требуетъ разряда. Можно согласиться, что такой остатокъ всего естественнѣе идетъ на игру, которая является, такимъ образомъ, средствомъ къ израсходованію этой избыточной энергіи. Дѣйствительно, наблюденія показали, что всего болѣе играютъ животныя съ развитыми умственными способностями, съ которыми связано улучшеніе пріемовъ добыванія корма и сбереженіе силъ.

На первый взглядъ эта теорія бросаетъ свѣтъ и на то, почему игры преобладаютъ именно въ дѣтскомъ возрастѣ.



Черт. 13. Любимыя игрушки дѣтей. (Обозначены только игрушки, собравшія не менѣе 3-хъ голосовъ).

Дѣйствительно, у ребенка нѣтъ работъ, преслѣдующихъ, какъ у взрослаго, добываніе куска хлѣба, уже по этому одному у ребенка должно быть больше, чѣмъ у взрослаго, избыточной энергіи, и она ищетъ выхода и находитъ его въ играхъ.

Но въ то же время мы знаемъ случаи, когда дѣти играютъ и будучи уже утомленными, даже будучи больными, если интересъ игры пересиливаетъ чувство утомленія и недомоганія. Стало-быть, избытокъ энергіи лишь одно изъ благопріятныхъ условій игры, но не единственное и даже не необходимое.

Можно согласиться съ тѣмъ, что подражаніе взрослымъ очень часто даетъ содержаніе для игръ, очень часто, но не всегда, какъ утверждаютъ нѣкоторые сторонники этой теоріи. Дѣти могутъ никогда не видать драки взрослыхъ и все же могутъ подраться между собою. Дѣти перенимаютъ у взрослыхъ далеко не всё, а лишь то, что соотвѣтствуетъ стремленіямъ дѣтства. Кромѣ того, есть много дѣтскихъ игръ, въ которыя совсѣмъ не играютъ взрослые люди, и стремленіе быть похожимъ на взрослыхъ совсѣмъ ни при чемъ въ этихъ играхъ. Таковы: игра въ бабки, стрѣльба изъ лука, пусканіе волчка, змѣя, кубаря и другія исключительно дѣтскія игры.

Трудно согласиться и съ тѣми, кто смотритъ на игру, какъ на средство для исчезновенія рудиментарныхъ ненужныхъ теперь функцій. По ихъ мнѣнію, ребенокъ играетъ подобно тому, какъ головастикъ играетъ своимъ хвостомъ для того, чтобы онъ отвалился. Но мы увидимъ ниже, что игра совсѣмъ не содѣйствуетъ исчезновенію, а, напротивъ, служитъ средствомъ развитія тѣхъ или другихъ органовъ и ихъ функцій.

Точно такъ же едва ли можно согласиться и съ тѣми педагогами, которые утверждаютъ, будто игры дѣтей имѣютъ цѣлью приготовить ихъ къ дѣятельности, предстоящей имъ, когда они будутъ взрослыми. Какую пользу будущему священнику, врачу, учителю, мирному земледѣльцу и проч. принесетъ дѣтскія игры въ ружья, сабли, барабаны и въ солдатики, которымъ со страстью предаются почти всѣ мальчики въ извѣстномъ возрастѣ, къ какой бы карьерѣ ни готовили ихъ условія рожденія. Нѣтъ, стихійное стремленіе большею частью безсознательное, къ развитію всѣхъ силъ, вложенныхъ природою въ ребенка,—вотъ гдѣ надо искать объясненія игръ.

Говоря такимъ образомъ, мы всего ближе подходимъ къ теоріи Гросса, который смотритъ на игру, какъ на средство естественнаго самовоспитанія дѣтей, но въ то же время несогласны съ нимъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ и прежде всего въ томъ, будто игры имѣютъ цѣлью подготовить дѣтей къ предстоящей имъ практической дѣятельности.

Дѣти съ помощію игры стремятся развить всѣ свои органы, рефлексы, инстинкты, нервные приборы и вообще всѣ задатки въ извѣстной послѣдовательности, напоминающей, за нѣкоторыми исключеніями, исторію рода. Они стремятся развить и тѣ способности, которыя нужны будутъ имъ въ будущемъ, а равно многія и изъ тѣхъ, которыя были нужны ихъ предкамъ, но въ наше время потеряли свое значеніе.

Въ настоящее время широко распространена теорія, по которой «развитіе ребенка есть краткое повтореніе эволюціи расы». По этой теоріи въ развитіи индивидуума отъ зародыша до взрослаго человѣка по очереди воскресаютъ, быть можетъ, иногда на одно только мгновеніе, наши предки, начи-

ная съ одноклѣточнаго животнаго и вплоть до нашихъ родителей, какъ и мы, быть-можетъ, безсчетное число разъ будемъ воскресать въ нашихъ потомкахъ. Но и это теорія, какъ мы говоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть принята лишь съ большими ограниченіями. Здѣсь мы укажемъ лишь на то, что такое воскресеніе никогда не бываетъ полнымъ, а всегда лишь частичнымъ. Каждый ребенокъ беретъ свои свойства изъ двухъ встрѣтившихся при его зачатіи великихъ эволюціонныхъ потоковъ: одного отцовскаго съ безконечнымъ количествомъ предковъ, а другого материнскаго — съ такою же длинною генеалогіею. Ребенокъ беретъ свои особенности

изъ того и другого потока, но съ тою разницею, что дѣвочки берутъ нѣкоторыя свойства, присущія только женщинамъ того и другого потока, а мальчики — мужчинамъ. Вотъ почему и въ играхъ мы находимъ большую разницу между мальчиками и дѣвочками. У дѣвочки—куклы, стряпня, шитье и стирка, у мальчика—оружіе и орудія, воинственныя игры и мускульная дѣятельность.

Но какъ бы ни были многочисленны ограниченія, которыя приходится сдѣлать по отношенію къ теоріи игръ, какъ къ сокращенной исторіи расы, этотъ взглядъ, блестяще развитый Джемсомъ, заслуживаетъ вниманія. И наблюденія, повидимому, подтверждаютъ, что въ немъ есть значительная доля правды. Дѣти Тверской школы въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ на во-

просъ; какую игрушку они больше всего любятъ, дали слѣдующіе отвѣты:

У мальчиковъ наибольшее число голосовъ собралъ *мячъ* (38 отвѣтовъ), затѣмъ идетъ *конь* (26), гармонія (14 отв.), *коньки* (10), *балалайка* (7), ружье и пистолетъ (7), лото (3), бабки (3), игрушечные часы, свистулька, пароходъ, кегли, крокетъ, карты, компасъ (по 2 отв.), и, наконецъ, идутъ всего только по одному отвѣту: бумажная кошка, медвѣдь, паровозъ, телѣжка, мельница, карета, солдатики, сабля, барабанъ, ножикъ, лукъ, домино, велосипедъ, серсо, шашки, шахматы, блошки.

Съ карт. Э. А. Шаикса.

У дѣвочекъ наибольшее число голосовъ собрала кукла (22), затѣмъ идетъ мячъ (13), блошки (8), по два отвѣта собрали краски и кукольный театръ и по 1 отвѣту: мебель, чайный приборъ, посуда, собака и лото.

Двѣ первыя игрушки вмѣстѣ (мячъ и конь) собрали у мальчиковъ болѣе 40% отвѣтовъ, а кукла и мячъ у дѣвочекъ 67% и это наиболѣе древнія игрушки. Мячъ и кукла были любимыми игрушками еще у египтянъ.

У мальчиковъ много голосовъ собрали игрушечные музыкальные инструменты (балалайка, гармоника, свистулька, барабанъ); но кимвалы, свистульки и барабаны находятъ и среди античныхъ игрушекъ въ древнихъ могилахъ.

На вопросъ о любимой игрѣ я получилъ слѣдующіе отвѣты: у мальчиковъ большинство голосовъ собрала игра въ мячъ—стрива (54 отв.), слѣдующее мѣсто другая игра въ тотъ же мячъ—лапта (26), остальныя игры въ тотъ же мячъ (21), въ прятки (11), въ солдаты (8), въ чехарду (7), въ ловички (6), въ масло (6), въ карты (5), въ лошадки (5), въ жмурки (5), въ кошки-мышки (2), въ рюхи (4), въ крокетъ (3), въ бабки (3), въ лото (2), въ кегли (2), въ круги (2), въ снѣжки (2).

По одному отвѣту: въ горѣлки, въ золотыя ворота, въ шашки, шахматы, въ коршуны, въ ключики, въ козлы, въ колоду, въ кашу, стрѣлять изъ ружья, въ волки, въ пожарные, въ голуби, въ постройки [1]).

Съ карт. Б. Гутмана.

И здѣсь мы видимъ, что подавляющее число отвѣтовъ приходится на разнообразныя игры съ самою древнею изъ игрушекъ—съ мячемъ. Въ мячъ играли многія и многія поколѣнія нашихъ предковъ и передали намъ, быть-можетъ, наслѣдственно предрасположеніе къ этимъ играмъ.

---

[1]) Такъ мало отвѣтовъ (1) падаетъ на игры въ строительство, потому что эти игры соотвѣтствуютъ младшему возрасту. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми не моложе 10 лѣтъ; а мои дѣти особенно увлекались постройками изъ кирпичиковъ, изъ песку и проч. въ возрастѣ 3 лѣтъ.

По той же причинѣ мы не встрѣчаемъ въ отвѣтахъ школьниковъ и указаній на такія забавы, какъ пусканье мыльныхъ пузырей, игра съ погремушкою, бросанье камней въ воду и т. п.

Къ болѣе раннему возрасту слѣдуетъ отнести и страсть къ разрушенію. Лучшее описаніе этой особенности ранняго дѣтства сдѣлалъ Гёте въ разсказахъ о томъ, какъ, стоя на балконѣ, бросалъ на улицу одну за другою свои игрушечные тарелки и горшки. Сосѣди, которые видѣли, какъ это забавляетъ

Прежде чѣмъ пріобрѣсти навыкъ къ новымъ движеніямъ ребенокъ, повидимому, долженъ продѣлать многое изъ того, что дѣлали его безчисленные предки, передавшіе ему свои привычки и наклонности наслѣдственнымъ путемъ.

У дѣвочекъ любимыми играми являются игры въ лапту (8), въ стриву (4 отв.), другія игры въ мячъ (9), въ куклы (8), въ горѣлки (6), въ ловички (5), въ крокетъ (3), въ лото (3), въ учительницъ (2), въ жмурки (2), въ коршуны (2).

Древняя египетская кукла.

По одному отвѣту приходится на слѣдующія игры дѣвочекъ: въ фанты, въ краски, въ цари, въ кегли, въ мальчикъ съ пальчикъ, въ домино, въ хороводъ, въ телефонъ, въ прятки. И здѣсь, такимъ образомъ, огромное большинство отвѣтовъ падаетъ на самыя древнія игры: въ мячъ (сюда же относится лапта и стрива)—21 отвѣтъ и въ куклы—8 отвѣтовъ. Изъ игръ же безусловно новѣйшаго происхожденія мы можемъ указать—у дѣвочекъ—въ теле-

---

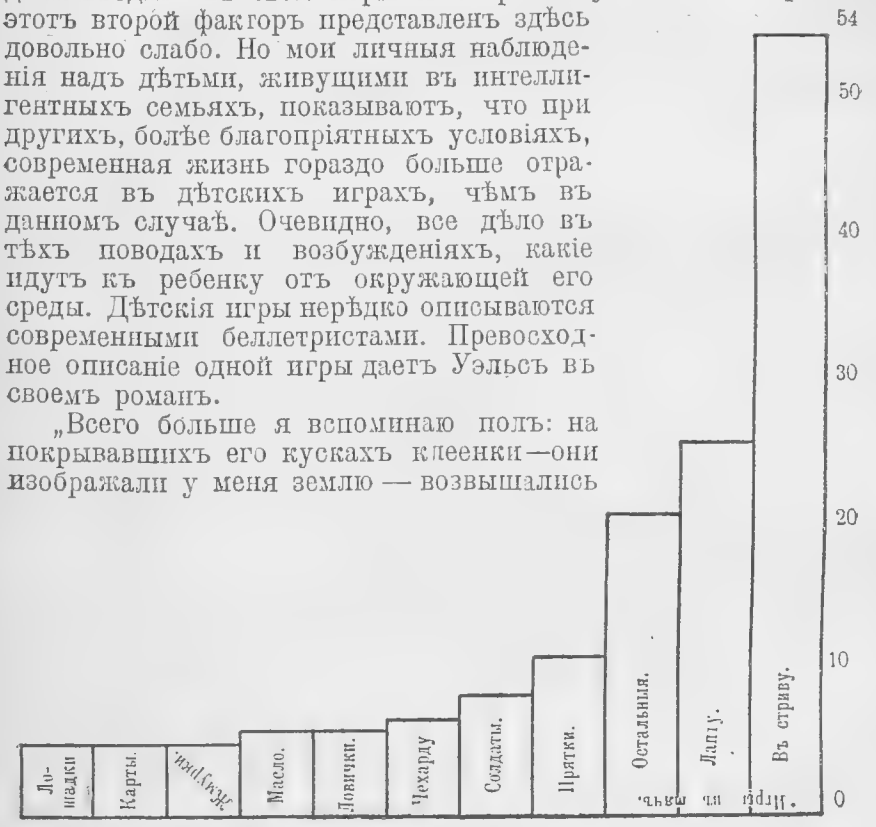
мальчика, хлопавшаго отъ радости въ ладоши, кричали ему: «еще, еще!» Онъ побросалъ одну за другою всю свою игрушечную посуду. Но такъ какъ сосѣди продолжали кричать: еще, еще, то мальчикъ стремглавъ побѣжалъ въ кухню, взялъ тамъ глиняныя тарелки и бросилъ ихъ на улицу. Увлеченный еще болѣе веселымъ зрѣлищемъ, онъ сталъ бѣгать взадъ и впередъ, приносилъ одну тарелку за другою и продолжалъ бросать посуду до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не пришелъ кто-то въ домъ и не прекратилъ эту затѣю.

фонъ, у мальчиковъ—въ пожарныхъ, изъ игрушекъ—на пароходъ, паровозъ, велосипедъ, компасъ и т. п.

Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся уже съ другимъ факторомъ помимо наслѣдственности—съ приспособленіемъ къ современной средѣ.

Несомнѣнно, что, отдавая дань наслѣдственному прошлому, дѣти вводятъ въ свои игры и современную жизнь. Правда, этотъ второй факторъ представленъ здѣсь довольно слабо. Но мои личныя наблюденія надъ дѣтьми, живущими въ интеллигентныхъ семьяхъ, показываютъ, что при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, современная жизнь гораздо больше отражается въ дѣтскихъ играхъ, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Очевидно, все дѣло въ тѣхъ поводахъ и возбужденіяхъ, какіе идутъ къ ребенку отъ окружающей его среды. Дѣтскія игры нерѣдко описываются современными беллетристами. Превосходное описаніе одной игры даетъ Уэльсъ въ своемъ романѣ.

„Всего больше я вспоминаю полъ: на покрывавшихъ его кускахъ клеенки—они изображали у меня землю — возвышались

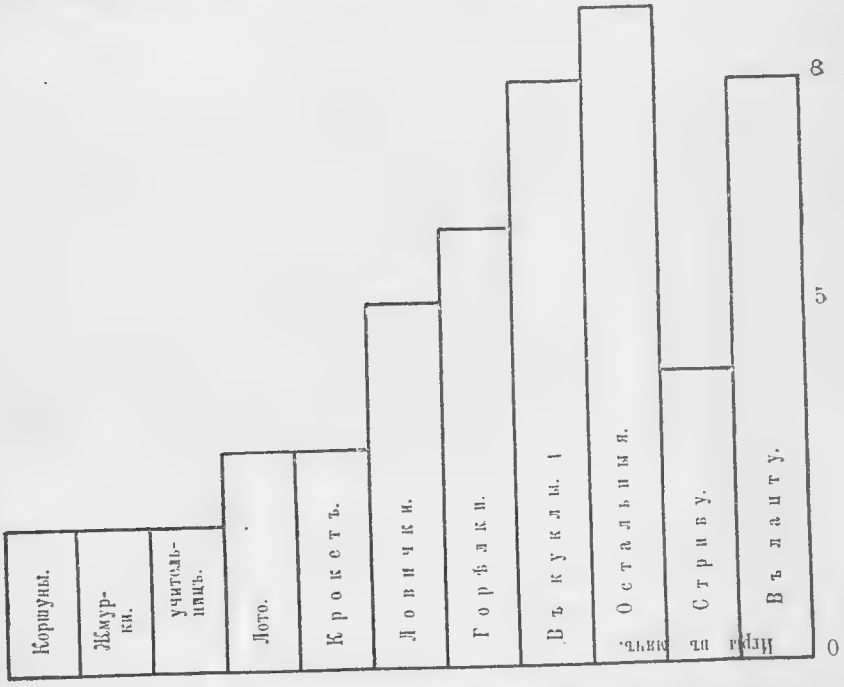


Черт. 14. Игры, любимыя мальчиками. (Помѣщены только игры, собравшія не менѣе 5-ти голосовъ).

города, деревни и крѣпости изъ деревянныхъ кирпичей; тома «Энциклопедіи наукъ» были крутыя горы, а незакрытыя мѣста пола и темныя панели вокругъ стѣнъ были каналы и моря. Я до сихъ поръ съ безконечною благодарностью вспоминаю дядю моего отца, который подарилъ мнѣ эти кирпичи. Это были большіе въ 5 дюймовъ длины и $2^1/_2$ д. ширины дубовые кирпичи, кромѣ того, полукирпичи и четверти кирпичей. Ихъ было много, нѣсколько сотенъ, такъ что я могъ построить изъ нихъ шесть башенъ въ свой собственный ростъ.

Мнѣ ихъ хватало для всевозможныхъ построекъ. Я могъ дѣлать изъ нихъ цѣлые города съ домами, церквами и крѣпостями, перекидывать мосты съ одного куска клеенки на другой, устраивать корабли, которые по открытымъ морямъ доходили до самаго отдаленнаго порта въ комнатѣ. Весь этотъ міръ былъ населенъ сотней-другой моряковъ и солдатъ пѣхоты, конницы и артиллеріи, которыхъ я выпрашивалъ себѣ въ подарокъ ко дню рожденія и при другихъ удобныхъ случаяхъ.

Писатели, которые пишутъ о дѣтскихъ игрушкахъ, обык-



Черт. 15. Игры, любимыя дѣвочками. (Помѣщены только игры, собравшія не менѣе 2-хъ голосовъ).

новенно всего болѣе останавливаются на дѣтскомъ театрѣ. У меня тоже былъ такой театръ, но я смѣло скажу, что кирпичики несравненно интереснѣе его. Какихъ только сложныхъ, разнообразныхъ построекъ ни воздвигалъ я, съ длинными коридорами, съ лѣстницами, съ окнами, черезъ которыя я съ помощью желобковъ изъ картъ или бумаги могъ спускать мраморные шарики прямо въ ожидавшіе ихъ корабли. У меня были крѣпости съ пушками и прикрытіями для солдатъ. У меня былъ торговый флотъ, который перевозилъ сѣмячки настурціи, тмина и лупинуса. По моей большой военной дорогѣ ѣздили вагоны съ товарами, запакованными въ коробочки, отъ

спичекъ и лѣкарствъ или въ перевязанные ниткой мѣшки изъ пальцевъ старой перчатки; они возили припасы въ осажденную крѣпость на границѣ Индіи. По дорогѣ встрѣчался непріятель, и происходили сраженія.

Эта большая дорога до сихъ поръ сохранилась у меня въ памяти. Какой-то — не помню, какой именно благодѣтель — подарилъ мнѣ отрядъ страшныхъ красныхъ индѣйцевъ, отецъ помогъ мнѣ устроить ихъ жилища изъ коричневой бумаги, и я поселилъ ихъ въ пустынную до тѣхъ поръ страну около стараго сундука. Затѣмъ я ихъ завоевалъ и занялъ страну ихъ своимъ гарнизономъ. Дальше по направленію къ угольному ящику была малодоступная страна китайскихъ зулу-

совъ, грозно размахивавшихъ копьями, а затѣмъ скалистыя горы изъ наваленныхъ кучею кирпичей, среди которыхъ встрѣчались волшебныя пещеры и рудники изъ золотой и серебряной бумаги. Между этими скалами бродили остатки Ноева ковчега, разные страшные, хотя по большей части изуродованные звѣри. Чтобы усилить дикую неприступность этой мѣстности, я часто забрасывалъ ее прутьями и палками, принесенными изъ сада. По всѣмъ этимъ странамъ проходила большая Императорская дорога; она перевозила товары съ одного пункта на другой, проходила по мостамъ, перекинутымъ черезъ дырки клеенки, и по туннелямъ, прорытымъ подъ мостами Энциклопедіи, и, наконецъ, по замѣчательно искусно сдѣланному подъему въѣзжала въ крѣпость, командовавшую надъ Индѣйскою территоріей.

Мои игры на полу продолжались нѣсколько лѣтъ и съ каждымъ годомъ становились разнообразнѣе и сложнѣе. Въ-

роятно, онѣ занимали меня отъ семи до одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ».

А вотъ описаніе дѣтской игры, какую наблюдалъ Наживинъ. Дѣти играли въ медвѣдя.

Медвѣдь дѣлаетъ свирѣпое лицо и, рыча, убѣгаетъ въ ближайшіе кусты. Рафаэлито дѣлаетъ послѣднія распоряженія. Въ рукахъ у него большая палка — ружье, за поясомъ сбоку кривой сучекъ — сабля и двѣ маленькихъ палочки, вытащенныя изъ клумбы—пистолеты. Осмотрѣвъ оружіе, охотники раздѣляются на двѣ партіи и идутъ къ лѣсу; дѣвочки,

Кафрскія дѣти строятъ хижину. (Изъ книги Бартрама «Игрушка»).

тоже вооруженныя «на всякій случай», слѣдуютъ въ арріергардѣ и возбужденно визжатъ. Спустя пять минутъ, послѣ тысячи ухищреній и предосторожностей, «медвѣдь», лежавшій въ кустахъ на виду у всѣхъ, открытъ. Раздается его страшный ревъ и одинъ изъ охотниковъ, Вася, падаетъ мертвымъ подъ ударомъ могучей лапы звѣря. Рафаэлито мужественно бросается къ разъяренному звѣрю, наноситъ ему рану въ спину, но это не останавливаетъ хищника; онъ бросается къ дѣвочкамъ, которыя разбѣгаются во всѣ стороны, испуганно крича и забывъ объ оружіи.

— Пу!.. Пу!.. Пу!..—стрѣляютъ охотники, и съ ревомъ медвѣдь валится на траву.

— Какая великолѣпная шкура!.. — говоритъ Рафаэлито, гладя Willy по животу.

Убитый звѣремъ охотникъ сперва лежитъ неподвижно, закрывъ глаза, но потомъ это ему надоѣдаетъ, и онъ, осторожно приподнимая голову, начинаетъ съ интересомъ слѣдить за перипетіями опасной охоты. Но звѣрь убитъ; возникаетъ вопросъ, что же дѣлать съ мертвымъ охотникомъ. Кто-то предлагаетъ похоронить его съ музыкой, но убитый медвѣдь не выдерживаетъ и, не открывая глазъ, заявляетъ, что съ музыкой хоронятъ только военныхъ

Съ карт. Эльслей.

— Медвѣди не разговариваютъ!..—кричатъ всѣ, и медвѣдь замолкаетъ и, какъ это ни скучно, продолжаетъ неподвижно лежать на травѣ.

Идея похоронъ съ музыкой плѣняетъ ихъ воображеніе. Изъ нея рождается новая идея, о войнѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ по кустамъ уже раздается пу!.. пу!.. пу-пу-пу!.. — то возгорѣлось жаркое сраженіе. Всѣ сперва совершаютъ чудеса храбрости, а потомъ падаютъ мертвыми. Willy, оставшійся невредимымъ, не знаетъ, что дѣлать, и обращается къ мертвымъ за совѣтомъ: такъ какъ цѣлью войны должны были быть лишь похороны съ музыкой, то зачѣмъ же всѣхъ пере-

стрѣляли? Кто же будетъ хоронить ихъ?.. Пусть Рафаэлито будетъ мертвымъ, а остальные пусть встаютъ... Мертвые встали, и скоро мимо меня потянулась печальная процессія: впереди шли музыканты, за ними слѣдовала погребальная колесница (дѣтская колясочка), везомая четверкой лошадей, за гробомъ шли войска. Убитый генералъ былъ суровъ и важенъ и, пріоткрывъ глазъ, слѣдилъ за порядкомъ своихъ собственныхъ похоронъ, изрѣдка отдавая шопотомъ приказанія, то, чтобы музыка играла громче, то, чтобы лошади не разговаривали... Шествіе скрылось за угломъ дома и чрезъ нѣсколько минутъ мертвый генералъ уже летѣлъ мимо моего балкона, особенно двигая локтями и дѣлая: «фу-ффу, фу-ффу... У-у-у...» Онъ уже больше не генералъ, а паровозъ...

Меня невольно взяла зависть. Видѣть себя, да мало того, что видѣть, *чувствовать* себя лошадью, мертвецомъ, медвѣдемъ, въ палкѣ видѣть то верховую лошадь, то ружье, то трубу, то саблю; бѣгать по саду отеля и чувствовать себя то въ дремучемъ лѣсу, то на шумныхъ улицахъ большого города, то на станціи желѣзной дороги, и все это въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ, подъ окриками благовоспитанной бонны, строго запрещающей паровозу пылить ногами, звѣрю рычать и кусаться, убѣждающей лошадь не бѣгать очень быстро и не изорвать платья о кусты какой-то колючки,—какое творчество, какая захватывающая самого творца фантазія!..»

Если бъ мы стали отрицать въ ребенкѣ стремленіе къ развитію, то изученіе дѣтскихъ игръ превратилось бы въ безпорядочную кучу фактовъ, въ хаотическій наборъ явленій, объединенныхъ понятіемъ игры.

Между тѣмъ, положивъ въ основу стремленіе ребенка къ развитію, можно было бы изъ фактовъ, собранныхъ при изученіи дѣтскихъ игръ, составить стройную систему, поучительную для педагога и интересную въ научномъ отношеніи.

Что игры служатъ средствомъ для развитія — это отчасти чувствуютъ и сами дѣти. Они часто говорятъ о томъ, что хотятъ быть, какъ взрослые, и въ играхъ стараются подражать взрослымъ. Но дѣти, конечно, не подозрѣваютъ, что потребность въ игрѣ диктуетъ имъ ихъ стремленіе къ развитію. Ихъ семейная и школьная жизнь съ уроками и домашними занятіями не даетъ поводовъ къ развитію очень многихъ способностей, просыпающихся въ дѣтскомъ возрастѣ; а между тѣмъ эти способности властно требуютъ своего развитія и упражненій и вотъ почему ребенокъ хочетъ игръ, соотвѣтствующихъ пробуждающимся въ немъ наклонностямъ и силамъ. Иногда эта потребность такъ сильна, что ребенокъ не останавливается ни предъ какими препятствіями. Вспомните трогательную исторію „Янко-Музыканта“.

«Неизвѣстно, откуда это взялось, но къ одному у него была большая охота,—это къ музыкѣ. Онъ ее слышалъ вездѣ,

а какъ только чуть-чуть подросъ, то ужъ ни о чемъ другомъ и не думалъ. Пойдетъ, бывало, въ лѣсъ за скотиною или съ корзиной за ягодами, но вернется безъ ягодъ и говоритъ шепелявя:

— Мама, тамъ что-то въ лѣсу играло... ой, ой!

А мать ему:

— Я тебѣ заиграю, погоди ты у меня!

И, дѣйствительно, она иногда задавала ему музыку уполовникомъ. Мальчикъ кричалъ, обѣщалъ, что ужъ больше не будетъ, а самъ въ это время думалъ о томъ, что что-то тамъ въ лѣсу играло... Но что? Развѣ онъ зналъ! Сосны, буки, березы, клены,—все играло; цѣлый лѣсъ—и баста!»

Одна знакомая мнѣ дѣвочка любила сочинять и разсказывать сама себѣ сказки и «разныя исторійки». Но когда она поступила въ гимназію, то школьныя занятія до 3-хъ и даже 4-хъ часовъ дня и домашніе уроки не оставляли ей времени для этихъ импровизацій, конечно, диктуемыхъ ей ея стремленіемъ къ развитію. И что же? Инстинктъ развитія такъ силенъ, что нашелъ неожиданный для дѣвочки выходъ. Дѣвочка, какъ она сама разсказывала мнѣ съ большою радостью объ этомъ, стала сочинять свои сказочки во снѣ и, по ея личному признанію, эти сказочки были гораздо красивѣе тѣхъ, какія ей приходилось разсказывать наяву. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣти часто видятъ во снѣ то, что отвѣчаетъ ихъ потребностямъ развитія, неудовлетвореннымъ наяву.

Хотя названныя выше теоріи и не даютъ полнаго объясненія дѣтской игры, тѣмъ не менѣе, онѣ отмѣчаютъ нѣкоторые важные ея элементы. Таково, напримѣръ, чувство удовольствія, большею частію сопровождающее игру. Еще Кантъ, противополагая игру работѣ, обратилъ вниманіе на то, что въ работѣ пріятно не самое занятіе, а цѣль, результатъ работы, тогда какъ въ игрѣ пріятно самое занятіе, самый процессъ, безъ отношенія къ внѣшней цѣли. Работа служитъ обыкновенно средствомъ къ какой-нибудь цѣли,—къ тому, напримѣръ, чтобы заработать деньги; игра же служитъ сама себѣ цѣлью; но мы знаемъ, что удовольствіе въ данномъ случаѣ является показателемъ, сигналомъ того, что игра идетъ въ пользу развитія.

Особенное же значеніе имѣетъ указаніе на избытокъ силъ, несомнѣнно, играющій видную роль въ возникновеніи игры. На эту сторону дѣла раньше другихъ обратилъ вниманіе, какъ это часто бываетъ, не педагогъ, не ученый, а поэтъ. Мы говоримъ о Шиллерѣ. По его словамъ, «когда льва не терзаетъ голодъ и не вызываетъ на борьбу какой-нибудь хищный звѣрь, тогда *ничѣмъ не занятая сила сама создаетъ себѣ дѣло*; дерзкимъ ревомъ оглашаетъ левъ звонкую пустыню, и роскошная сила наслаждается безцѣльнымъ расходованіемъ себя. Животное *работаетъ*, когда къ дѣятельности его побуждаетъ отсут-

ствіе чего-либо необходимаго, оно *играетъ*, когда дѣятельность вызывается *обиліемъ силы*, когда избытокъ жизни побуждаетъ къ дѣятельности самъ себя».

Въ настоящее время можно указать цѣлый рядъ авторитетныхъ ученыхъ, принимающихъ точку зрѣнія Шиллера, и притомъ ученыхъ, принадлежащихъ къ разнымъ лагерямъ. Конечно, теперь эта гипотеза дополняется еще тѣмъ, что даетъ современная эволюціонная теорія. Высшія животныя имѣютъ больше избыточной силы, чѣмъ низшія, а этотъ избытокъ наслѣдуется новыми поколѣніями отъ прежнихъ и самъ возрастаетъ. Спенсеръ, отмѣчая у высшихъ животныхъ и у человѣка избытокъ энергіи, остающейся послѣ удовлетворенія насущныхъ нуждъ, обращаетъ вниманіе еще на то обстоятельство, что у высшихъ животныхъ развитыя способности очень разнообразны. А такъ какъ онѣ не могутъ проявлять себя всѣ сразу въ одно и то же время, то получается слѣдующій результатъ: когда работаютъ одни органы, то отдыхаютъ и возстановляютъ свои силы остальные органы. А такъ какъ эти силы не всѣ уходятъ на удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей, то онѣ требуютъ выхода, разряда.

Итакъ, поступательное развитіе вида и расы ведетъ къ образованію избыточной силы, но къ тому же самому результату ведетъ и развитіе каждой здоровой личности. Движенія, требующія вначалѣ очень много усилій со стороны ребенка, по мѣрѣ упражненій и развитія дѣлаются все легче. Отъ этого тоже получается излишекъ силъ, и онъ тоже требуетъ проявленія своего въ дѣятельности, хотя бы безполезной, каковой представляется намъ игра; но игра, какъ увидимъ ниже, это упражненіе, и, какъ таковое, тоже содѣйствуетъ дальнѣйшему накопленію свободной энергіи. Получается своего рода круговое движеніе. Избытокъ силъ родитъ игру, а игра увеличиваетъ этотъ свободный избытокъ энергіи.

Этотъ взглядъ на игру, какъ послѣдствіе излишней энергіи, раздѣляютъ и Шефле, и Перэ, и Гюйо, и другіе. Стоитъ указать еще противника Дарвина, французскаго антрополога Катрфажа. По словамъ послѣдняго, человѣкъ—это животное, имѣющее потребность въ избыткѣ. «Моралисты, — говоритъ онъ,—во всѣ времена возставали противъ этой склонности и осуждали ненасытное желаніе, требующее постоянно чего-то большаго, чего-то иного, чѣмъ уже имѣется. Вмѣсто того, чтобы порицать принципъ, который является въ сущности *только желаніемъ лучшаго*, я могу лишь видѣть въ немъ одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣка. Въ тотъ день, когда человѣкъ оказался бы вполнѣ удовлетвореннымъ, когда у него не оставалось бы больше никакихъ потребностей, онъ долженъ былъ бы остановиться, и *прогрессъ*, этотъ великій и священный законъ человѣчества, также прекратился бы. Въ

дѣйствительности потребность въ излишнемъ развила всю нашу промышленность и вызвала къ жизни науки и изящныя искусства».

Выше мы сказали, что не считаемъ теорію избыточной энергіи достаточно полной. И въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ образовавшійся въ паровомъ котлѣ паръ для того, чтобы начать работать, нуждается въ каналахъ, золотникѣ, цилиндрѣ, поршнѣ и т. д.,—словомъ, въ готовыхъ приборахъ, такъ и излишекъ энергіи нуждается въ готовыхъ унаслѣдованныхъ или лично пріобрѣтенныхъ путяхъ для своего разряда. Вотъ почему игра кошки не похожа на игру собаки или на игру обезьяны. Вотъ почему никакъ нельзя заставить жеребятъ бодаться, а козлятъ лягаться: они никогда не помѣняются своими ролями. Кромѣ того, для разряда энергіи большею частью нужно еще какое-нибудь раздраженіе, идущее либо изъ внѣшней среды, либо изнутри самого организма.

Вдумываясь въ факты этого рода, поневолѣ приходишь къ заключенію, что, пожалуй, наслѣдственные или пріобрѣтенные пути для разряда энергіи еще важнѣе, чѣмъ излишекъ силъ. Кто не знаетъ, что какое-нибудь яркое впечатлѣніе можетъ заставить даже утомленнаго ребенка собрать свои остающіяся силы и сосредоточить ихъ въ опредѣленномъ пунктѣ; но никто не станетъ отрицать, что разрядъ энергіи гораздо легче и плавнѣе идетъ уже по проторенным дорогамъ.

И тѣмъ не менѣе, какъ скопившійся въ паровомъ котлѣ паръ ищетъ выхода и давитъ на стѣнки котла, такъ и излишняя энергія требуетъ разряда. Отсюда стремленіе къ упражненію, а слѣдовательно, и къ развитію органовъ ребенка. Карръ, а за нимъ и Гроссъ обратили вниманіе на то, что эта готовность къ разряду энергіи вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, а не обычнаго внѣшняго раздраженія, особенно часто наблюдается во время роста. Каждый органъ, при условіи достаточной энергіи, стремится къ посильной дѣятельности, къ упражненію, а упражненіе ведетъ къ дальнѣйшему развитію. Итакъ, игра далеко не безполезна для ребенка. Она служитъ для его развитія. Если бы игры были безполезны для развитія, естественный отборъ не сохранилъ бы этого свойства ни у высшихъ животныхъ ни у человѣка. Естественный отборъ, какъ извѣстно, сохраняетъ и закрѣпляетъ лишь то, что выгодно, что полезно, что цѣлесообразно для организма, а никакой другой цѣли мы не можемъ приписать игрѣ, кромѣ развитія. А факты показываютъ, что развитіе животнаго міра сопровождается усиленіемъ роли игры; чѣмъ выше животное, тѣмъ больше и дольше играютъ его дѣти. Мы не можемъ, за недостаткомъ мѣста, приводить описанія игръ животныхъ. Но стоитъ только просмотрѣть Брема, чтобы убѣдиться въ правильности только что сказаннаго. Относительно же ребенка надо сказать, что каждый инстинктъ, каждая при-

рожденная наклонность, каждый наслѣдственный рефлексъ импульсивно стремятся проявить себя въ дѣйствіи, упражненіемъ укрѣпить и развить себя. А въ результатѣ этихъ упражненій являются уже новыя, не наслѣдственныя, а благопріобрѣтенныя привычки, навыки, наклонности и т. п., требующіе тоже своего дальнѣйшаго развитія.

Итакъ, игра является частнымъ случаемъ общаго стремленія къ развитію. И такъ какъ игра больше всего свойственна молодости, то съ этой точки зрѣнія можно понять часто цитируемое выраженіе Гросса: «Мы играемъ не потому, что мы молоды, а сама молодость дана намъ для того, чтобы мы могли играть». И въ педагогической практикѣ никакой другой цѣли мы не можемъ поставить игрѣ ребенка, какъ развитіе. Эти требованія диктуются намъ не только опытомъ, но, какъ мы видѣли выше, и самою природою: сама эволюція животнаго міра выдвигаетъ игры, какъ одно изъ лучшихъ средствъ развитія. Еще докторъ Лютеръ Гюликкъ обратилъ вниманіе на то, что у каждаго возраста есть свои типическія игры. А этотъ фактъ только подтверждаетъ то, что игра направляется стремленіемъ ребенка къ развитію. По мѣрѣ того, какъ въ ребенкѣ пробиваются къ жизни новыя способности и наклонности, онѣ требуютъ для себя и новыхъ игръ.

Здѣсь уже въ чисто практическихъ видахъ необходимо сдѣлать одну оговорку. Развитіе состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы, напримѣръ, въ области мускульнаго развитія повторять каждое возможное движеніе, а прежде всего въ томъ, чтобы цѣлесообразно согласовать между собою движенія: одни изъ движеній повторять и заучивать, какъ нужныя, а другія задерживать и устранять, какъ вредныя. Объ этомъ знаетъ не только каждый учитель танцевъ, гимнастики и письма, такъ какъ имъ приходится бороться съ ненужными и вредными для здоровья движеніями, но объ этомъ знаетъ и каждая вдумчивая мать. Сколько хлопотъ стоитъ матери отучить иного ребенка слишкомъ низко наклоняться надъ книгою и тетрадью, прижиматься грудью къ столу, стоять и ходить, нагибая спину, совать пальцы въ ротъ, носъ и проч. И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы поступаемъ подобно самой природѣ, которая тоже, развивая нужные органы, атрофируетъ и устраняетъ ненужные, повторяя и закрѣпляя полезныя движенія, привычки и наклонности, ослабляетъ и уничтожаетъ ненужныя. Такъ, у человѣка исчезъ хвостъ, на пути къ исчезновенію находятся зубы мудрости, червеобразный отростокъ слѣпой кишки и проч. Дѣло въ томъ, что естественный отборъ идетъ не только между видами, расами и особями, но и между частями организма до клѣтокъ включительно. И между органами тѣла идетъ соперничество и конкуренція и за мѣсто въ организмѣ и за питаніе. И когда какой-нибудь органъ оказывается ненужнымъ, перестаетъ исполнять свойственныя ему

функціи, онъ мало-по-малу утрачиваетъ способность усвоенія питательныхъ веществъ, ослабѣваетъ и атрофируется. Что происходитъ съ органами, то же самое происходитъ и съ инстинктами, наклонностями и привычками. Если упражненія образуютъ привычку, то отсутствіе упражненій ослабляетъ и разрушаетъ ее.

Но что, собственно, можетъ быть развиваемо посредствомъ игръ? На этотъ вопросъ мы могли бы отвѣтить: всё, заслуживающее развитія. Почти всякая игра укрѣпляетъ и координируетъ тѣ или другія движенія мышцъ, развиваетъ тѣлесную дѣятельность. Пользуясь сборниками существующихъ игръ Я. И. Душечкина, С. И. Алымовой, Ю. А. Бѣляевской, М. П. Рохлецкой и В. П. Шелеховой-Головиной и другихъ, мы составили таблицу, изъ которой видно, какіе элементы развитія преслѣдуются употребительными среди дѣтей играми.

Элементы физическаго развитія:

Въ 488 играхъ изъ общаго числа 659 преобладаютъ различныя движенія ногъ=(74,0%).

Въ 158 играхъ господствуютъ разныя движенія туловища=(23,9%).

Въ 532 играхъ преобладаютъ разнообразныя движенія рукъ=(80,7%).

Въ 30 играхъ наблюдаются смѣшанныя движенія ногъ, рукъ и туловища=(4,6%).

Въ 270 играхъ требуется ловкость=(40,9%).
» 378 » » проворство=(57,4%).

Элементы умственнаго развитія.

Упражненія органовъ внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха, ощущенія и проч.) находимъ въ 505 играхъ=(76,6%).

Развитіе быстроты соображенія 107 + 4=(16,8%) (сравненія, обобщенія, расчетливость)

Развитіе находчивости 31=(4,7%)
» » изобрѣтательности 44=(6,7%).
» » наблюдательности 55=(8,3%).
» » памяти 16=(2,4%).
» » языка 72=(10,9%).

Пріобрѣтеніе знаній 22=(3,3%).

Элементы эстетическаго развитія встрѣчаются въ 31 игрѣ (4,7%).

Игры, развивающія вниманіе, 444 (67,5%).
» самообладаніе 135 (20,5%).
» терпѣніе и выносливость 41 (6,2%).
» сдержанность и осторожность 63 (9,5%).
» смѣлость 81 (12,3%).

Элементы сценическаго искусства:
Подражаніе 57 (8,6%).
Пѣніе и декламація 54 (8,2%).

Элементы нравственнаго развитія. Общественныя чувства (сознаніе общности интересовъ, забота о товарищахъ, сознаніе отвѣтственности предъ товарищами, сотрудничество, раздѣленіе труда, честность и т. п.) 256 (38,8%).

Дисциплина и отношеніе къ вожаку 65 (9,9 %).

Всматриваясь въ эту таблицу, невольно вспоминаешь Деринга, который называетъ четыре роли игры въ дѣтской жизни. Во 1-хъ, она замѣняетъ уходъ за ребенкомъ, заставляя его самого ходить за собой; во 2-хъ, она является для него самостоятельнымъ упражненіемъ; въ 3-хъ, она пріучаетъ его къ дисциплинѣ и, въ 4-хъ, она является самообученіемъ.

Изъ этой таблицы видно, какъ много игръ развиваютъ силу, ловкость, быстроту движеній рукъ, ногъ, шеи, туловища. Таковы, напримѣръ, игры въ мячъ, въ горѣлки, въ перегонки, бросаніе камней, игра въ бабки, въ городки, бѣгъ на гигантскихъ шагахъ.

Значеніе игры въ дѣлѣ физическаго развитія выяснено такими авторитетами, какъ Спенсеръ, какъ Ланганкъ, Шмидтъ и другъ. Спенсеръ ставитъ игру значительно выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ гимнастику. Ужъ то одно, что игра почти всегда сопровождается чувствомъ удовольствія, дѣлаетъ ее болѣе здоровой, чѣмъ какая бы то ни было принудительная гимнастика. Нетрудно найти такія игры (какъ, напримѣръ, игры съ мячомъ и шаромъ), гдѣ приводится въ движеніе большинство мускуловъ, ускоряется кровообращеніе и дыханіе, возбуждается дѣятельность кожи, развивается мускульная сила и ловкость. Есть игры, гдѣ дѣтямъ приходится производить выразительныя движенія. Они сами придумываютъ каждый свою особую выразительную позу и остаются въ ней въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Получаются своего рода живыя картины, то и дѣло мѣняющіяся. При нѣкоторомъ навыкѣ дѣти могутъ довольно удачно выразить такимъ образомъ цѣлый рядъ душевныхъ движеній. Мало этого. Игры, при цѣлесообразномъ подборѣ, развивая гармонически мышцы, могутъ дать больше изящества и красоты тѣлу ребенка.

Есть игры, развивающія органы рѣчи. Хорошо извѣстно, какъ нравится дѣтямъ возможно быстрое произношеніе трудныхъ по сочетанію фразъ въ родѣ: стараго пономаря не перепономаривать стать. На дворѣ — трава, на травѣ—дрова. На горѣ Араратѣ три черныя коровы крутыми рогами брыкъ-брыкъ. Сшитъ колпакъ, да не по колпаковски. Каждая сдѣланная однимъ изъ дѣтей ошибка вызываетъ много добродушнаго смѣха со стороны участниковъ. А что такая игра совершенствуетъ мускулатуру органовъ рѣчи, объ этомъ нечего и говорить.

Очень много игръ, относящихся къ органамъ чувствъ. Самыя маленькія дѣти любятъ ощупывать и трогать все, что попадется подъ руку. Но имъ мало пощупать руками, надо

еще попробовать на вкусъ, и поэтому все, что можно, они тащатъ себѣ въ ротъ.

Имъ нужно самимъ производить и слышать, какъ можно больше звуковъ, и потому любимыми игрушками для маленькихъ дѣтей являются барабанъ, погремушки, вертящіеся музыкальные ящики, натянутая струна или просто нитка, воткнутое въ дерево перо, звучащее отъ сотрясенія, и т. п.

Тиканье карманныхъ часовъ, то прижимаемыхъ къ уху, то удаляемыхъ отъ него, можетъ очень занять ребенка, а между тѣмъ это упражненіе развиваетъ остроту слуха и горячо рекомендуется для этой цѣли такимъ авторитетомъ, какъ Фансагрифъ.

Моимъ маленькимъ дѣтямъ очень нравилась игрушка, состоящая изъ рамки, къ которой прикрѣплены были металлическія пластинки, соотвѣтствующія по издаваемымъ ими звукамъ всей октавѣ; а между тѣмъ легко понять, что такая игрушка можетъ развить слухъ и пріучить его различать интервалы между отдѣльными тонами.

Дѣти передъ картиной.

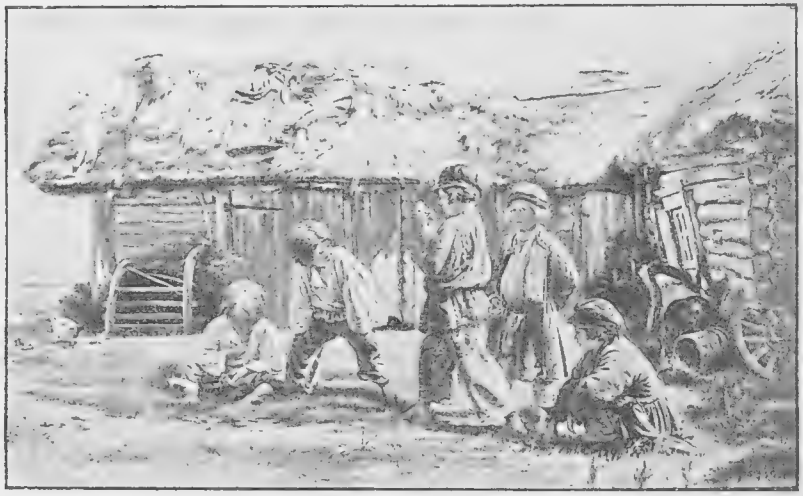
Дѣти любятъ разсматривать картины, краски, цвѣта и вотъ почему самымъ желаннымъ для нихъ подаркомъ будутъ краски для раскрашиванія картинокъ, переводныя картинки (декалькоманія), книжки съ раскрашенными картинками, калейдоскопъ и т. п.

Гельмгольцъ экспериментально доказалъ, что изображеніе предметовъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза получается отчетливымъ благодаря тому, что хрусталикъ нашего глаза пріучается къ быстрой и точной аккомодаціи, позволяющей ему мгновенно приспособляться къ предметамъ, находящимся на разномъ разстояніи. Эта способность, равно какъ и другія важныя качества зрѣнія пріобрѣтаются только опытомъ, ихъ нужно развивать и для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ нѣкоторыя дѣтскія игры. Таковы, напримѣръ, стрѣльба изъ лука или самострѣла, бросанье камнями въ цѣль, игра въ бабки и т. п.

Руссо пишетъ: «Есть игры, напримѣръ, игра въ мячъ, пусканіе бумажнаго змѣя и прыганье черезъ барьеръ, которыя

не только упражняютъ члены тѣла и сообщаютъ ловкость, но также пріучаютъ правильно оцѣнивать разстоянія и пріобрѣтать увѣренность въ этомъ отношеніи, т.-е. пріучаютъ къ тому, что́ называется вѣрностью глаза».

Есть игра, пріучающая глазъ къ тому, чтобы опредѣлять число предметовъ. Одинъ изъ играющихъ поднимаетъ обѣ руки, прижимая къ ладони нѣсколько пальцевъ и выпрямляя



остальные, а другія дѣти должны угадать, сколько онъ показалъ имъ пальцевъ.

Игры развиваютъ даже выразительность глазъ. Извѣстно, какъ дѣти любятъ забавляться съ разноцвѣтными воздушными шарами. А между тѣмъ, вотъ какъ опредѣляетъ значеніе этой забавы Колоцца: Есть дѣти со взглядомъ, устремленнымъ внизъ, что дѣлаетъ ихъ выраженіе лица унылымъ. Но любуясь видомъ красиваго шара, который понемногу поднимается вверхъ, дѣти отвыкли бы отъ недостатка, отнимающаго у выраженія лица значительную долю прелести».

Казалось бы, тотъ же результатъ достигается и пусканіемъ бумажнаго змѣя, а эта забава одна изъ самыхъ любимыхъ для нашихъ дѣтей.

Едва ли не всѣ игры въ той или другой степени служатъ любознательности ребенка. Если мы, взрослые, съ трудомъ находимъ вокругъ себя что-нибудь еще неизвѣданное нами, то дѣтямъ, наоборотъ, всё ново, всё неизвѣстно, всё кажется

необыкновеннымъ, чудеснымъ. Онъ не знаетъ еще самого себя и ему любопытно узнать свою силу, что онъ можетъ поднять и чего не можетъ, что онъ можетъ разломить, какъ далеко можетъ бросить камень, можетъ ли попасть въ цѣль и т. д.

Съ карт. Богданова-Бѣльскаго.

Онъ не знаетъ еще многаго изъ окружающихъ его предметовъ, и ему надо всё разсмотрѣть, всё потрогать, быть-можетъ, взять въ ротъ, быть-можетъ, изломать, бросить, произвесть опытъ съ тяжестью, со звукомъ, съ плаваніемъ въ водѣ, съ огнемъ и проч. При этомъ ему надо знать все новое и не-

предвидѣнное и вотъ почему, между прочимъ, онъ не сосредоточивается подолгу на одномъ и томъ же предметѣ, и перескакиваетъ съ одного на другое.

Что дѣти по преимуществу наблюдатели и экспериментаторы—это всѣмъ хорошо извѣстно. Никакой ученый не произведетъ столько опытовъ и наблюденій, сколько сдѣлаетъ ихъ ребенокъ. И ничто не развиваетъ вниманія и наблюдательности такъ, какъ развиваютъ то и другое игры, о которыхъ идетъ рѣчь. Игры развиваютъ и память. Чтобы хорошо играть, нужно помнить прежніе опыты, много движеній, иногда словъ и т. п.

Наблюдайте за ребенкомъ, когда онъ играетъ, и вы увидите, какъ каждая маленькая неудача заставляетъ его придумывать новые средства и способы, пробовать ихъ, снова терпѣть неудачи и снова изображать. Если онъ находитъ свою задачу легкой, онъ постарается усложнить ее. Если сдѣланное покажется ему недостаточно хорошимъ, онъ постарается передѣлать его, чтобы добиться лучшаго результата. При этомъ онъ будетъ сравнивать, находить сходство и различіе, опредѣлять взаимныя отношенія между предметами, будетъ анализировать и обобщать, отыскивать причины, ставить себѣ опредѣленныя цѣли, дѣлать открытія, изобрѣтать, творить, критиковать, исправлять, онъ будетъ упражнять память, воображеніе, сужденіе. Все это имѣетъ мѣсто почти во всякой игрѣ, но есть цѣлый рядъ игръ, разсчитанныхъ по преимуществу на умственное развитіе. Дѣти очень любятъ отгадывать загадки, шарады и ребусы, любятъ и сами составлять ихъ; они любятъ игры въ лото и домино, любятъ игру въ шашки; а эти игры заставляютъ дѣтей соображать, обдумывать, сравнивать, вспоминать, напрягать вниманіе. Дѣти любятъ находить рифмы, а это развиваетъ ихъ языкъ, ихъ находчивость и быстроту соображенія. Тѣхъ же цѣлей достигаетъ и игра съ прерванными предложеніями, которыя одинъ ребенокъ начинаетъ, а другой оканчиваетъ.

Колоцца, ссылаясь на Денти, рекомендуетъ для упражненія въ счисленіи слѣдующія игры:

«Когда дѣти умѣютъ считать до десяти, они выстраиваются въ рядъ по росту одинъ за другимъ и затѣмъ упражняются въ сложеніи слѣдующимъ образомъ: первый изъ нихъ громко выкрикиваетъ «одинъ»; второй прибавляетъ: «да одинъ—два» и становится справа рядомъ съ первымъ; затѣмъ третій произноситъ: «да одинъ — три» и становится справа рядомъ со вторымъ. Остальные поступаютъ точно такъ же, и путемъ такого сложенія выстраивается новая шеренга. Дальнѣйшее упражненіе состоитъ въ томъ, что ученики, стоящіе въ одну шеренгу, выстраиваются другъ за другомъ по-двое или по-трое. Итогъ дѣти постоянно видятъ—тѣ, которыя стоятъ другъ за другомъ, на самихъ

себѣ, стоящія же рядомъ другъ съ другомъ—на своихъ товарищахъ». Онъ же рекомендуетъ слѣдующую игру.

«Вырѣзываютъ ножницами дырочку въ сложенной бумагѣ; затѣмъ бумагу понемногу расправляютъ, и тогда получаютъ двѣ дырочки, далѣе четыре, восемь, шестнадцать,—цѣлую систему умноженія, истинно-пиѳагорову таблицу, которая не представляетъ особыхъ трудностей, и при составленіи которой приходится пользоваться ножницами, глазами и руками».

Мои дѣти очень быстро и съ большимъ интересомъ усвоили губернскіе города Россійской Имперіи по электрической нѣмой картѣ. Она устроена такимъ образомъ, что когда вы ставите одинъ изъ проводовъ на печатное названіе искомаго города, помѣщенное на поляхъ карты, а другой проводъ въ металлическую точку, соотвѣтствующую мѣсту этого города на картѣ, то слышите электрическій звонокъ; если же вы ошиблись и поставили проводъ не на тотъ городъ, то звонокъ не подѣйствуетъ. Очень жаль, что нѣтъ такихъ картъ для другихъ странъ свѣта. Можно было бы такимъ же образомъ составить электрическую таблицу умноженія, классификаціи животныхъ и т. п.

Въ послѣднее время у насъ появились игрушечные паровозы, пароходы и паровыя машины, приводимые въ движеніе паромъ, игрушечные трамваи, приводимые въ движеніе электричествомъ, игрушечныя электрическія лампочки, динамомашины, и проч. И я знаю, что такія игрушки увлекаютъ дѣтей въ возрастѣ, начиная отъ 9 лѣтъ, что дѣти играя продѣлываютъ много физическихъ опытовъ.

Существуетъ въ продажѣ много дешевыхъ физическихъ приборовъ, которые могли бы служить вмѣстѣ съ тѣмъ и игрушками. Таковъ, напримѣръ, разноцвѣтный волчекъ, показывающій, что отъ смѣшенія всѣхъ цвѣтовъ радуги получается бѣлый цвѣтъ. Таковъ простой приборъ для очень эффектнаго опыта съ превращеніемъ твердаго іода въ фіолетовые пары.

Дѣти любятъ вращать въ отвѣсной плоскости на шнурѣ ведерко съ водою такъ, чтобы вода не пролилась, а между тѣмъ это опытъ, знакомящій съ дѣйствіемъ центробѣжной силы. Подбирая такимъ образомъ игрушки и игры, можно было бы играючи познакомить дѣтей и съ физикой и съ химіей и т. д.

Ребенокъ любитъ наблюдать и экспериментировать; но наблюдать и экспериментировать въ жизни для ребенка очень часто неудобно, а иногда и совсѣмъ невозможно. Ребенокъ видитъ издали ѣдущій по рѣкѣ пароходъ; но онъ не имѣетъ возможности близко познакомиться съ его устройствомъ. И не только потому, что его не пустятъ на пароходъ, но еще и потому, что устройство настоящаго парохода слишкомъ для него

сложно. Другое дѣло игрушка, которую онъ держитъ въ рукахъ, тщательно разсматриваетъ, приводитъ въ движеніе, быть-можетъ, расчленяетъ на части и вновь собираетъ эти части въ одно цѣлое. Здѣсь для ребенка все ясно, все понятно. Онъ и наблюдаетъ и экспериментируетъ въ одно и то же время. Для ребенка недоступны плотничья пила, большой топоръ и проч., но онъ отлично справляется съ маленькою пилою и маленькимъ топорикомъ. Нечего и говорить о томъ, что всего лучше ребенокъ ознакомится съ предметомъ, когда самъ приготовитъ или, по крайней мѣрѣ, приметъ участіе въ изготовленіи его модели или игрушки.

Что особенно важно, во всѣхъ подобныхъ играхъ и сравненіе, и сужденіе, и умозаключеніе имѣетъ дѣло съ конкретными фактами, какъ разъ то, чего требуетъ возрастъ ребенка, еще не доросшаго до отвлеченнаго мышленія. Не менѣе важно и то, что здѣсь ребенокъ все отъ начала до конца дѣлаетъ самъ, онъ самостоятельно наблюдаетъ, экспериментируетъ, разсуждаетъ, связываетъ, дѣлаетъ выводы и т. п. Существенно и то, что въ игрѣ мыслительные процессы не отрываются отъ дѣйствій: то, что придумалъ ребенокъ, онъ самъ же и приводитъ въ исполненіе на дѣлѣ.

Изъ интеллектуальныхъ способностей чаще всего проявляется въ играхъ творческое воображеніе ребенка. По словамъ Виктора Гюго, «подобно тому, какъ птицы изъ всякихъ вещей сооружаютъ себѣ гнѣздо, такъ дѣти изъ всего, что попадаетъ къ нимъ въ руки, дѣлаютъ себѣ игрушки». По словамъ Прейера, переодѣтый человѣкъ становится въ глазахъ дѣтей почти тѣмъ, что онъ изъ себя изображаетъ. Сидя на скамеечкѣ, ребенокъ воображаетъ ее то лошадью, то экипажемъ, то лодкою или кораблемъ, то воздушнымъ шаромъ. Самая обыкновенная палка становится волшебной въ рукахъ ребенка. Сейчасъ она сабля, черезъ минуту она станетъ ружьемъ, потомъ конемъ, потомъ змѣею и т. д.

«Въ дѣтствѣ бываютъ многіе моменты,—пишетъ г. Краевскій объ играхъ, — въ ранніе годы они заполняютъ чуть не все бодрственное время—когда воля ребенка, точно воля гордаго властелина, является верховнымъ закономъ, единственнымъ руководящимъ началомъ. Это, конечно, очень завидныя минуты, а ими услаждаются всѣ дѣти безъ исключенія, отъ наслѣднаго принца до послѣдняго нищаго... «Ребенокъ захотѣлъ быть генераломъ,—продолжаетъ Краевскій.—Генераломъ его сдѣлать не можетъ сразу даже коронованная мать; но всякая почти мать можетъ ему купить коробку оловянныхъ солдатъ и деревяннаго коня, и ребенокъ получаетъ удовольствія, которыя приблизительно испытываетъ настоящій военачальникъ; онъ одерживаетъ побѣды, не причиняя никому горя, а когда надоѣстъ ему военная карьера и слава, онъ складываетъ все въ коробку». Въ играхъ рукѣ ребенка по-

винуются и конь, и корабль. Въ играхъ онъ обладаетъ сокровищами, знаніемъ и искусствомъ, созидающей и разрушающей все силой.

«Пусть не утверждаютъ, — говоритъ Тома,—что волшебницы исчезли: это великое заблужденіе! Онѣ еще существуютъ на свѣтѣ, и все столь же изобрѣтательны и могущественны, какъ въ доброе старое время; только онѣ живутъ теперь исключительно въ душѣ нашихъ дѣтей. Когда маленькій Петя, стоя въ пескѣ, сгребаетъ своими неловкими руками землю и щебень, мы видимъ только безобразную, неуклюжую и непрочную кучу. Но Петя умѣетъ видѣть то, что скрыто отъ нашихъ взоровъ; онъ живетъ въ мірѣ, который уже не доступенъ намъ, а потому передъ нимъ возвышается прекрасный укрѣпленный замокъ: вотъ бойницы, вотъ башни, направо — гарнизонъ, защищающій крѣпость, налѣво — нападающій на нее непріятель. Потомъ начинается атака, стѣны постепенно разрушаются и падаютъ, сраженіе все оживляется, и, наконецъ, остаются только развалины! Все это Петя видитъ своими, полными иллюзій, глазами; онъ переживаетъ всю эту драму, и на его оживленномъ лицѣ еще долго остаются слѣды испытанныхъ волненій».

Если есть доля правды въ тезисѣ, что развитіе ребенка это краткое повтореніе развитія всей расы [1]), то раннее развитіе воображенія напоминаетъ намъ о томъ, что и человѣчество прежде, нежели успѣло создать для борьбы съ природой науку и положительныя знанія, боролось съ нею химерами, миѳами, волшебствомъ и магіею. Киландъ, описывая въ своемъ романѣ «Ядъ» формализмъ и сухость норвежскихъ гимназій, съ особенной любовью останавливается на фантастическомъ элементѣ дѣтскихъ игръ.

«Кончался день,—пишетъ онъ,—учителя уносили съ собой тиранію и скуку, и школьный дворъ моментально обращался въ арену буйной дѣятельности измученной молодежи. Всѣ постройки, деревья, коридоры и ворота,—все получало особыя названія и жизнь, и послѣ дневной мертвой возни съ мертвыми именами и безжизненными формами живая молодежь предавалась фантастической жизни, полной звучныхъ именъ, находившихъ откликъ въ маленькихъ измученныхъ головкахъ. По двору дѣти совершали кругосвѣтное плаваніе, изъ-за деревьевъ или угловъ выплывали разбойничьи корабли, подъ лѣстницами прятались разбойники. Съ закатомъ солнца, когда сумерки совершенно изглаживали воспоминанія о тяжелой дневной дрессировкѣ, просыпались, вспыхивали убитыя,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ играхъ эта особенность проявляется вполнѣ наглядно: такъ, стрѣльба изъ лука, хороводы, танцы и т. п. очень ясно напоминаютъ намъ первобытнаго человѣка.

не нашедшія себѣ приложенія силы; рыцарскій духъ, ненарушимая дружба и мужество мгновенно возгорались во время маленькихъ сраженій и отважныхъ предпріятій, которыя никогда не изгладятся изъ памяти».

Но эта способность не потеряла цѣны и послѣ того, какъ разумъ и позитивныя науки, казалось, должны были оттѣснить ее на задній планъ. Она играетъ роль въ каждомъ новомъ изобрѣтеніи, открытіи, даже въ такихъ точныхъ наукахъ, какъ математика. Съ ея помощью двигается впередъ и наука, и техника, потому что фантазія помогаетъ намъ составлять изъ извѣстныхъ данныхъ новыя гипотезы, теоріи, позволяетъ строить догадки, которыя даютъ возможность ставить новые опыты, собирать новые матеріалы. А объ архитектурѣ, живописи, поэзіи и вообще объ искусствѣ нечего и говорить. Тамъ и теперь, какъ и въ старину, фантазія занимаетъ преобладающее мѣсто.

И вотъ эту важную способность ребенокъ развиваетъ посредствомъ игръ. Если вы дадите ему какой-нибудь строительный матеріалъ (глину, кубики, кирпичики и т. п.), онъ будетъ строить и перестраивать домики, башни, крѣпости. Кто-то сказалъ, что игрушка хороша не сама по себѣ, а постольку, поскольку ребенокъ вкладываетъ въ нее своего внутренняго содержанія. Это подмѣчено, между прочимъ, и г-жею Урусовой: «Бѣдная маленькая дѣвочка, которой мать съ трудомъ покупаетъ куклу за нѣсколько копеекъ, получаетъ отъ этого удовольствіе на долгое время и будетъ хранить свою куклу, какъ драгоцѣнное сокровище. У нея было достаточно времени желать себѣ куклы, мечтать о ней, и это долгое время ожиданія окружаетъ ея сокровище всѣми прелестями, какія можетъ создать воображеніе». «Старая кукла безъ головы и съ оторванными членами становится любимицей цѣлаго дѣтскаго общества. Часто дѣти по своему вкусу даютъ какой-нибудь игрушкѣ новое назначеніе, для котораго она вообще никогда не употребляется». И чѣмъ развитѣе воображеніе ребенка, тѣмъ больше удовольствія доставитъ ему игра. Замѣчено, что игрушки, менѣе другихъ похожія на то, что онѣ изображаютъ, нравятся ребенку больше, и это понятно. Воображеніе и реальный міръ—враги. Опредѣленность изображаемаго не даетъ простора фантазіи ребенка.

Что въ играхъ всякаго рода очень силенъ эмоціональный элементъ, это видно уже изъ того, что игры и игрушки пользуются особенною любовью дѣтей. Игры — это главный факторъ дѣтскаго счастья. Игра — это веселье и радость дѣтства. Гдѣ играютъ дѣти, тамъ царитъ веселый смѣхъ. Не даромъ выраженія *игра, забава* и *потѣха* почти синонимы. Не даромъ у всѣхъ народовъ, начиная съ дикарей, продолжая древнимъ міромъ и оканчивая современными цивилизованными странами, игра пользуется особенною любовью дѣтей, а не-

рѣдко и взрослыхъ. По словамъ Юнга, въ Австраліи туземныя дѣти необузданно предаются въ своихъ играхъ бьющему черезъ край веселью. Едва они успѣютъ набить желудокъ, какъ раздается уже: «давайте играть»! и начинается игра либо въ прятки, либо въ мячъ и проч., и тутъ-то по всему лѣсу разносятся и визгъ и смѣхъ, пока, наконецъ, одинъ изъ старшихъ не прокричитъ «довольно»! послѣ чего всѣ тотчасъ же возвращаются къ своимъ шалашамъ.

Праздничныя игры были культомъ для древняго грека. Греки своихъ боговъ называли игролюбцами. Философъ Анаксагоръ въ своемъ завѣщаніи просилъ для себя только одной почести, чтобы въ день его смерти устроили игры для молодежи. Не даромъ современные писатели говорятъ объ играхъ дѣтства съ чувствами особой отрады и теплоты. Такъ, Маминъ-Сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Сколько вещей перезабыто болѣе цѣнныхъ, сколько лицъ просто какъ-то выпали изъ памяти, нѣкоторыя событія претерпѣли ту же участь, потускнѣли, точно стерлись и заслонились другими, а память объ игрушкахъ сохранилась... Но лучшую игрушку составлялъ деревянный пильщикъ... Эта мужицкая игрушка производила самое сильное впечатлѣніе, потому что двигалась, а движеніе—синонимъ жизни... Явилась возможность дѣлать игрушки самимъ... Верхомъ нашего искусства былъ деревянный пароходъ, на которомъ мы путешествовали вокругъ свѣта... Въ носу парохода помѣщалась деревянная пушка... Происходили удивительно блестящія сраженія, когда непріятель бѣжалъ отъ насъ тысячами».

Извѣстный нѣмецкій историкъ Гервинусъ въ своей автобіографіи говоритъ: «Игры съ моими сверстниками, разлучавшія меня даже съ моимъ старшимъ братомъ, возникаютъ въ моихъ воспоминаніяхъ на первомъ планѣ съ такимъ обиліемъ живыхъ эпизодовъ, что жизнь въ школѣ, какъ неинтересное дѣло, представляется мнѣ какъ бы на тускломъ заднемъ планѣ. Именно въ играхъ сосредоточиваются всѣ отрадныя мгновенія моего отрочества; хотя неволя въ школѣ мало стѣсняла или угнетала меня, однако, она всегда наводила на меня нѣчто въ родѣ кошмара, подобнаго тому, какой ощущается впослѣдствіи въ сновидѣніяхъ, которыми взрослый человѣкъ какъ бы вновь переносится въ школу».

Но, конечно, игры не только сопровождаются чувствами, но и развиваютъ ихъ. Возьмемъ очень распространенную среди дѣвочекъ — игру съ куклою: «Что такое кукла?—спрашиваетъ Ипполитъ Риго.—Это — не предметъ и не вещь; это — лицо, это — дитя ребенка. Въ своемъ воображеніи онъ надѣляетъ ее жизнью, движеніемъ, дѣйствіемъ и отвѣтственностью. Онъ заботится о ней такъ же, какъ о немъ заботятся его родители; онъ наказываетъ и награждаетъ ее, онъ цѣлуетъ и отталкиваетъ или запираетъ ее, смотря по тому, какъ она

ведетъ себя; онъ даетъ ей тѣ же приказанія, которыя получаетъ самъ; воспитываетъ ее такъ же, какъ воспитываютъ его самого».

А Габріэль Компере пишетъ по тому же поводу: «Мы имѣемъ здѣсь не смѣшную пародію, какъ утверждаютъ нѣкоторые озлобленные люди, а прелестную комедію материнской любви, нѣчто совершенно другое, чѣмъ желаніе заниматься тряпками, разными платьицами и шляпками и разряживать въ нихъ куклу. Это видно уже изъ того, что самая простенькая, копеечная кукла доставляетъ ребенку такое же удовольствіе, какъ самая дорогая и художественно выполненная кукла».

Дѣти любятъ игры съ раскрашиваньемъ, рисованьемъ, лѣпкою, пѣніемъ и, конечно, никто не будетъ спорить, что всѣ такія игры содѣйствуютъ развитію эстетическаго чувства и вкуса.

Дѣти имѣютъ склонность во время игръ вызывать другъ у друга и самимъ испытывать даже такія непріятныя чувства, какъ страхъ, какъ умѣренную боль и проч

А о пріятныхъ чувствахъ нечего и говорить. Игры, и особенно если онѣ происходятъ на открытомъ воздухѣ, служатъ источникомъ свѣтлаго радостнаго настроенія. Онѣ усиливаютъ кровообращеніе и дыханіе, возбуждаютъ нервную систему, ускоряютъ обмѣнъ веществъ, увеличиваютъ работоспособность, и потому то счастливое сладостное возбужденіе, какое ребенокъ испытываетъ во время игры, онъ и по окончаніи игры уноситъ съ собою домой. Безъ игръ и игрушекъ дѣтское существованіе было бы безрадостнымъ; ребенокъ выглядѣлъ бы скучнымъ, вялымъ, переутомленнымъ своими учебными занятіями, унылымъ и несчастнымъ, преждевременнымъ пессимистомъ и старикомъ съ потухшимъ взоромъ, съ меланхолическимъ болѣзненнымъ видомъ. Игры же дѣлаютъ его смѣющимся, веселымъ, жизнерадостнымъ, здоровымъ, живымъ, энергичнымъ, жаднымъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія. А насколько важно поддерживать въ ребенкѣ бодрое, радостное настроеніе — объ этомъ едва ли можетъ быть два разныхъ мнѣнія.

«Дурное расположеніе духа, — говоритъ Гюйо, — есть противо-общественное и въ то же время угнетающее нравственное состояніе. Дурное состояніе духа содержитъ въ зародышѣ бѣдствія неуравновѣшенныхъ натуръ. Поэтому, нужно пріучать дѣтей къ веселью, къ ровному и хорошему расположенію духа, свойственному людямъ, которые ничего не таятъ въ сердцѣ и ни въ чемъ не упрекаютъ себя или другихъ. У ребенка, выросшаго въ атмосферѣ любви и веселья, образуется такой запасъ этого послѣдняго, который годится ему на всю послѣдующую жизнь. Счастливый ребенокъ красивѣе, любезнѣе и искреннѣе другихъ. Видъ его открытой улыбки радуетъ и трогаетъ, какъ открытіе новой истины»

Есть игры, гдѣ дѣтямъ приходится изображать, выражать въ жестахъ и въ движеніяхъ то тѣ, то другія изъ эмоціональныхъ состояній. Таковы, напримѣръ, живыя картины, игра въ статую и, наконецъ, всѣ тѣ игры, гдѣ дѣти изображаютъ то, что они видѣли, слышали или читали [Робинзона, путешествія, сказки про Красную Шапочку, про Журавля и Цаплю и проч.]. Но жесты вызываютъ соотвѣтствующія чувства. «Всякій привѣтливый и ласковый жестъ, по словамъ Фулье, всякое пріятное движеніе лица имѣетъ тенденцію привести душу въ привѣтливое и пріятное состояніе». Вотъ что пишутъ по этому поводу Бинэ и Ферэ: «Внушеніе посредствомъ мышечныхъ ощущеній вызываетъ въ загипнотизированномъ соотвѣтствующія состоянія. Если привести члены тѣла больного въ трагическое положеніе, то у него возникаетъ такое же настроеніе; если сжать ему руку въ кулакъ и сдвинуть брови, то онъ дѣлается разгнѣваннымъ; если привести его члены въ опредѣленное движеніе, то онъ продолжаетъ это движеніе... Всѣ эти факты совершаются по одному и тому же закону: положеніе, придаваемое членамъ тѣла какого-либо лица, постоянно сопровождается опредѣленными мышечными ощущеніями, которыя вызываютъ въ его мозгу соотвѣтствующія представленія».

Ту же самую мысль иллюстрируетъ рядомъ примѣровъ Пэйо: «Самые основательные практическіе психологи, занимавшіеся воспитаніемъ чувства,—Игнатій Лойола точно такъ же, какъ и Паскаль,—рекомендуютъ внѣшнія дѣйствія въ качествѣ прекраснаго средства къ тому, чтобы привести душу въ опредѣленное эмоціональное состояніе. Дегальдъ Стюартъ разсказываетъ, что Беркъ, по собственнымъ его увѣреніемъ, часто чувствовалъ, что въ немъ разгорается гнѣвъ по мѣрѣ того, какъ онъ копировалъ внѣшніе признаки этой страсти. Развѣ дѣти, собаки и даже взрослые люди, которые играя борятся между собою, не становятся обыкновенно, въ концѣ-концовъ, дѣйствительно злыми?.. Развѣ китайскій церемоніалъ, столь хорошо приспособленный къ тому, чтобы внушать возвышенное представленіе о власти, не установленъ Конфуціемъ потому, что онъ, подобно Лойолѣ, полагалъ, что жестами вызываются соотвѣтствующія чувствованія?»

Вообще говоря, нѣтъ такихъ игръ, которыя бы не возбуждали въ дѣтяхъ какихъ-нибудь чувствъ. И, стало-быть, всѣ игры способствуютъ развитію эмоцій.

Дѣти любятъ играть съ животными и особенно съ кошкою и собакою, что, конечно, способствуетъ развитію любви къ животному міру и пониманію его. Необходимо только, чтобы при этомъ ребенокъ не мучилъ животныхъ.

Во время же общихъ дѣтскихъ игръ завязывается дружба между дѣтьми, иногда продолжающаяся и въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, какъ мы сейчасъ увидимъ, общія игры иногда

принимаютъ нежелательный характеръ. Дѣти нерѣдко отдаютъ себя во власть инстинктовъ и наклонностей первобытнаго человѣка и не считаютъ грѣхомъ покушеніе на чужую собственность, а то и на чужую физіономію. Но мы уже знаемъ, что ребенокъ стремится къ развитію всѣхъ заключающихся въ немъ возможностей и уже дѣло воспитанія регулировать это стремленіе. И все же общія дѣтскія игры, несомнѣнно, развиваютъ общественныя чувства. Здѣсь зарождаются и развиваются чувства товарищества, солидарности, общественности и справедливости. Ребенокъ, попадая въ общество играющихъ товарищей, пріучается признавать права другихъ, привыкаетъ добровольно подчиняться рѣшеніямъ большинства, свои личные интересы приводить въ равновѣсіе и соглашеніе съ интересами другихъ товарищей; подавлять свои капризы во имя справедливости, приспособляться къ общественной средѣ; но въ то же время онъ привыкаетъ и самъ принимать участіе въ постановленіи рѣшеній [какую выбрать игру, какія принять условія и проч.] и отстаивать свои мнѣнія и личную свободу. Въ нѣкоторыхъ играхъ дѣтямъ приходится дѣлиться на двѣ партіи; возникаютъ поводы для разномыслія, для споровъ, желанія наталкиваются на препятствія; приходится согласовать свои поступки съ волею большинства, уживаться съ товарищами.

Болдуинъ справедливо говоритъ, что дѣти, выросшія одиноко, въ узкомъ и тѣсномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, становятся безпомощными, когда они попадаютъ въ среду чужихъ людей, въ сложный водоворотъ соціальной жизни; какъ легко они тогда дѣлаются жертвою какой-нибудь случайной встрѣчи, вреднаго вліянія дурного знакомства. Противъ этой опасности педагогія рекомендуетъ только одно средство: съ дѣтства окружить ребенка толпой сверстниковъ, заставить его жить соціальной жизнью, внести въ его жизнь больше разнообразія, помѣстить его въ сложную среду разно-

образныхъ общественныхъ вліяній, гдѣ его желанія и рѣшенія переплетаются съ желаніями и рѣшеніями его товарищей. Не даромъ еще въ средніе вѣка въ школахъ существовали націи, въ Германіи землячества, а нынѣ корпораціи студентовъ. Не даромъ и у насъ пользуются значительнымъ распространеніемъ землячества, кружки самообразованія и пр. Что же касается дѣтства, то одно изъ лучшихъ вліяній этого рода представляютъ общія игры, къ которымъ стремится каждый ребенокъ. Въ данномъ случаѣ школа шла бы только навстрѣчу природнымъ стремленіямъ учениковъ. Дѣти любятъ общество.

Я произвелъ опросъ 186 мальчиковъ и 57 дѣвочекъ насчетъ того, предпочитаютъ ли они игры въ одиночку, вдвоемъ или большой компаніей. При этомъ оказалось, что одиночныя игры предпочитаютъ только $10,_7\%$ всѣхъ мальчиковъ и $19,_3\%$ всѣхъ дѣвочекъ; вдвоемъ $14,_4\%$ мальчиковъ и $17,_6\%$ дѣвочекъ, всѣ же остальные ($74,_9\%$ мальчиковъ и $63,_1\%$ дѣвочекъ) предпочитаютъ играть большой компаніей.

Дѣти устраиваютъ постоянные товарищескіе кружки, то для общихъ игръ въ лапту, въ бабки, въ солдаты и пр., то для разныхъ видовъ спорта, то для разоренья птичьихъ гнѣздъ, то для кулачныхъ боевъ, то для похищенія яблокъ въ чужихъ садахъ, моркови въ чужихъ огородахъ, рѣпы и гороху въ чужихъ поляхъ, для чтенія, музыки театральныхъ представленій и проч.

Среди слушателей своихъ публичныхъ лекцій я произвелъ опросъ о томъ, кто изъ нихъ въ дѣтствѣ входилъ въ товарищескіе кружки, какъ великъ былъ этотъ кружокъ, чѣмъ онъ занимался, былъ ли у кружка вожакъ, одинъ или нѣсколько, чѣмъ руководились при выборѣ вожаковъ и какія требованія предъявлялись къ членамъ кружка.

Оказалось, что болѣе половины, а именно 58% отвѣтившихъ входили въ товарищескіе кружки, а 42% не входило [1]). Наименьшее число членовъ, составлявшихъ одинъ кружокъ, было 5; наибольшее 20; среднее $9^3/_8$ человѣка. Потребность организоваться въ кружки особенно велика, начиная съ 10-лѣтняго возраста. Дѣти группируются въ кружки большею частію по мѣсту своего жительства. При разработкѣ этой анкеты меня особенно интересовалъ вопросъ о вожакахъ и объ отношеніи ихъ къ кружкамъ. Основываясь на біографіяхъ полководцевъ, ораторовъ и т. п., я пришелъ къ выводу, что почти всѣ такъ называемые вожди, герои, знаменитые организаторы въ дѣтствѣ были вожаками въ кружкахъ, когда обстоятельства это допускали. Ихъ способности руководить толпой, обнаружившіяся во всемъ своемъ величіи въ зрѣломъ возрастѣ, впервые проявлялись въ раннемъ дѣтствѣ въ кружкахъ сверстниковъ. Сегодняшніе 10-лѣтніе вожаки дѣтскихъ кружковъ, когда вырастутъ, могутъ стать героями и вождями. И сейчасъ въ нихъ живетъ стремленіе властвовать и надъ товарищами и въ дѣтскихъ кружкахъ; они развиваютъ это стремленіе и свои способности управлять другими. Какъ извѣстно, вопросу о вожакахъ и толпѣ посвящена огромная литература. Одни превозносятъ вожаковъ, видятъ въ нихъ причину всѣхъ движеній. Таковъ, напримѣръ, Карлейль, когда говоритъ о герояхъ. Изъ психологовъ къ нему примыкаетъ Бэнъ: «Соціальное значеніе, — говоритъ онъ, — такихъ людей громадно. Они — душа общества, иниціаторы всѣхъ забавъ и шалостей и даже лѣнивыхъ натуръ приводятъ въ мишутное возбужденіе. Одно ихъ присутствіе — моральная сила. Они увлекаютъ за собой другихъ. Пойти за ними легко, противиться имъ трудно».

[1]) Въ Америкѣ, по изслѣдованію Эдемса Поффера, потребность соединяться въ кружки сильнѣе: тамъ изъ каждыхъ 4 мальчиковъ трое оказываются членами какого-нибудь кружка.

Чтобъ быть героемъ одного ума мало. И біографіи героевъ подтверждаютъ это положеніе. Про Маццини говорили, что въ его присутствіи никто не осмѣливался высказывать своихъ взглядовъ.

По словамъ Ферри, Гарибальди обладалъ очаровывающимъ могуществомъ взгляда. Покоряющій толпу взглядъ приписываютъ Наполеону I. Не даромъ Бине указываетъ слѣдующій признакъ моральнаго авторитета: способность долго и упорно смотрѣть въ глаза другимъ. Но это не значитъ, что вожди, покоряя толпу, пользуются только своимъ взглядомъ. Мы хорошо знаемъ, что они умѣютъ щекотать тщеславіе толпы. И Наполеонъ не зря напоминалъ своимъ солдатамъ о 40 вѣкахъ, смотрящихъ на нихъ съ высоты египетскихъ пирамидъ. Мы знаемъ, что они пользуются заразительностью героическаго примѣра. Извѣстно также, какую роль играли ихъ первые успѣхи. Они умѣли наконецъ пользоваться позою. Одни изъ нихъ дѣйствовали въ такихъ случаяхъ сознательно, а другіе инстинктивно; но результатъ получался одинъ и тотъ же.

Хорошо извѣстенъ взглядъ Ломброзо на вождей, какъ на ненормальныхъ людей, близкихъ къ помѣшательству. Ломброзо приводитъ въ доказательство своего взгляда много фактовъ; но это доказываетъ лишь то, что среди героевъ и вождей есть ненормальные люди, но совсѣмъ не доказываетъ того, что всѣ герои ненормальны. Иначе намъ пришлось бы къ числу помѣшанныхъ причислить и Гарибальди. Съ такими ограниченіями подходятъ къ теоріи Ломброзо и нашъ Михайловскій и Рибо. Повидимому отличительнымъ свойствомъ вождей и героевъ является особенная крайне повышенная чувствительность, благодаря которой они способны воспламениться опредѣленнымъ стремленіемъ, извѣстною идеею, большею частью подсказываемыми имъ самою же толпою, ея настроеніями, духомъ времени. Но воспламенившись, они со всею страстью, присущею ихъ эмоціональной натурѣ, гипнотизируютъ толпу, заражаютъ ее своими увлеченіями, своимъ энтузіазмомъ, становятся властителями ея думъ, ея стремленій, ея поступковъ.

Энрико Ферри, будучи самъ превосходнымъ ораторомъ, даетъ яркую характеристику ораторскаго подъема предъ аудиторіею, его вдохновляющею. «Когда тема усвоена въ общихъ чертахъ, — пишетъ онъ, — все остальное приходитъ вмѣстѣ съ импровизаціей рѣчи, то и дѣло дополняется отступленіями, болѣе или менѣе внушенными, окрашивается въ опредѣленный цвѣтъ и трепещетъ внутреннимъ пламенемъ, которое зажжено и подстрекается наличностью слушателей, нервнымъ безпокойствомъ (не побѣжденнымъ еще послѣ столькихъ лѣтъ публичныхъ рѣчей), пріемомъ враждебнымъ и холоднымъ или же благосклоннымъ и опьяняющимъ». Ясно, что безъ толпы, безъ ея вліянія, никакой вождь и герой не найдетъ въ себѣ

силъ проявить свои стремленія, свои идеи, свои чувства въ должной мѣрѣ. Герой это плоть отъ плоти толпы, кость отъ костей ея. Но и безъ героя и вождя современная толпа — какъ это ни грустно — можетъ иногда напомнить стадо безъ пастыря. По характеристикѣ Рибо толпу составляютъ: «Безличные характеры не имѣютъ свойственнаго себѣ облика... Они — вполнѣ продуктъ обстоятельствъ, окружающей среды, воспитанія, вліянія людей и предметовъ. Кто-нибудь другой, или же общественная среда желаетъ вмѣсто нихъ и дѣйствуетъ черезъ нихъ. Они не голосъ, но эхо. Случай рѣшаетъ объ избраніи профессіи, о заключеніи брака и о всемъ другомъ. Это не выдающіяся индивидуальности, а характеры стадные, групповые».

«Подобно Лафонтеновскому зайцу они покорны и живутъ въ постоянныхъ опасеніяхъ, заботятся о мнѣніи всѣхъ, даже неизвѣстныхъ или случайныхъ встрѣчныхъ, дрожатъ за свою безопасность и чувствуютъ себя ничтожествомъ среди напирающаго на нихъ со всѣхъ сторонъ общественнаго организма».

Вождемъ и героемъ не могутъ быть застѣнчивые люди уже по тому одному, что они не могутъ передать другимъ своихъ чувствъ и своихъ мыслей. Они поэтому любятъ одиночество. Если же привяжутся къ кому-нибудь, то привязываются крѣпко.

Застѣнчивость является причиной множества неудачъ. Разсказываютъ про одного застѣнчиваго, робкаго лакея. Ему удалось какъ-то получить мѣсто главнаго лакея въ какой-то гостиницѣ. Но онъ не находилъ въ себѣ смѣлости командовать своими подчиненными, дѣлать имъ выговоры и проч. и скоро былъ уволенъ и поступилъ въ другой ресторанъ рядовымъ лакеемъ. Но и здѣсь та же робость погубила его. Если гость, заказывая блюдо, смотрѣлъ ему въ лицо, онъ робѣлъ, краснѣлъ и забывалъ приказаніе. Онъ перепробовалъ множество должностей и успокоился только на мѣстѣ судомойки, гдѣ ему не приходилось имѣть дѣла съ людьми. Hartenberg разсказываетъ про себя: «Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ я думалъ со страхомъ о минутѣ, когда надо будетъ прощаться. Я ищу тысячи уловокъ, чтобы скрыть свое состояніе, напримѣръ, я дѣлаю видъ, что у меня болятъ зубы». Разсказываютъ про адвоката, который, отправляясь въ судъ защищать дѣло, идетъ пѣшкомъ и останавливается у строящихся домовъ въ надеждѣ, что упавшее бревно изувѣчитъ его и у него будетъ предлогъ отказаться отъ защиты. Поэтъ Некрасовъ превосходно изобразилъ, что дѣлаетъ застѣнчивость со взрослымъ человѣкомъ. Во сколько же разъ, — писалъ я въ книгѣ [Нрав. восп. и нач. шк.], которой давно уже нѣтъ въ продажѣ — застѣнчивость губительнѣе дѣйствуетъ на ребенка. Каждое его слово, робко сказанное имъ во время урока, каждое поднятіе руки, каждая буква, написанная имъ на классной доскѣ, каждый жестъ, которымъ онъ сопровождаетъ свою рѣчь, стоитъ ему неимовѣрныхъ усилій, огромнаго мужества. Эта застѣнчивость, неувѣ-

ренность въ себѣ угнетаетъ его мозгъ, сковываетъ его языкъ, его маленькія ручки.

Типъ вожака противоположенъ застѣнчивому, робкому типу. Онъ не стѣсняется толпы, онъ руководитъ ею, дѣйствуя на нее жестами, интонаціей, словомъ, взоромъ, примѣромъ, авторитетомъ. Изъ нихъ набираются и вожаки, и агитаторы, и организаторы. Это тѣ, которые объединяютъ отдѣльныхъ людей въ общества не за страхъ, а за совѣсть, не по принужденію, а по добровольному соглашенію. Они создаютъ тѣ связи, которыя становятся на мѣсто принудительныхъ, оставшихся намъ отъ прежнихъ деспотій. Такіе люди часто завоевываютъ самыя высокія положенія. Таковъ Наполеонъ, Бисмаркъ. Правда, ихъ господствующая страсть къ власти часто предписываетъ имъ и почти всегда сопровождается не особенною разборчивостію въ средствахъ, отсутствіемъ жалости къ людямъ, всепоглощающимъ эгоизмомъ. Быть-можетъ, этотъ типъ былъ необходимъ въ прежнія времена, когда надо было насильственно организовывать общества. Теперь, когда организація поддерживается путемъ традиціи, кооперація и выработанныхъ правилъ въ такихъ тишахъ едва ли есть надобность. И чѣмъ скорѣе они отойдутъ въ область преданій, тѣмъ лучше: слишкомъ много въ нихъ еще деспотизма, абсолютизма, Салтычихи. Вмѣсто іерархіи властей теперь беретъ перевѣсъ іерархія обязанностей. Вмѣсто произвола вождя берутъ перевѣсъ статьи закона и устава. Человѣчество идетъ къ тому, чтобы ослабить всякаго рода принудительныя связи и замѣнить ихъ свободными связями, безъ приказаній, безъ подчиненія, безъ наказаній.

Обращаясь къ нашей анкетѣ, мы должны сказать, что почти въ каждомъ кружкѣ были свои вожаки. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ было по нѣсколько вожаковъ: одинъ для игръ, другой для драки и т. п. При выборѣ вожаковъ чаще всего руководились физической силой (22% всѣхъ отвѣтовъ), затѣмъ идетъ ловкость, умъ, далѣе старшій возрастъ, смѣлость, доброта, успѣхи въ школѣ, особая озлобленность къ враждебнымъ кружкамъ, съ которыми происходила драка.

Ближе всматриваясь въ отвѣты, касающіеся выбора вожаковъ, мы видимъ, что почти во всѣхъ случаяхъ вожакъ долженъ быть первымъ въ интенсивности того чувства или стремленія, которымъ живетъ кружокъ, первымъ по способностямъ и по умѣньямъ, какія требуются для осуществленія цѣли, преслѣдуемой кружкомъ. Если дѣло идетъ о борьбѣ съ враждебнымъ кружкомъ, то вожакъ долженъ проявлять къ нему «особую озлобленность». Въ моментъ борьбы онъ долженъ быть свирѣпымъ звѣремъ, неукротимымъ, безжалостнымъ. И чѣмъ сильнѣе въ немъ звѣрскія чувства, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ его кандидатура на скипетръ вожака. Если дѣло идетъ объ опустошеніи чужихъ садовъ и огородовъ, то вожакъ по своей смѣлости долженъ превосходить всѣхъ своихъ товари-

щей, онъ долженъ поразить ихъ воображеніе чудесами безумной храбрости. Трусливые, равно какъ и застѣнчивые люди мало пригодны вообще для роли вожака, а въ данномъ случаѣ и совсѣмъ не годятся. Если цѣлью кружка служатъ акробатическія упражненія, вожакъ долженъ быть самымъ ловкимъ и самымъ сильнымъ. Такъ какъ физическая сила требуется въ очень многихъ играхъ, въ акробатическихъ упражненіяхъ, въ дракѣ, въ лазаньѣ и проч., то понятно, почему наибольшее число отвѣтовъ падаетъ именно на это требованіе. Если кружокъ занимается музыкою, его вожакъ долженъ быть хорошимъ музыкантомъ. Если въ кружкѣ идутъ чтенія или подготовка къ политической дѣятельности, отъ вожака требуется умъ.

Гдѣ кружокъ ставилъ себѣ этическія цѣли отъ вожака требовались доброта и благородство. Словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ вожакъ долженъ быть самымъ яркимъ выразителемъ господствующихъ въ кружкѣ стремленій.

Вожакъ долженъ быть впереди всѣхъ.

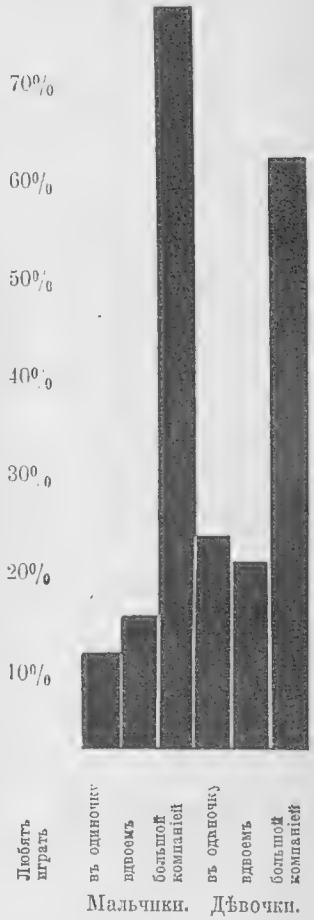
Вожакъ беретъ характерную для всего кружка черту, будетъ ли это чувство, стремленіе, умѣнье и т. п., и доводитъ ее въ себѣ до высшей степени развитія. И въ этомъ его сила; въ этомъ разгадка его организаторской роли. Онъ долженъ заражать другихъ своими увлеченіями, долженъ импонировать болѣе равнодушнымъ своимъ товарищамъ, а этого нельзя достигнуть, не выдѣлившись изъ толпы своею кипучею дѣятельностью, интенсивностью своихъ стремленій, чувствъ и т. под.

Нужно, чтобы онъ могъ возбуждать и увлекать за собою другихъ и даже лѣнивыхъ въ данномъ направленіи, могъ быть иниціаторомъ разныхъ затѣй въ духѣ кружка. Надо, чтобы онъ, благодаря ярко выраженнымъ въ немъ и подходящимъ къ направленію кружка качествамъ, объединялъ всѣхъ членовъ кружка въ одномъ общемъ стремленіи, служилъ для него своего рода цементомъ.

Къ членамъ кружковъ предъявлялись особыя требованія. Чаще всего (38,4% всѣхъ отвѣтовъ) упоминались требованія

стоять другъ за друга, затѣмъ не шпіонить (23%), далѣе подчиняться большинству голосовъ, не нарушать дисциплины, въ нѣкоторыхъ кружкахъ ставились требованія не драться, не ругаться, не курить.

Какъ на занятія кружковъ, чаще всего указываютъ на игры (20,6% всѣхъ отвѣтовъ), затѣмъ идетъ опустошеніе садовъ и огородовъ (12%), рѣже купанье (9%), чтеніе книгъ (9%), еще рѣже — общія прогулки, собираніе грибовъ и ягодъ, куренье, спектакли, подготовка къ политической дѣятельности, музыка, драка и кулачные бои, акробатическія упражненія, катанье на конькахъ, отученіе отъ ябедничества другихъ дѣтей, лазанье по деревьямъ, разоренье птичьихъ гнѣздъ, стрѣльба изъ лука, ловля птицъ, разсказы про домовыхъ и чертей, грязные разговоры.



Какой % общаго числа мальчиковъ и дѣвочекъ предпочитаетъ играть 1) въ одиночку, 2) вдвоемъ и 3) большой компаніей.

Мы видимъ изъ этого перечня, что дѣятельность товарищескихъ кружковъ не всегда удовлетворяла этическимъ требованіямъ. Иногда дѣти кружковъ опустошаютъ чужіе сады и огороды, курятъ, ведутъ грязные разговоры, хотя и рѣдко, дерутся, разсказываютъ другъ другу про чертей и домовыхъ; но вѣдь это уличные кружки, куда еще никакая педагогія до сихъ поръ не вносила ни одного луча свѣта. Использовать эти прирожденныя общественныя наклонности, эту энергію и активность дѣтства, когда «кровь кипитъ и силъ избытокъ», дать ей побольше разумнаго содержанія, это было бы огромной заслугой воспитанія.

Значеніе игръ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя служатъ развитію общественныхъ стремленій, станетъ яснѣе, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующее.

Въ своихъ играхъ дѣти не только думаютъ, вспоминаютъ, воображаютъ, чувствуютъ, но и дѣйствуютъ. Въ играхъ дѣти воспроизводятъ все, что видятъ, слышатъ, читаютъ; въ играхъ они воспроизводятъ различныя соціальныя и часто драматическія положенія.

Безъ игръ, безъ дѣйствія образы, взятые ими изъ жизни и изъ книгъ, большею частію безплодно для ихъ развитія испарялись бы, а, стало-быть, оставались бы безъ всякаго вліянія на ихъ характеръ и волю.

Наши стремленія и рѣшенія оставляютъ слѣдъ въ нашемъ мозгу не въ тотъ моментъ, когда они приходятъ въ голову, а въ тотъ моментъ, когда въ той или другой мѣрѣ сдѣлана попытка къ ихъ практическому осуществленію, когда они претворились въ движеніе, въ какое-нибудь дѣло. Чтобы воспитывать, недостаточно учить только думать и чувствовать, но необходимо еще учить и дѣйствовать. Это правило должно быть положено въ основу всего воспитанія. Къ этому принципу приводятъ насъ всѣ наблюденія надъ дѣтской жизнью. О немъ говорятъ наиболѣе вдумчивые педагоги. Къ этому выводу приходитъ современная психологія, которая доказала неразрывную связь нашихъ ощущеній, образовъ и чувствъ съ движеніями, дѣйствіями и двигательными ощущеніями и образами.

На этотъ принципъ указываетъ физіологія и тогда, когда говоритъ о непрерывности нервнаго процесса, какъ въ нервахъ чувствующихъ, идущихъ къ головному мозгу, центростремительныхъ, такъ въ самомъ мозгу и равно въ нервахъ двигательныхъ, идущихъ отъ мозга, въ центробѣжныхъ, и тогда, когда говоритъ о рефлексѣ и о произвольныхъ движеніяхъ. Къ нему сводится ученіе анатомовъ о единствѣ чувствующихъ нервовъ, мозга и двигательныхъ нервовъ. На немъ настаиваетъ біологія, когда говоритъ о переходѣ раздраженія въ движеніе въ видахъ приспособленія къ окружающей средѣ (Лай). Съ этой точки зрѣнія большую ошибку дѣлаетъ воспитатель, когда онъ, вызвавъ въ мозгу ученика опредѣленную мысль и опредѣленное чувство или стремленіе, не даетъ возможности претворить его въ какомъ-нибудь дѣйствіи или движеніи, и эта мысль и это чувство останутся неразряженными, безплодно испарятся и замрутъ въ бездѣйствіи. Такое воспитаніе можетъ создать сентиментальнаго мечтателя, Обломова, но никогда не создастъ дѣятельнаго энергичнаго борца.

Дѣтскія игры свободны отъ этой односторонности. Во всякой игрѣ есть элементы умственные (игры требуютъ отъ участниковъ либо наблюдательности, либо сообразительности, находчивости и почти всегда памяти и т. п.), есть элементы эмоціональные (чувства удовольствія, общественныя и т. п.), есть волевой элементъ.

Что въ играхъ развивается воля — объ этомъ свидѣтельствуютъ наблюденія Спкорскаго. Къ тѣмъ же выводамъ пришелъ извѣстный антропологъ Лагранжъ. Онъ говоритъ: «Всѣмъ извѣстно, что воля функціонируетъ при помощи мышечной работы; всякому случалось замѣтить, что напряженіе мышцъ никогда не бываетъ полнымъ, если оно не сопрово-

ждается напряженіемъ воли. При выполненіи какой-нибудь работы бываютъ случаи, когда роль воли кажется еще болѣе важною, нежели роль мышцъ. Мы видимъ это, напримѣръ, когда утомленіе дошло до высшей степени, а дѣятельность все же должна продолжаться, чтобы цѣль была достигнута. Кто никогда не участвовалъ въ гребныхъ гонкахъ, тотъ не можетъ представить себѣ, до какой крайней степени можетъ доходить утомленіе состязующихся. Когда между обѣими соперничающими лодками установилось послѣ ожесточенной борьбы извѣстное среднее разстояніе, и когда гребцамъ кажется, что они почти не въ состояніи больше владѣть веслами, то ихъ руки приводятся въ движеніе уже не мышечной силою и не чувствомъ пріятнаго ожиданія. Побѣда принадлежитъ тому, кто способенъ еще на одно послѣднее усиліе воли. Воля оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще ей приходится быть дѣятельною; упражненіе мышцъ является для нея настоящей гимнастикой. Эта гимнастика даетъ тѣмъ лучшіе результаты, чѣмъ сильнѣе желаніе, побуждающее къ напряженію. Соревнованіе, безспорно, сильнѣе всего возбуждаетъ волю, и потому въ отношеніи нравственнаго воспитанія игры стоятъ выше, собственно, гимнастики. Въ нихъ есть гораздо болѣе непосредственный элементъ борьбы... Игры являются поэтому прекраснымъ, сильно дѣйствующимъ цѣлебнымъ, средствомъ противъ обоихъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего времени — противъ чрезмѣрной раздражительности и слабости воли».

Двѣ трети всѣхъ игръ требуютъ отъ дѣтей большого напряженія вниманія; а по словамъ такого знатока дѣтской жизни, какъ Прейеръ, «всякій волевой актъ требуетъ вниманія, а всякое сосредоточіе вниманія есть волевой актъ». Въ играхъ ребенокъ привыкаетъ къ сдержанности, ему часто приходится обуздывать свои влеченія, импульсивные порывы и желанія, а это тоже одна изъ важныхъ сторонъ волевой сферы. Развивать волю и характеръ—это не значитъ только дѣйствовать, но, что, быть-можетъ, еще существеннѣе воздерживаться отъ дѣйствій, диктуемыхъ дурными влеченіями, порывами, привычками и наклонностями. Безхарактерные люди, а также дикари и малыя дѣти именно тѣмъ и отличаются отъ взрослаго, развитого человѣка съ твердымъ характеромъ, что они не могутъ противостоять своимъ минутнымъ прихотямъ и капризамъ, что каждое изъ ихъ желаній мгновенно и импульсивно, безъ думъ, безъ колебаній и размышленій, переходитъ въ дѣйствіе. Вопросъ объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ очень мало безпокоитъ ребенка. Сладкіе фрукты онъ съѣстъ безъ колебаній, хотя бы его и предупреждали насчетъ разстройства желудка. Безъ посторонней помощи онъ не выдержитъ продолжительной діэты, хотя бы за это ему сулили постоянное здоровье въ

будущемъ. Синицу въ рукахъ онъ всегда предпочтетъ журавлю въ будущемъ; и свои будущія права всегда готовъ промѣнять на чечевичную похлебку въ настоящемъ.

Въ играхъ дѣтямъ очень часто приходится сдерживаться. Мнѣ пришлось наблюдать, какъ двое дѣтей, притаившись въ углу комнаты, безъ движенія, боясь пошевелиться, сидѣли болѣе часа въ ожиданіи мыши, которая, по ихъ расчетамъ, должна была прибѣжать въ поставленную ими тутъ же мышеловку. Дѣтей очень занимаетъ изображать неподвижную статую, живыя картины, не моргать, когда другой машетъ чѣмъ-нибудь предъ ихъ глазами, удерживаться отъ смѣха, когда другой старается ихъ разсмѣшить.

Привыкая сдерживаться, ребенокъ привыкаетъ и думать. По словамъ Бэна, «думать — значитъ, воздерживаться отъ словъ и дѣйствій». Разница между умнымъ и глупымъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что глупый дѣйствуетъ, не думая, а умный думаетъ раньше, чѣмъ что-нибудь сказать или сдѣлать.

О дѣтскихъ играхъ я писалъ въ своей книгѣ «Нравственное воспитаніе и начальная школа». Такъ какъ этой книги давно уже нѣтъ въ продажѣ, то считаю умѣстнымъ повторить сказанное тамъ.

Очень много игръ основано на подражаніи. Давно стало общеизвѣстнымъ, что дѣти, какъ обезьянки, подражаютъ тому, что видятъ и слышатъ. Но видятъ и слышатъ они очень много такого, чего и не пробуютъ перенимать. Подражаютъ они далеко не всему. Очевидно, они выбираютъ, вѣроятно, большею частію безсознательно, дѣйствія, которымъ стоитъ подражать. Чѣмъ же руководствуются они при этомъ выборѣ? Клапаредъ вполнѣ правильно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «потребностями своего развитія». Посредствомъ подражанія ребенокъ удовлетворяетъ свое стремленіе къ развитію, такъ какъ многія изъ наклонностей и способностей, полученныхъ имъ при рожденіи, могутъ быть развиты только посредствомъ подражанія соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Мои дѣти, по прочтеніи Робинзона, съ большимъ оживленіемъ изображали приключенія этого любимаго героя дѣтей, точно такъ же они изображали «Синюю Птицу» Метерлинка, капитана Гатерраса, звѣрей изъ «Дебрей» и много другихъ героевъ прочитанныхъ ими разсказовъ. Во время русско-японской войны дѣти разыгрывали сцены изъ этой войны.

Дѣтская игра очень часто отражаетъ свойства и образъ жизни взрослыхъ. Посмотрите на дѣвочку изъ свѣтской семьи. Она няньчитъ куколъ, принимаетъ визиты, сама отдаетъ ихъ, разсуждаетъ съ куклою о нарядахъ, даже о танцахъ. Но это самое дѣлаетъ и ея мать. У народовъ, живущихъ охотою или рыболовствомъ, дѣтей съ помощью игръ пріучаютъ къ охотѣ или рыбной ловлѣ. У римлянъ, для ко-

торыхъ главнымъ дѣломъ была война, игры дѣтей носили военный характеръ. Средневѣковые рыцари, напоминающіе римлянъ по своей страсти къ завоеваніямъ, сходились съ римлянами и въ выборѣ игръ для своихъ дѣтей. Будущему воину нужна была сила, ловкость и умѣнье владѣть оружіемъ и всего этого стремились достигнуть, между прочимъ, съ помощью игръ. Отчего бы, писалъ я въ вышеупомянутой книгѣ, и въ нашихъ сельскихъ школахъ на ряду съ другими уже существующими играми не попробовать ввести игръ, изображающихъ, что дѣлается на сходѣ, въ волостномъ судѣ, при раскладкѣ повинностей и т. д. Эти игры, чередуясь съ другими излюбленными дѣтскими играми, внесутъ въ школьную жизнь много оживленія и удовольствія и, такимъ образомъ, будутъ содѣйствовать жизнедѣятельности всѣхъ органовъ тѣла. Ихъ нечего и сравнивать со скучными, подъ команду учителя, гимнастическими упражненіями. Въ этихъ играхъ будетъ изображаться деревенская жизнь, какую видятъ дѣти, а то, что они видятъ, они любятъ драматически изображать въ своихъ играхъ. Но учитель сумѣетъ выбрать изъ изображаемой дѣтьми среды тѣ элементы, которые могутъ содѣйствовать не только физическому, но и нравственному развитію дѣтей, и устранить при игрѣ все то, что могло бы произвести на дѣтей дурное вліяніе. Конечно, дѣти играютъ и сами, но почему бы учителю не внести луча свѣта въ ихъ игры, иногда заключающія въ себѣ развращающія вліянія.

Въ «Приключеніяхъ Финна» разсказывается объ игрѣ въ разбойники: «Въ продолженіе мѣсяца мы нѣсколько разъ играли въ разбойниковъ. Иногда наша шайка внезапно выскакивала изъ лѣсу и мужественно нападала на стадо свиней или на телѣги, въ которыхъ женщины везли овощи на рынокъ. Но мы при этомъ ограничивались всегда только демонстраціями. Томъ Соуэръ называлъ свиней золотыми слитками, а рѣпу, морковь и т. п.—драгоцѣнными уборами, украшенными самоцвѣтными каменьями. Совершивъ такой набѣгъ, мы удалялись въ пещеру, гдѣ каждый разсказывалъ о своихъ чудесахъ храбрости и о томъ, сколькихъ купцовъ, путешественниковъ и солдатъ онъ убилъ и смертельно ранилъ. Я, признаться, не видѣлъ во всемъ этомъ для себя ни малѣйшаго проку. Разъ какъ-то Томъ велѣлъ одному изъ нашихъ мальчиковъ бѣгать по мѣстечку съ зажженной палкой, называвшейся у насъ «слоганомъ» и служившей условнымъ знакомъ для шайки собраться на мѣстѣ и выступить въ экспедицію. Атаманъ объявилъ намъ, что получилъ отъ своихъ шпіоновъ секретныя свѣдѣнія о приближеніи богатаго каравана. Большая партія испанскихъ купцовъ и богатыхъ арабовъ должна была расположиться завтра лагеремъ въ «пустомъ» ущельѣ. Караванъ будетъ состоять изъ двухсотъ слоновъ, шестисотъ

верблюдовъ и болѣе тысячи крупныхъ муловъ, навьюченныхъ брилліантами. Въ охраняющемъ его отрядѣ насчитывается всего только четыреста солдатъ. Атаманъ приказалъ намъ устроить засаду, перебить всѣхъ солдатъ до единаго и захватить драгоцѣнности. Намъ предписано было отточить сабли, тщательно зарядить ружья и держаться наготовѣ. Необходимо замѣтить, что мы принимали такія мѣры предосторожности каждый разъ, когда предстояло произвести нападеніе на какую-нибудь телѣгу, нагруженную рѣпой. Сабли наши изготовлялись изъ длинныхъ щепокъ, а ружьями служили палки отъ швабръ, пришедшихъ уже въ негодность.

«Несмотря на всѣ наши усилія отточить сабли и зарядить ружья, первыми нельзя было рубить, а вторыми — стрѣлять. Поэтому мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобы мы могли справиться съ такою толпою испанцевъ и арабовъ, но зато меня очень интересовало посмотрѣть на слоновъ и верблюдовъ. Поэтому на слѣдующій день, въ субботу, я добросовѣстно занялъ постъ, предназначенный мнѣ въ засадѣ. По сигналу мы устремились изъ лѣсу и съ громкими криками бросились съ холма на караванъ, долженствовавшій находиться внизу. На самомъ дѣлѣ мы не нашли тамъ ни испанцевъ, ни арабовъ, ни слоновъ, ни верблюдовъ. Вмѣсто всего этого мы встрѣтились съ праздничной прогулкой младшаго класса нашей сельской школы. Мужественная наша атака напугала дѣтвору и заставила ее обратиться въ бѣгство вверхъ по долинѣ, покинувъ намъ въ добычу нѣсколько пирожковъ и кусокъ ветчины. Впрочемъ, Бенъ Роджерсъ подобралъ, кромѣ того, растрепанную куклу, а Джо Гарперъ раздобылъ себѣ молитвенникъ и какую-то назидательную брошюрку, но какъ разъ въ это время школьный учитель произвелъ на насъ контръ-атаку съ такою энергіей, что мы побросали рѣшительно все и поспѣшно ретировались. Я вовсе не видѣлъ брилліантовъ, о чемъ и объявилъ Тому Соуэру. Онъ принялся, однако, меня увѣрять, что передъ нами были цѣлые вороха брилліантовъ, принадлежавшихъ испанскимъ и арабскимъ купцамъ, которые везли ихъ на слонахъ, верблюдахъ и мулахъ.

«— Отчего же мы не видѣли ничего этого?—спросилъ я.

«— Если бы ты не былъ такимъ невѣжественнымъ молокососомъ и прочелъ книгу, озаглавленную «Донъ Кихотъ», то даже и не сталъ бы обращаться ко мнѣ съ такими смѣшными вопросами. Во всемъ виновато тутъ волшебство,—увѣрялъ меня атаманъ.

«— Цѣлыя сотни солдатъ, слоны, драгоцѣнности и все такое прочее были тутъ налицо, но враждебные волшебники, желая намъ насолить, превратили въ одно мгновеніе ока богатый караванъ въ дѣтскую воскресную школу».

Г. И. Успенскій художественно описываетъ игры деревенскихъ дѣтей, изображающихъ: то какъ пропиваютъ невѣсту, то какъ поймали вора. Мальчикъ, представляющій вора, какъ вѣтеръ несется съ украденной сумкой, закинувъ голову назадъ, весь потный и блѣдный. Вотъ онъ споткнулся о бревно, и вся орава, гнавшаяся за нимъ, наваливается на него. «Веревку, давай кушакъ, вяжи ему руки! А, ты отбиваться!» раздаются крики. Воръ связанъ, онъ усталъ, онъ еле стоитъ на ногахъ, волосы у него спутаны. Когда мальчикъ, изображающій станового, допрашиваетъ вора, ему совѣтуютъ: «ругай, ругай его на-перво: мошенникъ, каналья, упеку!» Тотъ ругаетъ. «Ударь его по мордѣ». «Бей его сначала по щекѣ»... а теперь приказывай: «въ холодную его, шельму». Далѣе вора прогоняютъ «скрозь строй», приносятъ прутья, силомъ валятъ его на полъ, исправникъ кричитъ: «бей сильнѣе». Воръ ѣопитъ, все слабѣй и слабѣй, это значитъ, что его засѣкаютъ. Наконецъ, онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе на рукахъ несутъ его и кладутъ въ большую плетеную корзину. Это лазаретъ. Мы только вкратцѣ передали разсказъ Успенскаго, но и отсюда видно, какъ фотографически вѣрно изображаютъ дѣти отрицательныя стороны деревенской дѣйствительности. Не ихъ вина, если все, что продѣлывается въ этой игрѣ, такъ отвратительно и жестоко.

Вредное вліяніе такихъ игръ въ воспитательномъ отношеніи едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Разсказываютъ, что нѣкоторые артисты, изображавшіе извѣстный типъ, сливаютъ его съ собственною личностью (Джемсъ). Но если это не всегда вѣрно для взрослаго человѣка, то это безусловно вѣрно для множества дѣтей, участвующихъ въ играхъ. Ребенокъ, изображающій вора, десятскаго или исправника въ какой-нибудь игрѣ, дѣйствительно, можетъ настолько войти въ свою роль, что совершенно сольетъ съ нею свою личность. Если онъ такъ легко представляетъ себѣ простую палку лошадью, или ружьемъ, либо саблею, то ему гораздо легче представить себя десятскимъ. Разсказываютъ про дѣтей, настолько вошедшихъ въ роль, что они и по окончаніи игры отзывались лишь тогда, когда ихъ называли не по имени, а, напримѣръ, кучеромъ, разъ такова была ихъ роль въ игрѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самымъ сильнымъ воспитательнымъ средствомъ—самовнушеніемъ. Путемъ самовнушенія ребенокъ преобразуетъ свою личность во время игры въ изображаемаго имъ героя. Въ его душѣ, а не въ словахъ и не въ жестахъ только, возникаютъ всѣ стремленія, всѣ чувства, всѣ побужденія этого героя, какимъ онъ долженъ быть, по мнѣнію ребенка. Ребенокъ, который ругаетъ вора отборною бранью и бьетъ его по мордѣ, какъ бьетъ, по его мнѣнію, исправникъ съ крикомъ: «бей сильнѣе!» — переживаетъ всѣ воображаемыя имъ состоянія исправника: и жестокость, и злобу, и созна-

ніе, что онъ исполняетъ такимъ образомъ исправническій долгъ.

Къ числу столь же неудобныхъ въ воспитательномъ отношеніи игръ надо отнести игру, помѣщенную въ сборникѣ Игнатовича—«Купцы», а также помѣщенныя въ сборникѣ Покровскаго: «Палачъ», «Въ разбойники», «Золотая банька», «Ханъ-Цалгынъ» и «Мабдель-Цельгенъ».

Почему бы учителю, ничѣмъ не насилуя дѣтей, безъ всякаго принужденія, ничѣмъ не ослабляя интереса игры, не внести въ дѣтскія игры воспитывающіе, облагораживающіе мотивы, свѣтлые, радостные образы, заставить ребенка путемъ самовнушенія превратиться въ игрѣ въ добраго человѣка, въ дѣятельнаго общественнаго работника, въ примирителя, въ справедливаго и гуманнаго судью, въ добросовѣстнаго, радѣющаго о мірскихъ интересахъ старшину и т. д. Вѣдь если дѣти сами не вносятъ этихъ мотивовъ въ свои игры, такъ только потому, что ни окружающая ихъ дѣйствительность, ни книга — ничто не познакомило ихъ съ этими мотивами. Хорошо извѣстно, что дѣти вводятъ въ свои игры не только эпизоды, которые они наблюдаютъ въ жизни, но и то, что поражаетъ ихъ въ разсказѣ, въ прочитанной книгѣ. Даже въ игрѣ, описанной Г. И. Успенскимъ, несомнѣнно, есть эпизоды, которыхъ дѣти не наблюдали самолично, а знаютъ по разсказамъ взрослыхъ.

Еще Платонъ смотрѣлъ на игру, какъ на средство обученія. Будущій архитекторъ еще ребенкомъ долженъ строить дома; а будущій плотникъ, играя, заниматься измѣреніями.

Аристотель требовалъ, чтобы игра была подражаніями тому, что впослѣдствіи будетъ производиться серьезно.

У пишущаго эти строки есть въ этомъ отношеніи, правда, единичный личный опытъ, о которомъ мнѣ уже приходилось упоминать по другому поводу. Какъ-то разъ мнѣ пришлось пріѣхать въ одну сельскую школу вечеромъ, когда тамъ оставалось въ общежитіи около 30 дѣтей обоего пола. Они играли, и я предложилъ имъ сыграть въ волостной сходъ. Дѣти съ восторгомъ согласились, и мы приступили къ баллотировкѣ должностныхъ лицъ, большинствомъ голосовъ выбрали старшину и волостныхъ судей. Избранники были очень довольны выборами, а одинъ мальчикъ безуспѣшно баллотировался во всѣ должности; и только подъ конецъ дѣти сжалились надъ нимъ и выбрали его, къ большому его удовольствію, на какую-то второстепенную должность. Затѣмъ мы стали составлять смѣту предполагаемыхъ волостныхъ расходовъ, чтобы потомъ сдѣлать разверстку по числу душъ волостныхъ платежей. Мнѣ бросилась въ глаза одна маленькая подробность. Дѣти очень долго и упорно спорили о размѣрахъ жалованья писарю и старшинѣ, очень скупы были по отношенію къ этимъ должностнымъ лицамъ; но оказались очень щедрыми,

когда рѣчь зашла объ ассигновкѣ на школу, на библіотеку-читальню, на волшебный фонарь и картины для народныхъ чтеній и на сиротскій пріютъ. Даже школьному сторожу была вотирована щедрая прибавка къ жалованью, вѣроятно, потому что и онъ служитъ просвѣщенію народа. Этотъ сторожъ стоялъ въ дверяхъ, и довольная улыбка не сходила съ его лица все время, пока велись разговоры о прибавкѣ къ его жалованью. Когда смѣта расходовъ была составлена, дѣти приступили къ разверсткѣ платежей. Каждый изъ нихъ заявлялъ, сколько душъ представляетъ его дворъ; одинъ счетчикъ подвелъ итоги и раздѣлилъ сумму предположенныхъ расходовъ на полученное число душъ. Каждому надо было сосчитать, сколько платежей приходится на его дворъ, и съ этою задачею большинство дѣтей справилось безъ затрудненій. Послѣ того мы перешли къ игрѣ въ волостной судъ. Предъ судомъ предсталъ мальчикъ съ просьбой взыскать съ другого школьника, изображавшаго отвѣтчика, просроченный долгъ. Помню, что сначала нѣкоторые изъ судей высказались было за строгія мѣры и немедленное взысканіе и долга, и роста; но потомъ всѣ мы перешли на сторону отвѣтчика и стали мирить тяжущихся, стали уговаривать истца, чтобы онъ отсрочилъ уплату долга и уменьшилъ ростъ, стали заявлять объ обстоятельствахъ, извиняющихъ отвѣтчика. И нетрудно было замѣтить, какъ обрадовались всѣ дѣти, когда дѣло окончилось миромъ, истецъ согласился подождать и уменьшить проценты, а отвѣтчикъ обѣщалъ уплатить при первой возможности. И мнѣ хотѣлось надѣяться, что это хорошее чувство, это гуманное отношеніе къ воображаемому отвѣтчику, эти усилія покончить дѣло миромъ, безъ обиды, безъ свары, даромъ не пропадутъ; что объ нихъ, можетъ-быть, вспомнятъ эти дѣти, когда станутъ сами творить судъ и расправу и уже не на игрушечномъ судоговореніи, а въ форменномъ волостномъ судѣ.

Было уже поздно, пора было спать и дѣтямъ и мнѣ, а школьники все просили меня придумать имъ еще и еще такую же интересную игру, и я придумалъ для нихъ сначала игру въ почту съ заготовленіемъ и сортировкою писемъ, съ отправкою ея въ разные города и съ доставленіемъ по адресамъ. Но и этого было мало. Пришлось придумать игру въ земское собраніе съ выборами должностныхъ лицъ, съ вопросами о школахъ и больницахъ, со смѣтою на то и другое. И я не знаю, когда бы окончились игры, если бы я слушался дѣтей и придумывалъ для нихъ новыя игры, основанныя на подражаніи учрежденіямъ общественнаго характера.

Разумѣется, это нисколько не исключаетъ и другихъ любимыхъ дѣтьми игръ. Здѣсь все должно быть основано на доброй волѣ учащихся, и игра перестаетъ быть игрой, если она насильно навязана свыше. Надоѣдаетъ одна игра, и дѣти

переходятъ къ той, какая въ данный моментъ имъ болѣе всего нравится.

Предполагаемый нами способъ изученія предстоящихъ ученику общественныхъ обязанностей не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Еще Коменскій рекомендовалъ знакомить дѣтей съ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ посредствомъ игръ; и только схоластика, поработившая педагоговъ его времени, помѣшала плодотворной идеѣ великаго педагога получить широкое распространеніе. Еще въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, открытомъ въ XVIII столѣтіи, по словамъ Сушкова, воспитанниковъ готовили къ гражданской службѣ практически, распредѣляя между ними роли истцовъ, свидѣтелей, секретарей, прокурора и проч. «И практическое законо-искусство, — говоритъ Сушковъ, — поглощало все вниманіе воспитанниковъ. Имъ весело было проходить, какъ бы въ дѣйствительной службѣ, всѣ степени и чины, отъ писца до предсѣдателя. Одинъ истецъ, другой отвѣтчикъ, тѣ свидѣтели, тѣ писцы, повытчики, протоколисты, секретари, члены, стряпчіе, прокуроры и т. д. Дѣйствующія лица въ этихъ судопроизводныхъ драмахъ были проникнуты своими ролями, усердно нападали, защищались, судили, углублялись въ свои обязанности, ревностно вели свое дѣло, и впослѣдствіи, конечно, многіе изъ нихъ не одинъ разъ благодарили мысленно своихъ учителей за свѣдѣнія, пріобрѣтенныя какъ бы играючи. Сколько выгоды при вступленіи въ должность члена какой-нибудь палаты — войти въ нее не ученикомъ, а уже довольно знающимъ канцелярскіе обряды, порядокъ производства, ходъ дѣлъ всякаго рода и коренныя законоположенія». На 2-мъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ 1896 году нѣкоторые изъ учителей счетоводства рекомендовали для обученія бухгалтеріи образовать изъ учениковъ торговую контору, распредѣляя роли служащихъ между учащимися. (Труды 2 съѣзда дѣят. по техн. и проф. образ.).

Обратить вниманіе на развитіе общественности необходимо уже по тому одному, что у насъ мало общественныхъ дѣятелей. И. Новиковъ показалъ, какъ немного людей съ высоко развитыми общественными интересами даже въ такихъ странахъ, какъ Англія. Онъ разсказываетъ, какъ мало раскупается тамъ изданій парламентскихъ документовъ, несмотря на ихъ баснословную дешевизну. Есть изданія, стоившія 2.000 руб. и давшія послѣ продажи только 60 коп. Во Франціи, по его словамъ, только 50 тысячъ лицъ заняты разработкой партійныхъ программъ и пріисканіемъ кандидатовъ въ народные представители. И эти лица составляютъ особую профессію и притомъ не безвыгодную, такъ какъ изъ этой среды назначаютъ чиновниковъ и служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, не говоря уже о выборныхъ

должностяхъ. Если вычесть изъ этой группы людей, ищущихъ простого заработка, то число общественныхъ дѣятелей станетъ еще меньше. Немного насчитывается общественныхъ дѣятелей и у насъ, въ Россіи. Мнѣ хорошо извѣстны имена лицъ, работающихъ на общественномъ поприщѣ по народному образованію. Эти имена всѣ наперечетъ, и что особенно замѣчательно, такъ это то, что въ теченіе 20 лѣтъ списокъ этихъ именъ измѣнился весьма мало.

Такихъ активныхъ общественныхъ дѣятелей немного и въ другихъ областяхъ [въ земствѣ, городскомъ самоуправленіи, профессіональныхъ союзахъ, кооперацiяхъ и пр.].

Въ нѣкоторыхъ странахъ на эти группы обрушивается вся сила репрессій со стороны правительства. Но если общество еще существуетъ, то лишь благодаря такимъ лицамъ, которыя служатъ цементомъ между людьми.

А между тѣмъ у русскаго народа были и, вѣроятно, сохранились и до сихъ поръ богатые задатки къ общественности, и только современныя тяжелыя условія мѣшаютъ правильному развитію этихъ инстинктовъ.

Въ простонародной средѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, мы и теперь встрѣчаемся съ развитыми общественными чувствами. Достаточно указать на нашихъ штундистовъ, гдѣ помощь другъ другу возведена въ главный жизненный принципъ. Сама исторія и сама природа русская нѣкоторыми своими сторонами содѣйствовала развитію общественныхъ инстинктовъ въ народѣ.

Чтобы существовать при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, при какихъ приходилось жить народу въ скудной странѣ, съ суровыми зимами, чтобы прорубать непроходимые лѣса, гдѣ однажды заблудилось и погибло цѣлое войско, чтобы защищаться отъ хищныхъ звѣрей, надо было тѣсно сплотиться другъ съ другомъ. Чтобы при монгольскомъ игѣ, при деспотизмѣ Бирона, при крѣпостномъ правѣ сохранить въ себѣ человѣческія чувства, надо было держаться другъ за друга. И если несчастія, пережитыя нашимъ народомъ, еще не убили въ немъ вѣры и надежды на лучшее будущее, если мы, несмотря ни на что, таимъ въ себѣ большой запасъ оптимизма и идеализма, если этимъ идеализмомъ проникнуты и наши народныя былины и сказки, то это, главнымъ образомъ, потому, что народъ умѣлъ стоять другъ за друга, что въ немъ существовали общественныя стремленія.

Говоря объ элементахъ обученія, которые можно сообщить игрѣ, мы желали бы, чтобы въ этомъ отношеніи учителя были осторожнѣе. Хорошо, если часть свѣдѣній, необходимыхъ по программѣ школы, будетъ сообщена играючи; но не хорошо, если при этомъ будетъ внесенъ въ игру принудительный характеръ. Всякая игра, по самому существу своему, должна быть совершенно свободна. Она не преслѣдуетъ цѣлей

обученія, а преслѣдуетъ только цѣли развитія прирожденныхъ способностей и притомъ въ той послѣдовательности и порядкѣ, въ какихъ пробуждаются эти задатки. Учитель можетъ знакомить съ играми, предлагать ихъ; но никогда не приказывать и не понуждать. Въ другомъ мѣстѣ мы говоримъ о томъ законѣ, который, по мнѣнію эволюціонистовъ, управляетъ развитіемъ. Это послѣдовательное и постепенное развитіе отъ простого и легкаго къ сложному и трудному, отъ грубаго къ тонкому, отъ однороднаго къ разнородному. Этотъ законъ проходитъ красной нитью чрезъ все развитіе животнаго и растительнаго міра въ цѣломъ. Астрономы находятъ его въ развитіи вселенной, химики въ развитіи элементовъ вещества, соціологи въ развитіи общества, этотъ законъ находятъ въ развитіи религіи, искусства, науки и политическихъ учрежденій.

Но гдѣ онъ яснѣе и опредѣленнѣе всего выраженъ—такъ это въ развитіи человѣка отъ зародыша до зрѣлости. И нѣтъ другой болѣе очевидной ошибки въ воспитаніи, какъ пренебреженіе этимъ закономъ. Сколько дѣтей получили отвращеніе къ ученью только потому, что на первыхъ порахъ имъ давали непосильныя работы. А съ другой стороны, сколько дѣтей считаютъ обученіе скучнымъ только потому, что ихъ держатъ на первой ступени въ то время, когда имъ давно уже слѣдовало бы перейти на вторую. Но какъ узнать силы ребенка съ такою точностью, чтобы не сдѣлать въ этомъ отношеніи ошибокъ. Несомнѣнно, что дѣло это чрезвычайно трудное. И вотъ почему люди, изучавшіе дѣтскія игры, особенно настаиваютъ на свободѣ ребенка въ этомъ отношеніи. «Въ тѣхъ случаяхъ,—говоритъ Сикорскій,—когда мы не понимаемъ смысла игры, лучше всего не вмѣшиваться и предоставить ее собственному теченію... Нехорошо, что матери и няни своей помощью и своимъ постояннымъ присутствіемъ лишаютъ ребенка свободы и самостоятельности, своимъ вмѣшательствомъ задерживаютъ наполовину разрѣшенныя двигательныя проблемы и нарушаютъ также радость удачи... Я убѣжденъ, что лучше всего оставить ребенка одного сидѣть на скамеечкѣ и, давши ему какую-нибудь игрушку, ограничиться совершенно пассивнымъ наблюденіемъ. Необходимо, чтобы взрослые оставались спокойными и не вмѣшивались въ игры и развлеченія ребенка. Взрослому часто не слѣдуетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только вполнѣ объективнымъ наблюдателемъ дѣтскихъ занятій. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что если оставить ребенка одного сидѣть на скамеечкѣ со своими игрушками, онъ часто долгое время вполнѣ спокоенъ, погруженъ въ свою игру и обнаруживаетъ всѣ признаки глубокой умственной работы».

По мнѣнію такого авторитета въ данномъ вопросѣ, какъ Гроссъ, наслажденіе, доставляемое игрою, заключается, главнымъ образомъ, въ своеобразномъ чувствѣ свободы, которое

отличаетъ игру отъ серьезныхъ занятій. Отнимите отъ дѣтской игры ея свободный характеръ, сообщите ей элементъ принужденія, и очарованіе исчезнетъ. Признаніе, что въ основѣ игры лежитъ стремленіе ребенка къ развитію, обязываетъ насъ предоставить дѣтямъ извѣстный просторъ въ выборѣ и исполненіи игръ. О предѣлахъ этого простора мы будемъ говорить во 2 томѣ настоящей книги, а сейчасъ я позволяю себѣ цитату изъ книги такого тонкаго наблюдателя, какъ скульпторъ Гинсбургъ. Онъ наблюдалъ дѣтей дошкольнаго возраста на дворѣ Академіи Художествъ, гдѣ находилась его мастерская.

«Это были,—пишетъ Гинсбургъ,—все дѣти бѣдныхъ, простыхъ родителей: сторожей, натурщиковъ и служителей академіи. Родителямъ-труженикамъ некогда смотрѣть за дѣтьми, которыя, не находясь подъ постояннымъ надзоромъ старшихъ, веселятся и изобрѣтаютъ игры, какъ хотятъ и умѣютъ. Все, что находится на дворѣ: песокъ, камень, дрова и т. п., служитъ имъ предметомъ игры. А если появится на дворѣ возъ съ дровами или телѣжка съ молокомъ, то дѣти немедленно извлекаютъ изъ этихъ новыхъ явленій новые способы для забавъ: кто ищетъ сѣна для лошади, кто садится на возъ, а кто помогаетъ молочницѣ носить молоко. Каждый ребенокъ находитъ способъ по-своему выказывать свой характеръ и свои наклонности и, глядя изъ окна коридора, куда выходила моя мастерская, на этихъ оставленныхъ безъ присмотра дѣтей, я всегда восхищался ими и отъ души жалѣлъ тѣхъ, которыя постоянно и неотлучно находятся подъ опекой воспитателя и не могутъ свободно играть, какъ имъ хочется. Въ Александровскомъ саду я разъ видѣлъ учительницу. Она держала въ рукѣ записную книжку и въ ней что-то отмѣчала. Кругомъ стояла большая толпа дѣтей, вѣроятно, изъ городской школы. Когда запись кончилась, учительница объясняла игру: дѣтки должны были образовать кругъ, а потомъ вертѣться, сперва справа налѣво, а потомъ слѣва направо. Долго дѣти не понимали въ чемъ дѣло. Но когда верченіе вправо началось, и дѣти весело разыгрались, то въ самомъ разгарѣ веселья, учительница кричала, чтобы всѣ остановились: планъ игры требовалъ другого порядка. При томъ игра, какъ видно, приняла слишкомъ веселый характеръ. Дѣти остановились и были сбиты съ толку.

«Что особенно меня восхищало въ простыхъ дѣтяхъ, которыхъ я видѣлъ на дворѣ, это то, что отношенія между ними всегда были добрыя и дружескія. Поражало и то довѣріе, которое эти дѣти питали другъ къ другу. Когда я давалъ деньги для покупки гостинцевъ, то дѣти сами выбирали одного изъ своей среды, который все покупалъ и дѣлилъ поровну между всѣми».

Огромное значеніе игры въ воспитательномъ отношеніи усиливается еще тѣмъ, что въ играхъ лучше всего прояв-

ляется индивидуальность ребенка. На эту особенность игръ обратилъ вниманіе еще Платонъ и совѣтовалъ воспитывать дѣтей на вольныхъ играхъ, чтобы лучше наблюдать, у кого изъ нихъ какія наклонности. По мнѣнію Гросса, игра — это своеобразный способъ проявленія различныхъ инстинктовъ и влеченій. [Мы прибавили бы—и развитія ихъ].

«Дѣятельность всѣхъ одушевленныхъ существъ,—говоритъ Гроссъ,—опредѣляется въ высокой степени наслѣдственными инстинктами. Пріемы, напримѣръ, извѣстнаго вида животныхъ, которые они проявляютъ въ сферѣ своей дѣятельности, въ своихъ движеніяхъ, въ голосѣ, въ добываніи пропитанія, въ борьбѣ съ другими животными, въ способѣ скрыванія отъ преслѣдованій — опредѣлены въ основныхъ своихъ чертахъ наслѣдственными инстинктами. Если, съ одной стороны, не представится случая къ обнаруженію подобныхъ инстинктовъ (т.-е. въ виду какой-либо серьезной цѣли), если, съ другой стороны, возстановленіе нервной энергіи достаточно превзойдетъ расходъ этой энергіи, такъ что въ организмѣ явится потребность обнаружить запасъ накопившихся силъ—что особенно часто случается у молодыхъ лицъ,—тогда эти наклонности проявятся безъ всякаго внѣшняго побужденія. Котенокъ будетъ обращаться съ кусочкомъ бумаги, какъ со своей добычей; медвѣженокъ будетъ бороться со своими братьями; собака, сидѣвшая продолжительное время взаперти, будетъ прыгать по улицѣ и т. д. Эти именно проявленія дѣятельности мы и назовемъ игрой».

Эти разсужденія Гросса слѣдуетъ дополнить, во-1-хъ, тѣмъ фактомъ, что способности, проявляясь, упражняются, а слѣдовательно, и развиваются, и укрѣпляются, а во-2-хъ, тѣмъ, что при равныхъ другихъ условіяхъ скорѣе и чаще будетъ проявляться наиболѣе сильный органъ. Такимъ образомъ, прирожденные индивидуальные задатки и наклонности всего естественнѣе проявятся въ игрѣ, если она не будетъ носить принудительнаго характера. Перэ показалъ, что съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни у дѣтей замѣчаются извѣстныя своеобразныя, чисто индивидуальныя представленія, проявляющіяся во всѣхъ дѣтскихъ играхъ и въ разговорахъ. Вотъ, напримѣръ, два противоположныхъ дѣтскихъ типа, имъ описанныхъ, въ лицѣ Юліи и Жоржа

«Въ своихъ играхъ Юлія очень смѣла, прыгаетъ съ значительной высоты, качается на качеляхъ какъ можно выше и очень довольна, когда качели опрокидываются...»

«Жоржу свойственна нѣкоторая разслабленная медлительность. Въ его играхъ нѣтъ ничего живого и неистоваго; всѣмъ другимъ развлеченіямъ онъ предпочитаетъ разговоръ; онъ говоритъ охотно, хорошо и много; онъ никогда не уступаетъ, разсказываетъ, какъ взрослый, и любитъ вставить какую-нибудь маленькую остроту».

Но это не значитъ, конечно, что однѣхъ прирожденныхъ способностей вполнѣ достаточно. Необходимо еще возбужденіе, психическій импульсъ, безъ котораго наслѣдственная способность можетъ остаться въ скрытомъ состояніи. Можно имѣть всѣ прирожденныя данныя, чтобы быть превосходнымъ музыкантомъ и ни разу въ жизни не брать въ руки музыкальнаго инструмента. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что среди народныхъ массъ очень много превосходно одаренныхъ людей, которые могли бы быть талантливыми изобрѣтателями, учеными, поэтами, философами и т. п., но всѣ они заняты дѣлами, ничего общаго не имѣющими съ ихъ врожденными дарованіями, и ни они сами, ни ихъ знакомые не подозрѣваютъ о тѣхъ дарахъ, какими одарила ихъ природа.

Если въ играхъ проявляются индивидуальныя особенности дѣтей, то надо ожидать, что въ играхъ отразятся и наклонности, отличающія мальчиковъ отъ дѣвочекъ. И какъ это хорошо извѣстно, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Между прочимъ, отмѣтилъ эту разницу и Руссо.

«Мальчики,—писалъ онъ,—ищутъ движенія и шума,—они любятъ барабаны, волчки, маленькія повозочки; дѣвочки больше любятъ такія вещи, которыя доставляютъ удовольствіе глазу—зеркала, мишуру, наряды и прежде всего—куклы; кукла—вотъ настоящее развлеченіе для этого пола. Стоитъ посмотрѣть, какъ какая-нибудь маленькая дѣвочка цѣлый день проводитъ со своей куклой, непрерывно измѣняетъ ея костюмъ, сто разъ одѣваетъ и раздѣваетъ ее и ищетъ все новыхъ и новыхъ сочетаній нарядовъ, безразлично, хорошо ли или плохо они подобраны. Пальцы еще лишены ловкости; вкусъ еще не развитъ, но уже обнаруживается наклонность: въ этомъ постоянномъ занятіи время проходитъ такъ, что ребенокъ этого и не замѣчаетъ. Часы протекаютъ; но ребенокъ не знаетъ этого,—онъ забываетъ даже объ обѣдѣ, онъ чувствуетъ большую потребность въ такой дѣятельности, чѣмъ въ ѣдѣ».

Перэ подчеркиваетъ ту же самую разницу, когда говоритъ: «Въ то время какъ мальчики сами изготовляютъ для себя свистки, барабаны, трубки, рычаги, бумажныхъ змѣевъ и другіе предметы, служащіе для развлеченія, дѣвочки безъ труда раздобываютъ себѣ горшки, кастрюли, миски, тарелки и ножи».

Посредствомъ игръ развиваются не только общіе процессы (воображенія, сужденія, вниманія и проч.), но также и частныя функціи, наклонности, инстинкты и проч., полученные по наслѣдству отъ предковъ.

Когда ребенокъ гонится за бабочкой, за стрекозой, собираетъ цвѣты, ищетъ грибы и ягоды, дѣлаетъ набѣги на птичьи гнѣзда, онъ повторяетъ своихъ предковъ, добывавшихъ средства къ жизни охотою. Когда онъ ловитъ малень-

кую рыбешку руками или сидитъ по цѣлымъ часамъ съ удочкою въ рукахъ, онъ переживаетъ то, что когда-то переживалъ его предокъ-рыболовъ. Когда ребенокъ, уподобляясь Гоголевскому Плюшкину, собираетъ насѣкомыхъ, раковины, жолуди, кусочки дерева, камни и проч., въ немъ пробуждается инстинктъ его предковъ, дѣлавшихъ запасы на зиму. Когда дѣвочка одѣваетъ, укачиваетъ, цѣлуетъ, кормитъ, лѣчитъ и наказываетъ свою куклу, она повторяетъ то, что дѣлали тысячи ея прабабушекъ съ своими дѣтьми.

То же самое происходитъ и въ то время, когда та же дѣвочка дѣлаетъ пирожки изъ песку и глины, рѣжетъ воображаемый коровай, кипятитъ воду и проч.

Когда въ играхъ идетъ борьба, и дѣти соперничаютъ между собою поодиночкѣ или партіями, а нерѣдко и на самомъ дѣлѣ ссорятся и дерутся между собою, въ нихъ проявляется тотъ же инстинктъ борьбы, который игралъ преобладающую роль въ жизни ихъ отдаленныхъ предковъ, чья жизнь была полна борьбы за каждый кусокъ пищи, за мѣсто охоты, за мѣсто ночлега и проч. Нѣкоторые изъ психологовъ видятъ проявленіе того же инстинкта борьбы и въ антагонизмѣ, существующемъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ между учениками и учителями.

Благодаря присущей маленькому ребенку тенденціи къ развитію, будущій подростокъ, юноша и взрослый бросаютъ свою тѣнь на самое раннее дѣтство. Свойства и интересы, которые обнаружатся съ полною ясностью въ дальнѣйшіе годы, можно подсмотрѣть и въ самомъ раннемъ возрастѣ. Четырехлѣтній ребенокъ, самъ не зная того, совершенно непреднамѣренно упражняетъ и развиваетъ какъ разъ тѣ способности, которыя впослѣдствіи дадутъ главное содержаніе его жизни. Знакомая мнѣ дѣвочка очень любила пѣть, начиная съ самаго малаго возраста; и когда она была предоставлена самой себѣ, то всякая игра ея сопровождалась не голько движеніями и разговоромъ, но и пѣніемъ. И впослѣдствіи у ней обнаружились незаурядныя способности къ музыкѣ. Когда знакомый мнѣ мальчикъ въ возрастѣ 4 лѣтъ игралъ съ своею сестрою, то уже тогда бросались въ глаза особенности каждаго ребенка, обнаружившіяся впослѣдствіи съ полною ясностью: дѣвочка очень много пѣла и говорила, много фантазировала, сочиняя сказочки; мальчикъ совсѣмъ не пѣлъ и мало говорилъ; мало сочинялъ, но больше дѣйствовалъ: строгалъ, пилилъ, рубилъ, бѣгалъ, изображалъ греблю, стрѣльбу, охоту, войну, строилъ игрушечные пароходы и желѣзныя дороги, отличался большою силою и ловкостью. Такими же оказались они и позже. Дѣвочка полюбила музыку и еще больше сочиняетъ сказки и разсказы; мальчикъ совсѣмъ не любитъ музыки; не очень любитъ сочинять; но любитъ игрушечныя машины, разбираетъ и со-

бираетъ ихъ, ломаетъ, чтобы лучше разсмотрѣть, производитъ опыты съ электричествомъ, химическіе опыты и т. п., любитъ движеніе, спортъ всякаго рода, гораздо сильнѣе и ловчѣе своей старшей сестры. Дѣвочка въ раннемъ возрастѣ темами для своихъ игръ выбирала уходъ за ребенкомъ въ образѣ куклы, либо сама изображала бѣдную сиротку; а мальчикъ игралъ въ путешествія, въ пароходы, желѣзныя дороги. И эти игры свидѣтельствовали о тѣхъ особенностяхъ, какія и теперь, спустя 6 или 7 лѣтъ находимъ въ обоихъ дѣтяхъ. У дѣвочки очень развито чувство жалости и состраданія, она и сейчасъ питаетъ особую нѣжность къ маленькимъ дѣтямъ, какъ это и подобаетъ будущей матери; а мальчикъ и сейчасъ играетъ въ путешествія, въ моторы, аэропланы, подводныя лодки, желѣзныя дороги.

И прежде, равно какъ и теперь, дѣвочка гораздо уступчивѣе, послушнѣе, болѣе податлива въ смыслѣ воспитанія, менѣе капризна, болѣе вѣжлива и болѣе альтруистка, а ея братъ и раньше, и теперь отличается упрямствомъ и настойчивостью, своенравенъ, самостоятеленъ, оригиналенъ, любитъ итти по избранному имъ самимъ пути, болѣе эгоистъ, чѣмъ альтруистъ, и труднѣе поддается воспитательному воздѣйствію.

Дѣвочка гораздо раньше мальчика начала говорить, читать, считать, писать и вообще развивается гораздо скорѣе, а мальчикъ гораздо медленнѣе. И сейчасъ, какъ и раньше дѣвочка живетъ больше чувствомъ и воображеніемъ, а мальчикъ больше волею и умомъ.

Каждый изъ нихъ беретъ отъ жизни, отъ книги, отъ игръ и занятій то, что всего лучше соотвѣтствуетъ ихъ индивидуальнымъ стремленіямъ къ развитію.

Наблюдая игры дѣтей, мы знакомимся съ ихъ стремленіями, интересами, мы можемъ до нѣкоторой степени судить о томъ пути, по какому пойдетъ накопленіе ихъ опыта и знаній, а, стало-быть, и объ ихъ будущемъ призваніи. Конечно, мы легко можемъ и ошибаться. Въ дѣтствѣ мы всѣ любили играть въ солдатики; но изъ насъ не вышло военныхъ, потому что литература и кружки, въ которыхъ мы вращались въ юности, вытравили это увлеченіе и замѣнили его другими. В. В. Самойловъ, сынъ извѣстнаго артиста, и самъ очень извѣстный артистъ, не скоро нашелъ свое призваніе. Онъ учился въ горномъ институтѣ и былъ уже офицеромъ, когда отецъ замѣтилъ въ немъ голосъ и устроилъ его въ оперѣ. Окончательно перешелъ въ драматическую труппу позже и игралъ вторыя роли; и сталъ выдвигаться лишь, когда ему было 26 лѣтъ. Подъ конецъ своей карьеры онъ по успѣху занималъ первое мѣсто въ театрѣ.

Знаменитый Лобачевскій хотѣлъ заниматься медициной; а влеченіе къ математикѣ у него появилось лишь послѣ пріѣзда иностранныхъ профессоровъ.

И вообще очень часто мы ощупью ищемъ своего призванія, переходимъ отъ одного дѣла къ другому, идемъ не по своимъ путямъ. Бываетъ и такъ, что человѣкъ уже предъ самою смертью ставитъ, какъ Перъ Гинтъ Ибсена, вопросъ о томъ, гдѣ былъ тотъ Перъ Гинтъ, какимъ онъ созданъ былъ.

И все же время, потраченное на изученіе ребенка, не будетъ потеряно. Быть-можетъ, только что указанныя ошибки были результатомъ невнимательнаго отношенія окружающихъ къ проявленію способностей въ дѣтствѣ. Мы знаемъ много случаевъ, когда будущее призваніе ярко намѣчалось еще въ раннемъ дѣтствѣ.

M. Petit еще въ дѣтствѣ играючи совершилъ вивисекцію кролика, а 9 лѣтъ онъ сталъ ревностно заниматься анатоміей.

Френель 9 лѣтъ, также играючи, дѣлалъ наблюденія надъ барометромъ.

Вотъ какъ знаменитый Андерсенъ описываетъ дѣтство двухъ выдающихся датскихъ ученыхъ братьевъ Эрстедовъ.

«Взоръ старшаго мальчугана блестѣлъ смышленостью и смѣлостью; больше всего любилъ онъ читать о силахъ природы, о солнцѣ, о звѣздахъ. Никакая сказка не занимала до такой степени его воображенія. Ахъ, какое счастье пуститься въ далекія странствованія по бѣлу-свѣту, совершать открытія или изобрѣсти крылья, подобныя птичьимъ, на которыхъ бы можно было летать! Вотъ это значитъ «дойти до настоящаго!» Отецъ и мать правы: истиною держится міръ.

Младшій братъ былъ тише, замкнутѣе, весь зарывался въ книги. Читая объ Іаковѣ, надѣвшемъ козью шкуру, чтобы выманить у отца благословеніе на первородство, онъ сжималъ кулачки въ гнѣвѣ на обманщика. Читая о тиранахъ, о несправедливостяхъ и злыхъ дѣяніяхъ, что творятся на свѣтѣ, онъ готовъ былъ заплакать. Его всецѣло поглощала мысль, что торжествовать въ мірѣ должно одно «настоящее», сама истина.

Разъ вечеромъ мальчикъ улегся въ постель, но половинки полога были задернуты неплотно, къ нему пробивалъ лучъ свѣта, и онъ могъ еще читать. Онъ и улегся въ постель съ книгой: ему непремѣнно надо было дочитать исторію о Солонѣ. И мысли унесли мальчугана далеко-далеко; кровать стала кораблемъ, который поплылъ на всѣхъ парусахъ. Во снѣ это все было, или...? Корабль скользилъ по волнамъ, по могучимъ волнамъ времени, и мальчикъ явственно услышалъ голосъ Солона; понятно хотя и на чужомъ языкѣ, прозвучалъ девизъ Даніи: «Закономъ строится государство!»

Надо ли прибавлять, что изъ старшаго ребенка вышелъ впослѣдствіи извѣстный натуралистъ Гансъ Христіанъ, а изъ младшаго—выдающійся юристъ Андерсъ. Извѣстная скандинавская писательница Леффлеръ еще въ шестилѣтнемъ воз-

растѣ начала сочинять дѣтскія повѣсти. Римскому-Корсакову еще не было 2 лѣтъ, какъ онъ уже хорошо различалъ всѣ мелодіи, которыя ему пѣла мать. Паскаль еще въ раннемъ дѣтствѣ обнаружилъ необыкновенныя математическія способности, а 16 лѣтъ написалъ замѣчательную работу о коническихъ сѣченіяхъ. Клейнъ разсказываетъ о 4 юношахъ. Они всѣ отправились на продолжительную прогулку: трое изъ нихъ вернулись къ своимъ занятіямъ; а 4-й съ тѣхъ поръ пристрастился къ бродяжничеству. Очевидно, прогулка пробудила въ немъ скрытое до тѣхъ поръ влеченіе.

V. Любовь къ чтенію.

Быть-можетъ, ни въ чемъ съ такою очевидностью не проявляется стремленіе ребенка къ развитію, какъ въ увлеченіи чтеніемъ.

Вмѣсто того, чтобы разсуждать о значеніи книги въ развитіи ребенка, я предпочитаю помѣстить здѣсь въ качествѣ подлиннаго человѣческаго документа разсказъ одного семидесятника о томъ, чѣмъ была книга въ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности.

«Монотонная, будничная безсмысленная жизнь, безъ яркихъ радостныхъ впечатлѣній, окружающая невѣжественная среда, забитая однообразнымъ, постояннымъ физическимъ трудомъ изъ-за куска чернаго хлѣба. Полуголодное существованіе.

Смутно сознаваемая ненужность такого сѣраго, унылаго, а подчасъ прямо ужасающаго существованія, безъ радости, безъ бодрящихъ впечатлѣній. Полная обособленность отъ культурныхъ людей. Полное отсутствіе какихъ-либо образовательныхъ и воспитывающихъ учрежденій, кромѣ плохой школы. Чтобы пробудить себя отъ этого дремотнаго состоянія, чтобы стряхнуть съ себя сонъ, навѣваемый вялой и бѣдной дѣйствительностью, хотѣлось новыхъ сильныхъ ощущеній, красокъ, какой-нибудь яркой радости, драматизма, напряженнаго движенія, героевъ, рѣзкихъ контрастовъ.

Вывести меня изъ этого тупика могъ бы хорошій образованный человѣкъ, но въ дѣтствѣ его не было около меня. Меня отупляли зубристикой, дисциплиной, основанной на страхѣ и розгѣ, схоластической программой.

Конечно, я искалъ удовлетворенія своей любознательности и въ разговорахъ со взрослыми. Но то, что они говорили между собою, за немногими исключеніями, такъ часто повторялось, что казалось мнѣ обыденнымъ, старымъ и неинтереснымъ, или, что еще хуже, ужаснымъ до отчаянія. И я могу назвать теперь не болѣе 2—3 встрѣчъ, заинтересовавшихъ меня въ дѣтствѣ и не запугивавшихъ меня ужасами жизни. И меня вывела изъ этого тяжелаго состоянія хорошая книга, которую оказалось легче

найти, чѣмъ хорошаго человѣка. Стремленіе стряхнуть съ себя вліяніе соннаго, вялаго настроенія окружающихъ возбуждало во мнѣ, свойственную возрасту, жажду къ геронзму, къ сильнымъ красочнымъ образамъ, къ игрѣ необычайныхъ приключеній, къ поражающимъ воображеніе событіямъ, и могло найти исходъ только въ литературѣ. Книга, дѣйствительно, переносила меня изъ узкаго круга мелкихъ и однообразныхъ интересовъ окружающей среды, ограничивающихся почти исключительно вопросами удовлетворенія голода, на широкую сцену всемірной исторіи, міровой литературы, на арену, гдѣ дѣйствовали герои во имя высокихъ идеаловъ добра, правды, справедливости, красоты, счастья народа, родины и человѣчества. Въ книжныхъ образахъ были и яркія краски, и захватывающій драматизмъ, и головокружительная необычайность подвиговъ.

Долженъ сознаться, что самая техника чтенія, пока я не овладѣлъ ею въ достаточной мѣрѣ, не доставляла мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. И это вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что я учился читать по псалтырю на славянскомъ языкѣ, въ которомъ я не понималъ ни единаго слова. Интересъ къ чтенію пробудился во мнѣ лишь тогда, когда я сталъ читать сравнительно бѣгло; и, конечно, и на этой ступени меня интересовало исключительно содержаніе, а не механическій процессъ чтенія.

Гоголевскій Петрушка, интересующійся механизмомъ, а не содержаніемъ, мнѣ кажется, является скорѣе уродливымъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ естественнаго развитія. Когда я овладѣлъ механизмомъ чтенія и когда въ мои руки попали доступныя пониманію книги, чтеніе стало моею преобладающею страстью. Изъ-за книгъ я пропускалъ уроки, не готовилъ заданнаго, нерѣдко получалъ плохіе баллы и неоднократно подвергался наказаніямъ.

Относительно чтенія я дѣлю свое развитіе на три періода.

Сначала я пользовался только одними лубочными изданіями. Изъ житій святыхъ, занимавшихъ крупное мѣсто въ коробахъ офеней, потрясающее впечатлѣніе произвело на меня житіе Филарета Милостиваго, его необыкновенная доброта, выразившаяся въ томъ, что онъ роздалъ нуждающимся свое огромное имущество, отъ котораго подъ конецъ осталась только корова съ теленкомъ. И сейчасъ помню, какъ онъ отдалъ бѣднякамъ эту свою послѣднюю корову, отдалъ имъ затѣмъ и теленка, потому что корова скучала по теленку, и какъ онъ боролся съ эгоизмомъ своихъ семейныхъ, не желавшихъ, чтобы онъ расточалъ свое имѣніе на дѣла милосердія.

Большое изумленіе, граничащее съ восторгомъ, производили пустыножители, въ родѣ Симеона Столпника. Герои прочитанныхъ книгъ, какъ это очень часто бываетъ въ дѣтскомъ возрастѣ, служили для меня образцомъ для подражанія. Житія святыхъ заставили меня мечтать о томъ, чтобы уйти отъ лю-

дей въ лѣсъ или пустыню, молиться, работать и жить такъ, какъ жили святые люди. Должно-быть, это мое настроеніе я сумѣлъ передать своимъ товарищамъ, дѣтямъ сосѣдей, и мы вмѣстѣ съ ними вырыли пещеру въ снѣгу, въ полѣ, устроили тамъ самодѣльный крестъ, прикрѣпили къ стѣнѣ лубочную божественную картинку, положили туда какую-то книгу духовнаго содержанія и почти ежедневно, а иногда и два раза въ день между играми прибѣгали туда, становились на колѣни и молились, при чемъ я обыкновенно читалъ, и всегда съ большимъ чувствомъ, спрятанную тутъ книгу. Иногда, впрочемъ, мои товарищи не выдерживали торжественнаго настроенія, и дѣло оканчивалось шалостями или дракой.

На ряду съ духовными книгами я съ жадностью читалъ и свѣтскія произведенія лубочной литературы: Еруслана Лазаревича, Бову Королевича, Конька Горбунка. И какъ это ни странно, при воспоминаніи о ней, я не чувствую обычнаго въ писательскомъ быту презрѣнія, а одну благодарность. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что при той безысходной скукѣ, а иногда ужасѣ жизни, какіе выпали на мою долю, даже лубочная литература съ ея эффектами, изображеніями необычайныхъ приключеній, фантастическими событіями, героическими подвигами и нечеловѣчески-сильными порывами и страстями представлялась манною небесною для голодающаго.

Легко и просто издѣваться надъ лубочною литературою. Но надо помнить, что она создана мужикомъ и для мужиковъ, что она одна была по карману бѣднымъ людямъ изъ народа. Въ то время, когда для барскаго чтенія существовали свои дорого оплачиваемые писатели, свои издатели, чьи книги были по средствамъ владѣльцамъ крѣпостныхъ душъ, для самихъ крѣпостныхъ и вообще для бѣдныхъ доступны были только книги, написанныя мужиками-писателями (Мишей Евстигнѣевымъ, Зряховымъ, Чуровскимъ и друг.), изданныя мужиками же—издателями (Шараповымъ и др.), и разносимыя мужиками-офенями. И какъ барская литература выражала вкусы своихъ читателей — помѣщиковъ, такъ и писатели-мужики удовлетворяли вкусамъ своего брата-мужика, его предразсудкамъ, вѣрованіямъ, старались развлечь его и позабавить, какъ умѣли.

Въ Ерусланѣ Лазаревичѣ поражали мое воображеніе самыя разнообразныя приключенія и воинскіе подвиги: бой со змѣемъ, бой съ русскимъ богатыремъ Иваномъ и съ своими неузнанными сыновьями.

А при чтеніи Бовы Королевича трепетное волненіе вызывало во мнѣ его бѣгство отъ злой матери и отчима, проявленныя имъ чудеса храбрости, одержанныя имъ побѣды, когда онъ одинъ выходилъ противъ цѣлыхъ полчищъ непріятелей, его чудесный мечъ кладенецъ, его конь богатырскій и стойкость, съ какою онъ защищалъ христіанскую вѣру. Особенно нрави-

лась мнѣ тогда та опредѣленность, съ которою рисовались въ сказкахъ добрые и злые люди. Если герой золъ, такъ ужъ золъ до конца, безъ всякихъ *но*, ужасенъ, какъ самое черное исчадіе ада, жестокъ, какъ лютый звѣрь. То же самое и съ добрыми героями, которыхъ сказки и разсказы украшали всѣми возможными добродѣтелями.

Второй періодъ я начинаю съ того дня, когда я получилъ возможность брать книги за плату по 10 коп. въ мѣсяцъ (въ складчину съ своимъ товарищемъ) изъ библіотеки, существовавшей тогда при одной изъ городскихъ церквей. Эта библіотека составляетъ самое свѣтлое воспоминаніе всего моего дѣтства. Я погрузился въ чтеніе, я глоталъ книги со страстью, съ жадностью умственно голоднаго человѣка, не чувствуя усталости. Это была какая-то всепоглощающая манія. Я откладывалъ гроши, добываемые мною съ огромнымъ трудомъ то чтеніемъ псалтыря по покойникамъ, то христославленіемъ на Рождество, чтобы собрать необходимую абонементную плату, конечно, по послѣднему разряду.

Наиболѣе глубокія эмоціи и настроенія вызваны были Гоголемъ силою его драматизма, смѣлымъ полетомъ воображенія.

Полные сверхъестественныхъ событій, фантастическихъ приключеній и чудесъ, «Вій» Гоголя и «Страшная месть» его же произвели на меня такое жестокое дѣйствіе, что я замиралъ отъ ужаса при ихъ чтеніи; я видѣлъ, слышалъ, осязалъ всю эту фантасмагорію устрашающихъ образовъ; а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ дней видѣлъ во снѣ отрывки изъ прочитаннаго и вскакивалъ отъ страха.

Необычайные характеры и самыя изумительныя приключенія, описанныя въ «Тарасѣ Бульбѣ», вызвали большой подъемъ и воображенія и мысли. Сильное впечатлѣніе произвелъ романъ Дюма «Монте Кристо», зажигая во мнѣ дѣтское стремленіе къ героизму и необычайнымъ приключеніямъ. Я читалъ его не отрываясь, забывъ и уроки, и сонъ, при неровномъ свѣтѣ дымной лучины, чуть ли не цѣлую ночь напролетъ. Замѣчательно, что та же книга, переданная мною одному рабочему, заставила его пропустить два рабочихъ дня. Многія изъ стихотвореній Никитина, оплакивавшаго непосредственно знакомую мнѣ народную долю, я зналъ наизусть и, повторяя, быть-можетъ, въ сотый разъ «Жену ямщика», не могъ удержаться отъ слезъ и читалъ нѣкоторыя мѣста обрывающимся отъ плача голосомъ.

Очень заинтересовали меня также двѣ-три книги научно-популярнаго характера и особенно по физіологіи человѣка.

Начало третьяго и послѣдняго періода я отношу къ 14-му году своей жизни, когда я получилъ доступъ къ богатой публичной библіотекѣ губернскаго города и къ кружкамъ интеллигентной молодежи. Первое по времени мѣсто въ этомъ періодѣ я долженъ отвести Базарову.

Умный, сильный, гордый плебей Базаровъ, конечно, страшно заинтересовалъ меня; но при первомъ чтеніи меня испугало и оттолкнуло то безпощадное отрицаніе всего, даже того, что «страшно вымолвить», а также и его индиферентизмъ къ тому, будетъ ли у мужика хорошая изба. Впрочемъ, надо сознаться, что я пошелъ за Базаровымъ не сразу, а послѣ продолжительной борьбы. Отрицаніе Базарова сначала заинтересовало меня съ религіозной стороны и показалось мнѣ кощунствомъ. Я почему-то бросился на астрономію, думая найти въ ней подтвержденіе библейскаго сказанія о дняхъ творенія. Но—увы!—астрономія оказалась противъ меня. Я обратился къ геологіи; результатъ тотъ же. И я уступилъ.

Къ Рудину я относился тогда, по моему теперешнему мнѣнію, несправедливо: я считалъ его безсильнымъ, безвольнымъ, бездѣльникомъ, любящимъ красивую позу и пышную, кудрявую фразу, праздноболтающимъ баріномъ, хотя, разумѣется, не могъ отрицать его большого ума и благихъ намѣреній.

«Униженные и оскорбленные» Достоевскаго произвели на меня также сильное впечатлѣніе. Между прочимъ, романъ удивилъ меня тѣмъ, что и въ аристократической средѣ, которую я, не зная ея лично, подъ вліяніемъ разсказовъ крѣпостныхъ, презиралъ всею душою, можно найти, какъ у Алеши, искру Божію и чистое сердце, не знающее зла, несмотря на негодяя отца и на воспитаніе въ аристократическомъ домѣ и на жизнь среди развращенной золотой молодежи.

«Записки изъ Мертваго дома» показали мнѣ, что «и въ каторгѣ живутъ не звѣри, а люди».

Диккенсъ внушилъ мнѣ вѣру въ людей, горячую любовь къ нимъ, состраданіе къ обиженнымъ судьбою. Я плакалъ, когда авторъ особенно трогательно описывалъ чью-нибудь горькую жизнь.

Я смѣялся, когда авторъ ставилъ своихъ героевъ въ комическое положеніе.

Утопіи и, главнымъ образомъ, Фурье заставляли меня забывать все окружающее и переносили мое воображеніе въ дивный волшебный міръ, гдѣ нѣтъ ни зла, ни страданій, ни оковъ, ни гнета, ни нищеты, а гдѣ царятъ свобода, правда, равенство, братство, справедливость и всеобщее счастье. Особенно прельщалъ меня идеалъ Фурье согласить общественное устройство со страстями людей, сдѣлать трудъ привлекательнымъ, сообразуясь съ наклонностями каждаго, предоставивъ лакомкамъ кухонное дѣло, любителямъ животныхъ—конюшни и скотные дворы и проч.

И сейчасъ еще звучитъ въ моихъ ушахъ его эффектный афоризмъ: «Обязанности идутъ отъ людей, а страсти—отъ Бога».

Лассаль вскружилъ мнѣ голову. Онъ писалъ такъ ясно, что я читалъ его такъ же легко, какъ романъ; его неожиданныя и мѣткія сравненія, какъ молнія, освѣщали самыя от-

влеченныя и трудныя изъ его положеній, его остроуміе приковывало къ книгѣ. Его постоянныя обращенія къ разуму и совѣсти, возвышавшіяся нерѣдко до паѳоса, поддерживали высокое настроеніе не только при чтеніи книги, но и послѣ того.

Бокля я читалъ съ упоеніемъ: меня увлекала его вѣра въ прогрессъ и истину, его гордое стремленіе отыскать законы умственнаго развитія человѣчества, такіе же правильные законы, какіе управляютъ и физическимъ міромъ.

Съ большимъ увлеченіемъ читалъ я и другія историческія книги, напримѣръ, Шлоссера, а также историческіе романы. Мнѣ нравилось, что это чтеніе переносило меня за столѣтія и тысячелѣтія назадъ и приносило мнѣ изъ глубины вѣковъ извѣстія о томъ, что думали и чувствовали, какъ жили, боролись, работали, наслаждались, мучились, что трепетно любили и что ненавидѣли наши предки и ихъ современники: къ чему они стремились, о чемъ говорили. Въ историческихъ книгахъ меня особенно интересовала не жизнь королей и принцевъ, мало понятная для меня, а бытъ народа, его радости и горе, его стремленія и его герои.

Меня волновали эти вѣчныя колебанія счастья и перемѣны судьбы, подвиги замѣчательныхъ личностей, особенно, если онѣ происходили изъ низшихъ классовъ народа.

Изъ Добролюбова огромное впечатлѣніе произвели статьи о Робертѣ Оуэнѣ, объ авторитетѣ въ воспитаніи, объ обломовщинѣ; но ничто не дѣйствовало такъ сильно, какъ его «Темное царство». Весь ужасъ жизни, который я наблюдалъ, а отчасти и пережилъ самъ, безудержное самодурство однихъ, полное безправіе другихъ, поруганіе человѣческаго достоинства,—все это, благодаря Добролюбову, соединилось въ моей головѣ въ одно цѣлое, въ одну яркую потрясающую картину. Его фраза «Милый другъ, я умираю, оттого что былъ я честенъ»... и сейчасъ звучитъ въ моихъ ушахъ, какъ одно изъ воспоминаній о своемъ кумирѣ, предъ которымъ я преклонялся въ юности.

Названныя книги вмѣстѣ съ другими подобными ввели меня въ сферу общественныхъ и политическихъ вопросовъ, пробудили критическое отношеніе къ соціально-политическимъ формамъ, дали совершенно опредѣленное направленіе недостаточно яснымъ до тѣхъ поръ симпатіямъ и антипатіямъ. Эти книги раскрыли предо мною совершенно новый волшебный міръ, полный самаго живого восторженнаго интереса, преисполненный необыкновенной красоты и возвышенныхъ трепетныхъ духовныхъ наслажденій, о которыхъ я не имѣлъ до того времени ни малѣйшаго представленія.

Изъ идей, усвоенныхъ мною тогда, наиболѣе яркое впечатлѣніе произвела мысль, что рай не позади насъ—въ узкой долинѣ между Тигромъ и Евфратомъ, а впереди, что это не рай

Адама и Евы, а рай всего человѣчества, которое въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ работаетъ надъ осуществленіемъ царства добра и правды не на томъ свѣтѣ, а на этомъ. Поражали меня также свободныя, смѣлыя перспективы, которыя широкими мазками рисовала предо мною новая литература, не считаясь съ установившимися, казалось, незыблемыми, устоями. Отъ этихъ перспективъ дѣлалось жутко, но вмѣстѣ и радостно, быстро росло умственное возбужденіе.

Поражала и та дерзость, съ которою авторы опрокидывали «Эльборусы и Монбланы», по выраженію тогдашняго талантливаго критика; удивлялъ этотъ смѣлый, прямой языкъ, которымъ авторы говорили, обращаясь къ престоламъ и тронамъ.

И мнѣ казалось, что я уже не могу болѣе жить такъ, какъ жилъ до сихъ поръ, какъ жила моя семья, мои родные и знакомые. Я хотѣлъ учиться, но не тому, чему учатъ въ школѣ, а тому, о чемъ говорили прочитанныя мною книги; учиться, чтобы затѣмъ работать въ новомъ указанномъ книгами направленіи.

Кто-то натолкнулъ меня на книги педагогическаго содержанія, и я принялся за чтеніе журнала «Учитель», за Ушинскаго, бар. Корфа. Я прочелъ все, что только могъ найти въ современной педагогической литературѣ. И чѣмъ больше я читалъ педагогическихъ книгъ, тѣмъ сильнѣе воодушевлялся задачами народнаго учителя, и притомъ не только какъ средствомъ сближенія съ народомъ (это само по себѣ), а прямо задачами воспитанія и образованія подрастающихъ поколѣній народа, и эти задачи казались мнѣ тогда высшей цѣлью жизни. Нѣкоторыя изъ прочитанныхъ тогда статей Ушинскаго и Пирогова и до сихъ поръ служатъ для меня скрижалями педагогическихъ завѣтовъ, моимъ евангеліемъ.

Благодаря такимъ книгамъ, у меня образовалась своя педагогическая доктрина, свое представленіе о раціональныхъ методахъ преподаванія и воспитанія, о задачахъ воспитанія и школы.

Многое съ тѣхъ поръ поблѣднѣло въ моей душѣ: «облетѣли цвѣты, догорѣли огни»; надвигающаяся старость охладила многія изъ увлеченій; но и до сихъ поръ я попрежнему чувствую въ себѣ благоговѣйное отношеніе къ писателямъ, которымъ я былъ обязанъ въ юности своимъ духовнымъ возрожденіемъ. И до сихъ поръ имена Ушинскаго и Пирогова, Руссо и Песталоцци я не могу произносить безъ нѣкотораго душевнаго волненія. И меня потянуло въ народные учителя. Но я не хотѣлъ разстаться и съ мечтою объ университетѣ. И у меня явился особый планъ. Поступить сначала въ народные учителя, питаться молокомъ и [яйцами всмятку (по гигіэнѣ Реклама), накопить денегъ и поступить въ университетъ, пройти весь циклъ знаній, по Конту, начавъ съ физико-матема-

тическаго факультета. Педагогическія статьи и книги, прочитанныя тогда, опредѣлили направленіе моей дѣятельности на всю мою жизнь, потому что я могу сказать, что почти всю жизнь я, дѣйствительно, посвятилъ народному образованію.

Статьи Писарева, его страстное отрицаніе эстетики, какъ «вздорной потребности», какъ дѣла, чуждаго «мыслящаго человѣка», значительно охладили мое увлеченіе беллетристикой; но я нашелъ выходъ въ томъ, что сталъ выбирать для своего чтенія романы и повѣсти съ «хорошимъ направленіемъ». Къ такимъ книгамъ я относилъ, напримѣръ, романы Шпильгагена.

Огромное впечатлѣніе произвела на меня критическая статья Ткачева «Лидія будущаго и герои мѣщанства», помѣщенная въ какомъ-то журналѣ. Быть-можетъ, это объясняется тѣмъ, что она была прочитана мною послѣ романа Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ», разбору котораго была посвящена. Отъ наплыва и выхъ, доселѣ невѣдомыхъ идей и стремленій замиралъ духъ, кружилась голова. Нечего говорить о томъ, на чьей сторонѣ было мое сердце, по прочтеніи этихъ двухъ произведеній.

Учитель Туски поражалъ меня своею прямолинейностью. Его изреченіе «Предоставьте мертвецамъ хоронить своихъ мертвецовъ» волновало меня, какъ проявленіе величайшей преданности идеѣ, фанатизма, отрекающагося во имя своихъ идеаловъ отъ самыхъ естественныхъ родственныхъ чувствъ. Меня привлекалъ образъ идеалиста Туски еще болѣе тогда, когда онъ, отошедшій отъ Лео во время его шумнаго успѣха, возвратился къ нему послѣ неудачъ, когда всѣ отвернулись отъ Лео, и, приглашая его въ Америку, сказалъ: «Неужели ты съ этими преторіанскими когортами надѣешься завоевать свободу». Еще большее впечатлѣніе произвелъ на меня образъ Лео, казавшагося мнѣ какимъ-то гордымъ титаномъ, вызвавшимъ на бой за свои идеалы все общество, и принесшимъ имъ въ жертву всѣ свои привязанности, свою любовь, свое личное счастье и самую жизнь.

Восторгаясь Лео, его настойчивостью, энергіей, умомъ, самоотверженною преданностью идеѣ, я въ то же время вмѣстѣ съ Туски не хотѣлъ одобрить избраннаго Лео пути. Производили также впечатлѣніе «Изъ мрака къ свѣту» и «Загадочныя натуры». И сейчасъ помню полныя мрачнаго пессимизма слова какого-то изъ Шпильгагенскихъ героевъ, ушедшаго въ цыганскій таборъ: «Презирать людей, презирать себя, презирать то, что тебя презираютъ другіе»...

И другія произведенія Шпильгагена, а также «93 годъ» и «Несчастные» Виктора Гюго потрясали меня до глубины души. Особенно волновали образы людей, жившихъ, боровшихся и даже умиравшихъ за свои идеалы, за справедливость и свободу.

Меня поражали антитезы В. Гюго, когда посредствомъ контрастовъ и противопоставленій онъ сразу и съ необычайной яркостью освѣщалъ какую-нибудь изъ своихъ идей.

Несмотря на отрицательное вліяніе Писарева, рѣдко какая научная книга овладѣвала мною въ такой же степени, какъ заинтересовавшій почему-либо меня романъ. Я поглощалъ страницу за страницей, не замѣчая времени, иногда просиживая напролетъ цѣлыя ночи.

Взвѣшивая теперь вліяніе на меня беллетристики, я не могу не отмѣтить очень многихъ чрезвычайно цѣнныхъ сторонъ этого вліянія. Одни изъ художественныхъ произведеній, какъ напримѣръ, романы Шпильгагена, учили меня любить свободу, другія внушали мнѣ сострадание къ горю и несчастію другихъ людей, какъ, напримѣръ, «Несчастные» В. Гюго, третьи возбуждали уваженіе къ искренности и правдивости (Базаровъ Тургенева), четвертыя—любовь къ честному упорному труду, къ сильной волѣ и самообладанію („Труженики моря“ В. Гюго), и всѣ вмѣстѣ восторгъ предъ нравственной силой, предъ исполненіемъ нравственнаго долга.

Лучшія изъ беллетристическихъ произведеній возбуждали восторгъ предъ безкорыстной любовью къ добру и правдѣ; они учили «не требовать наградъ за подвигъ благородный». Мало этого. Художественныя произведенія поддерживали во мнѣ вѣру въ идеалы, вѣру въ то, что и я самъ могъ бы содѣйствовать воплощенію этихъ идеаловъ въ жизни и хоть на волосокъ двинуть впередъ какое-нибудь хорошее дѣло. Художники слова поддерживали во мнѣ надежду на лучшее будущее. Они поддерживали и бодрость духа, такъ часто падавшую подъ вліяніемъ тяжелыхъ жизненныхъ условій. Мой жизненный опытъ ограниченъ былъ очень тѣсною сферою. При такихъ условіяхъ легко развивается мечтательность, голова наполняется самыми нелѣпыми фантастическими проектами, несбыточными надеждами, вырабатывается типъ неудачника, терпящаго провалы въ своихъ начинаніяхъ, по незнанію дѣйствительныхъ условій жизни и свойствъ человѣческой природы.

Лучшія изъ беллетристическихъ произведеній реалистическаго характера развивали во мнѣ чувство мѣры, они учили различать, что возможно и что неосуществимо и, такимъ образомъ, они воспитывали трезвое, разумное отношеніе къ жизненнымъ цѣлямъ, задачамъ и идеаламъ, они помогали согласовать лучшія изъ цѣлей съ современными условіями и житейскими требованіями. «Я ищу идеала,—говоритъ поэтъ Гюго,—но не теряю, однако, изъ-подъ ногъ реальной почвы». Конечно, и въ художественныхъ произведеніяхъ нельзя найти фотографически вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности; правда, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ творчествомъ поэта или романиста; но здѣсь мы встрѣчаемся съ такъ называемой

художественной правдою, а эта правда, по мнѣнію многихъ, даже реальнѣе фотографическаго изображенія дѣйствительнаго событія, потому что эта правда, какъ думаютъ нѣкоторые, логичнѣе, послѣдовательнѣе, «дѣйствительнѣе даже самой дѣйствительности».

Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ я былъ склоненъ увлекаться и нерѣдко чрезмѣрно преувеличивать достоинства тѣхъ, съ кѣмъ приходилось становиться въ близкія сношенія, и погрѣшалъ противъ правды; нашей реалистической литературѣ я обязанъ тѣмъ, что она воспитывала во мнѣ чувство правды, чутье реальности; учила согласовать благожелательное отношеніе къ знакомымъ съ чувствомъ правды; учила не жертвовать правдою во имя благожелательности; но не жертвовать и благожелательностью во имя правды и дѣйствительности,—словомъ, она учила меня такту.

Я жилъ въ средѣ, гдѣ, по выраженію Островскаго, царятъ „жестокіе нравы“; гдѣ пьяный озвѣрѣвшій супругъ и отецъ нерѣдко бьетъ смертнымъ боемъ свою жену и своихъ дѣтишекъ, и гдѣ окружающіе думаютъ, что онъ имѣетъ на это всѣ права, гдѣ женщина въ пѣсняхъ оплакиваетъ свою горькую долю, гдѣ темное царство семейнаго насилія и гнета нерѣдко доводитъ до самоубійства женъ и даже подростковъ.

И ничто не освѣтило этой среды такъ ясно, какъ художественная литература, воспитывающая въ насъ отвращеніе и презрѣніе къ злорадству, цинизму, чванству, важничанью, глупому самодовольству, нахальству, насилію, гнету, оскорбленіямъ, лицемѣрію, коварству, предательству, а также къ легкомыслію, дикости и къ нравственному безсилію, къ отсутствію чувства чести и нравственнаго достоинства.

Въ той средѣ, гдѣ я провелъ свое дѣтство, если и избѣгали дурныхъ поступковъ, то большею частію изъ побужденій троякаго рода: либо изъ страха наказанія здѣсь на землѣ, либо изъ страха адскихъ мученій на томъ свѣтѣ, либо изъ боязни, что скажутъ сосѣди. О чувствѣ совѣсти мнѣ почему-то приходилось слышать очень рѣдко. Но наказанія на землѣ можно иногда избѣжать; общественное мнѣніе можно обмануть; есть средства избавиться и отъ мукъ ада; гораздо надежнѣе поэтому судъ собственной совѣсти. Но ничто въ такой мѣрѣ не дѣйствовало на пробужденіе совѣсти, какъ чтеніе.

Въ тогдашней художественной литературѣ встрѣчались яркія изображенія «этого когтистаго звѣря», по выраженію поэта, который «скребетъ сердце» грѣшника. Художники слова умѣютъ изобразить укоры и упреки совѣсти, которые стучатъ, «какъ молоткомъ» въ ушахъ преступника. Книги научили меня понимать и симпатизировать героямъ, къ какой бы націи они ни принадлежали: были ли это евреи, о которыхъ я читалъ въ Библіи и священной исторіи, или греки и римляне, о которыхъ я читалъ въ историческихъ книгахъ и

въ переводахъ съ древнихъ языковъ, или французы, о которыхъ сообщали мнѣ переводныя повѣсти и разсказы и исторія. И я не могу назвать никакого другого фактора, который бы содѣйствовалъ развитію моихъ симпатій и нравственныхъ чувствъ въ той мѣрѣ, въ какой это сдѣлали книги.

Тѣ смутныя, данныя мнѣ самою природою, инстинктивныя, почти безсознательныя чувства симпатіи къ людямъ литература расширила, возвысила, углубила и превратила въ сознательныя нравственныя чувства и стремленія. Я живо чувствовалъ, какъ подъ чарующимъ вліяніемъ художественной литературы я самъ становился лучше.

Беллетристы же помогли мнѣ разобраться въ своихъ собственныхъ свойствахъ, узнать то, что было во мнѣ хорошаго и сильнаго, а также и то, что было плохого и слабаго.

Беллетристы не разъ указывали мнѣ на такіе оттѣнки въ моихъ собственныхъ чувствахъ — въ настроеніяхъ, какихъ я не замѣтилъ бы въ себѣ, если бы на нихъ не обратила моего вниманія художественная литература, описывающая аналогичныя особенности въ душѣ своихъ героевъ. Всякому извѣстно, что иногда въ художественномъ произведеніи, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ самихъ себя со всѣми нашими достоинствами, которыми мы тогда любуемся, и со всѣми нашими пороками, которые мы тогда ненавидимъ въ себѣ.

Книги научили меня лучше понимать и человѣческую природу вообще, ея достоинства и недостатки, лучше различать добро и справедливость отъ зла, важное и существенное отъ неважнаго и случайнаго.

Безъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и Толстого и человѣческая природа, и наше общество, и моя личная душевная жизнь представлялись бы мнѣ совсѣмъ въ другомъ очень тускломъ, ложномъ и далеко неполномъ освѣщеніи. Навѣрное, я не видѣлъ бы ни въ себѣ, ни кругомъ себя и одной десятой доли того, что вижу теперь. Больше того. Сама жизнь моя, вѣроятно, была бы иною, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Художественная литература сдѣлала еще другое. У меня была слабость мѣрять всѣхъ на свой аршинъ. Я думаю, что этимъ свойствомъ грѣшатъ многіе. Какъ часто мы слышимъ, что какое-нибудь загадочное самоубійство пьяница объяснитъ тѣмъ, что покойный пропилъ чужія деньги, азартный игрокъ—тѣмъ, что несчастный проигралъ деньги, эротоманъ—несчастною любовью, карьеристы—неудачами по службѣ, банковый дѣлецъ — предстоящимъ крахомъ и т. д. Эта слабость судить по себѣ о другихъ была не чужда и мнѣ. И художники слова помогли мнѣ войти въ душу другого человѣка, понять, что происходитъ въ чужой душѣ и въ чужомъ сердцѣ.

Былъ во мнѣ еще недостатокъ: мнѣ было легко увидать и полюбить добро въ человѣкѣ, о которомъ говорили, какъ

о выдающемся, въ человѣкѣ, представляющемся въ красивой позѣ, но трудно было открыть добро и правду въ какомъ-нибудь безвѣстномъ и скромномъ обывателѣ. Беллетристы, и изъ нихъ особенно Достоевскій и Гюго, дали мнѣ мысль искать искру Божію въ средѣ отверженныхъ.

Конечно, и безъ книгъ я любилъ природу; но это была безотчетная любовь; и эта инстинктивная, почти безсознательная любовь къ природѣ, подъ вліяніемъ книгъ, превратилась въ пониманіе ея красоты и величія. Безъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Кольцова, Никитина и Толстого я не чувствовалъ бы и десятой доли красотъ солнца и неба, лѣса и луга, рѣки и озера, холмовъ и долинъ и вообще русскаго пейзажа.

Беллетристика успокоивала меня въ минуты отчаянія, раздраженія или горя.

Она разсѣивала гнетущія мысли о голодѣ, холодѣ, о безрадостномъ настоящемъ, о безвыходномъ и безпросвѣтномъ будущемъ, объ ужасахъ жизни, которые были предъ моими глазами или о которыхъ я узналъ изъ разговоровъ взрослыхъ. Духовный подъемъ, вызванный книгою, заставлялъ забывать все гнетущее и уносилъ меня въ иной міръ, міръ свѣтлыхъ грезъ, въ міръ духовныхъ наслажденій.

Художественная литература была моимъ развлеченіемъ, моею радостью, и притомъ самой чистой, невинной и безкорыстной радостью.

Если присоединить къ беллетристикѣ научную и публицистическую литературу, то нельзя не сказать, что книгамъ я обязанъ почти всѣмъ моимъ развитіемъ.

Книги—это школа бѣдныхъ, которымъ недоступны другіе источники образованія,—и книги были истинною моею школою.

Въ книгахъ я искалъ утоленія моего ненасытнаго любопытства, направленнаго въ раннемъ дѣтствѣ къ небесному и горнему, нѣсколько позже къ героическому земному, и, наконецъ, въ юности въ область соціальныхъ, политическихъ и педагогическихъ вопросовъ.

Книги сдѣлали мой грубоватый и малоповоротливый отъ природы умъ болѣе тонкимъ и гибкимъ, дали лучшіе методы мышленія, дали умѣнье лучше обобщать и переработывать факты, наблюденія, идеи и знанія. Ничто въ моей жизни не содѣйствовало въ такой мѣрѣ расширенію моего умственнаго кругозора, какъ литература.

Чтеніе книгъ по общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ я считаю для меня особенно важнымъ.

Эти книги перенесли меня изъ сферы традиціонныхъ полусознательныхъ, привычныхъ и непродуманныхъ предразсудковъ въ свѣтлый и вольный міръ тогдашней науки и мысли.

Чтеніе этихъ книгъ составило самую крупную и яркую эпоху въ моей жизни, стало рѣшающимъ поворотнымъ пунктомъ въ моей жизни. Моя дорога вела меня къ другой про-

фессіи, и до тѣхъ поръ мнѣ не приходило въ голову никакихъ на этотъ счетъ сомнѣній, но подъ вліяніемъ книгъ прежнія цѣли терпятъ окончательно крушеніе и появляются другія, новыя

Именно эти книги, а не что-нибудь другое, пріобщили меня къ современнымъ вѣяніямъ вѣка, къ духу времени. Эта литература была лучемъ свѣта, озарившимъ мою голову, мои понятія о мірѣ, о жизни, о людскихъ чаяніяхъ, радостяхъ и страданіяхъ.

Можетъ-быть, я увлекаюсь и преувеличиваю, но мнѣ кажется, въ томъ положеніи полнаго духовнаго одиночества, при умопомрачительной монотонности и бѣдности жизни, какая окружала меня въ дѣтствѣ, при моей малоразвитости и вмѣстѣ съ тѣмъ жадной любознательности, книги могли сдѣлать изъ меня что угодно. Это было безпрерывное внушеніе, касающееся какъ образовъ и идей, такъ равно и чувствъ и стремленій. Читая увлекавшую меня книгу, я проникался настроеніемъ ея автора, воспринималъ его идеи, заражался его чувствами и вкусами къ красотѣ, его пониманіемъ добра и правды, я присваивалъ себѣ его идеалы, его интересы, его стремленія, я пріобщался къ самой индивидуальности овладѣвшаго мною писателя. При такихъ условіяхъ какъ легко дурная книга могла разбудить скверные инстинкты; книги въ родѣ Натовъ Пинкертоновъ, если бы онѣ попались мнѣ въ руки, могли развратить мое воображеніе, но, къ счастію, этого, повидимому, не было, по крайней мѣрѣ, я теперь не помню ни одного дурного внушенія, исходившаго изъ книгъ; какой-то здоровый инстинктъ направлялъ мой выборъ въ хорошую сторону.

Однѣ книги мнѣ нравились и будили мою страсть къ чтенію, другія возбуждали неудовольствіе либо скуку, и я спѣшилъ возвратить ихъ въ библіотеку, чтобы замѣнить новыми, болѣе интересными. Эти опыты развивали во мнѣ критическую жилку, и я мало-по-малу сталъ различать книги по новизнѣ и оригинальности ихъ содержанія, пользѣ, ими приносимой, по доступности ихъ изложенія, по логичности и связности мышленія автора. И благодаря этому, огромное большинство прочитанныхъ мною книгъ принадлежитъ, безспорно, къ хорошимъ. Лучшія изъ нихъ увлекали меня въ вихрь настроеній, которыхъ безъ книги я никогда бы не пережилъ, заставляли отзываться на чувства, стремленія и идеалы, до которыхъ отъ окружающей меня среды было такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной. Каждая изъ нихъ, хотя бы не надолго, приподнимала меня, а всѣ вмѣстѣ не позволяли утонуть въ той грязи, въ которой тонули окружающіе меня люди.

Изъ-за книгъ мнѣ рисовались идеализованные мною образы самихъ авторовъ, и я съ наивною вѣрою юности говорилъ про нихъ: вотъ какими могли бы быть люди и какими они должны быть.

До отчаянія мало я встрѣчалъ въ своей жизни людей, которые оказали бы мнѣ цѣнныя услуги въ моей жизни; пришли бы мнѣ на помощь въ дни горя и невзгодъ, обильно усѣявшихъ мой жизненный путь, зато у меня есть истинные, несомнѣнные, великіе благодѣтели — это авторы книгъ, оказавшихъ рѣшающее вліяніе на мое міровоззрѣніе и мою жизнь. Ихъ идеи были для меня компасомъ, указывающимъ направленіе, въ какомъ я долженъ работать, маякомъ, путеводной звѣздою, указующей жизненный путь, оберегающей отъ заблужденій, опасностей и ужасовъ жизни. И когда я сбивался съ пути, не разъ хорошая книга служила для меня надежной пристанью.

Если взять все, что дала мнѣ школа, лекціи, которыя я слушалъ, знакомые, съ которыми я встрѣчался, кружки, музеи, которые я посѣщалъ, и т. д., то всѣ эти вліянія, взятыя вмѣстѣ, въ образовательномъ отношеніи были ничтожною каплею по сравненію съ тѣмъ, что дали мнѣ книги. Я не хочу, конечно, сказать, что такъ и должно быть; я, напротивъ, думаю, что мое развитіе шло ненормально, односторонне, что мнѣ недоставало хорошихъ руководителей, лабораторій, наблюденій, экспериментовъ. Я убѣжденъ, что однѣхъ книгъ мало. Книги могутъ указать пути; но чтобы итти по этимъ путямъ, нужны еще такія силы, для развитія которыхъ однѣхъ книгъ недостаточно. Быть-можетъ, наша непрактичность, наши неудачи въ общественныхъ дѣлахъ объясняются именно тѣмъ, что мы слишкомъ книжные люди, наши мысли и идеалы носятъ слишкомъ книжный характеръ, что и въ жизни мы гораздо больше разговариваемъ, чѣмъ дѣйствуемъ.

Я считаю несчастіемъ для страны съ даровитымъ народомъ, давшимъ Ломоносова, Посошкова, Кольцова, Никитина, Горькаго и т. п., страны съ $2^1/_2$ милліарднымъ бюджетомъ, что у насъ есть вездѣ казенка, гдѣ можно купить сколько угодно водки, чтобы напиться до потери человѣческаго образа, но нѣтъ ни музеевъ, ни лабораторій, ни руководителей, нѣтъ никакого исхода для одаренныхъ дѣтей и юношей изъ народа. Но я пишу о томъ, что было, а моими истинными наставниками были почти исключительно однѣ книги. Я убѣжденъ, что истинной воспитательницей является сама жизнь. Но что же дѣлать, если окружающая жизнь гораздо болѣе развращала, чѣмъ воспитывала.

Крѣпостные порядки и нравы, офиціально осужденные, когда мнѣ было 7 лѣтъ, на самомъ дѣлѣ существовали во все время моего дѣтства, юности и молодости. Остатки ихъ въ видѣ интендантской эпопеи и проч. дошли и до нашихъ дней. Если отъ общественной сферы перейти къ семейной, то и здѣсь еще и до сихъ поръ живутъ остатки крѣпостничества: деспотизмъ, произволъ, насиліе. Въ школѣ, гдѣ нѣкоторые попечители округовъ и теперь еще совершаютъ эксперименты

достойные Магницкаго и Рунича, также мало было хорошаго, но очень много плохого.

Оставалась одна книга.

И если я не захлебнулся въ пошлости окружавшей меня жизни, если я не отупѣлъ подъ вліяніемъ школьной зубрежки и окружающей давно уже отупѣвшей среды, если я сохранилъ до старости любознательность и сейчасъ не могу безъ душевнаго трепета читать или слышать о какомъ-нибудь новомъ завоеваніи человѣческаго ума, то всѣмъ этимъ я обязанъ ничему другому, какъ только книгамъ.

И такова сила юношескихъ впечатлѣній, что даже теперь, послѣ того, какъ я узналъ лично многихъ писателей, изъ коихъ большинство оказалось обыкновенными людьми, не лишенными обычныхъ людскихъ слабостей, я все-таки не могу безъ оттѣнка благоговѣнія произнести слово «писатель» и ужъ, конечно, изъ всѣхъ современныхъ профессій не могу назвать ни одной, которую бы можно было поставить наравнѣ съ литературой.

Книги вселили въ меня наивную, но абсолютную вѣру въ непреложность нѣкоторыхъ идей. И такова сила этого юношескаго обаянія, что и сейчасъ, когда суровый долгій опытъ жизни заставилъ меня кое въ чемъ разочароваться, кое-что отвергнуть, «поверженные кумиры» все же и теперь еще возбуждаютъ сладкое волненіе въ сердцѣ.

Былъ, впрочемъ, большой недостатокъ въ моемъ чтеніи: у меня не было руководителя при выборѣ книгъ. Я читалъ то, что вздумается, изъ того, что попадалось подъ руку, я одинъ искалъ свою дорогу; прежде, чѣмъ перейти къ литературѣ Гоголевскаго періода, я очень долго читалъ книги исключительно лубочныя: либо житія святыхъ, проповѣди, либо сказки и проч. Но когда я напалъ на новую литературу, то какой-то инстинктъ руководилъ моимъ выборомъ, и я не знаю ни одной книги, прочитанной мною, про которую бы я могъ сказать теперь, что лучше было бы, если бы я ее не читалъ. И тѣмъ не менѣе, я думаю, что для меня былъ бы чрезвычайно полезенъ хорошій руководитель, который бы сумѣлъ предоставить мнѣ необходимый просторъ для моихъ индивидуальныхъ стремленій и въ то же время облегчилъ бы мнѣ достиженіе успѣха путемъ систематизаціи, путемъ перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Безъ руководителей я шелъ къ развитію какими-то причудливыми окольными путями: отъ житій святыхъ къ астрологіи и хиромантіи, отъ ручной пасхаліи къ ариѳметикѣ, отъ проповѣдей къ греческому языку и т. д. прежде, нежели случайно напалъ на новую литературу; да и въ этой послѣдней области мой путь никакъ нельзя назвать прямымъ и кратчайшимъ».

Мы привели этотъ человѣческій документъ не съ тѣмъ, конечно, чтобы сдѣлать изъ него выводы, безъ всякихъ оговорокъ. Здѣсь изображено, какъ шло развитіе человѣка опредѣленной эпохи, жившаго въ опредѣленной средѣ, обладавшаго, какъ и всѣ люди, извѣстными индивидуальными особенностями. Несомнѣнно, что сейчасъ къ книгѣ не можетъ быть уже такого исключительнаго благоговѣйнаго отношенія, какъ въ тѣ времена. На ряду съ книгою получили болѣе широкое распространеніе другіе факторы развитія: школы, лекціи, музеи, лабораторіи, театръ, кинематографъ, картины, всевозможныя наглядныя пособія и проч.

Едва ли въ наше время возможны такіе восторженные отзывы о хорошей книгѣ, какъ тѣ, которые когда-то писалъ Бѣлинскій. Едва ли теперь возможны стихотворенія въ родѣ Некрасовскаго «Пропала книга». Повидимому, прошли тѣ времена, когда выходъ иной книги составлялъ для всего образованнаго общества событіе огромной важности. Въ наше время, по мѣткому выраженію Щедрина, «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ».

Далѣе. Нашъ человѣческій документъ говоритъ о жизни среди невѣжественныхъ людей. Между тѣмъ и въ былыя времена ребенокъ изъ интеллигентной среды могъ бы гораздо легче, быстрѣе и лучше, чѣмъ изъ книгъ, многое узнать изъ устныхъ бесѣдъ съ образованными людьми, изъ посѣщеній музеевъ, картинныхъ галлерей, театра, изъ уроковъ въ хорошей школѣ, изъ путешествій и т. п.

Интересъ къ книгѣ въ сущности заимствованный интересъ. Книга еще такъ недавно появилась въ человѣческомъ обиходѣ. Книгопечатаніе изобрѣтено менѣе 500 лѣтъ тому назадъ; а распространеніе книги въ широкихъ народныхъ массахъ—дѣло только нашихъ дней. Очевидно, что наслѣдственность еще не могла закрѣпить привычки къ чтенію. И если мы всё-таки любимъ читать, то въ данномъ случаѣ нами двигаетъ другая несравненно болѣе древняя, закрѣпленная наслѣдственностью привычка слушать устную рѣчь. Насъ занимаетъ не механическій процессъ чтенія, а то, что книга служитъ замѣною устной бесѣды съ ея авторомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на землѣ человѣкъ, онъ привыкъ къ живой бесѣдѣ съ себѣ подобными. Съ тѣхъ самыхъ поръ дѣти привыкли слушать сказки и разсказы взрослыхъ, и эти ихъ привычки передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Устная сказка и сейчасъ доставляетъ ребенку гораздо больше удовольствія, чѣмъ сказка, прочитанная имъ самимъ, особенно, если ребенокъ читаетъ еще съ трудомъ. Затрудненія, которыя связаны для ребенка съ механизмомъ чтенія, отнимаютъ часть наслажденія, какое доставляютъ сказка или разсказъ сами по себѣ. Какъ же сильно должно быть влеченіе къ сказкѣ и разсказу, если многія дѣти, несмотря на искусственность

и трудность для нихъ процесса чтенія, всё же стремятся къ книгѣ.

Давидъ Юмъ признавался, что съ самаго ранняго дѣтства у него «было сильное влеченіе къ книгамъ».

Іоганнъ Гердеръ, нѣмецкій публицистъ, поэтъ и философъ, такъ любилъ чтеніе, что не могъ видѣть книгъ даже въ окнахъ чужихъ домовъ безъ того, чтобы не зайти туда и не выпросить ихъ для прочтенія.

Энциклопедистъ Дидро почти всѣмъ своимъ развитіемъ обязанъ чтенію. Въ Парижскомъ коллежѣ онъ читалъ украд-

1-й рис.

кой отъ отца книги, направленіе которыхъ привело бы въ ужасъ его отца.

Впослѣдствіи онъ прочелъ все, что только можно было прочесть о движеніи новой философіи и точныхъ наукъ.

Руссо еще 7-лѣтнимъ мальчикомъ зачитывался до утренней зари «Астреей» и Плутархомъ. Позже, въ качествѣ ученика сначала у нотаріуса, потомъ у гравера, *онъ зачитывался книгами во время работы*, за что съ нимъ очень сурово обходились.

Кантъ, почти никогда не нарушавшій порядка своей жизни, забылъ свое распредѣленіе времени, когда появился Эмиль Руссо, и читалъ запоемъ до поздней ночи.

Г-жа Роланъ разсказываетъ, что чрезъ ея руки еще въ возрастѣ 7 лѣтъ прошли всѣ книги, хранившіяся въ библіотекѣ родителей. «При чтеніи «Телемака» и «Освобожденнаго Іерусалима»,—разсказываетъ она въ своихъ мемуарахъ,—у меня захваты-

вало дыханіе и лицо пылало, какъ въ огнѣ... Я была Евхарисой для Телемака и Гермиміей для Танкреда; но мысленно воплощаясь въ личности этихъ героинь, я не думала еще о себѣ, не обращалась къ собственной личности и ничего не искала вокругъ себя: я какъ бы сама перерождалась и видѣла лишь тѣ предметы, которые существовали для моихъ героинь. То былъ сонъ безъ пробужденія».

Біографъ Д. С. Милля пишетъ, что знаменитый философъ «выросъ среди книгъ, думалъ о книгахъ, развлекался только книгами, и онѣ сдѣлались для него такъ же необходимыми, какъ вода для рыбы».

Страсть къ чтенію овладѣла нашимъ артистомъ Плавильщиковымъ, по его собственному признанію, съ дѣтскихъ лѣтъ, а въ университетѣ развилась «до послѣдняго предѣла». О періодѣ необычайнаго увлеченія чтеніемъ говорятъ біографіи Эдиссона, Гексли, В. Скотта, Готье, нашего Державина и проч. У Наполеона страсть къ чтенію въ юности доходила до «бѣшенства», хотя потомъ, впрочемъ, совершенно исчезла.

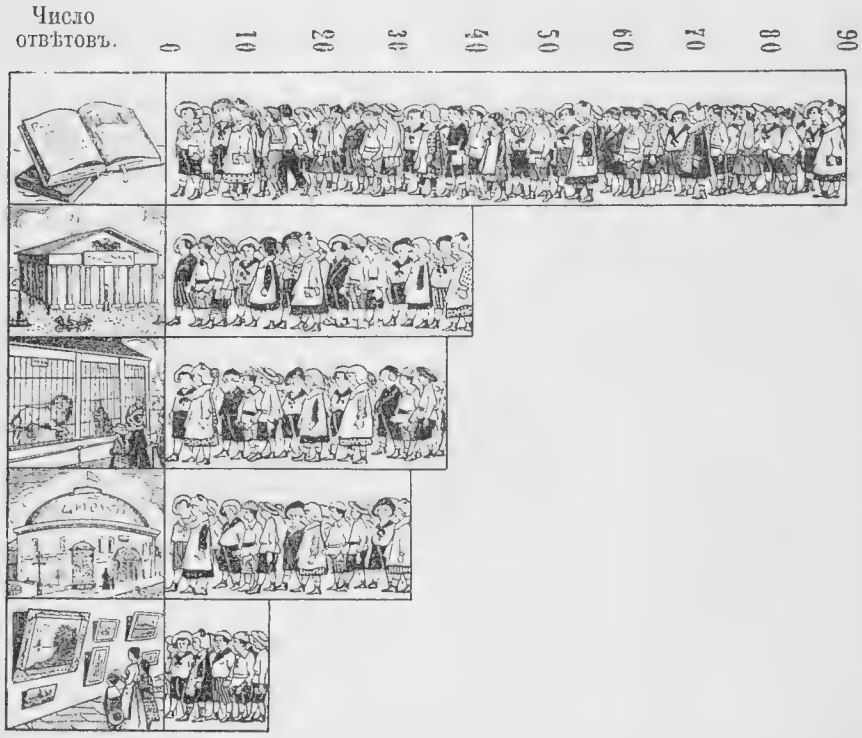
Анкеты, произведенныя въ Америкѣ, показываютъ, что 65% всѣхъ корреспондентовъ въ свое время увлекались чтеніемъ и притомъ тайкомъ отъ родителей.

Г. И. Успенскій въ «Нравахъ Растеряевской улицы» далъ яркую картину того, какъ страсть къ книгѣ овладѣла мальчикомъ Алифаномъ, несмотря на глумленіе, жестокость и злорадство обывателей улицы къ непонятному ей увлеченію книгой.

Алифанъ во время болѣзни «отъ нечего дѣлать прозубрилъ пятикопеечную азбуку со складами, молитвами, изреченіями, баснями, и незамѣтно книга въ глазахъ его приняла видъ и смыслъ, совершенно отличный отъ того вида и смысла, какой привыкли придавать ей растеряевцы. Страсть къ чтенію сдѣлала то, что сирота рѣшился просить опекуна купить ему какую-нибудь книгу. Опекунъ сжалился: книга была куплена, и сирота замеръ надъ ней, не имѣя силъ оторваться отъ обворожительныхъ страницъ. Книга была «Путешествіе капитана Кука». Алифанъ-сирота забылъ сонъ, ѣду, перечитывая книгу сотни разъ: капитанъ Кукъ все больше и больше плѣнялъ его и, наконецъ, сдѣлался постояннымъ обладателемъ головы и сердца Алифана. По ночамъ онъ въ бреду выкрикивалъ какіе-то морскіе термины, леталъ съ полатей во время кораблекрушенія и пугалъ всю семью опекуна не на животъ, а на смерть». Когда затѣмъ Алифанъ сталъ торговать въ разносъ галантереей, книга и капитанъ Кукъ и здѣсь не оставляли его ни на минуту. Успенскій рисуетъ потрясающія сцены оскорбленій, наносимыхъ улицею Алифану за его увлеченіе. Улица прозвала его Кукомъ; ребята при каждомъ его появле-

ніи заливались несказаннымъ хохотомъ; имъ вторили кучера, натравливая на бѣднаго, доморощеннаго Кука собакъ. Но никакія оскорбленія не въ состояніи были поколебать увлеченія Алифана.

Какъ уже сказано выше, я производилъ опросъ дѣтей Тверскихъ фабричныхъ школъ о томъ, что́ бы каждый изъ нихъ сдѣлалъ, если бы получилъ 1 руб. Изъ помѣщаемаго



2-й рисунокъ показываетъ, сколько дѣтей предпочитаютъ купить книгу, или же сходить въ театръ, звѣринецъ, циркъ, картинную галлерею. Сюда занесены только отвѣты, собравшіе больше 10 голосовъ.

здѣсь графика видно, что наибольшее число дѣтей (90) предпочло бы купить книгу. Въ 1905 году, какъ извѣстно, ученики средней школы формулировали свои пожеланія. И въ ряду другихъ пожеланій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «свободное посѣщеніе публичныхъ библіотекъ читаленъ, лекцій, научныхъ засѣданій и т. п.». Такія пожеланія выражены учащимися въ Москвѣ, Казани, Псковѣ, Мелитополѣ, Курскѣ, Тулѣ, Либавѣ, Харьковѣ, Вологдѣ, Красноярскѣ, Н.-Новгородѣ, Брянскѣ и друг.

Учитель г. Кравченко приводитъ въ подлинникѣ отвѣты 25 учениковъ на вопросъ о томъ, кѣмъ бы они хотѣли быть по окончаніи школы. Я подсчиталъ, что въ 14 изъ этихъ отвѣтовъ говорится о книгахъ: «Я собираю деньги на книги». «Я хочу, чтобъ было много книгъ» и т. п.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣти стремятся къ книгѣ, жаждутъ ея, готовы для нея на разныя жертвы, что чтеніе для многихъ составляетъ неудержимую потребность, подобно физическому голоду; но эту потребность въ нормальномъ ребенкѣ надо разсматривать, какъ стремленіе къ развитію, потому что хорошая книга, во-время данная, является средствомъ саморазвитія.

По вопросу о книгахъ, болѣе всего понравившихся и произведшихъ наиболѣе сильное впечатлѣніе въ дѣтствѣ, я располагаю отвѣтами взрослыхъ слушателей моихъ лекцій и отвѣтами дѣтей Тверской школы. Суммируя всѣ эти данныя, приходишь къ заключенію, что вездѣ первое мѣсто принадлежитъ беллетристикѣ; второе мѣсто—путешествіямъ и приключеніямъ во вкусѣ Жюль-Верна и Майнъ-Рида, третье мѣсто—историческимъ романамъ въ родѣ «Тараса Бульбы» Гоголя, «Князя Серебрянаго», А. Толстого, «Юрія Милославскаго» Загоскина и романамъ Вальтера Скотта; далѣе идутъ сказки Андерсена, «Тысяча и одна ночь» и друг. и, наконецъ, книги научнаго характера въ родѣ «Астрономическихъ вечеровъ» Клейна, «Космоса» Гумбольдта и т. п.

Число авторовъ, съ чьими именами связаны воспоминанія о сильномъ впечатлѣніи отъ книги, не очень велико. Около 30 русскихъ и немного болѣе 20 иностранныхъ писателей—вотъ и все число тѣхъ, кому посчастливилось оставить яркія воспоминанія въ дѣтской душѣ.

Писатели, чьи произведенія производили наиболѣе сильное впечатлѣніе.

Расположены по убывающимъ числамъ отзывовъ.

Русскіе: Гоголь, Пушкинъ, Достоевскій, Тургеневъ, Лермонтовъ, Толстой, Л., Жуковскій, Загоскинъ, Толстой, А., М.-Сибирякъ, Потапенко, Гаршинъ, Успенскій, Г., Некрасовъ, Фетъ, Кольцовъ, Никитинъ, Чеховъ, Григоровичъ, Д., Короленко, Карамзинъ, Чистяковъ, Рубакинъ, Грибоѣдовъ, Фонвизинъ, Крыловъ, Лажечниковъ, Дмитріевъ, Засодимскій, Туръ, Станюковичъ, Ершовъ.

Иностранные: Шекспиръ, Андерсенъ, Амичисъ, Диккенсъ, Гейне (стихи), По, Буссенаръ, Бичеръ-Стоу, Гринвудъ, Майнъ-Ридъ, Дюма А., Жюль Вернъ, Гриммъ, Гумбольдтъ, Клейнъ, Куперъ, Вальтеръ Скоттъ, Дефо (Робинзонъ Крузо), арабскія сказки, Сенкевичъ, Цшоккэ (Дѣлатели золота), Маркъ Твэнъ, Фарраръ, Перро.

Въ смыслѣ характеристики дѣтства всего любопытнѣе отзывы о томъ, почему то или другое произведеніе произвело наибольшее впечатлѣніе въ дѣтствѣ. При этомъ отъ мальчиковъ чаще всего приходится слышать о необычайности подвиговъ, о героизмѣ, объ интересной борьбѣ, разнообразіи захватывающихъ приключеній, о драматизмѣ и движеніи, объ изображеніи жизни, полной приволья, о физической силѣ героевъ, о ненависти и жаждѣ протеста, возбуждаемыхъ изображеніями отрицательныхъ сторонъ жизни. Дѣвочки чаще говорятъ о состраданіи и жалости, вызываемыхъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ. Оба пола вмѣстѣ говорятъ о правдивомъ изображеніи и освѣщеніи близкой имъ среды, о мастерскомъ изображеніи дѣтской жизни, о вѣрѣ въ идеалы, о потребности въ выработкѣ міросозерцанія.

Но, конечно, тѣ или другія требованія, предъявляемыя къ книгамъ, не остаются неподвижными, а измѣняются съ возрастомъ.

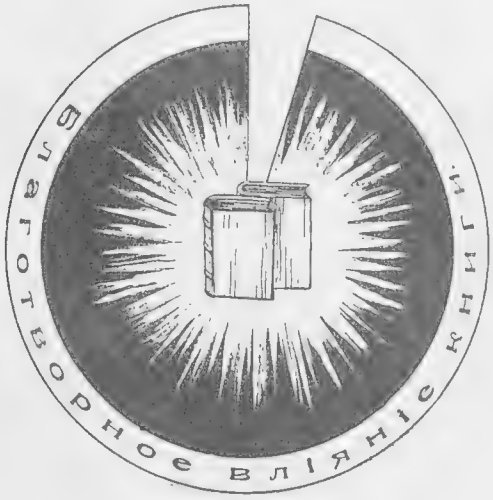
Одинъ мальчикъ 11 лѣтъ на мой вопросъ, какая книга нравится ему больше всѣхъ другихъ, отвѣчаетъ: «прежде я не любилъ книгъ про свѣтила небесныя, а послѣ того, какъ намъ разсказали о нихъ въ классѣ, я ничего другого не люблю такъ, какъ такія книги».

Но мальчикъ, вѣроятно, ошибся. Не потому онъ увлекся свѣтилами небесными, что ему разсказали о нихъ, по крайней мѣрѣ, не по тому одному. Причина лежитъ глубже—въ его стремленіи къ развитію. Онъ промѣнялъ сказки на астрономію, потому что наступилъ тотъ возрастъ, когда фантастическіе образы уже не удовлетворяютъ болѣе запросовъ ребенка, когда ему для его умственнаго развитія нужно реальное, то, что есть и можетъ быть, а не то, чего не было и не будетъ.

Во второмъ томѣ настоящей книги мнѣ придется подробнѣе говорить о статистической разработкѣ 170 біографій знаменитыхъ людей, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Здѣсь же я считаю нужнымъ указать лишь на то, насколько чтеніе книгъ содѣйствовало подготовкѣ къ будущей профессіи этихъ лицъ.

Конечно, въ тѣхъ же біографіяхъ отмѣчаются и другіе факторы такого же значенія. Почти каждый изъ знаменитыхъ людей пользовался не однимъ, а нѣсколькими путями для своего развитія. Но замѣчательно, что число ссылокъ на благотворное вліяніе чтенія занимаетъ самое первое мѣсто. Оно отмѣчается значительно чаще, чѣмъ вліяніе знакомыхъ и путешествій, почти вдвое чаще, чѣмъ вліяніе товарищей или природы, или отца, почти втрое чаще, чѣмъ вліяніе школы или матери, и впятеро чаще, чѣмъ вліяніе театра.

Если мы вычислимъ процентное отношеніе указаній на чтеніе къ общему числу указаній на всѣ факторы, содѣйствовавшіе выбору призванія и развитію въ опредѣленномъ направленіи, то окажется, что на долю книги приходится болѣе 19% общаго числа указаній, а на долю каждаго другого фактора значительно меньше. Еще рельефнѣе выступитъ благотворное вліяніе книги, если мы возьмемъ цифру біографій, отмѣчающихъ это вліяніе, и выразимъ ея отношеніе къ общему числу разсмотрѣнныхъ біографій. Оказывается, что 163 біографіи изъ 170 (96%) отмѣчаютъ благотворное вліяніе прочитанныхъ книгъ въ смыслѣ отысканія своего призванія и въ смыслѣ подготовки къ нему.



3-й рис.

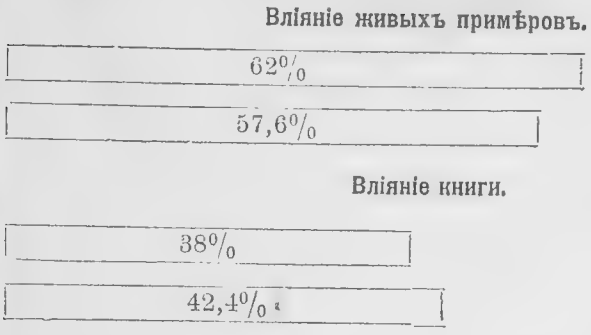
Рисунокъ показываетъ, какъ много было знаменитыхъ людей, которымъ книги помогли найти свое призваніе.

Въ этотъ выводъ надо внести нѣкоторыя поправки. Изъ 7-ми лицъ, чьи біографіи не отмѣчаютъ благотворнаго вліянія книги, трое родились раньше, нежели распространилось книгопечатаніе; трое принадлежатъ къ числу художниковъ, а относительно послѣднихъ біографы обыкновенно сосредоточиваютъ свое вниманіе на другихъ болѣе близкихъ къ данной профессіи факторахъ и могли просто опустить факты вліянія книги. Наконецъ всѣ семеро имѣли образованныхъ родителей, а стало-быть, то, что обыкновенно даетъ книга, могло быть возмѣщено непосредственнымъ воздѣйствіемъ окружающаго ихъ образованнаго общества

Далѣе. Многіе изъ 170 знаменитостей жили въ прежнія времена, когда пути для достиженія знаній и развитія были малочисленнѣе. Естественно, что книга въ тѣ времена должна была поэтому играть бо́льшую роль, чѣмъ теперь, когда стало несравненно больше школъ, курсовъ и лекцій, лабораторій, музеевъ, выставокъ, образовательныхъ экскурсій, когда появился кинематографъ, которому предстоитъ блестящее будущее.

Но, съ другой стороны, 71% общаго числа зарегистрованныхъ 170-ти знаменитостей были дѣтьми состоятельныхъ родителей и, стало-быть, принадлежали къ привилегированному меньшинству, а насъ въ наше время могутъ интересовать лишь тѣ факторы развитія и распространенія знаній, которыми можетъ пользоваться все населеніе, а не одни только состоятельные люди. Съ этой точки зрѣнія книга и до сихъ поръ является главнымъ средствомъ для распространенія знаній и для развитія демократическихъ слоевъ населенія. Къ услугамъ состоятельныхъ людей существуютъ и домашніе учителя, гувернантки и гувернеры, и среднія и высшія учебныя заведенія, и образованная среда, и средства для путешествій, экскурсій, устройства лабораторій и т. д. Но все это почти недоступно для несостоятельныхъ классовъ населенія. Всего доступнѣе для нихъ книга и вотъ почему она и до сихъ поръ занимаетъ самое первое мѣсто въ смыслѣ демократизаціи знанія. Книги дешевле и портативнѣе, чѣмъ, напримѣръ, кинематографъ, лабораторія, высшая школа, лекціи, театръ и т. п. При современной дешевизнѣ книгъ не встрѣтилось бы большихъ затрудненій съ финансовой стороны даже для того, чтобы сдѣлать публичныя библіотеки-читальни общедоступными для всего населенія. Г. А. Николаевъ въ своей интересной книжкѣ «Хлѣба и свѣта» разработалъ 625 отвѣтовъ анкеты, произведенной «Вѣстникомъ Знанія», о духовныхъ запросахъ читателей. Изъ этихъ отвѣтовъ насъ интересуютъ болѣе всего 84 отвѣта, поступившихъ отъ читателей этого журнала изъ рабочей среды. Оказывается, что 61% всего числа интеллигентныхъ рабочихъ, давшихъ отвѣты, указываютъ на чтеніе, какъ на средство образованія, и только 11% упоминаютъ о курсахъ и лекціяхъ, столько же о театрѣ и еще меньше о другихъ факторахъ распространенія знанія.

Мнѣ приходилось уже писать о томъ, что на однихъ учительскихъ курсахъ и на однихъ рабочихъ курсахъ мною былъ произведенъ опросъ: чье нравственное вліяніе измѣнило идеалы, взгляды на жизнь и отразилось на самой жизни: вліяніе учителей, знакомыхъ, друзей и вообще живыхъ людей, или же вліяніе книгъ, чтенія? На графикѣ 4-мъ.



4-й рис.

верхніе столбики изображаютъ вліяніе живыхъ примѣровъ, а нижніе—вліяніе книги. Правда, въ результатѣ опроса выяснилось, что 62% опрошенныхъ учителей и 57% рабочихъ констатируютъ преимущественное вліяніе живого примѣра, но все же и на долю книги падаетъ довольно значительная цифра, — 38% учителей и 42% рабочихъ. И этотъ выводъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что даетъ и литература вопроса. Хорошо извѣстно значеніе образа. «Если существуетъ,—говоритъ извѣстный психологъ, — какой-нибудь законъ, прочно установленный въ психологіи, такъ это законъ, по которому всякое яркое представленіе о какомъ-нибудь актѣ стремится къ своему осуществленію. Всякое яркое представленіе о движеніи есть уже начало движенія. Тотъ, кто стоитъ на высокой башнѣ и находится подъ вліяніемъ представленія о возможности упасть, рискуетъ броситься внизъ. Притягательная сила пропасти заключается не въ чемъ иномъ, какъ именно въ этомъ».

Таково вліяніе образа. Но образъ можетъ быть вызванъ устнымъ и печатнымъ словомъ. Первый народный дворецъ въ Лондонѣ былъ устроенъ подъ впечатлѣніемъ романа на эту тему и устроенъ именно такъ, какъ проектировалъ романистъ. Когда-то и у насъ устраивались семьи и артели такъ, какъ это рекомендовалъ одинъ популярный романъ того времени. Основатель іезуитскаго ордена перемѣнилъ военную карьеру на духовную подъ вліяніемъ чтенія житія святыхъ. Вотъ что говоритъ Ушинскій о впечатлѣніи, какое произвело на него чтеніе статей объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ: «Я по прочтеніи ихъ не могъ спать нѣсколько ночей,—говорилъ онъ,—статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я рѣшилъ посвятить себя исключительно педагогическимъ вопросамъ». Франклинъ, по собственному признанію, всѣмъ своимъ успѣхомъ и направле-

ніемъ дѣятельности обязанъ тому, что въ ранней юности прочиталъ книгу «О благѣ».

Каковы книги, какія мы читаемъ, таковы и наши мысли, а каковы наши мысли, таковы и дѣла. Мы могли бы перефразировать извѣстное изреченіе слѣдующимъ образомъ: «Скажи мнѣ, какія книги ты читаешь, и я скажу, кто ты». Когда читаешь о жизни нашихъ самоучекъ изъ народа, то воочію убѣждаешься въ поразительномъ вліяніи книги на человѣка. Тамъ все: и семья, и деревня, и весь укладъ жизни, и всѣ взгляды окружающихъ, — все было противъ книги. И, однакоже, побѣда, и притомъ полная, осталась на сторонѣ книги, у которой не было никакихъ союзниковъ и едва ли не ей одной многіе изъ нашихъ геніальныхъ самоучекъ обязаны всѣмъ. Книга безгранично раздвинула рамки ихъ личнаго опыта, показала имъ жизнь современнаго общества, перенесла ихъ за океаны, за тысячелѣтія назадъ, познакомила ихъ не только съ тѣмъ, что есть и было, но еще дала имъ идею о томъ, что будетъ; книга дала имъ возможность понять, что происходитъ въ чужой душѣ и въ чужомъ сердцѣ, она дала имъ идеалы, стоящіе на уровнѣ вѣка, она была для нихъ маякомъ, зажгла въ нихъ энтузіазмъ, дала имъ силы для борьбы съ окружающими условіями, она же пробудила въ нихъ чувство собственнаго достоинства. Книга, наперекоръ всему, разбудила въ нихъ дѣвственную, до тѣхъ поръ нетронутую, спавшую, но мощную силу народнаго генія. Не даромъ коллекцію книгъ сравниваютъ съ университетомъ. Не даромъ книгу называютъ лучшимъ другомъ, утѣшителемъ, учителемъ. Мы знаемъ, сколько ума — недобраго ума, сколько изобрѣтательности — бездушной изобрѣтательности, сколько энергіи и трудолюбія употреблено на то, чтобы наиболѣе интересныя книги не доходили до народа, чтобы библіотеки открывались возможно рѣже, и, тѣмъ не менѣе, жажда къ книгѣ у дѣтей изъ народа прямо поразительна.

Однажды мнѣ пришлось прочесть въ одной провинціальной газетѣ разсказъ о томъ, какъ десятилѣтній крестьянскій мальчикъ напрасно и долго разыскивалъ книжки и въ своемъ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, какъ онъ узналъ, что въ городѣ есть безплатная библіотека, какъ онъ, тайкомъ отъ отца, несмотря на дальній путь, въ студеное зимнее утро пошелъ за книгою въ городъ, какъ долго онъ отыскивалъ тамъ библіотеку, какъ онъ запоздалъ, какъ его застала на возвратномъ пути въ глухомъ лѣсу ночь и вьюга и какъ подъ утро его нашли уже замерзшаго, съ пятикопѣечной книжкой изъ библіотеки. Быть-можетъ, эта новая безвинная жертва заставитъ насъ подумать о томъ, чтобы хорошая книга не была достояніемъ только избранныхъ, а проникла всюду.

И есть что-то страшное въ томъ, почему до сихъ поръ еще не осуществлена ни общедоступность обученія, ни общедоступность библіотеки.

И невольно думаешь, сколько радости и сколько знаній получили бы любознательныя дѣти, если бы вездѣ, гдѣ есть какая-нибудь школа, была и хорошая библіотека.

VI. Другія формы любознательности.

Конечно, стремленіе ребенка къ развитію ума и къ обогащенію его знаніями проявляется не только въ чтеніи, но и во многомъ другомъ. Любознательность — одно изъ главныхъ свойствъ дѣтской психики и въ то же время самый могущественный факторъ умственнаго развитія.

Намъ нечего распространяться о значеніи любознательности, потому что это значило бы повторять слишкомъ общеизвѣстныя и необыкновенно старыя истины. Еще древній еврейскій моралистъ пишетъ: «Если мы перестанемъ увеличивать знаніе, оно будетъ уменьшаться. Если бы мы отказались отъ увеличенія знаній, мы были бы недостойны жить». И дѣти, конечно, непреднамѣренно поступаютъ такъ, какъ будто бы они сознательно слѣдовали этому древнему наставленію.

Извѣстно, какую роль въ умственномъ развитіи и въ наукѣ играютъ вопросы: какъ? отчего? почему? И нѣтъ надобности распространяться о томъ, какъ важно для ребенка, что онъ въ возрастѣ 3-хъ или 4-хъ лѣтъ съ необыкновеннымъ интересомъ забрасываетъ подобными вопросами взрослыхъ. Ребенокъ родится нулемъ въ смыслѣ знаній; а ему въ теченіе дѣтства и юности нужно узнать все главное, до чего дошли люди въ ряду безчисленныхъ предшествовавшихъ поколѣній. И ребенокъ непреднамѣренно занимается своимъ самообразованіемъ: онъ хочетъ большею частью знать обо всемъ томъ, что видитъ и слышитъ, что любитъ, что его интересуетъ, онъ спрашиваетъ и о небѣ, и о солнцѣ, и о звѣздахъ, и о животныхъ, и о растеніяхъ, и о мертвой природѣ; онъ хочетъ знать, какъ и почему такъ, а не иначе, устроено то или это; отчего происходитъ каждое интересующее его явленіе. Хорошо извѣстно, что глухонѣмые значительно болѣе отстаютъ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ слѣпые. И многіе объясняютъ этотъ фактъ тѣмъ, что глухонѣмые въ дѣтствѣ лишены возможности спрашивать окружающихъ. Изъ всѣхъ вопросовъ, задаваемыхъ ребенкомъ, доминирующимъ является вопросъ о причинѣ явленій. По изслѣдованіямъ Холла и Смита, послѣдній вопросъ составляетъ 75% общаго числа вопросовъ, задаваемыхъ дѣтьми. Быть-можетъ, всю остальную жизнь вопросъ—почему?—не будетъ повторенъ имъ столько разъ, сколько онъ повторяетъ его въ дѣтствѣ. И если вопросъ этотъ знаменуетъ любознательность, то надо было бы сказать, что никогда въ жизни человѣкъ не бываетъ такъ любознателенъ, какъ въ трехъ-четырехлѣтнемъ возрастѣ. И никогда, можетъ-быть, удовлетвореніе этой потребности не доставляетъ такого

свѣжаго и яркаго наслажденія, какъ въ дѣтствѣ и юности. Кто не знаетъ, что, пользуясь любознательностью ребенка, можно заставить его забыть обиду, боль, можно замѣнить его дурное настроеніе веселымъ. Дѣйствуя на любознательность ребенка, можно заставить его забыть на нѣкоторое время свой голодъ.

Та же любознательность заставляетъ ребенка нерѣдко преодолѣвать свой страхъ предъ новымъ, предъ неизвѣстнымъ. Этотъ страхъ иногда очень силенъ и все же желаніе ближе узнать новое очень часто оказывается сильнѣе страха.

Біографіи Ньютона, Дэви, Пастера и др. показываютъ, какую сильную радость испытывали эти ученые, когда имъ удавалось сдѣлать важное научное открытіе. Но такія радости въ ихъ жизни не были частыми гостьями: не каждый же день приходится дѣлать открытія. Другое дѣло ребенокъ. Онъ дѣлаетъ новыя (для него самого, конечно) открытія, дѣйствительно, каждый день и даже по нѣсколько открытій ежедневно; и каждое изъ нихъ сопровождается наслажденіемъ и восторгомъ, въ чемъ такъ легко убѣдиться: стоитъ только взглянуть на его сіяющее личико, блескъ его глазъ, его торжествующую позу. И это понятно. Для маленькаго изобрѣтателя и творца не существуетъ еще отравляющаго его радость скептицизма, сомнѣній въ силахъ человѣческаго ума, разочарованій въ прошломъ и боязни за будущее.

Ребенокъ такъ нетребователенъ. Его удовлетворяетъ самое поверхностное, словесное объясненіе, хотя бы оно было совершенно нелѣпо. Онъ напоминаетъ акулу, которая удовлетворяетъ свой голодъ всѣмъ, что попадаетъ ей въ ротъ: углемъ, желѣзомъ и т. п. Ребенокъ тоже способенъ удовлетворять свой духовный голодъ безъ всякаго разбору всѣмъ, что вздумаютъ предложить ему взрослые. Отсюда огромная опасность: такъ легко внушить ребенку самыя нелѣпыя объясненія и идеи, источникъ всѣхъ суевѣрій, предразсудковъ, мистическихъ бредней...

Конечно, любознательность ребенка ограничена очень узкими предѣлами его повседневнаго опыта. Его не могутъ интересовать абстрактныя идеи, вопросы отвлеченнаго характера. Его интересуетъ лишь то, что бросается въ глаза, что бьетъ по нервамъ, что ярко, громко, сильно, гдѣ много движенія, драматизма, что смѣшно и т. п. Конечно, съ точки зрѣнія взрослаго, у ребенка много и другихъ дефектовъ въ этой области. Вслѣдствіе недостатка вниманія, ребенокъ не можетъ достаточно долго сосредоточиться на одномъ и томъ предметѣ. Его интересъ, какъ бабочка, порхаетъ съ одного предмета на другой. Вы не успѣли еще отвѣтить, какъ слѣдуетъ на заданный имъ вопросъ, а онъ спрашиваетъ васъ уже о другомъ предметѣ. Но вѣдь съ возрастомъ и по мѣрѣ развитія ума и въ связи съ нимъ развивается и вниманіе ребенка.

И ребенокъ не только ставитъ вопросы, но и самъ пытается ихъ разрѣшить. Съ этою цѣлью, какъ мы уже видѣли выше,

онъ ставитъ опыты. Съ этою же цѣлью онъ строитъ свои гипотезы. Мой сынъ въ возрастѣ $3^1/_2$ лѣтъ, гуляя со мною въ лѣсу и видя, какъ шевелятся листья отъ вѣтру, спросилъ: отчего вѣтеръ? Это листья, что ли, его дѣлаютъ? Вѣроятно, въ его умѣ возникла аналогія наблюдаемаго явленія съ опытомъ, какъ можно произвести движеніе воздуха, быстро махая листомъ бумаги.

Естественныя въ этомъ возрастѣ ошибки не опасны, потому что онѣ и могутъ, и должны быть исправлены взрослыми. А попытки ребенка самому объяснить заинтересовавшія его явленія необходимо поощрять всѣми мѣрами. Ничто такъ не важно въ жизни и въ развитіи, какъ привычка къ самодѣятельности. Дѣло воспитателя не въ томъ, чтобы сообщить возможно больше знаній въ готовомъ видѣ, а въ томъ, чтобы ребенокъ стремился къ знанію, искалъ его и въ этихъ поискахъ проявлялъ какъ можно больше самодѣятельности. И правъ былъ Лессингъ, когда сказалъ, что, если бы ему предложили въ одной рукѣ самую истину, а въ другой только путь къ истинѣ, то онъ безъ всякихъ колебаній выбралъ бы не первое, а послѣднее. Чѣмъ больше активности проявляетъ ребенокъ въ объясненіи интересующихъ его явленій, тѣмъ сильнѣе удовольствіе, имъ испытываемое при этомъ. Самыя препятствія, какія встрѣчаются на этомъ пути, усиливаютъ наслажденіе, въ случаѣ удачи, подобно тому, какъ это бываетъ въ спортѣ, гдѣ затрудненія придумываются нарочно участниками состязанія. Не даромъ отысканіе истины обыкновенно сравниваютъ съ процессомъ охоты: и тамъ, и тутъ встрѣчающіяся посильныя затрудненія возбуждаютъ энергію, а въ случаѣ побѣды даютъ интенсивное чувство торжества.

Педагогическій міръ все болѣе и болѣе проникается убѣжденіемъ, что образованіе надо строить на дѣтской любознательности и интересѣ и въ то же время путемъ образованія содѣйствовать правильному развитію любознательности и разносторонняго интереса. Старинная пословица о горькомъ корнѣ ученія уже далеко не пользуется такимъ общимъ признаніемъ, какъ было раньше. Все чаще и чаще раздаются голоса о томъ, чтобы въ обученіе внести больше радости и счастья; и это стремленіе до извѣстной степени уже осуществляется и особенно въ лучшихъ народныхъ школахъ. Мнѣ приходилось писать уже, что у нашей начальной школы есть одна драгоцѣннѣйшая особенность. Дѣти ходятъ въ школу по собственной охотѣ. Это одно отличаетъ нашу народную школу отъ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній и ставитъ ее неизмѣримо выше ихъ не по курсу, конечно, а по нравственному ея значенію. Всѣ знаютъ школы, гдѣ принимаются всевозможныя мѣры противъ ученическихъ манкировокъ, вызываемыхъ нерадѣніемъ дѣтей. Чего только не придумано въ этихъ видахъ:

экзамены и дипломы и всевозможныя права для окончившихъ курсъ. Совсѣмъ другое представляетъ начальная школа. Въ ней нѣтъ ни балловъ, ни наказаній, ни наградъ; никакихъ правъ она не даетъ дѣвочкамъ, а мальчикамъ даетъ, можно сказать, только фиктивное право по отбыванію воинской повинности. И все-таки педагогическая хроника полна иллюстраціями самой трогательной привязанности дѣтей къ своей школѣ: вспоминается разсказъ о мальчикѣ, прибѣжавшемъ въ школу въ морозный зимній день вопреки запрещенію отца. Ребенокъ отморозилъ ноги, прибѣжавъ въ однѣхъ онучахъ: сапоги спряталъ отецъ. И не было у мальчика другого стимула этого геройскаго поступка, кромѣ любви къ школѣ.

Одна изъ учительницъ Тверской губерніи разсказывала, что чуть не ежедневно на деревенской улицѣ можно было наблюдать по утрамъ слѣдующую сцену. Мальчикъ восьми лѣтъ съ книгами подъ мышкой мчится во весь духъ отъ своего дома по направленію къ школѣ, а за нимъ съ вѣникомъ въ рукѣ, крича и ругаясь, бѣжитъ вдогонку женщина. Если мальчику удается переступить порогъ школы раньше, нежели его настигнетъ погоня, онъ спасенъ; въ противномъ случаѣ его ожидаетъ и насильственное возвращеніе въ свой домъ, и наказаніе за попытку уйти въ школу.

Это стремленіе дѣтей къ ученью выразится еще рельефнѣе, если мы обратимъ вниманіе на обычныя условія, при которыхъ дѣтямъ изъ народа приходится посѣщать школу. Матеріалы, сюда относящіеся, показываютъ, что ученики сельскихъ школъ очень часто должны, при полномъ отсутствіи самыхъ первобытныхъ дорогъ, тонуть по поясъ въ сугробахъ; въ плохой и рваной одежонкѣ бѣжать въ школу во время большихъ морозовъ, сильныхъ вѣтровъ и зимнихъ метелей; во время весеннихъ разливовъ дѣти нерѣдко бѣгутъ въ школу въ лаптяхъ; дѣти изъ отдаленныхъ селеній, проживая на частной квартирѣ, отрабатываютъ свое содержаніе личнымъ трудомъ, а ютясь въ школѣ, въ сторожкѣ или въ волостномъ правленіи, они питаются лишь хлѣбомъ и водою, по цѣлымъ недѣлямъ не имѣютъ горячаго приварка, спятъ на полу, на мокрой соломѣ, не раздѣваясь. Если присоединить сюда часто тѣсныя, переполненныя учащимися, то холодныя, то душныя и грязныя помѣщенія, то мы перечислимъ еще не всѣ затрудненія, съ какими приходится считаться учащимся въ нашихъ народныхъ училищахъ. Главный врагъ нашъ—это разстоянія. У насъ есть губерніи и области, гдѣ одна свѣтская школа нѣсколько лѣтъ тому назадъ приходилась на девять тысячъ квадратныхъ верстъ. Другими словами: одинъ школьный районъ въ этихъ губерніяхъ, по своему пространству, значительно превышалъ пространство нѣкоторыхъ маленькихъ европейскихъ государствъ. И если, несмотря на эти ужасающія разстоянія, восьмилѣтнія дѣти, плохо накормленныя,

плохо одѣтыя, все-таки посѣщаютъ школу, то, значитъ, долженъ же быть у нихъ какой-нибудь достаточно сильный двигатель.

Особенно тяжело достается эта борьба за право учиться дѣвочкѣ. Въ моихъ рукахъ были письма учениць на эту тему. Одна изъ нихъ разсказываетъ типичную исторію о томъ, какъ бабушка отнеслась къ ея желанію поступить въ школу: «Я тебѣ покажу, говоритъ, такую школу, что и родныхъ своихъ не вспомнишь». Другой ученицѣ по этому поводу говорили родные: «Дѣвочкѣ не надо учиться, ей не въ солдаты итти, я вѣкъ прожила не учившись и родные мои тоже». Если присоединить сюда всѣ остальныя препятствія, съ какими приходится бороться учащимся, то невольно вспомнишь лучшихъ русскихъ женщинъ, боровшихся за право на образованіе въ 60-хъ годахъ XIX вѣка.

Когда мы читаемъ о той борьбѣ, какую приходилось выносить нашимъ русскимъ піонеркамъ женскаго образованія, мы преклоняемся предъ ихъ энергіей. Мы понимаемъ, почему беллетристы справедливо, въ свое время, описывали эту борьбу въ повѣстяхъ и романахъ, поэты воспѣвали въ стихахъ, но тамъ эту борьбу съ косною и ретроградною средою приходилось вести уже въ зрѣломъ возрастѣ, при поддержкѣ всѣхъ передовыхъ общественныхъ силъ, а здѣсь эту борьбу ведетъ дѣвочка-ребенокъ, безъ поддержки, безъ участія, за свой личный рискъ и страхъ.

Этотъ фактъ и тысячи другихъ подобныхъ показываютъ, какія необъятныя умственныя и нравственныя силы скрыты въ русскомъ народѣ; и чѣмъ могъ бы быть этотъ великій народъ, сколько бы изумительныхъ открытій, невиданныхъ произведеній искусства и науки и сколько нравственной красоты и подвиговъ внесъ бы онъ въ міръ, если бы сняли съ него бюрократическія путы.

Мы справедливо принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить положеніе недостаточныхъ учащихся въ высшихъ школахъ. Но, привѣтствуя всѣ эти мѣропріятія, мы все же не можемъ забыть, что это взрослые молодые люди и, думая о нихъ, тѣмъ болѣе должны удѣлить вниманія любознательнымъ дѣтямъ, бѣгающимъ въ школу. Съ ихъ пути тоже не мѣшаетъ устранить препятствія, ибо они — лучшее будущее страны. «О, этотъ топотъ дѣтскихъ ножекъ,—говоритъ поэтъ и философъ,—въ тебѣ слышенъ сладостный шумъ грядущихъ поколѣній, неопредѣленный и смутный, какъ само будущее, вершителями котораго мы, можетъ-быть, будемъ, если сумѣемъ воспитать ихъ». И мнѣ кажется, что лозунгомъ наступившаго вѣка будетъ кличъ, который стоило бы повторять всюду, по всякому поводу, безпрестанно, на тысячу ладовъ. Этотъ лозунгъ долженъ объединить нашу лучшую интеллигенцію и народныя массы: «Просторную дорогу юному поколѣнію!»

VII. Вліяніе возраста на интересы дѣтей.

Въ числѣ изслѣдованій, посвященныхъ ребенку, какъ извѣстно, есть и такія, которыя касались дѣтскаго чтенія. Несмотря на то, что такія изслѣдованія производились и за границею, и у насъ въ нѣкоторыхъ среднихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, для нашей работы мы считали необходимымъ и сами произвести нѣсколько изслѣдованій о дѣтскомъ чтеніи [1]) и мы сдѣлали это вотъ по какимъ соображеніямъ. Извѣстно, какъ сильно окружающая ребенка среда вліяетъ на его развитіе. Изслѣдованія Ломброзо показываютъ, что дѣти изъ интеллигентныхъ классовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опережаютъ дѣтей изъ народа года на два. Можно думать, что изслѣдованія, произведенныя въ среднихъ столичныхъ школахъ, приводятъ не къ тѣмъ выводамъ, къ какимъ могло бы повести изслѣдованіе, произведенное въ народной школѣ.

Тѣмъ больше разницы могло бы оказаться между заграничными изслѣдованіями и русскими. Хорошо извѣстно, какое огромное вліяніе на развитіе всѣхъ способностей оказываетъ промежуточный переходный періодъ формировки (полового развитія), а между тѣмъ этотъ періодъ далеко не одинаковъ для различной широты. Такъ, напримѣръ, тотъ моментъ этого періода, который характеризуется половою зрѣлостью, у дѣвочекъ наступаетъ въ жаркихъ странахъ между 11 и 15 годами, въ умѣренномъ климатѣ — между 12 и 18 годами, а въ холодномъ—между 13 и 21 годомъ жизни.

Одно изъ нашихъ изслѣдованій заключалось въ опросѣ учащихся Тверской фабричной школы о томъ, какая изъ всѣхъ прочитанныхъ ими книгъ понравилась имъ больше всего и почему. Часть учениковъ и учениць отвѣтили только на первый вопросъ, и этотъ матеріалъ мною пока не разработанъ. Другіе же ученики не только дали названіе самой любимой книги, но и указали мотивы, почему она имъ понравилась.

Отвѣты этого послѣдняго вида были даны 353 мальчиками въ возрастѣ: 9 лѣтъ—25 отв., 10 лѣтъ—47 отв., 11 лѣтъ—92 отв., 12 лѣтъ—97 отв., 13 лѣтъ—55 отв. и 14 лѣтъ—37 отв. Дѣвочками дано 176 отв. и ихъ отвѣты распредѣляются по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: 9 лѣтъ—15 отв., 10 лѣтъ—38 отв., 11 лѣтъ—43 отв., 12 лѣтъ—68 отв., 13 лѣтъ—12 отв.

Пользуясь отвѣтами дѣтей на вопросъ, почему понравилась имъ та или другая книга, всѣ книги, зарегистрованныя дѣтьми, удалось классифицировать слѣдующимъ образомъ: **Книги духовнаго содержанія** и книги, представлявшія для дѣтей религіозный интересъ.

---

[1]) Объ этихъ изслѣдованіяхъ было напечатано нами въ журн. „Просвѣщеніе“ за 1907, откуда мы и беремъ этотъ отрывокъ.

Сказки. Сказки, гдѣ возможное перемѣшано съ невозможнымъ и фантастическимъ, мы выдѣлили въ особую группу, потому что эти книги являются очень характерными для возраста до 10 лѣтъ включительно. Сюда же мы отнесли и тѣ былины, гдѣ событія не ограничены никакими понятіями о томъ, что возможно и что невозможно.

Необычайныя приключенія. Военные разсказы.

Путешествія, большею частію вымышленны. Сюда мы относили все, что написано во вкусѣ Майнъ-Рида, Жюля Верна и проч.

Разсказы изъ животнаго міра.

Охота.

Состраданіе къ чужому горю.

Дѣятельная любовь.

Семейныя привязанности.

Нравственныя качества.

Любовь къ труду.

Любовь къ природѣ.

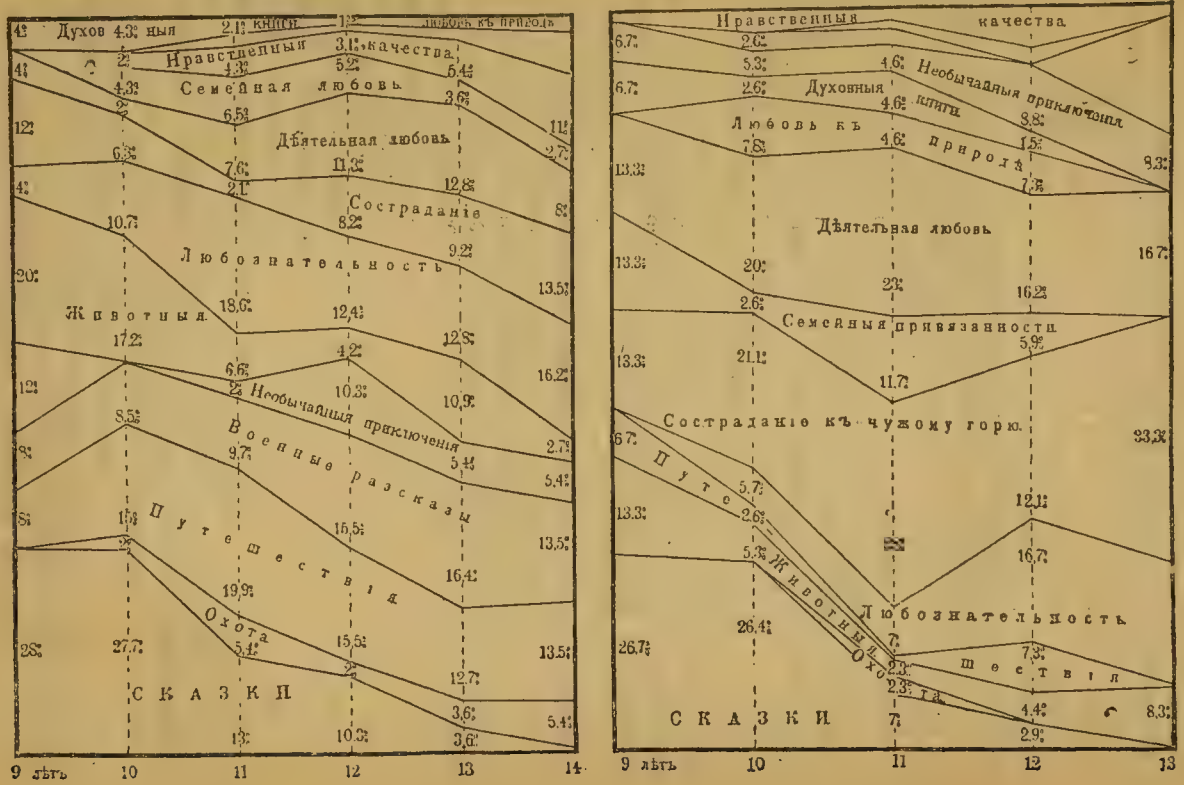
Любознательность.

Понятно, что одна и та же книга одному ученику могла понравиться, потому что въ ней былъ описанъ военный эпизодъ, а другому ученику, потому что въ ней жалостно разсказана судьба несчастной сиротки. Въ первомъ случаѣ мы относимъ ее къ военнымъ разсказамъ, а во второмъ — къ отдѣлу состраданія.

Мы уже говорили о томъ, что интересы дѣтей являются показателями ихъ стремленій къ развитію. То, что доставляетъ ребенку удовольствіе и радость, что интересуетъ его, находится въ соотвѣтствіи съ господствующимъ въ данный моментъ направленіемъ его стремленія къ развитію. И наоборотъ, то, что вызываетъ въ ребенкѣ отвращеніе или скуку, не соотвѣтствуетъ его стремленію къ развитію. Такимъ образомъ, выше помянутые отзывы дѣтей о понравившихся имъ книгахъ, опредѣляя интересы дѣтей, въ то же время свидѣтельствуютъ о направленіи ихъ господствующихъ въ данный моментъ стремленій къ развитію.

Не имѣя возможности загромождать нашу работу массою цифръ, мы выбираемъ только наиболѣе характерные выводы. Результаты нашего изслѣдованія изображены на прилагаемыхъ чертежахъ. Горизонтальный рядъ цифръ опредѣляетъ возрастъ дѣтей, давшихъ отвѣты, а вертикальный рядъ цифръ — процентное отношеніе данныхъ отвѣтовъ къ общему числу. Такимъ образомъ, по ширинѣ полученныхъ полосъ можно судить о томъ, какъ въ зависимости отъ возраста измѣняются тѣ или другія увлеченія дѣтей. Мы видимъ, напримѣръ, какъ полоса сказокъ широка для дѣвочекъ въ возрастѣ 9 и 10 лѣтъ и какъ она начинаетъ суживаться къ 11-му году и почти совсѣмъ исчезаетъ къ 13 годамъ. Или (другой примѣръ), какъ полоса состраданія у дѣвочекъ узка для 9-лѣтняго возраста и

5-й рис. Какъ въ зависимости отъ возраста измѣмяются мотивы, по которымъ нравится дѣтямъ ихъ любимая книга.



какъ она расширяется до 11 лѣтъ, затѣмъ суживается къ 12-му году и снова возрастаетъ къ 13 годамъ.

Чертежи эти показываютъ, что дѣти народной школы, подвергавшіяся нашему изслѣдованію, до 10-лѣтняго возраста включительно болѣе всего интересуются сказками, и этотъ интересъ является самою характерною чертою этого періода. Почти 28% и мальчиковъ и дѣвочекъ этого возраста всѣмъ остальнымъ книгамъ предпочитаютъ сказки.

Впрочемъ, наше изслѣдованіе, быть-можетъ, указывая болѣе опредѣленно для дѣтей изъ народа возрастъ, характеризуемый преобладаніемъ сказокъ, подтверждаетъ только общее мнѣніе объ особенной любви дѣтей къ сказкамъ. Возможно, что дѣти изъ образованной среды, а также дѣти изъ Зап. Европы и Америки раньше теряютъ вкусъ къ сказкамъ, чѣмъ дѣти нашего простого народа; но что всѣ дѣти переживаютъ этотъ періодъ увлеченія сказкою,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Такой знатокъ дѣтской души, какъ Сёлли, въ своей книгѣ посвятилъ этому вопросу цѣлую главу: «Воображеніе и сказочная страна». По его словамъ, о силѣ наслажденія, какое сказки доставляютъ дѣтямъ, можно судить по той жадности, которую сказки вызываютъ. «Кто можетъ противостоять ребенку, когда онъ жадно требуетъ сказки?» восклицаетъ Сёлли. Еще Страбонъ писалъ о томъ, какое удовольствіе возбуждаетъ въ дѣтяхъ все чудесное и непостижимое и какъ важно поэтому начинать обученіе съ миѳовъ. Теккерей превосходно описываетъ «это увлеченіе сказочной страной,—это состояніе, когда духъ, какъ во снѣ или въ грезахъ, совершенно уходитъ изъ чувственнаго міра и уносится въ какой-то внутренній міръ фантазіи».

Моя дочь въ возрастѣ 4-хъ лѣтъ, желая выразить, какъ сильно она любитъ свою мать, сказала: «Я тебя люблю, какъ сказочку».

Извѣстный романистъ знаетъ только одного соперника этого увлеченія—сладость малиноваго пирога. Впрочемъ, не надо далеко ходить за примѣрами: всякій наблюдалъ, какъ ребенокъ, только что выслушавшій любимую сказку, которую онъ давно уже знаетъ и хорошо помнитъ, требуетъ, чтобы вы снова и снова повторяли ее. И педагогъ долженъ считаться съ этою любовью дѣтей къ сказкамъ. Онъ долженъ найти объясненіе этого успѣха сказокъ у дѣтей. Онъ долженъ угадать, какія именно изъ дѣтскихъ способностей предъявляютъ въ данномъ случаѣ свои права на дальнѣйшее развитіе. А угадавъ стремленія ребенка, онъ долженъ удовлетворить здоровыя и прогрессивныя изъ этихъ стремленій.

Нѣкоторые объясняютъ успѣхъ сказокъ тѣмъ, что въ сказкахъ идеализируется и украшается всякими красками геройство, великодушіе, дѣятельная любовь и возбуждается отвращеніе къ пороку, къ жестокости, къ трусости, ко злу. Кромѣ

того, въ сказкахъ изображается только то, что интересуетъ ребенка, то, что важно для человѣческой жизни: добро и зло, счастье и несчастье, успѣхъ и неудачи, могущество и униженіе.

Все это вѣрно, но не въ этомъ одномъ кроется необыкновенный успѣхъ сказокъ среди дѣтей. Суть дѣла въ томъ, что ребенокъ стремится развить свое воображеніе. Есть возрастъ, когда это стремленіе проявляется особенно властно.

Различаютъ творческое воображеніе отъ воспроизводящаго. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ творцомъ сказки, съ изобрѣтателемъ новой игры, новой игрушки, съ разсказчикомъ или творцомъ новой пѣсенки, желающимъ вызвать въ насъ какое-нибудь опредѣленное чувство: жалость, радость и т. д., а во второмъ — со слушателемъ.

Таковъ, напримѣръ, процессъ, когда дѣти подъ вліяніемъ чтенія составляютъ представленіе о волшебныхъ, сказочныхъ странахъ и ихъ обитателяхъ. Похоже на это и то, когда ребенокъ по описаніямъ составляетъ представленіе о существующей въ дѣйствительности, но незнакомой ему странѣ, напримѣръ, объ Африкѣ. И тамъ и тутъ матеріаломъ служитъ для него то, что накопилось въ его памяти, что онъ видѣлъ, слышалъ, наблюдалъ. Здѣсь преимущественную роль играетъ воспроизводящее воображеніе. Но провести рѣзкую грань между творческимъ воображеніемъ разсказчика и воспроизводящимъ воображеніямъ слушателя едва ли возможно: сообразно съ фабулою сказки слушающій сказку ребенокъ отбрасываетъ одно, выбираетъ другое, и все выбранное приводитъ въ опредѣленныя сочетанія.

Ребенокъ, стало-быть, является творцомъ не только тогда, когда онъ самъ сочиняетъ новую сказку; но отчасти и тогда, когда онъ слушаетъ старую.

Путемъ простого самонаблюденія можно замѣтить, что одинъ и тотъ же образъ часто входитъ въ самыя разнообразныя сочетанія.

По этому поводу кто-то придумалъ слѣдующую остроумную аналогію. Какъ изъ печатныхъ буквъ азбуки, входящихъ въ различныя сочетанія, можно создать безконечное число словъ, фразъ и разсказовъ, такъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ нашего воображенія, давая имъ различныя сочетанія, можно создать безчисленное множество образовъ. Здѣсь преимущественно работаетъ творческое воображеніе. У дѣтей, — конечно, въ весьма различной степени и въ различныхъ комбинаціяхъ, — есть то и другое воображеніе. И то и другое обусловливаетъ ихъ любовь къ сказкамъ. Но очевидно, что сказка для ребенка съ творческимъ воображеніемъ совсѣмъ не то, что для ребенка съ воображеніемъ воспроизводящимъ. Мы упомянули выше, что самая существенная черта дѣтскаго воображенія — это вѣра въ дѣйствительность созданнаго въ его душѣ образа.

Ребенокъ одного моего знакомаго бросилъ въ школѣ грязную калошу въ лицо учительницѣ. Когда стали разслѣдовать дѣло, оказалось, что онъ очень любилъ свою учительницу, никогда не сказалъ ей ни одного грубаго слова, но учительница вошла въ школу въ тотъ самый моментъ, когда ребенокъ мечталъ и по ходу его мечты долженъ былъ появиться краснокожій вождь индѣйскаго племени съ тѣмъ, чтобы скальпировать бѣлыхъ; ребенокъ принялъ свою учительницу за дикаго вождя, и такъ какъ подъ руками не было никакого другого орудія, то онъ пустилъ въ дѣло грязную калошу, чтобы спасти бѣлыхъ отъ угрожавшаго имъ бѣдствія.

Хаотическое, нестройное воображеніе ребенка по своей живости не знаетъ предѣловъ. Картина дѣтскаго воображенія такъ жива, точно это сама дѣйствительность или, по крайней мѣрѣ, сонъ. Одинъ ребенокъ вспомнилъ дорогого человѣка и затѣмъ сказалъ: «У меня былъ хорошій сонъ», а вѣдь сны дѣти такъ часто смѣшиваютъ съ дѣйствительностью; такъ, напримѣръ, одинъ ученикъ лондонской школы, по словамъ Сёлли, придя въ школу, сказалъ: «Учитель, я видѣлъ сегодня ночью старую женщину около своей кровати».

У Короленко чрезвычайно живо описывается игра воображенія у ребенка, только что проснувшагося утромъ. Въ темнотѣ ему чудятся разные призраки. Они то возникаютъ, то исчезаютъ и снова возникаютъ, неопредѣленные, неясные. «Прежде другихъ появился, какъ и всегда, высокій щеголеватый господинъ, весь въ зеленомъ, съ ослѣпительно бѣлыми воротничками и манжетами. Иногда же Васѣ казалось, что господинъ вырѣзанъ изъ зеленаго и бѣлаго картона, что не мѣшало ему прохаживаться очень чопорно и съ большою важностью, «фигурять», какъ выражались дѣти, которымъ Вася днемъ передразнивалъ его походку».

Извѣстно, какъ важно для развитія, чтобы образы и чувства, которые переживаетъ ребенокъ, нашли для себя внѣшнее выраженіе. И дѣти инстинктивно стремятся какъ-нибудь выразить чуть не каждый, особенно заинтересовавшій ихъ образъ. Моя дочь въ возрастѣ около 4 лѣтъ въ своихъ играхъ изображала дѣйствіями, мимикой и словами слѣдующія сказки, стихи и разсказы: «Красную Шапочку», «Мальчикъ съ пальчикъ», «Золушку», «Волшебницу», «Мальчика и Солнце», «Робинзона», «Дѣтку въ колясочкѣ», «Сосульку», «Зайчика», «Елочку», «Слона». Изъ другихъ личныхъ переживаній она драматически изображала созданныя въ своемъ воображеніи дядю-бя, няню, бѣдную сиротку, Мусю чужую, Котика, маму Милу, Катю и проч. $4^1/_2$ лѣтъ отроду она, подъ вліяніемъ разсказовъ о войнѣ, изображала изъ себя сиротку Зину, у которой папа и мама убиты японцами. Она говорила, что японцы ее ранили, разорвали ея платье, и она живетъ у насъ, какъ пріемная дочка. Игра эта продолжалась въ теченіе нѣ-

сколькихъ дней, и дѣвочка настолько вошла въ свою роль, что если по забывчивости назовешь ее настоящимъ именемъ, она шепчетъ: «Я не Муся; я Зина».

Вполнѣ справедливо говорятъ о томъ, что ложь дѣтей очень часто не сознательная ложь, а только заблужденіе. Ребенокъ очень часто вѣритъ въ тотъ вымыселъ, какой пришелъ ему въ голову и какой онъ выдаетъ за правду. Неудивительно, если сказку, прочитанную въ книгѣ, ребенокъ сочтетъ за дѣйствительное событіе.

Пока ребенокъ олицетворяетъ неодушевленные предметы, онъ готовъ по цѣлымъ часамъ разговаривать съ куклою, со шкурой медвѣдя, съ чучеломъ птицы, и онъ вѣритъ, что передъ нимъ то, что онъ воображаетъ.

Знакомая мнѣ дѣвочка, когда солнышко спряталось за облако, поетъ: «Солнышко, вёдрышко, выгляни въ окошко: Муся хочетъ гулять». Случилось, что солнышко показалось снова, и дѣвочка серьезно замѣчаетъ: «Слушается».

Вотъ нѣсколько фактовъ, собранныхъ Сёлли. Одна дѣвочка нашла камень съ дырочкою и по поводу этого камня сочинила цѣлый разсказъ, полный чудесъ: этотъ камень оказался волшебнымъ, въ немъ были чудныя комнаты, а въ нихъ жили, плясали и пѣли прекрасныя феи. Тотъ же психологъ разсказываетъ, какъ другая дѣвочка поднимаетъ камни, носитъ ихъ и кладетъ на новое мѣсто: ей жаль этихъ камней, они лежатъ на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ имъ такъ скучно, они хотятъ гулять и видѣть новое.

Одна восьмилѣтняя дѣвочка принесла матери нѣсколько опавшихъ листьевъ и сказала: «Я знала, что ты пожалѣешь этихъ бѣдняжекъ, я не могла видѣть, какъ они умираютъ на землѣ».

Почему дѣти въ своихъ объясненіяхъ стремятся олицетворить и одухотворить всѣ окружающія ихъ явленія?

Первое существо, хорошо изученное ребенкомъ, будетъ онъ самъ, затѣмъ его мать, его отецъ, братья, сестры, няня—всѣ окружающіе его люди. Поэтому онъ лучше всего усвоитъ доступныя его пониманію человѣческія свойства. Въ то же время ребенокъ часто играетъ съ кошкою, собакою, любитъ наблюдать лошадей, коровъ, птицъ, и онъ по вполнѣ понятной аналогіи переноситъ на эти существа извѣстныя ему человѣческія свойства. Онъ разговариваетъ съ кошкою и собакою совершенно такъ, какъ онъ разговаривалъ бы съ человѣкомъ. Когда же ему приходится составить понятіе о другихъ интересующихъ его вещахъ: игрушкахъ, съ которыми онъ играетъ, солнышкѣ, котораго онъ ждетъ, чтобы гулять, лунѣ, которою любуется въ облакахъ, вѣтрѣ, который его то безпокоитъ, то развлекаетъ, камнѣ, о который онъ споткнулся, ребенокъ и на нихъ по аналогіи, нѣсколько легкомысленной и смѣлой (каково большинство дѣтскихъ аналогій), переноситъ человѣ-

ческія свойства. И вотъ онъ видитъ проявленіе личной воли во всѣхъ поражающихъ его явленіяхъ природы и жизни.

Онъ привыкъ придавать человѣческія свойства всему, что видитъ, слышитъ, что можетъ быть выражено словомъ. Вѣтеръ, кукла и деревянныя лошадки, солнце и мячъ, дерево и вода, дождь и снѣгъ,—все это живыя существа, дѣйствующія по своей волѣ. Я зналъ дѣвочку, которая на вопросъ, почему подулъ вѣтеръ, отвѣчала: «Захотѣлъ».

И вотъ мы видимъ, какъ ребенокъ жалуется на камень, о который онъ ушибся, а драчливый ребенокъ даже бьетъ этотъ камень. Онъ похожъ тогда на Ксеркса, бичевавшаго Геллеспонтъ, и еще болѣе на дикарей, наказывающихъ дерево, если при своемъ паденіи оно убивало человѣка, или на самоѣда, наказывающаго идола за неудачную охоту. Что дикіе, которыхъ напоминаютъ наши дѣти и во многихъ другихъ отношеніяхъ, олицетворяютъ явленія природы—фактъ, хорошо извѣстный. У одного южно-американскаго племени луна играетъ роль мужа, а солнце—роль жены. Эскимосы называютъ звѣзды изъ созвѣздія Оріона затерявшимися и разсказываютъ про нихъ цѣлую исторію, гдѣ эти звѣзды охотились за тюленями. Новозеландцы разсказываютъ цѣлую сказку про радугу, изображаемую въ видѣ живого чудовища съ открытою пастью. О томъ же олицетвореніи природы говорятъ всѣ эти лѣшіе, русалки, домовые, эльфы, нимфы, духи скалъ, вулкановъ и водопадовъ.

Когда разсудокъ разовьется, дѣти станутъ прекрасно понимать разницу между одушевленными и неодушевленными предметами, будутъ легко отличать фантазіи отъ дѣйствительности. Но, чтобы разсудокъ вступилъ въ свои права и ограничилъ роль воображенія, надо много разнообразныхъ наблюденій, опытовъ, сравненій, выводовъ, поправокъ, знаній, логическихъ связей. Должно-быть, такова ужъ судьба всякаго умственнаго развитія. Вѣдь и астрономія была когда-то очень долго астрологіей, какъ и химія—алхиміей. Необходимые для развитія ума опыты и наблюденія требуютъ значительнаго времени и благопріятныхъ условій. Бѣдный ребенокъ, не видавшій ничего, кромѣ каморки въ подвалѣ, гдѣ онъ живетъ, не скоро соберетъ достаточный запасъ наблюденій. Естественно, что при такихъ условіяхъ сила разсудка нарастаетъ постепенно и очень медленно. Но, благодаря медленности своего развитія, на первыхъ порахъ разсудокъ такъ слабъ и такъ безсиленъ, что не можетъ стѣснять дѣятельности воображенія.

И благодаря этой слабости разсудка, бѣдности точныхъ наблюденій и представленій, благодаря слабости контроля и критики, воображеніе ребенка становится источникомъ его иногда невольной лжи, неточныхъ показаній, невѣрныхъ воспоминаній, самообмана. Мейманъ разсказываетъ про 4-лѣтнюю

дѣвочку, которая самымъ непринужденнымъ образомъ разсказывала ему то, что происходило съ ея шестилѣтнимъ братомъ, какъ будто это происходило съ нею самой.

Ребенокъ такъ же бѣденъ представленіями, какъ и первобытные народы; его фантазія принуждена оперировать почти съ тѣмъ же незначительнымъ матеріаломъ наблюденій и вообще наглядныхъ представленій, какъ и фантазія дикаря. Народныя сказки въ своихъ главныхъ чертахъ сложены еще въ то время, когда народъ по количеству и разнообразію своихъ представленій также былъ близокъ къ ребенку. Вотъ почему народная сказка пришлась такъ по душѣ дѣтямъ. Конечно, нельзя воспитывать дѣтей на однѣхъ сказкахъ. Дѣтямъ прежде всего нуженъ запасъ точныхъ, наглядныхъ представленій, реальныхъ знаній, непосредственнаго знакомства съ вещами, чего имъ недостаетъ. Предметный методъ обученія долженъ занимать самое первое мѣсто въ этомъ возрастѣ. Но есть время и для того, и для другого. Путемъ предметнаго метода надо пріучать дѣтей къ точности и анализу ихъ воспріятій; но, кромѣ анализа, нуженъ еще и синтезъ. Чтобы понять окружающую жизнь, недостаточно только разложить ее на элементы; надо еще умѣть соединить и связать ихъ другъ съ другомъ, создать изъ этихъ элементовъ нѣчто цѣлое; а для этого необходимо развить въ себѣ не только анализирующія способности, но еще ассимилирующія, синтетическія. И ребенокъ, словно онъ подозрѣваетъ объ этомъ, стремится (опять-таки большею частію не преднамѣренно) развить въ себѣ эту ассимилирующую способность. Онъ самъ въ своихъ играхъ, въ своихъ сказочкахъ и разсказахъ переработываетъ полученныя имъ предметныя представленія во что-то цѣльное, онъ творитъ.

Вотъ, напримѣръ, сказка, записанная мною со словъ 7-лѣтней дѣвочки. «Вотъ жили-были дѣдъ и баба. Пришла зима. Они состроили Снѣгурочку изъ снѣга. Она стала живой. Она выросла. Они пускали ее гулять. Вотъ настала весна. Приходятъ подруги къ Снѣгурочкѣ и говорятъ: Снѣгурочка, пойдемъ гулять. Снѣгурочку пустили. Она вошла въ лѣсъ. Вдругъ показался медвѣдь изъ-за кустовъ. Всѣ подруги бросились бѣжать, а Снѣгурочка осталась; залѣзла на дерево и заплакала. Вдругъ идетъ другой медвѣдь. «Чего ты плачешь?—спрашиваетъ.—Садись, я довезу тебя».—Нѣтъ не сяду. Идетъ волкъ. «Чего ты плачешь?»—Мнѣ хочется домой. «Садись, довезу».—Нѣтъ, мнѣ страшно на тебя садиться. А вѣдьма сидѣла за кустами. Ей понравилась Снѣгурочка; она и подумала: какъ бы мнѣ ее скушать! Она сдѣлалась лисичкой. «Чего ты плачешь?» спрашиваетъ.—Мнѣ хочется домой. «Садись, довезу».—Ну, хорошо. Только что Снѣгурочка хотѣла на нее садиться, какъ вдругъ лисичка сдѣлалась вѣдьмой и съѣла Снѣгурочку».

Здѣсь, изъ знакомыхъ элементовъ, дѣвочка путемъ собственной комбинаціи составила наивную, по свою собственную сказочку. Это активная сторона воображенія ребенка; но на ряду съ тѣмъ идетъ и даже предшествуетъ работа пассивнаго воображенія, когда ребенокъ слушаетъ или читаетъ разсказы и сказки. Мы должны, впрочемъ, оговориться и скажемъ подробнѣе объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, что и эта работа далеко не такъ пассивна, какъ это кажется съ перваго взгляда. Построить въ своемъ воображеніи цѣлое событіе на основаніи такихъ символическихъ знаковъ, какъ человѣческое слово, это работа, требующая далеко не одного только пассивнаго вниманія. Это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ наблюденіемъ, что дѣти, слушающія одну и ту же сказку, воспримутъ ее по-разному. У каждаго изъ нихъ будутъ свои пробѣлы, и каждый пробѣлъ каждый ребенокъ пополнитъ по-своему своимъ воображеніемъ. Что бы ребенокъ ни читалъ, его воображеніе непремѣнно что-нибудь измѣняетъ, что-нибудь выбрасываетъ, что-нибудь прибавляетъ. Когда же онъ встрѣчаетъ въ книгѣ или въ разсказѣ названіе предмета или дѣйствія, котораго онъ не видалъ, ему приходится построить этотъ невиданный предметъ изъ нѣсколькихъ образовъ, хранящихся въ его сознаніи, связавъ ихъ воедино. Конечно, ребенку далеко еще до высоко творческой фантазіи художника или поэта; но отрицать у ребенка комбинирующее воображеніе, какъ это дѣлаетъ Вундтъ, не позволяютъ факты. Скорѣе правъ въ этомъ отношеніи Мейманъ, когда онъ говоритъ, что работа дѣтской фантазіи является той областью и той формой умственной дѣятельности, въ которой раньше всего можно пробудить умственную самостоятельность ребенка, радость открытія, отысканія и изобрѣтенія, потому что эта форма ему легче доступна, чѣмъ настоящее наблюденіе и размышленіе; поэтому и само наблюденіе легче всего удается тогда, когда оно привлекается на служеніе созидательной работѣ фантазіи ребенка.

Отсюда, по мнѣнію Меймана, явствуетъ, что формальное развитіе самодѣятельной фантазіи должно служить педагогу отправною точкою для пробужденія въ ребенкѣ умственной самостоятельности вообще. Скажемъ больше. Въ воображеніи, по мнѣнію Компере, лежитъ начало отвлеченнаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ образъ переходитъ не весь предметъ, образъ является только очеркомъ, эскизомъ и въ извѣстномъ смыслѣ абстракціей того, что видѣлъ ребенокъ; потому что сознаніе удерживаетъ изъ воспріятій не всѣ, а только извѣстное число признаковъ, общихъ всѣмъ этимъ воспріятіямъ.

Ребенку недоступна еще та степень отвлеченнаго мышленія, которая позволяетъ намъ, взрослымъ людямъ, смотрѣть на слова, какъ на алгебраическіе знаки, не нуждаясь въ пред-

ставленіи тѣхъ тѣлесныхъ явленій, которыя они обозначаютъ. У ребенка, наоборотъ, каждое слово вызываетъ цѣлый рядъ образовъ. Вотъ почему воображеніе больше, чѣмъ другія способности, соотвѣтствуетъ дѣтскому возрасту.

Но эта способность дѣтства не лишена многихъ дефектовъ. Воображеніе ребенка не довольно активно; и воспитатель долженъ содѣйствовать развитію самодѣятельности и активности въ воображеніи ребенка. Воображеніе ребенка недостаточно контролируется точными наблюденіями и реальными воспоминаніями; надо упражнять ребенка въ такомъ контролѣ. Созданія дѣтской фантазіи часто безсвязны; надо вносить въ нихъ больше естественныхъ, реальныхъ, логическихъ связей. Но нельзя пренебрегать развитіемъ такой важной способности, какъ воображеніе.

Существенно-важные для учителя вопросы состоятъ, между прочимъ, въ томъ, до какихъ лѣтъ воображеніе является у типичнаго ребенка настолько господствующимъ, что онъ предпочитаетъ сказки другимъ разсказамъ.

Многіе изъ вышеприведенныхъ фактовъ, характеризующихъ преобладаніе воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ, относятся къ возрасту до 8 лѣтъ; и, повидимому, большинство дѣтей сохраняетъ увлеченіе сказками до этого возраста. Но наше изслѣдованіе показываетъ, что болѣе $^1/_4$ дѣтей, учащихся въ народной школѣ, сохраняетъ это увлеченіе и притомъ, какъ преобладающее надъ всѣми другими, до 10-лѣтняго возраста. И никакія другія книги не даютъ въ этомъ возрастѣ такого процента читателей, какъ сказки. Объясненіе этого факта заключается, повидимому, въ томъ, что разумъ типичнаго ребенка младшихъ отдѣленій народной школы еще не настолько великъ, чтобы разрушить очарованіе волшебнаго міра.

Быстрое паденіе интереса къ сказкамъ начинается (см. № 5) съ 11-лѣтняго возраста; этотъ же возрастъ характеризуется еще и быстрымъ увеличеніемъ числа книгъ, удовлетворяющихъ любознательности научнаго характера (см. № 5). Объясненіе этого явленія мы видимъ въ томъ, что 11-лѣтній ребенокъ изъ народа настолько уже развитъ умственно, что относится критически къ читаемому и можетъ отличать возможное и реальное отъ волшебнаго и невозможнаго, въ немъ уже есть чувство реальной правды. Значитъ ли, однако, это, что въ немъ потухаетъ воображеніе? Та же таблица показываетъ, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ интереса къ сказкамъ въ ребенкѣ этого возраста увеличивается любовь къ путешествіямъ во вкусѣ Жюля Верна, Майнъ-Рида и проч., къ охотничьимъ разсказамъ, военнымъ разсказамъ, а всѣ такіе разсказы съ необычайными, поразительными приключеніями точно такъ же разсчитаны на воображеніе ребенка. Вся разница лишь въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ разсказахъ менѣе невозможнаго и немного болѣе реальнаго содержанія. Люди,

которымъ приходилось наблюдать учениковъ нашихъ народныхъ школъ, подтвердятъ, что 11-лѣтній типичный ученикъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ отношеніи умственнаго развитія, но все же ему еще далеко до того, чтобы его можно было признать развитымъ умственно. Онъ еще очень смѣлъ въ аналогіяхъ и обобщеніяхъ, онъ еще не любитъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни самопровѣрки, онъ не терпитъ исключеній изъ общаго правила, его воображеніе еще сильно и хотя его разумъ уже перерастаетъ наивности волшебной сказки, но далеко еще не переросъ фантазій Жюля Верна.

Стоитъ обратить вниманіе на нашихъ таблицахъ на тотъ фактъ, что судьбу сказокъ, повидимому, раздѣляютъ и разсказы про животныхъ. Дѣвочки до 9, а мальчики до 10 лѣтъ любятъ эти разсказы, и % любимыхъ книгъ этого рода у мальчиковъ занимаетъ первое послѣ сказокъ мѣсто; но къ 11 годамъ этотъ интересъ значительно уменьшается. Можно предположить, что на этой ступени интересъ къ животнымъ поддерживается, между прочимъ, тѣмъ свойствомъ дѣтскаго воображенія, благодаря которому дѣти приписываютъ животнымъ всѣ человѣческія качества. Знакомая мнѣ маленькая дѣвочка разговариваетъ съ котомъ Ваською такъ, какъ она могла бы разговаривать только съ человѣкомъ. Уходя въ другую комнату, она говоритъ ему: «Васька, иди въ дѣтскую, жди Мусю». Хорошо извѣстно, какую большую роль играютъ у ребенка аналогіи. Все малоизвѣстное онъ уподобляетъ хорошо извѣстному. Онъ лучше многаго другого знаетъ свои дѣйствія, свои желанія, свои потребности, свои ощущенія и чувства. И вотъ почему онъ такъ охотно надѣляетъ тѣми же качествами и солнце, и луну, и деревья, и камни, и, конечно, животныхъ. Онъ олицетворяетъ мертвую природу и можетъ обожествить и солнце, какъ солнце-поклонники, и нѣкоторыхъ животныхъ, какъ древніе египтяне. Всякій, кто наблюдалъ за дѣтьми, знаетъ, что до извѣстнаго возраста они не находятъ ничего страннаго въ томъ, что лисица разговариваетъ съ волкомъ, что звѣри оказываются болѣе умными, чѣмъ люди. Быть-можетъ, вѣра въ это превосходство животныхъ надъ человѣкомъ поддерживаетъ интересъ къ животнымъ, и когда степень этой вѣры, подъ вліяніемъ возрастающаго разсудка, убываетъ, параллельно съ этимъ уменьшается и любовь къ разсказамъ о животныхъ. Но вѣрно это объясненіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣненъ самый фактъ, что дѣти народныхъ школъ въ началѣ школьнаго курса обнаруживаютъ любовь къ разсказамъ про животныхъ, но потомъ этотъ интересъ понемногу вытѣсняется другими увлеченіями.

Какъ похожъ ребенокъ, вѣрящій, что котъ въ сапогахъ, дѣйствительно, говоритъ по-человѣчьи, какъ похожъ этотъ ребенокъ на нѣкоторыхъ дикарей!

По словамъ Тейлора, басня о животныхъ не кажется безсмыслицею людямъ, приписывающимъ низшимъ животнымъ способность рѣчи и свойства человѣческой нравственной природы,—людямъ, по мнѣнію которыхъ каждый волкъ или гіэна можетъ оказаться человѣкомъ-гіэною или оборотнемъ,—людямъ, которые до того увѣрены, что «душа нашей бабушки можетъ переселиться въ птицу», что выбираютъ свою пищу такъ, чтобы не съѣсть какого-нибудь предка,—людямъ, существенною частью религіи которыхъ можетъ являться поклоненіе животнымъ.

Тотъ же писатель указываетъ на буддистовъ, у которыхъ самыя обыкновенныя басни о животныхъ превратились въ буквальные эпизоды священной исторіи. Ихъ Гаутамо, по словамъ священныхъ книгъ, былъ лягушкою, рыбою, вороною, обезьяною и проч. И его послѣдователи такъ крѣпко вѣрятъ въ свои басни, ставшія священными, что въ своихъ храмахъ сохраняютъ, какъ святыню, шерсть, перья и кости этихъ животныхъ.

Какъ похоже воображеніе ребенка на воображеніе, напримѣръ, древняго индуса, олицетворяющаго всѣ явленія природы, и вѣтеръ, и зарю, и надѣляющаго ихъ страстями, волею и жизнью.

Обращаясь къ зарѣ, они говорили: «Всегда юная, всегда новая заря возрождается, чтобы пробудить всѣ существа. Подобно легкой дѣвѣ, о богиня, ты подходишь къ мѣсту жертвоприношеній. Твердо и съ улыбкой ты идешь впереди. Подобно дѣвицѣ, которую омыла мать, ты блистаешь красотою тѣла». Въ наше время такъ могутъ говорить только дѣти да поэты.

Какъ все это напоминаетъ хорошо извѣстную въ педагогической литературѣ Лауру Бриджмэнъ, которая не представляла себѣ, чтобы какая-нибудь фраза могла не выражать реальнаго событія. Когда ей давали ариѳметическую задачу, гдѣ спрашивалось, сколько она заплатитъ за сидръ, она отвѣчала: «Я не могу дать дорого, потому что сидръ очень киселъ».

Если тутъ стоитъ о чемъ спорить, такъ развѣ только о томъ, не сопровождается ли эта вѣра въ реальность образа еще и сомнѣніями. Вѣроятно, это такъ и есть. Вѣроятно, за моментомъ, когда ребенокъ, изображающій всадника, повѣрилъ въ то, что его палка—лошадь, слѣдуетъ моментъ сомнѣнія, когда онъ начинаетъ вѣрить, что это простая обыкновенная палка, и это послѣднее вѣрованіе вытѣсняетъ первое. Но, тѣмъ не менѣе, бываютъ моменты, когда палка бываетъ для ребенка дѣйствительною, реальною лошадью, такою, на которой ѣздитъ его отецъ или сосѣди.

Говоря о преобладаніи воображенія у дѣтей, нельзя обойти нѣкоторыхъ, существенно важныхъ для учителя вопросовъ. Таковъ вопросъ о томъ, возможно ли, и если возможно, то

насколько, говорить о преобладаніи воображенія у всѣхъ дѣтей безъ исключенія. Начать съ того, что само воображеніе неоднородно у разныхъ дѣтей. У одного преобладаютъ зрительные образы, и онъ живетъ въ мірѣ красокъ и формъ; у другого замѣтно преобладаніе слуховыхъ образовъ, и онъ чаще уходитъ въ міръ воображаемыхъ звуковъ; у третьяго преобладаютъ моторные образы, и онъ предпочитаетъ міръ движеній; но, разумѣется, есть и дѣти уравновѣшеннаго типа съ гармоническимъ развитіемъ каждой изъ вышепоименованныхъ способностей.

Больше того: у однихъ эта способность сохраняется долго. Есть люди, сохраняющіе замѣчательную живость воображенія до глубокой старости; таковы: поэты, художники, романисты и проч.

Было бы ошибочно отдавать привилегію на воображеніе одному ребенку и дикарю. У поэтовъ, романистовъ, художниковъ обыкновенно никто не станетъ отрицать богатаго воображенія. Больше того: воображеніе взрослаго художника выгодно отличается отъ воображенія ребенка своею гармоніею, богатствомъ, сложностью и красотою образовъ; но ребенокъ никому не уступитъ въ отношеніи живости своего воображенія: въ этомъ смыслѣ онъ можетъ не бояться соперниковъ.

Но, съ другой стороны, есть и дѣти съ блѣднымъ и вялымъ воображеніемъ. Есть дѣти, теряющія всякій вкусъ къ сказкамъ къ 7 годамъ, но есть и такія, которыя сохраняютъ увлеченіе сказками до 16 лѣтъ. Здѣсь можетъ итти рѣчь только о типичномъ ребенкѣ или, примѣняясь къ языку статистиковъ, о среднемъ ребенкѣ,—о дѣтяхъ, чаще всего встрѣчающихся.

Но и въ отношеніи къ такимъ дѣтямъ очень важно выяснить, представляется ли возрастъ господствующаго воображенія чѣмъ-то однороднымъ или онъ можетъ быть подраздѣленъ на періоды. Есть психологи, думающіе, что въ дѣтствѣ есть періодъ, когда самые фантастическіе образы ничѣмъ не отличаются для ребенка отъ реальныхъ явленій, и есть періодъ, когда ребенокъ уже начинаетъ отличать возможное и реальное отъ невозможнаго и фантастическаго. Можно сомнѣваться, дѣйствительно ли въ первомъ періодѣ образы воображенія *рѣшительно* ничѣмъ не отличаются отъ реальныхъ впечатлѣній, но едва ли можно оспаривать, что степень вѣры въ дѣйствительность вымысла у дѣтей перваго періода значительно превышаетъ вѣру во второмъ періодѣ. Принимая воззрѣніе Тэна и Рибо, можно думать, что моменты вѣры въ дѣйствительность возникающихъ въ душѣ ребенка образовъ по мѣрѣ его развитія все чаще и чаще смѣняются сомнѣніемъ и отрицаніемъ; вѣра въ дѣйствительность образовъ становится все слабѣе и слабѣе. Живость воображенія идетъ на ущербъ. Теперь естественнымъ является вопросъ: гдѣ на-

ходится причина этого явленія? На этотъ вопросъ можно безъ всякихъ колебаній отвѣчать, что причину надо искать въ развитіи мышленія.

Неограниченная власть грезы, химеры и сказки продолжается до тѣхъ поръ, пока не подрастетъ и не вступитъ въ свои права соперникъ воображенія — разсудокъ, размышленіе, и тогда начинается борьба между этими двумя силами.

Путь развитія этой способности рѣзко отличается отъ только что изложеннаго пути воображенія тѣмъ, что онъ растетъ медленнѣе. Путь его развитія очень длинный. Оно пробуждается очень рано, но слабо, и развивается очень медленно.

Какъ и воображеніе, мышленіе нуждается въ запасѣ наблюденій и опытовъ; но, кромѣ того, для ума нужно еще установить логическія связи между различными явленіями. Когда наблюденія накопятся въ памяти, ребенокъ разбирается въ нихъ и учится мыслить. Знакомая мнѣ дѣвочка, когда ей было полгода, любила сравнивать изображеніе ея матери въ зеркалѣ съ оригиналомъ, а сравненіе—это уже мышленіе. Когда ей было около 10 мѣсяцевъ, она однимъ и тѣмъ же именемъ «кхе-кхе» называла и кошку, и шкуру медвѣдя, и мѣховой воротникъ, и мѣховыя туфли, она уже дѣлала попытки классифицировать, т.-е. находить сходства и обобщать, а это уже мышленіе. Позже, около 4-хъ лѣтъ, дѣти будутъ искать причинныхъ связей между явленіями, они станутъ предлагать взрослымъ вопросы: почему? отчего? для чего? что это такое?

Все это признаки возрастающей мысли, дѣтской любознательности, желанія объяснить встрѣчающіяся явленія, понять ихъ смыслъ, цѣль и причины. Правда, сначала за недостаткомъ ума дѣти будутъ въ этихъ объясненіяхъ пользоваться воображеніемъ, будутъ давать иногда самыя фантастическія объясненія явленіямъ природы. Участіе воображенія въ дѣтскихъ объясненіяхъ дѣлаетъ послѣднія наивными и милыми.

Сёлли разсказываетъ, что одна дѣвочка объяснила происхожденіе вѣтра слѣдующимъ образомъ. «Сегодня Богъ въ день Своего рожденія получилъ въ подарокъ трубу. Онъ дуетъ въ нее и вотъ почему сегодня такой большой вѣтеръ».

Одинъ мальчикъ пытался объяснить фазы луны слѣдующимъ образомъ: «Полная луна приходитъ тогда, когда люди забыли зажечь лампы».

Извѣстно объясненіе, какое даютъ иногда дѣти росѣ: «Это трава плачетъ горькими слезами».

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, что дѣти разрѣшаютъ всѣ затрудненія въ объясненіи явленій природы путемъ часто очень смѣлыхъ аналогій. Ту же любовь къ аналогіямъ можно видѣть въ фактахъ въ родѣ слѣдующихъ. Моя дочь въ возрастѣ $2^1/_2$ лѣтъ маленькую елку называла дѣткой-елкой, а двѣ большія называла одну — «мама-елка», а другую — «папа

елка». По словамъ Сёлли, одна американская дѣвочка называла маленькую монету «дѣточка-долларъ». (Какъ характеренъ этотъ интересъ къ доллару американскаго ребенка, который живетъ въ странѣ милліардеровъ.) Другая дѣвочка, по имени Ильда, называла взрослую овцу «мама-бе», а маленькаго ягненка «Ильда-бе». Одинъ мальчикъ полагалъ, что солнце—мужчина, луна—женщина, звѣзды—маленькія дѣти, а Юпитеръ—горничная. Моя дочь въ возрастѣ $2^1/_2$ лѣтъ спрашиваетъ свою мать: «Солнышко тоже кушаетъ молочко?» Одинъ мальчикъ, по словамъ Сёлли, называлъ вѣко глазнымъ занавѣсомъ, а другой придумалъ для флюгера названіе «вѣтряный говорунъ».

Одинъ мальчикъ увѣрялъ своего учителя, что вѣтеръ живой, потому что онъ ночью слышалъ его свистъ.

Уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что дѣти не лишены и творческаго воображенія. Вотъ почему воображеніе талантливаго ребенка особенно сильно работаетъ надъ тѣмъ, чего еще нѣтъ, но чего онъ ждетъ, объ чемъ мечтаетъ.

Анатоль Франсъ, разсказывая о своемъ дѣтствѣ, пишетъ: «Мои игрушки заставляли работать мою голову,—по крайней мѣрѣ, игрушки, которыя были обѣщаны мнѣ, которыхъ я ожидалъ, потому что тѣ, которыя у меня были, уже не заключали въ себѣ ничего таинственнаго, слѣдовательно, теряли свою привлекательность. Но какъ восхитительны были тѣ, о которыхъ я мечталъ».

Благодаря творческой способности, живости воображенія, а главное—вѣрѣ въ реальность образа, ребенокъ умѣетъ вложить въ самыя обыкновенныя слова такое яркое содержаніе, о которомъ мы, взрослые люди, не имѣемъ никакого понятія.

Сёлли предполагаетъ, что для ихъ юныхъ душъ, быстро создающихъ образы и не умѣющихъ отвлеченно мыслить, слова являются не мертвыми символами мысли, но истинно живыми и, можетъ-быть, «крылатыми», какъ говорили древніе греки. «Во всякомъ случаѣ,—утверждаетъ извѣстный психологъ,—слова въ качествѣ чувственныхъ воспріятій сильно возбуждаютъ дѣятельность дѣтскаго воображенія, вызывая особенно живыя представленія о названныхъ предметахъ». Здѣсь есть что-то напоминающее галлюцинацію, когда образъ, вызванный въ воображеніи словомъ, становится какъ бы плотію, какъ бы дѣйствительнымъ явленіемъ, мечта и вымыселъ одѣваются въ плоть и кровь.

Воображеніе—это волшебная страна дѣтства. Отнимите его, и тусклой, будничной сдѣлается дѣтская жизнь. «Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ, пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной», вспоминаетъ поэтъ свое дѣтство, печальное и безрадостное. Но оно освѣтилось игрой воображенія: «И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы, и стали мнѣ дивныя рѣчи шептать, и дѣтскія слезы, безвинныя слезы, съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать»...

Можно возразить, что воображеніе—это мать ошибокъ, заблужденій и искаженій, что оно—хорошій слуга, но плохой господинъ.

Такое возраженіе основано на томъ дѣйствительномъ фактѣ, что до тѣхъ поръ, пока ребенокъ умственно недостаточно развитъ, онъ не въ силахъ отличить возможное и реальное отъ невозможнаго и фантастическаго.

Однакоже единственно вѣрный выводъ изъ этого факта заключается лишь въ томъ, что, развивая воображеніе, надо заботиться и о развитіи ума. Но, чтобы разсудокъ вступилъ въ свои права и ограничилъ роль воображенія, надо много разнообразныхъ наблюденій, опытовъ, сравненій, выводовъ, поправокъ, знаній, логическихъ связей.

Но когда эта способность войдетъ въ силу, достигнетъ извѣстной высоты развитія, ребенокъ станетъ все болѣе и болѣе контролировать работу своего воображенія.

Очень распространена въ наше время аналогія между исторіею развитія воображенія и разсудка у ребенка и исторіею развитія всего человѣчества. Мы упоминали уже объ аналогіи между ребенкомъ и первобытнымъ человѣкомъ. И дѣйствительно, между сѣдою древностью и дѣтствомъ нельзя не видѣть аналогіи. И тамъ и тутъ—сказки, полныя чудесъ, міръ вымысла, и тамъ и тутъ преобладающею способностью является воображеніе.

Но эта аналогія простирается и дальше.

Одинъ психологъ сравниваетъ возрастъ, когда умъ ребенка начинаетъ вступать въ свои права, съ эпохою всемірной исторіи, извѣстной подъ именемъ Возрожденія наукъ и искусствъ. До эпохи Возрожденія роль науки замѣняла химера: воображеніе властвовало надъ разсудкомъ; вѣрили въ философскій камень, по звѣздамъ предсказывали судьбу людей; съ эпохи же Возрожденія начинается расцвѣтъ разума, наукъ, искусствъ, культуры. Подобно тому и у ребенка сначала воображеніе преобладаетъ надъ умомъ, и его міровоззрѣніе напоминаетъ собою средневѣковую эпоху. Но затѣмъ умъ начнетъ мало-по-малу подчинять себѣ воображеніе. Ребенокъ будетъ подвергать все болѣе и болѣе строгой критикѣ каждую свою мечту, каждую сказку, каждое изъ чудесъ, такъ легко создаваемыхъ фантазіею.

Ребенокъ начинаетъ, по выраженію Наполеона I, «прикладывать къ своимъ мечтамъ масштабъ разсудка». Тогда воображеніе станетъ уступать разсудку одну за другой свои позиціи; проза станетъ понемногу завоевывать область поэзіи, знаніе—область химеры, начинающійся жизненный опытъ — сферу грезы и мечты.

На этой ступени развитія ребенокъ уже критически относится не только къ своимъ образамъ, но и къ разсказамъ другихъ людей; онъ пробуетъ отличать возможное отъ несбыточнаго, фантастическое—отъ реальнаго. Но обыкновенно во-

ображеніе со своими красками, яркостью и живостью не исчезаетъ совершенно. Оно только измѣняетъ свой химерическій характеръ, отбрасываетъ мнимое и невозможное и оставляетъ только дѣйствительное; оно только приспособляется къ властнымъ требованіямъ разсудка, дѣйствуетъ въ согласіи съ нимъ, нерѣдко оставаясь такимъ же свѣжимъ, какъ у ребенка. И мы можемъ только радоваться, если воображеніе сохраняется въ своей силѣ. Было бы жаль, если бы разсудочная дѣятельность совершенно истребила воображеніе. Мы хорошо знаемъ, какую огромную роль играетъ воображеніе и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ жизни, и какими холодными и безчувственными стали бы люди, если бы въ нихъ изсякъ этотъ источникъ.

Въ какомъ, приблизительно, возрастѣ совершается этотъ переходъ отъ грезъ къ разсудку у большинства дѣтей изъ народа? На этотъ вопросъ даютъ отвѣты вышеприведенные чертежи. Мы видѣли, что быстрое паденіе интереса къ сказкамъ начинается съ 11-лѣтняго возраста. Этотъ же возрастъ характеризуется быстрымъ увеличеніемъ числа книгъ, удовлетворяющихъ любознательности научнаго характера. Объясненіе этого явленія мы видимъ въ томъ, что 11-лѣтній ребенокъ изъ народа настолько уже развитъ умственно, что относится критически къ читаемому и можетъ отличать реальное и возможное отъ волшебнаго и невозможнаго.

Если мы сравнимъ отвѣты дѣтей 9 и 10-лѣтняго возраста на вопросъ о томъ, что именно особенно понравилось имъ въ любимой книгѣ, съ отвѣтами дѣтей отъ 11 лѣтъ до 13 лѣтъ, то намъ бросится въ глаза рѣзкая разница въ характерѣ самыхъ отвѣтовъ.

Вотъ наиболѣе типичные отвѣты дѣтей до 11 лѣтъ: «Какъ дѣдушка купилъ халатъ, а онъ умеръ». «Какъ медвѣдь билъ муху». «Какъ старикъ поймалъ рыбку». Какъ одна семья ѣхала на кораблѣ». Какъ дѣти пришли на рѣку рыбу ловить». «Какъ Аксютку прогнали, какъ она пришла домой и плачетъ». «Какъ татары забрали въ плѣнъ Жилина». «Какъ дѣдушка и Маруся помирали съ голода». «Какъ рыбаку онъ дѣлалъ плотъ». «Какъ люди ищутъ каменный уголь». «Какъ водолазы опускаются на дно». «Какъ французы съ русскими воевали».

Не говоря о часто встрѣчающейся неправильности въ формѣ, мы совсѣмъ не видимъ среди отвѣтовъ дѣтей этого возраста описаній природы, мы почти не встрѣчаемъ отвлеченныхъ понятій вообще и совсѣмъ не встрѣчаемъ отвлеченныхъ понятій изъ духовнаго міра. Дѣти этого возраста почти не употребляютъ въ своей рѣчи никакихъ эпитетовъ, никакихъ сравненій,—однимъ словомъ, никакихъ украшеній. Ихъ отвѣты напоминаютъ извѣстныя письменныя упражненія на вопросъ: кто что дѣлаетъ? Можно подумать, что дѣтей интересуютъ почти исключительно дѣла и поступки людей, а не мотивы, не оцѣнки, не обобщенія.

Уже другой характеръ представляютъ многія работы дѣтей отъ 11-лѣтняго возраста и старше. Здѣсь мы встрѣчаемся съ отвѣтами, обнаруживающими усвоеніе нравственныхъ понятій: «описанъ великодушный подвигъ, какъ за зло отплатить добромъ...», «какъ дѣвочка заботилась не о себѣ, а о меньшемъ братѣ...», «мнѣ нравится раскаяніе внучки...», «описанъ подвигъ самоотверженія за родину...», «онъ не пожалѣлъ своей жизни за свой народъ...», «работалъ на пользу другихъ, спасалъ многимъ людямъ жизнь и для спасенія другихъ не щадилъ своей жизни...» *Въ этихъ отвѣтахъ встрѣчается много отвлеченныхъ понятій въ родѣ:* «отважность», «храбрость», «привязанность», «превратность судьбы» и т. д., встрѣчаются *эпитеты:* «унылый голосъ»; «замѣчательный человѣкъ»; «подробное, прекрасное, поэтическое изложеніе»; встрѣчаются *книжныя выраженія:* «борьба человѣка съ природой»; «изобрѣтеніе послѣдняго вѣка»; «рабство—это позоръ для всего человѣчества». Есть описаніе природы: «было темно, вьюга выла»; встрѣчаются красивыя выраженія: «онъ сражался, какъ левъ, и умеръ, какъ герой».

Эти отвѣты, какъ я сказалъ, относятся не только къ 11-лѣтнему возрасту, а обнимаютъ собою возрастъ отъ 11 до 14 лѣтъ; но этотъ рѣзкій переходъ отъ наивныхъ отвѣтовъ къ болѣе осмысленнымъ падаетъ по преимуществу на одиннадцатилѣтній возрастъ. Глядя на приведенныя выше графики, невольно приходишь къ выводу, что 11-лѣтній возрастъ—самый благодарный въ курсѣ народной школы [1]). Ни одинъ возрастъ начальной школы не даетъ у мальчиковъ такого развитія научной любознательности, какъ этотъ; ни на какой другой возрастъ у дѣвочекъ не падаетъ такого увлеченія разсказами, вызывающими состраданіе къ чужому горю, и разсказами, изображающими дѣятельную любовь.

Если соединить теперь результаты наиболѣе важныхъ изслѣдованій съ наблюденіями, накопившимися, благодаря матерямъ, учащимъ и воспитателямъ, и собранными въ работахъ по психологіи дѣтства и въ педагогическихъ трактатахъ, то общій выводъ, казалось бы, можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Первый періодъ развитія ребенка продолжается до наступленія такъ называемаго критическаго, переходнаго возраста, когда начинается половое развитіе. Этотъ первый періодъ школьнаго возраста характеризуется поступа-

---

[1]) При 4-хъ и даже 3-лѣтнемъ курсѣ начальной школы 12-ти и 13-лѣтнія дѣти большею частію принадлежатъ къ менѣе способнымъ, менѣе успѣвающимъ и потому пробывшимъ въ школѣ дольше нормальнаго срока. Если въ нашемъ изслѣдованіи эта особенность возраста старшаго 11 лѣтъ не ярко выразилась, то это потому, что мы опрашивали и дѣтей, окончившихъ начальную школу и продолжающихъ свое образованіе въ школѣ повышеннаго типа, существовавшей при той же фабрикѣ, и не выдѣлили этихъ послѣднихъ въ особую группу.

тельнымъ развитіемъ памяти, постепеннымъ увеличеніемъ тонкости воспріятія, усиленіемъ быстроты психическихъ процессовъ, а также уменьшеніемъ утомляемости и постепеннымъ уменьшеніемъ склонности поддаваться дѣйствію посторонняго внушенія. 11-лѣтній ребенокъ въ среднемъ запомнитъ больше предметовъ и словъ, точнѣе представляетъ себѣ показанный ему предметъ, быстрѣе отвѣтитъ на любое впечатлѣніе, чѣмъ 6 или 7-лѣтній ребенокъ. Поэтому, когда говорятъ, что ребенокъ 6-ти лѣтъ силенъ памятью, то это надо понимать совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, что память 6-лѣтняго ребенка сильнѣе памяти 11-лѣтняго, а лишь въ томъ смыслѣ, что его память сильнѣе, чѣмъ его разсудокъ. Въ то же время 11-лѣтній ученикъ устаетъ отъ умственнаго и физическаго труда не такъ быстро, какъ 10-лѣтній. Кромѣ того, чѣмъ больше возрастъ ребенка, тѣмъ онъ тверже держится своихъ собственныхъ мнѣній и меньше поддается чужому внушенію, чѣмъ 6 или 8-лѣтній ребенокъ. Этотъ періодъ характеризуется возрастаніемъ разсудка, сначала очень слабаго, но постепенно увеличивающагося.

Таковъ этотъ первый періодъ дѣтства, начинающійся преобладаніемъ воображенія, характеризуемый постепеннымъ ростомъ почти всѣхъ способностей и оканчивающійся преобладаніемъ разсудка и сравнительно высокимъ развитіемъ душевныхъ способностей ребенка: объема и силы памяти, вниманія, тонкости воспріятія, ума, способности противостоять внушеніямъ, выносливости и проч. Конечно, такому ребенку еще далеко до абстрактнаго мышленія и, такъ сказать, до широко обобщающаго ума. Для стройнаго міросозерцанія умъ такого ребенка еще не созрѣлъ; связи между различными отдѣлами знаній еще не довольно многочисленны на этой ступени, систематическіе курсы наукъ еще недоступны этому, не вполнѣ сформировавшемуся уму. Но зато педагоги хорошо знаютъ, что въ концѣ этого періода дѣти легко и быстро справляются съ работами, не требующими особой изобрѣтательности. Педагогическая практика считаетъ этотъ возрастъ наилучшимъ временемъ для обученія чтенію, письму, счисленію, для ознакомленія съ явленіями природы путемъ наглядныхъ, посредствомъ наблюденій и опытовъ, для обогащенія воображенія ребенка великодушными образами добра и правды. Мы видѣли, что въ этомъ возрастѣ начинается процессъ образованія идеаловъ. Что такое идеалъ? Это представленіе высшаго и лучшаго, къ которому мы стремимся. Въ драмѣ «На днѣ» Горькій, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, говоритъ, что люди живутъ «для лучшаго». И, дѣйствительно, въ каждомъ изъ насъ живетъ представленіе о лучшемъ и высшемъ человѣческомъ существѣ, чѣмъ тѣ люди, которыхъ мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности, о лучшемъ общественномъ устройствѣ, чѣмъ то, какое мы наблюдаемъ теперь, о лучшемъ и высшемъ воспитаніи, чѣмъ то, какое мы получили сами и ка-

кое мы даемъ нашимъ дѣтямъ и проч. Это значитъ, что мы носимъ въ себѣ идеалъ человѣка, идеалъ общежитія, идеалъ воспитанія и проч.

Образованіе идеаловъ — это очень длинный процессъ, онъ начинается въ раннемъ дѣтствѣ и продолжается цѣлую жизнь.

Наивнымъ идеаламъ дѣтства часто недостаетъ ни логики, ни глубины, ни надлежащаго синтеза; и для окончательнаго образованія идеаловъ нуженъ одновременный расцвѣтъ и наивысшее возбужденіе всѣхъ способностей: и воображенія, и разума, и чувства, и воли, а этотъ моментъ бываетъ только одинъ разъ въ жизни — въ пору юности. И этотъ моментъ тысячами нитей связанъ съ идеалами дѣтства. Не даромъ Карлъ Шмидтъ писалъ: «У кого въ дѣтствѣ нѣтъ идеаловъ, тотъ и юношей уже отжившій старикъ». Юность характеризуется тѣмъ, что въ этотъ періодъ расцвѣтаютъ способности къ отвлеченному, абстрактному мышленію и особенно интересъ къ глубокимъ причиннымъ связямъ между явленіями. Искусства, наука, чтеніе книгъ, любовь къ природѣ, — все интересуетъ юношу, все занимаетъ и увлекаетъ его. Математическія способности, а также способности къ техникѣ и естествовѣдѣнію всего ярче именно проявляются въ этомъ возрастѣ. Юношество интересуетъ также нравственныя и общественныя науки, — эти отрасли знанія, соотвѣтствующія вершинѣ человѣческаго развитія. Никогда во всю жизнь, ни раньше, ни позже, не можетъ явиться такого высокаго и одновременнаго проявленія всѣхъ силъ, всѣхъ способностей человѣка. Это самый любопытный періодъ, когда вмѣстѣ со всѣми другими способностями вновь пробуждается интенсивная дѣятельность воображенія съ грезами о личномъ счастьѣ, о любви, съ возвышенными стремленіями и, что, быть-можетъ, всего важнѣе для воспитателя, съ порывами къ идеаламъ.

Этотъ расцвѣтъ всѣхъ силъ волнуетъ юношу, сильно затрогиваетъ его эмоціональную сторону. Въ немъ возникаютъ высокіе порывы, радостныя надежды, смутныя мечты, великая вѣра въ себя, громадное честолюбіе; но все это можетъ смѣняться и разочарованіемъ, и унынiемъ, и печалью. Сознаніе своихъ силъ дѣлаетъ юношу смѣлымъ и независимымъ, а его планы широкими. Онъ хочетъ исполинскаго дѣла, соотвѣтствующаго большимъ силамъ, приливъ которыхъ онъ чувствуетъ въ себѣ. По словамъ Мандусса юноша хочетъ быть обольстительнымъ, какъ Донъ-Жуанъ, глубокомысленнымъ, какъ Спиноза, ѣдкимъ, какъ Байронъ, энергичнымъ, какъ Наполеонъ. Бризо хотѣлъ быть въ этомъ возрастѣ или Цезаремъ или ничѣмъ; Гюго — Шатобріаномъ или никѣмъ.

Глинка-Волжскій писалъ про свою юность: «Мы искали самаго настоящаго, гдѣ все станетъ понятно, и поймешь самое

важное, что дѣлать теперь же, куда себя дѣвать, какъ использовать рвущіяся на живое и отвѣтственное дѣло молодыя, задорныя силы».

«Безконечность вселенной, величіе природы, — говоритъ другой писатель, — поэзія и вѣчно бьющаяся жизнь ея — производили на меня все большее впечатлѣніе, а никогда не прекращающаяся жизнь и гармонія природы погружали меня въ тотъ восторженный экстазъ, котораго такъ жаждутъ молодыя натуры».

«Въ наши дни, — говоритъ Мандуссъ, — русская молодежь хочетъ видѣть немедленное, абсолютное воплощеніе своего политическаго идеала и, стремясь къ этой цѣли, она отдаетъ на служеніе народу безграничную преданность, пламенную любовь, готовую на всякія жертвы».

Даже несчастныя институтки и тѣ не лишены въ этомъ возрастѣ порывовъ.

«Мы всѣ рѣшили жить, — пишетъ Вербицкая про свой классъ, — своимъ трудомъ, завоевать себѣ независимость... Бѣдныя будутъ гувернантками. У кого есть имѣнья, тѣ посвятятъ себя просвѣтительной дѣятельности въ деревнѣ; у кого есть голосъ, тѣ пойдутъ на сцену... Все лучше, чѣмъ глядѣть изъ рукъ семьи! Я, Катя, Аня — ѣдемъ въ Цюрихъ. Цѣль жизни найдена... Скорѣй бы! Скорѣй!..»

С. Холлъ на основаніи большого количества собранныхъ имъ матеріаловъ доказываетъ, что громадное большинство новообращенныхъ въ то или другое изъ христіанскихъ исповѣданій происходитъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ. Д. Стюартъ Милль въ своей юности хотѣлъ преобразовать весь міръ и обѣщалъ посвятить этой задачѣ всѣ свои знанія, всю свою дѣятельность.

Правда, юноши недостаточно устойчивы въ своихъ стремленіяхъ и идеалахъ, они легко бросаютъ одно и переходятъ къ другому. Ихъ увлеченія такъ часто смѣняются разочарованіями, энтузіазмъ—сомнѣніями, отрицаніями и меланхоліей. Естественно, что они такъ часто поражаютъ насъ своими противорѣчіями.

«Онъ былъ и очень веселъ, и очень угрюмъ, отвратительный сосѣдъ и превосходный товарищъ; крайне пустъ и очень положителенъ; до глупости наивенъ и совершенно пресыщенъ жизнью; страшно искренъ и очень хитеръ». — Такъ характеризуетъ поэтъ Ал. Мюссе своего юношу-героя.

«Одинъ годъ, — говоритъ Лапкастеръ, — главный интересъ можетъ сосредоточиться на спортѣ или футболѣ, слѣдующій — на эстетической культурѣ. На время юноша можетъ быть всецѣло поглощенъ занятіями музыкой, а потомъ совершенно забросить ихъ».

По словамъ Бакона, юность больше гоняется за двумя зайцами, чѣмъ ловитъ одного. Словно юность хочетъ испробовать всѣ свои силы во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

Ст. Холлъ на основаніи собранныхъ имъ данныхъ свидѣтельствуетъ объ этихъ внезапныхъ переходахъ юношей отъ безумнаго смѣха къ безпричиннымъ слезамъ, боязни смерти и т. д., отъ повышенной активности къ полной апатіи, отъ эгоизма къ альтруизму, отъ самоувѣренности къ сомнѣнію въ своихъ силахъ, отъ тонкой воспріимчивости къ вульгарности, отъ общительности къ удаленію отъ людей, къ замыканію въ себѣ и т. д. Правда, что этому возрасту недостаетъ еще кое-чего, въ смыслѣ опытности. Но въ этомъ положеніи есть и своя выгода. Такъ какъ почти вся его работа пока еще въ будущемъ, и всѣ его идеалы и планы предстоящей дѣятельности находятся только въ области воображенія и ума, то «безпощадная пошлость», говоря словами поэта, «ни тѣни наложить не успѣла на нихъ»; поэтому всѣ его намѣренія отличаются чистотой, онъ далекъ отъ житейскихъ, узко-практическихъ соображеній. Исключеніе составляютъ только преждевременные старики, уже на школьной скамьѣ отказывающіеся отъ широкихъ и чистыхъ идеаловъ, во имя служебной карьеры, матеріальнаго довольства и общественнаго положенія. Нѣтъ ничего печальнѣе этой ранней старости. Нѣкій педагогъ писалъ: «Если со щекъ юноши снять румянецъ молодости, а съ души розовый цвѣтъ идеаловъ, то юноша преобразится въ холоднаго окоченѣвшаго мертвеца; для него міръ уже не сіяетъ въ солнечномъ блескѣ и онъ во всю свою жизнь кромѣ зимы ничего не увидитъ!»

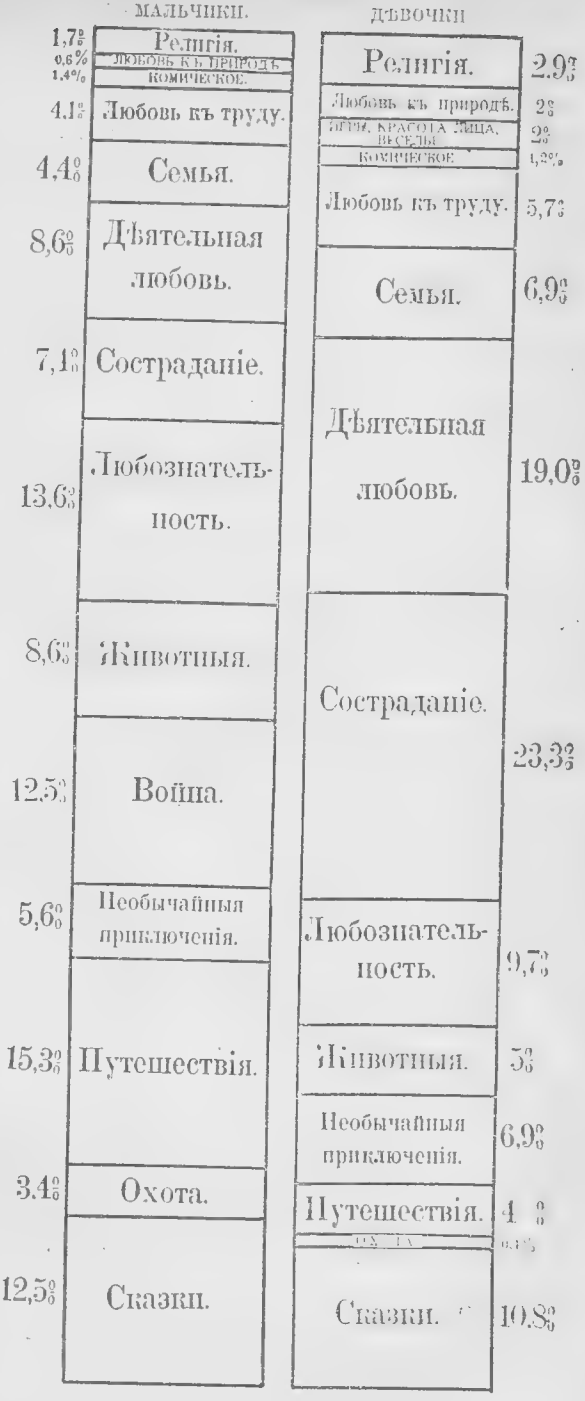
«Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ», говоритъ поэтъ. Если лишить идеаловъ нашихъ юношей, то изъ нихъ выйдутъ, быть-можетъ, превосходные дѣльцы и практики, умѣющіе наживать деньги, дѣлать карьеру, но черствые, сухіе эгоисты, безъ сердца, безъ состраданія, быть-можетъ, способные на ложный доносъ, на обманъ, на насиліе, ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Хорошо извѣстенъ завѣтъ Гоголя юному поколѣнію: «забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ».

VIII. Вліяніе пола на интересы дѣтей.

Все, что мы говорили, одинаково относится и къ мужскому и къ женскому полу. Но, кромѣ общихъ душевныхъ свойствъ, не существуетъ ли еще и различія между психикою мальчика и дѣвочки, юноши и дѣвушки?

Слѣдующій графикъ изображаетъ, на основаніи моего изслѣдованія, о которомъ я уже говорилъ, интересы дѣвочекъ и особо интересы мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на нашъ графикъ бросается въ глаза разница между интересами дѣвочекъ и мальчиковъ, а значитъ и между стремленіями къ развитію того и другого пола. Очевидно, что различіе между женскимъ и мужскимъ типомъ проявляется довольно рано и очень ярко опредѣляется уже въ школьномъ возрастѣ. Не даромъ еще въ древности писатели противополагали мужчину и женщину. Правда, что взгляды на женщину далеко не совпадаютъ. Въ то время, какъ одни признавали женщину высшимъ существомъ, приписывали ей тайныя чары вѣщей силы, считали ее вмѣстилищемъ мудрости, избраннымъ сосудомъ, приближали ее къ богамъ, другіе авторы нашихъ древнихъ поученій думали иначе. На одномъ изъ средневѣковыхъ соборовъ былъ прямо поставленъ категорическій вопросъ: человѣкъ ли женщина? На вопросъ: «Что есть жена?» отвѣчали: «Святымъ обложница, покон-



ще змѣино, дьяволь цвѣтъ, безъ цвѣта болѣзнь, спасаемымъ соблазнъ, безысцѣльная злоба, купница бѣсовская». Мы отмѣчаемъ послѣдній взглядъ просто какъ курьезъ; но, очевидно, и первый взглядъ страдаетъ преувеличеніемъ. Истина должна быть посреди̇нѣ. Въ наше время, можетъ-быть, и есть еще люди, слагающіе восторженные акаѳисты по адресу женщины; но едва ли найдется много людей, провозглашающихъ ей анаѳему, считающихъ ее ошибкою природы, какъ выражался Аристотель.

Женщину слѣдуетъ признать существомъ не выше, но и не ниже мужчины. Оба они равноцѣнны. Но равноцѣнность еще не есть тожество. Мы не можемъ не видѣть, что умственныя и нравственныя качества того и другого пола существенно различаются и дополняютъ другъ друга.

Женщина не дала намъ ни одного генія, равнаго Сократу, Платону, Аристотелю, Ньютону въ области науки, равнаго Рафаэлю, Моцарту, Бетховену въ области искусства; но, по справедливому выраженію Фулье, «есть нравственный геній, состоящій изъ любви, нѣжности и самопожертвованія». Такимъ геніемъ обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ всякая хорошая мать, и въ этой области женщина стоитъ внѣ конкурса. При взглядѣ на наши графики бросается въ глаза, какое крупное мѣсто въ жизни дѣвочки играетъ состраданіе. Наши графики какъ будто хотятъ сказать, что если есть «нравственный геній, состоящій изъ любви, нѣжности и самопожертвованія», то онъ долженъ воплотиться въ женщинѣ. И жизнь подтверждаетъ это. Наша русская женщина, то въ качествѣ работницы во время голода, то въ качествѣ учительницы, врача, сестры милосердія доказала свою идейную чуткость, самоотверженность и отзывчивость къ чужому горю.

Женщина нервнѣе мужчины. Естественно, что она чувствительнѣе мужчины, ея чувства тоньше и деликатнѣе. Поэтому она легче схватываетъ и яснѣе представляетъ себѣ чужое горе и страданіе; она лучше читаетъ въ чужой душѣ и въ чужомъ сердцѣ. Спенсеръ указываетъ на психологическій талантъ извѣстной англійской романистки Джоржъ Эллiотъ и говоритъ, что ея талантъ—объяснять и передавать душевныя настроенія другихъ людей не былъ превзойденъ ни однимъ мужчиной. Естественно, что при этихъ условіяхъ женщина легче и живѣе отзывается сердцемъ на чужія страданія и обнаруживаетъ больше такта.

Перефразируя одно выраженіе Спенсера, можно было бы сказать, что даже къ идеямъ женщина очень часто приходитъ путемъ чувства. Естественно, что изъ чувствъ у женщины преобладаетъ состраданіе, симпатія, сочувствіе и вообще альтруистическія эмоціи,—все то, что соприкасается съ чувствомъ любви. Женщина скорѣе мужчины почувствуетъ красоту самоотверженія, великодушія, преданности, безкорыстія,

доброты, потому что, какъ мать, она сама полна и самоотверженія, и доброты, и преданности. Эта послѣдняя черта характерна даже для животнаго міра, между прочимъ, превосходно выражена въ красивомъ разсказѣ Тургенева «Воробей». Люди, хорошо изучившіе въ тюрьмахъ преступный типъ, положительно утверждаютъ, что характерная сторона этого типа заключается въ отсутствіи чувства жалости. По этой теоріи среди женщинъ, если въ нихъ сильнѣе развито чувство состраданія, должно быть меньше преступницъ, чѣмъ среди мужчинъ. Всѣмъ извѣстно, что такъ на самомъ дѣлѣ и есть. У насъ мужчина въ 8 разъ преступнѣе женщины.

Можно видѣть здѣсь вліяніе и другихъ факторовъ, и изъ нихъ объ одномъ намъ придется сказать ниже; но нельзя отрицать и того, что состраданіе, присущее женщинѣ, до извѣстной степени предохраняетъ ее отъ преступленій.

Школьная статистика показываетъ, что среди учащихся дѣвочекъ воровство и драки встрѣчаются въ три съ половиною раза рѣже, чѣмъ среди мальчиковъ.

Въ какомъ возрастѣ проявляется это чувство, характерное для женскаго типа? Повидимому, зачатки его проявляются очень рано. Когда одной извѣстной мнѣ дѣвочкѣ было около $1^1/_2$ лѣтъ, то самымъ дѣйствительнымъ средствомъ удержать ее отъ шалостей было показать ей, что ея поведеніе огорчаетъ ея отца или мать. Психологія дѣтства полна примѣрами трогательной симпатіи, какую проявляютъ маленькія дѣти и особенно дѣвочки къ своимъ близкимъ. Селли разсказываетъ, напримѣръ, какъ 14-мѣсячный ребенокъ трогательно и наивно утѣшалъ свою плачущую 6-лѣтнюю сестру и какъ онъ захлопалъ отъ радости ручонками, когда та улыбнулась. «Я никогда не забуду,—разсказываетъ г-жа Манассеина,—сцены, разыгравшейся на моихъ глазахъ въ зоологическомъ саду, около слона, который во время своихъ представленій долженъ былъ ставить свою гигантскую лапу на грудь распростертаго на землѣ человѣка. Всѣ взрослые смотрѣли съ невозмутимымъ бездушнымъ любопытствомъ на эту сцену, которая внезапно была прервана пронзительнымъ крикомъ маленькой дѣвочки мѣсяцевъ 18-ти, сидѣвшей на рукахъ няни и своимъ своеобразнымъ говоромъ объяснявшей, что слону *нельзя* ставить лапу на грудь человѣка. Напрасно няня и самъ распростертый на землѣ вожакъ слона успокоивали ребенка: онъ продолжалъ плакать и криками требовать прекращенія этого, возмутившаго его чувства, представленія».

Намъ кажется, что наша таблица достаточно подчеркиваетъ различіе въ этомъ отношеніи между мальчикомъ и дѣвочкою. Если взять книги, заинтересовавшія дѣтей «жалостностью», то мы увидимъ, что у мальчиковъ число такихъ книгъ составляетъ 7% общаго числа, а у дѣвочекъ—$23,_2$%. Если затѣмъ обратимъ вниманіе на книги, заинтересовавшія

дѣтей изображеніемъ дѣятельной любви, то увидимъ, что у мальчиковъ число этихъ книгъ составляетъ $8,_7\%$, а у дѣвочекъ—$18,_6\%$ общаго числа. Эти цифры подтверждаютъ наблюденія учителей, что дѣвочкамъ школьнаго возраста гораздо доступнѣе чувство состраданія, чѣмъ мальчикамъ, и что ихъ, болѣе нежели мальчиковъ, восхищаютъ дѣла, вызванныя чувствомъ жалости къ горю чужого человѣка.

Еще одна рѣзкая разница. Вышеприведенный графикъ показываетъ, что одна восьмая часть мальчиковъ отличается воинственностью, и изъ 215 дѣвочекъ не нашлось ни одной, которая похвалила бы описаніе войны. И, дѣйствительно, характерная черта для мальчиковъ—это сила, энергія, смѣлость, храбрость, отвага, стремленіе къ борьбѣ и притомъ не оборонительной только, но и наступательной. Не надо отличаться большой наблюдательностью, чтобы въ любой дѣтской игрѣ замѣтить, какъ много между мальчиками задиръ, готовыхъ вступить въ рукопашный бой по самому пустому поводу, когда угодно и съ кѣмъ угодно. Вотъ почему они любятъ военные разсказы, описаніе охоты, описаніе путешествій, какъ дѣйствительныхъ, такъ и вымышленныхъ. Въ нашей таблицѣ на долю мальчиковъ приходится $36,_4\%$ книгъ изъ этихъ трехъ отдѣловъ, тогда какъ на долю дѣвочекъ только 11%. Несомнѣнно, однако, что большинству изъ дѣвочекъ въ этихъ книгахъ нравится совсѣмъ не то, что нравится мальчикамъ. То же самое мы должны сказать и о сказкахъ. Въ сказкахъ мальчиковъ тоже привлекаетъ, главнымъ образомъ, предпріимчивость, активность, борьба, могущество; а сказки предпочитаютъ $12,_4\%$ всѣхъ мальчиковъ. Мальчикъ это въ большинствѣ случаевъ воплощенное мужество и независимость; это—типичный представитель сильной половины человѣческаго рода. Въ немъ «кровь кипитъ», въ немъ «силъ избытокъ». Такія дѣти раздѣлили бы настроеніе, выраженное Горькимъ: «Безумство храбрыхъ — вотъ счастье жизни». И въ книгахъ такого ребенка привлекаютъ разсказы, гдѣ изображается борьба, физическая сила, ловкость и храбрость.

Совсѣмъ не то наблюдается у ученицъ. Мы уже упоминали, что среди дѣвочекъ, по общему наблюденію учителей, гораздо рѣже встрѣчается драка, чѣмъ среди мальчиковъ. Учительницы мужскихъ школъ, неумѣющія водворить надлежащей дисциплины, стремятся перейти въ женскую школу, и если это имъ удается, онѣ уже не жалуются на безпорядокъ въ классѣ. Если древнія славянки когда-то дрались на полѣ брани наравнѣ съ мужьями и братьями, то эти времена давно уже отошли въ область преданій. Въ наше время женщинѣ принадлежитъ болѣе почетная роль: она, какъ, напримѣръ, Берта Зуттнеръ, выступаетъ съ страстной агитаціей противъ войны. Женщина въ наши дни является сторонницей мира, спокойствія, тишины; она не создана для

битвъ и сраженій. Она не обладаетъ для этого ни достаточной силою, ни достаточной храбростью. Если она бываетъ храброй, то лишь тогда, когда она, какъ мать, защищаетъ своего ребенка, но это борьба оборонительная. Къ наступательной борьбѣ она менѣе способна, чѣмъ мужчина. Она для этого слишкомъ робка и боязлива. Она ищетъ покровительства сильнаго. Если въ нашей таблицѣ взять вмѣстѣ всѣ отдѣлы, гдѣ мальчиковъ привлекаетъ наступательная борьба, то мы увидимъ, что болѣе половины дѣтей мужского пола ищутъ въ книгахъ того, что такъ характерно для мужского типа. Словно они знаютъ, что и въ жизни ихъ ожидаетъ борьба: быть-можетъ, съ природою, быть-можетъ, съ людьми за свое существованіе и за свои идеалы.

Можно выразить разницу между обоими полами въ слѣдующей схемѣ:

Мальчикъ.	Дѣвочка.
Сильнѣе физически.	Слабѣе физически.
Смѣлѣе.	Болѣе робка.
Грубѣе.	Болѣе нѣжна и кротка.
Независимѣе.	Болѣе нуждается въ покровительствѣ.
Активнѣе.	Пассивнѣе.
Менѣе чувствителенъ.	Чувствительнѣе.
Меньше доступенъ чувству жалости.	Сострадательнѣе.
Болѣе дѣвочекъ любитъ борьбу, войну.	Болѣе мальчика любитъ миръ и согласіе.
Дѣлаетъ болѣе проступковъ и шалостей.	Дѣлаетъ менѣе проступковъ и шалостей.
Любитъ разсказы про войну.	Равнодушна къ военнымъ разсказамъ.
Восхищается силою, ловкостью, храбростью.	Оказываетъ предпочтеніе нравственной силѣ.

И намъ надо не бороться съ чувствами, отличающими мальчика отъ дѣвочки, а только направлять ихъ. Развивая чувства дѣятельной любви, мы даемъ другое направленіе этимъ инстинктамъ, мы содѣйствуемъ тому, о чемъ мечталъ еще пророкъ, чтобы «мечи были раскованы на орала». Въ этомъ смыслѣ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ должно оказать намъ большую помощь. Состраданіе у дѣвочекъ очень сильно, но оно имѣетъ цѣну только тогда, когда оно не пассивно, когда оно направлено на общественную дѣятельность, но чтобы оно обратилось въ активныя, сильныя общественныя чувства, нужна инициатива и энергія, а у женщины этого часто недостаетъ. Съ другой стороны, инициатива и энергія мужского пола пріобрѣтаетъ болѣе цѣны тогда, когда она направлена на общественную дѣятельность, а для этого мужскому типу недостаетъ чувства сострадавія и симпатіи. Въ смѣшанной школѣ дѣти подарятъ другъ друга тѣмъ, чего имъ недостаетъ. Дѣвочки заразятъ мальчиковъ чувствами симпатіи, а мальчики будутъ содѣйствовать превращенію этого чувства, преобладающаго у дѣвочекъ, въ ак-

тивныя общественныя чувства. Если мальчики одинаково восхищаются силой, храбростью и ловкостью, въ чемъ бы она ни проявлялась,—проявляется ли это качество въ разбойничьихъ подвигахъ Чуркина или въ героизмѣ политическаго борца, то далеко не безразлично для насъ, куда намъ надо направить эту основную черту мужского типа, какіе вкусы развить въ ребенкѣ—восторгъ къ смѣлости разбойника, или къ мужеству борца за правду, за справедливость, за обиженныхъ.

IX. Подражаніе.

Говоря о значеніи чтенія, мы видѣли, что ребенокъ подражаетъ нѣкоторымъ героямъ прочитанныхъ имъ произведеній. Но, конечно, роль подражанія въ дѣтской жизни несравненно шире. Еще Аристотель сказалъ о человѣкѣ, что изъ всѣхъ животныхъ это наиболѣе склонное къ подражанію.

Всѣ мы, взрослые люди, перенимаемъ другъ отъ друга и мысли, и сужденія, и желанія, и вѣрованія, и вкусы, и слова, и поступки. Психіатръ Näcke разсказываетъ о 3 сестрахъ, «которыя проявили замѣчательное единеніе чувства, мысли, воли и дѣйствія. Когда одной изъ нихъ предлагали какой-нибудь вопросъ, за нее часто отвѣчала другая, нерѣдко случалось, что дальше продолжала третья въ тѣхъ же самыхъ словахъ и выраженіяхъ. Каждая изъ нихъ была послушна другой». Это была «одна душа» въ трехъ тѣлахъ.

Хорошо извѣстна заразительность кликушества, конвульсій, судорогъ и проч. Разсказываютъ, что стоитъ появиться одной кликушѣ въ наполненной женщинами церкви и если съ ней случится припадокъ, то настаетъ настоящій адъ.

Сюда же относятся эпидеміи монахинь, или мяукающихъ по-кошачьи, или кусающихся; эпидеміи пляшущихъ въ дикомъ изступленіи мужчинъ и женщинъ, эпидеміи самобичеванія, демономаніи, еврейскихъ погромовъ и т. п. Примѣры взаимнаго вліянія у всѣхъ передъ глазами. Всѣмъ извѣстна заразительность зѣвоты, смѣха, веселаго настроенія, моды. Сколько мы знаемъ супружескихъ паръ, гдѣ взгляды, желанія, вѣрованія, вкусы, привычки одного становятся природой другого. Сколько своеобразныхъ убійствъ и самоубійствъ повторялось съ артистическою точностью другими людьми. Михайловскій напомнилъ случай, какъ солдатъ, сначала оплакивающій своего командира, какъ родного отца, затѣмъ, увлеченный толпой, билъ его съ коломъ въ рукахъ. Стоило одному англичанину броситься въ кратеръ Везувія, какъ вслѣдъ за нимъ послѣдовали и другіе. Гетевскій Вертеръ вызвалъ эпидемію самоубійствъ.

Въ судебномъ архивѣ департамента Сены найдено дѣло одного конторщика, покончившаго самоубійствомъ и увлекшаго за собою своихъ двухъ товарищей.

Извѣстно, что первый консулъ французской республики запретилъ газетамъ сообщать о самоубійствахъ, такъ какъ до него дошли свѣдѣнія о самоубійствѣ, которое было слѣдствіемъ подражанія.

Когда въ Бостонѣ казнили одного поджигателя, то число поджоговъ быстро возросло, а слѣдствіе показало, что всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали на смертной казни. Подобные факты, какъ извѣстно, заставили правительство отмѣнить публичность смертной казни.

Этотъ подборъ примѣровъ большею частію отрицательнаго характера не долженъ смущать насъ. Люди подражаютъ, конечно, не только дурному, но гораздо чаще хорошему. Уже одно столь широкое распространеніе подражанія въ человѣческой средѣ показываетъ, что подражаніе въ общемъ полезно для жизни и развитія, иначе оно не было бы сохранено естественнымъ отборомъ. И дѣйствительно, оно исполняетъ очень важную для ребенка службу: оно является средствомъ для приспособленія къ современной средѣ. Ребенокъ, лишенный этой способности, былъ бы обреченъ на гибель.

Есть цѣлая школа въ соціологіи, которая объясняетъ всю нашу культуру, всю цивилизацію, всю исторію, все прошлое человѣчества почти исключительно законами подражанія. Этими законами мы всѣ связаны другъ съ другомъ, словно милліардами невидимыхъ нитей.

Тардъ считаетъ подражаніе самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ для того, чтобы отличить соціальное. Говоритъ ли человѣкъ или молится, борется или работаетъ, лѣпитъ, рисуетъ, слагаетъ стихи, онъ, по мнѣнію Тарда, только производитъ новые экземпляры словесныхъ знаковъ, обрядовъ, сабельныхъ ударовъ или ружейныхъ выстрѣловъ, промышленныхъ или художественныхъ пріемовъ, поэтическихъ формъ,—однимъ словомъ, образцы, продукты подражанія добровольнаго или обязательнаго, сознательнаго или безсознательнаго, преднамѣреннаго или невольнаго, разумнаго или безсмысленнаго, симпатизирующаго или ненавидящаго, удивляющаго или завидующаго, но во всякомъ случаѣ подражанія. Что языкъ представляетъ собою явленіе подражанія—это Тардъ считаетъ безспорнымъ. Распространеніе языка, заимствованіе иностранныхъ словъ въ силу моды, ихъ ассимилированіе при помощи обычая, заразительность акцента,—все это, по мнѣнію Тарда, указываетъ на подражательный характеръ языка.

Молодой писатель, по мнѣнію Стивенсона, инстинктивно старается подражать тому, что кажется ему прекраснымъ. Даже великіе люди лишь послѣ многихъ лѣтъ такой практики научились распоряжаться легіономъ словъ, которыя толпой тѣснятся по всѣмъ закоулкамъ ума.

То, что здѣсь сказано о писателѣ, надо сказать и о художникѣ, и объ изобрѣтателѣ, и объ агрономѣ, и объ ученомъ,

и о купцѣ, и объ общественномъ дѣятелѣ и т. п. Каждый изъ насъ долженъ овладѣть завоеваніями человѣческаго ума, и если бы намъ пришлось самимъ изобрѣтать все, что сдѣлано до насъ, то не только невозможно было бы движеніе впередъ, а нельзя было бы даже остановить быстраго попятнаго движенія. Здѣсь-то и приходитъ намъ на помощь подражаніе.

«Подражаніе,—говоритъ Гросъ,—дѣлаетъ ребенка готовымъ къ принятію того, что пріобрѣтено предшествующимъ поколѣніемъ въ навыкѣ: оно служитъ носителемъ, а слѣдовательно, и предварительнымъ условіемъ непрерывной прогрессирующей культуры». Компере полагаетъ, что если ребенокъ становится постепенно человѣкомъ и переходитъ отъ состоянія дикости къ состоянію цивилизаціи, то это происходитъ потому, что онъ обладаетъ способностью копировать сначала дѣйствія другихъ, а затѣмъ ихъ мысли и чувства.

Мы видѣли выше, какую огромную роль въ развитіи ребенка играетъ его наклонность къ экспериментамъ; но, по справедливому мнѣнію Балдуина, ребенокъ экспериментируетъ посредствомъ актовъ подражанія. Онъ подражаетъ тому, что дѣлаютъ другіе; или онъ подражаетъ своимъ собственнымъ инстинктивнымъ дѣйствіямъ, вызывая въ своемъ умѣ воспоминанія о своемъ прежнемъ выполненіи ихъ; или, наконецъ, напавъ на счастливую комбинацію, онъ повторяетъ ее подражательнымъ путемъ. Въ его душѣ образуются ассоціаціи между дѣйствіями и тѣми удовольствіями или страданіями, которыя они доставляютъ; руководствуясь ими, онъ избѣгаетъ мучительныхъ и повторяетъ пріятныя дѣйствія.

При этомъ наиболѣе плодотворные результаты даютъ настойчивыя усилія дѣтей, ихъ упорство попробовать еще и еще разъ. Ребенокъ видитъ дѣйствіе, которое ему хотѣлось бы перенять. Онъ пытается повторить его, дѣлаетъ экспериментъ, пользуясь для этого мускулами кисти и руки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весь напрягается, шевелитъ языкомъ, перегибаетъ свое тѣло и кривляется, такъ сказать, съ головы до ногъ. Такимъ образомъ онъ находитъ извѣстный способъ достигнуть правильнаго результата, но еще очень грубый и неточный. Тогда онъ дѣлаетъ новую попытку, пользуясь на этотъ разъ знаніемъ, которое ему дало его первое усиліе: и этотъ опытъ оказывается менѣе неуклюжимъ, потому что онъ отбрасываетъ теперь нѣкоторыя изъ мѣшавшихъ ему движеній и удерживаетъ тѣ, которыя кажутся ему наиболѣе близкими къ правильнымъ. Онъ пробуетъ еще и еще разъ, настойчиво, но постепенно приближая свои неувѣренныя движенія къ своему образцу, и такимъ путемъ научается желаемому умѣнью.

По словамъ Лая, подражаніе побуждаетъ ребенка къ драматическому и пластическому изображенію предметовъ, событій и поступковъ, побуждаетъ его къ рисованію, а слѣдовательно, способствуетъ развитію соотвѣтствующихъ способностей.

Подражаніе служитъ средствомъ, при помощи котораго мать-природа упражняетъ органы чувствъ, развиваетъ мышленіе, чувствованіе и волю, пріучаетъ ихъ къ борьбѣ за существованіе и къ приспособленію

Подражаніе даетъ нерѣдко толчокъ особымъ способностямъ и талантамъ и способствуетъ ихъ развитію.

Примѣромъ того, что подражаніе пробуждаетъ скрытыя врожденныя дарованія и склонности, служитъ Шиллеръ. Онъ попалъ впервые въ театръ, будучи восьмилѣтнимъ мальчикомъ; вернувшись домой, онъ устроилъ себѣ театръ изъ учебниковъ, вырѣзалъ дѣйствующихъ лицъ изъ бумаги и представлялъ разныя комедіи. Позднѣе онъ разыгрывалъ мелкія пьесы со своими школьными товарищами, а то удовольствіе, которое доставляла ему «проповѣдь», указываетъ на рано пробудившуюся склонность къ паѳосу.

Клапаредъ полагаетъ, что подражаніе помогаетъ ребенку достичь, во-первыхъ, моторнаго приспособленія вообще, во-вторыхъ, произвольныхъ движеній и, въ-третьихъ, пониманія того, что окружаетъ ребенка. Первыя два положенія совершенно очевидны: если, напримѣръ, насъ поражаетъ неподвижное лицо слѣпыхъ отъ рожденія, если оно лишено мимики и совершенно невыразительно, то это объясняется лишь тѣмъ, что слѣпота представляетъ неблагопріятное условіе для подражанія мимикѣ. Мы поэтому остановимся лишь на третьемъ положеніи.

Пониманіе окружающихъ предметовъ, по мнѣнію Клапареда, заключается въ умѣніи пользоваться ими, и именно подражаніе даетъ намъ это умѣніе управлять вещами. Сюда же относится пониманіе чувствъ, пониманіе другого человѣка: мы обладаемъ инстинктивной склонностью воспроизводить выраженія окружающихъ насъ людей; серьезныя лица заставляютъ насъ морщить лобъ, веселость окружающихъ, наоборотъ, разглаживаетъ морщины; энтузіасты же заражаютъ насъ и побуждаютъ къ дѣйствію. Воспроизводя выраженія грусти, радости, воодушевленія и восторга, подражая имъ, мы въ то же самое время испытываемъ эти чувства и понимаемъ ихъ. Подобное подражаніе лежитъ въ основѣ симпатій представителей одного и того же общества другъ къ другу.

«Въ дѣтствѣ,—говоритъ Гирнъ,—мы всѣ подражали, не понимая, но черезъ подражаніе мы научились понимать».

Посредствомъ подражанія же мы пріобрѣтаемъ и спеціальныя функціи, по выраженію того же Клапареда.

Такихъ функцій безчисленное множество, излишне даже перечислять ихъ всѣ; подражая учителю танцевъ, мы научаемся танцовать, подражая столяру, учимся столярничать и т. д.—Среди наиболѣе значительныхъ пріобрѣтеній подобнаго рода, осуществляемыхъ при помощи подражанія, мы должны, конечно, отмѣтить нашу способность рѣчи. Въ области нрав-

ственности подражаніе также играетъ огромную роль: значеніе примѣра извѣстно всѣмъ.

Итакъ, развивая свою способность подражанія, ребенокъ стремится развить и самого себя.

Конечно, одного подражанія мало. Не въ мѣру развитое, и перешедшее въ болѣе зрѣлый возрастъ, оно можетъ стать даже вреднымъ. Подражаніе можетъ быть, по выраженію Грибоѣдова тупымъ, пустымъ и рабскимъ; человѣкъ, живущій только одними внушеніями извнѣ, не свободенъ, онъ рабъ своей среды, онъ инертенъ, лишенъ иниціативы. Онъ годится для того, чтобы итти за стадомъ или въ стадѣ, по хорошо проторенной дорогѣ, слѣпо слѣдовать модѣ въ костюмѣ, поведеніи и поступкахъ, болѣе всего бояться показаться не такимъ, какъ другіе; но онъ лишенъ оригинальности, онъ не сдѣлаетъ даже попытки освободиться отъ оковъ, налагаемыхъ на него рутиной.

Еще дѣдушка Крыловъ сказалъ: «Коли перенимать съ умомъ, тогда не чудо и пользу отъ того сыскать, а безъ ума перенимать и, Боже сохрани, какъ худо». Необходимо, чтобы человѣкъ былъ самъ господиномъ своихъ поступковъ, чтобъ онъ подчинялся только внушеніямъ своего разума и своей совѣсти.

Но, пока разумъ ребенка находится еще въ зачаточномъ состояніи, и не можетъ быть поэтому надежнымъ руководителемъ, развитіе ребенка совершается, главнымъ образомъ, путемъ подражанія.

А что ребенокъ любитъ подражать — это стало трюизмомъ. Ни въ какомъ другомъ возрастѣ податливость внушенію примѣровъ не встрѣчается въ такой степени, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Еще Коменскій сравнивалъ дѣтей съ обезьянками, которыя всему подражаютъ: и дурному и хорошему. Нѣкоторые сравниваютъ подражаніе съ эхомъ; но это не эхо. Скорѣе подражаніе можно сравнить съ цѣлою системою камертоновъ или резонаторовъ, изъ которыхъ каждый отвѣчаетъ созвучіемъ на звукъ только одного опредѣленнаго тона.

Человѣкъ можетъ подражать лишь тому, что найдетъ родственнымъ какому-либо изъ своихъ инстинктовъ, предрасположеній, сознательныхъ или безсознательныхъ стремленій. И любопытно, что дѣти самопроизвольно, хотя и безсознательно, дѣлаютъ все, что необходимо для развитія этой способности.

Извѣстно, какую роль въ дѣтскомъ языкѣ играетъ звукоподражаніе. Моя дочь называла собаку *ами*, лошадь *ппру*, корову *му*, пѣтуха *ку-ку*, сонъ *хр*.

Но она подражала не только звукамъ, но и доступнымъ ей разнообразнымъ движеніямъ. Въ возрастѣ 7 мѣсяцевъ она съ горячимъ увлеченіемъ подражала матери, когда та хлопала передъ нею въ ладоши. 10 мѣсяцевъ она чесала свою головку, когда ей давали гребенку; а когда давали губку, она терла

ею свою голову, подражая тому, какъ ее моютъ. Въ возрастѣ 11 мѣсяцевъ она изъ игрушечной чашки поила себя, няню и кошку, одѣвала на носъ пенснэ своей мамѣ, вертѣла музыкальный органчикъ, подражая во всемъ этомъ тому, какъ это дѣлаютъ взрослые; 12 мѣсяцевъ ея забавой было убаюкивать куклу, кошку, даже кегли и простую палочку, качая ихъ, похлопывая и подпѣвая; она любила кормить куклу; 13 мѣсяцевъ отроду она изображала, какъ надо читать: брала книгу, наклоняла лицо и выразительно что-то бормотала; но если ей дать чистую бумагу или книгу изъ однѣхъ картинокъ, безъ напечатаннаго текста, то чтеніе прекращалось.

Мой сынъ въ возрастѣ 34 мѣсяцевъ, катаясь въ лодкѣ, увидалъ, что лодочникъ сидѣлъ на своемъ пальто; и съ тѣхъ поръ, играя въ лодку, ребенокъ дѣлалъ то же. Увидавъ, что знакомый крестьянинъ, сидя въ телѣгѣ, свѣшивалъ ноги, ребенокъ копируетъ его въ своихъ играхъ. Изъ подражанія онъ надѣваетъ свою шапку на бокъ, ходитъ, заложивъ руки за спину. И, что особенно важно, все это дѣлалось съ особеннымъ усердіемъ, которое ярко обнаруживалось тогда, когда подражаніе удавалось не сразу.

Римскій-Корсаковъ пишетъ о своемъ дѣтствѣ: «Я любилъ, подобно многимъ дѣтямъ, подражать тому, что видѣлъ; напр., надѣвъ очки изъ бумаги, я разбиралъ и собиралъ часы, потому что видѣлъ занимающагося этимъ часового мастера. Обезьянничая своего старшаго брата Вонна Андреевича, бывшаго въ тѣ времена лейтенантомъ флота и писавшаго намъ письма изъ-за границы, я полюбилъ море, пристрастился къ нему, не видавъ его; читалъ путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля вокругъ свѣта, оснащалъ бригъ, игралъ, изображая изъ себя морехода, а прочитавъ однажды книгу «Гибель фрегата Ингерманландъ», запомнилъ множество морскихъ техническихъ названій. Читая лекціи популярной астрономіи Зеленаго (мнѣ было лѣтъ десять-одиннадцать), я съ картой звѣзднаго неба разыскалъ на небѣ большую часть созвѣздій сѣвернаго полушарія, которыя и до сихъ поръ знаю твердо».

Мы уже говорили выше о томъ, что дѣти подражаютъ не только тому, что видятъ, но и тому, о чемъ имъ разсказываютъ или читаютъ. Въ другомъ мѣстѣ я уже приводилъ перечень разсказовъ и сказокъ, которые воспроизводились въ лицахъ моей дочерью въ первомъ дѣтствѣ; но и дочь, и мой сынъ съ необыкновеннымъ восторгомъ воспроизводили цѣлыя сцены изъ Киплинга, Жюль Верна и проч. въ возрастѣ между 5 и 7 годами; въ томъ же возрастѣ они пытались устроить путешествіе въ горы, окончившееся, впрочемъ, очень близко отъ города. Конечно, они играли, кромѣ того, въ школу, изображали цѣлую семью съ папою, мамою, нянею и дѣтьми и т. п. И во всѣхъ этихъ играхъ мы встрѣчаемъ элементъ наблюденія рядомъ съ элементами изъ прочитаннаго или разсказан-

наго имъ, но, конечно, въ своеобразныхъ сочетаніяхъ, въ чемъ и выражается, главнымъ образомъ, творчество ребенка.

Извѣстно, что у первобытныхъ народовъ игры дѣтей обыкновенно воспроизводятъ то, что дѣлаютъ взрослые. Они охотятся или ловятъ рыбу, строятъ жилища, дѣлаютъ луки и стрѣлы, щиты и копья, устраиваютъ сраженія съ враждебными племенами и т. п.

Но и у насъ дѣти во многомъ подражаютъ взрослымъ. Въ 1905—6 годахъ уличныя дѣти въ Москвѣ часто играли въ черносотенниковъ и забастовщиковъ, при чемъ фигурировали и солдаты, и судъ, и казни, и хожденіе съ флагами, пѣніе соотвѣтствующихъ пѣсенъ, произнесеніе рѣчей. Воспроизводились выстрѣлы, падали убитые и раненые.

Теперь дѣти возвращаются къ обычнымъ занятіямъ взрослыхъ. Они изображаютъ учителей, учительницъ, городовыхъ, докторовъ, путешественниковъ, матросовъ, кондукторовъ, солдатъ, казаковъ и т. п.

Это стремленіе дѣтей къ подражанію естественно вызвало особыя требованія по отношенію къ воспитанію. Всѣ понимаютъ, что съ точки зрѣнія подражанія и внушенія необходимо создать для дѣтей благопріятную для развитія среду: отсутствіе соблазновъ, трудовую атмосферу, кружки взаимопомощи, хорошія библіотеки, предоставить ихъ воздѣйствію природы, устраивать экскурсіи и т. д. Нужна благопріятная обстановка въ семьѣ, и въ школѣ, и на улицѣ, и въ книгахъ.

Каждый отецъ и мать, каждый учитель служитъ такимъ же наглядньмъ пособіемъ въ воспитаніи дѣтей, какимъ живыя растенія служатъ при обученіи ботаникѣ. Справедливо говорятъ, что въ тотъ моментъ, когда мы думаемъ, что ребенокъ занятъ своими играми, онъ внимательно слушаетъ и слѣдитъ за нами, и какое-нибудь наше дѣйствіе или слово окажетъ рѣшающее вліяніе на его умъ, доставитъ ему или радость или горе, либо возбудитъ въ немъ великодушное намѣреніе, либо разбудитъ въ немъ, быть-можетъ, спящій инстинктъ маленькаго звѣря

Когда я спросилъ сына учителя, чѣмъ онъ хочетъ быть, тотъ отвѣчалъ, что будетъ учителемъ. Сынъ офицера на тотъ же вопросъ отвѣтилъ, что будетъ артиллерійскимъ офицеромъ, какъ его отецъ. А когда маленькаго бретонца спросили, что онъ будетъ дѣлать, когда вырастетъ, тотъ отвѣчалъ съ достоинствомъ и рѣшительно: «Я буду напиваться, какъ мой отецъ». Хотимъ мы этого или не хотимъ, но мы воспитываемъ дѣтей всѣмъ своимъ поведеніемъ, всѣмъ своимъ образомъ жизни, каждымъ своимъ поступкомъ, каждымъ жестомъ, каждымъ выраженіемъ. И этотъ фактъ налагаетъ на насъ огромную отвѣтственность. Не разъ указывали, что наша жизнь отражается, такимъ образомъ, въ душѣ дѣтей и перейдетъ вмѣстѣ съ ними въ будущее, къ нашимъ внукамъ и правнукамъ Сознаніе

этого факта сопровождается одновременно и чувствомъ страха и надежды. Когда кругомъ такъ много произвола, насилія, горя, нищеты и лицемѣрія, когда люди, «помолившись, убиваютъ», то хочется вѣрить въ лучшее будущее. И тогда наша мысль невольно переносится къ дѣтямъ такъ же, какъ и къ молодежи. Они воплощаютъ для насъ это будущее; они даютъ намъ надежду, позволяютъ намъ вѣрить въ лучшіе дни. И когда видишь, что кроткіе, наивные глазки такъ довѣрчиво смотрятъ на насъ, то понимаешь, что нѣтъ больше грѣха, какъ если кто изъ насъ словомъ, жестомъ, дѣйствіемъ «соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ».

Понимаешь и то, что мы должны дѣлиться съ дѣтьми всѣмъ, что есть самаго великодушнаго въ нашемъ сердцѣ. «Огонь отъ огня, а добро отъ добра». Дѣти чутки. Они такъ много угадываютъ, если не умомъ, то сердцемъ. А ихъ сердце, говоря словами поэта, «тѣмъ не убѣдится, что не отъ сердца говорится». Чтобы заразить дѣтей добротой и гуманнымъ отношеніемъ къ другимъ людямъ, мы сами должны быть гуманны, чувствовать тепло въ своей душѣ. Чтобы заразить дѣтей свѣтлымъ, бодрымъ настроеніемъ, мы должны сами чувствовать себя бодрыми. Чтобы внушить дѣтямъ хорошія стремленія, мы сами должны быть проникнуты ими.

Такъ какъ мы всѣ являемся, до извѣстной степени, примѣрами подражанія для дѣтей, то мы могли бы разсматривать каждый свой поступокъ именно съ этой точки зрѣнія. Конечно, въ своемъ подражаніи ребенокъ руководится и удовольствіемъ, какое доставляетъ ему подражаніе; но мы уже знаемъ, что удовольствіе—это знакъ развитія, что нормально мы испытываемъ удовольствіе тогда, когда наши дѣйствія соотвѣтствуютъ нашему стремленію къ развитію.

Что это такъ, доказываетъ то подтверждаемое наблюденіями обстоятельство, что дѣти подражаютъ далеко не всему. Окружающая среда ежедневно и ежечасно представляетъ ребенку цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ актовъ, которые могли бы, при благопріятныхъ условіяхъ, служить образцомъ для подражанія. Каждый встрѣчный что-нибудь говоритъ или дѣлаетъ. Каждый изъ домашнихъ на глазахъ ребенка совершаетъ тысячи самыхъ разнообразныхъ дѣйствій. Каждое животное, наблюдаемое ребенкомъ, могло бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служить образцомъ для подражанія. Но мы знаемъ, что едва ли не милліонная только доля всѣхъ происходящихъ предъ ребенкомъ актовъ удостоивается вниманія ребенка и еще того меньше его подражанія. Очевидно, что выборъ матеріаловъ для подражанія принадлежитъ самому ребенку. Каждый ребенокъ подражаетъ лишь тому, кто ему нравится, кѣмъ онъ восхищенъ и очарованъ, кто служитъ для него авторитетомъ въ какомъ-нибудь отношеніи; кого онъ считаетъ, напримѣръ, либо болѣе сильнымъ и ловкимъ, либо болѣе

умнымъ и знающимъ, либо болѣе справедливымъ, добрымъ и пользующимся довѣріемъ.

Здѣсь подражаніе является средствомъ поднять самого себя до того человѣка, который служитъ для него образцомъ, своего рода идеаломъ, вызываетъ его восторгъ, восхищеніе, обаяніе. Пироговъ разсказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него, тогда ребенка, посѣщеніе ихъ дома извѣстнымъ въ Москвѣ докторомъ Мухинымъ, приглашеннымъ къ больному брату. Обстановка этого посѣщенія, ожиданіе знаменитаго врача, его карета четверней съ лакеемъ, его внушительная осанка — уже импонировали воображенію ребенка; но гораздо большее впечатлѣніе произвело удачное лѣченіе доктора, результатомъ чего было выздоровленіе едва ли не безнадежнаго больного. «Впечатлѣніе это было такъ глубоко,— говоритъ Пироговъ,—что я, послѣ счастливаго излѣченія брата, попросилъ кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ осанку доктора, важно подошелъ къ мнимому больному, пощупалъ пульсъ, далъ какой-то совѣтъ, распрощался и вышелъ преважно изъ комнаты». И съ этихъ поръ игра въ лѣкаря стала любимой игрой будущаго знаменитаго врача. «Успѣхъ, сопровождаемый эффектной обстановкой, возбудилъ уваженіе ребенка къ искусству,— говоритъ Пироговъ,— и я, съ этимъ уваженіемъ именно къ искусству, началъ впослѣдствіи уважать науку». Такимъ образомъ одно сильное впечатлѣніе въ дѣтствѣ дало направленіе сначала игрѣ — подражанію, а потомъ и самой жизни.

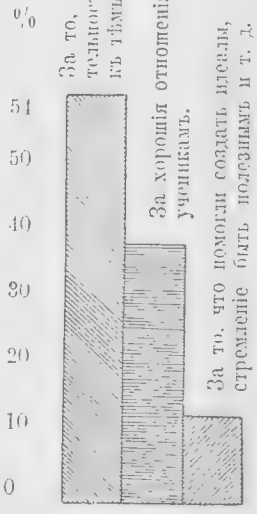
Изъ біографіи Л. Толстого мы знаемъ, что первые годы его дѣтства проходили въ попыткахъ подражать брату Сергѣю, которымъ онъ восхищался. Любовь эту Толстой художественно изобразилъ въ своемъ «Дѣтствѣ и отрочествѣ». Какъ извѣстно, подражаніе основано на внушеніи, а сила авторитета въ дѣлѣ нравственнаго внушенія—общепризнанный фактъ не только по отношенію къ дѣтямъ, но и по отношенію ко всѣмъ людямъ. Церковная исторія полна примѣрами, иллюстрирующими это положеніе. Папа Иннокентій III, разсердившись на французскаго и англійскаго королей, отлучилъ всю Францію и Англію отъ церкви. И оба короля, у которыхъ были солдаты и пушки, пущенныя ими въ ходъ, должны были, въ концѣ-концовъ, покориться папѣ, у котораго ничего не было, кромѣ слова, опиравшагося на вѣрованія массъ. По одному слову папы, рыцари совершали изумительные подвиги самоотверженія, руководимые только авторитетомъ св. отца. Общественное мнѣніе не разъ заставляло покоряться такихъ властелиновъ, какъ Николай I, Вильгельмъ II и др.

Но, конечно, для признанія авторитета нужно соотвѣтствующее настроеніе тѣхъ, на кого дѣйствуетъ сила авторитета. Въ другія времена и въ другой средѣ папы не могли бы играть такой роли. Л. Толстой отъ подражанія брату Сережѣ позднѣе

перешелъ къ подражанію другому брату, Николаю. Нужно, чтобы образецъ для подражанія былъ настроенъ въ тонъ съ тѣмъ, кто ему подражаетъ. Здѣсь должна быть извѣстная общность интересовъ, стремленій, настроенія.

Выше мы привели итоги анкеты, произведенной нами относительно вожаковъ въ кружкахъ дѣтей, и видѣли, что вожакъ всегда долженъ отвѣчать господствующему настроенію членовъ кружка, и въ то же время быть впереди кружка. Но мы хорошо знаемъ, что вожакъ именно потому и вожакъ, что онъ является образцомъ для подражанія. Если онъ лѣзетъ въ садъ, за нимъ лѣзутъ и другіе; если онъ началъ драку, въ нее вступаютъ и другіе. Если онъ кричитъ, кричатъ всѣ. Если онъ побѣжалъ, за нимъ пускаются взапуски другіе.

Другая анкета была произведена нами относительно любимыхъ учителей, которые, какъ извѣстно, тоже являются образцами для подражанія. 71% всѣхъ корреспондентовъ отвѣчали, что въ дѣтствѣ у нихъ были любимые учителя и только 29% корреспондентовъ заявили, что любимыхъ учителей у нихъ не было. По вопросу о томъ, за что слушатели моихъ лекцій въ дѣтствѣ любили того или другого учителя, отвѣты ихъ удалось разбить на 3 группы. Къ первой группѣ я отнесъ всѣ отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: за то, что пробудили любознательность... любовь къ литературѣ... къ книгѣ... къ математикѣ... исторіи... естествовѣдѣнію и т. п. Къ этой группѣ относится 54,3% всего числа отвѣтовъ.



За что ученики любятъ учителей.

Ко 2-й группѣ я отношу отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: за хорошія отношенія къ ученикамъ... за добрыя отношенія... мягкія... справедливыя... равныя... чуткія... за близость къ ученикамъ... за то, что пробудилъ вѣру въ свои силы... и т. д. Такіе отвѣты составляютъ 34,3% общаго числа.

Наконецъ, къ 3-й группѣ я отношу такіе отвѣты: помогли создать идеалъ... пробудили любовь къ угнетеннымъ... къ народу... внушили отвращеніе ко всему худому... пробудили стремленіе быть полезнымъ...

Всматриваясь въ приведенные здѣсь отвѣты, мы видимъ, что большинство изъ нихъ свидѣтельствуетъ, что, во-первыхъ, авторы ихъ были родственны по своимъ стремленіямъ, увле-

ченіямъ или настроеніямъ съ любимыми учителями (любили тотъ же предметъ, какой любилъ и преподавалъ учитель, создали сродный идеалъ, были душевно близки къ любимому учителю) и, во-вторыхъ, любимый учитель всегда былъ впереди учениковъ въ томъ, въ чемъ онъ вліялъ на нихъ и за что сталъ любимъ ими. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что для подражанія и внушенія необходимы два условія: во-первыхъ, близость настроенія и, во-вторыхъ, авторитетъ и довѣріе, основанные на превосходствѣ [1]).

Подражаніе основано на внушеніи и оба явленія вмѣстѣ опираются на законъ, о которомъ мы уже говорили въ 5 главѣ, а именно: всякій образъ стремится перейти въ дѣйствіе, и если онъ ярче и сильнѣе другихъ, ему противодѣйствующихъ или съ нимъ конкурирующихъ, то онъ, дѣйствительно, и переходитъ въ дѣйствіе, становится поступкомъ. Здѣсь стоитъ подробнѣе остановиться на иллюстраціяхъ къ этому закону. На немъ основано ученіе Фулье о томъ, что идея — сила. На немъ основано убѣжденіе въ томъ, что человѣку нуженъ идеалъ и что достижимые идеалы, при благопріятныхъ условіяхъ, осуществляются въ жизни. Такъ, напримѣръ, созданный себѣ идеалъ хорошей матери побуждаетъ мать дѣйствовать сообразно съ этимъ идеаломъ, насколько это въ ея силахъ. На томъ же основаны увлеченія модою. Чѣмъ большее число лицъ твердитъ намъ о какой-нибудь модѣ, тѣмъ больше

---

[1]) Любопытно, что отвѣты на вопросъ: чѣмъ любимые учителя возбудили любознательность, удобно дѣлятся на двѣ категоріи: къ первой относятся отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: интереснымъ преподаваніемъ... живымъ... талантливымъ... и т. д. Такіе отвѣты составляютъ 46% общаго числа. Ко второй категоріи мы относимъ отвѣты: дружескими бесѣдами... расширеніемъ рамокъ учебной программы... выясненіемъ пользы чтенія... необходимости ученья... и т. п. Такіе отвѣты составляютъ 54% къ общему числу. Интересно такъ же, что на вопросъ о томъ, чѣмъ любимые учителя помогли создать идеалы, около половины отвѣтовъ отмѣчаютъ личный примѣръ учителя, обаятельность его личности; всѣ же остальные отвѣты указываютъ либо на бесѣды, либо на чтеніе и т. п.

Такая же анкета была произведена и по вопросу о нелюбимыхъ учителяхъ. 80% корреспондентовъ въ своемъ дѣтствѣ имѣли нелюбимыхъ учителей, и только у 20% таковыхъ не оказалось. По вопросу о томъ, за что они не любили учителей, всѣ поступившіе отвѣты можно раздѣлить на двѣ группы: къ одной отнести отвѣты ($8{,}3$% общаго числа), свидѣтельствующіе о неудовлетворительномъ преподаваніи, а къ другой группѣ всѣ остальные отвѣты ($91{,}7$% общаго числа), свидѣтельствующіе о ненормальныхъ отношеніяхъ учителей къ учащимся. Изъ этихъ послѣднихъ отвѣтовъ наибольшее число ($24{,}2$% общаго числа всѣхъ отвѣтовъ) гласитъ о строгости вообще и строгихъ наказаніяхъ до тѣлесныхъ включительно; затѣмъ $16{,}6$% общаго числа отвѣтовъ указываютъ на черствое, формальное, сухое отношеніе къ учащимъ; далѣе 11%—на несправедливость и пристрастное отношеніе къ дѣтямъ, почти столько же отвѣтовъ указываютъ на раздражительность, неровное отношеніе къ ученикамъ; далѣе говорятъ о насмѣшкахъ и презрительномъ отношеніи къ дѣтямъ, потомъ идутъ указанія на непониманіе психологіи ребенка, неискренность, навязчивость, покровительственный тонъ, шумливость.

шансовъ, что она станетъ именно тѣмъ образомъ, который перейдетъ въ поступокъ.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что для подражанія необходимо, чтобы либо путемъ живого примѣра, либо путемъ чтенія, разсказовъ и т. п. въ насъ появился достаточно яркій и сильный образъ и чтобы онъ, побѣдивъ возможныя препятствія, перешелъ въ дѣйствіе, осуществился въ жизни, какъ поступокъ.

Балдуинъ пробовалъ усыплять другихъ людей; но такъ какъ онъ при этомъ представлялъ себѣ сонъ усыпляемыхъ имъ людей, то дѣлался соннымъ самъ, и сонъ тѣмъ сильнѣе одолѣвалъ его самого, чѣмъ яснѣе онъ представлялъ себѣ сонъ другихъ людей.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самовнушеніемъ; но и здѣсь въ основѣ явленія лежитъ тотъ же, только что упомянутый законъ. И оно такъ же—скажемъ словами самого Балдуина, «характеризуется внезапнымъ возникновеніемъ въ сознаніи какой-нибудь идеи или образа или какого-нибудь неопредѣленно сознаваемаго внѣшняго раздраженія, вслѣдствіе чего порождается тенденція произвести мускульныя или волевыя дѣйствія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за наличностью этихъ раздраженій».

Мнѣ уже приходилось писать о значеніи внушенія въ книгѣ «Нравственное воспитаніе». Такъ какъ этой книги давно уже нѣтъ въ продажѣ, то я позволю себѣ сдѣлать оттуда нѣсколько извлеченій.

Еще Шекспиръ сказалъ, что «человѣкъ, воображая себѣ ледники Кавказа, можетъ принять раскаленный уголь за ледъ». О силѣ нравственнаго внушенія заключаютъ по вліянію, какое оказываетъ на человѣка внушеніе во время гипноза.

Впрочемъ, гораздо раньше, нежели были изучены явленія гипноза, извѣстно было множество фактовъ, указывающихъ на то, что и въ нормальномъ состояніи мы усвоиваемъ такія представленія, чувства и желанія, которыя были внесены въ насъ постороннимъ вліяніемъ. Стоитъ кому-нибудь въ большомъ обществѣ съ увѣренностью сказать, что въ помѣщеніи пахнетъ угаромъ, и почти всегда найдутся люди, которые сейчасъ же почувствуютъ и запахъ угара, и даже головную боль. Стоитъ за обѣдомъ сказать: «это протухлое»,—и многіе перестанутъ ѣсть.

Докторъ Брэнъ хотѣлъ хлороформировать одну нервную дѣвушку предъ операціей и послалъ за хлороформомъ. Но, чтобы пріучить немножко больную, онъ наложилъ ей на лицо маску, ничѣмъ не смоченную. И больная отъ одной мысли, что ее хлороформируютъ, принялась усиленно дышать и черезъ полминуты, вскрикнувъ, что теряетъ сознаніе, дѣйствительно, заснула, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ была захлороформирована. Никакіе щипки и даже операція ее не пробудили.

Когда потомъ она проснулась, то сказала, что ничего не чувствовала.

Нерѣдко врачи прописывали больному безсонницей какое-нибудь безразличное лѣкарство, въ родѣ aqua distillata, но увѣряли паціента, что онъ будетъ спать, и достигали вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Здѣсь не могло дѣйствовать лѣкарство и, значитъ, дѣйствовало простое внушеніе, основанное на довѣріи къ врачу. Въ книгѣ Манассеина *Вліяніе психическихъ процессовъ*, изданной еще въ 70-хъ годахъ, собрано было очень много поразительныхъ фактовъ этого рода. Хорошо также было извѣстно, какъ часто люди, и особенно молодые, съ неустановившимся характеромъ, заимствовали свои убѣжденія, поведеніе, образъ жизни, привычки отъ кружковъ, въ которыхъ они вращались. Еще Псалмопѣвецъ за тысячу лѣтъ до нашей эры сказалъ: «Со спасеннымъ спасенъ будеши, а со строптивымъ развратишися». Народная мудрость выразила тѣ же наблюденія въ рядѣ пословицъ, въ родѣ «съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься». Но научная разработка вопроса о внушеніи началась лишь послѣ того, какъ ученые обратили вниманіе на гипнозъ. Въ нормальномъ состояніи всякое внушеніе встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны представленій, уже находящихся въ сознаніи, и потому результаты внушенія здѣсь не могутъ выразиться такъ ярко, какъ выражаются они въ состояніи гипноза, когда сознаніе, такъ сказать, опустошено, когда загипнотизированный совершенно пассивенъ, лишенъ всякой иниціативы и ему нечего противопоставить внушенію, которое одно входитъ въ его сознаніе и во все время сеанса остается полнымъ хозяиномъ его психики

Для насъ здѣсь совсѣмъ не важно, какое объясненіе даютъ гипнотическимъ явленіямъ. Для насъ важенъ безспорный, повидимому, фактъ, что возникновеніе внушаемыхъ образовъ во время гипноза происходитъ точно такъ же, какъ и возникновеніе образовъ въ нормальномъ состояніи. И тамъ, и тутъ средствами внушенія служатъ примѣръ и слово. И тамъ, и тутъ связь между образами опредѣляется одними и тѣми же законами ассоціацій. Вся разница только въ силѣ и яркости образовъ. Гипнотизмъ только повышаетъ внушаемость и силу образовъ, а не создаетъ ихъ. И путемъ гипноза, и путемъ нравственнаго внушенія мы можемъ вызвать одни и тѣ же образы одними и тѣми же средствами; но гипнотическое внушеніе достигаетъ силы и яркости галлюцинаціи, а нравственное внушеніе—лишь силы и яркости нормальнаго, обыкновеннаго образа.

Можно заставить путемъ внушенія—гипноза видѣть предметъ, котораго нѣтъ, слышать воображаемые звуки, ощущать воображаемый жаръ и обжогъ такъ реально, что на тѣлѣ появляются обжоги и т. д. Можно внушать не только ощу-

щенія, но и желанія, и дѣйствія. Но всѣ эти внушенія гипнотизеры дѣлаютъ самыми обыкновенными способами: или словомъ, или придавая членамъ загипнотизированнаго субъекта извѣстныя положенія, соотвѣтствующія чувствамъ смиренія, ужаса, гордости и т. д. Г. Дельбофъ внушилъ своей служанкѣ, чтобы она ровно въ половинѣ шестого подошла къ статуэткѣ плачущаго монаха и сказала ей нѣсколько словъ утѣшенія, и та въ точности исполнила это приказаніе.

Были случаи, когда посредствомъ внушенія сразу и совершенно излѣчивались отъ страсти къ морфію, отъ страсти къ вину. Были случаи, когда посредствомъ внушенія вполнѣ излѣчивали отъ сильныхъ припадковъ страха, какъ это было съ одной дѣвушкой, которую ночной звонокъ заставлялъ дрожать отъ страха; вылѣчиваютъ отъ упрямой лѣни, какъ это было съ однимъ феноменальнымъ упрямцемъ и лѣнтяемъ, ставшимъ послѣ гипноза покорнымъ и трудолюбивымъ на цѣлыхъ шесть недѣль. Посредствомъ гипноза исправили невыносимый характеръ одной дамы, сдѣлавъ ее терпѣливой, кроткой и нѣжной. Такимъ же образомъ 22-лѣтняя грязная и лѣнивая воровка и проститутка превращена была въ честную, послушную, трудолюбивую и чистоплотную особу.

Хорошо извѣстно, что это состояніе, когда одинъ образъ или идея охватываетъ все сознаніе и вытѣсняетъ изъ него все остальное, вызывается не только гипнозомъ. Много примѣровъ такого состоянія представили намъ мистики востока, описывая свои видѣнія. Ихъ господствующіе образы, исключая всѣ остальныя идеи изъ сознанія, пріобрѣтаютъ въ минуты экстаза яркость дѣйствительныхъ реальныхъ фактовъ, превращаются въ галлюцинаціи. Буддистскіе ученые подробно описали это состояніе экстаза. На первыхъ двухъ ступеняхъ описываемаго ими состоянія, у аскета не существуетъ никакихъ желаній, кромѣ желанія нирваны; его умъ весь охваченъ одной нирваной и можетъ воспринимать только то наслажденіе, которое достигается внутреннимъ удовлетвореніемъ.

То самое, что сразу дѣлается въ такой удивительно рѣзкой формѣ и съ такою исключительною силой съ гипнотизируемыми, мистиками или больными, дѣлается тихо, незамѣтно, медленно и постепенно со всѣми нами и особенно съ дѣтьми путемъ нравственнаго и умственнаго внушенія семьи, школы, друзей, окружающей среды, путемъ книгъ и устнаго слова и путемъ примѣровъ. Если бы можно было изолировать ребенка отъ постояннаго изо дня въ день вліянія общественной среды, то его умственное и нравственное развитіе осталось бы въ зачаточномъ состояніи.

Бине и Анри производили любопытные опыты, доказывающіе, что простое внушеніе измѣняетъ результаты личныхъ наблюденій. Одинъ изъ опытовъ производился слѣдующимъ образомъ. Ребенку показывали линію и затѣмъ предлага-

ли найти ее въ другой таблицѣ линій то путемъ непосредственнаго сравненія, то на память. Когда ребенокъ давалъ отвѣтъ, ему говорили: «Увѣрены ли вы, что это, дѣйствительно, та линія, которую вы ищете. Развѣ это не та, которая съ ней рядомъ?» При этомъ оказалось, что изъ 100 дѣтей, давшихъ сначала вѣрные отвѣты, отказались подъ вліяніемъ внушенія отъ первоначальнаго показанія 50 дѣтей. На дѣтей, давшихъ невѣрные отвѣты, внушеніе оказало еще болѣе сильное вліяніе. Изъ 100 дѣтей, давшихъ ошибочныя показанія въ первый разъ, отказалось отъ первоначальнаго отвѣта 72 ученика. Группируя данныя своихъ опытовъ по возрастамъ, Бине и Анри пришли къ выводу, что возрастъ оказываетъ огромное вліяніе на силу внушенія, и чѣмъ ребенокъ моложе, тѣмъ это вліяніе сильнѣе. Если первый способъ—способъ гипноза—ненормаленъ и вреденъ для здоровья гипнотизируемаго, то другой способъ, основанный на убѣжденіи и примѣрѣ, признается нормальнымъ, здоровымъ и естественнымъ. Если эта теорія справедлива, если, дѣйствительно, путемъ нравственнаго внушенія и примѣра можно ослабить и даже съ корнемъ вырвать любую вредную наклонность, страсть и привычку, можно развить, усилить и даже вновь создать любое доброе чувство, желаніе, дать надлежащее направленіе волѣ и дѣйствіямъ, то въ примѣрѣ и нравственномъ внушеніи мы имѣемъ такую огромную силу, съ помощью которой можно дѣлать чудеса въ области воспитанія. Если это ученіе основательно, то мало такихъ порокоръ, такихъ вредныхъ инстинктовъ, такихъ наклонностей,—наслѣдственныхъ или пріобрѣтенныхъ, все равно,—которыя не уступили бы воздѣйствію искуснаго воспитателя, мало такихъ привычекъ, которыхъ нельзя было бы привить воспитаннику. Гипнозъ вреденъ для здоровья гипнотизируемаго и потому запрещенъ закономъ; но нравственное внушеніе, въ рукахъ хорошаго воспитателя, ничѣмъ не вредя здоровью дѣтей, освящено религіей, нравами, обычаемъ, опытомъ всѣхъ народовъ. Поэтому существенно важно опредѣлить, насколько позволяетъ современное состояніе психологіи, при какихъ условіяхъ нравственное внушеніе примѣромъ или словомъ наиболѣе дѣйствительно. Всего сильнѣе, повидимому, дѣйствуетъ на дѣтей привлекательность живого примѣра. Болѣзненно-нервные люди крайне впечатлительны ко всякому примѣру. На нихъ заразительно дѣйствуютъ и движенія рукъ, и жесты, и душевныя движенія, проявляющіяся въ тонѣ голоса, въ чертахъ лица и въ словѣ.

Учителямъ хорошо извѣстна заразительность примѣра. Хорошій учитель простою игрой мускуловъ своего лица, жестами и тономъ своей рѣчи можетъ вызвать любое настроеніе въ своемъ классѣ—и веселое, и оживленное, и серьезное. Его аккуратность, выходъ въ классъ минута въ минуту, вызоветъ и аккуратность учениковъ, его халатность отразится на нихъ

точно такъ же. Его трудолюбіе заразитъ учениковъ, и въ классѣ получится трудовая атмосфера, предъ которой не устоитъ никакая лѣность. Самый лѣнивый начнетъ работать, когда всѣ кругомъ него заняты. Самый шаловливый ребенокъ затихнетъ, когда кругомъ него царитъ безусловная тишина. Самый апатичный ребенокъ станетъ интересоваться урокомъ, когда попадетъ въ кружокъ товарищей, проникнутыхъ живымъ интересомъ къ учебнымъ занятіямъ.

О способности ребенка къ подражанію хорошо знаютъ матери и няньки. Хорошо извѣстно, что ребенокъ, живущій въ обществѣ дѣтей, которыя только что начали ходить, гораздо быстрѣе выучивается этому искусству, чѣмъ тотъ, кто не имѣетъ такого примѣра передъ глазами.

Въ русскихъ школахъ сдѣланы любопытныя наблюденія. Тамъ, гдѣ дѣти старшаго возраста читаютъ выразительно, младшія дѣти выучиваются выразительному чтенію несравненно быстрѣе, нежели дѣти, предоставленныя самимъ себѣ. Тамъ, гдѣ старшія любятъ читать книги изъ дѣтской библіотеки, младшія сами собою перенимаютъ отъ нихъ этотъ интересъ къ литературѣ.

Еще римскіе педагоги рекомендовали хорошій примѣръ, какъ хорошее средство воспитанія. Но чтобы учитель могъ воздѣйствовать на дѣтей своимъ примѣромъ или словомъ, какъ нравственнымъ внушеніемъ, надо, чтобы онъ пользовался съ ихъ стороны любовью, довѣріемъ и авторитетомъ. Надо, чтобы слово его не вызывало въ дѣтяхъ никакихъ сомнѣній. Исторія полна примѣрами, насколько заразительна вѣра. Вѣрующій въ свое дѣло человѣкъ, вѣрующій безъ сомнѣній, безъ колебаній, увлекаетъ и ведетъ за собою толпу. «Имѣйте вѣру,— говоритъ Христосъ,—и вы будете двигать горами». Еще Гюйо писалъ о томъ, что вѣра въ правоту своей мысли, своего дѣла выразится въ словѣ, въ тонѣ голоса, въ жестахъ, въ поведеніи, въ образѣ жизни, въ дѣлахъ, въ энергіи, а это не можетъ не заразить другихъ людей и не увлечь ихъ за собою. За лицемѣромъ никто не пойдетъ, разъ только обнаружится его лицемѣріе. Это хорошо знаютъ даже шарлатаны, потому что и они, желая внушить людямъ какую-нибудь вздорную мысль, выражаютъ ее такъ самоувѣренно, такимъ тономъ глубокаго убѣжденія, что нѣкоторые простаки, дѣйствительно, попадаются на ихъ удочку.

Пусть слово учителя, его совѣтъ, его требованіе выражаютъ твердую увѣренность въ справедливости его мысли, крѣпкую волю и убѣжденность въ томъ, что дѣти поступятъ именно такъ, какъ онъ этого хочетъ.

Ребенокъ еще не привыкъ къ отвлеченному мышленію. Ему нужны образы, движеніе, краски, звуки, живыя формы, а не абстрактныя формулы. На ребенка дѣйствуетъ прежде всего то, что онъ видитъ или слышитъ, то, что дѣлаютъ его окру-

жающіе. Пусть вѣра учителя въ свои идеи выразится въ энтузіазмѣ. Энтузіазмъ заразителенъ, тогда какъ непослѣдовательность въ словахъ и поступкахъ, противорѣчіе между словами и дѣломъ будутъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Ничто такъ не подрываетъ довѣрія къ учителю, вѣры въ цѣлесообразность и справедливость его требованій, какъ непослѣдовательность и произвольность его внушеній, совѣтовъ и приказаній. Что касается любви дѣтей къ учителю, то она, какъ это доказываетъ и наша анкета, пріобрѣтается, кромѣ интереснаго обученія и пробужденія любознательности въ дѣтяхъ, еще хорошимъ отношеніямъ къ дѣтямъ, т.-е. любовью къ нимъ.

Когда ребенокъ видитъ, что учитель любитъ его, чутко относится къ его нуждамъ и интересамъ, готовъ притти къ нему во всякое время на помощь, онъ отвѣтитъ ему любовью на его любовь. Любовь ребенка къ намъ—это простое эхо нашей же любви къ нему. Есть въ исторіи педагогики превосходный образецъ того, какъ можно добиться безграничной дѣтской любви къ себѣ,—это примѣръ Песталоцци. „Я былъ одинъ съ ними,—пишетъ онъ,—и хотя, съ одной стороны, такое безпомощное положеніе обходилось мнѣ очень дорого, но, съ другой—оно было полезно для моей цѣли. Съ утра до ночи дѣти встрѣчали меня одного въ своей средѣ. Все доброе и для ихъ тѣла, и для души исходило отъ меня одного. Я помогалъ имъ, я училъ ихъ, я говорилъ съ ними; ихъ глаза смотрѣли на мои; ихъ руки хватались за мою, когда встрѣчалась какая бы то ни было надобность въ поддержкѣ. Мои слезы сливались съ ихъ слезами, когда они плакали. Моя улыбка встрѣчала ихъ смѣхъ, когда имъ было весело. Что они ѣли, то ѣлъ и я; что пили они, то и я пилъ. У меня не было ничего: ни хозяйства, ни слугъ, ни друзей,—у меня были только они. Были они здоровы, я находился въ ихъ средѣ; заболѣвалъ кто-нибудь, я сидѣлъ у его кровати. Я спалъ съ ними; ложился, когда послѣдній изъ нихъ засыпалъ, и вставалъ, когда еще никто не просыпался. Мы молились вмѣстѣ, а пока они засыпали, мои разсказы или развлекали, или учили ихъ. И дѣти скоро пріучились цѣнить все, что я для нихъ дѣлалъ. Лучшими защитниками, когда меня бранили, были именно эти бѣдныя, заброшенныя дѣти. Они чувствовали какъ будто всю несправедливость, съ которой относились ко мнѣ, и привязывались еще болѣе. Я не зналъ системы, методовъ, пріемовъ, кромѣ тѣхъ, которые основывались на любви дѣтей ко мнѣ».

X. Рисованіе.

Однимъ изъ проявленій дѣтскаго стремленія къ подражанію является рисованіе, какъ копированіе того, что дѣти видятъ и что интересуетъ ихъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ началось широкое движеніе въ пользу рисованія, какъ обще-

образовательнаго предмета. И теперь едва ли кто будетъ оспаривать высокое значеніе этого предмета въ смыслѣ развитія ребенка. Хорошо извѣстна роль рисованія въ дѣлѣ развитія наблюдательности. Рисуя, ребенокъ учится понимать форму и поверхность предмета, направленіе и взаимоотношеніе линій, игру свѣта и тѣни, отдавать отчетъ въ окраскѣ предметовъ. Глазъ пріучается такимъ образомъ не только смотрѣть, но и видѣть. Въ то же время развивается рука ребенка и становится послушнымъ орудіемъ его ума и воли. Мало этого. Развивается чувство прекраснаго; ребенокъ привыкаетъ находить красоту въ окружающей его природѣ, въ какомъ-нибудь листѣ, цвѣткѣ, птичкѣ, животномъ, въ человѣческомъ лицѣ, не говоря уже о предметахъ искусства. Развиваются, наконецъ, творческія силы ребенка.

И не поразительно ли, что именно къ этому занятію мы встрѣчаемъ въ ребенкѣ самое горячее влеченіе его съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ состояніи держать въ своей ручкѣ карандашъ или кисть. Еще раньше этого времени ребенокъ любитъ разсматривать картинки и узнавать, что онѣ изображаютъ.

Моя дочь въ возрастѣ 11-ти мѣсяцевъ отроду любила показывать на портреты родныхъ и близкихъ знакомыхъ и на вопросъ, гдѣ папа, мама, баба, всегда безошибочно показывала пальчикомъ на соотвѣтствующій портретъ.

13-ти мѣсяцевъ отроду ей доставляло огромное удовольствіе узнавать на картинкѣ пѣтуха, лошадь, кошку, собаку, корову, зайца, слона, верблюда, носорога, кита, а также людей—ребенка (дитя), женщину (тетя), мужчину (дядя), части тѣла на рисункѣ: глаза, уши; изъ неодушевленныхъ предметовъ: кружку, чашку, спичку.

Въ томъ же возрастѣ она очень любила рисовать, т.-е. безъ-толку водить карандашомъ туда и сюда по бумагѣ и цѣлый часъ могла провести съ карандашомъ въ рукѣ за черченіемъ какихъ-то каракулей; но нерѣдко передавала карандашъ матери или мнѣ, требуя, чтобы мы нарисовали ей кошку.

Однажды она нашла, что ея каракули напоминаютъ дымъ, и пришла въ восторгъ отъ этого открытія. Нѣкоторое время она снова и снова возвращалась къ этому предмету.

3-хъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ любовь къ рисованію еще болѣе усилилась, дѣвочка впервые могла нарисовать что-то, похожее на схему человѣческой фигуры, гдѣ при усердіи можно найти схему головы съ глазами, ртомъ и носомъ, а также туловище. При этомъ, конечно, приходилось спрашивать саму дѣвочку, что она нарисовала и что обозначаютъ разныя части ея рисунка. 7-ми лѣтъ отроду она съ горячимъ увлеченіемъ цѣлый часъ и даже болѣе могла просидѣть за рисованіемъ.

Ученики сельской начальной школы г. Кравченко всѣ безъ единаго исключенія любили рисованіе. Вотъ отзывы его учениковъ о рисованіи: «Ой, люблю такъ, что хто его зна якъ»...

«люблю больше всего, потому что такое рисуешь, что я его никогда не видѣлъ, а тогда умѣю». «Рисованіе я такъ люблю, что не хотѣлъ бы ничего». «Рисованіе я люблю наибольше» и т. п.

Если наша мысль, что преобладающая любовь къ какому-нибудь предмету знаменуетъ стремленіе къ развитію преобладающей способности, справедлива, то мы должны ожидать, что способность къ рисованію является преобладающей способностью дѣтства.

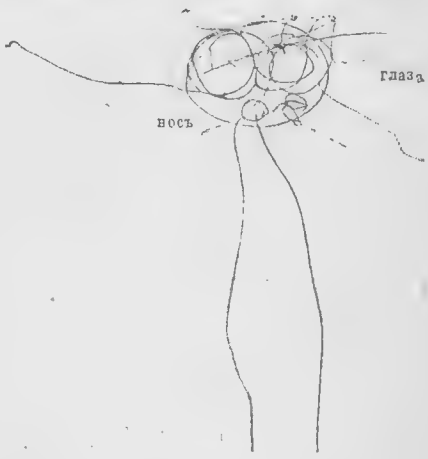
Въ 5-й главѣ настоящей книги мы помѣстили результаты нашей анкеты по вопросу о томъ, какія способности преобладали у нашихъ корреспондентовъ въ дѣтствѣ. И мы видѣли, что наиболѣе распространенною является способность къ рисованію. Тѣ же самые корреспонденты дали отвѣтъ и на вопросъ объ извѣстныхъ имъ дѣтяхъ съ выдающимися способностями. И здѣсь мы получаемъ аналогичные выводы. Способности къ рисованію отмѣчались чаще всего, а именно, 31,2% къ общему числу отвѣтовъ; затѣмъ идетъ музыка (25%), далѣе техника (18,7%) и потомъ уже лѣпка, естествознаніе, литература, экономическія науки и т. д. Когда-то подобный же вопросъ былъ предложенъ курскою губернскою управою народнымъ учителямъ, и въ результатѣ точно такъ же оказалось, что дѣтей съ преобладающей способностью къ рисованію оказалось больше всего.

Мы не разъ уже встрѣчались съ тѣмъ фактомъ, что наиболѣе древнія и постоянныя переживанія являются и наиболѣе любимыми для дѣтей. Здѣсь также придется встрѣтиться съ этимъ закономъ. Раскопки показываютъ, что искусство рисованія существовало задолго до того времени, какъ, по словамъ красивой греческой легенды, дочь горшечника начертила на стѣнѣ тѣнь отъ лица своего уѣзжающаго жениха. Рисованіе гораздо старше самаго древняго письма. Рисованіе любили еще первобытные люди. Они оставили свои рисунки то на стѣнахъ пещеръ, гдѣ они жили, то на костяхъ животныхъ, то на камняхъ. И съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней люди не переставали заниматься этимъ искусствомъ. Не удивительно поэтому, что рисованіе является утѣхою и радостью нашего дѣтства, и что дѣти любятъ рисовать больше, и раньше, чѣмъ писать, и если мы, взрослые люди, теряемъ вкусъ къ рисованію и привычку къ нему, то причину этого надо искать, повидимому, въ нашемъ неправильномъ воспитаніи и особенно въ неправильной постановкѣ этого дѣла въ нашихъ школахъ.

Изъ особенностей дѣтскаго рисованія для педагога имѣютъ большое значеніе слѣдующія. Моя дочь не любила рисовать съ натуры, какъ хотѣла было пріучить ее мать, а рисовала фантастическія сцены съ волшебницами, колдунишками и всегда по собственному почину. Даже реальные предметы, когда дѣ-

вочка бралась за ихъ изображеніе, она рисовала, не глядя на изображаемый предметъ, хотя бы онъ и находился предъ ея глазами, а изображала предметъ такъ, какъ онъ рисовался ей въ ея воображеніи.

Ребенокъ въ рисованіи поступаетъ такъ, какъ современные импрессіонисты. Онъ, повидимому, не заботится о томъ, чтобы изобразить самый предметъ со всѣми его деталями. Онъ рисуетъ то, что помнитъ о предметѣ; рисуетъ, не глядя на предметъ. Онъ заботится лишь о томъ, чтобы выразить только свое впечатлѣніе отъ изображаемаго предмета, и достигаетъ этого упрощеніемъ рисунка. Онъ опускаетъ множество деталей и изображаетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ его впечатлѣнію. На рисунокъ ребенка лучше смотрѣть не какъ на изображеніе предмета, а только какъ на символъ. Но ребенокъ дѣлаетъ это не потому, конечно, чтобы онъ руководился теоріейимпрессіонистовъ, а потому, что у него недостаетъ наблюдательности и техники, потому что онъ видитъ въ предметѣ неизмѣримо меньше, чѣмъ взрослый художникъ, и еще меньше того умѣетъ изобразить на рисункѣ. Вотъ почему въ рисункѣ 1-мъ мы видимъ, что ротъ находится на одной горизонтальной линіи съ носомъ, справа отъ послѣдняго—тамъ, гдѣ надо быть щекѣ, что ноги берутъ свое начало въ носу, а руки въ глазахъ, что глаза занимаютъ $^3/_4$ всего лица, а ротъ и носъ во много разъ меньше каждаго глаза.



1. Рисунокъ дѣвочки въ возрастѣ 3 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ. Изображаетъ человѣка.

И мы видимъ, какъ по мѣрѣ развитія наблюдательности и техники, чему, конечно, содѣйствуетъ и упражненіе въ рисованіи, ребенокъ начинаетъ отмѣчать на своихъ рисункахъ все больше и больше деталей. (Смотри рис. 2 и 3).

Сравнивая помѣщенные здѣсь рисунки дѣвочки, мы видимъ, что ребенокъ сначала рисуетъ только отдѣльнаго человѣка безъ всякой связи съ окружающими. Можно думать, что и всѣ предметы представляются ему изолированными, безъ связи другъ съ другомъ. Но съ возрастомъ онъ уже рисуетъ и людей, и скалы, и море въ связи и другъ съ другомъ и съ окружающей обстановкой. Фактъ, лишній разъ доказывающій, что умственное развитіе ребенка характеризуется увеличеніемъ и

усложненіемъ связей между отдѣльными представленіями и идеями, что оно идетъ отъ изолированнаго и безсвязнаго ко всѣ болѣе и болѣе связному.

Достойно вниманія и то обстоятельство, что дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, рисуютъ лишь то, что ихъ интере-

2. Рисунокъ той же дѣвочки 7 лѣтъ. Изображаетъ саму дѣвочку, ея брата, мать и отца на прогулкѣ.

3. Рисунокъ той же дѣвочки 10 лѣтъ. Подъ рисункомъ подпись: «Морской видъ».

суетъ. Мой сынъ, увлекавшійся паровозами, вагонами и пароходами, сначала не рисовалъ ничего другого, кромѣ этихъ любимыхъ предметовъ. Изъ другихъ знакомыхъ мнѣ дѣтей одинъ въ настоящее время рисуетъ пароходы, другой лоша-

докъ, третій солдатъ, а одна дѣвочка сказочные сюжеты. И то, что каждый изъ нихъ рисуетъ, какъ разъ отвѣчаетъ тому, что въ данный моментъ является ихъ господствующими интересами. Отсюда такъ называемая стереотипность дѣтскихъ рисунковъ. Но, конечно, одинъ стереотипъ очень скоро можетъ смѣниться другимъ, какъ и господствующій сейчасъ интересъ ребенка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ уступить свое мѣсто другому. Фактъ этотъ получитъ особое освѣщеніе, если мы припомнимъ, что интересъ — это показатель господствующаго въ данный моментъ стремленія ребенка къ развитію. И не считаться съ такими интересами является огромною ошибкою въ обученіи. Беллетристъ Люсьенъ Біаръ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ обнаружилъ большія способности къ рисованію и отецъ пригласилъ для него учителя. И вотъ какъ самъ Біаръ описываетъ свои тогдашнія переживанія.

«Какое счастье! теперь ужъ мнѣ можно будетъ, не слыша упрековъ въ потерѣ времени, рисовать корабли

4. Рисунки той же дѣвочки 10 лѣтъ.
Къ нимъ сдѣланы подписи: 1) раньше всѣхъ пріѣхала; 2) немного погодя; 3) послѣ него; 4) послѣ нея; 5) послѣ него; 6) вмѣстѣ съ ней; 7) балъ.
Все вмѣстѣ носитъ названіе: „На балу“.

съ чудовищными парусами, лошадей съ ослиными ушами, мужчинъ съ тросточками, растрепанныя деревья, избушки съ массами дыма, спиралью выходящими изъ трубъ. Я мечталъ съ перваго же дня начать рисовать картину, а между тѣмъ меня посадили за модель носа, затѣмъ за модель уха, а потомъ и глаза. Рисованіе въ такомъ видѣ показалось мнѣ хуже писанья, и я работалъ безъ всякаго увлеченія».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего, что сказано въ этомъ томѣ, явствуетъ, что нормальный ребенокъ стремится къ развитію всѣхъ заложенныхъ въ немъ способностей. Это стремленіе искажается и заглушается съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, и въ семьѣ, и въ школѣ и еще болѣе учрежденіями, вѣдающими современную школу; но все же стремленіе ребенка къ развитію представляетъ главный рычагъ воспитанія и прогресса въ человѣческомъ обществѣ.

Секретъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сообразоваться съ естественнымъ стремленіемъ ребенка къ развитію. Если Льву Толстому въ его ясно-полянской школѣ удавалось достигать такихъ удивительныхъ результатовъ при анархическомъ строѣ школы, то это потому, что онъ, благодаря своему педагогическому таланту, сумѣлъ сочетать на своихъ урокахъ требованія своего разума съ естественнымъ стремленіемъ дѣтей къ развитію.

Такое толкованіе воспитательнаго процесса направляетъ вниманіе педагога на самого ребенка, на изученіе его потребностей и стремленій.

Семейная и школьная жизнь полны примѣрами, какъ забвеніе этого принципа вредитъ развитію ребенка. Вотъ, напримѣръ, родители останавливаютъ ребенка, когда онъ увлекается устными вычисленіями примѣровъ на рубли и копейки. Они думаютъ, что это можетъ повести къ развитію жадности, а между тѣмъ въ ребенкѣ родилось стремленіе счетчика и требовало своего развитія. Охлажденный и остановленный въ своемъ стремленіи въ самый благопріятный моментъ для развитія данной способности онъ можетъ остаться слабымъ въ устномъ счетѣ на всю жизнь. Я помню случай, когда ребенку запрещали играть съ разноцвѣтными огнями и приготовлять самодѣльныя краски, а онъ со страстью предавался этимъ занятіямъ, потому что въ немъ нарождался колористъ, что и выразилось потомъ, когда ребенокъ сталъ учиться рисованію. Всѣ мы знаемъ примѣры,

какъ ребенка, интересующагося въ данный моментъ больше всего опытами по физикѣ и химіи, заставляютъ бросить эти занятія для изученія иностранныхъ языковъ, которыхъ онъ не любитъ.

Хорошо извѣстно, что во всѣ времена естественныя стремленія ребенка къ развитію такъ часто, почти постоянно, приносились въ жертву то модньмъ, то традиціоннымъ предразсудкамъ, то старымъ, то вновь провозглашеннымъ догмамъ, то какимъ-либо инымъ постороннимъ соображеніямъ.

Мысль, что стремленіе ребенка къ развитію должно стать главнымъ рычагомъ всего воспитанія, заставляетъ насъ съ большою осторожностію относиться ко всевозможнымъ догмамъ въ области воспитанія, принесшимъ много вреда въ прошломъ. По этой версіи развитіе ребенка сводится къ росту его самодѣятельности. Опора воспитанія внутри, а не внѣ ребенка.

Не догмы, навязанныя извнѣ, не слѣпое и безпрекословное повиновеніе и подчиненіе, безъ разсужденій и критики, должно лежать въ основѣ воспитанія; основою педагогики должно быть саморазвитіе, та работа, которую ребенокъ самъ совершаетъ надъ своимъ самообразованіемъ и самовоспитаніемъ. Даже догмы, не противорѣчащія принципамъ новой педагогики, могутъ служить для насъ лишь рабочей гипотезою и должны быть провѣрены путемъ наблюденія надъ дѣтьми и педагогическаго эксперимента раньше, нежели станутъ руководящими.

На первый планъ должно быть поставлено естественное стремленіе къ развитію, живущее внутри самого ребенка; и дѣло педагога предоставить просторъ для нормальнаго осуществленія этого стремленія, снять путы и искусственныя преграды, лежащія на этомъ пути и искажающія развитіе ребенка.

Логическимъ выводомъ изъ этого положенія является требованіе, чтобы школа, подобно семьѣ, служила не для какихъ-либо политическихъ, соціальныхъ, конфессіональныхъ, сословныхъ или иныхъ учрежденій, организацій, партій и т. п. Школа должна существовать лишь только для ребенка, для его нормальнаго развитія. Учителя — это не слуги того или другого учрежденія, не исполнители тѣхъ или другихъ догмъ, данныхъ извнѣ, а защитники правъ ребенка на нормальное развитіе его въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. И не только педагогическій персоналъ, но и учредители, и содержатели школъ, и родители дѣтей, и органы самоуправленія, и даже само министерство народнаго просвѣщенія должны были бы взять на себя ту же защиту ребенка и помочь ему въ его стремленіи къ развитію. Педагогика должна сама

опредѣлять свои задачи, руководясь не посторонними соображеніями, какъ это было до сихъ поръ, а единственно требованіями прогрессивнаго нормальнаго развитія. И когда это осуществится, дѣти будутъ ограждены отъ вреднаго вліянія экзаменовъ въ общеобразовательной школѣ, программъ преподаванія и разныхъ традиціонныхъ, извнѣ навязанныхъ школѣ догмъ и предразсудковъ. Всѣ, кто соприкасается съ ребенкомъ, станутъ тогда гораздо больше наблюдать ребенка, гораздо больше руководиться его естественнымъ стремленіемъ къ развитію, чѣмъ внѣшними требованіями, будутъ больше любить ребенка и меньше бояться учрежденій, пытающихся сдѣлать школу орудіемъ своихъ интересовъ, будутъ совѣтниками и помощниками ребенка, а не безграничными властителями его.

Мы не успѣли сдѣлать всѣхъ практически важныхъ педагогическихъ выводовъ, какіе можно было сдѣлать изъ сказаннаго о развитіи дѣтей и о стремленіи къ нему ребенка, и недостаточно полно остановились на провѣркѣ уже сдѣланныхъ нами выводовъ посредствомъ экспериментовъ и наблюденій надъ дѣтской жизнью. Мы мало сказали о томъ, какъ слѣдуетъ использовать въ педагогическихъ цѣляхъ естественное стремленіе ребенка къ развитію. Все это должно составить задачу слѣдующихъ выпусковъ.

Но кромѣ стремленій ребенка есть еще внѣшняя среда.

И развитіе ребенка является результатомъ этихъ двухъ факторовъ: во-первыхъ, внутреннихъ стремленій къ развитію и, во-вторыхъ, вліянія окружающей среды. Приспособленіе ребенка къ средѣ и приспособленіе самой среды къ потребностямъ ребенка — вотъ задача воспитанія. Воспитатель долженъ считаться, съ одной стороны, съ сильными и съ слабыми (дефективными) стремленіями, а, съ другой стороны, и съ особенностями окружающей среды: и не только съ ея благотворными вліяніями, но въ то же время и съ ея вредными сторонами. Если бы окружающая среда была вполнѣ благопріятна для нормальнаго развитія, то работа воспитателя была бы необыкновенно легка; сама жизнь воспитывала бы нормальнаго ребенка; и это было бы, дѣйствительно, свободное и естественное воспитаніе, о которомъ мечтали Руссо, Толстой и другіе. Но, къ сожалѣнію, современная жизнь представляетъ столько дефектовъ, а подчасъ ужасовъ, что нерѣдко впадаешь въ отчаяніе за участь дѣтей, воспитывающихся подъ вліяніемъ окружающей ихъ дѣйствительности. Такъ много еще сохранилось пережитковъ, ведущихъ свое начало отъ крѣпостничества, татарскаго ига и первобытной темноты и жестокости. Отсюда понятное стремленіе педагоговъ создать для ребенка благопріятную для его развитія, до извѣстной степени искусственную среду, въ которой были бы исключены

вредныя вліянія современной жизни. Но о внѣшней средѣ, ея вліяніяхъ на воспитаніе ребенка и о приспособленіи къ ней мы почти не говорили еще въ настоящемъ томѣ, и этотъ важный вопросъ будетъ разработанъ въ слѣдующихъ выпускахъ.

А важность этого вопроса не можетъ подлежать сомнѣнію. Народу, изъ котораго вышли такіе колоссы въ наукѣ, какъ Ломоносовъ, Лобачевскій, Менделѣевъ, такіе изобрѣтатели, какъ Яблочковъ, такіе писатели, какъ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой и друг., такіе художники, какъ Крамской, Рѣпинъ и проч., — такому народу никто не откажетъ въ даровитости. А между тѣмъ насъ на поприщѣ культуры и просвѣщенія обгоняютъ такіе народы, какъ болгары, сербы, японцы, еще недавно отстававшіе отъ насъ на недосягаемую дистанцію. Очевидно, что изъ двухъ названныхъ выше факторовъ развитія служитъ помѣхой нашему прогрессу, главнымъ образомъ, второй, а именно, современныя внѣшнія условія. Нѣкоторыя изъ этихъ условій касаются школы. Таковы, напримѣръ, почти непреодолимыя затрудненія для одаренныхъ дѣтей низшей школы поступить въ среднее учебное заведеніе вслѣдствіе несогласованности ихъ программъ. Это отсутствіе преемственности въ школьной системѣ ведетъ къ тому, что огромное большинство талантливыхъ дѣтей лишено возможности развить свои способности. Какъ можетъ конкурировать такая страна съ своими сосѣдями на поприщѣ науки, искусства, промышленности и пр., если она утилизируетъ, быть-можетъ, только $^1/_{100}$ часть своихъ умственныхъ силъ. Не менѣе печальны и другіе дефекты школы, какъ, напримѣръ, преобладаніе языковъ и второстепенное мѣсто, отводимое естественнымъ наукамъ, недостаточное примѣненіе предметнаго и эвристическаго методовъ преподаванія, а также обученіе, основанное не на интересѣ, а на дипломахъ, наградахъ, наказаніяхъ и экзаменахъ. Страна, гдѣ раньше всѣхъ будетъ строго проведена преемственность учебной системы, сокращеніе языкознанія въ пользу изученія природы и жизни, гдѣ будутъ введены усовершенствованные методы преподаванія и въ основу обученія будетъ положенъ интересъ, а не внѣшніе стимулы, — такая страна станетъ первой и въ области просвѣщенія и въ области экономической; а тѣ, кто слишкомъ запоздаетъ съ этой реформой школы, неминуемо сойдутъ со сцены. И передъ нами стоитъ альтернатива: либо теперь же безъ всякихъ замедленій провести радикальную реформу въ школьныя дѣла, либо ждать, что другіе народы подчинятъ насъ себѣ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Но, конечно, неблагопріятныя для прогрессивнаго развитія народа условія не исчерпываются только одною школою, потому что и недостатки самой школы являются продуктомъ болѣе широкихъ и болѣе сложныхъ внѣшнихъ условій.

И каждый изъ насъ, во имя прогрессивнаго развитія народа, долженъ бороться съ этими условіями, какъ гражданинъ и, кромѣ того, какъ педагогъ, работать надъ созданіемъ наиболѣе благопріятной семейной и школьной обстановки для воспитанія подрастающихъ поколѣній.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Введеніе 3

Глава I. **О теоріи развитія.** 65

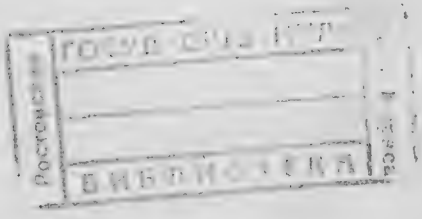
Глава II. **Стремленіе къ развитію.** 124

Глава III. **Въ поискахъ призванія.** 161

Глава IV. **Роль безсознательнаго въ стремленіи къ развитію.** 258

Глава V. **Упражненіе, какъ средство развитія.** 314

Глава VI. **Изъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтей.** 392

I. Развитіе мышечной ткани. II. Развитіе психическихъ способностей. III. Развитіе рѣчи. IV. Игры. V. Любовь къ чтенію. VI. Другія формы любознательности. VII. Вліяніе возраста на интересы дѣтей. VIII. Вліяніе пола на интересы дѣтей. IX. Подражаніе. X. Рисованіе.

Заключеніе. 586